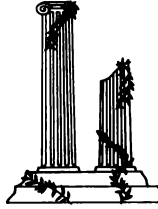

Диаспора

II

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

*Памяти
Владимира Аллоя
посвящается*

Альманах основан Владимиром Аллоем

Ответственный редактор:

Олег Коростелев

Россия, Москва, 125015, ул. Бутырская, д.9, кв.128

Тел.: 7095. 285.60.40. E-mail: okorostelev@mail.ru

Редактор:

Татьяна Притыкина

Россия, СПб, 196070, а/я 345

Тел.: 7812. 274.17.73. E-mail: isphenix@spb.cityline.ru

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева), д.22, кв.31. Тел.: 7812. 233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds. Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113. 233 32 89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia. Tel./Fax: 0332. 22 02 45. E-mail: elda.garetto@skylink.it

Диаспора
II

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

Феникс
Санкт-Петербург
2001

ББК 63.3
УДК [947+957]
Д-441

Д-441

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Вып.2.
СПб.: Феникс, 2001. 752 с., ил.

В настоящем томе альманаха читатель найдет: доклад молодого В.Набокова об убожестве советской беллетристики; начало публикации книги воспоминаний В.Вейдле; статьи о российских кинематографистах-эмигрантах во Франции, об утраченной книге Эллиса о Пушкине; материал об отношении П.М.Бизилли к евразийству; продолжение переписки Тэффи с Буниными, письма Гиппиус, Святополка-Мирского, Маклакова, Кленовского и много других материалов. В разделе «Библиография» – список книг, изданных В.Аллоем за четверть века. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3

ISBN 5-85042-077-0
ISBN 5-85042-079-7

© Феникс, 2001

Д

Наследие

В.Набоков
**НЕСКОЛЬКО СЛОВ
ОБ УБОЖЕСТВЕ СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ И
ПОПЫТКА УСТАНОВИТЬ ПРИЧИНЫ ОНОГО**
Публикация А.Долинина

Доклад В.Набокова о советской литературе был написан для прочтения в Берлинском литературном кружке, организованном Ю.Айхенвальдом, В.Татариновым и Р.Татариновой в конце 1925 г.¹ Прагматика живого кружкового выступления, адресованного узкому кругу «своих» слушателей и не предназначенного для печати, определила как отбор материала, так и характер его подачи и обсуждения. Хотя сам Набоков и предупреждает, что его доклад не претендует на исчерпывающую полноту, некоторые лакуны в нем с исторической дистанции могут показаться непростительными. Так, упомянув совершенно забытых ныне Пузанова и Быстрова, он не заметил Бабеля и не обратил внимания на то, что Зощенко быстро эволюционировал от разруганных в докладе ранних повестей, действительно грешащих достоинщиной, к оригинальному комическому сказу. Ничего не говорит докладчик и о таких прозаиках, чья принадлежность к советской литературе (и/или к беллетристике), видимо, была для него проблематичной: о М.Булгакове, Е.Замятине, М.Пришвине, В.Шкловском, И.Эренбурге.

Однако в задачи Набокова отнюдь не входило систематическое рассмотрение литературного процесса в СССР – его, в отличие от участников этого процесса, не интересовали ни хитросплетения советской культурной

¹ Об этом кружке см.: *Boyd V. Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton, 1990. P.256-257, 260; *Долинин А.* Доклады Владимира Набокова в Берлинском литературном кружке (Из рукописных материалов 20-х гг.) // *Звезда*. 1999. №4. С.7-11 (там же на с.12-22 опубликованы три доклада В.Набокова: *On Generalities*; *Гоголь*; *Человек и вещи*).

политики, ни нюансы литературной борьбы различных группировок, ни даже основные стилевые тенденции.

В форме язвительного литературного фельетона он стремился описать рождающуюся у него на глазах советскую прозу как единую систему, как некую идеологизированную разновидность паралитературы, генетически и типологически родственную бульварной беллетристике и нравоучительным книгам для юношества дореволюционного прошлого. В произведениях писателей, принадлежащих, по советской классификации, к разным течениям и группам, – «пролетария» Гладкова, «крестьянки» Сейфуллиной или «попутчика» Пильняка, за всеми красотами новомодного «орнаментального» стиля Набоков обнаруживает одни и те же сюжетные модели, одну и ту же расстановку функционально идентичных персонажей, один и тот же набор дидактически ориентированных тем. Пристрастный взгляд молодого писателя-эмигранта, наблюдающего за своими советскими современниками со стороны, как бы извне непосредственного контекста, улавливает в крайне пестрой картине «литературного сегодня» общую тенденцию к ритуализированной формульности, которая впоследствии станет определяющим признаком социалистического реализма². Как показывают более поздние тексты Набокова, в которых прямо обсуждается советская литература – стихотворный диалог «Разговор» (1928), «Рождественский рассказ» (1928), статьи «Торжество добродетели» (1930) и «Определения» (1940), – основные положения и оценки доклада имели для него принципиальный характер: каждый раз он возвращается к тезису о серости и провинциализме советских писателей, подчеркивая художественное убожество их несвободного творчества.

Рассматривая причины этого убожества, главную из них Набоков видит даже не в классовом подходе к человеку и не во внешней и внутренней цензуре, а в панисторизме. Все без исключения советские писатели, указывает он, находятся в плену исторического детерминизма, который заставляет их преувеличивать значение современных политических и социальных катаклизмов, тогда как истинный художник орудует «постоянными величинами», не зависящими от капризов «дуры-истории». Об этом же в набоковской «Защите Лузина» размышляет отец главного героя, литератор-эмигрант, который усматривает насилие над свободной волей художника в общепринятом мнении, будто бы революция «повлияла на ход жизни всякого русского; через нее нельзя было пропустить героя, не обжигая его, избежать ее было невозможно».

Свою собственную писательскую позицию Набоков изначально строил на отрицании историзма³, и советская литература играла для него роль контрастного фона, объекта для отталкивания, полемики и пародии. В этом смысле доклад с его монтажом разоблачающих (и не всегда точных) цитат, издевательским комментарием и установкой на выявление общего знаменателя у внешне разнородных явлений предвосхищает «сборные» пародии на

² См. об этом: *Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago, 1981.

³ См. об этом: *Dolinin A. Clío Laughs Last: Nabokov's Answer to Historicism // Nabokov and His Fiction: New Perspectives / Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 1999. P.197-215.*

советскую литературу в таких романах Набокова, как «Отчаяние», «Приглашение на казнь» или «Дар».

Доклад печатается по рукописи, хранящейся в Коллекции Берга (Berg Collection) Нью-Йоркской Публичной Библиотеки (Nabokov Archive. Box 1. F. 5). Орфография и пунктуация в цитатах исправлены по первоисточникам; добавлены отсутствующие в рукописи купюры, а слова, внесенные в цитируемый текст самим Набоковым, поставлены в квадратные скобки.

Я благодарен Д.В. Набокову, разрешившему мне ознакомиться с архивом отца и подготовить эту публикацию, а также хранителю Коллекции Берга Стивену Круку, любезно предоставившему в мое распоряжение копию рукописи.

У Лермонтова есть замечательное стихотворенье, начинающееся так: «Настанет год, России черный год...» и далее изображающее этот год, России черный год, когда «корона упадет» и страшные бедствия постигнут страну¹. В этом стихотворении мы задним числом видим пророчество, хотя, конечно, вряд ли поэт был обуреваем пророческой грозой, а вернее, по случайной прихоти вдохновенья натолкнулся на этот грозный образ. Да и пророчество его не совсем сбылось. Поэт ошибся в окраске. Настал для России не черный, а серый год – и это не серость камня или пепла, а тот оттенок серого, о котором думают французы, когда говорят, что ночью все кошки серы. Эта серая година, эта серая ночь России – которая, как мы увидим, обесцветила между прочим и русскую литературу – особенно хорошо воспримут ее скуку, когда придется им <так!> зубрить те пять-шесть страниц учебника для средних классов гимназий и прогимназий, те пять-шесть страниц, которые будут соответствовать серому году России. И неправы те, кто подумает, что я как-нибудь исключаю нынешнюю русскую эпоху из общего потока русской истории. Такие же серые – хоть и менее продолжительные времена – русская литература уже знала. Были такие годы в конце прошлого столетия – перед самой зарей символизма, были такие годы, когда в наших толстых журналах обильно и неудержимо разливалась серая, добродетельная муть общественно-настроенной литературщины. Но, кажется, еще никогда с таким обилием <и> апломбом эта серая, добродетельная муть не разливалась, как на страницах нынешних писателей русской земли.

Раньше чем приступить к разбору этой литературы, я хочу предупредить моих слушателей, что во-первых, – разбор будет крайне неполный (хотя одновременно постараюсь доказать, что в особой полноте такой разбор и не нуждается) и что во-вторых, – настоящий доклад есть плод не веселой творческой резвости, а плод тяжелой,

рыхлой скуки, – которая горбом на мне сидела, пока я читал произведения тех нескольких писателей, о которых стану говорить. И для того, чтобы сразу придти во вкус – и мне и вам – для того, чтобы сразу дать надлежащий тон, – и сразу показать, какие перлы я отыскал во время трудного моего прохождения по путям нынешней русской литературы, я предлагаю остановиться на одном писателе, который мало известен в так называемой эмиграции, но о великолепии которого гремела в России уж не одна статья. Имя этого писателя – Гладков, а название главного его произведения «Цемент»². Тема такая: с фронта возвращается к себе на завод – в одной из южных губерний – некий красноармеец Глеб, бывший рабочий. Оказывается, все пошло прахом: завод не действует, рабочие завели коз, полное запустенье. Глеб встречает своих бывших товарищей – Савчука и Лошака – и им говорит так (прошу особенно внимательно отметить тон этого заводского рабочего):

«– Здорово, хлопцы! <...> До какой же мерзоты довели вы производство, друзья!.. Расстрелять вас надо, товарищи дорогие...».

Савчук отвечает:

«– Глеб!.. Родной товарищ!.. Лошак, друг горбатый, разве не видишь? <...> [Это] наш Глеб, убитый и живой... Гляди же, Лошак. – Лошак сидел черным идолом и смотрел белками на Глеба»³.

Отмечу, кстати, что среди прочих физиологических курьезов, которые проделывают герои Гладкова, они смотрят не глазами, а непременно белками. Один из них даже ухитряется в этих белках сидеть: «Лошак продолжал сидеть в белках каменным идолом»⁴. Глеб появился на заводе как некий добрый гений – и рабочие после многих разговоров в повышенном тоне – с множеством: товарищ дорогой, друг горбатый, друг родной и т.д. – соглашаются, что действительно производство завода нужно поднять. Одним словом, Глеб – воплощенная добродетель – которая, как мы увидим дальше, и торжествует над всякими темными силами. Поговорив с Савчуком и Лошаком, он отправляется к жене, и тут начинается драма. Жена его – Даша – за годы его отсутствия несколько изменилась. Разговор происходит неприятный. Даша так отвечает на упреки Глеба:

«– Ты хочешь, Глеб, чтобы на оконцах кучерявились цветочки, а кровать надувалась пуховыми подушками? Нет, Глеб: зиму я живу в нетопленной каморке (топливный у нас кризис, знай), а обедаю в столовой нарпита. Ты видишь, я – свободная советская гражданка».

Глеб спрашивает:

«– А Нюрка? Может быть, ты и дочку выбросила? <...> Хорошее дело». (Опять прошу обратить внимание на тон. Особенно хорошо это «хорошее дело», отдающее одесским жаргоном.)

Нет, отвечает Даша, дочка в детдоме. Глеб угрожает ее оттуда – приволкнуть? «– Хорошо, Глеб. Я ничего не имею против. <...>

А так как мне нету досуга, ты будешь сидеть и питать ее с заботой. И [Даша] не гасила усмешки, и усмешка отражалась от стены опять на лицо и лицо обгноилось [или огнилось, не знаю] мутным накалом между черными пятнами во впадинах глаз. <...> [Глеб] оправился и раздавил сердце. Сам усмехнулся и проглотил со слюною кадык. <...> Но от сердца судорогой рвала мускулы горящая дрожь. <...> укрошенный, скрипел зубами от занозы в мозгу, <...> [сам] мосластый, бравый со сжатыми челюстями до провала щек»⁵.

Проделав все эти замечательные опыты со своими органами, Глеб уходит и продолжает свое добродетельное увещевание среди рабочих. Застает он Савчука дерущегося с женой Мотей: «Глеб вошел и засмеялся своим человеком»⁶. Посмеявшись своим человеком, он и говорит: «Савчук, друг ты мой пыльный! <...> Какой тебя бешеный пес укусил, товарищ милый»⁷. Тут вступает жена Мотя:

«— Чтобы достать совочек муки, разве я не ограбила наше гнездо и не стала голая, как блудница?»⁸ (это уже не Майн Рид, а Ветхий Завет).

Савчук говорит:

«— Завод... Что было и что есть, друг ты мой Глеб. Вспомни, как <...> пилы пели девчатами по весне. Эх, товарищ милый!.. Я же вылупился здесь из яйца... Я же не знал другой жизни без этого ада. <...> Он налил кровью кулаки и заскрипел зубами»⁹.

Глеб, продолжая свои экскурсии, попадает в ячейку. Это уже четвертая глава и называется она так: «Товарищ Жук, который кроет»¹⁰. Попав в коридор, Глеб встречает еще двух товарищей. «Оба четко резались на матовых квадратах плоскими профилями»¹¹. (Это мы, простые смертные, режемся в железку и режемся на экзаменах. А вот резаться плоскими профилями — это мы не умеем. У них вот есть какие-то и другие возможности в этой области.) Глеб — встретив старого друга, Жука, — приветствует его в своем обычном идиотически-напыщенном тоне. «— Здорово, друг! Кричишь, обличаешь? Когда перестанешь обличать? Командовать надо, <...> а ты скулишь, курносый. — В изумлении Жук выпучил глаза, и лицо его <...> раскололось на черепочки»¹². Наконец, еще с одним персонажем встречается Глеб; с инженером Клейст<ом>. Эта встреча настоящий кинематограф. Например, представьте себе такую вещь: богатый банкир наклеветал на нищего поклонника своей дочери — и поклонника упекли на каторгу. Но в один прекрасный день — нате вам — поклонник — небритый и проч. — возвращается как некая Немезида мужеского пола и — богатому банкиру — крышка. У Гладкова же дело обстоит так. Инженер Клейст однажды, до ухода Глеба на фронт, совершил большое преступление: когда казаки напали на завод и стали ловить коммунистов, то инженер Клейст допустил, чтобы и Глеба поймали. Глеба офицеры выпороли. Глеб бежал, попал на красный

фронт и с очередным скрипом зубов решил отомстить Клейсту. Вот он его и встречает. Инженер же буржуй буржуем живет у себя в доме (как он это ухитряется делать, неизвестно – ведь кругом сплошь рабочие-коммунисты, у которых губа не дура – и знают же они, что инженер помог тогда белым), живет он, значит, честь-честью, с верным слугой Якобом. Эту идиллию прерывает Глеб. Когда он неожиданно входит в кабинет, умный инженер спрашивает: «Почему же о вас не предупредил меня [слуга мой] Яков?». Глеб не менее умно отвечает – словно по грамматике Марго¹³: «Вашего Якоба я отправил на резку дров в бондарный цех, – и добавляет, – холуи не к быту нашей жизни. Вы меня должны помнить, товарищ технорук». Клейст отвечает: «– Да, я вас помню. Пусть так, но что же из этого следует?»¹⁴. Глеб скрипнул челюстями и ночью назначил инженеру свиданье. Когда Глеб пришел, то инженер испугался. «Парализованный, инженер Клейст стоял, прямо опираясь на парапет спиной, и голова его подбрасывала шляпу редкими срывными толчками»¹⁵. Подействовал ли на Глеба этот удивительный фокус или же, как намекает автор, он почувствовал, что инженер пригодится заводу и все личное нужно забыть, – не знаю, – но Глеб простил инженера Клейста. Дальше, – Глеб добивается у властей поднятия производства завода, работает, отражает белых и в свободные минуты все похаживает вокруг жены, удивляясь, что с ней творится: «Он улыбнулся ей влагой в глаза, <...> и в этот короткий момент ее молчанья он увидел, что в душе ее схватились зубами две силы. <...> глаза переливались твердой огранкой»¹⁶. Господа, нет нужды продолжать этот разбор. Автор докажет, что не в личной жизни дело, Глеб воскресит завод, и роман кончится речью Глеба и взмахом красного флага. Коммунистическая добродетель восторжествовала – и нечего долго барахолить – как выразился бы добродетельный Глеб. Но важно то, что вот такой тип литературы есть камертон всего русского производства в этой области.

Если мы теперь обратимся к Сейфуллиной, то мы найдем в ее «Виринее» ту же мертвую, фальшивую Дашу, а в манере письма, в ее передаче крестьянских разговоров ту же нестерпимую, самодовольную бездарность. Сейфуллина ниже Нагродской или Чарской, – хотя это тот же сорт дамской, мещанской литературы. Если мы извлечем несколько фраз из бульварного романа, например: «Молодой офицер упругими шагами вошел в роскошно обставленный будуар. Княжна Зизи встретила его томительно порочным взглядом, и, казалось, вся она – от лукавых губок и до каблучка нервно постукивающей ножки – отдавалась вошедшему». И возьмем такую фразочку из Сейфуллиной: «В охвате впервые тревожимых взрывами холмов лежала незаезженная мощно плодородная степь. И значительно полным томленьем дышала веснами ожидавшая зачатья земля. <...>

А от шлюх да от господ, дорогу строящих, хворь стыдная приметно по округе распространилась, бабы <...> затомились в войну без мужьев»¹⁷. Или еще такой перл: «Теперь, в час потайной и сладкий, ласковые пары в темноте тихой запрятались. Празднуют легкий час свой в несворотливых день на день, как близнец, схожих, натугой над землей, над хозяйством приглушенных днях»¹⁸. Эта безграмотная, напыщенная пошлятина, которой так и кишит госпожа Сейфуллина, хуже роскошных форм «княжон Фифи», и во всяком случае читается она труднее. Происходит замечательная вещь, появляется новый тип романа, который я назвал бы бульварно-деревенский. К этому бульварно-деревенскому типу принадлежит только что затронутый мной роман Гладкова. К этому типу принадлежит все, что написала и напишет Сейфуллина. Ее Виринея-Даша после бурной карьеры встречает солдата Павла (дело происходит в самом начале большевизма), который ничем не отличается от солдата Глеба. В бульварно-деревенском романе господа инженеры заменяют собой темных дельцов, банкиров и театральных директоров просто бульварных романов. У Сейфуллиной есть высоко комические, на мой вкус, страницы о том, как Виринею, попавшую на завод, стараются залучить к себе в качестве кухарки старые инженеры. Рассказывать содержание романа нет нужды, приведенные образцы могут послужить оправданьем этой ненужности. Позвольте, – может воскликнуть кто-нибудь, – но как же так, – разве у Сейфуллиной нет крестьянского быта, разве в этот быт она не проникает, не освещает его, разве она не раскрывает перед нами разные, подчас новые стороны крестьянской души, нынешнего крестьянского быта, которого мы, эмигранты, не знаем и знать не можем? Конечно, нет. Если какой-нибудь дурной писатель напишет книгу о не известном мне племени Ньям-Ньям, то я, не зная ровно ничего о племени Ньям-Ньям, заключу из самого факта бездарности книги, что все в ней фальшиво, что он вложил в свои изображения собственные свои прескучные теории и чувства. Равным образом я не стану читать дальневосточных походов Пьера Лоти¹⁹ или американских походов Шатобриана, чувствуя, что парижские бульвары погубили Лоти, а безудержный романтизм погубил Шатобриана. Зато, никогда не побывав в Индии, я, однако, сразу почувствую, что Бунин или Конрад мне говорят глубокую художественную правду. Бездарный писатель остается бездарным этнографом, если свои этнографические наблюдения преподносит в форме беллетристики. И если взглядеться в фольклор Сейфуллиной, то в нос бьет такой «à me slave à la Dostoevski»²⁰, что куда там всяким Клод<ам> Анз²¹ и прочим любителям экзотизма.

Однако раньше, чем дальше развить эту тему о махровой «à me slave» в советской литературе, я мимоходом, говоря о Сейфуллиной,

коснусь вопроса, который на своем месте тоже шире осветить, а именно вопроса о том, как нынешние русские писатели уже совершенно становятся невыносимыми, когда пытаются разобраться в психологии самых обычных человеческих отношений. Я смеялся, я задыхался от смеху, я сгибался в три погибели, пока читал глубоко-мысленный рассказ «В будний день» той же Сейфуллиной. В этом рассказе сгущен мотив, встречающийся почти у всех нынешних писателей, а именно: обманутый муж находит успокоение в партийной работе. Тут и истерическая ревность, и честный друг-коммунист, и сам герой, – но нужно бы весь рассказик прочесть, чтобы оценить его уморительное убожество. Это маленький рай для критика. Но книжки у меня под рукой нет, и я ограничусь выдержкой. Значит, так: она уехала, он окунулся в партийную работу. И кончается рассказ так: «Черт возьми, – [сказал он,] – у нас большие хозяйственные возможности. Тоскливая тусклость из глаз ушла <...> Живые были»²².

Но вернемся к «*âme slave*». Для этого обратимся к писателю Зощенко. Это писатель безобидный, серенький, сентиментальный, даже матюгается миндально, – одним словом, ежиком стриженная литература. Этот не скажет Петербург – все же белой гвардией пахнет, – но и не скажет Ленинград – все-таки совестно. Зато вот Питер можно написать, – Питер особенно любили говорить студенты из левых, а также горничные. Читаем рассказ Зощенко «Любовь»²³. Глупенькая фальшь. Некто Гришка, рабочий, любит чужую жену. Любовь эта не без коммунистической изюминки – но и не без пресловутого «люблю, жалею», т.е. простой русский человек говорит «жалею ее» вместо «люблю». Гришка бьет по зынзылу – сиречь морде – матроса-клеш за то, что тот отзывается о политике пренебрежительно. Гришка охотно целует грязный снежок на сапожке «ясечки» – сиречь любимой – и не менее охотно дебоширует. Ах, эти русские, и поклоненье перед женщиной, и дебош, и убийство!.. Удивительные наши. Да тут еще у Сейфуллиной в «Перегнутое» мужик, укукошив помещика, ласкает заблудшую козу²⁴. Глубокая черта! Удивительный народ! Вот значит, каков Гришка. Опошленный Достоевский, стиль приторный, со всякими «аж» и «ён», – и вдруг родимое, старенькое, интеллигентское: «Она сидела задумчиво. В сумерках всегда острее печаль». Возьмем еще другой рассказик Зощенки: «Лялька Пятьдесят». Максим обкрадывает и убивает торговку, чтобы принести деньги проститутке Ляльке. По пути к ней его самого обкрадывают. Приходит он к Ляльке с пустыми руками – она гонит его прочь. Писатель, видимо, полагает, что тут читатель должен пожалеть Максима – но какая уж тут жалость, когда живого слова в рассказе нет. «Есть в тебе сердце? – спросил Максим <...> – <...> Птицу жалеешь? Жалеешь попку?»²⁵ Одним словом, процветает «*âme*

slave». Я бы еще поговорил о других рассказах Зощенко – «Последний барин», в котором есть замечательный помещик, который одним своим поведением оправдывает, мол, тысячу революций. Этому помещику лакей читал Пушкина – из соседней комнаты (чтобы помещику не видеть смерда)²⁶. Рассказ в общем лакейский. Поговорил бы я о рассказах «Коза» и «Аполлон и Тамара»²⁷, да боюсь наскучить. Все это самая элементарная беллетристика. Автор прикидывается дурачком, – а зачем, неизвестно. О художественной ценности его рассказов нельзя серьезно говорить. И странно сказать, – не Россией пахнет от них, а какой-то западной славянщиной, каким-то сербским или болгарским фольклором... Мимо...

Похож на Зощенко Пантелеймон Романов, рассказы которого так охотно печатает «Руль». Заметок я, к сожалению, не делал, пока читал его, – на память надеялся, – и теперь с ужасом чувствую, что о нем ничего не могу сказать, кроме того, что мне читать его было ужасно скучно. Писатель он маленький, – вот что я тоже помню, – писать может только об одном – подслушает два-три разговора, вот и готов рассказ. И если уж каяться, то каяться до конца. Читал я на днях Леонова «Барсуки» и тоже не делал заметок, а книжку отдал, и опять должен признаться, что удивительно все смешалось в голове. А Леонов, да вот Федин, пожалуй, единственные писатели сейчас в России, которых можно читать если и не с художественным упоением, то без того омерзенья, которое вызывают Гладков, Сейфуллина, Быстров, Пузанов²⁸ и т.д. И все-таки «Барсуки» очень чем-то похожи на ту же «Виринею» – и такой же там добродетельный сильный человек, который знает как раз, что нужно сделать, чем помочь. Быть может, меня оглушила эта волна всякой дряни, и просто уж сил не было искать хорошее. Но как не придти в уныние, как даже у писателя, как, например, Пильняк, у которого так хочется найти что-нибудь хорошее, – оттого, что у него есть по крайней мере известный размах – как не придти в уныние, когда у него читаешь такой нелепый, ненужный, лживый рассказище, как, например, его «Мать сыра-земля». Главный герой этого рассказа «о лесе и мужиках, – пишет в виде трафаретного лирического отступления Пильняк, – (кроме лесничего Антона Ивановича Некульева, кроме кожевенницы Арины – Ирины – Сергеевны Арсеньевой, кроме лета, оврагов, свистов и посвистов) – главный герой – волчонок»²⁹. Однако оказывается, что не только этот волчонок, купленный Ириной, не является во все героем, а мелькает тут и там, как нудное отступление, – оказывается, что это даже не волчонок, а лисенок. Зачем все это нужно – Бог весть. А рассказ состоит вот в чем. В этих волжских краях, которые изображает Пильняк, крестьяне безжалостно рубят лес. После насильственной смерти лесничего, приезжает его заместитель Некульев. Я ходил его встречать сквозь дебри пильняковской прозы – и что

же, – Господи! – старый наш знакомый, гладковский Глеб, сейфуллинский Павел, – та же честность, тот же скрип челюстей, та же суровость, та же верность коммунизму. Этот наш старый знакомый начинает бороться с порубщиком. Несколько раз его чуть-чуть не убивают мужики, но в конце концов все обходится благополучно. Между прочим он сходится с этой самой кожевенницей Ириной Сергеевной. И вот описание: «Такие люди, как Некульев (читай: честный коммунист), стыдливы в любви – они целомудренны и правдивы всюду. Иногда, во имя политики и во имя жизни, они лгут – это не есть ложь и лицемерие, но есть веселая хитрость; – с собою они целомудренно-чисты и прямолинейны и строги. – Тогда, в [тот] <...> день, <...> солнце ввалилось в контору и было очень бодро; – и потом, через немногие дни – в той же лунной неделе, в лунной и росной мути, Некульев сказал – всем солнцем и всем прекраснейшим человеческим – “люблю, люблю”, – чтобы в этой любви были только солнце и человек: тогда пьяно пахло липами и была красная луна <...> [и] остались только луна, только мать сыра-земля, и она отдалась ему – девушка – женщина в тридцать лет, отдав все, что собрано было за эти тридцать весен»³⁰.

Полагаю, что это выпренное словоблудие отнюдь не литература. Как бы то ни было, Некульев alias Глеб alias Павел вскоре замечает, что от кожевенницы Ирины пахнет кожей, а тут, кстати, и белые наступают. Глеб-Некульев и говорит: «Товарищи, я уйду от вас, в Красную Армию. Поступайте как знаете. Если хотите, идемте за мной». Ирине он оставляет записку: «Арина, прости меня. Я был честен – и с тобой и с собой. Прощай, прости навсегда, ты научила меня быть революционером»³¹. Казаки нападают, насилуют и сажают на кол Арину.

И тут мне хотелось бы отметить вот что: не всегда советские писатели представляют белых зверьми. Тут есть тонкий маневр. Общий смысл, конечно, всегда – негодование против контрреволюционера – но какой тонкий маневр – изредка, в одном месте романа: показать, как казак почувствовал человеческую жалость – тонко ведь, ибо читатель рассуждает так: вот это беспристрастие. Где же тут коммунистическая тенденциозность? Смотрите, ведь автор даже находит среди них добрых. Такой добрый казак есть у Гладкова в «Цементе». Казак отпускает Дашу, но зато, правда, припасены к концу трое офицеров, которые ее изнасилуют. Тот же прием, но только с другой стороны, есть в пресловутых романах Краснова³². Помилуйте, говорит читатель из зубров, какой же он юдофоб, ведь у него есть еврейка, которая спасает жизнь белому офицеру! Но зоркого критика этот прием, эта военная тактика, обмануть не может.

Возвращаясь к типу честного коммуниста (Глеб, Павел, Некульев), я хочу отметить, что появление этого типа есть завершение та-

кой линии: резонер старых пьес; затем чеховский Львов³³; и, наконец, честный коммунист. Прямое и естественное развитие. Эта же линия, может быть, слегка касается и Базарова, и Санина. Поэтому ошибочно думать, что русская революция дала нового героя литературы. Будучи «делом массы», то есть посредственности, ничего создать она и не может, зато ухватилась и естественным образом развила самый посредственный тип в русской литературе, линию, идущую, повторяю, от старосветских резонеров через Львова в пьесе «Иванов» до нашего друга Глеба-Павла-Некульева.

Об удивительном однообразии этих писателей я еще буду говорить, но позволю себе уже сейчас – раз я сопоставил Глеба Гладкова с Некулевым Пильняка – позволю себе отметить тождественную разработку темы: у одного рабочие распродают сталь, и Глеб во имя производства завода прекращает это; а у другого мужики рубят лес, и Никулин это прекращает во имя лесного дела.

И вот еще что: ни с одним из этих писателей женщину нельзя оставить одну. Даша, Вириная, Арина – всех при первом же удобном случае насилуют. У Всеволода Иванова – у которого, кстати, есть что-то не то от добрых старых Кавказских очерков³⁴, не то от «Княжны Джавахвы» Чарской³⁵ – есть, однако, рассказ, построенный на том, что чуть ли не целый полк метит на одну женщину, а она не только спасается, но и убивает трех самых настойчивых любострастников. Рассказ этот – называется он «Пустыня Тууб», что уже является известной рекомендацией экзотической вульгарности, – происходит в туркменской обстановке, совершенно уморителен и совершенно бездарен. Начинается он так: «Экая гайдучая трава...»³⁶. Полагаю, что продолжать не стоит.

Но женщину не только преследуют в южных степях, ей не дают покоя даже в полярных снегах. Речь идет о рассказе Пильняка «Заволочье». Эпиграфами к нему служат отрывочек из ученого сочинения и строчка из Даля: «*Полундра!*» значит по-поморски «Берегись!»³⁷. Эпиграфы из Даля вообще не мешало поставить перед каждым рассказом Пильняка. В этом же рассказе Пильняк описывает полярную экспедицию. Читателя он берет страхом. Ужасы нагромождаются как льдина на льдину – и почему-то вспоминаешь Леонида Андреева. Впрочем, описанья некоторые, несомненно, хороши, – зато с психологией дело обстоит из рук вон плохо. Встречаем профессора, который очень много возится с котенком, несмотря на всякие опасности. Вспоминаем недавнего волчонка и скучаем. Среди экспедиции есть одна женщина. С самой первой строчки, в которой она упоминается, я уже совершенно точно знал, что ее ждет в полярных снегах. Среди людей, заброшенных на Шпицберген, пробуждается особый непреодолимый голод, женщина в них вносит рознь, и капитан – тоже что-то вроде честного коммуниста – во имя спасе-

ния экспедиции, т.е. массы, убивает женщину, т.е. индивидуума. И неужели у Пильняка так мало художественного чутья, чтобы понять, что такая «драма на полюсе» безнадежно губит его рассказ? Конечно, такая вещь могла бы быть, — но чутье должно было бы подсказать писателю, что о ней писать — значит вносить ужасную какую-то фальшь в рассказ, написанный в общем правдиво. Поучился бы он у англичан, в этом смысле.

И тут, после того, как я упомянул о полюсе, об англичанах, пора мой доклад вытащить из хлябей русских ландшафтов, из области фольклора, бульварно-деревенских вымыслов и внутренней советской политики, — пора на мгновенье (ибо ко всему этому мне поневоле еще раз придется вернуться) вытащить его в другие области, а именно в отображенья чужих земель теми же русскими писателями. Оставляя в стороне, что в своих т<ак> н<азываемых> английских рассказах Пильняк щегольски называет автобус — бэсс (через 2 с!), хотя если уж писать английские названия, то нужно было бы бус с одним с, и называет автомобиль — карр — через два р, хотя достаточно и одного³⁸, — оставляя это в стороне, мы можем сразу отметить, что эти рассказы Пильняка дышат самым наивным провинциализмом. Я вообще сторонник того мнения, что самой культурной страной в мире, несмотря на пресловутый большевизм, является Россия. Но я совершенно не терплю, когда русский — да еще писатель, — попав в чужую страну, начинает с таким презреньем поглядывать по сторонам, рассуждать о лицемерии или тупости того или другого народа и вообще проявлять тот дешевый провинциальный претенциозный шовинизм, который так похож на простую человеческую глупость. С насмешкой, с хихиканьем движется Пильняк по Англии, и даже когда хвалит он что-нибудь, то в его похвале есть какой-то оттенок презренья. Отдельных примеров приводить не стану, — нужно всю книжку прочесть. Таким провинциализмом грешит и Федин — роман «Города и годы» — в его описании Германии, маленького немецкого города вроде Нюрнберга. Его наблюдения основаны на предвзятом мнении-клише. Мне переводчик Греггер³⁹ говорил, что немцы, читая Федина, резонно возражали: какое нам дело до фантазий какого-то Федина. Изображать немцев в виде колбасников и частных бургеров очень унижительно для художника, а когда Федин — или герой Федина Андрей — ужасается вплоть до кошмара, что у немцев бывают публичные казни, что голова одного знаменитого разбойника находится в музейной банке и что в изображение этой самой головы бургер на ярмарке бросает мяч, — когда по поводу этого Федин так ужасается, то приходится допустить, что либо на родине Федина никогда не казнят, либо Федин читателя попросту морочит. Кроме этих ужасов, он еще преподносит нам неизбежных глупеньких юнкеров и пьяных студентов и, так же как Пильняк в

Англии, все как-то похохатывает, не то хвалит, не то хает, и в общем валяет дурака. От этого роман не выигрывает, и сопоставление немецких частей его с русскими производит самое комическое впечатление. Но, нужно признаться, Федин грамотный и даже, пожалуй больше, талантливый писатель. Иной образ его приятно изумляет. Но фабула романа – нелепые совпадения, туманность героя, старающегося быть Глебом Павловичем Некульевым и не достигающего этого, и, наконец, мелодраматический конец, когда героиня, фрейлин Мари, прикатывает неожиданно в Петербург, – вся эта громоздкая, запутанная, неглубокая фабула лишает роман Фебина какого бы то ни было значения. В самом его начале я отметил и выписал следующее: профессор в Петербурге возвращается с ночных работ домой и поет Марсельезу («песню, которой нет равной») и потом восклицает: «Еще один раз родиться! <...> Через сто лет! Чтобы увидеть, как люди плачут при одном упоминании об этих годах, чтобы где-нибудь поклониться истлевшему куску знамени, почитать оперативную сводку штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии! [Вот эту газету (указывает на газету в руке)], ...частичку этого листа через сто лет человечество сохранит как мощи, как святую святых...»⁴⁰

Я думаю, профессор жестоко ошибается. И эта мысль приводит меня обратно к тому тезису, который я выставил в начале доклада, а именно: наши годы – этот серый год России – потомки наши, особенно школьники, помянут вполне понятным зевком. Вряд ли есть кто-нибудь сейчас во Франции, кто лелеет, как мощи, номер «*Meuse de France*» от 1789 года. Вряд ли и наши потомки станут лелеять «Известия» и «Правду» – все эти органы коммунистических мещан. И, главное, вряд ли какое-либо из тех имен, которые я назвал в течение этого доклада, дотащится до тех далеких дней. Ибо серый год России породил серенькую литературу. Все эти писатели исходят из точки зрения, что революция – какое-то апокалиптическое событие, которое перевернет мир, – что мировая война изменила какие-то пути, какие-то ценности. Такая точка зрения губит художника, и в этом я усматриваю первую причину нехудожественности русской литературы. Художник – человек, оруduющий постоянными величинами. Затем: эти писатели потеряли чувство человека и заменили его чувством класса. Иначе говоря, человеком движут не человеческие обыкновенные, и в своей повседневности необычайные, чувства, а какие-то посторонние, внешние, классово-массовые ощущения, которые оскоряют творчество. В этом я вижу вторую причину нищеты их духа.

Дальше... Круг их наблюденья чрезвычайно узок. Как в старых комедиях всегда одни и те же лица – опекун, субретка, кавалер, слуга кавалера и т.д., так и в узком поле зрения советских беллетристов

движутся все одни и те же персонажи. Мужик, склонный к коммунизму, просто коммунист, честный коммунист, красноармеец, баба, склонная к коммунизму, просто коммунистка и т.д. с выходцами с того света – инженерами, офицерами, профессорами и т.д. Комбинации при этом ограниченном материале тоже ограниченные. Отсюда – гнетущее однообразие положений, отношений, развязок. В этом я вижу третью причину.

Затем: некультурность, необразованность писателей. Я уверен, что 99% из них не читали Бальзака или Флобера. Мало того, я не уверен, что большинство из них читали Чехова, Щедрина, Лескова, Бунина. Отсюда необычайная наивность их стиля, необычайное однообразие словесной волны. И не только литературная культурность отсутствует у них, но культурность вообще – не только, например, познания в области мировой истории, а тот неуловимый оттенок культурности, наличие которого даже в малообразованном человеке сразу позволяет назвать его культурным. Ну и простой образованности у них не много. Мало знать, что в волжских губерниях вылазина значит сброшенная шкура змеи. И в этом недостатке или даже просто отсутствии всякой культуры я вижу четвертую причину убожества советской литературы.

Наконец есть еще пятая – так сказать, внешняя – причина. Это та растворенная в воздухе, тяжелая, таинственная цензура, которая является, я бы сказал, удивительным, пожалуй, единственным талантливым достижением советской власти. Должен, однако, добавить, что господа Гладков, Быстров и т.д. и госпожи Сейфуллина и Форш⁴¹ вряд ли писали бы лучше, или хотя бы «белее», даже если цензура исчезла.

Мне кажется, что эти пять причин – вера в исторические катаклизмы, классовое мировосприятие, узость поля зрения, некультурность, цензура – суть несомненные и главные причины временного упадка российской литературы. Полагаю, что это есть явление отнюдь не отрицательное. Это есть своего рода отдых. У людей – даже очень больших людей – бывает такая пора на границе отрочества и юности, когда они становятся невыносимы для окружающих, – грубоваты, мешковаты, прыщеваты. И вот я думаю, что именно такую пору переживает русская литература, забывшая своих чудесных нянек и те времена своего изумительного детства, когда она была так хороша, так тонка, так жизнерадостна, так отзывчива на каждую мелочь. Но это ничего. Юность ее еще впереди, – и литература с таким детством не может не иметь блистательной унижительной юности. И может быть, как знать, – вовсе не из той среды, откуда выходят Гладковы и Сейфуллины, выйдут те, которые продолжат дело первых пестунов русской музыки. Мне иногда мнится, что эти грядущие писатели будут созданы из чудес изгнания и чудес возвращения. На

этом я и закончу свой доклад. Повторяю, он крайне не полный. Я, например, даже не упомянул о Лидине⁴² и об Яковлеве⁴³, хотя читал их. Но какие бы упреки такого рода мне ни бросили, каких бы новых имен мне ни предложили для разбора, я твердо объявляю, что долго – целый год, может быть, – я к советской литературе и не прикоснусь, ибо такую скуку, которую я испытал за то время, пока я читал, одного за другим, советских беллетристов, – такую скуку я вновь пережить не намерен.

11-VI-1926

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду стихотворение Лермонтова «Предсказание» (1830).

² Роман Ф.Гладкова «Цемент», впервые напечатанный в «Красной нови» (1925. №1-6), вызвал оживленную дискуссию в советской печати и прежде всего в журнале «На литературном посту» (1926. №1-4).

³ Гладков Ф. Цемент. М.; Л., 1926. С.26.

⁴ У Гладкова: «Лошак сидел в белках каменным идиолом» (Там же. С.24).

⁵ Там же. С.32, 33, 34, 35.

⁶ У Гладкова: «И Глеб засмеялся, как свой человек» (Там же. С.12).

⁷ У Гладкова: «Какой тебя бешеный пес укусил, бондарь?» (Там же. С.12).

⁸ У Гладкова «потаскуха» вместо «блудница» (Там же).

⁹ Там же. С.15.

¹⁰ У Гладкова это первая подглавка главы III («Партком»).

¹¹ Там же. С.46.

¹² Там же. С.47.

¹³ Имеется в виду учебник французского языка «Cours elementaire et progressif de langue française» Давида Давидовича Марго (1823–878) и многочисленные пособия, составленные на его основе (см., например: Пособие при изучении французской грамматики Марго: Курс средних учебных заведений. М., 1877).

¹⁴ Гладков Ф. Цемент. С.84. Вместо «я отправил» в источнике «мы отправим».

¹⁵ Там же. С.92.

¹⁶ Там же. С.313.

¹⁷ Сейфуллина Л.Н. Собр. соч. 3-е изд. М., 1925. Т.2. С.18-19, 53.

¹⁸ Там же. С.25.

¹⁹ Пьер Лоти (наст. имя Луи Мари Жульен Вио; 1850–1923) – французский писатель, создатель популярного жанра «колонийального романа», изображающего экзотический Восток с точки зрения европейских цивилизаторов.

²⁰ «Славянская душа на манер Достоевского» (франц.).

²¹ Клод Анэ (наст. имя Жан Шопфер; 1868–1931) – французский писатель и журналист, проведший несколько лет в России в качестве иностранного корреспондента и написавший несколько книг на русские темы. Его амурно-экзотический роман «Русская девушка Ариадна» (1920) упомянут в повести Набокова «Соглядатай» как образец бульварного чтива.

²² Сейфуллина Л.Н. Собр.соч. Т.2. С.143.

²³ Рассказ был опубликован в «Литературной неделе» (1922. №9), приложении к «Петроградской газете», и в сборники Зощенко 1922–1926 гг. не включался. Набоков, по-видимому, был знаком с ним по какой-нибудь перепечатке в эмигрантской прессе.

²⁴ Герой повести Л.Сейфуллиной «Пережной» коммунист Софрон с товарищами убивает сельского доктора и его жену, которых подозревают в связях с белыми казаками. На обратном пути Софрон замечает блеющего новорожденного барашка: «Софрон подошел, поднял шаршавой рукой нежное трепещущее существо и прижал к шинели: – Бяшка, бяшка. Тварь дурацкая! Напужался?» (Сейфуллина Л.Н. Собр. соч. Т.1. С.251).

²⁵ Красная новь. 1922. №1. С.35. В источнике: «сказал Максим». Рассказ вошел также в сборник Зощенко «Разнотык» (Пг., 1923).

²⁶ У Зощенко лакей читает барину не Пушкина, а «разные романы и повести» (Зощенко М. Веселая жизнь. Л., 1924. С.49).

²⁷ Рассказы из сборника «Веселая жизнь».

²⁸ Набокову, по-видимому, попался на глаза №8 журнала «Красная новь» за 1925 г., который открывался рассказами малоизвестных «крестьянских» писателей С.Ф.Быстрова (С.3-19) и Вен. Пузанова (С.20-29).

²⁹ Пильняк Б. Собр. соч. М.; Л., 1925. Т.5: Мать сыра-земля. С.8.

³⁰ Там же. С.66.

³¹ Там же. С.69.

³² Имеются в виду романы генерала П.Н.Краснова (1869–1947), который начал писать беллетристику еще до революции, а в эмиграции опубликовал автобиографическую эпопею в четырех томах «От двуглавого орла к красному знамени. 1894–1921» (1921) и ряд других произведений, имевших успех у самой невзыскательной публики, зараженной юдофобством и имперской ностальгией.

³³ Евгений Константинович Львов, молодой земский врач – персонаж пьесы Чехова «Иванов» (первая ред. 1887; вторая ред. 1889).

³⁴ «Кавказские очерки» (1834–1836) – цикл из пяти повестей А.А.Бестужева-Марлинского.

³⁵ «Княжна Джаваха» (1903) – наиболее известная из повестей Лидии Чарской о жизни институток.

³⁶ Иванов Вс. Пустыня Тууб-Коя // Круг: Альманах. Кн.4. М., 1925. С.199.

³⁷ См.: Пильняк Б. Собр. соч. Т.5. С.145-250.

³⁸ Ср.: «улица <...> была так запружена тэкси, бэссами и каррами» (*Пильняк Б. Английские рассказы. М.; Л., 1924. С.7*).

³⁹ Грегер Вольфганг Э. (Groeger; 1882–?) – немецкий переводчик русской поэзии и прозы, издатель серии «Русская литература в зеркале литературы». Наибольшую известность имел его перевод поэмы Блока «Двенадцать» (см. о нем: *Дудкин В.В. Блок в Германии // Александр Блок: Новые исследования и материалы. Кн.5. М., 1993. С.248-249; Нечипорук Е.И. Поэма «Двенадцать» в переводах на немецкий язык // Там же. С.309-329*).

⁴⁰ У Федина: «человечество в антиминос зашьет, как мощи, как святуго святых!» (*Федин К. Города и годы: Роман. Л., 1924. С.26*).

⁴¹ Набоков, по-видимому, имеет в виду сборник рассказов Ольги Форш «Обыватели» (М.; Пб., 1923).

⁴² Владимир Германович Лидин (1894–1979) в первой половине 1920-х был одним из самых плодовитых советских прозаиков; с 1922 по 1925 выпустил 12 книг, в том числе повесть «Морской сквозняк» (1923), разоблачающую современную европейскую буржуазию. В стихотворном диалоге «Разговор» (1928) Набоков контаминировал фамилии Лидина и Пильняка, как писателей, часто пишущих о зарубежных странах: «*Критик <...> Добро еще, что пишут дома, – / а то какой-нибудь Лидняк, / как путешествующий купчик, / на мир глядит и пучит зрак, / и ужасается, голубчик: / куда бы ни поехал он, / в Бордо ли, в Токио, – все то же: / матросов бронзовые рожи / и в переулочке притон*» (*Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т.2: 1926–1930. С.588*).

⁴³ Александр Степанович Яковлев (1886–1953) – советский прозаик, автор выдержавшей несколько изданий повести «Октябрь» (1923) и других агитпроповских произведений. Как и Лидин, отдал дань орнаментальному стилю, злоупотреблял смешанными, цветистыми метафорами, инверсиями и фольклоризмами.

В.Вейdle

ВОСПОМИНАНИЯ

*Вступительная статья, публикация и комментарии
И.Доронченкова*

Обращаясь к читателю своих воспоминаний, Владимир Васильевич Вейdle (1895–1979) писал, что его жизнь сложилась неожиданно благополучно¹. Внебрачный ребенок служанки из остзейских земель, усыновленный вскоре после рождения семьей предпринимателя, он в 1916 окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, осенью 1917 уехал в его новооткрытый пермский филиал, в 1921–1924 снова жил в Петрограде, преподавал историю средневекового искусства, участвовал в литературной жизни, посетил в 1922 Германию и наконец под предлогом научной командировки покинул Россию в 1924.

Парижская жизнь Вейdle, поначалу просто бедная, всегда отличалась материальной скромностью, однако редкую духовную полноту и интенсивность ей сообщила среда: эмигранты (В.Ф.Ходасевич, о. С.Булгаков, Г.П.Федотов и др.), французские литераторы и философы, а также богатейшие книгохранилища и музеи Европы. Имевшему склонность скорее к научному труду и университетскому преподаванию, Вейdle пришлось сделаться журналистом и «просветителем»: он выступал с лекциями в различных аудиториях, вел курс истории религиозного искусства в Богословском институте и много печатался как художественный и литературный критик. Необходимость зарабатывать пером (в 1920–1930-х – в русской и французской прессе, в 1950–1970-х, главным образом, на радио «Свобода») часто вела к тому, что один и тот же текст издавался несколько раз, порой под разными названиями, но никогда не приобретал при этом поверхностности, часто свойственной поденной журналистике. Практически все его сочинения – вплоть до газетных рецензий – отмечены цельностью взгляда и глубинной серьезностью, свидетельствующими не только о присущем ему мышлении ученого, но и о том, что мышлением этим руководил моральный закон.

¹ Вейdle В. Зимнее солнце. Из ранних воспоминаний. Вашингтон, 1976. С.3.

Всю жизнь Вейдле занимал ряд взаимосвязанных вопросов – природа и смысл художественного творчества, культурная традиция в современном мире, Европа как целостный организм, место России в Европе. В начале 1930-х центральной стала проблема постепенной, но неуклонной внутренней мутации художественного творчества, которая с рубежа XVIII–XIX веков охватила самые широкие его сферы. Свою концепцию современного состояния культуры, по-разному перекликающуюся с идеями П.Клоделя, Ж.Маритена, Т.С.Элиота, Х.Ортеги-и-Гассета, Х.Зедльмайра, а среди русских мыслителей – Н.Бердяева, Г.Федотова, П.Муратова, Вейдле изложил в книге, которую считал главным из своих осуществленных трудов – «Умирание искусства» (Париж, 1937)².

В 1952 Вейдле завершил преподавание в Богословском институте и на пять лет стал штатным сотрудником (директором программ) мюнхенской радиостанции «Освобождение» (впоследствии «Свобода»), сотрудничество с которой продолжал до конца жизни. Несмотря на то, что работа в пропагандистском учреждении с очевидностью требовала политической ангажированности, взгляды Вейдле вряд ли могут быть буквально соотнесены с каким-либо идеологическим течением в русской эмиграции. Скорее, более отчетливо проявлялся «негативный» аспект политической позиции Вейдле – он был безусловным противником советского режима, который означал для него не только попрание индивидуальных свобод, уничтожение миллионов людей, но также – не в последнюю очередь – изоляцию, насильственно противопоставившую Россию Европе и таким образом провинциализировавшую страну.

Оценивая опыт русской культуры начала двадцатого столетия, Вейдле видел ее важнейшее достижение в постепенном освобождении от самодостаточности: «...постоянное общение с Западом, открытость Западу содействовало установлению таких мерил, таких критериев оценки – все равно, западного или нашего духовного наследства, – которым был присущ обще-европейский характер, а не какой-нибудь местный (и потому провинциальный). Перестали рассуждать так: для нас, мол, и Глеб Успенский – большая величина, да и Шеллер-Михайлов – кое-кто, хотя, может быть, во Франции или Англии их бы крупными писателями и не признали. Стали рассуждать иначе: “Последний день Помпеи” Брюллова – картина знаменитая, но посредственная, никакого сравнения с Делакруа она выдержать не может, а вот “Троицу” Рублева можно сравнивать с чем угодно, а по обще-европейской мерке – или по мировой – она все равно будет гениальным произведением. Это одно уже было немалым достижением “серебряного века”»³.

² В 1936 книга вышла по-французски под названием «Les abeilles d'Aristée» («Пчелы Аристея»). Подробнее о книге, в том числе библиографию переводов, см.: Доронченков И.А. Владимир Вейдле. Путь к книге // Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. СПб.: Аxiома, 1996. С.195-239.

³ Вейдле В. Дневник писателя (Радиобеседы). № 3: Серебряный век (1958). – Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (New York). W.Weidle collection (далее – WA). Box 18.

Взгляды Вейдле можно охарактеризовать как «новое западничество»⁴. Эта позиция, восходящая к ряду идей Достоевского, но знаменательно лишенная мессианского пафоса, по-разному выражалась в начале века, например, у А.Н.Бенуа или П.П.Муратова. Суть ее не в социальной или технической модернизации, а в осознании культурного своеобразия России как неотъемлемой части христианской Европы, в осмыслении европейской истории как общего прошлого Запада и России, которое должно воздействовать на направление и характер будущего развития страны. В сочинениях Вейдле эта позиция с самого начала приобрела полемический характер⁵, а потому была сформулирована более отчетливо и решительно, чем, к примеру, в предреволюционной эссеистике Муратова. Такая особенность связана с идейной борьбой вокруг евразийства и с усилением культурной автаркии и архаических черт в социальной организации советского государства. Наконец, Вейдле-«Версильев» стремился не столько идейно вооружить Европу перед лицом вероятной агрессии тоталитарной системы извне⁶, сколько, казалось бы неожиданно, внутренне защитить ее от самой себя. Десятилетия прожив на Западе, он наблюдал различные процессы, ведущие, по его мнению, к общим следствиям: прогресс индустриальной цивилизации, падение роли Европы в геостратегической борьбе 1950–1970-х, эгалитаристские и потребительские тенденции демократических обществ, растущий технизм современного мышления, который в области гуманитарных наук выражался в усилении восходящих к лингвистике позитивистских методов. Приверженец иерархической, логоцентричной, религиозно осмысленной культуры, Вейдле имел внутреннее основание написать, готовя проект неосуществленной книги «L'Europe perdue et retrouvée» («Европа потерянная и обретенная»): «Европа теперь в известном смысле висит в воздухе. Ее ценности должны сами за себя стоять»⁷.

В пору европейского объединения стоит осмыслить вклад русских эмигрантов в сложение концепции «единой Европы». Оказавшиеся за рубежом представители западной интеллигенции столкнулись с необходимостью осмыслить Старый Свет как динамическую целостность, меняющую свои очертания и центры и в развитии кристаллизующую собственное содержание. Вейдле занимает в этом ряду особое место⁸. Однако, посвятив

⁴ Ср.: «Это западничество – не белинско-герценовское, а христианское, но включающее и античное наследие – общее для всей Европы» (Иваск Ю. Владимир Васильевич Вейдле // Новый журнал. 1979. Кн.136. С.215).

⁵ См.: Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. Составляющие книгу статьи написаны в 1930-е.

⁶ Ср.: «Мне кажется, я смог бы с перочинным ножом в руках защищать – не от большевиков, а и просто от русских, – скажем, Марбург, Шартр, Толедо, Равенну» (письмо Ю.П.Иваска Ф.А.Степуну. 14 апреля 1956 г. – Yale University. The Beinecke Rare Book and Manuscript Library. F.A.Stepun collection. Box 15). Воинственность этих слов Иваска могла вызвать улыбку его многолетнего собеседника Вейдле, но смысл их почти наверняка встретил бы понимание.

⁷ Рабочие записи к книге. 19 января 1960. – ВА. Вох 28.

⁸ Помимо книги «Задача России» (см. примеч. 5), в которой вопрос европейского единства рассматривается с точки зрения принадлежности к нему России, можно назвать следующие статьи Вейдле: 1) Франция, Германия, Европа.

многие годы проблеме культурной целостности континента, он сознательно избрал окраинную позицию в «футуристически» ориентированной духовной жизни двадцатого века. Будущее занимало его настолько, насколько оно сохраняло в себе ценности прошлого. Его самоощущение европейца определяют слова о путешественниках в Вечном городе, которые понимали, что «...незадолго до них он безупречнее был Римом, чем при них»⁹. Ту же особенность в отношении к Европе он открывает и у Пушкина: «Современностью его Европа не только не исчерпывалась, но и чем дальше, тем больше ей противопоставалась. <...> Он ее еще видел целиком такой, какой некогда она была, а не такой, какой постепенно становилась; именно эту Европу он для России открыл, России вернул, <...> старую, великую Европу, в ее силе, в ее здоровье, с еще не растраченными огнями ее души»¹⁰. В одной из радиопередач 1967 г., размышляя о понятии «просвещение» и связанных с ним категориях, Вейдле говорил: «Это различие едва ли не всех важней. Цивилизации не нужна история; она ее не помнит; а если начнет вспоминать, то не увидит в ней ничего, кроме “прогресса”, приведшего именно к ней, к цивилизации, которая нынче налицо. Культура, напротив, есть сплошное воспоминание и продолжение, порой отталкивание от прошлого, порой любованье им и частичное возвращение к нему, но никогда не игнорирование его и своей с ним связи»¹¹.

Определив таким образом центральную, по его мнению, проблему современности, Вейдле попытался наметить путь ее разрешения: «Растворить культуру в массовой цивилизации нельзя, ее не убив; но ведь мыслимо сохранить ее – не засохшей, а живой – внутри этой цивилизации, которую она одна способна оживить и очеловечить. Раз это мыслимо, значит, это и возможно. Все усилия лучших людей, ныне живущих или еще не рожденных, должны быть направлены на это, а чтобы они взялись за дело, надо, чтобы сперва был разоблачен всяческий футуризм, во всей его пустоте, во всем раболепстве его перед тем, что готовит гибель жизни человеческого духа в образе и слове, невозможной без связи с прошлым, невысказанным вне Предания»¹². Этот не лишенный патетики призыв был сформулирован в ста-

Эрнст Роберт Курциус // Возрождение. 1930. 4 декабря; 2) О единстве Европы // Последние новости. 1936. 8 марта. Вейдле готовил ряд работ на иностранных языках, однако ни один из проектов этого рода в полном объеме не был осуществлен. Ср., например: программы книг «Sur l'idée d'Europe» («Об идее Европы») и «Éloge de l'Europe» («Похвала Европе») (ВА. Вох 28). По-итальянски опубликована часть более пространного, написанного по-французски, но не изданного текста: «Arti e lettere in Europa. Unita nella diversità» (Milano, 1965). На рубеже 1950–1960-х Вейдле несколько семестров читал лекции о нидерландской живописи XV в. в Collège d'Europe – учебном заведении, готовившем специалистов для учреждений стран «малой Европы». См.: Беседы В.В.Вейдле. №23: Европейский колледж в Брюгге (17 февраля 1969). – ВА. Вох 19.

⁹ См. с.60 наст. изд. В дальнейшем цитаты из данной публикации приводятся без сносок.

¹⁰ Вейдле В. Пушкин и Европа // Современные записки. 1937. Кн.63. С.30.

¹¹ Вейдле В. Беседы о словах. IV: «Просвещение» (Прочитано 3 апреля 1967). – ВА. Вох 22.

¹² Вейдле В. Венеция. 1968. IV // Новое русское слово. 1969. 27 апреля.

ть, написанной в Венеции, куда Вейдле постоянно возвращался и куда не случайно приехал летом 1968 года после путешествия в Соединенные Штаты: «Четырехмесячное мое пребывание за океаном противоречивыми впечатлениями как-то привело меня к нулю. Никаких не могу подвести “итогов”. То возмущался я там всей европейскостью моей, то прозревал во всем самой Европу, какой она будет, когда меня не будет. А тут в Европе, в Лондоне, Париже, даже в Италии, увы, еще яснее стало мне, что Европа уходит в прошлое. Эти студенты, поклоняющиеся Мао, т.е. идолу похуже даже мексиканских Вигилипутелей, или (те, что чуть причисленной) выставляющие требование, чтобы Университет ориентировался на “рынок труда” (а никак не рынок на Университет)... Какая скука! И ничего-то не хотят они, кроме разгильдяйской скуки. Что же может царить, кроме нее, в мире, где ничто не свято, ничто не запрещено <...> и который отплевывается от прошлого?»¹³.

Интонация – не менее, чем стиль и смысл, – цитируемого письма предвещает публицистику Вейдле 1970-х – серию статей, опубликованных в «Новом журнале» и объединенных в книге «Россия. Революция. Религия», не нашедшей в свое время издателя¹⁴. Публицистика никогда не занимала главного места в творчестве Вейдле, даже в тридцатые годы, когда он изо дня в день печатался в русских газетах и журналах за рубежом. Теперь же он обратился к читателю с «прямой речью», чтобы констатировать, как он полагал, деградацию западного мира, вызванную взаимодействием двух сил – Революции и Прогресса, и предупредить о ее последствиях.

Публицистика была существенной, но не единственной областью интересов Вейдле и в 1970-е годы. Его внимание в это время занимали проблемы поэтики, позволявшие сформулировать альтернативу структурализму как методу литературного исследования. Еще в 1950-е Вейдле обосновал органический подход к искусству, рассмотрев художественное произведение не как механическую сумму составляющих, а как своеобразную аналогию живого существа, чья структура подобна клеточной ткани. Он также провел концептуально важное различие между «искусством вымысла» и «искусством слова»¹⁵. В цикле статей 1970-х годов Вейдле применил свою

¹³ Письмо Ю.П.Иваску от 3 августа 1968, Венеция. – Amherst College Center for Russian Culture (Amherst, MA). Ivask collection (далее – Amherst). Box 6.

¹⁴ Вейдле В. Поздний ропот. Записи недавних лет // Новый журнал. 1975. Кн.118; ср.: Вейдле В. Из архивов страшного суда // Там же. Кн.119. Три раздела книги «Россия. Революция. Религия» см.: Русская литература. 1996. №1. Об обстоятельствах ее создания см.: Доронченков И.А. «Поздний ропот» Владимира Вейдле // Там же. С.45-68. Дальнейшее изучение обширного архива Вейдле в Колумбийском университете позволяет внести уточнение в эту публикацию. Адресатом писем, излагающих план издания книги (С.55-56), был о. Александр Киселев, руководивший нью-йоркским издательством «Путь жизни» (см. его письма к Вейдле. – ВА. Box 5).

¹⁵ Weidlé W. Biologie de l'art // Diogéne. 1957. №18. P.6-23 (ср.: Weidlé W. Gestalt und Sprache des Kunstwerks. Studien zur Grundlegung einer nichtästhetischen Kunsttheorie. Mittenwald, 1981; также см.: Соколов М.Н. «Неэстетическая теория искусства» Владимира Вейдле // Культурное наследие российской эмиграции. М., 1994. Кн.2. С.288-297); Вейдле В. О двух искусствах: вымысла и слова // Новый журнал. 1970. Кн.100.

теорию к анализу «микроструктуры» поэзии, выявляя исходную взаимозависимость звука и смысла поэтической речи.

Эти статьи, посвященные специальным методологическим вопросам поэтики и примерам их применения, были опубликованы по-русски и обращены к далеко не академической публике нью-йоркского «Нового журнала», в то время как для западной аудитории аналогичные идеи излагались на страницах специальных изданий¹⁶. Конечно, главной причиной тому было отсутствие в русском зарубежье подходящего научного органа. Как видно из письма к молодому американскому филологу, Вейдле тяжело переживал то обстоятельство, что работы, в которых он видел одно из наиболее значительных научных предприятий своей жизни, публиковались в «толстом» журнале, в сущности, «из милости», вернее, из уважения главного редактора:

У меня ведь много, увы, слишком много и других <проектов>, а времени для их осуществления осталось (в лучшем случае) немного. Статьи мои, печатаемые «Новым журналом», начиная с номера 100 (и пропустив 101, 102, а также 111, где я пишу о Пикассо), должны образовать, вместе с двумя или тремя дальнейшими, книгу или, верней, первый том двухтомной книги. Второй еще не написан, но все материалы для него готовы. Общее заглавие, вероятно, будет: «Поэтика. Теория поэтической речи и порождающего искусство мышления». Особое заглавие первого тома: «Эмбриология поэзии». Он, собственно говоря, почти готов, нуждается только в некоторых дополнениях, в кой-какой переделке, пересмотре; частью можно будет его даже фототипически воспроизвести из журнала. <...> Статьи я надеюсь к середине будущего года допечатать, да и книгу приготовить. А кто ее издаст, не ведаю. Ну пусть хоть этот первый том; пусть второй будет посмертным; вряд ли будет возможным напечатать его там же, если даже не погибнет «Нов<ый> ж<урнал>»: для читателя он будет труднее первого. Замыслом этим я всего больше дорожу. Все, что я со времени «Пчел Аристея» надумал насчет искусства (не «нашего», а искусства вообще), будет там изложено наиболее зрелым образом (во втором томе особенно; первый – введение к нему). Этого немало. Сами-то мои пчелы кажутся мне теперь жужжащими где-то в преддверии только моей нынешней мысли.¹⁷

¹⁶ Ср., например: *Weidlé W.* Die zwei «Sprachen» der Sprachkunst. Entwurf zur Grundlegung einer nichtästhetischen Kunsttheorie // *Jahrbuch für allgemeine Kunstwissenschaft.* 1967. Bd. XII/2. S.154-191; *Weidlé W.* Art et langage // *Diogéne.* 1969. №66. P.102-119; *Weidlé W.* L'image: deuxième langage de l'homme // *I valori permanenti nel divenire storico.* <...> Roma, 1969. P.473-484, и др.

¹⁷ Копия письма Питеру Любину (Peter Lubin). 11 сентября 1973, Даймус. – ВА. Вох 5. Вейдле имеет в виду французское название книги «Умирание искусства» – «Пчелы Аристея». Ср.: *Вейдле В.* Эмбриология поэзии: Введение в фоносемантику поэтической речи / Предисл. Е.Эткинда. Париж, 1980 (Bibliothèque russe de l'Institut d'Études slaves. T.LV). Рукопись второго тома в архиве Вейдле пока не обнаружена. План книги, датированный 7 августа 1973, см.: ВА. Вох 26. Редактор «Нового журнала» Р.Б.Гуль писал Вейдле: «Насчет “трудноватости” статьи – не думаю, ибо ведь мы же рассчитываем не на ширпотреб. А для такой

Но появление этих специальных статей на страницах журнала, обращенного к широкому читателю (насколько возможна такая «широта» в пределах эмиграции), не кажется совсем случайным. Выходившие в свет одновременно с публицистическими сочинениями статьи о поэтике подтверждали целостность его мышления и защищали те ценности, об угрозе которым предупреждала публицистика. Вейдле не только полемизировал, причем с наиболее талантливыми представителями структурализма¹⁸, его собственный анализ демонстрировал возможность иного подхода, сохранившего, по мнению ученого, целостность звучания и смысла.

Очевидно, на рубеже 1960–1970-х Вейдле начал работу над воспоминаниями. Это занятие, предполагающее удаление от современности, не было внутренне отделено ни от публикаций на злобу дня, ни от исследований в области поэтики. Воспоминания, прочитанные в контексте творчества Вейдле 1970-х годов, неявно, но настойчиво утверждают те ценности, которые Вейдле стремится отстоять – как публицист, в споре с «прогрессом», и как ученый, в полемике об интерпретации поэтической речи.

Подобно большинству сочинений семидесятых годов, воспоминания были поначалу созданы как тексты радиопередач («Беседы Вейдле», регулярно транслировавшихся на Советский Союз. Запись («скрипт») такой передачи, длившейся девять минут, занимала четыре-пять страниц машинописного текста. Это обстоятельство определило структуру воспоминаний – деление на короткие главки, исчерпывающие какой-либо «микросюжет» – эпизод жизни, историю персонажа, художественное или театральное событие и т.п. Метод, давно выработанный Вейдле, для которого в последние десятилетия жизни работа по заказам радиостанции не только стала наиболее существенным источником дохода, но и открывала регулярный доступ к аудитории: сходным образом складывались публицистические работы, циклы газетных статей (например, «Пять скользких слов»), «Враждующие близнецы», опубликованные в «Новом русском слове» в 1977–1978). 4 декабря

статьи у Н<ового> Ж<урнала> как раз читатели есть» (письмо от 6 июля 1970. – ВА. Вох 1); «Вообще, всю эту Вашу работу я очень приветствую и считаю ее очень нужной в борьбе с яacobсоновщиной» (письмо от 31 января 1972. – Ibid.).

¹⁸ См. прежде всего его статью: Критические заметки об истолковании стихотворений, по преимуществу касающиеся трудов Р.О.Яacobсона, Ю.М.Лотмана и К.Ф.Тарановского // Новый журнал. 1974. Кн.115. С.92-119; Кн.116. С.134-160; то же: Эмбриология поэзии... С.211-259; Вопросы литературы. 1992. Вып. I. С.284-323. Ср. перевод первой части статьи: *Weidlé W. Critical Observations on the Interpretation of Poetry, Primarily Concerning the Works of R.O.Jacobson, Ju.M.Lotman, and K.F.Taranovski* // Soviet Studies in Literature: A Journal of Translations. Vol.X. 1974. №4. Вейдле так комментировал перевод этой статьи: «Горпорный, грубый, какой-то не английский, а сублитературный американский язык, но довольно точный и без малейших пропусков. Не знаю, напечатает ли этот странный журнал и вторые мои “Критические заметки”. Но первые важнее – из-за Яacobсона. Пожалуй, придется ему теперь ответить на мою критику, а не просто отмахиваться от нее, ругая меня...» (письмо Ю.П.Иваску от 18 февраля 1975, Париж. – Amherst. Вох 6). В аннотации Вейдле ошибочно назван польским ученым.

1973 Вейдле, предлагая рукопись, писал издателю В.П.Камкину: «Машинописный текст этот есть у меня, потому что присылались мне такие копии радиостанцией “Свобода”, которая, однако, передала лишь небольшую часть этих четырехстраничных текстов, которые уже и задуманы были как главы будущей книги. Не напечатал я нигде ни одного»¹⁹.

В отличие от редактора парижской газеты «Русская мысль» З.А.Шаховской, сообщившей Вейдле 24 июля 1973 о решении не печатать его воспоминаний²⁰, Камкин книгу принял. В письме издателю 6 января 1974 Вейдле так оценивал свою новую работу: «Дописывал с наслаждением, и кажется мне, что книга эта будет лучшей моей книгой. Пожалуйста, покуда она не выйдет, никому о ней не говорите, т.е. о ее содержании и даже заглавии. Она ведь полностью свежа: ни строчки из нее напечатано не было, и никто не знает, что я принялся свои воспоминания писать. Пусть она окажется для всех сюрпризом»²¹.

Мемуарист вынужден был согласиться на архаичный, но более дешевый способ издания книги – фототипическое воспроизведение машинописи. При этом сама полиграфическая «нищета», как кажется, отвечала внутренней идее книги: «Обложка пусть будет самая простая; белая, как Елагинской книги, только (я хотел бы) с надписью на корешке. Буквы моего имени (без “Владимир”, и не В.В., а просто В.) могли бы быть такими же, как имени Елагина, а буквы заглавия чуть покрупней. Вероятно, буквы эти рисовал Голлербах. Он – молодец, и эту книгу стихов украсил отлично. Если хотите, пусть он нарисует небольшую виньетку для обложки над титулом, не изобразительную, скромную и, конечно, без солнца и без зимы. И то я хотел бы заранее убедиться, что это не будет слишком “роскошно”»²².

Изданная Камкиным в 1976 в Вашингтоне первая часть воспоминаний, для названия которой Вейдле воспользовался образом одного из своих ранних стихотворений – «Зимнее солнце», рассказывала, главным образом, о детстве и отрочестве. Композиционно и содержательно она делится надвое: повествование о доме и домочадцах, впечатления ребенка сменяются рассказом о тех событиях – спектаклях, концертах, выставках, – которые вошли в художественный опыт юноши, формировали вкусы и критерии.

Любящие родные, друзья дома, запомнившиеся благодаря драматическим событиям или комичным эпизодам, близкие, чье влияние было решающим для душевного роста мальчика – гувернантка Зеличка или племянник приемной матери словесник Леонид Георг, – люди неизвестные, память о которых продлевается теперь только благодаря «Зимнему солнцу». Их образы очерчены с благодарным теплом, но и с искусственностью литератора, которая заставляет по прочтении нескольких страниц принять их с тем же доверием и степенью убежденности в реальности бытия, с какой принимаются персонажи Гончарова или Чехова. Его герои сближаются с миром

¹⁹ ВА. Box 7.

²⁰ Ibid. Box 3.

²¹ Ibid. Box 7.

²² Ibid. Сергей Львович Голлербах (род. 1923) – живописец, график, эссеист. С 1949 живет в США, с 1950 в Нью-Йорке. В издательстве Камкина в его оформлении вышел сборник И.Елагина «Дракон на крыше» (Роквилль, 1973).

русской литературы девятнадцатого века не только потому, что еще живут этим столетием, но и потому, что именно она, по мнению Вейдле, способна была творить «живых людей» – «целостные создания, живые лица, отделившиеся от автора, хотя и созданные из его плоти и крови, не приклеенные к страницам, на которых он поместил их имена»²³. «Оживляющую» способность слова Вейдле ощутил Юрий Иваск, его многолетний корреспондент-собеседник: «Не только у Вас литература... Врезались – запомнились те дети Маруся, Павлик, Коля, Верочка. Глава “Мармеладовы-Макаровы” (2 стр.) совсем удивительная и лучше, чем только “удивительная”»²⁴. Это качество мемуарной прозы Вейдле – лаконичное и убедительное воссоздание индивидуальности – связано, вероятно, с одной из основ его человеческой сущности: «Рано проснулись во мне две силы: отказ от растворения себя в чужом, общем, в чем бы то ни было вообще; и любопытство, да и приязнь, ко всему личному в других личностях»²⁵.

Вторая часть «Зимнего солнца» говорит прежде всего о культурной эпохе. Сейчас ее события – от экспозиций «Мира искусства» или выставки французской живописи 1912 года до постановок Вагнера в Мариинском театре – достаточно хорошо известны, и характеристика их, хотя и основанная на личных впечатлениях, может показаться избыточно просветительской. Но когда создавалась книга, исследование культуры Серебряного века лишь начиналось, и русскому читателю или слушателю, не только советскому, но и зарубежному, нужно было пояснять многое (эта особенность заметна и в публикуемых ниже главах).

«Зимнее солнце» завершалось повествованием о том, как в день семнадцатилетия юноше была открыта тайна его усыновления, и о начале путешествия в Италию, которое весной 1912 совершили Владимир, его приемная мать Ольга Александровна и школьный друг Александр Куренков²⁶ и

²³ Вейдле В. Умирание искусства. С.37.

²⁴ Письмо от 26 марта – 2 апреля 1976. – ВА. Вох 2. В письме от 8–9 апреля 1976 Иваск, с присущей ему порой восторженностью, сообщал: «Решил написать о З<имнем> Солнце, даже не надеясь на напечатание <приписка на полях: и пошло Вам> (в кр<айнем> случае можно послать в никем не читаемый канадский “Континент” <описка Иваска, следует читать: “Современник”>). “Морозовы-Мармеладовы” <sic> – One of the best Russian Short Stories. <...> Нас одарил недолгим визитом о. Александр Шмеман, для Вас – отчасти Саша... Оба мы восторгались З<имним> Солнцем. Восторгнулся и весьма несклонный восторгаться Глеб Струве и даже послал мне копию своего автобиограф<ического> послания к Вам. “Погодок” Ваш, но очень уж из другого теста! Что и говорить: З<имнее> С<олнце> the Book of the Year, пусть и в эмигр<антской> пустыне. Но и в России ее будут читать» (Ibid).

²⁵ Вейдле В. Зимнее солнце... С.24.

²⁶ Александр Александрович Куренков (1894–?) – инженер. «Происхождения был скромного, достатка тоже, в гражданской войне участия не принимал, никаких четко очерченных политических убеждений не имел, обладал зато полезными для строительства или попросту для государства знаниями и сноровкой. <...> Но если ты жив, Шура, послушай: вспомни, ты ведь не просто учился со мной в одном классе, ты был главным мой школьный товарищ, и я был главным твоим товарищем. <...> При всей своей мешковатости мальчик он был шу-

которое, как однажды писал Вейдле Иваску, навсегда осталось его лучшим воспоминанием²⁷.

Изданная небольшим тиражом книга стала событием прежде всего для друзей Вейдле, и в значительной мере благодаря этому получила отклик в печати²⁸. Прочитав книгу, немедленно откликнулся Ю.Иваск:

стрый и веселый, вспыльчивый, но и отходчивый, обладавший врожденным чувством справедливости и меры. Иных преподавателей, особенно французского и английского языка, безжалостно в нашем классе “разыгрывали”, изводили. Мы с Шурой отчасти на том и сошлись, что крайности коллективной этой травли нас отталкивали. <...> Он хотя и толстяком был, но рослым, и, рассердившись, мог справиться с тремя драчунами зараз. Он был настоящий “хороший ученик”, по совести, а не напоказ. Школа наша точно и создана была для таких, как он. И мне нравилось в нем, как теперь подумаю, уравновешенность, спокойствие, незыблемая его нормальность. Его отец служил старшим приказчиком, а мать кассиршей во французском книжном магазине Мейе на Невском, близ Мойки, против Строгановского дворца, в двух шагах от училища, еще ближе к которому они жили, во дворе одного из выходящих на Мойку домов» (Вейдле В. Зимнее солнце... С.61-63). Andres V.Theakston, как и Вейдле, выпускник Реформатского училища 1911 г., писал: «Куренкова, конечно, хорошо помню и очень любил. Последний раз я его видел у себя во время моего первого ранения. Кстати, до этого я его даже увлекал заняться авиацией. Помню, что ему это очень нравилось» (письмо от 22 февраля 1977, Ричмонд. – ВА. Vox 7). Библиотеке Амхерст-колледжа принадлежит книга М.Кузмина «Нездешние вечера» (Л., 1924) с экслибрисом А.А.Куренкова. Ее происхождение мне в настоящее время неизвестно.

²⁷ См. письмо от 25 сентября 1972, Даймус. – Amherst. Vox 6.

²⁸ См. рец.: Чиннов И. Новая книга Вейдле – и он // Новое русское слово. 1976. 30 мая; Иваск Ю. <Рец.> // Новый журнал. 1976. Кн.123. С.235-239; Одо-евцева И. <Рец.> // Русская мысль. 1976. 23 сентября; Епископ Александр (Семенов-Тянь-Шанский). «Зимнее солнце» В.В.Вейдле // Русская мысль. 1977. 24 марта. Как видно из переписки, Вейдле заботила реакция русской прессы. 12 марта 1976 главный редактор «Нового русского слова» Я.М.Цвибак (Андрей Седых) писал Вейдле о его книге: «Я ездил в Вашингтон представляться президенту, не успел ее даже просмотреть, но уже в Вашингтоне слышал о ней восторженный отзыв. <...> Можно попросить Иваска, только очень уж он пишет с выкрутасами и жеманный какой-то в своих писаниях» (письмо от 12 марта 1976. – ВА. Vox 3). Десятью днями позднее Вейдле сообщал Иваску: «В Н<овом> Р<усском> С<лове> будет писать Чиннов. В Нов<ом> Ж<урнале>, я думал, м<ожет> б<ыть>, захочет Гуль откликнуться сам. Так ему написал, а затем Вас назвал, но не получил никакого отклика ни на письмо, ни на книгу. Не знаю, что с ним случилось, – как и с Ржевским и с Хомяковым, которые тоже на книгу не откликнулись. Здесь ее еще нет. Когда получу, pošлю Шаховской. Придется предложить ей самой и написать, но едва ли захочет, так как я о ее “Отражениях” не писал. Только бы к Терапиано не попало. Может быть, Вас попросит. – Ну, подождем» (письмо от 22 марта 1976, Париж. – Amherst. Vox 6). «Рад, что Вам понравился мой отзыв о Вашем З<имнем> С<олнце>», – писал Иваск 7 сентября 1976 (ВА. Vox 2). Относительно сдержанной была оценка А.Бахраха: «Прочел и с интересом, и с удовольствием первую часть “Зимнего Солнца” Вейдле. Рад был, что он там сравнительно редко вдается в усвоенную им в некоторых

Сегодня получил Ваше «Зимнее солнце» и сразу начал ее читать. Помешали две лекции, помешали очень милые гости, и вот, увы, к полуночи я все прочел. <От руки на полях: Почти все.> <...> Хотелось читать дальше, и очень надеюсь – это *дальше* будет. <...>

Более «рационально» скажу: это единственное неповторимое изображение тех последних лет России. Оживил их и Мандельштам. Поклоняюсь ему, но, признаться, густой его прозы не люблю. <...> Ваше детство между мандельштамовским и набоковским... Если детство О<сипа> Э<мильевича> сразу искусство, то у ВВ <приписка на полях: В.В.Набоков!> при всей живости – мешающий снобизм. <...>

Какая живая настоящая книга²⁹.

Поблагодарив Иваска за отзыв, Вейдле заметил в постскриптуме, что «вторая книга воспоминаний “Младые лета” (1912–1924) уже написана, ждет окончательной отделки»³⁰.

В одном из следующих писем Иваск вернулся к воспоминаниям, поставив новый существенный акцент: «...это книга и в высшем смысле поучительная – о том, как в начале века росла в России культура. <...> З<имнее> С<олнце> показывает, чем могла бы быть Россия... Это серьезная идея. Эта книга событие. Белый сказал бы – со-бытие!»³¹

Отец Александр Шмеман, учившийся у Вейдле в парижском Богословском институте, открыл в книге не столько ее «культурный», сколько «духовный» смысл:

Два дня тому назад получил и сразу же, не отрываясь, прочел Ваше «Зимнее солнце». И сразу же захотелось Вам написать, чтобы сказать – какой огромной для меня радостью была эта книга! И от всей души поблагодарить Вас за нее. Эта благодарность, пронизывающая ее с первой до последней страницы, свет, льющийся из нее: как они сразу же оказались мне нужными, насущными, духовно-живительными. Вашу книгу я воспринял, ощутил не как рассказ о детстве, а как передачу самого детства, чего-то <?> того, что Claudel назвал «l'eternelle enfance de Dieu» «вечное детство Бога – (франц.)». Не знаю, не могу найти слов, да они и не нужны совсем. Зато ощущаю потребность сделать личное признание: за 30 лет священства я ни разу не пожалел об избранном мною пути. Но унывал много и, увы, чем дальше в жизни, тем больше. Унывал от «церковности», от

недавних статьях жеманно-разговорную манеру (или стиль), так, я бы сказал, не идущую к его облику» (письмо к Ю.П.Иваску от 17 марта 1976. – Amherst. Box 1). Цвибак придерживался иного мнения: «Начал читать “Зимнее Солнце”. Интересно, но мне лично слегка мешает несколько вычурный стиль письма. В статьях это заметно меньше, чем в книге» (письмо к В.В.Вейдле от 22 марта 1976. – ВА. Box 3).

²⁹ Письмо от 3–4 марта 1976. – Ibid. Курсив автора.

³⁰ Письмо от 22 марта 1976. – Amherst. Box 6.

³¹ Письмо от 26 марта – 2 апреля 1976. – ВА. Box 3. В этом же письме Иваск сообщал о высокой оценке книги, услышанной от о. А.Шмемана и семьи гарвардского профессора истории русской литературы В.М.Сечкарева.

«церковных дел», от, конечно, неизбежной, но такой тяжелой бескрылой «церковной деятельности». В ней чувствую себя слишком часто бесконечно одиноким, и не из-за какой-то, увы, не <?> существующей моей «духовности», совсем нет. Так вот, пишу это потому, что именно тут и ощутил я Вашу книгу как настоящую *помощь*. В ней Вы о религии, о церкви, о Боге и не говорите совсем. Но я воспринял ее как неизмеримо более «религиозную», чем почти все в том мире, в котором мне суждено жить и «действовать». Вы пишете «без искусства религия немеет...» Но не только без искусства, а прежде всего без того, из чего и искусство вырастает: без некоего основоположного ощущения, видения самого мира и жизни, как «вещества» таинственного преложения, претворения – в которых вся глубина, вся радость, весь смысл жизни. Это ощущение, этот опыт льется из Вашей книги, как, впрочем, из всего, Вами написанного, и потому для меня – столь драгоценного и действительно живительного. Плохо я все это выражаю, но, м<ожет> б<ыть>, Вы почувствуете. Я почти как некий символ ощутил и «кенотический» облик Вашей книги – обложку, формат, шрифт. С одной стороны, обидно стало – и не за Вас лично, а за русскую культуру. А с другой стороны, почти радостно, что отлична она от «глянцевого» блеска современного «ширпотреба»... <...> Вы точный ровесник моего отца, и любовь моя к Вам – *сыновняя*»³².

Главы, вошедшие в «Зимнее солнце», передавались «Свободой» в 1973 и 1974. С весны 1974 по 1976 транслировалось продолжение – университетские годы, война, революция, Пермь и Петроград, поездка в Германию, эмиграция и жизнь в Европе. В Бахметевском архиве сохранилось около 150 рукописных и повторяющих их с незначительными отклонениями машинописных скриптов, значительная часть которых в свое время, если верить датировке передач, прозвучала по радио. Кроме того, Вейдле отредактировал и подготовил к изданию два крупных, хронологически последовательных раздела воспоминаний. Во-первых, это не передававшийся по радио текст «Сто дней счастья, или Моя первая Италия», который автор предполагал присоединить к «Зимнему солнцу» в новом, несостоявшемся издании мемуаров (76 страниц авторизованной машинописи)³³. Во-вторых, непосредственно продолжающий итальянское путешествие раздел «Младые лета», посвященный Санкт-Петербургскому университету (страницы рукописи с фрагментами машинописи пронумерованы от 78 до 125). В отличие от «Ста дней...», перепечатанных, очевидно, уже для набора, машинописные фрагменты этой части текста – копии скриптов радиопередач Вейдле. Последующий текст подразделен на краткие главки и в основном следует хронологии событий (за исключением скриптов «Богословский институт», отредактированных и объе-

³² Письмо от 10 марта 1976, Крествуд (США). – ВА. Вох 6. Курсив автора.

³³ Экземпляр «Зимнего солнца», хранящийся в фонде Вейдле, имеет ряд исправлений текста, по большей части приближающих его к индивидуальным особенностям написания автора, а также свидетельствует об изменении структуры первой книги за счет введения в нее ряда новых главок, в том числе объединенных в рассказе «Мнимые вымыслы» (см.: Новый журнал. 1976. Кн.125. С.74-85). См.: ВА. Вох 40.

диненных по примеру университетских глав). Свыше сорока очерков, в основном монографических, посвященных литераторам, мыслителям и ученым эмиграции, были опубликованы в сентябре 1975 – июле 1977 в нью-йоркской газете «Новое русское слово» как цикл «О тех, кого уже нет».

Вейдле предпринял попытку продолжить издание воспоминаний у Камкина, о чем свидетельствует письмо Т.П.Фесенко:

<...> только что говорила по телефону с Еленой Андреевной Камкиной, расписывая ей, между прочим, тот успех, которым пользуются Ваши «Четыре дня»³⁴. «И вот Вам результат», как поется в песенке о 12 негрятках: она уполномочила меня сообщить Вам, что *согласна издать* Ваши «Младые лета», если Вы только *не будете нажимать* на нее со сроками, т.к. работа на машинах возможна только для А.И.Забавского, а он не в силах все делать один. Сейчас, удовлетворяя настоячивые запросы культурной русской публики, они спешно печатают... *сонники!*³⁵

В июне 1978 – январе 1979, когда надежды на публикацию полного текста воспоминаний, очевидно, уже не было, Вейдле поместил в «Новом русском слове» серию статей «Об умирании искусства», в которую вошли тексты тринадцати завершающих мемуарный цикл передач, посвященных книге «Умирание искусства». По свидетельству Г.Поляка, который весной 1977 предлагал издать текст воспоминаний, прежде всего, цикл «О тех, кого уже нет», Вейдле сказал, что «в принципе готов со мной сотрудничать. Но книгу надо приводить в порядок (“Ведь я пишу радиоскрипты”), а в ближайшее время заняться этим не может, так как сейчас занят писанием романа. Через некоторое время он серьезно заболел, а летом 1979 года скончался»³⁶. «Зимнее солнце» осталось последней книгой Вейдле, опубликованной при его жизни³⁷.

«Сто дней счастья...» Вейдле, его *Italienische Reise*, построены по тому же принципу, что и остальные воспоминания, – это серия кратких главок. Не

³⁴ Рассказ Вейдле; см.: Новый журнал. 1976. Кн.24. С.6-29. Поздние прозаические опыты Вейдле вызывали неоднозначную оценку даже весьма почитательно относившихся к нему корреспондентов. Если Фесенко одобряла рассказ в письме от 20 ноября 1976, то Иваск, прежде даже избыточный в своих похвалах, на этот раз противопоставил «Четыре дня» и «Зимнее солнце»: «Батюшка, решаюсь даже сказать Вам, душенька, голубчик, одарите нас поэтами, художниками, “Аполлонами”... Просим на коленях... Ей-ей, эти блондинки, эти санки или купальни хуже тех бедных шемящих девочек, дочерей Мармеладова. Ну, были блондинки и сплыли, а, скажем, Зеличка останется в вечной памяти... Это не критика, а от чистого сердца... Или американский эпилог в др<угом> рассказе, напоминающий “концовку” “Вешних вод”. Но там Джемма. Не сердитесь: я Ваш поклонник» (письмо от 14 февраля 1977, Амхерст. – ВА. Вох 2).

³⁵ Письмо от 26 декабря 1976, Вашингтон. – Ibid. Вох 5. Курсив автора.

³⁶ Поляк Г. О Вейдле с отступлениями // Новый журнал. 1996. Кн.203-204. С.392. Ср: *Он же*. О Владимире Васильевиче Вейдле с некоторыми отступлениями // Звезда. 1998. №4. С.184. Вейдле умер 5 августа 1979 г.

³⁷ Сборник Вейдле «На память о себе. Стихотворения. 1918–1925 и 1965–1975» был издан в Париже Рене Герра осенью 1979.

случайно, однако, именно этот раздел мемуаров, насколько можно судить, не звучал на радио. Как описание поездки с определенным маршрутом этот текст наделяется развивающимся внутренним «сюжетом», который дробится и гаснет в радиотрансляции. Эта часть наиболее личностна и лирична. Она естественно вызывает в памяти слова Гете, приведенные в свое время Муратовым: «Кто хорошо видел Италию, и особенно Рим, тот никогда больше не будет совсем несчастным»³⁸. Такой рассказ следует именно читать, поскольку лирическое повествование постоянно обращается к памяти и знанию.

В литературном наследии Вейдле Италии принадлежит особое место. В начале 1970-х он готовил книгу, в которую предполагал собрать эссе, написанные ранее – «книга о городах и городках: “Италия. Объяснения в любви” (подзаголовок непереволим)»³⁹. Этот том должен был включать очерки, большей частью уже опубликованные в периодике⁴⁰.

Очевидно, что итальянские эссе Вейдле ориентированы на традицию, восходящую к Гете и Стендалю, но в то же время и к русским путешественникам. Вспоминая время молодости, он писал: «Возобновлялась и обещала расширяться одна из лучших русских традиций, к концу минувшего века несколько загложшая, – традиция, с которой связаны имена Батюшкова, Тютчева, Тургенева, а которой говорят пейзажи Сильвестра Щедрина, последние дни Боратынского в Неаполе, замороженные Римом Гоголь и Александр Иванов... Возникновение этой традиции и плодотворное развитие ее – залог европейского бытия России, ибо нет в Европе страны, где не было бы собственной вереницы итальянских путешествий и своего, одной этой стране присущего вида любви к Италии»⁴¹. Ключевые слова здесь, конечно, «залог европейского бытия». Потому, например, Вейдле с одобрением принимал далекую от его критериев книгу московского искусствоведа В.Н.Прокофьева⁴² или сетовал на иссякший поток соотечественников в исторических центрах Италии: «...теряется поэтому контакт с этим прошлым Запада, которое нам нужно, так же нам нужно его знать, так же нам

³⁸ Муратов П. Образы Италии. <М.: Галарт, 1994.> Т.2-3. С.11. В подготовительных записях Вейдле (ВА. Вох 28) есть ссылка на это «утешение Гете» с пометой «Осталось неиспользованным».

³⁹ Копия письма Питеру Любину. 11 сентября 1973, Даймус. – ВА. Вох 5.

⁴⁰ Предполагаемое содержание см. в копии письма к А.Р.Небольсину от 17 августа 1973 (ВА. Вох 2). Следует упомянуть прежде всего следующие «итальянские» очерки Вейдле: 1) Вечерний день. Отклики и очерки на западные темы. Нью-Йорк, 1952. С.27-63; 2) Рим. Беседы о вечном Городе. <Б/м>, 1966 (то же: Рим. Из бесед о городах Италии <Париж, 1967>); 3) Похвала Венеции // Мосты. 1966. Кн.12. С.131-160; 4) Равенна // Новый журнал. 1966. Кн.83. С.48-64; 5) Урбино // Там же. 1966. Кн.84. С.58-65; 6) Три адриатических города // Там же. 1967. Кн.89. С.24-32, а также циклы статей «Города, городки...», публиковавшиеся в «Русской мысли» с декабря 1968 по июнь 1971, и «Венеция. 1968», вышедшие в «Новом русском слове» в марте – мае 1969. Также ср. план серии «бесед» Вейдле «Опять об Италии», посвященных Флоренции, Ассизи, Перудже, Тоди, Орвьето и Риму (ВА. Вох 22). Отклики друзей на брошюру «Рим» см.: Русская литература. 1996. №1. С.52.

⁴¹ Вейдле В. Вечерний день... С.37.

⁴² Прокофьев В.Н. По Италии. Города, музеи, выставки. М., 1960.

нужно его чувствовать и ценить, как это верно было бы сказать о нашем собственном... о нашей собственной допетровской истории, например»⁴³.

До сих пор самым известным «итальянским путешествием» для русского читателя остаются «Образы Италии» Муратова. Аналогия между этой книгой и эссеистикой Вейдле очевидна. Говоря о себе в третьем лице, Вейдле отмечал в автобиографии: «Никого особенно близкого к себе среди русских авторов он не видит, – разве что П.П.Муратова или критика, Муратову близкого и давно забытого, Б.А.Грифцова (и то больше по связи с историей искусства)»⁴⁴.

Родившийся на четырнадцать лет раньше, Муратов многое раньше ощутил и сформулировал. Он наиболее ярко представлял первую генерацию новых, «эстетических» западников, которая пришла на смену социальному западничеству XIX века и сыграла важную роль в формировании духовной среды Вейдле. Во многом, что определяло отношение Вейдле к искусству, Муратов являлся его непосредственным и явным предшественником: не только в восприятии Италии, но и в оценке французской живописи XIX века как равнозначного великим эпохам, но по-своему ограниченного художественного феномена, в осмыслении процесса перерождения искусства в начале двадцатого столетия⁴⁵. Потому, как предшественник, он мог вызывать род ревнивой досады, осязаемой и в воспоминаниях (глава «Кончилась Италия»), и, например, в письме путешествующему по Риму Иваску: «Капризун, да и только. И в Риме читает не мой “Рим”, а Муратова, который вовсе, однако, не так уж плох»⁴⁶.

Поэтому для Вейдле было важно установить дистанцию, не столько врачующую самолюбие, сколько объясняющую суть трудноуловимого различия: «Муратов и мил, но и немножко fade <пресный, блеклый. – (франц.)> для меня. За вкус его времени бранить его не надо. Нашего времени вкус, распространяемый чуть ли не принудительно, того же стоит.

Муратов говаривал: “Рождение Венеры” – лучшая картина в мире. Нет. И нет “лучшей”. Но если мы, развенчав Боттичелли, ее развенчали, тем хуже для наших венцов»⁴⁷. Разделение Муратова и Вейдле, важно, поскольку возможное влияние предшественника способно подвергнуть сомнению творческую оригинальность. Но в данном случае именно тонкость различия

⁴³ Беседы В.В.Вейдле. №11. Осень в Италии – 5 (Джотто) < 8–9 декабря 1968 >. – ВА. Вох 38.

⁴⁴ И далее: «В<ейдле> был всегда литературно одинок, но часто ему казалось, и еще порой кажется, что в этом одиночестве своем он все-таки будущей русской литературе еще может пригодиться» (Автобиография. 9 декабря 1975. – ВА. Вох 17). Борис Александрович Грифцов (1885–1950) – критик, переводчик, литературовед, сотрудник Муратова в журнале «София». В 1910–1914 руководил учительскими экскурсиями по Италии. Вейдле имеет в виду, очевидно, его книгу «Рим» (М., 1914).

⁴⁵ Муратов П. Анти-искусство // Современные записки. 1924. Кн.19. С. 250–276.

⁴⁶ Письмо от 7 декабря 1976, Венеция. – Amherst. Вох 6.

⁴⁷ Письмо Ю.П.Иваску от 5 марта 1970, Париж. – Amherst. Вох 6. Ср.: «К “Рождению Венеры” нет, в сущности, другого подхода, кроме безусловного поклонения» (Муратов П.П. Образы Италии. < М., 1993>. Т.1. С.189).

говорит о единстве, «плотности» сложившейся мыслительной традиции, которая свидетельствует о зрелости культуры.

Многолетняя переписка столь разных людей, как Вейдле и Иваск, подерживалась не только способностью поэта ставить интересные вопросы или говорить то, что было приятно слышать неизбалованному вниманием ученому. Иваск умел найти внутреннее созвучие с собеседником. Откликался на пушкинскую аллюзию в письме Вейдле, он однажды написал из Соединенных Штатов: «Как Вы хорошо сказали: пора, пора, Европы сердце просит! Вот в Сеаттле недавно потухший (а м<ожет> б<ыть> и непотухший!) вулкан в белой шапке, великолепный тихоокеанский залив и пр<очие> красоты, но я никуда не ездил. Природа без исторической легенды для меня пустое место... На каком-то прекрасном америк<анском> озере меня спросили: – Что, хорошо? – Нет, русалки здесь не водятся!»⁴⁸

Иваск говорил о себе, но затронул нечто важное в мироощущении собеседника. Конечно, Вейдле был восприимчив к природе: достаточно вспомнить его рассказ об «Алкиновом саде» отрочества – даче в Райволе⁴⁹, месте, неотделимом в его описании от книг, прочитанных там. Не случайно и словесные пейзажи в своих эссе он разворачивает вокруг древних зданий, чаще всего храмов: побережье у Пестума, окрестности Агригента или залив в валлийском Сент-Дэвидсе. Особенно характерен в этом отношении очерк о долине Клитумна в Умбрии: его лейтмотивом стало письмо Плиния Младшего, во времена которого это урочище уже давно не было диким краем⁵⁰.

Для Вейдле растущая и древняя, как лес, культура была его природой; старый, не измученный реконструкциями и не наводненный автомобилями город питал его, как иного питают прогулки в полях. Древний, особенно итальянский, город и воспринимается им как продолжение природы: «Итальянский пейзаж подготавливает к восприятию итальянского города точно так же, как он предопределил его постепенно складывающийся облик»⁵¹.

Практически все итальянские очерки Вейдле посвящены не отдельным памятникам – живописным или архитектурным, – а городам в целом. Кажется, здесь уместна аналогия между итальянским городом, каким он предстает у Вейдле, и произведением искусства в его «биологической» концепции: Венеция или Сиена, Губбио или Пиенца – прежде всего неповторимые, живущие во времени организмы, целостность которых больше суммы элементов, из которых они складываются. Их «клеточная ткань», которую составляют улицы, храмы, каналы, способна к росту и слиянию с нарождающимся новым, но болезненно переживает механические вторжения поздних веков (ср. строки о римском «Национальном памятнике» в «Ста днях...»). Важны не сами по себе монумент Коллеони или Скуола Гранде ди Сан-Марко как произведения пластики и зодчества: важно их сосуществование друг с другом, с церковью Иоанна и Павла, с ее полотнами Тициана, с мостиком и неброскими домами напротив, не менее, чем с угловым ка-

⁴⁸ Письмо от 21 мая 1965. – ВА. Вох 2.

⁴⁹ Вейдле В. Зимнее солнце... С.22.

⁵⁰ Вейдле В. Города, городки... 10. Долина Клитумна и Триви // Русская мысль. 1969. 18 декабря.

⁵¹ Вейдле В. Вечерний день... С.44.

фе или не видимым с площади выходом в лагуну касающегося ее кромки канала.

Европейский город и есть овеществленная, осмысленная, живая и творящая традиция, история, культура. Для Вейдле это было особенно ощутимо в Италии, особенно в Венеции. В 1912 она была одним из последних пунктов путешествия, чем, очевидно, и объясняется позднее признание: «Не могу вспомнить, чем я был особенно пленен в первый мой приезд в Венецию»⁵². Теперь же она стала главным центром притяжения: «...больше Венеции я нынче ничего не люблю, хоть и ценю многое выше»⁵³.

Наиболее значимым для «итальянского» Вейдле является очерк середины 1960-х «Похвала Венеции», который он однажды иронически определил как «дщерь противоестественного брака» Карла Бедекера и Аполлона Коринфского⁵⁴, но в действительности относил к своим наиболее важным произведениям: «В прошлом году в Венеции я писал и затем в Париже закончил другое: плотный довольно кусок прозы (и мысли). Хоть и длинен, но прочтите, не полнитесь; он в “Мостах”. Придаю значенье. Думаю, что тема эта центральна для нашего века»⁵⁵. В этом эссе Вейдле нигде прямо не формулирует проблему, но подводит читателя к мысли о том, что такое прошлое в современности, почему оно современности необходимо: «Переизбытком прошлого Венеция и грустна, и хороша. <...> Все, что пленяет нас тут, не нами создано, и создано давно. “Мы”, то есть двадцатый, и уже девятнадцатый век, были бы совершенно неспособны создать что-либо подобное. И кроме того, сама эта давность всего пленительного здесь окутывает это все особой полупрозрачной пеленой, вследствие чего как бы уходит оно вдаль, становясь от этого еще пленительней. Все, что нас тут радует, недостижимо и, благодаря пелене, как бы и неосвязаемо. <...> Живым остается это прошлое под своей пеленой, в отдаленности своей, для тех, кто воскрешает его знанием, и прежде всего, пусть и при малом знании, любовью»⁵⁶.

Вот, к примеру, впечатления Вейдле от Сакристия Нуова – усыпальницы флорентийских герцогов в церкви Сан-Лоренцо, созданной Микеланджело: «Как остро ощущал тот странный холодок, который так сливается в Медичейской капелле с фигурами двух, во мраморе живых, безвременно уснувших мертвецов, с изваяниями Дня, Ночи, Утра и Вечера на их гробах, со всей ущемленной и щемящей архитектурой беспокойного этого места их успокоения!». Капелла не просто украшена статуями – сама архитектура понята пластически, и в ее образе вряд ли возможно разделить абстрактную тектоническую организацию пространства и оформленную, и тем очеловеченную, мощь мраморных глыб. Особенно выразителен контраст между пластически насыщенным, детализированным нижним ярусом и лаконичным куполом, исполненным покоя и ясности.

Определение архитектуры как «ущемленной и щемящей» и места последнего успокоения как «беспокойного» – характерный пример манеры

⁵² Вейдле В. Венеция. 1968. II // Новое русское слово. 1969. 30 марта.

⁵³ Письмо Ю.П.Иваску. 20 мая 1966, Флоренция. – Amherst. Box 6.

⁵⁴ См. письмо Ю.П.Иваску. 2 августа 1965, Париж. – Ibid.

⁵⁵ Письмо Ю.П.Иваску. 16 мая 1965, Париж. – Ibid.

⁵⁶ Вейдле В. Похвала Венеции. С.138-139.

Вейдле, его емкие, тщательно отобранные эпитеты и сравнения не только передают непосредственное впечатление, но достаточно точно соотносятся с искусствоведческой интерпретацией памятника⁵⁷. Вместе с тем «Моя первая Италия» – наиболее «беллетризованная» часть воспоминаний, отдельные эпизоды которой связаны не только хронологической последовательностью поездки, но и определенной внутренней сюжетной логикой. Италия встречает молодых путешественников – Владимира и его друга – целым рядом соблазнов, точнее, испытаний, представляющих опасность и радости чувственного мира, от вульгарных до возвышенных. Складывается впечатление, что путешествие выстраивает перед героями воплощения «любви земной». Но в этом ряду есть искушения, касающиеся иного рода чувственной красоты – художественной прелести. Таково, к примеру, посещение знаменитой в те времена павийской Чертозы, творения «великолепнейших, каких свет никогда не создавал, ремесленников, возомнивших себя художниками»⁵⁸. Искушение осознанное и преодоленное: «захотелось мне неукрашенности в красоте».

Эта формула Вейдле принципиально важна для его понимания искусства. Прийти к ней помогает найденная в Венеции воплощенная красота или, если продолжать аналогию с названием загадочной картины Тициана, род «небесной любви» – юная итальянка, встреченная на пляже Лидо, плотское совершенство, исключаящее вождление: «Нет, слишком хороша она была и для влюбленья. Дружбы к ней и даже приязни я в себе не находил, как и нежности или умиленья. Только видеть ее мне хотелось без конца, осязая ее глазами. Что делать с таким чувством? Не то чтобы оно очень меня мучило, но как-то я все-таки скорбно недоумевал: что это такое, эта отрешенная, эта беспламенная любовь?»

Связанный со встречей на пляже казус, снимающий излишнюю патетику, был описан ранее в одной из статей⁵⁹. Но история прекрасной гимнастки до «Ста дней...» не упоминалась, насколько можно судить, нигде. «В целом, простодушная это книжка, но местами написанная с хитрецой»⁶⁰, – заметил Вейдле в послании Иваску по выходе «Зимнего солнца». Правомерно отнести его слова и к другим частям воспоминаний. В данном случае очевидны различные, в том числе полемические, аналогии эпизода на Лидо с венецианской новеллой Томаса Манна. В 1976 Вейдле опубликовал ряд коротких историй из отрочества и юности – «Мнимые вымыслы». Мера достоверности, очевидно, позволяла включить их в неосуществленное второе издание «Зимнего солнца», но не случайной была, возможно, и словесная игра в названии. Можно допустить, что мемуарист заново, острее и полнее,

⁵⁷ Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения: Курс лекций. М., 1978. Т.2. С.42-43; Panofsky E. Tomb Sculpture. Four Lectures on Its Changing Aspects from Ancient Egypt to Bernini. New York, 1992. P.91. Ср.: Panofsky E. The Neoplatonic Movement and Michelangelo // Panofsky E. Studies in Iconology. Humanist Themes in the Art of the Renaissance. New York; Hagerstown; San Francisco; London <1972. 1st ed. Oxford, 1939>. P.171-230. Особенно с.199-212.

⁵⁸ Муратов П.П. Образы Италии. Т.2-3. С.336.

⁵⁹ Вейдле В. Венеция. 1968. III // Новое русское слово. 1969. 6 апреля.

⁶⁰ Письмо от 22 марта 1976, Париж. – Amherst. Box 6.

проживал различные эпизоды прошлого, особенно связанные с влюбленностями, которые в свое время не нашли осуществления. Нет оснований подозревать автора итальянских воспоминаний в вымысле, но определенная коррекция событий возможна, что в данном случае позволяет читателю ощутить ключевую проблему, открытую в Италии.

Пожалуй, именно в «Ста днях...» Вейдле исподволь устанавливает отличие своего взгляда от восходящего к Уолтеру Пейтеру муратовского эстетизма. Не случайно Иваск писал о Муратове: «он только позитивист эстетический»⁶¹, обвиняя его в «религиозной слепоте»⁶¹. Подобная оценка может показаться излишне резкой, но некую особенность «Образов Италии» Иваск, несомненно, уловил. В свое время Б.Зайцев пронизательно отмечал «мирную, полуязыческую религию этой книги»⁶².

Молодому Вейдле путешествие открыло ряд прекрасных произведений искусства. Отношение ко многим из них впоследствии менялось. Но вместе с тем Италия создала и представление о целостности мира пластических искусств, неотделимого от породившей его истории и, в конечном счете, страны. В Италии был найден и образ уравновешенного мира, в котором созданная художником гармония не просто улаживает, но наполняет жизнь, напоминая о ее смысле, – соборный комплекс в Пизе: «...четыре нездешние строения, белые на райском лугу, поселились во мне навсегда. Град Китеж, без озера. <...> Да и что еще нужно человеку, так я думаю теперь: рождение во святом крещении, Божий храм на всю жизнь, кладбище для мирной кончины и вдобавок косая, но не падающая башня, чтоб о чуде он не забывал».

Во время первой поездки в Италию Вейдле еще не размышлял о культуре в религиозном контексте – к этой проблеме, как и к церкви, он пришел позже, в эмиграции. Не нарушая достоверности, мемуарист настойчиво акцентирует вопросы, приведшие его, в конечном счете, к сознанию подлинности искусства, красота которого устремлена к сверххудожественному. Отсюда недоумение юноши перед телесным совершенством, которое нельзя ни пожелать, ни – главное – пожелать.

Окончательная формулировка проблемы и нормативный в основе своей выбор предоставлены в последней главке «Ста дней...» Шуре Куренкову. Спутник Вейдле в воспоминаниях выступает как необходимый участник диалогов и, в отличие от лирически настроенного и склонного к размышлениям друга, являет собой образец здравого смысла: «...в Дрездене затем шел у нас немножко детский спор о том, что лучше – Сикстинская Мадонна или Спящая Венера (Джорджоне). “Мадонна, – воскликнул Шура, – должна нам быть хороша, потому что мы – христиане”. Нынче, впрочем, не таким уж наивным кажется мне наш спор. Гордиев узел Шура разрубил – в конце концов – совершенно справедливо».

⁶¹ Письма к В.В.Вейдле от 4 ноября 1976, 24 июня 1977. – ВА. Вох 6.

⁶² См.: Зайцев Б. <Рец. на кн.> Муратов П.П. Образы Италии: В 3 т. Берлин, 1924 // Современные записки. 1924. Кн.22. С.445. Это суждение перекликается с самооценкой Муратова. См. письмо П.Муратова Б.Грифцову из Рима от 3/16 февраля 1912, опубли. в: *Deotto P. Lettere di P.P.Muratov a B.A.Grifcov // Europa Orientalis. Vol.XIII. 1994. №1. С.192-193.*

Этот диалог приобщил героев воспоминаний к диспуту о природе красоты, начало которому было положено размышлениями Мити Карамазова об «идеале содомском» и «идеале Мадонны». В 1903 редакция «Нового пути» предала гласности полемику между А.Н.Бенуа и Д.С.Мережковским. Вступая в спор с религиозным максимализмом писателя, Бенуа формулировал проблему с помощью образов Венеры и Мадонны, постоянно сопоставлявшихся в символистской и околосимволистской среде: «...и Венера, и Мадонна обе хороши, и при этом вовсе одна другую не заменяют».

Подростки, спорившие о двух образах красоты, вряд ли были достаточно осведомлены о религиозно-эстетических дискуссиях 1900–1910-х годов. Тем не менее дрезденский диалог может быть осмыслен именно в этом контексте. Взгляды Вейдле и идеологов Серебряного века на искусство разошлись, поскольку противоположности – Венера и Мадонна – были отчетливо разделены, а спор, схематически воспроизводящий полемику Бенуа и Мережковского, разрешался моральным выбором в пользу религиозно осмысленного искусства. Но такой выбор исключал и максималистское отрицание художества, которое должно было, согласно Мережковскому, стать ненужным, сгореть в утопии «нового царства».

27 августа 1912 личный почетный гражданин Владимир Вильгельмович Вейдле был зачислен на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета – через год после того, как окончил Училище при Реформатских церквях⁶³. Как бывший ученик реального отделения он был обязан предварительно сдать экзамен по латинскому языку, состоявшийся 16 января 1912. Вейдле получил оценку «удовлетворительно», аналогичную современной «четверке»⁶⁴.

10 мая 1916 он окончил полный курс университета и в октябре был оставлен при университете «по кафедре всеобщей истории для приготовления к ученой степени сроком на два года <...> без стипендии»⁶⁵. Его руководителем был ведущий медиевист И.М.Гревс. Осенью 1917, незадолго до октябрьских событий, Вейдле был откомандирован в пермский филиал Петроградского университета. Поначалу речь шла об отпуске по 1 сентября 1918. В прошении он писал: «Проведу это время в Перми, подготавливаясь к магистерским экзаменам и, если это окажется возможным, принимая участие в занятиях по моей специальности при Пермском университете»⁶⁶. Командировка была продлена, Вейдле проработал в Перми до ухода из нее

⁶³ См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.2. Очевидно, перемена имени приемным отцом Вильгельмом Людвиговичем Вейдле, ставшим Василием Леонтьевичем, была связана с событиями 1914 года. В университетских бумагах 1916 г. отчество его сына – Васильевич.

⁶⁴ Там же. Л.6, 8.

⁶⁵ См.: Там же. Оп.1. Ед.хр.11248. Л.1.

⁶⁶ Там же. Л.23. Прошение датировано 5 сентября 1917. На следующий день И.М.Гревс, в ту пору декан, поддержал просьбу ученика: «С своей стороны не вижу никаких препятствий для разрешения отпуска на год В.В.Вейдле, ибо, как ныне хорошо известно, он может устроить свою жизнь вне Петрограда так, что ему вполне удобно будет готовиться к экзамену на степень магистра, а это и составляет ближайшую задачу его научной работы». – Там же. Л.23об.

войск адмирала А.В.Колчака в 1919, переехав в Томск вместе с университетом. Магистерских экзаменов он не сдал и диссертации не защитил.

Рассказ Вейdle о Петербургском университете порой переключается с воспоминаниями Н.П.Анциферова, который начал заниматься у И.М.Гревса на несколько лет раньше. Их сближают общие герои – преподаватели историко-филологического факультета. Мемуаристы порой прибегают к одним и тем же фигурам речи: например, чтобы описать свое настроение накануне поступления в университет, оба воспользовались названием пьесы Гамсуна «У врат царства»⁶⁷. В то же время принципиальные отличия коренятся не только в несходстве индивидуальностей и различии обстоятельств создания двух книг – во второй половине 1940-х в СССР и в 1970-е на Западе.

Анциферов подробен и обстоятелен, он описывает облик и речь своих героев, бытовые детали, восстанавливает диалоги и воссоздает драматичные эпизоды (например, ситуацию в кружке Ф.Ф.Зелинского в 1911), характеризует политические настроения студентов и преподавателей. Вейdle, напротив, не раз подчеркивает свою аполитичность, нетипичную для предреволюционного студенчества, но встречавшую, вероятно, понимание у ряда профессоров. Анциферов привел свой разговор с Гревсом, не поддержавшим забастовку студентов в 1910/1911 году: «Иван Михайлович <...> сказал, что не верит в наше время в возможность существования такой власти, которая в своих различных мероприятиях не вызывала бы справедливого негодования и желания протеста и борьбы. Но должна ли борьба находить выражение в университетских забастовках? Наука – важнейший фактор прогресса. Недопустимо подготовку молодежи к научной деятельности ставить в зависимость от действий властей. Университет должен, как лазарет во время войны, оставаться под белым флагом»⁶⁸. В этом отношении позиция Вейdle близка позиции учителя, но в воспоминаниях сформулирована более откровенно и категорично. Речь идет не только о чувствах юноши 1910-х годов, Вейdle одновременно определяет норму, которая представлялась пожилому ученому – в противоположность увлеченным политикой студентам предреволюционной России и Запада 1960–1970-х – основной университетского мира.

Вейdle создает лаконичные, но запоминающиеся портреты своих учителей, не прибегая к развернутому повествованию, не упоминает драматических событий, о которых, без сомнения, знал в ту пору каждый студент. Так, например, характеризуя гражданские убеждения И.А.Бодуэна де Куртенэ, он лишь вскользь говорит о преследованиях, которым ученый подвергался со стороны властей, ни словом не упоминая его увольнение из университета и тюремное заключение в 1914–1915. Мемуаристу важно другое – выявить особенности личности и мышления преподавателя, которые открываются ученикам на лекциях, семинарах, экзаменах вне зависимости от сознательно усваиваемых сведений. Например, Ф.Ф.Зелинский «очень много мне дал – прежде всего <...> взволнованной серьезностью своего тона...». М.И.Ростовцев «умел, как никто, ввести нас в свою мысль, заставить почувствовать ее движение». А.И.Введенский «преподаванием <...> не личность,

⁶⁷ Ср.: Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С.155.

⁶⁸ Там же. С.170.

в ее своеобразии, воспитывал, а одинаково полезную любым личностям честность и ясность разума – или пусть только рассудка. <...> И экзаменуя нас, он прежде всего искал убедиться, мыслим ли мы сами».

Университетские воспоминания Вейдле – не традиционные «свидетельства очевидца», не фиксация событий «в помощь историку». Нет здесь и рассказа о круге общения – например, об обстановке семинаров Гревса или товарищах-студентах. На страницах книги не столько реконструируется текущая жизнь, сколько воскрешается дух университета. Италия для мемуариста – мир искусства и истории, овеществленное прошлое Европы, система критериев для последующих эпох. Университет также представляет одну из основ мира Вейдле. Он оформляет сознание, учит мыслить и определяет систему ценностей. При этом, подчеркивал автор «Зимнего солнца», «...никакое образование, никакая внешняя причастность к благам культуры не избавляет людей ни от глупости, ни от низости. <...> если культуру принимать всерьез, следует признать, что состоит она не из знаний, хоть и нуждается в них, не из умений, в смысле технических сноровок, а из понимающий не поддающихся ни точной проверке, ни систематическому подсчету»⁶⁹. Эта мысль может послужить камертоном воспоминаний ученого о времени его становления. Эти годы позволили Вейдле без колебаний сказать: «...когда ближе узнал французские, немецкие, английские, американские университеты, ни разу не пожалел, что учился не в одном из них, а в петербургском университете».

Воспоминания Вейдле публикуются по текстам, принадлежащим Бахметевскому архиву Библиотеки редких книг и рукописей Колумбийского университета в Нью-Йорке (Bakhtmeteff Archive, Rare Book and Manuscripts Library, Columbia University). «Сто дней счастья, или Моя первая Италия» публикуется по авторизованной машинописи, сверенной с рукописным текстом (W.Weidle's collection. Box 15). Фрагмент «Обетованная земля» приводится по изданию: *Вейдле В. Зимнее солнце. Из ранних воспоминаний*. Вашингтон, 1976. С.193-196. Раздел «Младые лета» публикуется по рукописи с обширными машинописными вставками скриптов радиопередач.

Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Особенности авторского написания сохранены. В этом отношении воля Вейдле была шутивно, но настойчиво выражена в письме к машинистке издательства Камкина, озаглавленном «Умилостивительное послание неведомой переписчице сих неряшливых листов»: «Вы заметите также, что я пишу то “мною”, то “мной”; то “скорее”, то “скорей”; то “движение”, то “движе-нье”; то “что же”, то “что ж” и т.п. Поступайте так же, и простите эти мои чудачества. Беда вся в том, что я слушаю свою речь, когда пишу, и чем старше становлюсь, тем все больше мне хочется, чтобы и читатель ее слышал. А ему-то, наверное, все равно... Ну, пожалуй, два, три найдутся! Увы! Для них и пишу. <...> Всегда я был чудаком, а на старости лет стал страшным педантом, по части различных литературно-типографских мелочей»⁷⁰.

⁶⁹ Вейдле В. Зимнее солнце... С.95.

⁷⁰ См. копию письма – ВА. Box 7.

Публикация является результатом исследований, проведенных в Bakmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (New York), Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University (New Haven), Amherst College Center for Russian Culture (Amherst, MA) благодаря поддержке со стороны The Getty Grant Program в 1993–1994 и The Fulbright Program в 1997–1998. Приношу искреннюю благодарность нынешнему и бывшему хранителям Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой и Эллен Скаруффи.

СТО ДНЕЙ СЧАСТЬЯ, или МОЯ ПЕРВАЯ ИТАЛИЯ

Книга моя «Зимнее солнце. Из ранних воспоминаний», вышедшая два года назад в Вашингтоне, в издательстве Камкина, состоит вся из коротеньких главок, большая часть из которых была в свое время прочтена мною для нашего Радио и передана в эфир. Последняя из этих главок, «Обетованная земля», уже говорит о моем итальянском путешествии 1912 года, с матерью моей и моим школьным товарищем Шурой Куренковым, но описывает лишь самое его начало (остановку в Вене и приезд на остров Капри). Все остальное решил я отложить до второй книги моих ранних воспоминаний, которая озаглавлена будет «Младые лета». Начну ее скорей с поступления в университет в том же двенадцатом году. Тут уж в самом деле кончилось мое отрочество – или первая юность. И хоть с Италии мои младые лета начались, но так радостно, так безоблачно, что я лучше их оставлю в соседстве с самыми ранними моими беспечальными годами и в новом издании к «Зимнему солнцу» пристегну.

Обетованная земля

Все осталось как было. Едва ли и могло внешне что-либо измениться. Но теми же остались и чувства, как мнимых (вернее, подлинных) моих родителей, так и не признавшего своей мнимости мнимого их сына. Через неделю или две мы отправились в путь. Отец проводил нас до Вены. Понял я, хоть и молча – мы с ним никогда не говорили «по душам», – что с его стороны поездка эта подарком мне была ко дню рожденья, ко дню объяснения. Оплату путешествия Шуры он взял на себя. Баловал меня в тот год и по-другому. Когда мы вернулись, я нашел свою просторную «детскую» комнату

на даче разделенной: спальня и кабинет. В кабинете был новый книжный шкаф и письменный стол с вертящимся креслом. Будь у меня к тому охота, подарил бы он мне моторную лодку или верхового коня. Но цены настоящей не знал железнодорожным билетам, мне врученным, и врученному матери красному кожаному конверту с письмом Лионского Кредита. Не оценишь этого ни в каких лирах и рублях. Я увидел Италию.

Обетованная земля! Ничего более решающего для всего дальнейшего в жизни моей не было, и никогда, за всю жизнь, не был я так безмятежно, длительно и невинно счастлив, как на ее заре в эти итальянские сто дней. Нет и воспоминаний у меня более радостных, прочных и подробных. Рассказать? Конца не видно. Надо ими книжку начинать, а не кончать. Столь радостны они, что в одном уж наверно и обманчивы: нет в памяти моей, из всех ста, ни одного дождливого дня. Солнце да солнце; и не зимнее, даже теперь, в окно мне светит, когда о них думаю, а самое яркое, хоть и не палящее, весеннее. Невзгоды и те хороши, о неприятностях думаю с приятностью. Все смешное – и его было немало – кажется умилительно смешным. Все досадное – словно не было его; давным-давно забыл я свою досаду. Степень прошедшего счастья едва ли не этим измеряется всего точней. И еще, может, тем, что исчезло оно, прошло, а горечи все же нет в том, что стало оно прошлым.

В Вене, на четвертый или пятый день, предосадно уложила меня в постель очередная назойливая ангина. Я ведь даже и последние два реформатских выпускных экзамена в постели сдавал из-за нее. Но тут, вместо недели, прошла она в три дня. Многоопытный седенький ласковый врач прогнал ее лимонным мороженым, не прибегая ни к смазываньям, ни к полосканьям. Мороженое, доставлявшееся из соседней кондитерской шесть раз в день, было превосходное, а в промежутках я тоже не скучал; каталоги просматривал, золотое тепло Тициана вспоминал и матово-прохладные созвучия Андреа дель Сарто, да и не итальянское кое-что, сыновей Рубенса, например, во дворце Лихтенштейна¹. Накануне ангины там побывал, а вечером почти на премьере (третьем представлении) *Rosenkavalier*'а под управлением автора (помогло тут Рихарду Штраусу искусно стилизованное либретто Гофманстала, исключавшее все надутые и громоздкие громогласности)². Так что, пусть и мельком, но габсбургскую столицу повидал, и когда поезд нас уносил далеко, далеко на юг, жалел, что не ближе ее узнал, хотя и думал вновь повидать ее не через сорок с лишним лет, когда мне было суждено – или уже не ее, не совсем ее? – нет, ее, ее, осиротевшую, но милую, дружелюбную, памятливую, вновь увидеть³.

На юг, далеко на юг, – потому что из Вены мы прямо отправились в Неаполь. К вечеру проскользнули мимо лагуны (ничего, вер-

немся, когда станет потеплей, в Венецию) и мчались потом всю ночь, миновали Падую, Феррару, Болонью, Флоренцию, Рим, даже в Неаполе утром не задержались, с пароходной палубы любовались им, завтракали уже на Капри, отдохнули немножко в гостинице, а потом гуляли, вышли к морю. Мама белый зонтик раскрыла, на скамью присела, покуда мы с Шурой, плоских камушков набрав, швыряли их рикошетом вдаль, заставляя сверкать синеву; и пахло йодом, и бездонна была синева сверху и внизу, и неподалеку, на тонких деревьях, вызревали большие, шершавые, толстокожие лимоны. Нашвырвавшись до одури, мы сорвали, разрезали один; ново было для нас свежее его благоуханье. Потом в городок вернулись. У крыльца гостиницы крестьянин какисы продавал, принесенные им в большой корзине. Незнакомы были нам эти обетованной земли плоды. Шура их полдюжины съел, до того пришлось они ему по вкусу. Съел и объелся. Пришлось «тете Оле» компрессом и оренбургским платком его обвязывать, горячим лекарственным напитком поить; наутро стало ему лучше, но велела она ему ничего не есть и полежать, и мы с ней без него прогулялись в Анакапри. А на следующий день уже все троим докарабкались до виллы Тиверия, и подползли мы с Шурой на животах к самому краю отвесных высоких скал и глядели долго вниз, где жидкий, пену над собой выбрасывающий изумруд сражался не на жизнь, а на смерть с тяжелой густотой сапфира. Так встретила нас Италия.

Или, смеха ради, рассказать о том, как она встретила нас у самой границы своей, в Удинэ? Отобедать там надлежало. Деревянный поднос со снедью и вином вручили нам в вагонное окно. Я налил вина маме, начал наливать себе, но заметил торчавший в горле графинчика стебелек – хватать, и вытащил за хвост мертвого мышонка. Маме, уже хлебнувшей глоток, чуть не сделалось дурно. Шура выскочил на перрон, искать буфетчика. Тот взял графин и, театрально размахнувшись, швырнул его об стену, так что он разбился на мелкие куски, а затем преподнес с низким поклоном Шуре большую соломой обернутую флягу белого Кьянти. Отпили мы из нее самую малость; мама, отведав мышиной настойки (не причинившей ей, впрочем, ни малейшего вреда), не могла ни пить, ни есть; а ночью фляга, неосторожно подвешенная на своей соломенной петле, упала и разбилась, после чего, наперекор всем стараньям, винный дух не покинул нашего купе до самого Неаполя.

Пустяки, пустячки. Вроде того, как в Риме, ровно на один день, так почему-то заболела у меня нога, что я утратил способность передвигаться, и мама с Шурой без меня присутствовали на папской аудиенции. Смешные маленькие злключения. Зачем вспоминать о них? Затем, что Италией они мне милы. Вот и поведу о ней речь, если будет мне дано продолжить мои воспоминанья. Это новый их

раздел. Здесь, на обетованной мне земле, отрочество мое в юность перешло. Что ж, влюбился я там впервые по-настоящему, что ли? Вот, вот, но соперниц у нее было: в одну Италию. Сто дней этих прожил без вожделенья, как и без телячьего влюбленья; ни до того, ни до другого, на удивление потомству, я еще тогда и не дорос. Любовью любил. Первая она была и основная, воспитательница всех любовей, узанных мною позже, и которых без нее не узнал бы я, быть может, никогда, – к странам, провинциям, городам, к очеловеченной природе, к воплощенной в очеловечении этом истории. Эрос такого рода захирел и выветривается теперь, но многим был свойствен в прошлом веке и в начале нашего века. Ему научила меня Италия. Если б я ее на пороге юности не встретил, не стал бы я тем, кем я стал. – Кем я был. – Не написал бы, пожалуй, и этих моих детских и отроческих воспоминаний.

Начинается Италия

Еще в поезде, вечером, покидая альпийские высоты, и ночью, просыпаясь на станциях – Болонья, Флоренция, Рим, – а затем на острове все три дня, нет-нет да и нашептывал я себе эти заветные два слова; но теперь, когда отчалил пароход, и «Addio Capri» было спето, и, миная Сорренто, мы стали приближаться к сиявшим издалека берегам, перекрестился я потихоньку и еще набожней стал мысленно повторять «начинается Италия». Как если бы то же самое это значило, что у Данте в зачине его первой книги, «начинается новая жизнь»⁴.

Вот она, обетованная земля! К ее солнцу на острове привыкнув, в ее морские ворота я въезжал. С моря открывалась мне она, как некогда грекам, селившимся на этих берегах, задолго до того, как волчица выкормила Ромула и Рема. Отлично мы сделали, именно такой маршрут избрав, пусть и всего лишь по соображению, что здесь и в марте совсем тепло, а по мере созревания весны мы будем не спеша двигаться на север.

Мы все трое на палубе теперь. Предвкушаем Неаполь. Мама пестрый платок, вчера купленный, на голову накинула, чтоб ей ветер волос не растрепал; Шура, приятель мой, вооружился малополезным в мореплавании отцовским оперным биноклем; я же – то в Бедекер⁵ загляну, наставляя их обоих насчет того, что мы видим или скоро увидим, то бегаю вдоль и поперек, нетерпеливо трепеща от ни на что не похожего младенческого восторга. Веду себя, по маминым словам, точно не семнадцать мне лет, а семь. Шура на год старше и на два, говорят, взрослей, хоть и не я, а именно он какисами объелся на Капри. Да и по правде сказать, когда я на седьмом десятке лет впервые к Пирею подплывал и Акрополь с палубы увидел, разве я не так же внутренне затрепетал от нетерпеливой ребячливой радости?⁶

Вдалеке широчайшим амфитеатром поднимался город к верхнему своему дворцу. Справа, над правой горой двуглавой горы, дымное облако заметно расширилось. Стабия отплыла назад (нынешнее Каstellамаре), где во время извержения, погубившего соседние города, умер, задохнулся, по рассказу его племянника, в серном дыму Плиний⁷, чьи слова точно так же мог бы я теперь твердить. Их эпиграфом взял к своему, лежавшему в моем чемодане, «Чичероне» Яков Буркгардт, председатель невидимого союза всех живых и мертвых друзей Италии⁸.

Наес est Italia diis sacra⁹. Вот она вся передо мной, партенопейская¹⁰, а за ней и остальная, богам посвященная, священная издревле земля. И даже не одна Италия. Ведь о каких богах идет у Плиния речь? О греческих, пусть и под новыми именами, больше чем о римских или первобытно италийских. Грецию я увижу или учую на этой любезной богам, но угодной и Богу земле. Не здесь ли, в ПUTEОЛАХ (Поццуоли), Савл, ставший Павлом, сошел на берег со своего Диоскурам вверенного корабля?¹¹ Хоть и бушевал, да невредимым доставил его Посейдон в страну его мученической кончины, как и — тем же ли путем, неизвестно — брата его во Христе, Петра. Но и независимо от этого Храм Посейдона в Пэстуме, который я твердо предписал себе увидеть, не языческая, а греко-христианско-европейская, всего нашего прошлого, святыня...¹² Так я думал — или так мне следовало думать, — когда, черным дымом пыхтя, приближалось суденышко наше к толстым башням Каstellнуово¹³, и, во всяком случае, так сбылось. Брег Авзонии¹⁴ оказался для меня как бы и берегом Эллады.

Оттого, через столько лет, именно греческой своей стороной и вспоминается мне всего живей мое первое пребывание в Неаполе. Позже, в последние годы жизни, я и многое в нем отнюдь не столь древнее полюбил, а в тот приезд, кажется, даже Чертозу Сан Мартино¹⁵ не повидал, как и неаполитанской живописью «сеиченто»¹⁶ не поинтересовался. Зато часы, проведенные в Пэстуме, — не больше, чем четыре или пять, — в существе моем отпечатались на всю жизнь и остались одними из самых драгоценных среди подаренных мне Италией. Спустя полвека, лет пятнадцать назад, я прожил там три солнечных осенних дня, сняв одну из двух комнат, сдававшихся при остерии, только садиком своим отделенной от главного храма и построенной сплошь из мощных каменных плит доримской пэстумской стены. Прожил я там эти дни столько же ради них самих, сколько в память первого свиданья; знаниями оснащенный, которых тогда у меня не было — но которые не намного большегодились бы мне тут, чем Шуре его бинокль на каприйском пароходе¹⁷.

Поэзия сильнее истории, по крайней мере, в избранных ею местах и в открытых ей сердцах. Зато если б и единственным осталось то первое свиданье, жил бы во мне Пэстумский храм до конца моих

дней и все равно не утратил бы я обретенного мной в их начале сознанья, что стыдно жить вяло, низменно или малодушно, покуда образ этот в тебе не совсем угас. Понять это (если не испытать) можно, пожалуй, и на фотографии глядя, но никакими снимками не передаваем по-неземному земной общий пэстумский пейзаж. Недаром Александр Иванов избрал его фоном своего «Явления Христа народу», но сути его передать, при всем благоговении, не смог. Ветерок морской, шевелящий траву, был бы ему для этого нужен, и вся ширь травяной равнины, близ трех храмов восходящей к морю, но лишь совсем вдалеке от них огражденной тесной цепью каменистых гор. Горы эти величавы, но не грозны. Тень и свет в прятки играют друг с другом на их не слишком крутых песчаных, скалистых или кустарником поросших склонах. Мы решили, поглядев на них с Шурой, что, если идти к ним от храмов весь день, к вечеру до них дойдешь, а то и подняться на них успеешь, но, пожалуй, лишь до половины. Как они показались нам милостивы и человечны в мирном своем и безлюдном бытии!

Из Неаполя на поезде мы ехали до захудалого полустанка, где на досках платформенной будки крупными черными буквами начертано было латинское имя давным-давно исчезнувшего города. Вокруг – никого, ничего: две-три ветхих постройки, трава. По тропинке мы шли к проселочной дороге, идущей вдоль храмов и превращенной нынче, увы, в шумный асфальтированный тракт. Никто, кроме нас, не приехал в то утро на станцию Пэстум; не было никого возле храмов, пустынна была и дорога. Поразило нас больше всего, что храмы стоят просто так, без предисловий, на траве – на самой простой траве, как в России, как у нас в Райволе¹⁸, на даче. Тысячу лет жили живыми среди живых, еще полтора <тысячелетия> без малого прожили посмертно; до конца предпоследнего века и неведомы были никому. Два других – полуразвалины, хотя колоннадами своими внушительно прекрасны, и один храм Посейдона сохранился много лучше. Так совершенна логика его форм, так несокрушима строительная мощь, такая истовость вложена во все его существо, что вполне оправданными кажутся три недоступные шагу ступени его гигантского постамента. Пугливой матери моей представлялось, что, карабкаясь по ним, мы непременно с Шурой оборвемся. И в самом деле, много лет спустя юный сын французского литератора (Андрэ Руссо¹⁹), взбираясь на верхнюю ступень, упал головой назад и расшибся насмерть.

Парфенон стройней и легче, но приземистый в сравнении с ним Пэстумский храм как-то зато горячее (не только по цвету: жарче, нутром говорит, хоть и духу отраднее его речь). Строгая, строго-дорическая, еще не тронутая, как там, в Афинах, ионийскою грацией и улыбкой... Гете одним из первых ей внял с достойным ее волнени-

ем и восторгом. В одном его позднем (к женщине обращенном) стихотворении «на случай» есть совет: «останься ясной и цельной» (bleibe klar und ganz)²⁰. Не Пэстумский ли храм преподавал эту мудрость, которую и нам не перестал преподавать. Нарочитая дидактика пресекает восторг или ему вредит, но при восприятии произведений подлинно возвышенных, сам восторг возвышает, он сам дидактичен: учит душу высокому строю души. Оттого можно думать, что и смерть того молодого француза была хороша, высока, вознесла его душу к тем близко-далеким тенистым и солнечным холмам. А русские два юнца, в 12-ом году? Нет, они с крутых ступеней не сорвались. Хоть не без грусти, а радостно-молодо с храмом расстались, но чему-то и их он научил, молчаливо. Чему именно – поскольку оно изъяснимо словами, младший тогда же и попытался – не помню как – старшему это уяснить.

Греческое уяснить. И еще раз – в неаполитанском музее – был я греческой осой ужален, чей укол не заживает никогда. Там хранится «между прочим» – но стал он всего прочего мне дороже – мраморный Фидиева века рельеф; не он сам, а лучшая из всех известных его копий, на четыре или пять веков моложе, но превосходным мастером высеченная, вероятно, в Греции и, несомненно, греком. Возле трех фигур, идущих друг за другом, – греческие надписи: Гермес, Евридика, Орфей. Гермес идет позади, он вывел Евридику из Аида, сопровождает ее, чтобы вернуть ее мужу по соизволению богов. Орфей впереди, но вот обернулся он, вопреки запрету, чтобы увидеть милый образ жены, и уже тихонько берет вожатый ее левую руку, и уже свою правую кладет она прощально на плечо Орфея, глядит на него со скорбью и тихим укором, а тот, пусть и зная, что не удержит, пытается мягким движением кисти руку ее на своем плече удерживать.

С грустью глядит на обоих и стройный юноша-бог. Не бывает казанья нежней и легче того, что отнимает – теперь навсегда – у Орфея его Евридику. Во всем этом не то что нет крика; нет даже и вздоха. Только греки так достойно умели покорствоваться тому, чему сопротивляться невозможно, – так тихо, с такой высокой простотой. Мрамор этот и сейчас для меня – икона любви и разлуки.

Явлена мне была, с первых же моих шагов в Италии, и Греция. Нужно мне это было особенно потому, что я не получил в средней школе классического образования²¹. Итальянская поездка заменила мне по-своему гимназию. Смутно чувствовал я это и тогда; оттого так безнатурно и все же так настойчиво впитывал в себя все, что мне Италия дарила, и с наибольшей жадностью все то, чем она Грецию воскрешала и что ее с Грецией роднит. Оттого не зря и повторял: *incipit Italia; incipit vita nova.*

Неаполитанская неделя

Весело учась... Да и кто же, кроме зубрил и тупиц, учится невесело? Вот именно: весело учась, постигали мы Неаполь, и в Неаполе Италию.

Какой сумасшедший, роскошный, нищенский, злой и до одури веселящийся – обреченный веселиться – город! «Рай», – сказал Гете; «ад, чертей слабоумных полный», – проворчал Рескин девяносто лет спустя²². Нынче, если с моря глядеть, адское пламя окаймляет его с двух сторон, вспыхивая день и ночь, возле Позилипо и на том же расстоянии справа, поверх каких-то металлических мачт, – а ведь «паусилипон» по-гречески значит «конец всех бедствий». Иначе сказать – оставь заботу навсегда. Что ж, так оно и есть. Неаполь и в самой одержимости своей остается весел и беззаботен. Баратынский, вслед за Гете, раем назвал его в письме к другу своему Путяте; беззаботное блаженство тут обрел и так утомил им сердце, что, взволновавшись болезнью жены, чуть ей стало лучше, к праотцам отошел – совсем бестревожно, во сне²³.

Нынче по *via Partenore*, между гостиницами и морем, мчатся машины, все в одну сторону, в пять рядов, а мы, в двух шагах оттуда, на Кьяйе, с открытыми окнами спали, и никакой шум нас не будил. Приехали в отель Хаслер к завтраку, днем уже осматривали что-то, кажется, церковь Монтеоливето, уголок Флоренции в Неаполе²⁴, а вечером, не успели отобедать, как подошли к гостинице четверо певцов (трое мужчин и женщина) и запели, и добрые двадцать минут прекрасно пели, и монеты им бросали с этажей, и кричали «бис», и пели они опять. Потом гуляли мы у моря и ели мороженое на террасе кафе, а когда мама поднялась к себе, мы еще раз с Шурой вышли к морю, подошли к каменному парапету, подобному тому, что на Неве, и стали глядеть. Справа и слева мерцали, а то и сверкали огни, но прямо перед нами ровно ничего не было: запах моря, легкий плеск, теплый запах безлунной и беззвездной ночи.

– Смотри, Шура!

– Да ведь ничего не видно.

– Вот туда и гляди, где ничего нет.

Оторваться я не мог от этой дышащей тьмы. Мы вернулись в гостиницу, но я вышел снова один: глядел и глядел. Веяла мне ночь в лицо. Шура уже свет потушил, когда я вернулся в нашу комнату.

Выспались на славу. Проснулись рано. Еще до кофе побежали к морю. Никого; город еще спал. Вблизи и вдаль все искрилось и сияло. Вверху и внизу все тонуло в золотистой синеве. Шура пустил камушек по воде. Камушек подпрыгнул и растворился в свете. Тут нас издали увидел мальчуган лет двенадцати и спешно устремился к нам, держа под мышкой большую бело-розовую раковину, из тех,

какими «на севере диком» обкладывают садовые клумбы. Близко подойдя, он поднес ее ко рту, и звук, раздавшийся тогда, был столь пронзающе свиреп, что рука моя сама собой опустилась в карман и я положил две медных монеты на заранее раскрытую мальчишкину ладонь. Он пренахально воззрился на Шуру, у которого мелочи в кармане не оказалось, но соблаговолил все-таки уйти; да и заметил выходявшего из своей гостиницы тощего седого англичанина, которого тотчас тем же манером атаковал. Старик топнул ногой, заткнул уши, но пришлось и ему вынуть из кошелька сверкнувший на солнце итальянский гривенник.

Гостиница наша была, вероятно, второй категории, но по-швейцарски подтянутой и лучшего тона, чем можно было ожидать по плате, взимаемой за пансион. Шура не только с такими, но и ни с какими гостиницами до нашего путешествия не был знаком, этой стороной нашей жизни был очень доволен, тем более что и покушать любил, а кормили у Хасслера хорошо. По непривычке, однако, вел себя как раз за столом хоть и совсем паинькой, но подчас немного уклюже <sic!>. Поднесет ему блюдо облаченный во фрак камергер (cameriere – зовется в Италии официант), а он так долго глазами выбирает свой кусок, что у камергера начинает дрожать рука и смущенный Шура кладет себе на тарелку не грудку куриную и не ножку, а небогатое плотью, да и подсохшее слегка крылышко. Когда случилось такое – на второй, кажется, день, – сидевшая в одиночестве за соседним столом дама сделала знак подающему, чтобы тот предложил блюдо Шуру во второй раз. После чего моя мама, отнюдь не чуждавшаяся новых знакомств, немедленно с ней разговорилась. Что до меня, то я еще накануне ее заметил: к супу она каждый раз настойчиво требовала тертого сыру, который ей и подавался малолетним помощником официанта, приговаривавшим, в подражание ей, но слишком широко раскрывая рот: кэз, кэз. Дама эта, фрау Буресси, была не больше не меньше, как владелицей кельнской одеколонной фирмы Johann Maria Farina. Не забуду я ее и в дальнейшем рассказе. А Шура-то, Шура! До случая с крылышком ни разу он в сторону соседнего столика и не поглядел!

Но не засиживаться же в столовой: нас ждет Неаполь. Вся Мерджеллина сегодня в цветах, и Вилла Национале полна детишек с букетиками в руках и венками на головах. Вечно празднуют что-то в этом городе, вечно не протолкнуться на *via Toledo*, на Толедо, как здесь запросто говорят и куда спешат отовсюду неаполитанцы и форрестьеры <forestiero (итал.) – чужеземец>, не столько по делам или для покупок, сколько ради самой этой толчеи. Однажды, в поисках площади Данте, мы долго, с толпой заодно, взад и вперед по ней ходили, пока не обнаружили, увидя памятник, что это она сама и есть. Поднимались на лифтах, зубчатках, извозчиках и пешком к тем высотам, откуда открываются виды на залив и город. Ездили, кроме

Пэстума, конечно, и в Помпеи, где одна лишь аллея гробниц захватила меня целиком, а все прочее было осмотрено без восторга, с одним лишь любопытством. В Кумах побывал я лишь много позже, а на Флегрейские поля мы хоть и съездили, но лишь для того, чтобы Сольфатру, «собачью пещеру», повидать, где собакам смерть, отчего она собачьей и зовется²⁵. На Везувий подняться тоже не преминули, хотя до самого кратера, помнится, и не добрались. Экскурсия эта показалась мне настолько малоинтересной, что я ее позже ни разу не возобновил. Да и на Сольфатру во второй раз не съездил, зато стародавняя поездка туда, не очаровав меня, ознаменовалась, однако, комедийным интермеццо, характерно неаполитанским. Сыграно, впрочем, ничего не было; состоялся только диалог.

Мы ехали на чем-то вроде дрожek все вместе по дороге, шедшей вверх спиралью, но ненадолго я остался с Шурую вдвоем, так как мама решила подыматься по тропинке, пересекавшей напрямик дорогу. Как только исчезла она из виду, наш возница повернулся на козлах и, обращаясь к Шуру, как к старшему, произнес коротенькую речь. В отличие от Шуры, я ее суть уловил и сказал ему:

– Знаешь, он предлагает нам за скромную плату свою племянницу тринадцати лет. Очень, мол, хороша собой.

– Что? Пошли его к черту! Как он смеет!

Шура сжал кулаки и густо покраснел. Я сказал веттуруину <veturino (итал.) – извозчик>: «Нет. Не интересуемся. Пошел!» Тот, однако, не уgomонился, стал что-то объяснять, обращаясь уже ко мне. Понимал я его с трудом, но понял все же, что имеется у него для нас еще и племянник, помоложе на три года. Этого я не решился Шуру и перевести. Сказал, что все пристает насчет девочки. И тут, к счастью, нагнали мы нашу альпинистку. «Тетя Оля, садитесь к нам, вы устанете», – как-то даже и строго сказал Шура. Веттурин стегнул вожжами лошаденку и больше рта не раскрывал. Невинность наша подверглась, однако, в Неаполе еще и другому испытанию. В Музее. А насчет первого я позже в «Образах Италии» Муратова вычитал, что формула *bellissima ragazza di tredici anni* <красивейшая девочка тринадцати лет. – (итал.)> прочно вошла в неаполитанский фольклор и возникла, во всяком случае, задолго до того, как Муратов и я родились, на десятилетнем, примерно, расстоянии друг от друга²⁶.

Тяжелого, но и великолепного барокко дворец, в центре города, вмещал в те времена, кроме «антиков», еще и картинную галерею, которая с тех пор переехала на вершину горы в Палаццо Каподимонте²⁷. Картины эти принадлежали некогда семье Фарнезе, и находились, как и все «антики», кроме найденных близ Неаполя, в римском ее дворце. Мы осмотрели сперва древностям отведенные нижние залы, потом поднялись в галерею картин, потом опять спустились вниз. «Тетя Оля» утомилась. Блуждая по нижним залам вдво-

ем, мы обнаружили матово застекленную дверь с надписью: «Вход воспрещен» и сторожа, сидевшего рядом с ней на табурете. Увидя нас, он встал, вынул правой рукой из кармана ключ, а левую черпаком протянул для получения незаконной mzды. Я ему почти машинально ее дал, после чего он отпер дверь, втолкнул нас в нее, сам вошел и запер ее вновь на ключ. «Здесь, – сказал он важно, с едва заметной кривой усмешкой, – собраны преимущественно пасторальные мотивы. Дальше будет интересней». Шура, однако, поглядев на стены, сплошь завешанные рельефами и фрагментами росписей, изображающих сатиров и коз, и разглядев, как именно обходятся с козами сатиры, немедленно воскликнул: «Гадость какая! Сейчас же уйдем!», и мне пришлось на франко-итальянском волапуке со всей настойчивостью от сторожа потребовать, чтоб он выпустил нас из запретной галереи.

Неаполь преддверием был для меня, искал я в нем не его, а наслаждался им, вместе со спутниками моими, просто потому, что невозможно было этой смесью преисподней и небес, столь живой, да еще и весенней, не наслаждаться. Но живопись, ею же порожденная, еще меня не трогала. Ни Солимену я еще не оценил, ни чудесного (тогда еще, правда, и вовсе оставшегося не «открытым») Бернардо Каваллино²⁸. Что же до помпейских или родственных им фресок, то они мне и сейчас никакой настоящей радости не дают. В них нет стиля, единства, они склеены из цитат. Впоследствии я научился цитаты эти угадывать, отличать, хоть и далеко не повсюду, перевернутые от достоверных – или, верней, от правдоподобных, потому что нет оригиналов, с которыми было бы возможно их сравнить. Отдельные головы, фигуры, движения, элементы композиции бывают прекрасны; но лишенное целостности целое включает их в контекст, не позволяющий созерцать их без помехи. Мешает этому и пространственное построение их, вернее, недопостроенность избранного ими пространства, что противоречит всей европейской живописи от Джотто до Сезанна и не компенсируется никакой последовательной условностью. Какая благодать рядом с ними, в том же музее, погребальное шествие-пляска V в. до Р.Х. тридцати шести дев или жен из Руво²⁹, где третье измерение попросту сведено на нет! Но худшее в тех из лавою залитых жилищ выломанных фресках это то, что они, в отличие от ваз, не просто обедняют наше представление о греческой живописи, но его – быть может, непоправимо – извращают.

Тогда я, впрочем, просто невлюбил их, только и всего. Из фотографий, продававшихся в музее, выбрал одну лишь мозаику с битвой Дария и Александра, которая все-таки нас с Шурой не на шутку увлекла. Присоединил я к ней, помнится, Орфея, так называемую Психею из Капуи, пляшущего Сатира и бронзовую голову Диониса

(или Диониса-Платона, как она по традиции называлась), а из галереи картин «Слепых» Брейгеля, «Папу Павла III с племянниками» Тициана и «Распятие» Мазаччо, где поразил меня красный плащ и широко раздвинутые воздетые руки со спины видимой Магдалины; но, кроме того, «Атланту и Иппомена» Гвидо Рени: Эрмитаж успел во мне оставить предрассудки, еще прочно державшиеся тогда, на счет этого мастера и всей болонской школы³⁰. Так барокко представляло себе Грецию, если по Греции вздыхало. Совсем ложно. А все-таки...

Не досмотрели мы Неаполя. Нам бы и на месяц его не хватило. Но как нам было скорбеть об этом, когда впереди был Рим?

Над Испанской лестницей

Не верите? Как хотите, а это все-таки правда. Мы жили над Испанской лестницей, рядом с церковью Trinita dei Monti³¹. Из наших окон третьего этажа был виден Купол, было видно много других куполов и добрая треть Рима, но заметьте: Национального памятника видно не было. Сомневаетесь? Спросите инженера Куренкова. Если жив, он не забыл. Так проникся отвращением, мной ему внушенным, что, вернувшись в Петербург, не переставал рассказывать: «Повезло нам! Из наших окон в Риме ух какой был вид, а Национальный памятник, торчащий рядом с Капитолием у всех на виду, виден не был!»³² И когда слушатели удивлялись: «Что же тут хорошего!» – он им убежденно объяснял: «Весь-то он из белого мрамора, а статуи – король на коне, две квадриги наверху – ярко-золотые». Тут барышня: «Ах, да ведь это, наверное, очень красиво!»

– Что вы, что вы, огромный, сахарный, а позолота – все равно что орехи золотят, чтоб на елку вешать! Препротивный! Мы когда в кафе на площади сидели, всегда в сторону Корсо или на Палаццо Венеция глядели, спиной или боком к нему садились, всегда, всегда! Зато из окон наших пол-Рима было видно, а его, как влево ни нагибайся, все равно не увидеть. Не то что с Пинчио глядя или с Яникула³³, откуда хочешь: тут как тут он, прямо посередине и торчит.

Ежели нет больше Шуры или нигде вам его, от пинских болот до манчжурских сопок, не сыскать, поезжайте сами в Рим. Гостиница все стоит на прежнем месте, лишь зовется иначе, и куда дороже стала, и живут там больше кинематографические дивы и дельцы. Не по карману она мне. Больше я никогда не останавливался там. А в те времена тому же владельцу она принадлежала, как и неаполитанская исчезнувшая ее сестра, так и звалась³⁴. Тамошний портье нам и комнаты в ней заказал, да и фрау Буресси маме ее рекомендовала, скоро, мол, и сама туда приедет. Перспективы и в Риме видеть ее каждый день мне и Шуре не особенно понравились. Немножко назойливой

она была, при всей холодности своей, и любила досадные сравнения. Похвалишь при ней Неаполитанский залив, а она: «Да, конечно, только в Сиднее, знаете ли, вид еще гораздо грандиозней». Побывала она всюду, чего доброго, и в Соборе Святого Петра скажет, что где-нибудь у мормонов на Соленом озере...

Но гостиницей, ею указанной, очень остались мы довольны. Виду из окна радовались каждый день. Отраднo нам было, что живем и в Риме, и над Римом; что такая чудесная прогулка, вверх мимо виллы Медичи, отсюда до террасы Пинчио, что по виа Систина, минуя дом, где жил Гоголь, можно спуститься к пьядца Барберини, а оттуда, по той же прямой линии, подняться к четырем фонтанам³⁵, и далее, спустившись и вновь поднявшись, дойти до обелиска, что поставлен перед апсидой Санта Мария Маджоре; но всего больше, что со спуска и подъема по Испанской лестнице начинались и кончались все наши странствия по старому папскому Риму, будь то к пьядца дель Пополо, или к палаццо Фарнезе, или к Пантеону.

Как хороша она, Испанская лестница, то широкая, то поуже, в улыбочивой затейливости своей! Не рококо называется это в Италии, а гораздо метче для ее собственного XVIII века: барокетто. Подходишь к ней по нарядной виа Кондотти и, если в кафе Греко не удержишь тебя тени Александра Иванова и Гоголя, обойдешь фонтан старшего Бернини, изображающий разбитую ладью, и купишь цветов у подножия лестницы, да и полюбуешься ею, прежде чем по ней подняться. Тут же направо – входя в дом или не входя – Джона Китса помянешь, который в комнате над цветочным рынком умер³⁶. А порою налево, напротив, в английском tea room'е чаю мы себе, все трое, с поджаренным хлебом и горьким вареньем закажем. Это, в сущности, моя первая Англия была, за двадцать почти лет до настоящей³⁷, дополненная чаепитиями в таком же заведении, находившемся тогда во флорентийском цехе суконщиков, Arte della Lana³⁸, и – поглубже – двумя кладбищами: в Риме у пирамиды Кая Цестия, где мы не преминули посетить могилы Китса и Шелли, и во Флоренции на Пиаццале делла Роббиа, посреди которого, на стеной окруженном островке, покоятся Лэндор, Броунинг и жена его Елизавета Барретт, среди многих других в Италию влюбленных англичан³⁹.

А мы? Разве не паломниками мы были, как и прочие чужеземцы, всяческих, в том числе языческих, ее святынь? И разве не влюблялись в нее все больше, с каждым днем? Вот почитали мы и тех, кто любил ее в прошлом и чьи кости покоились в ее земле. «Итальянское путешествие» Гете ездило со мной в Италию, и я перечитывал в Риме его «Римские элегии». Не здесь он умер, но Италию увез с собой, и она его не покинула до конца. Памятнику Пуссена, Шатобрианом ему воздвигнутому в церкви Сан Лоренцо ин Лучина⁴⁰, мы

поклонились, как и памятнику Лоррена в Сан Луиджи деи Франчези⁴¹, откуда <sic!>, после национальной церкви французов, и национальную церковь немцев (а также, в былые времена, фламандцев и голландцев), по ту сторону пьядцы Навона, не забыли посетить – не ради нее самой (не так уж Санта Мария дель Анима сама по себе интересна), а ради Европы в Риме, ради той Европы, к которой я хотел принадлежать, думал, что принадлежу, и принадлежность к которой, будучи в Риме, сильнее прежнего начинает чувствовать любой пришелец из заальпийских стран.

Не читал я тогда еще «Римских прогулок» Стендаля⁴², где он рассказывает, как, приехав, пусть и не впервые, в Рим, был он подвезен к Испанской лестнице, сразу же поднялся по ней и так был поражен видом, открывшимся с верхней ее террасы, что сразу же нанял слишком дорогие для себя две комнаты, рядом, на виа Грегориана, с тем же видом из их окон, да так и не выехал из них, расстаться с видом так себя и не заставил. Вот и мы...

Вот и мы никогда по утрам не сбегали наскоро с лестницы: стоим наверху, поглядим на Купол и на Рим, после чего, медленно спускаясь, наслаждаться будем каждой минутой и предчувствием всех следующих минут. А поднимаясь по ней вечером, тоже не станем спешить: остановимся вверху, повернемся назад... Сквозь какую-то розово-млечную дымку был порою виден Купол перед закатом! Усталые, клали мы локти на балюстраду или садились на нее, и глядим, глядим... Маме приходилось порой чуть ли не силой загонять нас в гостиницу и в столовую к обеду. Мы спешно приводили себя в порядок, мыли руки. Фрау Буресси за соседним столиком успевала уже насыпать себе пармезану в суп. «Где ж вы сегодня были!» Мама рассказывала, или я, но кратко. Шура, слегка нахмурившись, хлебал суп или старался управиться с макаронами, что ему не очень гладко удавалось. Но каким он мне был милым, покладистым, понятливым спутником! Как бодро интересовался всем тем, что интересовало меня, как искренне разделял все мои восторги! Спасибо, Шура! Спасибо говорю твоей тени, говорю моей памяти о тебе.

Месяц в Риме

Чего только за месяц в Риме мы не повидали, и Римом было все это, и во всем этом был Рим! От египетских обелисков, подлинных или в императорском Риме изготовленных, как тот, между лестницей и церковью, мимо которого проходили мы каждый день, до... до чего? До Национального памятника, воздвигнутого на столь выигрышном месте незадолго до нашего приезда? Нет! Он меня дискриминации учил, о неизбежности которой начал я догадываться, как только приоткрылся мне мир искусства. Так до чего же? Не до того

ли игрушечного обелиска, по воле Бернини несомого слонем, возле церкви Санта Мария sopra Минерва!⁴³ О нет, можно прибавить Риму, при всех переменах остающемуся Римом, еще полтора века, а то и два. Он полностью, хоть уже и без прироста, оставался Римом, покуда не сделался столицей объединенной Италии. Как ужаснулся всего лет десять после того его историк Грегоровиус⁴⁴, когда вернулся в город, где он прожил столько лет! А затем в каждом следующем поколении находились посетители Рима, понимавшие, что незадолго до них он безупречнее был Римом, чем при них. Так и мы не могли не пожалеть, что не опередили Памятника, обесчестившего Капитолий и унизившего храм Богородицы in Ara coeli, сделавшись сам алтарем тщеславия и пустых небес⁴⁵.

Если, однако, все дальнейшие годы учесть, был он гораздо полнее самим собою, чем сделался нынче, а кроме того, разумеется, и нынче Рим над не-Римом еще господствует в Риме, хоть и разъедает его старину зловоние машин и черный дым проклятых автобусных дизелей. А тогда вообще все истребительные изобретения еще редкостью были, и воздух на семи холмах – особенно по утрам – слыл своей ветром с моря обновляемой чистотой. Бодро мы им дышали у нас, на высоте, и – весело учась – с каждым днем все глубже пропитывались Римом.

По Форуму бродили, не беря проводника, но путеводителем, конечно, пользуясь, хотя порой и это мне надоедало. Какое-то оцепенение мысли находило на меня: целое становилось сильнее всех частей, а небо, солнце, дивные римские сосны невдалеке, Капитолий, Траянова колонна, арка Тита, арка Константина, Колизей – все это сообща становилось сильнее Форума. Вихрем улетало время, куда-то – не назад, а ввысь, – покуда, узнав ее дату, я стоял у колонны императора Фоки⁴⁶. История превращалась в сновидение. Кто-то выкрикивал за моей спиной два слова на различных языках: «Ишь, – сказал Шура, – он и по-русски говорит». Тут услышал и я: «Кароши атритки», – но совсем очнулся лишь по дороге на Палатин перед незадолго до того открытыми фресками Santa Maria Antiqua⁴⁷. Как они потускнели с той поры! Еще бы! Сторожа поливали их водой за малую мзду, чтобы живой сияли со стен их краски. Впрочем, ведерную эту поливку видел я, кажется, когда вновь побывал в Риме двадцать лет спустя, а совсем стали фрески бледны еще лет через пятнадцать. Но свежесть их после тысячелетнего сна я помню живо, как помню, что контраст между Форумом и Палатином впервые поразил меня именно в тот первый раз. Палатин естественней, привольней – особенно в той части, где он тенистыми деревьями порос и где стоят скамьи, откуда так хорошо глядеть на Рим. Мы бывали там с Шурой или все втроем не раз, и никогда, в совсем другие годы, я не забывал туда подняться. Мысленно Рим чаще всего вижу оттуда и теперь.

Триумфальные арки, триумфальные колонны, великолепные стены и могучие врата, Диаклетиановы термы и базилика Максенция, и даже глупое ах! которого не удержать, когдаходишь в Пантеон⁴⁸, – все это не затмило для нас древнехристианского Рима, которым позже предстояло мне заняться⁴⁹, но который и тогда, до всякого знания о нем, меня захватил и взволновал. Началось это в базилике апостола Павла «вне стен», пусть и заново отстроенной в годы мало-кровного неоклассицизма, но ведь без изменения ее размеров и пропорций, как и строгого ритма ее шести белых колоннад⁵⁰. Выйдя, переглянулись мы с Шурой, выразив одинаковой гримасой почтительное наше удивление. Монастырский <дворик> с прихотливыми колонками его аркад, пожалуй, нам *понравился* и больше, но базилика вызвала чувство, ни с каким «нравится» несоизмеримое... Там, у монахов, в тенистом и солнечном кьостро⁵¹ мы от этого чувства отдыхали. А затем по совсем еще сельской в те времена «дороге семи церквей»⁵² отправились осматривать катакомбы, сперва Домициллы, потом Каллиста на Аппиевой дороге. Электричество под землю еще не было проведено. Свечки держали мы в руках, и свечкой освещал монах стены усыпальниц, где на белой штукатурке, легко и беспечно, как бы ради одного лишь незатейливого украшения, начертаны были в узких рамочках пастушки с овцою на плечах, фигурки молящихся с воздетыми вверх руками, а также отдельные «истории» Ветхого и Нового завета, не рассказанные наглядно, а вскользь лишь упомянутые кистью, так, чтобы только-только мы могли узнать их или угадать. Тут-то впервые во мне и вспыхнуло: не утверждает такая живопись искусства, а улыбчиво сама же и отрицает – упраздняет той же улыбкой, которой упраздняет смерть. Не в изображении было дело, и даже не в изображенных событиях и лицах, но в их смысле. А смысл их, сквозь всю их разность, – один. Слова Распятого разбойнику: будешь со мной в раю, спасение от тьмы, от греха, от смерти. И не то чтобы искомое, а найденное, обретенное мертвыми уже, чья вера победила смерть.

От этих радостных могил уходишь каким-то празднично-расстроенным. Трудно после них возвращаться к житейским радостям-нерадостям, но нелегко вернуться и к искусству, собой довольному или лишь не отрицающему себя. Да и в святости веры прочно не поселишься, а несвятость рядом с ней пресна или страшна. Надо очнуться – проветрится, пройтись. Если по Аппиевой дороге, как мы тогда, чего же лучше? По ней шел и Петр, когда Господь его спросил: – Куда идешь?⁵³ Лучше нее и вообще ничего нет в Риме. Но случилось нам вскоре от благоговения отторгнутыми оказаться и совсем по-другому. Катакомбы, однако, тут уже были ни при чем. Мы осматривали Латеранский собор, силясь мысленно с Константиновой базилики совлечь ее роскошные поздние уборы. Насладились и

тут средневековым двориком с аркадами, подивились баптистерию, посетили в соседнем дворце «Христианский музей», лишь при Павле Шестом перенесенный зачем-то в Ватикан и деловито размещенный в клетках из стекла и железа⁵⁴. Вышли затем на просторную площадь перед фасадом и направились к зданию Scala Santa, лестницы, вывезенной некогда из Иерусалима, по преданию, той самой, в Претории Пилата, по которой спускался Спаситель в терновом венце, дабы понести крест и быть распятым на Голгофе. По лестнице этой не спускается больше никто (для этого есть четыре других), а поднимаются по ней только на коленях. Мы с Шурой перекрестились, благочестиво умолкли и на коленях отмерили двадцать восемь дощатых поверх мрамора ступеней, а наверху, едва поднявшись с колен, обнаружили прямо перед собой, рядом со входом в алтарную капеллу и во Святое Святых (собрание священнейших реликвий), четкую на белом картоне надпись: «Si prega di non sputare sul pavimento»⁵⁵. Я Шуру толкнул: «Видишь, просят не плевать на пол». Он буркнул: «От этакой надписи, здесь, плюнуть как раз и захочется». Мы спустились к выходу по другим, по грешным ступеням, в Святое Святых не заглянув. Не прочитав и надписи по латыни, над алтарем: «Места святее, чем это, нет во всем мире».

Осмотр – внимательный – есть труд; но мы трудились так радостно, так охотно! Побывали все трое на вилле Адриана и в Тиволи, на вилле д'Эсте, которая всех нас привела в одинаковый, кажется, восторг. Больше, однако, никуда за город не ездили, чтобы в Риме уж все досконально осмотреть. Трех месяцев для этого мало, не то что одного, но мы с Шурой и за один с очень многим не мельком успели познакомиться. Всего добрей нас пригрел и усыновил старый папский город в выгибе Тибра, но и затиброречье⁵⁶ римское мы полюбили, и взошли на вершины всех холмов, из коих Авентин особую прелесть нам внушил, такой юной своей, через полторы тысячи лет, церковью святой Сабины, да и видом на Купол, единственным в своем роде: если в замочную скважину посмотреть вечно запертых ворот виллы Мальтийского приората⁵⁷. Все именитые дворцы нам стали знакомы, хотя бы снаружи; но и все фонтаны, что для познания Рима, пожалуй, еще важней.

О, Микельанджело, как тяжел твой карниз над тяжелым Палаццо Фарнезе, но как бесплотное последнее творенье твое, пьета Ронданини, немножко заброшенно стоявшая тогда под лестницей своего старого дворца⁵⁸. А воды твои, Рим! В долгой с тобой разлуке сколько раз воображал я влажную пыль твоих фонтанов, только и надеясь на монетку, брошенную прощально в тот, куда велено бросать⁵⁹. Увы, и Шура бросил, да едва ли Рим во второй раз увидал. А я? Еще, и еще, и еще, и еще... Сколько было этих «еще», даже и не знаю, а все боюсь, что обманет монетка, которую бросать в фонтан я никогда не забывал.

Брызгами, снопами воды из огромных двух чаш и колоннада Бернини освежена, без которой собор св. Петра был бы уже не тем собором⁶⁰. Обнимает она паломников, отовсюду замыкает их собой, не выпускает никуда, кроме как к широким ступеням храма. Тогда это было еще намного ощутимей, чем теперь, оттого, что разомкнутость колонного кольца замаскирована была сплошной массой невысоких, старинных, черепицею крытых домов, а не зияла, как теперь, навстречу пустоте полуказармами окаймленного и казарменного широкого проспекта. Одно дело – величие, другое – мания величия, да и попросту не поняли зодчие Муссолини замысла зодчих, работавших для наместников Христа и наследников христианских кесарей. Непристойно к площади катить на машинах и с размаху вкатываться на нее: к ней стекаются верующие, чтобы, познав величие ее, подняться медленно ко храму и боязненно войти в храм⁶¹.

Так и мы, из Пальмиры Северной пришельцы, дивясь и волнуясь, вошли в крайнюю слева дверь, очутились сперва в полумраке, но к свету идя, оказались в главном корабле и не без робости медленным шагом направились к Берниниеву балдахину⁶². О соборе, о Ватикане не скажу почти ничего: на тогдашнее мое восприятие слишком много позднейшего налегло; не в силах я вызволить его из-под нерасклеивающейся их массы. Скажу лишь, что Пьета молодого Микельанджело все ту же юную грусть и любовь воскрешает во мне теперь, как те, что она мне внушила при первых встречах, тогда как старческие его «Обращение Савла» и «Распятие Петра» в Капелла Паолина⁶³ я лишь в старости научился, мысленно преклонив колени, скорбно и сурово созерцать. Нынешнего входа в Ватиканские музеи не было: обходили слева собор, как еще и двадцать лет спустя, и могучие его апсиды мне тогда уже явили архитектурный гений Микельанджело, – трагический тут, как и в созданиях его кисти и резца, как везде, кроме царящего над Римом купола, завершения которого он не видел, но которым победу над смертью обрел, свободу, закон и благодать.

Ни Станцы, ни Сикстинская капелла не бывали тогда так до отказа набиты толпой, как теперь. На Рафаэлевые фрески глядеть можно было, не работая локтями, и зеркал хватало на всех, чтобы не ломая шеи изучать несравненный потолок. Только Страшный Суд маму немножко испугал. Но ничего в Капелле не случилось, хотя бы издали похожего на то, чему я был свидетелем много лет спустя, когда вошла окруженная почтительной свитой, необыкновенно важная и расфуфыренная толстая пожилая дама, поднесла к глазам лорнет, поглядывая вверх, потом на Страшный Суд, произнесла в растяжку: «Что за странное имя, Майкел Энджело», – и выплыла из Капеллы вместе с засеменившими ей вслед спутниками различного пола и возраста.

Нет, мы были внимательны и скромны. Шуре я подробно объяснял все, что вычитал у Буркгардта и Вельфлина⁶⁴. Он не спорил со мной, а я не спорил со швейцарскими гувернерами моих знаний и оценок. Но это нам не мешало влюбляться во что-нибудь – совместно или вразброд. Например, в портрет Папы Иннокентия X-го, всех нас троих зачаровавший в Палаццо Дория, но мне еще и напомнивший виденную мною незадолго до того, в Петербурге, выставку французской живописи за сто лет и тем самым внушивший мне важную для моих дальнейших размышлений мысль, что французские недавние, как говорилось, революционные мастера, продолжателями были, на самом деле, таких живописцев, как Веласкес⁶⁵. Это был один из уроков Рима. Но полюбил я Рим не за уроки, полученные от него.

Разве любят за что-то? Любят за то, что любимый таков, как он есть. Для прощанья мы еще раз, и далеко, прошлись по Аппиевой дороге. Асфальт ее не обесчестивал тогда. Я готов был целовать широкие круглые камни, молиться ее кипарисам и гробам. Кто поэзию Рима постиг, тот не забудет Аппиеву дорогу.

Несоблазнимый Куренков

Подумают, чего доброго, что мы с Шурой в туристической упряжи, высунув язык, целыми днями бегали по городу, ни о чем, кроме того, что отмечено в Бедекере, не помышляя. Снаружи так это и выглядело. Мы даже никакой съесты не блюли, рано вставали, рано ложились спать, вечерних развлечений не искали (тогда как в Неаполе видели-таки, в театре Сан Карло, смешноватую ковбойскую оперу Пуччини «La Fanciulla del West»⁶⁶). Совсем, однако, не ощущали мы себя на службе у какого-то, пусть и собственного своего, задания. Родовались мы, а не трудились. Так радовались, что и труда не замечали. Счастливы были, именно от счастья и не давали себя отвлечь.

Я-то, собственно, никаким искушениям и не подвергался; стойкость пришлось Шуре проявить. Впрочем, и ему, для проявления ее, не понадобилось ни малейшего усилия.

Фрау Буресси была немолода (лет за сорок; пожалуй, старше моей мамы), с лица не так дурна, но коротконога и полнотела, что подчеркивалось пристрастием к обтянутым платьям и щедрым, но, увы, не помогавшим делу декольте. Скорей могло бы ему, в иных случаях, помочь расстилавшееся на декольте ожерелье из крупных серых жемчужин, подкрепляемое серьгами такого же жемчуга, но – еще крупней. «Совершенная редкость, – объясняла их владелица, – третьей такой жемчужины нет на свете». И при этом на руках, тоже, к сожалению, немножко серых, мягко сияли, оправленные в платину, другие серые жемчужины. Шелковые платья, по вечерам, с белой

или розовой отделкой, точно так же были аспидно или жемчужно серые, а над темными волосами царил гребень, осыпанный бриллиантами и жемчугами.

«Глян-ка, – шептал я Шуре, – какая гармония en gris-perle⁶⁷». – «Сам и любуйся», – говорил он. – «Ведь это все для тебя». Тут он пребольно щипал меня возле колена. А фрау Буресси тем временем говорила маме, что на завтра к пяти часам заказала экипаж, «чтобы показать вам и вашим молодым людям виллу Дориа-Памфили». Поехали, смаковали на широкой террасе изысканно сервированный для фрау Буресси чай, и все было бы очень хорошо, если бы она реже поглядывала на Шуру и, покуда мы восхищались знаменитым садом виллы, не сообщала со вздохом, что где-то, – «черт ее знает где», как позже Шура вспоминал, – видала она пирамидальные тополя еще выше и шапки пиний еще пышнее.

– Смотри, Шура, не забывай нам посылать из Кельна самого лучшего одеколона, когда это будет зависеть от тебя.

Он краснел и чертыхался, чуть меня однажды не прибил, но тут случилось за обедом нечто уж совсем забавное. Фрау Буресси сказала ему: «Была я сегодня в Капитолийском музее и заметила статую, очень похожую на вас. Вы, кажется, тоже собирались туда? В первом зале наверху. Я сунула под ногу ему бумажку».

Шура остолбенел от смущения и гнева. Мне пришлось ответить за него, что мы завтра же туда пойдем. Какому такому «ему», не спросил и я. Бумажку мы нашли, ничего написано на ней не было, но статуя оказалась Антиноем и нагота Антиноя – ничем не прикрытой, кроме фигового листка. Шура побагровел, пробурчал проклятие и чуть не расплакался. Во время дальнейшего осмотра был очень рассеян, бормотал себе под нос «дура» и сжимал кулаки. За обедом молчал и от тарелки глаз не подымал. На декольтированный вопрос, неизвестно к кому обращенный с соседнего столика: «Были в музее?» – не отвечал и насупился еще больше, так что ответил я: «Видели Антиноя. Сходства никакого. Разве что и он с жирком. В каталоге сказано: тип Диониса, значит, худеньким быть ему не полагалось».

– Но я говорила о лице.

– Ах, простите, о лице. На лицо мы как-то и не взглянули.

Тут Шура бешено воззрился на меня, встал, бросил салфетку на стул и, лишившись десерта, покинул столовую. Мама недоумевала, но фрау Буресси поняла и оказала Шуре или своему чувству к нему честь: на следующий день, любезно попрощавшись с нами, уехала или перебралась в другую гостиницу. Так мы больше ни разу вдовствующую императрицу кельнской воды и серых жемчугов на путях наших и не повстречали.

Не успел, однако, Шура передохнуть, не успел я сочинить стихок:

«Но миновал ее альков
Несоблазнимый Куренков»,

как начались для него тревоги еще более скандальные.

Зашли мы с ним как-то к парикмахеру возле пьядца Колонна – мраморные умывальники и высокие зеркала направо и налево; сели в два соседних кресла и доверили свои давно не стриженные кудри искусству двух проворных мастеров. Перед зеркалом сидя, смотрел я сперва на свою, не скажу, чтобы уж очень противной казавшуюся мне физиономию – ту самую, которую бы теперь никак я своею не признал, – но вскоре заметил, что человек с намыленными щеками, сидевший ко мне спиной, тоже ищет взглядом в зеркале не свое лицо, а чужое, и явным образом Шурино, а не мое. Кончилось его бритье одновременно с нашей стрижкой. Подошел он почему-то ко мне, но на Шуру указал и сказал:

– Я слышал, с вашим приятелем говорили вы по-русски, и понял, что вы осматриваете Рим. Позвольте представиться, князь Волконский. Приятно встретить молодых соотечественников за границей. Да, пожалуй, я могу быть вам и полезным. Не угодно ли? Зайдем в соседнее кафе. Я вас угощу мороженым или чем пожелаете.

Зашли. Выпили по чашке кофе. Князь – имени и отчества его не помню – сам был молод, лет двадцати пяти, но мы-то с ним рядом были все-таки мальчишками. Изящен и любезен чрезвычайно. Сказал, что служит в посольстве. Оно находилось там, где нынче помещается британское: на вилле Зинаиды Волконской⁶⁸. Князь процитировал Пушкина и обещал нам виллу показать. Осведомился о нас, и о том, одни ли мы в Риме. Узнав, что с моей матерью, тотчас выразил желание познакомиться с нею и захватить для этого к нам в гостиницу. Приехал на следующий же день с коробкой конфет. Удивленную маму очаровал. Понравился и Шуру больше, чем накануне, хоть и не понял он в этом визите ровно ничего. Неизвестно, заинтересовался ли в зеркале другим взглядом, поймал ли взгляд, но если поймал, по всей видимости, не разгадал, тогда как мне общий смысл взгляда не внушал сомнений, хотя представления мои о делах такого рода отнюдь не отличались ясностью.

Перед уходом князь пригласил нас зайти через день, в девять утра, за ним, на его холостую частную квартиру, откуда он отвезет нас в посольство, покажет виллу и знаменитый ее сад. Мы явились ровно в девять. Слуга предложил проследовать в гостиную. Мы расселись в глубоких креслах и стали ожидать. Минут через пять двери спальни приотворились, и с гостеприимной улыбкой к нам вышел слегка растрепанный князь, в сафьяновых мягких туфлях и великолепном шелковом шлафроке, налил нам виски в высокие бокалы и стал извиняться: плохо спал, голова болит, не пойдет сегодня в посольство, позвоните, отправимся в другой раз... Тут, однако, та же

дверь отворилась настежь, и вышел из нее в еще более нарядном и ярче расцвеченном шлафроке – поверх кружевной отороченной и раскрытой на груди рубашки, необыкновенно красивый, чуть постарше нас итальянец, но уж слишком томный и разнеженный. Князь его нам представил уменьшительным только именем. Уговаривал остаться, «сейчас подадут кофе», но мы заторопились... На улице Шура:

– Итальяшка-то, тьфу! Ресницы – во! В кружевах весь! Духами от него несет!

– Брось, Шура. Антиной! А вот из тебя ни одеколонного, ни княжеского Антиноя не получилось. – Хотел он раскричаться, да смолчал. Долго мы шли молча. Позвонить не позвонили. Так и не удалось нам у Зинаиды Волконской побывать в гостях.

Ожидая поезда в Теронтоле

Кончился Рим. Ничего! Предстояла Флоренция. Мы решили до нее и еще три города повидать: Орвьето, Перуджу, Ассизи. О св. Франциске я маме давно уже рассказывал и заставил ее «Фьоретти» в русском переводе прочитать⁶⁹. Посмотреть эти святые места ей даже и хотелось.

Орвьето, впрочем, я к ним не причислял; туда меня фрески Синьорелли влекли: по воспроизведениям в книгах я к ним возымел едва ли независимое пристрастие. В соборе⁷⁰ перед ними стоял, Шуру дразнил: «Это тебе не Антиной. Смотри, как они все у него мускулисты, даже и женщины и старцы. Делай гимнастику». Он сердился, но и смеялся: «Мускулов у меня побольше, чем у тебя! Тош ты, вот и все. А сквозь этого Синьорелли уже и Сикстинскую роспись видно». Но архитектура собора ни мне, ни ему не понравилась. Французскую готику знал я только по книгам, но тем не менее эта казалась мне издевательством над ней. Внутри – хорошо, хоть и без настоящего взлета, но снаружи все эти мраморы, позолоты, леденцовые краски мозаик (XVIII века, а то и еще поновей). Нет, поищем другого. Так что я и скульптур Лоренцо Майтани⁷¹ глупым образом не оценил, да и Шуру от них чуть ли не за рукав оттянул. Зато неожиданно меня покорило Арнольфо ди Камбио в церкви Сан-Доменико своей мадонной, так стремительно вознесенной над изваянием усопшего кардинала, да и всей суровой энергией своего резца⁷². «Флорентиец, – сказал я, – вот он какой! Хоть и родился возле Съены. С такими не поспоришь. В их город приедем – сразу нас приберут к рукам».

После того, однако, как мы, там переночевав, оставили Орвьето на гордой его скале, снизу еще раз взглянув на увенчивающую ее крепость, сподобился я и умбрийскую, совсем особую грацию ощутить, плечико ей, Умбрии этой, поцеловать и приветствие к

ней ангельское обратить: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою»⁷³.

Вот только не могу я этого чувства ни к чему отдельному прикрепить; пусть и к целому городу, будь то даже и Ассизи. Да и знаю, конечно, что свирепство в умбрийских городах процветало не хуже, чем в тосканских. Но там – и во Флоренции всего ясней – противопоставалась ему только что проснувшаяся непокорная жизнь. Трезвость ума, звонкость жилистых тел, как натянутых струн, а здесь, вместо всего этого, одна лишь умиленная, округленная, как покатое плечо, девически-материнская любящая нежность. Она, как все знают, и в умбрийской живописи сказалась; но вот именно сказалась, родилась она не в ней. И хоть любил я в Эрмитаже Мадонну Конестабиле Рафаэля (которая там и сейчас), как и чудесный триптих Перуджино (который нынче в Вашингтоне)⁷⁴, все-таки не они мне это чувство внушили; подарили разве что его предчувствие. А само оно, именно тогда, между Римом и Флоренцией, впервые меня охватило. Но где именно и по поводу чего? Не глядя ли с вершины перуджийского холма (там ведь мы и жили, в гостинице Бруфани) на поля, виноградники, рощи, селенья, на дороги, идущие вдоль, меж других невысоких холмов? Или, быть может, когда кликнули мы тут же веттурина и, по одной из этих дорог, в Ассизи отправились, трух-трух? Или там, во святом городке, по тенистой улице выходя на простор и солнце площади перед церковью Франциска? Нет, раньше это случилось: попросту тогда, когда поезда мы поджидали в Теронтоле.

Мама мне помогла, милая мама. Когда я с наибольшей любовью думаю о ней, я вижу скромненький станционный дом, рельсы, сарай, сложенные возле него бревна, травку, зеленую везде, полевые цветы и тихий солнечный полдень в самом начале мая. Когда по этой линии едут в Перуджию с юга, пересаживаются в Теронтоле. Есть прямые поезда, но из Флоренции, не из Рима. Нам тут и надлежало минут сорок пять ждать флорентийского поезда. Буфета на станции не оказалось, но мы купили в Орвьето пакеты с провизией «честини»⁷⁵ и теперь, сидя на бревнах, закусывали. Я еще не успел огядеться кругом, а мама сияла:

– Как тут хорошо! Как спокойно! Все луга, все изгороди в цвету. И никого-то нет. Деревня, видно, далеко. А возделано все любовно. Послушай, как птички поют. Было с кем святому разговаривать. Шура, кончай, пройдемся чуть-чуть. Ах, как хорошо дышится, как легко! Холмы вдалеке и те какие-то певучие.

Тут Шура, компетентно:

– Это ведь Умбрия, тетя Оля. Тразименское озеро вон там⁷⁶. А мы здесь уже в Тоскане, но на самой границе. Сейчас в Умбрию вернемся, вдоль озера поедем. Вот бы выкупаться! Да из поезда не выскочишь.

Певучая вся насквозь и благодатная страна! Прожили мы два дня в ее столице, такой приветливой и не шумной еще в те годы. Видели святой ее город, Порциунколе, домику поклонились, где жил и молился святой, и келье, где он опочил, и храму, который нынче их вмещает: Санта Мария дельи Анджели у подножия холма. Оттуда в Ассизи поднялись и все улочки исходили, а куда мы с Шурой фрески в верхней церкви смотрели, о которых я еще не сомневался, что Джотто их писал, и за Новые ворота и к монастырю Сан Дамьяно прогулялись... Не раз тут я позже бывал, и в Перудже, и в других умбрийских городах. В международном праздновании семисотлетия Джотто, справлявшемся в Ассизи, Флоренции и Падуе, участвовал, доклад прочел «Джотто и Византия»⁷⁷. Вот о чем в 1912 году не мечтал...

– А Теронтолу, – скажут, – я только тот первый раз и видел?...

– Нет. Была и другая в жизни моей Теронтола, одинокая и ночная.

Почти полвека после первой миновало. Я ехал из Мюнхена ночным поездом в Рим. Спального места не достал, но ехал очень удобно в пустом купе первого класса. Заснуть, однако, не мог. И вдруг осенило меня: не заехать ли сперва в Ассизи? Билет мой этому не препятствовал. Сойду с поезда в Теронтоле. В расписание заглянув, увидел, что буду там в четыре часа утра и что в пять с чем-то есть оттуда поезд в Ассизи. Просплю? Нет, не проспал. В тихую ночь окунулся, когда поезд отгрохотал на юг. Буфетом станция обзавелась. О том, что он открыт, возвещала горевшая внутри желтая электрическая лампочка. Четверо или пятеро там сидело на вид пастухов, ожидавших того же поезда, что и я. Меня напоили таким горячим и крепким кофе, что я тотчас ощутил себя выспавшимся. Вышел из буфета, сел на скамью. Весной это было, как тогда, но более ранней. Цвели фруктовые деревья. Итальянцы говорят просто «цветенье»; такого, как здесь, под Ассизи, я больше нигде не видал. Медленно рассветало. Не был холоден утренний холодок. Розовело небо. Туман в тишине поднимался над певучими холмами. «Ах, как хорошо! Дышится как легко».

– Мама, взгляни!

Как давно были мы с ней здесь! Как давно нет ее на свете...

Лунгарно Серресторе

Во Флоренции остановились мы, по чьей-то рекомендации, в несуществующем больше пансионе Бенуа, на Лунгарно Серресторе⁷⁸, не на том берегу, где палаццо делла Синьория и собор, а на том, где Санто Спирито и Палаццо Питти. Историческая Флоренция возле нас кончалась, но мы как раз еще оставались в ней. Трехэтажный наш дом не старинный был, но старенький: во Флоренции, как в Па-

риже, чуть ли не до семидесятых годов прошлого века продолжали строить дома безо всякого удобства и к тому же очень флорентийские (как в Париже – парижские). Обогнув этот дом и поднимаясь по улочке за ним, можно было кратчайшим путем добраться до тропинки, ведущей к церкви Сан Миниато, откуда гляди и гляди, никогда не устанешь глядеть: вся Флоренция перед тобой, и от одних ее черепичных крыш, от изгиба реки, от единственной в мире, над Фьезоле, линии холмов – будет тебе хорошо, хорошо, так хорошо, что и немножечко грустно...

«Смерть родилась в Риме», – сказал Шатобриан. Надо в Риме умереть, чтобы не пришлось ей гнаться за тобой из Рима. А Флоренцию надо увидеть молодым, потому что нет моложе ее города на свете. Самым большим счастьем путешествия нашего считаю, что увидел я ее, полюбил, к сердцу прижал в семнадцать лет. И что весна тогда была – май, оттого, что город этот поистине весенний. Надо было, собственно, до Рима его и посетить, а не искать кватроченто, самый флорентийский век, – в Неаполе и в Риме, как наводил меня порой на это какой-то невнятный мне самому инстинкт. Ведь и в истории искусства Флоренция всего решительней начинает италийское обновление его и новшества эти обосновывает всего глубже. Переобрабатывает все искусства, стиль, единый их, строит на века вперед – уже трудами Джотто и Арнольфо. И совсем бесповоротно, через сто лет, соединенными силами Брунеллески, Донателло и Мазаччо. Новую землю рождает и новые небеса – гораздо более прежних похожие на землю. Но юности нетрудно понять юность, вернуться в юность. Я Рим забыл (до поры до времени забыл). Я изменил ему, влюбившись во Флоренцию.

Стоит мне подумать о ней – пусть даже и теперь, – и я молодею. Всем дерзостям сочувствую, разрыв с преданием хвалю – даже и настаиваю на том, что был он и возвратом – к преданию более далекому. Вхожу (мысленно) в Санта Кроче: какая безоглядная отвага – острровершие боковые аркады широкого корабля, а над ними прямые поперечные стропила крыш. Или в соборе – еще выше и шире – прорезы, почти упраздняющие стену аркад, а над ними мощный, как вверху крепости, карниз, столь же непреклонно возвращающий готику на землю. Или Мадонна Джотто (из церкви Оньисанти, в первом зале Уффиций) – как широко и прочно сидит она на своем престоле, сидит крепыш – Младенец на ее коленях! А если о святых и ангелах по бокам еще и не скажешь, на чем они, собственно, стоят, то насчет двух ангелов спереди, в белом, букетики подносящих Приснодеве, сомнений нет: твердо они на коленях стоят, на твердом полу перед престолом. И как ни хороши в том же зале – Мадонны Чимабуз и Дуччио, нет, победил их Джотто, затмил, тем более что уже и те не вовсе были неземными.

Искусство именно во Флоренции всего решительней спустилось на землю, но именно здесь и не захотело сделаться насквозь земным (стань оно таким, рассыпалось бы оно в прах, утратило бы, как теперь, простую человечность). Перед Мадонною Джотто вполне возможно пропеть «Достойно есть, яко воистину», став на колени, по примеру тех двух, в белое облаченных, ангелов. Ведь и фра Беато не писал бесплотных тел в умопостигаемом беспространственном пространстве, и не отрещивался от заветов Мазаччо по части ракурсов и перспектив. Да и не в этом дело. Он – особый случай; не художник, а святой художник, как фра Бартоломео делла Порта⁷⁹, святости которого (как художника) нисколько не повредила законченная трехмерность и телесность его изображений. Дело в тех трех «отцах», родоначальниках необозримого потомства. Да и не вижу, чтобы плохо было молиться и этим двум монахам-живописцам и самому Савонароле и дивной *Badia Fiesolana*⁸⁰, возведенной по планам Брунеллески и которой по возвышенной чистоте и простоте нелегко найти соперниц в религиозном зодчестве каких бы то ни было веков. А «Благовещенье» Донателло в Санта Кроче, разве оно не целомудренней и не благочестивей, чем Триптих Симоне Мартини в Уффици, на золотом фоне, как ни очарователен его кокетливый готицизм?⁸¹ А Мазаччо? Какой высший образ Богочеловека сумел он увидеть и явить в капелле Бранкаччи!⁸² Но фундаментальней, быть может, для обновления религиозного воображения, неразрывного с обновлением искусства, надгробная фреска его же в Санта Мария Новелла – Распятие с Марией, Иоанном и молящимися мужем и женой у подножия креста; Распятие и одновременно Троица: голубь, летящий к терновому венцу, и во весь рост Отец в глубокой сводчатой нише, держащий в руках поперечную доску креста, на которой распят Распятый.

Фреску эту за последнюю четверть века никогда не забывал я благоговейно навещать, в начале и в конце каждой новой встречи моей с Флоренцией; но тогда, при первой из всех встреч, до реставрации и переноса фрески на другую стену, трудно было ее должным образом и разглядеть⁸³. И вообще, отнюдь я не намерен выдавать мои нынешние «флорентийские» мысли за тогдашние. Но тогда им было все-таки положено начало, и я по сей день продолжаю благодарить двух швейцарских первых наставников моих за то, что не «Примавера» Боттичелли и ничто другое прерафаэлитско-кватрочентистское не легло в основу моего первого восприятия Флоренции⁸⁴. Безо всякого насилия над собой, совсем искренне и свободно, я всего больше восхищался и Шуру учил восхищаться как раз тем, чему, по самой объективной мерке, принадлежит наибольшее историческое значение. Оттого, должно быть, не просто смакователем и распознавателем, но уже немножко и историком делала меня Фло-

ренция. Шура от этого не страдал. Нужен был и ему в необъятной россыпи впечатлений – еще ведь и совсем пестрых, музейных – твердый стержень, который, надо сказать, Флоренция сама дарует любой не слишком растрепанной душе. Дарует прежде всего четким обликом своим – привольным, живым, но всегда этой четкостью обузданным. Палаццо Пубблико Съены гостеприимней, краше и веселей; Палаццо Веккио флорентийской синьории внушительней, собранней и строже. Палаццо Питти после первых же его расширений стал сравним с любимыми королевскими дворцами, оставаясь – снаружи, по крайней мере, – самым неукрашенным из них⁸⁵. Изо всех великих зодчих послеготической Европы Брунеллески наименее велеречив. Среди всех великих живописцев Джотто и Мазаччо наименее нарядны, и Микельанджело презренью ко всякому «реквизиту» учился именно у них. Поглядим еще раз, с холма Сан Миниато, на черепичные крыши умнейшего в мире города. Как девически изящны и стройны колокольни Бадии и Санта Мария Новелла!.. Но башни Барджелло и Синьории не таковы⁸⁶, и совсем не порадовало бы нас, если бы они такими же оказались. Джотто задумал колокольню свою, не в пример своим фрескам, праздничной, даже нарядной, такой, нам на радость, она и выросла; но рядом с ней почтенью учит ее и нас ребрастый купол Брунеллески, самый боевой, в своем крутом подъеме, среди всех на свете куполов⁸⁷.

Вот и мы, на тот холм поднявшись, сколько раз с Шурой или втроем, с матерью моей, на черепицы и башни эти глядели, перед полосатым стоя фасадом, который, при всей скромности своей, на три века предвосхитил флорентийский великий век⁸⁸. Мама здесь любила на кладбище гулять – самом несмертельном кладбище на свете⁸⁹, а Шура, по дороге сюда, ту церковку, Кронакой построенную, облюбовал, которую Микельанджело назвал пригожею крестьянкой⁹⁰. С каким неповторимым чувством благословения на какое-то чистое и высокое поприще входил я с ним в Сан Лоренцо, в Санто Спирито! Как остро ощущал тот странный холодок, который так сливается в Медичейской капелле с фигурами двух, во мраморе живых, безвременно усопших мертвецов, с изваяниями Дня, Ночи, Утра и Вечера на их гробах, со всей ущемленной и щемящей архитектурой беспокойного этого места их успокоения!⁹¹ И стал нам вскоре одинаково люб и Понтевеккио, такой уютно обжитой, и Ponte Santa Trinita, аристократический его сосед, как будто и презрительный чуть-чуть в своем недостижимом совершенстве⁹². Одинаково стал радовать нас и монастырь св. Марка, и улица, идущая к Арно между двух, построенных Вазари, чиновничьих, Уффициями именуемых, дворцов⁹³. Это значило, что узнали мы и полюбили всю Флоренцию, в соблюденном ею сквозь века единстве.

Лунгарно делле Грацие

До войны 14-го года северяне, в силу некоего безмолвного gentlemen's agreement⁹⁴, поделили между собой Италию. Рим достался немцам, Венеция – французам, Флоренция – англичанам. Так, по крайней мере, говорилось в Италии, да и на самом деле мальчишки на Форуме и в Колизее в первую очередь «щьоне анзи карте» предлагали туристам, и лишь затем «карте-посталь», «посткарз», а совсем уж под конец какие-нибудь открытки или таркеты⁹⁵. В Палаццо Дарио, на Большом канале, жил Анри де Ренье, хвалитель тех мест в прозе и стихах, а молодой Пруст останавливался напротив него, кажется, в Гранд-Отеле⁹⁶. Тогда как виа Торнабуони⁹⁷, в час чаепития, могла бы впадать в Пикадилли вместо того, чтобы кончатся горделиво совершенным, уже мною упомянутым мостом. Русских, однако, было в Италии вообще и во Флоренции немало, даже и в месяцы, предшествующие «русскому сезону»⁹⁸, когда поразборчивее форестьеры вместе с итальянцами удалялись в горы или на морские берега.

Пансион Бенуа с петербургскими Бенуа ничего общего не имел, но русские посетители Флоренции отнюдь им не пренебрегали. На третий или четвертый день мы убедились в этом за завтраком. Я стал рассказывать маме:

– Ты помнишь Баптистерий, церковь при соборе, которую Данте называл «Il mio bel San Giovanni»?⁹⁹ Ты была там с нами в первый же день. Ну так вот, идем мы сегодня из Уффици в Питти по галерейке, которая проходит над Понте Веккио¹⁰⁰. Дошли до середины, любуемся видом из окна. В это время подходит с противоположной стороны крупных размеров лохматый бородач в теплом пальто и галошах – подумай, совсем лето на дворе, – в руках держит раскрытую книгу и обращается к нам: мусье. Я увидел, что книга – путеводитель Филиппова, и говорю: «Мы – русские». Тут он зычным таким голосом: «Слава Тебе, Господи, да объясните же мне, наконец, где тут этот их проклятый Баптистерий»¹⁰¹.

– Ну и что, объяснили? – спросила мама. Тут Шура:

– Объясняли, да он нас плохо слушал. Кажется, не совсем был трезв. Москвич. Из купцов. Ходят такие. Все хотят осмотреть без пропуска, или тащат их другие. Вот ты забыл вчера тете Оле рассказать. Мы в Барджелло долго были, а потом на верхний этаж поднялись, где итальянская живопись недавнего времени. Перед дверью стоят муж с женой. Жена в Бедекер пальцем тычет, надо, мол, нам и сюда, тут об этом целая страничка. Муж помолчал, да как сплюнет: «Хватит уж. Завтракать пора. Все там картины, говоришь?» Да как заорет: «А ну их к черту!»

Столь громогласно Шура этот ор изобразил, что вовсе не с ближнего столика раздался ему в ответ звонкий девичий смех, а седенькая

старушка с одного из ближних столиков нагнулась к маме и, улыбаясь, сказала: «Экие насмешники ваши молодые люди». Тут я подумал, что ведь и я не очень тихо своего москвича передразнил. Стало мне слегка неловко, тем более что развеселившаяся девица была очень миловидна и за столиком сидели с ней две пожилые дамы, а старушка тоже не одна была за своим столом: с ней сидела почти красивая, средних лет не то француженка, не то итальянка, но, несомненно, понимавшая по-русски, а может быть, все-таки и русская, оттого что смеялась она негромко, но очень прямодушно и глядела на всех нас ласково.

Мама сразу после завтрака познакомилась, конечно же, со всеми этими пятью лицами женского пола, но с теми, кто ближе сидели, ближе и сошлась. Этому знакомству предстояло иметь долгие последствия для меня, но я сперва обращусь к тому, которое – хоть и далеко не на столь долго – важным оказалось для моего друга. Не помню, как звали мать и тетку той девушки, да и имени ее не помню, ее лица не вижу перед собой; помню только, что была она не тогдашнему, а по еще более давнему мила и хороша, так что ближние две дамы с «тетей Олей» в один голос изрекли: «Прямо по Тургеневу». Очень скоро я увидел, что Шура, по тогдашнему выражению, к ней равнодушен; заметил вскоре, что и она «отвечает ему взаимностью». В наших прогулках участвовала она редко, но по вечерам Шура оставался с ней внизу, может быть, и погулять выходил, но никогда не возвращался в нашу комнату поздно. Девица была поведения самого примерного, дело «зайти далеко» не могло (как тоже в то время говорилось); да уже и потому не могло, что Шура был влюблен всерьез и, кажется, впервые. Я очень в нем оценил, что мне он об этом не сказал ни слова, иначе как мельком о девушке этой и вообще не упоминал. Будь я на его месте, я бы вел себя совершенно так же. И, глядя на милую эту девушку, я не мог его чувства не уважать и даже – тайно от себя – не разделять. Увезли ее – в Харьков, кажется, – за неделю до нашего отъезда. На следующее утро я проснулся рано, но Шуры в его кровати уже не было. Он ухитрился, вставая, меня не разбудить. К тому времени, когда мы пили кофе, вернулся. Сказал мне, что поднялся к Сан Миниато и там гулял. Вид у него был расстроенный. Перед тем как с ним выйти, я его обнял за плечо и похлопал по плечу. Он не сказал ничего, но, не глядя на меня, тихонько пожал мою руку.

Цецилия Яковлевна Оттокар – так звали худенькую старушку – оказалась существом ни капельки не казенным, приветливым, добрым, умевшим точно выражаться и напомиравшим мне даже (вероятно, внутренней независимостью своей) детских моих лет наставницу и наперсницу, Зеличку¹⁰². Приехала она сюда, чтобы навестить сына, молодого петербургского ученого, готовившего диссертацию

по истории Флоренции и жившего здесь уже давно, комнату снимая на другом берегу Арно, как раз против нашего пансиона. Что же до спутницы ее... Нет, это она была спутницей той экзотической слегка и совсем другого стиля и достатка дамы, которая ее из Петербурга в Италию и привезла. Достаток ее сказывался в чуть-чуть повелительных манерах, капризном тонком голоске и ювелирных изделиях – старинных, превосходной работы и других каждый день, – которыми она себя весьма щедро украшала. Немножко экзотики было уже в этом, как и во внешности ее, лишь на первый взгляд франко-итальянской, а при ближайшем рассмотрении фонтано-бахчисарайской, или, вернее, сумбекино-башенной¹⁰³, что подтверждалось именем Гульсум и фамилией Шейх-Али; по отчеству Алексеевной звалась, но лишь взамен другого, слишком уж замысловатого. Будучи студентом, сын Цецилии Яковлевны, тот самый, что нынче жил на Лунгарно делле Грацие¹⁰⁴, давал сыну Гульсум Алексеевны домашние уроки, в результате чего эти две дамы подружились и над детьми старшей из них (их было четверо, она рано овдовела) утвердился не безмерно щедрый, но зато и ничуть не навязчивый татарский протекторат. Все это узналось позже и меня бы не интересовало, если бы знакомству с бывшим репетитором ленивого Махмута, попросившего у него на первом уроке позволения разуться – легче, мол, думать без сапог, – не суждено было стать одним из трех самых незаурядных и самых важных для меня, за всю мою жизнь, знакомств¹⁰⁵.

Состоялось оно в нашем пансионе к вечеру того же дня, когда рассмешил нас нелепый россиянин в коридоре над рекою. Николаю Петровичу¹⁰⁶ было двадцать восемь лет. Широкий в плечах он был, но не мускулист. Темные волосы, небольшие усы. Матовое белое лицо, порой розовевшее очень нежно. Прекрасные глаза, лоб, также и руки, а нижняя часть лица менее удалась; позже, в России, он похорошел, когда отпустил себе бородку Henri IV. Похож в целом больше на итальянца, чем на русского. Рассказывал: едет однажды в трамвае, а напротив – соотечественники. Жена бранит мужа последними словами, яростно и даже непристойно. Муж, робко:

– Ты бы потише, что, если тут русские?

– Болван! Где они? Вот эта мерзкая рожа с усиками? Не итальяшка он, что ли?

Вскоре они стали тесниться к выходу. Николай Петрович тоже, хоть ему еще и рано было выходить. Толкнув фурию как бы нечаянно и приподняв шляпу, вежливо произнес: «Простите, сударыня». Эффект, по его словам, был громоподобен. Тем более, думается мне, манеры будущего друга моего были очень спокойные, мягкие, и что не по возрасту казался он солиден, да никогда и не говорил «волнуясь и спеша».

Есть не Бог весть какие стишки, и всего лишь Сергея Городецкого, но вот, поди ж ты, запомнилась мне они на всю жизнь:

Lungarno delle Grazie,
Твой адрес мне поет
С пленительной вибрацией
О том, что сердце ждет
Опять с тобой, учнейшим,
Бродить среди старины
По дебрям потаеннейшим
Флоренции-весны.

Флоренция и впрямь – весна; да тошно эту формулу глотать, как аптекарское «сopgrime», и удешевляется таким финалом и без того банальное восьмистишие. Тем более что обращено оно к человеку вовсе не банальному. О нем в воспоминаниях моих будет речь еще не раз. И конечно, уже тогда был он редкостным знатоком флорентийской старины, средневековой, еще более редкостным, чем позднейшей. Люди, которых он любезно по Флоренции водил, вовсе и не подозревали, как и ради чего он знания эти приобрел. Дело было в том, что книга, которую он готовил, должна была, по замыслу его, объяснить городские распри XIII века не готовыми штампами «классовой борьбы», как это делалось уже и в то время, а конкретным соперничеством могущественнейших семейств, искавших и находивших опору в самых различных слоях и группах городского населения. Оттого-то он в архивах еще больше, чем в библиотеках, историю этих семейств и изучал, неотрывную от истории их укрепленных и сторожевыми башнями снабженных жилищ, как и нередко их загородных владений. Книга эта и вышла – не вскоре и не порусски, а, по вине Августа и Октября, через пятнадцать лет и на итальянском языке¹⁰⁷, – принесла автору профессуру во флорентийском университете и звание почетного гражданина города Флоренция. Пока что существовало только множество выписок, материалов для нее и ее острые основные мысли в голове будущего знаменитого ученого.

Все было еще впереди для него, а для меня уж и подавно. Но через несколько тогдашних флорентийских дней я уже стал ощущать особый его ум и талант, а он настолько был мил, что отнесся доверчиво ко мне (я хочу сказать, к моим, очень зачаточным еще, способностям), замысел книги мне объяснил, дал понять общий характер своего интереса к истории, посоветовал слушать в университете лекции своего учителя, Ивана Михайловича Гревса («чудес не ожидайте, но стóит, и он прекрасный человек»), а уж о Флоренции рассказывал так, что и Шура готов был слушать его часами. Я не считал возможным много времени у него отнимать, но сговорено было, что, когда он захочет нас увидеть, он вывесит с утра полотенце на подоконнике своей комнаты, а мы, в знак согласия, ответим тем же, после чего в два часа зайдем за ним и он хоть часок погуляет с нами по

городу. В последнюю неделю вывешивал он полотенце каждый день, да и у нас в пансионе бывал, обедал со своей милой матерью и со всеми нами. Мама и Шура его полюбили. Гульсум Алексеевна в нем души не чаяла. Он только *всегда* к обеду опаздывал и *всегда* долго мыл руки прежде, чем сесть за стол.

Его давно нет. Пансиона Бенуа нет. Увижу ли еще раз Флоренцию, не знаю. Но когда вижу ее, во сне или в мечте, все того полотенца, у того окна ишу, на Лунгарно делле Грацие.

Поездки в Пизу и Сьену

Месяц для Флоренции – только-только. Мы съездили в милое Прато, совсем рядом. А как же другие тосканские города? Размышляли, советовались с Оттокарром. Имели в виду Ареццо (ради фресок Пьеро делла Франческа), Пистойю, Сан Джиминиано, да и в Лукку нам хотелось, но в конце концов решили, что всего досадней будет Пизу и Сьену не повидать. Остальное увижу – мечталось мне, – когда вернусь во Флоренцию через два-три года. Ни на миг мне в голову не приходило, что приеду я сюда – в гости к Николаю Петровичу – из Парижа, через двадцать лет...¹⁰⁸

Мама нас не сопровождала: «Не утонишься за вами». Оба раза мы выехали с первым скорым поездом – тем же самым, только во второй раз с пересадкой; оба раза вернулись, когда было уже темно; и, конечно, ни Пизу, ни тем более Сьену полностью не осмотрели, но впечатления от обеих – очень разные – были так сильны и жили во мне, не смешиваясь с другими, так долго, что, пожалуй, сумею и сейчас, все позднейшие наслоения убрав, эти образы, эти *лица* восстановить в себе и даже их описать, пусть лишь самыми общими чертами.

Другими, впрочем, и нельзя, это ведь по самой их природе обобщенья. Но вот что любопытно: образ Сьены един, а образ Пизы распадается на два, не одинакового объема и богатства, но силы одинаковой. И тут, и там, приехав на поезде, нужно от вокзала (перемещенного нынче в Сьене) пройти по прямой линии весь город, чтобы увидеть то, без чего был бы он не этим, а другим каким-то городом. Только в Сьене ты все время спускаешься и дойдешь в конце концов до дна воронки, а Пиза, близ устья Арно, не знает ни углублений, ни возвышений, только вдаль за ней высится темно-зеленая Пизанская гора. В конце твоего пути в Сьене ты попадаешь в центр, а в Пизе выходишь за город. Но есть и другое. В Сьене отсутствует река, она всеми своими водоемами по ней тоскует, она легенду создала о своей под землю ушедшей реке Диане, а в Пизе не так. Нет на свете грустнее реки, чем та, что дремлет под пизанскими мостами.

Недалеко отошли мы от вокзала, и вот река, переходим мост. Шура потрясен: «Как? Не может быть, это не Арно! Широка, полно-

водна, но скучна, как Обводный канал! Мосты, ни к чему они, дома, должно быть, пустые. На набережных – никого. Ведь красиво. А тоска...»

– Погоди, Шура, постоим еще минутку. Посмотри, какой странный цвет воды. Небо – голубое, а она мутная, неживая. Дворцы осиротели, вот мостам и скучно; но вовсе они не просят, чтобы много по ним ездили и ходили. Как грустно, Шура! Оттого так и хорошо.

Он взглянул на меня и покачал головой: «Тебе бы стоило писать». Да я уже и пробовал – изредка, но ему об этом не было известно. А широкий этот Арно в каменной оправе, он и по сей день таков. Когда едешь из Генуи в Рим поездом вдоль моря, после остановки «Пиза» не дремли. Вот они, эти нежилые набережные, и сиротливые дворцы, и стоячая вода под унылыми мостами. Раз я видел все это ночью, освещенное желтыми огнями фонарей. Если б не было грусти, если б смерти не было в мире, откуда рождалась бы тогда и чьи сердца сжимала, но окрыляла бы поэзия?

В то утро, однако, мы с Шурой бодро зашагали дальше, шли, шли, весь город насквозь прошли, и вдруг кончился он, дома, лавочки, сувениры, кофейные столики оборвались, и открылась зеленая поляна, а на ней беломраморные, большие, невсамделишные, ни на что до тех пор виденное не похожие здания: Косая башня, Собор, Баптистерий, а за полосой зеленой глади поодаль такое же зеленое длинное здание невсамделишного кладбища. Знали мы обо всем этом, картинки видели, но удивляться, слава Богу, не разучились. Во мне удивление это, могу сказать, до сих пор сидит: я так устроен, что никакое осведомление удивления моего не упраздняет.

Все мы добросовестно осмотрели. Историей праотца нашего Ноя насладились вовремя, покуда бомба свинцовую крышу над ним не растопила и не выпалило расплавленным свинцом творение имени того сказителя Беноццо Гоццоли¹⁰⁹. Да и «Триумф смерти» Франческо Траини¹¹⁰ слишком жизнерадостен был: и от него теперь не Бог весть что сохранилось. Кафедра Николая Пизанского в Баптистерии очень мне пришлась по душе, а кафедру его сына в соборе оценить я не сумел, бронзовой двери Бонанно в соборе, боюсь, что и вовсе не заметил¹¹¹. Но четыре нездешние строения, белые на райском лугу, поселились во мне навсегда. Град Китеж без озера. Образ Пизы, другой, более цельный ее образ; хоть и «вне стен», а именно это она и есть. Да и что еще нужно человеку, так я думаю теперь: рождение во святом крещении, Божий храм на всю жизнь, кладбище для мирной кончины и вдобавок косая, но не падающая башня, чтоб о чуде он не забывал.

А сиенский наш день такой был счастливый и радостный, что я даже не забыл и расскажу, какие макароны мы там ели.

Чуть от вокзала отошли, вот уж и надпись на воротах: *Cog tibi magis Sena pandit*. Я ее Шуре гекзаметром перевел: Сердце свое еще шире тебе отворяет Съена.

Есть ли где вторая такая надпись? Не знаю, я и об этой заранее не знал. Но когда город отворяет тебе сердце, разве ты можешь, пришелец, не отдать ему тут же своего. Но и стараться не приходится: Съена в себя влюбляет с первого взгляда. Сколько крови здесь пролилось, и каким отчаяньем все кончилось!! А ведь была побеждена Флоренция при Монтаперти¹¹². Память об этой победе и питала Съену три века, и погубила ее в конце концов. О каком безмерном славолюбии говорят остатки недостроенного собора, которого трансептом должен был стать прежний, он же и нынешний собор! Не рассчитали. Нерасчетливы были. Зато как щедро, не скрытно своим городом высказали себя! Несравненной роскоши собор, с интарсиями его пола, которым нет равных во всей Италии, над которыми двести лет работали лучшие съенские мастера. Двумя огромными храмами, францисканцев и доминиканцев, всеми другими церквями, больницами, фонтанами, дворцами, но прежде всего городским своим дворцом, таким празднично широким, щедрым, радостным, большеоконным, такой высокой башней – гордо, но и весело высокой – осененным! Туда, к Palazzo Pubblico, к амфитеатру площади перед ним, к его Кампо, тогда, меж высоких гордых домов мы так бодро, так молодо шли.

Пришли. Ахнули. Какое величие! Какая замкнутость, но вместе и открытость! Долго стояли, глядели. Осмотрели дворец. Подивились росписям Симоне Мартини и Амброджио Лоренцетти. Потом поднялись к собору. Как сверкает он мрамором и позолотой, как он занятно полосат сбоку и внутри! Но, вопреки сходству с Орвьето, он нас полностью покори́л. Все мы его сокровища обзрели, с детским восхищеньем разглядывали словоохотливо, но ведь и увлекательно рассказанную милым умбрийцем Пинтуриккио историю съенского папы Пия II-го. Пришли в конце концов в прямо-таки недостойный серьезных молодых людей восторг. Проголодались. Музей собора и Пинакотеку отложили на послезавтра. Зашли, ради полного съенства, в настоящий трактир не для нас. Сам хозяин поставил нам на стол пятилитровую бутылку вина и, ничего не спросив, принес две глубокие тарелки с кусками холодной говядины и грубо нарезанными овощами. «Очень вкусно», – сказал я Шуре, но бутылку, соломой оправленная, хоть и восхитила меня, но и немного испугала. Хозяину, однако, удалось мне объяснить, что сколько стаканов мы выпьем, за столько и заплатим. Очистили тарелки. Захотелось чего-нибудь горячего. Макарон? Хозяин перечислил три сорта. Ничего не поняв, я остановился на последнем. Получили мы такие же две тарелки, полные невиданно толстых, крупно нарезанных и –

увы – холодных макарон, перемешанных с чесноком и обильно политых оливковым маслом. Я ужаснулся, но тут Шура решил сказать «очень вкусно», и мы все это одолели, налив себе по второму стакану вина, после чего запили третьим большой кусок овечьего сыра. Баста. Баста. Не дорога и цена. Хозяин нас до двери проводил. Другие его гости только сыром да вином и пробавлялись. Остались в добром здравии, нисколько даже не осоловели. Пошли в Опера дель Дуомо («Дуччо, что ли, мы не навестим») ¹¹³, тщательно осмотрели Пинакотеку, особое внимание обратили, по совету Николая Петровича, на Беккафуми, который тогда никого не интересовал и о котором он подумывал тогда написать книгу... ¹¹⁴ Долго еще гуляли по городу...

Впоследствии познакомился я с ним ближе. Но не зачеркнута этим та Съена, которую в семнадцать лет обнял и поцеловал.

Венеция

Ничего к ее имени не прибавишь, ничем его не заменишь, а если к речи своей приспособишь, выдашь себя и свое отношение к ней. Мы – исключение: испугались его коверкать (хотя, произнося, и коверкаем немножко), отказавшись, слава Богу, от своего Венециаледенца. Зато немец, весь как на ладони, когда влюбленно лепечет: *Venedig*, прозрачен и англичанин, восхищенно вздыхающий: *Venice*, а хитрее всех, но сказался и француз в нажиме смычка певучей своей *Venise*.

Итальянское имя, сравнительно с этим, нейтрально. Быть может, потому, что Венеция – в Италии. Только не совсем так она в Италии, как Флоренция или Рим. На краю; и не только она Италия, а еще и Византия, греко-славянский Восток, басурманский даже Левант. Недаром епископ ее – патриарх. Недаром в искусстве своем породнилась она с Юстиниановой Равенной и с царьградским храмом Двенадцати апостолов. Недаром любила византийские чаши куполов и близкие им по чувству круглые завершения фасадов.

Мы дивились. Мы всему дивились – с той минуты, как в гондолу сели у вокзала и вдоль всех дворцов поплыли, проплыли, к Славянской набережной подплывая, к нашей и поныне невредимой гостинице «Метрополь». Так дивились всему, точно и не знали, что Венеция не на земле, а на воде. Шура был, международно выражаясь (как здесь и подобает), *épaté*, а то, пожалуй, и *knocked out* ¹¹⁵. Этого он не ожидал. Мама умилялась: нечто в этом роде видела во сне, до замужества, давно. Я глядел во все глаза и даже ноздри раздувал. Внюхивался в новый воздух, вглядывался в новые цвета неба, воды и всего кругом, каждому дворцу дивился, имени его в красной книжке даже не ища. Тут я вообще еще больше не мог прийти в себя, чем во

Флоренции и в Риме, пожалуй, до конца так немножко и остался не в себе; всего две недели мы здесь и пробыли. Как все странно, и в этой странности как раз прекрасно! Даже неполная итальянскость всего этого, которую я тотчас смутно ощутил, сразу меня пленила, но и сразу заинтересовала. Тут уж надо все высмотреть, во все закоулки заглянуть. Чуть устроились в комнате:

– Ты как думаешь, Шура? Не стоит на пароходиках ездить. Всю ее надо пешком исходить. Понимаешь? Всю насквозь пешком!

– А что ж, давай! Как в Съене. Да тут оно и легче: вся-то она плоская, как блин. А заблудимся – не беда! План-то у нас не очень подробный. От гостиницы до Сан Марко – чего проще¹¹⁶. Ну а дальше будет посложней.

И в самом деле, заблудились. На второй день, самого первого, половинного, не считая. В первые часы тут довольно было существовать, сознавая, что каким-то волшебством существуешь ты в Венеции. Мы только на пароходе покрупней, от нашей набережной отплывшем, на Лидо и обратно съездили, чтобы берегом с воды полюбоваться¹¹⁷. А вечером все втроем на Площадь отправились, и Площадь нас подарком одарила. Как только стемнело, вдруг вся светом облеклась бесчисленных лампочек, окаймлявших все ее окна и аркады. Камерьер у Флориана¹¹⁸ объяснил, что этим празднуют и еще много вечеров будут праздновать только что законченное восстановление Колокольни св. Марка, за десять лет до того рухнувшей во прах в десять часов утра, чудом никого не убив и храм оставив невредимым. Сидели мы теперь как бы в той самой бальной зале, с которой Площадь сравнил Наполеон (для вящего сходства и повелевший замкнуть ее новым дворцом со второй узкой стороны). Бала не было, но мы были как на балу и чувствовали себя сверхбально. Мама жалела, что мы не во фраках (которых вовсе у нас и не было), что она не в бальном платье и что бриллиантов своих не захватила в Италию. Грянул посреди площади оркестр. Кто-то, за одним из ближайших столиков, на маму взглянув, воскликнул вполголоса: «*Che belle bionda*». Мы заказали бутылку «*Asti Spumante*», и на этот раз я и Шура сильно осоловели: асти было слишком сладкое.

Проснувшись утром, я объявил: «Сегодня – Сан Марко, Дворец Дожей, Пьяцца, Пьяцетта. Хождения начнем завтра». И действительно, этого хватило. Даже и не попали ни в библиотеку св. Марка, ни в Археологический музей: язык высунули; мама нас отправила купаться на Лидо. Вечером опять без бала на балу, но теперь уж без шипучек. А на второй день – ой, ай – затуманилось небо, и не успели мы с Шурой далеко отойти от Площади, как стал накрапывать дождь. Решив, что лучше возвратиться под ее аркады, мы завернули налево, направо, еще раз направо – и потеряли путь. Тут подвернулся нам малолетний оборванец, в войлочных почему-то туфлях на бо-

су ногу, и вызвался нас в две минуты вывести на площадь. Шел, все время меня направление, минут десять, дождь усиливался, туфли его насквозь пропитались водой, наконец оказались мы под аркадами Прокураций, со щедрой мздой, поглядев на мокрые туфли, его отпустили, зашли в кафе, а когда дождик прошел, убедились, что были мы даже не в двух, а в одной минуте от Площади и что водил он нас вкривь и вкось, чтобы увеличить свой бакшиш.

Солнце не замедлило воссиять, и мы приступили к нашему первому лабиринтоисследованию. Какая забава! И какое восхищение! Насчет Мерчерий¹¹⁹ не усердствовали; покупать ничего не покупали. Но как милы кривые эти улочки и переулки, досадные тупички, обманные двойняшки – по одной дойдешь, а по другой никуда не попадешь. И уютные маленькие *campi*; крошечные лавки фруктовошников, цветочников; и хлопотливый здешний, привыкший к форестерам люд, и его дружелюбный зюзюхающий и проглатывающий гласные говор! Вот и церкви, одна за другой: San Zulian, Lo Fava, где Тьеполо, Сан Лио, где Тициан, с чудным Беллини чудная церковка Златоуста, и чудо из чудес, но всего хитрее запрятанное Santa Maria dei Miracoli¹²⁰. И недалеко оттуда, на мост пошире других ступив, – ах – сколько вдруг неба, и света, и воздуха! Глянь налево, вдоль по каналу – сияет вдали лагуна, но пред тобой, с гордым всадником своим, высоким храмом и венецианнейшим фасадом Scuola Grande di San Marco, великолепно-просторный Campo San Zanipolo¹²¹.

– Это Коллеони?

– Он самый. Вон столики близ него. Сядем, Шура. Бог ты мой, до чего тут хорошо!

Позже, в седые дни мои, я площадь эту окончательно выбрал – или она меня выбрала (усилия я тут никакого не приложил). Бесчисленные часы – предзакатные почти всегда – вот тут, за столиком Caffè Cavallo провел, ничем, кроме виденья и мечтанья, не занимаюсь. Тень моя, никого не пугая, являться будет живым именно здесь, оттого, что нигде на свете я так не отдыхал душою. В течение больше чем десяти лет я каждый год ездил в Венецию; в общей сложности провел там месяцев двадцать. Ни одного итальянского города не знаю так хорошо, как ее, потому что почти каждый раз осматривал ее всю заново. Флоренция чище, возвышенной, строже. Рим – навыворот прочесть – Мир, а Roma – Любовь, да и смерть там родилась. Что ж, слабость это моя, но Венеция ласковой меня врачует. Вот и сейчас, четыре года в Италии не был, а тянет меня всего сильнее туда.

Тысяча девятьсот семьдесят восемь. Трудно мне нынче восстановить юношеское мое восприятие Венеции. Но кажется мне, что понял бы я тогда то, что говорю о ней сейчас. Очаровала она меня с первого дня, но помнится, что и тогда я начинал сопротивляться

этим чарам. Мы съездили в Падую; там Джотто и Донателло за плечи меня взяли и повернули к Флоренции лицом¹²². Да ведь и венецианский кондотьер тут, на моем кампо, изваян был флорентийцем Вероккио, и, если правдоподобному преданию верить, так высоко вознесен на свой венецианский пьедестал по совету другого флорентийца, того самого Леонардо, который, вполне вероятно, и не этому одному в работе над венецианским заказом научил своего учителя.

Преизрядных ваятелей было немало в Венеции, из века в век, но как все знают, сильна живописцами она, а не ими. Живописцами этими восхищался я уже в Эрмитаже, Тициановой «Венерой перед зеркалом» (той, что теперь в Вашингтоне)¹²³ особенно, а затем, на пути нашем, в Вене, Неаполе, Риме, Флоренции. Живописнейшая живопись эта всю Европу веками учила живописно, а не скульптурно, колоритно, а не просто красочно живописать. Но в Венеции она все-таки у себя дома, и все нам здесь поясняет, от мозаик св. Марка до лагуны и красок заката – золото, пурпур, сапфир, – почему родилась она здесь. И нигде глубже, чем в залах Академии, где почти она только и есть, нельзя проникнуться красочной ее жизнью. Так проникнуться, как проникся ею Рубенс, от которого (как и минуя его, прямо от Веронезе) перенял ее Делакруа и передал всем своим (французским прежде всего) наследникам. Или как Врубель, для себя одного – о чем говорит его «Венеция» в Русском музее¹²⁴. А на худой конец и как я, словесник, ни на грош не живописец, но жадный живописцев соглядатай, неисправимый живописи воздыхатель, натасканный Эрмитажем, недавними французами, а все же Венецией и ее мастерами всего крепче – не верить на слово любому малеванью, не любое живописью называть.

И тогда же я понял, что именно тут, в Венеции, и вместе с Венецией окончились пять веков живописи, отнюдь не только венецианской, а великой европейской: от Джотто и от Мазаччо (и от Ван Эйка) до... До кого же, если не до Тьеполо? Той живописи, по которой тосковали, каждый по-своему стараясь ее продолжать, Энгр и Делакруа, и потом, продолжая то, что еще можно было продолжать (но тайно все тоскуя), Мане и даже Сезанн. Тьеполо прощается с ней, прощается Гуарди. Никогда больше не будет. Как никогда не будет второй Венеции.

Красотка и подбитый глаз

Каждый почти день, к пяти часам, приезжали мы на Лидо с мамой, чтоб купаться, а мама, чтоб в ближайшем кафе над пляжем с двумя шведскими дамами поболтать. Познакомилась она с ними в поезде, между Флоренцией и Венецией, а как с ними объяснялась и на каком языке болтала, Богу одному ведомо. Ни по-шведски, ни по-

английски она не говорила, а дамы располагали крайне скромным запасом одна – немецких, другая – французских слов. Та, что говорила *bitte schön*, была человек как человек, а та, что знала *pardon, merci* – кукла (с лица, по крайней мере), и довольно жуткая. Была она много старше (и богаче) другой, лицо ее сплошь было покрыто весьма искусно расцвеченной эмалью без малейшей морщинки и с шестнадцатилетним румянцем на гладеньких, полненьких щеках. Строго воспрещено ей было не только смеяться, но и сколько-нибудь заметно улыбаться, и большие страдания причиняли ее эпидерме любые «выражения лица», кроме самых мирных и безмятежных. Когда, откупавшись, и мы приходили в кафе, я каждый раз напоминал Шуру, чтобы он не рассказывал – даже по-русски – ничего смешного. Смех заразителен, он и рикошетом мог бы повредить эмаль. К счастью, наши потуги скучать продолжались недолго; наступал вскоре и час возвращения в Венецию.

Купались мы с Шурой по-разному. Он любил барахтаться, а я – либо плавать, либо лежать на песке. И особенно любил я лежать на песке с тех пор, как заметил итальяночку, которая тут же резвилась в обществе трех или четырех не сводивших с нее глаз молодых людей. Наших лет она была, как и все они. Перебрасывалась с ними мячиком, бегала взапуски к воде, а возвращаясь на песок, подпрыгивала, схватывала висевшие недалеко от моей лежачей персоны гимнастические кольца, качалась, вертелась, кувыркалась, и делала это столь искусно, что юнцы ни в какую гимнастику сами не пускались, а только глазели на нее, чуть ли не разинув рты. Любовались они на самом деле не акробаткой, а красавицей. Любовался ею, все увлеченней с каждым днем, и я, но Шуру о ней не говорил, и он как будто ее не замечал или делал вид, что не замечает. Народу в эти часы на пляже было не очень много. Юнцы, вероятно, нас заметили. Я мог бы заговорить с одним из них, через него познакомиться и с ней.

Ничего я такого не предпринял. Был робок. Почти совсем не говорил по-итальянски. Стеснялся Шуры. Скоро уезжал. Но нет, все это говорю я теперь, силясь посмотреть на дело «со стороны». Помню отлично, что познакомиться с ней у меня попросту не было желанья. А другого желанья? Верьте или не верьте, но честное слово – не было и его. Настолько невинен я не был, чтобы о нем вообще ничего не знать. Ожидал его, но оно не приходило, существовало потенциально, но я его все же не испытывал. Почему? Потому что красotka эта слишком была красива, хороша лицом не больше, но и не меньше, чем телом: ровно в ту же меру, в меру совершенства, которое я счел бы недостижимым, если бы в ней оно не было достигнуто.

Черный шерстяной купальный костюм скрывал кое-что от живописца, но почти ничего от скульптора. Лифчика не было под ним, и

лифчик был совершенно ей не нужен. Грудь ее была полна и кругла ровно в меру и находилась именно там, где ей полагается быть. Руки и ноги не были ни на полсантиметра тоньше или плотней, чем нужно. Солнечно-смуглым было ее тело, бархатно-черными волосы и глаза. Лоб не слишком высоким, нос не слишком длинным, но и не коротким, лицо не слишком выразительным, как в скульптуре лучшего греческого века. Плавными, но и упругими были все ее движения. Глаз нельзя было оторвать от ее бега...

Сам себе говорю: «Экие восторги сквозь такую толщу лет! Влюбился, значит, чего тут рассуждать!» И отвечаю: «Нет, слишком хороша она была и для влюбленья». Дружбы к ней и даже приязни я в себе не находил, как и нежности или умиленья. Только видеть ее мне хотелось без конца, осязать ее глазами. Что делать с таким чувством? Не то чтобы оно очень меня мучило, но как-то я все-таки скорбно недоумевал: что это такое, эта отрешенная, эта беспламенная любовь?

За три дня до нашего отъезда я особенно долго лежал на песке. Ее приятели ушли. Она еще качалась в кольцах головою вниз, потом упала на песок, поднялась и, проходя совсем близко от меня, не улыбаясь, но совершенно немножко на меня взглянула. Я обомлел. Все могло перемениться в один миг. Сказать: «*ô, que vous êtes belle!*»? – ее уже не было. Я вскочил, побежал, бросился в воду, поплыл к Шуру и ко второй гимнастике, в некотором отдалении от берега. Взобрался на трапецию и, стоя, стал раскачиваться все выше и выше. Потом прыгнул, нырнул, а когда вынырнул, качавшаяся еще трапеция концом своим с большою силою ударила меня в висок. Я упал в воду и едва ли встал бы на ноги, если бы Шура не схватил меня под мышки. Правый глаз мой закрылся, голова трещала, висок люто болел. Шура вывел меня на пляж, довел до кабинок, помог одеться. Висок стал болеть чуть меньше, но глаз не открывался, и в мыслях был порядочный дурман. Вышли на остекленную террасу. Добрались до столика. Шведка помоложе испустила звук вроде «*О!*» на очень высокой ноте. Старухе захотелось горестно улыбнуться, но этому помешала эмаль и ее собственные судорожные усилия. Мама крикнула Шуру: «Что ты с ним сделал?» Тут я как-то вяло и не без запинок объяснил ей насчет трапеции, прыжка и Шуры, без помощи которого я, может быть, остался бы под водой. Мама взволновалась. Кукольное лицо безмолвно глядело на меня, ничего не выражая.

Вернулись в Метрополь. Глаз мой к вечеру приоткрылся, к утру открылся, боль утихла, но вид мой был страшен. Деклассирован я оказался и в общественном мнении, и в собственном. Горничные Метрополя глядели на меня с ироническим соболезнованием, а на Шуру с плохо скрываемым восхищением. Для них не было сомнения, что глаз мой подбит им. Мимические его попытки их в этом ра-

зуверить успеха не имели. Последние дни в Венеции прошли для меня немножко траурно, тем более что ради маскировки позора я купил большие черные очки. Снимал их, однако, то и дело. Погребальную Венецию трудно мне было вынести. Съездили, как-никак, в Мурано, съездили в Бурано и Торчелло¹²⁵. На Лидо я, конечно, не показался. Страшилищем уехал и в Милан.

Красотку мою не видел больше никогда, но красу ее я сейчас помню, вижу с полной ясностью.

Милан в шести снимках

Я их не выбирал. Память моя их выбрала и сохранила. Заголовками снабдил и теперь старательно проявляю.

Собор. – В первое же утро поднимаемся на крышу. Навстречу – альпинисты. Десяток рослых и плотных баварцев в шерстяных чулках, подбитых гвоздями сапогах, серых с зеленым куртках и тирольских шляпах с перышком. Совершили восхождение, спускаются, вытирая лбы пестрыми платками. Сейчас подадут им где-нибудь пива в темных кружках со львом или с литерами НВ.

Гуляем в мраморной роше – или чаще, но без лиан. Все прямолинейно, жестко, тонко, остро. Может сломаться, но не согнуться. Сплошной, говорит Шура, Зиг и Заг. Видим весь город. Любуемся совсем вблизи на редкость отрадной для глаза (даже и подбитого) колокольной Сан Готтардо.

Спускаемся и входим внутрь. Сперва во тьме, потом в полутьме. Бродим среди огромных многоствольных столбов, жалобно закидывая голову к острым, сумрачным сводам. Шура даже за руку меня взял. Маленькими мы стали. Так и ходим по Божьему лесу, за руки взявшись, два малыша. Очень ему канделябр понравился, и он прав. А о соборе он вот что говорит:

– Это тебе не Stefan's Dom. Тот такой светлый и уютный, милостивей был. Зато уж башня его напрямик к небу взлетала. Здесь – не то. Снаружи так и топорщится все от сплошного задора в украшениях, а внутри всяческих богатств столько же, да строители так устроили, чтоб их трудно было разглядеть. И все-то тут вместе ух как величаво, да неохватно, необозримо. Жутко даже становится, в боковых особенно кораблях. Столбы эти высоченные как-то ввысь уходят, как будто там и не высь, а глубь.

– Ты молодец, Шура, что Вену вспомнил, а не Фрари¹²⁶, не Сан Заниполо и не флорентийский собор. Этот ведь больше чем наполовину немцами построен. Венский смягчили последние века, да там и замысел был скромный, а позже не произошло такой путаницы, как здесь. Может быть, сумрак здешний и таинственность отчасти случайны. Но получилось удивительно. Тут не милосердия

ждешь, а мольбы о нем, мольбы органа, хора, *Dies irae*¹²⁷. Гретхен, может быть, в таком храме молилась. И помнишь, Негт Гуде¹²⁸ нам объяснял у Гете: *Das Schaudern ist des Menschen bester Tete*¹²⁹. Трепет. *Rex tremendae Maiestatis*¹³⁰. Тут-то с тобой сегодня это *Schaudern* и поняли.

Galleria Vittorio Emmanuele. – Выйдя из собора, мы прямо в пассаж и зашли. Выбрали самое быстрое на вид кафе и решили угоститься мороженым архироскошным. Себе-то я заказал попросту мое любимое – фисташковое, а Шура самый сложный и дорогой из имевшихся в меню пломбир. Принесли ему на бумажных кружевах нечто умопомрачительное. Он благоговейно это многоцветное чудо просмаковал.

– На пять с плюсом! А сервировка-то какая! Шик, блеск, антикмуаре с кисточкой! Ну-ну, прекращаю. А весь-то их этот пассаж. Что второй собор. Дескать, рядом с ним в грязь лицом не ударишь.

– Вот именно, Шура. Соперник. Как Национальный памятник, которому мы спину поворачивали в Риме. Тот Капитолию соперник, а этот, хоть и в другом роде, собору. Да и погляди, посреди площади, вон: король на коне, саблю выхватив, мчится на собор в атаку. Технологический окончишь, так же будешь нашим веком былые века посрамлять.

– Ну вот еще. Можно им и помогать. Ладно. Отдохнули. А теперь куда? В Амброзиану или в Бреру?¹³¹ Эй, камерьере!

Но кафе было переполнено. Камерьере долго не появлялся. Тогда Шура – удержатъ я его не успел – ложечкой о стаканчик позвонил, да и так, что вышло очень звонко. Люди за соседними столиками повернули головы в нашу сторону. Прибежали сразу три лакея. За ним метрдотель с седыми бакенбардами и во фраке. За ним низенький, но страшно авторитетный господин в коричневом пиджаке. Что случилось? Шура сидел красный как рак и смотрел в землю. Я сказал пиджаку «скузи»¹³², положил на стол бумажку, не требуя сдачи, и мы мгновенно удалились под обстрелом укоризненных взглядов, относившихся, пожалуй, отчасти к желто-лиловому пятну под глазом у меня, плохо прикрытому черными очками.

Хотел я Шура сказать: «В таких кафе ложками не стучат», – да он и сам давно уж это понял.

Giardini pubblici. Жили мы в старом *Albergo Manin* (нынче стал он нов и звездovit) возле городского сада, прелестного, но вовсе не столь большого, чтобы естественно было величать его по-здешнему, в множественном числе. Хорошие стояли там скамьи, под деревьями, вокруг фонтана. На второй день нам велела мама явиться туда к часу дня, чтобы пойти позавтракать где-то у нас в гостинице. Мы очень опоздали. Было без двадцати два. Мама пресердито нас встретила:

– Куда вас нелегкая, бесстыдники, занесла? Где вы шлялись, негодяи? Я говорю – в час, а вы приходите в два. Теперь мы и к завтраку опоздали. Да и волновалась я. Шура, говори! Где вы пропадали?

– Мы ошиблись, тетя Оля. Только тем и виноваты. Были в Кастелло Сфорцеско, а выйдя оттуда, ошиблись насчет трамвая. Совсем в другую сторону поехали...

– А ты что смотрел?

– Бог с тобой, мама. Ошибся, и все тут. И опоздали мы на сорок минут. Теперь еще не два. А помнишь, как я волновался в Швейцарии? Ты опаздывала часа на два. И почему? На часы забыла посмотреть?

– Как? Ты меня все еще этим попрекаешь, мусор этакий?

Тут пришлось ей, однако, гневный взгляд от меня отвести. При слове «мусор» сидевшая невдалеке на скамейке юная особа приснула со смеху, закрыла лицо руками, но затем откровенно расхохоталась, встала, подошла к нам и сказала маме:

– Простите, я – русская. Слышу, как вы забавно браните ваших молодых людей. Пыталась удержаться, да не смогла. Прошу прощения. И потом, знаете, тут возле сада есть ресторанчик, где я завтракаю каждый день. Пойдемте все туда. Там и в два можно поесть.

Мама точас просветлела и даже просияла.

– Какая вы милая, что не приняли нашу ссору всерьез. Да и мленькая вы какая, совсем молоденькая. Негодяи, знакомьтесь. Идем завтракать все вместе.

После этого мы виделись каждый день. Хохлушка она была, кажется, из Полтавы; хохлушка, как та флорентийская девушка, ровесница Шуры, как и та; ведь и Шура – по отцу, во всяком случае, – был хохол. Она и понравилась Шуру очень, а он ей очень, очень, но «тургеневской девушкой» она не была. Меньше лирики, больше юмора. Воздыханья не внушала. Была самостоятельна, жила в Милане одна, училась пению у брата знаменитого в те годы Тито Руффо. Маме очень прихлась по душе. Собирались мы и в России продолжить знакомство, хоть и неизвестно было, когда она сможет приехать в Петербург.

Я тотчас стал ей объяснять, что высшей ступенью маминой брани «мусор» именно и был, что в детстве я на нее страшно обижался, а теперь... Но она хоть и слушала, но глядела больше на Шуру. Да ведь и глаз был так уродливо подбит не у него.

*Certoza di Pavia*¹³³. Считалось прямо-таки неприличным осматривать Милан (или Павию) и не осмотреть Чертозу. Чем, спросят тебя, хороша Италия? Ренессансом, и в особенности ранним. Как же ты мог пренебречь «шедевром ломбардского Ренессанса»? Да и ранним скорей, чем поздним. Вот мы с Шурой и не пренебрегли. Даже без

хохлушки туда съездили. Полдня осматривали, прилежно восхищаясь. Но к концу дня то ли я устал, то ли Флоренцию вспомнил, то ли черный купальный костюм, так что захотелось мне неукрашенности в красоте... В малый монастырский дворик нас впустили, прелестный и простой, и вид открывался оттуда на живописные верха церкви, никакого осуждения не внушавшие. Но я думал больше о фасаде, боковых стенах и капеллах, когда решил, к Шуре обращаясь, душу облегчить:

– Вот мы с тобой все, что тут ни есть, похваливали, смаковали, а теперь у меня такое чувство, как на Пасхе бывает: слишком много пасхи съел. Или еще – от англичанки моей знаю – есть у них такое слово: *overdressed* – о слишком нарядно одетых людях говорится, с более четким порицанием, чем наше «разодет». Амадео, конечно, отличный скульптор, да и другие, тут работавшие, очень умелые были мастера. Но сложили они все вместе свое мастерство, и получился в самом деле коллективный шедевр, но уж очень похожий на те индивидуальные шедевры, которые прежде в цехах подмастерья мастерили, чтобы звание мастера получить. Соборы, вплоть до Миланского, – совсем не то: не об одной красоте там заботятся, а потому и не так легко впадают в красоту. Да и барокко – совсем другое. Там все движения согласованы, все порывы слились в один порыв. А тут сложение равноправных единиц. Выставка умений и красот. Да и знаешь, этот их умилительный Бергоньоне...¹³⁴

– Ты мне, однако, про него другое говорил. А по-моему, церковь, отчего ей и не прихорошиться? Да и дому, жилищу, пусть и не всегда удачно. Вот погоди, не попаду в Технологический, пойду в Гражданские инженеры¹³⁵, да и построю тебе сараев вместо церквей, да и домов по двадцать этажей, без единого орнамента. Взвоешь?

– Ведь одни уже пропорции... *Badia Fiesolana* – помнишь? Воздушные эти арки. Четкие профили...

– Не всякий архитектор одним этим обойдется. Что возможно, то ведь еще не обязательно.

– Ну а «Престол Афродиты» в Музее Терм, в Риме, помнишь? Из пены?¹³⁶

– Вон ты куда. Ты еще о Лидо вспомни. Хорошо, что глаза себе не выбил. Да не хмурься. Чего там. Коханочка-то здешняя крестиком себе всю кофточку вышила. Разве плохо?

«Тайная Вечеря» Леонардо, – Долго мы Браманте хвалили и церковь *Santa Maria delle Grazie*¹³⁷ любовались, а как в трапезную монастырскую вошли, так и обмерли: ведь всю стену тут (одну из узких) не «Тайная Вечеря», а тень ее прискорбная заняла. «Ох, – сказал Шура, – недаром тут конюшня была. Вся почти краска облупилась или изъедена чем-то. А что-то все-таки...»

Стали мы тут совсем посредине голого этого параллелограмма, смотрим, смотрим, и я ему говорю:

– Читал я, что и он сам приходил сюда, кисти в руку не брал, а стоял, где мы стоим, и на стену глядел часами. Ну и высмотрел¹³⁸. Когда я только снимки в книгах знал, никогда мне в голову не приходило это, а фреска-то ведь предполагает это самое соотношение с перспективой пространства, посреди которого мы стоим. Его пропорции, а не другие. Нет, не говори, пропорции – великая вещь. Ведь мы-то с тобой тем самым участвуем в Вечере, не в зрительном зале мы, а в том же, где происходит она. Потому это – самое гениальное тут, да еще наклон головы, поза и руки Христа. Остальные все слишком уж усердно говорят – тоже, главным образом, руками.

Мы еще постояли. Прошлись по комнате. Вышли во двор. Опять вошли. Шура молчал. Вероятно, был со мной согласен.

Вишенки-сережки. – Накануне отъезда – из Италии, не только из Милана – были мы вечером у брата Тита Руффо, познакомились с его женой и четырьмя детьми. Все они – две дочери, двое сыновей, жена, он сам – были удивительно хороши собой и к тому же веселы, приветливы, в высшей степени приятны. Хохлушка – она нас, конечно, сюда и привела – пела под аккомпанемент хозяина, и мы все трое нашли, что у нее хороший голос. Разговор шел по-французски, с примесью итальянского. Я был рассеян и немножко грустен – завтра кончалась Италия, – участвовал в нем мало. Но рассеян я был и по другой причине. Угощали нас вишнями (черешнями, собственно, но цветисто-красными), и младшая дочь хозяина то и дело стебельками срощиеся двойные вишенки подбирала и вешала себе на ушко, с шаловливой улыбкой поглядывая на меня. Пять лет ей было, и красотой напоминала она мне Марусю Черкасскую¹³⁹, чья смерть в шестилетнем возрасте причинила мне года за три до того такое горе. Тогда как щечки этой черноволосой и черноглазой горели живым румянцем. Она сидела против меня, и я все время, хоть и молча, беседовал с нею. То покажу ей жестом, чтоб вишенки на другое ушко надела. То протянет она мне корзинку, чтобы я сам вишню взял. За эти какие-нибудь полчаса стала она мне мила, как если бы сестричкой моей была или дочкой. Но нет, не женятся, не плодятся на небесах. Это был последний в моей жизни отблеск такой земле ненужной, на земле бессмысленной любви...

Расстаться с нею навсегда уже мне было до смешного больно. С Италией и с ней, это как-то слилось в одно. На прощанье она опять приложила две вишенки к ушку, помахала ими в воздухе и положила их мне в руку.

Кончилась Италия

Кончилась Италия! Вслух я этого не говорил, а то мама бы сказала «в гостях хорошо, а дома лучше», чего навыворот не скажешь и

чем раздражила бы она только мою печаль. Но слова эти, в вагоне сидя, про себя я все же повторял, а глядя на тоже слегка пригорюнившегося Шуру, думал: считает, пожалуй, что я-то скоро вернусь, но что ему в дальний путь снарядиться будет трудно.

– Смотри, Шура: это Стреза, а вон там – Борромейские острова¹⁴⁰.

(Пожар в театре. Прогремел и упал железный занавес. Шуриной судьбы не знаю, я же и впрямь вернулся – через двадцать лет и, задолго до того, навсегда покинул дом, где «лучше, чем в гостях». И с каким трудом денег наскреб в Париже на дорогу...)

– А хороши острова! Тетя Оля, смотрите, кипарисы-то какие!

Возглас этот был услышан пассажирами, подсевшими к нам в Стрезу. Дама взглянула: «Мы вчера там были. На том острове, где дворец, там чудный, чудный сад!»

Мама тотчас откликнулась. Познакомились. Это тебе не шведки, подумал я. Интеллигентны. Не слишком размашисты, хоть и москвичи. Пенснэ у него на тесемке, как у Чехова. Врач? Так и есть. Она помоложе, уютна. И вот поди ж ты! Болтун-то ведь он. Рассказывает про Италию. Я молчу, думаю о ней же.

Нет, не кончилась она! Никогда не кончится! Поселилась во мне навсегда. Предчувствовал я уже, что мою жизнь, мое будущее предопределила она больше, чем все, что было до нее. Уже в Риме, и тверже еще во Флоренции, решил, что научусь итальянскому языку, буду читать Данте по-итальянски, буду заниматься историей Италии – великих ее веков – и прежде всего историей ее искусства. Вещественным доказательством моего интереса к нему мог бы послужить лежавший в чемодане над моей головой большой, в холщовом переплете альбом в пятьдесят листов, на каждый из которых с двух сторон углами в углышки были вставлены фотографии работы Алинари, Андерсона, Броджи, купленные мною в разных городах (сами мы ничего не снимали: я эту возню несправедливо презирал). Альбома давно у меня нет, но половину снимков или около того я помню. Выбор их нынче меня отчасти удивляет, но в иных случаях, даже и не очень редких, я его одобряю и теперь. Отнюдь не был это еще выбор историка искусства. Лышу себя надеждой, однако, что, и став историком искусства, я «любителем» (человеком любящим) быть не перестал.

А как же наш медик в чеховском пенснэ? Я стал усердно прислушиваться. Совсем не плох. Говорит и дельно, и живо; и все о хорошем. Больше городов они видели, чем мы. Употребляет, к сожалению, недавно вошедшие в моду «эстетские слова» – «примечательно», «блистательно», «демонический», «лилейный». О Сьене, а также о Венеции XVIII века лучше говорит, чем о Флоренции, чьей силы, строгости, четкости не ощущает. Показывает мне книгу,

спрашивает, читал ли я ее, – «Образы Италии» Муратова. Говорю, что нет. Даже о существовании ее не знал.

– Два тома. Недавно вышли. Прочтите непременно. Следующий раз все вам откроется в Италии и все вы увидите по-новому.

Имя автора было мне знакомо. Заглавие понравилось. Вскоре по приезде книгу купил, просмотрел довольно внимательно, но читать по-настоящему не стал. Охвачен был странным, непозволительным даже чувством – чем-то вроде ревности. Мальчишкой ведь был, мог бы поучиться у старшего, но не захотел, да и только. Почему же? Учился ведь – и как охотно! – у других; учился и у него, когда он о древнерусских иконах и фресках стал писать. Одно тут и есть объяснение. В той первой книге своей он лирически об Италии, о ее искусстве говорит. Где-то в подсознании сидело у меня, должно быть: сам сумею. А главное: разве стану я слушать, если другой начнет меня учить, как мне мою возлюбленную целовать? Так и не прочитал – до старости; хоть признаться в этом милому Муратову в Париже и постеснялся. Но и при беглом просмотре все-таки понял, откуда наш вагонный собеседник всю свою премудрость почерпал.

Хорошие они были люди, он и его жена, из тех, на чьем внимании, на чьем даже и простом поддакивании только и держался наш русский «серебряный» Ренессанс – ранний и уже от зрелости недалекий, да Серпом срезанный, Молотом приплюснутый.

На швейцарской границе итальянская таможня заинтересовалась одним из наших саквяжей, в котором ничего почти и не было, кроме бронзовой посмертной маски Толстого, купленной мамой в Риме у сильно нуждавшегося в деньгах молодого скульптора, который за два года до того изготовил соответственный гипс и отлил его несколько раз в бронзе. Жена доктора, бегло говорившая по-итальянски, вступилась за нас, объяснила таможенщикам, что маски такого рода не могут считаться произведениями искусства, побожилась, что это не какой-нибудь современник Бернини, а именно Толстой, и нас соблаговолили пропустить. После чего заступники наши, расставшись с нами лишь в Цюрихе, всю дорогу мешали нам смотреть в окно, хваля и Толстого и маску, которую теперь, вопреки сказанному на таможе, объявляли подлинным произведением искусства именно за то, что была она «вылитым Толстым».

Слушал я их, впрочем, только в туннелях, но, когда мы покидали Симплон, мне и этого показалось вполне достаточно. Маску я не любил. Около рта что-то было смазано, агонией или смертью. Веки казались слегка помятыми прикосновением той, кто их, вероятно, опускала. Я уже понимал, что буквальность может повредить правде. Фотографии на слово не верю. Слепков не умею изготовлять. От бронзового этого (конечно, интересного «документально-го») не пришлось мне избавляться самому: его конфисковал у меня

Октябрь, – о, без ордера и через никем не уполномоченных подставных лиц.

А пока что был июнь. Октября дожидаться еще оставалось три месяца и пять лет. На обратном пути из Эдема предстояли нам еще и смехи и утехы – разного сорта и достоинства.

Обратный путь

В Цюрихе мы только переночевали. Зато в Мюнхен оттуда поехали полуводным путем, через Линдау, по сиявшему ленивой голубизной Боденскому озеру. Пароходик показался нам игрушечным, милый город Линдау тоже, и озеро само, при всем своем внушительном размере, каким-то от берега до берега ровненько налитым, чтобы деткам было где пополоскаться иль покататься. Да ведь и были мы с Шурой еще детьми, а в матери моей именно детское было самое лучшее.

За четыре года до того в Мюнхене она меня в Hofbräuhaus свела, и баварский пивной фольклор так меня насмешил, что я оттуда этажерку миниатюрную привез, с десятью кукольными кружечками, расцвеченными эмблемами всех главных пивоварен. Теперь я туда Шуру, улыбаясь заранее, повел, после того как мы утром в Старой, а после завтрака в Новой Пинакотеке побывали. На славу мы Королевской Пивной позабавлялись; но я вдвойне: за него и за себя. «Помнишь, – сказал я ему, – баварцев в Миланском соборе? Это они отсюда в куртках своих куцых и выползали, да сюда же из собора и вернулись». Дали нам по литровой глиняной кружке со свинцовой крышечкой и буквами НВ, и пиво в ней было такое, какого Шура не пил и во сне (хотя вообще-то надо сказать, что к напитку этому ни он, ни я никакого особого пристрастия не имели). А в качестве закуски принесли нам отменнейшего сыра, называемого в Германии староголландским, спиралью нарезанных редек и корзинку посоленных крупной солью бретцелей. «Вот так сушки, – сказал Шура, – крендельками, и пахучие. Ух, вкусные-то какие! А пиво мягкое, склизкое, так само в брюхо и скользит!» Но больше всего редьки нас порадовали. Забавлялись мы ими, совсем уж как малые дети. За кончик возьмем, всю спираль и развернем. Съели их, только наигравшись вдоволь. В огромном нижнем зале народу было мало: час был еще не тот; не пели, мерно раскачиваясь, застольных песен; но когда редьку доели и пива допили, ощутили мы себя все же баварцами до мозга костей. Посмотрел я на Шуру вопросительно: не спросить ли еще по одной? Нарочито пьяным голосом он промычал: а тетя Оля что скажет. После чего мы вышли на улицу, и он, толкнув себя большим пальцем под ложечку, неожиданно затянул идиотскую песенку, которой кто-то научил нас в школе:

Schorsche, komm fahren wir
Im auto-mobil
Von Hamburg nach Kiel
Nach Kiel!¹⁴¹

Последние слова зверски рычались, и оба удара в «Auto-mobil» залихватски подчеркивались: новинкой была еще эта машина (которой я с тех пор так и не научился управлять). Порычал слегка и я, но пели мы недолго, в гостиницу к «тете Оле» явились примерными молодыми людьми. Пообедали с аппетитом, как будто бы сыра и редьки вовсе и не нюхали. Да чуть ли не еще в тот же вечер «Валькирию» послушали, – а «Зигфрида»¹⁴² на следующий день.

Галерею Шака осмотрели, хотя большинство его любимцев с Беклином во главе (но исключая загадочного Ганса фон Маре) научился я уже подвергать заслуженному ими, но боюсь, что не самостоятельному с моей стороны бойкоту¹⁴³. В Глиптотеке любовались чудесными (хоть и подновленными Торвальдсеном) скульптурами храма Афины на Эгине и мягко-величественной Ириной Кифизодота с маленьким Плутосом на руках¹⁴⁴, которую и сейчас люблю. Но всего грустнее нам было со старой Пинакотекой расставаться, где Шура впервые с Дюрером и Грюневальдом познакомился, а я (к его огорчению) Рубенса расхваливал и «Лаокооном» Греко восхищался, который принадлежал тогда частному лицу и временно был выставлен в Пинакотеке¹⁴⁵. А в Дрездене затем шел у нас немножко детский спор о том, что лучше – Сикстинская Мадонна или Спящая Венера (Джорджоне). «Мадонна, – воскликнул Шура, – должна нам быть хороша, потому что мы – христиане». Нынче, впрочем, не таким уж наивным кажется мне наш спор. Гордиев узел Шура разрубил – *в конце концов* – совершенно справедливо¹⁴⁶.

В Берлинском музее находился тогда Гентский алтарь Ван Эйка (кроме верхних трех больших фигур), поразивший меня чуть ли не вплоть до измены Италии, – как и двадцать Рембрандтов; среди них всего сильнее портрет его первой жены, написанный, как я позже узнал, после ее смерти, и Хендрики, в винно-красном платье у окна¹⁴⁷. Но теперь, чтобы без фанфар отчет о путешествии закончить, не умолчу о глупеньких наших неудачах, питейных и пищевых.

Начиная с Мюнхена, мы в пансионах не жили; ходили по ресторанам. «Шура, – спрашивала «тетя Оля», – когда же ты закажешь себе что-нибудь новенькое!» Но Шура заупрямился и неизменно заказывал гуляш, еще в Вене завоевавший его расположение, ел его да хвалил, покуда, в Берлине, не наелся под острым соусом какой-то тухлятины. А я (тоже хорош!) пристрастился к миндальному молоку, вечно и Шуру им поил в автоматических буфетах, именовавшихся Квисисанами. Бросишь монетку в щель, и течет тебе в стакан белая,

гладкая, освежительная жидкость. Только тут, под конец, перед самым отъездом из Берлина, потекла у меня из крана не белая жидкость, а ярко-синяя. Шура крикнул: «Не смей пить, синильная кислота!»

Пить я не стал, хоть и не очень ему поверил. Но позже, много позже, подумал, что, пожалуй, и наш век полакомил нас было – особенно в России – миндальным молоком, а потом мертвую челюсть оскалил и всем нам приказал отведать синильной кислоты.

МЛАДЫЕ ЛЕТА (Университетские годы)

У врат царства

Была такая пьеса Гамсуна, шла в Александринском театре, Мейерхольд играл в ней главную роль¹⁴⁸. Совсем я ее забыл; не помню даже, о каком именно аллегорическом «царстве» шла в ней речь. Заглавие одно и краду, для аллегии полностью самодельной.

Италия была преддверием – царственным уже; а теперь, вернувшись оттуда и готовясь поступить в Университет, разве не был я кандидатом, в белое облеченным (как само это слово говорит)¹⁴⁹; разве не стоял – словно в Афинскую Школу, показанную мне Рафаэлем¹⁵⁰, просясь войти – на пороге храма Премудрости, у врат Царства. Того царства, чье имя следовало бы целиком, от Ц до О, прописными буквами писать.

Одновременно стоял я и у врат жизни, взрослой уже, хоть еще и юной; но царством зову я не жизнь, а духовную жизнь – жизнь ума, познания, воображения, творчества или хотя бы восприятия творений. Италия нужна была мне для духовной жизни, а не для жизни. Так же я думал о школе и теперь об университете. Школа и для жизни была необходима, мог и университет пригодиться для житейских нужд (что профессором стану, я не исключал), но нисколько я этой стороной дела не был озабочен. Сознавал, что Шура, например, столь беспечен быть не мог, но знал твердо, что и он вполне был способен и наукой заняться науки ради, и полюбить свое будущее ремесло не в меру приносимых им рублей. У нас и вообще в те времена чисто утилитарное отношение к образованию широкого распространения еще не получило. Еще и после Октября у рабфаковцев я наблюдал бескорыстную его жажду, даже порой и при отсутствии тех врожденных или рано приобретенных навыков, без которых так нелегко ее удовлетворить. Ничего нет отвратительней для меня в нынешней западной жизни, чем та черепосплющивающая оценка образования, которая видит в нем средство, а не цель. Если б еще была она уделом одних лишь верноподданных Маммоны – с наби-

тым ли кошельком или пустым, тут все равно – или политиков, чья идеология с настоящим образованием и вообще несовместима! Но когда сама «учащаяся молодежь» провозглашает свое нежелание учиться без даруемой возможно легче приобретаемым дипломом пожизненной гарантии жирного жалования и такой же пенсии... Увы, это внушает смешанное с жалостью презрение к молодым, чувство, горестней которого для старого человека и быть не может¹⁵¹.

В дореволюционной России презрения заслуживали разве что иные сверху вниз поглядывавшие на учение ученики привилегированных учебных заведений. Но университеты такими заведениями не были, а преимущества, вытекавшие для той категории студентов, к которой я принадлежал, из культурности или зажиточности их родителей, совести моей не тревожили; они, на мой взгляд, лишь обязывали меня к тому, чего я сам желал: образования действительно достигнуть. Что же до создаваемого или обостряемого им неравенства, я его считал и считаю просто-напросто условием культуры (т.е. достаточно развитой духовной жизни). Никакого равенства ни в созидаании, ни в понимании того, что относится к культуре, не может быть. Образование аристократизирует ровно в той мере, в какой оно усваивается личностью, не будучи подменено социалистическим натаскиванием и утилитарной учебой. За деньги оно не продается, но и даром не дарится. Безумцы те, кто тшятся его поровну распределить, да и просто подчинить «практическим нуждам общества». Греческий язык они уже послали к черту, норвят туда же отправить и латынь. Но ведь не только Гомер, Вергилий, Платон, но и Данте, Сервантес, Шекспир никакого отношения не имеют к «практическим нуждам общества». Безумцы эти, порою весьма образованные люди, отрекаясь от образования, тут же перестают и понимать, что оно такое, и в неведении своем его снижают, снижая тем самым культуру и калеча духовную жизнь.

Предпосылки, зачатки ее каждому даны; она-то ведь и отличает человека от животного. Таблица умножения – уже она; да и отдельная цифра – уже она; как и любое суеверие; как и любой начаток членораздельной речи. Образование – не что иное, как возвращенье ее, как помощь, оказываемая ее осуществленью. Никогда не был я склонен отождествлять его ни с какой откристаллизовавшейся, в учреждениях зафиксированной его формой. Никогда не думал, что образование может обойтись без самообразования. Никогда никаких дипломов не ставил выше всего, что мне дали Зеличка и мой двоюродный брат¹⁵². Часто встречал людей «с высшим образованием», казавшихся мне лишенными какого бы то ни было, и смолоду не сомневался, что можно достигнуть самой высокой человечности, гения, святости без всего того, что зовется образованием в данный исторический момент. Если уж я идола себе когда-нибудь творил, то

не из этого понятия, а из идеи духовной жизни в высших ее формах, из того, что приходится именовать очень разболтанным именем культуры. До Италии еще думал: не культура для человека, а человек для культуры, то есть для достижения и проявления лучшего, что в нем есть. В конечном счете она мне и представлялась, за вычетом всего безнадежно механизированного и неисправимо упадочно-го в ней, Царством Божиим на земле, или, другим языком говоря, излучением религии. Но никогда я царства этого не отождествлял с благополучным устройством нашей земной жизни, с благоустройством человеческого общества. Этим я в позднейшие годы всего решительней, кажется, и отличался от большинства уважаемых мною русских мыслителей, и в частности от друга моего Г.П.Федотова и других сотрудников парижского журнала «Новый град»¹⁵³. Никак не могу себе представить Царствия Божия в виде земной – или даже небесной – республики отныне бестревожных и дружно славящих Господа интеллигентов.

Нет, ни образования, ни культуры я и смолоду не обожествлял, а только склонен был считать все высокое в человеке святым, причастным божеству. Что же до университета, то я прежде всего знал, что он мне нужен, что без него я своих зачатков не взращу, тем более что я в то время потенциальным ученым себя ощущал несравненно больше, чем писателем. Если было бы иначе, я мог бы рассуждать как Андрэ Жид, который совершенно сознательно – и прозорливо – в Сорбонну не поступил, что не помешало ему стать одним из образованнейших людей своего века. Но и независимо от того, что мне нужен был университет, он меня попросту интересовал, прельщал (кажется, нынче и вообще забыли об этой непрактической приманке образования), а ко всему, что он собою представлял, не мог я не питать непоколебимого никакими несовершенствами уваженья. Я его и не утратил по сей день. Когда парижские студенты в 68-ом году превратили Сорбонну в выгребную яму (иносказательно, но и буквально), мне это было донельзя отвратительно, хотя я в Сорбонне никогда и не преподавал¹⁵⁴. Думаю я и до сих пор, что над самими собой учинили они тогда какое-то мерзостное хакакири. А юношей, больше чем за полвека до того, я и впрямь себя видел в предстуденческое то лето стоящим у врат Царства и готовился благоговейно в эти врата войти.

Никаких экзаменов мне не предстояло; экзамен по греческому языку я мог сдать через год. Но, вернувшись из Италии, я снова, у себя на даче, засел с отчаянным усердием за грамматику Черного¹⁵⁵, но и обзавелся сразу же итальянским словарем и учебником итальянского языка Гливенки¹⁵⁶, а с их помощью я вскоре приступил и к чтению двух книг, купленных мной в Италии по совету Оттокара: «Два первых века истории Флоренции» Паскуале Виллари (автора знаме-

нитых книг о Макьявелли и Савонароле) и его же «Италию от Карла Великого до смерти Генриха VII-го»¹⁵⁷. Как жаль, что их больше у меня нет! Перечел бы я их в память того счастливого лета! Бедный Шура корпел два месяца в зубрильне, где его готовили на всех парах к конкурсным экзаменам, а я, как прежде, прогуливался по дорожкам своего Алкиноева сада¹⁵⁸, играл в теннис и крокет, на гребной лодке, один, разъезжал по реке и озерам, ходил в лес по грибы, еще ни в кого не был влюблен, и всюду сопровождали меня, без предупреждения мне являлись – не муратовские, а собственные мои – образы Италии.

Поступаю в университет

Осенью 12-го года стал я студентом Петербургского университета; осенью 16-го года сдал государственные экзамены. Ровно посредине этих четырех лет началась война, но я на военную службу призван не был – сперва как единственный сын и студент третьего курса, а затем как «оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию». Никакого перелома во внутренней жизни университета война не произвела, нет поэтому основания и делить надвое мой рассказ об этой жизни. А «личных» моих дел к рассказу примешивать тоже не стоит: с университетом несколько связаны они не были, на моих университетских занятиях никак не отразились, да и не считаю я занятий этих чем-то менее личным, чем даже и те «дела», которые привели к моей женитьбе в 16-ом году, за несколько месяцев до сдачи государственных экзаменов. Когда кончу об университетских делах, о профессорах, лекциях, семинарах рассказ, тогда и о не-университетских расскажу. А прежде всего поговорю вообще о тогдашних радостях и печалях Петербургского университета.

В подъеме он был и расцвете, как и другие наши университеты, начавшемся в первые годы нашего или в последние предыдущего столетия. На всех его факультетах были среди профессоров ученые с мировым именем, и общий уровень профессуры на нашем факультете, как, вероятно, и на других, о которых не могу судить, был высок, и не падал, а повышался с появлением молодых доцентов, нередко заканчивавших свою подготовку в иностранных университетах (чаще всего немецких). Но, судя по филологическому факультету, наш университет в то время лучшим иностранным не во многом уступал или уступал лишь в немногих областях, как, например, немецким (и швейцарским, австрийским, но не другим) в области истории искусства, и не одним немецким, а, пожалуй, и всем западноевропейским, в области изучения отечественной словесности. И немцы, и французы, англичане, итальянцы изучали ее в своих университетах умней и живей, чем мы в своих изучали нашу. Тут (и еще кое в чем) сказывалась

недавняя наша отсталость, но предчувствовалось скорое ее преодоление. Касательно изучения литературы оно уже намечалось в пушкинском семинаре С.А.Венгерова, где читали доклады будущие «формалисты»¹⁵⁹. Я, во всяком случае, когда ближе узнал французские, немецкие, английские, американские университеты, ни разу не пожалел, что учился не в одном из них, а в Петербургском университете.

Лекции Петражицкого¹⁶⁰ на юридическом факультете наполняли до отказа самую большую аудиторию. Многочисленны были студенты и на лекциях «наших» профессоров – Платонова по русской истории, Введенского по философским предметам. Но дело было не в популярности отдельных лекторов (лекции Кареева¹⁶¹ по новой западной истории тоже имели большой успех, хотя и были водянисты, а лекции Тураева по истории Древнего Востока посещало десять или двенадцать человек, хотя и были они в высшей степени содержательны и компетентны¹⁶²). Дело было в возможности учиться как нельзя лучше тому, чему ты хотел учиться, под руководством людей хорошо подготовленных, а чаще всего еще и умных и даровитых, и при наличии всех нужных для этого книг. Богата была книгами и общая университетская библиотека, и библиотеки отдельных семинаров, например исторического, романо-германского, и «музея древностей» (т.е. семинара археологии и истории искусства). Все новейшие иностранные, как, разумеется, и русские, работы выписывались (кредиты для этого имелись) и принимались во внимание немедленно. Учиться можно было всласть. Если в чем и была беда, так в том, что не все студенты так уж горячо горели жаждою учиться.

Многие увлечены были политикой, и, по преимуществу, политикой не просто оппозиционной, а начисто революционной. Особенно много таких студентов было на юридическом факультете, где их, кажется, и вообще было всего больше, и где больше всего было студентов совсем не учившихся, с трудом, после краткой зубрежки, сдававших экзамены, с трудом переходивших с курса на курс и болтавшихся в университете по семь, по восемь, а то и по десять лет (вместо четырех). Этих последних, с некоторой даже лаской, называли «вечными студентами». Помню такого, с брюшком, лет тридцати пяти на вид, прихрамывающего, опиравшегося на крючковатую толстую палку и ею же загонявшего – полушутя, конечно, – товарищей на сходки¹⁶³. Ходили на них порой и студенты, вовсе уж не столь живо захваченные политикой. Я не ходил. Убежденным сторонником монархии и всего существовавшего тогда государственно-го строя не был, но хотел учиться и полагал, что для этого и существует университет. А в революцию не верил. Не верил в ее возможность – да и не была она возможна, покуда не втянулись мы в войну. И не верил, что революция может привести к чему-то лучшему, чем то, что было до нее. Но, конечно, не радовало меня, когда для предот-

вращения сходок или для их разгона полиция являлась в университет, и по три жандарма стояло у каждого окна длинного университетского коридора. Случалось это не так уж часто. Светлых моих воспоминаний об университете это не омрачает. Но и моих взглядов, к тому времени вполне сложившихся, изменить печальное это зрелище не могло.

Я к жандармам симпатии не чувствовал, не одобрял столь же глупых, сколь и жестоких правительственных мер, приводивших к осуждению студентов за простое участие в сходке на ссылку или на тюрьму, откуда они выходили заправскими революционерами; но еще менее одобрял самих студентов. За образ действий, который эти репрессии и вызывал. Если они предпочитают политику науке и учению, место им не в университете, думал я. Если их так мало интересует то, что здесь преподается, зачем они поступали в университет? Их вожаки – карьеристы революции; почему они заслуживают другого отношения, чем «белоподкладочники», карьеристы существующего порядка? Я никакими спесивыми нарядами или манерами от других студентов отличаться не хотел. Носил тужурку и к ней, в качестве галстука, черный широкий бант. Был у меня сюртук, а парадной формы вовсе и не было. Считал себя попросту учеником своих учителей и одинаково был бы недоволен кем бы то ни было, кто помешал бы мне у них учиться.

Политику я к сердцу не принимал и умом от нее сторонился. Отец мой читал «Новое время», но голосовал за октябристов (тут все-таки было маленькое «но»). Для меня, когда я стал студентом, подписался он на «Речь», которую я предпочитал лишь по причине более высокого культурного уровня того, что в ней писалось о литературе, музыке, живописи, театре¹⁶⁴. Вероятно, голосовал бы (если бы на то имел право¹⁶⁵) за «кадетов», хотя немножко они меня и раздражали своей систематической «бескомпромиссной» оппозиционностью (как это англофил Милюков ухитряется отвергать столь убедительную книгу лорда Морлея, бывшего секретаря Гладстона, «О компромиссе»¹⁶⁶ и как он без компромисса помышляет избежать революции или войны?). Но все политическое как бы доносилось ко мне откуда-то издалека. Убийство Столыпина меня в свое время потрясло, но за ним или под ним зияла пропасть, куда страшно было бы и заглянуть. В общем же, все политическое наводило на меня скуку. Способность заинтересоваться чем угодно – ацтеками, гуннами, царем Асокой¹⁶⁷ – была у меня огромная; но не тем, о чем писали в газетах. Университет был в этом мой оплот. Там ведь, особенно на моем факультете, ни о чем «актуальном» лекций не читают, семинаров не ведут. Университет был для меня башней из слоновой кости...

Но не так уж я каюсь; не думай, молодой мой друг. Ведь и тебе изучение законов Хаммураби больше даст для ума и сердца, чем

анализ советской конституции. А насчет слоновой кости я скажу как Вячеслав Иванов – самое важное слово подчеркнув:

Turris Domini eburnea, из слоновой кости башня¹⁶⁸.

Записываюсь в филологи

О том, что на историко-филологический факультет я поступлю, было мною принято решение еще до окончания училища, и отец мой, хоть и думал сперва, что я выйду в инженеры, дал мне на это безо всяких споров свое согласие. Но что я поступлю на историческое отделение этого факультета, решено не было. Это Италия решила. Кафедра истории искусства к этому отделению была причислена, и чего же было любознательному и накопившему столько зрительных впечатлений юнцу в университете прежде всего искать, как не дальнейшего посвящения в области истории искусства? Но и встреча моя флорентийская с Оттокаром сыграла тут роль. Он был учеником профессора Гревса, читавшего средневековую историю Западной Европы. Как только я порог здания Двенадцати Коллегий переступил, записался сразу же и на лекции Айналова по истории искусства, и на лекции Гревса по средневековой истории.

Итак, из четырех отделений историко-филологического факультета выбрал я историческое. Отчего же я говорю, что записался в филологи? Надо было сказать – в историки. Ведь это мое отделение было наименее филологическим из всех. Классическое отделение предназначалось для будущих филологов-классиков, романо-германское – для специалистов по романским или по германским литературам и языкам, славяно-русское – для славистов и для ученых исследователей русской литературы. Однако история литературы (или музыки, или философии) это ведь тоже история, а с другой стороны, филологическая подготовка необходима для серьезных занятий историей всех, кроме разве уж самых близких к нашему времени веков. А меня близкие века не очень привлекали, привлекали далекие, так что филология мне была нужна. Да и, кроме того, история, как и теория искусства, это точно так же своего рода филология или наука, построенная на филологии. Искусство – нечто параллельное и аналогичное человеческому слову: оно выражает не словами то, чего словами выразить нельзя. Ясно я этого в те годы не сознавал, но чувствовал, что к филологам примкнул, и мне хотелось стать филологом. Они любят Логос, как философы Софию. Одно не хуже другого. Я и сейчас на вопрос, кто я такой, охотно ответил бы: филолог и писатель.

Если бы я основательно усвоил древние языки, я бы стал филологом-классиком, но при поверхностном знании их это было невозможно. О славяно-русском отделении я и не помышлял, а на романо-

германское вполне мог бы поступить, но история искусства в его программу не входила. Вот я и оказался на историческом, что меня, однако, отнюдь не огорчало. Тем более что волен я был слушать какие угодно курсы помимо тех, экзамен по которым был обязателен для студентов моего отделения. А эти обязательные курсы, в крайнем случае, можно было все-таки не слушать, особенно если существовали литографированные их издания, пригодные для сдачи экзамена по их предмету.

Крайних случаев – в моем представлении крайних – помню два. Это были лекции профессора Ястребова¹⁶⁹ по истории славянских народов и лекции профессора Шляпкина¹⁷⁰ по истории русской литературы.

Лекции профессора Ястребова были невероятно бесцветны и скучны. Прослушав две, я их слушать перестал, хотя экзамен, им соответствовавший, был не полукурсовой, а государственный, то есть выпускной, и я чуть было на этом экзамене не провалился. Готовиться пришлось, главным образом, по скучнейшим статьям того же Ястребова из энциклопедического словаря, сплошным перечням имен и дат. Запомнил я эти перечни плохо, и, кроме того, их автор, меня экзаменовавший, был раздражен тем, что не видел меня на своих лекциях. Он непременно провалил бы меня, если бы другой экзаменатор, профессор Пташицкий¹⁷¹, не задал мне несколько вопросов по истории Польши, на которые я пребойко ответил, оттого что прочел толковую книгу польского историка Кутшебы¹⁷², очень отличавшуюся от неудобоваримых ястребовских статей. Озлобленная требовательность Ястребова объяснялась, кроме нежелания студентов слушать его лекции, еще и тем, что никто из его слушателей не хотел специализироваться по его предмету, никого он не мог «оставить при университете» по своей кафедре. Наконец, незадолго до войны, нашелся добродетельный юноша, который, Ястребову на радость, согласился посвятить свою жизнь истории южных славян, изучаемой на ястребовский манер. Весной он сдал государственные экзамены, был оставлен при университете. Ястребов ликовал. Но под осень получил от него письмо. Единственный за многие годы птенец его гнезда решил отказаться от ученой карьеры и поступил на службу в Департамент Неокладных Сборов.

Иван Иванович <sic!> Шляпкин был фигурой куда более красочной, и лекции его, при всем отсутствии в них сколько-нибудь живой мысли, от ястребовской черствости были все же далеки. Слушать их, однако, не стоило. Я вполне благополучно сдал полукурсовой экзамен по их литографированному курсу в трех томах. Но поглядеть на Шляпкина стоило. Он был, при высоком росте, невероятно толст: не мог сложить рук на животе. Голубой сюртук ведомства императрицы Марии с золотыми пуговицами очень, в своем роде, подходил и к

его объему, и к его широкому, седобородому, розовому лицу¹⁷³. Говорили, что в широчайших внутренних карманах этого сюртука умещались порой драгоценные рукописи, исчезающие из монастырских библиотек. У него были ученые заслуги именно по изданию рукописных материалов – не только древнерусских, в частности, и пушкинских¹⁷⁴. Но лекции его были, во всяком случае, ниже того уровня, который к тому времени был достигнут в остальном нашем университетском преподавании. Из его – авторизованного и отредактированного им – курса запомнилась мне навсегда фраза: «Когда вы читаете Тургенева, вам кажется, что перед вами на столе в стакане стоит роза и благоухает. Вот что значит диалект!» Есть красноречивости слога и нелепости словоупотребления, которых ничем – в области филологии как раз – искупить нельзя.

Двух латинистов теперь же помяну, Малеина¹⁷⁵ и Холодняка¹⁷⁶, которых слушать меня никто не принуждал. Малеина я слушал недолго. Холодняка целый год. Они оба удивили меня, но очень по-разному, и только второй удивил меня в добром смысле слова.

Малеин был известен, главным образом, как переводчик путешественников, описавших Московское царство, Олеария и Герберштейна, но был и подлинным знатоком римских поэтов и мог бы их отлично нам, студентам, объяснять, если бы не проявлял в этих объяснениях непреодолимой склонности к совершенно излишним порнографическим деталям, выбирая такие стихотворения у Проперция, у Марциала, которые дают пищу для такого рода комментариев. Известно было, что с еще большим рвением занимался он этим на Бес-тужевских женских курсах. Ухмылялся, со вкусом произносил и пояснял латинские непристойные слова. Жирная физиономия его расплывалась и сияла. Три или четыре раза я его слушал, подавляя отвращение. Дольше не выдержал. Перестал.

Холодняк был существом совсем иного склада, другой ауры, если есть такая неосязаемая, невидимая и ощущаемая все же оболочка, окружающая некоторых или, может быть, всех людей. Он был бледен, изможден, говорили, что и очень несчастен, что сын его покончил самоубийством и что справиться с этим горем он не находит в себе сил.

Он читал нам Тацита, пояснял иногда его язык, но главный комментарий, дававшийся им, был так называемый «реальный», и в нем он проявлял поразительное обилие знаний и редкостное мастерство. Он мало писал. Едва ли дарование его полностью проявилось в печатных его трудах; но слушал я его прямо-таки с благоговением, и, по-видимому, другие (нас было немного) тоже. Казалось мне, что он нас ведет по улицам древнего Рима, где я вижу все, о чем он говорит, и постепенно начинаю понимать, как эти люди жили, что для них было важно и что неважно, во что они веровали, как они спали и

ели, какие зрелища любили, как молились своим и чужим богам. Никакая подробность их быта, культа, права от него не ускользала, говорил он о их жизни, как если бы сам жил с ними без малого две тысячи лет назад и живую память об этом сохранил. Позже я думал: да ведь не было никого среди знаменитостей университета, кто бы лучше знал свой предмет и лучше умел о нем говорить, чем этот грустный, скромный человек, мало кому известный и тогда, а затем — очень скоро — полностью забытый.

Зелинский и Ростовцев

Если б я окончил мое Реформатское училище гимназистом, а не реалистом, я бы непременно избрал, как уже сказано, классическое отделение историко-филологического факультета и стал бы филологом-классиком. Тем более что именно к этому отделению причислены были лекции двух знаменитых, хорошо и Западу известных ученых — Зелинского¹⁷⁷ и Ростовцева¹⁷⁸. Но и нам, «историкам», не только не возбранялось, но и рекомендовалось их слушать, особенно лекции Ростовцева по древней истории, так как по этому предмету нам предстояло сдавать государственный экзамен. Однако я и независимо от экзаменов с увлечением слушал и того, и другого. Очень разные были они и ученые, и люди, но лекции читали, хоть и тоже по-разному, одинаково хорошо. Общим у них было лишь то, что они были оба питомцами немецкой прежде всего науки; некоторые их работы только и были напечатаны на немецком языке. Но внутри этой науки принадлежали они различным ее традициям, да и вопросами занимались очень разными.

Ростовцев был историк, с тяготением к археологии, а также к истории экономической и социальной. Зелинский был филолог, блестящий латинист, ученик знаменитого Риббека (первые его работы касались прозы Цицерона). Он постепенно перешел к занятиям по преимуществу греческой литературой, греческой поэзией и религией, перевел Софокла на русский язык (три тома в издании Сабашникова, с обширными введениями и примечаниями к каждой из трагедий)¹⁷⁹. Когда его чествовали по случаю, не помню точно, какой годовщины, Вячеслав Иванов прочел ему стихотворное по-гречески написанное приветствие¹⁸⁰, на которое Фаддей Францевич ответил тоже по-гречески и тоже стихами, но тут же экспромтом сочиненными. Недаром они оба, вместе с Иннокентием Анненским, чей перевод трагедий Еврипида был после его смерти дополнен и отредактирован Зелинским¹⁸¹, мечтали о некоем славянском гуманизме двадцатого века...¹⁸²

Век посмеялся над их мечтой. Но она вовсе не казалась столь химерической до войны 14-го года. Классическая филология и древняя

история процветали не только в Петербурге и Москве, но и в Киеве, Харькове и Казани. Лекции Зелинского по истории древнегреческой религии, вполне достойные лучших западных кафедр, пользовались большим успехом и в университете, и на Бестужевских курсах. Они были окружены особым ореолом; их слушали благоговейно. Сам лектор своим возвышенным и торжественным тоном к благоговению этому приглашал.

Я слушал этот курс в мой первый университетский год, и он очень много мне дал – прежде всего как раз взволнованной серьезностью своего тона, связанной с резким отмежеванием подлинной греческой религии – Зевса, Аполлона, Диониса или Деметры (в Елевсинских мистериях) – от поэтической мифологии эллинизма или императорского Рима. С таким волнением Фаддей Францевич об этих подлинных верованиях и культах говорил, что иногда пресекалась его речь, затуманивался взор, и даже платок приходилось ему подносить к глазам. Это могло вызвать усмешку, задним числом и подтрунивали над ним иные слушатели, но во время лекции вниманию нашему это не мешало, да и трогала нас искренняя эта растроганность. Остроте и тонкости мысли она не вредила, а общая приподнятость речи казалась неотъемлемой от того, что говорилось, и подходила стройному этому старцу, чье лицо напоминало скульптурные портреты древних мудрецов. Он не говорил, он вещал. Но вещания эти были критически продуманы и никогда в превыспреннюю болтовню не превращались. И величественность его не пустой позой была, а чертой его личности и проистекала из безграничного уважения к тому предмету, изучению которого он посвятил жизнь. В силу этого уважения, почитания и он был гуманист, а не просто выдающийся ученый.

Я сдавал у него экзамен по курсу о греческих поэтах, но на дому у него не бывал, лично не был с ним знаком. Видел его в последний раз в Париже в конце двадцатых годов, когда он приезжал сюда на какой-то конгресс филологов, уже из Варшавы. Был холодный, ветреный, зимний день. Под арками Пале Рояля – я шел в Национальную библиотеку – вдруг возникла передо мной в черной длинной пелерине, развеваемой ветром, его высокая фигура с горделиво приподнятой благородной старческой головой. Когда он миновал меня, я обернулся ему вслед; и понял, должно быть, что этого хранителя священного огня, защитника эллинского наследия никогда я больше не увижу.

Михаил Иванович Ростовцев был ученым другого стиля, хоть и несколько не меньшего дарования и диапазона. Порыв и натиск были ему свойственны, священнодействию был он чужд. В науке древней истории более заметный и прочный оставил след, чем Зелинский в филологии; мировую славу приобрел уже после того, как лишилась

его Россия, вследствие Великой Социалистической беспощадной к нашим духовным богатствам революции¹⁸³. Был, однако, и в ту пору достаточно знаменит. Стал вскоре после отъезда профессором Йельского университета. Не по-русски, а по-английски опубликовал основополагающие свои труды по социальной и экономической истории римской империи, а затем (трехтомный) – эллинистического мира.

Но ведь я-то его слушал, когда культурный погром и разгром России хоть и был близок, но не предвиделся еще никем. Слушал еще до войны 14-го года. В 16-ом у него сдавал последний мой государственный экзамен; он задал мне любимый свой вопрос о юридических основах принципата Августа и, когда я должным образом ответил, поздравил меня с оставлением при университете, накануне, оказывается, уже решенным на совете профессоров. И еще раз его видел перед самым Октябрем, был у него, чтобы сговориться о теме для магистерского экзамена. А потом уже в Париже, ровно через двадцать лет, встретил его на тогдашней большой выставке французского искусства в только что построенном Дворце искусств. Подошел к нему. Он меня узнал. Поводил немного его и его жену по выставке...

Но нет. Вернусь поскорее назад, в непереименованный еще Петербург, в неразгромленную еще Россию.

Вот я впервые на его лекции. Начинает он нервно, быстро, деловито. Заинтересовывает сразу. Но по-настоящему разгорячается лишь к концу второго часа. И каждый раз происходит то же самое: не может остановиться. Звонок раздастся, весьма громкий, – ноль внимания. Все живей он говорит, все интересней. Мысли все быстрее гонятся одна за другой. Дверь уже приоткрывают, заглядывают к нам студенты, пришедшие слушать следующую лекцию. Вот уже и профессор их в дверях. Тут только Михаил Иванович под гром аплодисментов обрывает себя на полуслове, кланяется коллеге – подразумеваемая извинение – и спешно покидает аудиторию.

Мы за ним. Иногда еще и в коридоре дополнительно что-то объясняет на ходу окружающим его ученикам. Увлекаясь сам, заражал он и нас своим увлечением. Казалось нам, что эти наспех излагавшиеся им в конце лекции мысли тут впервые и зарождались у него. Может быть, иногда так это и бывало. Во всяком случае, он умел, как никто, ввести нас в свою мысль, заставить почувствовать ее движение. Были профессора, читавшие искусней, отделанней, ровней – Платонов, например, или тот же Зелинский, – но для будущих ученых драгоценнее всего было это вовлечение их в живую мысль. Ничего менее усыпительного, чем эти финалы лекций Михаила Ивановича, я в жизни своей не слышал.

Введенский и Лосский

Когда я поступил в университет, кафедру философии там в качестве ординарного профессора уже давно занимал Александр Иванович Введенский¹⁸⁴. Немолод он был, хоть и не очень стар, но философия его – позитивистически истолкованное (и упрощенное) кантианство – во всяком случае принадлежала не начавшемуся новому столетию, а второй половине девятнадцатого века. Двадцатый был в нашем университете представлен более молодыми доцентами (или экстраординарными профессорами) и на первом месте среди них мыслителем, уже успевшим создать себе имя и определить основные черты собственной философской системы, Николаем Онуфриевичем Лосским¹⁸⁵. Его лекции с энтузиазмом слушал мой двоюродный брат, окончивший университет в тот самый год, когда я сделался студентом. Экзамен по истории философии он сдавал у Введенского, которого как преподавателя ценил, но для собственного удовольствия слушал Лосского, продолжал его слушать, даже экзамены сдавал, и всячески его лекции восхвалял, противопоставляя его бодрую, открытую и открывающую заманчивые дали мысль бесперспективной, запрещающей философствовать философии Введенского. С противопоставлением этим, начав слушать обоих, я готов был согласиться. Но вскоре должен был признать, что для меня, увы, два эти философа еще и по-иному отличались друг от друга: Введенского я понимал, а Лосского не понимал. Настолько не понимал – к стыду моему должен сознаться, – что недель через шесть перестал и слушать его лекции.

Позже, но далеко не сразу даже и после окончания университета, стал я и Лосского (т.е. его книги) понимать, но на лекциях его (я после первого курса ходил иногда его послушать) сидел дурак дураком: ход его мысли от меня ускользал, и вовсе не по вине какой-либо слишком уж сложной или совсем незнакомой мне терминологии. Попросту мой интеллект развивался неравномерно, кое в чем медленнее, чем в другом. Интуитивно я был ко многому восприимчив, и довольно элементарный интеллектуализм Введенского тоже был мне доступен, а до того, гораздо менее элементарного, который был нужен для «обоснования интуитивизма» (так была озаглавлена диссертация Лосского), я еще в то время не дорос. Так что мне хотелось спорить с Введенским, и я даже не с помощью двоюродного брата, а собственным умом дошел до мысли о том, что Канта Введенский упрощает и что лучше было бы Канта не упрощать. Дойти-то я до этой мысли дошел, но упрощенного Канта понял, а если бы в те годы самостоятельно начал «Критику чистого разума» изучать, то наверняка остановился бы даже еще раньше, чем на полпути. Философом, кроме того, я и не собирался стать. Введенского, однако,

слушал усердно. Именно он мне дал все, что философия в те годы могла мне дать. Именно его я должен за это благодарить. Да и не по долгу одному, а так, само собой, память его мне внушает – через столько лет – и признательность, и от младшего к старшему живую человеческую приязнь.

Покойный Г.В.Адамович, одновременно со мной учившийся в том же университете, также о Введенском хранил благодарное и доброе воспоминание. Он не был большим философом или ученым (историком философии). Подобно Ивану Михайловичу Гревсу (о котором речь впереди), он был выдающимся университетским педагогом. Дарование это, правда, было у него другого рода и пользу приносило на других путях. Иван Михайлович был широк и терпим, ценил своеобразие личности, умел содействовать его зарождению и росту. Александр Иванович терпимостью к чужим мнениям (философским, по крайней мере) не отличался. К философии Лосского, например, относился резко отрицательно; пытался в свое время воспрепятствовать получению им ученой степени; не мог оспаривать даваемое ему этой степенью право преподавать на том же факультете того же университета, но неудовольствия своего, этим вызванного, не скрывал. Преподаванием он не личность в ее своеобразии воспитывал, а одинаково полезную любым личностям честность и ясность разума – или пусть только рассудка. Без ясности и честности рассудка и разуму обойтись нельзя, и честность эту, требующую ясности, он в нас внедрял – и книгами своими, и лекциями, и экзаменами. Его можно было понять при самых умеренных способностях (вроде тогдашних моих) к отвлеченному рассуждению. И, экзаменуя нас, он прежде всего искал убедиться, мыслим ли мы сами, пусть и руководствуясь образцами мышления, нами усвоенными из его книг и лекций, или же, обладая достаточной памятью, только и полагаемся на нее, повторяем вереницу слов, вовсе сказанное этими словами заново не мысля. Особой пронизательности не нужно, чтобы это различие уловить, но не всякому охота до конца в нем разбираться и виновному объяснять, в чем он обманывает и лжет, даже если и не ищет обмана, даже если лжет самому себе, попугайствует, сам того не зная, или неотчетливо об этом зная. *Такой* неотчетливости Александр Иванович тоже не терпел.

Лектор он был превосходный. Членораздельный в высшей степени, именно отчетливый. Некоторым могло казаться, что даже и педантически был он отчетлив. Но как ему было не требовать от себя того же, чего он требовал от студентов на экзаменах? Экзаменатор был он строгий, его боялись, особенный ужас внушал он курсисткам на Бестужевских курсах. Одна – слышал я рассказ – упала даже без чувств, подойдя к его экзаменаторскому столу. Он был обеспокоен, ласково с ней поговорил, когда подруги привели ее в себя, но попро-

сил явиться через два дня, в тот же день экзаменовать ее отказался. Он был и в самом деле строг, но справедлив; в этом я убедился, когда сам сдавал у него экзамен. Вышло так, что я сдавал его последним. До меня проэкзаменовал он пять или шесть студентов, из которых провалил не менее двоих. Я слышал их ответы. Не провалить их было бы милосердно, но нечестно. Трепетал немножко, когда до меня дошла очередь, и я. Одинаково хорошо подготовлен ко всем возможным вопросам я, конечно, не был. Александр Иванович устал; цвет лица у него был землистый; он страдал, слышно было, болезнью печени. Аудитория опустела. Мы остались с ним вдвоем. Он внимательно на меня посмотрел, возможно, что узнал одного из всегдашних своих слушателей. Задал первый вопрос – на мое счастье, о любезном его сердцу кантовском различении аналитических и синтетических суждений. Я ответил толково, потому что объяснил он нам этот пункт на лекциях очень хорошо. Потом задал он мне немало других вопросов; проэкзаменовал меня очень тщательно. Слава Богу, все сошло благополучно. Он поставил мне «весьма», и, назвав меня, в тогдашнем университетском стиле, «коллегой», сказал: «Я с вами отдохнул». И я понял, что он очень устал; оттого и отпустил меня не сразу. Рассказал, что за последнее время ослабело у него зрение. Он завел себе диктофон. Диктует машине и получает затем от секретарши готовый текст. «Остается исправить его, да и это теперь для меня не так просто».

Уж наверное, тронут я был тогда, раз через шестьдесят лет помню этот разговор.

Несравненный Сергей Федорович

С.Ф.Платонов был, как все знают, одним из самых выдающихся русских историков конца старого и начала нового века, – не только историков России, но и наших историков вообще¹⁸⁶. Он создал в Петербургском университете целую школу, крупнейшими представителями которой считались в те дооктябрьские годы из более молодых Присёлков¹⁸⁷, из тех, кто постарше, Пресняков¹⁸⁸. Книги его, кроме того, и очень хорошо написаны, но говорил он еще лучше, чем писал. Его печатный «Курс русской истории», по которому мы в университете сдавали экзамены, не так ярко и своевольно написан, как знаменитый «Курс» Ключевского, хотя и его можно читать просто так, «для удовольствия»¹⁸⁹. И все же о лекциях Платонова он никакого представления не дает. О них может представление иметь лишь тот, кто их слушал. Я их слушал с наслаждением два года подряд. Лучшего чтения лекций я вообще себе не представляю. Такого совершенства в этом искусстве никто не достигал из тех, кого довелось мне слушать в университетах и позже на русском, как и на дру-

гих языках. Именно об искусстве и о совершенстве приходится тут говорить, потому что прелесть этих лекций вовсе не была прелестью импровизации. Сергей Федорович тщательно их готовил; всегда приносил листки с записями, клал их на кафедру, хоть и заглядывал в них редко. Мне говорили, что, повторяя уже прочитанный однажды курс, он отделявал его заново со стороны изложения еще более, чем со стороны того, что в нем излагалось. Если его записи на листках сохранились, следовало бы их издать. Я уверен, что образовали бы они текст, очень мало похожий на текст печатного курса и который должны были бы принять во внимание историки русской прозы. (Их, впрочем, нет; но это другой вопрос.)

Сергей Федорович говорил очень ровно, спокойно. Ни к каким ораторским эффектам не прибегал. Впечатление было, что он именно читает, но как нельзя более хорошо читает некий развертываемый перед его умственным взором, доработанный до конца, всеми нужными оттенками снабженный текст. Очень искусно окрашивал он свою речь языком того времени, о котором говорил; позабавил нас, например, назвав «припадочными людьми» фаворитов Екатерины. Но забавами такого рода, как и анекдотами, не злоупотреблял. Аудитория у него была обширная: студенты всех отделений нашего факультета его слушали; приходили и юристы. Читал он, как сказали бы нынче, доходчиво – для всех, но массовым вкусам не льстил и предмета своего не унижал, хотя вовсе не был склонен его и приподнимать каким-нибудь готовым и дешевым пафосом. Ум его, скорей, чем к эмфазе, был склонен к скепсису, а порой и к сарказму.

Сдается мне, что всем известная в те годы неприязнь его к другой университетской знаменитости, Карееву, столь же, пожалуй, но не столь справедливо знаменитому, как он, проистекала, в конечном счете, из склонности этого его коллеги к фразам, произносимым со слезой и проникнутым «гражданской скорбью». Вражда их длилась долгие годы. Кареев ухитрился на *магистерском* экзамене провалить одного из лучших учеников Платонова, Павлова-Сильванского, который вскоре после этого умер от холеры (в <1>906-ом, если не ошибаюсь, году)¹⁹⁰. Зато Платонов, когда слышал похвалы Карееву – «Подумайте только, какая разносторонность! Он и по истории Польши, и по французской революции специалист. И на русские темы писал так много», – неизменно (так рассказывалось), сжав свои узкие губы, отвечал: «Пробка тоже на всякой жидкости плавает».

Учеников у него, как я уже говорил, было много, и относился он к ним очень хорошо. Да и к студентам, попросту сдававшим у него экзамены, особого свирепства не проявлял. Мой двоюродный брат, в результате каких-то житейских помех очень наскоро подготовившись, пошел к нему экзаменоваться. Платонов сказал: «Правые стра-

ницы моего «Курса» вы с грехом пополам прочли, а левых, я полагаю, вовсе не читали. Так бывает, когда наспех перелистывают книгу. «Удовлетворительно» я бы вам поставил, но лучше приходите экзаменоваться в следующую сессию, перечитав правые страницы, прочитав левые». Брат мой пришел. Сергей Федорович узнал его, спрашивал недолго, нестрого и поставил желанное «весьма».

Что же до седокудрого, розовощекого и высоко гражданского красная, то попробовал я слушать и его лекции, но скоро перестал, никакой не нашел в них нужной для меня пищи. Да и раздражал меня почему-то совершенный пустячок: все «эр» у Николая Ивановича Кареева были мягкими; он неизменно говорил: «Петр Перьвый», «Вольтерь», «напримерь». Как-то это, в моем восприятии, подмачивало всю его, вечно им подчеркиваемую, либеральность, идейность и гуманность. Но и похуже его оказалось что есть историки. На третий год, вместо Платонова, почему-то стал читать общий курс русской истории даже, насколько я знаю, и не ученик его, неизвестно откуда взявшийся профессор Рождественский¹⁹¹ (может быть, перебежчик из Духовной Академии, как профессор Андреев, о котором речь впереди). Это был круглоголовый, широкоплечий, массивный человек, вся речь которого состояла из катящихся одна за другой самодовольных круглых фраз, причем в каждой четвертой или пятой фразе встречались с необыкновенной значительностью произносимые слова «русский исторический процесс». Больше двух лекций, не столько изъяснявших этот «русский исторический процесс», сколько вновь и вновь утверждавших зачем-то его наличие, я не выдержал. Как я был глуп! Отчего не пошел я послушать Присёлкова или Преснякова?¹⁹²

Учусь у Айналова

Раз я поступал в университет с намерением в первую очередь заняться историей искусства, мне надлежало записаться на лекции профессора Айналова и принять участие в работе им же руководимого семинара¹⁹³. Другого преподавателя этого предмета в Петербургском университете не было, — если не считать известного археолога Фармаковского¹⁹⁴, который по временам читал лекции об искусстве классической древности, но в оба довоенных академических года отсутствовал: был на раскопках в Крыму. Скучности этой удивляться не приходилось: в английских университетах того времени кафедры истории искусства вообще не существовало; во французских и итальянских их было, как и у нас, по одной на факультет. Иначе обстояло дело лишь в университетах трех стран немецкого языка; другие страны стали постепенно следовать их примеру лишь после войны четырнадцатого года.

Димитрий Власьевич Айналов был крупный ученый. Его диссертация 1900-го года «Эллинистические основы византийского искусства» открывала исследователям этого искусства новые пути и была признана «классической» на Западе задолго до ее перевода на английский язык (лет 15 назад в Америке, после смерти ее автора)¹⁹⁵.

Известна стала она Западу благодаря обстоятельному отзыву берлинского профессора Оскара Вульфа, балтийца, знавшего русский язык¹⁹⁶. Но уже и первая работа Димитрия Власьевича (напечатанная в Журнале Министерства Народного Просвещения) «Мозаики IV-го и V-го веков»¹⁹⁷, оставшаяся Западу неизвестной, предвосхитила многие выводы, к которым позже пришли западные ученые, и была основана на весьма точном, подробном и самостоятельном изучении этих мозаик во время командировки молодого тогда ученого в Италию. Весьма ценны были его работы и о древнейших иконах, об искусстве Киевской Руси, о византийской живописи XIV-го века¹⁹⁸. Он был выдающимся историком и в той ранней работе своей о мозаиках проявил также и способность почувствовать и оценить качество этих мозаик, иначе говоря, суть этого искусства как искусства. Но способность эта с годами в нем слабела. А европейское искусство нового времени, начиная с Возрождения, он и плохо знал, и еще хуже понимал¹⁹⁹. Да и средневековое знал поверхностно, изнутри вникнуть в него не мог.

В первый мой университетский год читал он лекции о византийском искусстве, а семинар вел по искусству итальянского Возрождения. Византийское искусство в то время было мне совершенно не знакомо; лекции о нем меня заинтересовали, и я слушал их внимательно. От семинара, однако, я ожидал еще больших благ. Италию только что видел. О ее величайших мастерах кое-что и читал; еще до поездки моей проштудировал Вельфлина; большинство упоминаемых им произведений во время этой поездки собственными глазами увидал, помнил их, восторгался ими... Семинар начался с выбора его участниками (человек пятнадцать, среди них ставшие вскоре моими друзьями Д.Д.Бушен и С.Р.Эрнст²⁰⁰) тем для дальнейшей работы. Я выбрал флорентийскую капеллу Медичи. Ту самую капеллу Медичи, с гробницами младшего Лоренцо и младшего Джулиано друг против друга, с лежащими изваяниями Ночи и Дня, Утра и Вечера на их саркофагах, с изумительной Мадонной у третьей стены против алтаря, капеллу, где было всегда так странно прохладно в соответствии с тем особым трагическим холодком, который там, по воле Микельанджело, не от одних лишь главных изваяний, но и от архитектуры, от орнаментики исходя, сладостно и горестно леденит наши сердца, точно мраморную руку на грудь нам кладет, заставляя их медленнее биться.

Профессор приятно-армянской внешности, почти совсем уже седой, эти первые два часа своего семинара провел в беседах по очереди с каждым из нас; записал в свою книжечку, какие мы берем темы, указал нам главные книги, имевшиеся в библиотеке и нужные для этих тем, но на этом, можно сказать, и успокоился. В дальнейшем, к моему большому удивлению, он в семинарские часы пребывал в соседней комнате, где пил чай, заедал его сладкой булкой и беседовал с библиотекарем семинара, своим учеником Мясоедовым²⁰¹, а в ту большую комнату, где сидели мы, разложив на столе наши книги и тетради, заходил разве что на полчаса, опрашивал нас кратко насчет того, как идут наши занятия, давал иногда довольно неопределенные советы и уходил опять туда же, откуда пришел. Мне он несколько раз подряд говорил все то же самое: обратите внимание на архитектуру капеллы. Я это понимал, внимание обращал. Но когда на третий раз он прибавил: это – ротонда, ознакомьтесь с историей этой архитектурной формы, я удивился окончательно и даже расстроился немножко: помнил отлично, что капелла не круглая, а четырехугольная, но счел невозможным так-таки прямо профессору это и объявить. А он, как нарочно, и в следующий раз, и еще раза два все насчет ротонды увещевать меня не переставал. Наконец я нашел фотографию, на которой виден был угол между одной из гробниц и алтарной стеной:

– Видите ли, Димитрий Власьевич, зданьце это – не совсем ведь ротонда...

– Ну да, не ротонда. Конечно. Дело не в этом. Центральная постройка. Ознакомьтесь с историей центральных построек.

И еще очень ему хотелось, чтобы я занялся символикой мыши, едва заметно изваянной на одной из гробниц²⁰². Но когда вручил я ему в конце года работу, где о мыши и центральном плане постройки бегло упоминалось, а говорилось – очень беспомощно и несамостоятельно, как я думаю, хоть и ровно ничего не помню, – о скульптуре капеллы и об изменении замыслов Микельанджело, о которых судят по рисункам, Димитрий Власьевич мне ее с похвалой вернул, об архитектуре не сказав ни слова.

На следующий год лекции он читал о средневековом западном искусстве, семинар посвятил раннехристианскому и византийскому искусству. Курс был тщательно подготовлен, я его слушал с интересом, а в семинаре, по его совету, занялся ранней (до IX века) иконографией Благовещения. Насчет изображения этой темы получил я от него исчерпывающие указания. Все изображения были мной скалькированы со схематических большей частью (не фотографических, а рисуночных) воспроизведений и распределены по основным вариантам: Богородица сидит или стоит, ангел к ней подходит слева или справа. Что дальше с этим делать, я не знал, и от Айналова тоже не узнал. Невдомек мне было, что движение слева направо соответст-

вует западным привычкам письма, а обратное – восточным, и он меня насчет этого тоже не просветил. Но работой моей остался – по непонятным мне причинам – вполне доволен и вернул мне ее с надписью: «Это тщательно сделанная студия поможет вам лучше видеть формы Ренессанса».

«Формы Ренессанса»! При чем тут Ренессанс? При чем тут вообще какие бы то ни было формы? Чем больше я думал о его похвале, тем больше сердился. Пришел домой. Бросил на стол клеенчатую тетрадку со вклеенными в нее кальками. Вспомнил ротонду. Вспомнил, как он однажды – по рассеянности, конечно, – назвал «Мадонну делла скала», рельеф Микельанджело, Мадонной со скалами (название картины Леонардо в Лувре)²⁰³. Скала – по-итальянски лестница, а не скала. Иконографические различия следовало бы связывать с формальными, но ведь он-то как раз о формах или форме и вообще ничего толкового сказать не в силах. Вельфлин умеет о них говорить, а не он. О Ренессансе он лучше бы молчал. Да и в собственной своей области Стриговского хвалит, а о Викхофе и Ригле безмолвствует²⁰⁴. Кончено. Уйду от него. Пусть меня оставляет при университете кто-нибудь другой. Пусть и не по кафедре истории искусства.

На следующий год я уже в семинаре Айналова не участвовал и лекций его не слушал; стал учеником другого, более подходившего мне учителя.

Покинув Айналова, учусь у Гревса

Лекции Ивана Михайловича Гревса по средневековой истории я слушал без пропусков четыре года, с самых первых моих университетских дней²⁰⁵. Записывал их, перечитывал записанное. Содержание их менялось каждый год, но вступительные четыре-пять лекций каждый год были те же, разве что одна из них могла выпасть или быть замененной лекцией на другую тему. Темы их всех очень мало имели отношения и к дальнейшему курсу, да и не особенно ясно были связаны одна с другой. Одна из лекций неизменно бывала посвящена восхвалению французского историка Фюстель де Куланжа²⁰⁶, давно умершего, а в другой всегда с благоговением упоминался Владимир Соловьев. Помню, что однажды – вероятно, в 14-ом году, что имело особый смысл, – воздана была хвала еще и Ромэну Роллану²⁰⁷, а в другой раз двухчасовая лекция была посвящена забытому нынче французскому социологу Габриэлю Тарду, чья нашумевшая в те годы книга «Законы подражания» была профессором (во время летних каникул, должно быть) прочтена и очень его заинтересовала²⁰⁸. Этих лекций я не записывал.

В последний год я даже на первые четыре просто не пошел. Но дальнейшие и в этот, как и в предыдущие годы, – прав был Оттокар

– слушать стоило. Не скажу, чтобы проникнуты они были новой и своеобразной, самым лектором найденной мыслью, но они освободили нашу мысль, открывали ей поле для ее собственной работы и указывали нам, где при этой работе мы найдем поддержку и материал.

Иван Михайлович крупным ученым не был, но был замечательным университетским педагогом, и, кроме того, осмеянное уже и в те годы выражение «светлая личность» могло быть к нему безо всякой иронии применено. Можно было, конечно, и улыбнуться чуть-чуть, когда он говорил, подняв правую руку и потряхнув сдвоенными и выдвинутыми вперед средним и указательным пальцами: «Ромэн Роллан, этот апостол мира и защитник человечности», – удвоение формулировок так же было для него характерно, как и этот едва ли не единственный его жест. Но не уважать его было нельзя, да и нельзя было не полюбить его при более близком знакомстве. Он с исключительным вниманием относился к своим слушателям и ученикам, умел внушать им интерес к предмету своих лекций или семинарских занятий и вместе с тем угадать, что именно способно заинтересовать тех, кто по-настоящему становились его учениками, никогда не навязывая им ни чуждых им предметов изучения, ни своих взглядов на какой-нибудь нерешенный еще вопрос, с которыми он им вполне позволял не соглашаться. Разбираться в людях, находить таланты он умел очень хорошо, и таланты эти умел возвращать, обходясь с ними бережно и любовно.

Оттого и были у него столь блестящие – и столь непохожие один на другого – ученики, как Лев Платонович Карсавин, бывший в те годы уже доцентом университета (лекции его я слушал и в семинарах его участвовал)²⁰⁹, Николай Петрович Оттокар – тот самый молодой историк, с которым познакомился я во Флоренции и который лишь осенью 14-го года вернулся в Петербург, и как Георгий Петрович Федотов, который кончал университет, когда я в университет поступил, и с которым я ближе сошелся гораздо позже, уже в эмиграции.

Ученицей Гревса была и Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская²¹⁰, у которой я слушал очень увлекательно ею читавшийся курс средневековой палеографии. Эту сухую материя она сумела очеловечить, оживить; учила нас не только разбирать основные типы почерка, применявшиеся писцами западного средневековья, но и понимать предпосылки этих вариантов и особенности их воспринимать как черты сами по себе показательные и интересные.

Думаю, что она была ближе по духу к своему учителю, чем те три немножко более молодых его ученика. Карсавин и Федотов сходились в том, что оба по преимуществу интересовались религиозной историей – Федотов раннего, Карсавин зрелого средневековья; да и

умы у них были отчасти родственные один другому, синтетические, к обобщениям склонные умы, философии и богословию не чуждые, как их будущее показало; они оба были верующие христиане. У Оттокара был ум совсем другого рода – к анализу склонный, скептический, и во всяком случае критический. Он и учителя своего порою не щадил, сохраняя к нему уважение и благодарность. Занимался он, как я уже упоминал, историей средневековых городов-государств, таких как Флоренция и Сьена. Готовил диссертацию по истории Флоренции; но в августе 14-го года ему пришлось спешно вернуться в Петербург, оставив во Флоренции все материалы для этой книги. Занялся он тогда северно-французскими средневековыми городами, защитил в начале двадцатых годов диссертацию, посвященную им, о которой еще будет речь²¹¹. После этого он эмигрировал, написал во Флоренции по-итальянски ту книгу, которую собирался написать по-русски, получил кафедру во флорентийском университете и звание почетного гражданина города Флоренции.

Карсавин успел еще до Октября защитить как магистерскую диссертацию о религиозных движениях в Италии в эпоху зарождения францисканства, так и докторскую: «Основы средневековой религиозности», которая принесла бы ему славу, если была бы опубликована не на русском языке²¹². Эмигрировал и он; но погибнуть ему было суждено после Второй мировой войны в одном из лагерей Гулага. А Федотову было суждено после отъезда из России заняться русским средневековьем вместо западного, стать профессором парижского Богословского института и одновременно одним из виднейших публицистов русского зарубежья, уехать из Парижа в США, там и умереть.

Таковы были главные ученики Ивана Михайловича Гревса. На третий мой университетский год – с осени 14-го года – стал и я его учеником, перебежал от Айналова к нему. У него, год спустя, писал я и свое «зачетное сочинение», а два года спустя он же меня оставил при университете – по кафедре всеобщей истории, а не истории искусства, как я вначале предполагал. Это не означало резкого перелома в моих интересах. История, как ее Иван Михайлович понимал, была не политическая история, а история идей, духовной жизни, культуры. Искусство, хоть он его лишь вскользь касался в своих лекциях, входило в его кругозор – не могло не входить, будучи важной частью той средневековой культуры, общечеловеческую ценность которой он лучше понимал, чем кто-либо в России до него. Во всяком случае, у нас в Петербурге, в Петербургском университете медиевистику, то есть изучение западного средневековья, реабилитировал и на ноги поставил именно он.

Шестидесятнические разговоры о мрачном средневековье именно он для учеников своих сделал смешными – готовой формулой, по

старой памяти применявшейся в газетах, которую всерьез произнести мог разве только полуинтеллигент. И, конечно, первое, что делало эту формулу смешной, был расцвет искусства, мысли и поэзии западноевропейских стран в XII-ом и XIII-ом веках. Романское и готическое искусство больше, чем византийское, меня в то время привлекало. Я еще не видел французских готических соборов, но, и по фотографиям судя, начинал ощущать несравненное их величие. А Италия времен св. Франциска и всего того века, который отделяет Франциска от Данте, – тут ведь я многое и своими глазами повидал: в Ассизи побывал, не одно утро провел (по завету Рёскина) во флорентийской францисканской церкви Санта Кроче²¹³. Иван Михайлович всем этим моим влечениям и увлечениям сочувствовал. Принял меня в свои ученики, и я радовался этому. Я тайно этим и гордился.

Прикасаюсь к языкознанию

«Введение в языкознание» – так назывался курс, по которому всем студентам – историкам и филологам – надлежало сдать экзамен. Я прослушал курс и экзамен сдал. Последнее было неоригинально: не сдав этого экзамена, нельзя было окончить университет. Да и экзаменатор был нестрог, – именно поэтому: не многого требовал от тех, кто языковедами стать не собирались. Однако прослушивали курс его с начала до конца лишь очень немногие. В этот год, когда я его слушал (помнится, был это мой второй университетский год), нас было на первой лекции человек тридцать, а то и больше, на второй – пятнадцать, потом все меньше, под конец осталось два будущих языковеда и я. Известно было всем, что Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ²¹⁴ – большой ученый, и сомневаться в этом он никому оснований не давал, да и симпатиями пользовался в студенческой среде, потому что в любого рода конфликтах был всегда заступником студентов. Но лекции его слушать было и в самом деле мученье, да и понять, что *стоило* подвергнуться этому мученью, побывав на одной лекции или даже на двух-трех, тоже было нелегко. Я понял, и до сих пор себя за это благодарю. Курс этот и в самом деле ввел меня в языкознание много лучше и быстрее, чем могли бы это сделать любые книги, даже и книги самого Бодуэна, как его упрощенно именовали его слушатели и ученики. Учеником его я не сделался, языковедом стать не собирался, но особого рода навыки мысли были мною все-таки усвоены, и, когда я прочел в Париже Соссюра (это было вторым мой «введением»), я понял, что подготовлен был к этому чтению тем петербургским курсом лекций, хотя в то время знаменитая посмертная книга Соссюра не была еще издана²¹⁵. Бодуэн знать ее не мог. Зато Соссюр хорошо был знаком с языковедческими воззрениями Бодуэна.

Почему же, однако, такое мученье было его слушать тогда, в Петербурге? Потому что манера его читать не могла не казаться совершенно исключительным, по силе эффекта, чудачеством или шутковством. «Он вылечился от заиканья», – сказал мне в виде объяснения один из его учеников. «Лучше бы не лечился», – вырвалось у меня. Но тут я был не прав, и не мне было это говорить. Я сам заикался еще и тогда, хоть и намного меньше, чем в школьные мои годы, да и знал двух юных заик гораздо худших, чем я²¹⁶. Такой степени заика никаких лекций, конечно, читать бы не мог; а Иван Александрович их все-таки читал, и слушать его было все-таки возможно. На худой конец. Едва-едва.

Вот я иду на первую его лекцию. Поднимаюсь по лестнице. Он читает почему-то на верхнем этаже, где факультет восточных языков, но в помещении, предназначенном для физиков. Вместо кафедры – длинный прилавок; аудитория ступеньками поднимается вверх. Мы сидим и ждем. Он не входит, а вбегает, нервно затворяя за собою дверь. Потом, не глядя на нас, быстрым шагом вдоль всего прилавка устремляется к окну. Худощавый, узкоплечий, с коротко обстриженной седою головой. На ходу, так и не взглянув на нас, начинает что-то выговаривать. «Нна-прим-мер... нна-прим-мер...» Тут он дошел до окна. Молчит. Долго смотрит в окно. Возвращается к прилавку. Губы его дрожат. Смотрит на нас. Начинает скороговоркой: «Например, я говорю», потом со страшным усилием выпаливает: «ппаровоз!» Мой сосед уже, отвернувшись, фыркает. Следует еще раз скороговорка, потом взрыв – выговаривание трудного слова при невероятном напряжении всех потребных для этого речевых органов. Фраза, другая проходят легче, потом опять затор и взрыв. При желании возможно понять, что говорится о составных словах, вроде слова «паровоз», что они анализируются сначала по смыслу, а затем фонетически; но желание нужно для этого большое, да и при наличии его остается неясным, почему вступительную лекцию следует начинать без всякого вступления. Вероятно, по двум причинам. При заикании – пусть и «вылеченном» – трудней всего говорить по готовой программе, на заказ. А во-вторых, с «паровоза» начав, легко перейти к тому, чему Иван Александрович всего страстней желал своих студентов, даже тех, кто никогда языковедами не станут, обучить.

«Видите: па-ро-воз (он пишет это слово мелом на доске). Гласные тут какие? А, о, о? Нет, так выходит, только если буквы со звуками, графемы с фонемами смешивать. Вторая фонема тут почти равна первой, но никак не третьей». Когда студент на экзамене говорил ему, что такая-то буква при таких-то условиях переходит в другую букву, он впадал в полное уныние, дальше не спрашивал – все равно, безнадежно, – но обыкновенно не проваливал студента; махал рукой, ставил «удовлетворительно». И, конечно, преподавание его не сво-

дилось к повторному вдалбливанию элементарного этого различия и той связанной с ним истины, что языкознание обращено в первую очередь к изучению устного, а не письменного языка. Причем следует заметить, что различие это и эта истина были тогда менее банальны, чем теперь, и что именно филологи (как правило, имеющие дело с письменным языком) нередко склонны были это основное для лингвистов различие игнорировать или недооценивать. Но преподавание Ивана Александровича ни в коей мере односторонним не было. Оно только вводило нас не в историческое языкознание, столь пышно расцветшее в прошлом веке, не в сравнительную грамматику индоевропейских языков, а в языкознание, которое Соссюр назвал синхронным, изучающее соотносительность языковых явлений независимо и отдельно от их истории. Оттого-то он и был одним из главных предшественников Соссюра. Оттого-то его лекции и могли меня подготовить к чтению Соссюра, ставшего для меня столь важным в поздние мои годы, но которого я впервые прочел через двенадцать или пятнадцать лет после того, как тот курс Бодуэна был мною прослушан от начала до конца на верхнем этаже здания Двенадцати коллегий.

Не только замечательный был он ученый, большой независимости и смелости мысли; он и человек был редкостный. Родился в Польше; несмотря на крестonosную и французскую свою фамилию, поляком он был, а не французом. Преподавал, однако, всю жизнь в русских университетах, — долгое время в Казани, потом у нас. Школу создал в России; редактировал третье издание словаря Даля; говорил по-русски без малейшего акцента. Но польским соотечественникам, в их борьбе за свои права и национальную независимость, сочувствовал. Помогал преследуемым, защищал их, как мог, прятал их иной раз у себя, или, во всяком случае, хранил у себя нелегальную литературу. Не раз и в тюрьме сживал по такого рода делам. Думаю, что и русским революционерам помощь оказывал, хотя фанатическим их крайностям сочувствовать и не мог. После Октября уехал в Польшу, преподавал в одном из главных польских университетов, не помню точно — в краковском или варшавском. И что же? Тогдашнему польскому правительству, как и прежнему русскому, как и новому советскому, не был он мил. Теперь его тут, в Польше, к порядку призывали, да и в тюрьме ему, кажется, пришлось посидеть. Времена переменялись, но суть осталась та же: теперь он не полякам, а русским помогал, не за поляков, а за русских заступался. Родился в небогатой семье, всю жизнь прожил скромно; был во многом — по взглядам и привычкам — типичный русский интеллигент. Ни в карьеризме не был повинен, ни тщеславия никакого не проявлял. Но не все русские интеллигенты — аристократы духа. А об Иване Александровиче вполне можно сказать, что он таким аристократом был.

Оттого и казалось мне, что ему к лицу, что к лицу его духу громкая его фамилия.

Становлюсь историком

С тех пор как перебежал я от Айналова к Ивану Михайловичу, все больше стал я слушать историков, читать историков, заглядывать в исторические источники (главным образом, средневековые), а также и размышлять как о некоторых общих вопросах истории Европы, так и о вопросах истолкования и критики («герменевтика», как у нас тогда еще не выражались). Пишу: «размышлять», и немножко мне становится не то совестно, не то смешно. Мой ум так устроен, что последовательно мыслить, сидя в кресле или на скамейке в саду, я никогда не умел и не научился за всю жизнь. Через пять минут или, самое большее, десять последовательность обрывается, мысль моя, как говорится, «принимает другой оборот» или, еще куда чаще, уступает место чему-то, чего, строго говоря, мышлением нельзя назвать. Я мыслю вспышками, скачками, во время писания или чтения, а то вспыхивает у меня мысль и совсем неожиданно, за любым занятием, без занятия, перед сном, когда проснусь... Оттого я, вероятно, так поздно научился даже и следить за длительным развитием отвлеченной мысли. Да и скуку я при этом испытываю – совсем незаконную – даже и до сих пор. Так по сей день сам себе и дивлюсь: усерден я или лентяй? Узнавать, воспринимать, да и схватывать скорые, острые мысли усерден, – тут и заслуги нет: нравится это мне очень; а запрягать свой ум в жесткую упряжь не умею и не люблю. Так что и способности я в себе нахожу, и некоторого рода прилежание, а в глубине себя знаю все-таки: я – лентяй.

Лениво слушал я и курс Лаппо-Данилевского²¹⁷ по методологии истории – содержательный, компетентный, но какой-то монотонный и сухой. Половину прослушал и бросил. Weidle, bäh!, как говорил наш престарелый учитель арифметики Нерлинг, грозя с кафедры первокласснику, когда тот палец совал в нос. Лекций Кареева не слушал из-за мягкого «р» и гражданской скорби; едва ли факультет меня бы за это похвалил. В философии так был напуган Лосским, что не догадался послушать нового доцента Франка (хотя вполне возможно, что не понял бы и его)²¹⁸. Русских историков, кроме Платонова, не слушал; в семинар Ростовцева не записался²¹⁹. Пытался послушать по новой западной истории лекции Эрвина Давыдовича Гримма²²⁰, но тут уже не по моей вине только на две, кажется, и попал. Читал он много лучше Кареева, но слушать его было мудрено. Он был ректором университета, и ректорских дел было у него столько, что лекции он постоянно пропускал. Придешь – приколота бумажка к двери. Или собираемся мы, ждем, смотрим на часы, наконец

прибегает кто-то сообщить, что лекция и сегодня не состоится. Нормальным образом слушал я зато лекции по истории Византии Александра Александровича Васильева²²¹, очень дельные, хоть и без блеска. Сдал и экзамен у него, но лишь гораздо позже, встречая его в Париже, узнал какой он был жизнерадостный и жизнеспособный человек (да кажется мне, что и лучшие его работы относятся к годам американского его профессорства, когда он часто наезжал в Париж). Но все-таки историком меня сделали Гревс и его ученики-медиевисты. Если не считать одного очень мощного импульса, о котором я скажу, поговорив о них.

О великолепные фолианты Monumenta Germaniae Historica!²²² Или еще более объемистые Acta Sanctorum, коих издание начато было в XVII веке и еще не было закончено в 1914 году²²³. Порой в парижской Национальной библиотеке я безо всякой надобности брал с полки один из вас, дабы, перелистывая его, вернуться на миг в мои студенческие или вообще доэмигрантские мои годы. Преклоняю колена перед огромными томами Творений Блаженного отца нашего Августина в парижском издании XVIII-го столетия²²⁴. Люблю словарь средневековой латыни Дюканжа и хронологический справочник Мас-Латри²²⁵. Почитаю кардинала Манзи, и аббата Миня²²⁶, и всю бездну премудрости, почерпнутую с их благословения и которую, увы, с тех пор я постепенно растерял. Любил я и в трудах новейших историков экскурсии, приложения и подстрочные примечания, переходящие на следующую страницу. Все ведь это и удостоверяет начинающего ученого в том, что он – подлинный ученый. Но нет, любопытство мое ни в какой мере поддельным не было: меня волновала всякая особенность, я легко различал проблемы и охотно взвешивал вероятность в их решении. Меня и палеография Ольги Антоновны увлекала, и древнегерманским правом я стал безо всякого руководства интересоваться, и о беседах с Оттокарсом вспоминал, а по его приезде их возобновил (он еще не преподавал в университете), и очень много мне дали лекции и семинары Карсавина.

Магистерскую свою диссертацию о религиозных движениях в Италии XII и XIII века он уже защитил, но студенты его еще не знали. На первую лекцию его курса по истории папства пришли три человека, я в том числе (потому что его диссертацию я прочел), и при том же числе слушателей, а порой и меньше, он весь год (1914/15) курс этот и читал; на иных бывал и я один²²⁷. Лев Платонович несколько этим не смущался, беседовал с нами или со мной одним безо всякой риторики, скорей, как руководитель семинара, предполагая у нас некоторую осведомленность, но и проверял ее, отвечал охотно и на любые наши вопросы. Отступал иногда от прямой своей темы, пояснял нам идеи своей диссертации. Пользу мне принесли эти занятия, трудно с чем-нибудь сравнимую, и приязнь я возымел ко

Льву Платоновичу большую. Он уже тогда был похож на Владимира Соловьева, да и сознательно, я думаю, сходства этого искал, но молодости и непосредственности его не заслоняла от меня эта торжественная личина. Не менее интересен был на следующий год его семинар по житиям и мистическим писаниям немецких святых монахинь той же эпохи. Тут нас было уже человек десять, в том числе будущий директор Эрмитажа, В.Ф. Левинсон-Лессинг²²⁸. Работали мы тут довольно уже самостоятельно.

И все-таки никто с такой для меня самого неожиданной силой историка, да и вообще ученого во мне не пробудил, как профессор Андреев²²⁹, которого я даже имени-отчества не помню и курс которого по истории раннего христианства слушал я в первый же мой университетский год. Тут меня, правда, не лектор, а самый предмет захватил, но, конечно, не без помощи лектора, который был и компетентен, и сам – это чувствовалось – захвачен своим предметом. Помню, с каким рвением читал я книги (почти сплошь немецкие), рекомендованные им, – Вельгаузена, Гарнака²³⁰... Это была совершенно новая область знания, о которой я до тех пор никакого понятия не имел. С особой жадностью читал я вышедшую тогда (в 1912-ом году) вторым изданием книгу Вендланда «Эллинистическо-римская культура в ее отношениях к иудейству и христианству»²³¹; прямо-таки впитывал ее в себя, глотал со всей библиографией, которую тотчас запоминал наизусть, с каждым подстрочным примечанием, полемическим замечанием. Что это такое, спрашивал сам себя, странная эта страсть? Как о страсти о ней и вспоминал. Не вывез из Петербурга выписанный мною весной 13-го года экземпляр. Купил через двадцать лет другой у парижского букиниста. Храню его – точно память о первой любви. Перелистываю иногда, читаю некоторые главы. Еще недавно приходилось мне убеждаться, что помню точное заглавие, имя автора, место и год издания упомянутых там книг, которых вовсе не читал. – Теперь уж не приходится.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вейдле посетил открытый в 1891 Художественно-исторический музей (Kunsthistorisches Museum). Речь идет, очевидно, о таких картинах Тициана, как «Пастух и нимфа» (ок. 1570), «Диана и Каллисто» (ок. 1568, вариант более ранней композиции из Национальной галереи Шотландии в Эдинбурге), а также «Оплакивание Христа» (ок. 1520) Андреа дель Сарто (Sarto; 1486–1530). Портрет Альберта и Николааса Рубенсов (ок. 1625) сейчас находится в коллекции герцогов Лихтенштейн, Вадуц.

² «Кавалер Розы» («Der Rosenkavalier») – комическая опера Рихарда Штрауса, либретто Гуго фон Гофманстала. Впервые поставлена в Дрездене в 1911.

³ Вейдле вновь побывал в Вене в конце ноября 1964 (см. письмо Ю.П.Иваску от 28 ноября 1964. – Amherst. Vox 6). Ср.: Вейдле В. Две старые столицы. 1. Цесаря стольный град на Дунае // Новое русское слово. 1970. 3 апреля.

⁴ «В этом разделе книги моей памяти, до которого лишь немного заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: “Incipit vita nova” <начинается новая жизнь. – лат.>. Под этой рубрикой я нахожу слова, которые я намерен воспроизвести в этой малой книге, и если не все, то по крайней мере их сущность», – так начинается «Новая жизнь» Данте (Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С.7).

⁵ Путеводители фирмы Бедекер издавались во времена Вейдле и издаются до настоящего времени в Гамбурге и Штутгарте. Карл Бедекер (Baedeker; 1801–1859) – книгоиздатель.

⁶ Вейдле побывал в Афинах в 1960 году на IV Международном конгрессе по эстетике.

⁷ Рассказ о смерти Плиния Старшего см.: Письма Плиния Младшего. Кн. I-X. 2-е изд., перераб. М., 1982. С.105-106.

⁸ Якоб Буркхардт (Burckhardt; 1818–1897) – швейцарский историк, профессор Базельского университета, автор основополагающего исследования «Культура Возрождения в Италии» (Die Kultur der Renaissance in Italien. 1860. Русск. изд.: 1876, 1904–1906 – 2 т.). Вейдле имеет в виду его книгу «Чичероне. Введение в понимание художественных произведений Италии» (Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens. 1855).

⁹ Это и есть священная Италия (лат.).

¹⁰ Партенопей – первоначальное название греческой колонии, получившей в дальнейшем имя Неа Полис – Новый город.

¹¹ Деян. 28, 11-16.

¹² Пестум (греч. Посейдония, совр. Песто) – город в Лукании, на равнине реки Селе близ Тирренского моря. Известен благодаря хорошо сохранившимся дорическим храмам VI–V вв. до н.э.

¹³ Крепость при входе в Неаполитанскую бухту (1279–1282; перестроена в середине XV в.).

¹⁴ Поэтическое имя Италии, встречающееся у Вергилия и Овидия. Восходит к племени авзонов, населявших юго-запад Аппенинского полуострова.

¹⁵ Монастырь Чертоза Сан-Мартино (1325, архитекторы Ф. ди Вио, Тино ди Камаино; существенно перестроен в XVII в.).

¹⁶ «Шестисотые годы» (итал.), т.е. XVII в. В описываемую пору живопись итальянского барокко и болонского академизма рассматривалась как период упадка искусства. Решающее воздействие на ее переоценку оказала обширная выставка итальянской живописи XVII и XVIII вв., состоявшаяся в 1922 во флорентийском палаццо Питти. «Не будет преувеличением сказать, что после флорентийской выставки общие линии всей европейской истории искусства должны быть пересмотрены заново», – писал, к примеру, Павел Муратов (Муратов П.П. Образы Италии. Т.2-3. С.211). В частности, после выставки 1922 г. «из полного забвения воскресла блистательная неаполитанская школа. <...> Неаполитанская школа повторяет заветы Караваджо с

наибольшей верностью, от Станциони до Прети, производя на свет среди всяческих пылокостей и неуравновешенностей такого прекрасного и гармонического мастера, как Бернардо Каваллино» (Там же. С.212-213).

¹⁷ Ср. впечатления этой поездки: Вейдле В. Венеция. 1968. <VI> // Новое русское слово. 1969. 18 мая.

¹⁸ Райвола (ныне Рошино Ленинградской области) – дачный поселок на Карельском перешейке.

¹⁹ Андре Руссо (Rousseau; 1896–?) – литератор, критик.

²⁰ Последние слова стихотворения Гете, обращенного к графине О’Донелл (1818).

²¹ Вейдле учился на реальном отделении училища при Реформатских церквях, гимназическое отделение которого отличалось высоким уровнем преподавания латыни и греческого: «Увы, не гимназическое я окончил. Ни о чем в моей жизни я так горько не жалею» (Вейдле В. Зимнее солнце... С.49).

²² Сравнение неаполитанской земли с раем несколько раз возникает в «Итальянском путешествии» Гете. Ср.: «Неаполитанец считает себя владыкою рая и северные страны рисует себе весьма мрачно». – Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1980. Т.9. С.90-91. Установить источник выражения Рескина не удалось, но оно согласуется с интонацией кратких дневниковых записей о посещении Неаполя в конце апреля – начале мая 1874 (см.: The Diaries of John Ruskin / Selected and ed. by Joan Evans and John Howard Whitehouse. Vol. 3. 1874–1889. Oxford, 1959. P.784, 787).

²³ Е.А.Баратынский скончался 29 июня (11 июля) 1844.

²⁴ В церкви Санта-Анна деи Ломбарди (Монте Оливето) сосредоточены работы крупнейших скульпторов Возрождения Антонио Росселлино, Бенедетто да Майано, ее достопримечательность – терракотовые изображения плакальщиков в натуральную величину скульптора Гвидо Маццони в капелле Гроба Господня.

²⁵ Кумы – греческая колония в Италии, где, по преданию, жила Сивилла, сопровождавшая Энея в подземное царство и передавшая царю Тарквинию Гордому пророческие книги, впоследствии ставшие одной из главных реликвий Рима. Флегрейские поля (букв.: сожженная земля) – древнее название равнины вдоль берега Тирренского моря от Кум до Капуи, покрытой вулканической почвой и отличавшейся редким плодородием. По преданию, место битвы богов и титанов. Сольфатра вблизи Поццуоли – затухающий вулканический кратер. Вблизи него находится так называемый «собачий грот», в котором вулканические испарения концентрируются вблизи поверхности.

²⁶ Ср.: Муратов П. Образы Италии. Т.2-3. С.142.

²⁷ В 1957 картинная галерея Национального музея была перенесена в Музей Каподимонте.

²⁸ Франческо Солимена (Solimena; 1657–1747) – ведущий художник неаполитанского барокко начала XVIII в., создававший многофигурные композиции, полные драматического движения, насыщенные колористическими и перспективными эффектами. Внимание к Бернардо Каваллино (Cavallino; 1616–1656), который признается ныне одним из наиболее своеобразных жи-

вописцев неаполитанской школы первой половины XVII в., было привлечено лишь в начале 1920-х. Произведения этого незаурядного колориста отличаются лиризмом и способностью живописно интерпретировать условный, общепринятый сюжет как внутреннюю психологическую драму героев.

²⁹ Роспись на шести панелях из некрополя в Руво создана во второй половине V в. до н.э. итальяским мастером, испытавшим греческое влияние.

³⁰ Болонская школа – круг художников, сформировавшийся в начале XVII в. вокруг основанной в Болонье братьями Карраччи «Академии вставших на правильный путь». Основные мастера – Аннибале Карраччи (Carracci; 1560–1609), Доменикино (Domenichino; 1581–1641), Гверчино (Guercino; 1591–1666), Гвидо Рени (Reni; 1575–1642). Их принципом был сознательный эклектизм, что позволяло выработать ясный, но принципиально лишенный индивидуальности художественный язык. К началу XX в. восторженная оценка «болонцев» сменилась устойчивым презрением. Картина Рени изображает состязание в беге жестокой аркадской охотницы Аталанты и победившего ее хитростью Иппомена (1630). Она выделяется неожиданной для сентиментально-благообразного Рени композиционной остротой и элегантной динамичностью.

³¹ Испанская лестница (собственно: Scalla della Trinità dei Monti) – наиболее эффектный ансамбль позднего барокко в Риме. Построена между 1723 и 1726 архитектором Франческо де Санктисом. Соединяет площадь Испании и церковь Сан-Тринита деи Монти (XVI в.).

³² Памятник королю Виктору Эммануилу II, при котором было достигнуто единство Италии, сооружен в 1885–1911 на Капитолийском холме по проекту Джузеппе Саккони.

³³ Пинчио и Яникул – возвышенности, не входящие в число семи римских холмов. Пинчио находится в северной части города, над Пьяцца дель Пополо. Яникул расположен за рекой к западу от города.

³⁴ Во времена Вейдле немецкая гостиница «Hassler» действительно не принадлежала к числу дорогих. Номер в ней стоил от 4 до 6 лир в день, утренний кофе – 1.50, обед – 4.50, а полный пансион – 11–15 лир (номер в самой дорогой гостинице Рима – Grand Hôtel – стоил 10–20 лир в день, при полном пансионе – 23.50). Ср.: *Лагов Н.М.* Рим, Венеция, Неаполь и пр. Их обычаи и порядки, достопримечательности и ближайшие окрестности. СПб., 1911. С.108-110.

³⁵ Перекресток четырех фонтанов появился в результате реконструкции Рима при Сиксте V (1585–1590), когда главные храмы города были соединены прямыми магистралями. Он находится на пересечении виа дель Куатро Фонтане с виа дель Квиринале. На каждом его углу – декорированный скульптурой фонтан. Юго-восточный угол занимает церковь Сан-Карло алле Куатро Фонтане (у Четырех фонтанов; 1638–1667), построенная Карло Борромини.

³⁶ Джон Китс (Keats; 1795–1821) умер от туберкулеза 23 февраля 1821 в доме 26 на Испанской площади.

³⁷ В марте 1929 Вейдле впервые ненадолго приехал в Англию, затем провел там несколько месяцев осенью 1929 и зимой 1930, работая корректором иностранных языков в издательстве «Oxford University Press» и ожи-

дая вакансии в одном из университетов. Вейдле рассчитывал обосноваться в этой стране, однако не прошел по конкурсу на должность преподавателя. Очерки об Англии см.: *Вейдле В. Вечерний день...* С.67-102.

³⁸ Резиденция богатейшего из флорентийских цехов, палаццо дел'Арте делла Лана, соединенный переходом с церковью Орсанмикеле, построен около 1300 г. С начала XX в. в здании находится Дантовское общество.

³⁹ Кладбище Тестаччио (так называемое «Кладбище протестантов») расположено в южной части города, вдоль Аврелиевых стен, у гробницы претора и трибуна Кая Цестия (ум. 12 г. до н.э.), сооруженной в форме египетской пирамиды. Это некатолический христианский некрополь Рима. Английское кладбище во Флоренции (находится посреди пьядцале Донателло) основано в 1827. Там, в частности, похоронены долгое время жившие в Италии английские писатели Уолтер Сэведж Лэндор (Landor; 1775–1864), Элизабет Барретт Браунинг (Browning; 1806–1861) и Роберт Браунинг (Browning; 1812–1889).

⁴⁰ Французский живописец Никола Пуссен (Poussin; 1594–1665) провел большую часть жизни в Риме, был погребен в церкви Сан-Лоренцо ин Лучина вблизи Корсо, прихожанином которой являлся многие годы.

⁴¹ Церковь строилась в течение XVI в. на средства французских королей. Ее главная достопримечательность – три полотна Караваджо, посвященные апостолу Матфею, в капелле семейства Контарелли. На первом столбе южного нефа установлен памятник пейзажисту Клоду Желле, прозванному Лорреном (Loggain; 1600–1682). Могила Лоррена находится в церкви Сан-Тринита деи Монти – над Испанской лестницей.

⁴² Стендаль рассказывает об этом эпизоде в книге «Прогулки по Риму» в записи от 13 августа 1827. См.: *Стендаль. Собр. соч.*: В 12 т. М., 1978. Т.9. С.264-265.

⁴³ Santa Maria sopra Minerva (Церковь Святой Марии над Минервой, т.е. над храмом Минервы) – церковь позади Пантеона, строившаяся с конца XIII по середину XIV в., единственный готический храм Рима. На небольшой площади перед фасадом в 1667 был воздвигнут египетский обелиск, покоящийся на спине слона. Проект принадлежит, очевидно, доминиканцу Джузеппе Палья (Paglia), а не Бернини, как принято считать. Статуя высечена из камня Эрколе Феррата (1667). Комический облик слона объясняет его прозвище – «цыпленок Минервы». См. подробнее: *Heckscher W. S. Bernini's Elephant and Obelisk // Art Bulletin. 1947. V.XXIX; Iversen E. Obelisks in Exile. Vol.1: The Obelisks of Rome. Copenhagen, 1968.*

⁴⁴ Фердинанд Грегоровиус (Gregorovius; 1821–1891) – немецкий историк. Его главное сочинение – многотомная «История города Рима в Средние века» (*Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*). Грегоровиусу также принадлежат воспоминания «Годы странствий в Италии» (*Wanderjahre in Italien. Bd.1-4. Leipzig, 1870–1872*), неоднократно цитированные П. Муратовым.

⁴⁵ Церковь Santa Maria d'Aracoeli. В 1250 францисканцы превратили в свой храм старый греческий монастырь, располагавшийся на месте римской цитадели. По преданию, на этом месте Октавиану Августу явилась Мария с младенцем Христом после того, как он спросил Тибуртинскую Сивиллу,

родится ли человек более великий, чем он сам. Выражение «пустые небеса» заимствовано у Пушкина («Не дай мне Бог сойти с ума», 1833). Ср. раздел «Пустые небеса» – Вейдле В. Россия. Революция. Религия (Фрагменты книги) // Русская литература. 1996. №1. С.95 и далее.

⁴⁶ Колонна с изображением Фоки, императора Восточной Римской империи, была установлена на Форуме в 608 году в знак благодарности за передачу церкви Пантеона. Она была изъята из какой-то старой постройки, поскольку Рим к тому времени уже лишился мастеров, способных выполнить подобную работу. Это был последний памятник на Форуме.

⁴⁷ Фрески в Санта-Мария Антиква, церкви греков на римском Форуме, датируются VI–VIII вв. В IX в. церковь была заброшена и раскопана лишь в 1900.

⁴⁸ В конце этого ряда памятников названы три древнеримские постройки, в которых достигнут наибольший эффект цельного всеобъемлющего пространства, перекрытого либо серией сводов – термы Диоклетиана (295–205), базилика Максенция (Константина) на Форуме (305–312), либо одним куполом – Пантеон (начало II в).

⁴⁹ Вейдле принадлежит ряд работ о раннехристианском и позднеантичном искусстве, в том числе: Перерождение античного искусства // Православная мысль (Париж). 1947. Вып.5; Крещальная мистерия и раннехристианское искусство // Там же. 1948. Вып.6 (то же: Вейдле В. Умирание искусства. С.163–192, также ср. английскую версию: *Weidle W. The Baptism of Art. Notes on the Religion of the Catacomb Paintings. Westminster, <1950>*).

⁵⁰ Не случайно перечисление эффектных сводчатых сооружений языческого Рима завершается рассказом о базиликах, пространственная организация которых осмыслялась Вейдле в связи с христианской религией: «Базилика – это первый и решающий шаг церковного зодчества, осознавшего свою задачу» (Вейдле В. Рим. Беседы о вечном Городе. <Б/м>, 1966. С.15). San Paolo Fuori le Mura – один из наиболее почитаемых храмов Рима. Простоявший без существенных изменений с IV в., в 1823 он был разрушен пожаром и затем восстановлен.

⁵¹ Chiostro (*итал.*) – внутренний дворик, окруженный галереей.

⁵² Via delle Sette Chiese – улица и дорога в южной части Рима, соединяющая храм Св. Павла «вне стен» со старой Аппиевой дорогой у катакомб Св. Себастьяна.

⁵³ Старая Аппиева дорога (Via Appia Antica), созданная в 312 г. до н.э., идет в юго-восточном направлении, соединяя Рим с Капуей, Беневенто и Бриндизи. По сторонам ее долгое время хоронили умерших, поскольку закон воспрещал погребение в черте города. В III в. в окрестностях дороги появились подземные захоронения, в частности, христианские кладбища Св. Каллиста, Св. Домициллы и Св. Себастьяна. У развилки Старой Аппиевой дороги и Виа Ардеatina расположена небольшая часовня, поставленная на том месте, где, по преданию, апостол Петр, бежавший из Рима от казни, встретил Христа, который на вопрос «Куда идешь, Господи?» («Domine, quo vadis?»), отвечал: «В Рим, чтобы быть распятым вторично». Петр, устыдившись, возвратился и принял мученическую кончину.

⁵⁴ Сан-Джованни ин Латерано (San Giovanni in Laterano) – кафедральный собор Рима. Ранняя базилика (первый храм во имя Христа) была сооружена Константином после победы над Максенцием, позднее храм был посвящен Иоанну Предтече. Современный эффектный позднеребарочный фасад приобрел в XVIII в. (арх. Алессандро Галилеи). С 314 до пожара 1308 года и начала Авиньонского пленения (1309) – резиденция римских первосвященников. Ныне существующий Латеранский дворец построен в 1586 Доменико Фонтаной. Соборный Баптистерий, сооруженный при императоре Константине, один из наиболее хорошо сохранившихся раннехристианских памятников Рима. Музей христианских древностей был основан в 1854, в 1963 перенесен в новое здание в Ватикане.

⁵⁵ Просят не плевать на пол (*итал.*).

⁵⁶ Буквальный перевод названия римского района Трастевере (Trastevere) – «по ту сторону Тибра».

⁵⁷ О церкви Св. Сабины – одной из древнейших христианских базилик (V в.) – и ее значении в истории церковной архитектуры см.: Вейдле В. Рим. Беседы о вечном Городе С.17-18. В двух шагах от нее находится небольшая площадь рыцарей Мальты (Piazza dei Cavalieri di Malta), оформленная Дж. Б.Пиранези, построившим также приоратскую церковь ордена на территории Villa del Priorato di Malta. Сквозь круглую замочную скважину ворот виллы можно увидеть темную аллею, в перспективе которой парит купол собора Св. Петра.

⁵⁸ В 1540-е Микеланджело завершил строительство дворца после смерти его проектировщика Антонио Сангалло младшего и существенно изменил образ здания, придав ему напряженный драматизм. «Пьету» Ронданини, начатую после 1555, Микеланджело переработал в 1563–1564 и, по свидетельству современника, продолжал трудиться над ней за шесть дней до смерти. В XIX в. палаццо Ронданини на Корсо, где хранилась группа, занимало русское посольство. В 1920-е, после смены владельца дворца, группа несколько раз меняла местонахождение, пока в 1952 не была подарена городу Милану. Ныне – в кастелло Сфорцеско (см.: *Tolnay C. de. Michelangelo. Vol.5. The Final Period. Last Judgement. Frescoes of the Pauline Chapel. Last Pietàs. Princeton, 1960. P.115*). Вейдле посвятил «Пьете» Ронданини две статьи цикла «О позднем и последнем»: II. Материнское рыдание; III. Опять о Микельанджело (Новое русское слово. 1970. 15 и 22 ноября).

⁵⁹ Монеты нужно бросать в фонтан Треви, сооруженный в 1762 Никола Сальви у подножия Квиринала, близ Корсо. Бросают две монеты, стоя спиной к фонтану, – одну, чтобы вернуться в Рим, другую, чтобы исполнилось желание.

⁶⁰ Две полукруглые колоннады формируют овальную площадь перед собором Св. Петра, создавая своего рода колоссальный атриум, приготавливающий ко входу в храм. Ансамбль возводился по проекту Лоренцо Бернини в 1656–1666. На горизонтальной оси площади расположены два фонтана, причем правый был сооружен еще в 1613, а левый добавлен Бернини в 1675.

⁶¹ Колоннада Бернини, согласно его замыслу, не была замкнута с противоположной фасаду восточной стороны. Несмотря на ряд проектов, относящихся еще к XVII в., магистраль, «открывшая» площадь, была пробита

сквозь старый город лишь в 1936. Это виа дель Консилиационе, соединяющая площадь и набережную у Замка Св. Ангела.

⁶² Папский алтарь в центре подкупольного пространства собора находится под огромной сенью из позолоченной бронзы, сооруженной Бернини в 1630-е.

⁶³ «Пьета» для собора Св. Петра была изваяна Микеланджело в 1498–1501. В 1542–1550 он исполнил две фрески в ватиканской Капелле Паолина.

⁶⁴ Генрих Вельфлин (Wölfflin; 1864–1945) – искусствовед, по происхождению швейцарец. Изучал закономерности развития художественных форм, создал концепцию исторических типов видения в пластических искусствах. В 1912 в русском переводе вышли основополагающие труды Вельфлина «Классическое искусство» и «Ренессанс и барокко», которые, по воспоминаниям Вейдле, оказали существенное влияние на его профессиональное становление. См.: *Вейдле В.* Зимнее солнце... С.189.

⁶⁵ В январе–марте 1912 в Петербурге проходила обширная выставка «Сто лет французского искусства. 1812–1912», организованная редакцией журнала «Аполлон» и Французским институтом. Вейдле точно определяет и лаконично формулирует ядро ее концепции: мастера новой живописи – прежде всего Мане, Ренуар, Сезанн, Гоген – представляли на ней как продолжатели многовековой традиции, опирающейся на внутреннюю логику развития.

⁶⁶ «Девушка с Запада». Опера Дж. Пуччини, либретто Г.Чивинини и К.Зангарини. Ее мелодраматический сюжет разворачивается в поселке золотоискателей на «диком Западе». Впервые поставлена в Нью-Йорке в 1910.

⁶⁷ В серо-жемчужном (*франц.*). Скорее всего, это аллюзия названий картин американского живописца Джеймса Макнейла Уистлера, вошедших в общеевропейскую моду в конце XIX в. (ср. знаменитую «Гармонию в розовом и сером. Портрет госпожи Мо <Меух>», 1881–1882. Нью-Йорк, коллекция Фрик). Для человека, уже побывавшего на выставке «Сто лет французской живописи», они должны были стать знаком избыточной утонченности, возрождающейся в банальную красоту.

⁶⁸ Зинаида Александровна Волконская (1789–1862) – хозяйка литературно-музыкального салона, писательница, поэтесса. В 1827 Пушкин посвятил ей стихотворение «Княгине З.А.Волконской. При посылке ей поэмы “Цыганы”» («Среди рассеянной Москвы...»). В конце февраля 1829 уехала в Италию, позднее приняла католичество. В парке ее римской виллы была устроена аллея памятников артистам и писателям, в том числе – первый в мире памятник Пушкину

⁶⁹ «I Fioretti...» – специфический род анонимной францисканской литературы XIV–XV вв., связанной с житием и проповедями Св. Франциска. Ряд списков был опубликован итальянскими учеными в конце XIX – начале XX в. Здесь, вероятно, речь идет об издании: Сказания о бедняке Христовом (Книга о Франциске Ассизском). М., 1911, включающем перевод А.Печковского.

⁷⁰ Собор города Орвьето строился с 1290 до середины XVI в. В капелле Брицио в 1499–1504 Лука Синьорелли (1445/50–1523) выполнил цикл росписей, изображающих «Светопреставление». Здесь жесткая манера живописи художника, его любовь к сложным ракурсам обнаженных фигур и де-

монстративной брутальности деталей нашли соответствие в мрачности сюжета, впервые в искусстве итальянского Возрождения развернутого как серия эпизодов.

⁷¹ Лоренцо Майтани (Maitani; ум. 1330) – пизанский скульптор и архитектор, строитель собора в Орвьето; ему приписывается авторство рельефов на фасаде храма (сцены сотворения мира и Страшного суда).

⁷² В церкви Сан-Доменико Арнольфо ди Камбио исполнил для Гийома, кардинала де Брей (ум. 1282), гробницу, в которой впервые в ренессансном духе был трактован традиционный тип ефеу (примыкающее к стене храма надгробие под архивольтом). В начале столетия творчество Арнольфо ди Камбио еще не было оценено по достоинству.

⁷³ Слова архангела Гавриила к Марии: Лк. 1, 28.

⁷⁴ «Распятие с Богородицею, Св. Иоанном, Св. Иеронимом и Св. Марией Магдалиной» (ок. 1485) Пьетро Перуджино (1445/52–1523) с середины 1930-х находится в коллекции Эндрю Меллона, переданной в Национальную галерею в Вашингтоне при ее основании.

⁷⁵ Cestino (итал.) – букв.: «корзинка».

⁷⁶ Озеро к западу от Перуджи, на котором в 217 г. до н.э. Ганнибал разбил римлян.

⁷⁷ 29 сентября 1967 во Флоренции Вейдле прочел доклад на международном конгрессе в честь семисотлетия Джотто. См.: *Weidlé W. Giotto et Byzance // Giotto e il suo tempo. <Б/м>, 1971. P.197-219.*

⁷⁸ Набережная на южном, левом берегу Арно между мостом алле Грацие и пьяцца Поджи.

⁷⁹ Фра Бартоломео делла Порта (1472?–1517) – художник, под влиянием проповеди Савонаролы сжегший свои светские произведения и после гибели проповедника постригшийся в монахи (1501).

⁸⁰ Комплекс монастыря Бадия в городке Фьезоле на склоне окружающих Флоренцию холмов строился с 1456 по начало 1460-х на средства Козимо Медичи. «Здесь все зовет к уединению, тишине, внутренней сосредоточенности. И здесь как бы парит незримый дух Брунеллески – так все разумно и упорядоченно, ясно и гармонично. У.Прокаччи, один из лучших знатоков флорентинского искусства, полагает, что Бадия явилась плодом дружеского сотрудничества настоятеля аббатства Маффеи, наметившего планировку монастыря, Козимо, задумавшего в основных чертах архитектурное решение, и помощника строительства (campomastro) Лоренцо ди Антонио ди Джери, осуществившего на деле замысел щедрого мецената» (*Лазарев В.Н.* Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве. Архитектура. Скульптура. Живопись: Трактаты. М., 1979. С.66).

⁸¹ «Благовещение» Донателло – рельеф, вставка в табернакль (ок. 1435). Капелла семьи Бранкаччи находится в правом трансепте церкви Санта-Мария дель Кармине. Триптих Симоне Мартини «Благовещение» (1333).

⁸² Капелла расписана Мазолино (Masolino; 1424–1425), Мазаччо (Masaccio; 1425–1428) и Филиппино Липпи (Lippi; 1481–1485). Мазаччо принадлежат пять фресок, посвященных грехопадению прародителей и житию апостола Петра. Вейдле имеет в виду прежде всего образ Христа в изобра-

жении чуда с податью, но, с известной точки зрения, имя «богочеловека» можно отнести к героям Мазаччо как таковым – их формирующие пространство фигуры исполнены небывалых прежде мощи и достоинства.

⁸³ Фреска Мазаччо «Троица» написана ок. 1426–1427 для гробницы некоего Доменико Ленци. В середине XIX в., когда заслонивший роспись алтарь работы Вазари был разобран, фреска была снята и размещена на западной стене, рядом со входом. В 1954 она возвращена на северную стену нефа церкви.

⁸⁴ Картина Сандро Боттичелли (1445–1510) «Весна» (Primavera, ок. 1477–1488, Уффици), сюжет которой связан с поэмой Полициано «Турнир», со второй половины XIX в. принадлежала к числу наиболее известных произведений Возрождения. Она удовлетворяла стремлению к прихотливому, квазипростодушному изяществу, которое было характерно для живописцев английского «Прерафаэлитского братства» (основано в 1848), впервые возведших стиль Боттичелли в образец.

⁸⁵ Сиенский палаццо Публико (расширение первоначальной постройки – 1310, 1327–1342), флорентийский палаццо Веккио (палаццо Синьории) (XIV в.) – резиденции городских советов. Строительство палаццо Питти началось в 1458 по более раннему проекту Брунеллески, в середине XVI в. он был расширен для резиденции великих герцогов по проекту Бартоломео Аманати.

⁸⁶ Комплекс Бадии (т.е. аббатства), основанного в X в. и перестроенного в XIV и XVII вв., включает шестигранную кампаниллу. Островерхая колокольня церкви Санта-Мария Новелла сооружена по проекту Фра Якопо Таленти в середине XIV в. Палаццо Барджелло (XIII–XIV вв.) – резиденция главы исполнительной власти, с 1474 – Капитана правосудия (барджелло), при котором в здании была расположена тюрьма. В 1255, одновременно с началом строительства дворца, была возведена башня Волоньяна. Палаццо Синьории венчает башня Торре д'Арнольфо.

⁸⁷ Джотто, начавший в 1334 строительство 85-метровой кампаниллы, успел возвести только первый ярус. Колокольня была достроена к середине столетия и, в общих чертах, следует первоначальному замыслу. В 1418 Филиппо Брунеллески разработал не имеющий прецедентов проект купола над алтарной частью собора Санта-Мария дель Фьоре (осуществлен к 1434). Высота подкупольного пространства – 91 м. Основанием возведенной без лесов конструкции являются восемь каменных ребер, выступающих на поверхности купола.

⁸⁸ От подножия небольшой церкви Сан-Миниато аль Монте, венчающей холм на южном берегу Арно, открывается знаменитый вид на город. Нынешняя постройка стоит на месте часовни во имя Св. Миниато, отмечавшей место его мученической кончины. Современный облик храм приобрел в XI–XIII вв. Его фасад, облицованный традиционным для Флоренции белым и зеленоватым мрамором, отличается гармонией и простотой пропорций и может рассматриваться как предвестие архитектуры раннего Возрождения.

⁸⁹ Вокруг церкви – стены бастиона, сооруженного Микеланджело в 1529, внутри которого в XIX в. было размещено кладбище делле Порте Санта (Святых Ворот).

⁹⁰ Церковь Сан-Сальваторе аль Монте неподалеку от Сан-Миниато. Строительство начато в 1495 архитектором Симоне дель Поллайоло (Polaiuolo; 1457–1508) по прозвищу Il Cronaca.

⁹¹ В 1520-е Микеланджело работал над ансамблем капеллы Медичи (Sacristia Nuova) в Сан-Лоренцо – фамильной церкви герцогского семейства. В окончательном решении усыпальницы сохранены две гробницы умершего безумным Лоренцо, герцога Урбинского (ум. 1519), и Джулиано, герцога Немурского (ум. 1516). Саркофаги их несут по две аллегорические фигуры: Утра и Вечера, Дня и Ночи.

⁹² Старый мост (Ponte Vecchio) существует с римских времен. Нынешнее трехпролетное сооружение датируется 1345 г. По сторонам моста располагались лавки ремесленников и торговцев (с 1591 – исключительно ювелиров), частично нависающие над водой. Мост Св. Троицы (Ponte Santa Trinita) возведен в 1252 г. Современный облик – три элегантно и упруго изогнутых арки – создан архитектором Бартоломео Амманати в 1567–1570.

⁹³ Вейдле упоминает два памятника, словно ограничивающих «золотой век» Флоренции и представляющих два противоположных типа творчества. Доминиканский (с первой половины XV в.) монастырь Сан-Марко был одним из центров флорентийской жизни кватроченто. К этой эпохе относится дворик Сан-Антония, окруженный легкими аркадами (арх. Микелоццо), и, главное, фрески Фра Беато Анжелико в кельях (1439–1445). Благочестивой ясности архитектуры и живописи Сан-Марко противостоит изощренность и прихотливость эпохи маньеризма, которой принадлежит комплекс Уффици (конторские здания), сооруженный Джорджо Вазари в 1559–1574. Два крыла, решение фасада которых навеяно мотивами Микеланджеловой библиотеки Лауренциана, образуют короткую улицу, связывающую площадь Синьории с набережной Арно. Их замыкает параллельный набережной третий корпус. С конца XVI в. в здании размещаются художественные коллекции (галерея Уффици).

⁹⁴ Джентльменского соглашения (англ.).

⁹⁵ Искаж. *Schöne Ansichtskarte* (нем.) – красивая открытка; *carte postale* (франц.), *postcard* (англ.), *tarjeta postal* (исп.) – почтовая карточка.

⁹⁶ Анри де Рень принадлежит ряд произведений, связанных с Венецией, в частности, романы «Венецианское посвящение», «Страх любви». Палаццо Дарио относится к 1487 (семейство архитекторов Ломбардо). Это один из наиболее живописных дворцов Большого Канала, находящийся вблизи церкви Санта-Мария делла Салуте. Он сохранил свой ранний облик – асимметричное решение фасада со специфическими декоративными элементами и старинными дымовыми трубами в виде перевёрнутых конусов. Значительная часть действия «Беглянки» Марселя Пруста («В поисках утраченного времени», кн.6) происходит в Венеции. В романе описан отель «Европа», расположенный в начале Большого канала в старинном палаццо Джустиниани, где жил писатель. По некоторым предположениям, Пруст останавливался в гостинице «Даниэли» на набережной Скъявони.

⁹⁷ Улица Торнабуони между площадью Антинори и мостом Св. Троицы. На нее выходят, в частности, палаццо Строцци и церковь Св. Троицы.

⁹⁸ «Русский сезон» – июль и август, месяцы, наименее подходящие для путешествия в Италию.

⁹⁹ «Мой прекрасный Сан-Джованни» (*итал.*) – Данте А. Божественная комедия. Ад. XIX. 17. Баптистерий (храм, предназначенный для крещения) Флорентийского собора восходит к VII в., но долгое время считался античной постройкой. Это восьмигранное сооружение, увенчанное низким шатром и облицованное белым и зеленым мрамором.

¹⁰⁰ Получивший имя своего строителя «коридор Вазари» (1565) связывает административные здания Уффици и дворец великих герцогов Питти, где сейчас также находится картинная галерея. Крытая галерея пересекает Арно над Понте Веккио и продолжается в кварталах южного берега. В ней находится свыше семисот картин, в том числе знаменитая коллекция автопортретов выдающихся художников.

¹⁰¹ Ср.: «этот их хваленый баптистерий» (*Вейдле В.* Вечерний день... С.36).

¹⁰² См.: *Вейдле В.* Зимнее солнце... С.29-32 (глава «Зеличка»).

¹⁰³ Суюмбеки – символ Казани, ярусная башня в Кремле, построенная, очевидно, в конце XVII – начале XVIII в. на более раннем основании.

¹⁰⁴ За набережной делле Грации расположена флорентийская Национальная библиотека.

¹⁰⁵ Можно предположить, что два других имени в этом ряду – В.Ф.Ходасевич и о. Сергей Булгаков.

¹⁰⁶ Николай Петрович Оттокар (1884–1957) – историк-медиевист, ученик И.М.Гревса. С 1921 жил в Италии, с 1930 был профессором Флорентийского университета. Ср.: *Вейдле В.* <Рец.:> «История России» Н.П.Оттокара // Последние новости. 1936. 17 сентября. Вейдле посвятил ему очерк «Почетный гражданин Флоренции. (Н.П.Оттокар)» (Новое русское слово. 1971. 17 июля; ср.: *Вейдле В.* О тех, кого уже нет: Воспоминания. Мысли о литературе / Публ. Г.Поляка // Новый журнал. 1993. №192-193. С.421-424).

Практически одновременно состоялась встреча Оттокара с группой учеников Гревса, среди которых был Н.П.Анциферов, оставивший следующий портрет ученого:

Я не ожидал таким увидеть ученика профессора Гревса. Он был одет «с иголочки». Великолепная панاما, серый костюм со всеми складочками (словно его только что утюжили заботливые руки), галстук бабочкой, сверкающие туфли – могли заменить зеркало. На руках необыкновенного цвета перчатки (помнится, сиреневого). Гладко выбритый, крепкий подбородок, черные холеные усики, несколько оттопыренные губы (зубы слегка выдавались) и глубоко сидевшие, яркне, блестящие глаза.

«Какой же он чужой!» – подумал я, и мне было как-то не по себе из-за того интереса, который проявляли к нему девушки.

Говорил Н.П.Оттокар медленно, протяжно, сильно нажимая на отдельные слова, словно прислушиваясь к своему вескому слову. «Как француз», – думал я. Но Иван Михайлович встретился с ним сердечно. Что же, может быть, он не испортит нашего общего строя. <...>

В тот вечер Н.П.Оттокар прочел нам свою первую лекцию по истории Флоренции, о жестокой борьбе с соседями, о бурной борьбе ее сословий. И Оттокар покорила меня.

Анциферов Н.П. Из дум о былом. С.290-291 (далее: Анциферов).

¹⁰⁷ *Ottokar N.* Il comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze: Vallecchi, <1926>; 2 ed. riv. e corr. <Torino>, 1962.

¹⁰⁸ 17 июля 1932 г. Вейдле написал жене: «Был я в итальянском консульстве и встретил там Серебрякову, кот<орая> тоже едет в Италию. Оказалось, что теперь визы русским дают без запроса в Рим, тотчас по предоставлении рекомендации от Маклакова или Гирса. Рекомендацию я, конечно, добуду» (ВА. Вох 8). Для получения визы были необходимы рекомендации двоих жителей Италии. Помимо Оттокара поручителем должна была выступить Мария Синьорелли (1908–1991). См.: Письма В.Ходасевича и Н.Берберовой. Из архива Ольги Ресневич-Синьорелли (1923–1932) / Публ. Э.Гаретто // In *Memento*: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж, 2000. С.299. В Италии Вейдле находился в октябре 1932, во Флоренцию приехал 26 октября (см. письмо к Л.В.Барановской от 27 октября 1932. – ВА. Вох 8).

¹⁰⁹ Беноццо Гоццоли (Gozzoli; 1420–1497) – ученик Фра Анджелико, знаменитый фресковыми циклами, подробно разворачивающими рассказ, обильный занимательными деталями. Главным произведением его позднего периода были двадцать четыре композиции на стенах пизанского Кампосанто, работа над которыми продолжалась шестнадцать лет (окончены в 1485). Первой законченной фреской ветхозаветного цикла было изображение семьи Ноя. «Почти все они <росписи Кампосанто> были повреждены, а то и вовсе погибли в потоках расплавленного свинца после того, как стрельба американских батарей летом 44-го года растопила крышу над ними» (Вейдле В. Города, городки... 2. Пиза // Русская мысль. 1968. 12 декабря).

¹¹⁰ Знаменитая роспись «Триумф смерти» (1350–1360-е) в Кампосанто (1278) все еще не атрибутирована окончательно. Некоторые ученые считали автором фрески в внутренней галерее кладбища пизанского мастера Франческо Траини.

¹¹¹ С творчеством скульптора Никколо Пизано (Pisano; 1220/25–1278/84) принято связывать начало ренессансных веяний в итальянском искусстве – его кафедра в баптистерии Пизанского собора (1260) свидетельствует о знании античных рельефов. Произведения его сына Джованни Пизано (ок. 1245– ок. 1320), напротив, стилистически принадлежат готике. Кафедра работы Джованни в соборе Пизы исполнена в 1302–1310. Ср.: «Джованни – гений, но как часто готика судорогой сводит, на дыбы вздергивает неготическую его душу, тогда как Никколо в обход ей и через голову сына предвещает невозможную эти северные наваждения Италию» (Вейдле В. Города, городки... 2. Пиза). Бонанно да Пиза – скульптор, автор дверей пизанского баптистерия (конец XII в.).

¹¹² Битва при Монтаперти 4 сентября 1260, во время которой гибеллинская армия Сиенны победила флорентийских гвельфов, таким образом положив начало периоду гибеллинского господства в Тоскане. Об этом см.: Вейдле В. Города, городки... 13. Сиена. I. Битва при Монтаперти // Русская мысль. 1970. 28 мая.

¹¹³ «Мазста» (1308–1311) – центральное произведение основоположника сиенской школы Дуччио ди Буонисенья (ок. 1255–1319) – находится в Музео дель Опера Метрополитана.

¹¹⁴ Доменико Беккафуми (Vescafumi; ок. 1486–1551) – живописец, скульптор, архитектор, последний крупный сиенский художник. Формировался под воздействием Микеланджело, Рафаэля, а по возвращении в 1512 в Сиену – Содомы. С конца 1520-х – официальный живописец Республики. Искусство Беккафуми характерно для маньеризма – его фигурам приданы сложные, прихотливые развороты, драматическое освещение и колористическая гамма не связаны требованиями правдоподобия. В начале века маньеризм считался упадочным явлением, и Беккафуми не вызывал интереса исследователей.

¹¹⁵ Здесь: поражен (*франц.*), повержен (*англ.*).

¹¹⁶ «Славянская набережная, дом № 4149 – таков был мой первый адрес в Венеции. Временный, конечно, краткосрочный: дней восемнадцать я там прожил. Так что проще было сказать: гостиница “Метрополь” (“вторая категория, сорок комнат, вид на бассейн Сан Марко”)...» (*Вейдле В. Венеция. 1968. III // Новое русское слово. 1969. 6 апреля.*)

¹¹⁷ Лидо – замыкающий лагуну длинный остров, на котором расположены пляжи и гостиницы.

¹¹⁸ Знаменитое кафе на южной стороне площади Св. Марка.

¹¹⁹ Мерчерия – торговая улица, начинающаяся от часовой башни (Тогге del Orologio) на площади Св. Марка.

¹²⁰ Перечисленные Вейдле церкви действительно лежат на дороге от Пьяцца Сан-Марко к церкви Сан-Джованни э Паоло, но путь этот прихотлив и на карте Венеции напоминает зеркально развернутый вопросительный знак. В церкви Сан-Лио находится картина Тициана «Св. Иаков» (ок. 1547). «Церковка Златоуста» – Сан-Джованни Кризостомо (начата в 1498), архитектор Мауро Кодуччи. Санта-Мария деи Мираколи, первая ренессансная постройка в Венеции, сооружена Пьетро Ломбардо в 1481–1489.

¹²¹ Кампо Сан-Заниполо – площадь, на которой расположены готическая доминиканская церковь Сан-Джованни э Паоло, один из крупнейших храмов города (1246–1430), благотворительное сообщество Скуола Гранде ди Сан-Марко (1488–1490, арх. Пьетро Ломбардо, Мауро Кодуччи и Бартоломео Буон), чей облицованный мрамором фасад сочетает ясность Ренессанса и специфически венецианскую нарядность, а также памятник командировавший Венецианской республики, кондотьеру Коллеони, созданный скульптором Андреа Вероккио (пьедестал по проекту Алессандро Леопарди).

¹²² В Падуе, входившей в сферу венецианского влияния, находятся важные для всего итальянского Возрождения произведения флорентийских художников – Джотто (росписи Капеллы Скровеньи, 1305–1313) и Донателло (памятник кондотьеру Гатамелате, 1447–1453).

¹²³ «Венера перед зеркалом» (ок. 1555) продана в США в середине 1930-х, принадлежит вашингтонской Национальной галерее.

¹²⁴ Панно «Венеция» написано М.А.Врубелем для дома Е.Д.Дункера в 1893. При работе художник пользовался фотографиями, но в колористиче-

ском строе полотна сказало его знание венецианской живописи: в ноябре 1884 – апреле 1895 в Венеции он работал над образами иконостаса киевской Кирилловской церкви. Ср.: «Перелистываю свою Венецию <...>, как полезную специальную книгу, а не как поэтический вымысел. Что нахожу в ней – то интересно только моей палитре. Словом, жду не дождусь конца моей работы, чтобы вернуться» (Письмо сестре А.А.Врубель от 26 февраля (10 марта) 1885 // М.А.Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. Л., 1976. С.46).

¹²⁵ Населенные острова Венецианской лагуны. В Мурано расположены стекольные мануфактуры, в Бурано – шелкопрядельные мастерские. Торчелло – древний центр Венеции, где находится известная своими мозаиками базилика VII–XIII вв.

¹²⁶ Миланский собор (начат в 1386, окончен в XIX в.) – наиболее готический по своему облику храм Италии, в его строительстве принимали участие ломбардские и французские архитекторы. Готический собор Св. Стефана в Вене возводился с начала XIII по середину XV в. Францисканская церковь Санта-Мария Глорियोза деи Фрари (ок. 1340 – ок. 1443) – один из самых больших готических храмов Венеции.

¹²⁷ День гнева (*лат.*). Начало второй части заупокойной мессы, реквиема.

¹²⁸ Гиде – классный наставник Вейдле в Реформатском училище. «Он был родом из гугенотов, бежавших в протестантские земли после отмены Нантского эдикта, но ничего французского в нем уже не оставалось, а вполне обрусеть он тоже не успел <...>. Был добропорядочным и добросердечным немцем, старомодным немножко, и которому эта старомодность очень была к лицу. Преподавал нам географию, по им самим составленному учебнику, а также немецкий язык и, в старших классах, немецкую литературу. Преподавал хорошо. Весь последний год посвятил одному Гете и – мне, во всяком случае, – помог Гете узнать и полюбить». – Вейдле В. Зимнее солнце... С.54.

¹²⁹ Трепет, это лучшее, к чему способен человек (*нем.*). Ср.: Фауст: «Нет, я б застыть в покое не хотел: / Дрожь – лучший человеческий удел; / Пусть свет все чувства человека губит – / Великое он чувствует и любит, / Когда святой им трепет овладел» («Фауст» И.В.Гете в переводе Н.А.Холодковского. Часть 2).

¹³⁰ Царь приводящего в трепет величия (*лат.*) Строка гимна «Dies irae». См. примеч. 127.

¹³¹ Амброзиана – библиотека и картинная галерея, известная коллекцией рукописных книг, манускриптов (например, рукопись Леонардо) и рисунков (основана в 1602). Пинакотека Брера – один из наиболее значительных художественных музеев Италии (основана в 1809), собрание итальянской живописи XIV–XIX вв. и европейской XV–XVII вв.

¹³² Scusi (*итал.*) – извините.

¹³³ Чезоза ди Павия – картезианский монастырь в окрестностях города. Руководитель строительства Джованни Антонио Амадео (1447–1522). В свое время этот комплекс пользовался популярностью прежде всего благодаря изобилию статуй и разнообразных декоративных элементов из цветного мрамора, покрывающих фасады.

¹³⁴ Бергоньоне (Il Vergognone) или Амброджио Боргоньоне (Borgognone; ок. 1450–1523) – ломбардский художник, сохранивший в начале XVI в. архаическую живописную манеру и настроение простодушного благочестия. В павийской Чертозе создал фрески, алтари, витражи, орнаменты фризов (1486–1494).

¹³⁵ То есть в Институт гражданских инженеров, позднее – Ленинградский инженерно-строительный институт, ныне – Государственный инженерно-строительный университет.

¹³⁶ Музей Терм, точнее, Национальный римский музей, расположен в бывших термах Диоклетиана, перестроенных в XVI в. Один из наиболее известных экспонатов – так называемый «трон Людовизи» (ок. 460 г. до н.э.), служивший, вероятно, подиумом для культовой статуи. На лицевой стороне изображено рождение Афродиты, на торцовой плите – обнаженная флейтистка.

¹³⁷ Церковь Санта-Мария делле Грацие сооружена Браманте в 1492–1497.

¹³⁸ Ср.: *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1995. С.267-268.

¹³⁹ Дочь Марианны Борисовны Черкасской, певицы Мариинского театра, подруги семьи Вейдле. См.: *Вейдле В.* Зимнее солнце... С.87.

¹⁴⁰ Стреза – курортный городок на берегу Лаго Маджоре. Борромейские острова – четыре небольших острова, климат которых сравнивают с неаполитанским. Принадлежали миланскому роду Борромео, благодаря которому на выступающих из воды скалах были разбиты причудливые сады и сооружен дворец.

¹⁴¹ Жорж, приходи, поедем мы в автомобиле от Гамбурга до Киля! до Киля! (*нем.*)

¹⁴² «Валькирия» (1870), «Зигфрид» (1876) – оперы Вагнера.

¹⁴³ Галерея собрана графом Адольфом Фридрихом фон Шаком (1815–1894), с 1860-х открыта для публики. В ней представлена, главным образом, немецкая живопись XIX в., в том числе около пятнадцати полотен Беклина («Священная роща», 1871; «Тритон и nereида», 1874) картины Шпицвега, Швинда, Ленбаха, Фейербаха, ранние произведения Ганса фон Маре.

¹⁴⁴ Глиптотека – собрание греческой и римской скульптуры. Скульптурные группы западного (500 г. до н.э.) и восточного (495–490 г. до н.э.) фронтонов храма Афины Афайи на острове Эгина посвящены событиям Троянской войны. Обнаружены в 1811. Дополнения датского скульптора Бертеля Торвальдсена (1768–1844), созданные в 1818, были удалены в 1960-е. Статуя богини мира Эйрены с юным богом богатства Плутосом, исполненная Кефисодотом, была установлена на афинском рынке в 370-х гг. до н.э. В Глиптотеке находится ее римская копия.

¹⁴⁵ Сейчас картина Эль Греко «Лаокоон» (ок. 1610) принадлежит Вашингтонской национальной галерее.

¹⁴⁶ В одной из радиопередач Вейдле вспоминал о другом дрезденском впечатлении 1912 г.: «На обратном пути, однако, из Италии, останавливались мы в Мюнхене, Дрездене и Берлине. В музеях этих городов видел я и

французские, недавние сравнительно – и недавно приобретенные музеями этими – картины; а в Дрездене застал большую выставку современной живописи, очень поучительную для меня. Весь тогдашний немецкий “авангард” (уже и тогда любили применять это высмеянное некогда Бодлером слово) был на этой выставке представлен, и я легко мог убедиться, что ему того же не хватает, сравнительно с французским, чего не хватает и нашему: настоящей культуры живописного зрения и краски, того, что лишь традицией дается и лишь во Франции было сохранено (не всей французской живописью, но ее лучшими, долгое время остававшимися непризнанными мастерами)» (Вейдле В. Девять бесед об искусстве нашего века. 2. Французская живопись. – ВА. Вох 22).

¹⁴⁷ Гентский алтарь Яна ван Эйка написан в 1432 для церкви Иоанна Крестителя (сейчас собор Св. Бавона) в Генте, где находится по сей день. В 1794 занявшие Фландрию французы перевезли четыре центральных створки (Саваоф, Богоматерь, Иоанн Креститель, Поклонение Агнцу) в Париж. В 1816 алтарь был воссоединен, но вскоре после этого проданы боковые створки, попавшие в 1821 в Берлин. По Версальскому договору 1918 года возвращены в Бельгию.

Портрет Саскии, умершей 14 июля 1642, датируется 1643. Портрет Хендрике Стоффельс написан в 1656–1657.

¹⁴⁸ Пьеса Кнута Гамсуна «У врат царства» (1895). В.Э.Мейерхольд играл в ней роль Карено (1908).

¹⁴⁹ Слово *candidatus* буквально означает «одетый в белое»: в Древнем Риме домогающийся государственной должности должен был носить белую тогу.

¹⁵⁰ Фреска Рафаэля в ватиканской Станца дельи Сеньятура, бывшем кабинете Юлия II (1508–1511), изображающая собрание древних философов.

¹⁵¹ Отзвук волновавших Вейдле дискуссий о реформе университетского образования в Западной Европе, прежде всего во Франции. Ср.: Вейдле В. Россия. Революция. Религия. (Фрагменты книги) // Русская литература. 1996. №1. С.80.

¹⁵² Зеличка (прозвище, образованное от *mademoiselle*) – Louise Coutier, гувернантка Вейдле. «И кроме дара преподавания, был у нее другой дар, более редкий и драгоценный: без всякого командованья, без всякой дрессировки, одним своим “образом действий” и существом своей личности она умела воспитывать детей. <...> Все ее воспитательское старание направлено было на одно: всяческое выгравливанье лжи» (Вейдле В. Зимнее солнце... С.29-30). Леонид Владимирович Георг (1890–?), сын старшего брата матери Вейдле. Окончил славянское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. «Безо всяких назойливых пояснений, стихи в его чтении обрели музыку, впервые сделались стихами. <...> Но знаешь, друг мой и брат! Бог весть, что случилось с тобой. И, верно, нет тебя давно на свете... а мне все напомнить хочется тебе тот день, когда ты мне принес на листки распавшиеся от частого перелистыванья, папиросной бумагой обернутые, “Стихи о Прекрасной Даме”. <...> ...ни один из дальнейших трех блоковских сборников, позже мною прочитанных, так меня не околдовал. Когда через два года после этой первой встречи вышел четвертый,

“Ночные часы”, я стал зреее и понял его зрелость. Но первая встреча моя со стихами Блока была все же поэтическим моим крещением, и восприемником моим от купели был мой брат, сын моего крестного отца» (Вейдле В. Зимнее солнце... С.96-98). Согласно свидетельству о крещении, крестным отцом незаконнорожденного младенца Владимира значился провизор Леонид Александрович Георг. См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.33.

¹⁵³ Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – историк и публицист. С 1906 (с перерывом на обучение в Германии) занимался на историко-филологическом факультете Петербургского университета у И.М.Гревса. Из-за преследований за политическую деятельность экзамены сдал лишь через два года после окончания, в 1912. Оставлен при университете, стал приват-доцентом, готовил диссертацию о святых епископах меровингской эпохи. В 1917 начал преподавать, но на его лекции не записалось достаточное число студентов. После революции работал в Саратове и Петрограде. Сблизился с А.В.Карташевым и А.А.Мейером, оказавшими влияние на его обращение к церкви. С 1925 жил в Париже. Преподавал в Православном Богословском институте (с 1926) и участвовал в работе Русского христианского студенческого движения. В 1931 опубликовал книгу «Святые древней Руси». К этому периоду относится совместное с И.Фондаминским (Бунаковым) и Ф.Степуном издание журнала «Новый град» (1931–1939; см.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. М., 1994. С.191-196). Вейдле опубликовал там статью «Одиночество художника» (1934. №8. С.52-62), представляющую собой фрагмент книги «Умирание искусства». В 1941 Федотов эмигрировал в США, с 1943 преподавал в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. Подробнее о Федотове Вейдле говорит в воспоминаниях о Богословском институте.

16 июля 1973, отвечая на письмо Ю.Иваска, в котором Федотов и Вейдле ставились в один ряд, Вейдле писал: «Насчет Федотова. Мы с ним хоть и того же гнезда птенцы (медиевисты vom Hause aus <здесь: по истокам. – нем.>, ученики Гревса), но все же очень разных полей ягоды. Он в основе интеллигент (и даже с<оциалист>-р<революционер> <приписка рукой Иваска над строкой: с<оциал>-д<емократ>>), во мне никогда не было ничего интеллигентского. Я выкормыш французского вкуса и немецкой Geisteswissenschaft <науки о духе. – (нем.)> (Буркгардт, Вельфлин; венская школа: Ригль – Дворжак; Фосслер – от него идут и Шпитцер, и Ауэрбах; Вальцель – эклектик, вопреки Жирмунскому, второстепенная фигура). Романской филологией Г<еоргий> П<етрович> не занимался; скорей уж я. О Древней Руси он писал прекрасно (Киев помогла ему понять меровингская Галлия). А о русских не сразу стал писать хорошо; мешало ему сперва интеллигентство и эсерство; даже в слоге его были какие-то надрывы и надрывные “красоты”, оттуда шедшие и меня немного раздражавшие. К концу он очень вырос; жаль, что рано умер» (Amherst. Vox 6).

¹⁵⁴ Весной 1968 европейские и американские университеты стали центрами массовых молодежных выступлений под левозэкстремистскими лозунгами. Во Франции центром возмущения, приведшего к уличным столкновениям, забастовкам и острейшему политическому кризису, была Сорбонна, оказавшаяся во власти восставших студентов. Вейдле в это время читал лекции в Нью-Йоркском университете, его американские впечатления

легли в основу серии репортажей на радиостанции «Свобода». В них он даже не упомянул об аналогичных мятежах, например, в Колумбийском университете.

¹⁵⁵ Черный Э.В. Грамматика гимназического курса. 10-е изд. М., 1897. Ч.1: Этимология.; 11-е изд. – 1900.

¹⁵⁶ Иван Иванович Гливенко (1868–1931) – историк литературы, представитель психологической школы. Профессор Харьковского и Московского университетов. В 1912 защитил в Санкт-Петербургском университете магистерскую диссертацию «Витторио Альфиери. Жизнь и произведения» (Т.1) и преподавал там в качестве приват-доцента историю западноевропейских литератур XVIII–XIX вв. Автор «Руководства к изучению итальянского языка» (1899).

¹⁵⁷ Паскуале Виллари (Villari; 1827–1817) – итальянский историк и политик, участник восстания 1848 г. в Неаполе, профессор Пизанского университета и Флорентийского института высших исследований, сенатор и министр просвещения. Основные работы: «Storia di Girolamo Savonarola e de'suoi tempi» (2 т. 1859–1861; русск. пер. – Т.1. 1914); «Niccolò Machiavelli e suoi tempi» (1877–1882; русск. пер. – Т.1-2. 1913). Вейдле также упоминает его книгу «L'Italia da Carlo Magno alla morte di Arrigo VII» (1910).

¹⁵⁸ В «Одиссее» Алкиной – царь процветающего острова Схерии, отец Навзикаи, которая нашла на берегу потерпевшего крушение Одиссея и ввела его во дворец, окруженный прекрасными садами.

¹⁵⁹ Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) – историк литературы и библиограф, приват-доцент по кафедре российской словесности (в 1896–1899 и с 1906). В семинарии Венгерова по Пушкину (с 1908) занимались многие впоследствии известные филологи-«формалисты», в том числе Ю.Н.Тынянов, В.М.Жирмунский, Б.М.Эйхенбаум и др.

¹⁶⁰ Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931) – теоретик права, профессор истории права. Член кадетской партии. С 1918 жил в Польше, профессор Варшавского университета.

¹⁶¹ Николай Иванович Кареев (1850–1931) – сверхштатный ординарный профессор всеобщей истории Санкт-Петербургского университета (с 1906). Доктор Московского университета (диссертация «Основные законы философии истории», 1884). Автор труда «История Западной Европы в новое время» (7 т., 1892–1917). Член 1-й Государственной Думы, кадет. При советской власти продолжал изучение Великой французской революции. С 1929 – почетный член АН СССР. Ср.: Анциферов. С.163-165. Вейдле был записан на лекции Кареева в 1915–1916, когда читался курс «Западноевропейская история XVIII–XIX вв.» (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.22об.-23).

¹⁶² Борис Александрович Тураев (1868–1920) – основоположник русской египтологии и эфиопистики. Ординарный профессор всеобщей истории (с 1910). Член-корреспондент (с 1913) и академик (с 1918) РАН. Вейдле слушал его курс «История Древнего Востока» в 1914/15 (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.21об.-22).

¹⁶³ Очевидно, речь идет о некоем Георгии Шенкене, правом студенческом лидере. См.: Анциферов. С.181-182.

¹⁶⁴ «Речь» (1906–1918) – ежедневная газета, центральный орган партии конституционных демократов.

¹⁶⁵ Подданный Российской империи имел право участвовать в выборах с 25 лет.

¹⁶⁶ Джон Морли (Mogley; 1838–1923) – английский государственный деятель, журналист, историк. Секретарь по делам Ирландии (1886 и 1892–1895) и по делам Индии (1905–1910) в правительствах либералов. Ср. русский перевод его известной книги: *Морли Дж. О компромиссе*. СПб., 1881. Уильям Юарт Гладстон (Gladstone; 1809–1898) – английский политический деятель, многократно возглавлял правительство либеральной партии.

¹⁶⁷ Ашока, правитель государства Магадхи на территории современных Индии и Афганистана (268–232 гг. до н.э.). Издал свод законов «Надписи Ашоки».

¹⁶⁸ Последняя строка третьего стихотворения «Ты нам дашь цветы лазурные, из слоновой кости Башня...» цикла «Tuttis ebumea» из книги «Сог Арденс» Вяч. Иванова. Курсив Вейдле.

¹⁶⁹ Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) – приват-доцент (1902) и сверхштатный исполняющий должность экстраординарного профессора славянской филологии (1915). Магистерская диссертация: Этюды о Петре Хельчицком и его времени. (Из истории гуситской мысли). Вып.1. СПб., 1908. Первый из преподавателей Петербургского университета, специализировавшийся на истории славян. В 1919 эмигрировал, преподавал историю славян в Праге. Вейдле записался на лекции Ястребова на осень 1915 – весну 1916, на курс «История западного славянства в век гуситства и реформации (XIV–XVII вв.)» (с общим введением в изучение славянства). См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.22об.–23; Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1915 года и в весеннем полугодии 1916 года. Пг., 1915. С.17 (далее: Обзорение, с указанием года).

¹⁷⁰ Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) – филолог, палеограф, книговед. С 1901 – экстраординарный, с 1907 – ординарный профессор по кафедре русской литературы (с 1915 – заслуженный ординарный профессор), член-корреспондент АН (с 1907). Вейдле слушал его общий курс истории русской литературы в 1914/15 учебном году (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.21об.-22).

Ср.: «Житейские условия не давали возможности сосредоточиться на большом труде, а натура самого человека не требовала этого: познавательные способности И<льи> А<лександрови>ча преобладали над творческими. В таких условиях, ех officio <по обязанности. – (лат.)>, появились магистерская диссертация И<льи> А<лександрови>ча “Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709)”. СПб., 1891. Она и осталась единственным крупным трудом И<льи> А<лександрови>ча. До самого конца своего И<лья> А<лександрови>ч был верен себе и ограничивался в печати статьями, заметками и изданием текстов и учеными предисловиями. <...> Великая война 1914 года и вызванное ею всеобщее нарушение житейского оборота тяжело отозвалась на здоровье И<льи> А<лександрови>ча. Он реже и реже стал появляться в Петрограде, стал жаловаться на здоровье и терял обыч-

ную бодрость и живость» (Платонов С. Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) // Русский исторический журнал. 1918. Кн.5. С.324–325).

¹⁷¹ Станислав Львович Пташицкий (1853–1933) – приват-доцент (с 1896), читал курсы истории польской литературы и польского языка, профессор Римско-католической духовной академии (1899). В 1918 уехал в Польшу, преподавал в Люблинском университете, в 1926–1932 главный директор Польских государственных архивов.

¹⁷² Станислав Кутшеба (Kutrzeba; 1876–1946) – автор многочисленных трудов по истории Польши. Очевидно, речь идет о книге «Очерки истории государственного и общественного строя Польши» (Т.1–4. 1905–1920), русский перевод: Т.1. СПб., 1907.

¹⁷³ Мундиры Ведомства благотворительных учреждений императрицы Марии Федоровны были темно-зеленого цвета.

¹⁷⁴ Ср.: Из неизданных бумаг А.С.Пушкина. СПб., 1903. Ср. библиографию: Очерк научной деятельности профессора И.А.Шляпкина (К 25-летию его учебной деятельности) / Сост. А.А.Громов. СПб., 1907.

¹⁷⁵ Александр Иустинович Малеин (1869–1938) – выпускник Историко-филологического института. Магистр («Марциал. Исследование в области рукописного предания поэта и его интерпретация») и доктор Московского университета. Приват-доцент Петербургского университета с 1904, профессор Историко-филологического института, преподавал также в Женском педагогическом институте (с 1913) и на Высших историко-литературных курсах Н.П.Раева (с 1914). Член-корреспондент РАН (с 1916). Им изданы следующие книги: *Корб Иоанн Георг*. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906; *Барон Сигизмунд Герберштейн*. Записки о московитских делах; *Павел Иовий Новокомский*. Книга о Московском посольстве. СПб., 1908; *Карпини Дж. да Пуано*. История Монгалов; *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. Перевод книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию» выполнен не Малеиным, как утверждает Вейдле, а А.М.Ловягиным (СПб., 1906). Вейдле посещал занятия Малеина по чтению и анализу «Фаст» Овидия весной 1914 (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.21).

¹⁷⁶ Иван Ильич Холодняк (1857–1913) – приват-доцент. С 1883 преподавал латынь на историко-филологическом факультете Петербургского университета, в Императорском историко-филологическом институте, экстраординарным профессором которого стал в 1897, с 1889 – латинский язык и литературу на Высших женских курсах. Основной труд – издание стихотворных латинских надгробий: *Carmina sepulcralia Latina epigraphica*. Petropoli, 1897; 2-е изд. – 1904. Некролог отмечает: «В 1904 г. И.И.Холодняк получил должность члена Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения. Он воспользовался этим для того, чтобы по мере возможности выводить рутину в наших школьных учебниках по латинскому языку и вносить в них несомненно новые научные данные, выработанные исторической грамматикой» (Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. <...> СПб., 1914. С.45). В осеннем семестре 1912/13 Холодняк читал курс «Тацит, избранные эпизоды из

“Историй” и “Анналов”, история-трагедия I века империи». Он также вел практические занятия для новопоступивших по чтению и анализу избранных мест Тита Ливия, на которые был записан Вейдле (см.: Обзорение 1912/13. СПб., 1912. С.6; ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.19об.-20).

¹⁷⁷ Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) – историк латинской литературы, издатель и комментатор Вергилия. В 1879 окончил Лейпцигский классический семинарий, которым руководил Отто Риббек (Ribbeck; 1827–1898). Магистр Санкт-Петербургского (1883) и доктор Дерптского университетов (1886). Приват-доцент Санкт-Петербургского университета с 1883, с 1909 – заслуженный ординарный профессор. С 1921 по 1939 профессор Варшавского университета. Ср.: Анциферов. С.157-161. Вейдле слушал лекции Зелинского по истории античной религии в 1912/13 учебном году, курс «Античная религия эллинической эпохи и зарождение христианства» в 1913/14 и курс античной лирики в 1914/15 (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.19об.-22). В программе 1914/15 учебного года осенний курс Зелинского обозначен как «Греческие лирики», весенний – «Гораций. Оды. Кн.II» (ср.: Обзорение 1914/15. Пг., 1914. С.6).

Для Зелинского Цицерон был образцом общественного деятеля, ему посвящен ряд работ ученого: 1) *Марк Туллий Цицерон. Речи против Верреса*. V книга. Ч.1. Текст. Ч.2 / Комментарии Ф.Ф.Зелинского. СПб., 1894 (2-е изд. – 1896); 2) *Зелинский Ф.Ф. О чтении судебных речей Цицерона в гимназиях* // Филологическое образование. 1894. Т.7. Отд.1. С.143-166; 3) *Он же. Цицерон в истории европейской культуры* // Вестник Европы. 1896. №2. С.661-701 (ср.: Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Ein Vortrag. Leipzig, 1897); 4) *Марк Туллий Цицерон. Полн. собр. речей* / Пер. В.А.Алексеева и Ф.Ф.Зелинского; Ред., введение и примеч. Ф.Ф.Зелинского. СПб., <1901>.

¹⁷⁸ Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) – историк античности и археолог. Доктор римской словесности Петербургского университета (с 1903). С 1899 его приват-доцент, с 1903 – экстраординарный, с 1908 – ординарный профессор. В 1918 через Швецию уехал из России, два года провел в Англии (Оксфорд), участвовал в антибольшевистских политических организациях. С 1920 в США, где принял кафедру древней истории Висконсинского университета, с 1925 – профессор Йельского университета (по 1939). Многолетний руководитель раскопок Дура-Европос, в 1939–1944 директор археологических исследований Йеля. Ниже речь пойдет о его книгах: *Rostovtzeff M.* 1) *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford, 1926; 2) *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. 3 vol. Oxford, 1941. Ср.: Анциферов. С.161-162. Вейдле слушал лекции Ростовцева по истории Римской империи в 1914/15 учебном году (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.21об.-22). В эмиграции он несколько раз обращался к творчеству Ростовцева. Ср. рец.: 1) *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925 / Российская Академия истории материальной культуры // Дни. 1925. 18 октября; 2) *Ростовцев М.* О Ближнем Востоке. Париж: Изд-во «Современные записки», 1931 // Современные записки. 1931. Кн.46. С.510-511.

¹⁷⁹ *Софокл. Драмы*. Т.1-3. М., 1914–1915.

¹⁸⁰ Греческое стихотворение, адресованное Зелинскому, см.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т.3. Брюссель, 1979. С.60.

¹⁸¹ Ср.: «...внеш<ний> облик перевода <Софокла> близок к пер<еводу> театра Еврипида, выполненному Анненским: в хоровых частях выдерживается (строже, чем у Анненского <...>) “размер подлинника”, но ремарки вводятся совершенно произвольно, ориентируя воображение читателя не на практику антич<ного> театра, но на театральную технику ибсеновской эпохи (редакторское вмешательство Зелинского в упомянутый перевод Анненского, обычно оправдываемое филологически и оспариваемое лишь из самоденности поэзии Анненского как таковой, вызвало полемику – см.: *Театр Еврипида.* Т. 2. М., 1917. С. IX-XXIII)» (*Аверинцев С.С.* Зелинский Ф.Ф. // *Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь.* М., 1992. Т.2. С.337). Также см.: *Гаспаров М.Л.* Еврипид Иннокентия Анненского // *Еврипид. Трагедии: В 2 т. / Пер. И. Анненского.* М., 1999. С.591-600). Начиная с 1891–1893, Анненский перевел все известные трагедии Еврипида. В 1916, 1917 и 1921 издательство М. и С. Сабашниковых выпустило три тома «Тетра Еврипида» (из шести) под редакцией Ф.Ф. Зелинского.

¹⁸² Ср.: «Поскольку античность – источник всего жизненного в европ<ейской> культуре, каждая группа европ<ейских> народов должна пройти через свое Возрождение; но если роман<ское> возрождение состоялось в эпоху Ренессанса, а герман<ское> – в эпоху Гете, то слав<янское> Возрождение, умудренное опытом обоих предыдущих, но богатое каким-то специфическим содержанием, ожидается в будущем. <...> Он <Зелинский> выступал перед “образованной публикой” как апостол и пророк нового Ренессанса, соединяя, как это обычно было для символист<ской> культуры, подлинное вдохновение с провалами вкуса, широту – с широковещательностью и глубину – с игрой в глубину: масштаб мысли достаточно значителен, но масштаб претензии заметно превосходит его» (*Аверинцев С.С.* Зелинский Ф.Ф. С.337).

¹⁸³ Этот фрагмент вызвал нарекания руководства радиостанции «Свобода», стремившегося сохранять видимость нейтральности политических оценок. На программном совещании 23 апреля 1974 по обсуждению программ Вейдле было высказано следующее замечание:

Бассараб. <...> Что касается политической линии, в данных беседах отклонения от нее нет. Но этого нельзя сказать об его других беседах. Так, в тексте о Ростовцеве Вейдле говорит “великая социалистическая беспощадная к нашей русской культуре революция”. В другом месте: “культурный разгром России был почти близок”. <...>

Рудин возразил ему. <...>

Панич и *Литвинов* поддержали г. Рудина. <...> *Литвинов* сказал, что упреки г. Бассараба <...>, что Вейдле пользуется антисоветскими клише, необоснованны.

Рональдс. <...> Вейдле – это совершенно особенный человек, и ясно, что это говорит именно он, а не высказывает мнение Р<адио> С<вобода>.

¹⁸⁴ Александр Иванович Введенский (1856–1925) – философ, экстраординарный и ординарный профессор, с 1912 заслуженный ординарный профессор. Преподавал в Петербургском университете с 1887. Председатель Санкт-Петербургского философского общества (с 1899). Вейдле слушал несколько его курсов, связанных со сдачей обязательных экзаменов. Осенью 1912 он посещал лекции по истории новой философии, весной 1913 – психологии, осенью 1913 – логике, весной 1914 – истории древней философии. 18 января 1914 Введенский принял у Вейдле экзамен по логике, 17 апреля – по введению в философию, 12 мая – необязательный экзамен по древней философии, 6 сентября – по психологии. Все оценки «весьма удовлетворительно» (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.14об.-15, 17об.-18, 19об.-21).

¹⁸⁵ Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) – философ-интуитивист и персоналист. Приват-доцент Петербургского университета с 1900. Докторскую диссертацию защитил в Московском университете в 1907. В 1922 выслан за границу, до 1945 жил в Чехословакии, затем в США и Франции. Вейдле записался на его курс «Введение в философию» (1912/13), экзамен по которому сдавал А.И.Введенскому (см.: Там же. Л.19об.-20).

¹⁸⁶ Сергей Федорович Платонов (1860–1933) – историк, экстраординарный профессор Петербургского университета (с 1890), ординарный (с 1897), заслуженный ординарный – с 1912. Академик РАН с 1920. Директор Пушкинского Дома и Археографической комиссии (до 1930). В январе 1930 арестован по сфабрикованному политическому делу. Умер в ссылке. Вейдле не записывался на лекции Платонова и слушал их, очевидно, вне обязательной программы.

¹⁸⁷ Михаил Дмитриевич Приселков (1881–1941) – исследователь русского летописания, источниковед. С 1909 приват-доцент истории церкви и русской истории. Профессор с 1918. В 1920-е работал в Русском музее. В 1936–1941 – профессор ЛГУ. Многие годы исследовал Лаврентьевскую летопись и занимался реконструкцией Троицкой летописи, главный труд – «История русского летописания XI–XV вв.» (Л., 1940).

¹⁸⁸ Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) – приват-доцент русской истории с 1907, профессор университета с 1918. Член-корреспондент РАН (с 1920). До революции изучал историю политических отношений в России до XVI в., после – занимался историей XIX в.

¹⁸⁹ Имеются в виду, очевидно, «Лекции по русской истории профессора С.Ф.Платонова» в издании Ив. Блинова (10-е изд. – Пг., 1917). Ср.: «...и в настоящем своем виде “Лекции” далеки еще от желаемой исправности. Живое преподавание и научная работа оказывают непрерывное влияние на лектора, изменяя не только частности, но иногда и самый тип его изложения. <...> Конечно, в печатной передаче этого материала остались еще и теперь некоторые недосмотры и погрешности; равным образом и конструкция изложения в “Лекциях” весьма нередко не соответствует тому строю устного изложения, которого держусь я в последние годы» (Лекции по русской истории профессора С.Ф.Платонова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1913. С.1-11).

¹⁹⁰ Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869–1908) – историк, окончил Петербургский университет, работал в Министерстве иностранных дел и Государственном архиве МИДа. Отсутствие степени из-за провала на

экзамене в 1895 не позволяло ему работать в университетах. С 1907 профессор истории русского права на Высших женских курсах. Исследователь феодальных отношений в России, реформ Петра I, русской общественной мысли и политических движений XVIII–XIX вв.

¹⁹¹ Сергей Васильевич Рождественский (1868–1934) – член-корреспондент РАН (с 1920), ученик С.Ф.Платонова. Репрессирован в 1930. Основная сфера интересов – развитие народного просвещения в XVIII–XIX вв. Приват-доцент Петербургского университета с 1897, экстраординарный профессор с 1913. Вейдле записался на курс русской истории Рождественского в 1914/15 г. (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.21об.-22).

¹⁹² В 1914/15 учебном году ни Приселков, ни Пресняков не читали лекций, а вели просеминарии «Церковь и государство в X–XV вв. на Руси» и «Московские летописные своды в связи с княжескими духовными и договорными грамотами». Пресняков, кроме того, вел семинар «Источники для истории Ивана Грозного» (см.: Обзорение 1914/15. С.24, 20).

¹⁹³ Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939) – один из ведущих представителей иконографического метода, исследователь византийского и древнерусского искусства. Ординарный (с 1903) и заслуженный ординарный (с 1915) профессор по кафедре теории и истории искусств. Вейдле слушал лекции Айналова в 1912/13 (история христианского и византийского искусства), осенью 1913 и весной 1914 (древнерусское искусство, романское и готическое искусство), осенью 1914 и весной 1915 (искусство Ренессанса). Он также был записан в его просеминарий с осени 1912 по весну 1914 (искусство Византии и Ренессанса). См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.17об., 19об.-22.

¹⁹⁴ Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) – специалист в области археологии Северного Причерноморья и древнегреческого искусства. Член-корреспондент РАН (с 1914), приват-доцент (с 1905), профессор (с 1919). Производил раскопки в Ольвии, Киеве (Десятинная церковь), Евпатории и др. В программе курсов на 1914/15 значатся лекции Фармаковского «Искусство древности с начала V в. до Рождества Христова» и просеминар «Искусство в святых местах греческого мира (особенно Дельфы и Олимпия)», на 1915/16 – курс «История античного искусства. Эпоха великих мастеров V в».

¹⁹⁵ *Айналов Д.В. Эллинистические основы Византийского искусства: Исследование в области ранневизантийского искусства // Записки Императорского Русского археологического общества. Т.12, №3-4. СПб., 1901. С.1-224; Ainalov D.V. The Hellenistic origins of Byzantine Art. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, <1961>.*

¹⁹⁶ «Оскар Вульф – профессор Берлинского университета, выдающийся ученый, историк раннехристианского и византийского искусства. Детство и молодость свою он провел в России, знает русский язык, сохранил привязанность к русской жизни и русской культуре. <...> Берлинский музей обязан ему своим иконным отделением, первым в западной Европе» (*Вейдле В. <Рец. на кн.:> Wulf Oscar. Die neue Russische Kunst. Augsburg: Filser, 1932 // Современные записки. 1934. Т.56. С.438-439.*

¹⁹⁷ Айналов Д.В. Мозаики IV и V веков: Исследования в области иконографии и стиля древнехристианского искусства // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. Т.248-300. С. 21-71, 94-155, 241-309.

¹⁹⁸ Ср.: Айналов Д.В. 1) Синайские иконы восковой живописи // Византийский временник. Т.9, вып.3/4. 1902. С.343-377; 2) Византийская живопись XIV столетия // Записки классического отделения Русского археологического общества. 1917. Т.9. С.62-230 и др.

¹⁹⁹ Работы Айналова об искусстве Возрождения см.: 1) Этюды по истории искусства Возрождения. I. К истории мозаики церкви S.Maria Maggiore в Риме. II. Живопись Джотто в нижней церкви Св. Франциска в Ассизи // Записки классического отделения Императорского Русского археологического общества. 1908. Т.5. С.214-252; С) К вопросу о росписи Stanza Eliodoro в Ватикане. Киев, 1912; 3) Vinciana. Этюды по изучению живописной манеры Леонардо да Винчи // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1927. Т.5. С.1-64; 4) Этюды о Леонардо да Винчи. Л.; М., 1939.

²⁰⁰ Дмитрий Дмитриевич Бушен (1893–1993) – живописец, график, сценограф. После университета работал младшим хранителем Эрмитажа, участвовал в выставках «Мира искусства». С 1925 жил в Париже. Историк искусства и критик, художник-график Сергей Ростиславович Эрнст (1894–1980) учился на историко-филологическом факультете одновременно с Вейдле. С 1925 – в Париже.

²⁰¹ Владимир Константинович Мясоедов (1885–1916) – ученик Айналова, окончил университет в 1907, младший ассистент при Музее древностей (с 1909) и приват-доцент по кафедре истории и теории искусств (с 1915).

²⁰² Согласно А.Кондиви, «Микеланджело имел намерение (оно осталось невыполненным <...>) для изображения ночи вырубить из мрамора мышь и для этой цели оставил на одной из гробниц небольшое мраморное возвышение. Он находил, что мышь так же все грызет и портит, как и всеразрушающее время» (Переписка Микеланджело Буонаротти и жизнь мастера, написанная его учеником Асканио Кондиви. СПб., 1914. С.37). О возможной символике странного зверька, изображение которого заметно на гробнице Лоренцо Медичи, см.: *Panofsky E. Tomb Sculpture. Four Lectures on Its Changing Aspects from Ancient Egypt to Bernini / Ed. by H.W.Janson. New York, <1992>. P.92.*

²⁰³ Микеланджело. «Мадонна у лестницы». Мрамор. Ок. 1491. Флоренция. Каза Буонаротти; Леонардо да Винчи. «Мадонна в скалах». 1480–1490-е. Париж, Лувр (вариант – около 1500. Лондон, Национальная галерея).

²⁰⁴ Эта фраза отсылает к одному из центральных искусствоведческих споров начала столетия. Франц Виххоф (Wickhoff; 1853–1909) и Алоиз Ригль (Riegl; 1858–1905) – основоположники Венской школы искусствознания. Благодаря их трудам был установлен новый взгляд на искусство Рима как на самостоятельный и полноценный феномен, а не искажение греческого наследия. Объектом критики Ригля была прежде всего концепция Йозефа Стшиговского (Strzygowski; 1862–1941) – австрийского историка искусства, профессора Венского университета (с 1909), автора сенсационной книги «Восток или Рим», в которой доказывалось «восточное» происхождение

христианского, в том числе византийского, искусства (*Strzygowski J. Orient oder Rom. Beiträge zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst. Leipzig, 1901*). Позднее Стшиговский выдвинул гипотезу о решающем северном влиянии (связанном, в свою очередь, с усвоением азиатского наследия) на сложение европейского искусства, прежде всего готики.

Взгляды Айналава на эллинистические истоки византийского искусства перекликались с идеями Стшиговского. В обстоятельной рецензии на «Восток или Рим», полемизируя с Викхофом, он в то же время отметил некорректное обращение Стшиговского с фактами и дал следующую оценку его работы в целом: «Весьма интересная, изобилующая новыми материалами книга Стржиговского <sic!> составлена довольно поспешно. Она хороша, однако, тем, что вводит изданный им материал в круг научного знания, хотя и не всегда с достаточной научной основательностью» (Византийский временник. Т.9, вып.1/2. 1902. С.138-152).

Отвечая 11 марта 1975 Юрию Иваску, Вейдле писал: «Никогда я Стриговского <sic!> не упоминал. Терпеть не могу этого знаменитого (в начале века) венского византиста, позднее впавшего в “северный” расизм...» (Amherst. Vox 6). Взгляды Стшиговского и форма их выражения были неприемлемы для европоцентриста Вейдле. Ср.: *Weidlé W. Le Nord et le Midi dans l'art Européen // Critique. 1947. 11 Avril. P.321-331* (рец. на кн.: *Strzygowski J. Europas Machtkunst im Rahmen des Erdreises. Vienne, 1941; Worringer W. L'art gothique. <Paris:> Gallimard, 1941*).

²⁰⁵ Иван Михайлович Гревс (1860–1941) – историк, окончил Петербургский университет в 1884, защитил магистерскую диссертацию «Очерки по истории римского землевладения, преимущественно во время Римской империи». Приват-доцент в 1889–1900 и с 1902, с 1903 – экстраординарный, с 1907 – ординарный профессор (до 1923). В 1921–1924 был главой Гуманитарного отдела Петроградского экскурсионного института, с 1925 сотрудничал в Центральном бюро краеведения. В 1930 находился под арестом. С 1934 снова преподавал в университете. См.: Анциферов. С.165-178 и др. Вейдле слушал его лекции в 1912/13 («Зарождение средневековой духовной культуры»), в 1913/14 («Развитие средневековой культуры»), в 1914/15 («История Италии в средние века») и в 1915/16 («Культура феодализма»; в программе последний курс обозначен как «История средневековой культуры романских стран (преимущественно Франции) в феодальную эпоху»). Он также занимался в просеминарии «Дино Компаньи и Флоренция времен Данте» в 1914/15. См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.19об.-23.

²⁰⁶ Нюма Дени Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges; 1830–1899) рассматривал становление средневекового общества как процесс постепенного преобразования поздней Римской империи, отрицал воздействие германских племен на сложение европейской цивилизации. Главные труды – «Гражданская община древнего мира» (1864, русск. пер. – М., 1867) и «История общественного строя древней Франции» (1888–1892, русск. пер. т.1-6 – СПб., 1901–1916). Последняя книга была рекомендована для изучения слушателям курса «История средневековой культуры романских стран в феодальную эпоху». См., например: Обозрение 1915/16. С.19.

²⁰⁷ И.М.Гревс любил Р.Роллана, переводил «Жана Кристофа» и с энтузиазмом воспринял выступления писателя против мировой войны в защиту

гуманизма и общечеловеческой культуры. См.: Анциферов. С.171-173, 428-429.

²⁰⁸ Габриэль Тард (Tarde; 1843–1904) – социолог и криминалист. Центральное положение его концепции – неразрывная связь подражания и общественной жизни: «общество есть подражание» («la société c'est l'imitation»). Полному господству повторяемости препятствует то обстоятельство, что повторяющиеся ряды вторгаются один в другой, решающим фактором развития является «инновация», зависящая от индивидуальных свойств личности и ее инициативы. Затем подражание воспроизводит то, что поначалу было нарушением повторения, и т.д. Тард исследовал психологию массы (кн. «Преступления толпы»; русск. пер.: Казань, 1893). Вейдле имеет в виду его книгу «Les lois de l'imitation» (1890) (русск. пер.: Законы подражания. СПб., 1892).

²⁰⁹ Лев Платонович Карсавин (1882–1952) – историк и религиозный мыслитель, приват-доцент по кафедре всеобщей истории с 1912, экстраординарный профессор с 1918. В 1922 выслан за границу. Жил в Литве, преподавал в университете Каунаса. После присоединения Литвы к СССР арестован и заключен в лагерь, где скончался. Вейдле слушал курс Карсавина в 1915/16 – «История и система средневекового мирозерцания» и занимался в его просеминариях: в 1913/14 – «Религиозность в Средние века», 1915/16 – «История мистики в Средние века» (См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.20об., 22об.-23; Обзорение 1915/16. С.22). Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета принадлежит экземпляр книги: Карсавин Л.П. Поэма о смерти. Atspauda iš «Eranus». II knygos. Kaunas, 1932, подписанный: «Дорогому Владимиру Васильевичу после долгой разлуки от любящего автора его (автора) лебединая песнь. 1935. I. 23. Paris» (шифр книги: SEEC 1502 gb).

Ср. очерк: Вейдле В. Брат балерины (Л.П.Карсавин) // Новое русское слово. 1977. 3 июля (также: Вейдле В. О тех, кого уже нет. С.417-420).

²¹⁰ Ольга Антоновна Рождественская (урожд. Добиаш; 1874–1939) – историк, окончила Высшие женские курсы, магистр Петербургского университета, приват-доцент (с 1915). Первая в России женщина, защитившая докторскую диссертацию по всемирной истории (1918). Член-корреспондент АН СССР (с 1929). Вейдле слушал ее курс «Крестовые походы» в 1915/16 и посещал практические занятия (см.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.22об.-23). «Под руководством приват-доцента Добиаш-Рождественской в осеннем полугодии 1915 года с группой студентов (в составе 6 человек) происходили упражнения в чтении и анализе палеографических отрывков, представлявших образцы так называемых “национальных” шрифтов раннего Средневековья. Задачей этих упражнений являлось – ознакомить студентов с элементами вспомогательных наук медиевиста: латинской палеографии и исторической хронологии» (Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1915 год <...> Пг., 1916. С.134). Леонид Яковлевич Ганчиков, учившийся в Петроградском университете на два-три года позже Вейдле и занимавшийся в семинариях Карсавина, Добиаш-Рождественской, Гревса, вспоминал занятия по палеографии, «где Вы так блистали своими аккуратнейшими работами; у Карсавина мы занимались бельгийской мистикой – был очень хороший

год – предреволюционного подъема» (письмо из Орвието от 3 февраля 1935. – ВА. Вох 5).

²¹¹ Выдержав экзамен на степень магистра, в 1915 Оттокар стал приват-доцентом. В 1915/16 Вейдле был записан на его курс «Города Бельгии в Средние века» (См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.22об.-23). Французским городам средневековья посвящены книги: *Оттокар Н.П.* Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919; *Оттокар N.* Le citta francesi nel medio evo: saggi storici. Firenze, 1927.

²¹² *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. Пг., 1915. Докторская диссертация защищена 27 марта 1916. Связанная с диссертацией дискуссия документально восстановлена: *Клементьев А.К., Клементьева С.Ю.* Послесловие // Карсавин Л.П. Сочинения. Т.2. СПб., 1997. С.397-418.

²¹³ Ср.: «Дождитесь безоблачно-ясного утра, встаньте вместе с солнцем и пойдите в Santa Croce с хорошим биноклем в кармане, который поможет вам рассмотреть не один шедевр» (*Рескин Дж.* Прогулки по Флоренции. Заметки о христианском искусстве / Пер. А.Герцык. СПб., 1902. С.5). В оригинале книга называется «Флорентийские утра»: *Ruskin J.* The Mornings in Florence being simple studies of Christian art for English Travellers. New York, 1902.

²¹⁴ Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1863–1929) – основоположник Казанской и Петербургской лингвистической школ. Его теория фонем нашла развитие в трудах Пражского лингвистического кружка (Н.М.Трубецкой, Р.О.Якобсон). Приват-доцент Петербургского университета, ординарный профессор с 1901, заслуженный ординарный профессор – с 1905. За опубликование работы «Национальный и территориальный признак в автономии» (1907, изд. 1913) отдан под суд, 20 октября 1914 уволен из университета. Три месяца (вместо двух лет по первоначальному приговору) провел в петербургской тюрьме «Кресты». В 1917 вернулся в университет, но в 1918 уехал в Польшу, где стал почетным профессором Варшавского университета. Вейдле посещал его лекции по курсу «Введение в языковедение» в 1912/13 и проходил обязательное поверочное испытание 30 апреля 1913 (оценка «весьма удовлетворительно»). См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.14об.-15, 19об.-20.

²¹⁵ «Курс общей лингвистики» (Cours de linguistique générale, 1916) швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (Saussure; 1857-1913).

²¹⁶ Попытки избавиться от заикания, которое постепенно ушло во время учебы в университете, Вейдле описывает в рассказе «Мнимые вымыслы» (Новый журнал. 1976. Кн.125. С.74-77).

²¹⁷ Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) – историк, источниковед и археограф. Академик (с 1899). Вейдле слушал его курс по методологии истории в 1912/13 и осенью 1913, а также сдавал экзамен по философии и методологии истории 4 мая 1915 – «весьма удовлетворительно». См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.16об.-17, 19об.-20об.

²¹⁸ Семен Людвигович Франк (1877–1950) – участник сборников «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909). Приват-доцент Петербургского университета с 1912, затем профессор Саратовского (1917–1921) и Москов-

ского университетов (1921). В 1922 выслан за границу, жил в Германии, Франции и Великобритании. В 1914/15 читал курс введения в философию и вел семинарий по «Этике» Спинозы, в 1915/16 – курс социальной философии. С.Л.Франку посвящен ряд публикаций Вейдле: 1) *Запретный плод // Зарубежье* (Мюнхен). 1965. №3. С.1-2 <о книге С.Франка: *Душа человека. С нами Бог*. Париж: YMCA-Press, 1964>; 2) *Отец и сын. Памяти С.Л. и В.С.Франка // Русская мысль*. 1975. 25 декабря; 3) *Разум сердца. К столетию со дня рождения Семена Людвиговича Франка // Русская мысль*. 1977. 3 февраля.

²¹⁹ М.И.Ростовцев вел ряд семинариев и практических занятий. Так, в 1913/14 его темами были «Источники по истории Александра Великого» и чтение и интерпретация греческих папирусов. В 1914/15 был объявлен семинарий «Источники по истории Гракхов», причем специально отмечалось, что от студентов «требуется основательное знание греческого» (Обозрение 1914/15. С.6).

²²⁰ Эрвин Давидович Гримм (1870–1939 или 1940) – ординарный профессор всеобщей истории (с 1907). Ранние работы посвящены развитию римской императорской власти, впоследствии изучал новую европейскую историю и международные отношения. Ректор университета с 1911 по 1918. После революции стал активным политическим противником большевиков, эмигрировал, затем возвратился, жил в Москве, сотрудничал в ряде научных учреждений. Ср.: Анциферов. С.162-163, 427-428, 473-474 (коммент. А.И.Добкина). Вейдле записался на его курс «Западноевропейская история XIII–XVII вв.» в 1915/16. См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.22об.-23.

²²¹ Александр Александрович Васильев (1867–1953) – приват-доцент всеобщей истории с 1912. Работы этого периода посвящены византийско-арабским отношениям. В 1917–1925 профессор Петроградского университета, член-корреспондент РАН (1919). Летом 1924 выехал в Европу, в 1925 по приглашению М.И.Ростовцева занял кафедру в Висконсинском университете (до 1938), став основоположником американской византистики. С 1944 по 1953 научный сотрудник и scholar emeritus Византийского института Dumbarton Oaks (Вашингтон). Вейдле слушал его лекции по истории Византии в 1914/15, 11 апреля 1915 сдал экзамен с оценкой «весьма удовлетворительно». См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.16об.-17, 21об.-22.

²²² «Monumenta Germaniae Historica» (MGH; «Памятники истории Германии») – многосерийное издание источников по истории Германии с 500 по 1500 г. Публикация начата в 1826 Обществом по изучению ранней германской истории, с 1946 изданием занимается институт MGH – Германский институт по изучению средневековья (Мюнхен).

²²³ Издание житий святых, начатое в XVII в. антверпенским иезуитом Росвейдом и продолженное его братьями по ордену, в том числе Болландом (Bolland; 1596–1665). Колоссальная публикация продолжается до сих пор в сопровождении серии справочников и периодических изданий.

²²⁴ Речь, видимо, идет об одиннадцатитомном издании: Augustinus. Opera, emendata studio monachorum ordinis S.Benedicti <...> Parisiis, 1679–1700.

²²⁵ Шарль Дюканж (Du Cange; 1610–1688) – французский историк и филолог, издатель текстов, одним из первых применивший метод критики ис-

точника. Главный труд – фундаментальный «Словарь средневековой латыни», не утративший значения до сих пор (Glossariu, ad scriptores mediae et infimae latinitatis, 1678). Словарь включает введение о причинах порчи латыни, биобиблиографический справочник о пяти тысячах средневековых писателей и лексикон из 14 тысяч слов. Составил также словарь средневекового греческого языка (1688). Жак Мари-Жозеф-Луи де Мас Латри (Mas Latrie; 1815–1897) – французский архивист и палеограф. Речь идет, скорее всего, об издании: Trésor de chronologie d'histoire et de géographie pour l'étude et l'emploi des documents du moyen âge. 6 vol. Paris, 1889.

²²⁶ Джованни Доменико Манзи (Mansi; 1692–1769) – итальянский историк церкви, архиепископ Лукки. Главная работа – «Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio» – во флорентийском издании 1757–1798 состояла из 31 тома (переиздана в Париже в 1900–1927, 59 т.). Жан-Поль Минь (Migne; 1800–1875) – французский священник, издатель творений церковных писателей. Главный труд – «Patrologiae cursus completus». Латинские сочинения церковных писателей со II по XII в. входят в «Series Latina» (1844–1856, 2-е изд. – 1877), греческие до XV в. – в «Series graeca» (1857–1866; греческий подлинник и латинский перевод). Всего Минем издано около двух тысяч томов.

²²⁷ В «Обзрении преподавания наук на историко-филологическом факультете <...> на 1914–1915 учебный год» значителен, что Л.П.Карсавин читал курс «История мистики в Средние века» и вел просеминарий «Социально-экономический строй Каролингской монархии» (С.18). В то же время университетский отчет сообщает, что «приват-доцент Л.П.Карсавин вел в весеннем полугодии 1915 г. просеминарий по изучению Capitulare de villis; в осеннем полугодии 1915 г. просеминарий – История мистики в Средние века. Изучались Jacobi de Vitriaco, Vita Mariae de Oignies; Thomae Cantipratani, Vitae Christinae Mirabilis et S.Lutgardis и Vita B.Margaretae Iprensis (Choquetius, Sancti Belgi)» (Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1915 год <...>. Пг., 1916. С.135).

²²⁸ Владимир Францевич Левинсон-Лессинг (1893–1972) – историк искусства, поступил на историческое отделение историко-филологического факультета в 1911, в 1916 был оставлен на кафедре всеобщей истории (руководитель И.М.Гревс). После революции работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины, в Русском музее. С 1921 по 1972 был сотрудником Эрмитажа, в том числе с 1936 – заведующим отделом западноевропейского искусства, в 1956–1967 – заместителем директора по научной работе. Вейдле помнил об университетском товарище и несколько раз обращался к нему в своих передачах и сочинениях. Так, в передаче 17 июня 1953, посвященной картинам, проданным из советских музеев, упомянут не названный по имени «несчастный заведующий западноевропейским отделом» (ВА. Вох 22). Вейдле опирался на запись передачи московского радио от 5 июня 1953, в которой Левинсон-Лессинг рассказывал о формировании западноевропейской коллекции музея (ср.: ВА. Вох 38). В очерке, также посвященном проданным картинам и обстановке лжи, которая окружала это событие, Вейдле воссоздает свое воображаемое посещение Эрмитажа: «Но тут – чьи-то шаги в соседнем зале, кто-то идет сюда, в “Большой просвет”. Начальство здешнее? Да ведь это университетский мой товарищ! Поседел,

постарел, как я, но узнаю. <...> Чего он только не натерпелся – и тогда, и за все это время... Владимир Францевич, милый! Но что же я ему скажу? Обнял бы его, а потом? “Друг мой, не хотел бы я быть на вашем месте. Как это вы...”

Слава Богу, что это – мечта, пустая, пустая мечта». – Вейдле В. Каталог Эрмитажа // Вейдле В. Безымянная страна. Paris, <1968>. С.107.

²²⁹ Иван Дмитриевич Андреев (1867–1927) – окончил Московскую духовную академию, магистр богословия (диссертация «Константинопольские патриархи от времени Халкидонского собора до Фотия», 1895). Исполняющий должность экстраординарного профессора Петербургского университета с 1907. В 1910–1911 – проректор. Вейдле слушал его общий курс «История церкви» в 1912/13 и сдавал экзамен 3 сентября 1913 («весьма удовлетворительно»). См.: ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Ед.хр.60644. Л.16об.-17, 19об.-20.

²³⁰ Юлиус Вельхаузен (Wellhausen; 1844–1918) – ориенталист-семиолог, глава историко-критической школы, произведший переворот в изучении текстов Ветхого Завета. Британская энциклопедия сравнивает его роль в библеистике с ролью Дарвина в биологии. Основные работы: *Geschichte Israels* (1878); *Komposition des Hexateuch und der historischen Bücher des Alten Testaments* (1889); *Israelitische und Jüdische Geschichte* (1894).

Адольф фон Харнак (Harnack; 1851–1930) – теолог и историк церкви, ведущий исследователь патристики. Окончил Дерптский университет, преподавал в Гиссене, Марбурге и Берлине. Инициатор издания ранних христианских писателей и серии «*Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur*» (с 1882). Основные работы: *Geschichte der christlichen Literatur bis Eusebius* (История христианской литературы до Евсевия, 1893), *Chronologie der altchristlichen Literatur bis Eusebius* (Хронология христианской литературы до Евсевия, 1897–1904).

²³¹ Пауль Вендланд (Wendland; 1864–1915) – профессор университетов в Киле, Бреслау и Геттингене. Речь идет о его книге «*Die hellenistisch-römische Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Christentum*» (1-е изд. – 1907).

(Продолжение следует.)

МЕМУАРЫ ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ*

Публикация Инны Соловьевой

Интерес к мемуарам Веры Николаевны Павловой вряд ли может быть вызван звонкостью имени: оно, это имя, не звенело и в годы, на которые пришлось лучшая пора жизни актрисы. Младшая соученица выпускников Филармонического училища – Ольги Книппер, Ивана Москвина, Маргариты Савицкой, Всеволода Мейерхольда, – она завершала свое артистическое обучение, включившись в работу театра, куда позвал ее «мастер», ее педагог. Владимир Иванович Немирович-Данченко знал цену таким, как эта его ученица, преданным, «доброкачественным», чтущим дело, которому служат по мере сил.

Актриса Московского Художественного¹ с его основания, Вера Павлова играла в его спектаклях роли, вряд ли памятные даже и знатоку драматургии: первая исполнительница роли певицы в «Трех сестрах» (1901), кумы во «Власти тьмы» (1902), жены слесаря в «Детях солнца» (1905), учительницы Петровой в «Иване Мироныче» Чирикова (1905), Прасковьюшки в «Степах» Найденова (1907), «первой тетки» (так значилось в афишке «Братьев Карамазовых», 1910), Варвары Ивановны в тургеневском спектакле («Где тонко, там и рвется», 1912), Обноскиной в «Селе Степанчикове» (1917). Роли, достававшиеся ей как «вводы», бывали позаметнее (учительница Цветаева в «Мещанах» Горького, мамаша Глумова в комедии Островского «На всякого мудреца...»), но поворотом в актерской судьбе не становились. Работала она и в костюмерной МХТ – и, вероятно, с успехом, раз к ее услугам по этой части обратился Сергей Дягилев; Павлова помогала Константину Коровину, делая костюмы для знаменитых полонецких плясок в «Князе Игоре»; ею были довольны, но имени ее на афише «Русских сезонов», какжется, не появлялось.

* Публикация подготовлена в научно-исследовательском секторе Школы-студии (вуз) им. В.И.Немировича-Данченко при МХАТ по материалам Музея МХАТ.

¹ С 1919 – Московский Художественный академический театр.

Самое замечательное в том, как описывает Вера Павлова свою жизнь в Художественном театре (да и вообще свою жизнь), – это спокойный, удовлетворенный, светлый тон воспоминаний. И не то, чтоб ранние годы окутывались радостной дымкой: рассказ начинается с упоминания о смерти, о том, как ездят на могилу матери. Никакой – ни наигранной, ни искренней поэтизации в картинах прошлого. Взявшись за перо, Вера Павлова верна своей природе «бытовой», «характерной» артистки: берет предмет крепко и конкретно, передает в красках узнаваемых и ярких, в обилии примет. Плюс дар простейшей правдивости – идет ли речь о собственных чувствах или о том, чему волей-неволей довелось быть свидетельницей. Светлый тон в воспоминаниях не столько от жизнерадостности пишущей, сколько от унаследованных правил. Именно они, эти правила терпения и благодарности, определяют отсеб фактов и освещение их.

В дальнейшем – как в диаспоре, так и в России – правила будут изменены. Память станет неблагоприятна, будет перегруппировывать факты остро, страдальчески и мстительно. Но те воспоминания, которые оставила Павлова, написаны еще по правилам старым.

Павлова, русская по отцу, по матери была в родстве с тем кругом, который в Москве составляли «русские немцы». Тут слово «немцы» поставлено в том значении, какое оно имело со времен Немецкой слободы: «природные московские иноземцы». Они могли быть англичанами, шведами или французами, неважно. Мелькают фамилии – Колли, Катугар, Вауер, Леве, Лист... Судьба их, иногда известная, а иногда не известная мемуаристке, в советские годы была, как правило, ужасна, хотя случались и исключения: например, кузен Павловой архитектор Николай Колли или родственница ее, режиссер Вера Редлих дожили свои жизни в СССР в почете и умерли своей смертью. Во втором своем замужестве Вера Павлова соприкасалась с тем же кругом: ее супруг, Александр Васильевич Цингер, принадлежал к семейству известных ученых (тут и физики, и астрономы, и ботаники – цвет нашей профессуры XIX века).

В мемуарах рассказано, как по возвращении в послереволюционную Москву жили некоторое время в тревоге, что за Александром Васильевичем придут, – по своему научному реноме он имел шансы попасть на «пароход философов», высылаемых из советской России. Сложилось, однако, иначе: семья уехала за границу осенью 1922 с советскими паспортами; предполагалось, что цель отъезда – лечение.

Александр Васильевич действительно был давно и тяжело болен (спондилез). Несколькими годами ранее необходимость ухаживать за ним и советы врачей воспользоваться теплым сухим климатом заставили его жену отделиться от «качаловской группы», с которой она уехала из Москвы в начале лета 1919, и остаться в Крыму. Потом их застало тут то самое, что описано Иваном Шмелевым в его «Солнце мертвых». За границей Александр Васильевич брался за воспоминания о Льве Толстом – в Ясной Поляне бывал еще студентом, бывал много раз и позднее; приезжал на дни рождения, потом на могилу; помогал разобраться в бумагах; в дневниках Софьи Андреевны о нем упоминается несколько раз: «умный и живой», «милый человек».

Цингер дожил до 1934 года. К этому времени еще держалась, хотя становилась все прерывистой, связь с Москвой (в России остались дети Цинге-

ра от первого брака и сын Веры Николаевны, тоже от первого ее замужества). Школьным пособием в СССР оставались цингеровские «Задачи и вопросы по физике»; его «Начальная физика» в 1931 была переиздана в 20-й раз. В Ленинграде в 1928 году вышла его «Занимательная ботаника. Пестрые беседы любителя» (среди иллюстраторов был сын, Олег Цингер), эта книжка до наших дней выходила шесть раз, если не считать периферийных изданий. Это могло бы быть материальным подспорьем, но из СССР гонорары за рубеж не переводили – разве что в порядке исключения и по особому распоряжению. Скажем, по ходатайству Горького.

Деньги с начала тридцатых семье Павловой были нужны позарез.

Своих горестных писем с просьбами про деньги, которые посылала в 1933 и 1934 годах, Вера Николаевна стыдилась, просила порвать (адресат просьбы не выполнил).

Казалось бы, и владение языком (второй родной), и дружеские и родственные связи в Германии должны были облегчить жизнь в эмиграции, но не облегчили. Если все же что-то и облегчало эту долгую жизнь (по нашим сведениям, Павлова умерла в Париже в 1962 году, ей было под девяносто), то это московский запас терпения и работоспособности. Как у многих, разделявших ее судьбу (позволяю себе судить по мемуарам сверстниц Павловой), в ней оставалась еще и способность ощутить доброту дня.

Мемуары Павловой – свидетельство человека, каких много, «типичного». Если хотите – это мемуары хорошего заурядного человека, которому довелось жить вторую половину своей жизни в обстоятельствах катастрофы, вовлекшей в себя сотни тысяч. Слово «катастрофа» – одно из сквозных слов в этом повествовании (чаще встречаются только слова «уютный» и «неуютный»). В этих текстах нет трагического взлета мысли, ничего похожего на общения – только конкретика, только быт. Быт бегства и быт привалов – все в равной мере схвачено ясной памятью «характерной актрисы».

Собиралась ли Павлова продолжить свой рассказ? Рукопись выглядит неоконченной. Но пока прочтем начало.

Что я помню о своем детстве? Немного, и то только обрывками. Вот небольшая, крепкая старуха в белом чепце, с черным, по праздникам лиловым бантом поверх седых волос. Это Альма Ивановна (я зову ее просто «Альма»). Она ведет весь наш дом и мое воспитание, так как мамы у нас нет, она умерла через 10 дней после моего рождения. О маме я знаю не много. На фотографиях она красивая высокая дама. По рассказам тети, она была на 18 лет моложе папы, очень веселая и живая, любила танцевать и хорошо пела. Папа о ней не говорит никогда. Только весной мы берем извозчика получше и едем с папой на могилку мамы на Ваганьковском кладбище. Иногда я беру в бутылке веточки вербы, пустившей ростки, и сажаю их на могилке. Путешествие это мне представляется необычайно длинным и утомительным.

Альма Ивановна до поступления к нам была в двух семьях: у Бибиковых и у Щербатовых. Ее любимая воспитанница, Мари Щерба-

това, постоянно ставилась мне в пример, и я ненавидела ее всей душой. Альма Ивановна была старинного, немного чопорного воспитания, и со мной ей, верно, было много огорчений. Смутно вспоминаю рассказы Альмы Ивановны о каких-то приемах во дворце, куда та возила своих воспитанниц. Тогда в большом зале воздвигалось посередине большое круглое возвышение вроде стола, и на этом возвышении танцевали дети поменьше. И государь иногда сам поднимал туда ту или другую девочку. Тогда, ребенком, эти рассказы меня мало занимали, а, верно, было в них много интересного. Брат ее воспитанницы Бибиковой был одним из декабристов, сосланных в Сибирь.

При мне есть няня, которая меня умывает, одевает, причесывает, гоняясь с гребенкой за мной по комнате, беспрестанно приговаривая:

– Не мытарь ты меня, не мытарь!..

Няня водит меня гулять на Тверской бульвар или тайком в какую-нибудь церковь. На углах улиц нередко сидят убогие фигуры болгар, мужчин и женщин. Они раскрывают свои лохмотья, показывая отвратительные, едва зажившие раны, и просят милостыни. Однажды, выйдя на прогулку, няня таинственно шепнула мне:

– Пойдем в Страстной, поклонимся Скобелеву, Михаилу Дмитриевичу! Только ты смотри, Альме Ивановне не говори!

И церковь и двор Страстного монастыря переполнены народом. Но толкотни нет. Одни идут левой стороной, другие выходят с правой стороны, одни за другими. Тишина, многие плачут. Мне жутко, но мы уже попали в ряды входящих людей – надо идти вперед. Посреди церкви большой катафалк, кругом все цветы и венки, горы венков. Люди подходят, поднимаются на ступеньки, нагибаются и сейчас же отходят в сторону. У самого гроба няня меня поднимает, и я вижу белокурую бороду, расчесанную на две стороны, забинтованную чем-то голову и часть бледного лица. Я со страхом целую золотой покров, и няня утаскивает меня от гроба. Мне страшно и очень любопытно. Почему голова обвязана? Почему столько людей с ним прощаются? Няня очень смутно мне что-то объясняет и, главное, просит:

– Не говори Альме Ивановне!

Кроме няни у нас есть еще горничная Наталья. Она поступила кормилицей к брату Мите, потом перешла горничной к маме и теперь ходит за папой и Митей и подает на стол. Кухарки за первые 19 лет моей жизни менялись три раза. Первая, которую я помню, была маленькая, сухонькая старушка. Она была еще из крепостных моего деда, помещика Орловской губернии. Носила всегда темное платье с белым горошком и на голове чепчик, который завязывала под подбородком. В раздражении стучала сковородками и кастрюлями и кричала:

– Ах, чтоб тебе попритчилось!

Я ее боялась. После нее была моя бывшая кормилица, веселая, жизнерадостная баба. Где она приобрела свои кулинарные познания, уж не знаю, помню только, как удивлялись ее умению состряпать и подать. После ее преждевременной смерти, которую я очень оплакивала, появилась старшая сестра горничной Натальи, Груша, или Аграфена Николаевна, как ее звали все, кроме Альмы Ивановны. Она прожила у нас 15 лет.

Затем был еще дворник в красной или синей рубаше навыпуск под жилеткой и в белом фартуке. Дворники менялись почти каждую осень, когда им приходилось уходить «в солдаты». Из дворников помню особенно одного – Федота, который прожил у нас несколько лет, так как его в солдаты не взяли, и он, отбив осмотр, вернулся к нам. Я, помню, стояла за креслом Альмы Ивановны, когда она на-нимала Федота. После длительного допроса прием его к нам был решен.

– Ну, хорошо, я тебя беру, – сказала Альма Ивановна, – но только Федот – это нехорошо, мы будем звать тебя Федор.

Так и сделался Федот – Федором. Этого Федота-Федора я очень любила. Такой он был чистый, какой-то свежий и очень деликатный. Помню, как, лежа в постели с какими-то недомоганиями, я смотрю, как он, осторожно ступая по паркету, разносит запровленные лампы или по утрам протирает суконкой полы.

Главой нашей семьи был отец. Он высокий, хорошо сложенный человек, с которым я иногда по утрам пью кофе и обедаю вечером. В десять утра он уезжает в свою контору (он нотариус) и приезжает в пять с половиной часов к обеду. Папа всегда ласков, но серьезен и малоразговорчив. После обеда он уходит в кабинет и долго раскладывает пасьянс. Потом переходит в спальню и сидит там с книгой в кресле около камина до двух-трех часов ночи. Когда мы в столовой пьем вечерний чай, я отношу ему на подносике стакан крепчайшего чая. Иногда я присаживаюсь к нему на ручку кресла. Я знаю, что он нежно любит меня, я сама люблю его крепко, но в нашу детскую жизнь он как-то не вмешивается и настолько не в курсе нашего воспитания, что однажды обратился ко мне с каким-то вопросом по-английски и был очень удивлен, когда я сказала, что не учусь по-английски.

Есть у меня еще брат Митя. Он старше меня на четыре года, и мы с ним почти не играем. Он презирает меня как девочку и за какую-нибудь обиду, нанесенную мне, быстро изгоняется моими телохранительницами. Жизнь течет мирно, однообразно, день за днем, год за годом. Митя начинает ходить в частную гимназию Креймана. Утром я не без зависти слежу за тем, как Альма Ивановна готовит Мите бутерброды в гимназию. Она разрезает толстую часть калача, мажет маслом и кладет туда ломти ростбифа, телятины или кусочки

рябчика. Иногда и я тут же получаю половину ручки калача с маслом.

К десяти часам утра няня отводит меня к «тант Терезе»; это сестра дяди Адольфа Каспари, я беру у нее уроки французского и немецкого. Каждый урок начинается чтением нескольких строк из Евангелия, один день по-немецки, другой по-французски. Глубоко религиозная, тетя Тереза и мне всеми силами старается привить хоть малую долю своей веры. Иногда я застаю ее лежащей на кушетке с головой, обмотанной оренбургским платком. У нее мигрень, от которой она страдает часто. К стыду моему должна сознаться, что мне ее чуть-чуть жаль (я тогда еще не знала, что такое мигрень!), но я страшно рада, что урока не будет. После урока я шла домой, и там меня часто уже ждала учительница русского языка и математики. С ней же я проходила историю, словесность и Закон Божий. Учусь я неважно, люблю только историю и литературу, впрочем, арифметика дается мне легко. После завтрака иду гулять с няней, после чая готовлю уроки или играю в няниной комнате, а няня сидит за маленьким «ее» самоварчиком и пьет бесконечно чай.

Все мои детские и юные годы (вплоть до 19 лет) проходят в доме Чицова на Страстном бульваре. Окна передних комнат выходят на улицу. Я люблю сидеть в зале с ногами на широчайшем подоконнике и смотреть в окно. Я вижу неширокую улицу, за ней идет бульвар, отделяющийся от улицы решеткой, с другой стороны бульвара поднимается высокая стена монастыря. В глубине, среди деревьев монастырского сада виднеются высоко купола. Если прижаться к правой стороне окна и стараться заглянуть подальше налево, то увидишь конец бульвара и немножко Страстной площади. Против окон по улице плетется конка, издали зачем-то позвякивая.

Не знаю, сколько мне тогда было лет, но я вот что отчетливо помню. По улице медленно двигается большая толпа людей; спереди и сзади идут солдаты. Люди странно одеты, в белых и серых широких штанах, на ногах точно туфли.

– Это турки, пленные, – поясняет мне няня.

Изредка в нашу тихую жизнь врывается необычайное событие. Вот папа вернулся из конторы, и мы садимся за обед. Уже кончаем суп, когда папа обращается к Альме. Лицо, как всегда, серьезно, но глаза улыбаются.

– Да, я и забыл, – говорит он, – я взял на сегодня ложу в цирк.

– В цирк! Сегодня! – сразу вскрикиваем и Митя, и я. Я вскакиваю, срываю салфетку и бросаюсь целовать папу.

– Куда ты, куда ты, – говорит, смеясь, папа, отстраняя меня, – сначала надо пообедать!

Я усаживаюсь на свое место, но уже все во мне ходит ходуном.

– В цирк, сегодня в цирк!

Как сейчас помню подъезд к цирку среди множества экипажей и пешеходов, помню вход в самый цирк по проходу, усыпанному песком и отрубями, помню чудный запах конюшни, зверей. Помню клоуна Танти, всеобщего любимца. А Мари Годфруа! Боже мой! Еще спустя целую неделю после счастливого дня я скачу в девичьей на гладильной доске, положенной на двух стульях, изображая Мари Годфруа, и твердо решаю сделаться наездницей.

Альма Ивановна в особо ясный зимний день объявляет за завтраком, что мы сегодня с ней поедem в Ряды. Это целое событие! Едва можно дожидаться конца завтрака. Но наконец мы встаем из-за стола, меня тщательно закутывают с головы до ног, Альма Ивановна надевает бархатный салоп с собольим воротником и капор на вате, нам приводят извозчика, усаживают в санки, и мы едем. Предварительно Альма Ивановна не забывает спросить у извозчика, смиренная ли у него лошадь, и просит «Не гнать!» Мне душно, тесно, я верчу головой, но меня все радует: и саночки, и скрипящий снег, и просто веселая, многолюдная Тверская улица. Я крещусь, проезжая мимо Иверской, и решаю в душе непременно, когда вырасту, пройти в самую часовню, откуда так таинственно блестят сотни свечей.

В Рядах – это еще старые «Городские ряды»¹ – мы заходим с Альмой Ивановной то в одну лавку, то в другую, и только когда мое терпение уже совершенно истощено, она объявляет, что теперь можно идти в «Глаголь». «Глаголь» – это угол двух сходящихся галерей, специально для лакомств. Тут так заманчиво разложены всевозможные пряники – и мятные, и вяземские, и тверские, изображающие петушков, человечков, иногда совсем больших верховых. Тут и грецкие орехи в сахаре, и халва, и длинные карамельки в бумажках, стручки, чернослив, винные ягоды, пастила и мои любимые петушки и лошадки из леденца. Вся выставка сластей ничем не прикрыта, и, к моей досаде, Альма тщательно избегает леденцов, которые меня особенно привлекают. После некоторых пререканий мы, купив всякой всячины, довольные и немножко усталые, выходим на Красную площадь, берем извозчика (выяснив предварительно, смирна ли лошадь) и едем домой.

Изредка весной или осенью Альма Ивановна берет меня в гости к каким-то своим родственникам. Мы едем в Кудрино. Мне представляется, что это где-то очень далеко. Помню небольшой деревянный дом за забором. В большой комнате темновато, потому что окна затенены большими деревьями сада. В домике живет небольшая полная старушка с двумя дочерьми. Старшей дочери как будто нет дома, а младшая, черномазенькая и очень живая, тотчас завладевает мной и ведет меня в сад. Сад большой, тенистый и очень запущенный. Помню тюльпаны, которые пробиваются на неухоженных клумбах, зеленеющие кусты, травка, запах земли и зелени – я со-

вершенно счастлива. С самого раннего детства я обожала травку, все, что растет. Собирала на мостовых и бульварах букетики из былинки как-то попавшего туда зеленого мха. Какое же счастье вдруг попасть в настоящий сад среди города! Осенью шуршать опавшими листьями, собирать букет уцелевших астр и георгинов! Чуть не со слезами ухожу я из сада.

...Иногда няня (она из духовного звания и очень богомольна) водит меня к обедне в Страстной монастырь, и я мучительно томлюсь от бесконечной службы. И у обедни в монастыре, и на прогулках по Тверскому бульвару мы постоянно встречаем другую пару, тоже няню с питомицей. Только няня эта гораздо моложе моей, высокая, важная и больше похожа на даму. Мы охотно гуляем вместе, чинно выступая впереди няnek. Мой папа и родители девочки хорошо знакомы, и поэтому, когда мы немножко подрастаем, меня водят иногда в гости в большой дом в Столешниковом переулке, или моя подруга (ее звали Поленька Леве) приходит ко мне играть. Часто от них меня отвозили домой на Пегашке.

Тогда мы еще не знали, как страшно похожи были начала наших жизней. И матерей наших мы не знали, они обе умерли совсем молодыми и были друзьями, как и мы. С тех пор прошло больше 60 лет. Няни наши давно покинули этот мир, наши жизни пошли совсем по разным путям: подруга моя вышла замуж за немецкого барона и переселилась в Берлин, а я пошла на сцену. И вот теперь судьба свела нас здесь, и хрупкая детская дружба стала крепкой близостью близких по духу и по рождению людей.

Думали ли мы тогда, что почти через 60 лет, совсем старухами, мы будем переживать в Польгсене конец ужасной эпопеи Гитлера. В половине января 1945 года до нас стали отчетливо долетать уханья пушек. В одно морозное утро по дороге потянулись первые подводы, груженные сундуками, перинами, мешками, всей домашней утварью. Поверх сундуков и перин сидели старухи, дети. Кто мог, шли пешком. А снега выпало много, мороз все крепчал. Мы в недоумении смотрели на вереницы подвод. Но вот некоторые подводы стали заворачивать в наш двор, и мы узнали, что это крестьяне, которые выселялись из угрожаемых мест, частью насильно, частью добровольно. Наша огромная кухня наполнилась народом. Женщины и дети, обмерзшие, запущенные снегом, жались к плите, стараясь обогреться. Наша кухарка Минна и мы все стали спешно подбрасывать дров, греть кофе и суп, чтобы как-нибудь отогреть окоченевших людей, а их все прибывало! Подводы шли и шли, и, казалось, конца им не будет. Приказ о немедленном выезде пришел и в нашу деревню. Поднялась паника. Наша садовничиха, конюх, рабочие, у кото-

рых были дома в деревне, бросились собирать свои пожитки, запрягать лошадей, резали свиней, кур, гусей, грузили кое-как на телеги и в мороз и снег трогались по дороге в неизвестный путь. Вчера еще радио нагло говорило об успехе на восточном фронте, а сегодня уже была полная катастрофа!

К 19 января и деревня, и имение опустели. В огромном доме остались мы с Полей, старая гувернантка, кухарка и горничная, которая жила у Поля 35 лет; осталась еще племянница Поля, Н. Урусова, захавшая к нам по дороге в Дрезден. Деревня представляла жалкий вид. В двух-трех домах еще оставались крестьяне, не успевшие выехать. В брошенных домах был полный разгром. Платья, обувь, посуда раскиданы повсюду, по улице бродят свиньи, гуси, куры.

21-го числа ко мне постучали в дверь в семь часов утра. За дверью стояла испуганная, заплаканная Ида – горничная.

– Schnell, schnell, Frau Professor, alle sollen heraus! Befehl der N.S.V. Frau Baronin ist schon auf!

Через десять минут мы стояли с Полей, одетые уже, на площадке перед лестницей вниз. Поля в своей коротенькой котиковой шубке, спокойная, как всегда. «Что такое? В чем дело?»

Большой, толстый инспектор имения Онезорге поднялся к нам по лестнице.

– Фрау баронин, все должны сейчас же выехать из имения. Приказ!

– Я остаюсь здесь и никуда не поеду, – спокойно заявила Поля. А когда Онезорге в раздражении скатился с лестницы, обратилась ко мне:

– Ты, Верочка, уезжай! Иначе ты будешь отрезана от своих, и кто знает, что еще будет!

Приказ о немедленном выезде был, однако, тут же отменен: не выяснено было, куда ехать, да и лошадей больше не было. Мне очень страшно было совсем отрезаться от своих, но и уезжать, оставляя Полю одну, было тяжело. Да и куда ехать?

Стараясь по возможности ни о чем не думать, мы достаточно обычно провели день втроем и даже спали ночь. Перед сном выходили на дорогу и смотрели, как далеко над Бреслау то и дело вспыхивали разрывы бомб. Днем все же решали, что делать. Надя Урусова говорила, что надо ехать, Поля меня уговаривала. Около четырех часов опять прибежал Онезорге, достал где-то грузовик – для жены, конечно.

* – Скорей, скорей, госпожа профессор! Всем велено выходить. Приказ NSV. Госпожа баронесса уже встала (нем.).

– Фрау баронин, последняя возможность, вечером последний поезд на Берлин, скорей, скорей!

– Верочка и ты, Надя, уезжайте сейчас же. Подумай о своих!

Страх быть оторванной надолго от своих пересилил. Я бросилась в мою комнату, руки дрожат, хватаю то одно, то другое, не знаю, что брать. С помощью Иды собрала кое-что, забыв тот чемодан, который давно был приготовлен, с самыми дорогими вещами. Та же Ида напихала мне в сумку съестного под непрерывные крики с грузовика, где меня не хотели ждать; не помню, как выскочила на двор, как втащили меня в грузовик и бросили вещи. Я на ходу обняла Полю, и грузовик тронулся. Я оглянулась. В полутемноте Поля стояла такая одинокая, брошенная, я почти не видела ее от слез.

И больше и не видела.

III

Каждый вторник у нас обедают доктор Юлий Иванович Вольф, он наш домашний врач и в то же время родной брат моей Альмы Ивановны, и дядя Адольф, тоже доктор. <...>

Замечала ли сама Вера Николаевна, что о совсем давнем она пишет в настоящем времени («выходим на Красную площадь, берем извозчика и едем домой»), а о том, что было только что и происходит сейчас, – в прошедшем («втащили меня в грузовик...»)?

Так и дальше.

Дядя Адольф (Адольф Адольфович Каспари) большой красивый, интересный человек, веселый и остроумный... Меня он любит чрезвычайно и балует меня всячески. <...> Возвращаясь из частых своих поездок за границу, он привозит мне из Парижа целую гору пестрых чулок и шарфиков, не подходящих часто к моему юному возрасту. Он отправляет меня в известный тогда салон «м-ме Минангуа», и мне шьют там шубку и удивительную бархатную шапочку с наушниками, которая потом отравляет мне все зимние прогулки.

На Рождество дядя Адольф устраивает елку в семье своей сестры Марии Адольфовны Усачевой. Я получаю роскошные подарки – и книги, и лошадей, запряженных в шарабан (я обожала лошадей и никогда не играла в куклы), и множество мелочей и сладостей.

Я должна тут подробнее сказать о доме Марии Адольфовны, так как ее дочь Лиза была моей первой подругой. Через несколько домов от нас, на том же Страстном бульваре, в глубине большого двора стоял большой крытый подъезд, который вел в две квартиры. Нижнюю занимал Густав Адольфович Каспари – дядя Густя, тоже доктор, а в верхней жила Мария Адольфовна Усачева с дочкой Лизой и прислугой Машей. <...> Вся ее жизнь была в Лизе. Лиза высокая

стройная девочка, держится очень прямо, очень сдержанная и воспитанная. Одним словом, полная противоположность мне. Но мы очень дружим, и я нередко провожу там целые дни. Когда Митя болел скарлатиной, я прожила у Усачевых 6 недель. Иногда мы устраиваем из пледов и стульев повозку и едем по прериям, иногда изображаем гладиаторов и деремся деревянными мечами, прикрываясь большими картонными щитами. Или зимой играем во дворе, и Гемми – сенбернар, подаренный Марии Адольфовне дядей Адольфом, – возит нас по снегу... Позднее я как-то совсем потеряла Лизу из виду; знаю только, что она вышла замуж за настоящего немца, не очень молодого, и имела много детей.

И вот теперь, в Берлине, спустя 50 лет, мы встретились с Лизой старухами, и встретились тепло, по-родственному. Она рано потеряла мужа и двух сыновей, долгие годы работала в Москве, воспитывая пятерых детей, и перекочевала в Берлин с сыном и двумя дочерьми вместе с германским посольством. Она сохранилась такой же, как была в юности, стройной, очень прямой, но с совершенно седой головой и очень худой. <...>

IV

С наступлением весны начинаются и вечерние с папой прогулки. После обеда еще долго светло, и папа ходит с нами почти ежедневно.

Прогулки эти трех родов: или мы ходим на сквер Страстного бульвара, или в молочную Ржевского, которая открывается с 1 мая на Страстном бульваре почти против наших окон. Там можно посидеть за круглым белым столиком, и мальчик в красной рубашке и шапочке с павлиньими перьями подает чудесный варенец, или простоквашу, или просто стакан сливок. Иногда мы проходим дальше все по тому же Страстному бульвару и заходим во двор дома тети Мили Редлих. В доме, выходящем на бульвар, красуется вывеска «Водолечебное заведение д-ра Редлиха», в этом же доме, только с другого подъезда, квартира тети Мили, а во дворе, в особняке живет семья дяди Мити Павлова и тети Мати. Тетя Матя – сестра тети, Мили Редлих. У них много детей... Иногда приходят молодые Катюры...

Обилие перебивок, многочисленные отступления, разрывающие рассказ, – менее всего тут следует видеть литературный прием, – то, что «прошлое только что свершившееся» прорывается сквозь «прошлое давно прошедшее», мемуаристку смущало.

Она была человек с правилами: после очередной перебивки находим извинения, поставленные в скобках перед следующей главкой: «Воспоминания возникают в моей памяти без всякой связи и последовательности, но я надеюсь, что сыновья мои Олег, а может быть, и Юра, которым, может

быть, интересно будет прочитать эти не очень складные записи, не будут очень строги к моему писанию».

Но, в сущности, мемуары Павловой этим-то всего сильней: «двойной экспозицией», просвечиванием одного времени сквозь другое. Притом несомненно только время давно прошедшее, ясно живущее в памяти; что происходило с людьми во времени более приближенном, что с ними теперь, мемуаристка знает только по слухам, пишет предположительно, часто ошибается.

Вот, к примеру, описание одного давнего-давнего дня, когда молоденькая Вера Николаевна после смерти отца служит в канцелярии Московско-Казанской железной дороги, – четкость лиц, живой диалог... – а потом срыв, исчезновение.

Было это так: в канцелярию вошел очень высокий господин с рыжевато-белокурой, раздвоенной бородой; он подошел к машинистке и стал ей что-то объяснять. Она смущенно встала, отвечая ему. На всеобщее приветствие он ответил легким общим поклоном и вышел. Машинистка тотчас подбежала ко мне:

– Что же вы не поклонились ему? Ведь это же наш председатель, Николай Карлович!

– Я же с ним не знакома, – ответила я резонно, но это вызвало взрыв смеха у моих сотоварищей. Это было сейчас же передано дальше, и через полчаса в комнату вошел директор Ростовцев с этим же высоким господином, подвел его ко мне и церемонно проговорил:

– Вера Николаевна, позвольте представить вам председателя нашего правления Николая Карловича фон Мекк.

Николай Карлович, явно сдерживая веселую улыбку, приветливо пожал мою руку и сказал, что очень рад видеть меня среди своих сослуживцев. И за весь год моей службы Николай Карлович и его брат Александр Карлович были ко мне всегда исключительно приветливы. <...>

Из моих коллег наиболее симпатична мне была машинистка Мария Юстиновна, очень интересный, живой человек. Польшка, она по-русски говорила с большим акцентом. Некрасивая, очень рябая, но с большим женским обаянием. Она была очень счастлива в семейной жизни. У нее был муж Мика (как его звали по-настоящему – не знаю) и две кошки. Всех троих она обожала и каждый день рассказывала то о муже, то о выходках своих любимиц. Мика был ее божеством. Много позже, в 1905 году, во время первой революции в Москве, Мика был убит пушечным выстрелом, когда вышел на Садовую «посмотреть» на стрельбу. Боюсь и подумать о том, как пережила это Мария Юстиновна, если вообще пережила. Я о ней больше не слыхала.

А Николай Карлович фон Мекк уже стариком был расстрелян большевиками якобы за «вредительство». Потом выяснилось, что он был совершенно прав².

Такой же, полный вещественных подробностей, рассказ о гостевании под Царицыным в семье калмыцкого князя Тундутова, рассказ о давно миновавшем, которому так легко течь «в настоящем времени», – и снова срыв, и нет ничего достоверного насчет того, что было потом, страшны догадки.

Усадьба их лежит среди бесконечной степи. Стоит хороший европейский дом, окруженный хозяйственными постройками, перед домом молодой сад с фруктовыми деревьями и ягодными кустами. С одной стороны тянутся бесконечные бахчи с арбузами и дынями, с другой раскинулись палатки калмыков, образуя нечто вроде деревни. И сами Тундутовы, и бабушка встретили нас чрезвычайно приветливо... За обедом, прекрасно приготовленным их поваром (его звали Манжик), обученным в московском «Эрмитаже», князю и княгине прислуживали калмыки-дворяне (нойоны), подавая ему кушанье на коленях! Около дома стоит затейливый домик, крошечный буддийский храм... Там целыми днями молится «бабаня», поворачивая ручку продолговатого барабана, вокруг которого крутится лента с написанными на ней молитвами.

Вокруг небольшого сада кругом тянется степь, по ней раскинуты палатки, то рядами, то отдельно. Мы с князем, который нас водил по своим владениям, зашли в одну палатку и изумились, как все было опрятно, уютно и красиво. Большой войлок на земле, какие-то красивые ткани на стенах и на полу, низенький столик посреди, кругом много подушек. <...>

О Тундутовых я слышала только много лет спустя, что Данзан, их сын, воевал в Великой войне в рядах русской армии. Недавно, читая роман кн. С. Волконского, я наткнулась на страничку, где герой встречается в тюрьме с молодым калмыцким князем Д.Т.-ым. Несомненно это был Данзан.

Точность в портрете юноши из богатейшей фамилии, за которого дочкой Вера Павлова чуть не вышла замуж, тот же внятный абрис, когда он в 1922-м уговаривал не уезжать из России, – а дальше все под вопросом:

Писал он мне и в Берлин и во Фрейбург. В последний раз я видела его при его приезде в Берлин в 23-м году. Он приезжал в сопровождении какого-то «лица» и боялся шагу ступить один. Мы как-то смотрели с ним в кино «Фредерикус Рекс»³, и Коля все волновался, удобно ли, что он смотрит «такую» пьесу. Больше я его не видала. Узнала, что он, преданный слуга советской власти, несколько лет сидел в лубянской тюрьме. Я слышала, что он был выпущен из тюрьмы и даже получил какую-то награду за важное изобретение. Где и что он теперь?

Это растворение живых, теплых, крепко помнящихся людей в недостовренности – постоянный обертон мемуаров Павловой. А может быть – постоянный обертон русской жизни по обе стороны?

Сейчас, когда я пишу эти строки, мы переживаем 1941 год... У нас сентябрь. Милую родную Москву бомбардируют немецкие аэропланы. Не разбит ли уже театр? Существует ли еще университет, Коммерческий институт? Где мой родной Юрка?

Воспоминания Павловой писались, видно, не в один прием. В других местах она поясняет – сейчас у нас 1944-й; сейчас зима 1945-го.

Мемуаристка в 1941 году не знает, что с ее сыном от первого брака, с этим самым Юркой, Георгием Владимировичем Назаровым. Зимой 1945 года она еще не знает, что ее учителя, Владимира Ивановича Немировича-Данченко, уже почти два года как нет в живых. Она хранит к нему, как к живому, обиду: почему при последнем посещении Берлина – в 1938-м – не захотел с ней повидаться. У нее в голове не укладывается, что и над ним властны советские порядки (Владимир Иванович в свои поздние заграничные поездки даже Германовой отказал во встрече).

Тому, как эти порядки устанавливались, Вера Николаевна была свидетельницей с 1917.

В октябре этого года разразилось большевицкое восстание. 10 дней стрельбы в Москве мы просидели почти безвыходно в нашей квартире в Казачьем переулке на Полянке; Юрка был в кадетском корпусе, ему удалось убежать и просто чудом из Лефортова пробраться пешком к нам. Многие из его старших товарищей погибли, защищая корпус, был расстрелян и милый, талантливый генерал Лобачевский. Мы сидели, ночами прислушиваясь к стрельбе пулеметов и грохоту пушек. К нам перебрался профессор химии Коммерческого института с женой, дочкой и бонной, так как у них разбили стену дома. Они привезли с собой кое-какую провизию, и нам удалось сообща пропитаться это время, так сказать, «домашними средствами». Саша почти все время ходил взад и вперед по квартире.

Когда кончилась стрельба, выяснилось, что победа осталась за большевиками. Никто хорошенько не знал, что большевики представляют из себя и как они будут проводить в жизнь свою программу. Начиналась какая-то новая жизнь. Пока Москва замерла. Все высшие учебные заведения были закрыты, т.е. занятия не возобновлялись, и доктор порекомендовал Саше уехать на время в деревню; мы подумали и решили, как ни грустно это было, на время расстаться. Саша с Лелей и Оней уехали в Быково, где мы, по счастливой случайности, наняли еще летом половину теплой, чистой избы, одну большую комнату, две маленьких и кухонку⁴. По всей Москве шли уже обыски и аресты, и перед отъездом Саши пришли с обыском и к нам. Испугавшись за кадетскую форму Юрки, мы наскоро переодели его в студенческую тужурку и штаны Васи, но все сошло благополучно; не найдя у нас ни пулеметов, ни вообще какого-либо оружия, молодые люди, ведающие обысками, ушли.

Саше с Лелей удалось благополучно уехать в Быково и даже, хотя и с большими затруднениями, вывезти кое-какую мебель. Юрка вернулся в корпус, переименованный в военную гимназию, а я осталась на московской квартире с нашей второй девушкой Варей, которая взялась мне стряпать, и с Васей. Я забыла сказать, что Лелина гувернантка Каролина еще летом уехала от нас искать счастья во Владивосток.

Москва понемногу оживала. В театре начались спектакли, все стало кое-как налаживаться, но чувствовалось, что старая жизнь сломана и уходит все дальше. Как и во всей Москве, и в нашем маленьком особняке, где жили только мы да хозяева внизу, пришлось выбрать домовый комитет и меня – его председательницей, что дало мне возможность немедленно написать самой себе кучу разрешений на проезд в Быково. Как я помню эти поездки! До Казанского вокзала частью на трамвае, частью пешком. В руках чемоданчик с какой-нибудь провизией, которую удалось достать, потому что съестные продукты уже не покупались, а доставались. (Сейчас, в 1944 году, в Германии я так живо вспоминаю это время! Как все повторяется!)

Поезда ходят нерегулярно, но уже рада, если вообще попала в поезд. В Быкове тихо, как будто по-старому. Такая радость опять дватри дня побыть вместе. Саша в желтой куртке на меху и в высоких валенках идет с Лелей ко мне навстречу. В избе тепло, светло от снега кругом. Она угощает такими вкусными печеными лепешками. Так уютно в тихой светлой комнате вечером у керосиновой лампы. Саша занимается с Лелей, читают они что-нибудь о животных или о приключениях в далеких странах, и Саша тут же иллюстрирует прочитанное. Мне так грустно возвращаться в Москву.

В одно из моих посещений, когда мы уютно сидели за чаем, в сенях послышались шаги, и Она впустила в дверь двух молодых здешних крестьян. Они, несколько стесняясь, изложили мне свою просьбу. Не хочу ли я поставить с ними спектакль? В первую минуту я удивилась, очень уж это было неожиданно, но тут же охотно согласилась. Было это трудновато, так как я не могла заранее назначать репетиции, не зная, когда буду свободна, но мои актеры готовы были на все, и мы вскоре стали работать. Первой пьесой мы играли «Не в свои сани не садись» Островского. Работать было очень приятно. Мужские роли играли крестьяне, а женские роли – сельские учительницы. Работали все с увлечением, даже с жаром, хватались за все мои указания. Труднее всего давались любовные сцены. Здоровые мужики робели, краснели и стеснялись, как институтки. Курьезно, что среди артистов был назначенный Советом военный комиссар. Я знала его раньше как самого никчемного мужичонку. Сколько раз, бывало, он босой, пьяный, в рубашке навыпуск торчал у забора моей дачки и вопил:

– Вера Николаевна, дай двугривенничек, дай, душа!

Теперь он был трезв, приоделся и, приходя на репетицию, пробовал задавать тон, но товарищи его так быстро осадили, что он притих. Как раз в это время у моей кузины Екатерины Андреевны Ильиной было вывезено все серебро и золотые вещи, и «военный комиссар» принимал в этом деятельное участие. Это очень отравляло мою работу. В благодарность за режиссерство крестьяне раза два приносили мне муки, крупы и даже сала. О политике мы никогда, кажется, не говорили, но совсем избежать этого было трудно. Вспоминаю до сих пор, с какой верой смотрел на будущее устройство жизни один из моих актеров. Как он верил в настоящее равенство людей, в новую жизнь без насилия и вражды! Где он теперь, милый Иван Кушаков? Должна сказать, что ко мне они относились прекрасно, да ведь и знали мы друг друга чуть не с детства. Они серьезно уговаривали меня не уезжать, предлагали выделить кусок земли, чтобы я могла обрабатывать его, как они. Многие ли из них живы теперь? <...>

А жизнь Москвы разлаживалась все больше. Со съестными припасами становилось все труднее. При театре был устроен кооператив, и, благодаря энергии наших актеров, главным образом, И.Н.Берсенева и Н.А.Подгорного, мы получали многое легче других, и мне удавалось то то, то другое отвезти своим в Быково. Жизнь во всех отношениях становилась все неудобнее... В частные квартиры стали вселять жильцов; многие во избежание нежелательных лиц сами «уплотнялись» (новое выражение) родственниками или знакомыми. Наши домохозяйева, сговорившись с нами, вселили к нам двух сербов. Оба были славные, скромные люди, один оказался большевиком, дружившим с Троцким. Центральное отопление больше не работало, и пришлось в квартиру поставить железную печку, большая труба которой портила безобразно комнату. И это мне удалось только благодаря заботам слушателей Александра Васильевича по Коммерческому институту. С особенной благодарностью вспоминаю милого Ивана Михайловича Рождественского. Это был молодой священник, увлекшийся физикой, снявший рясу и всецело отдавшийся работе в Институте. Со мной в квартире кроме Вари оставался еще наш племянник Вася, перекочевавший в лагерь большевиков. Но человек он был очень милый, и мы хорошо с ним ладили.

<...>

Большим облегчением и моральной поддержкой была для меня в эту зиму театральная работа. Я играла роль тетки в пьесе Л.Андреева «Младость», которую ставила Литовцева в студии Массалитинова⁵. Роль эта меня захватила и отвлекала от невеселой жизни, работать с Ниной Николаевной было очень интересно. Меня за эту роль очень хвалили, и даже Владимир Иванович сказал мне:

– А я и не знал, что вы и такую роль можете сделать!

В роли были очень драматические моменты. Владимир Иванович сделал мне кое-какие указания и, конечно, очень помог.

Студия находилась в Милютинском переулке, на спектакль я еще иногда добиралась на трамвае, а оттуда приходилось идти пешком. От Трубной площади надо были идти серединой улицы, среди сугробов снега, доходивших иногда до окон домов. Часто то тут, то там слышались выстрелы среди мертвой тишины города. Ужасно было жутко. Часто думалось, дойду ли? Иногда я возвращалась с Гайдоровым, который жил в переулке около Малой Дмитровки (он играл главную роль – студента). Это было, конечно, большим облегчением для меня. В ту ужасную зиму покончил с собой бедный Алексей Александрович Стахович. Тяжело заболела плевритом Елена Павловна Муратова, и мы с Дмитрием Максимовичем на простых розвальнях, на матрасе отвезли ее в лечебницу. Сначала думали, что у нее сыпной тиф, потом доктора решили, что это воспаление брюшины, наконец помирились на плеврите. Температура скакала с 35 до 40 градусов ежедневно. Однако в лечебнице она стала поправляться и к весне вернулась домой.

Берсенеv задумал устроить поездку в Харьков, чтобы заработать, отдохнуть и подкормиться. Везти нас взялся Леонидов Леонид Давидович, Берсенеv пригласил в труппу и меня, а я поставила условием взять Александра Васильевича, Лелю и Оню (Юрку не отпускали как по возрасту военнообязанного). Берсенеv только замахал руками. При трудности доставать места в вагоне мое условие было почти невыполнимо, но иначе я ехать не могла, и, к моей огромной радости, «дирекция» (Берсенеv и Подгорный) согласилась, тем более что им удалось достать отдельный вагон. Переговоры и хлопоты по отъезду длились больше двух месяцев. Ввиду слухов о Добровольческом движении на юге многие актеры колебались, боясь, что мы можем быть отрезаны от Москвы. За это время мы с Сашей все приготовили к отъезду. Очень тяжело было оставлять Юру, ему было тогда 19 лет. Но не знаю, жалеть ли о том, что он остался на родине, теперь, когда так чувствуется, что ты не дома. В Харькове его забрала бы Добровольческая армия, как Диму Качалова, а было ли бы это лучше?

Накануне назначенного отъезда мы играли тургеневский спектакль (мой последний спектакль в Художественном театре), и после спектакля было собрание для окончательного решения вопроса. И решено было ехать! В два часа ночи Саша звонил мне по телефону: «Что решено?», и я с облегчением ответила: «Едем!».⁶

На другой день, около пяти часов вечера, мы на двух извозчиках с чемоданами, где было только самое необходимое, отправились на Курский вокзал. Радость уехать хоть на время из Москвы омрачалась необходимостью оставить Юрку совсем одного, хотя бы только

на месяц, как мы думали. Одно из самых тяжелых моих воспоминаний – фигура Юрки на перроне вокзала, когда поезд отходил.

Это было 1 июня 1919 года.

Постоянный мотив воспоминаний – отъезды (собственные или близких), приезды, жизнь в дороге. И увы, так же постоянен в них рассказ о том, что в дороге ели; воспоминания написаны человеком, которому не только временами довелось голодать, но которому все время, даже и в сравнительно удачную пору, надо думать, чем накормить своих сегодня, где достать на завтра. Итак, отъезд из Москвы.

Вагон был жесткий, и бедному Саше нелегко было с его больной спиной. Мы сколько возможно подкладывали ему подушки, но это мало помогало. С благодарностью вспоминаю Нину Николаевну Литовцеву, которая сейчас же принесла Саше свою подушку и всю дорогу всячески старалась ему помочь. С удивительно хорошей душой она ухитрилась соединить отвратительный, мелочный характер.

На всех больших остановках народ, часами ожидавший поезда, ломился в вагоны, лез на крыши, и только грозная надпись на нашем вагоне «Гастроли революционного театра» (!!?) спасала нас от вторжения посторонней публики. Мы провели в вагоне два дня и ночь. Уже на полпути на маленьких остановках продавали молоко, масло, белый хлеб и яйца. Восторг был необычайный. Все покупали наперебой и ели, ели...

В Харькове мы поместились в гостинице «Россия». Судя по входу и комнатам, гостиница была прежде первоклассной, но сейчас она была загажена донельзя. Кое-как мы разместились втроем в большой комнате, Саша, Леля и я, а Оня устроилась в комнате с Марусей Крыжановской. Я радовалась, что, несмотря на все мелкие неудобства и свою болезнь, Саша был бодр и свеж. На другой же день мы побежали на рынок и совсем потеряли голову: в открытых палатках горами навалены леденцы и карамель в бумажках, белые хлеба и длинные, как французская булка, и высокие, пышные, как куличи, сыры и сало целыми глыбами, молоко, сметана, яйца... Все можно было покупать в любых количествах. Машенька Крыжановская так накинулась на белый хлеб, что заболела. На следующий же день Саша и Леля получили утром яичницу с жареным малороссийским салом, и Саша уверял, что никогда ничего вкуснее не ел. Мы быстро обжились в Харькове. Обедать ходили по ресторанам, чаще всего в «Версаль». Кормили неплохо, но сервировка была ужасная. Столы без скатертей и салфеток, оловянные ложки и вилки... все же это было куда лучше тогдашней Москвы. Саша сейчас же разыскал семью своего брата Николая Васильевича – ботаника, переведенного сюда из Александрии, и часто заходил к ним с Лелей, и Николай Васильевич заходил к нам. В Харькове же оказался и старинный приятель Саши

профессор П.П.Сушкин – зоолог, и милый Торичан Павлович Кравец, физик из Москвы. Сушкин очень интересно рассказывал о своих зоологических путешествиях и показывал Леле удивительную коллекцию препарированных чучел птиц всевозможных пород.

Мы начали наши спектакли, которые шли с большим успехом. Часы в то время были переставлены на два часа вперед, и мы кончали спектакли еще при солнечном свете. Ужинали мы почти всегда дома, всегда вкусно и сытно, так как продуктов на рынке было вволю. У Онечки нашей, к сожалению, случилась беда. В комнате, которую она занимала с Машей Крыжановской, из закрытых чемоданов украли у Онежки кружевной шарф, а у Машеньки платье. Конечно, заявлять в милицию и разыскивать вещи было бесполезно. Служащие гостиницы рассказывали нам, что назначенный незадолго до нашего приезда новый заведующий гостиницей, испугавшись слухов о белой армии, бежал, увозя с собой все принадлежавшее гостинице белье и столовое серебро.

Разговоры о белых слышались все чаще и чаще, но мы читали только строго цензурованные газеты и не подозревали, что катастрофа была так близка. В газетах ежедневно сообщалось о боях с «белыми бандами» и о блестящих победах Красной армии. Однажды ранним утром мы были разбужены грохотом экипажей и автомобилей по нашей улице. Подойдя к окнам, мы с изумлением увидели, что мимо нас быстро, опережая друг друга, едут пролетки, автомобили, грузовики, все нагруженные доверху. Ящики, чемоданы, граммофоны, узлы торчали во все стороны. Мужчины, женщины и дети едва виднелись из-под узлов. Множество народа спешило пешком, таща на себе детей и чемоданы. Ясно, это было бегство. Но кто бежал? От кого? Что случилось? В вышедшей утром газете сообщалось: «Красный Харьков победоносно отразил нападение денкинских банд».

Стало очень жутко; где-то вдали слышалась пушечная стрельба. Все мы были в большом волнении, но в городе было тихо. Скоро мы с Машенькой Крыжановской пошли в театр, а Саша с Лелей отправились на Мироносицкую улицу к Николаю Васильевичу. Спектакль начался, как всегда, при полном сборе, все было спокойно, но все слышалась пушечная стрельба то вдалеке, то совсем близко, и в самом городе стреляли то тут, то там. Грохот пушек как будто приближался, и я очень забеспокоилась о своих, как-то они доберутся домой. Шел «Вишневый сад», второй акт. Кое-кто из нас, свободные в данную минуту, сидели в открытых дверях, выходящих во двор, на широких сходах, по которым вносили декорации, вдыхали теплый летний воздух и прислушивались к стрельбе. Только что дали занавес 2-го акта, как мы увидели, что к Берсеневу подходят три офицера и что-то ему говорят; Берсенев видимо взволнован, голос его дрожит:

– Господа, – обращается он к нам, – Харьков взят Добровольческой армией!

Офицеры выступают вперед, и мы видим, что мундиры и фуражки у них покрыты пылью и на плечах у них погоны...

– Пожалуйста, продолжайте спектакль, – говорят они, улыбаясь. – Все в порядке!

Антракт несколько задержался, но потом начали третий акт и доиграли до конца. В публике чувствовалось волнение, но никто не ушел из театра. Мы все были взволнованы и толкались за кулисами. В середине 3-го акта Вера Орлова мне шепнула: «Александр Васильевич пришел с Лелей». Я вздохнула свободно.

По выходе из театра мы должны были задержаться: по улице шли добровольческие войска. Усталые, запыленные. Публика, вышедшая из театра, бежала за ними по сторонам, бросала цветы, многие плакали. На площади какие-то люди ожесточенно разбивали топорами памятники, которые они же, вероятно, недавно помогали строить. Всюду был народ. На другой день – старая, давно забытая картина. Против наших окон дворник в фартуке метет улицу! Наша гостиница наполнена военными. В ресторане, где мы постоянно обедали, на столах лежали скатерти, хорошие ножи и вилки, лакеи служили в черных жакетках – чудеса. И тут, конечно, все военные. Кто-то узнал в нас актеров МХТ, и плотный татарского типа полковник в казацкой форме поднял бокал, приветствуя нас.

Весь город превратился в лагерь. На площадях стояли автомобили, повозки, лошади, разложены костры, и всюду солдаты без конца.

Вечером в первой ложе в театре сидели Деникин, Кутепов и еще третий, безобразно ожиревший военный с толстым бабьим лицом, кажется, Май-Маевский.

Тем временем наши гастролы подходили к концу, и хотя сборы по-прежнему были полные, но актеры уже устали, хотелось отдохнуть, да и лето давало себя чувствовать. Но что было предпринять? От Москвы были отрезаны образовавшимся новым фронтом, наш вагон был реквизирован Белой армией. Берсенев и Подгорный созвали труппу на совещание, чтобы сообща обдумать положение. Один из наших главарей – Николай Афанасьевич Подгорный (по прозвищу «Бакуля») заявил, что он считает необходимым вернуться в театр, и если группа на это не решится, то он попробует один пробраться через фронт, хоть пешком. Он так и сделал. С огромными трудностями он прошел через два фронта и вернулся в театр. Мы же сообща решили попробовать с помощью белых властей пробраться в Крым, в Евпаторию⁷. Нам давали вагон и предложили довести в Крым, не очень задерживая в пути.

Для бедных Качаловых отъезд был очень тяжел. Дима, увлеченный Белым движением, поступил добровольцем и ушел с армией.

Снова запаковали мы свои вещи, простились с милым Харьковом, который нас так подкормил, и сели в вагон, лишившись двух спутников – Николая Подгорного и Димы. Ехали мы очень медленно, беспрестанно останавливаясь, чтобы пропустить воинские поезда, которые шли с юга. На станции в Мелитополе мы стояли больше суток. Но погода была чудесная, летняя, кругом расстилалась степь, вдаль были видны огоньки города. Тихая, ясная, лунная ночь. Офицеры встречного поезда, узнав, что тут едет труппа Художественного театра, решили приветствовать нас пением и живо создали хор. Пели солдаты чудесно; или уж ночь была так хороша, и обстановка так необычна, и мы были взволнованы неизвестностью, в которую мы ехали, но ночь эта осталась у меня в памяти до сих пор. <...>

...После Евпатории Симферополь, после Симферополя Новороссийск. Из Новороссийска должны были добираться до Ростова.

С пристани мы прямо отправились на железнодорожный вокзал, но тут нас ожидало большое разочарование. Поезда на Ростов не было; может быть, будет завтра. Никаких известий от нашего передового, Михаила Либермана, тоже не было. А он уехал в Ростов за неделю до нас. Что было делать? Мы упросили какого-то железнодорожного служащего уступить нам на ночь комнату в его квартире, тут же, около вокзала. Сложили там наш багаж и пошли бродить по городу. На наше счастье, мы с Ольгой Леонардовной встретили случайно Софью Владимировну Панину, и она пригласила нас к себе завтракать на другой день. Мы с радостью приняли приглашение. Ольга Леонардовна была хорошо знакома с Софьей Владимировной, она была у нас пайщицей, ну, а меня позвали, верно, за компанию. Кое-как мы провели день в неудобном, некрасивом городе. Спали мы, холостые дамы – Книппер, Крыжановская, Тарасова⁸, Нина Качалова и я – в одной комнате, впрочем, к нам присоединился и Вася Качалов. Мы постелили все, что у нас было мягкого, прямо на пол, укрылись нашими пальто и с грехом пополам провели ночь. Начали подниматься рано утром, все кости болели от непривычки к жесткому ложу. Мутное, унылое утро, холодно моросит дождь. Качалов лохматый, в пижаме, шагает через наши тела и ищет свою зубную щетку. Мы тут же моемся, не стесняясь друг друга, в маленьком тазике и стараемся привести себя в приличный вид. В назначенный час мы звоним в квартиру Софьи Владимировны, раздеваемся, входим и застаем целое общество, но какое!

– Ну, Вера Николаевна, пропали мы с вами! – полушепотом бросает мне Ольга Леонардовна. И действительно! Что сказали бы наши в Москве! Тут все правительство Деникина! И Астров, и Юренев, и Будберг, и еще двое, фамилию позабыла. Сели за стол. Разговор как-то плохо налаживался, чувствовалось стеснение с обеих сторон.

В разговоре выяснилось, что все здесь в Новороссийске случайно, проездом и ждут парохода. Шло полное отступление Деникина. Крушение Белой армии было очевидно. Ужасно тяжело было смотреть на этих людей: образованные, культурные люди, Астров и Юренев (других не знаю) глубоко порядочные люди, но пригодны ли они управлять страной? И зачем они пошли на это? Им место на профессорской кафедре или за мирной кабинетной работой, а министерские посты, да еще в такое бурное время – не по их силам. Им было не легко, вероятно, и материально, так как завтрак был странный, он состоял из двух пирогов: пирога с капустой и пирога с вареньем. Было грустно, и остро чувствовался страх за будущее.

И Паниной, и Астрову, и Юреневу удалось перебраться за границу. Через несколько лет Астров умер в Праге от воспаления легких; Юренев, соединившись с женой, жил очень бедно в Париже, наладив небольшую прачечную, причем сам разносил белье по заказчикам, а Софья Владимировна Панина перебралась в Америку. Все они испили горькую чашу эмиграции.

К вечеру этого дня нам сказали, что рано утром будет поезд на Ростов и что мы должны стоять наготове, чтобы захватить места. С раннего утра мы выстроились на платформе. Еще не рассвело по-настоящему, когда подали поезд, и вот тут я в первый и единственный раз видела, как берут приступом вагон. Чемоданы бросались в окна, а вслед за ними, толкая друг друга, лезли и актеры помоложе, стараясь занять получше место внутри. Грубость некоторых членов группы произвела на меня отвратительное впечатление. Мы с Ольгой Леонардовной устроились благодаря всегда заботливому Берсеневу хорошо, но скромный, вежливый, всегда все уступающий Качалов должен был удовольствоваться поперечной узкой лавкой у самого окна, тогда как молодежь развалилась на широких лавках внизу. Было очень неудобно, в окна дуло, всюду мерещились серенькие носительницы сыпного тифа. Я посыпала на лавках нафталином, и, может быть, это немного помогало, но, конечно, то тот, то другой находил на себе отвратительную прозрачную вошку, и потом со страхом ожидали на двенадцатый-тринадцатый день признаков ужасной болезни.

Уже годы прошли с тех пор, как я начала писать свои воспоминания. Сейчас 1944 год. Пятый год войны и уже почти год, как я живу почти безвыездно в гостеприимном Польгсене.

К описанному выше отъезду нашему из Новороссийска мне хочется внести маленькую поправку. Теперь, летом 1944 года, тот приступ на вагон является не единственным в моей жизни. Теперь это явление обычное. Уезжая из Берлина осенью 1943 года, пришлось силой пробиваться в вагон среди толпы, осаждавшей поезд. Я видела

снова, как люди протискивались в окна, как женщины падали в обморок. Но возвращаюсь к нашему переезду в Ростов.

Приехали мы в Ростов, помнится, к вечеру. Собрали свои вещи и вылезли на платформу. К изумлению нашему, Либерман, приехавший заранее устраивать театр и квартиры, нас не встретил. Мы в недоумении столпились около Берсенева и Леонидова, советуясь, что предпринять, когда Греч громко крикнула: «Да вон Либерман!»

И действительно, на другой стороне платформы, спиной к поезду, сгорбившись, сидел на чемодане Либерман – олицетворение безнадежности. Леонидов и Берсенев бросились к нему, окликнули, но он, не оборачиваясь, только махнул рукой.

– В чем дело? Что театр?

– Нет театра! Взят под лазарет.

– Куда нам ехать? Где комнаты? Дайте адреса!

– Нет комнат! Все реквизировано!

И он продолжал сидеть на своем чемодане, все так же не оборачиваясь к нам, с видом тупой безнадежности. Несмотря на поистине трагическое положение, мы не могли удержаться от взрыва смеха, глядя на жалкую фигурку Либермана.

Надо было, однако, искать хоть приюта на ночь, и мы, оставив багаж на хранение, тронулись в город на поиски. К ночи все было кое-как устроено, но положение оказалось критическим. Мы не ожидали такого катастрофического крушения Белой армии и теперь попали в город, спешно эвакуируемый, и остались без театра и без заработка. ...

Наш отъезд из Ростова был уже настоящим бегством.

Даже жизнь близ Ялты, где после Ростова, Новороссийска, Екатеринодара (бегство, бегство, бегство) оставившая своих театральных спутников Вера Николаевна на долгие месяцы поселилась с семьей, – тоже какая-то неоседлая; от устроенной ими в горах маленькой школы – постоянные путешествия вверх-вниз.

Поход в Ялту всегда утомителен, и неудобна дорога и эти мрачные балки-овраги.

День за днем, неделя за неделей идет жизнь в Темис-Су. А настроение все сгущается, слухи все тревожнее, Белая армия все отступает дальше, красные подходят уже к Перекопу. Вот уже идут бои за Перекоп, который один защищает Крым. Говорят только о том, кто куда уезжает. Сердце сжимается от тоски, от страха за будущее, от неизвестности. Наконец слух становится фактом. Перекоп взят красными, белые отступают до самого южного берега Крыма, и в половине ноября генерал Врангель объявляет приказ об эвакуации. Какая паника поднимается в Ялте! Все, кто только может, спеш-

но записываются в открытое эвакуационное бюро. В порту стоят английские, французские и итальянские суда, то и дело подходят русские, частью уже переполненные беженцами. Алеша, уже эвакуировавшийся из Севастополя, присылает матроса нам сказать, что на крейсере «Алмаз» нам четверым по его просьбе оставлены места и чтобы мы немедленно уезжали. Ялтинские друзья настойчиво уговаривают Сашу ехать, но он считает этот шаг слишком рискованным. В приказе Врангеля было сказано, что он, Врангель, просит отъезжающих иметь при себе провизии на две недели и предупреждает, что не знает, где и когда высадит людей на берег. Откуда было взять провизию на нас четверых? И как пускаться в такое рискованное путешествие Саше, больному? Было очень жутко видеть, как все уезжают, и оставаться, точно в покинутой стране, но из персонала школы никто не уезжал и даже осталось человек восемь детей.

В вечер, назначенный для эвакуации врангелевских войск, т.е. некоторых частей войска, мы с Натальей Васильевной пошли в город. Первое, что бросилось в глаза, это были лошади, оседланные, но без всадников, которые брели одни по шоссе. Две лошади без седел и уздечек щипали у дороги траву. При входе в Ялту мы увидели два лошадиных трупа, у одной лошади были и седло и уздечка. Это было непонятно и жутко. У пристани нам представилась такая картина: поток людей шел на мол. Шли солдаты, офицеры, целые лазареты с больными и сестрами милосердия, были между ними и штатские люди, и женщины, и дети, все с чемоданами, корзинами, узлами. Много среди них хорошо знакомых лиц. И что при этом было необычайно, так это глубокая тишина и порядок среди этой массы людей. Ни одного крика, никакой толкотни! Даже слова команды наблюдающих за посадкой офицеров раздавались сдержанно, полупшепотом. Вот идет во главе своего лазарета милый доктор Дуранте, несколько раз бывавший у Саши. Его высокая фигура выделяется в толпе. Лицо у него, как и у всех, серьезно, сосредоточенно. Я чувствовала, как комок подступил к горлу и слезы текли по лицу. И все, в мертвой тишине смотревшие на этот уход, молча утирали слезы, а они текли опять. Ясно сознавалось, что уходят не только люди нас защищавшие, не только наши друзья и знакомые, но уходит куда-то в невозвратимое наша старая жизнь. Долго стояли мы с Натальей Васильевной, а люди все шли и шли. Надо было идти домой, становилось уже совсем темно. Мы шли молча, жутко было говорить.

Еще три дня стояли пароходы и суда в порту. На четвертый день порт опустел. Мы с Сашей, сидя у виноградника на лавочке, открывавшей широкий вид на море, следили за едва заметными вдали по-

следними судами, наконец и дымок рассеялся, Ялта опустела, замолкла, притаилась. Никакой власти в Крыму больше не было. Не сегодня-завтра придут красные. Очень жутки были эти дни ожидания. Дня через четыре мы услышали грохот колес по Верхнему шоссе. Целый день с грохотом и криками ехали на автомобилях и телегах красные солдаты. Шла артиллерия.

Как-то дня через два (до нас отголоски советской власти из Ялты еще не докатились) Саша с Лелей и Булькой пошли по лесу к Верхнему шоссе. По шоссе как раз проезжал автобус, наполненный солдатами. Увидя Бульку, один солдат наобум выстрелил в нее несколько раз из револьвера. К счастью, не попал. Булька, еще маленький щенок, в ужасе бежала куда глаза глядят, а Саша с Лелей тотчас вернулись домой взволнованные, даже потрясенные такой первой встречей с новой властью. К радости нашей, Булька через несколько времени, запыхавшаяся и испуганная, прибежала домой.

Впрочем, дальнейший рассказ Павловой полон подробностей примирительных. Мемуаристка вспоминает многих из советских служащих, кто готов был помочь.

Рассказ подчас весьма драматичен по событиям (Веру Николаевну чуть не убили, а потом того, кто ее грабил на дороге, она встретила, но не решилась признать грабителя в хозяине кабинета, куда пришла искать управы...). Однако по тону рассказ спокоен.

Вскоре она опишет свою пробную вылазку в Москву, затем отъезд из Ялты, затем и отъезд из России; начнет повествование о «загранице». Тон будет примерно тот же.

<...> К половине августа из Москвы от Наркомпроса пришло наконец сообщение, что прошению о заграничной поездке для лечения дан ход и что наше возвращение в Москву очень желательно. Очень жалко было расставаться с Крымом и еще грустнее – с милейшими Никитиными, которые стали нам настоящими друзьями⁹. Но уж если ехать в Москву, так ехать теперь, чтобы постараться попасть за границу (за границу – не безумная ли это мечта?) до зимы.

И вот во второй половине августа мы четверо – «благочестивое семейство», как любил говорить Саша, – простились с Никитиными чуть не со слезами, нагруженные невероятными чемоданами, корзинами и корзиночками, уселись в жестком вагоне и тронулись в Москву. Эта поездка никак не походила на мою поездку в Москву полгода тому назад. Поезд не стоял на остановках часами, как тогда, и локомотив бодро вез нас вперед, не останавливаясь со скрежетом и пыхтением то в лесу, то среди снежного поля. Это было и неожиданно и говорило о возрождении порядка и нормальной жизни. И у меня, и у Саши билось сердце, когда вдали показались купола московских церквей. Три года мы провели в Крыму!

Выход из вокзала, площадь ошеломили нас. Множество народа, автомобили, извозчики, грохот колес! Мы с трудом водрузились на двух извозчиков и поехали на Серпуховскую, в Коммерческий институт, рассчитывая на первое время приютиться у Павла Ивановича Мартынова при Физическом кабинете.

На наш звонок дверь открыл сам Павел Иванович. Он, широко открыв глаза, молча уставился на Сашу и вдруг с воплем бросился ему на шею.

(Сколько лет тогда могло быть Павлу Ивановичу? Верно, лет тридцать с небольшим. Потом, когда мы уже жили в Берлине, он писал нам, что жена его заболела страшной болезнью, волчанкой на лице, и что он хочет взять ее для лечения в Германию. Но это ему не удалось, и скоро мы узнали об ее кончине. Весною сорок третьего года приехавший из России актер В.Блюменталь-Тамарин, рассказывая о последних неделях своего пребывания на родине, описывал обстрел дачной местности, где он жил. В погреб, в котором он скрывался с семьей, втащили только что тяжело раненного профессора Павла Ивановича Мартынова, и тот на его глазах скончался.

Бедный, милый Павел Иванович!..)

Боже, какой поднялся переполох, когда мы все ввалились в маленькую переднюю. Впрочем, на нас остальных Павел Иванович едва обратил внимание. Выскочила жена его, Нина Фадеевна, потом его дочка, уже пятилетняя девочка. Когда все немножко успокоились, Павел Иванович рассказал, что в Москве упорно держится слух, что Александр Васильевич умер в Крыму, чуть ли не утонул в море, и что в основанном им Физическом кабинете в Политехническом музее даже привесили доску с надписью «Физический кабинет памяти профессора А.В.Цингера».

– Вот и отлично, – решил Саша, – если уж кабинет посвящен моей памяти, то мне, живому-то, должны дать помещение!

Тотчас были нажаты все пружины, и мы уже к вечеру переехали в огромный дом Политехнического музея, где в казенной квартире при Физическом кабинете нам предоставили две большие комнаты. В той же квартире жил физик С.Н.Жерков с женой и химик А.В.Павша, тоже с женой – ботаничкой. Встретили Сашу все с искренней, кажется, радостью и наперерыв старались помочь нам устроиться поудобнее.

Жизнь в Москве, даже с моего приезда полгода тому назад, заметно не то что улучшилась, но стала легче. Ходили трамваи, ездили извозчики, открыты были рестораны, и можно было покупать и хлеб, и мясо, и масло. Так что мы смогли достаточно уютно устроиться, питаясь и сытно и вкусно, конечно, благодаря Онечке. На другой же день мы принялись за свои дела – хлопоты о поездке за границу, и тут же, к изумлению нашему, узнали, что это совсем не

так невозможно, как нам казалось. Конечно, много помог нам в этом опять-таки Арт<емий>Халатов¹⁰. Самое трудное было получить разрешение на выезд с семьей! Сашу одного выпустили бы легко. Много хлопотал и Сашин племянник Вася Рискин, занимавший как раз в то время какой-то более или менее важный пост.

В театре я с радостью встретила Качалова и Книппер, незадолго перед тем вернувшихся из-за границы. И тут я узнала, что МХАТ собирается в гастрольную поездку в Америку. Когда по поручению дирекции Сергей Львович Бертенсон, секретарь Владимира Ивановича, составляя список артистов для поездки, запросил меня о согласии, я должна была отказаться, так как наша поездка для лечения Саши была почти решена. Мне чуть-чуть было нелегко опять расставаться с театром, но над выбором я не задумывалась ни минуты.

Пока я ежедневно приходила в театр и не раз приводила Лелю смотреть спектакли. Особенно памятным мне остался спектакль «Турандот» в постановке Вахтангова. Приятнее всего эти месяцы в Москве проводил Леля. Он ходил в театры, главным образом в оперу с Сашей, ездил несколько раз с Оней к ее сестре на Воробьевы горы, а главное, стал часто бывать в Зоологическом саду, и там произошла знаменательная для него встреча с художником В.Ватагиным. Ватагин был лучший в то время в России анималист. Под его влиянием Леля увлекся рисованием животных и в самом Ватагине приобрел друга на долгие годы...

У меня, да и у всех нас, была за это время в Москве большая, неожиданная радость. Раз как-то на звонок я сошла вниз отворить дверь, а двери в Политехническом музее большие, тяжелые. С усилием открывая одну половину двери, я вижу перед собой высокого, широкоплечего мужчину. Всматриваюсь.

– Ну вот, смотрит и не узнает! – говорит этот мужчина.

– Боже мой, Юрка! – кричу я, обхватывая его за плечи.

Это был Юрка, тот мальчик Юрка, который три года тому назад в белой кадетской рубашке провожал нас на перроне Курского вокзала, когда мы уезжали в Харьков. Как трудно было признать его в этом загорелом, широкоплечем человеке! Наша радость была неопишима. Все говорили сразу, перебивая друг друга, всё хотелось поскорее узнать, поскорее рассказать. Юрка, как и мы, многое пережил: жил в немецких колониях, болел сыпным тифом, женился на украинской актрисе и теперь ожидал появления потомства! Он пробыл с нами всего одну неделю. Мы снова должны были с ним проститься, и вот теперь почти 22 года прошло с тех пор и 10 лет с тех пор, как он перестал нам писать. Его сыну теперь уже 21 год. Страшно подумать о том, что с ними теперь, в эту ужасную войну!

Много старых друзей повидали мы за эти два месяца в Москве. Многие, как профессор Лазарев¹¹, Рындзюньские и Н.Г.Лист, очень

отсоветывали нам ехать за границу, рассказывая, что в Германии живет сейчас очень плохо; мои же коллеги по театру, наоборот, очень хвалили жизнь в Берлине и надавали мне кучу адресов квартир и пансионов. Я тратила много времени и усилий, чтобы получить то удостоверение от докторов, то десятки разных разрешений. Приходилось ждать в приемных и писать бесконечные прошения и заявления.

В половине октября были высланы из Москвы человек 10 видных ученых и профессоров¹². С той минуты, как это стало известно, мы жили в постоянной тревоге, что Сашу может постичь та же участь. Но должна сказать, что к Саше относились всегда очень внимательно. Ночами мы с Оней сидели на кроватях и прислушивались, не загудит ли у дверей внизу зловещий автомобиль. Спешили подготовить отъезд, продавали вещи, набирали деньги, чтобы не приехать с пустыми руками в Берлин. Наконец все как будто было сделано, фотографические снимки сделаны, всевозможные болезни привиты, и в один прекрасный день какой-то молодой человек вошел к нам и, сказав: «Я от Василия Яковлевича Рискина», – положил перед нами три заграничных паспорта. Это было так неожиданно и так радостно, что у меня даже закружилась голова, показалось, что это сон. Однако три красные книжки лежали на столе!

На другой же день я отправилась в немецкое посольство в Леонтьевском переулке, чтобы проставить давно выхлопотанную немецкую визу, но тут опять препятствие!

– Зачем вам везти с собой сиделку (под именем «пфлегерин» мы хотели провезти Оню). – В Германии сиделок сколько угодно!

С большим трудом и ценой девяти английских фунтов нам удалось провезти Оню. Все было готово, и мы, за несколько дней до собственного отъезда проводив Художественный театр¹³, простившись с Москвой и друзьями, 7 ноября выехали за границу через Ригу. Накануне отъезда я пошла поклониться в Иверскую часовню Божьей Матери. Как-то смутно и беспокойно было на душе. Что-то ждет нас в Германии?

В вагоне мы устроились хорошо, достаточно удобно, доехали до Риги вполне благополучно, но, такова уж психика советских граждан, все время, до самого Эйдкунена, все думалось: как бы чего не вышло!

Ах, поскорее бы доехать до границы! В Риге нам пришлось переночевать. Саша с Лелей тотчас отправились обедать в хороший ресторан, и там с ними чуть не произошел скандал. Когда дело дошло до платы за шикарный обед, оказалось, что денег у Саши не хватило, и им пришлось послать человека в гостиницу ко мне, так как «касса» всегда была у меня. Счастье их, что я из-за мигрени осталась дома, а то им верно пришлось бы пережить неприятные часы! <...>

В этот же день вечером Саша с Лелей пошли слушать оперу полатышски. Эту ночь мы отлично выспались и на другой день сели в спальный вагон, чтобы ехать до Берлина. До самого момента переезда границы было у меня с Сашей и Оней беспокойное чувство, хотя бояться, собственно, было нам нечего. Наши фунты и доллары были запрятаны надежно, да и осмотр на границе был довольно поверхностный. И вот наконец Эйдкунен – Германия! Все формальности закончены, мы вышли в буфет и сели за круглый деревянный, ничем не покрытый стол. Довольно угрюмый кельнер принес сосиски и пиво. Вот он, тот момент, о котором как о недостижимом счастье мечтал Саша в Темис-Су. Сосиски были чудные, пиво тоже, а главное, сознание, что мы в Германии, что, Бог даст, трудности последних лет остались позади. Однако ночь по дороге в Берлин была не очень спокойна.

Медленно плыл поезд по огромному Берлину, останавливаясь на городских станциях. «Шлезисер Банхоф, Александерплац, Фридрихштрассе». Множество народа спешат по разным направлениям, тележки с сосисками, сладостями и разными напитками провозят вдоль вагонов. Опять и опять огромные дома Берлина, угрюмые, грязно-бурого цвета, и на стенах афиши, плакаты, то и дело мелькает голова кудрявого младенца – мыло Барта и пилюли Ача. Мы немножко ошеломлены, особенно Оня. Наконец мы подъезжаем к вокзалу Зоологического сада. Здесь нам надо слезать. Собираем все наши пожитки и выходим из вагона. Сразу бросаются к нам Липшицы, и Яков Александрович и Раиса Львовна, а вот за ними и Эйхенвальды!¹⁴ Целуемся, обнимаемся, говорим все сразу, нескладно. Немножко всем нам точно неловко, так давно не виделись. Худоба Саша явно испугала Липшица. Он говорит, что взял нам квартиру недалеко, на Ноллендорфштрассе, и что мы сразу можем ехать туда. Мы все усаживаемся в автомобиле и едем. На втором этаже большого мрачного дома (почти все дома в Берлине мрачные) Липшицы заняли для нас две комнаты у пожилой дамы Глогауер. Комнаты славные, светлые, но поражают множеством ненужных вещей. Большой деревянный олень на тумбе, майоликовые вазы, фигуры из бронзы наставлены всюду. В нашей спальне, над обширными кроватями, висит в бархатной раме огромная картина. Плохо прикрытая вуалями молодая белокурая немочка парит в воздухе, чуть касаясь облаков. Толстенная коротенькая ножка попирает разбросанные цветы. Я потом увидела, что такие или подобные картинки являются неизбежными в немецких спальнях, очевидно, с целью наводить на обитателей игривые мысли. Эйхенвальды и Липшицы скоро с нами простились. Перед уходом они рассказали нам самое необходимое для начала нашей берлинской жизни и назвали поблизости несколь-

ко хороших ресторанов. <...> Какими дикими словами казались мне тогда объяснения Липшица: «Вы сядете тут же на Ноллендорфплац в унтергрунд и на Глейцсдрейк пересядете...» Несколько раз я переспросила это новое для меня название, сколько десятков раз пришлось впоследствии там пересаживаться, а теперь слово «Глейцсдрейк» звучит даже чем-то родным!

Итак, мы устраиваемся на нашей квартире. В комнатах довольно тепло и уютно. Хозяйка полная, пожилая женщина, именно типичная берлинская хозяйка, но из симпатичных. Она сразу увидела, что мы люди спокойные и, главное, в деньгах не скупимся; этим, конечно, особенно завоевали ее сердце. Наша Оня, с ее приветливостью и желанием услужить, сразу приобрела в ней подругу, что было очень важно, так как мы уже через несколько дней решили стряпать дома и Оне то и дело приходилось обращаться к фрау Глогауер за помощью и советом. Самое странное при этом было то, что они отлично друг друга понимали, объясняясь то обрывками немецких слов со стороны Они, то жестами со стороны хозяйки. Приготовлять здесь обед было необычайно просто и легко. Газ привел Оню в восторг. То, что в Темис-Су стоило стольких усилий и времени, да даже и в Москве разжигание плиты, – все это сводилось к затрате одной спички и легкому повороту кранчика. А покупки! На углу нашей Ноллендорфштрассе был большой магазин Зигерта (он находился там до последнего времени, может быть, теперь погиб от бомбардировки). Там мы покупали и ветчину, как мы на нее набросились! И сосиски, и новый для нас сорт мяса – копченые свиные котлеты, и всякие крупы, и макароны. А в десяти минутах от нас два раза в неделю торговал большой рынок, где можно было купить и рыбу и любую зелень. Оня наша была очень довольна, быстро освоилась с таким новым для нее городом и языком и скоро покупала и даже торговалась, как у себя дома. Немножко не нравилась нам наша улица. Поздно вечером раздавался то свист, то пение, визг и женские крики, но, конечно, это были мелочи, с которыми мы охотно мирились.

Как только мы передохнули от дороги и тревожных последних дней в Москве, тотчас стали наводить справки о том, к какому доктору надо обратиться Саше. Александр Александрович Эйхенвальд переговорил с проживающим в Берлине известным московским хирургом Сергеем Михайловичем Рудневым, и тот тотчас сам приехал к нам переговорить с Сашей и взялся узнать, кто из врачей наилучший специалист по этой части. Пока выяснялся этот вопрос, мы наслаждались Берлином.

Прежде всего Леля, а с ним и Саша стремились в Зоологический сад, знаменитый Цоо. Так помню, как мы впервые шли с Ноллендорфплаца пешком по <улице>Клейста, потом по Тайенциенштрассе до знаменитого Элефантештора. К нашему великому разочарова-

нию, Цоо оказался временно закрытым; мы решили не падать духом и как-нибудь добиться пропуска. Но через несколько дней Цоо снова открыли для публики, и он стал местом наслаждения не только для Лели, но и для Саши. Леля стал с увлечением рисовать разных тварей, особенно обезьян, и делал успехи буквально с каждым днем. Он улавливал в животном то, что не давалось даже таким патентованным «животным» художникам, как, например, Кунерт: Леля всегда видел «лицо», характер зверя и еще мальчиком умел передать его. Когда недели через три по приезде я, забрав рисунки, отправилась к директору Цоо, самому гехеймрату Хекк, чтобы попросить его дать Леле (ему было 14 лет) месячную карточку на вход в Цоо «как будущему художнику», Хекк, с удовольствием перебирая рисунки, возразил: «Да он уже сейчас художник». И тотчас выдал разрешение на бесплатный билет.

Я немножко забежала вперед, поэтому возвращаюсь назад. Пока прием у доктора еще не был назначен, мы то с Оней, то с Лелей ходили по магазинам, так как наши убогие одеяния никак не подходили к элегантному, на наш взгляд, Берлину. И какое же удовольствие было смотреть на выставки магазинов и потом выбирать и покупать то, что тебе по душе. И как все было дешево. В Берлине была инфляция, марка упала так низко, что мы, с нашими долларами и шведскими кронами, казались себе богачами. Уже через неделю мы были одеты совсем прилично, и Саша заменил хорошей мягкой шляпой свою меховую шапку, которая всюду вызывала изумление, а подчас и смешки. Не надо удивляться нашему увлечению покупками – ведь за четыре года мы обносились совершенно и ничего не могли возобновить.

Наконец был назначен Саше прием у профессора Клаппа, ассистента профессора Бира, который был в отъезде (и к лучшему, решил Руднев). Клапп принимал в своей санатории на Мартинлютерштрассе. Обставлен он был так, чтобы пациент сразу мог убедиться, какая он важная птица. Помощники, ассистенты, сестры так и крутились вокруг него. Сам он был высокий, белокурый, представительный, принял Сашу очень вежливо, даже предупредительно, но все же давая почувствовать, что он богат, а мы дикари. После внимательного, подробного освидетельствования он объявил, что прежде всего необходимо установить причину заболевания, но он совершенно уверен, что болезнь туберкулезного происхождения. Он желал сделать целый ряд исследований и, самое главное, заказать особый корсет, чтобы держать в неподвижности больные позвонки. С этого дня началось для бедного Саши тяжелое время. Корсет – очень дорогой – был заказан нами в огромной протезной мастерской. Пришлось ездить туда несколько раз, Сашу обмеряли, примеряли и сделали наконец большой гипсовый слепок. При этой последней

процедуре Саша сильно простудился и больше двух недель не мог оправиться от сильного гриппа. Сидя дома, он решил уж кстати заняться лечением зубов, и нам рекомендовали хорошего молодого доктора, который энергично принялся за дело и не раз приезжал к нам с ассистентом и всеми инструментами. Помимо этого то и дело приходили то тот, то другой специалист для предписанных Клаппом исследований. Курьезно, что все исследования были безрезультатны, не открыли ни туберкулеза, ни последствий какой-либо другой болезни. Клапп, однако, упорно потребовал применения корсета. Все это стоило огромных денег, и что самое обидное, не было уверенности, что мы на правильном пути. Мне не раз казалось, что все это, включая и великого Клаппа, было удобным поводом для извлечения у нас наших бедных долларов!

Наконец вся эта маета окончилась, Саша поправился и решил пока ничего нового не предпринимать до весны и только стараться потолстеть. Мы с Онечкой старались кормить его как только возможно, и наша берлинская жизнь стала налаживаться очень уютно. Серьезный вопрос для нас с Сашей было ученье Лели. Настоящее «ученье» с самого начала плохо налаживалось благодаря катастрофическим переменам во всех устоях жизни. Ему четыре раза пришлось менять самую программу учения, постоянно переходя из старой орфографии в новую и обратно. И все же он к своим 14 годам знал и понимал много больше своих сверстников только благодаря постоянным беседам с отцом. И в Берлине Саша возобновил те чтения вслух, которые они оба так любили. Для русского языка к Леле стал ходить студент С.П.Воинов и очень пришелся к дому, так что отношения с ним стали совсем дружественными. Для немецкого языка Воинов привел немца, студента же. Так что с этой стороны все было в порядке. Обучать его более правильному рисованию приходила молодая художница, но мало дала Леле. Цоо дал ему несравненно больше.

Берлинские кино в это время все больше завоевывали публику, и Леля увлекался ими очень. Но на первом плане стало варьете «Скаля». Тут уж увлекался не один Леля, но и Саша, и Оня, и я. Номера были действительно первоклассные, и вся обстановка «Скаля» до того приятна и уютна, как нигде в другом месте. Для нас стало потребностью непременно в начале месяца смотреть каждую новую программу.

Саша принялся за работу над новым изданием «Задач и вопросов по физике»¹⁵, работа эта его очень увлекала. Он не задумывался обращаться к первейшим специалистам за нужными ему точными сведениями, и я часто с радостью помогала ему при писании писем и иногда даже ездила к различным профессорам. Должна сказать, что все они всегда были очень предупредительны. Саша познакомился с

некоторыми физиками и стал посещать их заседания. Часто встречались мы и с Липшицами, и с Эйхенвальдами. Молодая жена Александра Александровича училась петь, и Саша очень любил посидеть у них вечер и послушать любимые арии. Через несколько дней после нашего приезда мы были очень обрадованы: неожиданно пришла Маруся Крыжановская. Я знала, что группа Художественного театра находится в Берлине, но не знала, как их найти¹⁶. Маруся была самым любимым, самым милым членом труппы, все мы ее очень любили, и Саша, и Оня. С тех пор как мы расстались тогда в Екатеринодаре, прошло почти два года, и понятно, что рассказам с обеих сторон не было конца. Группа проделала целый ряд блестящих гастролей по Югославии, Чехии, была и в Париже, и в Лондоне. Много перемен произошло в группе. Уехали в Москву такие незаменимые актеры, как Книппер, Качалов, Берсенев, Бакшеев. Вступила М.Н.Германова¹⁷, Павлов выдвинулся на первое место, к Вырубову перешли роли Астрова в «Дяде Ване», Пети в «Вишневом саду». Маруся Крыжановская вышла замуж за скульптора А.Бессмертного. Брак ее произвел на всех тяжелое впечатление. Уже не говоря о том, что Аркадий был калека (обе ноги были парализованные). После Маруси нас один за другим навестили и Шаров, и Массалитинов с женой, и Вырубов. Вырубов успел жениться на молоденькой певице, которую он вывез из Румынии; скоро она, простенькая девочка, стала знаменитой певицей Чеботаря. И Шаров, и Массалитинов решительно заявили мне, что считают меня вернувшейся в группу, что предстоит поездка в Данциг, Цопот, Ревель, Ковно и Прагу и что я не могу отказываться, так как я их подведу. Мысль о новой театральной работе была очень заманчива, у меня даже сердце забилося, но оставить Сашу с Лелей в Берлине хотя бы на полтора месяца было нелегко. Они видели мое колебание и стали говорить о хорошем заработке и о блестящих перспективах. Какая-то фильмовая фирма предлагала заснять всю постановку «Власть тьмы», и будто мне предлагалась в ней роль Матрены. Конечно, это было очень заманчиво: не тратить привезенных денег, а жить на заработок, которого наверное бы хватило. Я хотела подождать с ответом, но и Шаров, и Массалитинов так настаивали на моем согласии (они хотели немедленно начать репетиции «Села Степанчикова», где я должна была играть генеральшу), что я скрепя сердце дала слово.

Когда все ушли, я загрустила, но Саша стал усиленно уговаривать меня: «А как ты уезжала из Темис-Су в Москву? Вот это было действительно рискованно, а уж тут-то нечего бояться! Здесь и доктора, и Липшицы, и Эйхенвальды, и Онечка будет нас кормить на славу, но чур писать через день! Чтобы мы всегда знали, где ты!»

Таким образом этот вопрос был решен окончательно, но отъезд предстоял не так скоро; пока только начались репетиции, кажется, в

Шуберт-зале. Не подозревала я тогда, еще сколько спектаклей мы будем ставить в этом Шуберт-зале. Сколько волнений, радостей, успехов и разочарований будем мы там переживать.

Вскоре и я простудилась и схватила жабу. Товарищи привели ко мне русского врача-специалиста. Молодой, стройный, красивый – он нам очень понравился. Это был Борис Эмильевич Роде, который стал впоследствии совсем знаменитостью. Я познакомилась и с его женой, прелестной, очаровательной женщиной. Я нередко впоследствии у них бывала. К несчастью, бедная Вера Павловна много и тяжело болела, а за последние годы ее даже нельзя было видеть! Я не знаю, в чем дело.

Не много я могу вспомнить подробностей нашей первой берлинской зимы. Быстро подошло Рождество, которое мы уютно и в смысле продовольствия богато встретили. Помню только, что елок не продавали. Зима была теплая, неделями держалась температура на нуле. После сурового режима последних лет мы так наслаждались возможностью взять автомобиль и поехать куда-нибудь, пойти в магазины и купить что надо, пообедать в ресторане, посидеть в кафе. Все это так любил Саша и все мы. В эту зиму я впервые познакомилась с Анной Богдановной Ферингер. Она была женой большого ученого А.Крылова и приехала с ним в Берлин из Лондона. Сама она была талантливым физиком, и Саша уже раньше был знаком с нею по съезду физиков в Петербурге. Большая умница и внешне обаятельная женщина. Вернувшись в Лондон, она прислала оттуда Леле несколько выпусков чудесно изданного журнала «Животные всех стран» (кажется, так назывался журнал). Леля переплел выпуски в семь или восемь больших книг, и сколько наслаждений доставляло рассматривание иллюстраций не только Леле и нам всем, но много лет спустя и Лелиному сыну – Алешеньке! Сколько вечеров мы провели с ним, рассматривая то змей и лягушек, то обезьян!

В эту зиму мы получили первое известие от брата Саши – Алешки из Парижа. Впервые после стольких лет! В эту же зиму приехал из Болгарии племянник Саши, сын Ивана Васильевича, Гриша. Тот самый, о котором я услышала в Екатеринодаре. Я не знаю, почему я сначала боялась какого-нибудь дурного его влияния на Лелю и не очень душевно к нему отнеслась. Он получил комнату в нашем же доме, наверху, и хотел было поступить в Техническую высшую школу, но немцы не пришли ему по душе, и он скоро уехал во Францию, где очень хорошо окончил Высшую техническую школу.

Вскоре после Рождества приехал в Берлин в командировку Николай Густавович Лист. Мы встречались несколько раз и у нас, и в кафе, и ходили вместе с кино. Но приезжал он не один, жил как будто с постоянной оглядкой на сопровождавшее его лицо и боялся нару-

шить ему самому не ясные правила, что можно, чего нельзя, хорошо ли, что он смотрит «такую фильму».

К Рождеству мы получили известие от Юры, что у него родился сын – Вовочка. Я стала бабушкой! Этого внука я знаю только по портрету, хорошенький, черноглазый мальчик. Теперь ему уже 23 года! Уцелел ли он в эту ужасную бойню!

Шаров и Массалитинов как представители нашей группы вели бесконечные переговоры с антрепренерами, но наконец договоры были подписаны и день отъезда назначен. Спектакли предполагались в Цопоте, это курорт около Данцига, потом в Риге, Ревеле, Ковно и Праге.

Мне пришлось купить небольшой чемодан и подновить мой грим. К счастью, мою коробку красок еще из МХТ я имела с собой. Впрочем, у Лейхнера в Берлине можно было иметь что угодно. Очень мне было тяжело уезжать от Саши и Лели, утешало только, что всего на полтора месяца и что почта всюду ходила исправно. Я подробно сговорила с Оней насчет хозяйства, в этом отношении я была совершенно спокойна. Саша с Лелей проводили меня на вокзал, и мы тронулись на Данциг.

Как всегда, в этих групповых поездках много крика, подчас ссоры и тут же смех. Была пересадка где-то около Мариенбурга. Совсем старинная крепость с толстенными стенами, бойницами, рвом и подъемными мостами. Интересно и живописно. Посмотрели Данциг. Запомнились мне каналы, два-три старинных дома да железные решетки у домов, которые нам упорно советовали посмотреть. Цопот меня ужасно разочаровал. Правда, и время для морского курорта мало подходящее – январь! Большое, но некрасивое казино, рядом театр. Голый пляж, кое-где корявые деревца. Безнадёжно унылое, грязно-желтоватое море. Мне представлялось невероятным играть в такой дыре; оказалось, однако, что сборы были полные и успех очень хороший.

Премьершей мы везли Марию Николаевну Германову. Она и играла Раневскую в «Саду» и Елену в «Дяде Ване». Может быть, она играла и неплохо и, конечно, была очень красива, но ее Раневская меня не трогала.

Как-то днем я зашла посмотреть, что делается в казино. Вижу, в большом зале много народу сидят вокруг стола. Некоторые стоят позади. Спрашиваю, что такое? Это рулетка, говорят. Я подошла поближе посмотреть. Мне понравилось, как бегают шарик. Тут как раз передо мной кто-то встал, и я неожиданно оказалась сидящей за столом. Ставки были очень маленькие, и я сразу начала выигрывать; когда я порадовалась, что моя кучка денег так возросла, крупнее неожиданно загреб все лопаточкой. Сдаваться мне не хотелось, и я только что взялась за сумочку, чтобы достать денег, как кто-то тро-

нул меня за плечо. Оборачиваюсь – стоит Шаров с серьезным, даже сердитым лицом.

– Вера Николаевна, бросьте это занятие! Я вам денег вперед не дам, как хотите! Никак не ожидал, что вы увлечетесь рулеткой.

Лицо у него было такое мрачное, что я, чтобы не вступать в пререкания, встала и вышла с ним из казино. Так и не удалось мне поиграть хорошенько!

В общем, дни шли довольно скучно. Раз или два были веселые ужины; особенно один был очень оживлен, когда приехали тоже на гастроли Аверченко и Вертинский. Мы ужинали все вместе после спектакля за большим столом в ресторане, и Аверченко и Вертинский взапуски рассказывали анекдоты и смешили всех до упаду. Вертинский на этот раз не пел своих дурацких песенок, а представлял то богаделку, которая спорит с соседкой, то старуху-богомолку, рассказывающую о чудесах, и тут был действительно талантлив. Мы просидели до глубокой ночи, и не хотелось расходиться. Наши не хотели отстать от гастролеров, и Павлов своими анекдотами тоже не ударил в грязь лицом; закончили все пением, на которое были такие мастерицы жена Павлова, Греч и Вера Орлова.

Следующим городом был Ковно. В Берлине мы постоянно слышали из газет о расцвете Литвы и особенно ее столицы, и когда мы вышли из вокзала на небольшую площадь и пошли по главной улице – я глазам своим не верила! Улица, правда, широкая, по сторонам то невысокие дома в два-три этажа, то заборы, то совсем маленькие домики. Все в снегу. С краю улицы плетется маленький вагончик конки, которую не спеша тащит лошадка. Типичная картина маленького русского провинциального городка. Гостиница, куда нас привели, была снаружи очень невзрачная, но внутри очень удобная, и комнаты большие и удобные. И все совершенно как бывало когда-то. А когда, вслед за нашим водворением в комнату, пришел истопник в красной рубашке и белом фартуке и принес охапку дров, мне померещилось, уж не ошиблись ли мы, не попали ли мы в старую, милую Россию.

Театр оказался небольшим, и много пришлось повозиться, чтобы привести его в приличный вид.

В городе нашлось несколько больших новых зданий, город только начинал принимать вид столицы нового государства. Но нам было приятно и уютно. В комнате мы поселились с Марией Крыжановской, было тепло, дрова так весело трещали в печке, а на улице снег так по-родному скрипел под ногами. И кормили в ресторанах прекрасно. Сытно, вкусно и совсем по-русски.

Спектакли наши шли при переполненных сборах <так!> и с большим успехом, так что на пребывание в Ковно пожаловаться бы-

ло нельзя. Я почти каждый день получала письма от Саши, так что всегда была в курсе их жизни. Иногда Лелюшка приписывал от себя.

После Ковно мы играли, кажется, неделю в Ревеле. Город мне очень понравился: живописный, очень чистенький, со многими старинными улочками и домами. И рестораны и кафе были уже на европейский лад, продукты все были первый сорт, как-то доброкачественнее даже, чем в Берлине. Театр не очень большой, но вполне благоустроенный. Полные сборы, успех как везде. Гастроли в Риге не состоялись из-за местной труппы, которая продолжала свои спектакли и не хотела дать нам театра. Шаров спорил с нашим антрепренером, но поправить дело было нельзя.

Последние гастроли мы играли в Праге. Прагу я видела в 1906 году, когда туда ездила с Х<удожественным> театром. На этот раз, может быть, после огромного, шумного Берлина она показалась мне провинциальной и тусклой. Ехали с вокзала с Марией Николаевной Германовой. Странно, у меня к ней какое-то недоброжелательное чувство за то, что она играет роли Ольги Леонардовны. Глупо!

Я люблю в незнакомом городе бродить по улицам, по базару, выискивая, нет ли чего-нибудь интересного, местного. В Праге это были головные платки, пестрые и яркие, которые продавали бабы на базаре. В Ревеле — изделия из дерева, часто безвкусная имитация русских работ; в Риге я нашла только соленых и копченых рыбок!

Многое в Праге красиво и интересно. И их крепость Градчаны, и узенькие прилегающие к крепости улочки, и мост через Влтаву. Главная улица полна хороших магазинов, и витрины подчас очень заманчивы. Спектакли наши прошли с обычным успехом, и мы хорошо заработали. Так как мы были еще в Берлине законтрактованы большой фильмовой фирмой, то мы получили наш гонорар там, а в поездке особый заработок. Я была счастлива, что мое жалованье мог получать Саша, и это давало ему возможность не очень экономить в средствах и приобретать книги и себе, и Леле. Из Праги мы возвращались уже «домой», в Берлин, и это была большая радость.

Всю эту поездку я разделяла комнату с Марией Крыжановской, и постоянно мне приходилось убеждаться, какой это милый, прелестный человек. И какая талантливая актриса! Это поистине потеря для искусства, что она выбыла из Московского Художественного театра и за эти годы эмиграции так израсходовала свои силы в случайных спектаклях и концертах. Если бы не Аркадий, она, конечно, поехала бы с театром в Америку и осталась бы потом в труппе. Очень, очень за нее больно.

Вскоре после нашего возвращения в Берлин фирма фильма потребовала нас для работы. Мы начинали съемку «Власти тьмы». С непривычки эта работа меня ужаснула. Надо было в семь часов утра выезжать из дому и возвращаться не раньше шести часов вечера. Таким

образом, я выбывала из дому на целые дни. Но договор был подписан, деньги были хорошие, и пришлось примириться. Это был мой первый фильм в Германии, и, конечно, мне было интересно. Около семи часов утра у нашего дома гудел автомобиль, обычно в машине уже сидел кое-кто из наших, иногда по дороге заезжали еще за кем-нибудь. Перед настоящими съемками были сделаны с нас пробные, и режиссер остался мной доволен. Никиту играл Вырубов, Анисью Германова, на Акулину пробовали Греч¹⁸ и Егорову и взяли, конечно, Егорову. У нее большая простота, искренность и исключительный бытовой тон, тогда как у Греч всегда что-то напористое и совсем не русское. Маруся Крыжановская чудесно играла Анютку и Павлов Акима. Никак не могла я принять Германову. Ну какая же она Анисья.

По моей роли мне полагалась отдельная уборная, и так как я была единственная, кто свободно говорил по-немецки, то режиссер часто обращался ко мне как к переводчице и вообще меня немного выделял. Режиссировал Вине, Конрад¹⁹. Режиссер он был неплохой, но, как он сам говорил, их интересуется Россия не такая, какая она есть, но такая, какой они ее себе представляют. От многого удалось его удержать, но все же Анисья на свадьбе красовалась в жемчужном кокошнике с широчайшими голубыми лентами сзади и кончала пьесу, бросаясь на колена рядом с Никитой и крича:

– Берите и меня!

Как эпилог показывались ряды бредущих в Сибирь арестантов, и среди них Никита и Анисья! Да простит им Лев Николаевич!..

Трудно приходилось режиссеру с Вырубовым. Он очень хорошо играл Никиту, но как-то странно вдруг среди работы смякал, точно засыпал, и приходилось его подбадривать двумя-тремя стаканчиками коньяка. Причем про Вырубова никак нельзя сказать, чтобы он любил выпить.

Сама по себе работа нравилась и занимала меня. Иногда, конечно, приходилось пять-шесть раз повторять сценку, пока все удавалось так, как хотел режиссер, но в общем он был мною доволен. Меня только очень смущало, что лицо-то мое мало подходило для Матрены. Декорации и все постройки делал Андрей Васильевич Андреев, тогда еще начинающий декоратор, теперь в своем деле знаменитость. Картины его и тогда были очень хороши, а некоторые, как двор при доме Петра или деревенская ярмарка, совсем замечательные.

Иногда нас приглашали на просмотр уже отснятых частей фильма. Многое исправлялось, и приходилось переснимать. Так как платили нам не поденно, то время не экономили, и мы только в начале мая закончили фильм. Я до смерти была рада вернуться к домашней жизни.

За время моей работы подошла весна, и так как стало тянуть за город, то Саше один доктор порекомендовал санаторий в «Шлосс

Тегель», куда Саша и перебрался с Лелей в половине апреля. В санатории были русские врачи и много русских, так что и Саша и Леля чувствовали себя довольно уютно, тем более что и комната и еда были очень приличны. Но, к сожалению, весна выдалась такая, что приходилось одеваться потеплее и о прогулках нечего было и думать, дождь лил изо дня в день.

Вскоре по окончании фильма мы сыграли три спектакля в самом Берлине, в Лессингс-театре на Шиффбауердамм.

В половине мая Саша вернулся в Берлин, и скоро погода стала налаживаться и установилась наконец весна. Мы нередко стали ездить в Тиргартен, где проезжали по широким аллеям и останавливались иногда, чтобы посидеть в кафе и выпить кофе. Но кофе был еще неважный, сахара давали мало, и «кухень» были без сбитых сливок.

Однако мы подумывали о том, как бы пробраться поужнее и где наконец начать лечение. По совету доктора мы остановились на санатории доктора Зейц на Баденском озере, списались с ним и стали готовиться к отъезду.

Около этого времени в Берлин приехала труппа Московского Художественного театра, возвращаясь из Америки²⁰. Мне удалось несколько раз повидать и Книппер, и Качалова, и мою приятельницу Марусю Григорьеву. Она была в восторге от Америки, об удобствах жизни и шумном движении Нью-Йорка рассказывала без конца. Кое-кто из труппы остался в Америке, как Ричард Болеславский, ставший потом известным фильмовым режиссером. (К несчастью, он умер очень молодым, перетрудив сердце спортом, как говорят.) Осталась там и Мария Алексеевна Успенская (по прозвищу Маруча). Говорят, она работает в фильме, имеет свою драматическую студию, ездит в собственном автомобиле и курит сигары. Мне смешно это себе представить, когда я вспоминаю Маручу – некрасивую, старобразную, очень маленькую и худенькую. Правда, она несомненно талантлива, а это главное.

Остался в Америке и портной Бодулин с женой и сыном. Он был в нашей группе, когда мы странствовали по югу России. Теперь он имеет в Нью-Йорке свою мастерскую, вполне там прижился, и Качалов рассказывал, что кое-кто из труппы были приглашены к Пете на ужин, и на пригласительных билетах (!!!) было напечатано «Смокинг и вечернее платье», а хозяин встречал их в домашней куртке.

За американскую поездку я как член Товарищества получила 400 долларов дохода!

В половине июня мы распростились с друзьями, я снова выбыла из нашей группы, простилась с Берлином, к которому уже привыкли, и поехали Uberlingen на Бодензее. Ехали мы удобно, сидеть было

мягко, не было обычной суеты перед отъездом, так уютно и спокойно сидеть было приятно.

Я замечаю, что совсем не упомянула об истории с нашими паспортами, а это стоило <бы>. Дело в том, что на наших паспортах была коварная заметка немецкого консульства в Москве, что после трех месяцев пролонгация может быть дана только там же, т.е. в Москве. Обращаться туда было бесполезно, там управлял этими делами некто г. Х., и вообще-то неприятный господин, а в этих делах особенно. Выше я писала о девяти английских фунтах, которые он взял за разрешение въезда Они. Что же нам было делать? Анна Богдановна Ферингер порекомендовала нам ловкого человека, который незаменим в таких делах. Мы не очень любили с Сашей такие темные предприятия, но сами были очень неопытны в Германии и никого не знали. Ловкий человек пришел, оказался очень бойким, но симпатичным, был молод, смазлив, взялся все устроить, о плате не хотел говорить. Мы решили довериться ему и отдали ему наши паспорта.

– Через неделю я их вам верну, – сказал он, уходя.

Прошла неделя – никакого ответа. Прошла еще неделя – о наших паспортах ни слуху ни духу. Еще через неделю, когда мы уже сильно приуныли, приходит Анна Богдановна, совершенно расстроенная, и говорит, что разыскала наконец своего ловкого приятеля и узнала, что он неожиданно, в большой спешке, уехал в Америку! Положение было нелепое. Анна Богдановна чуть не плакала и от неловкости перед нами и от разочарования в человеке, которому она безусловно доверяла. Потолковали мы и так и сяк, но ничего толкового не придумали. На другой день рано утром пришла Анна Богдановна и привела с собой человека, которого она знала давно и который взялся нам помочь. Он был совсем другого типа, солиден, уверен в себе, и, несмотря на наш печальный опыт с первым ловкачом, этому как-то верилось. Он спокойно, толково все расспросил, сказал, что ничего не обещает, но постарается устроить, т.е. достать нам законные бумаги для проживания в Германии, но просит по 25 долларов с паспорта, так как у него будут «расходы». Когда я спросила, как скоро он думает это устроить, то он спокойно заметил, что вот сейчас четыре часа дня, он успеет съездить по нашему делу, и тогда завтра можно будет и покончить! Выговоренная огромная цена (только в случае успеха!) давала и нам какую-то веру в успех предприятия, и мы согласились. На другой день рано утром он зашел нам сказать, что просит нас к 12 часам дня быть в нашем полицейревире. Мы отправились туда (на Гольцштрассе) с Оней и Лелей. Саша под предлогом болезни остался дома. Наш «доверенный» был уже там. Через полчаса мы вышли из полицейревира, снабженные тремя незаконнейшими желтыми перзоналаусвейсами, которые давали нам право проживания по Германии <так!> пока на полгода. Доллары в то сча-

стливое время были всемогущи! Думаю, что устроивший нам это молодой человек сделал впоследствии хорошую деловую карьеру.

Я очень уж много времени уделила эпизоду с нашими паспортами, но я думаю, что это небезынтересно.

С этими паспортами мы жили без всяких забот, включая и поездку в Италию. Чтобы закончить этот эпизод достойным образом, должна прибавить, что через три с половиной года нашего пребывания в Германии мы как-то получили из Америки объемистый пакет, и в нем оказались наши пропавшие паспорта!

На этих строках заканчивается последняя главка в рукописи, озаглавленной «Что мне вспоминается». Нам предоставляется возможность продолжить публикацию письмами, отразившими то же время (и то время, которое в мемуарах опускается). Это письма к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, хранящиеся в Музее МХАТ.

1

3 мая <1921>, Ялта

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович!

Сегодня третий день Пасхи, и даже у нас, среди нашей безвыходно тяжелой работы, получилась небольшая передышка. И как всегда, в эти часы мною овладевает гнетущая тоска по театру. Как бы я хотела взглянуть на Вас, Владимир Иванович, услышать Ваш голос! Вот уже скоро два года, как мы здесь. Год прошел недурно, но этот зимний сезон, эта работа в ненавистной школе, голод, холод, недостаток во всем, вечное беспокойство за Алекс<андра> Вас<ильевича> и мальчика сделали меня старухой, вернее, жалкой иссохшей старушонкой. Вы когда-то говорили мне, что каждый год приближает меня к моему репертуару, — боюсь, что этот год вынес меня далеко за пределы какого-либо репертуара. Вы знаете, я всегда очень любила театр, жила его интересами, дорожила каждой своей самой скромной ролькой, и все-таки я только теперь поняла, что такое для меня театр. И я ведь не одна, живу в любимой семье, и все-таки душой тянусь в Камергерский пер<еулок>, где я так мало нужна и где меня так скоро уже забыли, наверное! С тех пор, как открылась возможность сноситься с Москвой, я писала много, много писем в театр и ни разу не получила ответа. Не знаю, получили ли Вы мое письмо от конца ноября? Молчание Лены Муратовой меня просто приводит в ужас, — что же с ней? Жадно ловлю всякие слухи о театре, и никогда ничего не промелькнет о Леночке²¹. Последним известием об ней является для меня ее письмо, пересланное мне Ол<ьгой> Книппер в августе прошлого года.

Никак не могу добраться до Мар<ии> Павл<овны> Чеховой, она известила меня, что получила письмо от Кореневой. Ужасно взволно-

вал меня слух о том, что многие едут отдыхать сюда, в Ялту. Когда и кто именно – не знаю. Знаю, что готовят для приема дачу против чеховской и даже выселили оттуда амбулаторию, только что открытую.

Привезут ли хоть из Москвы какие-нибудь вести о заграничной группе?²² Так легко и бодро жилось мне среди них, и какую непростительную глупость я сделала, не вернувшись тогда со своими к ним. Хотя юг несомненно полезен Алекс<андру> Вас<ильевичу>, но живем мы в обстановке, не дающей возможности лечиться, да и лекарств-то никаких нет, а ему нужно упорное, правильное лечение, и ванны, и массаж. Конечно, я все-таки благодарю Бога, что, несмотря на все лишения, мы существуем благополучно и живы и здоровы. Ал<ександр> Вас<ильевич>, чтобы заглушить тоску по своей работе, рисует клетки и растения, благо Никитский сад рядом. Он увлечен крымской природой, радуется на все, что видит, и старается не думать. Мы живем в горах, в 7 верстах от Ялты. Нас 7 человек, 2 педагогички (они же ученицы Дункан) из Петрограда, 2 прислуги, 1 инструктор по ведению хозяйства и мы с Ал<ександром> Вас<ильевичем>.

Мы еще прошлой весной устроили детскую школу в лесу с трудовым принципом и вот и теперь сидим в этой же школе. Алекс<андр> Вас<ильевич> ведет преподавание, мы и преподаем, и воспитываем, и работаем. У нас виноградник, большой огород, кое-какая скотина. Скрашивается все чудесной природой. Но я изнемогаю от усталости, выбиваюсь из сил и панически боюсь остаться здесь же на татарском кладбище. При первой возможности буду перебираться в Москву.

Приедете ли Вы на отдых? Как Вы живете? Как Екатерина Николаевна? Пожалуйста, передайте ей мой сердечный привет. Летом мы часто говорили о Вас и о Екат<ерине> Ник<олаевне> с Бантыш Алекс. Иван<овичем>, который часто бывал у нас в школе²³.

Ну, вот и все. Надо отдавать письмо. Несуразно оно вышло, но на душе ужасно тоскливо, а ныть очень не хочется. Дай Бог Вам здоровья и бодрости и удачи в работе, дорогой Владимир Иванович! Каждый вечер мысли мои около вас, около театра. Спасибо Вам за прошлое, не прогоните, когда я вернусь, а если не вернусь, то вспомните, что много, много любви и старанья отдавала я всегда любимой нашей общей работе, и иногда скажите: была у нас Вера Николаевна Павлова...

Ну, всего, всего Вам хорошего, милый, дорогой Владимир Иванович, мои милые товарищи, всем, всем привет.

Ваша

Вера Павлова

Алекс<андр> Вас<ильевич> просит передать Вам и Екат<ерине> Ник<олаевне> свои самые искренние приветы.

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5265/1)

4 ноября <1921>, Ялта

Дорогой Владимир Иванович!

Большое, большое спасибо Вами за посылку, переданную мне М.П.<Чеховой>, а главное, за письмо²⁴. Вы не можете себе представить, какую радость доставил мне уже просто один Ваш почерк! Уверяю Вас, читая кое-как, волнуясь, письмо, я только ощущала острую, до слез радость, что это Ваш почерк, что это Вы писали!.. Но кажется мне, что или Вы очень спешили, или действительно в почерке этом нет прежней отчетливости и твердости. И мне так тяжело думать, что и Вам при Вашей огромной работе приходится выносить тягости современной жизни! Спасибо же Вам за все вести о родном театре, спасибо за все ласковые слова.

Вот уже полтора месяца, как мы с каждым парходом собираемся ехать в Москву! Я говорю *мы*, потому что я примазалась к Коноплеву, чтобы выбраться отсюда в Москву²⁵. Что значит выехать отсюда, знают одни здешние обыватели... Верно об этом Вам расскажет Ив<ан> Павл<ович> Чехов. Парходы или, вернее, поезда, из Севастополя ходят раз в неделю, и за эту неделю неуклонно меняется состав тех бумажек, которые надо представить в последний контрольный пункт для посадки на парход. От необходимости иметь эти бумажки избавлен С.В.Коноплев, но у него другая задержка.

М.П.Чехова передала ему бумажку, которой Вы уполномочили ее вести переговоры с вдовой Ребикова относительно «Дворянского гнезда», и бедный Коноплев выбивается из сил, уговаривая ее отдать рукопись. Она никому не доверяет и ждет письма от Вас. Теперь Коноплеву удалось ее уговорить дать переписать рукопись, но за это ее надо вывезти отсюда (это ее условие), чтобы присутствовать на первом представлении. Коноплев в отчаянии, что все это создает ему такое большое запоздание к сезону, но совершенно ясно, что если мы уедем, то партитуры хотя бы к половине сезона в театре не будет. Сейчас бедный малый бегает из одного учреждения в другое, устраивая переписку и отъезд для П.Д.Плющевой, и еще угнетается мыслью, что Вы посмотрите на его запоздание как на желание погреться еще на солнышке. Зная, к несчастью, слишком хорошо все обстоятельства здешней жизни, я должна сказать, что даже чудесное солнце не в состоянии скрасить всех дрязг, мелочей и невыносимой тягости здешней жизни.

Теперь, кажется, через неделю мы сможем выехать. Я еду одна, оставляя Ал<ександра> Вас<ильевича> с сыном во вновь открываемой здравнице имени Л.Н.Толстого в Гаспре. Существовать здесь далее без заработка, денег, вещей совершенно невыносимо, и я реши-

лась одна на «вылазку». Даже дрожь пробирает при мысли, что, возможно, я через 2–3 недели увижу театр!

Алекс<андр> Вас<ильевич> просит передать Вам, дорогой Владимир Иванович, свой сердечный привет. Крепко целую Вас и радуюсь безмерно увидеть. Мой нежный привет всем товарищам, Леонидову, Подгорному, Лиде Кореновой, Евг<ении> Мих<айловне>, Марусе, всем, всем²⁶. Кланяюсь сердечно Екатерине Николаевне.

Всем сердцем Ваша

Вера Павлова

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5265/2)

3

14-го мая 1923 г., Берлин

Дорогой Владимир Иванович!

Не в первый раз я уже начинаю письмо Вам, и каждый раз оно выходит такое какое-то унылое, жалующееся, что делается стыдно посылать, и я рву его. Одно только решилась послать еще к Рождеству, и Вы его, кажется, не получили. Собственно, у меня и нет особенных причин унывать. Грустно только, что лечение Алекс<андра> Вас<ильевича> до сих пор никак не налаживается. Мы попали к очень милому доктору, который всей душой пошел нам навстречу, проводя свою, какую-то совершенно особую теорию при лечении болезни Ал<ександра> Вас<ильевича>, и вот теперь прошло шесть месяцев, а улучшения не видно, а Ал<ександр> Вас<ильевич> никак не может решиться обратиться к другому врачу, боясь обидеть первого. Теперь мы решили так: Ал<ександр> Вас<ильевич> поедет сейчас в санаторий, а оттуда в Гейдельберг, где сидит еще знаменитый врач, специалист по этой болезни. Вообще пока ясно одно, что для спокойной жизни (без ужасных болей в спине) Ал<ександру> Вас<ильевичу> нужен прежде всего сухой и теплый климат, а затем уже лечение. Сейчас у него те самые боли, которых не было 2 года при ужасных условиях жизни в Крыму. Теперь будем ждать решения гейдельбергского профессора.

В Берлине, как на грех, погода ужасная. Холода и дожди не прекращаются с самой осени. Сейчас половина мая, а холодно, как в октябре. Досадно видеть Тиргартен весь в зелени, в цвету кусты и деревья, и нельзя выбрать сносных 2–3 часа, чтоб погулять. Впрочем, мне досадно только за своих, так как я сама сейчас работаю, как давно уже не приходилось. Мы по контракту снимаемся для фильма, как Вы, верно, знаете от Мар<ии> Ник<олаевны>, и так как мне пришлось играть Матрену, то я и занята ежедневно с 9 ч<асов> утра до 6–7 ч<асов> веч<ера>. Сначала меня ужасно пугала мысль играть такую ответственную роль, да еще у немцев, но потом я посмотрела

себя на просмотре и немножко успокоилась. Очень я некрасива выхожу, но все просто, понятно, и мое скромное самолюбие удовлетворено. Многим из нас, прошедшим полжизни в Худ<ожественном> театре, жутко от здешнего «русского быта», и мы, насколько в силах, стараемся придать картине терпимый вид, но, я думаю, для «заграницы», а особенно для Америки, эти недочеты не будут казаться так ужасны, как для нас.

По окончании картины мы едем в небольшую поездку в Прагу и Вену, а затем будем снимать вторую картину, чем и закончатся наши обязательства. Будущее же наше совершенно темно. Сейчас, в связи с приглашением из Студии, снова начались волнения и разговоры. М.Н. <Германова> к тому же получила еще телеграмму от американцев²⁷.

Конечно, трудно решать за других, но, мне кажется, М<ария> Н<иколаевна> делает ошибку, оставаясь здесь. Она хочет с группой ставить «Медею». Без режиссера, без какой-нибудь фантазии постановки, без средств! И даже сама прочность этой группы так сомнительна. А существовать одной ей будет очень трудно, разве уроками! Для мальчика ее жизнь в Берлине, несомненно, вредна из-за климата. Ну, конечно, всегда кажется, что за другого так легко решить что-нибудь!

Мне ужасно обидно и больно за М.Крыжановскую. Владимир Иванович! Ведь это же настоящий, Богом отмеченный талант! И такая жажда работы, и так мало надежды выбраться вперед. Я просто не понимаю, дорогой Владимир Иванович, простите меня, ведь Вы же знаете мое беспредельное уважение к Вам, мою слепую веру в Вас как лучшего в мире режиссера, как же Вы могли не увидеть, что из Маши Кр<ыжановской> растет настоящий талант, что из нее Вы могли бы создать чудо, гордость России! И как Ив<ан> Ник<олаевич> не рассказал Вам о ней?²⁸ Ведь сейчас публика вся оживает, когда она выходит на сцену, со сцены чувствуешь эту волну, которая прокатывается по залу.

И ей так надо поработать, это еще такой сырой материал! Правда, у нее характер не легкий, но она так исключительно искренна и правдива! (Мне иногда кажется, что это Марг<арита> Сав<ицкая> вернулась в новом образе!²⁹) И какая-то непонятная судьба! Американцы ее не зовут, стало быть, и Конст<антин> Серг<еевич> не видит в ней ничего. Вы о ней ничего не пишете. Студия зовет рядом с Греч! Не понимаю, неужели мы все так ослеплены, так заблуждаемся! В Тат<ьяне> Ив<ановне> («Степанчиково») это был не совсем тот образ, если идти от полного реализма, но в ней было столько очарования, столько того духа внутреннего, что публика вся шлепала от восторга, от умиления у нас слезы подступали к горлу³⁰. – Неужели это все наши фантазии! А здешние немцы-режиссеры го-

воят: «О, если бы в Германии была такая артистка!» – и неизменный вопрос, отчего же она не в Худ<ожественном> театре?

Владимир Иванович, простите мне мое увлечение, но меня просто грызет мысль, какую артистку Вы могли бы сделать из нее! Сама же она слишком серьезно относится к театру, чтобы сделать какую-нибудь легкую карьеру, как это делают целые ряды бездарностей.

Владимир Иванович, должна кончать, авто уже гудит под окном, пора в ателье. Не проходит дня, чтоб мысли не летели туда, в Камергерский пер<еулок>. Очевидно, это кончится только с жизнью. <...>

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5266/1)

4

16 октября 1923, Freiburg

<...> Сейчас все врозь. Верно, так было нужно. Я сижу в тихом немецком городишке и год за годом вспоминаю прожитое. <...>

Мне грустно, Владимир Иванович, Камергерский театр так далеко, «американские» товарищи еще дальше...

Я не работаю этот сезон с так называемой «Берлинской группой», потому что не хочу на долгое время уезжать от мужа и мальчика. <...> Пай, который я получила от «американцев», дал мне возможность не работать эту зиму. Они (Берлинская группа) хорошо устроились в Праге. <...>

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5266/2)

5

12.7.<19>33*

Дорогой Владимир Иванович!

Стыдно до смерти Вам писать, но просто не знаем, что и делать! Вы сами просили Вам о нас напомнить. Дочь Ал<ександра> Вас<ильевича> хлопочет, ведет переговоры с Крючковым и т. Бубновым³¹, но – все ни с места. Квартиры мы уже лишились. Надо что-то искать, как, где и что – непонятно.

Умоляю, простите за напоминание!

Пишу от тоски.

Всегда душевно Ваша

Вера Цингер

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5267/1)

* На открытке, но без марок, видимо, доставлено не по почте.

6

15.8.<19>33

Дорогой Владимир Иванович!

Не знаю уж, не знаю, какими словами сказать Вам, как мы благодарны – и тронуты и благодарны бесконечно! И так больно и стыдно нам, что столько мы наделали Вам хлопот и трудов. Не ответила я Вам тотчас, так как ждали получения денег, что и свершилось благополучно вчера. Тотчас заткнули разнеобходимейшие дыры и можем дышать. Спасибо Вам, дорогой Владимир Иванович, спасибо. Александр Вас<ильевич> очень, очень благодарит Вас еще за поручение к Горькому. Он сейчас этим очень увлечен, но, к сожалению, чувствует себя очень плохо. Такой упадок нервов, как давно не было. Лежит и пьет то бром, то валериановые капли. Просит очень простить его, что не пишет сам.

<...>

Если будет время, вспомните о мечтах Олега работать в Италии! Позвольте Вас крепко обнять.

Всегда Ваша

Вера Цингер

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5267/2)

7

5.12.<19>33

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович!

Простите, пожалуйста, что при всей Вашей занятости я отрываю внимание этим письмом. Александр Васильевич очень огорчен, что на его запрос в Детское Издательство о судьбе посланных на имя Горького еще в сентябре рукописи и очень удачных рисунков для предполагаемых Горьким изданий Детгиз ответил, что найти рукописей не может. Алекс<андр> Вас<ильевич> говорит, что ему было бы много приятнее, если бы сказали, что присланное не годится, чем просто-напросто затерять его. Я написала по этому поводу Алексею Максимовичу и очень просила бы Мишу³² помочь мне в пересылке письма по адресу, которого не знаю.

О себе мало могу сказать хорошего. До сих пор просуществовали помощью нашего друга-доктора (о котором знает Екатерина Николаевна), но сейчас он (доктор) сам нездоров, и что с нами будет дальше, непонятно. Слава Богу, что у Олега пока есть работа, да мы с Татой рисуем абажуры, вырабатываем гроши.

У Алекс<андра> Вас<ильевича> такие плохие нервы, что он неделями не может сесть за работу, и это его удручает больше всего. Он начал было писать свои воспоминания о Толстом, и очень умно и интересно, но сейчас и это затормозилось. Как трудно здесь что-

нибудь устроить, Вы можете себе представить. Простите, дорогой Владимир Иванович, что развела такой минор. Иногда я еще достаточно бодрa. <...>

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5267/3)

8

31.1.<19>34

Дорогой Владимир Иванович!

Уже четвертый или пятый раз я сажусь Вам писать и каждый раз останавливаюсь, не зная, что могу сказать Вам того, что Вы бы сами не знали. Так и сейчас. Писать мне нечего, но что-то написать должна. Вероятно, на это толкает меня та тоска, с которой все труднее справляться. Тоска, забота, страх – изо дня в день – вымотали все силы. Грешно мне жаловаться, много счастья видела я в своей жизни, стыдно роптать – столько еще более несчастных людей. И я не ропщу, не жалуясь; я не знаю, на что решиться, что делать. Я нескладный человек, но не слабый, и если бы хоть маленькая передышка, я, верно, смогла бы и дальше барахтаться, но так – очень трудно.

В половине февраля продаются с аукциона мои вещи (Татины), а я ничего не могу сделать. Владимир Иванович, дорогой, простите, что пишу Вам, верьте, пишу от необходимости что-то сказать, закричать.

Ничего о Вас не знаю. Здоровы ли Вы, здорова ли Екатерина Николаевна? Давно не имею известий.

Алекс<андр> Вас<ильевич> много работает. Спешно готовит переиздание «Задачника» для техно-теоретического изд<ательства>, переиздание «Ботаники» для «Молодой Гвардии». Работает над заказанной книгой о работе под водой. Видите, работы много. К счастью, он работает и не очень допытывается, из чего готовился обед и почему еще горит электричество. Помочь он мне при всем желании не мог бы.

Работает Олег, слава Богу.

Дорогой Владимир Иванович, простите нескладность письма. Уже 3 раза рвала.

Теперь скорее разорвите Вы это и не говорите никому.

Позвольте Вас крепко обнять.

Екатерине Николаевне скажите, что думаю о ней и люблю и огорчаюсь молчанием.

Мише привет сердечный.

Душевно Ваша всегда

Вера Павлова

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5268/1)

18.9.<19>34

Дорогой Владимир Иванович!

Я написала письмо Горькому, которое прилагаю. Если Вы найдете это полезным и удобным, перешлите его так, чтобы он *его получил*. Буду еще и еще раз благодарна. Алекс<андр> Вас<ильевич> болеет. Чем – не очень ясно, но исхудал он чрезвычайно, теряет силы, не ест, лежит. Немцы говорят – «нервы упали». Что-то сделать необходимо. О нашем положении писать не буду – Вы его знаете. Днями я в совершенном отчаянии. Передо мною на глазах погибает человек, и я ничем не могу помочь. Его душа, которая всегда доминировала над телом, измучена и устала бороться. Отношение Москвы его, несомненно, удручает, хоть он, конечно, оправдывает всё и всех. Владимир Иванович, Вы ведь знаете, что он не такой же заурядный человек, нельзя же дать ему так-таки просто пропасть!

Простите, что пишу нескладно, но Вы ведь понимаете все. Обнимаю Вас и Екатерину Николаевну.

Простите, что пишу снова, но хочется кричать.

Ваша

Вера Цингер

(Музей МХАТ. Архив НД. № 5268/2)

11-го марта 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вы, конечно, поверите, что мне до крайности тяжело писать Вам все о том же, но это уже, наверное, в последний раз. Мне казалось из письма Екатерины Николаевны еще до декабря прошлого года, что как будто была надежда на перевод денег.

Еще раз пишу об этом только из-за крайне тяжелых долгов. Я должна и на кладбище, и в аптеке, и одному из докторов, и квартирохозяину. Между 1–4 апр<еля>* мы должны переехать на другую квартиру, предварительно уплатив хозяину. Если бы возможно было устроить что-нибудь – я была бы Вам бесконечно благодарна.

О нашей жизни почти нечего писать. Живем – существуем. Я изыскиваю всевозможные способы заработка, чтобы хоть как-нибудь облегчить Олегу его нелегкую задачу. Если бы не долги – было бы терпимо.

* Слова «1–4 апреля» подчеркнуты красным карандашом (как всегда это делал Немирович-Данченко в переписке – отмечал требующее деловой реакции).

От всей души желаю Вам всего, всего доброго и крепко обнимаю.
Ваша

Вера Цингер
(Музей МХАТ. Архив НД. № 5269)

В записках Немировича-Данченко к его секретарю О.С.Бокшанской несколько раз мелькают напоминания – надо связаться с кем следует по поводу дел Цингера. Есть еще письмо без даты из Фрейбурга – тоже с деловой просьбой, связанное с сыном Цингера (Яков Александрович, его питерский адрес), с пометой Немировича-Данченко: «сделано» (Архив НД. № 5271). Скорее всего, это письмо 1923 или 1924 года.

Последнее письмо – от 4 марта 1938, соболезнование по случаю кончины Екатерины Николаевны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нынешнее здание огромного торгового пассажа на Красной площади (ГУМ) было построено в 1889–1893 архитектором А.Н.Померанцевым и инженером В.Г.Шуховым на месте старых торговых рядов, которые Осип Бове возвел в стиле ампира после пожара 1812 года.

² Н.К. фон Мекк (1863–1929) как продолжатель дела отца, известного строителя железных дорог К.Ф. фон Мекка, с 1891 возглавлял правление акционерного общества Московско-Казанской железной дороги. Он был женат на племяннице П.И.Чайковского, Анне Львовне Давыдовой (сближение с этой семьей было обусловлено известными отношениями композитора и матери Николая Карловича, Надежды Филаретовны). Оставшись на родине и с начала 1918 работая в системе Наркомата путей сообщения, Н.К. фон Мекк был арестован вскоре после Шахтинского дела (1928) и должен был стать одним из главных обвиняемых на новом процессе; его не удалось «подготовить» к открытому суду, и он был расстрелян весной 1929 по приговору за «вредительство на транспорте», вынесенному закрытым порядком.

³ «Fridericus Rex» – фильм режиссера Арсена фон Черепи, на берлинском экране с 1922.

⁴ В подмосковной усадьбе Быково, которую у прежних владельцев, графов Воронцовых, в свое время приобрел Ильин, родственник, а затем опекун Веры Николаевны, семья Павловых традиционно проводила лето.

Леся – сын Веры Николаевны, Олег Александрович Цингер (р. 1909), художник, книжный иллюстратор.

Оня – нянька в доме Цингеров, в дальнейшем друг и спутник их скитаний. Приведем отрывок из воспоминаний, ей посвященный:

В феврале 1909 года у нас родился сын... Для ухода за ребенком у нас появилась девочка Оня, сестра Даши, которая нянчила когда-то Юру. Она была тоненькая, худенькая, со вздернутым носиком и косичкой сзади. Первое время она, вероятно, от смущения не поднимала на нас глаз и на все указания и советы, что и как ей делать, отве-

чала тихонько «спасибо вам!»). В первую же неделю пребывания у нас ее постигло два несчастья. Ложась как-то спать, она сняла башмаки и по скромности поставила их за дверью на так называемой черной лестнице, и на другое утро их там не оказалось. Это было ее первое разочарование в городской жизни! Потом ей очень пришелся по вкусу белый хлеб, который продавался по весу, так называемый «ситный». Она ела и ела, пока серьезно не заболела, и ее пришлось отвести к Даше, так как я ожидала своего часа со дня на день. У Даши она пролежала две недели и вернулась тогда, когда Олегу была неделя. <...> Она стала ходить за Олегом. Она так старательно выполняла все указания и была так чистоплотна и аккуратна, что скоро я могла со спокойной совестью оставлять Лелю с ней. Через какие-нибудь полгода Она стала своим, близким человеком в нашей семье. Всегда бодрая, веселая, с готовым ответом на всякую остроту. <...> Теперь, в 1944 году, можно смело сказать: не представляю себе нашей жизни без Они, как и она, вероятно, себя вне нашей семьи. Я невольно отвлеклась от моего рассказа, чтобы сказать об Оне. Теперь она худая, нервная, подчас очень сердитая старая девица, а в то раннее счастливое время она была весела, всегда готова услужить, ее одинаково любили и Юра, и Саша, и Алеша.

Упомянутый здесь Алеша – младший брат А.В.Цингера (от второго брака их отца, проф. В.Я.Цингера); в дальнейшем – военный моряк. Упомянутый несколькими строками ниже Вася – Василий Яковлевич Рискин, сын младшей сестры А.В.Цингера, Елизаветы Васильевны. Оба они некоторое время жили в семье Александра Васильевича и Веры Николаевны.

⁵ Имеется в виду спектакль Второй студии Художественного театра, возникшей весной 1916 после закрытия так называемой «школы трех Николаев» (театральной школы Н.А.Подгорного, Н.Г.Александрова и Н.О.Массалитинова) и включившей ее учеников. Премьера «Младости» (режиссеры Н.Н.Литовцева и В.Л.Мчедлов) состоялась в декабре 1918.

⁶ В гастрольных спектаклях качаловской группы В.Н.Павлова играла нянюку Марину в «Дяде Ване», Шарлотту в «Вишневом саде»; из состава группы выбыла в конце 1919 (ее роли передали вступившей в труппу Е.Ф.Скульской, жене тогда же примкнувшего к качаловцам М.М.Тарханова).

⁷ Желание проехать в Евпаторию было обусловлено тем, что там еще до войны Художественный театр приобрел участки и начал строительство дач.

⁸ Молодая актриса Второй студии А.К.Тарасова уехала из Москвы весной 1918; к качаловской группе присоединилась в Одессе, выступив в ролях Ани («Вишневый сад») и Верочки («Осенние скрипки») И.Д.Сургучева).

⁹ С семьей зоолога В.Н.Никитина, заведовавшего Севастопольской биостанцией, Цингера сближало и давнее знакомство (через родственников его жены, Веры Ростиславовны), и неизменный в роду Цингеров интерес к живой природе (профессиональные физики, математики, астрономы, они все писали и по вопросам зоологии и ботаники).

¹⁰ С председателем Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) большевиком Артемием Багратовичем Халатовым (1896–1938) Цингер сошелся, когда тот был еще студентом.

¹¹ В другом месте мемуаров Павлова сообщала: «Через несколько лет бедный Лазарев, одно время находившийся в таком почете как действительно исключительно талантливый ученый (физик), был сослан на Соловки, а жена его, очень его любившая, лишила себя жизни». Впрочем, Советский энциклопедический словарь дает другую справку: «Лазарев Петр Петрович (1878–1942) – академик; физик, биофизик и геофизик; исследователь (с 1918) Курской магнитной аномалии».

¹² Речь идет о высылке в 1922 году большой группы ученых, философов и писателей, пребывание которых на родине после окончания Гражданской войны было признано опасным для Советской власти.

¹³ Художественный театр (в составе так называемой Первой группы) выехал на зарубежные гастроли в середине сентября 1922 года. 14 сентября в нижнем фойе состоялся парадный обед, К.С.Станиславский произнес прощальную речь и прямо после обеда отбыл на Виндавский вокзал, чтобы через Ригу ехать на Берлин. Одновременно в Москву выехал из Германии находившийся там В.И.Немирович-Данченко, на которого возлагалось руководство оставшимися в Москве студиями МХАТ.

¹⁴ Ученые-физики А.А.Эйхенвальд и Я.А.Липшиц были друзьями и коллегами А.В.Цингера в годы его предреволюционной работы в Москве (Липшиц был его ассистентом).

¹⁵ Учебное пособие «Задачи и вопросы по физике» было выпущено Цингером впервые еще в 1913; в 1923 вышло 4-е издание (М.; Пг.), в 1924 Госиздат снова выпустил его в переработанном виде, и в этом обновленном виде книжка вышла в СССР до 1934 года еще семь раз.

¹⁶ Имеются в виду не гастроли МХАТ, прошедшие в Берлине с 26 сентября по 10 октября 1922, а приезд так называемой Берлинской (в дальнейшем Пражской) группы МХТ.

¹⁷ М.Н.Германова вступила в качаловскую группу (из которой в дальнейшем и сформировалась Пражская группа) во время ее пребывания в Ростове, в самом конце 1919. Отказавшись вернуться в Москву (май 1922), она оказалась вне МХАТ и не была приглашена участвовать в его зарубежных гастролях 1922–1924 гг. В 1923 вместе с Н.О.Массалитиновым встала во главе оставшейся за границей группы актеров-мхатовцев. Подробнее см. ее воспоминания: Диаспора: Новые материалы. Вып.1. Париж; СПб.: Atheneum–Феникс, 2001. С.31–94.

¹⁸ В.М.Греч, занявшая довольно видное положение в зарубежной группе МХТ, по свидетельствам коллег, обладала в большей степени энергией и организационными талантами, чем сценическим даром.

¹⁹ Над экранизацией «Власти тьмы» работал немецкий кинорежиссер Конрад Вине (Wiene), брат знаменитого Роберта Вине – создателя фильма «Кабинет доктора Калигари». «Власть тьмы» вышла на экраны в 1924.

²⁰ Весной 1923 актеры МХАТ после сезона в США приехали отдыхать в Европу, им еще предстояли зимние гастроли в Америке в 1923–1924. В мемуарах Павловой допущено некоторое смещение: говоря о тех, кто – как Болеславский, Успенская, чета Бодулиных – остался в Штатах, она имеет в виду лето следующего, 1924 года.

²¹ Елена Павловна Муратова (1874–1921) – выпускница Филармонического училища по классу Немировича-Данченко, актриса МХТ с 1901 года – скончалась 1 мая 1921; в письме к Качалову Немирович пояснял, что ее ранняя смерть, как и смерть другой актрисы МХТ, Н.С.Бутовой, была ускорена суровостью жизненных условий в Москве, холодом в домах.

²² Качаловская группа, с которой В.Н.Павлова рассталась в самом конце 1919, продолжала весной 1921 свои странствия в Европе; отплыли 27 сентября 1920 из Батума и, проведя некоторое время в Константинополе, 20 октября открыли сезон в Софии. Дальнейшими пунктами были Белград, Загреб, Люблины, Осиек; 8 апреля начали играть в Вене; в момент, когда Павлова задавала свой вопрос, группа находилась в Праге (спектакли шли со 2 мая по 7 июня). В июле начались переговоры с Москвой о воссоединении разрозненных частей театра.

²³ Екатерина Николаевна – жена В.И.Немировича-Данченко, урожденная баронесса Корф, в первом замужестве Бантыш (1858–1938); возможно, упоминаемый в письме А.И.Бантыш – ее свойственник.

²⁴ Связь с Москвой удавалось поддерживать через М.П.Чехову (1863–1957), остававшуюся все годы Гражданской войны в Ялте хранительницей дома-музея брата.

²⁵ Сергей Владимирович Коноплев (1888–1949), режиссер и заведующий постановочной частью Музыкальной студии МХАТ с 1920, был направлен в Крым к П.Д.Плющевой, вдове композитора В.И.Рибикова, в связи с намерениями студии работать над его оперой «Дворянское гнездо» (в дальнейшем Главрепертком пресек эти планы).

²⁶ Упомянутая тут Евгения Михайловна – артистка МХАТ Раевская; Маруся – скорее всего, подруга Павловой, актриса и заведующая костюмерной М.Н.Григорьева (Николаева). Упомянуты также артисты МХАТ Леонид Миронович Леонидов (1873–1941), Николай Афанасьевич Подгорный (1879–1947), Лидия Михайловна Коренева (1885–1982).

²⁷ Вероятно, обращение «американцев» (т.е. кого-то из группы МХАТ, в 1923 завершавшей первый сезон гастролей в Соединенных Штатах) к М.Н.Германовой было связано с планами включить в репертуар следующего года за рубежом «Братьев Карамазовых» (с Германовой в роли Грушеньки); однако эти намерения не конкретизировались, как не конкретизировались и те приглашения из Москвы, из Первой студии МХАТ, о которых упоминается в письме (других сведений о том, что Первая студия весной 1923 намеревалась так или иначе контактировать с Берлинской (Пражской) группой, у нас нет).

²⁸ Иван Николаевич Берсенева (1889–1951) – актер и режиссер. Как один из руководителей качаловской группы, он должен был хорошо знать личность и дарование М.А.Крыжановской. По возвращении на родину Берсенева вошел в Первую студию МХАТ (возглавил ее после эмиграции М.А.Чехова). Возможно, неизвестные историкам театра переговоры Первой студии с участниками Пражской группы велись по его почину. Успех переговоров был бы ударом по руководившей этой группой М.Н.Германовой (судя по ее письмам к Немировичу-Данченко, она видела в Берсеневе злейшего врага).

²⁹ Маргарита Георгиевна Савицкая почиталась в театре как образец высокого и чистого отношения к искусству и как не до конца реализовавшееся трагическое дарование.

³⁰ В московской постановке «Села Степанчикова» по повести Ф.М.Достоевского (1917) Крыжановская играла не Татьяну Ивановну – эта роль принадлежала Л.М.Кореневой, – а Настеньку. Берлинская труппа возобновила постановку в ином составе.

³¹ Петр Петрович Крючков (1889–1938) был секретарем Максима Горького; Андрей Сергеевич Бубнов (1883–1940) в 1929 сменил А.В.Луначарского на посту наркома просвещения.

³² Скорее всего, просьба обращена к Михаилу Владимировичу Немировичу-Данченко (1894–1962), приемному сыну Владимира Ивановича, артисту Музыкального театра имени Немировича-Данченко.

СПИСОК ИМЕН

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – писатель-юморист, родился в Севастополе, с 1907 жил в Санкт-Петербурге, сотрудник юмористического журнала «Стрекоза», автор «Сатирикона» (1908–1913) и издатель «Нового Сатирикона» (1913–1918); после закрытия «Нового Сатирикона» большевиками уехал на занятый белыми Юг, сотрудничал в газетах «Приазовский край», «Юг», «Юг России» и др.; с ноября 1920 в эмиграции в Константинополе, с 1922 года жил в Праге.

Аграфена Николаевна, Груша – кухарка В.Н.Павловой, старшая сестра горничной Натальи.

Алеша – см. Цингер Алексей В.

Альма Ивановна – воспитательница В.Н.Павловой.

Андреев Андрей Васильевич (1887–1966) – художник, декоратор у М.Рейнхардта в Берлине и Вене, оформитель и декоратор русского театра «Ванька-Встанька» (1922), член берлинского литературного содружества «Веретено», с 1923 художник-постановщик в Германии, позже во Франции и Англии, сотрудник Пражской труппы МХТ.

Астров Николай Иванович (1868–1934) – предприниматель, юрист, общественно-политический деятель, член ЦК партии кадетов (с 1907), московский городской голова (в 1916), участник Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (1918–1919), в эмиграции с 1920, один из основателей Всероссийского союза городов за границей, председатель Союза писателей и журналистов в Чехословакии (1930–1932), член Ученой комиссии, Совета, товарищ председателя Совета Русского заграничного исторического архива; состоял в гражданском браке с графиней С.В.Паниной.

Бакшеев Петр Алексеевич (наст. фам. Баринов; 1886–1929) – актер, в МХТ с 1911 по 1924; участник качаловской группы.

Берснев Иван Николаевич (наст. фам. Павлищев; 1889–1951) – актер, режиссер; с 1911 по 1922 в МХТ, с 1922 по 1936 в Первой студии и МХАТ-2.

Бертенсон Сергей Львович (1885–1962) – театральный деятель, секретарь дирекции МХАТ в 1918–1928, участник качаловской группы.

Бессмертный Аркадий Соломонович (1890?–1961) – скульптор, муж М.А.Крыжановской.

Бибикова – воспитанница Альмы Ивановны.

Бир – берлинский врач, профессор.

Блюменталь-Тамарин Всеволод Александрович (1881–1945) – актер театра б. Корша, в 1941 оказался на оккупированной территории, в 1942–1943 жил в Берлине, сотрудничал в берлинском «Новом слове» и на радио, с августа 1943 в Кенигсберге, организатор и режиссер-постановщик труппы для остовских лагерей при Винете, т.н. Народно-Героического театра, в мае 1945 убит при невыясненных обстоятельствах.

Бодулин Петр Семенович (1904–?) – театральный портной, одевальщик МХТ.

Болеславский Ричард Валентинович (наст. фам. Стржезницкий; 1887–1937) – актер и режиссер театра и кино. В МХТ с 1908, один из создателей Первой студии. В январе 1920 бежал из советской России – нелегально перешел линию фронта. Был участником качаловской группы, но в Москву с ней не вернулся. В 1923 присоединился к зарубежным гастролям МХАТ, затем остался в США. Вместе с М.А.Успенской основал здесь Американский Лабораторный театр (1925–1930). Занимался преподавательской деятельностью, ставил спектакли в бродвейских театрах, работал в Голливуде.

Бубнов Андрей Сергеевич (1883–1940) – государственный и партийный деятель, нарком просвещения в 1929–1937.

Варя – кухарка В.Н.Павловой на московской квартире в 1917–1918.

Вася – см. Рискин В.Я.

Ватагин Василий Алексеевич (1883–1969) – скульптор и график-анималист.

Вахтангов Евгений Богратионович (1883–1922) – актер, режиссер, педагог, в Художественном театре и его студиях с 1911 до конца жизни.

Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) – артист, поэт, композитор, с 1920 в эмиграции в Париже, гастролировал, пел в ресторанах «Шехерезада», «Казанова», «Казбек»; в 1935–1943 жил в Китае, пел в ночных ресторанах Шанхая и Харбина; в 1943 вернулся в СССР.

Вине Конрад (Wiene) – немецкий кинорежиссер.

Воинов С.П. – берлинский студент, учитель О.А.Цингера.

Волконский Сергей Михайлович, князь (1860–1937) – театральный деятель, театральный, художественный и кинокритик, мемуарист, директор Императорских театров (в 1899–1901), камергер, действительный статский советник, Борисоглебский уездный предводитель дворянства, вкладчик МХТ, преподаватель московского Института слова и Ритмического института (1918–1920), с декабря 1921 в эмиграции в Германии, затем в Италии, с 1925 в Париже, театральный и кинообозреватель «Звена» и «Последних новостей», директор Русской консерватории имени Рахманинова (1936–1937), в 1937 переехал в США.

Вольф Юлий Иванович – московский врач.

Врангель Петр Николаевич, барон (1878–1928) – военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант Генштаба (1918), с февраля 1919 командующий Кавказской Добровольческой армией, с марта 1920 Главнокомандующий Вооруженных сил Юга России; с ноября 1920 в эмиграции, организатор и первый руководитель Российского общевоинского союза (1924–1928).

Вырубов Александр Александрович (1882–1962) – актер, в МХТ и его студиях с 1912 года, с 1922 в эмиграции в Берлине, участник Пражской (Берлинской) труппы МХТ.

Гайдаров Владимир Георгиевич (1893–1976) – артист, педагог, в труппе МХТ в 1915–1921; затем в эмиграции в Германии, вместе с женой О.В.Гзовской организовал Русский художественный передвижной театр в Берлине (1921). Вернулся в СССР вместе с О.В.Гзовской в 1932.

Германова Мария Николаевна (1884–1940) – актриса МХТ с 1902 по 1922, руководитель Пражской труппы МХТ.

Глогауер – хозяйка берлинской квартиры В.Н.Павловой.

Годфруа Мари – наездница и конная акробатка, первая женщина-жокей, выступавшая в номерах джигитовки, которые вошли в моду в конце 1880-х.

Гремиславский Иван Яковлевич (1886–1954) – театральный художник, технолог, в МХТ с 1912 до конца жизни.

Греч Вера Мильтиадовна (наст. фам. Кокинаки, по мужу Павлова; 1893–1974) – артистка I студии МХТ, в 1919 уехала с частью труппы МХТ за границу, в 1922 осталась в эмиграции, в составе Пражской труппы гастролировала по Европе, стала режиссером, вместе с мужем П.А.Павловым ставила русскую классику, занималась подготовкой молодых актеров.

Григорьева Мария Петровна (Николаева; 1869–1941) – участница спектаклей Общества искусства и литературы, актриса МХТ с его основания, заведующая костюмерной.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) – военачальник, историк, участник Русско-японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант (1916), один из организаторов Добровольческой армии, ее главнокомандующий (1918), главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1918–1920), с 1920 в эмиграции.

Дима – см. Шверубович В.В.

Дмитрий Максимович – Лубенин Д.М. (1863–1932) – служащий МХАТ с 1900 (сторож, курьер и т.п.) и до конца жизни.

Дункан Айседора (Duncan; 1878–1927) – американская танцовщица, педагог, в 1921–1924 жила в России, имела собственную студию, была женой С.А.Есенина.

Дуранте – врач, начальник лазарета в Ялте в начале 1920-х.

Егорова – актриса, играла Акулину в берлинском фильме «Власть тьмы».

Жерков С.П. – физик, сосед В.Н.Павловой по казенной квартире Политехнического музея в 1920 г.

Зейц – главный врач санатория на Баденском озере.

Ида – горничная П.Леве в Польгсене в 1930–1940-е.

Каролина – гувернантка О.А.Цингера, жившая в семье до лета 1919 г.

Каспари Адольф Адольфович – московский врач, дядя В.Н.Павловой.

Каспари Густав Адольфович – московский врач, дядя В.Н.Павловой.

Каспари Тереза Адольфовна («тант Тереза») – сестра А.А. и Г.А. Каспари, тетка В.Н.Павловой.

Катуары – семья московских родственников В.Н.Павловой.

Качалов Василий Иванович (наст. фам. Шверубович; 1875–1948) – актер, в МХТ с 1900 до конца жизни.

Клапп – немецкий врач, профессор.

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – выпускница Филармонического училища (класс Немировича-Данченко), актриса МХТ с основания театра до конца жизни.

Коноплев Сергей Владимирович (1888–1949) – режиссер и заведующий постановочной частью Музыкальной студии МХАТ с 1920 года, позже режиссер Музыкального театра им. Вл. И.Немировича-Данченко.

Коренева Лидия Михайловна (1885–1982) – актриса, в МХТ в 1904–1958.

Кравец Торичан Павлович (1876–1955) – физик-оптик, коллега А.В.Цингера по работе в Москве; член-корреспондент АН СССР.

Крыжановская Мария Алексеевна (1891–1979) – актриса, в МХТ в 1915–1919, участница качаловской группы, а затем Пражской труппы МХТ, работала с М.А.Чеховым.

Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) – кораблестроитель, механик и математик, академик Петербургской АН (с 1916).

Крючков Петр Петрович (1889–1938) – секретарь Максима Горького, сотрудник «Международной книги» и Госиздата.

Кунерт Вильгельм (Kuhnert; 1865–1926) – немецкий художник-анималист, а также автор жанровых картин, портретов и пейзажей.

Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – военный деятель, генерал от инфантерии (1920); участник Русско-японской и Первой мировой войн, Белого движения; в Добровольческой армии с декабря 1917, командир Корниловского полка (1918), командующий 1-й армией (1920), командир 1-го армейского корпуса в Галлиполи, затем в Болгарии; с 1924 жил в Париже, председатель Русского общевойскового союза (1928–1930), в 1930 вывезен агентами ОГПУ из Парижа, умер в пути к Новороссийску.

Кушаков Иван – быковский крестьянин, игравший в пьесе Островского, поставленной В.Н.Павловой в Быково в 1918.

Лазарев Петр Петрович – см. о нем примеч. 11 наст. публ.

Леве Поля, Поленька – подруга В.Н.Павловой.

Лейхнер – владелец магазина театральных принадлежностей в Берлине.

Лея – см. Цингер О.А.

Леонидов Леонид Давидович (1885–1983) – театральный деятель, антрепренер, организатор гастролей качаловской группы.

Леонидов Леонид Миронович (1873–1941) – актер, режиссер, в МХТ с 1902 до конца жизни.

Либерман Михаил – администратор качаловской группы, помощник Л.Д.Леонидова

Липшиц Раиса Львовна – жена Я.А.Липшица.

Липшиц Яков Александрович – физик, ученик и коллега А.В.Цингера.

Литовцева Нина Николаевна (наст. фам. Левестам; 1871–1956) – актриса, режиссер, в МХТ с 1901 по 1951, жена В.И.Качалова.

Лобачевский Валериан Лукич (1859–1917?) – генерал, директор Третьего московского Александра II кадетского корпуса.

Май-Маевский Владимир Зенонович (1867–1920) – генерал-лейтенант (1917), участник Первой мировой войны и Белого движения, командующий Добровольческой армией (1919), отстранен от командования в ноябре 1919 после неудачи похода на Москву.

Мария Юстиновна – машинистка канцелярии Московско-Казанской железной дороги, сослуживица В.Н.Павловой.

Мартынов Павел Иванович – хранитель Отдела прикладной физики Политехнического музея, доцент Института народного хозяйства.

Мартынова Нина Фадеевна – жена П.И.Мартынова.

Массалитинов Николай Осипович (1880–1961) – актер, режиссер, педагог; в МХТ с 1907 по 1922; участник Пражской группы МХТ, с 1925 работал в Болгарии.

тетя Матя – Матильда Константиновна Павлова, жена Дмитрия Павлова, дяди В.Н.Павловой.

Мекк Александр Карлович, фон – служащий акционерного общества Московско-Казанской железной дороги, брат Н.К. фон Мекка.

Мекк Николай Карлович, фон (?–1929) – председатель правления акционерного общества Московско-Казанской железной дороги, в дальнейшем работник НКПС.

тетя Миля – Эмилия Константиновна Редлих, сестра М.К.Павловой.

Митя – см. Павлов Д.Н.

Муратова Елена Павловна (1874–1921) – актриса, выпускница Филармонического училища (класс Немировича-Данченко), в МХТ с 1901 до конца жизни.

Назаров Георгий Владимирович (1900–?) – сын В.Н.Павловой от первого брака.

Наталья – московская горничная В.Н.Павловой.

Наталья Васильевна – курсистка Петербургских женских курсов, коллега В.Н.и А.В. Цингеров по работе в школе Темис-Су.

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) – режиссер, один из основателей МХТ.

Немирович-Данченко Екатерина Николаевна (урожд. Корф; по первому мужу Бантыш; 1858–1938) – жена Вл. И.Немировича-Данченко.

Немирович-Данченко Михаил Владимирович (1894–1962) – артист Музыкальной студии – Музыкального театра им. Немировича-Данченко, приемный сын Вл. И. Немировича-Данченко.

Никитин Василий Николаевич – зоолог, заведующий Севастопольской биостанцией.

Никитина Вера Ростиславовна – жена В.Н. Никитина.

Онезорге – инспектор имения Польсгене.

Оня – прислуга в доме Цингеров. О ней см. примеч. 4 наст. публ.

Орлов Иван Михайлович (?–1922) – рабочий сцены, электротехник и помреж, в МХТ с 1916; сотрудник качаловской группы.

Орлова (по мужу Аренская) Вера Георгиевна – актриса, в МХТ в 1913–1924; участница качаловской группы, в дальнейшем – актриса МХАТ-2.

Павлов Дмитрий Николаевич – брат В.Н. Павловой.

Павлов Поликарп Арсеньевич (1885–1974) – актер, в МХТ в 1908–1922, член Пражской группы, в дальнейшем вместе с В.М. Греч был организатором и руководителем русских театральных трупп за рубежом.

Павша Алексей Васильевич – физик-оптик.

Панина Софья Владимировна, графиня (по первому мужу Половцева; 1871–1957) – общественный деятель, благотворительница, вкладчик МХТ; член ЦК партии кадетов, член Особого совещания при Главкоме силами Юга России в 1918–1919; председатель Комитета Дня русской культуры (1925–1938), основательница «Русского очага».

Плющева П.Д. – вдова композитора В.И. Ребикова.

Подгорный Николай Афанасьевич (1879–1947) – актер, педагог, в МХТ с 1903 до конца жизни.

Поля – см. Леве П.

Раевская Евгения Михайловна (по мужу Иерусалимская; 1854–1932) – участница спектаклей Общества искусства и литературы, актриса Художественного театра с его основания до конца жизни.

Ребиков Владимир Иванович (1866–1920) – композитор, пианист, музыкально-общественный деятель.

Редлих Эмилия Константиновна – тетка В.Н. Павловой, жена доктора Редлиха, хозяина водолечебного заведения на Страстном бульваре в Москве.

Ржевский – хозяин молочной на Страстном бульваре в Москве.

Рискин Василий Яковлевич – племянник А.В. Цингера, сын его младшей сестры Елизаветы Васильевны.

Роде Борис Эмильевич – берлинский врач.

Роде Вера Павловна – жена Б.Э. Роде.

Рождественский Иван Михайлович – студент А.В. Цингера.

Ростовцев – директор канцелярии Московско-Казанской железной дороги.

Руднев Сергей Михайлович – московский хирург.

Рындзюнский Григорий Давидович (1873–1937) – юрист, секретарь Дирекции МХТ в 1898–1902.

Савицкая Маргарита Георгиевна (1868–1911) – актриса, выпускница Филармонического училища (1898; класс Немировича-Данченко), в МХТ с основания театра до конца жизни.

Саша – см. Цингер А.В.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал от инфантерии, участник русского завоевания Средней Азии, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Станиславский Константин Сергеевич (наст. фам. Алексеев; 1863–1938) – актер, режиссер, один из основателей МХТ.

Стахович Алексей Александрович (1856–1919) – пайщик и член Дирекции МХТ, его артист с 1907 г., один из основателей Второй студии.

Сушкин Петр Петрович (1868–1928) – зоолог, академик РАН (с 1923), автор трудов по орнитологии, зоогеографии и палеонтологии.

Танги – сценическое имя семьи цирковых артистов (наст. фам. Феррони), обрусевших итальянцев; мемуаристка имеет в виду скорее всего клоуна-соло Константина.

Тарасова Алла Константиновна (1898–1973) – актриса, общественный деятель; во Второй студии с 1916; в 1918 году уехала из Москвы, позднее примкнула к качаловской группе; в МХАТ до конца жизни.

Тундутовы – род калмыцких князей.

Урусова Надежда – племянница П.Леве.

Усачева Елизавета – двоюродная сестра В.Н.Павловой.

Усачева Мария Адольфовна – тетка В.Н.Павловой.

Успенская Мария Алексеевна (1887–1949) – актриса, педагог; в МХТ и в Первой студии с 1911. После американских гастролей МХАТ осталась в Штатах. Сначала работала как актриса, затем вместе с Р.В.Болеславским руководила Американским Лабораторным театром, в 1932 открыла в Нью-Йорке свою театральную школу. Позднее снималась в Голливуде и занималась там же педагогической деятельностью.

Федот – дворник в московском доме В.Н.Павловой.

Ферингер Анна Богдановна – физик, жена А.Н.Крылова.

Халатов Арташес (Артемий) Багратович (1896–1938) – советский государственный и партийный деятель, председатель Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) в 1921–1931, председатель правления Госиздата и ОГИЗа РСФСР (1927–1932), член ВЦИК, ЦИК СССР.

Хекк – директор берлинского зоопарка в 1920-х годах.

Цингер Александр Васильевич (1870–1934) – профессор-физик, писатель, муж В.Н.Павловой.

Цингер Алексей Васильевич – младший брат (по отцу) А.В.Цингера.

Цингер Григорий Иванович – племянник А.В.Цингера.

Цингер Иван Васильевич – брат А.В.Цингера.

Цингер Николай Васильевич (1866–1923) – профессор-ботаник, брат А.В.Цингера.

Цингер Олег Александрович (р. 1909) – художник, сын В.Н. и А.В. Цингеров.

Чеботаря (Чеботари, Чеботару, Чеботарь) Мария (1910–1949) – певица, лирическое сопрано; с 1929 выступала с русской драматической труппой в Бухаресте.

Чехов Иван Павлович (1861–1922) – педагог, брат А.П.Чехова.

Чехова Мария Павловна (1863–1957) – сестра А.П.Чехова.

Чижев – хозяин дома на Страстном бульваре в Москве, в котором прошло детство В.Н.Павловой.

Шаров Петр Федорович (1886–1969) – актер, в МХТ с 1917, член Качаловской группы и Пражской труппы МХТ. В конце 1920-х три года был главным режиссером в немецком театре в Дюссельдорфе, ставил гоголевского «Ревизора» (художником спектакля был М.В.Добужинский).

Шверубович Вадим Васильевич (1901–1981) – сын В.И.Качалова и Н.Н.Литовцевой, работник постановочной части МХТ.

Эйхенвальд (правильно: Эйхенвальдт) Александр Александрович (1863–1944) – профессор-физик, читал лекции в Московском университете и на Высших женских курсах; коллега А.В.Цингера по работе в Москве; после революции жил в Германии, затем в Чехословакии (с 1924), профессор Русского научного института, с 1935 переехал в Италию.

Юра – см. Назаров Г.В.

Юрнев Петр Петрович (1874–1946) – инженер-строитель, общественный и политический деятель, депутат 2-й Государственной думы, член ЦК партии кадетов (с 1911), министр путей сообщения Временного правительства (1917), с 1919 председатель Союза городов при Добровольческой армии, с 1920 в эмиграции в Константинополе, основатель Русской гимназии, руководитель сети средних учебных заведений и приютов в Болгарии, Югославии, Чехословакии.

ИД

**Статьи,
исследования**

Рашит Янгиров
В КАДРЕ И ЗА КАДРОМ
Российские кинематографисты-эмигранты во Франции
(1924–1930)

1. «РУССКИЙ» СЛЕД ВОКРУГ «НАПОЛЕОНА»

Присутствие российских эмигрантов «в кадре» и «за кадром» самого знаменитого фильма Абея Ганса «Наполеон» остается одной из самых интригующих сторон истории его создания. Несмотря на то что их широкое участие в постановке признается мемуарными свидетельствами режиссера и других сотрудников, этот дискурс прописан исследователями достаточно поверхностно и, в сущности, сводится лишь к упоминанию технических сотрудников съемочной группы и безымянных статистов.

Автор самого тщательного исследования, посвященного «Наполеону», Кэвин Браунлоу, например, полагает, что все русские сотрудники постановки попросту перешли к Гансу вместе с движимым и недвижимым имуществом бийанкурской студии от ее владельца – компании «Ciné-France-Film», а сама съемочная история фильма интерпретирована им как бесконфликтный (за исключением финансирования) праздник интернационального искусства, освященный французским гением и десятой музы¹.

¹ «К 1925 русский вклад во французское кино был столь ассимилирован, что стал неразличим». – *Jay Leyda*. *Kino: A History of the Russian and Soviet Film. A Study of the Development of Russian Cinéma from 1896 to the Present*. 3^d ed. London; Boston; Sydney, 1983. P.117). Это суждение, неоднократно повторенное авторитетными историками кино, на многие годы стало стереотипом, тормо-

Подобная идеализация, на наш взгляд, в значительной степени обусловлена пренебрежением к собственно русским источникам – прессе и архивам зарубежья. Эти материалы не только корректируют уже известное, существенно расширяя круг участников съемок «Наполеона», но позволяют представить в ином свете всю его историю и, прежде всего, отказаться от мнения о сугубо вспомогательной роли «русского контингента» в фильме Ганса. Не претендуя на охват всех возможных материалов, мы попытаемся определить лишь некоторых персонажей, отдавая себе отчет в том, что полная картина теперь вряд ли восстановима.

Русская пресса

В целом ведущие русские издания Парижа («Последние новости», «Иллюстрированная Россия» и «Кинотворчество») лишь изредка и достаточно скупо освещали первый этап работы над «Наполеоном»². Наибольший интерес и осведомленность продемонстрировала «Русская газета» в Париже (1923–1925), что объяснялось прежде всего личными мотивами ее редактора-издателя Александра Филиппова³. Под излучением распространенного среди литераторов-эмигрантов искуса быстрого обогащения за счет «кинохалтуры» он написал в начале 1924 сценарий игрового фильма «Очарованный принц». Воспользовавшись широкими личными связями среди русских кинематографистов в Париже, и в частности среди сотрудников компании «Ciné-France-Film», оборотистый сценарист достаточно легко и быстро добился того, что его киносказка на модную «ориен-

зившим интерес к разработке «эмигрантской» темы зарубежными и отечественными исследователями. Первой удачной попыткой его преодоления стала работа Франсуа Альбера. См.: *Albera F. Albatros: des Russes à Paris, 1919–1929. Paris, 1995.*

² См., например, сообщение о создании «Ciné-France-Film»: *Иллюстрированная Россия (Париж). 1924. Май. №2. С.16.*

³ Филиппов Александр Иванович (псевд. «Наблюдатель»; 1887–1942) – журналист, литератор; выпускник киевского художественного училища, работавший в повременной печати Киева и Петербурга; многолетний приятель Александра Куприна. Журналистскую карьеру в эмиграции Филиппов начал как редактор-издатель франкоязычного журнала «L'Economiste Slave» (1920–1921), затем вернулся в русскую печать – газеты «Русская газета» и «Русское время» (1923–1928), журнал «Театр и жизнь» (1928–1933). Яркое описание редакционных будней «Русской газеты» и характеристику ее ведущих сотрудников оставил журналист Стефан Лозан в очерке, опубликованном газетой «Le Matin» в январе 1925. Русский перевод этого текста был сразу же воспроизведен в издании Филиппова: *Русская газета. 1925. 18 января. С.3-4.* Цензурованные фрагменты из этой статьи без указания источника воспроизведены в кн.: *Куприна К. Куприн – мой отец. М., 1979. С.151-152.*

тальную» тему была экранизирована новым сотрудником этого предприятия Вячеславом Туржанским⁴. Разумеется, самый развернутый и комплиментарный отзыв на новинку экрана был дан в редактируемом Филипповым издании, а его автором был ведущий сотрудник газеты Александр Куприн:

Не мое дело писать о кинематографе. Тут нужен особый стиль и привычный размах. Их когда-то так уморительно пародировал Аверченко. Но об этой пьесе мне давно хотелось сказать несколько слов, и если я делаю это с опозданием, то кто же теперь в Париже не страдает гриппом?

Начну с ее маленьких недостатков. Во-первых, пояснительные надписи на французском языке. Автор их было даже анонсировал на оглавленном экране. Но они порою оказываются чисто медвежьими услуги не только пьесе, но и первым персонажам.

Второе – сцены морской качки. Каюта (вертикальный разрез) качалась, точно клетка с канарейкой, точно детская крестьянская зыбка, точно коротенькие детские качели. Океанская яхта делала поворот на бейдевинд со скоростью волчка или монеты, пущенной на орел-решку. На публику, привыкшую к современной высокой технике кино, это семейное место постановки производило жалкое, нудное впечатление (думаю, здесь вина не на В.К.Туржанском, замечательном *metteur en scène*⁵, а на вредном для дела стремлении фирмы нагнать во что бы то ни стало экономию. Публика-де все слопаёт, если вывезут премьеры и два-три эффектных трюка).

Третье: массовые сцены, особенно балет во дворце Сундук-Башлык-Хомут-паши (простите, таков грим этого падишаха), тянутся слишком долго. Кстати: русская публика часто и добродушно улыбалась, узнавая в статистах и вторых персонажах многих старых знакомых по эмиграции.

Наконец, четвертое: в финале пьесы из окончательной связки фабулы выпало маленькое, но чрезвычайно важное звено. Принц едет в собор венчаться со своей титулованной кузиной. Брак этот предreshен еще в раннем их детстве. Но принц любит вовсе не кузину, а спасенную им из гарема девушку, и жениться решил только на ней. Между тем зритель созерцает поочередно свадебный туалет обеих невест и нетерпеливо думает: как это ловкому, хитрому, преданному Колину

⁴ Съёмки фильма «Le Prince Charmant» начались в середине июня (Русская газета. 1924. 22 июня. С.3). См. репортаж со съёмочной площадки: *Наблюдатель* <А.Филиппов>. Съёмки «Очарованного принца» // Там же. 25 июля. С.3.

⁵ Режиссере (франц.).

удастся совершить подмену? Обе кандидатки одеты одинаково: белое платье, белая фата, совершенно скрывающая лицо и фигуру, флердоранжи... Внимание напряжено.

Но в церкви появляется лишь одна из соперниц. Где другая? Когда она появится? Ее нет и нет. Последний момент. Жених и невеста должны дать друг другу в поцелуе обет вечной верности. Откинута с лица фата. Конечно, это Н.И.Кованько⁶, девушка из гарема, прелестная, как всегда. Но куда же девалась высокорожденная кузина? Дал ли ей Колин усыпительного или иного порошка? Направил ли он ее торжественную колесницу другой дорогой? Запер ли он ее на ключ в уединенной комнате, где она теперь колотит руками и ногами в дверь?.. Зритель, несомненно, доволен развязкой, но в душе у него саднит ощущение какой-то пустоты, невязки, недоделанности, небрежности. «Я понимаю, – говорит он, – некоторый туман, легкую неразбериху в начале или в середине пьесы: потом все объяснится, уладится и сведется. Но конец должен быть точен, исчерпывающ и достоверен».

⁶ Кованько Наталья Ивановна (1899–1974) – уроженка Ялты, дочь морского офицера; еще в детстве получила прозвище «маленькая Ундина» благодаря своей неординарной внешности: «Будучи девочкой-подростком, уже тогда маленькая Наташа поражала окружающих своей необычайной красотой. Особенно замечательны были глаза и волосы совершенно особого зеленовато-золотистого отлива. – <Аноним>. Наталья Кованько // Русское слово (Харбин). 1929. 10 февраля. С.7. Летом 1917 она участвовала в эпизодических ролях в постановках нескольких московских киноэкспедиций в Ялте (А.Дранков, Н.Козловский и С.Юрьев; Акц. общество «Биофильм»), а в 1918 снялась в ведущих женских ролях вместе с Витольдом Полонским и Вячеславом Туржанским, тогда же выйдя за последнего замуж. Летом 1920 Туржанский и Кованько эвакуировались из Крыма в Грецию, затем переехали в Италию, а оттуда переехали в Париж, вскоре присоединившись к ермолевскому предприятию, впоследствии преобразованному в Société «Albatros». Здесь Кованько приобрела широкую известность исполнением главной роли в фильме своего мужа «Песнь торжествующей любви». Один из зрителей, например, отмечал, что актриса в картине «совершенно в своей роли; от начала до конца очаровательна, трогательна и как-то по-детски проста и мила». – Али-Хан <А.Куприн>. Театр и музыка // Русская газета. 1923. 17 сентября. С.3.

В конце июля 1926 вместе с мужем, заключившим контракт с компанией MGM, Кованько уехала в Голливуд, однако там «не нашла применения для своей скульптурной красоты». – <Аноним>. Меркнущие звезды киносцены // Рупор (Харбин). 1929. 19 октября. С.4. В январе 1928 Туржанский и Кованько вернулись в Европу, где актриса до 1935 без особого успеха участвовала в нескольких немецких и в чешской постановках своего мужа. «Заметно увядает Кованько. Еще так недавно она была премирована как красивейшая женщина мира. Однако в жизни впечатления потрясающе красивой она не производит». – <Аноним>. Берлинский Холливуд (письмо из Берлина) // Русское слово (Харбин). 1929. 3 марта. С.7. Сведениями о кинематографической работе Кованько после ее развода с Туржанским мы не располагаем.

Зрителю хорошо. Его мгновенная, маленькая досада сейчас же ушла и забылась. Каково-то автору сюжета, особенно если он не умеет еще привыкнуть к нравам фильмовых Иродов, которым оттяпать у авторского любимого дитяти ручку, ножку, головку ничего не стоит: один взмах ножниц. Разве не нашлось бы в ленте места для объяснения отсутствия кухни, если бы хоть немножко потеснить сцену бала? И, кстати, как легко было сделать прекрасную пленницу гарема принцессой крови, хотя бы и восточной. Демократизм положения от этого не пострадал бы, зато выиграло бы равновесие.

Тема пьесы не поражает резкою новизною (впрочем, выдумайте вы теперь совершенную новую тему!). Но А.И.Филиппов сделал свой сценарий находчиво, умно, тонко и очень интересно. Видно, что он работал над ним с любовью и вниманием. Такой сценарий сделал бы честь и опытному кинозакройщику.

Затем все было хорошо: декорации дворцов, море, толпа, придворные, евнухи, групповые сцены, побег по канату на страшной высоте, коронация и т.д. В.К.Туржанский неистощим в постановочном блеске и вкусе.

Что сказать о Колине? Колин есть Колин. Огромный артист о многих гранях, и ему покамест – тесно. Когда же мы увидим Колина в пьесе, специально для него сделанной? Посмотрите, как его горячо полюбила французская публика: *V'la mon Colin!*⁷ – приветствует его в скромных киножизнях Батиньоля и Бильянкура серая, но теплая публика.

Теперь – главное – о Н.И.Кованько. Что она прекрасна – кто же этого не знает? Говорить о ее красоте значит повторять общее место. Но вот что меня поразило в этой пьесе и почему, собственно, взялся я за настоящую статью: все мы помним Н<аталью> И<вановну> как царевну Несмеяну, принцессу на горошинке, спящую красавицу. И вдруг – грустящая, скучающая королева очнулась от наваждения, улыбнулась, засмеялась, ожила и показала нам свой характер совсем с неожиданной стороны.

Весьма приятно отмечать знаки, по которым можно судить об исканиях таланта и о его работе. Пусть перестройка привычного строя сопряжена с маленькими шероховатостями и зацепками: это всегда бывает. Но расширить свой диапазон, найти свое новое «я» – великое дело. Это мы нередко наблюдали у артистов драмы. В кино – труднее. В кино – неизбежный штамп. Оттого-то я и приветствую нынешние попытки Н.И.Кованько.

⁷ Да здравствует наш Колин! (франц.).

А о штампе, об условиях экрана, о постановках, о постановщиках, об авторах и т.д. я непременно напишу отдельную статью или даже несколько статей.⁸

Можно думать, что успешный дебют на кинематографическом поприще обострил интерес Филиппова к самому интригующему проекту 1924 года – к новой постановке Абеля Ганса. В середине мая «Русская газета» поделилась с читателями пикантной деталью – некоторые из павильонных сцен картины «Прелестный принц» были сняты в декорациях «Наполеона». Это сообщение было дополнено и другими многозначительными подробностями: о предложении режиссера Ивану Мозжухину сыграть главную роль в будущем филь-

⁸ *Куприн А.* «Прелестный принц» // Русская газета. 1925. 22 февраля. С.3. Мы приводим печатный текст, сохраняя авторское написание французских названий. Текстуально и смысловыми акцентами он отличается от черного варианта, опубликованного в журнале: Киноведческие записки. 1997. №34. С.231-233.

Этот комплиментарный отзыв резко контрастировал с «внутренним» отзывом писателя, сравнившим свои киноинтенции с опытом Филиппова: «Я совсем не утратил способности писать, но... надоело до крайности. Прежде толкало честолюбие, вкус известности, потом хорошие деньги, дающие свободную и ладную жизнь, а нынче первое потеряло вкус и прелесть, а второе свелось к копейкам. И стало невесело. <...> Я сам виноват, что не умею писать для Кино. Филиппов умеет. Положим, я и сам смог бы это сделать, даже не опускаясь до Филипповского искусства. Но сделал бы только в очень добрый, полнокровный и смеющийся час, в виде самой разнузданной пародии, в духе прежних проказливых времен. Уверяю, ее приняли бы всерьез. Но... не поется и не свищется» (письмо к Б.Лазаревскому; октябрь 1925). – Цит. по: Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж: Из дневника Бориса Лазаревского (33 письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др.) / Публ. С.Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Вып.1. Париж; СПб., 2001. С.708. Ср. также отзыв Куприна на этот фильм с отрицательными откликами других рецензентов: <Аноним. – А.Морской. Рец.> // Кинотворчество (Париж). 1925. №10-12. С.22; А.В<ериховский>. «Прелестный принц» // Иллюстрированная Россия. 1925. №13. С.17; №28. С.17.

Так или иначе, но выпуск фильма «Очарованный принц» (авторское название) стал большим событием в культурной жизни Парижа. На премьерном показе, состоявшемся 31 января 1925 в кинотеатре «Гомон», среди многочисленных почетных гостей, например, присутствовал и экс-президент, министр иностранных дел Франции Раймон Пуанкаре. – Русская газета. 1925. 3 февраля. С.3. Активное участие в создании «Прелестного принца», снятого Дмитрием Харитоновым в рамках серии «Кованько-фильм», приняли оператор Николай Топорков, художники Александр Лошаков, Цезарь Лакка, Борис Билинский, актеры Лопухин, Григорий Мечикян и др. См.: Хронология русского кинематографа во Франции / Сост. Ленни Боргер // L'Emigration Russe. Chronique de la Vie Scientifique, Culturelle et Sociale, 1920–1940 (Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Т.4: Франция / Под общей ред. Л.Мнухина). М., 1997. С.657.

ме, и, пожалуй, самое интересное – больше половины съемочной группы Ганса составляли русские⁹. Вскоре «Русская газета» сообщила о переходе режиссера Александра Волкова и художника Александра Лошакова из Ste «Albatros» в «Ciné-France-Film»¹⁰ и о вхождении первого из них в съемочную группу «Наполеона»¹¹. Начало съемок в бийанкурской студии филипповская газета отметила замечанием, что «знаменитый <так!> фильм “Наполеон” Абеля Ганса наконец принимает реальную форму», кратко изложив содержание восьми серий задуманной киноэпопеи. Из тех же сообщений читатели узнали, что в фильме «наш популярный певец г. <А.Л.>Кубицкий сыграет роль Дантона», а кроме того, сообщалось, что ассистент режиссера «Г<-н> К.Гефтман приглашает в студию 49, Кэ дю Пуан дю Жур от 2 до 4 <часов> молодых девушек от 15 до 23 лет для небольших ролей в “Наполеоне”», для чего кандидаткам при посещении кинематографической конторы требовалось представить свои фотокарточки¹². Наконец, еще до объявления о приеме статисток, Филиппо-

⁹ Русская газета. 1924. 16 мая. С.3. Об этом см. также: Кинотворчество. Театр (Париж). 1924. №3. С.24. Месяц спустя парижский корреспондент берлинской газеты сообщал как о почти свершившемся факте: «Абель Ганс занят постановкой “Наполеона” (по всей вероятности, с Мозжухиным в главной роли)». – *В.П.<ознер>*. Кинематограф и история // Дни (Берлин). 1924. 29 июня. С.10. Однако в конце того же месяца, после публичного заявления актера об отказе работать с Гансом из-за работы над собственным проектом – фильмом «Пират Гарри» (не осуществлен), этот слух был опровергнут. – Кинотворчество. Театр. 1924. №5. С.28, 30. Некоторые обстоятельства этого несостоявшегося сотрудничества раскрываются в публикации писем Абеля Ганса к актеру. – Искусство кино. 1987. №1. С.135-136.

¹⁰ Русская газета. 1924. 24 июля. С.3. О переходе Волкова и Лошакова в «Ciné-France-Film» см. также: Кинотворчество. Театр. 1924. №6/7. С.33. Вскоре Волков опубликовал «Письмо в редакцию», сделав важное уточнение об одном эпизоде своей творческой биографии – участии в постановке фильма «Отец Сергей»: «Я действительно поставил несколько сцен в этой картине, но вся главная работа по постановке ее была выполнена режиссером Я.А.Протазановым, которому и принадлежит честь создания этой прекрасной картины». – Русская газета. 1924. 27 июля. С.3. См. также сообщение о том, что после возобновления постановки руководство ее декорационной частью взял на себя Петр Шильдкнехт. – К. «Мишель Строгов» // Последние новости (Париж). 1926. 2 июля. С.3.

¹¹ А.А.Волков в «Abel Gance Film» // Русская газета. 1924. 13 августа. С.3.

¹² Там же. 1925. 25 февраля. С.2. Ср. также с сообщением берлинского издания: «Абель Ганс, знаменитый французский режиссер, поставивший за свою сравнительно короткую кинематографическую деятельность большое количество грандиозных картин, занят в настоящее время разработкой давно задуманного фильма, посвященного Наполеону. По режиссерскому замыслу, это должна быть громадная монументальная картина, состоящая из шести частей, по две тысячи метров каждая. Картина должна дать полное жизнеописание великого корсиканца. Съемки будут производиться в соответствующих местах». – Экран (Берлин). 1925. № 1. С.39.

ву стало известно о том, что Абель Ганс ищет типаж «маленького Наполеона» со следующими типажными характеристиками: «голубые глаза, маленький рост; он должен быть худ, самоуверен, очень самолюбив и мрачного характера»¹³.

Искомый герой нашелся неожиданно быстро: уже через неделю последовало сообщение о том, что «маленьким Наполеоном» режиссер избрал подростка Колю Руденко, причем эта игра случая была расценена автором газеты как большая удача и для юного актера, и для создателя фильма: «Вряд ли Коля Руденко будет Наполеоном. Но перед ним откроется другая судьба: перспектива героя фильма»¹⁴.

Посетив однажды новое кинематографическое предприятие, А. Филиппов обнаружил там специфический мир, значительную часть населения которого составляли соотечественники – искатели случайного заработка фигуранта-статиста. Кроме того, его репортаж о жизни кинозакулисья зафиксировал весьма красноречивые эпизоды из истории «Наполеона» и с очевидностью засвидетельствовал неучтенную исследователями синхронность французской и эмигрантской кинопостановок (как и в случае с фильмом «Прелестный принц») и их ближайшее территориальное соседство, что позволяло участникам съемочных групп свободно перемещаться в пространствах двух совершенно различных творческих заданий:

Автомобиль, окружив почти пустынную в этот час площадь у порт Сен-Клу, вылетает за железную решетку, и спустя минуту, мы катим по мягкому шоссе вдоль Сены. В этом месте река шире, интимнее и как будто чище, но место здесь скучное и неприветливое. Заводские здания сменяются рабочими бистро и деревянными ангарами. Еще минута, и машина останавливается у деревянного павильона. Маленькая табличка, на которой читаю фамилию знаменитого режиссера <...>, – Абель Ганса. Это и есть «Сине-Франс-Фильм», которая готовит сейчас две грандиозные картины: «Наполеон» под режиссурой Абель Ганса и «Мишель Строгов» по Жюль Верну. В фильме этой коронные роли: Нади за Н.И.Кованько и Мишель Строгова за Мозжухиным. Режиссирует В.К.Туржанский.

¹³ <Аноним. – А. Филиппов?> Ищут маленького Наполеона // Экран. 1925. 11 февраля. С.3.

¹⁴ Там же. 1925. 17 февраля. С.3. Ср.: «Маленького Наполеона играет русский мальчик Руденко – и Абель Ганс нашел в нем не только отличного по внешности, но и настоящего, чуткого, хотя и юного актера». – *Словцов Р. <Н.Калишевич>*. Как Абель Ганс видел Наполеона // *Последние новости*. 1927. 13 декабря. С.5. Другие русские печатные источники именовали мальчика Сергеем, но в истории кино за ним закрепилось имя Владимир (об этом пишут, в частности, Ж.Садуль и Кэвин Браунлоу).

Посетив однажды контору нового кинематографического предприятия, А.Филиппов встретил там соотечественников – искателей случайного заработка в качестве статистов:

В приемной человек тридцать–сорок – мужчин, женщин и детей. Ждут работы, быть может, с замиранием сердца мечтают о головокружительной карьере кинематографических королей. В глазах напряженное ожидание, волнение и даже испуг. Похоже на приемную врача-специалиста. <...> В «Сине-Франс» много русских. Почти все русские <...>. Бывшие кадровые офицеры, уже сделавшие карьеру кинематографического артиста, бывшие адвокаты, генералы, куплетисты, балетные танцоры. Их около двухсот человек, подчиненных резкому и властному свистку режиссера. А свисток этот требует большой, напряженной, упорной работы от всех, начиная с последнего служащего и кончая баловнями Великого Немого.

<...> На сегодня съемка «Строгова» закончена, но вокруг еще мечутся люди. В углу идет пробная съемка двух малышей для «Наполеона». За ними, словно изваянный, стоит глубокий старик в нелепо на нем торчащем пиджаке.

– Артист?

– Пастух с Корсики. Его привез сюда Абель Ганс для участия в «Наполеоне». Настоящий дикий пастух. Быть может, его отец служил в гвардии Великого Корсиканца... А вот еще одна жертва кинематографа, его пленница. Молоденькая, тонкая, как тростиночка, барышня. Ей семнадцать лет. Когда Абель Ганс начал съемки на Корсике, он захватил ее в качестве статистики, но, увидя ее в работе, решил дать ей одну из главных ролей. У девушки закружилась голова. Карьера обеспечена, а с нею слава, деньги – весь антураж звезды экрана. И вдруг... В Париже жестокий режиссер находит англичанку, подходящую к роли не менее француженки. Он колеблется. Какой из двух? В таком положении обе женщины находятся уже месяц. Обе искренно, от всей души ненавидят друг друга и обе мечутся и худеют от постоянной тревоги. Мозжухин ласково улыбается бедной девочке и успокаивает ее. Она пытается сделать беззаботную гримаску, но это ей плохо удается. Видит ли она перед собой декорации ателье или мучится несбыточной мечтой других картин: шумной, не знающей забот жизни, лихорадочно сменяющихся друг друга бесконечной вереницей радостных дней?..¹⁵

¹⁵ *Наблюдатель <А.Филиппов>. За кулисами русского кинематографа // Русское время (Париж). 1925. 24 июня. С.4. Перепеч.: Новое русское слово (Нью-*

Тем временем энтузиаст экрана Филиппов решил закрепить первый сценарный успех новой работой: «А.И.Филиппов – автор нашумевшей в Париже фильма “Очаровательный принц” <так!>, с блестящим успехом недавно прошедшей на экране. Критики единодушно отмечают живость сюжета, стройность его построения и богатую фантазию его замысла. В ближайшее время будет поставлена новая фильма “В снегах”, тоже принадлежащая талантливому перу А.И.Филиппова. Нас особенно радует, что этот редкий успех выпал на русскую долю»¹⁶.

Однако усилия по продвижению второго сценария в кинопроизводство окончились для Филиппова неудачей и, по-видимому, привели к его размолвке с руководством «Ciné-France-Film». Последовавшая вслед за тем остановка съемок «Наполеона» совершенно погасила интерес издателя газеты к кинематографу и оборвала на некоторое время информационное освещение работы Абея Ганса над фильмом, перешедшее в другие издания русской прессы Парижа. Возобновление съемок после вынужденного перерыва и форсированный темп работы кинематографистов вызвали в ней новые сообщения, в которых прежде всего акцентировалась роль русских:

«В.Туржанский закончил чрезвычайно интересную сцену для “Наполеона”: “бал приговоренных к смертной казни”. Бал этот, как свидетельствуют историки, состоялся в тюрьме Карм на следующий день после 9 Термидора, и участниками его были не только приговоренные к смерти, но и родственники погибших во время террора. Декорация тюрьмы Карм сделана по эскизу П.Н.Шильдкнехта»¹⁷.

Завершение многотрудной съемочной эпопеи и торжественная премьера полной версии фильма в Парижской Опере, состоявшаяся 5 апреля 1927, пробудили интерес эмигрантских обозревателей к

Йорк). 1925. 26 июля. С.4. О съемках фильма см. также: *Словцов Р.* <Калишевнич Н.> Парижский сезон начался // Там же. 21 ноября. С.3.

¹⁶ <Аноним. – Е.Ефимовский > А.И.Филиппов // Родина (Париж). 1925. 8 марта. С.4.

¹⁷ Последние новости. 1926. 22 июля. С.4. В газетной заметке также указывалась примерная дата премьеры фильма (ноябрь 1926) и сообщалось о том, что Туржанский, сняв в бийанкурской студии массовые уличные сцены, отправился с Гансом в Тулон на последние натурные съемки морского боя (Там же. 4 июля. С.3). 28 июля Туржанский с женой выехал в Голливуд, и на этом его участие в постановке Ганса завершилось. – Там же. 1 августа. С.4.

Одним из немногих, кто проработал вместе с Гансом от начала постановки до последнего съемочного дня, был русский художник: «Декоратор Абея Ганса П.Н.Шильдкнехт закончил большую декорацию “Церковь Сен-Рок”, в которой будет снята на днях заключительная сцена “Наполеона”. По окончании этих съемок Ганс приступает к монтажу картины, который продлится 3-4 месяца». – Там же. 1926. 8 сентября. С.4. Монтаж картины начался в середине сентября. – Там же. 15 сентября. С.3.

работе французского режиссера. Сообщая о премьере, один из них с гордостью отмечал: «Русские приняли в постановке деятельное участие. Помощниками Ганса были режиссеры А.А.Волков и В.К.Туржанский. Декорации сделаны по макетам акад<емика> А.Н.Бенуа нашими соотечественниками гг. Мейнгардтом и Шильдкнехтом. Технической стороной постановки заведовал инженер Фельдман, русский по происхождению. Из русских артистов в фильме снимались Н.Ф.Колин (роль санкюлота Тристана Флери), Сережа Руденко (Бонапарт в детстве), г. Шахатуни (Поццо ди Бозго), г. Мечников (генерал Ожери). Роль Бонапарта должен был играть И.И.Мозжухин, но потом она досталась французскому актеру Дьедонне. При составлении сценария Ганс пользовался советами М.А.Ландау-Алданова, одного из лучших знатоков эпохи»¹⁸.

Шумный успех премьеры фильма обратил общее внимание на огромные финансовые и материальные затраты при постановке «Наполеона», причем русские газеты особо выделили участие в картине статистов, в значительной своей части, как известно, рекрутированных из числа эмигрантов: «Статистов невозможно перечислить. В некоторых сценах одновременно участвовало по 1500 человек»¹⁹.

Однако восприятие фильма эмигрантскими критиками оказалось не столь безоговорочно восторженным, как у их французских коллег. Возможно, в этом сказался эстетический консерватизм, но более всего вероятно, что для русских обозревателей не были близки сама тема киноэпопеи и ее герой, более того – российская культурно-историческая память была отягощена иным, прямо противоположным французскому опыту. Априорно признавая художественную мощь режиссерского замысла и оригинальность его экранного решения, Сергей Волконский, например, был разочарован несоответствием собственного знания наполеоновской темы увиденному на экране:

Да, этой картины давно ждали. И, как всегда, слишком огромные ожидания обмануты. Огромно, грузно, тяжело. Вот первые впечатления, которые напрашиваются после этого представления, начавшегося в девять и кончившегося в час

¹⁸ *И.Ф.<омин>*. «Наполеон» // Дни (Париж). 1927. 6 апреля. С.4. Вскоре за этим последовало уточнение, что макетами декораций к фильму занимались А.Н.Бенуа и П.Н.Шильдкнехт, причем последний был автором 37 из всех 48 декорационных конструкций. – Там же. 8 апреля. С.4. В ноябре того же года в парижских кинотеатрах демонстрировалась сокращенная версия фильма. – Возрождение (Париж). 1927. 20 ноября. С.4.

¹⁹ *<Аноним>*. «Наполеон» // Последние новости. 1927. 27 апреля. С.4. Об этом см. также нашу работу: Киностатист как зеркало русской революции // Минувшее: Исторический альманах. Вып.16. М.; СПб., 1994. С.329-356.

<ночи>. <...> Все раздуто, широковещательно. И картины следуют по тому же пути. Есть и хорошие мысли, и отличные зрительные впечатления, но все испорчено перегруженностью; одна картина слишком долго длится, слишком часто возвращается. Несомненно, составитель задался целью подавить зрителя *количеством*: конца нет буре на море, конца нет идущим полкам. Можно сказать, что самое главное действующее лицо или, вернее говоря, самое главное воздействующее лицо этого фильма – Его Величество Количество<...>.²⁰

Взгляд зрительницы, знакомой со спецификой кинематографического творчества на собственном опыте, был обращен, прежде всего, к смелым формальным новшествам режиссера. Отдавая должное его смелости, она не могла не отметить досадных «мелочей», нанесших большой урон функциональной и художественной оригинальности новых приемов:

Техническое нововведение Ганса заключается в том, что он проектирует одновременно три экрана, три сцены. По замыслу, эти три сцены должны слиться в одно грандиозное целое. На центральном экране показывается главная лирическая часть действия, на двух боковых проходят события, служащие фоном. Ганс затратил много усилий, чтобы действия, снятые тремя аппаратами, слились в одну картину. Но попытка не удалась. Узенькая, темная полоска, отделяющая один экран от другого, мешает единству впечатления; несовпадение же ритма этих одновременных, но неодинаковых действий, искусственно и несовершенно связанных между собой, утомляет и раздражает зрителя.

Есть в картине Ганса еще один недостаток, утомляющий не меньше, чем три экрана. Ганс злоупотребляет скрещиванием планов. <...> Смешение реальности и видений, действительности и воспоминаний, лихорадочная путаница лиц, пейзажей, событий – все это, будучи взятым в большой дозе, утомительно. Абель Ганс волнует, увлекает, но не раз жалеешь, что этому художнику изменяет чувство меры.

Вместе с тем рецензентка не могла не признать уникальной творческой оригинальности режиссера, который

<...> все видит по-своему. Это особенно сказывается, когда он снимает сцены трафаретные, например, скачку. Погоня всадников за Наполеоном, скачущим в надвигающихся сумер-

²⁰ Волконский С. «Наполеон» // Последние новости. 1927. 12 апреля. С.2.

ках, сделана совершенно своеобразно <...> он нарочно выбрал сумеречный фон, чтобы дать невнятные и жуткие силуэты. Как хищные птицы, фигуры преследователей (белые на темном фоне) слетаются к какой-то ускользящей точке (преследуемый) и снова разлетаются в разные стороны. Это зрелище глубоко художественно. Ганс – несомненный поэт экрана. Можно ли фотографировать внутреннее движение мысли и чувства? Можно, если заменить фотографа художником.

Главная цель Абель Ганса в его эпопее достигнута: как бы спорны ни были отдельные его приемы, – выходя из залы, мы уносим с собой образы великих событий начала прошлого века. Уносим с собой и некую смутную тревогу, которую всегда вызывает в нас произведение настоящего художника.²¹

Таким образом, русская пресса Парижа от начала и до конца держала в поле зрения работу французского режиссера и его россий-

²¹ Карен Д. «Наполеон» Абель Ганса // Возрождение. 1928. 17 января. С.3. Неявным, но весьма выразительным свидетельством влияния экранных образов Абеля Ганса на творческое сознание зарубежной России можно считать одну из поэтических киноаллюзий В.Сирина (Набокова) – в первой строфе его «Стансов о коне» (1929), написанных по следам берлинской премьеры «Наполеона»:

На полотнищах озаренных
Игрой малиновых лучей,
Условный выгиб окрыленных
Наполеоновых коней.

Прямая отсылка к кинематографическому источнику «наполеоновых коней» подчеркнута упоминанием «полотнищ» – полиэкранов и апелляцией к семантике кинематографического выража: описываемый эпизод фильма был вирирован красным («малиновым») цветом, усиливавшим, согласно установленной практике, напряженность фильмового действия.

Здесь же отметим и обязательное присутствие идеологического подтекста в кинопечатлениях эмигрантов: «Не без удивления узнают многие русские поклонники Наполеона, что он имел в молодости настоящие “большевистские” идеи. Чтобы простить ему этот грех, нужно, впрочем, только подождать продолжения фильма». – Словцов Р. < Н.Калишевич > Как Абель Ганс видел Наполеона // Последние новости. 1927. 13 декабря. С.5.

Примечательно, что еще на первой стадии работы, в ходе съемок на Корсике, режиссеру пришлось печатно объяснять патриотически настроенным соотечественникам причины «чрезмерного» участия русских в своей постановке и засвидетельствовать полное отсутствие просоветских симпатий у себя самого и у других участников съемочной группы (А.Волков, М.Фельдман, Ромеровский, Гейтман). См.: L'Eveil de la Corse. 1925. 20 mai; воспроизведено: *Albera F. Albatros: des Russes à Paris. 1919–1929. P.77.*

ских сотрудников, детально осветив внешнюю канву событий вокруг «Наполеона». Однако только ими история не ограничилась, в ней присутствовали и другие персонажи, а также драматические обстоятельства, не нашедшие места на печатных страницах.

Владимир Венгеров

Труды и дни Владимира Венгерова (1891–1946) остаются практически неизвестными историкам кино, хотя его роль в эмигрантской и европейской кинематографиях 1920-х представляется не менее, если не более значимой, чем деятельность Иосифа Ермольева, Александра Каменки или Ноя Блоха. О многом, связанном с его именем, теперь остается лишь догадываться, основываясь на почти случайных крупицах информации об этом, пожалуй, самом загадочном персонаже российской киноистории.

Судя по всему, основой венгеровского материального благополучия была удачная биржевая игра или казенные поставки в годы Первой мировой войны. Летом 1915 он неожиданно для многих всерьез и, как оказалось, навсегда увлекся кинематографом, открыв на паях с режиссером Владимиром Гардиным собственное кинопроизводство. По свидетельству последнего, деловые замыслы его компаньона с самого начала были отмечены нетипичным для России голливудским размахом, что с первой же их встречи обнаружилось в развернутых перед ним планах привлечения к съемкам всей труппы Художественного театра, в строительстве собственной фабрики по производству пленки и т.п.: «Уэллс – это не фантастика, это проза, будни в сравнении с планами Венгерова»²².

Однако жизнь первого кинематографического детища Венгерова оказалась короткой: после ухода Гардина из дела летом 1917 оно было преобразовано в компанию «Мерказор», а осенью следующего года и вовсе ликвидировано при отъезде из страны хозяина, сохранившего и репродуцировавшего профессиональный интерес к искусству экрана в неблагоприятных условиях эмиграции.

Осенью 1921 Венгеров объявился в Берлине, где сразу же выступил с инициативой создания общества русских, германских и французских кинопромышленников, оказавшейся, впрочем, совершенно несостоятельной²³. Эта неудача не охладила тяги Венгерова к орга-

²² Гардин В. Воспоминания. Т.1. 1912–1924. М., 1949. С.91-93. Следует отметить, что сотрудничество Венгерова с МХТ в той или иной мере реализовалось на практике. С этим, возможно, было связано и название его фирмы – «Киночайка», чья эмблема повторяла известный логотип театра. О первом кинематографическом предприятии Венгерова см: Бессонов В., Янгиров Р. Большой Гнездиновский, 10. М., 1990. С.33-45.

²³ См.: Руль. 1921. 4 ноября. С.5.

низационному строительству. В начале мая следующего года он стал одним из учредителей Союза деятелей русской кинематографии в Германии, созданного для «охраны достоинства и интересов русского искусства в области театра и кинематографии»²⁴ и объединившего практически всех российских кинодеятелей, оказавшихся к тому времени в этой стране²⁵.

В первой половине 1920-х Венгеров продемонстрировал поразительную активность: прямо или косвенно он участвовал в делах целого ряда русских кинокомпаний («Atlantic-film», «Viking-film» и др.), а весной 1923 вошел в руководство «Ceasar-film», обозначив совершенно определенные производственные приоритеты новой кинокомпания: «Идея постановки русских картин – по сюжету и духу, исполненных русскими артистами, имеет в его лице энергичного сторонника, и его предприимчивость, несомненно, будет способствовать дальнейшему проведению этой идеи в жизнь».

При этом речь шла и том, чтобы делать фильмы на русские сюжеты, которые в условиях паралича отечественной кинопромышленности получили бы прокат и в самой метрополии, причем сценарный материал для этого поступал бы в Германию из России²⁶. Первыми постановками компании были объявлены экранизации русской литературной классики – «Вешние воды» по Тургеневу и «Дьявол» по Толстому, однако первая особого успеха не имела, а другая осталась нереализованной, скорее всего, по финансовым причинам²⁷.

²⁴ Satzung des Zentralverbandes der russischen professionellen Bühnenkünstler in Deutschland e V. <Berlin, 1922>. S.3. На организационном заседании Союза, прошедшем 3 мая 1922 под председательством владельца возобновленной после Москвы компании «Нептун» П.Антика, «по скромным подсчетам, было произнесено более 100 речей по разнообразным вопросам», однако одной из важнейших задач Союза было определено установление живых связей с Россией и помощь ей в кинематографической работе. – Голос России (Берлин). 1922. 6 мая. С.5.

²⁵ В руководящие органы этой организации были избраны П.С.Антик, В.Г.Венгеров (заместитель председателя Союза, указанный как директор общества «Сфинкс»), М.К.Адамов, Д.И.Харитонов, А.И.Быстрицкий, Д.И.Гуревич, К.Филипп, А.В.Квартиров, Ю.Е.Вахтель, М.И.Быстрицкий, М.Исакович. Почетными членами Союза были избраны И.Н.Ермолев и А.А.Ханжонков. – Там же. 1922. 17 мая. С.3. В дальнейшем заседания объединения происходили по вторникам и четвергам в берлинском кафе «Ландграф». – Там же. 30 мая. С.5.

²⁶ Для достижения этой цели руководители фирмы, по-видимому, вошли в особое соглашение с просоветским изданием в Берлине, допущенным к распространению в метрополии, и развернули в нем свою рекламную кампанию. – Накануне (Берлин). 1923. 20 мая. С.9. Параллельно с этим компания вела работу по закупке прав на все фильмы, выпущенные эмигрантскими киностудиями в Европе для их последующей продажи в Германии и в России. – Голос России. 1922. 26 августа. С.3.

²⁷ Кино-Эхо. Кинематограф для России (Берлин). 1923. №1. С.56. Фильм «Вешние воды» был поставлен Николаем Маликовым при участии Дианы Ка-

По впечатлению современника, Венгеров отличался «редкой способностью поддержать и ободрить каждого, обратившегося к нему», получая взамен полное доверие собеседника. Необычайная коммуникабельность, кипучая энергия, деловая хватка и выдающийся дар убеждения привлекали к нему многих, веривших в то, что этот человек – подлинный лидер и организатор избранного дела²⁸. Об этом свидетельствует, например, история встречи с Венгеровым начинающего фотографа Евгения Рейса, относящаяся к концу 1920-х годов. Эта почти случайная встреча открыла перед молодым человеком двери будущей профессиональной карьеры:

...я получил randevу у русского кинопродюсера Владимира Венгерова, объемистого господина, горячего и порывистого, принявшего меня с распростертыми объятиями. Он спросил о делах в Берлине, говоря о скверном состоянии здешней киноиндустрии, и добавил, глядя на меня своими черными, выпуклыми глазами: «Все мы кончим под забором». Затем обратился ко мне вопросительным движением подбородка. Я сказал ему о своих надеждах и показал фотографии. Он написал на визитной карточке пару слов, сказав: «Поезжайте завтра утром в Жуанвилль, передайте мою карточку Шифрину²⁹. Он вас примет.

рен, Осипа Рунича и др. – Экран. 1925. №1. С.32. Режиссером второго фильма назывался Иосиф Сойфер, а сценаристом – Сергей Горный. – Дни. 1923. 5 июня. С.5. В начале следующего года из «Seasar-film» вышел Харитонов, что, по-видимому, привело к скорому закрытию компании. – Экран. 1924. №1. С.32; Кинотворчество. Театр. 1924. №2. С.10.

²⁸ Экран. 1924. №1. С.32.

²⁹ Шифрин Семен С.(?) (1894–1985) – организатор кинопроизводства и продюсер, многолетний парижский контрагент В.Венгерова. «Слепой случай толкнул меня в кинематографическое производство. Директора двух фирм поссорились во время совместной постановки и решили передать наблюдение за дальнейшей работой третьему лицу. Выбор их пал на меня. Это было пять лет назад. А теперь я уже не променяю увлекающей меня кинематографической деятельности ни на что другое». – Морской А. С.С.Шифрин // Иллюстрированная Россия. 1929. №17. С.12. Этот эпизод, по-видимому, отсылает к конфликту Н.Блоха с А.Каменкой в начале 1924, после которого первый покинул Société «Albatros».

Осенью 1926 Шифрин и Д.Харитонов организовали производственную компанию «Grand Production Cinématographique» для съемок картины Николая Маликова «Панам» (экранизации романа Франсиса Карко «Les Ninosan»), приобретя для этого съемочный павильон в Бийанкуре. – Последние новости. 1926. 10 ноября. С.4; Там же. 5 декабря. С.5. После завершения съемок, 1 апреля 1927, во время монтажа картины, от короткого замыкания в электросети там произошел пожар, уничтоживший все киноматериалы. По свидетельству Д.Харитонova, «спасти не удалось ничего. <...> Погибла картина, сделанная русскими руками, которую мы готовились показать в Париже представителям печати и искусства в середине апреля». – «Панам» // Там же. 1927. 4 апреля. С.3. Еще более катастрофичным обещало быть то, что «в том же здании этажом ниже по-

Желаю удачи». На карточке было написано: «Сеня, посылаю тебе гениального фотографа, прими его, целую, Володя».³⁰

Благодаря дару убеждения Венгеру удалось заинтересовать своими проектами германского магната Гуго Стиннеса и при его финансовом участии организовать кинематографический консорциум «WESTI (Wengeroff–Stinnes)» – многопрофильное предприятие, аккумулировавшее в себе производство и прокат собственных и чужих фильмов. На правах младших компаньонов в него также вошла большая группа предпринимателей из Германии, Италии, Франции, Польши, Австрии, Румынии, балканских, прибалтийских стран и даже Китая и Японии. Девизом нового предприятия был избран амбициозный слоган: «Мы строим мировую организацию». Громкие декларации и глобальный масштаб не могли, однако, скрыть от внимательного наблюдателя одного невыигрышного обстоятельства: большую часть участников, вовлеченных в это «международное» предприятие, составляли выходцы из русской кинематографии, эмигрировавшие на Запад (Дмитрий Харитонов, Ной Блох, Григорий Рабинович, Андрей Керре, Шах, Загородский и др.)³¹.

мешался весь негатив картины “Наполеон” Абеля Ганса. Благодаря дружным усилиям всех сотрудников, негатив удалось спасти». – Гибель «Панам» // Там же. 1927. 2 апреля. С.3. Тотчас узнав о несчастье, французский режиссер немедленно приехал в студию: «Услышав, что никто не пострадал и что “Наполеон” жив, Абель Ганс разрыдался». – «Панам» // Там же. 1927. 4 апреля. С.3.

Благодаря негласной поддержке Венгерова и Харитонова и ценой собственных усилий Шифрин, ставший к тому времени директором «Alliance Cinématographique Européenne», фильм удалось переснять заново. – Там же. 1928. 22 февраля. С.4. Новые съемки начались в августе 1927, а на парижские экраны картина вышла 17 февраля 1928 под названием «Paname n'est pas Paris» («Панам это не Париж»). – Там же. 1927. 16 августа. С.4; 1928. 17 февраля. С.3. Весьма кисло оценивший ее анонимный эмигрантский рецензент задался вопросом, «не пожар ли способствовал украшению фильма?». – «Панам» // Там же. 1928. 12 января. С.4.

В середине июня 1928 возглавляемое Шифриным «Общество Бийанкурских студий» было преобразовано в «Sequana-film». – Возрождение. 1928. 23 июня. С.5. Новая компания была ассоциирована с концерном «Гомон» и ориентировалась на творческие силы соотечественников. Первой постановкой компании (копродукция с Société «Albatros») осенью 1928 стал фильм «Двое робких» по пьесе Лабиша (реж. Рене Клер, оператор Николай Рудаков, художник Лазарь Меерсон; вып. 5 декабря 1928). «В фигурации были заняты и русские, среди которых выгодно выделялся оперный артист А.Н.Дракули». – Там же. 1928. 7 декабря. С.3. Впоследствии Шифрин работал во французском, американском и итальянском кино.

³⁰ Рейс Е. Кожевников, кто Вы? М., 2000. С.11-12.

³¹ «Громадное количество русских людей – ибо, как известно, подавляющее количество работающих в этом деле, начиная от артистов, художников, режиссеров и кончая конторскими служащими и всякого рода рабочими, были русские – имело бы хороший постоянный заработок. И это тоже имело весьма не-

Создание «WESTI» было важным, но всего лишь первым этапом обширного венгерского плана. Его заветной целью было создание настоящего «Европейского фильмового синдиката» – континентальной производственно-прокатной структуры, способной не только противостоять натиску голливудской продукции в послевоенной Европе, но развернуть фильмовое контрнаступление в самой Америке. Одним из составных элементов этого плана было вовлечение в новый кинематографический гигант советских киноорганизаций – для проката европейских фильмов в СССР и, наоборот, советских – в Европе и для совместных съемок «экспортных» фильмов на территории советской России для зарубежных рынков.

Еще весной 1923 представители Стиннеса и Наркомпроса разработали проект соглашения о совместном предприятии «Востокофильм». Содержание этого документа не оставляет сомнений в том, что важнейшие его положения готовились Венгеровым, поскольку масштабы намечаемой сделки были беспрецедентными не только для России, но и для европейской практики. Прежде всего, проект договора предусматривал создание в СССР не только фильмов, но производство кино- и фотоаппаратуры, пленки и всех сопутствующих товаров, а также совместную внутреннюю и внешнюю торговлю «означенными предметами». Беспрецедентным был и пункт договора об изъятии из-под государственной монополии проката картин, принадлежащих предприятию, на всей территории РСФСР. Кроме того, ему предоставлялись неограниченные права и возможности на организацию передвижных кинематографов на всех транспортных магистралях страны (железные дороги, водные пути и пр.), на строительство собственных кинотеатров, киноателье и лабораторий, а также льготная аренда существующих мощностей в случае, если они представят для него производственный интерес. Новое общество получало право организовывать свои производственно-прокатные отделения на всей

маловажное значение». – <Аноним. – А. Морской?> Штиннесовская кинематография // Кинотворчество. 1925. №13. С.20.

«Большая будущность у образованного В. Венгеровым совместно со Штиннесом кинематографического общества “Вести-фильм”. У общества широкие планы как в отношении производства, так и в отношении торговли фильмами. Судя по всему, проектам этим суждено сбыться». – *Лапинер А.* 1925-й год // Экран. 1925. №1. С.32.

Даже тогда, когда нежизнеспособность предприятия была подтверждена временем, его российская «составляющая» оставалась для обозревателей предметом национальной гордости: «...фильм-продюцент В.Г. Венгеров создал грандиозный фильм-концерт “Вести” не с кем иным, как с самим Гуго Стиннесом. Отсюда и “Вести”: “Ве” – от Венгерова, а “Сти” – от Стиннеса. “Ве” перед “Сти”, т.е. Венгеров выше первого промышленного магната Германии». – *Ухтомский Н.* Русские лавры на кинофронте Германии // Рупор. 1929. 8 сентября. С.4.

территории РСФСР, а также право выбора любой из московских фабрик Госкино для аренды сроком не менее 12 лет.

Особым пунктом закреплялось обязательство советской стороны не заключать аналогичных сделок с каким-либо другим зарубежным партнером и не разрешать никаких киносъемок иностранным компаниям на своей территории. Взамен советская сторона получала формальный идеологический и производственный контроль над продукцией «Востоко-фильм» (другое название – «Восточное Кинообщество»).

Уставной капитал нового предприятия определялся суммой в 5 миллионов золотых рублей, причем половина акций отходила правительству РСФСР, которое определяло бы кандидатуру председателя общества и еще одного из четырех членов его правления. Несмотря на предусмотренный контроль советской стороны над производственной и идеологической деятельностью совместной компании, ей предоставлялось право свободного распоряжения своими валютными средствами на территории СССР и за его пределами. При этом девяносто процентов дивидендов по акциям шли бы в пользу участников предприятия и лишь десять процентов предусматривались на развитие производства.

Соглашение также определяло обязательство нового общества о выпуске не менее пяти полнометражных игровых постановок и не менее пятнадцати культурно-просветительных лент в год, тематика и сценарии которых утверждались бы советским цензурным органом – Главреперткомом Наркомпроса³².

Пока в московских инстанциях шло неспешное обсуждение деталей этого соглашения, Стиннес и стоявший за кулисами Венгеров попытались развить успех, предложив начать совместное кинопроизводство до подписания большого соглашения, для чего было решено ввести в игру явно подставную берлинскую фирму «Комедия-фильм». Переговоры чиновников Госкино с ее представителями проходили зимой 1923–1924 и завершились выработкой еще одного соглашения, оцененного советскими киноспециалистами весьма оптимистично: «...предложение Гуго Стиннеса Госкино находит очень интересным и приемлемым <...> участие <Стиннеса> как крупного финансиста Германии нам желательно»³³. В ходе этих переговоров был разработан детальный план первой совместной кинопостановки

³² См.: РГАЛИ. Ф.989. Оп.1. Ед.хр.337. Л.17-20. Между прочим, кинопроект Стиннеса был составной частью его масштабного наступления на советский экономический рынок. В марте 1924 он заключил соглашение с Нефтесиндикатом о закупке крупной партии нефти для экспорта на Запад. См.: *Уферман П., Хюглин К.* Стиннес и его концерн. М.; Л., 1924. С.165.

³³ Письмо руководства Госкино в Главконцесспром от 13 февраля 1924. – РГАЛИ. Ф.989. Оп.1. Ед.хр.499. Л.24.

– это был игровой фильм, снятый на волжском антураже: «При съемке исключительное внимание должно быть обращено на то, чтобы быт и производство современной России были бы полностью выражены и, прежде всего, должны быть приняты во внимание те города <вписано: «расположенные в Волжском бассейне»>, которые представляют для России важное культурное значение»³⁴. Все производственные расходы относились на счет германского партнера, советская же сторона обходилась тем, что бесплатно выделяла киноэкспедиции пароход на три-четыре месяца ее работы и предоставляла право эксклюзивных съемок в «открытых зданиях и церквях» при одновременном запрете киносъемок в Волжском регионе всем другим зарубежным фирмам до конца 1925.

В съемочную группу фильма должны были войти германский режиссер, оператор, другие технические сотрудники и такое же число советских специалистов. Исполнителем главной роли был сразу же определен актер Эрнст Дейч, остальной актерский состав предполагался советским. Особо оговаривалось в соглашении обязательство германской стороны в том, что параллельно с игровым фильмом снимался бы «культурфильм» о Волге для безвозмездной передачи Госкино. По завершении съемок и монтажа советская сторона получала копию будущего игрового фильма для внутренних показов в РСФСР, а права на его зарубежный прокат передавались Стиннесу³⁵. Несмотря на то что оба соглашения существовали лишь на бумаге и еще не были утверждены полномочными органами, сообщения о новом предприятии попали в советскую печать³⁶, вызвав немало толков и слухов в кинематографической среде России и других стран.

После серии печатных выступлений в общих и профессиональных изданиях, предпринятых Венгеровым одновременно с организационными усилиями, ажиотаж вокруг «WESTI» приобрел всеевропейский масштаб³⁷. Печатная аргументация инициатора «Европейского фильмового синдиката» сводилась к весьма эмоциональной пропаганде кинематографического антиамериканизма и противостоящего ему континентального патриотизма. Обращенный ко всем заинтересованным участникам кинопроцесса призыв Венгерова стал первым по времени сигналом к установлению антиголливудского протекционизма в Европе:

³⁴ Проект договора между Госкино, Восточным Кинообществом и берлинским «Комедия-фильм» от 10 декабря 1923. – РГАЛИ. Ф.989. Оп.1. Ед.хр.499. Л.26-27.

³⁵ В марте 1924 Стиннес закрепил существующие договоренности продажей крупного пакета зарубежных фильмов Госкино. – Там же. Ед.хр.469. Л.259-260.

³⁶ Зрелища (Москва). 1924. №81. С.15; Кино (Москва). 1925. 15 апреля. С.2.

³⁷ Об этом см.: Кинотворчество. 1924. №3. С.69; №6/7. С.30-31.

<...> Я обращаюсь в первую очередь к производителям и говорю: заключайте между собою союзы: франко-английский, франко-итальянский, англо-французский, англо-итальянский, франко-шведский, англо-шведский – сколько угодно, но только объединяйтесь. Ибо очень скоро вам будет ясно, что европейский союз является необходимостью для спасения нашего существования. <...> мы не в состоянии конкурировать с американским производством потому, что наши фильмы с<оз>даются только для одной из наших стран. Каждый фильм должен быть так построен, чтобы он подходил для всего мира, т.е. чтобы он мог плыть и в Америку. На фильм должны затрачиваться такие большие суммы, которые одна страна выдержать не в состоянии. <...>

Я обращаюсь ко всем прокатным конторам и говорю: если вы не поддерживаете европейские фильмы, <...> то вы совершаете несправедливость по отношению к европейскому фильму, ибо тем, что вы разоряете производителя, вы разоряете себя. Ибо в таком случае придут американцы, и не только с их производством, но и с их организацией и распространением. И если у вас не будет больше европейских фильмов, вас уничтожит американская конкуренция. <...> Я обращаюсь к прессе, к писателям, к артистам и к режиссерам и говорю: поддерживайте нас в нашем европейском начинании, ибо в противном случае богатейшие литературные и художественные сокровища Европы едва ли получат применение или будут настолько приспособлены к американскому вкусу, что станут неузнаваемыми. <...>

Наконец, я обращаюсь к каждому в отдельности и, не вмешиваясь в вопросы политики, говорю: война окончена, и теперь нам необходимо европейское объединение на ниве труда, в области искусства и торговли <...>. Я разработал план синдиката, который я предложил прессе всех стран и подробно изложил заинтересованным кругам. Я занят его осуществлением. Если бы кто-нибудь предложил<л> какую-либо другую идею или какие-либо изменения, я был бы рад с ними познакомиться. <...> У меня достаточно опыта и предвидения, чтобы понимать, что мы идем навстречу гибели, если мы будем продолжать дальше свой нынешний путь. Нельзя забывать, что тот, кто спасает своего соседа, спасает себя. В единении сила!³⁸

Обращаясь к профессионалам, он был еще более категоричен:

³⁸ Венгеров В. Европейский фильмный синдикат // Русское эхо (Берлин). 1924. 12 октября, №42. С.14.

Европейские кинопромышленники должны действовать сообща и организованно. Только при объединении возможно будет создать необходимую финансовую и организационную силу, которая сможет поднять значение европейской кинематографии и противодействовать агрессивным намерениям американцев.³⁹

Личный натиск печатного наступления Венгерова был подкреплен активной поддержкой сторонников (или клиентов?) в кинематографической среде:

<...> у европейской кинематографии есть один большой враг, и это – кинематография американская – хищная и полная захватных тенденций. Мы признаем преимущества, отдаем должное силе американской кинематографии, несмотря на ее мещанство, не отказываем ей в талантливости, но считаем, что до тех пор, пока руководители ее не прекратят в отношении Европы свою колонизаторски-удушающую политику, необходимо ответить на нее установлением «осадного» положения. Необходима борьба, борьба за свободу, за право существования. А так как борьба такого порядка должна вестись единым фронтом, то для борьбы этой необходимо единение.⁴⁰

Нет сомнений в том, что мобилизация столь мощных организационно-финансовых и пропагандистских ресурсов могла вполне успешно материализовать амбициозное детище Венгерова и кардинальным образом переменить физиономию европейской кинематографии, однако в события вмешались непредвиденные обстоятельства, сорвавшие воплощение этого плана на самом подъеме. Сейчас трудно определить, какие именно обстоятельства расстроили вышеуказанное советско-германское киносоглашение. Но прежде всего этому, несомненно, поспособствовала внезапная смерть Сталина 10 апреля 1924, сразу же показавшая советским чиновникам и их кураторам, что на опустевшей сцене остается лишь идеологически сомнительная фигура эмигранта Венгерова. Каковы бы ни были фор-

³⁹ Венгеров В. Нельзя медлить! // Экран (Берлин). 1924. №1. С.14. О производственной стратегии венгеровского предприятия см. также: *Tompson K.* The Ermoloeff Group in Paris: Exile, Impressionism, Internationalism // *Griffithiana* (Portland). 1989. №35/36. Ottobre. P.53-54; *Borger L.* From Moscow to Montreuil: the Russian Emigres in Paris, 1920-1929 // *Ibid*; *Гиндилис Е.* Кинематограф изгнанников: русские во французском кино (1935–1939) // *Киноведческие записки.* 1996. №29. С.152-153.

⁴⁰ См.: Экран. 1925. №1. С.13. В этом же номере журнала в числе приветствий ведущих деятелей германской кинематографии было опубликовано новогоднее пожелание Венгерова: «Я бы хотел, чтобы в 1925 году на каждые пять американских премьер в Европе приходилась бы одна европейская премьера в Америке». – Пожелания на 1925 год // Там же. С.14.

мальные причины, но кажется очевидным, что срыв соглашения санкционирован не кинематографическим ведомством и не курировавшим его Наркомпросом, а высшим партийным руководством СССР. В конце 1924 эта воля была даже озвучена в печати:

<...> Что касается расчетов Венгерова на Россию, нужно думать, что они носят более теоретический характер. Мы, пожалуй, доброжелательно отнеслись бы к тем, кто с честными намерениями, учтя наши запросы и интересы, пожелал бы поставить производство у нас в России, но для этого у нас должны быть большие гарантии в искренности намерений. Участвовать же в делах Венгерова и его предполагаемого синдиката вряд ли есть для нас смысл. Ни идеологическая, ни личная физиономия устроителей нам ничем не импонирует. И вообще, мы никогда не верили в «спасителей». Приналяжем теперь, чтобы укрепить строительство своего советского кинопроизводства.⁴¹

Все эти обстоятельства убеждают в том, что рассказ Абеля Ганса Кэвину Браунлоу о своей нечаянной встрече с Венгеровым и столь же «случайном» интересе Стиннеса к его кинозамыслу – не более чем исторический анекдот либо лукавство мемуариста⁴². Их действительно свело вместе стечение обстоятельств, но на самом деле они не могли пройти мимо друг друга, имея набор индивидуальных мотиваций к этой встрече. Для Венгерова сотрудничество с французским режиссером означало прежде всего материализацию его тезиса

⁴¹ *Лянов Д.* «Закат Европы» и... «Вести» // Кинонеделя. 1924. №44. С.7. См. также: *Е.К.* Банкротство концерна Гуго Стиннеса // Красная газета (веч. вып.). 1925. 9 июня. С.2. Примечательно, что в это же самое время советские контрольные инстанции приняли решение о прекращении ввоза в страну фильмов, произведенных эмигрантами: «Признать нежелательным, как общее правило, покупку фильм, изготовленных за границей белоэмигрантскими киноорганизациями» (Протокол заседания Кинокомиссии ЦК ВКП(б) от 6 ноября 1924. – ГАРФ. Ф.406. Оп.12. Ед.хр.952. Л.2). Однако еще за два месяца до этого печать зарубежья сообщила о запрете демонстрации в СССР фильмов «Кин», «Проходящие тени», «Тарас Бульба» и «Вешние воды». – Последние новости. 1924. 11 сентября. С.4. Тем не менее советские прокатные организации, сохранявшие определенную хозяйственную автономию, продолжали закупку и показ фильмов, выпущенных эмигрантами. См., например: «Кинотеатр “Гладиатор” <...> Последняя новинка Парижа. Грандиозный художественный фильм выпуска 1925 г. “Шехерезада. 1001 ночь”. Увлекательная картина в 8 частях. Оригинальная постановка режиссера Туржанского. В главных ролях любимцы экрана: Натали Кованько и Н.Римский». – Красная газета (веч. вып.). 1925. 26 мая. С.2; «Кинотеатр “Пикадилли” <...> “Болотные огни”. Грандиозная драма в 10 частях из жизни русских эмигрантов». – Там же. 1925. 23 июня. С.2. При этом советская пресса, по-видимому, вынужденно игнорировала эту кинопродукцию, весьма неохотно комментируя ее существование на экранах страны.

⁴² *Brownlow K.* The Parade's gone By... Berkeley; Los Angeles, 1969. P.547-548.

об объединении европейской кинематографии в рамках масштабного кинопроекта.

Кроме того, помимо прочих заманчивых перспектив, проект Ганса для Венгерова, возможно, имел и особый коммеморативный смысл: в 1924 исполнилось десять лет со времени трех экранизаций «Войны и мира», конкурентно осуществленных в России Александром Талдыкиным, Александром Ханжонковым и Паулем Тиманом. Кажется, поэтому Венгеров мог бы тематически и масштабно оценить и соотнести их с внутренне близким толстовскому роману замыслом Ганса, который к тому же предполагал широкое соучастие его соотечественников. Что же касается Стиннеса, то можно думать, что его согласие финансировать дорогостоящую кинопостановку объяснялось прежде всего деловыми амбициями в сфере массовых коммуникаций (к тому времени он вложил огромные средства в собственную издательскую империю) и политическими расчетами, в частности, желанием использовать ее как символический жест послевоенного примирения Германии и Франции. Режиссер же, надо думать, учел все вышеуказанные и другие, остающиеся нам неизвестными мотивы партнеров, что облегчило ему принятие «непатриотичного» решения об иностранной (германской!) финансовой поддержке заветной кинопостановки⁴³.

Крах «WESTI» обескровил Венгерова, но не остудил его делового пыла. Невзирая на бесконечные судебные разбирательства, разгоревшиеся после смерти делового партнера и патрона, он продолжал продюсерскую деятельность, открыв в Берлине производственную компанию «Wengeroff-Film», ничем себя, однако, не прославившую. К концу десятилетия деловые интересы Венгерова обратились на Францию, где он по каким-то причинам (скорее всего, из-за явного и скрытого противодействия конкурентов) предпочел действовать не сам, но через своих доверенных контрагентов Дмитрия Харитоновича и Семена Шифрина. В начале мая 1928 он вновь привлек к себе общее внимание, выступив с интервью парижской газете «Comptodia», в котором предложил очередной проект «европейского фронта кинематографии, направленного против Америки». Он активно лоббировал его и в кулуарах Международного кинематографического конгресса, прошедшего в Берлине в последней декаде августа того же года, что заставляет думать о его причастности к соглашению об

⁴³ Этот политический расчет в известной мере оправдался: фильм А. Ганса с большим успехом прошел на германских экранах. «На первом представлении в присутствии <премьер-министра> Штреземана были встречены аплодисментами слова Наполеона о его желании создать “одну единую европейскую республику без границ”. <В зале> гремела “Марсельеза”». – Последние новости. 1927. 20 октября. С. 5.

объединении производственных усилий германской «Тетра-film», французской «Ciné-Romans» и британской «Ideal»⁴⁴, оставшемуся, впрочем, лишь на бумаге.

Поздней осенью 1928 Венгеров появился в Париже для нового громкого заявления о создании очередного синдиката, куда как будто бы вошли Société «Albatros» Александра Каменки, «Тетра-film» Макса Гласса и концертн Луи Обера. С владельцем первой компании – А.Каменкой он собирался ставить грандиозную костюмную драму «Калиостро», а с Глассом – «Корабль погибших теней» и «Цыганы»⁴⁵. В оберовский же проект он намеревался привлечь Иосифа Ермольева и Вячеслава Туржанского, работавших к тому времени в Германии. Приученные к венгеровскому прожектерству соотечественники ограничились скупой репликой: «Насколько эти планы осуществимы – покажет будущее. Между прочим, Венгеров – сторонник больших картин. Обилие фильмов короткого метража, по его мнению, привело германскую кинематографию к кризису»⁴⁶.

После прихода к власти в Германии нацистов Венгеров окончательно перебрался в Париж, где и прожил до конца дней, благополучно пережив германскую оккупацию Франции. В свои последние годы он заслужил искреннюю, надо думать, благодарность обнищавших соотечественников как щедрый меценат и благотворитель⁴⁷ и, по-видимому, близко сошелся с кругами просоветски настроен-

⁴⁴ См. об этом: Последние новости. 1928. 12 мая. С.3; 1928. 21 сентября. С.3. На берлинском конгрессе Венгеров представлял русскую кинематографию вместе с Иваном Мозжухиным, Николаем Колиным и Александром Разумным. – Возрождение. 1928. 11 августа. С.5; 26 августа. С.4. Новые планы Венгерова породили слухи в германской прессе о его тайном соглашении с фирмой «Пате» и получении от нее займа в 9 миллионов франков. Эти сообщения, однако, вскоре были дезавуированы. – Там же. 20 ноября. С.5.

⁴⁵ См.: Возрождение. 1928. 8 декабря. С.5. Из всех этих замыслов материализовался лишь один, но и тот вызвал упреки критика: «Фильм поражает раньше всего богатством и художественным исполнением декораций и костюмов. Артисты создали почти портретные типы, дали живые образы. Но сюжет оказался слишком большим, чтобы его можно было уложить в один нормальной длины фильм, и получились вместо законченных, насыщенных эпизодов, скомканые, сокращенные странички. В картине много динамики <...>, она смотрится с интересом, но разочаровывает отсутствием внутренней напряженности и цельности впечатления. Хотелось бы увидеть ее в новом, значительно более полном издании, для чего, судя по производившимся съемкам, фирма обладает вполне достаточным материалом». – <Аноним – А.Морской>. «Калиостро» // Иллюстрированная Россия. 1929. №24. С.12.

⁴⁶ Там же. 1928. 8 декабря. С.4. Режиссером «Цыган» был назван Александр Таиров, гастролировавший в то время с Камерным театром по Европе. До этого Венгеров пригласил Осипа Рунича в Берлин для экранизации романа Э.Золя «Дамское счастье», оставшейся нерализованной. – Там же. С.3.

⁴⁷ Советский патриот (Париж). 1947. 27 июня. С.2.

ных эмигрантов, однако его позднейшая биография – предмет дальнейшего исследования.

Николай Колин

Как известно, Николай Колин (1888–1973) сыграл в фильме «Наполеон» второстепенную роль Тристана Флэри, которая тем не менее стала важным фактом его творческой биографии и существенно прибавила популярности у благосклонной французской публики, до того ценившей лишь комический талант актера. Привлечение Колина к съемкам в фильме Ганса имело свою предысторию, которая, как выясняется, была связана с именем все того же Александра Куприна, ставшего посредником в переговорах актера с режиссером. Поскольку купринский протееже, как многие эмигранты, испытывал серьезные трудности с французским языком, они, по рассказу дочери писателя, «вместе ездили к кинорежиссеру Абелью Гансу для переговоров»⁴⁸. По-видимому, этот визит состоялся осенью 1923, в период съемок Колина в фильме «Кин». Об этой встрече он и напомнил писателю в недатированном письме в начале января 1924:

Александр Иванович,

однажды я был безграничным нахалом, когда потащил Вас к А.Gans'у в качестве переводчика. По бесконечной доброте своей Вы выполнили мою просьбу блестяще. Увы, я опять нахал, и все по тому же поводу. Мы сидим на Ривьере и не знаем, какие переговоры были у Ганс<a> с «Альбатросом» и вообще – какова моя участь?

Ведь, может быть, дирекция категорически отказала... Может быть, Ганс писал мне, и письмо лежит на парижской квартире... Может быть, надо давно уже решить дело, а он, в свою очередь, не получая от меня ни звука, может плюнуть на меня.

Я очень, очень, очень прошу Вас черкнуть ему по-француз<s>ки письмецо, что, дескать, Николай Федорович Колин, отдыхающий после картины в М<онте->Карло <...>, очень интересуется результатами переговоров Ваших с «Альбатросом» и просит помнить, что решающее слово скажу я, а не дирекция, после приезда в Париж, числа 10–15 января. Я бы и сам написал ему, тем более что у него прислуга русская, но я забыл его адрес. Вы не помните? Avenue Kleber, 16? 52? 27? Вы найдете его в телефонных книгах.

Для меня теперь этот вопрос большой остроты, ибо у нас на фабрике Блох на ножах с Каминкой, и дело, того и гляди,

⁴⁸ Куприна К. Куприн – мой отец. С.136.

может рассыпаться⁴⁹. Vu komprene? <так!> Сделайте же, пожалуйста, это, Ал<ександр> Ив<анович>, и простите меня, сукина сына.

Колин <...>⁵⁰

Посредничество писателя, по-видимому, оказалось действенным, и вскоре Ганс пригласил актера в съемочную группу «Наполеона», о чем Куприн с искренним удовлетворением написал в той же «Русской газете»:

Теперь уже совсем не секрет, что Н.Ф.Колин, наш любимейший, прекрасный артист, подписал контракт с Абель Гансом. На два года. Ставится огромная по размерам (6 эпизодов) кинопиеса, охватывающая жизнь Наполеона от ученической скамьи до острова <Святой> Елены. Здесь у Колина роль как будто бы второстепенная, подыгрывающая. Но в ней талантливый артист сумел вместить то обожание к личности маленького капрала и ту простоту отношений, которые только и мыслимы были при этом, волею случая, гениальном Императоре.

Замечательно и то, что не Колин отыскал Абель Ганса, а, наоборот, Абель Ганс Колина, что делает большую честь вкусу и чутью современного мага «кинотворчества». Абель Ганс простер свою дружескую, любовную заботливость до того, что оставил Колину несколько свободных месяцев для съемок у прежней фирмы.

<...> Еще до Абель Ганса Колин давно стал любимцем непритязательной, но суровой, серой рабочей публики: «Attention! C'est Koline! Bravo Koline!»⁵¹ А потом слезы и аплодисменты.

У Колина совмещаются два качества: высокая (я бы сказал, возвышенная) игра с необычайной простотой изложения. Он доступен всем. Однако эти два качества не исчерпывают Колина: у него в запасе множество средств, и он постоянно учится.

Да. Перед Колиным теперь открыта большая широкая дорога. В том, что он пройдет ее с достоинством и успехом,

⁴⁹ В марте 1924 Ной Блох (1875–1936) разошелся с Александром Каменкой (1888–1969) и вместе с приехавшим из Берлина Дмитрием Харитоновым (вскоре вышедшим из дела из-за невозможности выполнить свои финансовые обязательства) возглавил «Ciné-France-Film» – французское отделение концерна «WESTI». После распада этого предприятия он продолжил дело вместе с Григорием Рабиновичем в Германии.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф.240. Оп.2. Ед.хр.32. Л.1.

⁵¹ «Внимание! Это Колин! Bravo, Колин!» (франц.).

мы не сомневаемся. Но как жаль, что нынешнее неусовершенствованное «кино» может похитить у нас – и навсегда – замечательного драматического артиста. <...> Но здесь ревности нет места. Одним русским культурным завоеванием больше...⁵²

Марк Алданов

К забытым участникам постановки «Наполеона» следует отнести и Марка Алданова (1885–1957). Кинематографическая деятельность этого плодовитого и популярного романиста остается практически неизвестной, за исключением одного, недавно выявленного документа. 21 июля 1924 он писал жившему в Берлине литератору Виктору Ирещкому⁵³:

Дорогой Виктор Яковлевич,
кинематографическое о<бщест>во «Ciné-France» (Блох, Лунц, Харитонов⁵⁴) пригласило меня в «литературные консультанты». Это значит, что я:

⁵² *Али-Хан <А.Куприн>*. Памятная книжка // Русская газета. 1924. 3 июня. С.3. Ср. также с другим купринским отзывом об игре актера. Откликаясь на премьеру фильма «Песнь торжествующей любви», писатель отмечал: «Чрезвычайно хорош Н.Ф.Коллин. Как много такта у этого замечательного артиста и какая у него амплитуда от серьезного, даже трагического сплошь до смешного, до юмора, даже до буффонады. Вот, воистину, милостью Божьей артист. В нем много потерял Художественный театр, но еще больше приобрел кинематограф. Замечательно, что парижская публика его оценила уже давно, и его появление на экране всегда вызывает глубокое внимание». – *Али-Хан. Театр и музыка* // Там же. 1923. 17 сентября. С.3. Отметим, что лишь в конце 1924 другое русское издание сообщило читателям о том, что Коллин участвует в съемках «Наполеона». – *Иллюстрированная Россия*. 1924. №9. С.20.

⁵³ Ирещкий (наст. фам. Гликман) Виктор Яковлевич (1882–1936) – беллетрист, драматург, журналист. В составе группы оппозиционной интеллигенции в 1922 был выслан из советской России и все последующие годы прожил в Берлине, сотрудничая в русской зарубежной и немецкой печати.

⁵⁴ Летом 1922 А.Каменка и Н.Блох приняли от уезжавшего в Берлин Иосифа Ермольева (1889–1962) дела компании «Ermolieff-Cinéma» и преобразовали ее в «Société “Albatros”». На несколько лет им удалось собрать в ней лучших российских и французских кинематографистов и благодаря этому создать европейскую славу своему предприятию. По словам Каменки, «наше дело – русское дело. Фигурантами, техниками, машинистами у нас работают почти исключительно русские. Мы унаследовали в 1922 г. ермольевское дело, как известно, перекочевавшее во Францию после войны. И мы работаем согласно ермольевским традициям: стремимся к художественной фильме. Эпштейн, Л'Эрбье, Волков, Фейдер, Рене Клер работали у нас режиссерами. Мозжухин, Рахель Меллер, Милованова, Чехова, Римский, Ванель снимались у нас. <...> О качестве филь-

1) указываю им новые и старые романы, из которых они могли бы составить сценарии.

2) даю отзывы об оригинальных сценариях.

Не хотите ли Вы предложить что-нибудь Обществу? <...> Вы один из немногих русских писателей с фантазией и фабулой, который мог бы написать очень интересный сценарий. Неудобство заключается в том, что в случае непринятия (а принятие, к сожалению, зависит только от правления Общества, а не от консультанта) труд автора пропадает даром. В противном случае они оплачивают хорошо.

Не пришлете ли Вы мне на 4–5 страницах резюме Вашего сценария или хотя бы Вашего сюжета? Я бы очень рад был представить его Обществу.

<...> В ожидании скорого ответа шлю Вам сердечный привет.

Преданный Вам

М.Ландау-Алданов.⁵⁵

мов мы думаем больше всего – хотим совершенно освободить кино от влияния театра и литературы, сделать его независимым, самодовлеющим искусством...» – Фальк<овский> Макс. Киночудеса // Возрождение. 1928. 20 сентября. С.4.

Луцк Максим Львович – ответственный секретарь компании «Ciné-France-Film», многолетний сотрудник и, по косвенным данным, – свойственник или родственник Н.Блоха. Другими сведениями о нем мы пока не располагаем.

Харитонов Дмитрий Иванович (?–1947) – прокатчик, кинопредприниматель; с 1919 – в эмиграции (поочередно: Италия – Германия – Франция – Германия – Франция); один из соучредителей «Ciné-France-Film», впоследствии – содержатель русского ресторана «Poisson d'Or» в Париже. О нем см.: Миславский В. Дмитрий Харитонов. Судьба русского кинопродюсера // Киноведческие записки. 1993. №18. В конце 1920-х годов Харитонов перебрался в Германию и, вернувшись в кинопроизводство, «поднял на небывалую высоту свою фирму «Greenbaum Film»». – Ухтомский Н. Русские лавры на кинофронте Германии. С.3. На самом деле, эта компания была (подобно «Terra-film» Мориса Гласса) дочерним предприятием голливудской «Universal», созданной для обхода германского закона о фильмовых квотах для зарубежной кинопродукции: зарегистрированная в стране фирма должна была выпустить свой фильм, получая этим право везти в нее несколько зарубежных лент. Подробнее об этой практике см.: Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино: От Калигари до Гитлера. М., 1977. С.136; Садуль Ж. Всеобщая история кино. В 6 т. Т.4. Первый полумом: I. Послевоенные годы в странах Европы. 1919–1929. М., 1982. С.423–436. Эта практика серьезным образом сказалась на творческой биографии Ивана Мозжухина. См. нашу публикацию: Голливудские хроники Ивана Мозжухина // Киноведческие записки. 1999. №44.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф.2227. Оп.1. Ед.хр.156. Л.6. Кинематографические аспекты творческой биографии писателя были рассмотрены нами в статье: Исторический кинематограф Марка Алданова // Искусство кино. 2000. №5.

В литературно-художественных кругах Алданов имел заслуженную репутацию глубокого знатока французской революции и, судя по некоторым косвенным данным, был избран главным историческим консультантом «Ciné-France-Film» при разработке режиссерами сценарного плана эпопеи «Наполеон». Однако кинематографическая карьера Алданова оказалась недолгой: к лету 1925 он вместе с другими сотрудниками покинул компанию после ее банкротства.

Тем не менее его сотрудничество с Волковым на этом не прервалось, но имело плодотворное продолжение. Несколько лет спустя Алданов был приглашен консультировать режиссера при постановке фильма «Казанова»⁵⁶, а на рубеже 1920–1930-х участвовал в создании литературного сценария «Александр I», который Волков одно время собирался ставить на студии «UFA» в Берлине⁵⁷.

Александр Волков

Актер и режиссер Александр Александрович Волков (1881–1942) заслуженно считается одной из ведущих фигур в истории русской зарубежной кинематографии. Дальний потомок знаменитого русского трагика Федора Волкова, он учился живописи и музыке, добровольцем участвовал в Русско-японской войне (а затем и в Первой мировой), тогда же попробовав себя в качестве драматического актера. В 1906 он начал кинематографическую карьеру с должности технического сотрудника в московском отделении «Пате». Приобретая некоторые профессиональные навыки, Волков перешел в фирму Пауля Тимана, где, исполняя обязанности конторского служащего, одновременно писал сценарии и зарекомендовал себя способным «натурщиком», дублируя, в частности, популярного датского актера Вольдемара Псиландера (в русском прокате – Гаррисона) в трагиче-

⁵⁶ См.: Возрождение. 1926. 5 июня. С.4; Новое русское слово. 1926. 17 августа. С.3.

⁵⁷ Руль. 1927. 8 октября. С.4. Позднее парижская газета сообщила о том, что сценарий задуманного фильма был «написан по указаниям М.А.Алданова», и раскрыла его узловые детали: «Картина задумана широко: от смерти Павла включительно до таганрогской кончины <Александра I>, породившей легенду о старце Кузьмиче. В ней будут воспроизведены пожар Москвы, Бородинский бой». – Последние новости. 1928. 13 мая. С.5. Вскоре этот грандиозный замысел был отложен из-за недостатка средств и необходимых исторических материалов. Окончательный сценарий постановки, в конце концов оставшейся неосуществленной, был написан Норбертом Фальком и Константином Миклашевским. – Там же. 9 октября. С.5. Есть основания думать, что Алданов был причастен и к сценарным планам компании «Глория-фильм», организованной весной 1931 А.Волковым и Л.Фальштейном. По сообщению газеты, заведующий литературной частью этого предприятия Иван Лукаш «заручился сотрудничеством многих видных русских и иностранных писателей и композиторов». – Возрождение. 1931. 8 мая. С.4.

ских финалах его картин, специально изготовлявшихся для российского проката. Как режиссер Волков дебютировал в 1911 фильмом «Кавказский пленник» и с тех пор стал популярным мастером экрана. С 1916 он – один из ведущих сотрудников фирмы Иосифа Ермольева, рядом с которым он провел многие годы. После большевистского переворота в Москве он, как и многие кинематографисты, перебрался в Крым, где работал на местных студиях⁵⁸. В начале февраля 1920 в группе ближайших сотрудников Ермольева режиссер эвакуировался в Константинополь и, пробыв там некоторое время, 20 марта очутился в Марселе, где киногруппой были завершены натурные сцены ранее начатых фильмов⁵⁹. Вернувшись к кинотворчеству на возобновленном ермольевском предприятии, обосновавшемся в бывшем павильоне «Братьев Пате», в парижском предместье Монтрей-сюр-Буа, первыми же своими постановками Волков, как и Протазанов, вошел в ряд ведущих кинематографистов страны.

Весьма значительной, хотя и недооцененной современниками и историками кино, оказалась его роль в судьбе «Наполеона», особенно на первом этапе производства⁶⁰. Сам режиссер, перешедший к

⁵⁸ New York University. Tamiment Library. Jay Leyda's collection. Folder Russia/Soviet Film History – Notes 1965, 1968, 1972. См. также: *Гардин В.* Воспоминания. С.53, 73-74, 76. См. также биограф. статью в изд.: Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический словарь. М., 1997. С.152-153.

⁵⁹ Во второй декаде марта 1920 Ермольеву удалось перевезти свою творческую группу численностью 20 человек из Константинополя в Марсель. – Последние новости. 1920. 28 апреля. С.4. В нее входили Наталья Лисенко, Зоя Карабанова, Иван Мозжухин, Яков Протазанов, Александр Волков, Николай Римский, Александр Лошаков, оператор Тринкел и др. – Там же. 22 июня. С.3. Кроме того, при эвакуации Ермольеву удалось вывезти негативы около десятка своих лучших фильмов прошлых лет («Пиковая дама», «Сатана ликующий», «Отец Сергей» и др.) и заинтересовать ими французских и английских прокатчиков. – Время (Париж). 1920. 14 июня. С.4. В Марселе ему сразу же удалось организовать досъемку постановок, начатых в Ялте и в Константинополе. – Там же. 17 мая. С.4. Одновременно с этим Ермольев снял старый кинопавильон фирмы «Братья Пате» в Монтрей-сюр-Буа под Парижем и начал съемки новых постановок. – Там же. 11 мая. С.3.

Между тем, зарубежные исследователи датируют приезд труппы Ермольева во Францию летом или августом 1920. См.: *Borger L.* From Moscow to Montreuil: the Russian Emigres in Paris, 1920–1929 // *Griffithiana*. 1989. №35/36. Ottobre. P.28; *Thompson K.* The Ermolieff Group in Paris: Exile, Impressionism, Internationalism. P.51.

По свидетельству очевидца, в первые месяцы парижской жизни «артисты и режиссеры жили впроголодь. Ни один из высоких окладов не доходил до тысячи франков...». – *Волгин А.* На съемках «Шехерезады». Из жизни русского кино за границей // Новое русское слово. 1928. 10 июня. С.10.

⁶⁰ Исследователь, обстоятельно реконструировавший историю создания фильма, ограничился лишь беглым упоминанием о Волкове, указав, что он был одним из вторых режиссеров или ассистентов Абея Ганса (в их число помимо

Гансу из кинокомпании «Albatros», сначала был полон больших ожиданий, рассчитывая на первые роли в постановке: «Какая большая, какая увлекательная работа! Ведь я буду как бы alter ego Абея Ганса в его создании цикла наполеоновских картин. <...> Предомно теперь работа такого размаха, такого подъема, что все прошлое кажется мне лишь пустячною, ученическою подготовкою к настоящему. И я, конечно, не жалею, что ушел из фирмы “Альбатрос”, но с нежностью и любовью вспоминаю об этом первом крове, который мы обрели, очутившись за границею»⁶¹.

Как показывают архивные документы, его радужные надежды довольно скоро обернулись горьким разочарованием и заставили режиссера начать борьбу за восстановление своих авторских и финансовых прав. Для этого он обратился к опытному специалисту, способному без лишней судебной волокиты и публичной огласки решить это дело⁶². Его юридическим партнером стал частный поверенный Мануил Сергеевич Маргулиес (1868–1935) – видная общественная фигура русского Парижа, влиятельный масон (впрочем, как и сам Волков), а в прошлом – активный участник антибольшевистской вооруженной борьбы на Северо-Западе России (1917–1919), занимавший ответственный пост министра снабжения в правительстве генерала Юденича. С середины 1920-х годов Маргулиес жил в Париже, занимаясь юридической практикой и преимущественно делами русских беженцев.

В декабре 1926 Волков обратился к Маргулиесу с просьбой урегулировать проблемы, возникшие у него с руководством «Ciné-France-Film» и оставшиеся нерешенными после его ухода из съемочной группы Абея Ганса:

20 декабря 1925

Париж

Дорогой Мануил Сергеевич,
приношу глубокое извинение, что вчера вечером не успел Вам доставить означенные материалы.

Прошу принять к сведению, что при писании я ничуть не думал ни о последствиях, ни о систематизации, ни о форме.

Волкова входили Анри Андреани, Пьер Дани, Анри Краусс, Анатолий (Анатолий) Литвак, Марио Нальпа и Виктор (Вячеслав) Туржанский). См.: *Brownlow K. Abel Gance's Classic Film*. New York, 1983. P.256.

⁶¹ Интервью с Волковым см.: *Кинотворчество*. 1924. №6-7. С.21. На эту тему см. также: Там же. С.30.

⁶² Неопределенный юридический статус российских беженцев обусловил их правовое неравенство с натурализованными гражданами Франции, что существенно ограничивало их возможности в отстаивании легальных прав в судебных учреждениях страны. Подробнее об этом см.: *Ипполитов С., Недбаевский В., Руденцова Ю.* Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920–1930-х гг. М., 1999. С.127-136.

Я спешил записать весь фактический материал, все, что помнил по этому делу – все, что может Вам пригодиться для составления письма Мг. Каннани. – Просить уплаты больше, чем по 30 сентября, вряд ли имеет смысл, т<ак> к<ак>, по наведенным справкам, они и по контрактам не платят больше. Не настаивать ли на уплате по 30 сентября, т.е. за 2 ¼ мес<яца> – 13.500 франков + 6.300, недополученные за картины – в первый год. – Я говорил Abel Gance'у, что я не требую *невозможного* и хочу, чтобы со мною рассчитались *по справедливости* – пропорционально тому, как рассчитаны все остальные сотрудники.

Но Вам виднее – что и как.

Чтобы сговориться с Вами о дальнейшем, я позволю себе побеспокоить Вас <завтра,> во время завтрака, пр<имерно> с 1 часа дня до 2 часов.

С искренним сердечным приветом

Александр Волков⁶³

Передав юристу письменное исковое заявление, режиссер оставил ему также конверт с запиской: «На всякий случай прилагаю также при сем всю переписку по моему делу – может быть, Вам что-либо понадобится для справки».

Как теперь представляется, в этой подборке оказались чрезвычайно интересные документы, проливающие новый свет на всю историю фильма Абеля Ганса. Открывает их подробная справка режиссера о его работе в съемочной группе «Наполеона» и перечень его претензий к постановщику фильма и к его технической команде:

С мая месяца 1920 года и по июль 1924 года – я работал в кинематографическом производственном деле Societe Ermolieff Cinema, преобразованном впоследствии в Ste «Albatros».

За этот период времени я сыграл в 12-эпизодной картине «Le rocharde»⁶⁴ и поставил следующие картины – «La maison du mystere» – в 6 эпизодах <т.е. сериях.>, «Кean» и «Les ombres qui passent»⁶⁵.

⁶³ Все приводимые, кроме особо оговоренных, документы цит. по: ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.154. При публикации сохранены авторская орфография документов и фрагменты, выделенные авторами.

⁶⁴ «Le Pocharde» («Пьяница») – приключенческий сериал. Реж. Анри Этьеван; сцен. Жюля Мари. Пр-во «Ermolieff-Films». Выпуск: 3 июня 1922. Участие Волкова в этой постановке в современных фильмографиях не отмечено. – *Albera F. Albatros: des Russes à Paris, 1919–1929. P.171.*

⁶⁵ «La maison du mystère» («Дом тайн») – авантюрно-приключенческий сериал. Реж. Александр Волков; сцен. А.Волкова и Ивана Мозжухина по роману Жюля Мари. Пр-во «Ermolieff-Films» – Ste «Albatros». Выпуск: март 1923. «Кean» («Кин») – драма. Реж. Александр Волков. Пр-во Ste «Albatros». Выпуск:

Все эти картины имели большой художественный успех.

В первых числах апреля месяца 1924 года господин Блох (Bloch), бывший директор «Ste Albatros» и перешедший за месяц до того во вновь создаваемые О<бществ>ва Films Abel Gance и Ciné-France-Film вступил, как администратор О<бществ>ва Abel Gance, со мной в переговоры о моем переходе в указанное О<бществ>во в качестве, с одной стороны, «metteur en scene adjoint» <помощника режиссера – (франц.)> при постановке Abel Gance'ом картины «Napoleon», а с другой же стороны, как metteur en scene по постановке параллельно «Napoleon'у» совершенно самостоятельных картин для того же О<бществ>ва. – Я принял предложение на следующих условиях: – я получаю 6.000 франков вознаграждения в месяц и, кроме того, 20.000 франков в год *гарантированных* за картины, в которых я буду принимать участие постановкой. Контракт должен был быть подписан *на 2 года*.

Я знаю, что о таких моих условиях вся администрация была поставлена в известность, и думается мне, что г-н Блох об этом даже писал в Берлин, т.к. я припоминаю, что он мне показывал письмо из Берлина, где ему подтвердили согласие на приглашение меня на указанных условиях. –

Не дожидаясь составления и подписания контракта, я вступил в работу. Спустя некоторое время секретарь О<бществ>ва г-н Лунц представил мне проект моего контракта, который я по проверке вернул ему обратно, прося сделать соответствующие исправления и добавления, и после этого дать контракт на подписание как администрации, так и мне. Не моя подпись была важна на этих контрактах, а важны были подписи двух администраторов О<бществ>ва, г-на Блоха и Mr. de Bersancourt, т.к. контракт важен был прежде всего для меня. Переходя в новое дело, я соответственно хотел себя застраховать, обезопасив от возможных неприятностей. – С тех пор я контракта так и не видел – его мне не представили на подпись. Я несколько раз напоминал об этом как г-ну Блоху, так и г-ну Лунцу, они все обещали, но дальше обещаний так этот вопрос и не двинулся. –

Веря всегда людям на слово и работая всю мою жизнь без контрактов, я и здесь не имел права усомниться в честности людей и поэтому не считал деликатным настаивать и требовать контракта. – Прекрасно помню случай, когда однажды г-н Ермольев, узнав о том, что у меня контракт не подписан, упрекнул в этом г-на Блоха, указав ему на то, что мало ли что

может случиться с г-ном Блохом, и кто тогда будет отвечать передо мною, г-н Блох заявил г-ну Ермольеву, что не ему бы об этом волноваться – г-н Волков знает, с кем имеет дело, и поэтому может не беспокоиться, что его права будут нарушены, даже если контракт и не подписать. – Когда случился крах Штинеса, я вспомнил о своем неподписанном контракте и забеспокоился. Хотел предупредить об этом администрацию, но, видя, насколько дирекция полна волнений и поглощена общими заботами, не решился в такой момент беспокоить ее своим частным делом. Я вполне был уверен, что наш административный аппарат вполне на высоте своего положения и при представлении отчета ликвидационной комиссии не допустит таковой небрежности, как *неподписанный контракт*.

Только спустя некоторое время, когда тучи разрушительного вихря особенно сгустились и нависли над делом, я решил поделиться о своей неприятности с Mr. Abel Gance.

Последний поспешил меня успокоить, заговорив, что я могу не волноваться за себя, т.к. он отвечает за выполнение моих условий, хотя они и не оформлены. Вполне доверяя слову Abel Gance'a, я с тех пор уже и не поднимал этого вопроса. –

Каково же было мое удивление, когда я получил официальное письмо от 29 августа с/г. за подписями Mr. Abel Gance и Mr. de Bersancourt, извещавшее меня об окончании срока моей службы в О<бществ>е – 30-го сентября. Вполне естественно мое полное недоумение и сильное волнение. Я видел, что ни представители администрации, ни г-н de Bersancourt, ни Mr. Abel Gance с моими условиями *не считаются*. – Почувствовать и <о>сознать это было слишком тяжело. Примириться с этой несправедливостью я никак не мог и потому решил этим лицам ответить – написать о своих условиях. В конечном результате – платоническая переписка с Mr. Abel Gance. – Таковая может быть представлена на рассмотрение – она не лишена интереса.

Непонятно мне было и поведение гг. Блоха и Лунца, которые на мои запросы по поводу происходящего пожимали только плечами, загадочно улыбались и ничего по существу сказать мне не могли. Mr. Bloch при этом успокаивал меня, говоря, что все это не имеет никакого значения, что в крайнем случае он готов свидетельствовать с Лунцем, что таковые мои условия существовали, готов даже представить контракт, который был тогда еще подписан на гербовой бумаге, что я могу не волноваться и т.п.

Так, полный надежд на законное и справедливое выполнение моих условий – я и жил до самых последних дней. –

В отношении моего счета могу сообщить следующее: жалованье с 15 июля 1924 г. по 16 июля 1925 г. мною получено сполна. В счет же получки 31-го июля с/г. мною получено только 1.500 франков, т.е. половина причитающейся суммы.

По 15-е июля 1925 года мною недополучено около 6.300 франков (точно не помню) в счет вознаграждения за картины за первый год (т.е. в покрытие 20.000 франков). Это произошло следующим образом. Первую половину этой суммы, т.е. 10.000 франков я получил еще в конце июля 1924 года. Остальные же 10.000 франков я хотел получить перед своей поездкой на Корсику – в первых числах апреля месяца, т.к. мне нужно было платить налоги. Mr. Bloch, не имея тогда в наличности таковой суммы, просил меня оставить ему повестку по налогу, обещая мне по моем отъезде заплатить мой налог, а остальную сумму – 6.300 frs (до 10.000 франков) внести в банк на мой счет. Так я и сделал, спокойно отправившись на Корсику.

Каково же было мое удивление, когда вернувшись в первых числах июня месяца с Корсики, я узнал, что налог мой 3.700 франков Mr. Bloch заплатил, а остальные 6.300 франков внести на мой счет *забыл*.

Пока я смог собраться получить эту сумму, явилась из Берлина ликвидационная комиссия по делам Штинеса и всякая возможность получения этих денег для меня исчезла. – Так эта сумма и осталась висеть в воздухе и, думаю, что не по моей вине! – почему же я должен быть наказан на эту сумму?..

О своем отношении к «Napoleon'у» я должен сказать следующее:

Хотя по условиям и предполагалось, что, будучи всецело в курсе постановки картины «Napoleon», я смогу в то же самое время вести самостоятельные постановки, но, столкнувшись с действительностью, оказалось, что совместить эти два задания, практически осуществить задуманное совершенно невозможно. И, идя навстречу желаниям как администрации, так и самого Abel Gance'a, я и решил поступиться своими личными постановками – пожертвовав личными художественными интересами – и всецело отдался работе по картине «Napoleon».

Много было врагов у этой постановки, как внутренних, так и внешних, и должен откровенно сказать, что мною было много потрачено сил, энергии, крови и нервов в защиту этой грандиозной художественной работы. – Я глубоко верил в ее большое художественное значение. – Не раз у администрации падало настроение, исчезало терпение, бодрость, появлялись сомнения, недоверие, колебания, не раз даже смертельная

опасность грозила самому существованию «Napoleon'a», и каждый раз я спешил внести успокоение в пошатнувшееся настроение администрации, торопился выступить на защиту жизни <фильма> «Napoleon», а Mr. Bloch, Mr. Abel Gance и думаю, что даже Mr. de Bersancourt не откажутся подтвердить это.

Примером, фактическим доказательством тому является мой доклад, составленный по просьбе Mr. Bekker для защиты перед берлинским правлением <«WESTI»> дела постановки «Napoleon'a» в момент самой грозной опасности. Копию означенного доклада при сем прилагаю, т.к. считаю, что он прекрасно характеризует мое отношение к картине «Napoleon» вообще и к Mr. Abel Gance как ее творцу – в частности. –

Неужели же после всего этого можно признать, что условия, предложенные мне при ликвидации, – *справедливы!*

<Александр Волков>

Помимо развернутого описания своих претензий к «Abel Gance Film» режиссер передал юристу свою переписку с руководством компании, которая зафиксировала все перипетии его неожиданного увольнения из съемочной группы. Первое из них, датированное 29 августа 1925, – официальный циркуляр с уведомлением о прекращении службы Волкова в компании:

<...> Как вы уже знаете, невыполнение своих обязательств обществом *WESTI* (Консорциум Стиннес) незаслуженно ставит под угрозу продолжение наших работ.

В настоящее время мы вынуждены, несмотря на твердую надежду на возобновление нашей деятельности, отказаться от Ваших услуг, имея в виду сразу же, как только позволят обстоятельства, вновь обратиться к Вам.

Поэтому соблаговолите считать настоящее письмо официальным уведомлением о своем увольнении, начиная с 30 сентября.

Для решения финансовых вопросов (речь идет о деньгах, которые мы Вам уже должны, или о заработной плате, которую должны выплатить), то поверьте нам, что руководители Дирекции примут самые благоприятные для Вас решения в эти трудные для нас дни. Мы выражаем уверенность в том, что они будут соответствовать тому духу сотрудничества, которое всегда нас объединяло. Мы надеемся и на то, что Вы не найдете затруднений в том, чтобы принять эти условия.

Примите уверения в наших искренних чувствах.

Дирекция фильма «Наполеон»

Де Берсанкур, Абель Ганс

4 сентября обескураженный Волков ответил бывшему патрону:

Г-ну Абелю Гансу
8, ул. Ришелье
Париж

Месье,

Я только что получил письмо, датированное 29 августа и подписанное Вами, как одним из директоров «Дирекции фильма “Наполеон”», извещающим меня об увольнении. Не имел до сих пор никаких дел с указанной Дирекцией, о существовании которой я узнал лишь из письма от 29 августа, и, следовательно, не ожидая от нее никаких уведомлений об увольнении и ни о чем другом, я считаю это письмо простым недоразумением – недоброжелательным и несправедливым. Я состою на службе у «Общества Фильмов Абеля Ганса», с которым я подписал, как Вы отлично знаете, контракт. Со стороны «Общества» этот контракт был подписан одним из его директоров г-ном Блохом. Контракт был подписан на один год, т.е. срок его действия истекает только в будущем году.

Таким образом, я считаю письмо «Дирекции фильма “Наполеон”» не имеющим ко мне никакого отношения.

Примите мои наилучшие заверения.

Александр Волков

На свое недоуменное письмо 7 сентября режиссер получил новое послание руководителя постановки, составленное в более категоричных выражениях:

Г-ну А.Волкову
Отель «Рагано»
6, ул. Пти Шампс
Париж

Мой дорогой друг,

Я совершенно не понимаю Вашего ответа. Я предупредил Вас так называемым циркулярным письмом, и Вы не должны были обижаться на него, так как оно стало естественным результатом возникших у нас трудностей.

Сегодня вечером я уезжаю в Венецию и увижусь с Вами по возвращении. Надеюсь на удачу.

Уверяю Вас, дорогой друг, в своих сердечных чувствах.

Абель Ганс

Но и это письмо не убедило Волкова в том, что его работодатель более не нуждается в его услугах, а, скорее, укрепило в подозрениях, что их прежние безоблачные отношения омрачились каким-то недоразумением или интригами третьих лиц. 10 сентября он вновь обратился к Абелю Гансу с эмоциональным посланием:

Г-ну Абелью Гансу
27, авеню Клебер
Париж

Дорогой господин Ганс,

Не могу скрыть от Вас, что подписанное Вами циркулярное письмо от 29 августа сильно меня поразило. Я не удивился, увидев под ним подпись г-на Берсанкура, но, повторяю, был бесконечно поражен, увидев Вашу подпись – подпись Абеля Ганса.

Того Абеля Ганса, которого я считаю человеком высокой культуры, утонченным, выдающимся художником, чье имя известно в мире.

Того Абеля Ганса, который прекрасно был осведомлен о том, что я нанят на два года и что из-за небрежности администрации мне до сих пор так и не дали подписать контракта; я же ничего же не говорил об этом, не желая быть неделикатным.

Того Абеля Ганса, который после краха Консорциума Стиннеса сам заверил меня в твердости обязательств неподписанного контракта и подтвердил, что лично отвечает за выполнение его условий.

Того Абеля Ганса, который как никто другой должен знать мою искреннюю преданность фильму «Наполеон». И именно откликаясь на его просьбу о сотрудничестве, ради общих интересов я отказался от собственных творческих интересов, отказался от собственной режиссуры и всего себя посвятил «Наполеону».

Того Абеля Ганса, который должен хорошо знать, с каким мужеством и рвением я защищал дело «Наполеона» от всех недругов, которые ему грозили (как извне, так и изнутри).

Наконец, того Абеля Ганса, который хорошо знает меня как режиссера с именем, обладавшего хорошим положением в «Обществе “Альбатрос”», которое я бы никогда не покинул ради сомнительного предприятия и без контракта. – Таким образом, меня нельзя ставить в один ряд с господами Комаровским и Рене, не предупреждая об увольнении хотя бы за месяц.

Именно поэтому я был больно поражен, увидев Вашу подпись на недостойном Вас письме от 29 августа.

Вы неправы, дорогой господин Ганс, обижаясь на меня за ответ и утверждая, что он был формальным. На Ваше циркулярное письмо я должен был ответить официальным образом.

Вы прекрасно знаете, что я *не собираюсь превращать* наши отношения в официальные, и лучшим этому доказательством является случай с моим неподписанным контрактом...

Искренне веря в Ваши усилия, я с нетерпением буду ждать
Вашего триумфального возвращения.

Сердечно Ваш

Александр Волков

Дальнейшее выяснение отношений с Волковым Ганс, не желавший более тратить времени на пустопорожние препирательства, порекомендовал административному директору компании Эмилю Карманну. 5 ноября тот самым жестким образом потребовал от Волкова завершить все расчеты с бывшим патроном:

Месье,

Судя по тем сведениям, которые мне удалось собрать, сценарий «Шарлотта Корде», являющийся собственностью «Общества Фильмов Абеля Ганса», был передан Вам для ознакомления и не был своевременно возвращен Обществу.

Кроме того, Вам был передан экземпляр разработок двух первых режиссерских сценариев фильма «Наполеон».

В связи с этим я вынужден просить Вас срочно вернуть указанные сценарии.

С благодарностью и искренними заверениями,

Эмиль Карманн, Администратор Общества

Последний документ этой переписки датирован 10 ноября. В нем уже нет никаких следов коллегиальности с теперь уже бесповоротно бывшим сотрудником съемочной группы:

Месье,

в ответ на Ваше письмо от 8 ноября 1925 г. я настоятельно прошу Вас зайти в четверг утром (с 9:30 до 11) в дом №8 по ул. Ришелье в «штаб» по ликвидации «Общества».

Прошу Вас также захватить с собой все бумаги, чтобы разъяснить Ваше дело, обстоятельства коего мне неизвестны и о котором я ничего не знаю.

Я напоминаю Вам об этом, так как Вы, кажется, игнорируете тот факт, что «Общество Фильмов Абеля Ганса» ликвидируется, о чем было сделано официальное объявление согласно закону.

Прилагаю при сем «Журнал официальных объявлений»⁶⁶.

Эмиль Карманн, Администратор Общества

⁶⁶ К письму было приложено объявление административного директора компании Пьера Виктора Эмиля Карманна от 30 октября 1925 о ликвидации Société des Films Abel Gance, Société Anonyme с капиталом 200 000 франков. – Les Annonces Parisiennes: Journal Officiel d'Annonces Judiciaires et Legales. 1925. Lundi, 2 November. №133. P.5022.

Едва ли не самым интересным документом, сохранившимся в ходе тяжбы Волкова с Гансом и его администратором, следует признать развернутый отзыв русского режиссера о фильме «Наполеон», переданный им юристу для подтверждения высокого профессионального уважения к французскому кинематографисту и одновременно – для утверждения своих личных приоритетов в этом деле. По свидетельству Волкова, этот текст был специально написан им для берлинской дирекции «WESTI» в 1925, в самый решающий момент, когда у руководства компании возникли большие сомнения в способности режиссера довести начатую постановку до успешного завершения. Ввиду большого исторического интереса приведем этот документ полностью:

Мнение г-на Волкова о фильме «Наполеон»

Прежде чем высказать свою точку зрения на работу г-на Ганса по фильму «Наполеон», я бы хотел напомнить о том, что ей предшествовало.

Надо заметить, что со времени «Колеса» о Гансе ходило множество совершенно неправдоподобных сплетен и историй, которые должны были дискредитировать его творческие возможности и способность к работе для того, чтобы сбить его коммерческую цену.

Забыв все то, что удалось сделать Гансу в этом фильме и с точки зрения режиссуры, и с точки зрения техники, все его враги и даже друзья хором говорили о том, что совершенно недопустимо так долго работать над фильмом, что преступно тратить на него столько денег, что нельзя доверять г-ну Гансу съемки нового фильма, что он – обманщик и хвостун.

К несчастью, все это злословие возымело действие и имело реальные последствия для Ганса. В него уже не верили как в серьезного работника, и я должен признать, что даже я потерял к нему доверие.

И тут произошло чудо. – Вдруг находятся капиталисты, которые дают Абелью Гансу необходимые средства и поручают съемки фильма «Наполеон». С одной стороны, я ликовал, но, с другой, должен признаться, что не имел в него тогда должной веры. Я не верил, что эта грандиозная работа будет им выполнена. Но однажды мне пришлось включиться в нее, что я сделал поначалу с большой опаской. Я был охвачен страхом и скептицизмом. Однако спустя некоторое время, когда я всецело отдался работе, то понял, что все страхи и недоверие к Гансу были беспочвенны. После 5 месяцев тесной с ним работы я утверждаю следующее: Ганс обладает огромной трудоспособ-

ностью, он настолько требователен к себе и к другим, что все его сотрудники втягиваются в работу, зачастую граничащую с пределом человеческих возможностей. Он постоянно стремится к совершенству и к тому же все время ищет новые средства выразительности в кинематографии. Он все время комбинирует новые технические методы. Он постоянно старается идти вперед и, прекрасно владея техникой, не тратит времени и сил на употребление уже известного. Он также не настаивает на необходимости репетиций с актерами, не желая тратить на это времени.

Тем не менее обвинения его в медленной работе частично можно признать справедливыми. Готовя сценарий «Наполеона» и занимаясь корреспонденцией Ганса, я был поражен тем большим количеством вопросов, которые его интересовали в работе. Едва ли не первостепенными среди них было использование различных технических средств для освещения, объективы, аппараты, каше.

Все то, что представляется Гансу новой, неиспробованной технической возможностью, немедленно передается им в лабораторию. Его творческий ум постоянно ищет новых технических средств и методов, на что у него уходит много времени, но в этом и заключается смысл прогресса, от которого зависит будущее кинематографии.

Из работы, проведенной Гансом в первой части «Наполеона», в качестве примера можно взять два эпизода (до сих пор сделана лишь половина фильма – пролог и натурные сцены Корсики), по которым уже сейчас видно, что Ганс нашел решение многих, достаточно сложных технических вопросов. В качестве одного из них я приведу <эпизод> преследования Бонапарта жандармами. У него он получился действительно драматичным. <Кино>камера в этой сцене не оставалась статичной, как это было принято до сих пор; иногда, привязанная к седлу коня, она повторяла движения, следуя ритму погони. Иногда она находилась в руках оператора, который скакал спереди других всадников и снимал лучшие моменты кавалькады. Часто камера устанавливалась на автомобиле, который быстро ехал, преследуемый всадниками. Иногда бывало, что камера висела, прикрепленная к веревке, над всадниками и снимала их сверху.

В эпизодах, снятых в Бриенн (бой снежками), камера играла роль противника Наполеона. Оператор прижимал ее к груди или устанавливал ее на санках, нападая ею на врагов и получая от них в лицо (т.е. в объектив) снежки, или отступала перед ними. Другой пример: драка учеников в спальне бри-

еннской школы, где некоторые эпизоды были сняты шестью многократными экспозициями: на одной пленке было снято 6 разных моментов схватки.

Таким образом, разрушается «рампа», отделяющая зрителя от «сцены», и он принимает участие в действии.

Из этих же примеров становится очевидным, насколько трудны и сложны были новые методы, сколь много они требовали времени для своего осуществления. Именно из-за этой работы Ганс потратил столько времени на съемки фильма.

Конечно, следует знать кинематографию, чтобы оценить новизну этих приемов. Те, кто мало понимает в искусстве кино, кто не знает, что такое монтаж, – они не могут адекватно оценить значения всего этого собранного материала.

Естественно, что эпизоды кавалькады или драки школьников, снятые пятью или шестью камерами, будут скучны и неинтересны тем, кто будет их смотреть. Для них эти эпизоды не принесут ожидаемых впечатлений.

По этому поводу я должен вспомнить о том, как в свое время дирекция «Альбатроса» отнеслась к моим многочисленным кадрам танцующих ног в эпизоде «джиги» в таверне в фильме «Кин». Я вполне ощутил атмосферу подозрения и даже неприязни, которой меня окружили в то время. И лишь после того, как были просмотрены и окончательно смонтированы кадры этой сцены, всем стало ясно, что это – лучший эпизод фильма.

Повторюсь, что лишь знаток может оценить ту работу, которую проделал Ганс. Следует добавить, что сценарий для него не является догмой, которую нужно в точности соблюсти, а лишь схемой, наброском, и именно поэтому нельзя подходить к его работе с теми же мерками, как и к другим режиссерам, с обычным количеством эпизодов, метражом отснятой пленки и точностью передачи материала.

У Ганса в любой момент может возникнуть новая творческая мысль, которую он немедленно пытается реализовать, что придает его творчеству свежесть и обновление.

Это – «Великий талант», но он не волшебник, и, если загружать средней продукцией, он не сможет показать, на что он способен. Если кто-то будет ограничивать его работу, то большие <производственные> затраты не оправдаются. К сожалению, с этой точки зрения практические таланты Ганса имеют печальную репутацию, что несправедливо. Всегда, например, ему вспоминают неудачную съемку фильма «Колесо», совершенно забывая о других его фильмах, которые обладают большой художественной ценностью, – «Mater Dolo-

госа», «Десятая симфония», «Я обвиняю». Эти фильмы могут считаться образцами режиссерского искусства, и в то же время они обладают большой коммерческой ценностью. Они до сих пор идут на экране и приносят доходы. К этому хочу добавить, что этот отзыв нельзя считать мнением новичка, но взвешенной и серьезной оценкой специалиста с пятнадцатилетним стажем.

Не стоит забывать и о том, что перед Гансом стоит грандиозная задача воскрешения наполеоновской эпопеи, которая вызывает у него прилив творческих сил и энергии. Не трудно угадать будущую судьбу «Наполеона», если, конечно, Гансу будет дано осуществить все то, что он хочет и должен сделать. Этот фильм станет самым значительным событием в кинематографии, а его финансовый успех будет лишь его естественным следствием. Но не следует забывать арабскую мудрость, которая гласит: «Глупо ставить хорошего скакуна в коровий хлев и возить на нем воду».

Следует доверять Гансу и его работе, а победит в ней тот, у кого крепче нервы.

<Александр Волков>⁶⁷

Как видно, в этом документе не только описаны важнейшие творческие и технические новации, введенные Гансом в съемки фильма, но тактично определена степень участия его автора, режиссировавшего весьма важные эпизоды фильма. Насколько можно судить, статья Волкова, опубликованная в журнале «Photo-Ciné» в апреле 1928⁶⁸, во многом повторила его отзыв 1925 года и, таким образом, можно с уверенностью полагать, что он воспользовался своим старым «служебным» текстом для печатной пропаганды художественных достоинств фильма «Наполеон».

⁶⁷ Уместно сравнить волковский отзыв со свидетельством Вячеслава Туржанского, также сыгравшего важную роль в постановке «Наполеона». Кажется вполне вероятным, что его приглашение Гансом хронологически последовало за отстранением от постановки Волкова. «В конце концов, наступил момент кризиса в работе над “Наполеоном” Ганса, и он попросил меня помочь ему поставить некоторые эпизоды фильма. Я бы не сделал этого ни для кого другого. Я снял небольшие фрагменты эпизодов в Тулоне и в Конвенте – не все эпизоды целиком. Я также смонтировал те фрагменты, которые я снял. Я точно не могу вспомнить, какие именно. Все это было подобно кошмару. Нет, сцену шторма я не снимал. Все это было в жуткой спешке, потому что я торопился в Америку». – Цит. по: Интервью Вячеслава Туржанского Кэвину Браунлоу // Киноведческие записки. 1989. №3. С.96.

⁶⁸ Приводится Браунлоу со ссылкой на книгу: *Coissac G.M. Les Coulisses du cinema Pittoresque. Paris, 1929. P.113-114.* – *Brownlow K. Abel Gance's Classic Film. New York, 1983. P.54, 57.*

Документы, полученные юристом от Волкова, помогли уладить порученное дело полюбовно, не доводя его до судебного разбирательства.

19 декабря 1926

А.А.Волкову

Париж

Многоуважаемый Александр Александрович, прошло уже около года с того времени, как Вы обратились к моему содействию для урегулирования Ваших расчетов с Abel Gance. Узнал из газет, что Вы работаете у Блоха⁶⁹, а от Вас уже давно, что Вы получили денежную сумму от Gance. Полагаю, что теперь нет препятствий к присылке мне вознаграждения за консультации. Буду Вам признателен, если Вы пришлете его до праздников, т.е. в ближайшие несколько дней.

Готовый к услугам

М.Маргулиес

На следующий же день режиссер отозвался на обращение юриста, подтвердив новым письмом, что полностью завершить свои денежные дела с Ноем Блохом ему все же не удалось. В нем он подвел невеселые итоги своей работы в съемочной группе Абеля Ганса:

20 декабря 1926

Париж

Многоуважаемый Мануил Сергеевич,

Ваше письмо получил и спешу принести самые глубокие извинения, что так неприлично долго задержал уплату Вам вознаграждения за консультацию.

Признаться, урегулировать полностью мои расчеты с Ste Films Abel Gance так мне и не удалось. Я получил тогда в уплату 10 тыс<яч> франков наличными и сценарий французского историка Mr. Lenotr'a «Charlotte Corday», за который Блох должен был мне выплатить 10 тыс<яч> франков. Блох долго тянул уплату и в конце концов предложил мне заплатить пока 4.000 фр<анков>, а остальные – когда он будет или ставить этот сценарий (!!) или же когда ему удастся продать его кому-либо (!!!).

Так как в это время он вел уже переговоры о постановке картины «Casanova», то мне, чтобы не омрачать отношений, невольно пришлось сжать зубы... и принять его предложение. Так неблестяще закончилась эта длинная эпопея моих слож-

⁶⁹ В этот период режиссер, вернувшийся в Ste «Albatros», завершал постановку фильма «Казанова».

ных расчетов с Ste Films Abel Gance. Как бы то ни было, я искренно благодарен Вам, Мануил Сергеевич, за Ваши добрые советы и Ваше живое участие, проявленные Вами в этом деле, и очень прошу сообщить мне размер моего вознаграждения, которое я должен прислать Вам в ближайшие же дни, как Вы об этом просите.

Преданный Александр Волков
Маргулиес отозвался на это письмо посланием, сформулировав размеры своего гонорара за работу и сопроводив личной просьбой:

22 декабря 1926

А.А.Волкову

Париж

Многоуважаемый Александр Александрович, рад, что Вы не только получили часть того, что Вам причиталось (и это так редко удается теперь), но и сейчас работаете в Вашей области и притом успешно. Я думаю, что 400 фр<анков> не будет для Вас обременительной платою за консультацию и написание моего письма.

Кстати, я слышал, что в Ciné-Club показывают членам его и гостям «Потемкина»; если это так, то нельзя ли было бы при Вашем содействии получить 2–3 приглашения на «смотрины»? Крепко обяжете.

Готовый к услугам

М.Маргулиес

Последнее послание режиссера к Маргулиесу, сопровождавшее гонорар за удачно завершённое дело, закрыло эту юридическую историю и неожиданно вписало в нее знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна, привезенный тогда в Париж для специальных просмотров:

23 декабря 1926

Париж

Многоуважаемый Мануил Сергеевич,

С полной охотой препровождаю Вам указанные Вами 400 frs.

Очень сожалею, что не могу удовлетворить Ваше желание – достать Вам приглашение на просмотр картины «Потемкин». Дело в том, что Ciné-Club устраивает демонстрацию этой картины только *единственный раз*, и, как член этого клуба, я не слышал пока, чтобы этот просмотр хотели повторить.

Искренне преданный

Александр Волков⁷⁰

⁷⁰ На самом деле обращение юриста сильно запоздало: закрытый показ фильма в Париже был устроен 13 ноября 1926 советским торгпредством совместно с французским кинематографическим киноклубом: «Публика допускалась

только по особым приглашениям». Многочисленные сторонники коммунизма, присутствовавшие в зале, попытались устроить из просмотра политическую демонстрацию, но были остановлены вмешательством полиции. В печатном сообщении об этом показе отмечалось, что «фильма “Броненосец “Потемкин”” произвела сильное впечатление и на незаинтересованную публику». Особо указывалось, что в программу сеанса входила еще ленинская кинохроника и «шелковичные черви». – <Аноним.> «Потемкин» в Париже // Последние новости. 1926. 16 ноября. С.3. См. также: Ф<омин> И. «Броненосец “Потемкин”» в Париже // Дни (Париж). 1926. 16 ноября. С.2.

Из отзывов Александра Волкова об Эйзенштейне и его фильме: «Нельзя не считаться с “Потемкиным” как с блестящей картиной, хоть, правда, по своим приемам и не совсем оригинальной: ведь этот темп, конечно, ведет свое начало от знаменитого “Колеса” Абеля Ганса». – Ъ<Ю.Оффросимов>. Русские в УФА: Интервью с А.Волковым // Руль. 1927. 8 октября. С.4; «Меня искренне поражает и потрясает громадный талант Эйзенштейна и Пудовкина, которые впитали в себя все западные технические влияния, претворили их в себе, много думали, много работали и создали изумительные зрительные симфонии. <...> Если уж говорить о влиянии кого-либо на Эйзенштейна, то в первую очередь придется назвать имя Абеля Ганса». – Фаль<ковский> Макс. А.А.Волков // Возрождение. 1928. 19 июня. С.5.

Ср. с отзывом Ивана Мозжухина: «Вот “Потемкин” – на первый взгляд сделан хорошо, лучший из фильмов. Но ведь все эти трюки с ногами, с наступлением – ведь это же все своровано по частям у Любича, у французоз – правда, своровано весьма удачно, ловкий монтаж – но ничего своеобразного, ничего самостоятельного, своего. Это – в смысле техники. А по силе действия? Не говоря уже о невозможной тенденции – скажите, как может быть поставлена в России скверно революция, когда русские люди вот уже 15 лет играют в нее? Надо же научиться». – Ъ<Ю.Оффросимов>. Беседа с И.И.Мозжухиным // Руль. 1927. 4 сентября. С.4.

Николай Колин о том же: «Видел я “Потемкина” – думаю, что эта гнуснейшая передержка должна коробить каждого вне зависимости от того, монархист ли ты или социалист. Нет у них там сейчас ни денег, ни технических возможностей – все снимается по старинке. Все нынешние советские фильмы берут только нутряным талантом таких артистов, как Чехов, Москвин. Вот из-за этих-то талантов, из-за особенности русских вносить в каждое дело душу живую – я верю, что Россия забудет в области кино Америку, творчество победит технику...» – Ъ<Ю.Оффросимов>. Колин в Багдаде // Руль. 1927. 30 ноября. С.5. О показах фильма в Париже см. также: Последние новости. 1927. 29 ноября. С.3.

Примечательно, что первый закрытый показ фильма Эйзенштейна в Нью-Йорке, устроенный 4 декабря 1927 Амторгом и Амкино, вызвал схожую реакцию: «средняя, полулидовая, полупоставленная картина, каких Пате выпускает два раза в месяц в течение последних пяти–семи лет». Отмечая «немалый талант постановщика», рецензент называет лучшие эпизоды фильма: одесскую лестницу, похороны Вакулинчука и др. «Но до гения, каким его хочет выставить Амкино, Эйзенштейну так же далеко, как советской России до культурного государства». При этом он указал на возможные источники заимствования – «Веселая вдова» Э. фон Штрогейма (марш солдат по лестнице), «Варьете» Э.Дюпона («имажинистский крупный план с пенснэ учительницы на лестнице») и др. Одесская натура в снимках оператора Э.Тиссэ была признана слабой (большая

Между тем история русского режиссера была не единственным конфликтом подобного рода в нелегкой истории «Наполеона». Уже после выхода фильма на экраны другой сотрудник Абеля Ганса, неотягощенный эмигрантскими комплексами, Жозеф Мундвиллер (между прочим, персонаж, небезразличный истории раннего русского кино: в 1900–1910-х годах он работал в московском отделении «Пате» под псевдонимом Жорж Мейер) подал в суд на компанию иск, обоснованно требуя восстановить его в титрах как главного оператора постановки. Громкое судебное разбирательство, обратившее на себя общее внимание и сопровождавшееся привлечением кинематографистов – участников съемочной группы (Ной Блох и др.), в конце концов закончилось в пользу истца, получившего солидную компенсацию за понесенный моральный ущерб – 10 тысяч франков⁷¹.

«Société Générale de Films»

Помимо бумаг Александра Волкова, в архиве Маргулиеса хранятся документы, проливающие некоторый свет на деятельность «Société Générale de Films», юристом которой он стал на последнем этапе ее существования. Как известно, эта компания продолжила финансирование постановки «Наполеона» после краха «WESTI», однако в архиве Маргулиеса практически не отложилось документов, относящихся собственно к истории постановки фильма. Но и то, что в нем имеется, позволяет установить присутствие «русского следа» в этом кинематографическом предприятии. Абель Ганс рассказывал Браунлоу, что некий Гринев, увлеченный замыслом режиссера, специально организовал компанию для финансирования постановки «Наполеона»⁷², однако это свидетельство не было подтверждено исследователем какими-либо документами.

контрастность и внефокусность), а монтаж картины – «любительским». В целом фильм был признан посредственным: «Хлопали картине только сотрудники Амкино» и те, кому понравился хор матросов, чье пение сопровождало кинопоказ. – Новое русское слово. 1927. 7 декабря. С.3.

Этот сюжет рассмотрен нами также в статье: *Iangirov R. Autour de Napoleon: l'emprunt russe // 1895: Revue de l'association de recherche sur l'histoire du cinéma (Paris). 2000. №31.*

⁷¹ «Наполеон» в суде // Последние новости. 1928. 23 декабря. С.3. Одним из неотразимых доводов кинооператора стал рассказ о том, как «на одной из съемок его сбил с ног несшийся в атаку кавалерийский эскадрон и конские копыта помяли его так, что два дня он лежал без сознания». Небезынтересно и свидетельство Мундвиллера о печатном воззвании Ганса, распространенном среди участников перед началом постановки: «Настанет время, когда “Наполеон” будет считаться лучшим алмазом в короне, украшающей чело богини нашего 7-го искусства. Командовать вами будут три генерала: Блох, Берсанкур и я». – Там же.

⁷² *Brownlow K. The Parade's Gone By... P.553.*

«Société Générale de Films» было образовано в 1926 как многопрофильное предприятие по производству и прокату фильмов собственного и стороннего производства, специализировавшееся также и на выпуске фото- и кинооборудования и пленки⁷³. В списке корпоративных акционеров общества указаны компании «Gaumont-Metro Goldwyn du Paris», «Metro Goldwyn du New York», «Metro Goldwyn du Londres», «Société Anonyme Alliance Cinématographique Européenne»⁷⁴, а в числе индивидуальных членов указаны сын военного промышленника Шнайдера-Крезо, граф Гектор де Беарн, Серж Зандберг, Франсуа Мийо, Альфред Линьяк, давний сотрудник Ганса – Эмиль Карманн и др. В их числе были и выходцы из России – крупнейшими пайщиками «Société Générale de Films» стали знаменитый «король жемчуга» Леонард Розенталь⁷⁵ и его доверенное лицо Мара Якубович⁷⁶, внесшие в уставной капитал в общей сложности 550 тысяч франков. Председателем правления «Société» был бывший российский подданный Гурлянд, а Яков Гринев был директором-администратором всего предприятия⁷⁷.

⁷³ Société Générale de Films. Société Anonyme au Capital de 1.025.000 francs. Siege Social: 36 – Avenue Hoche – Paris. Statuts. <Paris,> 1926. P.3 (article 2).

⁷⁴ Напомним, что директором компании был Семен Шифрин. О нем см. примеч. 29.

⁷⁵ Розенталь Леонард Михайлович (1877?–1955) – выходец из бедной многодетной еврейской семьи, жившей на Северном Кавказе (Грозный, Владикавказ). В юности эмигрировал во Францию, сделав состояние на всемирной добыче и продаже натурального жемчуга. Широкую известность Розенталь получил меценатством, много помогая в 1920-е эмигрантам – русским ученым, литераторам и артистам. О нем см.: Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского / Публ. М.Сорокиной // Минувшее. Вып.23. М.; СПб., 1998. С.321-324 (Далее – Минувшее, с указанием выпуска и страниц); *Сорокина М.* Аймек Гуарузим – Foundation Rosenthal // Евреи России – иммигранты Франции. Иерусалим; Париж; М., 2000. С.47-69. По сообщению публикатора, в кругу разнообразных деловых интересов Розенталя были и активные контакты с кинематографическим миром: в числе его стипендиатов в 1920-е была кинорежиссер Жермена Дюлак и др.; кроме того, он был владельцем нескольких крупных парижских кинотеатров. – Минувшее. Вып.23. С.321. После начала Второй мировой войны Розенталь с семьей эмигрировал в США, где без прежнего размаха продолжил предпринимательскую деятельность.

⁷⁶ Якубович Мария Владимировна (1894–1975) – уроженка Риги; после 1917 попала в Крым и эвакуировалась оттуда с малолетней дочерью Ольгой вместе с войсками Врангеля. Обладая красивым контральто, в Париже она стала солисткой цыганского хора, взяв артистический псевдоним Мара Гри (Mara Grie); после знакомства с Розенталем, покоренным ее внешностью и пением, стала его подругой, а затем и женой. Подлинные или выдуманные эпизоды ее биографии см. в изд.: *Эйзенштейн С.* Мемуары. М., 1997. Т.1. С.162 (Далее – Эйзенштейн, с указанием тома и страниц).

⁷⁷ ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.45. Л.19-38. Как и в случае с Руденко, русские источники расходятся в написании имени создателя и руководителя «Société»

В начале июня 1928 компания заключила контракты с Абедем Гансом и датчанином Карлом Теодором Дрейером на постановку новых «суперпродукций», которым, однако, не дано было осуществиться⁷⁸. Как показывают документы, именно через «Société Générale de Films» была осуществлена продажа сценария Ганса «Падение орла» германскому режиссеру Лупу Пику, вскоре реализовавшему его в фильме «Наполеон на Святой Елене»⁷⁹.

Еще один из документов «Société», отложившийся в архиве Маргулиеса, связан с судьбой «Наполеона», а точнее – с международным прокатом картины. В сводной таблице подведены финансовые итоги

Якова (?) Гринева. Одна из русских газет в Париже указывала – «В.М.Гринев». – Возрождение. 1928. 12 июня. С.5.

⁷⁸ К началу января 1928 Ганс сделал своего рода фильмовый постскрипtum для посвященных, смонтировав ленту «Как снимали “Наполеона”» и показав ее в одном из элитарных кино клубов Парижа «Студио 28». – Последние новости. 1928. 10 января. С.3. «...программа открытия, интересная и своеобразная. В первой половине – фильм о том, как снимали “Наполеона” Абея Ганса, и его же опыты с “триптихом”, т.е. с тройным экраном. И то, и другое, не будучи, собственно, фильмами для публики в обычном смысле этого слова, представляет большой интерес с точки зрения чисто кинематографической». – Ф. Студио 28 // Там же. 24 февраля. С.3. Своей следующей работой он было избрал экранизацию пьесы Ж.Жироу «Зигфрид», с успехом шедшую в те годы в Театре Елисейских полей, но по настоянию руководства «Société» пообещал вернуться к продолжению наполеоновской эпопеи по своему сценарию «Падение орла» – «Ватерлоо (Конец Наполеона)». – Возрождение. 1928. 12 июня. С.5. Однако к началу августа Ганс сумел убедить работодателей в неосуществимости этого замысла по финансовым причинам и вернулся к своему старому сценарию «Страсти Христовы» (опублик. в 1918), который намеревался осуществить в той же, что и в «Наполеоне», технике полиэкрана, но уже с использованием звука. На главную роль в картине был намечен ведущий актер Голливуда Джон Бэрримор, а ядро съемочной группы, разумеется, должен был составить «русский контингент» (художник Петр Шильдкнехт и др.). – Там же. 1928. 9 августа. С.5; 17 ноября. С.4.

К.-Т.Дрейер был приглашен в «Société» в марте 1927. – Последние новости. 1927. 7 апреля. С.4. Поначалу он собирался экранизировать «Одиссею» Гомера (Возрождение. 1928. 22 апреля. С.3), однако, уступая новым заказчикам, взялся снять в Англии кинобиографию Шекспира. (Там же. 12 июня. С.5). О работе режиссеров в «Société» см. также: Последние новости. 1928. 16 июля. С.3.

⁷⁹ ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.45. Л.40. «“Падение Орла”. Так Абель Ганс именуется вторую часть своего “Наполеона”, Наполеона Эльбы, Ста дней, Ватерлоо, Св.Елены». – Последние новости. 1927. 23 октября. С.5. См. также: Там же. 1928. 17 сентября. С.3; «Наполеон на о. Святой Елены» // Там же. 1930. 19 февраля. С.4 (аноним. рец. на фильм). В бумагах «Société» сохранилась также переписка о приглашении на работу из Берлина советского «невозвращенца», недавнего режиссера московского ГОСЕТ Алексея Грановского. – ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.45. Л.47-60. Предполагалось, что он будет ставить «героически-комический фильм “Современный Дон-Жуан”». – Возрождение. 1928. 12 июня. С.5.

первого года его показов на кинорынке. Согласно ее данным, во Франции, Бельгии, Швейцарии, Голландии и французских колониях фильм собрал 3080000 франков; в Южной Америке – всего 508207 франков; в Италии и ее колониях, в Египте, Сирии, в других странах Ближнего Востока, в Турции, Греции, Болгарии и Румынии – 662123 франка; в Чехословакии и Югославии – 1999243 франка; в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Финляндии, Дании, Швеции, Норвегии и балтийских странах – 1695750 франков; в США и Канаде – 6080000 франков (в Северной Америке доходы от проката фильма делились «Société» поровну с MGM); в Англии и ее колониях – 2136000 франков. Общая сумма сборов от прокатных контрактов составила 13361405 франков, а за вычетом расходов на изготовление копий и других организационных трат – 12552256 франков⁸⁰. Сравнение с известными цифрами производственных расходов на постановку показывает, что фильм Ганса с коммерческой точки зрения оказался убыточным. Стоит, однако, сравнить коммерческие выкладки по «Наполеону» с продажей фильма «Страсти Жанны д'Арк» Дрейера, постановка которого также финансировалась «Société Générale de Films». В общей сумме они сложились в сумму 9214985 франков⁸¹, но тоже не принесли акционерам ничего, кроме финансовых потерь.

Таким образом, «сухой арифметический остаток» наглядно демонстрирует, что ни один из амбициозных проектов этого предприятия не вернул финансовых вложений, и этот грустный итог заставил выйти из дела главного пайщика – Розенталя, что, в свою очередь, привело к скорому распаду предприятия весной 1929. Однако можно думать, что отнюдь не только потеря денег повлияла на решение «короля жемчуга». Весьма вероятно, что им руководили неутоленные творческие амбиции Мары Якубович, рассчитывавшей на карьеру мировой кинозвезды в постановках знаменитых режиссеров, но так себя в них и не нашедшей. Впрочем, артистические амбиции (или каприз?) богатой дамы вскоре были реализованы в сотрудничестве с модными советскими кинематографистами, которым, в свою очередь, выпал шанс опробовать на практике теоретические мани-

⁸⁰ ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.45. Л.42. Советский кинорынок, по-видимому, также учитывался в прокатных планах «Société», и весной 1928 его представители начали переговоры о продаже «Наполеона» в СССР, поспешив даже сообщить об их успешном завершении. – Возрождение. 1928. 19 мая. С.4. Однако судьба сделки зависела от предварительного решения советских цензурных инстанций, и в конце концов «чуждый» идеологический компонент картины Ганса, очевидно, перевесил ее художественные достоинства во мнении советских чиновников, отказавшихся от закупки, несмотря на печатные демонстрации симпатий режиссера к Советскому Союзу и к мастерам революционной советской кинематографии.

⁸¹ ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.45. Л.41.

фесты в области звукозрительного монтажа, заявленные в печати незадолго до отъезда в заграничную командировку, а заодно поправить неблагоприятное финансовое положение по пути в заветный Голливуд.

Автор выражает глубокую благодарность всем, кто принял деятельное и заинтересованное участие в написании и подготовке этой работы к печати: коллегам Татьяне Осокиной и Марине Сорокиной (Москва), а также Николь Ландау (Париж) и Рашель Розенталь (Бeverли-Хиллз, Калифорния, США) – за ценные биографические сведения о семействе Розенталь.

(Продолжение следует.)

Федор Поляков

УТРАЧЕННАЯ КНИГА ЭЛЛИСА О ПУШКИНЕ

(По материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.)

В 1948 в Швейцарии вышла посмертная книга Эллиса († 17 ноября 1947, Locarno) о Пушкине как «религиозном гении России»¹. Ею завершается цикл пушкиноведческих публикаций Эллиса в последний, локарнский период его творчества: с 1928 Эллис опубликовал семь работ, посвященных Пушкину². В годы Второй мировой войны Эллис также переводил Пушкина на немецкий; полный перечень переведенных им текстов (в том числе прозаических) не известен; помимо нескольких дошедших до нас стихотворных переложений в косвенных источниках упоминаются, например, «Сказка о Золотом петушке» и «Песни западных славян».

Как и другие его историко-литературные исследования, посмертная книга Эллиса о Пушкине предоставляет материал для характеристики постсимволистского периода его творчества и диалога русской диаспоры с кругами католических литераторов и богословов в Германии и Швейцарии в 1920–1940-е. Несколько других подготов-

¹ *Kobilinski-Ellis L. Alexander Puschkin. Der Religiöse Genius Russlands // Kämpfer und Gestalter. №4. Olten, 1948. Далее – Ellis 1948, с указанием страниц.*

² Библиографические данные см. в изд.: *Willich H. Lev L. Kobylinskij-Ellis: Vom Symbolismus zur Ars Sacra. Eine Studie Über Leben und Werk // Slavistische Beiträge. №341. München, 1996. P.238-240; Poljakov F.B. Literarische Profile von Lev Kobylinskij-Ellis im Tessiner Exil. Forschungen–Texte–Kommentare // Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N.F., 29. Köln; Weimar; Wien, 2000. P.28-33.*

ленных им к печати и принятых швейцарскими и немецкими издательствами книг не только не вышли в свет, но и бесследно пропали. Столь же трагически сложилась и судьба творческого наследия Эллиса: ни его архив, ни его обширная библиотека не сохранились.

При таком состоянии источников для реконструкции литературной деятельности позднего Эллиса возрастает значение эпистолярного материала. Переписка Эллиса в западноевропейских собраниях представлена, как правило, сравнительно небольшим числом писем в одном фонде; например, в римском архиве Вячеслава Иванова хранятся лишь два его письма к Иванову и одно к Д.С.Мережковскому, посланное во время пребывания последнего в Риме³. В данном случае число сохранившихся писем отражает реальную картину отношений Эллиса и Вяч. Иванова в эмиграции.

Гораздо чаще приходится констатировать факт утраты целого слоя релевантных для Эллиса свидетельств. Так, по разным причинам не сохранились полностью архивы лиц, на протяжении 1920–1930-х поддерживавших интенсивные рабочие и личные контакты с Эллисом, – петербуржца, известного переводчика Рейнольда фон Вальтера (Reinhold von Walter; 1882–1965), издателя журнала «Западно-Восточный путь» Бертрама Шмитта (Bertram Schmitt; 1895–1966), специалиста по истории мистики Алоиза Магера (Alois Mager OSB; 1883–1946). Большая часть библиотеки и архива Р. фон Вальтера, бывшего до 1949 лектором русского языка в Кельнском университете, погибла в войну во время бомбежки. Бертрам Шмитт, священник в Силезии, потерял свою библиотеку и архив в октябре 1946 в результате насильственного выселения с территории, отошедшей после войны к Польше⁴. Бенедиктинец Алоиз Магер привлек внимание гестапо своей церковно-просветительской деятельностью в Зальцбурге и своими высказываниями (так, он публично заявлял, что антисемитизм и расовый бред национал-социалистов – это «ересь XX века»). После присоединения Австрии в 1938 он, во избежание ареста, был отправлен визитатором миссии ордена св. Бенедикта в Японию, после войны вернулся в Зальцбург, где скоропостижно скончался от разрыва сердца; его архив за предвоенные годы, по видимому, утерян⁵.

³ Письма Эллиса Д.С.Мережковскому и Вячеславу Иванову / Вступл. и коммент. Ф.Полякова; Подгот. текста А.Шишкина // Archivio italo-russo (Русско-итальянский архив). В печати.

⁴ См.: Poljakov F.B. Literarische Profile. P.17-18.

⁵ См.: Poljakov F.B. Der Russische Exildichter Lev Kobylinskij-Ellis und die Salzburger Benediktiner // Kronsteiner O. (Hg.). Die Funktion der Slawistik im Europäischen Bildungswesen. Eine Alternative Geschichte und Prognose / Die Slawischen Sprachen. №55. Salzburg, 1997. P.19-31; Поляков Ф.Б. Чародей, рыцарь, монах: Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского) // Schahadat

Таким образом, и по своему содержанию, и на фоне всех прочих утрат переписка Эллиса с поэтом Рихардом Книсом (Richard Knies; 1886–1957), сохранившаяся без значительных лагун приблизительно с середины 1920-х по конец 1930-х, представляет собой один из наиболее существенных источников для реконструкции локарнского периода творчества Эллиса. За возможность ее использования приносим нашу глубокую благодарность наследникам поэта⁶.

Судя по тому, что уже в 1925 вышел в свет перевод избранных стихотворений Владимира Соловьева, сделанный Эллисом при участии Рихарда Книса, познакомились они, по-видимому, в начале 1920-х⁷. Их сближение произошло на почве занятий Книса наследием русского философа. Такое совпадение интересов отразилось и на программе основанного Книсом еще в 1918 издательства «Matthias-Grünewald-Verlag» (Mainz). Уже в ту пору Книс стал одним из самых близких друзей и доверенных лиц Эллиса в эмиграции; по семейному преданию, Книс неизменно подчеркивал, что с Эллисом его объединяло истинное «родство душ» (Geistesverwandtschaft). До войны он бывал в гостях у Эллиса в Локарно, но после войны им больше встретиться не довелось. Эллис считал Книса «современным представителем того рейнско-романтического направления, которое в свое время сыграло столь большую роль для Жуковского»⁸.

Сохранился набросок Эллиса, восходящий, по-видимому, ко времени, близкому к выходу в свет упоминаемых в нем изданий 1925–1930 гг. (см. ниже), и зафиксировавший план нового издания сочинений Владимира Соловьева в немецком переводе под редакцией Рихарда Книса, Льва Кобылинского-Эллиса и Бертрама Шмитта в издательстве «Matthias-Grünewald-Verlag».

Первый том должен был состоять из двух частей: «Кризис западной философии» (1874) и «Философские начала цельного знания»

Sch. (Hg.). *Lebenskunst – Kunstleben / Die Welt der Slaven. Sonderband 2.* München, 1998. P.132-133; *Poljakov F.B. Literarische Profile.* P.73.

⁶ Материалы этой переписки, касающиеся Вяч. Иванова, приведены в статье: *Поляков Ф.Б.* Вячеслав Иванов в неопубликованном эпистолярном наследии Эллиса 1920–1930-х годов: Аспекты постсимволистской культуры в эмиграции // *Averincev S., Ziegler R. (Hg.). Vjačeslav Ivanov und Seine Zeit.* Frankfurt am Main u.a. (в печати).

⁷ *Gedichte von Wladimir Solowiew / Ins Deutsche übertragen von Dr. L.Kobylinski-Ellis und R.Knies. Mit einer Abhandlung über Solowjew als Lyriker, Solowjews Weisheits- und Schönheitslehre, Weisheit und Weltseele bei Solowjew von Dr. Kobilinski-Ellis.* Mainz, 1925.

⁸ Письмо без даты, до 1933 г.; Эллис благодарит Книса за исправления, внесенные последним в работу о Жуковском, вышедшую вскоре после этого: *Kobilinski-Ellis L. W.A.Joukowski. Seine Persönlichkeit, Sein Leben und Sein Werk // Das goldene Zeitalter der russischen Poesie.* <1>. Paderborn, 1933. Далее – Ellis 1933.

(1877) в переводе Р. фон Вальтера. В отдельный том избранных сочинений (под названием «Auslese») Соловьева в переводе Р. фон Вальтера и Л.Кобылинского-Эллиса под редакцией Р.Книса предполагалось включить предисловие Книса, статью Шмитта о Соловьеве и несколько небольших текстов Соловьева, в числе которых упоминаются «Красота в природе», «Повесть об Антихристе» и «Владимир Святой и христианское государство»⁹.

«Общая последовательность» («Allgemeine Reihenfolge») переводов из Соловьева зафиксирована Эллисом в следующей форме:

1. «Gedichte» W.Solowjew¹⁰
2. «Das Lebensdrama Platons» W.Solowjew¹¹
3. «Monarchia St. Petri»¹²
4. «Die Krise der westlichen Philosophie»
5. Auslese aus kleineren Werken
6. «Die philosophischen Prinzipien des integralen Wissens»
7. «Die Kritik der abstrakten Prinzipien»¹³.

Эллис стремился расширить программу издательства за счет русской религиозно-философской тематики и предлагал Кнису создать специальное «русское отделение». Его планы, невзирая на положительное отношение к ним со стороны Книса, не смогли быть реализованы по причине усиления идеологического контроля нацистских органов за издательством «Matthias-Grünwald-Verlag»¹⁴.

Вмешательство этих инстанций, запрет на распространение тиража ряда книг и журналов и тому подобные меры привели к сокращению продукции и банкротству издательства в 1937; Кнису, однако, удалось восстановить его на другой коммерческой основе в 1939.

Получая от Книса сведения об изменениях в работе издательства после прихода Гитлера к власти, Эллис неоднократно предупреждал

⁹ Последняя из упомянутых работ Соловьева вышла в свет в переводе самого Эллиса: *Solowjew W. Der Heilige Wladimir und der Christliche Staat / Übersetzt von L.Kobilinski-Ellis. Paderborn, 1930.*

¹⁰ *Gedichte von Wladimir Solowjew.*

¹¹ «Жизненная драма Платона» (1898); *Solowjew W. Das Lebensdrama Platons / Aus dem Russischen übertragen von B.Schmitt. Mit einem Nachwort über Platon und Solowjew von L.Kobilinski-Ellis // Religiöse Geister. №23. Mainz, 1926.*

¹² *Monarchia Sancti Petri. Die Kirchliche Monarchie des Heiligen Petrus als Freie und Universale Theokratie im Lichte der Weisheit / Aus den Hauptwerken von Wladimir Solowjew systematisch gesammelt, übersetzt und erklärt durch L.Kobilinski-Ellis. Mainz, 1929. Далее – Ellis 1929.*

¹³ № 4–7: «Кризис западной философии» (1874); том избранных сочинений (см. выше); «Философские начала цельного знания» (1877); «Критика отвлеченных начал» (1877–1880).

¹⁴ *Поляков Ф.Б. Вячеслав Иванов в неопубликованном эпистолярном наследии Эллиса 1920–1930-х годов.*

его о нежелательности обсуждения некоторых тем в их переписке, но однажды не выдержал и весьма резко высказался по адресу нацистской идеологии (письмо без даты, после 26 сентября и до 20 декабря 1935 г.):

<...> dass wir beide mit unserem Briefwechsel sehr vorsichtig sein müssen, weil 50% aller Briefe, die ich hier bekomme, perlustriert sind. Glücklicherweise berührt Ihre neue Dichtung keine politischen oder sozialen Fragen. Natürlich ist sie ganz und echt christlich, ich möchte sagen *romantisch–mystisch–symbolisch* und auf dem Boden der katholischen Weltanschauung erlebt und koncipiert. Das gerade ist für mich das Beste!

Mit den modernen heidnischen und «deutsch–christlichen» Unsinnen habe ich selbstverständlich nichts Gemeinsames.

Перевод:

<...> мы должны в переписке быть очень осторожными, потому что 50% всех писем, которые я здесь получаю, перлюстрированы. К счастью, Ваш новый сборник стихов не затрагивает политических или социальных вопросов. Естественно, он является полностью и истинно христианским, я хотел бы сказать – *романтически-мистически-символическим* и пережитым и задуманным на почве католического мировоззрения. Как раз это и есть для меня самое лучшее!

С современными языческими и «немецко-христианскими» глупостями я, само собой разумеется, не имею ничего общего.

Таким образом, если ранее, в конце 1920-х, Эллис заявлял Кнису, что его книгам о Соловьеве не страшна цензура немецких богословов-томистов (т.е. духовная цензура, которой подлежали богословские и религиозно-философские книги)¹⁵, теперь его не особенно пугала цензура германского тоталитарного аппарата и швейцарских спецслужб, так что доверительные отношения между ним и Книсом смогли достаточно полно отразиться на тематическом спектре их переписки. Эллис откровенно пишет ему не только о своем одиночестве, эсхатологических предчувствиях и своих снах (например, об одном из них во время работы над переводом Бодлера, т.е. около 1904 г.!), но и делится с ним известиями о своих контактах с русской

¹⁵ Ссылаясь на разочаровавшую его реакцию в печати на книгу «*Monarchia Sancti Petri*», Эллис к этому времени уже перестал питать надежды на серьезное отношение официального католического богословия к своим публикациям (письмо Кнису без даты, начало 1930-х, на бланке «*Hôtel La Margna*», St. Moritz).

эмиграцией. Интересные подробности такого рода содержатся в письме от 30 июня 1936:

<...> als mich selbst etwas Furchtbares getroffen hat. Ich bekam von Russen (durch Polen) Nachricht, dass der Neffe W.Solowjew, mein alter Freund und Bruder in Christo, der russische Priester und Unerter Sergej Michajlovitsch Solowjew hoffnungslos seelisch krank wurde. Die Bolschewisten quälten ihn in <Т>scheka und Kerker, bis er sein<e> Vernunft verlor und jetzt lassen sie ihn frei: «Schauen sie alle, wie klug und weise diese Priester sind!» Er siecht langsam, nicht tot und nicht lebendig. Furchtbar. Und zugleich muss ich ein Zeuge sein, wie $\frac{3}{4}$ West-Europas mit Russland und Sowjet<s> sich vereinigt («Volksfronten»). Ich bin auch unsäglich traurig.

Перевод:

<письмо Кнуса пришло как раз в тот момент,>

<...> когда меня самого постигло нечто ужасное. Я получил от русских (через Польшу) известие, что племянник Владимира Соловьева, мой старый друг и брат во Христе, русский священник и униат Сергей Михайлович Соловьев стал безнадежно душевнобольным. Большевики мучили его в подвале Чека, пока он не потерял рассудок, а теперь его выпустили – «вот, мол, посмотрите, какие умные и мудрые эти священники!» Он медленно угасает, не мертвый и не живой. Ужасно! И одновременно я должен быть свидетелем тому, как $\frac{3}{4}$ Западной Европы объединяется с Россией и Советами («Volksfronten»). Я несказанно опечален.

Сведения о судьбе Сергея Соловьева, которые приводит Эллис, вполне достоверны: он был арестован в ночь с 15 на 16 февраля 1931, пробыл под следствием до 25 августа 1931, приговорен к десяти годам ссылки в Алма-Ату, но из-за сильного психического расстройства направлен в сентябре того же года в психиатрическую больницу; в разных клиниках и под опекой дочерей он провел последние десять лет своей жизни и умер 2 марта 1942 г. в психиатрической больнице им. Кашенко, эвакуированной в Казань¹⁶. Подробности о психическом заболевании Соловьева в тюрьме помимо семьи были известны ограниченному кругу русских католиков. В

¹⁶ См.: *Диакон Василий ЧСВ <Vasilij von Burman OSB>*. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность // Publicationes Scientifcae et Litterariae «Studion» Monasteriorum Studitarum. №III–V. Рим, 1966. С.612–613; *Венгер Антоний <A.Wenger>*. Материалы к биографии Сергея Михайловича Соловьева // Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Bruxelles, 1977. С.8–11.

других источниках встречается неверное утверждение, что Соловьев «умер в большевистской тюрьме как исповедник христианства»¹⁷.

Характерно, что Эллис, зная о действительном положении дел, тем не менее в письме от 25 марта 1947 к директору издательства «REX» в Люцерне Eugen Vogt (Эжен Вог) сознательно сгущает краски, утверждая, что все сочинения Владимира Соловьева были преданы большевиками огню, а Сергей Соловьев «погиб мучеником в тюрьме»¹⁸.

Источником информации Эллиса, шедшей, по его словам, через Польшу, была, вероятно, известная русская католичка Софья Александровна Лихарева (в эмиграции в Кракове), небольшой отрывок из рукописного труда которой о Св. Софии Цареградской Эллис опубликовал в своем переводе¹⁹. Ее имя встречается и в переписке с Книсом: Эллис настоятельно просит отправить ей экземпляр книги Ellis 1929 за счет издателя, поскольку она находится в бедственном материальном положении и могла бы впоследствии принять участие в их работе.

О своих контактах с философами и литературоведами эмиграции Эллис регулярно пишет Кнису в связи с темой, приобретшей в 1935–1936 гг. для него особую актуальность, – работой над биографией Пушкина. К ней Эллис приступил вскоре после выхода в свет в 1933 книги о Жуковском, составлявшей первую часть трилогии «Золотой век русской поэзии» (Жуковский – Пушкин – Лермонтов)²⁰. В анонимной заметке от 1 сентября 1934 о «юбилее» Эллиса, предназначенной для газеты «Wiener Fremdenblatt», упомянуто, что «в настоящее время он занят *завершением* <Fertigstellung> пушкинской биографии»²¹.

¹⁷ Арсеньев Н.С. Дары и встречи жизненного пути. Frankfurt am Main, 1974. С.65-66. Арсеньев был знаком с Эллисом по Москве (Там же. С.61-63); в переписке с Книсом, в связи с Владимиром Соловьевым, Эллис замечает: «Арсеньев пишет о Соловьеве чудовищные глупости».

¹⁸ Poljakov F.V. Literarische Profile. P.107.

¹⁹ Ibid. P.24-25.

²⁰ L. Kobilinski-Ellis. W.A.Joukowski... Тогда же вышел и отдельный этюд о смерти Жуковского (*Кобылинский-Эллис Л. Смерть Жуковского // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1933. №9-10. С.9-12*), место публикации которого свидетельствует о контактах с Н.А.Бердяевым. В одном из недатированных писем с упоминанием о предстоящем получении авторских экземпляров книги «Monarchia Sancti Petri» приводится и первоначальное заглавие книги о Жуковском: «Joukowski. Dichter, Mystiker und Erzieher» («Жуковский: поэт, мистик и воспитатель»).

²¹ Poljakov F.V. Literarische Profile. P.46; заметка посвящена шестидесятилетию (sic!) Эллиса. В эмиграции Эллис имел обыкновение называть годом своего рождения 1874, а не 1879 (ср.: Поляков Ф.Б. Чародей, рыцарь, монах... С.129-131. Реальную дату его рождения – 2 августа (ст. ст.) 1879 – нам подтвердил

В письме к Кнису от 26 сентября 1935 г. Эллис выражает свое удивление, насколько плодотворно работает русская эмиграция в Париже и Праге. Эти два центра весьма точно отражают точки преимущественного соприкосновения Эллиса с кругами эмиграции в 1930-е. Парижские связи Эллиса (о. Сергей Булгаков, Н.А.Бердяев²²) – тема, требующая отдельного рассмотрения; Прага в переписке с Книсом предстает под знаком пушкиноведческих занятий Эллиса.

Основная роль в установлении контактов Эллиса с пражскими пушкинистами принадлежала Н.О.Лосскому. Как известно из небольшого пассажа «Истории русской философии» Лосского, его интересовали подробности биографии и философской позиции Эллиса²³. Из переписки с Книсом выясняется, что Лосский взял на себя труд прочтения рукописи Эллиса о Пушкине; подробности сообщаются Эллисом в письме от 20 декабря 1935 г.:

Die Spezialisten-Kritik meiner grossen Puschkin-Biographie ist noch nicht abgeschlossen. Jedoch 2 Experten (aus 3), Prof. N.Lossky (als Philosoph) und Prof. A.Böhm (als Literaturkenner) gaben ein sehr positives Urteil. Ich bin voll Hoffnung! Das Riesenwerk kann wohl in russischem Verlag erscheinen, da es russisch verfasst ist. <...> Es ist der *erste* Versuch eine fundamentalen Puschkin-Biographie auf Grund aller wesentlichen Quellen, die mir die Prager Bibliothek schickte. Prof. N.Lossky schrieb mir einen sehr schönen Brief. Puschkin ist jetzt das Zentrum der russischen Welt in Russland und in der Emigration.

Перевод:

Критика моей обширной биографии Пушкина специалистами еще не завершена. Однако два эксперта (из трех), проф. Н.Лосский (как философ) и проф. А.Бем (как знаток литературы), дали весьма положительный отзыв. Я полон надежды! Этот огромный труд может, вероятно, выйти в свет в русском издательстве, поскольку он написан по-русски. <...> Это *первая* попытка фундаментальной биографии Пушкина на основе всех существенных источников, которые послала мне Праж-

А.В.Лавров на основании метрики Льва Кобылинского, за что сердечно благодарим его.

²² Несмотря на интерес к работам Бердяева, стремление к сотрудничеству в издаваемом Бердяевым парижском журнале «Путь» и желанием привлечь его к работе с Книсом, Эллис испытывал раздражение от политических симпатий Бердяева даже довоенного периода; так, например, в 1927 он писал Кнису: «Немецкий почитатель Достоевского О.Шпенглер кричит теперь о Ницше-Бисмарке, русский – Бердяев – бросается на грудь большевикам. <...> Бердяев, ученик Соловьева, протягивает руку палачам истинной, католической Церкви».

²³ Поляков Ф.Б. Чародей, рыцарь, монах... С.129.

ская библиотека. Проф. Н.Лосский написал мне очень хорошее письмо. Пушкин теперь – центр русского мира в России и в эмиграции²⁴.

Итак, в прочтении рукописи книги Эллиса о Пушкине принимали участие два пражских эксперта – Н.О.Лосский и А.Л.Бем; забегая вперед, назовем и третьего – художника, иллюстратора и коллекционера Николая Васильевича Зарецкого (1876–1959)²⁵.

В собрании А.Л.Бема в Литературном архиве Музея памятников народной письменности в Праге (Literární archiv Památníku Národního písemnictví) сохранилось письмо Эллиса, в котором он называет себя последователем Вл. Соловьева, говорит о своей мировоззренческой близости к кругу авторов журнала «Путь» и благодарит Бема за согласие прочесть в рукописи этот труд, являющийся «как бы продолжением моей биографии В.Жуковского, вышедшей по-немецки»²⁶. Других следов, касающихся занятий Бема рукописью Эллиса, в пражском архиве нами не обнаружено²⁷.

Рукопись, высланную ему из Праги, Эллис получил 9 января 1936 и в тот же день отправил Кнису письмо на восьми страницах, большая часть которого посвящена обсуждению планов издания пушкин-

²⁴ Неделю спустя, 27 декабря 1935 г., Эллис приводит цитату из письма Лосского, в котором говорится, что в силу своей важности труд Эллиса заслуживает быть опубликованным. Здесь же Эллис впервые упоминает о предложении Книса поручить Бертраму Шмитту перевод рукописи на немецкий; решение вопроса Эллис оставляет до возвращения рукописи из Праги и прибавляет: «Я все же надеюсь, что не начнется мировая война». О Пушкинском юбилее в истории культуры русской диаспоры см., например: *Молок Ф.А. Пушкинский юбилей 1937 года в Русском зарубежье // Русская литература. 1999. №4. С.143-152; Евдокимова Т.В. Добавления к статье Ф.А.Молока <...>. По материалам коллекции Лидии и Сержа Варсано, хранящейся в Пушкинском кабинете ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН // Там же. С.152-154; ср. также: Poljakov F.B. Der Puškin-mythos von Serge Lifar als Interkulturelle Performance (Die Gedächtnisbilder und die Kulturelle Vermittlerrolle der Russischen Emigration in Frankreich in den 1930er Jahren) // O.Kronsteiner (Hg.). Europa und die Fremden Nachbarn. Vorlesungen über Vergessene Euroslawische Beziehungen (Die Slawischen Sprachen. №57). Salzburg, 1998. P.45-73.*

²⁵ См. о нем: *Zarezkij N.V. Russische Dichter als Maler und Zeichner / Aus dem Nachlaß des Verfassers hrsg. und ergänzt von D.Tschizewskij. Recklinghausen, 1960; Роман Гуль. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.1: Россия в Германии. New York, 1981. С.209-212 («Николаю Васильевичу надо бы жить в пушкинские, а не в наши дни»); Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб., 1994. С.205-206. См. также: Чистова И. Труды и дни Николая Зарецкого // Рисунки писателей: Сб. научн. статей. СПб., 2000. С.288-304.*

²⁶ Источник опубликован в изд.: *Poljakov F.B. Literarische Profile. P.75-77.*

²⁷ О роли Бема в Пушкиниане диаспоры см.: *Янгиров Р. Пушкин и пушкинисты: По материалам из чешских архивов // Новое литературное обозрение. 1999. №37. С.181-228.*

ской биографии. Отметив, что в предъюбилейный год количество литературы о Пушкине возросло до невероятных размеров («каждую неделю минимум один новый труд. <...> Вы просто представить себе не можете, какая в прямом смысле оргия разыгралась вокруг Пушкина»; ср. также: Ellis 1948, 16), он сообщает о получении критического отзыва от «милого пушкинского энтузиаста» Николая Зарецкого. Оказывается, иронизирует Эллис, целая контрверза возникла по поводу того, был ли Петр Каверин гусаром или нет; о каждой из дам, которых Пушкин целовал и в чьих альбомах расписывался, существуют толстые книги... И вслед за этим – сарказм с далеко идущими выводами:

Heutiger russischer Puschkin-Enthusiasmus <in Russland und <in der> Emigration> übersteigt die deutsche Rassentheoriebegierung.

Перевод:

Сегодняшний пушкинский энтузиазм (в России и эмиграции) превосходит немецкое воодушевление расовой теорией.

Далее Эллис выражает свое отрицательное отношение к попыткам советских идеологов узурпировать Пушкина, превратить его в «героя революции»; упоминая издания поэта под редакцией «пророка» этой самой революции Демьяна Бедного (Москва, 1931), Эллис считает нужным пояснить своему корреспонденту, что сего Бедного не следует путать с Андреем Белым...

В своей работе Эллис основывается на важнейших опубликованных источниках, доступ к которым обеспечен ему благодаря помощи из Праги. Цель его – избежать тенденции советского официоза и искажений современной пушкинистики (эротика), создав приемлемую в европейских *католических* рамках «подлинную биографию Пушкина». Если при этом, однако, не будет самым точным образом соблюдена фактографическая сторона, то следует опасаться, что «пушкинисты, которые столь же ужасно фанатичны, как дантологи и вагнерологи, растерзают меня». А поскольку Зарецкий относится именно к таким фактографам, Эллис сообщает Кнису, что он особенно рад пространным замечаниям Зарецкого; к тому же «этот благородный человек создал Пушкинский музей в Праге, пожертвовав всем своим состоянием». Здесь речь может идти, по-видимому, о пражской выставке 1932 г. «Пушкин и его время» («Puškin a jeho doba»), в организации которой и составлении каталога портретов и иллюстраций Н.В.Зарецкий принимал самое непосредственное участие²⁸.

²⁸ Zarečtjij N.V. Výstava «Puškin a jeho doba» <...>: Katalog části obrazové / Přeložila Žofie Pohorecká za red. Stan. Petíry. Praha, 1932. Об их переписке свидетельствует и фраза Эллиса в том же письме Кнису: «Зарецкий писал мне, что всегда плачет, думая о смерти Пушкина».

Главная сложность написания биографии Пушкина, повторяет Эллис, заключается для него именно в том, чтобы предложить интерпретацию, приемлемую равным образом и для католической традиции Запада, и для русской культуры. Кроме того, наряду с материалом, имеющим непосредственное отношение к Пушкину и его эпохе, перед исследователем встает вопрос о влиянии Пушкина на последующее развитие русской культуры, в том числе музыки и живописи; «его портреты стали уже целой наукой, его рисунки – тоже». В этом контексте примечательно идеализированное упоминание о его детских годах (Эллис был незаконнорожденным ребенком) и об отце – Льве Ивановиче Поливанове (1838–1899):

Ich bin glücklich, dass mein Vater ein Puschkin-Spezialist war und mich von meinen 7 Jahren <an> inst<r>uierte und belehrte in Puschkins Sinne. Ich kannte ihn als Bub ausw<e>ndig. Ich wuchs mit Puschkin <wie> mit <einem> lebendigen Wesen in unserer Familie <auf>. Deshalb fühle ich mich vollständig sicher.

Перевод:

Я счастлив, что мой отец был специалистом по Пушкину и наставлял и учил меня с семилетнего возраста в пушкинском смысле. Подростком я знал его наизусть. Я рос с Пушкиным как с живым существом в нашей семье. Поэтому я чувствую себя полностью уверенным²⁹.

На следующий же день после этого обширного послания, т.е. 10 января 1936 г., Эллис отправляет Кнису еще одно письмо на ту же тему, поскольку из Праги пришел третий из ожидаемых отзывов. Положительно оценив работу Эллиса, пражские эксперты рекомендовали опубликовать ее в каком-либо русском издательстве, однако подчеркивали сопряженные с этим финансовые сложности. В качестве иллюстрации этих последних Эллис посылает Кнису страницу из письма Зарецкого – на красной бумаге. Н.В.Зарецкий пишет, что ни у него, ни у Н.О.Лосского нет средств на пересылку рукописей и писем. Видимо, это письмо Зарецкого приводит Эллиса к выводу, что наиболее реальным вариантом является не поиск русского издательства, а перевод рукописи на немецкий и публикация книги в из-

²⁹ См. также: *Поляков Ф.Б.* Чародей, рыцарь, монах... С.126-127 (фрагмент из неопубликованных воспоминаний Сергея Соловьева), 136-137; *Poljakov F.B.* Literarische Profile. P.44, 71. По меткому замечанию М.А.Цявловского, «гимназия Поливанова в историческом обзоре символического направления в русской поэзии должна быть тем приблизительно, чем был Царскосельский лицей эпохи Пушкина» (цит. Е.А.Муравьевой в комментарии к публ.: *Ашукин Н.* Заметки о виденном и слышанном / Публ. и коммент. Е.А.Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1999. №36. С.137).

дательстве Кнуса (от гонорара он заранее отказывался)³⁰. Издание должно быть приурочено к юбилею 1937 года, который, как предвидит Эллис, вызовет большой интерес и в Западной Европе. Таким образом, он возвращается к сделанному ранее предложению Кнуса и своим планам, высказанным в конфиденциальной форме Кнусу еще третьего дня, 8 января 1936: немецкое издание следует готовить к юбилею, в крайнем случае можно выпустить к январю 1937 только первую часть («Пушкин во времена царя Александра I»), а вторую часть опубликовать позднее.

Для реализации планов Эллис прилагает все три отзыва экспертов, «письмо Зарецкого на красной бумаге» и свое письмо к предполагаемому переводчику книги Бертраму Шмитту, с которым Кнусу как владельцу издательства предстоит заключить окончательный договор. Другой, но менее реальный, по Эллису, вариант – отправить рукопись в Рим в Восточный институт (Pontificio Istituto Orientale) и просить субсидий у Папы.

В конце письма приведен (в немецком переводе самого Эллиса) отзыв Н.О.Лосского о прочитанной им рукописи, который мы публикуем в обратном переводе (курсив Эллиса):

С большим интересом и одобрением читаю Вашу рукопись и пишу свои критические замечания. Это грандиозный труд!

Сегодня с неослабевающим интересом закончил Вашу рукопись!

Со *всеми* главными религиозно-философскими положениями Вашего труда «А.Пушкин» я согласен! Верно, что Пушкин изображал всю *действительность* в свете высшей *Правды* и в смысле единства *Добра* и *Красоты*. Верно, что его творческая личность (гений) находилась в ближайшей связи с русской народной душой <Volkseele> и даже с духом всего человечества. Верно, что его гениально-творческое действие, которое обнимало и отображало все области духа, не было теургией, поскольку его гений пребывал в трагической антинормии с его естественно-человеческой индивидуальностью, отчего и вся история его жизни имела драматический характер.

Вам, действительно, превосходно удалось методологически провести эти главные положения через весь Ваш труд и

³⁰ Несколько раньше, в письме от 7 января 1936 г., Эллис уже соглашался с предложением Кнуса о переводе книги на немецкий (при участии Б.Шмитта) для его издательства, «поскольку я не вижу абсолютно *никакой* возможности публикации *русского* текста своей работы».

таким образом побудить душу читателя к сочувствию <Mitgefühl>, даже к сердечному состраданию <Herzensleiden> с Пушкиным-человеком и одновременно к благородной гордости его колоссальным гением!

К сожалению, Западная Европа еще не знает об универсальном значении Пушкина. Поэтому я советую Вам поместить некоторые утверждения первой главы (введения) в заключение Вашего труда. Очень удалось Вам изображение обстоятельств его детских лет. Разрешите мне теперь сделать несколько замечаний подчиненного характера, которые Вам будет легко учесть (следуют эти замечания)³¹.

Summatio:

Ваш труд многое дал мне и явился поучительным во многих вопросах.

Проф. Н.Лосский

Между тем Бертрам Шмитт из Силезии прислал свое согласие взяться за перевод книги Эллиса; 25 января 1936 Эллис отправил ему уже второе письмо на эту тему, 27 января получил от него ответ, о чем еще в феврале сообщил Кнису: «Все надежды на немецкий перевод». Эллис колебался, следует ли ему сделать копию русского оригинала и отправить ее Шмитту или же взяться самому за перевод, который должен быть потом исправлен («стилизован»), как говорил Эллис в таких случаях) Шмиттом. В свою очередь, Книс, уже набравшийся опыта общения с политической цензурой, был обеспокоен возможными проволочками: до юбилея оставалось меньше года, а сколько времени потребуется для перевода, корректуры, получения субсидий, набора и выпуска книги, было не ясно.

Имея в виду свое отношение к немецкой культуре, Эллис в письме от 27 февраля 1936 демонстрирует Кнису один из возможных способов аргументации перед национал-социалистическими инстанциями; речь идет, что характерно, уже не столько о Пушкине, сколько о самом авторе книги (в цитате сохраняются многоточия Эллиса):

Natürlich fürchte ich keine deutsche, auch keine national-sozialistische Zensur, weil meine Arbeit absolut unschuldig und sogar sehr germanoph<i>I fundiert sei... aber die Zeit... kostbar. Ich war niemals ein Feind Deutschlands, das wäre eine absolute Unmöglichkeit. Übrigens bin ich ein absoluter Antibolschewist <...>. Die Union der europäischen Mächte mit Stalin empört mich grenzenlos.

³¹ В цитируемом письме Эллиса эти конкретные замечания опущены.

Перевод:

Разумеется, я не боюсь никакой – ни немецкой, ни национал-социалистической цензуры – поскольку моя работа абсолютно невинна и даже обоснована весьма германофильски... но время... драгоценно. Я никогда не был врагом Германии, это было бы абсолютной невозможностью. Кстати, я являюсь абсолютным антибольшевиком <...>. Союз европейских сил со Сталиным безгранично меня возмущает.

Однако судя по тому, что та же тема в сходных выражениях затрагивается еще раз месяц спустя, в письме от 27 марта 1936, Книс не был уверен, что ему удастся столь легко избежать противодействия идеологического аппарата, по представлениям которого книга русского эмигранта-литератора о Пушкине может оказаться зараженной «антинемецким духом»³². Чтобы ее спасти, Эллису даже в своей тессинской идиллии, в доме в Monti della Trinità – с панорамой гор и Lago Maggiore, вне физической досягаемости для обоих тоталитарных режимов – приходилось изобретать различные формулы лояльности, которыми мог был воспользоваться его друг в Майнце. Приведем фрагмент этого столь знакомого в разных версиях идеологического карнавала:

Die Zeitperiode (1799–1837), die ich schildere, ist sehr fern, und ich stehe auf dem durchaus deutsch-freundlichen Boden. Schade nur um <die> verlorene Zeit. Die Behörden müssen fühlen, dass meine Arbeit im Geiste der deutschen Kulturorientierung <ist>. Ich verstehe und sogar billige die heutige strenge Haltung Deutschlands im Bezug auf russische Handschriften, weil die verpflichteten Bolschewisten auch hier ihren Unfug treiben. Es muss doch klar werden, dass ich kein Bolschewist, sogar ein Anti-bolschewist bin und deshalb schon kein Feind des neuen Deutschlands sein kann. Nur die verlorene Zeit ist eine traurige Sache.

³² Нелишне подчеркнуть, что подобные опасения Книса были вызваны прежде всего именно осложненным положением его католического издательства; в других случаях русская тематика, невзирая на идеологические ограничения, все же была представлена в германской книжной продукции того времени, как, например, оставшиеся в рукописи замечательные переводы из Пушкина (драмы и отдельные стихотворения) петербуржца Генри фон Гейзелера (Henry von Heiseler; 1875–1928) публиковались его сыном, писателем Бернтом фон Гейзелером (Bernt von Heiseler; 1907–1969) и после прихода Гитлера к власти, и незадолго перед Пушкинским юбилеем, и даже в 1941 г.; то же можно сказать в отношении других переводчиков – Р. фон Вальтера, Артура Лютера, Иоганнеса фон Гюнтера; см. некоторые библиографические данные в кн.: Poljakov F.B., Sippl C. A.S.Puškin im Übersetzungswerk Henry von Heiseler (1875–1928). Ein Europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur / Slavistische Beiträge. №388. München, 1999.

Перевод:

Период времени (1799–1837), который я описываю, очень отдален, и я стою на совершенно германофильской почве. Жаль только потерянного времени. Власти должны чувствовать, что моя работа написана в духе немецкой культурной ориентации. Я понимаю и даже одобряю сегодняшнюю строгую позицию Германии по отношению к русским рукописям, поскольку завербованные большевики тоже безобразничают здесь. Должно ведь стать ясно, что я не большевик, а даже антибольшевик и уже потому не могу быть врагом новой Германии. Вот только потерянное время очень печальная вещь.

Наряду с решением практических вопросов по изданию книги Эллис затрагивает и наиболее близкую ему тему – о необходимости эзотерического подхода к судьбе Пушкина, к «великой тайне Пушкина» (в тех же выражениях, что и Достоевский, но без ссылок на него), приоткрытой в момент его смерти.

О смерти Пушкина Эллис написал две отдельные статьи; для ознакомления Книса с обстоятельствами гибели Пушкина Эллис сделал подборку (без даты) переводов некоторых выдержек из привлекаемой им мемуарной литературы – текста одного из пасквилей на Пушкина (по изд.: Воспоминания И.И.Пущина. СПб., 1907. С.73), характеристики Дантеса и его круга в книге Л.Н.Павлищева (Из семейной хроники. Воспоминания об А.С.Пушкине. М., 1890. С.421), информации об авторстве посланных Пушкину анонимных писем (с упоминанием кн. И.С.Гагарина и кн. П.В.Долгорукова) (по изд.: *Аммосов А.Н. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса.* СПб., 1862)³³.

По поводу Гагарина Эллис с заметным раздражением замечает, что тот, став иезуитом, в своем издании сочинений П.Я.Чаадаева (*Œuvres choisies de P.Tchaadaief.* Paris; Leipzig, 1861) произвел крайне тенденциозный отбор текстов и что «только другой иезуит» (время от времени все еще появляющаяся и в эти годы давняя *idée fixe* Эллиса), а именно епископ Michel d'Herbigny в своей книге о Соловьеве (*Un newman Russe: Vladimir Soloviev (1853–1900).* Paris, 1911; 2-е изд. – 1934 г.) мог назвать Гагарина «лучшим другом Чаадаева». Впрочем, удовлетворенно заканчивает Эллис, гагаринское издание «потеряло всякое значение» после выхода издания М.О.Гершензона в издатель-

³³ Столь редкие книги, как, например, Павлищева и Аммосова, могли присылаться Эллису из Праги; об их наличии в составе пражского фонда он мог узнавать не только от своих корреспондентов, но и из каталога Пушкинской выставки 1932 г.

стве «Путь»³⁴. Эта подборка материалов о Пушкине для Книса, в которой дальше речь идет о Вл. Соловьеве и католичестве, снабжена грифом «Intime» и подписана инициалами D.L., т.е. Dr. Lins. Это особый псевдоним Эллиса, встречающийся также в форме Dr. L.Lins, которым он пользовался в переписке с Книсом для коннотации текстов, имеющих отношение к собственному спиритуальному опыту, эзотерическим темам и вообще информации, не подлежащей разглашению; лишь один раз этот псевдоним появился в печати при описании «двух встреч» Эллиса с Львом Толстым³⁵.

Насколько Эллис был озабочен реакцией эмиграционных кругов на пушкинскую биографию, настолько для Книса, в свою очередь, был важен положительный отзыв на труд Эллиса со стороны профессионально занимавшихся русской литературой немецких критиков, главным образом – Артура Лютера (Arthur Luther; 1876–1955). Лютер (находившийся в дальнем родстве со знаменитым реформатором) родился в Орле, в 1894–1899 учился на историко-филологическом факультете Московского университета, был оставлен при кафедре проф. Н.И.Стороженко, с 1903 по 1910 преподавал историю литературы на Высших женских курсах. Начало Первой мировой войны застало его в Германии, в 1918 он стал библиотекарем в Лейпциге и полностью посвятил себя популяризации русской культуры в Германии³⁶. Лютер был, безусловно, влиятельной фигурой, однако – как и следовало ожидать – Эллис отказывался признать его авторитет (письмо без даты, фрагмент):

Sie müssen auch A.Luther nicht besonders wichtig nehmen. Er ist ein Sitzgelehrter und ein sehr platter Kerl. Er kommt von Moskau. Ich kenne ihn ein wenig. Er versteht ja Puschkin genau so wenig wie Solowjew. Er ist ein Positivist.

Перевод:

Вы также не должны воспринимать А.Лютера слишком серьезно. Он кабинетный ученый и очень банальный тип. Он из Москвы. Я его немного знаю. Он столь же мало смыслит в Пушкине, как и в Соловьеве. Он – позитивист³⁷.

³⁴ Чаадаев П.Я. Собр. соч. и писем / Предисл. и ред. М.Гершензона. Т.1-2. М., 1913/1914. Отметим, что это издание вышло в свет уже после отъезда Эллиса из России.

³⁵ См.: Poljakov F.B. Literarische Profile. P.8-9, 159, 171-183.

³⁶ Сведения о Лютере приводятся на основании его машинописной автобиографии, предоставленной нам Dr. Carmen Sippl. В ее распоряжении находятся также неопубликованные воспоминания Лютера о его жизни в России, которые в настоящее время готовятся ею к печати в сотрудничестве с автором этих строк.

³⁷ Напомним его полемическое выступление против трактовки Эллисом Вагнера: Лютер А. «Парсиваль» в средние века // Труды и дни. 1914. №7. С.58-62.

По ряду причин, в том числе и из-за прогрессирующей болезни Шмитта (рассеянный склероз), сильно ограничивавшей его возможности, перевод рукописи не мог быть выполнен в срок, хотя он по-прежнему принимал в работе какое-то участие (письма Эллиса Кнису от 8 апреля и 1 мая 1936 г.). Теперь Эллис сам занялся подготовкой предварительной немецкой версии текста; по частям работа посылалась Кнису, который придавал изложению Эллиса литературную форму и отправлял его в Локарно (письма от 2 апреля и – вскрытое цензурой – от 4 апреля 1936 г. с подтверждением получения готовых частей текста), а иногда и прямо Шмитту в Бреслау. Как при этом выясняется, именно Книс был литературным редактором книг Ellis 1929 и Ellis 1933. Возобновление письменного контакта с Вяч. Ивановым и временно поселившимся в Риме Д.С.Мережковским натолкнуло Эллиса на идею создания пушкинского сборника с участием Иванова, Мережковского, Бердяева, Лосского, Зарецкого и его самого³⁸. В тогдашних условиях этот план оказался, увы, чисто утопическим.

Объем книги Эллиса требовал сокращений; по мнению Книса, столь подробное изложение может оттолкнуть немецкого читателя. Отчасти соглашаясь с ним в этом пункте, Эллис настаивал, чтобы в книге было не менее 350 страниц (письмо от 18 апреля 1936 г.), в противном случае никто в эмиграции не будет серьезно относиться к такой биографии Пушкина (письмо от 3 июля 1936 г.; курсив Эллиса):

Ich muss diesem Fanatismus Rechnung tragen. *Sonst werde ich als Dilettant verschrien und Ihr Verlag wird leiden.* Bedenken Sie, dass die russischen Emigranten unseren Puschkin kaufen müssen. Sie werden das tun, falls die Arbeit nicht zu kurz ist. Ich kenne die Kerle. Ich rechne mit ihrer Psychologie. <...> Alles ist in meinem Puschkin für <den> Westen neu. Es ist nichts bekannt über die russische Kulturgeschichte, Kritik, Lebensumstände der russischen Dichter etc. Nur Dostojewski ist durchforscht. <...>

Es wäre für mich sehr leicht, eine moderne sachlich-nüchterne telegrammstilmäßige, *kurze* Puschkin-Arbeit <zu> schreiben. Ich will aber zugleich:

1. eine wissenschaftliche, d.h. streng geprüfte, chronologisch und kulturhistorisch fundierte Arbeit
2. ein lebendige<s> Lebensbild
3. eine prinzipielle Kritik aller Werke Puschkins geben. <...>

Ausserdem sind die lyrischen Gedichte Puschkins *absolut unübersetzbar*. Sie verlieren fast alles im Deutschen. Müssen wir sie in Prosaübersetzung geben?

³⁸ Письмо от 8 апреля 1936 г.; см. также: *Поляков Ф.Б.* Вячеслав Иванов в неопубликованном эпистолярном наследии Эллиса 1920–1930-х годов.

Перевод:

Я должен учитывать этот фанатизм. *Иначе меня будут носить как дилетанта, и Ваше издательство пострадает от этого.* <...> Примите во внимание, что нашего Пушкина должны покупать русские эмигранты. Они будут это делать в том случае, если работа не окажется слишком краткой. Мне эти типы известны; я рассчитываю на их психологию. <...> Для Запада все в моем Пушкине *ново*; *ничего* не известно об истории русской культуры, о критике, о жизненных обстоятельствах русских поэтов и т.д. Только Достоевский изучен вдоль и поперек. <...>

Мне было бы весьма просто написать современную, конкретно-прозаическую, в телеграфном стиле, *краткую* работу о Пушкине. Я же хочу дать одновременно:

1. научную, т.е. строго проверенную, обоснованную в хронологическом и историко-культурном отношении работу;
2. живой жизненный образ;
3. основную критику всех произведений Пушкина. <...>

К тому же лирические стихотворения Пушкина *абсолютно непереводимы*. По-немецки они теряют почти все. Должны ли мы дать их в прозаическом переводе?

Эти же вопросы Эллис обсуждает и в отдельной заметке под названием «Примечание автора» (без даты): для русских эмигрантов, на которых прежде всего рассчитана книга (sic!), едва ли будет приемлемо дальнейшее сокращение материала; напротив, Н.В.Зарецкий прислал ему еще тридцать страниц с выписками из источников в качестве дополнения, а другие пражские эксперты также считали, что работа могла бы быть более детальной. В настоящее время Эллис может рассчитывать, по его словам, на «весьма благосклонную критику» журнала «Путь» и сотрудников издательства «УМСА-Press» в Париже, которых также не следует разочаровывать легковесным изложением. Что же касается немецкого читателя и его отношения к обилию фактов из истории русской культуры, Эллис на этот раз не желает идти на компромисс:

Die Deutschen kennen nichts im Gebiete der russischen Literatur, besonders die Katholiken. Ihre Ignorierung der russischen Literatur und Kultur ist empörend. <...> Sagen Sie offen, haben Sie «Boris Godunow», «Onjegin», «Arap» gelesen?

Перевод:

Немцы, в особенности католики, ничего не знают в области русской литературы. Игнорирование ими русской литературы и культуры возмутительно. <...> Скажите откровенно – Вы

сами читали «Бориса Годунова», «Онегина», «Арапа <Петра Великого>»?

К тому же, замечает Эллис, рукопись в ее настоящем виде уже неоднократно подвергалась авторским сокращениям; об «Онегине» в ней содержится всего лишь пять-шесть страниц, о «Борисе Годунове» – не более десяти, тогда как в действительности этим произведениям посвящены целые библиотеки. Неужели возможно все это игнорировать? В изложении Эллиса Пушкин должен предстать на фоне его западных собратьев (Шекспир, Байрон, Гете, Мериме, Шатобриан и др.), для чего требуется описание взаимодействия литературных течений. Все это в Германии новый, малоизвестный материал, и издательству, которому уже принадлежит честь выпуска существенной литературы о Соловьеве, приличествует пойти новыми путями, и если сегодня в Германии мало читают русских авторов, то в ближайшем будущем все может измениться. И вообще: «нужно считаться с *русской* душой, с ее почитанием Пушкина» («Man muss Rechnung der *russischen* Psyche, ihrer Puschkin-Verehrung tragen»). В другом месте Эллис по поводу сомнений Книса насчет того, сколько информации о Пушкине может выдержать немецкий читатель, указывает на то, что, например, в шеститомной биографии Вагнера (имеется в виду книга: *Glazenapp C.F. von. Richard Wagner's Leben und Wirken. Leipzig, 1893–1911*; несколько переизданий под названием: *Das Leben Richard Wagners. Leipzig, 1904–1911; 1908–1923* и др.) очень подробно повествуется о попугае композитора и обо всех его собаках...

Итак, к началу января 1937 г. перевод рукописи и стилистическая правка Книса были закончены. Благодаря его за проделанный труд, Эллис считает свою задачу выполненной в том случае, если Книс во время работы над книгой смог почувствовать всю исключительность личности Пушкина и трагичность его судьбы (письмо от 18 января 1937 г.). Выход книги в издательстве Книса представлялся всем участникам делом решенным; Эллис уже обсуждал вопрос об иллюстрациях, рекомендуя выбрать портрет Пушкина кисти Кипренского, портреты Вольтера и Мицкевича, несколько женских портретов, и просил сделать для издания темно-красный переплет. Получив из Мюнхена только что вышедшее издание переводов из Пушкина Генри фон Гейзелера (*Puschkin A.S. Gedichte / Deutsch von H. Von Heiseler. München, 1937*; тираж – 500 нумерованных экземпляров), Эллис обнаружил, что всего лишь три недели спустя после появления этой книги его экземпляр имеет номер 78, и считал это свидетельством интереса немецкоязычных читателей к Пушкину, который должен отразиться и на написанной им биографии.

Однако как раз в юбилейном 1937 году, не прошедшем бесследно и в Германии, репрессивные меры национал-социалистических ор-

ганов по отношению к «Matthias-Grünewald-Verlag» привели к его временному закрытию. После реорганизации издательства летом 1939 прежняя программа Книса не могла сразу же пойти в производство, с началом Второй мировой войны книжная продукция уменьшилась количественно, возникли сложности с получением бумаги, весьма немногочисленные сотрудники издательства были мобилизованы, Книс продолжал работу лишь с двумя помощниками. В августе 1942 г. при бомбардировке Майнца помещение издательства было разрушено, архив полностью погиб в огне³⁹.

Уже к началу войны письменные контакты с Локарно прекратились, однако не приходится сомневаться, что Книс смог до этого момента отправить Эллису рукопись книги. В личном архиве Книса случайно сохранился лишь фрагмент третьей главы биографии Пушкина в предварительном переводе Эллиса на немецкий, который должен был быть исправлен Книсом (автограф Эллиса, карандаш, 19 листов, 37 страниц текста, соответствовавших с.85-105 оригинала). В рукописи следов правки Книса нет; возможно, этот фрагмент также находился среди текстов, переведенных или «стилизированных» Бертрамом Шмиттом, так что нужда в корректуре Книса отпала. Содержание фрагмента таково: «Санкт-Петербург (1817–1820). Первые годы “Бури и натиска”. Литературный мир и высший свет. Круг личных друзей. “Зеленая лампа”. Первая большая поэма “Руслан и Людмила”». Рамки внешней биографии и краткость фрагмента по отношению к объему всей рукописи затрудняют выявление специфической позиции Эллиса, отмеченной в отзыве Н.О.Лосского. Эллис ссылается на труды П.В.Анненкова, П.И.Бартенева, М.О.Гершензона⁴⁰, Н.О.Лернера⁴¹, Б.Л.Модзалевского. На основании упоминания имен П.О.Морозова и Алексея Н. Веселовского, чьи работы, согласно Эллису, положили конец представлениям о якобы оргиастическом характере «Зеленой лампы», можно предположить, что Эллис имел в своем распоряжении издание С.А.Венгерова⁴². Цитировать переводы пушкинских стихотворений *in extenso* Эллис, очевидно, избегал; здесь приведены лишь

³⁹ *Laubach J.* Zur Geschichte des Matthias-Grünewald-Verlags // 75 Jahre Grünewald Bücher: Zeit zu Verstehen, Mut zum Leben, Freude am Lesen: ein Almanach. Mainz, 1993. P.11-12.

⁴⁰ *Гершензон М.О.* Образы прошлого. М., 1912.

⁴¹ Возможно, на след. изд.: *Лернер Н.О.* Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб., 1910.

⁴² Пушкин. Соч. / Под ред. С.А.Венгерова. СПб., Пг.: Изд. Брокгауза-Ефрона, 1907–1915. Т.1-16; *Морозов П.О.* От лица до ссылки // Там же. Т.1.. С.485-502; *Веселовский А.* Период «Зеленой лампы» // Там же. С.542-558. Имя С.А.Венгерова (по выражению Эллиса, в шести томах свдшего воедино критическую литературу о Пушкине) упомянуто также в письме Кнису от 3 июля 1936.

два небольших, в несколько строк, отрывка в переводе Фридриха Фидлера (по изд.: *Gedichte von Alexander Puschkin / Im Versmaß der Urschrift von Fr. Fiedler. (Universal-Bibliothek, 3731, 3732). Leipzig, [o.J.]*) и стихотворение 1818 г. «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...») в переводе самого Эллиса⁴³. Отметим, наконец, положительное замечание («прекрасный немецкий перевод» – «*treffliche deutsche Übersetzung*») о переводе «Руслана и Людмилы»⁴⁴.

Пушкинская тематика представлялась Эллису настолько важной, что в годы войны, параллельно с собственными опытами перевода «непереводимого» поэта, Эллис написал также и вышеупомянутую книгу о религиозном гении Пушкина (1948), в предисловии к которой он, в частности, еще раз подчеркивает, что данная работа не представляет собой сокращенной биографии Пушкина. По значительному числу опечаток видно, что Эллис не успел держать корректуру книги.

Первые контакты Эллиса с немецкими издательствами после окончания войны начались на весьма оптимистической ноте; так, в начале 1947, последнего года его жизни, ему представлялось, что выход в свет биографии Пушкина в двух частях уже не заставит себя ждать. Своим доверенным лицам, композитору Lucas Maria Valentin (1907–1986) и психологу Gebhard Frei SMB (1905–1967), Эллис сообщал, что книга о Пушкине принята к печати мюнхенским издательством «Alber Verlag»⁴⁵. Однако и на сей раз судьба оказалась немилостива к этому труду: публикация книги не состоялась – по неизвестным причинам; на наш запрос в 1998 дирекция издательства сообщила, что архив за первые послевоенные годы не сохранился...

Итак, приходится с грустью признать, что книге Эллиса о Пушкине выпала странная участь – сначала кратковременное существование, со своими читателями, переводчиками, рецензентами, а затем двойное исчезновение – и русского оригинала, и немецкого перевода. Реконструкция культурологических представлений Эллиса, использованных для создания образа Пушкина, подчеркивает его ориентацию на *непрерывную* религиозно-философскую традицию Се-

⁴³ Перевод опубликован в изд.: *Kobilinski-Ellis L. W.A. Joukowski... P.[2], 17, 146; Poljakov F.B. Literarische Profile. P.199-200, 223.*

⁴⁴ *Puschkin A. Ruslan und Ludmilla. Ein Phantastisches Märchen / Aus dem Russischen von J. von Guenther. Titelzeichnungen und Illustrationen von W.Masjutin. München, 1922.* Одна из публикаций фон Гюнтера, посвященных Пушкину, была проиллюстрирована Н.В.Зарецким: *Puschkin A. Anekdoten und Tischgespräche / Herausgegeben, übertragen und mit einem Vorwort versehen von J. von Guenther. Mit Illustrationen von N.Saretskij. München, 1924.*

⁴⁵ См.: *Poljakov F.B. Literarische Profile. P.49-51, 71, 75.*

ребряного века в рамках диаспоры⁴⁶. Стремясь к усилению диалогического потенциала русской культуры (прежде всего по отношению к католическому слою западноевропейских культур), Эллис в своей трактовке биографического и историко-культурного облика Пушкина игнорирует различие между посвященными (прежде всего русской аудиторией) и внешним кругом читателей, которые якобы не в состоянии воспринимать (и, следовательно, не должны получать) одну и ту же информацию. В годы катастроф европейской истории и торжества тоталитарных идеологий Эллис, отрекаясь во имя «всемирного» и «вселенского» от идеи национализации культуры, разрабатывал радикальную версию этого диалога – сделать русское пушкиноведение частью западноевропейской культуры.

⁴⁶ Ellis 1948. P.196. О «прямой линии» от Пушкина к Соловьеву см. в письме Эллиса Кнису от 22 февраля 1936: «Von A.Puschkin (Universalität) geht <eine> gerade Linie zu W.Solowjew (Ökumenizität)». Еще Г.П.Струве обратил внимание на то, что в этой книге Эллис не цитирует пушкиноведческие работы своих бывших соратников – Брюсова и Белого, за пределами общего фактографического контекста ссылаясь исключительно на представителей религиозно-философского направления; ср.: *Валентинов Н.* Два года с символистами / Под ред., с предисл. и примеч. Г.П.Струве. Stanford, 1969. С.239-240. Действительно, в этой книге Эллис упоминает Вл. Соловьева, В.В.Розанова, Н.А.Бердяева, Н.О.Лосского, Д.С.Мережковского, Вяч. Иванова и о. Сергия Булгакова, которые, по его словам, связывают облик Пушкина с идеалом «святой Руси» (о соловьевском элементе этой концепции у Эллиса см.: *Poljakov F.B.* Literarische Profile. P.63-65) и с истоками обновления России. На наш взгляд, особенно интересно, что из перечня релевантных для Эллиса имен выпадает С.Л.Франк, автор основных исследований о *религиозности* Пушкина (перепечатаны в кн.: *Франк С.Л.* Этюды о Пушкине. München, 1957; репринт: Letchworth, 1978; Paris, 1987). Ср. также: *Frank V.S.* Bibliographie des œuvres de Simon Frank // Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. 1980. №LIII. P.23 №19; P.25 №24; P.34; №47; P.47-48 №160-160a и др.). в том числе известной статьи С.Л.Франка «Религиозность Пушкина», помещенной в важный для Эллиса журнале парижском журнале «Путь» (1933. [№:40] С.16-39), и статей, опубликованных в другом столь же важном для него журнале «Hochland», с которым он также был связан.

Б.С.Каганович
К ТЕМЕ: П.М.БИЦИЛЛИ И ЕВРАЗИЙЦЫ

Вопрос об отношении выдающегося русского историка и литературоведа П.М.Бицилли (1879–1953) к идеологии евразийского движения вновь привлек к себе внимание в последние годы и, как нам кажется, не всегда находит правильное освещение. Тема эта, несомненно, заслуживает более пристального изучения. Напомним некоторые факты. Один из блестящих русских медиевистов предреволюционного времени, профессор Новороссийского университета в Одессе П.М.Бицилли в 1920 эмигрировал из России. Некоторое время он преподавал в университете г. Скопле (Югославия), а с 1924 стал профессором Софийского университета в Болгарии¹. «По своим политическим убеждениям колебался между конституционно-демократическим и социал-революционным (умеренного крыла) направлениями, но накануне революции вступил в партию социалистов-революционеров»², – писал он в одной из автобиографий. За границей Бицилли политической деятельностью не занимался, но принадлежал к демократической части эмиграции.

¹ См., в частности: *Каганович Б.С.* 1) П.М.Бицилли как историк культуры // Одиссей. 1993. М., 1994. С.257-272; 2) П.М.Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. VII-XXVII; *Вомперский В.П.* П.М.Бицилли: Жизненный и творческий путь // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С.6-21; *Бирман М.А.* П.М.Бицилли (1879–1953) // Славяноведение. 1997. №4. С.49-63.

² Цит. по предисловию В.А.Туниманова к публикации нескольких статей П.М.Бицилли. См.: Русская литература. 1990. №4. С.134.

Как известно, евразийство зародилось в 1920–1921 в среде русской эмиграции в Болгарии, и первые издания евразийцев вышли в Софии³. Ко времени прибытия Бицилли в Болгарию ведущие евразийцы уже покинули ее, переехав в Прагу и Берлин, а Н.С.Трубецкой поселился в Вене. В 1922–1923 Бицилли, живо интересовавшийся движением современной мысли, поместил две статьи в евразийских изданиях. Статьи эти носили, однако, не специфически «евразийский», а историко-культурный характер, на что обратила внимание тогдашняя критика⁴. В первой из этих статей «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света» Бицилли писал, что «концепции Старого Света как истории дуэли Запада и Востока может быть противопоставлена концепция взаимодействия центра и окраин как не менее постоянного исторического факта», замечая, что «контраст культур “Запада” и “Востока” не есть заблуждение истории, напротив, его всячески приходится подчеркивать», но необходимо видеть и черты сходства и проблему носителей этих культур во всей ее сложности и конкретности. В этом плане заслуживает внимания и роль «окраинных народов»-кочевников. В работе дается совершенно «неевразийская» оценка западного Средневековья, Возрождения и Просвещения⁵. В статье «Католичество и Римская церковь», также опубликованной в евразийском сборнике, Бицилли критически оценивает «тоталитарные» аспекты католицизма – но вовсе не с позиций евразийства или православия, а с точки зрения их несовместимости с «современной культурой»⁶.

При этом, как выясняется из переписки евразийцев, в эти статьи под давлением редакторов были внесены некоторые изменения. Так, Г.В.Флоровский, один из основателей евразийства, слушавший еще до революции лекции Бицилли в Новороссийском университете, писал 23 февраля 1922 Н.С.Трубецкому: «В итоге по всем пунктам уступил и Бицилли, но только написал мне длинное тягостное письмо, где отовсюду выскакивают романо-германские fachgelehrter'sкие <профессионально-ученые. – (нем.)> тени»⁷. Любопытно и письмо Флоровского Трубецкому от 16 марта 1922: «Бицилли на мои непре-

³ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920; Исход к Востоку: Статьи П.Н.Савицкого, П.П.Сувчинского, кн. Н.С.Трубецкого и Г.В.Флоровского. София, 1921.

⁴ Струве П.Б. Евразийство // Русская мысль. 1922. №5-6. С.376-377. См. также: Рязановский Н.В. Возникновение евразийства // Звезда. 1995. №2. С.33.

⁵ Бицилли П.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света // На путях. Берлин, 1922. С.317-340.

⁶ Бицилли П.М. Католичество и Римская церковь // Россия и латинство. Берлин, 1923. С.40-79.

⁷ ГАРФ. Ф.5783. Оп.1. Д.319. Л.132.

кращающиеся наскоки сперва отвечает мне отпором, потом уступками и оговорками, а потом вдруг загорается и начинает в иной тональности повторять мои же мысли. И тут я убеждаюсь в полезности моего метода – колотить головой о стенку. За год с лишним общения с Бицилли я явно вижу, насколько далеко его “подчинил” своему влиянию, и это может стать очень полезным, ибо он очень талантлив и жив мыслью»⁸. Флоровский, как мы сейчас увидим, несомненно преувеличивал эффективность своей «работы» с Бицилли.

П.М.Бицилли считал продуктивными некоторые научные идеи, выдвинутые евразийцами (в частности, тезис о важности тюркского элемента в формировании русской государственности и культуры, а также определенные историко-географические наблюдения), хотя по большей части он отнюдь не восхищался конкретной разработкой их в трудах евразийцев, указывая на многочисленные натяжки и искажения⁹.

С середины 1920-х П.М.Бицилли становится одним из самых острых и принципиальных критиков тоталитарных и националистических элементов евразийской доктрины в среде русской эмиграции. Об этом свидетельствуют такие его статьи, как «Народное и человеческое» и «Два лика евразийства»¹⁰, в которых решительно отвергаются апология азиатчины (то, что Бицилли называл «культом Чингисхана»), географическая мистика, конфессиональные пристрастия евразийцев. В первой из этих статей Бицилли, в частности, писал: «Евразийцы настаивают на том, что от фактов уйти нельзя, что “евразийское”, славянско-туранское происхождение русского народа есть факт и что из этого факта нашей истории мы обязаны извлечь определенные выводы. Ну а русская культура послепетровского времени – разве она не такой же исторический факт? Нравится это или не нравится, непререкаемое совершенство этой культуры свидетельствует об ее органичности. <...> Это чистый романтизм с его наивным отождествлением “древнего” с “национальным”»¹¹. Во второй статье читаем: «Евразийская православная партия» – внутренне противоречивое понятие. В единую евразийскую партию, как ее рисуют себе евразийцы, не найдет доступа всякий сушущий в великой России язык, она будет закрыта не только для “ныне дикого тунгуса”, но и для миллионов

⁸ ГАРФ. Ф.5783. Оп.1. Д.312. Л.134-135.

⁹ См., например, отзыв о «Начертании русской истории» Г.В.Вернадского в статье: Бицилли П.М. Новые синтезы русской истории // Современные записки (Париж). 1928. №34. С.514-522.

¹⁰ Бицилли П.М. 1) Народное и человеческое // Там же. 1925. №25. С.484-494; 2) Два лика евразийства // Там же. 1927. №31. С.421-434.

¹¹ Бицилли П.М. Народное и человеческое. С.492.

отнюдь не диких магометан, буддистов и евреев. Это будет, стало быть, не столько партия Союза, сколько Союз русского народа»¹².

В 1925–1926 (до выхода этой последней статьи) главный организатор «евразийского движения» П.Н.Савицкий попытался вновь привлечь П.М.Бицилли в евразийские издания. В его архиве сохранились два письма Бицилли, написанные в ответ на эти обращения. Вот текст этих писем.

София
6.III.1925

Дорогой Петр Николаевич,

спасибо за память. «Хронику»¹³ получил. Ваше доброе отношение ко мне обязывает, и я решил все-таки высказать Вам откровенно, что я о «Хронике» думаю. По-моему, в ней нет ничего, ни единого слова, ни единой мысли – что хотя бы что-либо прибавляло к тому, что пять лет тому назад выперло из нескольких талантливых людей. То именно, что тогда это из вас «выперло», «выкричалось» – и сделало, на мой взгляд, маленькую книжку с символической лошадкой на обложке¹⁴ ценным и важным фактом – а вовсе не то, что в ней намечалось «расписание» должествующей быть русской культуре: книжка эта сама была «культурой». А «Хроника» это уже «цивилизация». И вот я нахожу, что слишком еще рано вашу «культуру» загонять в могилу «цивилизации» и что она стоит лучшей участи. Вы тогда затронули – но только затронули – темы громадной важности и сложности, поставили их очень остро, но и очень спорно, а теперь – уже! – ваши мысли и формулы обращаются в догматы, канонизируются и декретируются от имени «лучших сынов отечества» (есть в «Хронике» такая фраза – и как она похожа на стиль «Кирилловских» газет и даже «Русского Богатства»: «все молодое, честное, мыслящее...»). «Евразийство», не подвергшись интенсификации, возделывается уже экстенсивно, становится «направлением», и таким образом получается забавное противоречие, которое, не знаю, заметили ли Вы: ведь всякого рода *extension* <распространение. – (англ.)> культуры (дело внутренне противоречивое, ибо «культура» по своей природе – как творчество – всегда аристократична), ее «демократизация», ее упрощение, низведение ее до уровня способностей восприятия *des Herrn Omnes* <«господина Все». – (нем.)>, заключение ее в «лозунги» и «программы» – что все это такое, как не самое характерное выражение «первомайского» европеизма, органиче-

¹² Бицилли П.М. Два лика евразийства. С.425.

¹³ Имеется в виду издание «Евразийская хроника».

¹⁴ Подразумевается книга «Исход к Востоку».

ски связанного со всеми первородными его грехами, от которого вы отвращаетесь? Таким образом, дело вовсе не в «наивностях», о которых Вы говорите, а в чем-то куда более серьезном. Я не сомневаюсь, что дело этим не ограничится и что, в частности, Вы – я в этом убедился в Праге¹⁵ – не забросили и интенсификацию, и Вы можете поэтому мне возразить, что одно не исключает другого. Но я убежден, что в том, что касается духовных ценностей, «экстенсивное хозяйство» всегда является опаснейшим конкурентом для интенсивного и что я не знаю более зловредного учреждения, как всякого рода «народные университеты». В частности, нет для меня более противоречивой в самом своем существе вещи, как «популяризация Достоевского». Плохо то, что для ваших «эпигонов» проблем как будто не существует (судя по образцам, представленным в «Хронике»): для них все решено, все понятно, ясно и очень просто. (Замечательно, что для них «Европа и человечество» имеет значение какого-то руководства. Они даже не замечают, что ценность ее единственно в том, что это – «человеческий документ». Они с Достоевским обращаются как с «Кратким энциклопедическим словарем».) Не сердитесь на меня за эти выпады. Они вытекают из того, что я продолжаю считать ту духовную работу, которая нашла себе когда-то выражение в книжке с лошадкой, ценной, нужной и нешуточной. Мне очень хотелось прислать Вам мою книгу¹⁶, но я должен был все мои – весьма немногочисленные – авторские экземпляры разослать «титularным» историкам. И то на всех не хватило. В каждом экземпляре я делал поправки возмутительных, искажающих смысл ошибок (мне не прислали корректуры).

Жму Вашу руку. Пишите.

Ваш П.Бицилли¹⁷

Не менее важно и следующее письмо П.М.Бицилли П.Н.Савицкому:

София
30.XI.1926

Дорогой Петр Николаевич,

спасибо за письмо и за доставленную возможность познакомиться с таким живым и интересным человеком, как кн. Ухтомский¹⁸. Побеседовать с ним было не только приятно, но и в из-

¹⁵ П.М.Бицилли приезжал в Прагу осенью 1924 для участия в III Съезде русских ученых за границей.

¹⁶ Речь идет о кн.: *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. Прага, 1925.

¹⁷ ГАРФ. Ф.5783. Оп.1. Д.410. Л.143-144.

¹⁸ Н.П.Ухтомский – евразийский деятель в Болгарии.

вестном отношении поучительно, т<ак> к<ак> он живой «уклон» евразийства, уклон «активистский». Теперь я многое лучше понял – а именно популярность «евразийства». Я ее объясняю себе тем, что, в сущности, «евразийство» есть не более, как некоторое «геометрическое место» весьма мало общего между собою имеющих по своему «пафосу», как теперь любят выражаться, настроений и умозрений, прислоненных друг к другу и держащихся до сих пор вместе, главным образом, благодаря энергии и организаторским способностям Петра Николаевича Савицкого. Так и выходит, что в «евразийстве», как в тележке дядюшки Якова, каждый может выбрать то, что ему по вкусу. Что же касается лично Вашего и кн. Трубецкого увлечения туранизмом¹⁹, то вот что я Вам скажу: те факты, которые Вы привели в письме, можно было бы умножить. Вы ведь знаете, что до распространения среди татар ислама в Средней Азии имела большой успех проповедь христианства, но это доказывает только то, что и без того всякому известно, а именно, что христианство принадлежит к числу так называемых универсальных религий. Весь вопрос в том, как оно усваивается, и вот тут-то и надо сказать, что Ваша справка ничуть не колеблет моего – да и не только моего – убеждения в религиозной пассивности и тупости монголов. Если бы мы с Вами обменивались мыслями печатно, я, конечно, не удержался бы и пустил бы ради красного словца «христианского генерала» Фан Ю-Сяна²⁰.

По счастью, этнографический «фактор» не составляет этнографического «фатума»: есть нечто сильнее его – «genius loci» <«гений места»>. – (лат.)>, – Русь поглотила, переварила и ассимилировала множество рас и народностей; по-видимому, это сыграло какую-то роль в выработке русского национального типа, а именно, возможно, что этим и следует объяснять колоссальную одаренность русских: но как этот процесс происходил, почему именно такая метизация дала эти результаты – это, я думаю, для науки всегда будет тайной, ибо этот процесс, не поддающийся прямому наблюдению, контролю путем опыта, точному или хотя бы даже приблизительному учету, невероятно сложный, теряющийся своими истоками черт знает в какой исторической дали и – самое главное – у каждого «исторического народа» протекающий по-своему, так что нащупать какие-либо закономерности никак не удастся. Ну а что до интереса наших русских писателей к Поволжью и Заволжью (кстати сказать, Пушкина тоже тянуло туда), то не знаю, какое это

¹⁹ Туранизм – на языке евразийцев – тюркское начало в истории и культуре.

²⁰ Глава одной из военных группировок в Китае в 1920-е.

имеет отношение к «евразийству». «Колониальные проблемы» вещь вообще очень интересная: в «колонии» живетя привольнее, чем в «центре», в «колонии» человек, попадая в новые условия, ярче обнаруживает свой национальный тип; понятно поэтому, почему (не говоря уже о возможностях чисто фабулистических) у «имперских народов», у испанцев (Сервантес!), у французов, у англичан так развилась соответствующая литература. Но можно ли сказать, что французский «roman colonial» <колониальный роман. – (франц.)> доказывает существование какой-то Wahlverwandschaft <сродства по выбору. – (нем.)> между французами и неграми? Впрочем, к сожалению, к нам новая русская литература не доходит и, быть может, я что-то не предусмотрел. Есенина, однако, я читал, и на Вашем месте я бы от него отплевывался: ведь это просто-напросто комсомолец, кощунствующий словоблудник, хотя, конечно, и способный человек²¹.

Сейчас перечитываю Ваше письмо и вижу такую вещь: мордва дала нам и губителя древнего православия Никона, и Ленина. Да ведь это – вода на мельницу антиевразийцев, но не на мою, ибо я уже говорил, что придаю мало значения «этнографии», и для меня «мордовство» Ленина и Никона столь же irrelevant'но, как «африканство» Пушкина, «еврейство» Пирогова²² и «германство» Льва Толстого. Таким образом, я никак не могу согласиться с Вами относительно наличности объективных провозвестников новой, «настоящей» русской культуры: она будет или не будет, je nachdem – в зависимости от того, явятся ли настоящие творческие гении или нет. Но лично я на этот счет настроен уныло, мне представляется, что и европейский, и «евразийский» миры входят в полосу неминуемой, неотвратимой и – увы! – желанной (ибо и «злая тварь милее твари злейшей», т.е. коммунизма на советский образец) демократии (европейский уже вошел, азиатский входит – очередь за «Евразией»), которая имеет свойство обеспложивать и иссушать личное начало, – но с этим ничего не поделаешь.

Что касается религиозного подъема в России, то я убежден (да и данные имеются), что мы, сидящие за рубежом, склонны сильнейшим образом преувеличивать. Да и зарубежный российский религиозный подъем, говоря откровенно, заключает в

²¹ Позднее Бицилли называл Есенина «самым лучшим и самым “народным” поэтом последней поры». См.: *Бицилли П.М.* Заметки о роли фольклора в развитии русского языка и русской литературы. София, 1944. С.5.

²² Вероятно, Бицилли спутал Н.И.Пирогова с И.И.Мечниковым, мать которого действительно была еврейкой.

себе слишком много элементов моды, ханжества, потуг, чтобы можно было говорить о нем как об объективном предвестнике Возрождения. Повторяется та же история, что с немецкими романтиками эпохи Венского конгресса: религиозная импотенция и – как прямое следствие ее – национал-мессианизм. Но ни одного святого, ни одного религиозного подвижника романтизм с его пресловутыми «обращениями» не выдвинул. Не видно их что-то и в нашей среде – и опять-таки ничего с этим не поделаешь. И когда за православную апологетику берется такой в религиозном отношении сухарь и нигилист, как Л.П.Карсавин²³, – это в моих глазах признак тревожный и удручающий.

Вот куда все, что хотелось Вам сказать.

Искренно преданный Вам

П.Бицилли

4.XII.1926

Письмо, как видите, залежалось (потому что Вы забыли дать адрес, а я забыл своевременно спросить у кн. Ухтомского) – и кстати, ибо на главное-то я и забыл ответить. Само собою разумеется, что я прямо сказал П.Н.У<хтомскому>, что мое участие в его начинании уподобится «помощи» Пиленко в устройстве зарубежного съезда²⁴, а затем – как он хочет. Пока мы с ним дважды беседовали у меня, расходясь решительно во всем, но, по-видимому, оставшись довольны друг другом, т.е. я-то не «по-видимому», а, конечно, наверно. Он очень живой человек с очень живым и изворотливым умом и очень искренний. Я считаю, что активистское евразийство – вещь рискованная, поскольку «Православный Царь» – а ведь это и есть *der langer Rede kurzer Sinn* <долгой речи краткий смысл. – (нем.)> – может только отпугнуть тех, кто на родине, возненавидев и воспрезирвав нынешний режим, готов, однако, до времени терпеть его из тех же соображений, из каких я «приемлю» демократию, т.е. из того, что и злая тварь милее твари злейшей, а я думаю, что русское крестьянство именно так настроено. Вот если бы можно было действительно уверовать в «миф» о крестьянском православном царе – тогда дело другое. Но в моих глазах это тоже, разумеется, было бы только и единственно «тактикой». Основы будущей российской го-

²³ Об отношении П.М.Бицилли к Л.П.Карсавину подробнее см. мои статьи, указанные в примеч. 1.

²⁴ Намек остается непроясненным.

сударственности, очевидно, могут быть только «европейски-ми»²⁵, или придется склонить выю перед той же «Европой» и дать себя стричь сколько угодно. Это только Machtfrage <вопрос силы. – (нем.)> и ничего более. Россия входит в «европейскую» политическую систему – хотя бы и вела только «евразийскую» политику, а потому и должна быть вооружена по-европейски. А демократия при всеобщей воинской повинности такая же часть «вооружения», как генеральный штаб, танки, удушливые газы, стратегические железные дороги, правильная денежная обратимость и т.п.

Напишите, пожалуйста, тот адрес Ваш, который мне дал У<хтомский>, есть ли это «настоящий» и «самый лучший» адрес? Вы ведь живете где-то за городом. Не проще ли и вернее адресовать прямо туда? Я спрашиваю, потому что мне хотелось бы послать Вам кое-что из печатаемого мною.

Ваш П.Бицилли²⁶

Очевидно, что значение публикуемых писем П.М.Бицилли отнюдь не ограничивается рамками частной переписки. По существу, мы имеем здесь дело еще с одним его полемическим выступлением против евразийства. Несмотря на вежливый и даже дружественный характер переписки с П.Н.Савицким, она свидетельствует о полном несогласии Бицилли с евразийцами по всем основным вопросам. Более поздние эпистолярные контакты его с евразийцами нам неизвестны. Демонстрируемое Бицилли в переписке понимание культуры и демократии заставляет вспомнить концепции Х.Ортеги-и-Гассета и ряда других западных авторов. Следует при этом иметь в виду, что в письмах к Савицкому Бицилли отчасти переходит на язык и способ аргументации своего корреспондента, в других случаях он, возможно, аргументировал бы несколько иначе. Неосновательной представляется поэтому точка зрения А.В.Соболева, полагающего, что разрыв Бицилли с евразийцами объясняется тактическими промахами последних и злостной ролью отдельных лиц²⁷.

²⁵ Здесь на полях имеется следующее примечание: «Основы эти были и остаются своими, евразийскими. П.Савицкий. 16/29.IX.44.»

²⁶ ГАРФ. Ф.5783. Оп.1. Д.413. Л.94-96.

²⁷ См. статью А.В.Соболева под характерным названием: «Своя своих не познаша» (Начала. 1992. №3. С.52-53).

D

Эпистолярная

ПИСЬМА З.Н.ГИППИУС К В.Ф.НУВЕЛЮ

*Вступительная статья, публикация и
примечания Н.А.Богомолова*

О Вальтере Федоровиче Нувеле (1871–1949), которого друзья неизменно называли Валечкой, нам, к сожалению, известно гораздо меньше, чем хотелось бы. Его имя постоянно мелькает на страницах различных мемуаров и документов, относящихся к истории русской культуры конца XIX и начала XX века, однако составить себе представление о нем как о личности не так-то просто. И прежде всего потому, что он сам не был творческим человеком, хотя сочинял музыку, кое-что писал (до сих пор не опубликована и даже толком не введена в научный оборот рукопись его мемуаров о С.П.Дягилеве), был другом музыкантов и художников, писателей и фило-софов. Но ни один аспект его личности не выявился сколько-нибудь полно и не остался в истории русской культуры.

Доступные материалы рисуют нам самого разного Нувеля. Вот еще в 1897 году он в письме к К.А.Сомову рассуждает об искусстве балета и как о художественном явлении, и одновременно о современной его окраске¹, – и этот интерес продлится по крайней мере до тридцатых годов, когда после смерти Дягилева он будет принимать живейшее участие в устройстве судь-бы актеров его труппы, а потом начнет работать с труппой балета Монте-Карло. Вот он участвует в организации кружка «Вечера современной музы-ки» – и в те же тридцатые годы дружит со Стравинским, составляет музыку для балетов... Вот он входит интимным другом в среду художников-мирис-кусников – и продолжает дружить с Сомовым и Бенуа еще очень долго. Он мелькает среди посетителей петербургских Религиозно-философских со-браний и парижских премьер, в редакции «Мира искусства» и на вечерах у Вячеслава Иванова – одним словом, попадает, как сказали бы нынче, в ху-

¹ См.: Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Воспоминания со-временников. М., 1979. С.437-438.

дожественную элиту своего времени. Но в то же самое время он ведет сложные любовные интриги, устраивает свидания приятелей, в круге его общения оказываются люди самого низкого положения и чрезвычайно неприязнительные по своим нравам².

Он всюду свой – и в то же время везде чужой, живущий наособицу, ничему не подчиняясь, кроме своих не всегда ясных ощущений. Вот замечательная зарисовка его роли в редакции «Мира искусства»: «Теперь, по словам Шуры <А.Н.Бенуа>, в Петербурге “Мир искусства” представляет такое: монарх – Дягилев, Дима <Д.В.Философов> – рабочий, слепо поклоняющийся первому. Бакст, лебезящий и вторящий обоим. Нурок бесцветен; Валечка индипендантно потирает себе руки, веселясь и сияя, но дела и роли не имеющий»³. Позволим себе повторить цитату, уже когда-то приводившуюся, но слишком уж яркую, чтобы не воспользоваться ею еще раз:

Я верю в Валичку, и не то что в композитора Нувеля или магистра графа Новицкого <...> но именно в Валичку, такого, каким мы его знаем, с папироской в зубах, с подергиванием усиков, с судорожным смехом и сентиментальным рукопожатием! Валичка! да это перец, без которого все наши обеды были бы просто хламом, да не только перец или не столько перец, сколько маленькая грелка, ставящаяся под блюда; положим, горит в нем спирт, а не смола, но все же горит, все же пламя есть, а пламя, как в ночнике, так и на солнце – все же пламя, животворящее начало, свет и жар; и спичка может поджечь город и бесконечное пространство леса или степей – и я кланяюсь перед спичкой, перед зажженной. Я вовсе не хочу этим сказать, что я Валичку мало уважаю и отношусь к нему покровительственно; *das sei ferne* <до этого далеко (нем.)>. Но я хочу этим сказать, что Валичка не костер, каким был Вагнер, и не солнце, как Будда <...> что в Валичке мало материи, которая горит (в нас всех очень ее мало <...>), но что есть, то горит и может поджечь, и я, как истый огнепоклонник, кланяюсь ему и заклинаю его, чтоб он бережно обращался с собой, чтоб не потушить себя, что было бы грустно и для нас и для него. Но, кажется, моя просьба в данный момент *mal à propos* <некстати (франц.)>, так как он не думает потухать, а как раз разгорается все ярче и ярче, что весьма отраднo. <...> Валичка – спирт, это недурно, он, правда, веселый, зеленоватый, издавая легкий гниленький запах, играя – кусливый, но в то же время такой, что к нему серьезно не относишься, хотя он и опасный⁴.

² Эту сторону жизни Нувеля весьма выразительно рисуют записи в дневнике М.Кузмина 1905–1907 гг. и переписка Нувеля с Кузминым, где разного рода «эскапады» становятся одним из ведущих мотивов.

³ Из письма К.А.Сомова к отцу от 1/13 января 1899 // Константин Андреевич Сомов. С.67.

⁴ Из письма А.Н.Бенуа к К.А.Сомову от 10/ 22 июля 1898. – РГАЛИ. Ф.869. Оп.1. Ед.хр.12. Л.83–83об. Цит. по двум одновременным публикациям: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971. С.373 (коммент. И.С.Зильберштейна и В.А.Самкова); Константин Андреевич Сомов. С.446-447 (нами унифицировано написание «Валечка / Валичка» в поль-

И уже гораздо позже, как раз в то время, к которому относится большинство публикуемых нами писем, Сомов пишет своей постоянной корреспондентке А.П.Остроумовой-Лебедевой, давая Нувелю такую характеристику: «Я боюсь признаться Вам, с кем я дружу теперь, – с Валечкой, которого Вы так несправедливо не любите. Я же его очень люблю и ценю. Он мудр, умен, блестящ и зол языком, но доброго сердца, бескорыстен и до конца свободен духом»⁵.

Вместе с тем необходимо заметить (это также отражается в публикуемых письмах), что Нувель был не только Петронием, арбитром изящества, каким его нарисовал Вяч. Иванов в адресованном ему послании «Petronius redivivus», но еще и играл существенную роль пропагатора гомозротических интересов в тогдашнем Петербурге. Конечно, как показывает история, эта сфера никогда не была исключена из городской жизни⁶, но именно при живейшем участии Нувеля тема получила широкое распространение. С некоторым удивлением А.Н.Бенуа вспоминал, как, вернувшись в Петербург весной 1907, он застал там нечто совсем новое:

...от оставшихся еще в городе друзей – от Валечки, от Нурика, от Сомова я узнал, что произошли в наших и в близких к нам кругах поистине, можно сказать, в связи с какой-то общей эмансипацией довольно удивительные перемены. Да и сами мои друзья показались мне изменившимися. Появился у них новый, какой-то более развязный цинизм, что-то даже вызывающее, хвастливое в нем. Наши дружеские беседы и прежде не отличались скромностью и стыдливостью, но тогда тон все же был иной, более сдержанный, а главное, такие разговоры в сущности ни на что «реальное» не опирались <...> Теперь же разговоры все чаще стали носить отпечаток пережитой были, личного опыта. Особенно меня поражало, что <те> из моих друзей, которые принадлежали к «сторонникам однополой любви», теперь совершенно этого больше не скрывали и даже о том говорили с оттенком какой-то «пропаганды прозелитизма». Наконец, самый видный из моих друзей, Сережа <Дягилев>, о котором раньше полагалось лишь «догадываться», что он презирает женщин и что дружба с кузеном Димой <Философовым> основана не на одной духовной симпатии, теперь, порвав с кузеном, обзавелся юными и очень приятными с виду секретарями. И не только Сережа стал «почти офици-

зу второго как соответствующего оригиналу; в публикуемых письмах также сохранено стабильное написание Гиппиус «Валичка»).

⁵ Из письма Сомова к А.П.Остроумовой-Лебедевой от 21 июня 1906 // Константин Андреевич Сомов. С.94. Значительно позже, 21 июня 1930, Сомов почти повторит эту характеристику в письме к сестре: «Не люблю в нем его апломб, отрицание всего, что ему <не> интересно, даже чего он не может понять. Но он умен и в глубине души добр, даже сентиментален» (Там же. С.379).

⁶ См., напр.: *Ротиков Константин*. Эпизод из жизни «голубого» Петербурга // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып.3. СПб., 1997. Документ, цитируемый в этой статье выборочно, полностью был опубликован в гомозротическом журнале «Риск».

альным» гомосексуалистом, но к тому же только⁷ теперь открыто пристали и Валечка и Костя <Сомов>, причем выходило так, что таким перевоспитанием Кости занялся именно Валечка⁸.

Эта тема заслуживает упоминания, поскольку в некоторых письмах Гиппиус достаточно откровенно обсуждает проблему гомосексуализма, которая была для нее вполне животрепещущей не только в связи с личностью Д.В.Философова (кстати, Нувель был действенным участником вовлечения его в будущий «тройственный союз»), но и по другим интересам. Напомним, что в своем дневнике «Contes d'amour» она записывала в 1899: «О, Таормина, Таормина, белый и голубой город самой смешной из всех любовей – педерасти! Говорю, конечно, о внешней форме. Всякому человеку одинаково хорошо и естественно любить всякого человека. Любовь между мужчинами может быть бесконечно прекрасная, божественная, как всякая другая. <...> с внешней стороны я люблю иногда педерастов. <...> Мне нравится тут обмен возможности: как бы намок на двуполость, он кажется и женщиной, и мужчиной. Это мне ужасно близко. То есть то, что *кажется*»⁹.

Но все-таки главным, что привлекало Гиппиус в Нувеле, судя по всему, была его заинтересованность в религиозных проблемах, так Мережковских волновавших. Не случайно его имя регулярно встречается на страницах другого дневника Гиппиус, названного ею «О Бывшем» и повествующего о событиях, связанных с основанием и деятельностью той «церкви», которая объединяла очень узкий круг единомышленников и одиночувственников. То, что Нувель получил хотя бы краткий доступ в этот круг, свидетельствует, что на какое-то время он стал близким Мережковским (и, думается, особенно Гиппиус) человеком.

Эта близость особенно сильна была в 1900–1901, когда «церковь» только начиналась и Гиппиус говорила: «*Сходились тогда: мы двое, Бенуа, Нувель, Философов, Гиппиус и Перцов <...> внутренне различные были внешне связаны: Философов, Нувель, Бенуа, а внутренне связанные: мы двое и Философов – были внешне разделены*»¹⁰. И тогда Нувель выполнил свою главную для дела Мережковских роль: он помог им обрести Д.В.Философова, после чего, судя по всему, отошел от их религиозных интересов, двинувшись в сферу «эстетизма» и собственных жизненных исканий, которые Гиппиус далеко не всегда могла поддерживать. Но памятником их общения остались письма.

Не приходится сомневаться, что публикуемые ныне письма Гиппиус к Нувелю являются лишь сравнительно небольшой частью эпистолярия. Прежде всего, конечно, мы не обладаем ни одним письмом Нувеля к Гиппиус, а потому лишены возможности непосредственно оценить ум и острый язык Нувеля. Но и письма Гиппиус сохранились далеко не все. В конце 1901 она в дневнике рассказывала о событиях этого года:

⁷ Вероятно, в тексте опечатка и следует читать: «толку».

⁸ Бенуа Александр. Мои воспоминания: В 5 кн. 2-е изд., доп. Кн.4-5. М., 1990. С.477.

⁹ Гиппиус Зинаида. Дневники: В 2 т. М., 1998. Т.1. С.60-62.

¹⁰ Там же. С.92.

Во время весеннего моего метанья я все старалась обманывать, поддерживать себя мыслью, что в крайнем случае я *уйду от них обоих*, от Дмитрия Сергеевича и от Философова. <...> И в эти дни я говорила со всеми, искала огня у всех. Говорила с Минским о нем. Говорила с Нувелем, возвращаясь в белую ночь от Розанова. Нувель мне показался страдающим, и что-то искреннее мелькнуло в нем. Он сказал: «Пишите мне, прошу вас. Мы должны узнать друг друга» <...> В переписке стало все настойчивее выясняться, что для нас главное – не общее, потому что мы говорили мимо друг друга. <...> я уже знала, что для нас Главное – разное <...> Последнего слова, однако, с прямотой, словами, не было сказано, т.е. что «нет ничего общего», а сделалось так, что прекратилась переписка после нескольких его злых писем, злость под разными предложениями <...> Нувель считает себя выше меня, а я – себя выше него. И ничего не будет между нами, так же, как если бы я считала себя ниже его, а он себя – ниже меня. Он почти страшен отсутствием понятия о Любви. Жалость ему заменяет любовь. <...> Влюбленность не связана, вне Бога, с любовью. Так мы разошлись – и даже не очень честно – до времени¹¹.

Именно к этому времени и относятся сохранившиеся до наших дней письма, которые мы публикуем полностью по автографам (РГАЛИ. Ф.781. Оп.1. Ед.хр.4)¹². Они в наибольшей степени отвечают и профилю альманаха «Диаспора», поскольку в значительной своей части написаны во время пребывания Мережковских за границей. Это пребывание было различным по своему статусу – то поездки для лечения, то отдых, то длительный отъезд с попыткой построить особую интеллектуальную среду, в которой можно было бы отыскивать способы наиболее плодотворного существования¹³. Эти колебания статуса, на наш взгляд, представляют значительный интерес для изучения жизни русской диаспоры в предреволюционные годы, поскольку могут помочь определить границы между различными типами поездок за рубеж.

Последнее, что нам известно о дальнейших отношениях Мережковских и Нувеля, – некоторые сведения об их встрече в Париже весной 1907.¹⁴

В приложении 1 печатаются три письма Мережковского к Нувелю, относящиеся к более раннему времени и непосредственно не связанные с основ-

¹¹ Гиппиус Зинаида. Дневники. С.106-108.

¹² Эти письма учитывались историками литературы (в частности, А.В.Лавровым и нами), однако полностью никогда не публиковались.

¹³ В богатейшей по материалу статье А.Л.Соболева «Мережковские в Париже: 1906–1908» (Лица: Биографический альманах. Т.1. М.; СПб., 1992), на которую мы не раз будем ссылаться при комментировании писем, на наш взгляд, излишне решительно утверждается, что это пребывание было попыткой «уединения троим».

¹⁴ См. письмо Нувеля к М.А.Кузмину от 8 мая 1907 (Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С.250–251); Гиппиус З. Парижская ажанда. 1908 год / Публ., предисл. и коммент. А.И.Серкова // Записки отдела рукописей / Росийская гос. библиотека. Вып.51. М., 2000. С.290 (с характерной формулой: «Гад Нувель безобразил»), 296.

ными темами писем Гиппиус, однако существенные для определения самого духа отношений между Нувелем и Мережковскими как единым целым. Эти письма хранятся в том же фонде: РГАЛИ. Ф.781. Оп.1. Ед.хр.9. Письмо 1 цитировалось в научной литературе¹⁵. Приложение 2 составили впервые вводимые в научный оборот письма Нувеля к Д.В.Философову, выразительно рисующие отношения между двумя людьми, небезразличные для верной оценки основного корпуса. Письма хранятся: Amherst Center for Russian Culture. Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky Papers. Box 6. Folder 31. Приносим искреннюю благодарность хранителю архива проф. Стенли Рабиновичу за помощь и постоянное содействие в работе, а также Институту «Открытое общество» за предоставление гранта для работы в американских архивах (№ NAT081).

ГИППИУС – НУВЕЛЮ

1

Что есть грех?

В.Ф.Нувелю

Грех – маломыслие и малодянье,
Самонелюбие – самовлюбленность,
И равнодушное саморасеянье,
И успокоенная упоенность.

Грех – легкочувствие и легкодумие,
Полупроказливость – полуволненье,
Благоразумное полубезумие,
Полувнимание – полузабвенье.

Грех – жить без дерзости и без мечтания,
Не признаваемым – и не гонимым.
Не знать ни ужаса, ни упования
И быть приемлемым, но не любимым.

К стыду и гордости – равнопрезрение...
Всему – покорственный привет без битвы...
Тяжеле всех грехов – Богоубьение,
Жизнь без проклятия – и без молитвы.

2.2.<19>02¹

¹⁵ *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже. С.329; *Лавров А.В.* Примечания // *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С.474. (Б-ка поэта. Большая серия).

Разберите там, что у вас есть, чего нет: это – грехи вообще и даже считаются таковыми, если и нет на то сознания, т.е. что они – грехи.

Однако, гениальный студент из Москвы! Думаю, что знаю его. Интересный факт.²

З.Гиппиус

Розановские воскресенья отменены!³

¹ Стихотворение с посвящением Нувелю вошло в первую книгу стихов Гиппиус. Подробнее см. комментарий А.В.Лаврова (*Гиппиус З.Н. Стихотворения. С.474-475*).

² О ком идет речь, достоверно установить не удалось. Не исключено, однако, что имеется в виду Андрей Белый, начинавший печататься в 1902 в журнале «Мир искусства». В первом номере издававшегося Мережковскими журнала «Новый путь» за 1903 г. появилась его публикация за подписью «Студент-естественник»: «По поводу книги Д.С.Мережковского “Л.Толстой и Достоевский”». Гиппиус познакомилась с Белым в декабре 1901 в Москве.

³ О журфиксах В.В.Розанова Гиппиус вспоминала в очерке «Задумчивый странник: О Розанове» (*Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С.316-319*).

2

Вальтер Федорович, если свободны – приходите завтра (во вторник) вечером. Не раут, а лишь двое-трое, для полуинтимных-полуофициальных совещаний.

З.Гиппиус

25.2.<19>02

СПб.

Люди Божьи и скопцы.
Истор<ическое> исследование
Н.В.Реутского
Москва
1872

Люди Божьи
русская секта так называемых
духовных христиан
И.Добротворского
Казань
В Университетской типографии
1869

Секты
Хлыстов и Скопцов

Исследование
 Свящ<енника> Константина Кутепова
 Ставрополь Губернский
 Типогр<афия> Тимофеева
 1900¹

¹ Судя по всему, перечисление книг о русских сектантах, сделанное непосредственно за текстом письма, было связано с готовившейся поездкой Мережковских летом 1902 на озеро Светлояр, описанной Гиппиус в очерках «Светлое озеро» (Новый путь. 1904. №1-2).

3

Четверг
 30 Мая <19>02

Ура! Я нашла ваши письма! И прониклась к вам нежностью. И жалостью, смешанной с презрением, ко всем людям (себя включая), которые не умеют хранить ничего хорошего, относятся друг к другу легкомысленно и во всякую минуту бросают один другого, как – по английской поговорке – «горячую картофелину». Нет, что-то тут не то. Должно быть, мы не настоящие люди, а так, плесень. Но я еще карабкаюсь, а вы глухо и покорно проваливаетесь. Вы допустили, распустили себя до... вы думаете, я скажу «до греха»? О нет! До – бездарности. Это самое ужасное самопроклятие. **Всякий** человек – свечка с фитилем, да еще с очень чувствительным. Огонь в мире *есть*, надо только от него не удаляться, а приближаться. Он везде – в бескорыстной человеческой мысли, в случайном порыве, в книгах, в рассветном небе за собором, в желании любви, в действенном страдании, был он и в моих протянутых к вам руках... а вы потушили уже тлевший, м<ожет> б<ыть>, фитиль; вы живете в такой атмосфере бездарности и тупости, что и сами сделали себя бездарным. Последний вечер..... Боже мой! Как все это было страшно! Страшнее, чем вы себе позволяете предполагать. И... знаете что, вы не сердитесь, но иногда мне кажется, что вы... делаетесь некультурным. Почти незаметно наша «культура» переходит в варварство. Каменный век начинается. «Декадентство» – каменный век. Презираю вас (и себя) и поэтому люблю обоих (по вашему рецепту). Хотела бы еще видеть вас. Едем мы в воскресенье. Не зайдете ли как-нибудь?

З.Мережковская

P.S. И что меня заставляет с вами видеться? Вот уж самое бескорыстное чувство!!

Разрываю конверт. Не приходите, мы таки едем в субботу. А напишите.

Если не зайдете – напишите в Лугу (СПб. губ.) имение *Заклинье*.

4

г. Луга СПб. губ.
Им<ение> Заклинье
20.7.<19>02

Как поживаете, милый Вальтер Федорович? Я нет-нет да и вспомню вас, невольно и бескорыстно (в последнем, впрочем, вы не сомневаетесь). Я ужасно верная, к тому же привычливая, и до тех пор не рву с людьми, пока меня... не намеками какими-нибудь, а определенными словами гулять не пошлют. А вам это делать нет нужды, я вам не сплошь надоедаю, а лишь изредка. – Признаться, имела против вас зуб, да за давностью времени даже и крошечная моя неодобрительная досада прошла, осталось непроходимое (т.е., я хочу сказать, «постоянное») доброе и ласковое к вам чувство. Но для порядка вспомню ваш грех: зачем даете всем мои письма читать? Я ваши хоть потеряла было, да нашла, и никто на них взора не кинул. А ими интересовались, наверно, больше, чем моими, – просили и спрашивали. Письмо беззащитно, само за себя постоять не может; поэтому надо ко всяким письмам относиться с особой осторожностью, как к детям. Говорю не только о «секретных», но обо *всяких*.

Знаете ли про наши дела? Слыхали ли, что, кроме журнала, налаживается и «Литературная книжная лавка»¹? Уже не только слияние церкви с интеллигенцией², а и литературы с публикой! О нашем блестящем путешествии, «слиянии декадентов-литераторов с народом» – вы, вероятно, слышали в подробностях³. Мы, приехав, только об этом и говорили, даже Розанов пошатнулся (он и обедал, и спал, и умывался у нас в эти три дня в Петербурге). Д<митрий> С<ергеевич> теперь страшно занят мыслью о... вывеске для «Лавки»! Кстати, где Бакст⁴? Он тоже со мною «обратился» по-вашему, на письма не отвечал и все такое, однако скажите ему, что я его по-прежнему люблю.

Многое имею сказать вам, а потому пока умолкаю, в ожидании отклика. Вы ведь в городе? И в одиночестве? И в обычной гордой радости, что можете быть одиноким? Ну можете; да только нужно ли?

Здесь у нас весьма великолепно.... было бы, если бы не странный дождь и холод. Очевидно, кончина мира.

Ваша

З.Гиппиус

¹ Речь идет о подготовке к изданию журнала «Новый путь», начавшего выходить с 1903, и о планах создания «Литературной книжной лавки» при

издательстве М.В.Пирожкова, с которым Мережковские были связаны деловыми отношениями.

² Имеются в виду Религиозно-философские собрания.

³ Речь идет о поездке на озеро Светлояр (см. примеч. к письму 2).

⁴ Бакст (Розенберг) Лев Самойлович (1866–1924) – художник, близко знакомый с Мережковскими. Был автором обложки к первому сборнику стихов Гиппиус и ее портрета (см. ниже). Гиппиус написала его некролог «Умная душа: О Баксте» (Последние новости. 1925. 11 января).

5

Пошлите в кассу за билетами, оставленными на *ваше* имя, 5 кресел. Пошлите *до* понедельника, т.е. до дня представления¹.

Ваша

З.Гиппиус

11.10.<19>02

¹ Речь идет о премьере «Ипполита» Еврипида в переводе Д.С.Мережковского, которая состоялась в Александринском театре в понедельник, 14 октября 1902.

6

<Открытка
Штемпель: 6-3-03>
25.II.1903 (СПб.)

Дорогой Валичка! Как-то вдруг вспомнилось о вас внезапно, о ваших надеждах; о ваших разочарованиях; о ваших-ненужных словах и нужных, но никогда не сказанных мыслях. Но что вы? Конечно, хорошо? Ну и конечно – не хорошо?

Ваша З.Г.

7

A<lpes> M<aritime>
St. Raphaël
H<otel> Beau Rivage
25.3.<19>04

Валичка, милый мой.

Вспоминаю вас часто, сердечно, горячо и глубоко. Я – верная, хотя бы и *в малом*. Мне захотелось написать вам, и я вспомнила, что вы обещали ответить, если я иногда напишу. (Свободно, конечно, т.е. если тоже захотите.) В сущности, кажется, что у людей больше друг к другу дурных чувств, нежели хороших; но это неверно. Про-

сто дурные чувства легче *проявлять*, нежели хорошие. А для хороших и слов как-то не хватает, не находишь, точнее – это первое, второе же – стыдишься их, хотя это безбожно, дико и странно.

Жизнь необыкновенно трудна, – хочешь или не хочешь, признаешь или не признаешь – все равно. Я предпочитаю не обманывать себя и прямо смотреть этому в глаза. Это все-таки легче. И вам, милый Валичка, труднее, как вы там ни связывайте неприступными «узлами» нить «меж сердцем и сознанием»¹. Не отвергайте же мою тихую человеческую дружбу, единственную, как я сама единственная во всем мире (и вы). То, что я *вам* могу дать, – я не дам никому другому (праздно будет лежать) – и вы ни от кого другого *этого* не получите. Вопрос, значит, лишь в том, нужно ли вам *это мое*, а я думаю, что да, потому что и мне нужно *что-то ваше*.

Здесь холод волчий и мистраль. Я чувствую себя скверно (физически) и очень стараюсь не умереть. Это было бы глупо. Впрочем, если умру *несмотря на старания*, – значит, так нужно. Дима² кроток и ясен, отличный у него характер. Ваша сестра (та, о которой вы говорили?) в Ницце, и мы читаем о ее блистаньях³. Здесь пустынно, тихо-тихо и дико. Точно на Ривьере. Останемся здесь, пока не оправлюсь немного. Париж я полюбила. Мы наняли квартиру, – Дима вам писал⁴? Я уезжала в таком неистовом напряжении сил, горя и надежды, что меня здесь и не хватило немножко (физически). Ну, до свидания, милый. Если ответите – напишу вам о Бенуа⁵. О новом впечатлении. Обнимаю вас с нежностью.

Зин. Г.

Диме я сказала, Валичка, о нашей с вами внутренней маленькой, конкретной ниточке. О *вашем*. Он *принял* это; хорошо, как я.

¹ Отсылка к стихотворению Гиппиус «Узел»:

Сожду я в узел нить
Меж сердцем и сознанием.
Хочу разединить
Себя с моим страданьем.

(Гиппиус З.Н. Стихотворения. С.157).

Отметим, что стихотворение впервые было напечатано в 1906, а во второй сборник стихов поэтессы вошло с датой «1905», которая уточняется данным письмом.

² Здесь и далее Дима – Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940), публицист, критик, ближайший друг и единомышленник Мережковских на протяжении долгого времени. Нувель был его давним другом еще с гимназических лет и был в него влюблен. Ср. приводимое в Приложении 1 письмо Мережковского к Нувелю от 14 января 1901, а также Приложение 2. Об отношениях Гиппиус и Философова в наибольшей степени дают представление их письма (часть писем Гиппиус опубликована: *Pachmuss Temira*).

Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München, 1972. P.59-132; *Durrant J. Stuart*. От эстетики к этике: Новые материалы из архива Д.В.Философова // *Europa orientalis*. 1994. Vol.XIII. №1; *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н.Гиппиус, Д.В.Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1997. М., 1998) и глава из воспоминаний В.А.Злобина «Гиппиус и Философов» (*Злобин В.* Тяжелая душа. Вашингтон, 1978. С.47-93).

³ Сведения о сестре Нувеля, имеющиеся в нашем распоряжении, весьма скудны. А.Н.Бенуа писал о ней: «...была у Валечки и сестра, писаная красавица Матильда, но ее я видел в свои юношеские годы всего два раза, так как, выйдя замуж за голландского дипломата барона ван Геккерна (родственника того Геккерна, который сыграл столь роковую роль в трагической дуэли Пушкина), она жила за границей» (*Бенуа Александр.* Мои воспоминания. С.488). 30 августа 1938 К.А.Сомов записывал в дневнике: «Вечером Валечка. Рассказ о смерти сестры. Не радуется богатству – слишком поздно» (Константин Андреевич Сомов. С.433).

⁴ Квартира Мережковских в Париже находилась по адресу: 15 bis, rue Théophile Gautier (этот адрес типографски отпечатан на почтовой бумаге, которой Гиппиус пользовалась). Они подолгу жили в ней во время своих парижских периодов.

⁵ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник. Был близко знаком с Мережковскими, часто вспоминал о них в мемуарах (*Бенуа Александр.* Мои воспоминания. По указателю), где есть специальная глава: «Мережковские. Репин. Работа над собранием княгини М.К.Тенишевой». Там, в частности, говорится: «Вскоре у нас у всех (включая Левушку Бакста, который позже нарисовал с Зинаиды Николаевны очень схожий портрет) установились очень дружественные отношения с Мережковскими» (Там же. Кн.4-5. С.49). С Нувелем он дружил еще с гимназических лет.

Обещала твердо не писать вам – и не исполняю обещания. Ах, милый Вальтер Федорович, мне столько раз хотелось написать вам еще в Петербурге! Особенно в самое последнее время. Так, просто написать, не обязывая вас к ответу, ни к чему не обязывая, а только сказать, что у меня к вам есть в душе неистребимое чувство какого-то не то сочувствия, не то близости, не то не знаю чего, – что-то не материнское, не сестринское, но очень, вполне (и не слишком) человеческое¹. Если я вас в чем-нибудь виню – то в том, что вы не позаботились преобразить это мое чувство в любовь. Такое преображение было бы к выгоде для нас обоих. И я очень «претировалась»² к

этому, но ведь одной тут ничего не поделаешь. А теперь в наших отношениях есть что-то даже неестественное. Уж начать с того, что мы оба с вами умные люди и – гораздо больше, в мыслях, согласны, чем хотим это показать. То, что вы со мною не общаетесь, – есть некоторый для вас минус (как и, наоборот, для меня), ибо в жизни мы со всякими единомысленниками <так!> встречаемся редко. Сердцу же моему так часто досадно (чтоб не сказать «больно»), когда я вас вижу, – досадно видеть вас без той радости, которая есть и которая вам могла бы быть доступна (это *знаю*). Досадно – и я рада, что не «жалко»; жалить вас ни за что не хочу.

Иногда я думаю, что ваша маска так приросла к вам, что вы сами считаете ее за свое лицо; но потом думаю, что это неверно. Вы именно за нее не любите себя. Но все это вне, вне, – а как я хотела бы говорить с вами изнутри! В сущности, мы так *никогда* не говорили; я – только думала так о вас, думали ли вы обо мне изнутри – не знаю.

Здесь хорошо, море тихо, лавровые леса тенисты, все уютно, и теперь нам «по возрасту» и отдохновенно! Если вздумается написать – пишите сюда.

Ваша все-таки

З.Гиппиус

¹ Отсылка к названию книги Ф.Ницше «Человеческое, слишком человеческое».

² От «prêt» – готовый (*франц.*).

23/10 Июня <19>04
Aussee
(Steiermark)
Badehotel Elisabeth

Прежде всего, не надо разводить психологий. «Если...» «но если бы...» «тогда...» «оказывается...» «и не потому...» «а потому...» «и таким образом...» Ну что за паутина, не дающая вам шагу сделать!

Тем менее она нужна, и ваша «боязнь ответственности» за «мой проклинания» (??!) – что я вовсе вам ничего не предлагаю, никуда вас не завлекаю, ничего вам и не могу *дать*. Легкое, подумаешь, дело – взять и *дать*! «У меня есть радость, у вас нет, потолкуем – авось сойдемся, и я вам этой радости отпущу...» Нет, какое детство! Мне, действительно, досадно смотреть, что вы не имеете радости, которая вам нужна и доступна (и *есть* на свете) – но дать ее вам готовой я не могу, это не «секрет», который можно шепнуть на ухо. Почему я ищу – а вы не ищите? Ищите – и найдете. Ищите, как думаете лучше: один, с друзьями, со мной, с нами – ищите. Это-то уж,

кажется, бесспорно, что «каждый ищущий находит»¹. Вот единственный и главный пункт нашего с вами тут расхождения и наше различие: я имею полное сознание, до чего мне эта радость нужна; вы этого сознания не имеете. Остальные соображения: что, как, могу, не могу – все это уже вторично и даже не так важно. Мы оба голодны, но вы этого знанием о себе не знаете, ну и выходит, что я добываю кое-как пищу, а вы нет, ибо не ищите. Не могу же я кормить вас насильно! Как не могу и есть за вас. «Радость» такая вещь, что дается лишь самому тому, кто за нее, ради нее, ей послужил, кто ее любил, это клад, который обернется пылью у вас в руках, если вы будете стоять и ждать, чтобы вам ее дал другой, искавший и жаждавший за вас. Заметьте, я не сомневаюсь в вашей жажде, я только думаю, что вы ее мало сознаете. Я изменила мой взгляд на вас: прежде мне казалось, что вам недостает действия, воли; но – вижу – нет: у вас мало сознания.

Это лучше. Хотя все поправимо, доказательство – это что никогда нельзя «наплевать на себя».

В минуту пробуждения – напишите. Я тоже тупею здесь немного и вижу какие-то табльдотные сны. Ничего нет, кроме солнца и неба. Мало, мало! Ничего. Потом не будет так. Да, не «веселость» нужна, а нежная и строгая «радость».

Живите. Голодайте. Помните пастора и его вам слова.

З.Гиппиус

Мне не нравится мое письмо: оно имеет вид очень рассудочного. Но это лишь «вид». Верьте моему и непосредственному к вам чувству, которое, однако, не ставьте мне в заслугу, ибо оно не от моей воли зависит.

¹ См.: «И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам: Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Лк., 11: 9–10).

Что же делать, дитя мое? Никто не виноват, что вы... слишком тонки для этой жизни. Ваша правда – правда, но, однако, и она так тонко выплетена, так прозрачна, что ее как будто и вовсе нет. Я неуклонно помню, что жизнь, в сущности, груба и проста (знаю это хорошо), очень часто грубее и проще нашей души; очень часто, в

больших кусках, невыносимо скучна. Как же быть? Отказаться от нее – неверно, приспособить ее к душе – как бы не так! Остается приспособлять душу к ней, делать душу менее сложной в ее нежной тонкости; и, вероятно, есть какая-нибудь неизвестная нам мудрость в том, что линии жизни так резки, так прямы и проведены с таким нажимом. Неумолимое что-то, из чего не выкрутишься никакими психологиями. Своя логика. Детски просто: хочешь найти – ищи. Не хочешь искать – проси. Ничего не хочешь – ничего не имеешь. Скучно – скучай. Долго скучай, *вечно* скучай, потому что правда будет *вечно* повторяться (раз она вечная?). Допустим, что у вас и у меня болит живот (pardon, м<ожет> б<ыть>, пример слишком «жизненен» – но тем лучше). Если я приму вместо 10-ти – 20 капель опиума – это, однако, не вылечит вас; да, вероятно, только повредит и мне. Так же и «радость» нельзя найти *для* другого, долго *искав* ее за другого. Т.е., например, я не могу искать за вас, найти и преподнести вам; а, конечно, ряд поколений делает много *за* и *для* следующего ряда поколений, в историческом порядке, очень широко и обще; я все это принимаю. Если бы вы читали Антона Крайнего так же внимательно, как Смирнова, то знали бы, что он стирает разницу по существу между зрителем и автором, исполнителем; и нисколько не умаляет одних перед другими¹. Однако мы слишком близки, чтобы вы могли быть зрителем *моей* трагедии. Да и зритель, да и трагедия, да и театр весь, какой бы он ни был... нет, это не пример. А ваша «смелая» фраза: «Надо, наконец, отбросить этот культ личности...» – меня просто огорчила. Как вы скоры на минусы, лишь бы не скучно было, и все новое! «Культ» личности давно отброшен; но все, что мы узнали и сознали о личном, о личности, когда перегнули дугу чересчур в ту сторону, – я не отдам. Мне важно найти ту точку, где личное соприкасается с неличным так, что оба остаются целыми во всей полноте, без всякого минуса². Неужели вам не жаль вечно приобретать – и вечно бросать, выбрасывать за борт?

Не обращайте внимания на несвязность этого письма. У меня болит голова, в саду шумит дождь – и, мне кажется, письма имеют право быть несвязными. В безупречном письме, искусном, как статья, есть что-то несвойственно-холодное, слишком, для письма, неличное. Самые хорошие ваши письма были нелогичны и несвязны.

Знаете, вот вы не хотите «действовать»; а в сущности все время только и делаете, что «действуете». Чем я виновата, что вы не хотите этого сознавать? И от этого ваши действия какие-то недействительные. Ведь не думаете же вы, что «действие» только в том, чтоб стать на колени и говорить молитвенные слова; взять человека за руку и поцеловать его; поджечь дом; убить старуху – и т.д. Что это за ригидные³ границы! Да кроме того, вы на все это так же способны,

как всякий. Нет, что там о «действиях» говорить! Они, действия, сами по себе _____⁴ – впрочем, может быть, ни о чем не следует *так себе* говорить. Я люблю вас грустным; но вы скрываете себя таким, каким я вас люблю. Я думала недавно о том, что «стыднее» – радость или горе, печаль? Пришла к убеждению, что печаль «стыднее», мы ее тщательно прикрываем, без рассуждений, инстинктивно. Почему – много причин. О всех как-нибудь в другой раз.

Ваша З.Г.

¹ Антон Крайний – псевдоним, которым Гиппиус подписывала свои критические и публицистические статьи. Александр Александрович Смирнов (1883–1962) известен как историк зарубежных литератур; в те годы, когда было написано письмо, – начинающий поэт и критик, сотрудник «Нового пути», близкий друг Нувеля. Письма Смирнова к Нувелю приготовлены нами к печати. Судя по всему, речь идет о статье Гиппиус «Слово о театре» (Новый путь. 1903. №8).

² Речь идет о пристальном интересе Мережковских к проблеме индивидуализма, особенно проявлявшемся в 1890-е. См. в «Автобиографической заметке» Гиппиус: «Меня занимало, собственно, не декадентство, а проблема индивидуализма и все относящиеся к ней вопросы» (Русская литература XX века. М., 1914. Т.1. С.176).

³ От «ruétil» – ребяческий (франц.).

⁴ Так в тексте письма.

11

<Открытка>
15/28.7.<19>04

Никогда не было мне так неприятно возвращаться в Россию. Недолго, кажется, мы там наживем. Мы не «служим», как вы¹. А *служить* – надо. До – свиданья!

З.Г.

¹ Нувель был чиновником Министерства Императорского двора.

12

13.2.<19>06.СПб.

Милый Валичка, вы бы все-таки еще зашли ко мне. Когда хотите, я сижу дома и уничтожаю старые бумаги. Днем во вторник только уйду, а вечером дома. Вот во вторник вечером и пришли бы¹.

В вас еще недостаточно сознания, а то вы бы меня именно сознанием, помимо всякой любви, ценили бы для себя. В сущности – никто к вам не относится так, как я; мне, может, единая крошечная точка в вас нужна, которой решительно никому не нужно; она, мо-

жет, и вам самому кажется ненужной в вас; но это неправда: ею одной вы еще живы, еще человек.

Впрочем, этого не расскажешь да и не надо об этом говорить, потому что слова – сознание, а у нас сознания разномерны. Вы и относитесь ко мне как хотите, а я уж всегда буду «по-человечески».

Затем до свиданья, если последнего захотите.

Ваша Зин. Гиппиус

¹ В это время Мережковские планировали надолго уехать за границу, в Париж. См. в недатированном письме Гиппиус к Философому: «Нувель еще приедет во вторник» (*Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого. С.87). Вторник был 14 и 21 февраля, но Нувель, как видно из следующего письма, к Мережковским так и не зашел.

13

Милый Валичка мой, все кончено в смысле предотъездного нашего свиданья. Я уеду неожиданно раньше, чем предполагала, да это и хорошо: я не люблю вокзальных свиданий, органически¹. Ну, Господь с вами. Человеком в себе – чувствую ваше истинно-человеческое. Иногда вспоминайте меня. Иногда я вам и напишу. А что не пришлось еще раз увидеться – ничего. Мы тогда так *хорошо* простились.

Ваша З.Гиппиус

25.2. <19>06

СПб.

¹ Письмо написано в самый день отъезда Мережковских во Францию. Подробнее об их подготовке к отъезду см.: *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого. С.85-87, а о пребывании во Франции – *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже: 1906–1908.

14

Среда
Апр<ель> 1906*

Милый Вальтер Федорович, вот что я хочу сказать вам. Но сначала – несколько предварительных слов: мне почудилось в понедельник что-то в вас измененное сравнительно с вечером лекции и другим – нашего разговора. Или мне только почудилось? Или с вами что-нибудь случилось? Или – не вернее ли всего – размах маятника в сторону доверия был слишком широк, и маятник непобедимо должен был так же широко отлететь в сторону недоверия? Впрочем, это

* Дата проставлена, видимо, рукой Нувеля.

лишь мало обоснованные психологические догадки, и я готова думать, что я просто перетоняю.

Относительно же главных вопросов (я много и серьезно думала) – пришла я к следующим соображениям. Мы говорили о «христианской» любви, широкой, как вселенная, без ревности, без меньше и больше, – и включающей в себя *все*: влюбленность, экстаз, жертву, целомудрие и сладострастие. Мы с вами говорили как дети. Ведь надо признаться, хоть с глазу на глаз, что мы только слова соединяем, а в сущности нисколько не представляем себе, о чем говорим, не понимаем, в самом деле, *как* это возможно, и, мало того, никогда до конца не пойдем и не представим. Такая любовь – в Христе, в это мы можем верить и хотеть, чтоб было так. Такая любовь и есть Христос, и если она в нем будет, если мы ее в нас захотим даже – это будет прямо значить, что мы хотим быть Христами. Это не мой, не ваш предел, это *только* Его. Мы не подражать Христу должны, а идти к Нему. И посмотрите: чуть мы начинаем говорить об этой «христианской» любви – сейчас же у нас на уме, невольно, какое-то, хоть маленькое, отречение, оторванность, мучительство жертвы, самоистязание, насильственное стирание личностей – равенство, – и не полнота чувств, а отсутствие чувств. Говоря о такой любви (о настоящей) – мы даже не лицом к ней стоим, а лицом прямо к равнодушию. Лень мысли, гордость сердца, привычная неповоротливость души; – а равнодушие – шнурок, ловко охватывающий этот маленький пакет. У нас все чувства такие, в сущности, маленькие, что если б мы даже и сумели слить их в одно, то никакой настоящей любви бы не получилось, а так, что-то средненькое. И всякие наши чувства мы должны не отуплять намеренно, ради отвлеченных, полупонятных еще целей так, как если бы мы *сейчас* уже могли эту цель схватить, – а, напротив, бесконечно оттачивать, углублять, определять, делать каждую краску ярче, – иначе ведь не будет белого цвета. Мы не только мало верим во Христа, мы Ему даже доверяем мало. Говорим: нет, вот ревность, вот корысть, вот я, – не надо ничего, нехорошо, сорву это с души, брошу... Буду светленький, буду пустенький, авось вольется в меня божественное вино... Фу, не то! Неужели вы не чувствуете? Нет, все, что каждому из нас послано, каждая отдельная форма любви или порыва, – пусть живет и растет как можно выше. Это уже хорошо, что послана. Все, что можно привести к Нему, что может жить в душе рядом с Его Именем, – пусть живет, а мы будем за этим цветком ухаживать и лелеять его. Горе не в том, что у нас есть какие-нибудь несправедливые чувства, а в том, что все наши чувства какие-то недоноски и на ногах не стоят. Не урезывать их нужно, а доводить до конца, а для того, чтобы все это было к Нему и ради Него – у нас и есть сознание и, пожалуй, любовь к Нему. Наша, не Его любовь, но все-таки любовь. Беда не в том, что я влюблена в

Философова, а в том, что я в него совершенно не влюблена (какое бессилие! Где имя Христа – нет влюбленности, а если какой-нибудь Иван Иванович и влюблен отлично, – то, наверно, ему до Христа дела нет. Глубокое человечье бессилие соединения!). Беда не в том, что у вас ревность и корысть, а в том, что у вас очень мало и ревности и корысти. Нет, я не согласна ни на какие минусы, а только на вечные плюсы. Не каждое наше чувство мы должны отдельно преобразать, а преобразование – это последнее слитие (м<ожет> б<ыть>, недостижимое?) всех наших крайних чувств всего нашего существа – для Христа, ради Христа, в его имени. Вот путь и направление – к Нему с Ним же. А какова дорога и где стены – это другой разговор. Вы, может быть, не согласны со мной, но вы меня понимаете. Боже, какой соблазн это близкое слияние этих крошечных чувств! Я, конечно, еще слабее вас, я рассудочнее вас и прямо не умею любить людей. Еще бы не прийти в уныние! Экстаз мысли, влечение к свету мыслью – все Христу, да, но какое холодное! Ни влюбленности, ни даже плотского желания, ни нежности, ни ревности, никаких страстей. Не клевету ли я на себя и на вас, однако?¹

З.Г.

¹ Содержание этого письма близко перекликается со статьей Гиппиус «Влюбленность» (Новый путь. 1904. №3; вошла в книгу: *Антон Крайний* (З.Н. Гиппиус). Литературный дневник. СПб., 1908).

15

15 bis rue Théophile Gautier
Paris XVI
10 мая <19>06

Я готова была бы поверить в ваше счастье, Валичка, если бы вы меня так не уверяли. Что делать! Я старый психологический воробей. И на мякине уверений и «веселых» повторений меня не проведешь. Я сейчас же начинаю думать: ну, если он меня, при всей его ко мне небрежности (даже почерк у вас дышит небрежностью) так уверяет – как же настойчиво и непрерывно убеждает он себя, что он счастлив и доволен! Может, и убедил. Настойчивостью можно всего достигнуть... на короткий срок.

Но это не мой genre. Я люблю видеть то, что есть. И даже настолько горда (или презрительна), что не перед собою одним <так!>, но и перед другими не скрываю того, что есть. Что сама вижу, – пусть и другие видят. Это для меня не опасно. Я не могу согласиться бояться чего-нибудь до такой степени, чтобы убеждать себя в несуществовании этого, если оно, пугающее и нежеланное, существует.

Хвастаетесь сознанием. И вечно его швыряете собакам. Ваши «искренние» (без иронии!) улыбки, Валичка, очень часто для моих как-никак любящих и потому острых очей – кажутся гримасами. Но... я говорю ведь дальше черты *вашего* сознания, а потому и в пустоту.

«...Ты волей круг свой сузил...»¹ Приветствую в вас волю, – не сознание.

Что касается радости вашей насчет «продажной любви» – то я тоже радуюсь за вас. Не думаю только, что вы в юношу превращаетесь, мне кажется – вы просто начинаете приобретать примитивную культурность, при которой естественно человек не может не зачеркнуть этого для себя. Я даже удивляюсь, что к этой ступени культурности, *для вас*, повторяю, вовсе не столь уж высокой, вы приходите довольно поздно да еще сам удивляетесь. Открыли Америку, что не можете не брать каждый день ванну. Что весьма неприятное ощущение, когда тело грязно. Это и японцы знают – непрерывно купаются.

И ваши романтические приятные вожделения, которые вы воспеваете, тоже не Америка, а просто давно всем известный Гутуевский остров. Вы-то, конечно, не имеете права, но с моей точки зрения, пожалуй, можно их противопоставить «продажной любви». Тоже довольно некультурная штука, не по росту для «сознательного» человека. Старо, старо, износилось, ключья летят... а вы радуетесь!!

Ох, Валичка, вы теряете остроту! Вы начинаете пахнуть водой, как годовалая банка с духами, стоявшая без пробки! А вам-то кажется, что нет, – вот беда. И только для тех, кто имеет достаточно тонкое обоняние, чтобы слышать ваш настоящий аромат, – вы не пахнете водой. Только потому, что мне эти ваши улыбки никогда не были нужны – я вам их прощу и тогда, когда они окончательно и явно претворятся в гримасы.

Чтобы утешить вас (знаю, вы *скажете*, что не от чего утешать, ибо я пишу сплошной вздор), – я вам приберегла к концу несколько сплетен.

Бальмонт назначил лекцию². Пришло в винный сарай 600 человек. А Бальм<онт> не явился. Ибо накануне Минский и Бела³, встретив Бальмонта с «Еленой» (это «метреска», похожая, по уверению Дм<итрия> С<ергеевича>, на сытую бациллу)⁴, повели их в Café Soufflet, где Бальмонт мгновенно напился и стал безобразить; кажется, безобразит и до сих пор, непрерывно. В это же время Бенуа, упорно поехавший на эту лекцию, попал не в 190 номер, а в 110, и стал ночью (было поздно) ломиться к *épisier*⁵, безобразя на тротуаре, полном апашей⁶.

Пригласили мы анархиста⁷. Оказался не то буддистом, не то болваном. Позвали просто француза: сидел до такой степени, что мы все (честное слово) сошли на несколько времени с ума. Не знаем, кого приглашать. Что в Бердяева не влюблены – я это понимаю⁸. Я тоже

не могу в него влюбиться. У нас ведь с вами всегда была немножко *параллельная физиология*. Хотя Смирнов... нет, нет, отказываюсь и от параллелизма. Нет места, а то бы еще посплетничала.

Ваша Зин. Г.

P.S. Нет, я вам 3 раза писала, это четвертое. Послушайте, пришлите мне роман Кузьмина <так!>⁹. Я вам его верну.

Дима ваши письма получил.

¹ Из уже цитировавшегося в письме 7 стихотворения Гиппиус «Узел».

² Речь идет о лекции поэта К.Д. Бальмонта «Флейты из человеческих костей» (опубл.: Золотое руно. 1906. № 6). История, рассказанная Гиппиус, изложена в письмах Бальмонта к А.В. и И.В. Амфитеатровым следующей образом. 24 апреля он сообщил о том, что закончил первую лекцию из цикла «Флейты из человеческих костей» – «Поэты Города» и «Поэзия Космогонии». Однако 19 мая ему пришлось оправдываться: «Я давно не испытывал такой радости, как дописывая последние строки “Флейт”. Я был счастлив, что на другой день должен был их читать. Но, очевидно, марево овладевает мозгом, когда менее всего этого ждешь. Я не чувствую никакой вины, я чувствую лишь тоску, что это случилось так». На следующий день (видимо, получив письмо от И.В. Амфитеатровой) он писал ей:

<...> Вы не вполне поняли одного простого обстоятельства: обмана никакого не было, желание читать было, лекция была готова, но, переутомившись, я надорвался, захворал и читать не мог. Вы понимаете: не мог. Почему Вы испытываете «стыд», я не очень разумею. Если оттого, что несколько человек попросили денег на трамвай, я жалею, что Вы самым простым образом не дали им этих денег. Хотя я считаю, что болезнь есть вещь уважительная, я бы с удовольствием уплатил этот расход, и, если лекция моя не может состояться, я охотно уплачу стоимость найма зала.

Высказав Вам сожаление о том, что лекция не состоялась в должный срок, я чувствовал не «личную неудовлетворенность», как подумали Вы, а сожаление, что эта лекция, которая была так исторгнута из души, не была прочитана людям, которые от нее, быть может, стали бы немного красивее.

Что касается окружающих меня, они умеют именно и о других думать, но устранить неизбежное – это вне воли и близких и далеких. Во всяком случае, я радуюсь, что они испытывали боль, а не стыд.

(Бальмонт К.Д. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992. С.403-404 / Публ. В.Крейда).

³ Поэт Николай Максимович Минский (Виленкин, 1856–1937) и его жена, поэтесса и переводчица Людмила (Изабелла, в бытовом общении – Бела) Николаевна Вилькина (1873–1920). Минского и Гиппиус связывали долгие и сложные отношения, нуждающиеся в детальном описании. Письма Гип-

пиус к нему – ИРЛИ. Ф.39. Ед.хр.205. К Вилькиной Гиппиус относилась с ревнивым интересом и весьма неприязненно.

⁴ Многолетняя любовница Бальмонта Елена Константиновна Цветковская (1880–1943). См. о ней: *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М., 1997. С.365–376 и по указателю. О ее внешности в 1905 очень схоже вспоминал А.Н.Бенуа: «...вместе с нами поселилась еще поклонница – муза поэта – молодая барышня, фамилии которой никто из нас не знал, но которую принято было означать одним только именем – “Еленочка”. <...> Поэт неустанно и очень быстро шагал по всей местности, никогда не останавливаясь, закинув гордо голову и глядя в небо; за ним легкой поступью едва поспевала в своей развезающей тальме шупленькая Еленочка, производившая на нас скорее впечатление жертвы» (*Бенуа Александр.* Мои воспоминания. Кн.4-5. С.425-426).

⁵ бакалейщику (*франц.*).

⁶ Об отношении А.Н.Бенуа к Бальмонту см. в его воспоминаниях: «Должен сказать, что и в трезвом виде Константин Дмитриевич не был мне приятен. Отталкивающее впечатление производила на меня одна его наружность <...> Его манеры напоминали актера, играющего роль ловелас-бреттера. При этом высокомерная гримаса, нескрываемое выражение какого-то своего безмерного превосходства над другими» и т.д. (Там же. С.426).

⁷ О встречах Мережковских с представителями различных французских политических течений, в том числе с анархистами, см.: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже. С.341–344. Сама Гиппиус вспоминала об этом времени так: «...у нас было три главных интереса: во-первых, католичество и модернизм (о нем мы смутно слышали в России), во-вторых, европейская политическая жизнь, французы у себя дома. И наконец – серьезная русская политическая эмиграция, революционная и партийная <...> С французами вначале мы виделись все-таки меньше. Увлеченье Д.Ф.<илософова> синдикализмом послужило нам к знакомству с Г.Лагарделем, очень известным тогда синдикалистом. Молодой, статный, чернокудрый и чернобородый, он был очень приятен особой живостью и своими зажигательными речами» (*Гиппиус Зинаида.* Живые лица. Тбилиси, 1991. Т.2. С.256, 258). Ср. также: *Павлова М.* Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и Революция. М., 1999). Несколько подробнее о своих беседах с анархистами Гиппиус рассказывает в письме 17.

⁸ Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – философ, в середине 1900-х входил в круг близких знакомых Мережковских. Подробнее см.: *Бердяев Н.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С.126–131; *Вадимов А.* Жизнь Бердяева: Россия. Berkeley, 1993. По указателю; Письма Николая Бердяева / Публ. В.Аллоя // *Минувшее.* Вып.9. Paris, 1990. Ср. обобщающую характеристику их отношений со стороны Бердяева: «Прожил четыре месяца в Париже, а теперь опять вернулся в деревню. В Париже жизнь была внутренне интересной, особенно важно и значительно было мое общение с Мережковскими. Все почти время мы очень жестоко полемизировали друг с другом, спорили и даже ссорились, но то было поучительным столкновением людей, которые находятся в одной плоскости и живут одними интересами. Обзывали они меня и православным, и консер-

ватором, и спиритуалистом, и индивидуалистом, а я ругал их за ложное отношение к революции, за разрыв с религиозным прошлым, за склонность к сектантскому самоутверждению. Но эти споры и ссоры были значительны и много дали» (Письмо к В.И.Иванову от 22 июня <1908> / Публ. А.Б.Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С.133; цитировавший с некоторыми разночтениями это письмо А.Л.Соболев датирует его 28 июня (Мережковские в Париже. С.369). К сожалению, мы были лишены возможности сверить текст с оригиналом, дабы устранить разноречие). Нувель часто сталкивался с Бердяевым во время собеседований на «башне» Вяч. Иванова.

⁹ Речь идет о романе Михаила Алексеевича Кузмина «Крылья» (первая публикация – Весы. 1906. №11). Завершив работу над романом (или, скорее, в современной терминологии, повестью) осенью 1905, Кузмин довольно широко читал его знакомым, причем Нувель, слушавший чтение еще 10 октября 1905, был одним из активных пропагандистов. См.: «Нувель приходил узнать, куда я скрылся, просит позволения сегодня читать “Крылья” <Дягилеву, Философову, Баксту> кому-то» (Кузмин М. Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С.82. Фамилии, заключенные в скобки, в оригинале зачеркнуты). Об отношениях Кузмина и Нувеля см. в публикации их переписки: Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. Прочитав роман (уже в печатном виде), Гиппиус отнеслась к нему крайне негативно (см.: Антон Крайний. Братская могила // Весы. 1907. №7).

16

<Печатный адрес¹>
16 Mai <19>06

Милый мой Валичка! Не смущаясь нисколько вашим молчанием, пишу вам третье по счету письмо, ибо третий раз испытываю желание говорить с вами. Вероятно (по естественному закону), это желание будет являться все реже (ничто не может упорствовать в жизни без поощрения) – но пока – оно есть.

Все петербуржцы в экстазе и страстях: солнце сияет, штандарт скачет, Кареев развевается, кадеты торжествуют². Отчасти есть какое-то глупое чувство зависти (а может, и не глупое) – и Париж кажется уныл. Но особенно унылы русские, – наша, близкая всем нам братия. Обшарканный мэно-социалист Минский, ждущий амнистии (и кой черт он из нее получит?) и не знающий, что ему делать «со своей девой», которую никто замуж не берет, – философией мэонизма³. Склонный с горя (или по легкомыслию) начать сызнова ухаживать за мной. Бела, впавшая уже в кретинизм от страха ко мне, назначающая напрасные свидания Дм<итрию> С<ергеевичу> в Café Soufflet⁴. Бальмонт, серый и злобный, без всякой игры (стоит быть Бальмонтом, чтобы ютиться все-таки со своей седой и унылой Екатериной⁵, а «метреску-Елену» – как говорит жена – селить в пансионе рядом!). Наконец, Бенуа, у которого мы с Димой были в прошлое вос-

кресенье. Сегодня он у нас обедает между каким-то концертом с Ну-роком⁶ (сего не видали!) и лекцией Бальмонта «О мертвых костях»⁷. Ну, мы на эти кости не пойдем. У Бенуа такая миквиша⁸, что мы к концу визита почти сознание потеряли. Что от него требовать после этого? Кишение детей в крошечной квартирке, среди пыли, беспорядка и грязи обезьяны, которая непрерывно пищит, непрерывно мучимая детьми, как ни зычно кричит Анна Карловна⁹, «вполне посвятившая себя детям». В столовой же и брачная постель, накрытая турецкой шалью; постель, пожалуй, достаточно широкая для поцелуя, но отнюдь не для сна двух индивидуумов. Вашего возлюбленного Смирнова (он там) я не видала, но он «друг детей» Бенуиных. По-моему – мертвая собака! Извините.

У нас чудесное «хозяйство». Ничего нет, в салоне – только ящики, но просторно, чисто, культурно и светло. Целыми днями не ведаемся. Чтобы пройти к Дм<итрию> С<ергеевичу> – мне нужно победить массу пустого пространства. Вообще живем в наивысочайшей роскоши. Мебель (minimum) только салонная. Под балконами платаны, совсем еще весенние. Но при этом романтизма в нашей жизни никакого; я и ненавижу его.

Вас, кажется, Бердяев возлюбил, Валичка? Правда ли? А вы его, тоже? Или нет?

Простите... или нет, извините это сплетническое письмо. Что Бакст? Он все зовет Белу «на родину». Не стал ли кадетом? Ну, довольно, однако. Все-таки жду поощрения.

Зиночка

¹ Здесь и далее – см. примеч.4 к письму 7.

² Речь идет о созыве 1-й Государственной Думы (начало заседаний 27 апреля), большинство которой составляли кадеты. Николай Иванович Кареев (1850–1931) – знаменитый историк, был членом партии кадетов и депутатом 1-й Думы. Ироническая фраза Гиппиус – перефразировка известного места из гоголевского «Ревизора»: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпирах: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...»

³ О Н.М.Минском см. примеч.3 к письму 15. «Мэонизм» – его философская теория, к которой Гиппиус относилась с большим скептицизмом. См.: «Меонизм» Н.М.Минского в сжатом изложении автора // Русская литература XX века. Т.1. С.364-368. В Париже Минский скрывался от преследований за активное участие в деятельности петербургской социал-демократической газеты «Новая жизнь»; Мережковские считали его революционные настроения несерьезными и скоропреходящими.

⁴ Об отношениях Мережковского и Л.Н.Вилькиной в 1905–1906 см. его письма к ней (Публ. В.Н.Быстрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994).

Для характеристики этих отношений весьма показательны несколько более позднее письмо Минского к Мережковскому, которое приведем полностью:

23 апр<еля> <19>07

13, Henry Monnier

Дорогой Дмитрий Сергеевич,

На днях я писал Дмитрию Владимировичу, прося назначить мне свидание по «конфиденциальному» делу и ответа на свое письмо не получил – не хочу думать, почему. А конфиденциальное это дело заключалось в следующем. Я хотел через Д<митрия> В<ладимировича> просить Вас, в случае, если Вы изменили свое мнение о стихах Л<юдмилы> Н<иколаевны> (Вы прежде, кажется, отзывались о них с некоторым одобрением?), не писать о них вовсе. Почему у меня явилась мысль о том, что Вы можете отнестись к стихам Л<юдмилы> Н<иколаевны> отрицательно, – не смогу Вам сказать, не знаю сам. Что-то было в Ваших словах, в Вашей улыбке в последний раз, что меня обеспокоило. Сознаюсь Вам, что пишу это письмо с некоторым насилием над самим собою; мне было бы гораздо легче просить Вас не непосредственно, а через Д<митрия> В<ладимировича>. Как-то странно мне говорить с Вами о критических отзывах. Но Вы ведь знаете, что лично я ни от какой критики ни полемике не бегу, а, наоборот, иду им навстречу. Если бы дело касалось тут Ваших убеждений или если бы Вы по обязанности должны были давать отзывы о новых книгах, я, конечно, никогда не решился бы просить Вас о чем бы то ни было. Но в настоящем случае речь о Вашем отзыве зашла только по моей просьбе, и, сознаюсь, мне бы было мучительно думать, что по моей же воле появится о стихах Л<юдмилы> Н<иколаевны> отрицательный отзыв, который ее так сильно огорчит. Мне было бы больно, если бы Вы ее огорчили, и еще больнее, если бы я сам был тому причиной. А Вы, вероятно, знаете, что значит для русского писателя критический отзыв, подписанный Вашим именем: Ваше признание или Ваше отрицание имеет в русской литературе почти абсолютное значение.

Мы с Вами вместе начали свою литературную деятельность и долгое время шли почти рядом. Так вот, во имя прошлого прошу Вас не написать о Л<юдмиле> Н<иколаевне> ничего, что могло бы ее огорчить. Это не значит, что я прошу Вас говорить то, чего Вы не чувствуете. Такая просьба была бы смешна и оскорбительна. Но я прошу только в случае, если Вы относитесь к ее стихам отрицательно, не писать о них вовсе. Скажу по правде, мне ее стихи очень нравятся, но, может быть, я в этом деле не судья.

Искренно Ваш

Н. Минский

Само собою разумеется, что Л<юдмила> Н<иколаевна> не имеет ни малейшего понятия о моей прежней просьбе и теперешней.

(Amherst Center for Russian Culture. Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky Papers. Box 4. Folder 40).

В качестве комментария отметим, что никакой статьи о книге рассказов и стихов Вилькиной «Мой сад» (М., 1906) Мережковский не написал.

⁵ Имеется в виду Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт (1867–1950), вторая жена К. Д. Бальмонта.

⁶ Нурок Альфред Павлович (1860–1919) – музыкант, музыкальный критик (печатался преимущественно в журнале «Мир искусства» под псевдонимом Силен), по службе – ревизор Государственного контроля по Департаменту армии и флота.

⁷ См. примеч. 2 к письму 15.

⁸ Миква – священное место для ритуальных женских омовений в иудаизме. Неоднократно и подробно о микве писал В.В.Розанов (см., напр., большую работу: Юдаизм // Новый путь. 1903. №7-12). Тоже в переносном, но несколько ином значении слово употреблено Д.В.Философовым в письме к Гиппиус от 27 февраля (н. ст.) 1906: «Доползли до Франкфурта. И здесь есть миква, русский консул, женатый на сестре Саши Ратькова» (*Пахмусс Т.А. Страницы из прошлого. С.86*).

⁹ А.К.Бенуа (урожд. Кинд; 1869–1952) – жена А.Н.Бенуа. В семье Бенуа было трое детей.

17

<Печатный адрес>
19 Июля <19>06

«Дима совсем перестал писать. Напишите, пожалуйста».

Ах, Валичка! Вы знаете, как я уважаю ваш верный интерес к Диме, но все же я не могу согласиться не существовать, – даже и для вас. В данном случае вы погрешили против Канта: сделали меня средством, а я человек. Следовало бы наказать вас, написать вам длинное метафизическое письмо о собственных моих отвлеченностях... но я не зла и сострадательна. Да и письмо ваше такое забавное и остроумное, что я объективно прочла его с удовольствием. Дима не с меньшим, я думаю. Послезавтра мы едем в Бретань, в какую-то дыру¹, откуда пришлю вам карточку с адресом, даже если бы Дима не прислал. Я уж верная, и вы это отлично знаете. За неимением непосредственных известий – все-таки и я могу слушать.

Никого из вам известных людей не видим, да и вообще последнее время мало кого видим. Париж пустеет. Особенно русских мало. Но мы (главным образом, Дима) заняты анархистами-либертэрами². Кроме Армана и его кружка (эти наши общие и бывают у нас) – Дима ходит во все отъявленные <так!> редакции и грызет Жанов Гравов и т.п.³ Д<митрий>С<ергеевич> пишет статью для сборника⁴, а мы с Димой ругаемся и спорим о синдикализме, причем он мне доказывает, что я ничего не знаю, а я ему – что он ничего не понимает. Часто после столь плодотворно проведенного дня мы вместе отправляемся – кто в Marigny, кто в иного сорта «притон», кто просто на бульвары. Меня один раз Д<митрий>С<ергеевич> поймал на бульваре в непоказанный час и долго бранил, что я попаду в участок и «опозорю его

имя». Но я твердо верю, что мой дух парализует мою юбку – раз, и что даже если бы и не для всех, то и с «женщиной» беды не случится, если она к ней не стремится.

Ах! Видели Сержа Волконского⁵, Дима встретил его на бульваре, а потом он у нас был (М<ожет> б<ыть>, Дима вам писал уже?). Ходячий ужас. Заживо разлагается, равно плотью и духом. Этот не из «ничтожных», как вы (помните мою терминологию «научную»?), а из «несчастных». Не первый он разлагается на моих глазах. Но – извините, Валичка, – по науке выходит, что и «ничтожные» недалеко уехали. Страшно много любопытного я тут узнала через Мечникова⁶ и моего доктора, который лечит мою съехавшую с места почку.

Чулкова не читала, но буду читать и даже ругать в «Весакх»⁷.

Раньше времени не злорадствуйте, Валичка, читая описание нашей парижской жизни. Сначала подумайте, может быть, что это я все просто для вашего утешения написала, из жалости. Я ведь добренькая!

Зин. Г.

¹ Лето 1906 г. Мережковские провели в разъездах, но здесь имеется в виду местечко Fouesnant (департамент Finistère), которое Мережковский описывал так: «Я живу в крошечной бретонской деревеньке на берегу Океана. Тихо и пустынно. Только шум океана и ветра в придорожных деревьях» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. С.247).

² См. в письме Гиппиус к В.Я.Брюсову от 3 июля 1906 г.: «...знаете ли вы любопытнейшую <...> ну, скажем, “фракцию” – анархистов-либертистов? Это анархисты не бомбисты, а вместе с тем не кропоткинцы и не толстовцы. Много наивного, но так молодое, живо, огненно, и столько движения, что нельзя устать их созерцать. Сознаюсь, есть у меня в отношении к ним нечто сходное с отношением к светлоозерским сектантам, очень “наблюдательное”, но очень приятно-наблюдательное. Я им сочувствую, я их понимаю, я признаю все, что они признают, все принимаю, но... но... мне жаль даже – и, однако, мне этого “всего” до такой степени мало, что и говорить не о чем. <...> И все-таки эти люди самые интересные и живые. Их и “литературу” их теперь мы изучаем» (Цит. по: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже. С.344). С сожалением отметим, что в связи с долгим ремонтом здания Российской государственной библиотеки и невозможностью пользоваться ее Отделом рукописей мы были лишены возможности в полном объеме использовать письма Гиппиус к Брюсову, представляющие собою ценнейший источник для комментирования, а также некоторые другие материалы.

³ Э.Арман (Эрнест Жюэн, 1872–1962) – французский анархист; «в апреле 1901 г. основал печатный орган с толстовской или христианско-анархистской тенденцией “L’Ere nouvelle”» (Dictionnaire biographique de mouvement ouvrier français / Sous le direction de Jean Mitrou. Paris, 1973. Т.Х. Р.157). Жан Грав (1854–1939) – известный французский анархист, синдикалист, издатель разных печатных органов и автор ряда книг.

⁴ Имеется в виду статья Мережковского «Религия и революция» для сборника «Царь и Революция» (вышел в Париже в 1907 на французском языке. По-русски – М., 1999).

⁵ Волконский Сергей Михайлович, кн. (1860–1937) – театральный деятель, критик, баллетрист, был директором Императорских театров (1899–1901).

⁶ Мечников Илья Ильич (во Франции – Эли, 1845–1916) – врач, биолог, в Париже в эти годы был заместителем директора Пастеровского института.

⁷ Судя по всему, имеется в виду книга Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939) «О мистическом анархизме», бывшая в то время последней сенсацией сезона. Статья Гиппиус – видимо, «Иван Александрович Неудачник» (Весы. 1906. №8). И впоследствии «мистический анархизм» вызывал резкую критику «Весов», и в частности Гиппиус.

Для характеристики отношений круга Мережковских с Чулковым в это время, а также для добавочных сведений об их внимании к анархизму приведем письмо Чулкова к Д.В.Философому, написанное на почтовой бумаге журнала «Адская почта»:

Многоуважаемый и дорогой Дмитрий Владимирович!

Прежде всего, извините, что пишу на редакционной бумаге: нет другой под руками.

Спасибо за письмо. Очень интересуюсь тем, что Вы напишете о моей книжке. Скоро выходит моя другая брошюра «Анархические идеи и Генрик Ибсен». Мне очень хотелось бы, чтобы Вы и эту книжку приняли во внимание при Вашем разборе.

Прочел Вашу статью в «Нашей Жизни» по поводу Эльцбахера: а я как раз занимаюсь синдикализмом и читаю «Le mouvement Socialiste» (и даже случайно познакомился с г-жею Лагардель; последняя – впрочем – не очень интересна). Совершенно согласен с Вами относительно синдикализма: он очень скучен и очень необходим. Я вообще занимаюсь теперь анархизмом, особенно Штирнером. Читаю «Der Einzige und sein Eigentum» (и с большим трудом: я ведь почти не знаю по-немецки).

Не можете ли Вы, дорогой Дмитрий Владимирович, переправить мне книжку Амона через библиотеку, через Антона Владимировича? Устройте, Бога ради!

Передайте мой искренний привет Дмитрию Сергеевичу и Зинаиде Николаевне. Крепко жму Вашу руку.

Любящий Вас

Георг. Чулков

10 авг<уста> 1906 г.

Мой адрес старый: СПб., Саперный, 10, кв. 55.

(Amherst Center for Russian Culture. Zinaida Gippius and Dmitry Merezhkovsky Papers. Box 6. Folder 11).

См. также: Михайлова М.В. З.Н.Гиппиус и Г.И.Чулков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1999. №5.

Милый мой Валичка, я вам не отвечала долго, потому что не хотелось. А не хотелось, потому что как-то очень мне не нравится тон ваших писем. Может быть, больше – может быть, весь тон нашей переписки не нравится. Видите, я беспристрастна. И менее всего хочу обвинять вас.

Но виноваты ли мы оба или никто не виноват, – факт налицо, и я думаю о том, что бы тут сделать. Есть, конечно, лишь два средства: или изменить тон, или прекратить переписку. Которое вам больше по душе? Я, с своей стороны, готова попытаться сделать первое, и в случае неудачи перейти ко второму. Я не предполагаю неперменной неудачи. Ведь все-таки мы с вами люди неглупые, да и простоты в нас, ей-Богу, больше, чем это иногда кажется. А в тоне нашей переписки есть какая-то дурного тона непростота, которая, может быть, какими-нибудь отношениями, или положениями, или временами, или возрастными и бывает оправданна, но только не нашими. Никаких у нас таких оправданий нет, а потому мы и могли бы, уж если переписываться, то с бóльшим умом, грацией и пользой, нежели делаем это.

По-моему, вы согласитесь со мной. Сами, я думаю, видите, что «не того».

А что вам революция сделала, что вы пишете о ней с таким старательным презрением? Ведь нельзя же презирать безумие за то, что оно цельное и круглое, а не «благоразумное полубезумие»¹? Я знаю, хорошо знаю, помню, что вы не «презираете» ни безумия, ни смерти. Так зачем вам понадобились эти лишние слова – которые, впрочем, меня не огорчили. Просто лишние, в самом совершенном смысле.

Напишите, Валичка (если напишется), обо всех людях, которых видите (ну, конечно, не обо всех – это преувеличение). Но о некоторых. И неужели, вообще говоря, у вас нет ничего, что бы вы могли сказать только мне, только мне бы подходило? – Думаю, есть ли у меня такое, что бы вам только подходило? Размышляю... нахожу. Но для этого надо тон писем изменить. И признаюсь, что на это потребуются труд. Однако не пожалею труда. А вы?

Зин. Г.

Такая африканская жара, что мы сидим 4 дня в плену, ни шагу из дому. Даже уехать нельзя.

¹ Автоцитата из стихотворения «Что есть грех» (см. письмо 1 и примеч. 1 к нему).

<Печатный адрес>
14.9.<19>06 г.¹

Милый Валичка. Какой вы смешной! Ведь «учить» это и значит «давать». (Надо знать, *как* учить-давать, но это уж другой вопрос. Я никогда не стану бескорыстной, всегда буду стремиться «получать» – но я не вижу, почему должен наступить момент, когда никто мне ничего не будет давать, никто не захочет меня учить? Или не сможет, хотите вы сказать? Не думаю, чтобы я дожила до этого. Пока, во всяком случае, даже и вы очень щедры ко мне. И оказались на этот раз даже в положении для вас хоть и не «самом худшем», но все-таки мучительном: вы даете (учите), а сам не хотите получать, да и действительно не получаете, должно быть, потому что я готова, по всей доброй воле.

Я не обижаюсь вашей жалостью, ведь это я же вам первая и сказала, что для вас вместо любви – есть жалость. И это хорошо, пусть тот, кто не знает любви, хоть жалостью дышит. Все-таки дыханье. Жалость, обращенная ко мне, не спасает меня, но и не вредит мне; я просто не чувствую ее; но вам, конечно, этот цветок в душе всегда должен давать кой-какую радость лишнюю.

Что касается стремления к неодинокости – то ведь это стремление всечеловеческое, вечное и бесспорное. И оно же – и ваша тоже сущность. Разница лишь в силе устремления, а затем в средствах, к которым прибегаешь. Кроме того – я еще требовательна. Я хочу не-одинокости <так!>, обусловленного известным одиночеством, т.е. сохранением личности. Иные, отчаявшись, идут на эту уступку – ну и получают легче и скорее меня. Я знаю, что цель моя *в полноте* недостижима. Что из этого? Есть *более и менее*. И мою надежду на *более* я не отдала бы за *вашу* всю уже имеемую вами радость. – Вот вчера на лекции Минского² видела Смирнова. Подошел к нам с Димой и сказал: «Здравствуйте, я здесь не бываю, я не занимаюсь социальными вопросами, я работаю и *очень счастлив*, я так счастлив, как даже в СПб не бывал. Ну, до свидания». И ушел, страшный, с мертвым лицом (как никогда даже в СПб), с мертвым голосом. Нам сделалось холодно и больно. А ведь это из области «вашего счастья», Валичка! Я вас не люблю, но так как умею любить вообще, то и не жалею вас; но просто иногда делается по человечеству *больно* – от этого чужого «счастья». Тем более что знаешь вашу иступленную стыдливость насчет *не счастья* и червонность *истинную*, не ту, в которую вы наряжаетесь. Вам кажется, что необходимо показывать радость, быть счастливым, до такой степени вьелось в вас декадентство и беспомощность. Вы так боитесь жалости, что даже если б и не умели обманывать себя – обманывали бы других. Смирнов обманы-

вает себя, но слишком неискусен, чтобы обмануть других, и мертвая маска его сразу обличает его. А вы, конечно, готовы ради себя верить и в смировское счастье. Вы уже требуете от всякого непрерывное (надрывное) исповедание «счастья». Мое трезвое спокойствие вы принимаете за «беспросветность» и советуете мне резиньяцию с таким жаром, как будто вы тут чего-то касались собственным опытом... Нет, я революционерка и на резиньяцию не пойду, что бы она мне ни сулила. И *мое* средство для достижения не-одиночества – я считаю единственно верным. Не усумнюсь в том, если и не успею сама пройти весь курс лечения и не вылечусь. Рецепт оставлю. Другие успеют больше меня.

Жалость, по-моему, ожесточает человека *à la longue*³. В вашем письме чувствуется, хотите не хотите, ожесточение. А какая уж радость при жесткости.

Нет, не заражайте меня. Вот Смирнова заразили... нет, нет, не дай Бог эдакого счастья. Право, он очень страшный. В заключение скажу, что я не хваюсь знанием вас *вполне*, но лишь *кое-что* знаю, и знаю, что оно – хорошее.

Ваша

Зин. Г.

¹ Дата написана неразборчиво. Возможно, число месяца должно читаться «7». Однако лекции в летнее время были скорее исключением, чем правилом.

² О какой лекции Н.М. Минского идет речь, нам неизвестно.

³ В конце концов (*франц.*).

Дорогой Валичка!

Вы так близко – и так до сих пор недостижимы! Неужели не приедете на денек – на два? Погода дивная, а что здесь дивно – вы знаете.

Я не сомневаюсь, что все равно скоро вас увижу, может быть, раньше даже, чем Дима (ведь он едет отсюда в Амьен¹) – но мне хотелось бы скорее, да и «на земле» я вас ни разу не видала. Может, совсем иначе на вас посмотрится – и не забудется.

Не пишу вам больше, во-первых, потому, что всякие письма – прах и тлен, а во-вторых – рука не ворочается, кончаю мучительную и отвратительную статью, которая мне самой опротивела до чертиков.

Вот кончу – тогда на день влюблюсь в нее.

Что же, надеяться нам на явление ваше или покориться? Черкните открыточку.

Еще вот что: хотя я и не предполагаю серьезно, что на выставке будет мой портрет Бакста *en Mille de Maurin*², однако *на всякий слу-*

чай передайте ему (где он?), что у меня определенное и незыблемое желание этого портрета больше ни на какой выставке не знать. Не правда ли – вы ему это скажете?

А засим прощайте, и еще раз – приезжайте. Я понимаю, что, свидевшись со Смирновым после столь долгой разлуки, вам трудно и на день от него оторваться, но принесите все же эту жертву нам, если сможете!

Ваша Зин. Г.

Pierfonds

1.10.<19>06

¹ В Амьене с 8 по 16 октября 1906 проходил XV Национальный конгресс синдикалистов. Письма Философова к Гиппиус из Амьена опубликованы: *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого. С.87-88.

² Речь идет о знаменитом бакстовском портрете Гиппиус в мужском костюме (1906). Мадмуазель де Мопен – героиня одноименного романа Теофиля Готье.

21

<Открытка>

<Штемпель:> 8.10.<19>06

Понед<ельник>

Валичка, жду строчки, завтра веч<ером> на Th. Gautier, о том, когда, в какой час можете прийти к нам в среду, послезавтра. Выберите, что удобнее вам: к завтраку (в 1 ч.), в 4–5 дня, обедать (в 7) или вечером. Мне одинаково, только известите¹. Если вы «лежите в постели», – я приду к вам, как Смирнов. Объяснюсь!

Дима уехал в Амьен. На всякий случай просил вас передать одну вещь.

Итак – до среды.

Ваша Зин. Г.

¹ Визит Нувеля состоялся. Он подробно описан в большом письме Гиппиус к Д.В.Философову (*Pachmuss Temira. Intellect and Ideas in Action.* P.103-106), которое следует учитывать при выстраивании линии отношений Гиппиус к Нувелю.

22

<Печатный адрес>

13 Ноября <19>06

Валичка, милый, не только я не «сержусь» на ваше письмо, а даже оно меня радует и утверждает. «Маврушка» дала вам именно те мысли, которые я вполне с вами разделяю, которые я в эту повесть и

заклЮчила¹. Только вы их мне преподнесите в виде возражения – тут, может, и моя вина: хорошо выразила, да не в совершенстве ясно. Это я готова признать.

Так вот вам «послесловие».

Вы говорите, что у Влади не мужская, а женская психология. Это как раз то, о чем я наиболее думала, чего наиболее сознательно желала достигнуть. До чистоты, до схематичности; которой, конечно, *не бывает в природе*, – я и тут с вами согласна; и даже ваше предположение, что один, может быть, найдется, – отвергаю. Ни одного такого нет, наверно. Вы, Валичка, как-то не так на литературу смотрите, как я. Спорить, кто смотрит вернее, можно, но это уж второе; признать же, что возможно существование другого – моего – взгляда и понять его – вам все-таки надо. А я смотрю так, что в литературе я даю *в чистом* виде то, чего никогда в жизни в чистом виде не бывает, и не бывало, да и не может, вероятно, быть, а потому литература всегда – жизненная *невозможность*. Она очень нужна для человека, ибо по ней очень ясно, что известные точки в жизни *есть*, и, однако, литература одно, а жизнь совсем другое, и хорошо, что так. На что мне литература как отражение жизни! Уж лучше тогда одна, сама жизнь, и никакого ее подобия рядом (литературы) не надо. И не мечтанья даже о жизни, ибо я отнюдь не хочу, чтобы жизнь стала подобной какой-нибудь литературе, моей или чьей другой, – отнюдь! литература просто сопутствующий указатель, уяснитель, схематизатор того, что часто без схемы трудно видеть, а надо видеть, что оно есть. Понятно ли я пишу? Повторяю, вы можете не соглашаться, я только хочу, чтобы вы поняли *мой* взгляд и ощущение.

Теперь далее. Вы опять совершенно правы, утверждая, что половое чувство уничтожается благодаря совместной жизни с детства брата и сестры. Вы даже формулируете точно и сжато далее одну из *главных* мыслей, которую я определенно и старалась выразить в «Маврушке»: «Большинство педерастов росли в детстве вместе с девочками» (пассивных, прибавим мы, схематизируя). Я, Валичка, поцеловать вас готова за то, что вы это поняли. Да ведь я же и хотела показать, что росли они «как склеенные» (тоже схематично взято, *чисто*, как не бывает), и оттого-то и – не сестра ему стала женщина, а «женщина» ему стала *сестра*! Сестра Вера не могла и *отнюдь* не возбуждает в нем полового чувства, отнюдь! Но Маврушка ему *сестра*, вот что хотела я сказать! С его «женской» психологией» – соединение с женщиной ему должно казаться физиологически столь же чудовищным, как «нормальному» мужчине с мужчиной. – Конечно, сто раз конечно – этого всего *нет* в жизни, ибо это «чистый вид», схема, а жизнь не схема (и не литература). А что это *схема существующего* – вы отрицать потому не можете, что сами это же го-

ворите; почему не увидели нашего согласия в «Маврушке», *через* нее – я не знаю, готова, пожалуй, и думать, что плохо выразила, неярко, неясно. Но мне казалось – намек довольно для того, кто уже сам в тех же мыслях.

Может быть, «слог» вас спутал, не «понравился»? Часто многое просто «не нравится», и тут уж какие же споры, это область «несказанных» убеждений, внутренних «вкусов» души – или темперамента. А что лежит в области разума, мыслей и построений – то я вам, как могла, изъяснила, и наше тут «согласие» нисколько не страдает и не может пострадать от вашего «не нравится».

Веру, сестру героя, я совсем не делала; я к ней еще, может быть, вернусь. Вернусь когда-нибудь и к схеме обратного раздвоения – т.е. когда не в одном человеке два «я» (что мы уже наблюдали, и в жизни, смешанно – и в литературе, вполне), но когда в двух людях одно «я». Я кончаю «Маврушку» намеком на это.

Не стою я, Валичка, за мою фактическую литературу, но за мое отношение к ней – очень. Если оно неверное – все равно оно имеет же свое *raison d'être*².

Ауслендеру напишу, с удовольствием, но сначала вы скажите, что вы там насплетничали, что я чту? И сколько, определенно, ему лет? И какой он, определенно? Как Бакст, как вы или как Сергей Волконский? Или еще «?»³

Я, Валичка, больна (чахотка моя обыкновенная), злюсь на себя неимоверно, упираюсь жить и думаю, что непременно выживу. Я ведь как кошка: сбрось ее с 5 этажа – покашляет, почохнет, взъерошенная – и опять такая же. Вы мне тоже стали милее после нашего свидания, прозрачнее как-то, и письма ваши хорошие. Напишите поскорее.

Во многом ваша

Зин. Г.

«Бедный город» усиливаюсь не отвергать ожесточенно, но, кажется, скоро скажу: «пас»: сил никаких не хватает.

¹ Рассказ Гиппиус (Весы. 1906. №10). Продолжение разговора о нем см. в следующем письме.

² Право на существование (*франц.*).

³ Сергей Абрамович Ауслендер (1886 или 1888–1937) – в то время начинающий писатель, впоследствии известный прозаик, племянник М.А.Кузмина. Вместе с Нувелем входил в кружок «гафизитов» (подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. С.67-98). Небольшое количество его писем к Нувелю 1907–1908 гг. см. – РГАЛИ. Ф.781. Оп.1. Ед.хр.1.

<Печатный адрес>

5 Ноября... Тьфу, декабря! – <19>06

.....Вера
– И я тебе противна?
– Ужасно, – признался Владя.
«Маврушка»

Эпиграф мой, милый Валичка, – для краткого возражения на ваши слова, что отношение брата у меня «недостаточно ясно выражено». А затем сразу перейдем, с этим покончив, далее.

В каких мы ни хороших отношениях – а ведь я могу рассердиться. Я всегда сержусь, когда Нувель начинает меня угощать банальностями и общими местами. Я испокон веков считаю, что это ему не пристало. И не то мне жалко, не то сержусь. Будем мы еще с вами «об искусстве» рассуждать, о его «трепете жизни и бытия», – может быть, о его «святости»? Нет, нет, я не согласна об искусстве. Да и не умею я, да и не решусь: я слишком знаю, что я, будь хоть семи пядей во лбу, непременно уже искусства. Наверно знаю, что есть и настоящее какое-нибудь, но которого я не вмещу – а другой вместит. Кроме случаев несомненной бездарности и последовательной, – я никогда неиду дальше «нравится» и «не нравится» – о чем, как я вам писала, не спорят.

Итак, вопроса «об искусстве» и о том, что «литература первым делом искусство», – я не поднимаю. Я, признаться, думала, что и вы не сомневаетесь в моем естественном соединении «литературы» с искусством. А вот о «схеме» вы, должно быть, оттого не поняли, что я взяла неудачное слово. И чуть не вышло у вас, что «это тенденция», а «тенденциозное искусство – не искусство, ибо мертво» и т.д. Нет уж, я вам лучше на грубом примере объясню, что я называю «моей схемой» в *искусстве*. Помните мое вам стихотворение – «Грех»? «Полубезумие – полуничтожность»... Ну, не так, кажется, да я забыла, – вроде. Я описывала нечто в вас, подлинно существующее, но не как нечто в вас – а как *вас*. В реальности вы не такой, никогда им не были и не будете. Но эта черта ваша, смешанная, умягченная, усложненная другими, часто ими заслоненная, – очень важна. И никто ее, может быть, в смешении и не разобрал бы (что она есть), – а теперь, благодаря моему «искусному» схематизированию, ее двое или трое увидели и запомнили, и вы сами могли бы увидеть, и это, пожалуй, было бы нужно. Не для «исправления» даже, а просто как нужное нам, радостно-желанное, ясные очи. Чтобы не останавливаться на вас – было у меня и другое стихотворенье – «Она», напечатанное в «Весях», кажется. «В своей

бессовестной и жалкой низости она как пыль сера.....»¹ И там все в таком роде, а кончается тем, что это «моя душа». Ну очевидно же, что моя душа вовсе не такая, и не была такою ни секунды. И, однако, все это она же, все это в ней есть, и очень хорошо, что я на минуту искусственно, посредством искусства очистила подлинно существующее от смешения. Увидела яснее. А так как я предполагаю, что есть и другие, на меня похожие (не одна же я на всем свете), то и для других душ кое-что поясняет. Вот вам мой «принцип», осознание моего чувственного устремления. Когда я этого достигаю, когда нет – вопрос другой. Вам ведь взгляд, принцип казался непонятным.

Понятно теперь?

Насчет женщин и мужчин... Я, Валичка, разве возражала вам, что в таком случае женская психология непонятна мужчинам? Я и против вашего утверждения, что мужская недоступна женщинам, ничего не возражала. Это потому, что я тут смотрю гораздо проще и немножко шире, чем вы. Главное – проще. Я как-то не могу с вашей определенной резкостью разделять всех людей на чистых мужчин и чистых женщин, принимая к тому же за определяющий факт телесную половую организацию. Признаться, от вас особенно странно это слышать и не указать вам на противоречия. Вы могли бы знать, что пол столько же, если не *больше*, зависит от организации мозга, сколько от устройства тела. Больше потому, что часто пол определяется именно мозгом, в *противоречии* с телом. Тогда происходит выверт, более или менее полный, никогда абсолютный, конечно (жизнь не схематична, а в смешениях, в оттенках). Другое дело – если мы будем говорить о наиболее крайних типах, которые, в общем, редки (а потому и неинтересны): о мужчине с почти неуловимым женским началом, и обратно – о такой же женщине. Тут я с вами соглашусь, что психология такой женщины скорее доступна такому мужчине, но только потому, что в среднем мужчины имеют гораздо больше творчества; вернее и точнее – *только мужское* начало – творческое, а *женского* творчества *вовсе нет*. Если и были фактические женщины (полом телесным женщины) творческими – то все же творило их мужское начало, а не женское. Этим и объясняется, что так мало и плохо творимое женщинами: мало еще в них мужского начала. Я в поле ставлю разделения *начала* мужского и женского; физиологи кладут пол в мозг, а вы, Валичка... в половые органы! Это, ей-Богу, примитивно, и жизнь на каждом шагу должна вам доказывать, что она сложнее, запутаннее и загадочнее.

Я вам не навязываю ни своих теорий, ни своих выводов. Вы только попробуйте взглянуть более объективно, более свободно от личных ваших вкусов, на которые никто не посягает, – да и зачем

вам оправдывать их мыслями? – и вы увидите, что дела мира еще не так просто определились.

Если абсолютная женщина «низшее существо» (а есть ли, много ли абсолютных женщин?), если в «женском начале» нет творчества – то зачем это женское начало? Уничтожить его, и дело в шляпе. Но, Валичка, я не знаю, зачем оно, а только знаю, что в нем своя, неизъяснимая, божественная прелесть, и знаю еще, что без него нет пола да и нет мира, ибо нет полюсов, антиномий, которые и суть жизнь мира, и даже все творчество в нем. Может быть, захотите вы тогда уничтожить лишь *женщин*, оставив женское начало в мужчинах? Но этим вы оскорбляете всю плоть мира вообще, не давая ей участия в жизни духа с его антиномиями и полярностями, не позволяете им тоже воплощаться, тоже искать своей последней гармонии. Дайте миру быть во всех его переливах и недоконченностях, не однородным внешне – ибо это влечет за собою внутренний хаос. «Непринятие» мира не должно быть комично и бесцельно, с такого-то числа и целиком и навсегда (Г.Чулков и мистический анархизм²) – но лучше принимать сегодняшний во имя завтрашнего. Так оно и веселее – и серьезнее. И понемножку яснее все делается, а это большая радость, хотя и обвитая глубоким страданием.

Видите, Валичка, ничего бы я вам не писала, если бы вы были действительно

...без радости – и без страдания...

а вот пишу, значит, верю, что вы не такой, как в моем «Грехе». Но и грех – правда; только он – схема, т.е. то, чего реально не было, нет и не должно быть.

Может быть, впрочем, вы не любите «ясные очи». В них – риск: вдруг увидишь такое, что в себе не понравится, а изменить не сможешь. Оправдания же при «ясных очах» нет. И лишишься без него легкой радости ради бесцельных страданий. Это, конечно, не расчёт. Я сама это отлично понимаю. Но что касается меня лично – тут я ничего не могу сделать. Люблю органически ясность взора, чего бы это мне ни стоило, хотя бы потери самого <так!> себя.

Вы отлично нарисовали портрет Ауслендера. Я так живо его себе представила, что потеряла всякую возможность ему писать. Нет уж, Валичка, лучше вы пока воспитывайте эту молодежь, вас ведь давно влекла педагогическая деятельность, а я не буду. Ко всякому воспитанию надо относиться серьезно. А я слишком смешлива, я чересчур чувствительна к комическим чертам, до слабости. Я бы над этими вашими юношами прежде всего стала так хохотать, что ничего, кроме глупого, из наших отношений бы не вышло – к обоюдному неудовольствию. Я все признаю: и серьезность искусства, и даровитость, и молодые творческие силы, и всяческие искания, а вот отсюда вижу, как смущал бы меня бес хохота над «изнежен-

ным» Ауслендером и его гомосексуальными аспирациями, – и пусть это грубо и неблагодарно, сама знаю, – а вот хохочу³. И над Кузьминым <так!> бы стала хохотать при всем искреннем признании его таланта. О Гофмане⁴, которого немножко знаю, и говорить нечего. А какой уж воспитатель – смех! Нет, я для *вашей* молодежи не гожусь. Меня она не переделает – я уж стара для вольтов, а я ее сейчас динамической не признаю. Да и нет у меня исключительно влечения к юности, как у вас. Мне подавай равных, я, вон, и на вас сержусь, когда вы меня заставляете какие-то заржавленные вопросы поднимать и повторять четыре правила арифметики. Пусть поучатся у вас, пройдут ваш опыт (чем скорее, тем лучше) – и уж потом либо поборемся, либо поучимся друг у друга. А пока им еще нежно и на диванах валяться – что я могу?

Ты со смешной своей мятежностью
Не подходи ко мне⁵.

Я как будто выздоровела. Боюсь себя сглазить. Видела Бакста, которого достаточно ругала и который внезапно умчался в Берлин. Совершенно неожиданно приехал к нам Боря Бугаев⁶. Вы, кажется, его средне любите? Скажите Ауслендеру, что насчет безграмотности это не я утверждаю, да и бездарности я не утверждаю, отнюдь! А точно: мне эта вещь показалась очень *старой*, очень обыкновенной, стиля же нет вовсе. Уму А<усленде>ра верю по вашей рекомендации – и только. Ну, простите, Валичка, ежели я опять что-ниб<удь> не так написала, но я была оч<ень> искренна, а «обмен мнениями» тем и дорог. Пишу вам с удовольствием, ибо многое выясняю, кстати, и себе из того, что мне скоро придется писать и о чем часто думаю. Считаю, что если выражаюсь *для вас* непонятно, – значит, скверно выражаюсь. Учусь.

Посылаю вам много нежностей и прощаюсь – с надеждой на ответ.

Ваша

Зин. Г.

¹ Стихотворение опубликовано: Весы. 1906. №3/4.

² См. примеч. 7. к письму 17. Здесь, однако, сделан выпад в адрес не только Чулкова, но и не названного по имени Вячеслава Иванова, предисловие которого к книге Чулкова называлось «Идея неприятия мира и мистический анархизм».

³ Обсуждение вопроса о сексуальной ориентации Ауслендера см.: *Богамолов Николай*. Итальянские письма Нины Петровской // Archivio italo-russo. Trento, 1997. P.124; Из переписки Нины Петровской / Публ. Р.Л.Щербакова и Е.А.Муравьевой // Минувшее. Вып.14. М.; СПб., 1993. С.384.

⁴ Речь идет о Модесте Людвиговиче Гофмане (1887–1959) – тогда начинающем литераторе, входившем в круг близких знакомых Вяч. Иванова, впоследствии известном литературоведе. Впрочем, не исключено, что Гиппиус путает его с поэтом В.В.Гофманом.

⁵ Неточная цитата из стихотворения Гиппиус «Водоскат» (1905). В тексте первая строка выглядит: «Ты с бедной человеческою нежностью».

⁶ Андрей Белый приехал в Париж 1 декабря 1906 и провел там три месяца.

24

Суббота утром.
Париж

Валичка, милый мой, ну что это, что вы «взаправду» обиделись? Просто не ожидала и стыжусь. Особенно дико, что в П<е>т<е>р-б<урге> вы не обижались на Д<митрия>С<ергеевича>, а здесь, когда он был смиренно добродушен, в сущности, да и не мог быть иным (у нас иные условия житейские, которых вы не увидали), – здесь вы обиделись на «хозяина (?) дома»!!

Я, ей-Богу, все-таки не верю, хотя Дима и уверяет, что вы «серьезно».

Приходите к нам завтра вечером, в воскресенье. Приходите часов в 9, чтобы не мучаться с извощиками <так> потом.

И будьте вы проще, милый Валичка. Вы же чувствуете, что у меня есть настоящий кусочек чего-то очень хорошего к вам, – в моей душе – к вам. Может быть, на всем свете такого именно (по качеству, не по количеству) ни у кого больше к вам и нет, и надо это ценить, как я ценю сама.

Итак, до завтра.

Ваша

Зин. Г.

P.S. Баксту скажите (он еще остается?), чтобы он непременно как-нибудь зашел ко мне днем, часа в 4, 5. Спросите его, в какие дни он свободен. Скажите, что жену его¹ я ругать не буду, ибо никакого к тому основания не имею (в глаза ее никогда не видала), а его – непременно буду, всячески, и не могу иначе. Честно предупреждаю; чтоб если боится, то и не приходил бы.

¹ Жена Л.С.Бакста – Любовь Павловна, урожд. Третьякова, по первому мужу Грищенко. Об их отношениях см.: *Бенуа Александр*. Мои воспоминания. Кн. 4-5. С.438.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

МЕРЕЖКОВСКИЙ – НУВЕЛЮ

1

14 Января 1901

Дорогой Вальтер Федорович, думаю, что мы все уже не то что не должны, а просто не можем, если бы и хотели, покинуть Философова. Именно со вчерашнего дня он не только Вам, но и нам стал как родной, и чем больше он отталкивает нас, тем сильнее мы его любим, даже не жалеем, а именно *любим*. Но я почувствовал вчера, что Вы его любите особенно, потому что лучше всех нас знаете. Ежели кто может его спасти, то именно Вы, и он весь на Вашей ответственности. Мало того, мне кажется, что и он Вас любит, хотя сам этого *пока* не знает, но непременно когда-нибудь узнает. Вас, впрочем, трудно узнать, это я на себе испытал. Но Философов для этого достаточно внутренне тонок и чуток, несмотря на всю свою внешнюю (притворную иногда и даже неискренне притворную) грубость и глухоту.

Итак, вопроса быть не может – уйти ли Вам? Я почти уверен, что без Вас никогда не придет к нам Философов. Вы неизбежный путь его к нам. И мы все уже настолько любим его, что без него нельзя нам быть. И зрителем мы его допустить не можем. Какой он «оглашенный»! Какие мы «священники»! Или ничего нет, или мы все равны, и даже не равны, а самые последние (поздние) должны оказаться самыми первыми. Это не «смирение» – а логика, математика.

Вот насчет Гиппиуса¹ и Бакста есть сомнения: если Философов уйдет, то почти наверное навсегда, ибо он действительно, как Вы сказали, «стар», и действительно страшно за него.

А Гиппиус, пожалуй, слишком молод, и у него жесткость и кислоты неспелых плодов, – просто ему, может быть, надо полежать. Если он уйдет, то почти наверное вернется, и тогда будет зрелый. Но, конечно, лучше бы и он не уходил, особенно теперь, для Философова. Бакст *уже* религиозный человек, как все евреи. Думаю, что он никогда окончательно не будет наш, но он может быть долгое время <?> очень полезен и дорог нам, даже стоя *около* нас, почти против нас. Но не мешает ли он Философову? Как бы их примирить.

Знаете ли, – несмотря на почти невыносимую аскетическую мучительность вчерашнего вечера, он все-таки оставил во мне глубокое и *сладостное* чувство. Все чудится мне, что *кто-то* при дверях, на пороге другой комнаты действительно стоял и хотел войти². И теперь от нас зависит, чтобы Он вошел.

А «искушения» даже вовсе не было, думаю, что в этом смысле искушения и никогда не будет, по крайней мере для меня. Тут помогает мне мое сознание и некоторое знание: из-за чего же Нитче

<так!> погиб так жалко, так стыдно: второй раз на этом сойти с ума нельзя! Думаю, что «приживальщик» с «хвостом, как у датской собаки»³ измышляет для нас какие-нибудь более хитрые искушения.

Чувствую себя совсем больным от вчерашнего, но очень бодрым и надеюсь, что приду сегодня к Розанову⁴.

Верю, что не надо говорить, – что Вы сами чувствуете, что мы, я и Зинаида Николаевна, любим Вас.

Д.Мережковский

А что делать с Перцовым⁵? Не виноваты ли мы перед ним? И если так, то как бы это исправить? Он мне, право, даже и мил, как родной!

¹ Владимир Васильевич Гиппиус (1876–1941) – поэт и литературный критик, дальний родственник З.Н.Гиппиус. О его связях с Мережковскими в 1900–1901 см.: *Гиппиус Зинаида. Дневники. Т.1. С.91-92.*

² Отсылка к евангельскому образу: «Так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях» (Мф., 24: 33).

³ Имеется в виду дьявол. Слова в кавычках – перефразировка описания черта в кошмаре Ивана Федоровича Карамазова: «Гость ждал и именно словно приживальщик <...> Раздень его и наверно отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки, в аршин длинной, бурый...» (*Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т.15. С.71, 86.*)

⁴ Об отношениях Мережковских с В.В.Розановым см. в воспоминаниях З.Н.Гиппиус «Задумчивый странник» (*Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица.*)

⁵ Петр Петрович Перцов (1868–1947) – литератор, журналист, формальный издатель журнала «Новый путь». Подробнее об отношениях Мережковских с ним см.: Письма Д.С.Мережковского к П.П.Перцову / Публ. М.Ю.Кореновой // *Русская литература. 1991. №2-3*; Письма З.Н.Гиппиус к П.П.Перцову / Публ. М.М.Павловой // *Там же. №4.*

2

4 Июня 1901

Луга (Варшавской ж. д.)

Дача Пешкова № 1.

Дорогой Вальтер Федорович, умирает или уже умер Л.Толстой¹. В моей статье есть выражения, которые можно употребить о живом, но не о мертвом. Ввиду этого, пожалуйста, пришлите мне еще раз корректуру следующего, т.е. Июльского, номера². Я исключу то, что теперь не подходит. Это необходимо до такой степени, что лучше задержать номер или даже снова отпечатать статью, чем пускать ее в таком виде. Полагаю, что с этим согласятся и Дягилев, и Философов. Если надо, телеграфируйте им.

Слышал о смерти Вашего брата³ и глубоко Вам сочувствовал.
Сердечно Ваш

Д.Мережковский

¹ Слух этот оказался неверным.

² Речь идет о печатавшемся в журнале «Мир искусства» исследовании Мережковского «Л.Толстой и Достоевский».

³ О братьях Нувеля Ричарде, Федоре и Эдуарде см.: *Бенуа Александр. Мои воспоминания.* Кн.4-5. С.486-488. Какой именно (Эдуард или Федор) из рано умерших братьев имеется здесь в виду, мы не знаем.

3

7.8.<1902>

Дорогой Вальтер Федорович,
очень прошу Вас во имя общего дела доставить мне тот № *Мира Искусства*, где помещена моя статья «Целомудрие и Сладострастие» (об *Ипполите* Еврипида¹), а также адрес художника *Нестерова*². Простите за беспокойство, очень нужно. Пошлите и то и другое в Лугу³, имение Заклинье. Нестерову мы хотим заказать обложку журнала³.

Сердечно Ваш

Д.Мережковский

Год устанавливается по содержанию.

¹ Статья Мережковского «Трагедия целомудрия и сладострастия» была напечатана в №7-8 первого тома «Мира искусства» за 1899. Видимо, просьба о присылке статьи была связана с готовившейся премьерой «Ипполита» (см. выше, в письме 5 Гиппиус).

² Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942).

³ Замысел заказать Нестерову обложку журнала «Новый путь» не был осуществлен. Журнал выходил в шрифтовой обложке.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

НУВЕЛЬ – ФИЛОСОФОВУ

1

<13 ноября 1906>

Дорогой Дима,

Что же это такое? Неужели снова недоразумение? В четверг я прождал Вас с 10 ч. до 1 ч. на выставке¹, согласно посланному мной накануне письму, но Вы не явились! При этом ни слова объяснения

от Тебя! Был ли Ты без меня? Если нет, то не хочешь ли встретиться завтра в воскресенье в 10 ч. в Русском отделе? Если да, то дай знать телеграммой. Если нет, то приходи во всяком случае днем, иначе Ты уже не застанешь нашей выставки, ибо она закрывается завтра.

Я нарочно не хочу Тебя на свою Conférence, ибо считаю ее хламом. Преступно <?> сдался на упрощения товарищей.

Целую Тебя

Твой Нувель

Дмитрию Сергеевичу передай, что M-me Bord рада его видеть каждый вечер с 8 ч. 90, Avenue Niel.

Суббота, 10 / XI.1906

¹ Речь идет о русском отделе парижского Осеннего салона (Salon d'automne), организацией которого занимался С.П.Дягилев.

2

22 / X.1907

Дорогой Дима,

Вчера я собрался к Пирожкову¹ (после того, что 1½ недели прождал ответа на мое письмо). Выяснить однако там ничего не удалось. Не ругай меня за бестолковость. Так, на расстоянии, невозможно решать за других. – Будь любезен, выработай сам план издания и почти – бюджет. Я, напр<имер>, не знаю Ваших намерений: хотите ли Вы, чтобы это было сугубо роскошное издание (цена 10 р. приблизительно) или Вы хотите лишь более «изящное» издание (цена 3–5 р.). Из этого же придется исходить. В первом случае нужны: особый шрифт, малое количество экземпляров, дорогая бумага. Во втором можно ограничиться лишь вставлением в прежний набор (это мечта Пирожкова) – иллюстраций. Теперь отосительно их самих. Что предпочел бы Д<митрий> С<ергеевич> – род документов для потомков (т.е. главные типы и костюмы, проекты декораций) или же настоящие иллюстрации без мысли о сценических условиях. – Покамест я еще не заказал, меня² и то и другое соблазняет, но, раз избрав путь, будет трудно его менять. Решайте Вы за меня. – Решите также количество иллюстраций и характер их. Хотите Вы, например, «Buchschmuck», тогда следовало бы каждую «картину» начинать заставкой и кончать концовкой, следовало б<ы> сделать фронтиспис и какие-нибудь украшения в буквах над оглавлением и проч. Или предпочитаете Вы иллюстрации – в виде виньеток в менее значительных местах и в виде целых листов насупротив главнейших мест? Последние можно б<ы> сделать и в несколько красок. Я б<ы> даже просил мне дать советы о гонораре. Можно запросить 35 р. за виньетку и 100 р. за Vollbild (оригиналь-

ные мои) или это дорого? Лучше б<ы> всего Тебе выработать приблизительную смету. И сделай ее автократно, пришли мне ее готовой, дабы не тратить время на переговоры. Если же я найду что-то неладное, то извещу Тебя, и тогда поторгуюсь. Нужно исходить из чего-либо готового. —

Когда же Вы возвращаетесь? Вы очень нужны нам — мне в особенности. Без Ваших коррективов я рискую сделаться односторонним, т.к. не выхожу из братии Кости, Валички, Аргутона, Кузьмина <так!>³ и проч.* Не знаю, однако, получите ли Вы здесь что-либо. Правда, для меня закрыты целые (быть может, самые важные) сферы нашей жизни, а Вы как раз найдете к ним доступ. Но как будто и от этих сфер смердит тухлятиной. Нужно что-то совсем другое, но это другое так далеко и невероятно, что и мечтать о нем нелегко. Русская действительность никогда еще не была такой плоской, уютной, коварной, циничной, безмысленной и загадочной, нежели теперь. Если б<ы> Вам удалось приглядеться к вещам ближе (это еще не значит вернее — где истина?), то Вас поразили бы самые несуразные не то мерзкие, не то милые сюрпризы. Для эстетического отношения есть во всяком случае материал, и я «смакую», как еще никогда. Не презирайте меня за это — черта эта в общем механизме и лишенная значения.

Целую

Ваш В.Нувель

<Приписка к дате:> Какое-то ноября по-французски. — Увы, это все отсюда бесконечно далеко. И в Salon d'automne оттого не поехал. Где нам!

¹ Пирожков Михаил Васильевич (1867—1927) — петербургский издатель, услугами которого пользовался Мережковский. Здесь речь идет о подготовке неосуществившегося издания драмы Мережковского «Павел I» с иллюстрациями Нувеля.

² В оригинале — «мне».

³ Костя — Константин Андреевич Сомов; Валичка — уменьшительное имя самого Нувеля; Аргутон — князь Владимир Николаевич Аргутинский-Долгоруков (1874—1941), чиновник Министерства иностранных дел, коллекционер; Кузьмин — искаженная фамилия М.А.Кузьмина. Набор имен показывает, что речь идет о круге сугубо гомосексуального общения.

* Иванов еще не вернулся. Вы, вероятно, слышали, что Лидия Дмитриевна скончалась. — Примеч. Нувеля.

3

19 окт<ября> / 1 ноября <19>07¹

Мой милый Дима,

Мне хочется сегодня сказать тебе несколько слов. Мы давно не писали друг другу. Но за это время я часто и с любовью думал о тебе.

Неожиданная смерть Лидии Дмитриевны Ивановой² поразила и взволновала меня. Стало как-то жутко, страшно и за себя, и за других, близких. И вот я хочу сказать тебе, что, несмотря на внешнее отдаление и на многое, разделяющее нас, – ты мне близок и дорог как прежде, и что память о прошедшем будет для меня всегда драгоценна.

Не отвечай мне, если не почувствуешь искренней потребности.

Просто мне хотелось, чтоб ты знал, что я не забыл тебя.

Любящий тебя

Валя

¹ Дата написана карандашом и, вероятно, принадлежит Философому, обозначая день получения письма.

² Жена В.И.Иванова Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал скончалась 17 октября 1907 от скарлатины, которой заразилась, ухаживая за больными крестьянами.

4

10 / 23. I. 1908

Дорогой Дима,

Твое письмо о смерти И.И.Щукина потрясло меня¹. Что же это за загадки? Что привело его к самоубийству? Слышал я, что в этом году как раз кончился его многолетний роман. Кто кого бросил? Бакст уверяет, что она, как всякая француженка, должна быть похожа на пьявку: насосавшись, отпадает. – Если это так, то можно понять его душевную пустоту (хотя дама она была довольно несносная и не очень аппетитная). Но странно было уже то, что год назад он продал всю свою художественную библиотеку Голубеву². Видимо, он начал сбиваться, терять почву. Да и отношение его к коллекции за последнее время было странное: он перестал в нее «верить»³. Несмотря на то, что «принято было» его не любить, у меня сохранилось после этого моего пребывания в Париже скорее приятное воспоминание. Он очень изменился сравнительно с прежним. Но эта перемена и повела его к смерти. Во всяком случае, трагический конец этот сообщает ему теперь ореол. «Не всякий» отравится. И если следует считать самоубийство малодушием по сравнению с тяжелым подвигом вынести сознательно свою жизнь до конца, то, с другой стороны, самоубийство – акт глубокого героизма и красоты в сравнении с тусклым прозябанием и унижительным закрыванием глаз. И<ван>

И<ванович> вырос теперь для меня в неожиданную высоту, и я думаю, Ты это чувствуешь тоже. Я думаю тоже, что Тебе не только совестно перед ним, но и жаль того, что не оценил человека, быть может, *достойного*. И себе и Вам даю на будущее время совет: будем внимательнее и шире. Возможность заложена во всяком и всякий может дать, нужно только уметь *спросить*.

Дорогой, у меня совсем не клеится с иллюстрациями для «Павла». Не лежит душа да и времени нет. Все же почти все набросано, а 3 доведены до конца. Ими я недоволен. Теперь же узнал, от «Шиповника»⁴, что у Вас идут переговоры с ним. С другой стороны, от Пирожкова ни звука, он меня не торопит, а я нуждаюсь в подстегивании. Выясни этот вопрос.

Как отнеслись французы к Вашей книге⁵? Завелись ли вокруг нее какие-нибудь новые отношения? Я ее теперь читаю. Когда прочту до конца, то, *если захочешь*, выскажусь. Я вообще не считаю себя (и всякого друг<ого>) вправе *лезть* со своим мнением. Таковое бывает иногда слишком некстати.

Целую Тебя. Жду Твоей статьи в «Руне»⁶, но боюсь, что издали Ты совсем не разобрался в том, что тут делается. Пиши.

Любящий Тебя

В.Нувель

¹ Шукин Иван Иванович (1869—1908) – коллекционер, журналист и искусствовед, сотрудник «Весов», постоянно живший в Париже с 1893, брат более известных С.И. и П.И. Шукиных. Покончил с собой, приняв цианистый калий, 2 января 1908. Среди причин его смерти называлось тяжелое денежное положение, отчасти вызванное романом со «старой, хорошо известной м-ль Бертой» (Из записей Н.И.Вишнякова // *Демская А., Семенова Н. У Шукина, на Знаменке...* <М., 1993>. С.64).

² Голубев Виктор Викторович – коллекционер персидских миниатюр. Жил в Париже. Сведения Нувеля о судьбе богатой библиотеки И.И.Шукина не вполне верны: большая ее часть была подарена владельцем парижскому Институту восточных языков.

³ Основным предметом собирательства И.И.Шукина были картины старых испанских мастеров. Однако после его смерти выяснилось, что значительную часть собрания составили подделки.

⁴ «Шиповник» – петербургское (после 1917 – московское) книгоиздательство, существовавшее в 1906–1922. Основано З.И.Гржебиным и С.Ю.Копельманом. Книга Мережковского вышла в 1908 в издательстве М.В.Пирожкова.

⁵ Имеется в виду книга Мережковского, Гиппиус и Философова «Le Tsar et la revolution», изданная в Париже на французском языке в 1907. См. первое русское издание: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и Революция*. М., 1999.

⁶ В «Золотом руне» за 1908 статьи Философова не появлялись.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА Д.П.СВЯТОПОЛКА-МИРСКОГО СЕРЕДИНЫ 1920-х ГОДОВ

*Вступительная статья, публикация и комментарий
А.Б.Розачевского*

Один из парадоксов трагической судьбы «красного князя» Д.П.Святополка-Мирского (1890–1939) заключается в том, что этот активно печатавшийся поэт, переводчик, историк, критик и публицист, который к тому же переписывался с родственниками и знакомыми чуть ли не по всей Европе, не оставил после себя сколько-нибудь значительного архива¹. Поэтому любая новая находка документов, связанных с его именем, вызывает закономерный интерес.

Нам посчастливилось обнаружить восемь писем Святополка-Мирского (или Д.С.Мирского, как он стал называть себя в эмиграции), датированных октябрём 1924 – мартом 1926 и написанных в Лондоне, где критик более или менее постоянно проживал с 1921 по 1932. Первые шесть из них хранятся в отделе рукописей библиотеки Редингского университета (Chatto & Windus correspondence 1915–1925: Mi-Mu; Archives of the Hogarth Press. MS 2750. File 7), последние два – в библиотеке Сассекского университета

* Настоящая работа представляет собой существенно дополненный вариант доклада, прочитанного на IV Международном семинаре по культуре русской диаспоры («Модернизм в русской эмигрантской литературе “первой волны”») в Тартуском университете (Эстония) 7 октября 2000 года. Хотелось бы выразить свою благодарность Британской Академии и Фонду Карнеги, чей щедрый грант сделал возможным это исследование / I would like to express my gratitude to the British Academy and the Carnegie Trust for the Universities of Scotland, whose generous grants made this research possible.

¹ Подробно о жизни Д.П.Святополка-Мирского (в том числе и о вероятных причинах, по которым не сохранился его архив) см.: *Smith G.S. D.S.Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000.*

(Leonard Woolf Papers). Пять писем адресованы Чарлзу Прентису (1891–1949), книжному дизайнеру и старшему партнеру в британской издательской фирме «Чатто и Уиндас» (Chatto & Windus), которой он руководил совместно с Гарольдом Реймондом (1887–1975) и Ианом Парсонсом (1906–1980); остальные три – известному литератору и политическому деятелю Леонарду Вулфу (1880–1969), основавшему, вместе со своей женой Вирджинией (1882–1941), издательство «Хогарт Пресс» (The Hogarth Press)².

Письма Мирского Прентису связаны с попыткой критика пристроить в печать английский перевод двух повестей А.М.Ремизова (1877–1957) – «Неумный бубен» (1910; отд. изд. 1922) и «Пятая язва» (1912; отд. изд. 1922). Мирский познакомился с Ремизовым в Петербурге осенью 1907, еще в бытность свою гимназистом, через посредство М.А.Кузмина³. Мирский чрезвычайно высоко ценил Ремизова и, по словам самого писателя, в период эмиграции «сделал для меня много доброго, может быть “из противоречия”»⁴. Разумеется, самое большее, что мог сделать для Ремизова Мирский, – это способствовать росту известности писателя в англоязычном мире. 21 февраля 1924 в литературном приложении к лондонской «Таймс» – пожалуй, самом авторитетном британском органе печати в том, что касается мира искусств, – была помещена анонимная рецензия на ремизовские «Крестовые сестры» (1918), «Пятую язву» и «Сказки русского народа» (1923), незадолго до того выпущенные отдельными книгами в Берлине, в издательстве Гржебина. Как удалось установить новозеландской исследовательнице Айрин Зораб, авторами этой рецензии были Святополк-Мирский и журналист новозеландского происхождения Гарольд Вильямс (1876–1928), знакомый Ремизова с 1905, бывший корреспондент газеты «Манчестер Гарди-

² Подробнее об истории «Чатто и Уиндас» и «Хогарт Пресс» см., например: Warner O. Chatto and Windus: A Brief Account of the Firm's Origin, History and Development. London, 1991; Willis J.H. Leonard and Virginia Woolf as Publishers: The Hogarth Press, 1917–1941. Charlottesville; London, 1992.

³ См. Кузмин М. Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С.428–429.

⁴ Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С.83. Ремизов платил Мирскому прилично: назначил критика «мексиканским полпредом» Обезьянней великой и вольной палаты (см.: Гуль Р. Я унес Россию. Т.1. New York, 1981. С.81) и даже публично уверял, что видит его во сне (см.: Ремизов А. Взвихренная Русь. London, 1990. С.115, 119). При этом писатель отмечал странность и непредсказуемость поступков Мирского, его снобизм (см.: Резникова Н.В. Огненная память... С.83). Любопытно, что в свое время отец критика, князь Петр Дмитриевич (1857–1914), находясь в должности пензенского губернатора, любезно разрешил политическому ссыльному Ремизову остаться в Пензе, «а не угнал куда-нибудь в Чамбары или Наровчат» (см.: Там же. С.82–83); а позднее, уже в качестве министра внутренних дел, позволил писателю возвратиться на жительство в Петербург (см. Smith G.S. D.S.Mirsky... P.144). По всей вероятности, Ремизов и Святополк-Мирский-младший возобновили прерванный революциями и войнами личный контакт в Берлине в 1922, а после переезда Ремизовых в Париж осенью 1923 с известной степенью регулярности встречались во Франции, куда критик, преподававший в лондонской Школе славянских исследований при Лондонском университете, приезжал во время каникул навещать родных.

ан» в России, а в описываемый период – заведующий иностранным отделом «Таймс»⁵.

В рецензии говорилось, что, несмотря на практически полную неизвестность Ремизова в Британии, он является самым крупным из русских писателей в возрасте до пятидесяти лет, в особенности если иметь в виду влияние, оказанное им на более молодых авторов, таких как А.Н.Толстой, Замятин, Пильняк и др. Выразалась также надежда, что английский юмор и неисправимая, непредсказуемая чужаковатость» («quaint humour and incurable, incalculable whimsicality») – окажутся ближе, чем русскому. Утверждалось даже, что по своенравию и эксцентричности Ремизов превосходит британских классиков Лоренса Стерна (1713–1768) и Чарлза Лэма (1775–1834). В качестве единственного серьезного препятствия на пути к популяризации Ремизова в Британии назывались трудности, ожидающие переводчика: язык писателя ориентируется по преимуществу на разговорную стихию, его необычный синтаксис строится на разговорной интонации, а не на логическом членении предложений, и это передать по-английски очень нелегко, хотя и вполне возможно⁶.

Первый перевод книги Ремизова на английский не замедлил появиться. В октябре того же года издательство «Чатто и Уиндас» выпустило «Часы» (1908) в переложении Джона Курноса (1881–1966), романиста, переводчика и эссеиста, американца русского происхождения, с 1912 по 1930 проживавшего главным образом в Великобритании⁷. Неясно, имел ли Мирский какое-либо отношение к этому переводу⁸, – известно, что он был знаком с переводчиком, но и только. По имеющимся на сегодня данным нельзя даже с точностью установить, к какому именно времени относится это знакомст-

⁵ Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English Readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews) // *New Zealand Slavonic Journal*. 1994. P.259-288.

⁶ См.: *The Times Literary Supplement*. 1924. February 21. P.108. Некоторые положения, высказанные в рецензии, впоследствии были развиты Мирским в его книге «Contemporary Russian Literature, 1881–1925» (London, 1926; см. посвященный Ремизову раздел на с.281-291). О проблемах перевода Ремизова см. также: *Ginsburg M. Translating Remizov // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. by Greta N. Slobin. Columbus (OH), 1987. P.19-24.*

⁷ См.: *The Clock. By Alexei Remizov / Authorized transl. by John Courmos. Chatto & Windus: London, 1924. 223 pp.* Кроме «Часов», в книгу вошли такие сочинения, как «Светло-Христово Воскресение» из «Отреченных повестей» (1912), «Суженая» из цикла «Русские женщины» (1914) и «Белое сердце» из сборника «Шумы города» (Ревель, 1921). О Курносе см.: *Cournos J. Autobiography. New York, 1982.*

⁸ Джеральд Стэнтон Смит толкует фразу Мирского «Все хлопочу с английскими переводами Ремизова» из письма от 14 мая 1924 музыковеду и евразийцу П.П.Сувчинскому (1892–1985) как, возможно, относящуюся к «Часам» в переводе Курноса. См.: *Smith G.S. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. P.27, 172.* С другой стороны, публикуемые ниже письма Мирского Прентису от 23 октября и 2 ноября 1924 как будто свидетельствуют, что курносовский перевод «Часов» Мирский получил от Прентиса только после выхода книги и лишь тогда ознакомился с нею впервые.

во (состоявшееся, впрочем, не позднее второй половины 1920-х)⁹. В любом случае качество перевода, по мнению рецензента литературного приложения к «Таймс», оставляло желать лучшего¹⁰.

Как бы там ни было, к осени 1924 на руках у Мирского оказалась рукопись перевода «Неуемного бубна», выполненного литератором и переводчиком Алексом Джоном Чарлзом Брауном (1900–1962). Браун изучал русский и сербский языки в Кембриджском университете (St. John's College)¹¹. Обстоятельства его знакомства с Мирским неизвестны (учитывая, что британских славистов в те годы было намного меньше, чем даже сейчас, не так уж удивительно, что пути Мирского и Брауна пересеклись), но можно предположить, что их связывало сотрудничество в престижном общественно-литературном журнале «Лондонский Меркурий» (The London Mercury), где Мирский регулярно публиковал эссе и рецензии, а Браун время от времени печатал свои стихи¹². Браун впоследствии оказался довольно плодовитым переводчиком. Так, благодаря ему появились английские версии «Голого года» Б.А.Пильняка, «Скутаревского» Л.М.Леонова, «Как закалялась сталь» Н.А.Островского, «Смерти Вазир-Мухтара» Ю.Н.Тынянова, «Охранной грамоты» Б.Л.Пастернака, «Дела Артамоновых» А.М.Горького и др.¹³ По-видимому, работа над переводом Ремизова стала одним из первых опытов Брауна в этой сфере деятельности¹⁴.

В связи с выходом «Часов» было вполне естественно попытаться предложить новый ремизовский перевод первому британскому издателю Ремизова, т.е. «Чатто и Уиндас». У Мирского там имелись кое-какие связи. Еще весной 1924 это издательство обратилось к нему с просьбой написать книгу о европейской литературе¹⁵ (к сожалению, осуществить эту идею не удалось). Глава издательства Прентис отнесся к переводу Брауна благосклонно. В письме П.П.Сувчинскому от 22 ноября 1924 Мирский сообщил, что «Неуемный бубен» «принят издателем»¹⁶. Поскольку повесть сама по себе была

⁹ См.: *Smith G.S. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinskii, 1922–1931... P.334.*

¹⁰ См.: *The Times Literary Supplement. October 30, 1924. P.683.* Как установила Айрин Зораб, автором рецензии являлся выходец из России, журналист, историк и переводчик Р.Д.Шарк (Richard Derek Charques; 1899–1959). Подробнее о нем см.: *Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English Readers... P.284.*

¹¹ Преподавателем его был, по всей видимости, родившийся в Ирландии А.П.Гауди (Alexander Porter Goudy; ?–1946), член Клэр Колледжа, занимавший пост доцента славянских языков с 1905 по 1937. См.: *Boyd B. Vladimir Nabokov: The Russian Years. London, 1990. P.174.*

¹² См., например: *Brown A.J.C. The Searched One Found; School // The London Mercury. Vol.13. №77. March. 1926. P.456.*

¹³ См.: *Pilniak B. The Naked Year. New York, 1928; Leonov L. Skutarevsky. London, 1936; Ostrovsky N. The Making of A Hero. London, 1937; Tynianov Yu. Death and Diplomacy in Persia. London, 1938; Pasternak B. Safe Conduct: An Early Autobiography and Other Works. London, 1959; Gorky M. The Artamonov Business. London, 1969.*

¹⁴ Кроме того, Алек Браун переводил с французского книги Эмиля Золя, Анатоля Франса, Оноре де Бальзака, а также различные югославские книги.

¹⁵ См.: *Lavroukine N. Maurice Baring and D.S.Mirsky: A Literary Relationship // The Slavonic and East European Review. Vol.62, №1. January. 1984. P.29.*

¹⁶ *Smith G.S. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinskii, 1922–1931... P.36.*

слишком коротка, чтобы опубликовать ее отдельным изданием, было решено присоединить к ней «Пятую язву». Объявление о книге появилось в плане издательства на 1926 год. И тем не менее она так и не вышла. Издание сатирического романа Шейна Лесли (Shane Leslie, 1885–1971; двоюродный брат Уинстона Черчилля и добрый знакомый Льва Толстого) «Студент из Кембриджа» («The Cantab»), выпущенного «Чатто и Уиндас» в 1926, поставило издательство в сложное положение: роман был объявлен католической церковью непристойным и затем изъят из продажи самим автором в результате протестов, последовавших из Кембриджского университета. В такой ситуации издание обличительных и, по тогдашним представлениям, богохульных произведений Ремизова, к тому же явно не суливших коммерческого успеха, решено было не предпринимать. Перевод ремизовских повестей был напечатан лишь в 1927 в леворадикальном издательстве «Уишарт и К^о» (Wishart & Co)¹⁷, перекупившем права на издание у «Чатто и Уиндас» за 164 фунта 5 шиллингов и 10 пенсов¹⁸, – и встречен восторженной рецензией Мирского¹⁹. Непосредственное участие Мирского в судьбе перевода, естественно, широко не афишировалось, хотя Браун в своем пространном предисловии к книге и благодарил критика за совет²⁰. Роль Мирского и Брауна в деле пропаганды творчества Ремизова в англоязычном мире трудно переоценить: по сей день брауновский перевод остается только одним из трех, вышедших по-английски в виде книги. Если не считать спе-

¹⁷ См.: *The Fifth Pestilence, together with The History of the Tinkling Cymbal and Sounding Brass* (Ivan Semyonovitch Stratilatov). By Alexei Remizov / Transl. from the Russian with a Preface by Alec Brown. London, 1927. О фирме «Уишарт и К^о», с 1935 известной как «Лоренс и Уишарт» и прославившейся, в частности, тем, что она выпустила в свет полное собрание сочинений Маркса и Энгельса на английском языке, см. раздел, написанный Джонатаном Роузом, в кн.: *British Literary Publishing Houses, 1881–1965* / Ed. by J. Rose and P. J. Anderson. Detroit; London, 1991. P. 343–344.

¹⁸ См. переписку на этот счет в отделе рукописей библиотеки Редингского университета, в фонде «Чатто и Уиндас» (Chatto & Windus correspondence 1926–1931: Wi-Wy), в особенности письмо Прентиса от 4 февраля 1927, адресованное С. Х. Рикворду (S. H. Rickword, 1899–1931), одному из ведущих сотрудников журнала «Календарь современной литературы» (*The Calendar of Modern Letters*), выпускавшегося «Уишарт и К^о» с марта 1925 по июль 1927. Любопытно, что за свой перевод Браун получил 50 фунтов стерлингов, тогда как Ремизову за права на английское издание было заплачено лишь 15 фунтов 15 шиллингов. Глубоко признателен за эту информацию г-ну Ботту, хранителю архивов и рукописей Библиотеки Редингского университета / For this information I am greatly indebted to Mr. G. M. C. Bott, Keeper of Archives and Manuscripts at the Reading University Library.

¹⁹ *The Slavonic Review*. Vol. 7. 1928–1929. P. 457–458. Мирский отозвался о Брауне как о «переводчике выдающихся достоинств», но возражал против параллелей между Ремизовым и Достоевским, проведенных Брауном в предисловии к переводу. Со свойственным ему ироническим максимализмом, Мирский предложил ввести пятнадцатилетний мораторий на чтение и обсуждение Достоевского для английских критиков, чтобы они наконец поняли, что в России существует не одна литературная традиция, а много.

²⁰ *Brown A. Preface // The Fifth Pestilence... P. XXV.*

циального выпуска американского журнала «Russian Literature Triquarterly» (1985. №18), почти целиком состоящего из переводов ремизовских произведений, то, помимо «Часов», существует еще английское издание «В поле блакитном» (1922), появившееся после Второй мировой войны²¹.

Разумеется, некоторые сочинения Ремизова переводились на английский, так сказать, поодиночке, для публикации в журналах или антологиях. Одной из таких антологий была так называемая «Книга медведя», куда вошли четыре ремизовских произведения: «Медведюшка» (под заголовком «Her Star-Bear»), «Колыбельная песнь» (The Bear's Lullaby), «Зайчик Иваныч» (Hare Ivanich) – все три из книги «Посолонь» (1907) – и «Заячья губа» (The Hare as Nurse to the Bear-cubs) – из сборника «Ё: Заяшныя сказки тибетские» (1921)²². В числе переводчиц и составительниц этой примечательной коллекции (куда, кроме Ремизова, вошли тексты И.И.Хемницера, И.А.Крылова, А.С.Пушкина, В.М.Гаршина, Л.Н.Толстого и др., а также несколько народных сказок), была кембриджский филолог-классик Джейн Эллен Харрисон (1850–1928), начавшая изучать русский уже в достаточно пожилом возрасте, но достигшая в освоении этого нелегкого языка довольно значительных успехов. С 1922 по 1926 она проживала в Париже и была лично знакома и с четой Ремизовых, и со Святополком-Мирским (с которым состояла в оживленной переписке)²³. Не без помощи Ремизовых Харрисон, в соавторстве с писательницей Хелен Хоуп Мирлиз (Helen Hope Mirrlees; 1887–1978), осуществила перевод «Жития протопопа Аввакума», который был опубликован в 1924 Леонардом Вулфом и его женой Вирджинией²⁴ в принадлежавшем им издательстве «Хогарт Пресс». Предисловие к изданию написал не кто иной, как Святополк-Мирский (он познакомился с Вулфами на квартире у Харрисон весной 1924 г.)²⁵. Первое из публикуемых

²¹ См.: *Remizov A. On a Field Azure / Transl. by Beatrice Scott. London, 1946.* Для сравнения: по-французски у Ремизова вышло не менее десяти книг; по-немецки – более дюжины.

²² См.: *The Book of the Bear / Being Twenty-One Tales newly translated from the Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, the pictures by Ray Garnett, with a Preface and Epilogue. London, 1926. P.13-29, 48-49, 85-88, 89-107.*

²³ Подробнее о Харрисон см. ее автобиографию «Reminiscences of a Student's Life» (London, 1925), а также *Stewart J. Jane Ellen Harrison: A Portrait from Letters. London, 1959; Peacock S.J. Jane Ellen Harrison: The Mask and the Self. New Haven; London, 1988.* Среди работ Харрисон, имеющих отношение к России, следует назвать не лишенный любопытства этюд «Russia and the Russian Verb: A Contribution to the Psychology of the Russian People» (Cambridge, 1915). О ее интересе к России говорится также в прочитанной в память о Харрисон лекции Мирского «Jane Ellen Harrison and Russia» (Cambridge, 1930). История взаимоотношений Мирского и Харрисон детально освещена в изд.: *Smith G.S. Jane Ellen Harrison: Forty-seven Letters to D.S.Mirsky, 1924–1926 // Oxford Slavonic Papers: New Series. Vol.28. 1995. P.62-97.*

²⁴ О них см., например: *Wilson D. Leonard Woolf: A Political Biography. London, 1978; Lee H. Virginia Woolf. London, 1996.*

²⁵ См.: *The Life of the Archpriest Avvakum, by Himself / Transl. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S.Mirsky. London, 1924.* Характерно, что вся книга посвящена чете Ремизовых.

здесь писем Мирского как раз затрагивает тему подготовки «Жития Аввакума» к печати. Само по себе письмо это не требует пространныго комментария, но хочется воспользоваться возможностью рассказать чуть больше о самом издании, а также о роли, которую в нем сыграл Мирский. Мы будем опираться на малоизвестные подробности, почерпнутые из архивов Редингского и Сассекского университетов.

Основанное в 1917 издательство «Хогарт Пресс» задумывалось прежде всего как своего рода лечебное средство для страдавшей тяжелыми нервными расстройствами Вирджинии Вулф, а попутно – для выпуска в свет высококачественной, но малотиражной литературы, т.е., иначе говоря, как некоммерческое предприятие. В этом смысле «Аввакум» идеально подходил Вулфам. Списки проданных экземпляров «Жития», хранящиеся в Сассекском университете (Ms13, Ad.14, IQ1a, с.155-157), показывают, что к концу декабря 1925 г., т.е. примерно через год после выхода книги (состоявшегося 30 октября 1924), разошлось всего 248 экземпляров (общий тираж, к сожалению, неизвестен)²⁶. При этом значение перевода «Жития» для ознакомления англоязычного мира с выдающимся памятником русской литературы позднего средневековья, а равно и с самим фактом существования средневековой русской литературы трудно переоценить. Не случайно приходо-расходные книги «Хогарт Пресс», хранящиеся в Сассекском университете, показывают, что даже во второй половине 1930-х «Житие» не просто продолжало потихоньку распродаваться, но уже окупилось и начало приносить издательству небольшой доход²⁷. Характерно, что в 1963 книга была переиздана.

Переписка Хоуп Мирлиз с Леонардом Вулфом, находящаяся в Редингском университете, проливает свет на одно обстоятельство, до сих пор, кажется, ускользавшее от внимания исследователей. В письме Мирскому, предположительно датированном сентябрем 1924, Харрисон сообщает, что она и Хоуп Мирлиз посылают Вулфу некую карту для репродукции в томике с переводом «Жития»²⁸. Между тем в книге карта отсутствует. Публикатор письма профессор Смит, самый авторитетный специалист по творчеству Мирского, никак не комментирует этот эпизод. Из письма Мирлиз Вулфу от 31 августа 1924 становится понятным, что Мирский собственноручно нари-

²⁶ Для сравнения: приблизительно полгода спустя после публикации «Книги медведя» было распродано 3000 экземпляров – цифра по тем временам и для такого типа издания весьма впечатляющая. См. письмо Харрисон Мирскому от декабря 1926 в уже упоминавшейся публикации: *Smith G.S. Jane Ellen Harrison... P.97*. Кстати говоря, Смит ошибается, утверждая, что «Книга медведя» вышла в «Хогарт Пресс» (*Smith G.S. D.S.Mirsky... P.99*). Сборник появился благодаря усилиям «Нансач Пресс» (*The Nonesuch Press*). Об этом издательстве см.: *Dreyfus J. A History of the Nonesuch Press. London, 1981*. Попутно внесем еще одно уточнение: упоминаемый в письме Харрисон Мирскому от 28 марта 1926 один из ее знакомых, фамилия которого расшифровывается Смитом как *Salurmeni* (*Smith G.S. Jane Ellen Harrison... P.89*) – это, по всей вероятности, специалист по итальянскому фашизму Гаэтано Сальвемини (*Gaetano Salvemini; 1873–1957*), в марте 1926 читавший публичные лекции в Лондоне.

²⁷ См.: *University of Sussex: Annual accounts of the Hogarth Press (profit and loss books), 1934–1939*.

²⁸ См.: *Smith G.S. Jane Ellen Harrison... P.72*.

совал карту скитаний Аввакума по России и предлагал опубликовать ее вместе с текстом «Жития». Однако, как явствует из письма Вулфа Мирлизу от 2 сентября того же года, качество карты оказалось непригодным для типографского воспроизведения. К тому же Вулф считал, что карта для такого издания вообще не нужна. По его словам, «важно не то, где Аввакум ходил, а то, что в Аввакуме происходило» («the point is not where Avvakum went, but what went on in Avvakum»). В ответном письме от 15 сентября Мирлизу высказывалась в том смысле, что Бог с ней, с картой²⁹. Из вспомогательных материалов в английском издании «Жития» осталась только хронологическая канва жизни и деятельности протопопа.

Последние два письма Мирского Леонарду Вулфу из настоящей подборки тоже косвенным образом связаны с Джейн Харрисон. С начала 1926 Мирский усиленно собирал деньги на издание проевразийского журнала «Версть» (в 1926–1928 вышло три номера) и обратился к Харрисон за помощью. Она не только пожертвовала на журнал 50 фунтов стерлингов, но и посоветовала обратиться, в частности, также к Леонарду Вулфу, а через него – к крупнейшему тогдашнему британскому экономисту и весьма состоятельному человеку Джону Мейнард Кейнсу (1883–1946), члену влиятельного интеллектуально-художественного кружка Блумсбери (к каковому принадлежали и Вулфы)³⁰.

В письме Вулфу от 1 февраля 1926 Мирский заявлял, что затевает журнал вне политики, главным образом для того, чтобы печатать талантливых, но не востребованных в эмиграции писателей – таких, например, как Ремизов, – а затем просил о посредничестве в контакте с Кейнсом насчет спонсорства. Тонкий ход заключался в том, что, как Мирскому стало известно через Харрисон, Кейнс был лично знаком с Ремизовыми, а жена Кейнса, знаменитая русская балерина Лидия Лопухова (в английской транскрипции Лорокова; 1892–1981)³¹ испытывала большую симпатию к супруге Ремизова Серафиме Павловне Довгелло (1876–1943)³². В том же письме Вулфу, однако, дипломатичный Мирский утверждал, что Лопуховой якобы понравился сам Алексей Михайлович. В итоге Кейнс, хотя и не сразу, дал на журнал 20 фунтов.

В письме Вулфу от 3 марта 1926 Мирский, которому нужен был кто-нибудь, кто смог бы написать для «Верст» обзор современного состояния английской литературы, просил об услуге несколько иного рода – дать отзыв о литературно-критических способностях еще одного друга Вулфов, тоже блумсберийца, известного писателя, ныне почитаемого классиком, Эдварда Моргана Форстера (1879–1970)³³. Из того, что во втором номере

²⁹ University of Reading: Archives of the Hogarth Press. MS 2750. File 7.

³⁰ О Кейнсе см.: *Skidelsky R. John Maynard Keynes: A Biography*. London, 1983–1992. Vols 1-2. О Блумсбери существует обширная литература. Из недавних публикаций стоит, пожалуй, отметить: *Marler R. Bloomsbury Pie: The Making of the Bloomsbury Boom*. London, 1997.

³¹ О ней см.: *Lydia Lopokova / Ed. Milo Keynes*. London, 1983.

³² См.: *Smith G.S. Jane Ellen Harrison*... P.87.

³³ О блумсберийских связях Форстера см., например: *Johnstone J.K. The Bloomsbury Group: A Study of E.M.Forster, Lytton Strachey, Virginia Woolf, and*

«Верст» (1927, с.240-246) в переводе Мирского была опубликована статья Форстера «Современная английская литература», можно заключить, что отзыв был дан положительный и что Мирский в результате заручился согласием Форстера на сотрудничество. Английский оригинал форстеровской статьи считается утерянным. Впрочем, письма Мирского Кейнсу и Форстеру, похоже, тоже не сохранились³⁴.

В качестве эпилога к публикуемой корреспонденции хотелось бы сообщить, что произведения Ремизова печатались во всех трех выпусках «Верст». В самом первом номере этого печатного органа, в специальном приложении с отдельной пагинацией, было воспроизведено и «Житие протопопы Аввакума» – по собственноручной ремизовской копии, снятой с издания «Жития» 1916 года, осуществленного Императорской Археографической комиссией³⁵.

Что касается бурного романа Мирского с евразийским движением, это в конечном итоге привело к возвращению князя в Советский Союз (1932), где в качестве платы за «отпущение грехов» Мирский выпустил книгу «Интеллиджентсиа» (М., 1934). Здесь он крайне нелестно отзывался о кое-каких своих британских знакомых, в том числе о блумсберийцах, которые в свое время оказали ему поддержку в некоторых его начинаниях. По совпадению – вполне возможно, неслучайному – эту книгу Мирского на английский перевел не кто иной, как Алек Браун³⁶. Что же до последующей судьбы издательств «Хогарт Пресс» и «Чатто и Уиндас», то в 1946 году они слились.

Письма Д.С.Мирского к Ч.Прентису и Л.Вулфу (от 3 октября 1924) печатаются с любезного согласия Random House UK. Цитата из письма Л.Вулфа Х.Мирлизу от 2 сентября 1924 приводится с разрешения The University of Sussex Librarian.

their Circle. London, 1954; а также: E.M.Forster: Interviews and Recollections / Ed. J.H.Stape. New York, 1993. P.43-62.

³⁴ Согласно любезному сообщению Розалинд Моуд, хранительницы архивов Кейнса и Форстера (Кингз Колледж, Кембридж), в электронном письме от 20 марта 2001 к автору этих строк.

³⁵ См.: Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany. Paris, 1978. P.155.

³⁶ См.: The Intelligentsia of Great Britain. By Dmitri Mirsky / Transl. by Alec Brown. London, 1935. О восприятии этой книги в Британии и о невысоком качестве перевода см.: *Smith G.S. D.S.Mirsky...* P.237-238.

Д.П.Святополк-Мирский – Чарлзу Прентису

1

19 October 1924
15 Torrington Sq WC1

Dear Mr <С.Н.С.> Prentice,

I am sending to you under separate cover the translation of a story by Remizov, The Chronicled Life of I S Stratilatov¹. The translation is by an Englishman, Alec Brown, who has published some poetry in the Mercury². I do not know whether you will be at all interested in it, but as you have taken the initiative in presenting Remizov to the English public, I thought you ought to have the first look at this story. The story is in the opinion of all the younger generation of Russian writers one of the two or three most significant things in prose published in Russian within the last 15 years. It is certainly Remizov's masterpiece in the more conventional genres of writing. However it may seem very unconventional, indeed quite strange to the average Englishman. But you can judge of this better than I can. As for the translation, of course some of the original is missed, but as far as I can judge it <is> as good as can be expected in circumstances, and the English seems to me quite good. I have asked Brown to make some changes, where I think he has missed the meaning (these passages I have marked with a pencil), but the changes will hardly affect the general impression. The story may be too short for a volume & Brown is preparing the translation of a second of about the same size.

Excuse me for the bother & believe me

Yours sincerely

DS Mirsky

Перевод:

Дорогой г-н Прентис,

посылаю Вам отдельным почтовым отправлением перевод «Повести о Иване Семеновиче Стратилатове» Ремизова. Перевод выполнен англичанином Алемом Брауном, который опубликовал свои стихи в «Меркурии». Не знаю, заинтересует ли Вас вообще этот перевод, но, поскольку Вы взяли на себя инициативу по ознакомлению английской публики с Ремизовым, я полагаю, что Вам первому следовало бы взглянуть на эту повесть. По мнению всех молодых русских писателей, это одно из двух или трех наиболее значительных произведений в прозе, опубликованных по-русски за последние пятнадцать лет. Это, безусловно, ремизовский шедевр в том, что касается более традиционных литературных жанров. Тем не менее рядовому англичанину повесть может показаться необычной и даже довольно-таки странной. Но Вы – лучший судья в таких вопросах, чем

я. Что касается перевода, конечно, некоторые особенности оригинала сохранить не удалось, но, по моему мнению, перевод настолько хорош, насколько этого можно было ожидать в данных обстоятельствах, и английский язык <переводчика>, кажется, тоже очень хороший. Я попросил Брауна внести несколько изменений там, где, по моему, он неправильно понял, что хотел сказать автор (я отметил такие места карандашом), но эти изменения едва ли нанесут урон общему впечатлению. Повесть, наверное, чересчур мала для отдельного издания, и Браун сейчас работает над переводом второй, приблизительно такой же по объему. Простите за беспокойство и будьте уверены в моем совершеннейшем почтении.

Искренне Ваш

Д.С.Мирский

¹ «Неуемный бубен» вышел отдельным изданием в 1922 в Берлине под названием «Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове».

² См.: *Brown A.J.C. Beethoven Deaf // The London Mercury. Vol.9, №.52. February. 1924. P.344.*

2

14 Torrington Sq WC1
23 October 1924

Dear Mr Prentice,

many thanks for *The Clock*. I see from your catalogues that you are publishing quite a lot of Russian books, and not literature alone¹ but even a book on Relativity²!

Yours sincerely

DS Mirsky

Перевод:

Дорогой г-н Прентис,

большое спасибо за «Часы». По Вашим каталогам я вижу, что Вы издаете довольно много русских книг, и не только художественную литературу, но даже книгу по теории относительности!

Искренне Ваш

Д.С.Мирский

¹ Осенью 1924, кроме ремизовских «Часов», «Чатто и Уиндас» выпустили также 3-й том «Былого и дум» А.И.Герцена в переводе Констанс Гарнетт. Незадолго до того, в 1923, «Чатто и Уиндас» были изданы, например: *Dostoevsky: Letters and Reminiscences / Transl. by S.S.Koteliansky and J.Middleton Murry* и *The Overcoat and Other Stories / Transl. by Constance Garnett* (в сборник вошли произведения Н.В.Гоголя «Шинель», «Коляска»,

«Нос» и «Невский проспект» вкпе с некоторыми другими его повестями и отрывком из незавершенного романа «Гетьман»).

² Мирский имеет в виду книгу: Space, Time, Motion. By Prof. A.V.Vasiliev / Transl. by C.P.Sanger, with a Preface by Bertrand Russell. Рецензию на это издание см.: The London Mercury. Vol.11, №.64. February. 1925. P.446.

3

15 Torrington Sq WC1
2 Nov<ember> 1924

Dear Mr Prentice,

many thanks for your letter. I am very glad you like Stratilatov. I think you are right about the exaggerated closeness of Brown's translation. I have written to him communicating to him your comment. You will probably hear from him direct. This will take some time for he's in Serbia.

I have been reading The Clock, which I think has been very well translated. Cournos, I think, has an established reputation in America.

I have seen Mr F O'Dempsey's translation of Pilniak¹. It is fairly good, but perhaps he is not quite the man to translate such a difficult and delicate writer as Remisov. The Noises of the Town is a collection of short stories & prose-poems, some of which are exceedingly difficult to translate². I may add that The White Heart in the Clock volume is one of them. Another (Gone Out) appeared in №7 of the Slavonic Review (1924)³.

Yours sincerely

DS Mirsky

Перевод:

Дорогой г-н Прентис,

большое спасибо за Ваше письмо. Я очень рад, что Вам понравился «Стратилатов». Мне кажется, Вы правы насчет преувеличенной близости перевода Брауна к оригиналу. Я написал ему и сообщил о Вашей реакции. Он с Вами, наверное, сам свяжется. Это может занять некоторое время, так как он в Сербии.

Я читаю «Часы», которые, по-моему, переведены очень неплохо. У Курноса, кажется, солидная репутация в Америке.

Я видел перевод Пильняка, сделанный г-ном Ф. О'Демпси. Он неплох, но, по-видимому, О'Демпси – не вполне подходящая кандидатура для того, чтобы переводить такого непростого и тонкого писателя, как Ремизов. «Шумы города» – сборник рассказов и стихотворений в прозе, иные из которых невероятно трудны для перевода. Я хотел бы добавить, что «Белое сердце» в «Часах» – один из

таких текстов. Другой («Изошел») появился в седьмом номере журнала «Славянское обозрение».

Искренне Ваш

Д.С.Мирский

¹ Имеются в виду: *Tales of the Wilderness*. By Boris Pilniak, with an Introduction by Prince D.S.Mirsky / Transl. by F. O'Dempsey. London, 1924. В этот сборник вошли такие рассказы Пильняка, как «Над оврагом», «Поземка», «Наследники», «Год их жизни», «Лесная дача», «Имение Белоконское», «Тысяча лет» и др.

² См.: *Ремизов А.* Шумы города. Ревель, 1921.

³ Перевод ремизовского рассказа «Изошел», сделанный Джошуа Купером (Joshua Cooper), был напечатан в журнале «*Slavonic Review*» (Vol.3, №7. June. 1924. P.31-37).

4

6 November 1924
15 Torrington Sq WC1

Dear Mr Prentice,

The other story by Remizov Mr Brown is translating is called *The Fifth Plague*, it is one of the stories reviewed in the *Times Supplement*¹. I think the two stories will go together rather well.

Yours sincerely

DS Mirsky

Перевод:

Дорогой г-н Прентис,

вторая повесть Ремизова, над переводом которой работает г-н Браун, называется «Пятая язва». Это одно из произведений, отрецензированных в литературном приложении к «Таймс». Мне кажется, обе повести будут неплохо смотреться рядом.

Искренне Ваш

Д.С.Мирский

¹ См. примеч. 7 к вступит. статье.

5

15 Torrington Sq WC1
(after March 25¹: 214 rue de Bécon,
Courbevoie (Seine), France
22.3.<19>25

Dear Mr Prentice,

many thanks for your letter, & for your kind words concerning Stratiatov and the Fifth Pestilence. Brown wrote me about your appreciation of them, & about interesting comparison of Remizov with Joyce. I hope they will be a success.

As for Bely, I cannot think of anyone to recommend to you as a translator. This task would require qualifications that are seldom found together, first of all a very good knowledge of Russian and a very high mastery of English. Brown is the only man I know of who approximates to this ideal, but I am not sure even whether he has read Bely. Bely's literary personality is very different from Remizov's, and a sympathy with Remizov's genius does not necessarily imply a sympathy with Bely's. There exist German translations of two of Bely's novels (*The Silver Dove & Petersburg*)². I have not seen them, but German translations are often quite good.

I have been writing hardly at all for the periodicals lately... I am full up with my work at two great books on Russian literature (before and after 1880). The second is ready. They are for Knopf's³, but I am afraid I have made a bungle with the English copyright, for Knopf's have it in the case of second book (after 1880), but not the first. I wonder whether any English publisher would agree to take such circumstances. I have not yet approached anyone on the matter, and am rather afraid of doing so⁴.

I am leaving for France in two days, for a month.

Yours sincerely

DS Mirsky

Перевод:

Дорогой г-н Прентис,

большое спасибо за Ваше письмо и за добрый отзыв о «Стратилатове» и «Пятой язве». Браун написал мне о Вашей оценке этих произведений и об интересном сравнении Ремизова с Джойсом. Надеюсь, повести будут пользоваться успехом.

Что касается Белого, не знаю, кого порекомендовать Вам в качестве переводчика. Эта задача потребует качеств, которые редко можно встретить в одном и том же человеке, прежде всего – очень хорошее знание русского и блестящее владение английским. Браун – единственный из тех, кого я знаю, кто приближается к идеалу, но я не уверен даже, читал ли он Белого. Литературная индивидуальность Белого существенно отличается от ремизовской, и симпатизирование таланту Ремизова вовсе не обязательно означает симпатию по отношению к Белому. Имеются немецкие переводы двух романов Белого («Серебряный голубь» и «Петербург»). Я их не читал, но немецкие переводы обычно очень недурны.

В последнее время я мало пишу для периодических изданий... Я очень занят работой над двумя большими книгами по истории русской литературы (до и после 1880). Вторая готова. Они предназначены для издательства Кнопфа, однако, кажется, я сглупил с английским копирайтом, поскольку у Кнопфа он имеется на вторую книгу (после 1880), но не на первую. Интересно, найдется ли английский издатель,

который заинтересовался бы <ею> при таких обстоятельствах. Я еще ни к кому не обращался и боюсь даже начинать.

Я уезжаю во Францию через два дня, на месяц.

Искренне Ваш

Д.С.Мирский

¹ После 25 марта.

² См.: *Bjälly A. Die silberne Taube / Übersetzung: Lully Wiebeck. Frankfurt, 1912; Petersburg / Übersetzung: Nadja Strasser. München, 1919.*

³ Альфред А. Кнопф (1892–1984) – видный американский издатель, выпустивший около 5000 различных изданий. Среди публиковавшихся им авторов было 16 нобелевских лауреатов. Большое внимание уделял неамериканским писателям. В 1966 уступил свой бизнес фирме Random House.

⁴ В итоге английским издателем обеих упоминающихся здесь книг Мирского – «Contemporary Russian Literature, 1881–1925» (1926) и «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky» (1927) – стала фирма George Routledge & Sons Ltd. См. о ней: *Franklin N. 150 Years of British Publishing: Routledge and Kegan Paul. London, 1985.*

Д.П.Святополк-Мирский – Леонарду Вулфу

6

15 Torrington Sq. WC1
3.10.<19>24

Dear Sir,

I enclose a copy of the proofs which has been corrected both by myself and by Miss Harrison and Miss Mirrlees, so it contains all the corrections¹.

Yours truly,

DS Mirsky

Перевод:

Дорогой сэръ, я прилагаю корректурные гранки, вычитанные как мною, так и г-жами Харрисон и Мирлиз, – тут содержатся все исправления.

Искренне Ваш

Д.С.Мирский

¹ В письме Хоуп Мирлиз Леонарду Вулфу от 31 августа 1924 говорится, что Мирскому необходимы корректурные гранки всего текста «Жития протопопа Аввакума» в английском переводе, а не только его собственного

предисловия, потому что один лишь Мирский может гарантировать правильность транслитерации российских географических названий. См.: University of Reading: Archives of the Hogarth Press. MS 2750. File 7.

7

15 Torrington Sq WC1

1.2.<19>26

Dear Mr Woolf,

I have been writing to Miss Harrison about a plan I have, & she has responded with even more than ordinary kindness & helpfulness. She has also advised me to write about it to you. This is the matter: as you probably know, the Russian press outside Russia is entirely under the control of the leaders of the émigré political parties, who give their columns to independent & non-political writers (novelists & poets) only in so far as those conform to their political demands. It thus happens that, for instance, the two writers who to my best understanding are the most significant writers outside Russia – Remizov & Marina Tsvetayeva (as well as others of minor but still considerable significance) have practically had their mouths stopped. For their works are either refused publication or censored in a most ridiculous way. The Russian money available outside Russia is also all at the service of the political parties, and thus Russian literature abroad is in the position of Balaam, – the prophet silenced & the ass allowed to prophesy <sic>¹. I am trying to find money in England for a magazine that would be free from political control, and that might unite under one cover independent writers living in & outside Russia. The main group of contributors here will be Remizov, Shestov, Marina Tsvetayeva and myself, and we hope to have the support of several writers living in USSR <sic>, including especially Pasternak, Mandelstam, Babel & Shklovsky.

I would be infinitely grateful to you if you could help me in this affair by your advice. Miss Harrison suggests that Mr Keynes might take an interest in it. But I do not know him. Do you think it would be possible to approach him about it? He has met Remizov in Paris at Miss Harrison's, and Mrs Keynes (Miss H. tells me) took very much to him.

Please excuse me for troubling you with so complex a business.

Yours sincerely

DS Mirsky²*Перевод:*

Дорогой г-н Вулф,

я написал г-же Харрисон об имеющемся у меня плане, и она ответила даже с еще большей добротой и готовностью помочь, чем обычно. Она также посоветовала мне обратиться в связи с моим

планом к Вам. Дело вот в чем: как Вы, наверное, знаете, русская пресса за пределами России полностью находится под контролем вождей эмигрантских политических партий, которые предоставляют свои страницы независимым и аполитичным писателям (романистам и поэтам) только постольку, поскольку такие писатели отвечают политическим требованиям этих вождей. И выходит так, что двум писателям, которые, с моей точки зрения, являются самыми выдающимися за пределами России, – Ремизову и Марине Цветаевой (а также и другим, менее крупным, но все же довольно значительным), – по существу, заткнули рот. Ибо их произведения или не принимаются к публикации, или подвергаются нелепейшей цензуре. Русские денежные средства в зарубежье также находятся в распоряжении политических партий, и таким образом русская эмигрантская литература пребывает в том же положении, что и Валаам: пророка заставили замолчать, а ослице позволили прорицать. Я пытаюсь раздобыть в Англии денег на журнал, который был бы свободен от политического контроля и объединил бы под одной обложкой независимых писателей, проживающих в России и вне ее. Основными участниками будут Ремизов, Шестов, Марина Цветаева и я, и мы надеемся заручиться поддержкой нескольких писателей из СССР, особенно Пастернака, Мандельштама, Бабеля и Шкловского.

Я был бы бесконечно признателен Вам, если бы Вы смогли помочь мне в этом деле советом. Г-жа Харрисон полагает, что моим планом мог бы заинтересоваться г-н Кейнс. Но я с ним не знаком. Как Вы думаете, можно мне к нему обратиться? Он встречался с Ремизовым в Париже у г-жи Харрисон, и Ремизов (по словам г-жи Х<аррисон>) очень понравился г-же Кейнс.

Пожалуйста, извините, что беспокою Вас по такому сложному делу.
Искренне Ваш

Д.С.Мирский

¹ Имеется в виду библейская история о пророке Валааме (Числа, 22-24).

² Впервые опубликовано, с небольшими сокращениями и разночтениями: *Smith G.S. D.S.Mirsky...* P.149.

Dear Mr Woolf,

we want to have articles on foreign literature in our Review, and want to start with England. The difficulty is that we can pay only French, i.e. practically nominal fees¹. I wrote to I.A.Richards² asking him to do it, but he is going to China and has no time. He suggests E.M.Forster, whom I

do not know as a critic at all. Can you give me some advice? What we want is a concise and historical view of the present state of English literature.

May I take this opportunity of asking Mrs Woolf's and your permission to reprint some paragraphs of my preface to Avvakum in a History of Russian Literature I am writing for an American publisher? It will be just the passages from his epistles I quote in the preface³.

I wrote to Keynes about a week ago, a rather important letter. Do you by any chance happen to know whether he ever got it⁴?

Yours sincerely

DS Mirsky

Would it be possible to mention the M.Tsvetayeva evening of March 12 in the Nation⁵?

Перевод:

Дорогой г-н Вулф,

мы хотели бы поместить в нашем журнале статьи об иностранной литературе и предполагаем начать с Англии. Трудность в том, что мы можем предложить лишь такие гонорары, какие платят во Франции, т.е. символические. Я обратился к А.А.Ричардсу с просьбой написать что-нибудь, но он уезжает в Китай, и у него нет времени. Он предлагает Э.М.Форстера, но я совсем не знаю его как критика. Не могли бы Вы посоветовать что-нибудь? Нам желательно было бы получить краткий исторический обзор современного состояния английской литературы.

Пользуясь возможностью, хочу также попросить разрешения у г-жи Вулф и у Вас перепечатать несколько абзацев из моего предисловия к книге Аввакума в моей «Истории русской литературы», над которой я сейчас работаю для одного американского издателя. Это будут только отрывки из посланий Аввакума, которые я цитирую в предисловии.

Неделю тому назад я написал довольно важное письмо Кейнсу. Не знаете ли Вы, случайно, получил он его?

Искренне Ваш

Д.С.Мирский

Можно ли упомянуть о вечере Цветаевой 12 марта в «Nation»?

¹ В описываемый момент Франция переживала спровоцированный левыми партиями глубокий финансовый кризис, из которого страну вывело лишь возвращение к власти в июле 1926 премьер-министра Раймона Пуанкаре (1860–1934). С января по октябрь 1926 курс французского франка к британскому фунту стерлингов колебался с 125.69 до 238.75 (за эти сведения выражаем признательность Ричарду Дэвису, хранителю Русского архи-

ва в Лидсе). Согласно лондонской газете «Times» от 4 марта 1926 (р.20), 3 марта (т.е. в день, когда Мирский написал данное письмо) один фунт стерлингов был приблизительно эквивалентен 130 франкам. Для сравнения: в тот же день за один фунт можно было получить примерно 4.85 долларов США – и это соотношение в течение всего 1926 года практически не менялось или изменялось несущественно.

² Айвор Армстронг Ричардс (1893–1979) – видный литературовед, основоположник так называемой «новой критики» (The New Criticism).

³ Ср. с.20-25 в предисловии Мирского к «The Life of the Archpriest Avvakum» (1924) и с.40-42 в книге Мирского «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky» (1927; эта книга посвящена Джейн Эллен Харрисон).

⁴ В письме П.П.Сувчинскому от 8 марта 1926 Мирский сообщал: «Сегодня утром получил 20 фунтов на журнал от Keynes'a» (Smith G.S. The Letters of D.S.Mirsky to P.P.Suvchinskii, 1922-1931. P.50).

⁵ В газете «The Nation and the Athenaeum», к редактированию которой Вулф имел самое непосредственное отношение, информация об организованном Мирским в Школе славянских исследований вечере Марины Цветаевой не появилась. Это, по всей видимости, объясняется тем, что газета выходила раз в неделю, и в ее 23-й номер, от 6 марта, объявление опоздало, а в 24-м номере, от 13 марта, помещать его уже не было смысла. Подробнее об организации вечера см.: Smith G.S. D.S.Mirsky: Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926), with an Unknown Review by Ariadna Tyrkova-Williams (1924) // The Slavonic and East European Review. Vol.71, №3. July. 1993. P.482-487.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ ПЕРЕПИСКА 1927 ГОДА: В.А.МАКЛАКОВ И Б.А.БАХМЕТЕВ

*Публикация, вступительная статья и комментарии
О.В.Будницкого*

Мне уже неоднократно приходилось писать о корреспондентах¹, чья переписка за 1927 год предлагается вниманию читателей, а также публиковать ее фрагменты². Поэтому позволю себе ограничиться лишь минимально не-

¹ Будницкий О.В. 1) Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. №2, 3; 2) В.А.Маклаков и еврейский вопрос // Вестник Еврейского университета. 1999. №1(19); 3) Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. М., 1999; 4) Милюков и Маклаков: К истории взаимоотношений. 1917–1939 // П.Н.Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000; 5) Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып.1. Париж; СПб., 2001; 6) Б.А.Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. №1; 7) Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков. Переписка 1919–1951: В 3 т. Т.1: Август 1919 – сентябрь 1921 / Ред., вступ. статья и коммент. О.В.Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001. О Маклакове см. также книгу «на правах рукописи» Г.В.Адамовича «Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек» (Париж, 1959), написанную по опубликованным источникам и рассказам друзей Маклакова, и диссертации американских историков Д.Дэвиса (*Davies D.A. V.A.Maklakov and the Problem of Russia's Westernization. University of Washington, 1967*), в работе которого политическая биография Маклакова исследована до 1907, и Н.Тонгур (*Tongour N. Diplomacy in Exile: Russian Emigres in Paris, 1918–1925. Stanford University, 1979*), изучившей деятельность Маклакова в бытность его послом в Париже. См. статьи Г.З.Июффе и С.В.Кулешова «В.А.Маклаков: Вместо подчинения одним другим надо искать равновесие» (Кентавр. 1993. №6) и Н.И.Дедкова «Маклаков В.А.» (Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996).

² 1) «Окунуться в Россию»: Переписка В.А.Маклакова с Б.А.Бахметевым / Публ. О.В.Будницкого. // Отечественная история. 1996. №2; 2) Будницкий О.В. Написанные без оглядки: Василий Маклаков и его письма-портреты // Родина.

обходимыми сведениями, отослав за более подробной информацией к предыдущим публикациям.

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) – знаменитый адвокат, один из лидеров правого крыла партии кадетов, член Государственной Думы 2–4-го созывов, был назначен Временным правительством послом в Париж и прибыл к месту назначения в начале ноября (н. ст.) 1917 г. Он не успел вручить верительные грамоты до большевистского переворота и оставался на протяжении последующих семи лет, до признания Францией СССР в 1924, в ложном положении посла несуществующего правительства, пользующегося дипломатическими привилегиями, но не включенного в официальный дипломатический лист. После того как он вынужден был уступить посольский особняк на улице Гренель большевистскому представителю Л.Б.Красину, он возглавил Офис по делам русских беженцев при французском Министерстве иностранных дел и одновременно – «по должности» – Эмигрантский комитет. Маклаков играл видную роль в жизни русской колонии во Франции не только в силу своего официального статуса – он был весьма активен в культурной и общественной деятельности, его многочисленные историософские и мемуарные публикации неизменно будоражили эмиграцию. Идеи, сформулированные Маклаковым еще в 1930-е, до сих пор оказывают влияние на отечественную историографию и политическую мысль³.

Борис Александрович Бахметев (1880–1951), инженер и ученый-гидравлик, некогда активный социал-демократ и даже член ЦК РСДРП, в годы Первой мировой войны, оставив преподавание в Политехническом институте, включился в работу на оборону страны. В 1915–1916 он был представителем Военно-промышленного комитета в США; его политические и экономические воззрения к этому времени, пожалуй, можно было бы назвать классическими либеральными. После Февральской революции Бахметев стал товарищем (заместителем) министра торговли и промышленности Временного правительства, но вскоре был назначен послом в США вместо подавшего в отставку его почти полного однофамильца и антипода по политическим воззрениям Г.П.Бахметьева (1847–1928). Бахметев прибыл в США в июне 1917, чтобы уже никогда не вернуться в Россию. Уйдя в отставку в 1922, Бахметев, после четырехмесячной поездки в Европу, вновь обосновался в Америке, где сделал успешную карьеру в бизнесе и науке. Сколотив капитал в спичечной индустрии, Бахметев вернулся в науку, стал профессором Колумбийского университета, выпустил новые труды по гидравлике, основал Инженерный фонд; приняв в 1933 американское гражданство, он стал деятельным республиканцем, не забывая и об интересах русской эмиграции, которой бывший посол оказывал помощь через основанный им Гуманитарный фонд.

Маклаков и Бахметев впервые встретились в конце декабря 1918 в Париже, куда русский посол в Вашингтоне прибыл для участия в работе Русского политического совещания, органа, созданного по его инициативе и предна-

1996. №10; 3) В поисках новой России: (Письма Б.А.Бахметева и В.А.Маклакова) / Публ. О.В.Будницкого // Отечественная история. 1997. №1, 2, 4.

³ См., например: *Шевырин В.М.* «Маклаковский путь» России // Открытая политика. 1997. №6; *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т.1-2. СПб., 1999 (по указателю).

значенного, по замыслу российских дипломатов, играть роль суррогата национального представительства на Парижской мирной конференции. Бахметев пробыл в Париже полгода; за это время он особенно сблизился с Маклаковым. Вернувшись в США, Бахметев, наряду с официальными телеграммами и письмами, стал писать своему парижскому другу письма, нередко сопровождавшиеся надписями: «Для Вас лично», «Совершенно лично и доверительно!», «Исключительно лично!» и т.п. Маклаков ответил «взаимностью». Переписка, начавшись в августе 1919, продолжалась, с перерывами, до февраля 1951, года смерти младшего из корреспондентов.

Переписка, сохранившаяся практически полностью, насчитывает около 280 писем общим объемом более 2700 страниц (преимущественно машинописных). Это, насколько нам известно, беспрецедентный эпистолярный памятник – по объему, широте охвата проблем, относящихся к истории русской революции и Гражданской войны, межвоенной дипломатии, политической и культурной истории русской эмиграции, наконец, по ее интеллектуальному и литературному уровню.

Переписка особенно интенсивно велась в 1919–1923. В 1924–1926 наступил некоторый спад. Объяснялся он и общественными, и личными, и техническими причинами. Корреспонденты утратили свой дипломатический (хотя и достаточно условный) статус; их вовлеченность в реальную политическую жизнь заметно снизилась; если Маклаков «плавно» сменил роль посла на должность ходатая по делам русской эмиграции, то Бахметеву как раз в эти годы пришлось утверждаться на новом для себя предпринимательском поприще. Открыв в 1923 консультационную контору в Нью-Йорке, он вскоре убедился, что интерес к русским делам не настолько велик, чтобы его прокормить; не было смысла содержать и русскую стенографистку-машинистку. Бывший дипломат окунулся в спичечный бизнес, требовавший на первых порах много времени и усилий и не оставлявший времени для «политической философии».

В 1927 дела Бахметева стабилизировались, и он попытался возобновить регулярную переписку с Маклаковым, что было охотно поддержано его парижским другом. Письма 1927 года, с некоторыми купюрами, и публикуются в настоящем номере «Диаспоры». Сразу оговорюсь по поводу сделанных нами купюр, обозначенных в тексте отточиями в угловых скобках, – они касаются сюжетов, связанных с тогдашней международной политикой; эта часть, на мой, разумеется, субъективный взгляд, наименее интересна для большинства современных читателей (да простят меня историки дипломатии); сокращения сделаны исключительно по соображениям экономии места; надеюсь, что дискриминация по отношению к упомянутым выше историкам-международникам будет устранена при публикации переписки полностью⁴.

В переписке 1927 года отчетливо выделяются несколько основных тем. Во-первых, это продолжение прерванного на несколько лет диалога о формах политического устройства послевоенного мира, сравнительный анализ европейской и американской социальных и политических систем; разумеет-

⁴ Полностью переписку (в 3-х томах) предполагает опубликовать издательство РОССПЭН совместно с издательством Гуверовского института (Hoover Institution Press).

ся, речь шла и об устройстве будущей демократической России, в том числе о процедурах, позволивших бы, с одной стороны, выявить волю и интересы большинства населения, с другой – обеспечить компетентность власти. Вторых, десять лет спустя после русской революции неминуем был разговор о ее причинах и о возможности избежать катастрофы; в данном случае мы знакомимся не только с рассуждениями, но и получаем уникальную информацию из первых рук, в частности, о корниловском деле, к попыткам мирного разрешения которого был причастен Маклаков; в-третьих, частный, но весьма важный для бытия русской эмиграции сюжет – история с поездкой В.В.Шульгина в СССР и выпущенной им по ее итогам книги «Три столицы»; поездка, как выяснилось, была организована ГПИУ, и Маклаков, приятельствовавший с Шульгиным, мог дать комментарий к этому трагикомическому происшествию, опираясь на сведения, полученные от самого Шульгина.

Письма Бахметева публикуются по машинописным оригиналам, письма Маклакова – по машинописным отпускам, находящимся в коллекции Маклакова в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете (Калифорния, США) – Vassily Maklakov Collection, Hoover Institution Archives, Stanford University, California, USA. Письма находятся в коробке 5 собрания Маклакова, в папках 10 (январь – март), 11 (апрель – июль) и 12 (сентябрь – декабрь). Тексты печатаются по современной орфографии с сохранением стилистических особенностей подлинников.

Письма публикуются с разрешения Гуверовского архива, сотрудникам которого автор выражает искреннюю признательность за неизменную доброжелательность и содействие в работе.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №99-01-00188а) и программы Фулбрайт, благодаря гранту которой предоставилась возможность провести исследования в архиве Гуверовского института в 1999/2000 гг.

1. Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову.

Boris A. Bakhmeteff
250 West 57th Street, New York
20 января 1927 года

Дорогой Василий Алексеевич.

Вот на этот раз я Вас разочарую. Я уверен, Вы думали, что моя угроза скоро написать останется пустыми словесами, но сейчас здесь рядом со мной сидит Ваша старая приятельница Е.Н.Сергиевская¹, которая приехала в Нью-Йорк и привезла с собой возможность возобновить более или менее регулярную переписку.

Я очень ценил общение с Вами, и мне было очень горько, что ни ти постоянно обрывались, тем более что мало живых контактов остается с Европой вообще. Я теперь уже почти пять лет не переплывал океан, и годы эти были не легкими. Пришлось не только строить весь материальный фундамент сначала, но и бросать, часто с поте-

рями, начатые линии и начинать снова в новых и неизведанных направлениях. Хотелось бы думать, что работа и тревоги этих лет привели к какому-то осязательному результату и что заложен фундамент здания, которое будет расти и давать плоды². Во всяком случае, пока что я никаких новых начинаний делать не буду, да это, вероятно, и физически невозможно, и буду ждать спокойно созревания плодов. Тем самым освободилось несколько времени и мысль не столь сильно сдавлена заботами дня и проклятым вопросом – выйдет или не выйдет; есть возможность начать несколько думать, осматриваться и общаться с друзьями. За последнее время я также несколько пренебрег чтением советских газет. Сейчас надеюсь читать их аккуратно, подписавшись с 1-го января, и думаю быстро наверстать потерянное, тем более что существенного как будто бы ничего не произошло и все идет по тем линиям, к которым я уже несколько лет привык, как к неизбежным и единственным.

Только что вернулся из Вашингтона. Думаю ездить туда чаще и поддерживать контакты в несколько большей мере. Конечно, я за все время не упустил политических нитей и довольно много даже удавалось делать весьма конкретного и осязаемого, но во всей деятельности было мало того, что англичане так хорошо называют «leisure»³, и этого очень недоставало. Думаю, что буду Вам писать теперь не реже раза в месяц. Того же буду ждать и от Вас.

Трудно восстанавливать прерванную переписку. Если начать перебирать просто только конкретные вопросы политического дня, то и тогда написать нужно сотни страниц, а меня сейчас интересует не столько Мексика, Никарагуа и другие «жгучие» вопросы, как какие-то общие подходы к разрешению основных политических и бытовых вопросов. С течением времени, если наша переписка размахнется, я думаю, мы невольно коснемся всего. Я был бы бесконечно рад просидеть с Вами несколько вечеров и потолковать обо всем, что надумано и к чему привел опыт и наблюдения. Сейчас, я думаю, легче всего восстановить переписку, задав Вам несколько конкретных вопросов, а Вы, со своей стороны, напишите, что Вы хотите, чтобы я Вам осветил местным опытом и осведомленностью.

Прежде всего, нас всех здесь интересует, насколько франко-германское сближение является определенным и устойчивым фактом; в какой мере это есть шахматная игра правительств; или сложившиеся отношения являются результатом изменившегося общественного мнения и общественного чувства?

До нас доходят слухи, что в этом деле серьезную роль сыграла Италия. Правда ли, что во французских руководящих кругах сложилось тревожное отношение к итальянскому соседу? Если да, то в чем источник тревоги? И к чему конкретному это все приводит? Какую роль играет в этом деле Югославия?

Нас интересуют также отношения Франции к Польше и Румынии. Правда ли, что с установлением более дружеских отношений с Германией любовь к Польше несколько поблекла? Какие от этого последствия и в чем они выражаются, если это так?

Наконец, мы очень мало знаем о положении переговоров с советской Россией. Продолжаются ли эти переговоры и привели ли они к какому-нибудь хотя бы частичному результату? Если нет, потеряли ли престиж все сторонники и зачинщики флирта с большевиками? – Вот какая масса вопросов, на которые можно также ответить томами, но если Вы напишете самое краткое резюме Вашего понимания, я буду Вам бесконечно благодарен. Ведь нет ничего труднее, как знать самую суть дела, а большинство людей, включая государственных деятелей, этой сути не знают и не понимают.

Пока кончаю письмо. Сердечно обнимаю Вас и желаю всего лучшего в Новом году. Не помню, склонны ли Вы к суевию. По Вашему облику, думаю, нет, хотя у всех русских есть где-то в глубине малая частица, идущая от лукоморья: вероятно, отзвук каких-то ранних детских впечатлений – няньки, русской деревни и пр. Со всех сторон я слышу какое-то суеверное ощущение, что 1927-ой год будет счастливым для нас, русских. Странно, я тоже как-то разделяю это ощущение и потому с особой радостью еще раз желаю Вам всего лучшего.

Душевно Ваш

Б. Бахметев

Елена Николаевна просила меня Вам передать привет, притом в «игривом»... настроении. Как совершенно «неигривый» человек, я оставляю Вашему воображению определить, что она имеет в виду.

Б.

Елена Николаевна просит Вас передать ее сердечный привет В. В. Шульгину¹.

Б.

¹ Сергиевская Елена Николаевна – думская стенографистка, секретарь Бахметева в бытность его послом. Работала с ним и после его отставки. Видимо, работала некоторое время и в российском посольстве в Париже.

² Очевидно, Бахметев имеет в виду основанную им вместе с несколькими компаньонами фабрику по производству спичек – Lion's Match Factory. Предприятие оказалось успешным, бахметевская компания вошла в число четырех крупнейших в своей отрасли в США и действительно принесла ему материальное благополучие и возможность не только вернуться к научной и преподавательской работе, но и оказывать помощь русским эмигрантам.

³ leisure (англ.) – досуг, свободное время.

⁴ Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – политический деятель и публицист право-националистической ориентации; депутат 2–4-й Государственных Дум; редактор газеты «Киевлянин» (с 1911). Один из идеологов

Белого движения; был создателем и руководителем нелегальной разведывательной организации «Азбука»; разработал, вместе с генералом А.М. Драгомировым, положение об Особом совещании при верховном руководителе Добровольческой Армии, с января 1919 возглавлял его комиссию по национальным делам; с конца 1918 редактировал в Екатеринодаре газету «Россия» (затем «Великая Россия»), возобновленную впоследствии в Крыму. С 1920 – в эмиграции – в Болгарии, Германии, Франции, с 1924 – в Югославии. По горячим следам событий выпустил мемуарно-публицистические книги «1920» (1921), «Дни» (1921–1923), много публиковался в эмигрантской печати.

⁵ Здесь и далее выделенное курсивом приписано от руки.

2. Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову

Boris A. Bakhmeteff
250 West 57-th Street, New York
2 февраля 1927 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Теперь Вы можете на деле убедиться, какое разительное влияние на меня оказывает присутствие Елены Николаевны. Я собираюсь написать Вам сегодня длинное философское письмо с весьма выспренними суждениями о разных политических и социальных вопросах. Но с самого утра я попал в мельницу текущих дел, и мозги мои совершенно не способны «вмещать пространное», как говорил в свое время о бурсаке Помяловский¹. Поэтому писать Вам хочу по конкретному вопросу – о Китае.

За общей занятостью я не имел возможности посвящать достаточно времени китайским событиям и в общем довольно мало следил за ними, но сейчас приходится немножко больше думать о деятельности 3-го Интернационала за границей. Случайно в течение последних дней мне пришлось довольно непосредственно столкнуться с хорошим источником осведомления о китайских делах, источником, чисто китайским, в общем сочувствующим национальному движению юга². Признаться, я был несколько поражен осведомлением, и мне пришлось несколько переменить оценку роли во всем этом Советов. Я всегда с естественным предубеждением отношусь к газетным сведениям и всегда склонен видеть преувеличение в сообщениях. Между тем оказывается, что влияние Бородина³ и других советских эмиссаров гораздо значительнее, чем можно было предполагать. Вас, вероятно, удивит тот факт, что китайские националисты решили в политической конструкции, которую они намерены дать мыслимому ими государству, копировать русские формы. Это, конечно, не касается экономической сущности, так как никакой склонности к коммунизму в Китае нет, но коллективную форму управления в виде Советов они, по-видимому, собираются заимствовать.

Главная роль, которую, по-видимому, сыграли коммунисты, чисто организационная. Они дали движению то, что на английском языке называется coherence – оформленность. Какова была материальная помощь? Не знаю, но я получил убеждение, что успехи последнего времени, а успехи эти разительны, объясняются организационным улучшением, достигнутым под влиянием русских советчиков. Мой китайский осведомитель прямо заявил, что если бы не помощь Советской России, успехов последних месяцев не могло бы быть достигнуто. Интересным фактом является значительное усиление армии. В начале прошлого года вооруженные силы юга исчислялись примерно в сотню тысяч человек; в настоящее время армия куоминтанга⁴ достигла примерно пятисот тысяч. Спрашивается, откуда они достали снабжение? О том, что в деле обучения важную роль сыграли русские инструктора, имеются положительные сведения.

Очень интересно было бы знать, что слышно в Париже относительно источников снабжения южной армии. Я не думаю, чтобы какое-нибудь оружие могло пройти через контролируемые Англией порты. Что Вы слышали о других европейских державах? Лично я склонен думать, что главная часть снабжения пришла из России.

Вообще очень интересно следить за оживлением деятельности 3-го Интернационала, что, по-видимому, является несомненным фактом. По первому впечатлению трудно говорить об усилении революционной деятельности после победы Сталина и партии, я не сказал бы умеренных⁵, но во всяком случае людей, внимание которых по преимуществу обращено на внутренние вопросы и которые склонны скорее с досадой относиться ко всяким иностранным выступлениям, мешающим займам, кредитам и вообще установлению мирных дружеских сношений с капиталистическим западом.

Лично я объясняю положение так: победа Сталина над личными противниками – Троцким, Зиновьевым и др. – не означает, конечно, уничтожения оппозиции. Наоборот, несомненно, что оппозиционный элемент весьма силен в партии как численно, так и особенно морально. В частности, к оппозиции принадлежат люди, служащие в учреждениях 3-го Интернационала как в России, так и за границей. Для этих людей закат международной активности обозначает потерю должностей. Наоборот, успех и усиление деятельности в области мировой революции связаны с жалованием, доходами и т. д. Уже это одно обстоятельство, как дело было со старой полицией, заставляет их напрягать свою деятельность, чтобы успехами доказать необходимость продолжения активной деятельности 3-го Интернационала. С другой стороны, Сталину и победившей фракции нельзя противиться этой деятельности. На самом деле они победили не на платформе умеренности, а на платформе приверженности к ортодоксальному ленинизму. Другими словами, Сталин и компания пыта-

лись доказать, что оппозиция изменяет революционным традициям, тогда как они – теперешние носители власти – являются истинными истолкователями первоначальных заветов русского коммунизма. Практически я понимаю дело так, что в среде партии имеется сильная и сплоченная левая группа, по преимуществу из старых революционных работников, давление которых достаточно сильно, чтобы удержать власть от каких-либо отклонений вправо.

С другой стороны, судя по поступившим к нам известиям, в Советской России иначе расценивают происшедшие за последний год «революционные события» – стачку в Англии⁶, Мексику⁷ и Китай. То, что в правильном свете представляется нам явлениями местными, мелкими вспышками, в конце концов показывающими прочность старого строя, по-видимому, рисуется москвичам как доказательство, что стабилизация капитализма вовсе не так уже прочна, как об этом говорят, и что шансы мировой революции гораздо ближе и сильнее, чем склонны были думать в России за последние два года. От весьма внимательных и вдумчивых обозревателей, посетивших Россию, я слышал мнение, что коммунистическую реакцию, которую переживает сейчас Россия, некоторое усиление воинственного коммунизма и временное приостановление эволюции жизни тоже надо связывать с английской стачкой и другими событиями. Конечно, все это явление временное и, как всегда, реальные соотношения выпрямят временно искаженную перспективу. Но сам по себе факт очень интересен.

Теперь я хочу знать Ваше мнение: 1) согласны ли Вы с тем, что за последние месяцы наблюдается усиление активной деятельности Интернационала; 2) правильно ли мое понимание сложившихся в России соотношений; 3) как расцениваются во Франции и других странах, если Вам это известно, все эти вопросы?

Ну, пока написал Вам достаточно. Сегодня выдался плохой день, поэтому прекращаю писание и вместе с Е<леной> Н<иколаевной> еще раз желаю Вам всего самого хорошего. Мы оба надеемся между прочим, что Вы пребываете в серьезном настроении и не отдаете никакой дани легкомысленным и игривым мыслям. Е<лена> Н<иколаевна>, впрочем, менее в этом убеждена, зная Вас, как она говорит, больше меня. Сомневаюсь, чтобы она действительно знала Вас «больше» меня. Во всяком случае, она знает Вас дольше.

Сердечно Ваш

Б. Бахметев

¹ Помяловский Николай Герасимович (1835–1863) – русский писатель. Бахметев цитирует его «Очерки бурсы» (1862–1863), в которых изображены быт и нравы духовного училища.

² Имеется в виду национально-освободительное движение в Китае, возглавляемое партией Гоминьдан (национальная партия).

³ Бородин (Грузенберг) Михаил Маркович (1884–1951) – советский государственный и политический деятель. Участник революционного движения с 1903. В 1918–1922 – работник Коминтерна; с сентября 1923 по июль 1927 – политический советник ЦИК Гоминьдана.

⁴ Имеется в виду Гоминьдан.

⁵ Речь идет о победе, одержанной И.В.Сталиным и его группой над внутрипартийной оппозицией. Борьба шла, по-видимому, не столько по вопросу о внешнеполитическом курсе, сколько о том, кому будет принадлежать власть в партии и стране.

⁶ Имеется в виду Всеобщая стачка в Англии, проходившая в мае 1926 г. и охватившая около 4 млн. рабочих.

⁷ Имеются в виду проводившиеся правительствами Обрегона (1920–1924) и Кальеса (1924–1928) аграрная реформа, антиклерикальные мероприятия, меры, направленные на ограничение влияния иностранного капитала. Мексика первой из стран Америки установила дипломатические отношения с СССР в 1924.

3. В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву

Париж
11-го февраля 1927 г.

Дорогой Борис Александрович,

Очень рад, что Вы возвращаетесь на хорошую дорогу; вспоминаю только, что это несколько раз уже бывало, но дальнейшего развития не получало. Я, впрочем, за это Вас не виню; по опыту знаю, как захватывает всякая суета, как она мешает сосредоточиться и выбрать подходящее время, а ведь Ваша суета, в которой больше практического интереса, чем в моей, конечно, мешает Вам еще больше, чем моя. Посмотрим, что выйдет из возобновления переписки. Но пока я прямо перейду к поставленным Вами вопросам и буду, поскольку могу, отвечать на них.

<...>

Но тут-то я и подхожу к самому интересному вопросу, который развивать не стану, но на который я Вам уже намекал в предыдущих письмах. Вам нужно это особенно долбить, так как Вы своим американизмом не чувствуете всей важности проблемы; проблема эта состоит в несоответствии европейского строя с экономической системой той же Европы; короче, в несовместимости капитализма со всеобщим избирательным правом и с верой в его непогрешимость. Вы этого не понимаете, так как у Вас еще нет этатизма и у Вас делают свое благополучие благодаря личной инициативе и личному успеху

в битве за жизнь. Вы в Америке еще верите в принцип равных возможностей, как основной принцип демократии. В одном из Ваших писем Вы признавали, что и в этом отношении уже слышится некий зловещий треск. Когда этот треск дойдет до полной перемены идеологии, тогда Вы поймете, в каком тупике находится Европа. Вы представьте себе на минуту наше демократическое мировоззрение, по которому мы считаем, что спасение вовсе не в принципе равных возможностей и в поощрении людей энергичных и умелых, а в принудительном устройстве общежития так, чтобы всем были обеспечены одинаковые условия благополучия. Исходя из такой веры в задачи государственной власти, так называемые передовые политические партии, т.е. демократические партии, стараются построить свою экономическую программу; прежде эти передовые партии боролись за человеческую свободу, боролись против усилий вмешательства властей в жизнь страны и т.п.; сейчас благодаря всеобщему избирательному праву, влиянию на ход политической жизни тех общественных низов, которые думают только о своем экономическом положении, которые ненавидят всех тех, которые находятся в лучшем, чем они, положении, считают всех богатых эксплуататорами и т.п., вот под влиянием психологии этих широких масс передовые партии, чтобы не разойтись с ними, должны иметь экономическую программу по вкусам этих масс. К этому они идут постепенно и в общих чертах такую программу уже нашли; мы можем торжествовать: мы первые ее формулировали, ибо в общих чертах это программа НЭПа; эта программа заменила сейчас идеалы прежнего социализма, который не отдавал себе отчета в том, что он может сделать практически, если бы появился у власти, ибо марксистский социализм предполагал такие предпосылки, какие не осуществились в действительной жизни. Припомните споры Бебеля¹ с Рихтером² и Клемансо³ с Жоресом⁴. Сильное место всех нападок на социализм в том и заключалось, что тот строй полного социализма, о котором мечтал марксизм, казался реально неосуществимым; всякое теоретическое представление о том строе, который установится при осуществлении социализма, казалось настолько противоречащим всем личным и общественным навыкам, что его фантастичность была в глаза. И как бы марксизм ни называл себя научным, в своем практическом осуществлении он казался утопией.

Этого упрека нельзя делать НЭПу; напротив того, если вдуматься в начала НЭПа, то они кажутся и реальными и соответствующими тому, как развивалась общественная жизнь. Что такое НЭП? Он не отрицает капиталистических навыков и привычек. Но только постепенно главным и преобладающим капиталистом он делает государство. НЭП есть соединение частнопроводимых экономических отношений с сосредоточением всей собственности в руках государства;

трудно отрицать, что весь экономический процесс полон замены частноправовых отношений началом государственной собственности. В былое время даже военное дело защиты государства было построено на частноправовых отношениях; войско просто нанималось государством и работало как наемник. Даже подати иногда собирались на таких же началах, так как отдавались откупщикам; затем, по мере развития этатизма, целый ряд частноправовых функций переходил в руки государства по титулу государственной повинности или государственной собственности. И, заметьте, всегда происходило одно и то же: государство забирало себе то, что было предварительно налажено и усовершенствовано частной инициативой. Ведь и почта сначала была частная, а потом стала государственной монополией; то же железные дороги и т.п. Но государство забирало себе все те частные правовые предприятия, в которых, по существу, имелись элементы государственности, тот элемент, который нельзя было уступать частным предпринимателям; но это понятие с течением времени все расширялось; теперь никто не согласится построить на частноправовых началах телеграф или почту, но есть еще защитники частных железных дорог, и до последнего времени казалась незыблемым принципом частная промышленность, и все-таки этот последний принцип давно колеблется, но только такими чисто коммерческими предприятиями, как монополия спичек и табаку, которую оправдывать трудно; возражать против нее бесконечно легче, тогда как в основе той или другой промышленной эксплуатации лежит нечто, по существу, монопольное, как-то: руда, ископаемые недра и даже, если хотите, земельная площадь. Здесь очень немного нужно для того, чтобы признать, что эксплуатация этих монопольных предметов должна принадлежать государству, а не частным людям. Следующий шаг может идти дальше, и государство сможет выступать сначала конкурентом частных предприятий, а потом монополистом в той области, где в основе не лежит никакой фактической монополии, например, в области банковской, страховой или торговой деятельности. Государство просто заберет себе эту деятельность, потому что она выгодна и может принести государству доход, даже более, оно сможет найти, что благодаря своей мощи, во-первых, и отсутствию конкуренции, во-вторых, государство сможет это эксплуатировать лучше, чем конкурируют между собой частные предприятия. Так в результате длинной экономической эволюции мы и дойдем до того НЭПа, который был выдуман Лениным. Но все это возможно и разумно только при одном условии: что государство не будет забегать вперед, не будет предвирать события и станет захватывать отдельные отрасли экономической жизни только тогда, когда будет в состоянии с ними справиться. Более того, когда оно сумеет сохранить частную правовую основу этих казенных предпри-

ятий, отвести надлежащую роль личной выгоде, словом, отделается от чисто бюрократических замашек. Такой процесс предполагает многие поколения, а главное, систематическое перевоспитание как бюрократии, так и обывателей.

В этом смысле я считаю НЭП разумным идеалом, но беда теперешней жизни в том, что его хотят осуществить до срока, в условиях, где он будет несомненно шагом назад, и осуществить главным образом под влиянием вражды удачников, словом, хотят его осуществить не столько, чтобы принести выгоду государству, сколько затем, чтобы отнять эту выгоду у частных лиц, у богатого меньшинства. Это та же самая психология, которая была у нашего мужика и у наших народолюбцев, когда они вели кампанию за принудительное отчуждение помещичьих земель, хотя не могли не понимать, что для государства это невыгодно. Так и сейчас все казенные предприятия, начиная с табака и кончая заводами, хозяйничают хуже, чем частные предприниматели; и тем не менее государство не решается отдать их в частные руки и предпочитает терпеть убытки, только бы не отказываться от казенной собственности, это именно потому, что при нынешней политической системе государство обязано угождать широким массам, т.е. демократии, которая в своей экономической программе исходит из желания раздавить имущее меньшинство и стать на его место. Вот этой психологией большинства, соответствующей степени его неразвитости и необходимости подделываться под эту психологию, и объясняется то, что происходит сейчас во Франции, когда, несмотря на громадный вред, принесенный экономике Франции политикой картеля⁵, эта политика все-таки имеет сторонников. Близятся выборы, разумным людям придется просить голосов неразумного большинства, и они инстинктивно чувствуют, что там, у этого большинства, все фразы, дышащие ненавистью к богатому меньшинству, встретят одобрение и понимание. Я помню, как в наше время в России кадеты стояли за нелепость, именуемую четыреххвосткой⁶. Мы не могли не понимать, что четыреххвостка русскому народу не по плечу; и мы все-таки на ней настаивали, потому что этим путем мы получали оружие против господствующего меньшинства. Эту политику сейчас ведут теперешние демократии в области экономики. Раз существует здесь тоже четыреххвостка, то опытные политики понимают, что они могут перетащить ее на свою сторону только этими приемами, настаивая на злокозненностях капиталистов и на возможности сейчас же захватить основу их преобладания, т.е. их роль в экономической жизни. На этой позиции стоят коммунисты, и успех их в массах не падает, а растет именно потому, что они сейчас проповедуют не коммунизм, а НЭП, который не кажется им утопичным; социалисты-меньшевики понимают нелепость этого, но не могут отставать от коммунистов в этом отношении, и их

программа с налогом на капитал, но с возможностью хотя бы и постепенной национализации предприятий, а главное, с <пропущено слово> всякого отказа от существующей монополии и есть та программа, которая необходима, чтобы не потерять сочувствия масс. Дальше мы имеем радикал-социалистов и радикалов, которые не могут не понимать, что это бессмыслица, но которые все-таки не решаются рвать с социалистами, не решаются выступать их определенными врагами по тем же самым причинам, по которым и кадеты стояли за четыреххвостку и за принудительное отчуждение. Тут полная аналогия с нашими старыми отношениями. Радикалы спрашиваются на союз с социалистами, говоря, что им пока по пути с ними и что они разойдутся после. Радикалы думают воспользоваться социалистами для своих целей; и совершенно так же случилось и у нас, на самом деле социалисты ими воспользуются. Мы имеем два полюса, которые знают, чего хотят и, как правильно говорил Клемансо, знают, что они непримиримы и что между ними вопрос силы только; но срединный элемент – демократия – может решить этот спор в ту или другую сторону. В июле этого года, испугавшись банкротства, демократия бросилась направо, изолировала революционеров, и непосредственная опасность была как будто устранена⁷; но когда теперь приближаются выборы и депутаты стараются понять психологию масс, то они видят, что страна недостаточно прониклась уроком и что общие начала НЭПа – это сильнее, чем рассуждение о роли инициативы и частной предприимчивости в экономической жизни. Потому-то положение так и неустойчиво. Демократия может метнуться и направо и налево; социализм своих карт не скрывает и шельмует здешних радикалов не менее энергично, чем социал-демократы русские шельмовали кадетов. И тем не менее радикалы, как и кадеты, прежде идут на все уступки, чтобы не разойтись с социал-демократами перед избирателями. Все эти длинные и не совсем связные рассуждения приводят к одному выводу: в условиях европейского этатизма капиталистический строй и демократический парламентаризм несовместимы; кто из них победит – в этом основная европейская проблема.

¹ Бебель Август (Bebel; 1840–1913) – один из основателей и руководителей германской социал-демократии, депутат рейхстага.

² Рихтер Эйген (Richter; 1838–1906) – немецкий политический деятель, лидер партии прогрессистов (с марта 1884 – немецкой свободомыслящей партии), депутат рейхстага.

³ Клемансо Жорж (Clemenceau; 1841–1929) – французский политический и государственный деятель, с начала 1880-х – лидер партии радикалов; в 1906–1909 и 1917–1920 – премьер-министр (в 1917–1920 – одновременно военный министр).

⁴ Жорес Жан (Jaures; 1859–1914) – французский политический деятель и историк; в 1880-х – республиканец, с начала 1890-х – один из лидеров французского социалистического движения. В 1885–1889, 1895–1898 и 1902–1914 – член Палаты депутатов. Основатель газеты «Humanité» («Юманите») (1904). Боролся против политики милитаризма и войны. 31 июля 1914 убит шовинистом Р.Вилленом.

⁵ Очевидно, имеется в виду Левый блок – избирательное объединение партии радикалов и радикал-социалистов, Объединенной социалистической партии Франции, Партии республиканцев-социалистов.

⁶ Здесь – всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право.

⁷ Имеется в виду июль предыдущего, 1926 года, когда к власти пришло правительство во главе с Р.Пуанкаре, опиравшееся на так называемое Национальное единение – блок партий от радикалов до крайне правых. Правительство Пуанкаре пришло на смену правительству П.Пенлеве, опиравшемуся на Левый блок.

4. В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву

Париж,

23-го февраля 1927

Дорогой Борис Александрович,

Я только что послал Вам такой толстый фальшант <так!>, что, в сущности, мог бы подождать Вашего ответа; чтобы не остаться в долгу, я все-таки кое-что отвечу Вам и на второе письмо, но в самых узких пределах, и более того, только на ту часть этого письма, которая касается деятельности Интернационала; отлагая до одного из будущих писем более общий вопрос о событиях в России.

Что касается до Интернационала, то прежде всего сообщаю Вам одну информацию; советское правительство не притворно, а очень реально опасается внешних отношений в Европе, подозревая в этом более всего Польшу, как непосредственного агента, а за ее спиной империалистов. Вы в газетах читывали про тот шум, который не раз подымали в России, говоря о необходимости защищаться, и, вероятно, как и я, приписывали весь этот шум условиям внутренней политики, заподозревали Советы в пользовании этой угрозой для посторонних целей. Я считаю, что это объяснение, самое правдоподобное, неправильно; Советы действительно боятся; готов допустить, что есть главные руководители, которые притворяются и запугивают других; но запугана-то не рядовая масса, а сами верхи; запугивая других, они запугали и себя самих, и им действительно повсюду мерещатся козни и опасности.

Сообщая Вам эту информацию, к сведению, не хочу выводить из нее, что Вы ошибаетесь в оценке деятельности Интернационала; одно другому не мешает; напротив того, к усиленной деятельности

Интернационала присоединяется уже не желание идейного прозелитизма, а шкурная болезнь; большевики чувствуют, что империалистические правительства их настоящий и непримиримый враг; но именно поэтому они и создают в каждой стране противовес в виде своих коммунистических сторонников; было бы ошибочно думать, что, поняв, что европейская революция не близка, провалившись на целом ряде путей, начиная с германского и кончая эстонским¹, Советы примирились с тем, что Европа останется капиталистической; отнюдь нет; они только поняли, что работа их будет длинным процессом, который нужно вести методически, стараясь вовсе не водворить Советскую власть в Европе, но настолько ослабить как самые капиталистические правительства, так особенно их инициативу и предприимчивость, чтобы они не сумели мечтать о каких-либо агрессивных действиях против Советской России, и эта политика им, конечно, удастся; помощь, которую они оказали английским забастовщикам, конечно, довела до белого каления английские консервативные круги; но сила этих консервативных кругов, скажем больше – государственная мощь Англии все-таки подорвана, и значительно. Думаю, что большевики пойдут дальше в этой политике, приспособляя ее к условиям момента и места; большевики <не> могут не чувствовать, что левое правительство во Франции менее, чем правое, будет склонно к каким-либо насильственным действиям против советской России, что оно будет стремиться к согласию с ним; потому они, конечно, поставят себе задачей работать для торжества этого левого правительства; для этого вовсе не нужен отказ от своих прежних программ, изменение тона партийной полемики; нужно просто умение в последний момент выбирать наименьшее зло среди враждующих партий. Здешние коммунисты уже дали своими голосами победу левым элементам в Париже на сенатских выборах; они уже несколько раз призывали голосовать за членов картеля, против реакции. Перед выборами <19>28 г. это сближение наверно состоится в гораздо более ощутительной и ясной форме; социалисты уже призывают их к этому, а радикалы, которые одержимы таким же недугом по отношению к социалистам, как в былое время наши кадеты к революционной демократии, не постесняются тоже, хотя и стыдливо закрывая лицо, голосовать вместе с коммунистами, и эта новая политика нашей Советской власти есть просто результат как сознания их, что скоро в Европе революции не будет, так и другого сознания, что капиталистическая Европа для них опасна, и потому несколько не удивительно, что 3-й Интернационал, как Вы отмечаете, усиленно работает в этом направлении.

Итак, резюмирую. Не знаю, правильно ли говорить об усилении деятельности III Интернационала; это слово недостаточно выразительно, правильно было бы сказать, что деятельность III Интерна-

ционала видоизменяется приблизительно в таком же направлении, в котором изменилась и внутренняя экономическая деятельность большевиков. Конечно, военный коммунизм был эффективнее, резче, чем НЭП, и потому казался опаснее для существующего строя; но зато в силу своей резкости военный коммунизм был только острым припадком, а не хронической болезнью, который не мог существовать долго. Его заменил НЭП, в своих основах соответствующий естественному законному развитию современных государств, указавший в качестве программы те основные линии, по которым государство будет развиваться; словом, заключающий в себе, несомненно, зерно правды. Ошибка НЭПа и весь его вред заключался только в том, что он потерял меру, старался предвосхитить события, установить их раньше законного срока, словом, поступал приблизительно так, как турки в 70-х годах, когда учредили парламентаризм в Турецкой Империи². Конечно, это вред очень серьезный и даже подходящий под ту фразу Вольтера, которая утверждает, будто Бог предпочитает тех, кто его отрицает, тем, кто его компрометирует. Но главный вред НЭПа в том, что этот процесс очень затяжной, более того – это процесс, который, может быть, путем длинных ошибок будет изживать себя в своих собственных рамках; ибо как-никак, а путь, указанный НЭПом, правильный, и вся экономическая проблема сейчас в том и состоит, чтобы так видоизменить современный капиталистический строй, чтобы использовать то, что в нем было здорового, т.е. личные стимулы, устранив его недостатки, т.е. поражение неимущих масс отдельными счастливыми; современное политическое учение о всемогуществе государства, о подчинении ему всех частных интересов и даже частных прав, применение к экономической проблеме фатально ведет к НЭПу. И когда теперь военный коммунизм заменился НЭПом, то как бы ни уверяли, что мы вернулись к капитализму и что дело <пропущено слово> национализировать имущество, на деле мы получили такую деятельность коммунистической партии, которая имеет все шансы установиться и утвердиться надолго; конечно, в ее программу будут введены многие поправки, многие отступления, но основной принцип рискует остаться непоколебимым если не навсегда, то надолго. Это преждевременное обращение к новому экономическому строю окупается путем экономического благосостояния шагом назад так же, как это было и при освобождении крестьян; но экономический строй остается все-таки же высшим строем в порядке эволюции, который, пережив свои детские болезни, может установиться окончательно; и с этой стороны НЭП опаснее, чем военный коммунизм.

Аналогичная перемена произошла и с III Интернационалом; было время, когда он шел напролом так же, как и военный коммунизм, но казалось, очень просто устроить повсюду революции, как в России;

и коммунисты думали, что это будет так же легко, как у нас; в этом они ошиблись; и не думаю, чтобы они об этом мечтали сейчас, но они поняли так же, как поняли с НЭПом, что они зарвались; что все придет в свое время и что нужно помогать тем естественным процессам, которые развиваются в каждой стране, они совершенно отчетливо увидели, что весь европейский мир переживает кризис, что этот кризис есть основное противоречие между политическим строем и экономической структурой; но они поняли, что всякое революционное выступление грозит не только разгромом им, но и укреплением современных демократий. Но демократии разлагаются сами и будут разлагаться до тех пор, пока европейский капитализм не найдет своего НЭПа и своей разумной программы его осуществления. Нужно только помогать этому процессу; ведь события развиваются совершенно закономерным путем, рядом с коммунистами стоит социал-демократия, которая, боясь демагогии большевиков, будет спешить, т.е. совершать ту самую ошибку, которая может их погубить, т.е. побудить их захватывать власть раньше срока и осуществлять программы, которые, конечно, еще не назрели; чем более коммунизм будет обличать социал-демократию за измену, тем более социал-демократы будут насаждать на своих сторонников справа, на радикалов, требуя реальную и ощутимую для масс уступку; демагогия коммунистов породит демагогию социал-демократов, что, в свою очередь, толкнет радикалов либо осуществлять социалистическую программу, либо настаивать на участии социал-демократов во власти. Радикалы нашего французского картеля именно этого требуют сейчас, винят социал-демократов и их отказ войти в правительство, считая, что здесь кроется причина неудачи картеля, точь-в-точь как в свое время князь Львов перед развалом России потребовал и добился вхождения наших социалистов во второй кабинет³. Коммунисты поняли, что глубоко верно то, что они могут прийти к власти, только если их туда приведут социалисты и радикалы; поняли и то, что при системе двух партий, где бы водораздел прошел между ними и остальными, сейчас они потерпят поражение; потому им и нужно делать то, что они делают, вопить против реакции и, не покушаясь на революционные акты, демагогической пропагандой среди невежественных масс заставлять своих соседей направо разрушать тот существующий доселе строй, который с ними, конечно, непримирим, а радикальные, так называемые демократические, партии на эту отсрочку попадают здесь, как в былое время попадались у нас; и эта новая тактика III Интернационала, которая отказалась от путчей, более опасна, хотя не так эффективна, но является таким вызовом всему существующему строю, а в глазах поверхностных наблюдателей может показаться даже успокоением. III Интернационал вовсе не положил оружия, ведет свою прежнюю линию

работы во всех государствах, может быть, даже эту линию и усиливает, но прежние знамена, при которых он вел людей в непосредственный бой, им, конечно, свергнуты.

С этой точки зрения я и смотрю на то, что сейчас делается на Дальнем Востоке; это выигрышное место III Интернационала; уже давно, когда он ощутил неожиданное сопротивление капиталистической Европы, III Интернационал с радостью констатировал необычайный успех на Востоке; и почему. Потому что здесь назрели все необходимые элементы для коренной реформы; можно спорить, наступил ли момент для НЭПа и не лучше ли прежний капитализм, но едва ли можно сомневаться, что в способах управления в странах низшей культуры Европа стоит перед таким противоречием, которое, конечно, давно пора разрешить. Ничего нет удивительного, если кучка представителей культурной нации со всеми орудиями, которые дает культура, властвует над многомиллионными массами дикарей; это может быть сделано даже не благодаря одной силе, а благодаря тем плюсам, которые несет с собой культурное меньшинство; это не ложь, это не фраза; а та цивилизаторская миссия, которую часто приносили с собой европейцы. Но ведь это бесспорно до поры до времени. Цивилизаторская миссия и благо цивилизации, которую приносят с собой европейцы, создает и воспитывает естественных врагов этих европейцев. По мере того, как благо цивилизации проникает в массы, прежние дикари начинают чувствовать свое бесправное положение, а европейцы при виде этого должны усиливать меры строгости и исключительности, чтобы держать эти массы в повиновении. Современный мир представляет картину этого на разных степенях развития. Одни туземцы ощущают еще только благо цивилизации, другие же начинают чувствовать все несправедливости своего положения, и, конечно, это создает основную и неотложную проблему, привести в соответствие интересы иноземцев и европейцев. Проблема совсем не легкая, потому что даже там, где момент больших уступок наступил, даже и там здоровые и бесспорные права европейцев требуют какой-то специальной охраны, как это было в Турции; и, конечно, не в 20-м веке воображать, что стоит заменить господство меньшинства всеобщим избирательным правом, чтобы турки, китайцы или африканцы могли создать здоровую государственность. Но тем не менее придется признать, что протест против европейцев и особенно против некоторых наиболее опытных форм европейского владычества является моментом настолько назревшим и понятным, что большевикам было легче за него уцепиться. Но дело тут даже не в большевиках; когда Европа преклонилась перед Турцией, Германия и Россия отказались от своих прав в Китае, это не могло не дать такого толчка национальному китайскому самосознанию, что мечтать о прежнем держании Китая в решпекте

было бы уже бессмысленно. Нужно было как можно скорее взять на себя инициативу разумных уступок, которые в свое время могли примирить, и, конечно, всего больше эти уступки должны были выражаться в привлечении местных элементов к управлению, в создании школы туземных управителей. Но Европа была занята другим, интересы отдельных европейцев, казалось бы, требовали сохранения статус кво, и время инициатив, казалось бы, упущено; тогда за это взялись большевики, как и во всем остальном ухватившись за серьезный и реальный элемент неудовольствия. Но и здесь, как во всем остальном, упредивши события и превращая разумную и, может быть, благодетельную передовую инициативу в разрушительную и гибельную. Но я совершенно верю, что в этой области они оказались для китайцев бесценными союзниками; они сами кое-чему научились, и когда стали организовывать китайскую армию, то организовали уже ее не на началах русской революции, а на началах большевистской Красной Армии. Они помогли китайцам еще больше, чем туркам, и, думаю, делали это уже не в расчете только через Китай затронуть европейский капитализм, но и в силу естественного сочувствия к тем началам национального освобождения, которые представлял Китай, и, главное, заманчивой прелести успешной борьбы.

<...>

¹ Очевидно, имеются в виду организованные местными коммунистами при поддержке Москвы вооруженные восстания в Гамбурге в октябре 1923 и в Таллинне 1 декабря 1924.

² Имеется в виду так называемая «конституция Мидхата», принятая в декабре 1876 в результате государственного переворота, осуществленного великим везиром Мидхат-пашой при поддержке так называемых «новых османов»; однако уже в начале 1877 «конституционный» султан Абдул-Хамид II сместил Мидхат-пашу, подверг репрессиям большинство «новых османов», а в феврале 1878 распустил избранный согласно конституции парламент и установил самодержавный деспотический режим.

³ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, землевладелец, лидер земского движения; депутат 1-й Государственной Думы; вступил в партию кадетов, однако вскоре ее покинул, сохраняя, впрочем, «большие личные отношения с кадетизмом» (П.Н.Миллюков). Глава Временного правительства в марте–июле 1917. В 1918 эмигрировал во Францию, в декабре 1918 – июле 1919 – председатель Русского политического совещания в Париже; член Русской политической делегации за границей. Под «вторым кабинетом» Маклаков, очевидно, подразумевает первое коалиционное правительство, сформированное 2–3 мая 1917. В состав кабинета, по соглашению между Временным правительством и Исполкомом Петроградского совета, были включены 6 министров-социалистов.

5. Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову

Boris A. Bakhmeteff
250 West 57-th Street
New York
1 марта 1927 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Пишу Вам опять, не дожидаясь Вашего ответа. Пишу под свежим впечатлением книги Шульгина «Три столицы»¹, книги захватывающей, любопытной, как живой документ, написанный кровью бесконечно искреннего человека. Несомненная картина России, оживающей силой самоутверждающейся жизни; бесконечно искреннее срывание покровы с факта полного непонимания и незнания так называемой эмиграцией происшедшего и происходящего в России процесса. В то же время книга, не дающая ответа или, вернее, дающая неубедительное представление о том, откуда и как могут произойти события, в результате которых изменится система; кто истинные носители, активные исполнители хотя бы слепой воли исторической эволюции? О крестьянстве почти не слышно. Конечно, В<асилий> В<итальевич> в деревне не мог быть и писал правдиво лишь о том, что наблюдал. Вы чувствуете поневоле увлечение «фашистской» организацией контрабандистов, которые руководили его жизнью в России. Но нет ничего, что сколько-нибудь говорило бы о серьезности и силе этой организации. В конце концов, нет возможности судить, поскольку в картине, данной В.В., влиял на окраску природный романтизм автора.

Мне очень хочется, чтобы Вы написали, что Вам лично известно по этому вопросу от В.В.; как он оценивал положение, так как ясно, что многого нельзя было писать. Всегда среди русских ходят разные басни. Одна из них, что В.В. будто бы никогда в России не слышал имени Великого князя Н<иколая> Н<иколаевича>². Из его беседы в спальном вагоне вытекает обратное представление. Что было на самом деле?

Не оставляйте меня долго в тени и напишите мне об этом. Другими словами, я хотел бы очень, чтобы Вы поделились со мной всем тем, чего нет в книжке, чего там нельзя сказать и что составляет самое главное и самое важное.

Все это, конечно, в пределах того, что можно написать в письме. Вот пока все.

Сердечно обнимаю.

Ваш Б.Бахметев

¹ Книга В.В.Шульгина «Три столицы: Путешествие в красную Россию» была опубликована в Берлине в 1927. В ней рассказывалось о нелегальной поездке Шульгина в СССР в конце декабря 1925 – феврале 1926.

² Николай Николаевич (1856–1929) – великий князь, внук императора Николая I, двоюродный дядя императора Николая II, генерал от инфантерии. В период Первой мировой войны – Верховный главнокомандующий в 1914–1915 и 2–9 марта 1917. В 1915–1917 – командующий Кавказским фронтом. В эмиграции – во Франции; рассматривался в некоторых кругах эмиграции как возможный вождь антибольшевистской борьбы и будущий российский монарх. Сам Николай Николаевич придерживался осторожной позиции, заявляя, что возглавит движение только в том случае, если его «позовут» из России.

6. В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву

Париж,
15-го марта 1927

Дорогой Борис Александрович,

Пишу Вам сейчас, в день, когда получил Ваше письмо, только по двум причинам. Во-первых, чтобы выразить Вам свое удивление от первых слов Вашего письма: т.е. что Вы мне пишете, не дожидаясь ответа; я Вам послал два большущих письма, чтобы не оставаться у Вас в долгу, и оба заказным; поэтому очень удивлен, что Вы их до сих пор не получили. Чтобы не упрекать понапрасну Вашу почту, ответьте мне, когда хотя бы первое из них получите. А во-вторых, Ваше письмо помечено первым, а пришло оно 14-го, значит шло две недели, по такому расчету, и Вы моих писем могли не получить; но причина промедления с Вашими письмами та, что Вы посылаете их мне по совершенно идиотскому адресу; можете посылать либо ко мне на квартиру, 5, rue Pegu, или в бюро, 19, Place du Commerce; 32, rue Boissiere, где мы не живем уже почти год, не более остроумно, как если бы Вы послали их мне на 79, rue дэ Гренель. Хорошо еще, если письмо доползло хотя и в две недели, могло и вовсе пропасть. По существу же Вашего письма не отвечаю, подожду Ваших ответов. Сегодня у меня будет Шульгин, я доставлю себе удовольствие показать ему Ваше письмо, что, вероятно, доставит удовольствие и ему, а потом я Вам, кстати, напишу, как он на него реагировал.

Продолжайте же в этом направлении.

7. Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову

Boris A. Bakhmeteff
250 West 57-th Street
New York
7 апреля 1927 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Только что расположился писать длинный и обстоятельный ответ на Ваши более чем увлекательные письма, как пришло от Вас корот-

кое и очень сердитое послание от 15-го марта. Я вижу, Вы на меня сильно озлились, причем совершенно неосновательно. Начальные слова моего письма от 1-го марта, что я пишу, не дожидаясь ответа, не были ни в какой мере упреком. Я и не ожидал получить ответ, зная, как долго ходит почта. Я писал по живому побуждению, полный впечатлений от книги Шульгина. Ваши письма начали приходить немедленно после. Насчет адреса, который Вы называете «идиотским», право, несправедливо винить нас: на последнем Вашем письме, помеченном 16-го июля 1926 года, заголовок гласит – 32, rue Boissiere, и никто в Париже – ни Вы, ни кто другой, мне никогда о перемене адреса не сообщали. У нас в Америке существует хорошее правило циркулярно оповещать постоянных корреспондентов о переменах в адресе. Из Вашего последнего письма узнаю также о перемене Вашего личного адреса: я думал, что Вы продолжаете еще жить на rue Stanislas. Полагая, что Вы за это время меня «простили», перехожу к делу.

Во-первых, глубокий поясной поклон за Ваши обстоятельные и более чем интересные письма. Касательно первой части более раннего письма, где Вы даете обстоятельные ответы на поставленные мною коротко вопросы, хочу сказать, что Вы попали абсолютно в точку. Мои вопросы были весьма кратко сформулированы, и потому не удивительно, что Вам они оказались несколько непонятными. Вы приписали это нашей отдаленности и неосведомленности, но это понапрасну: мы, правда, живем здесь очень далеко, но Америка живо интересуется и реагирует на европейские события. Газеты имеют хороших корреспондентов; существуют серьезные журналы и, конечно, масса новых и животрепещущих книг по международным вопросам. Наконец, я видал много знатных иностранцев, приезжающих сюда, которых обычно гостеприимно принимают некоторые культурные и интересующиеся европейскими делами американские круги. Я больше всего хотел подтверждения; я искал от Вас объективного освещения происходящих событий. Вы это дали в великолепной форме и в общем подтвердили правильность нашей ориентации, сообщив, конечно, массу колорита и жизненных штрихов.

<...>

...В политике явное, официальное не всегда представляется главным. Диалектика настроений и внутренних психологических процессов иной раз бесконечно важнее... Бесполезно говорить о «глупости и нелепости» тех или иных решений. Я продолжаю считать, что в обстановке 19-го года Версальский договор был лучшим, на что можно было рассчитывать. По существу он «справедливее» и более предусмотрителен в отношении побежденных, чем какой-либо иной акт, завершивший эпоху больших национальных войн и выражающий факт безусловного торжества одной стороны над другой.

Но все меняется; жизнь наполняется новым содержанием, и в соответствии с этим старые решения либо пересматриваются, либо – как чаще происходит – просто забываются за ветхостью и ненадобностью и заменяются новыми, более соответствующими потребностям времени толкованиям. Вы, как юрист, неизбежно придаете более значение договорным текстам, чем я, скорее практический политик и businessman. В практических делах и практической политике мы привыкли понимать относительность договорных норм. Я не хочу, чтобы у Вас слагалось впечатление, будто я вступаю на зыбкую почву политического и делового аморализма. Как раз наоборот: я только считаюсь со свойствами человеческой природы. Есть лишь одна вещь, которую я привык считать и которую надо считать святой и ненарушимой, – это слово «обещание». Социально здорова та среда и то государство, в котором как отдельные люди, так и весь body politic¹ проникнуты этим чувством ответственности и обязательства.

Но все это, однако, не имеет прямого отношения к практическим вопросам, которыми мы заняты. Подводя итоги, представляется ясным, что очаг западноевропейского беспокойства перенесен ныне в Италию. Вполне ценя те достижения, которые удалось Муссолини в течение первых лет и благодаря которым он страну из состояния разложения и гибели привел в цветущий вид, я уже с некоторого времени слежу с опасением за нездоровыми и опасными уклонами его внешней политики. Также беспокоит меня экстремизм в области внутренних дел. Многие из наших соотечественников склонны рассматривать фашизм как новое Евангелие политического устройства, пришедшее на смену развалившейся и подгнившей демократической доктрине. О том, в каком направлении движется человечество, поскольку дело касается политических и социальных форм, речь будет дальше. Здесь хочу лишь отметить, что в теперешних итальянских событиях, по существу, нет ничего нового, на что история не дала бы раньше определенных и, я сказал бы, печальных ответов. Цикл, через который проходит Муссолини, напоминает мне всего больше Вторую Империю². Ведь Наполеон III³ также возвысился на плечах консервативного мелкого мещанства, испугавшегося революционной разрухи 48-го года⁴. Также со временем режим Второй Империи перенесся в своих основаниях на другие слои, в частности, на bourgeoisie⁵ и группу спекулятивной буржуазии. Недавно один из фашистских ораторов с гордостью доказывал, что режим Муссолини в настоящее время укрепился и обрел непрерывность существования именно потому, что ныне его оплотом является старая итальянская землевладельческая аристократия и высшие деловые круги. Я не могу не видеть параллели в пламенных речах Муссолини с авантюристическим курсом во внешней политике, на который постепенно вынужден был встать Наполеон III. Не забудьте, что пер-

вый период Второй Империи был также ознаменован необыкновенным расцветом материального творчества и растущим восхищением со стороны иностранцев. Большинство железных дорог, публичных зданий и сооружений во Франции относятся к этому блестящему времени. Вспомните также, как старые исторические династии одна за другой признавали Наполеона и вступали с ним в сношения; и вспомните, как все это кончилось франко-прусской войной, Седаном и коммуной в Париже⁵. <...>

Теперь о Польше. Ваша весьма тонкая характеристика положения подтверждает те тенденции, которые, вероятно, будут преобладать и развертываться в течение следующих лет и которые, кстати сказать, будут крайне полезны будущей России, когда ей придется регулировать положение на западной границе и залечивать изломы и вывихи, полученные во время разрухи. Сила лимитрофов⁶ и интриг их по отношению к России держатся сейчас сочувствием Европы. Как только у нас завершится коммунистический период и Россия войдет в фазу, когда Европе окажется возможным и необходимым налаживать с ней настоящие отношения, – положение коренным образом изменится. Из-под Рижского договора, из-под Бессарабии⁷ выпадет все основание. Потребность сговориться с Россией будет повелительна. У руководителей будущей русской иностранной политики окажется в руках сильный козырь – надо будет в достойной и правильной форме поставить Европу лицом к лицу с положением, само собой вполне отвечающим действительности, когда урегулированию отношений с Россией препятствует содеянное лимитрофами и санкционированное Западом за большевистский период. Сейчас несвоевременно судить об этом вопросе в сколько-нибудь конкретных чертах, но нам нужно это иметь в виду. Суть выражается в формуле: обеспечить себе политический тыл со стороны «большой» Европы. Тогда все заграждения и окопы зарвавшихся политиканов кордонных государств окажутся смешными и жалкими. Это, конечно, совершенно не умаляет моей тревоги по поводу происходящих сейчас интриг с Украиной. Я мало знаю украинских деятелей. В свое время, когда я жил в Малороссии, мне приходилось ощущать их присутствие. Настроения и факты, отмеченные Шульгиным, мне очень понятны. Но факт остается фактом: большевики поддерживают и поощряют все патриотизмы, кроме русского, и десять лет искусственного роста не могут не дать плодов, хотя и фальшивых. Затем имеется католическая церковь, Польша и всякие другие неприятные обстоятельства. И в довершение всего, как ни странно, основной факт, что Малороссия есть часть России и часть русского народа и что по отношению к ней не могут быть в будущем применимы те меры и те приемы, которые мы по совести, по праву и по целесообразности можем и, я надеюсь, – будем применять к иноплеменным лимитрофам. <...>

Апреля 11 <19>27

Дорогой В.А.

Продолжаю письмо, переходя к тому, что Вы справедливо считаете самым интересным вопросом и который, как Вы говорите, мне нужно особенно долбить, так как я, со своим «американизмом», не чувствую всей важности проблемы. Вопрос, как Вы его формулируете, состоит в несоответствии современного политического строя Европы с ее экономической системой; другими словами, в несовместимости капитализма с демократией. При нынешней политической системе государство обязано угождать широким массам, которые в своей экономической программе исходят из желания раздавить имущее меньшинство и встать на его место. Демократические партии из демагогических соображений делают уступку за уступкой соседям слева, что приводит постепенно к торжеству этатизма в экономической сфере и к постепенному утверждению государственного капитализма, то есть НЭПа. Я не могу не ощущать известной двойственности в Вашем отношении к вопросу: сущностью своей природы, природы, ценящей изысканное, разумное, Вы протестуете против глупости масс, которые обуяны социальной ненавистью и желанием идти по пути экономического нивелирования; масс, готовых перейти к социально менее совершенному укладу, лишь бы отомстить и лишиться хорошей жизни «счастливицков». С другой стороны, Вы как будто принимаете начала НЭПа. Этатизм представляется Вам естественным и неизбежным результатом исторического процесса и в форме постепенной замены частновладельческого управления целесообразным и разумным выходом из положения.

Из Вашего изложения, однако, не совсем ясно, как Вам рисуется будущее: видите ли Вы неизбежность торжества политической демократии и, в соответствии с этим, гибель существующей капиталистической системы, или Вам кажется, что фашизм или какая-либо иная форма политического господства привилегированных меньшинств восторжествует над идеей политического равенства, выражаемого во всеобщем избирательном праве; и тогда, сохраняя в своих руках политическое господство, просвещенное меньшинство удержит экономический строй, обеспечивающий его прерогативы. В общем, несомненно, Вы схватили быка за рога и поставили вопрос, который представляется и мне наиболее существенным в настоящий момент; вопрос, как он мне представляется, об общем направлении судеб человечества, своего рода *quo vadis*⁸, обращенное к лицу цивилизованного мира.

Вы несправедливо упрекаете меня в американизме и неверно ограничиваете мое мировоззрение окружающей меня обстановкой. На самом деле, законы социального развития распространяются и на Америку так же, как и на другие страны, достигшие известной сте-

пени культурного и экономического развития. Потому и в Америке, хотя может и в несколько иных формах, мы наблюдаем проявление тех же сил и факторов, которые не дают вам спать в Европе. С другой стороны, мы, право же, не так изолированы и не так далеки от Старого мира, чтобы не понимать и не оценивать всего происходящего там. Повторяю: ставимую Вами задачу надо рассматривать во всей ее широте, как вопрос путей мировой поступи.

В своем понимании дело сводится к тому, победит ли в результате общественной эволюции частнохозяйственная или государственная стихия? Если частнохозяйственной стихии суждено восторжествовать, то сохранится ли незыблемой нынешняя капиталистическая основа? В связи с этим возникает вопрос, способно ли население, так называемый народ, сам следовать по разумным и отвечающим его собственным интересам путям. Другими словами, возможна ли консервативная демократия? Или народ всегда неразумен и его только можно «вести»? Иначе говоря, настоящие, но неосознанные «народом» потребности населения способно знать лишь просвещенное меньшинство. В этом заключается идеология фашизма, «варяжская» теория опеки.

Прежде чем отвечать на основной вопрос, глубоко захватывающий и бесконечно трудный, надо поставить в правильное соответствие с общей перспективой некоторые отдельные факты.

Несомненно, что во многих странах Европы существует противоречие между ныне действующим укладом и осознанным или полuosознанным настроением масс; несомненно, во многих странах инстинкты, руководящие толпой, направлены к разрушению и дышат социальной ненавистью; несомненно, демагоги левых партий используют эти неразумные и разрушительные инстинкты; несомненно, что в силу этого в целом ряде стран правительства «боятся» населения, сознавая, что, по существу, они держатся инерцией, что нынешний строй не прочен и не покоится на «согласии» управляемых народов. Таким образом, если бы инстинкты и страсти населения нашли нестесняемое выражение, то как власть, так и социально-политическая структура нынешнего дня потонули бы в стихии разрушения.

В то же время нельзя отрицать факта, что существуют страны, в которых нашла осуществление так называемая «консервативная демократия», употребляя удачное выражение Струве⁹. Имеется ряд государств, в которых ныне существующий строй фактически покоится на убеждениях и желаниях большинства населения; в которых значительная и преобладающая масса населения стоит за охрану существующих социальных основ и сознательно противится разрушению и революции; страны, в которых власть не «боится» населения; страны, в которых уклад крепок убеждением, что существующий строй в наилучшей мере обеспечивает интересы, прогресс и даль-

нейший успех жизни большинства. Это страны не исключительно ново-англосаксонские, как, скажем, Америка и Британские доминионы; в значительной мере эта характеристика относится к Англии, где в общем и целом даже рабочая партия не социалистична и не нэписта; относится она также к Швейцарии – вообще одной из наиболее социально прочных стран; относится она и к северным европейским формациям; начинает все больше и больше относиться к Германии, которая, как мне представляется, изжила клубок ненависти, накопившийся в предшествующую революции эпоху, и ныне идет по пути демократического консерватизма.

Наконец, не будем забывать, что само понятие «демократия» – весьма относительно. Дело не во всеобщем избирательном праве и других формальных признаках, которые в свое время описывались в трактатах по конституционному праву; дело в фактическом укладе жизни, который весьма разнообразен. Англосаксонские и некоторые европейские страны на протяжении десятилетий дают нам обширный опыт в области политического и бытового уклада. Пример Америки и англосаксонских доминионов особенно поучителен. Между прочим, оказывается, что так называемая *direct democracy*¹⁰, референдум, пропорциональное избирательное право, *primary system* (т.е. предварительное избрание населением кандидатов от главных партий) не являются полезным и созидательным нововведением. Наоборот, превосходно действует двухпартийная система, при которой ответственность за государственное ведение дел берет на себя одна или другая партия; группа людей, посвящающих себя профессионально государственной деятельности; группа, которая селекционирует лиц для занятия ответственных должностей; система, при которой населению в целом предоставляется лишь выбирать между определенными кандидатами; где население фактически лишь одобряет или отвергает деятельность той или иной партии, но не «управляет» само. Система партийного управления, которая так удачно действовала на протяжении десятилетий в Англии и Америке, исходит из совершенно правильного понимания: народ разумен и способен отличать годное от негодного; он может судить, но не может управлять, так как практически государственность есть такая же профессиональная область, как музыка, искусство, наука и промышленность. Для этого требуется специальная подготовка и навык. Это накапливается политическими партиями – я говорю о партии в лучшем смысле этого слова. Таким образом, в процессе сравнительного изучения мы можем найти формы демократии, в которых сочетается народное волеизъявление с разумно контролируемым управлением меньшинства.

Историческим фактом является также следующее: страны, в свое время пережившие демократическую трансформацию, явились наи-

более устойчивыми в смысле сопротивления революциям и насильственным потрясениям. За последние 150 лет история не отметила разрушительных народных волнений в Англии, Америке, Швейцарии. Эти страны переживали острые кризисы, но безумных, разрушительных потрясений в них не происходило. Наконец, в испытаниях великой войны наиболее выносливыми оказались страны, в которых политический строй был демократический; и наоборот, развалились политически и в большей части социально государства, наиболее, казалось бы, приспособленные в силу централизации власти к ведению войны. Нет в мире ничего вреднее и никчемнее революций вообще. Социальные эпидемии, в высокой степени расточительные, разрушающие все, что медленно скоплено предшествующими годами. Все несовершенства власти, все скрипы государственного механизма ничто в сравнении с растратами социальных катастроф. Уже один этот факт как будто заставляет нас внимательно подходить к оценке политических систем, и хотя бы с этой одной стороны я все же склонен рассматривать так называемую демократическую конструкцию как наименьшее зло. Я вообще по общему складу считаю: чем меньше «управления», тем лучше. Я не преклоняю колена перед тем, что немцы назвали «Staat». Употребляю немецкое слово, так как русский термин «государство» более гибок и симпатичен. Я не люблю излишка «власти», что, однако, не мешает мне вибрировать остро и горячо мыслью о национальном единстве, о национальном организме, охватывающем народ в целом с его национальным бытом, укладом жизни и культурой. Во мне крайне сильны элементы державности, живое ощущение национального самосознания, гордость и вера в свой народ, в свое государство. Но я склонен думать, что гордость и национальное самосознание ярче и действеннее в стране, где хозяин – население и власть является его слугой и порождением. Наоборот, кичливое великодержавие, обман и лицемерие там, где, по существу, слепота и немощь населения прикрываются крикливой ширмой господствующего меньшинства.

Перейдем, однако, к основной задаче.

Итак, куда же направляют нас импульсы социально-политического развития, – повторяю – quo vadis нашей цивилизации? Что восторжествует в конечном счете: частно-хозяйственная стихия или этатизм? Мне кажется, Вы скорее склонны представлять будущее в виде этатизма; будущая экономическая система представляется Вам в виде НЭПа – государственного капитализма. Признаться, я не вижу существенной разницы между НЭПом и социалистической системой, как в свое время ее представляли себе социал-демократы. В прошлом вообще больше считались с научными методами и фактами; не действовали, как это делают коммунисты, под влиянием революционных эмоций. Я сказал бы, вопрос в том: правы ли так на-

зываемые «научные социалисты», утверждающие, что общество, основанное на частно-хозяйственных началах, неминуемо перейдет к обобществленному хозяйству. Социалисты довоенного периода правильно ставили вопрос и относительно демократии. Как Вы помните, лозунги Каутского¹¹, Бебеля и других – через демократию к социализму. Раз восторжествует политическая демократия, т.е. государством будет управлять воля большинства, население, исповедующее социалистическую экономику, введет социалистический строй. Ныне происходящее в Европе, что занимает Вашу мысль, есть предвидимый старыми социалистами путь. Скажу больше: если бы с течением времени большинство населения утвердилось в желании навсегда уничтожить имущие классы или, как Вы пишете, раздавить имущее меньшинство, то социализм или НЭП были бы неизбежны.

Я вообще считаю, что при настоящих условиях политическая диктатура не долговечна. Политическое господство меньшинства возможно лишь как временная и переходная фаза. Весь склад современной жизни, весь уклон развития неминуемо ведет к торжеству, в той или иной форме, желаний большинства. Другими словами, прочный социальный и политический уклад должен в большей или меньшей мере соответствовать желаниям преобладающих классов населения.

И вот, несмотря на это, я склонен думать, что в конечном счете НЭП не победит; что миру не суждено сделаться социалистическим. И это не потому, что ожидаю, что так называемые демократические формы сменятся иными, где меньшинство будет диктовать волю большинству, а оттого, что весь мой жизненный опыт и наблюдения привели меня к твердой вере, что социалистические начала неразумны; что коллективизм, в конечном счете, не отвечает интересам большинства населения.

Я думаю, вопрос сводится к объективной оценке годности той или иной экономической системы. Социализм не удержится, и обратно – частно-хозяйственная стихия восторжествует потому и только потому, что, во-первых, в конечном счете, она разрешает экономические проблемы более целесообразно; а во-вторых – она отвечает укладу жизни, который более сродни коренному стремлению человека – быть свободным и независимым. Страны, в настоящее время испытывающие тягу к этатизму, переживают болезни, унаследованные от прежнего феодального порядка вещей. Феодальное землевладение с его сословным строем сменилось индустриальной системой без того, однако, чтобы общество было перестроено снизу доверху. Старые сословные перегородки распространились на новую индустриальную структуру. Имущие и неимущие, капиталисты и пролетарии остались в разряде высших и низших сословий, как это имело место в прежнее, дореформенное время.

Помню, как-то раз писал Вам, что не случайно идеи социальной революции родились в странах экономически отсталых. Почему социальная демократия имела наибольший успех не там, где промышленность наиболее развита, как в Англии и Америке, а в Германии, Австрии и России, где сохранилось сильное феодальное наследие и где структура общества была насквозь пропитана сословными привилегиями. Настроения и ощущения, которые приводят массы под знамена социализма, вызваны не классовым самосознанием, а ядом сословной ненависти. Потому-то движения полны разрушительных начал, слепы и безумны. Пролетариат наиболее развитой социально страны, Америки, в лице Американской Федерации труда является резким и последовательным врагом коммунизма. В Палате представителей Америки нет социалистов. Говоря об «имущих», важно ощущение, психология. Вот в Америке имеется имущее большинство, «имущее» не в смысле того, что они обладают фабриками и заводами, – наоборот, нигде концентрация капитала не продвинулась так сильно, как здесь. Но потому, что среднее благосостояние рабочего – обладание домом, автомобилем, радио, приобщенность к благам цивилизованной жизни ведет к ощущениям охранительного типа. Люди что-то имеют, что им хочется сохранить. Отсюда социальная солидарность. А равенство возможностей, которое является не верой, а фактом в американской жизни, ведет к постоянному обмену между классами владельцев и наемного труда, благодаря чему вместо ненависти к тому, кто преуспел, наблюдается здесь уважение, стремление подражать. Рокфеллер и Карнеги – национальные герои Америки, а не «гносные кровопийцы».

Задача создать консервативную демократию заключается в общем в таком распределении благ, при котором психология обывателя делается психологией имущего. С другой стороны, в Америке были опыты огосударствления железных дорог, электрических станций и пр., но пока что факты явно доказывают, что частное владение и управление в общем выгоднее для населения; что обыватель покупает «service» дешевле, а главное, с большими удобствами от частных предприятий, чем от казны.

То же подтверждается Россией. Я не склонен считать опыт НЭПа удавшимся; наоборот, я сказал бы, в результате пятилетнего применения НЭП обнаружил полную неспособность справиться с основной задачей – снабдить население дешевыми промышленными изделиями.

В области основных экономических импульсов меня всегда занимало одно обстоятельство. Социализм вырос из ощущения несправедливости в распределении благ; отсюда естественное стремление побеждающей толпы направлено к выравниванию, уничтожению преимуществ¹².

У нас в России противниками или, вернее, «не друзьями» частного промышленного порядка были не только левые. Промышленность не любили и в глубине «презирали» и «аграрные идеалисты» типа покойного Г.Е.Львова, и националисты типа Шульгина. Недаром в его книге замечается известное согласие с государственной организацией НЭПа. Между тем благосостояние общества, мера действительного обладания благами, комфортом и прочим – категория производственная. В конечном счете, лучшим является строй, где с наименьшей затратой национального труда производится наибольшее количество продуктов, т.е. строй, снабжающий нацию в целом благами с наименьшим усилием. Если рассматривать затрату труда нацией как постоянную, очевидно, количество материальных благ, составляющее суммарное вознаграждение и состоящее из средств к жизни, а также элементов достатка и роскоши, – будет тем полнее и больше, чем выше общая производительность национального хозяйства. Тут-то мы подходим к так называемой эффективности – отдаче экономической системы, и здесь приходится самым энергичным образом настаивать, что при всех своих недостатках частнохозяйственная система бесконечно, во много раз продуктивнее, чем система этатическая. Я лично сижу по горло в практических проблемах производства и знаю на деле, что «нэпизация» отраслей, по крайней мере тех, с которыми я имею дело, повысила бы расходы по производству. Повышение это превзойдет те, в общем, крайне скромные в процентном отношении прибыли, которые это предприятие получает, по марксистской терминологии, от прибавочной стоимости труда. При нынешнем строе в атмосфере конкуренции предприятия, не способные до «высшей» меры эффективности, погибают. С точки зрения национальной экономики это плюс.

Вы мне скажете, что все это своего рода экономический онтологизм. Нельзя же считать, что победит строй, являющийся наиболее разумным! Чувствую внешнюю обоснованность упрека. Но правильность возражения лишь кажущаяся. Также не упрекайте меня в «отвлеченности» тогда, как Вы пишете о проблеме «дня». Я знаю, что многим странам Европы суждено еще изжить коллективистические эксперименты; допускаю, что во многих местах НЭП в том или ином виде временно может восторжествовать. Но необходимым результатом торжества экономического этатизма, связанного с политическим торжеством масс, явятся импульсы обратного направления. Социальная ненависть скоро будет изжита; удовлетворится ощущение равенства; феодализм в индустриальной системе отойдет в прошлое. Зато объективные элементы – цена и качество продуктов – начнут давить на психологию масс, тем более что страны, перешедшие к этатизму, принуждены будут обмениваться с другими государствами, где частнохозяйственная стихия не нарушена. А это

значит, что efficiency частного-хозяйственного порядка будет давить извне, как это делается теперь по отношению к России. Неуклюжие и дорогостоящие попытки коллективного производства опровергнут сами себя. Я вижу много недостатков в так называемой капиталистической системе, как мы ее унаследовали; но я вижу тоже эволюцию в психологии и понятиях. Менталитет британского премьера, члена консервативной партии и представителя крупного делового мира, двадцать лет тому назад в континентальной Европе являлся бы почти революционным. Точно так же концентрация промышленности обезличивает индивидуального владельца. Трестирование промышленности ведет к распределению владения среди широкого населения.

Недавно опубликованы были интересные цифры в газете «Таймс»: Американская Телефонная компания, в руках которой сосредоточено большинство телефонных предприятий Нового мира, имеет 360 тысяч акционеров. Крупные американские электрические общества давно ввели систему продажи акций и облигаций клиентам, считая, что ничто более не укрепляет социального положения предприятия, как распределение прибыли и участие в деле самих потребителей. Это большая область, в которую я не стремлюсь вступать; хочу лишь иллюстрировать частично, почему я думаю, что мир в целом не идет к НЭПу и не идет потому, что НЭП, в конечном счете, не разумен и не целесообразен. С другой стороны, имейте в виду психологический, бытовой фактор, который приводит к фактической и полной зависимости индивидуума от коллективного государства. Такое подчинение коллективу возможно путем диктатуры, путем организованного насилия, но и только. Взаимоотношения между государством и населением, подобные тому, какие существуют в России, хотя бы и в смягченном виде, неизбежны в любой системе экономического этатизма. Такие условия не выдерживают критики свободного волеизъявления со стороны населения. Другими словами, политическая демократия, которая, как Вы пишете, ведет к НЭПу (что правильно, как переходный этап для некоторых европейских стран), также неминуемо выведет страну из НЭПа, и выведет, вернее всего, победой быта, торжеством естественных и свойственных человеку, как таковому, стремлений и привычек. Разве революция против Негит¹³ не являлась подобной манифестацией «здорового смысла». Вы пишете, что это не привело к полному излечению. Конечно, нет. В человеческом общежитии нет и не может быть полного излечения. Всегда все движение... противоречия...

Вот пока не полный и эпизодический ответ. Знаю, что многое было мимо цели. Но ведь я согласен с Вами во многом касательно «настоящего момента». Хочется мне выдвинуть главные, основные перспективы.

¹ body politic (*англ.*) – государство.

² Вторая Империя – время правления во Франции Наполеона III (2 декабря 1852 – 4 сентября 1870).

³ Наполеон III, Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873) – сын падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне и его брата Луи. Президент Франции с декабря 1848; опираясь на армию, совершил 2 декабря 1851 государственный переворот, 2 декабря 1852 провозглашен императором. В результате революции 4 сентября 1870 в Париже низложен с престола.

⁴ Имеется в виду французская революция 1848 года.

⁵ В начале франко-прусской войны 1870–1871 гг. французская армия потерпела решающее поражение в сражении при Седане 2 сентября 1870, причем в плен попал сам император Наполеон III; одним из последствий краха Второй Империи было народное восстание в Париже и попытка радикальных социалистов установить коммунистические порядки (Парижская коммуна, 18 марта – 28 мая 1871).

⁶ лимитрофы (от *лат.* limes – граница и *греч.* trophos – питающий) – термин, первоначально означавший пограничные области Римской империи, которые должны были содержать войска, стоявшие вдоль границы. После Первой мировой войны применялся в отношении Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши.

⁷ Согласно мирному договору между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей с другой, о прекращении войны и нормализации отношений, подписанному в Риге 18 марта 1921, к Польше отходил ряд территорий запада Украины и Белоруссии; советская сторона соглашалась возвратить Польше различные военные трофеи, захваченные Россией (после первого раздела Польши) 1 января 1772, а также уплатить в течение года 30 млн. руб. золотом. 28 октября 1920 Парижским протоколом Англия, Франция, Италия и Япония признали захват Бессарабии Румынией.

⁸ quo vadis (*лат.*) – куда идешь.

⁹ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – публицист, философ, экономист. Прделал эволюцию от «легального марксизма» к правому крылу русского либерализма. Автор «Манифеста» РСДРП (1898). Редактировал заграничный орган русских либералов «Освобождение» (1902–1905). Член ЦК партии кадетов с момента ее основания (1905), депутат 2-й Государственной Думы. Редактировал журнал «Русская мысль» и ряд других изданий. Участник сборника «Вехи» (1909). В 1906–1917 – профессор политэкономии в Петербургском политехническом институте; академик Петербургской АН (1917). Инициатор издания сборника «Из глубины» (1918) – одной из первых попыток осмыслить суть русской революции. Член Особого совещания при Деникине; начальник Управления внешних сношений в правительстве Врангеля. Считал участие в Белом движении главным делом своей жизни. С ноября 1920 в эмиграции, сначала в Константинополе, затем в Софии и Праге. С 1925– в Париже.

¹⁰ direct democarcy (*англ.*) – непосредственная демократия.

¹¹ Каутский Карл (Kautsky; 1854–1938) – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии.

¹² Приписано Б.А.Бахметевым на полях от руки.

¹³ Эррио Эдуар (Herriot; 1872–1957) – французский государственный и политический деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов. Начиная с 1916, неоднократно входил в правительство, в том числе был премьер-министром и министром иностранных дел в 1924–1925 и премьер-министром в 1926.

8. В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву

Париж,
28-го апреля 1927 г.

Дорогой Борис Александрович,

За Ваше письмо отпускаю Вам Ваши прежние грехи, и то, что Вы долго не отвечали, и то, что Вы так отбились от нас, что даже не знали, что мы переехали с Буассиер на Пляс ди Коммерс; ведь это не просто перемена адреса, а перемена положения, говоря проще, новая стадия нашего падения; Буассиер был не дворец, как рю дэ Гренель, но все-таки шикарное для частного учреждения помещение. Пляс ди Коммерс уже хижина, следующий шаг, если только нам суждено будет его сделать, будет уже конура; кстати, исправлю и другое Ваше недоразумение; личного своего адреса я не менял, но за меня постарался муниципалитет; мою улицу переименовали, что вводит многих в соблазн. Но это к слову, а прощаю же я Вам Ваши грехи за то, что Вы Вашим обстоятельным и интересным письмом поставили такие вопросы, которых в нашей суе и сутолоке почти больше не ставишь и о которых не думаешь. И, читая это письмо и собираясь на него ответить, я ясно чувствую все значение нашей с Вами переписки, значение для нашего собственного просветления и воспитания. Но не буду продолжать комплиментарной части письма, тем более *que ce n'est pas le genre de ma beaute*¹, а перехожу прямо к ответу.

В письме Вашем затронуто так много вопросов, что необходимо его расчленить, иначе никогда не кончу; и потому я сейчас ограничу свою тему: буду говорить о том, что меня больше всего интересует и на что Вы отвечаете во второй половине письма, т.е. о том фатальном противоречии, которое я усматриваю между политической формой современной Европы и ее экономическим строем. По этому поводу Вы сказали много интересного, проникнутого тем оптимизмом, который Вас всегда не покидает; кое с чем я, пожалуй, соглашусь, но тем более хочу уяснить свою собственную позицию.

Вы усматриваете, как Вы пишете, некоторую двойственность в моем отношении к этом вопросу; пожалуй, Вы правы, но только эту двойственность нужно еще больше углубить.

Вы правы и тогда, когда замечаете в моих словах некоторое сожаление о грядущем наступлении НЭПа и объясняете это желание моим сочувствием к «изысканному и разумному». В этом Вы правы; здесь в моем отношении есть тот элемент, может быть, иррациональный, который я назову эстетизмом; мне жалко, когда исчезают дворянские усадьбы с их громадными парками и садами и на место их воздвигаются маленькие фермы, хотя бы и с самой интенсивной культурой. Такая замена, полезная для коллектива, совершенно разумна, и все-таки из эстетики мне жалко прежних, никому пользы не приносящих садов; жалко мне также, когда на месте дворца построят тысячи дешевых, удобных и комфортабельных квартир; жалко опять-таки из-за одной эстетики. Но если из этой области, чисто материальной, где так легко доказывать право большинства на ту площадь, которую занимало изысканное и богатое меньшинство, мы перейдем к другим формам человеческой жизни, там мое сожаление будет еще более оправданно. Возьмем область культуры, и мы отлично поймем, в какой мере здесь неприменим принцип равенства и демократии; если Вы прочли мою статью по поводу Пушкинского праздника², которую я Вам выслал, то Вы не могли не заметить, с каким удовольствием я отстаивал преимущественное значение исключительных единиц и возражал принципиально против демократических нивелировок. Но я скажу то же самое и в области политической, где принцип демократии стоит и властвует уже безраздельно. Я и здесь не могу помириться с тем, что все люди равны, т.е. что мнения всех людей равноценны и что истиной считается то, за что голосует большинство; я не то что не могу с этим помириться, это, пожалуй, не точно, но я тоже из какой-то исторической эстетики жалею, что так парализовано влияние индивидуальности и так ограничены права авторитета. Когда исторические люди заменены коллективами и значение так называемых исторических героев развенчано и исторической наукой и практикой, то все это мне жалко из той же эстетики. Я говорю, что из одной эстетики, и, пожалуй, это не точно; здесь эстетика совпадает и с некоторыми политическими пониманиями; я думаю, что масса, т.е. демократия, годна для управления в мирное время, т.е. годна для управления уже с хорошо сработанной машиной, когда остается только продолжать. В демократии и в массе нет творчества, нет фантазии; и в те исторические моменты, когда она необходима, когда приходится менять курс, тогда и политическая жизнь выдвигает другое начало. Недаром все античные цивилизации начали с деспотизма; эти античные цивилизации зародились там, где сама природа поставила проблему координированной борьбы со стороны общества. Благодетельный Нил был ведь и бичом человечества; он был благодетелен, если умели с ним коллективными силами бороться: устраивая каналы, плотины и т.п.; но если предо-

ставить Нилу свободу, то вместо плодородия около него были те миазмы и та гниль, которые устраняли возможность всякой жизни. И недаром начало культуры по берегам этих рек совпало с установлением деспотической власти, которая умела приказывать тысячам и которой эти тысячи повиновались. В этом и было основное условие возможности культуры, и необходимость фараонов доказывается не только эстетическим созерцанием их дворцов и могил, но и простым фактом их возникновения. Во всем этом есть, конечно, вредные элементы аристократизма, которых я не стану отрицать и которые Вы подметили. Но тут же наряду с этим, как будто в противоречие с тем, что я говорю, есть мое глубокое убеждение, что человечество развивается в демократическом направлении и что все то, чем я дорожу из-за эстетики, все это обречено историей на слом. Во-первых, потому что сама аристократия требует непрерывного подновления, а по существу своему стремится не столько к этому, сколько к удержанию своих позиций; но еще и потому, главным образом, что по мере размножения и интеллектуального развития демократии она не мирится с существованием аристократии. И этот процесс нивелировки хотя может быть и здоровым и нездоровым, но по существу неизбежен. Никакая эстетика не может оправдать крупных поместий, предназначенных для отдельных счастливых в стране или местности острого малоземелья; никакие дворцы не устоят среди рабочих кварталов, где людям жить негде, от этого фатально и неизбежно исчезновение того, к чему глаз привык и к чему лежит еще сердце. Этот же процесс идет и в других областях; в области политики при увеличении прав и задач всего коллектива каждый отдельный гражданин претендует на равное с другими право на управление делами коллектива; в общем, это здоровое течение и при этом совершенно неизбежное; социальное неравенство постепенно исчезает, исчезают и политические привилегии аристократов. Крупные люди, политические гении остаются как и прежде; но их роль иная; им прежде всего нужно убеждать свою собственную страну в том, что они правы; они этим подымают страну к своему уровню, но еще гораздо больше опускаются до уровня страны, т.е. большинства, и, конечно, благодаря этому из них не извлекают всего того, что при других условиях можно было бы извлечь, и таланты этих людей размениваются на борьбу, унижительную и противную, с человеческой глупостью и демагогией. Это тоже необходимый процесс и, в общем, здоровый, но в нем есть те отрицательные стороны, которых нельзя не наблюдать. Думаю, что этот же процесс идет и в культуре; конечно, культурные силы, будь то в области науки и искусства, как будто не зависят от коллектива, но это очень условно; поскольку они должны быть все-таки понятны массам, поскольку желают говорить именно для этих масс, поскольку здесь есть опасность Сциллы и Ха-

рибды, т.е. опасность совершенного отчуждения от своей страны и народа и превращения в бесполезного человека, который гордится тем, что его никто не понимает, видя в этом доказательство своего превосходства, – противоположная опасность человека, подделывающегося под вкус толпы, соблазненного успехом среди массы, т.е. опять-таки опасность быть затопленным демократическим вкусом. Таким образом, я одновременно и жалею о том, что происходит, и признаю, что это неизбежно. Неизбежно до такой степени, что я сам служу этому неизбежному течению, т.е. торжеству демократии, хотя и жалею о его последствиях. Здесь, как видите, лежит источник того, что можно назвать философским пессимизмом; я признаю необходимость и неизбежность известного процесса и жалею о последствиях этого процесса. Но этот пессимизм, как я Вам говорил, философский; это все равно что жалеть о том, что люди старятся; раз Вы понимаете, что это необходимо, то это не вызывает с Вашей стороны никаких бессмысленных и вредных действий; это только мирозерцание.

Но дело, конечно, не в этом философском пессимизме; то, что нас обоих сейчас может занимать, – это наблюдение совершенно другого порядка; пессимизм практический, который можно назвать политическим. И корень его в том, что, по моему мнению, пользуясь прежним сравнением, человечество стареет слишком быстро, стареет искусственно и приходит к таким формам общежития, которые невыгодны для самого коллектива. Отчего это произошло? От несоответствия политического строя с экономическим. Бесспорно, что человечество идет к демократии, к равному участию всех в управлении своими делами, словом, к самоуправлению, а не подчинению большинства меньшинству. В этом состоит политический прогресс, но мы осуществили его слишком полно и слишком быстро. Мы ввели всеобщее избирательное право, господство большинства, и этот принцип стал для нас аксиомой; если оставить в стороне временные и случайные скачки назад, в виде разной формы реакции, то изменения в политической структуре идут повсюду и постоянно только в направлении все большего демократизма; избирательное право все расширяется, возрастной ценз понижается, к голосованию привлекают женщин и т.п. Одновременно упраздняются или сокращаются представительства, основанные на другом начале, вторые палаты и т.д., словом, принцип демократии никто оспаривать не берется, кроме только брызжащих реакционеров, предлагающих карикатурные меры спасения. Но, наблюдая жизнь, я вижу, что демократия не может справиться с той задачей, которую она на себя взяла, что демократический принцип всеобщего избирательного права является источником зла в сфере экономической и расстраивает здоровье всего коллектива. Все происходит не оттого, что принцип демократии не-

верен, а что его ввели слишком полно и слишком рано к людям, неподготовленным к уяснению себе сущности государственной проблемы. Всеобщая склонность к НЭПу для меня только иллюстрация этой неподготовленности; Вы правильно и глубоко заметили, что все экономические фантазии демократии в ее извращенном виде сводятся к проблеме распределения, а не производства. В этом, конечно, корень зла. Демократия, почувствовавши себя хозяином в смысле политическом, желает чувствовать себя хозяином и в смысле экономическом. Она захватила власть, она хочет захватить и имущества. НЭП есть только форма такого захвата, при которой демократия, т.е. государство стало хозяином и собственником; это вполне логичное разрешение проблемы распределения; но демократия другой проблемы и не видит. От нее, пожалуй, большего требовать и нельзя, как нельзя требовать от ребенка, чтобы он рассуждал, откуда являются те вещи, которые он ломает и истребляет; проблема распределения доступна демократии, потому что она и нагляднее и проще, не говоря о том, что она покоится на более доступных человеческой природе инстинктах. Потому-то укрепление в государстве демократии повело быстрым темпом к захвату имущества в форме замены частно-правового начала этатизмом, что в условиях современного государственного уровня ведет к понижению производства, т.е. к прямому ущербу для коллектива. В этом и лежит главная трагедия минуты; этот мой «пессимизм» другого порядка, чем философский. Я жалел бы, если бы на месте дворца был построен дом дешевых рабочих квартир. Но сейчас ведь нет и этого; сейчас просто чернь ворвалась во дворец и его запакостила. Точно так же и прежние барские хозяйства не разбиты на мелкие фермы, а превратились либо в пустыри, либо в площади первобытной культуры. Этатизм приводит только к этому; это так же неизбежно, как истребление на сигарки библиотеки, которую Вы подарили бы неграмотному, или обращение в подносы Тициановских картин, которые Вы подарили бы мужику. Сейчас иначе и быть не может, и потому по мере того, как демократия все более и более становится не номинальным, а реальным хозяином, и идет это разрушение экономических ценностей через посредство всякого рода национализации, т.е. через посредство НЭПа. И какой же из этого выход? Я и указывал Вам два равно печальных: либо во имя спасения ценностей надо бороться с демократией, т.е. стараться поставить ее на свое место, не увеличивать, а уменьшать ее роль в государственном управлении; а это значит очутиться в одном лагере с теми, кто мечтает только о собственных личных выгодах, а не о пользе коллектива и кто может быть сам повинен в том, что направил мысль демократии на эту опасную дорогу. Или, испугавшись такого союза, а может быть, и вообще по инстинктивной склонности к политическому прогрессу продолжать

верить в демократию и тем самым подкапывать под то экономическое здание, на месте которого ничего лучше поставить не сумеем. Вот Вам или – или, равно печальное; потому мое отношение к этой проблеме продолжает быть пессимическим и безотрадным, но уже не в смысле только философском, а в смысле совершенно практической постановки вопроса, что делать.

Вы эту проблему поняли, но она не заставила Вас отказаться от Вашего обычного оптимизма; Вы даете на нее оптимический ответ; я прочел его с большим интересом и во многом с Вами согласен, однако думаю, что Вы проблемы этой все же не устранили; в Вашем ответе много интересных, глубоких мыслей, хотя изложенных без особенной ясной системы; но если теперь свести их к нескольким основным положениям, то все Ваши рассуждения, в сущности, сводятся к двум утверждениям. Во-первых, Вы возражаете против претензий спасаться от дилемм борьбой против демократии, т.е. переходом к какой-либо форме фашизма. Вы считаете это бесполезным, ни к чему не ведущим; нельзя, говорите Вы, установить порядок, которого бы не хотело большинство страны. А во-вторых, Вы не так пессимистичны, как я, насчет способности демократии к самоуправлению; возможна консервативная, т.е. разумная, демократия, которая поймет бессмыслицу НЭПа и, даже попробовав его, выйдет на другой путь, на путь того, что Вы именуете «равными возможностями».

Вот, с Вашей точки зрения, те аргументы, которые дают возможность не только смотреть бодро вперед, но и дают основание для некоторой практической программы действий. Мое «или – или» оказывается неверным; есть третий путь, при котором противоречия исчезают и политическая демократия сливается со здоровой экономической системой, не имеющей ничего общего с НЭПом.

Вот на этот Ваш оптимизм я и буду Вам отвечать по пунктам; но заранее Вас предваряю, что если дело идет о философском понимании исторического момента, вне времени и пространства, и если оптимизм основан на том, что в конце концов все кончится благополучно, то я с Вами спорить не стану, просто потому, что мне будущее не видно и оно может сложиться так своеобразно сравнительно с тем, что мы сейчас видим, как своеобразен и невероятен был бы наш теперешний строй в глазах Египта или Греции рабского периода. О том, как все это кончится в конце концов, говорить не стоит; но что можно рекомендовать сейчас в качестве практической политики момента.

Сначала хочу ответить Вам на Ваше замечание о бессмысленности и невозможности фашизма и о том, что никакой порядок не удержится против желания большинства.

Прежде всего одно мимолетное замечание, которое привожу только для полноты, так как дело не в нем; в политике выгадать вре-

мя значит иногда очень много; и если даже быть уверенным, что некоторая политика репрессий и самозащиты долго продлится не может и только отсрочивает развязку, то и тогда есть смысл это делать. Конечно, при условии, что этой отсрочкой сумеют воспользоваться. Говорю это особенно потому, что не могу отделаться от воспоминания о нашей революции; не знаю, как Вы смотрите на некоторые ее стадии, но для меня несомненно, что при иной политике революции в тех размерах, как она совершилась, избежать было возможно; она вовсе не была необходима объективно; когда я вижу, как сам организм российского государства, несмотря на все его дефекты, сопротивлялся 6 месяцев победе большевизма, несмотря на необычайно выгодные условия для большевизма, то я не могу не думать, что если бы наше Временное правительство вело себя иначе, то оно могло бы получить отсрочку, которая, по крайней мере, бы ему дала время кончить войну. Подобного рода отсрочка не только ведь благодетельна сама по себе, она есть просто долг для практического политика, приблизительно так же, как для доктора есть долг тянуть жизнь больного, даже не имея надежды на выздоровление. И с другой стороны, если бы пренебрегать этими отсрочками и складывать руки перед опасностью, потому что считать ее непреодолимой, то различного рода катастрофические потрясения приходили бы гораздо раньше, чем нужно. Ведь, в сущности, и Пугачевщина могла удаться, если бы против нее не послали Суворова. Но это все замечания кстати, на которых я не настаиваю.

В общем я все-таки с Вами согласен; фашизм в его общем смысле, как способ для меньшинства навязать большинству свою волю, есть прием, который надолго не удастся; и тут не могу не поздравить Вас за очень тонкое сравнение Муссолини с Наполеоном III. Вы правы, аналогия здесь и остроумна и поучительна, добавлю только, что Муссолини, даже если он и провалится, что возможно, будет иметь ту заслугу, что проблему он поставил гораздо глубже, чем Наполеон. Ведь Наполеон, по крайней мере на словах, действовал во имя всеобщего избирательного права даже тогда, когда подавлял революцию. Наполеон притворно исходил из мысли, что большинство разумно; но, взяв это в основу своей политики, в деталях он стоял на совершенно противоположной точке зрения и старался это большинство обуздывать или обманывать. Он прибегал к плебисциту, но только затем, чтобы навязать плебисциту свое мнение – мнение разумного меньшинства. В основе политики Наполеона была ложь; само по себе это не упрек, но это большой недостаток, вернее сказать, это новая трудность, которую он вносил своей задачей и с которой в конце концов не справился. Муссолини поставил вопрос правильней; он откровенно сказал, что большинство глупо и что он будет управлять посредством разумного меньшинства. Можно осуж-

дать эту основную позицию, но так как Муссолини появился в момент, когда глупость большинства становилась для всех более или менее очевидной, то это его провозглашение новой, своеобразной, небанальной доктрины и имело успех, хотя бы и временный. Все дело теперь в том, как он использует ту отсрочку, которую ему дала жизнь, чтобы заставить большинство страны не от испуга и не от досады на бездарность левых партий принять фашистский строй как нечто постоянное. Вернее, так как этого ожидать невозможно, вопрос состоит в том, насколько Муссолини сумеет, разрешив основные проблемы момента, перейти к такому порядку, который можно считать нормальным. Подчеркиваю эту основную мысль: создать такое управление разумного меньшинства, которое бы поддерживалось волею большинства и потому, согласно Вашему правильному замечанию, могло бы рассчитывать на прочность, могло бы называться нормальным порядком.

Вы правы в том, что теперешний фашизм этой задачи не удовлетворяет; он не отказывается от своего боевого характера, плодит все больше и больше врагов, старается найти всеобщее одобрение в экзальтации национальной самонадеянности, а в это время незаметно и сам для себя вместо разумного разрешения социальной и экономической проблемы будет становиться слугой экономически привилегированного меньшинства. Такая политика непременно приведет к крушению. Но проблема, которую нужно ставить, сводится к двум половинам: первая – это такое изменение или усовершенствование капиталистического строя, чтобы масса страны не предпочитала ему нелепость этатизма; это второе Ваше положение, к которому я вернусь ниже, а первое, о чем я хочу говорить сейчас, – это такое изменение политического строя, при котором не торжествовала бы демагогия, т.е. не управляло бы глупое и невежественное большинство.

Я считаю необходимым такую реформу политического порядка, которая избавила бы нас от засилья большинства; отлично понимаю, что это возможно только в том смысле, если самое большинство будет предпочитать, одобрять и поддерживать эту форму. Здесь нет квадратуры круга. Конечно, если считать, что воля большинства выражается только всеобщим голосованием, тогда самая претензия создать порядок, который не управляется всеобщим голосованием, равносильна мысли создать порядок, противный воле народа. Но мы хорошо понимаем, что всеобщее голосование и воля большинства вовсе не одно и то же; мы понимаем, что и деспотизм восточных монархов, и русское самодержавие, и основанные на рабстве республики Греции и Рима соответствовали воле народа и этой волей поддерживались. Они стали разваливаться тогда, когда воля народа их переросла и народ понимал всю несправедливость этих порядков. В известный исторический момент, когда в народе стали пони-

мать и нелепость наследственных монархий, и несправедливость социального неравенства, против этих отживших начал была выставлена панацея всеобщего голосования. На известный исторический момент она свою роль сыграла; но все дело в том, что эта идея всеобщего голосования годилась только как боевая идея, подобно самому фашизму: как нормальный способ управления она так же нелепа, как и фашизм. Вся ошибка человечества в том, что оно принимает некоторые переходные боевые формы за нормальные и постоянные; на этом и следует их крах. Всеобщее голосование в той форме, как оно укоренилось в Европе, особенно когда его приняли «всерьез и надолго», ведет в политической области к демагогии, а в экономической – к вандализму и разрушению ценностей во имя всеобщего равенства.

Но можно сказать против этого, что, к сожалению, воля народа этого хочет и не откажется ни от всеобщего голосования, ни от парламентаризма. Если это так, то дело, конечно, безнадежно; но я во все не убежден, что это так. И в этом меня убеждают не только примеры тех государств и эпох, как в момент Наполеона I после всеобщего избирательного права народ с восторгом принимал даже личный режим <так!>; убеждают меня и наблюдения над современной жизнью и над современной мыслью. Анализ отношения к всеобщему избирательному праву успел с очевидной ясностью обнаружить, в какой ничтожной мере этот институт удовлетворяет личному сознанию каждого отдельного гражданина. При всеобщем избирательном праве не только разумное меньшинство жалуется, что его душит глупое большинство, но и само большинство уверяет, что благодаря всеобщему избирательному праву меньшинство его надувает, ведет за нос. Люди не только злонамеренные, но и искренние правильно указывают, что, положив свой бюллетень в урну, *peuple souverain*³ становится потом опять таким же рабом, каким был и раньше, что он не управляет страной. Наконец, ясно, что сочувствие режиму и поддержка его имеют очень мало общего с голосованием за того или другого кандидата. Один вопрос подменяется другим; когда человека заставляют голосовать за того или другого из представившихся ему кандидатов, то, делая это, – он этим ни излагает своих мыслей по вопросам политики, ни свидетельствует свое одобрение тому режиму, в котором он живет. Голосование за личность только в маленькой мере совпадает с голосованием за порядок. Недаром во всех демократиях кандидаты обещают реформы, и потом следуют систематические обвинения избранных, что они нарушили обещания. Этот припев стал такой банальностью, что о нем говорят как о факте общеизвестном и неотвратимом. Если это появилось в общественном сознании, то я уже не пойму, почему воля народа непременно станет отстаивать этот порядок. Она может вступить за него, если

на смену ему будет предложено нечто худшее, нечто такое, всю тяготу чего народ сразу поймет, что напомнит ему о знакомой и дурной старине. Тогда она, пожалуй, ухватится за всеобщее избирательное право, как за меньшее зло. Но вопрос, не поддержит ли общественное мнение другого порядка, основанного на других принципах, еще не испробованных. Какие же это могут быть принципы? Я не хочу фантазировать из головы, я просто обращаюсь к тому, что существует там, где жизнь идет нормально; эти наблюдения нас кое-чему научат.

Возьмем типичное акционерное общество, как пример самоуправления; беру его для примера тем охотнее, что в своих попытках провидеть будущую экономическую структуру общества Вы видите в широком распространении акций среди публики одно из преудачных, как разрешится конфликт капитала и труда. Об этом будет речь впереди, сейчас возьмем только политическую сторону вопроса. Как построено управление акционерным обществом.

Хотя уставы и принимают некоторые меры к тому, чтобы приблизиться ко всеобщему избирательному праву акционеров, и устанавливают максимум голосов для каждого акционера, но это простая фикция; жизнь обошла это искусственное ограничение путем создания подставных акционеров, и благодаря им в акционерных обществах влияние на дела пропорционально заинтересованности каждого акционера. Вот как разрешает политический вопрос акционерная жизнь. Это и правильно; чем крупнее доля участия собственника в данном предприятии, тем более он страдает от плохого управления, тем более его личная ответственность перед третьими лицами за это плохое управление и тем справедливее, что соответственно этому растет и его роль в управлении делами. Но и лица, владеющие только одной акцией, не лишены влияния на ход дела. Но их доля участия пропорциональна степени их заинтересованности в деле и способности их понимать проблемы, которые перед делом стоят. Какое мерило у простого акционера при разрешении вопроса, какой политики держаться данному обществу. Что он в этом понимает. Он понимает только одно, какой дивиденд получает; только этим и интересуется. Акционеру (Рояль Дейтш⁴) неважно, какую сделку правление (Рояль Дейтш) будет заключать с Советами или со старыми собственниками; ему важно только, какой дивиденд он получит; суждение акционера, как и всякое суждение толпы, есть суждение по результатам; победителей не судят; свое мнение о политике правления, о доверии ему или о разрыве с ним он основывает исключительно на результатах этой политики, выводя из них заключение, годятся эти люди или правы их противники. Так в старину в Древней Греции существовал остракизм, по которому масса могла выбирать между двумя противоположными политиками – Аристида или Фемисток-

ла⁵. В моменты обострения каких-либо принципиальных вопросов, стоящих перед акционерными обществами, даже маленькие акционеры способны понять, в чем дело, и могут своими голосами выбирать между двумя различными политиками акционерного общества. Но и в обычное время вне обострения они тоже не лишены способов влияния на деле. Только тогда это иначе обнаруживается; усумнившись в правильности хода дела, акционеры продают свои акции, выбрасывают их на рынок, понижают этим их цену, чем и дают законам первое предостережение. К этому первому предостережению законам привлекаются таким способом не одни акционеры, а все общественное мнение, которое разделяет опасение акционеров.

Вот как функционирует система акционерного законодательства. Люди, ближе стоящие к делам, управляют, но только под контролем массы; люди, связавшие свою жизнь с данным обществом, сознавая его своим собственным делом, заинтересованы в том, чтобы оно шло хорошо; им понятны условия, от которых это зависит, и они с ними сообразуются. Масса этих условий не знает и к ним безразлична; ей нужен дивиденд в настоящем и уверенность в получении его в будущем, словом, доверие к руководителям. О нем они и свидетельствуют не только голосованием на общих собраниях, но и своим отношением к собственным акциям.

Как построить на таких же принципах систему государственного управления. В основе государств лежит не общественный контракт, а организм, созданный исторически. Я думаю, что всеобщее избирательное право возникало не исторически, что оно есть выдумка, при этом логически трудно защитимая, ибо бессмыслица его ясна каждому непредубежденному человеку. Но раз оно введено и вражда против него идет не со стороны демократии, а со стороны неразумной аристократии, хотя бы только денежной, то в построении той схемы государственного управления, которая уменьшит недостатки существующей системы, я считал бы неосторожным принципиально отрицать всеобщее избирательное право. Но, вдохновляясь наблюдениями над акционерными обществами и вникая в то, что нам преподнесла Россия в виде политического опыта, я вижу ключ к разрешению этого вопроса: для меня он в одном слове – многостепенность.

Я нарочно исхожу из этого наблюдения; оно относится к области фактов, жизнью проверенных, а не к области логических выдумок.

Возьмите Вы жизнь мелкого коллектива, наиболее мелкого, меньше волости – будь то сельское общество, будь то артель, кооперация и т. д. Подобного рода мелкий коллектив способен понимать свои собственные интересы, и каждый из членов такого коллектива способен видеть, в какой мере его личные интересы солидарны с общими. В этом вся мудрость: сознавать эту солидарность. Ее могут чувствовать все на низших степенях общественной жизни, но кото-

рые ведают исключительно местные интересы, где усилиями отдельных лиц достигаются результаты для всех нужд, как, например, постройка моста для деревни, – но ее уже не чувствуют в крупных коллективах, где интересы гражданина и государства противопологаются, где гражданин не желает платить налогов в казну, но зато предъявляет к ней самые разнообразные требования. Итак, свойства интересов мелкого коллектива – и это уже вопрос факта, где нужно проводить предел этого коллектива, – совершенно допускают по своей простоте принцип самоуправления. Потому самоуправляющаяся ячейка и должна лежать в основе всего государственного строя. Следующая ячейка должна быть составлена из представителей мелких ячеек; я совершенно допускаю две системы: либо мелкая ячейка выбирает кого-либо из своих уже выбранных или, что еще лучше, она выбирает кого-либо перед нею ответственного, но в ее среду не входящего. Совокупность представителей мелких ячеек составляет самоуправление более крупное. Этим достигаются два результата: во-первых, здесь есть некоторый отбор; этот отбор ослабляет значение демагогии. Выбирающие лица, ведущие свои собственные дела, потому понимающие тесную связь между этими делами и высшей ячейкой, понимающие, что они выбирают вовсе не все-сильного депутата, как теперь в странах всеобщего избирательного права, депутата, который стоит в центре и прописывает законы для всей страны, а выбирают человека для заведывания теми общими делами высшей ячейки, ближайшей по иерархической лестнице ячейки, связь которых с делами местными, с маленькой ячейкой, по этому самому доступна их пониманию. Повторяю, это ослабляет демагогию, посулы и все то, что сейчас делает из общих выборов состязание беззастенчивой лжи. Таким-то путем мы доходим и до последнего выборного собрания, представляющего своей совокупностью уже всю страну. Хорошую сторону этой системы я вижу в том, во-первых, что она не отвергает принципа всеобщего избирательного права, но отводит ему надлежащее место, т.е. для тех вопросов, которые его пониманию доступны. Во-вторых, что избирательную борьбу, поскольку она идет, она сосредоточивает не в многочисленных коллегиях, но и в сфере общих узких вопросов; ведь решается только одно: кто лучше представит в высшей ячейке интересы той, которая сейчас выбирает. Интересы растут и ширятся по мере того, как мы поднимаемся кверху, но зато в этой же мере и является и все большая и большая сознательность выбора и, главное, усиленная степень отбора.

Но такая система может быть бессмысленна только поскольку самому самоуправлению мы отводим подходящую роль, аналогичную общему собранию акционеров. Сравнительно крупные права этих представительных собраний в смысле критики, в смысле выбо-

ров правления, в смысле вето — должны идти об руку с усилением прав правительственной власти. Тут я имею перед глазами опыт не только Советов, но и Вашей Америки. Задачи правительственной власти могут только тогда осуществляться правильно и ответственно, когда они не парализуются ежедневным и безответственным вмешательством выборных коллективов. Потому я определенный противник парламентаризма. Это нежное оружие, годящееся только в мирное время, когда все идет правильно ко всеобщему удовольствию. Человечество переживает теперь слишком острый период, чтобы оно могло разрешить стоящие перед ним проблемы в путях парламентаризма. Усиленная правительственная власть, черпающая свои полномочия из назначения, а не из выборов, и наряду с ней независимые представительные собрания, перед которыми в известный момент эта власть обязана отчетом, вот те основные черты, в которых я мыслю политическое устройство современных государств. Пусть источник правительственной власти, т.е. глава государства, будет покоиться сам на выборах, как в России сейчас и в Америке, или пусть даже он будет связан с династией, как в доживших до сих пор монархиях, — это деталь. Важно для меня то, чтобы правительственная власть, как и правление акционерного общества, могла бы быть в известный момент сметена легальным путем, выраженным через голосование страны, и передана в руки противоположной партии или противоположной коалиции, и, с другой стороны, чтобы это коренное право общества не превращалось в гибельную для него самую попытку ежедневно решать вопросы, стоящие выше его понимания. Вы согласитесь со мной, что это не фашизм и не аристократизм, но это и не демократизм в его казенной форме.

Что из всего этого следует? Вы можете не согласиться с моей схемой; наконец, и сам я предлагаю ее как одно из возможных средств обезопасить разумное меньшинство от успехов демагогии; допустим на минуту, что Вы со мной согласитесь и что моя схема идеальна. Но ведь ясно для каждого, что современные демократии могут перейти к ней только путем революции правой или левой; эту схему может осуществить сейчас Муссолини, а также и советское правительство. И только они одни; ни одна из современных демократий Европы — ни Англия, ни Франция, ни Германия — не смогут вотировать такой политической формы. Это было бы и отказ демократии от своих основ, и вызов демагогам; даже такие невинные сравнительно проекты, как современный билль о тред-юнионах, повлечет за собой и падение правительства, и резкую перемену избирательных настроений. Можно себе представить, что бы произошло в современных демократиях, если бы кто-либо пытался провести законопроект, подобный моему плану. Значит, демократии будут оставаться при прежних взглядах и прежних порядках. Более того:

чувствуя, что в них что-то не ладится, наиболее последовательные демократии думают или по крайней мере говорят, что эти нелады происходят как раз оттого, что воле демократии противостоит небольшая кучка, которую именуют безразлично одни «*reacteurs sociaux*», а другие – «*puissance d'argent*»⁶ или еще тому подобные названия; последовательные демократии во Франции рассуждают как раз так, как рассуждало наше Временное правительство, считают нужным оказывать безграничное доверие воле народа и устраняют все искусственные преграды для ее выражения. Пока существует демократия, еще не доведшая до катастрофы и не вызвавшая тем самым реакции, она логично будет находить спасение именно в этом: во все большем и большем устранении всяких конституционных преград для своей самодержавной воли. А тогда совершенно фатально она пойдет и к установлению того экономического строя, которого Вы боитесь одинаково, как и я, к введению этатизма, поглощению частных богатств нации и к замене личных интересов социалистическими идеалами. И мы стоим перед дилеммой либо политического переворота, т.е. революции, либо разрушения демократией экономических основ существующего строя. Вот что я имею Вам сказать по первому вопросу. Но теперь перехожу к Вашему второму выражению; а именно, Вы думаете, что и современная демократия может быть разумной и консервативной и может предпочесть капиталистический строй с некоторыми его видоизменениями необузданному этатизму.

5-го мая 1927

Вы, конечно, диктуете, как и я, когда есть время и с перерывами; поэтому, подобно мне, испытываете недостатки этой системы. Я уже собирался продолжать свое изложение с того места, где остановился, но, прочитав разобранную стенограмму, вижу все недостатки предыдущего изложения, вызванные способом диктовки; как во всяком монологе, где не видна физиономия слушателя, говоришь много о том, о чем не стоило, и забываешь сказать о самом важном. Не собираюсь переделывать всего предыдущего, тем более что рассчитываю на Вашу понятливость, но не могу все-таки удержаться от некоторых пояснительных дополнений.

Как Вы видите, мы все-таки с Вами во многом согласны: мы не собираемся уничтожать демократию, не хотим ее исправить; не собираемся устанавливать того, что Вы называете варяжской системой, т.е. права меньшинства по какой-то особенной привилегии вести за собой большинство туда, куда хочет меньшинство. Но мы оба видим недостатки современной демократии и не считаем всеобщего избирательного права панацеей. Только, ища выхода, мы наблюдаем

не одни и те же факты действительной жизни, а потому и приходим к неодинаковым выводам.

Выход, который я нашел, – это многостепенная система избрания, основанная на всеобщем избирательном праве; заметьте, что я, конечно, не считаю этого панацеей; это тоже временная и переходящая форма, причем будущее покажет, будет ли она существовать несколько лет, десятилетий или столетий. Не это важно; но, прочтя стенограмму, я вижу, что благодаря плохому изложению нет никакой связи между моим рассуждением об акционерных обществах и многостепенностью избирательной системы. Хотя я надеюсь, что Вы поймете, что я хотел этим сказать, и пополните пробелы мыслей, но мне слишком неприятно без всяких комментариев оставить то изложение, при котором автор имеет вид сумасшедшего.

Исследованием природы акционерных обществ я хотел только иллюстрировать один основной факт; что, несмотря на наличие системы всеобщего избирательного права, политическая система может давать нужное преобладание меньшинству наиболее подготовленному и заинтересованному и этим прийти к такому порядку, где и права большинства и каждого отдельного акционера все-таки довольно реальны.

В акционерном обществе не существует в полном смысле этого слова всеобщего избирательного права, ибо голосуют только акционеры, а не наемные служащие; однако по закону нет пропорциональности между количеством голосов, которыми располагают акционеры, и количеством акций; поэтому акционерный порядок, по идее, и приближается к всеобщему избирательному праву; и вот несмотря на эту логику жизни, говоря Вашими словами, экономическая необходимость ввела в это корректив, который всеми признается, даже теми, кто имеет по одной акции, а именно систему подставных акционеров. И я добавлю, что при такой системе, всеми признанной, не только отдельные акционеры, но даже лица, стоящие вне акционерного общества, не лишены вовсе и влияния, и контроля за действием заправил. Это только иллюстрация возможности разрешить ту задачу, которую я себе ставлю; большего от этого примера я и не выводил. Я хотел только доказать, что это не квадратура круга, а реальная возможность, при этом оправданная жизнью и опытом.

Я предложил многостепенную систему как пример, тоже основанный на жизни; Вы ищете спасения в другом, в партийной системе, вернее, в двухпартийной системе. Я здесь совершенно с Вами согласен и в предыдущих письмах сам писал Вам, что всеобщее избирательное право могло существовать со сравнительно разумными результатами, поскольку если не законодательство, то самая жизнь давала способы его ограничивать, скажем прямо, способы надувать

избирателей. Двухпартийная система государственной жизни, существующая в англосаксонских государствах, и была одним из таких классических способов. Во-первых, эта система требовала от партий и ее руководителей таких денежных средств, что обе эти партии не могли обойтись без прямого и активного участия богатого меньшинства, ставящего свои условия для избранных той или другой партии. Во-вторых, система этих партий предполагает одну из крайностей: либо большое развитие политической мысли, либо, напротив, ее младенчество. Большое развитие мысли, которого нельзя требовать от массы, если эта система держится потому, что страна действительно понимает, что великие битвы даются всегда на один фронт, а что тузят и направо и налево только в потешных боях на кулачки. Массе совсем недоступна схематизация всех политических спорных вопросов и сведение их к двум главным течениям; было бы наивно предполагать, что система двух партий есть признак такого колоссального успеха политической мысли и политического искусства. Причина его другая: двухпартийная система – остаток того времени, когда масса стояла в стороне от управления и от выборов, когда две партии сложились в среде привилегированного меньшинства достаточно развитого и когда массы, допущенные к участию в государственной жизни, своим вотумом выбирали между той или другой исторически сложившейся партией; а те лица и группы, которые не удовлетворялись ни той, ни другой и хотели создать что-нибудь новое, не были в силах бороться ни против денег и средств этих партий, ни против силы традиций и потому либо, скрепя сердце, присоединялись к той или другой, либо просто воздерживались. Система двух партий в таком понимании есть переживание старого, т.е. признак несовершенства; и мы действительно видим, что теперь в последнее время, особенно после войны, эта система разрушается жизнью; появляется уже третья партия и т.п.; а главное – система двух партий хороша, только когда она есть результат общественных привычек, т.е. политического мирозерцания избирателей; она совершенно не поддается законодательному урегулированию. Сейчас во Франции идут споры об избирательной реформе; вместо пропорциональной системы, обнаружившей свои недостатки, хотят вернуться к системе округов с перебаллотировкой. Вот эта перебаллотировка, в сущности, и знаменует попытку насильственного установления системы двух партий; на перебаллотировке всегда появляется только два кандидата. Но наблюдение над этой системой в прошлом и привело когда-то к ее отмене. Так была ясна для всех безнравственность и бесстыдство этой системы. Когда на первых выборах все кандидаты обливали друг друга помоями, а затем на вторых партийные вожаки стоваривались, сталкивались и затем рекомендовали избирателям отдавать свои голоса тем, кого только

накануне ругали. Эта система сама по себе много способствовала дискредитированию всеобщего избирательного права. Вот почему, соглашаясь с Вами в том, что двухпартийная система, где она существует, значительно парализует зло всеобщего избирательного права, я считаю, что этой защиты против зла уже недостаточно; она уже разрушается самой жизнью, даже в самих англосаксонских государствах; не говоря о том, что ее невозможно ввести принудительно ни в одно другое. Да и в Англии она держится, только поскольку не введен в избирательную систему принцип абсолютного большинства. А между тем все теоретики сейчас справедливо говорят, что самое это отсутствие принципа абсолютного большинства можно оправдать только существованием двухпартийной системы. Здесь ложный круг. Если либерализм сейчас не исчезнет в Англии, восстановив на время прежнюю двухпартийную систему, то при системе двух партий не удастся долго оставаться при принципе относительного большинства за его отсутствием перебаллотировки <так!>; а если только от этого принципа откажутся, то следующим шагом будет, наверное, и разделение рабочей партии на большинство и меньшинство, и вообще появление целого букета промежуточных партий. Этим подорвется в самом основании Ваш оптимизм. Если Вы вздумаете меня критиковать, как я Вас, то, конечно, Вы многое можете возразить против моей системы. И тут я отступлю без боя; но хочу все-таки сформулировать, в чем я вижу главное ее преимущество.

Во-первых, благодаря этой системе каждые выборы передвигают избранного очень недалеко от избирателей на ближайшую степень в иерархической лестнице. Нет большой разницы между простым жителем села и членом той коллегии, которая представляет интересы этого села; перейти с положения простого члена на положение члена выборного в этих условиях не так важно; это и не разожжет особенных appetitов. А если мы перейдем к выборам в последнее собрание, соответствующее парламенту, то ведь избирать будут только те, кто без того состоят представителями каких-либо крупных единиц, в моем представлении, представителями не губерний, а целых областей. Опять-таки передвижка небольшая. А если ввести к этому то, что мне представлялось бы наиболее разумным, чтобы все выборы проходили не одновременно, чтобы выбирать можно было только тогда, когда избирающие лица уже несколько месяцев, а может быть, и целый год уже исполняли свои функции в том собрании, к которому они принадлежат, то перспектива перейти из этого собрания в следующее не так соблазнительна, а средства для избирателей оценить того, кого они избирают, понимать, насколько он к работе годен, увеличиваются бесконечно. Что происходит теперь? Вчера я был простым адвокатом, а может быть, и даже рабочим, наступили общие выборы, и у меня есть шансы махнуть прямо в Палату депу-

татов, а при парламентаризме, может быть, и попасть в министры. Это такая головокружительная карьера, которая не только будит все честолюбия, но главное, мирит со всеми приемами успеха, т.е. с ложью, обещаниями, демагогией и т.п. Как не рискнуть этим, когда в результате я делаю такую карьеру из псаря в цари, не проходя промежуточных степеней. Я бы сказал, что для политиков это так же соблазнительно, как для деловых людей играть на бирже; биржевой спекулянт может сразу сделать себе миллионное состояние без всяких данных для этого, без делового понимания и таланта. Теперешняя политическая система и покровительствует политическим спекулянтам. Система многостепенности, где можно перейти только в следующее по иерархии представительное собрание, этот пыл уменьшает и учит тому, что политика есть служба, а не одна удача и не авантюра.

Второе преимущество этой системы, не менее важное, что при всяких выборах круг избирателей и избираемых очень ограничен. Здесь легче столкнуться и труднее лгать, поэтому больше сознательности и менее случая.

Одно из главных возражений, которое делают всегда против многостепенной системы – это то, что она устраняет настоящие государственные таланты, которые будто бы могут спотыкнуться при выборах в маленькую коллегию, где будет больше лицепрития и личности; помню, как покойный Муромцев⁷ развивал эту мысль, доказывая, что люди, которые бы общим голосом страны могли быть поставлены на высшие места, могут провалиться в нижней ячейке. Во всем этом есть доля правды; но это возражение совершенно ослабляется, если не исчезает, при взгляде на задачи этих избирательных собраний, которые я поддерживаю. Конечно, если через депутатство проходить в министры или вообще депутатство это есть та головокружительная и самодовлеющая карьера, которая влечет к себе все честолюбия, – то система многостепенности однозна. Но самим избирательным собраниям я отвожу совсем другую роль: они должны не управлять, а только контролировать время от времени действие той власти, около которой они состоят. И всем тем талантам, которые боятся быть затертыми многостепенностью, нужно выбирать другие пути. И наконец, система депутатства в последнее время выдвигает вперед вовсе не государственные таланты, т.е. государственные умы. Чем <одно слово от руки нрзб.> массы? В худшем случае бесстыдством, в лучшем – красноречием; но между красноречием и государственным умом нет ничего общего. Красноречивым людям нужно избирать другие профессии, быть лектором, популяризатором, дебатером, проповедником, даже адвокатом. В политической жизни красноречие есть опасность и просто зло; а что касается до государственных умов, то я тоже пожалел бы тратить их на депутат-

ство. Им место в правительстве и во всех тех органах, состоящих при власти, которыми пользуется правительство, которое лучше, чем широкая масса, может отличить и оценить таланты и государственный ум и подготовку. Вот почему то, что казалось злом Муромцеву при его воззрении на задачи парламента, перестает быть злом в том понимании, которое у меня.

Но пора бросить эту тему и переходить ко второй части. Ведь политическая тема в теперешних условиях есть фантазерство; ясно, что никакой коренной политической реформы никто делать не собирается и не может. Как я уже говорил, она доступна только для двух стран – Италии и России; но Италия вступила уже на другой путь, и остается пока одна Россия, ибо мой проект больше всего вдохновляется ее примером в видоизмененном виде. Что же касается до Европы, то она идет другим путем, к сожалению, не Вашим, не приближением к двухпартийной системе, а, скорее, путем усвоения последних слов демократизма, т.е. расширением избирательного права, референдума, походом на верхние палаты и т.п. И вот второй Ваш основной довод, питающий Ваш оптимизм, заключается в том, что, несмотря на все крайности политического демократизма, демократия может быть умнее, чем мы ее считаем; что он откажется от захвата частных имуществ, от крайностей этатизма и останется при капиталистической системе, довольствуясь тем, что при этой системе у нее будет высокий стандарт жизни. Обращаю Ваше внимание, кстати, что этот Ваш аргумент о стандарте жизни совпадает с тем, что я думаю про рядовых акционеров, довольствующихся высоким дивидендом. Что же я могу сказать против этого Вашего основного аргумента?

10-го мая 1927 г.

Эта вторая половина моего письма, самая важная и интересная, будет, однако, гораздо короче первой; не только потому, что я тороплюсь отослать письмо и что в этом вопросе приходится меньше фантазировать, но и потому что здесь я с Вами расхожусь сравнительно мало. С теми оговорками, которые делаете и Вы, и я к нашим темам, мы в конце концов сходимся. Если Вы допускаете, что вопреки здравому смыслу и очевидной пользе для дела некоторые демократии, а может быть, даже многие перейдут к опыту этатизма и, только увидевши всю его гибельность, вернуться к старому смыслу, – то ведь с этим и я согласен; я и раньше и теперь говорю, что этатизм в настоящее время есть бессмыслица и зло, понижение производства; когда демократии к нему приведут, то путем жестокого урока люди излечатся от соблазна этатизма, возненавидят его, а кстати, восстанут и против того политического строя, который к этому этатизму привел. Что разочарование в экономическом строе, выдуман-

ном демократией, приведет к разочарованию в самой демократии, лучше всего доказывает пример России, где политическое отрезвление диктуется именно уроком экономики; охотно присоединяю к этому и Ваше интересное и глубокое замечание, что этатизм требует по необходимости такого напряжения государственной власти, которое может быть оправдано только успехом этой государственной власти; когда же вместо успехов мы получим экономическое падение, понижение стандарта, то по необходимости наступит то разочарование, которое испытывают акционеры, узнав о маленьком дивиденде. Словом, я согласен с Вами, что водворение этатизма нежелательно, не соответствует уровню современных культур и вызовет новый скачок в другом направлении. И я, и Вы, исходя из разных позиций, в этом сходимся.

Я согласен с Вами также и в том, что страсть к этому этатизму в значительной степени обусловлена пережитками прошлого, старой психологией, которую Вы для простоты подводите под одну рубрику феодализма. С этой мыслью я согласен и в общем, и в частности. Скажу Вам, как пример, что русский аграрный вопрос для меня всегда был наглядной иллюстрацией этой ошибочной психологии. Аграрного вопроса не могло бы существовать в России, если бы он не связался с ошибками крепостного права. Весь аграрный вопрос был Немезида этому крепостному праву и неумение крепостной России вовремя изгладить следы крепостной психологии; не говоря уже о новейших течениях со времени Александра III, когда эту крепостническую психологию искусственно восстанавливали. В большей или меньшей степени то же самое, вероятно, наблюдалось и в других старых государствах.

Единственное, в чем я с Вами расхожусь, да и то, может быть, ошибочно, это во взглядах на отдаленное будущее. Быстрому наступлению этатических симпатий и предрассудков способствуют, конечно, эти переходные условия. Более того, сейчас мы, может быть, несем последствия только этих условий, но со всем тем в пользу этатизма говорят и некоторые непреодолимые силы, и хотим ли мы этого или не хотим, но человечество идет, конечно, в этом направлении. Момент к массовому и искусственному введению этатизма не наступил; всякая попытка в этом направлении отражается упадком производства. Но частичное, медленное и последовательное расширение государственной власти в области частных экономических отношений и в смысле все большего захвата того, что прежде считалось исключительной сферой частно-правовой, все-таки наблюдается и будет наблюдаться. Поэтому-то, глядя далеко вперед, я провижу все эти успехи этатизма с его оборотной стороной, и тем не менее я считаю, что отрицать этого принципиально невозможно, и потому самая идея борьбы против него должна быть исключительно прак-

тическая, т.е. оставаясь в категории учета производственных успехов или неудач. И думаю я так, потому что главной основой этатизма является все-таки перенаселенность страны. Именно по этой причине Америка еще так успешно борется с этатизмом и даже просто не видит его опасности. Там, где не хватает рабочих рук, капитала и частной предприимчивости, чтобы вызвать к жизни природные богатства, там и этатизм только вреден и уже абсолютно ничем не оправдывается. Там, где среди пустыни впервые появляется фабрика и дает работу окружающему населению, там никакая пропаганда не докажет, что появление этого капитала было злом для населения. Картина меняется в перенаселенной стране. Нет лучшего примера для этого, как тот же аграрный вопрос. Где население редко, земли хватает для всех; более того, недостаток рабочих рук заставляет пользоваться машинами; для применения машин к земледелию необходимо крупное землевладение. И потому крупное землевладение в малонаселенных местностях оправдывается двояко – и обилием земли, и необходимостью индустриализации земледелия. Там всякая попытка устанавливать обязательность мелкого землевладения, трудового земледелия есть явный вандализм. Для простоты рассуждения уберите в этой стране индустрию, которая оттягивает к себе рабочие руки, и Вы поймете, почему аграрный вопрос не только получает ту форму, в которой он стал сейчас в Европе, не только вызвал злобу и зависть земледельцев против крупных землевладельцев, но и сам также получает свое экономическое оправдание. Там, где есть избыток рабочих рук, там просто машины не нужны; руки хватают, чтобы извлечь из земли все то, что она может дать; пусть крупное землевладение всегда более совершенно, но в условиях перенаселенности страны крупное землевладение сделает ненужным и неприменимым труд многих рабочих рук, а если для них не найдется ни индустрии промышленной, ни возможности эмигрировать, то это крупное землевладение ничем не будет оправдано. Все эти незанятые руки будут требовать, чтобы их использовали, и мы непременно перейдем от индустриальной агрономии к фермерскому хозяйству. И этот переход будет сделан самим государством, и было бы напрасно против этого возражать. Конечно, у государства будут и другие ресурсы: индустриализация страны, колонизация и т.п. Но это все уже есть область этатизма. И то же самое явление наблюдается решительно во всех отраслях экономической жизни перенаселенного государства; поставьте-ка на очередь квартирный вопрос и попробуйте разрешать его исключительно капиталистическими способами. Мы видим форму этого вопроса во Франции; правительство, угождая демократиям, сначала било исключительно по домовладельцам, облагало их налогами и запрещало им повышать квартирную плату и выселять квартиронанимателей, в результате начался

квартирный кризис, так как всякий домовладелец не решается строить новые дома. Какой же из всего этого выход кроме того, который уже подсказывается: муниципальное и государственное строительство, конкуренция частной предприимчивости, т.е., в сущности, этатизм. Я уже Вам говорил, что я совсем не поклонник этатизма, напротив, я очень жалею о тех перспективах, которые надвигаются на человечество; но я жалею об этом совершенно так же, как жалею о том, что исчезают места, где нет ни железных дорог, ни полиции, ни городов. Австралия времен Жюль Верна и капитана Гранта мне нравится бесконечно больше, нежели современная Австралия, и, однако, нельзя думать, что будущее за этой прежней Австралией, а не за современной; и ведь Австралия еще на редкость малонаселенная страна; что же будет в ней, когда она расплодится. Вот все те соображения, по которым я думаю, что экономическая жизнь развивается в сторону этатизма, что спорить против этого бесполезно, что вся мудрость найти те формы, в которых этатизм сумеет использовать частную предприимчивость, а главное, что, признавая это в принципе, нужно вести идейную и практическую борьбу против несвоевременности его введения. Как ребенку мы говорим, что в свое время он будет и пить, и играть, и посягать <так!>, нужно только, чтобы он этого времени ждал. И все споры против этатизма нужно переводить на язык цифр и баланса. Но это музыка будущего, сейчас же спорить нам приходится не с этим, но с теми нездоровыми настроениями, которые Вы называете феодальными. Эти нездоровые настроения в порядке полемики и спора берут на свою сторону и те неотразимые аргументы, которые дают в пользу этатизма перенаселенные страны. Словом, как всегда в их лжи есть зерно правды; этим-то они и опасны. Опасны до такой степени, что спасения от нелепости при сохранении современного политического строя я не вижу. Этот строй непременно приведет к тому установлению этатизма, после которого, больно ушибившись, как в России, начнут борьбу и с этатизмом, и с засильем масс.

Если Вы согласны с этой схемой, то приходится как будто бы думать о формах той эволюции, где государства будут переходить от этатизма к частно-правовому хозяйству. Для этой эволюции уже наметили условия в советской России. Так, если в отдельных европейских странах нам предстоит при просвещенном руководстве всеобщего избирательного права присутствовать при насаждении этатизма взамен частного хозяйства, то в России пресловутый ленинизм будет осуществлять обратную задачу – способ перехода от этатизма к частному хозяйству. И этот экономический процесс будет делаться в стране, управляемой на советских началах, т.е. в формах советской республики. Оба процесса пойдут параллельно. Может быть, именно поэтому я и предвижу установление той политической формы, о ко-

торой говорил выше. В стране, которую стошнило от этатизма, где вся масса мечтает только об одном – о дешевых товарах и о возможности найти заработок, где масса на собственной шкуре поняла, что все это исчезло с того момента, когда раздавили буржуазию, создается та психология, где та же масса, как и сейчас в Америке, в каждом буржуе будет видеть не кровопийца, а благодетеля человечества. В то время как наверху, в Москве, будут с восторгом говорить об успешном задавлении государством «частника», внизу за этого частника будут стоять горой; и понятно; в маленьких ячейках все эти вопросы гораздо нагляднее; если в какой-нибудь деревне появится предприимчивый сапожник или простой кузнец и будет дешево работать товары, нужные деревне, то вся деревня почувствует себя в положении акционеров, имеющих большой дивиденд, и что бы ей ни говорили о преимуществах социалистического строительства, будет дорожить своим частником; и, конечно, наступит момент, когда эти частники в низших ячейках будут народными фаворитами; и если в это время крупная индустрия еще будет в руках государства, то в ячейках политический вес частников будет преобладать. Эти частники или, во всяком случае, лица им дружеские будут выдвигаться и в ячейку высшего разряда и т.п. Так будет совершаться рождение в России частной предприимчивости, приобретение ею политического веса, накопление частного капитала и устройство всей политической программы в смысле покровительства этому частному капиталу. Это и будет процесс оздоровления, которому должен был предшествовать процесс этатизма и разочарование в нем. Да этот процесс и совершается уже, принимая в России знакомую форму борьбы центра с местами, правительства с живыми силами страны; но, к сожалению, должен констатировать, что до этого Европа еще не созрела и переживает предыдущую стадию разрушения.

Письмо не кончено, но я его кончаю.

¹ Здесь: это не мой жанр (*франц.*).

² См.: «Русская культура и Пушкин: Речь в день празднования “Дня русской культуры” в Париже 6-го июня 1926 г.». Перепечатана в кн.: *Маклаков В.А. Речи: Судебные, думские и публичные лекции. 1904–1926. Paris, 1949.*

³ *peuple souverain (франц.)* – суверенный народ.

⁴ В качестве примера Маклаков использует англо-голландскую нефтяную компанию «Royal Dutch Shell».

⁵ Аристид (ок. 540 – ок. 467 г. до н.э.) – афинский государственный и военный деятель периода греко-персидских войн; Фемистокл (ок. 525 – ок. 460 до н.э.) – афинский государственный деятель и полководец, благодаря хитроумному плану которого греческий флот в сражении у острова Саламин 28 (или 27) сентября 480 г. до н.э. разбил вдвое его превосходивший

персидский. Аристид и Фемистокл возглавляли, соответственно, «сухопутную» и «морскую» партии, враждовавшие между собой по вопросу о методах ведения войны против персов.

⁶ Здесь: «социальные реакционеры»; «власть денег» (*искаж. франц.*).

⁷ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, доктор римского права; профессор Московского университета в 1877–1884; публицист. Один из основателей и член ЦК партии кадетов. Председатель 1-й Государственной Думы.

9. В.А.Бахметев – В.А.Маклакову

Boris A. Bakhmeteff
250 West 57-th Street
New York
19 июля 1927 года

Дорогой Василий Алексеевич.

Ваше более чем обстоятельное письмо лежит у меня на столе вот уже несколько недель, дожидаясь ответа. По разнообразию поднятых в нем вопросов можно написать томы. Как Вы правильно пишете, значение переписки в уяснении мыслей и обстоятельств для нас обоих. Важны притом, конечно, не споры, не взаимное уловление в противоречиях; ведь и Вы, и я пишем случайно, с перерывами; нам нет времени и возможности следить за тем, чтобы не было сумбура и нестройности. Я особенно приветствую в Вашем письме прецедент изложения положительных взглядов на выборную систему, на будущее политическое строительство вообще. Странно, но Ваши взгляды о многостепенных выборах, Ваша конструкция, исключая демагогический элемент и партийное представительство и заменяющая современные недостатки конституционной демократии системой, где местные люди выбирают лучших, а затем местные собрания посылают представителей в учреждения высших ступеней, – вполне и всецело совпадают с моими мыслями по этому поводу. Нет ничего более важного для русских людей, как думать в этом направлении, подготавливая очертания будущей храмины. Как только справлюсь, я подробно напишу Вам, что передумал за последние годы по этому вопросу.

Ваши рассуждения относительно акционерных обществ и т.д. – мысли, которые опять-таки совпадают с одним из моих главных верований. Вы их найдете в моем письме, если его еще раз перечтете и постараетесь разобраться в сумбуре. Мысль в том, что народ в целом не в состоянии управлять, но вполне может судить. Соответственно этому система государственных учреждений должна быть построена на идее селективной, но не элективной демократии. Должен быть

контроль со стороны населения, возможность для него выкидывать нежелательных людей или отстранять потерявшее доверие правительство; но правительство, власть должна быть поставлена в условия свободного творчества и свободного управления, причем управление это должно быть сосредоточено в руках людей квалифицированных как по подготовке, так и по накопленному опыту. Я противник демократических крайностей; я противник увлечения тем, что по-английски называется *direct democracy*. В американском политическом обиходе есть фраза: *Government by the consent of the governed*¹, которая, мне кажется, выражает глубокую мысль Джефферсона², что суть прочной системы заключается именно в согласии, в апробации власти и государственной системы управляемыми.

С месяц тому назад я произнес в одной школе торжественную речь, где коснулся многих вопросов, нами с Вами разбираемых. В частности, анонимно я использовал Вас в качестве *advocatus diaboli*, сославшись на письмо от «просвещенного и талантливомго» друга из Европы, который-де крайне проникновенно описывает этактические настроения, господствующие в европейских массах. Речь эта ныне печатается, и я Вам пошлю ее.

Сейчас, однако, не буду возвращаться к старым вопросам, так как на той неделе я уезжаю в Калифорнию и не вернусь сюда до второй половины августа. Писать потому могу сравнительно коротко, и сейчас приходится оставить «академические» вопросы и надо коснуться хотя бы вкратце всех тех первостепенных практических событий, которые жизнь выдвинула за последние шесть недель.

<...>

Конечно, в центре всего Россия. Лично я приветствую разрыв дипломатических сношений с Англией, хотя должен сказать, англичане произвели его как-то не по-английски. Зачем все эти обыски? Искать документов, которых, всякий дурак знает, — нельзя найти?³ Зачем пытаться разговаривать с Штреземаном⁴ относительно пропуска войск через Германию и т. д. Первое напоминает наше охранное отделение. Второе — просто истерия, помогающая большевикам разжигать воинственные страсти в России и тем укреплять свое положение.

Но дело не в этом. Я думаю, при сложившихся обстоятельствах разрыв английских отношений с Советами помогает жизни и в общем способствует эволюции. Конечно, я совершенно не разделяю ни надежд, ни вожделий европейской русской эмиграции. Мечтать и думать, что будет какая-то война или интервенция — смешно и глупо. Наши эмигранты показывают, что они нисколько не умнее и не зрелее большевиков, многие из которых тоже искренно уверены в неизбежности вооруженного нападения. Но ведь большевики на то и большевики, чтобы ничего не понимать. А эмигранты живут в европейской обстановке и, казалось бы, могли несколько лучше разби-

ратся в обстоятельствах. Никто в Европе никакой войны не замышляет и не способен замышлять. Советы также отлично понимают, что авантюра по их инициативе означала бы вызов всей Европе и закончилась бы военным крахом; а военный крах означал бы, конечно, конец советской власти. Таким образом, советские дипломаты поедут домой, газеты будут писать грозные статьи, но по существу все останется по-старому.

Мне представляется, однако, что английский разрыв ставит русских коммунистов перед неизбежностью выбрать окончательно либо умеренный, либо революционный путь. За последние годы Советы как-то умудрились практиковать оба направления: одной стороной своей двуликой сущности они улыбаются Европе, заверяя ее в своих добрых намерениях и помогая соглашениям и политическим признаниям; другой же стороной они взывали к угнетенным народам Востока, поддерживали стачки и беспорядки и вели активную революционную пропаганду. Трудно было думать, чтобы Европа не знала об этом. Мое объяснение, что Европа просто не придавала серьезного значения революционной деятельности. Европейская обстановка не способствовала практическим успехам мировой революции. Европа, я думаю, просто считала, что революционные разговоры это так – для внутреннего потребления, для самоуслаждения; а практическое значение имеет лишь соглашательское направление среди правых советчиков. Последний год, однако, резко изменил положение. Стачка в Англии и китайские события впервые за десять лет дали Коминтерну поле для действительных достижений. В результате Европа поняла, что революционные намерения не фраза и не шутка. Если бы китайские события продолжали разворачиваться под руководством большевиков, я думаю, из двух путей в Москве победил бы путь революционный. Но побитые в Китае, большевики должны снова считаться с реальностью. Отсюда их крутой поворот, посылка делегации в Женеву и наивное уверение Европы, что капитализм и коммунизм могут спокойно сосуществовать. Год тому назад теория Брильянта⁵, я думаю, была бы приветствуема; ныне над ним смеются, и Англия ответила разрывом.

Я твердо думаю, что вести двуликую политику больше нельзя; придется либо серьезно и существенно сдвинуться вправо и каким-то актом разграничить умеренное будущее от двойственного прошлого. Либо... продолжать вести корабль по революционным волнам, ясно сознавая, что сейчас это только фраза и что такой курс практически означает абсолютную изоляцию от Европы.

Международное поражение большевизма в обеих его фазах – в революционной в Китае и в умеренной – в Англии, имеет, насколько понимаю, еще и другое значение. Мне представляется, сущность внутреннего положения в России сейчас заключается в том, что все

возможности и пути, открытые НЭПом, изжиты. Уступки 21<-го> и 22-го года при всей их ограниченности открыли значительные возможности движению жизни. Последняя широким потоком полилась в открывшиеся каналы. Этим объясняются успехи восстановления России; успехи несомненные и явные теперь, как показала книга Шульгина, людям правого лагеря. Однако возможности, открытые НЭПом, как я отметил выше, были всегда ограничены и, по-видимому, сейчас все, что можно было сделать и достигнуть в пределах НЭПа, сделано и достигнуто. Но обновленная и проснувшаяся жизнь стремится дальше. Обстоятельства властно требуют движения вперед, а этому «вперед» препятствует стена командных высот, которых продолжает держаться коммунистическая власть. Промышленности нужен капитал; большевики восстановили все, что можно было, из прошлого; между тем внутренние ресурсы огосударствленной промышленности недостаточны для капитального строительства. Крестьянству нужны дешевые и обильные товары, а НЭП явно не способен понизить цены и дать основное качество. Россия жаждет экономического сотрудничества с внешним миром, но на пути стоит монополия внешней торговли и экономическая система, не способная внушить иностранному капиталу то элементарное доверие, без которого иностранное золото не пойдет в чужую страну. И так по всем пунктам.

Я отдавал дань искреннему перепугу большевистских лидеров, веря, что они искренно разделяют опасения возможности войны. Но опять все это только до известной степени. Я думаю, большевики сознательно раздували военную опасность, стремясь снова затмить внутренний кризис и отвлечь внимание населения от острой критики внутреннего положения. Пока были внешние успехи, пока была перспектива революции в Китае или по крайней мере иллюзия возможных сделок с Западной Европой, — можно было отвлечь внимание от внутренних вопросов. Но теперь, когда внешние дела потерпели такое всеобъемлющее крушение, ничто уже не застилает внутренней немощи.

При этих обстоятельствах немудрено возвращение власти к террору, попытка устрашить население, стремление не допустить у населения мысли о слабости власти. В таких обстоятельствах террор есть обычное средство, к которому прибегает слабеющая власть, чтобы показать кажущуюся силу. Одним словом, мне кажется, Россия вступает в динамическую фазу, так что в течение ближайшего года мы можем быть свидетелями существенных сдвигов и событий. Я не думаю, чтобы произошла революция. Мне кажется, в области эволюции еще не достигнута та ступень, при которой создается почва для успешной самоорганизации населения. Надо еще пройти ступень, когда возможна кристаллизация мнения и сил народа, который

способен создать людей и обстановку, в которой рождаются и начинают действовать «заместители и наследники». Я ожидаю новых уступок в области расширения НЭПа, ожидаю острых фракционных столкновений. Возможно, что во внутренне-партийной борьбе будут моменты, когда временно победят левые, но мне кажется, весь путь событий повелительно ведет к окончательному торжеству умеренных фракций. А раз их позиция укрепитя, тогда и создадутся условия, при которых сможет образоваться почва, психология и люди для окончательной ликвидации большевизма.

Напишите мне, что Вы думаете об этих вопросах. Кстати, Вы совершенно не ответили мне на мои вопросы о книге Шульгина. Пожалуйста, перечтите мое письмо от 1-го марта и напишите мне, что Вы думаете о книге Шульгина и что он лично Вам рассказывал. Происходил ли действительно тот разговор в вагоне, где Ш<ульгин> обменивается со своим конспиративным другом взглядами на будущее России. Мне почему-то кажется, что весь этот разговор – изложение взглядов самого В<асилия> В<итальевича>. Другими словами, в форме диалога с воображаемым собеседником Ш<ульгин> изложил, что ему самому хотелось бы видеть.

Вот Вы пишете про этатизм, и мы с Вами как будто сходимся, что этатизм, особенно экономический, есть мертвящая теория. Но ведь наша эмиграция, как правая, так и левая, на девять десятых этатична. Недаром евразийцы склонны так высоко расценивать практические достижения большевизма. Недаром Шульгин, в вагонном разговоре или где-то еще, рассуждая о большевистской экономической системе, считает, что этой системой можно воспользоваться. Дело лишь в замене «их» «нами», т.е. большевистских диктаторов фашистами.

Недавно я читал в английском переводе довольно занимательную речь итальянского профессора Россо⁶. Речь, изданная с предисловием Муссолини, кратко, но крайне выпукло излагает политическую теорию фашизма. Суть заключается в проповеди совершенно явно и недвусмысленно интегрального этатизма. Почтенный профессор, по моему, ошибочно сваливает в одну группу либерализм, демократизм, социализм и коммунизм, как учения, основанные на принципе главенства личности, противопоставляя этим ошибочным и ложным учениям фашизм, который один будто исходит из идеи государства. Дело не в Рокко, рассуждения которого шиты белыми нитками и показывают лишь убогое внутреннее содержание фашизма, а в том, что фашизм и коммунизм и, я сказал бы, отчасти монархизм старого типа – исходят из одинакового принципа. Давно забытый Герберт Спенсер⁷ правильно как-то заметил, что все сводится к основному постулату: что для чего: государство для личности или личность для государства? Пишу это, желая вызвать Вашу реакцию к этим вопросам. Согласны ли Вы со мной, что правый этатизм так же бесплоден, как и левый?

Теперь *ad hominem*⁸. Был здесь у нас Керенский⁹, который, несомненно, произвел полезную и нужную работу. Всякая страна, особенно Америка, жаждет новых людей, людей с сенсационным именем. Керенскому в общем оказали здесь теплый прием, хотя теплота и радушие не затмили маленькой нотки скептицизма и вопросительности по отношению к прошлому. Он этого не заметил, да и по сущности своей натуры понять не мог, но это было так. В общем, однако, выступления К<еренского> были удачны, поскольку они касались критики большевизма и напоминания американскому общественному мнению о существовании третьей, промежуточной России между Россией старой и теперешней. В конце своего пребывания К<еренский> написал несколько газетных статей, которые мне менее понравились. Это были воспоминания о первых днях Временного правительства, о его конце, а также о деле Корнилова¹⁰. Пребывание здесь Керенского вызвало и у нас воспоминания, и снова как-то остро сосредоточился интерес на событиях, окружавших Корниловское дело. Мы много его об этом расспрашивали. Внешне повествования К<еренского> были гладки и убедительны, но у меня как-то не сложилось полного убеждения, что К<еренский> рассказывал вещи объективно и в полном соответствии с действительностью. Напишите в нескольких словах, как Вы относитесь к этому делу и в чем была его суть. Наиболее интересующие меня лично пункты следующие:

1. Было ли действительно выступление Корнилова результатом военного заговора, неизвестного Временному правительству и направленного непосредственно к свержению правительства и замене его военной диктатурой? Если это так, если действительно, как говорит Керенский, обнаружилось, что войска шли к Петербургу с тайными директивами, то К<еренский> прав. Иначе...

2. Были ли действия, предпринятые Керенским против Корнилова – телеграмма и пр., – приняты с ведома и по полномочию правительства или нет?

3. Правда ли, что выступление Корнилова остановило конструктивную работу правительства в области укрепления и восстановления дисциплины в армии и открыло возможность большевикам начать разрушительную пропаганду, которая и закончилась ноябрьским переворотом?

Я опрашивал ряд бывших офицеров. Они все говорят, что после Корниловского дела началась открытая пропаганда большевизма на фронте. Но, конечно, они объясняют все иначе. Во-первых, командование потеряло авторитет, который был подорван действиями Временного правительства. Во-вторых, смятением, которое было внесено половинчатостью действий. Если действительно был заговор и Корнилов был виноват, правительству нужно было идти до конца. Тогда оно своими сильными мерами показало бы войскам

свою правоту, и авторитет власти укрепился бы. На самом деле было ни то ни се, сумбур и неясность, чем большевики, естественно, и воспользовались.

Мне очень хочется, чтобы Вы, в общем человек крайне объективный и, насколько я знаю, очень близко стоявший к делу, высказали свое мнение в самых кратких чертах.

Был здесь также Коновалов¹¹. Мы мобилизовали для него всю поддержку, которую только можно было, и я очень счастлив, что он получил хотя немного денег. Это очень трудно при здешних обстоятельствах, и результат, достигнутый Коноваловым, нужно рассматривать как очень серьезное достижение.

Ну вот, пока довольно. Хотел написать Вам письмо до Калифорнии, чтобы не порвать нити. Вернувшись, поставлю себе за правило писать не реже раза в месяц. К тому времени Е<лена> Н<иколаевна> вернется с дачи, откуда она теперь приезжает по специальному вызову, и мы наладим постоянную переписку. Чувствую, что письмо это вышло не очень гладким: трудно писать в заранее условленный час и день.

Пока сердечно обнимаю Вас и желаю всего лучшего.

Ваш Б.Бахметев

¹ Здесь: правительство народного доверия (англ).

² Джефферсон Томас (Jefferson; 1743–1826) – американский государственный и общественный деятель. Автор проекта Декларации независимости. Дважды (в 1800 и 1804) избирался президентом США.

³ Речь идет об обысках, произведенных английской полицией в мае 1927 в помещении советского акционерного торгового общества АРКОС (All Russian Cooperative Society Limited) и советского торгпредства в Лондоне; полиция безуспешно искала документальные подтверждения подрывной деятельности советской агентуры в Великобритании. 27 мая 1927 последовал разрыв англо-советских дипломатических отношений.

⁴ Штреземан Густав (Stresemann; 1878–1929) – немецкий политический деятель; в 1910–1912 и 1914–1929 – депутат рейхстага; после Первой мировой войны – один из основателей и руководителей Немецкой народной партии. В августе–ноябре 1923 – глава коалиционного правительства, с августа 1923 – министр иностранных дел.

⁵ Брильянт – Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939) – советский государственный и партийный деятель; в 1917–1919 и 1922–1930 – член ЦК Коммунистической партии. В 1922–1926 – нарком финансов; с его именем связана финансовая реформа, результатом которой стало преодоление инфляции и стабилизация рубля.

⁶ Росо Альфредо (1875–1935) – профессор-юрист, один из идеологов фашизма. Вероятно, Бахметев имеет в виду его брошюру «Политическая доктрина фашизма» (The political doctrine of fascism. Worchester (Mass.); New York city: Carnegie endowment for international peace, <1926>).

⁷ Спенсер Герберт (Spenser; 1820 – 1903) – английский философ, социолог, психолог; один из родоначальников позитивизма.

⁸ *ad hominem*, сокр. от *Argumentum ad hominem* (лат.), буквально – довод к человеку. Смысл: аргумент, основанный на мнениях, чувствах или интересах того, кого убеждают.

⁹ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – адвокат, депутат 4-й Государственной Думы, трудовик, затем эсер; министр юстиции в первом составе Временного правительства, военный и морской министр в мае–сентябре 1917, с 8 июля 1917 – министр-председатель, одновременно с 30 августа – Верховный главнокомандующий. С 1918 в эмиграции.

¹⁰ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал от инфантерии; в 1914–1915 начальник 48-й пехотной дивизии. В апреле 1915 его дивизия была разгромлена, а сам Корнилов попал в плен. В 1916 бежал. В 1917 в течение полугода прошел путь от командира корпуса до Верховного главнокомандующего; в августе 1917 после выступления против Временного правительства арестован и заключен в тюрьму. В конце 1917 – один из зачинателей Белого движения, первый командующий Добровольческой армией. Убит в апреле 1918 под Екатеринодаром.

¹¹ Коновалов Александр Иванович (1875–1948) – крупный предприниматель, председатель правления Товарищества мануфактур «Иван Коновалов с сыном». В 1905 – один из организаторов Торгово-промышленной партии; с 1907 издатель (совместно с П.П. и В.П. Рябушинскими) газеты «Утро России», пытавшейся играть роль рупора российской буржуазии. Один из основателей (1912) и лидеров партии прогрессистов. Депутат 4-й Государственной Думы. Занимал посты министра торговли и промышленности (март–июль) и заместителя министра-председателя Временного правительства (сентябрь–октябрь 1917). С 1918 – в эмиграции во Франции. С 1924 – председатель Совета общественных организаций, объединившего левые круги эмиграции. В 1924–1940 – председатель правления газеты «Последние новости».

10. В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву

Париж,

16-го сентября 1927

Дорогой Борис Александрович,

Теперь я в большом долгу перед Вами, хотя надеюсь, Вы мое рукописное письмо прочли и из него поняли, почему я откладывал ответ; сейчас я окончательно водворился в Париже, нахожусь во всеоружии своих возможностей, и только не хватает времени, чтобы засесть за обстоятельный ответ. Буду диктовать понемножку, урывками, но и чтобы письмо не вышло слишком бестолковым, воздержусь на этот раз от всякой философии и буду отвечать на конкретно поставленные Вами вопросы. Надеюсь, что в следующих письмах наша переписка примет более нормальный характер.

Начну с Шульгина; тут я действительно виноват перед Вами и в свое время не ответил на Ваши вопросы, а затем о них позабыл. Более всего потому, что «дело Шульгина» никогда не было стационарным, все время изменялось в своем освещении.

Помню, что я тогда же показал Шульгину Ваш отзыв о нем и Ваш запрос; отзыв был, конечно, ему приятен, но на самый запрос он уже ответил с некоторым пожиманием плеч, что, конечно, дескать, Вы правы и он видит в той организации, которая его возила, зародыш будущего фашизма, полезного для России, но...

Дело в том, что Шульгин, как очень эмоциональный человек и при этом очень искренний, сам переживал эволюцию своих собственных наблюдений; переехал он границу в совершенно восторженном настроении; затем это настроение стало понемногу падать; я его увидел много раньше появления книги, и тогда уже он признавался мне, что вводит поправки в свои выводы. Все это довольно понятно; ехал он в Россию, полный воспоминаний 20-го года, когда было видно только одно продолжающееся разложение, и материальное и моральное, когда можно было думать, что Россия погибает; к своему изумлению, он столкнулся с обратным и новым процессом, морального и материального восстановления. Все его приятно поражало; и то, что закипало оживление в экономической жизни и то, что никто не поддерживал большевистских идеалов и мечтаний, и то, что в разговорах на улицах их перестали бояться, и *last but not least*¹ то, что в России уже могла существовать и действовать «контрабандистская» организация. Шульгин воочию наблюдал развитие «быта», по Вашему выражению, и думал, что он находится накануне того дня, когда этот быт скovyрнет власть. Это чувство было в нем настолько живо, как он мне признавался, что когда он переехал границу, то он почти каждый день ждал в газетах известия о перевороте. Известие не приходило; он поневоле признавался себе, что процесс все-таки более затяжной, чем ему казалось, и начинал резонерствовать, объясняя по-своему и сущность процесса, и его будущность, и причины, его замедляющие.

Когда я его видел, то он уже несколько сомневался в полной точности своих впечатлений, которые служили для него только поводом осмысливать ту перемену, которая происходила в России; Вы совершенно правы, отмечая, что его разговоры, приведенные в книге, есть только способ излагать свои собственные мысли; это не есть полная ложь и выдумка; это только комбинация; он соединял в одно разговоры с разными лицами и в разное время, придавал им логическую стройность и литературную ясность и вводил в русло собственных представлений. Все, что он вкладывает в уста своих слушателей, все было сказано, только по разным поводам и в разное время, и его собеседники явились как бы сводным политическим портретом

того нового типа деятелей в России, в которых он видел Россию будущего, и главных деятелей предстоящего переворота. В его книге очень нетрудно отличить тех персонажей, которые являются реальными людьми, дающими материал для наблюдений, и тех собеседников, с которыми он рассуждает и устанавливает понимание своих наблюдений. Первое – сама жизнь, а второе – общая теория и политика. К моменту появления книги непосредственные впечатления все более и более забывались и отходили на задний план; под влиянием расспросов и допросов, с которыми на Шульгина нажились все эмигранты, требуя от него не картин, а выводов, при этом непременно выводов в том направлении, в котором им хочется, наименее интересная часть книги, т.е. рассуждения, поневоле вылезали на первое место; если бы он еще замедлил с печатанием своей книги, то она бы вышла еще слабее, так как рассуждения совершенно заслонили бы впечатления, а вернее, и вовсе не вышла бы. Вы сейчас увидите, почему.

Последний удар шульгинскому оптимизму, с которым он приехал из России, нанесло обстоятельство, которого Вы, может быть, не знаете: а именно роль этой самой организации, на которую он возлагал надежды. Вначале он действительно видел в ней громадную силу, что-то вроде большевиков навыворот, т.е. попросту говоря – фашистов; как Вы видите, в самой книге положительной общей программы у них и не было или это была скорее моральная, чем политическая программа; Шульгин это признавал, но считал, что в этом не только их сила, но что это было особенно необходимо в том моральном развале, который овладел Россией. С его точки зрения, такие вопросы, как о роли Николая Николаевича, для него играли третьестепенную роль; возвращаясь к Вашему конкретному вопросу, мне он говорил, что кое-что знает и про Врангеля², и про Ник<олая> Ник<олаевича>; но упоминания о них он слышал только в той организации, с которой <со>прикасался, а не в массах, которые наблюдал; правда, члены организации уверяли, по крайней мере некоторые из них, что обаяние этих людей довольно сильно в деревнях; но это было уверение, им не проверенное и к которому он относился довольно скептически. Дальше тоски по порядку и по хозяину сам он ничего не видел, но признает, что этим хозяином, конечно, мог быть и не монарх, особенно «царского корня», по выражению Струве. Словом, вопрос о монархии, о династии – один из тех вопросов, которые пафоса не возбуждают и на которых страны не подыметь; пафос могла зажечь только мечта об упорядочении всей коллективной жизни и о личной безопасности в широком смысле этого слова, т.е. о правовой и имущественной. Но все это к слову; возвращаясь к тому, что мечты Шульгина о быстром перевороте, и о способах этого переворота, и о связи того, что совершается в России, с эмигра-

цией все шли в русле этой контрабандистской организации. Шульгин поддерживал с нею и некоторую связь. Говорят, хотя проверить этого не могу, что некоторые из его друзей приезжали сюда, были приняты и Н<иколаем> Н<иколаевичем>, и большими генералами, уверяли здесь, что для переворота все если не готово, то подготавливается, и звали больших генералов съездить в Россию и посмотреть, а может быть, и возглавить переворот. Говорят опять-таки, что им здесь дали деньги, но что никто не поехал; а лично Врангель будто бы отнесся ко всей этой затее с большим недоверием. Все это происходило помимо меня, но за несколько дней до своего отъезда на юг Шульгин пришел ко мне проститься и совершенно расстроенный поведал мне то, о чем раньше не говорил, а именно, что много из его собеседников по контрабандистской организации, и из самых крупных, оказались, и с несомненностью, агентами ГПУ³.

Конечно, многое и по сию пору остается таинственным; не все члены организации гепеисты, и, наконец, и гепеисты не одного сорта; если среди них лица, игравшие двоякую роль, как когда-то Дегаев или даже Азев⁴. Доказательство, что главный собеседник Шульгина – Оверпут – сделался гепеистом тогда, когда ему предложили на выбор быть расстрелянным как контрреволюционер или служить новой власти; этот самый Оверпут не только публично покался в своей роли, но, по-видимому, постарался искупить ее организацией какого-то заговора против самого ГПУ и в этом деле погиб, был убит в перестрелке с настоящими гепеистами, о чем и опубликовано советскими газетами; впрочем, и тут скептики говорят, что это неправда, что Оверпут вернулся на службу к Советам, а известие о его смерти сообщено только для замечания следов⁵. Шульгин недоумевал в разговоре со мной, почему же его выпустили? Самое вероятное объяснение, обидное для его самолюбия, что его не считали опасным, а напротив, хотели им воспользоваться, отчасти для даровой рекламы, а отчасти для привлечения в советскую Россию лиц более опасных. Последнее тем вероятнее, что благодаря шульгинской рекомендации этой организации платили деньги (чуть ли не из казны великого князя), и если большие генералы активной контрреволюции не поехали в советскую Россию, то посылали маленьких, которые, конечно, помогали гепеистам быть в курсе того, что против них затевается, и иметь всегда, а ля Фуше⁶, несколько готовых заговоров в кармане. Обо всех этих разоблачениях много говорят, но мало пишут; заинтересованные лица молчат или даже все это отрицают. Недавно ко мне приходил один из главных деятелей этого рода политики, чтобы сообщить мне, что я введен в заблуждение, что все эти слухи раздуты, что они отлично в курсе, кто является гепеистом, и что это они проводят за нос ГПУ, а не обратно. Другие люди, более или менее посвященные, говорят совершенно другое; где тут полная правда, узнать невозможно; у меня

давнишнее и органическое недоверие к заговорщической деятельности, потому я и всегда предполагаю самое худшее. Но Вы понимаете, как все эти разоблачения, хотя бы в них и были преувеличения, уменьшили какой бы то ни было авторитет той организации, с которой имел дело Шульгин, и уверенность в том, что именно этим путем придут к избавлению от большевизма; я думаю, что если бы все это стало известно раньше, шульгинская книга была бы иная, а может быть, и вовсе не вышла бы. Вот почему, между прочим, мне было и трудно в процессе этих разоблачений и сюрпризов более или менее обстоятельно отвечать на Ваши вопросы.

Теперь о втором вопросе, Корнилове.

Вы ставите мне три вопроса; но самые вопросы если не предвещают ответа, то обнаруживают такой исходный пункт Вашего мышления, который я не могу принять без возражений и оговорок. Возьмите самый первый вопрос: Вы как будто бы ставите дилемму: или Корнилов действовал с ведома правительства, которое потом от него отреклось и его предало, или это было простым военным заговором, направленным к замене правительства военной диктатурой? Я думаю, что не было ни то ни другое; я не могу назвать это чисто военным заговором и не могу утверждать, что Корнилов действовал по приглашению правительства, которое его предало. Вопрос был сложнее, и, чтобы его понять, все-таки же нужно яснее представлять себе картину того, что тогда происходило.

Корнилова, как Вы пишете сами, я знал хорошо; это несколько не политик, а только военачальник. Именно потому, что он не политик, в нем не было и преданности к прежней власти; а как военный человек, он видел, как отражалась на войне политика последних месяцев старого режима, и воспринял новый режим с той же иллюзией, с которой его восприняли почти все наши лучшие военачальники, т.е. с радостью, с надеждой, что благодаря политической перемене создадутся лучшие условия для войны. В Корнилове, как в человеке не придворном, не приближенном, не было никаких предрассудков привилегированной среды, и он мог стать на службу новому строю совершенно искренно, полностью; так это и было.

Но Корнилов, как и все другие генералы, уже через два дня увидели, что они жестоко обманулись; нельзя без трагического ужаса читать напечатанных теперь большевиками переговоров Алексеева и Рузского с Родзянко⁷. Из них видно, какие надежды возлагали эти генералы на годность и патриотизм деятелей революции и как они во всем этом весьма быстро должны были раскаяться. Армия разложилась раньше, чем что бы то ни было, так как ни на что не было обращено такого подозрительного внимания со стороны революционной демократии и ни над чем не было сделано таких рискованных экспериментов, как над армией. Это Вы все знаете. То, что могло

еще сходить даром в тылу, в гарнизонах, размещенных внутри страны, было невозможно на фронте. Армия быстро разлагалась. Для всех генералов стало ясным, что, идя дальше таким образом, нужно будет признать, что все военные жертвы были ни к чему, что немцы нас победили. После провала наступления 18 июня⁸ это стало ясно и правительству, оно обратилось к Корнилову, назначая его главнокомандующим. Корнилов это назначение принял, он не ставил тогда никаких политических требований и условий, но зато он потребовал полной свободы себе в управлении армией и в смысле применения строжайших мер, в том числе и смертной казни, и в смысле выбора сотрудников. Я подчеркиваю, что здесь никаких политических требований не было. Но Вы знаете, как все это было исполнено; с одной стороны, Керенский усматривал в этом неподчинение авторитету правительства, недопустимый в разговорах с правительством тон, а с другой – он тоже понимал, что нельзя было на место Корнилова ставить революционных генералов. Он и пошел, как всегда, средней дорогой, раздражая и тех, и других, назначая Корнилова и подсовывая к нему революционных любимцев вроде Черемисова⁹. Не нужно было быть проницательным человеком, чтобы на месте Корнилова понять, что покуда в Петербурге остается то двоевластие, которое было, он не сможет вернуть армию в боеспособное положение. Политический вопрос, хотя бы только в рамках реставрации боеспособности, был поставлен сам собой.

Это было тем легче и проще, что и в самом правительстве, и особенно в тех политических кругах, которые сейчас создавали и низвергали правительство, тот же самый вопрос был так же ясно поставлен. Поставлен тоже в несколько упрощенном виде; корнем всего зла считался Совет и его влияние на правительство. Нужно было освободить правительство от влияния Совета, говоря попросту, сократить Советы. В это время еще не чувствовалось, что зло гораздо глубже и лежит не в одной только злой воле Совета. Но как бы ни было, последние месяцы правительственной жизни проходили под знаком освобождения правительства от советского засилья, и одним из основных козырей в этой игре против Совета была именно армия. Когда Корнилов выступил после Тарнопольского провала¹⁰ с грозным обличением всей правительственной политики и со своим ультиматумом, то он был самым горячим образом поддержан известной частью общественного мнения и политических кругов; можно прямо сказать, что выступление Корнилова не было выступлением военного против штатских, а сделалось выступлением целой группы политических партий против другой. Вы скажете, что это политические деятели, а не правительство. Вы неясно будете представлять себе обстановку, если будете в это время проводить резкую грань между правительством и общественностью. Не забывайте, что со времени

отречения Михаила никакой конституции в России не было, ни на какой закон сослаться было нельзя: Временное правительство сознательно и тщательно разорвало свою связь со старым порядком, не опубликовав назначения князя Львова верховной властью¹¹. И если первое правительство подвело под себя фундамент назначения Государственной Думой как государственного учреждения, то позднее с исчезновением Думы исчезла и эта фикция. Последнее правительство просто за собственной подписью объявило о своем вступлении во власть. Никто не мог бы сказать, откуда оно получило эту власть. А фактически все знали, что власть создавалась по соглашению с партией, с центральными комитетами и что члены правительства считали себя ответственными перед этими партиями. Было невозможно в это время выделять правительство как самодовлеющую силу, власть которой основывалась бы на преемственности от законной власти, как это мы иногда представляли себе относительно Сопровождающих послов¹² и белых правительств. Правительство, ответственное и несамостоятельное, связанное с общественными организациями, в значительной степени ими поглощалось; и нужно сознаться, что эти самые общественные организации и в лице своих квалифицированных представителей, и даже коллективно поддерживали и поощряли Корнилова. В газетах опубликовывались постановления партии, в том числе кадетской, всецело поддерживающие требования Корнилова, хотя, конечно, они были не конституционные и не могли быть допущены при нормальных отношениях военачальника с правительством. Перед московским совещанием, когда происходил знаменитый съезд несоциалистических элементов¹³, наполнявший большую словесную аудиторию Московского университета, где был и Родзянко, и Милюков¹⁴, и генерал Алексеев, и Юденич¹⁵, и все представители казаков, было единогласно принято и опубликовано постановление этого совещания о том, что Корнилов несменяем, что правительство не смеет на него покушаться, что его ультиматум должен быть принят и исполнен и т.п. Когда Корнилов прибыл на московское совещание, то его делегаты, в том числе Новосильцев¹⁶, созвали на квартире Кишкина¹⁷ совещание целого ряда политических деятелей, из которых я помню того же Милюкова и Родзянко; на этом совещании Корнилов говорил, что он решил не подчиняться правительству, если его сместят, что он в таком смещении усмотрел бы простую интригу Советов, что в этом случае он совершил бы насильственный военный переворот, и спрашивал собравшихся, может ли он, Корнилов, рассчитывать на их поддержку; и вот на этом собрании было единогласно постановлено передать ему через делегатов, что в этом случае его поддержат; я отлично помню по сю пору, как я возражал против этого, а Милюков со мной спорил. Каюсь, и я возражал не во имя легитимизма, а только пото-

му, что я не верил в победу Корнилова, а Милюков доказывал мне возможность этой победы, а главным образом, отводил все мои возражения тем, что Корнилов уже решил это делать и что нужно думать не о том, выступать ли Корнилову или нет, а только о том, как мы к этим выступлениям отнесемся. Все эти споры происходили в присутствии делегатов Корнилова. Помню, что после этого заседания я просил Новосильцева передать Корнилову мое личное мнение, что его никто не поддержит, что со стороны общественных и политических деятелей это настоящая провокация и что все спрячутся; эта моя фраза попала в книгу Деникина, и Милюков, узнавши себя в ней, хотя он не был назван, печатно на меня обиделся¹⁸. Я с ним частным образом об этом говорил и напомнил заседание у Кишкина; он его вспомнил, но сказал то, чего я не знал, что в это время происходило много других совещаний с Корниловым, в том числе и у него самого, и говорил, что будто бы он Корнилова отговаривал. Не стану это оспаривать и готов допустить, что спор его со мной у Кишкина был вызван только моими аргументами, которых Милюков принять не мог. Но Вы понимаете тем не менее, какое впечатление доводы Милюкова должны были произвести на военных делегатов Корнилова. Вот почему я не могу не заключить, что если выступление Корнилова даже назвать заговором – то это вовсе не был заговор нескольких военных против гражданских властей, а был политический акт политических партий, которые участвовали в заседании.

Но Вы все-таки же скажете, что это не «правительство». И вот тут у меня нет в руках достаточных фактов, но есть субъективное убеждение, что и члены правительства, по крайней мере некоторые, делали то же самое, что общественные деятели. На первом плане я здесь ставлю Савинкова, непосредственного начальника Корнилова, в качестве военного министра¹⁹. Вы согласитесь, что характер Савинкова <над строкой вписано три слова нрзб. от руки.> соответствовал. Но вот одно личное воспоминание. Когда мы узнали, что Корнилов все-таки пошел, я был вызван в Зимний Дворец Керенским и настаивал, чтобы дело ликвидировать без огласки, предлагая самому ехать в ставку и влиять на Корнилова. Савинков резко этому противился, обвиняя Корнилова в двуличии, в том, что он давно построил этот заговор, и настаивая на беспощадной расправе с ним; Керенский не соглашался отпустить меня в ставку, но хотел, чтобы я предварительно по прямому проводу поговорил с Корниловым, так как в 2 часа дня с ним должен был говорить Савинков; по просьбе Керенского я пошел вместе с Савинковым к прямому проводу и никогда не забуду впечатления от этого разговора; если у Вас под руками найдутся ленты этих переговоров, которые, кажется, где-то были напечатаны²⁰, то проверьте мое впечатление. Первый говорил Савинков; его речь была обвинительным актом против Корнилова, в

которой он как будто заранее подсказывал ему его ответы, и главное содержание этого обвинения было желание доказать, что он, Савинков, ни при чем; Савинков свою речь все время строил так: «я Вам говорил то-то, я Вам советовал то-то, я на то-то не соглашаюсь, а Вы, дескать, сделали то-то и то-то»; нужно было видеть волнение, с которым Савинков ждал ответа Корнилова. Когда в своем ответе Корнилов не сказал ничего нового кроме того, что уже говорил, т.е. то, что он команды не сдает, и то, что он действительно просит Савинкова и Керенского приехать в ставку для составления нового правительства, словом, когда Корнилов остался на своей прежней позиции, ничего из нее не уступивши, – Савинков, неожиданно для меня, пришел в совершенный восторг. Читая ленту, он все время говорил «ах, это совсем другое дело, значит, это простое недоразумение» и сейчас же послал адъютанта передать Керенскому, что объяснения Корнилова удовлетворительны и чтобы он подождал принимать какие-нибудь меры. Я настолько порадовался такому заключению Савинкова, что мне не было охоты его обличать в противоречиях с самим собой и спрашивать, чем же он доволен? Я старался только утвердить его в его новом настроении; но у меня тогда же на самом телеграфе создалось то представление, от которого я и сейчас не отказываюсь: что Савинков боялся одного, чтобы Корнилов не раскрыл его роли во всем том, что происходило, и что он обрадовался тому, что Корнилов не возразил против его – савинковских – утверждений, своим молчанием его как будто бы выгородил и взял весь одним <нарекания – (лат.)> на себя. Удостоверившись в этом, Савинков круто изменил свое отношение к корниловским выступлениям.

Ну, а отношение самого главы правительства Керенского? У меня нет его конфиденций, как, впрочем, нет и савинковских, но мое мнение о нем составилось давно. Я не принадлежу к его принципиальным противникам и часто беру его защиту; но всегда с большой осторожностью и недоверием отношусь к его словам; я не считаю его тем сознательным лгуном, которые выдумывают несуществующие факты и отрицают существующие; но он ухитряется благодаря своему легкомыслию и эмоциональности давать им такое субъективное освещение, что в них правды не остается; а кроме того, опять-таки благодаря легкомыслию, он может говорить много лишнего и ненужного, не считаясь с тем, какое это производит впечатление. Вспомните для примера исторический акт, как в заседании правительства Керенский предупредил Корнилова не все говорить из военных тайн, так как здесь присутствуют люди, на которых нельзя положиться; я несколько не сомневаюсь, что Керенский это действительно сказал; когда потом все это вышло наружу, и Керенский уже, не помню, не то отрицал это полностью, не то придавал этой фразе другое значение; я готов допустить, что Корнилов понял его

неправильно; что Керенский не считал Чернова²¹ изменником, а просто думал, что при его связях с Советами лишние слова могут дойти до ненужных ушей. Но в этот момент Керенский не представлял себе, как мог Корнилов расшифровать содержание этого предупреждения, при этом данного конфиденциально и направленного против какого-то определенного лица. Ведь было очень просто предупредить Корнилова, что осторожней не говорить лишних подробностей, имеющих характер военных тайн; это было бы не оскорбительным ни для кого и не подозрительным; это просто соответствовало бы природе вещей, характеру военных тайн; а когда вместо этого шепчут такое предупреждение, какое сделал Керенский, то для генерала, не искушенного в условностях политических отношений, здесь было одно из тех откровений, пределов которых предвидеть было невозможно. И ведь это только пример; я легко воображаю себе, какой сумбур должен был получиться в голове Корнилова от беседы с Керенским. Ведь это была та эпоха, когда Керенский ненавидел Советы, как и Советы его ненавидели; он давно уже не был их представителем в правительстве; он понимал весь их вред и больно чувствовал их власть над собой; по миллиону причин, может быть, и по своей лояльности к революционным органам он не решился стряхнуть с себя их власть путем переворота; но зато как часто в разговорах он отводил душу, ругая их скверными словами, грозя, что с ними справится, что их прихлопнет и т.п. Я сам слышал такие разговоры, сопровождаемые выразительными жестами и подмигиваниями. Люди, знавшие Керенского, понимали, что здесь за словами ничего не скрывается, что он просто вымещает на словах свое собственное бессилие. Но для человека, как Корнилов, который всю революцию воспринял как средство помочь военным действиям, который привык именно действовать, а не говорить, здесь был, конечно, источник самых простительных недоразумений. Я убежден, что Корнилов имел право совершенно добросовестно воображать, что даже Керенский вовсе не противник разумного переворота.

А наконец, оцените во всем этом влияние Львова²². Мы-то знаем этого господина и его легендарную глупость; но ведь для Корнилова это был обер-прокурор Синода и член Думы, близкий к Керенскому человек. И что ему мог наговорить Львов от имени Керенского; этого мы никогда не узнаем, хотя Львов жив, так как я убежден, что Львов сам этого не знает. Он болтает, как всегда, не слушая, что ему возражают и о чем спрашивают, выпучивая глаза к небу, ржа лошадиному, в восторге, если слова потрясают слушателей своей неожиданностью и невероятностью.

А теперь возьмите вопрос с другого конца: разве не ясно Вам, что все корниловское дело по своему ходу явно несет признаки недоразумения? Ведь если бы это был серьезный военный заговор, разве

его так бы нужно было вести? Разве не ясно, что Корнилов имел полную возможность послать в Петербург Дикую дивизию или другую какую-либо часть, назначивши в угоду Керенскому, вместо Крымова²³, другого военачальника, и потом в нужный момент принять начальство Крымова. Разве не ясно, что с военной точки зрения нужно было сначала сосредоточить войска, а уже потом раскрывать свои карты? А что сделать то, что сделал Корнилов, дать в руки против себя оружие, всех всполохнуть и взбудоражить, а только тогда собраться действовать, что это было бы безумием.

Основная причина всего корниловского дела лежит, конечно, в том, что громадное большинство правящих людей и групп, не исключая не только Керенского, но даже и разумных социалистов, вроде Прокоповича²⁴, понимали необходимость крутой перемены и даже необходимость для этой перемены быть в союзе со здоровой частью армии. Это было так же всем ясно, как и необходимость после 3 июля²⁵ послать войска в Петербург. Но вся беда в том, что в этот момент никакой мудрец не мог бы сказать, что закон и не закон, что есть исполнение гражданского долга и что есть преступление, чего правительство хочет и чего оно не посмеет сказать или сделать. Какой бы сейчас ни был порядок в России, но в ней есть какие-то отправные точки зрения для суждения об этих вопросах; если <так!> не только конституция страны, но есть даже и конституция партии. Ничего такого не было тогда в России; кто управлял тогда делами? Ведь самостоятельной силы у правительства не было, раз его составляли какими-то тайными переговорами за кулисами? Перед кем оно было ответственно? Перед такими же неопределенными, неясными силами, в лице даже не центральных комитетов партии, а просто каких-то представительных людей. Все свелось к тому, что так любили называть «фактическим соотношением сил»; армия была тоже такой силой, и, конечно, армия имела право не ждать, когда ее совершенно проглотят немцы, а интересоваться порядками тыла; в лице Корнилова она и взялась за это дело, в союзе если не с правительством, как таковым, то с отдельными его членами, а главное, несомненно, с широкими общественными политическими кругами. И, конечно, так же несомненно, что если бы Корнилов победил, то правительство, им созданное, имело бы не больше, но и не меньше законного права на существование, как и то, которое было бы им низвергнуто. Вся корниловщина – естественный продукт правовой и политической анархии этого момента, и изображать ее сейчас в виде военного заговора против устанавливающегося демократического строя – значит совершенно исказить перспективу.

Эта специфическая атмосфера, в которой законное правительство поневоле чувствовало себя узурпатором и авантюристом, и потому и каждый узурпатор мог чувствовать себя правительством, имела еще

одно последствие; она сделала, что, когда разразилась корниловская история, все чувствовали себя немного виноватыми и относились друг к другу не так, как к открытым и честным врагам, а как к предателям, которые обманули доверие. На суждениях Керенского о Корнилове до самого конца отразилось это настроение; он не прощал ему своих откровенных разговоров с ним, сделанных ему конфиденций и смотрел на него так, как заговорщики смотрят на того, кто их предал. И все это было совершенно искренно. Но совершенно так же до конца своих дней и Корнилов смотрел на Керенского; он тоже обвинял его в провокации, в обмане и в предательстве – и это было искренно; такое же отношение у Корнилова было и к Савинкову, и если такого отношения не создалось у Савинкова к Корнилову, то только потому, что Савинков его лично не предал. А вопрос об общем значении корниловского выступления в этот момент для Савинкова стоял на втором плане.

Теперь несколько слов в ответ на последний вопрос; бесспорно, что корниловская история имела последствием окончательное крушение дисциплины. Если Вам в руки попадут ленты прямого провода, то Вы увидите в них, что я именно это предсказывал Корнилову, как неизбежное последствие его безнадёжного выступления. И причину этого падения дисциплины сотрудники Корнилова объясняют совершенно правильно. Единственный вопрос, о котором можно говорить, – это то: правильно ли утверждение Керенского, что корниловская история разразилась в тот момент, когда все шло к лучшему, новая жизнь устраивалась на новых началах, дисциплина восстанавливалась, и что будто этот процесс оздоровления и был остановлен и уничтожен Корниловым. В этом большая иллюзия, хотя есть доля правды.

Правда в том, что за последние месяцы своей власти Керенский, действительно, всеми мерами старался восстанавливать разрушенные порядки, освобождая от засилия Советов, вообще, говоря проще, взялся за ум. Но с его стороны большая иллюзия воображать, что эти меры могли привести к желательным результатам. Говоря словами одного из правительственных сообщений того времени, разрушение прежних социальных связей шло гораздо быстрее, чем создание новых; по мере того как Керенский умнел и старался восстановить государственность, по мере этого падало его влияние в той самой демократии, кумиром которой он недавно был, и его место заняли большевики. Это было неизбежным, и в этом была вся трагедия момента; в России были возможны только две политики: или надо было сохранить прежний политический и социальный строй и господство прежнего правящего класса, изменив и его состав, и его политику, взявши девизом «все для народа», но оставя народ на прежнем его месте, не внушая ему мысли, что он все

может и все смеет, что над ним нет никакой управы. Керенский с самого начала стал на диаметрально противоположной точке зрения; он отбрасывал все прежние правящие классы и ставил свою ставку на широкой демократии; он не истреблял этого правящего класса, как большевики, он не объявлял даже, что он стоит вне закона и никакого участия в управлении иметь не может; но поклонник демократии в ее элементарной форме, поклонник принципа большинства, он отводил этому правящему классу только то место, которое он мог занимать по своей численности. Он действительно стоял за коалицию и этим выгодно отличался от тех, которые требовали всей власти Советам и вообще признавали полноправными гражданами только социалистов. Но коалиция для него заключалась только в том, чтобы в правительстве было несколько буржуев, способных осуществлять социалистические утопии. Керенский искренно верил до революции, что глас народа – глас Божий и что государственный смысл рабочего, пролетария и мужика ничуть не меньше профессиональных политиков; в этих классах, наконец, он находил свою главную поддержку. Ставши у власти, он прежде всего добился у своих товарищей-буржуев, что этим массам было предоставлено первенствующее место во влиянии на государственные дела; в угоду именно им и совершалась разрушительная деятельность правительства. Прежнее правящее меньшинство было им и оскорбляемо, и уничтожаемо, и отстраняемо от дел. Если бы государственный смысл масс мог действительно управлять Россией, то Керенский оказался бы великим человеком и реформатором. Но он скоро увидел, что массы шли за ним, покуда он кормил правительство и привилегированное меньшинство, и стали отворачиваться от него, когда он говорил о необходимости умеренности, об обязательности жертв, о продолжении войны и т.п. Я не убежден теперь, как не был убежден и раньше, что в июле месяце уже можно было перейти на разумные рельсы, которые мы совершенно зря покинули в марте; но перейти на эти разумные рельсы можно было, только если бы наверху вышла для всех наглядная перемена, было бы сделано то, что Столыпин называл «шек» <так!>. Если бы массы увидели, что с ними больше не нянчутся, а правящие классы увидели, что они имеют еще шансы избежать истребления, то может быть создались бы те новые отношения, при которых можно было бы избежать катастрофы; но Керенский этого сделать не мог: прежнее правящее меньшинство ему не верило, а массы считали его изменником; когда первая часть революции удалась, всякие издержки демократии были устранены и демократия стала хозяином, было фатально неизбежно, чтобы демократия сама поумнела. А для этого она фатально должна была пройти через большевизм и через те разочарования, которые большевизм ей принес. Я верю искренности утверждения Керенского, что он

сознал ряд своих ошибок, хотел их исправить и думал, что в стране уже началась та реакция, которая сделала бы эти исправления возможными; но в то же время я эту веру считаю иллюзией; если в некоторых кругах была реакция в сторону благоразумия, то в других, и гораздо больше, а главное, в кругах, близких Керенскому, реакция шла совсем в другую сторону, а именно в сторону большевизма. Управление Керенского ослабило тот класс и тот слой, на который он перед своим концом хотел опереться. Если бы этот слой и смог еще вернуть себе кое-что из старого, сделать ку д'эта²⁶ в направлении частичной реставрации, то этот слой не мог ничего спасти, аффицируя быть революционным. Я не сочувствовал попытке Керенского и думал, что это была ошибка. Если бы Керенский соединился с Корниловым и сделал свой ку д'эта, то такой переворот мог бы удался, но либо бы кончился падением Керенского в пользу более правой реакции, либо очень скоро, под главенством Керенского, потерял бы свои завоевания и приобретения и вернулся бы в прежнее русло; и мысль о том, что без всяких потрясений, не вводя повсюду всеобщее избирательное право и свободы, созывая Учредительное собрание на основании пятихвостки, можно было спасти Россию от развала, — это простая иллюзия.

На этом я кончаю письмо; я хотел бы ответить Вам и об этатизме, но тогда ответ отложился бы еще на неделю, удовольствуйтесь пока тем, что я написал.

¹ last but not least (англ.) — последнее по порядку, но не по значению.

² Врангель Петр Николаевич (1887–1928) — генерал-лейтенант; в годы Первой мировой войны прошел путь от ротмистра до генерал-майора. Командующий Кавказской, затем Добровольческой армией при правлении Деникина. Выступил с критикой деятельности последнего; за что был удален из армии и выслан за границу; после отставки Деникина стал его преемником на посту Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, преобразованными в мае 1920 в Русскую армию.

³ Шульгин отправился в СССР по «приглашению» якобы антисоветской организации, известной под названием «Трест». Он надеялся отыскать в России сына, пропавшего без вести в период Гражданской войны. Как вскоре выяснилось, поездка была организована ГПУ, чьим созданием являлся «Трест», и Шульгина постоянно «вели» чекисты. Таким образом, его книга в известном смысле писалась «под диктовку» ГПУ. Разоблачение «Треста» подорвало политическую репутацию Шульгина и побудило его отойти от активной политической деятельности.

⁴ Дегаев Сергей Петрович (1857–1921) — народоволец, после ареста в 1882 стал сотрудничать с органами политического сыска; выдачи Дегаева привели к разгрому народовольческой организации, причем после ареста ее лидеров, находящихся в России, Дегаев фактически стал ее главой; уличенный революционерами, во искупление измены, Дегаев организовал на своей квартире

убийство инспектора секретной полиции Г.П.Судейкина 16 декабря 1883, после чего скрылся за границу. Азев (Азеф) Евно Фишелевич (1869–1918) – член ЦК Партии социалистов-революционеров, с 1903 глава ее Боевой организации, руководитель подготовки ряда террористических актов, в том числе убийства министра внутренних дел В.К.Плеве и великого князя Сергея Александровича; одновременно с 1893 – платный агент полиции, выдавший десятки революционеров. Разоблачен в 1908 В.Л.Бурцевым.

⁵ Оверпут (так в тексте, правильно – Опперпут) – Опперпут Эдуард Оттович, он же Стауниц, Селянинов, Касаткин; возможно, настоящее имя Александр Оттович Упелинец (?–1927?) – вероятно, агент-provokator ГПУ, хотя о его истинной роли в антибольшевистском подполье 1920-х судить трудно; в 1920 перешел советско-польскую границу и передал информацию о положении в Красной Армии, в которой якобы служил комиссаром дивизии, Б.В.Савинкову; стал сотрудничать с ним. В 1922 арестован ГПУ и под угрозой расстрела стал секретным агентом; одно из действующих лиц чекистской операции «Трест»; впоследствии раскаялся (?), передал ценные сведения о деятельности ГПУ генералу А.П.Кутепову. В июне 1927 участвовал в попытке организации взрыва жилого дома, заселенного сотрудниками ГПУ; в том же месяце погиб в перестрелке с чекистами. Некоторыми аналитиками высказывалось предположение, что гибель Опперпута также являлась инсценировкой и он продолжал служить в ГПУ. В инспирированных советскими разведывательными органами беллетристических произведениях, посвященных «Операции “Трест”» («Мертвая зыбь» Л.В.Никулина и др.), изображался как «кутеповец».

⁶ Фуше Жозеф (1759–1820) – французский политический деятель, неоднократно менявший свою ориентацию; был министром полиции при Директории, Наполеоне Бонапарте и затем при Бурбонах; прославился как мастер политических интриг и провокаций.

⁷ См.: Февральская революция (Документы ставки Верховного главнокомандующего и штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т.2. С.3-78; Т.3. С.3-70. Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – генерал от инфантерии, начальник штаба Верховного главнокомандующего; Рузский Николай Владимирович (1854–1918) – генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Северного фронта; Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – председатель 3-й (с марта 1911) и 4-й Государственных Дум.

⁸ Имеется в виду наступление, предпринятое войсками Юго-Западного фронта 18–19 июня 1917; наступление наносивших главный удар на Львов 11-й и 7-й армий успеха не имело; наносившая вспомогательный удар 8-я армия под командованием Л.Г.Корнилова 23–24 июня прорвала оборону противника; ее наступление после определенных успехов выдохлось к 30 июня; 6 июля австро-германские войска нанесли контрудар и прорвали фронт 11-й армии; вынуждены были отступить также 7-я и 8-я армии; отступление носило иногда панический характер; русские войска потеряли в общей сложности около 60 тыс. чел. Фронт стабилизировался к 15 июля.

⁹ Черемисов Владимир Андреевич (1871–?), генерал, командовал 12-м корпусом в составе 8-й армии Юго-Западного фронта, которой, в свою очередь,

командовал Л.Г.Корнилов. 8-я армия отличилась в ходе июньского наступления 1917: 12-й корпус был лучшим в ее составе; Черемисова называли «героем Галича». Черемисов был назначен командующим 8-й армией после того, как Корнилов стал командующим Юго-Западным фронтом. Однако после назначения Корнилова Верховным главнокомандующим он воспротивился назначению Черемисова на вакантный пост командующего Юго-Западным фронтом, что привело к острому конфликту; возможно, это объяснялось тем, что Черемисов умел ладить с армейскими комитетами, что не импонировало Корнилову; возможно, генералы «не поделили славу». Не исключено, что на оценку Маклаковым Черемисова повлияло поведение последнего в октябре 1917, когда тот, занимая пост командующего Северным фронтом, отказался по призыву А.Ф.Керенского двинуть войска на подавление большевистского выступления.

¹⁰ Тарнопольский провал – прорыв германскими войсками Юго-Западного фронта 6 июля 1917 в районе Тарнополя, повлекший за собой тяжелое поражение и деморализацию русских войск; отход войск нередко переходил в беспорядочное паническое бегство, сопровождался погромами и мародерством. В этой обстановке Корнилов обратился к Временному правительству с телеграммой, в которой требовал введения военно-полевых судов и смертной казни на театре военных действий.

¹¹ *Idée fixe* Маклакова было то, что одной из причин катастрофического падения авторитета власти, установившейся после февраля 1917, была ее нелегитимность.

¹² По-видимому, Маклаков говорит о Совещании послов, образованном под его председательством в 1918; в его состав формально входили все бывшие послы Временного правительства. Совещание послов просуществовало до конца 1918, когда в Париже было образовано по инициативе Бахметева Русское политическое совещание, суррогат национального представительства. В начале 1921, после крушения армии П.Н.Врангеля, в Париже был образован Совет (Совещание) послов под председательством старейшины русского дипломатического корпуса М.Н.Гирса.

¹³ Маклаков имеет в виду Совещание общественных деятелей, состоявшееся 8–10 августа 1917 в Москве, накануне созванного там же по инициативе Временного правительства Государственного совещания (12–15 августа). Среди инициаторов Совещания общественных деятелей был и сам Маклаков, наряду с П.П.Рябушинским, С.Н.Третьяковым, Н.Н.Львовым и др. В Совещании участвовало около 400 человек – представители Временного комитета Государственной Думы, кадетов, духовенства, старообрядчества, торгово-промышленных кругов, Союза офицеров армии и флота, высших учебных заведений, кооперации и др. Были обсуждены вопросы: О создании сильной национальной власти (кн. Е.Н.Трубецкой); О деятельности комитетов в армии (полковник А.Е.Грузинов); О борьбе с хозяйственной разрухой (П.Б.Струве) и др. Совещание отправило приветственную телеграмму генералу Л.Г.Корнилову. Совещание избрало постоянный Совет общественных деятелей под председательством М.В.Родзянко. Подробнее см.: Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8–10 августа 1917 г. М., 1917.

¹⁴ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк; признанный лидер партии кадетов, депутат 3-й и 4-й Государственных Дум. Министр ино-

странных дел в первом составе Временного правительства. После Октябрьского переворота уехал на Дон. Автор декларации Добровольческой армии. Летом 1918 выступил за германскую ориентацию, надеясь на помощь Германии в свержении большевиков. Поскольку ЦК партии осудил его политику, сложил с себя обязанности его председателя. В октябре 1918 признал свою ошибку и вернулся к «союзнической» ориентации. С конца 1918 – в эмиграции, сначала в Румынии, затем в Лондоне. С 1920 жил в Париже. После поражения Деникина относился скептически к перспективам Белого движения. Постоянный оппонент Маклакова еще с дореволюционных времен. Состоял в довольно активной переписке с Бахметевым.

¹⁵ Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – генерал от инфантерии, участник Русско-японской и Первой мировой войн. В марте–апреле 1917 – командующий войсками Кавказского фронта. Был отстранен от должности Временным правительством. В 1918 эмигрировал в Финляндию, затем в Эстонию. С начала 1919 – руководитель Белого движения на Северо-Западе России, главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта, военный министр Северо-Западного правительства. С 1920 – в эмиграции.

¹⁶ Новосильцев Леонид Николаевич (1872–1934) – кадровый военный, в 1902 вышел в отставку в чине капитана, позднее – помощник присяжного поверенного; кадет, депутат 1-й и 4-й Государственных Дум; участник Первой мировой войны, в 1917 – подполковник; был сторонником установления военной диктатуры, в мае 1917 на первом офицерском съезде в Могилеве избран председателем Главного комитета созданного там Союза офицеров армии и флота; играл роль посредника между военными и общественными деятелями. После подавления выступления генерала Л.Г.Корнилова арестован. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции, сначала в Польше, затем в Югославии (Королевстве сербов, хорватов и словенцев). Снабжал генерала А.И.Деникина материалами при подготовке последним «Очерков русской смуты».

¹⁷ Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – по образованию врач; член ЦК партии кадетов с момента ее основания; в 1907–1914 – товарищ председателя партии, лидер ее Московского комитета; после начала Первой мировой войны – один из организаторов Всероссийского союза городов. В августе 1917 на квартире Кишкина происходило совещание представителей генерала Л.Г.Корнилова и некоторых общественных деятелей. С сентября 1917 – министр государственного призрения во Временном правительстве. 25 октября 1917 назначен генерал-губернатором Петрограда. Арестован вместе с другими министрами и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения принимал участие в ряде антибольшевистских организаций, неоднократно арестовывался. Умер в СССР.

¹⁸ Несмотря на то что в приведенной в мемуарах А.И.Деникина «Очерки русской смуты» фразе Маклакова (в передаче Л.Н.Новосильцева) фамилия П.Н.Милокова не была напечатана полностью, вряд ли можно было усомниться, о ком шла речь. «Передайте генералу Корнилову, – говорил Маклаков Новосильцеву, – что ведь мы его провоцируем, а особенно М-ъ. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...» (Деникин А.И. Очерки русской смуты. <Репринтное воспроизведение>. М., 1991. Т.2. С.31).

¹⁹ В июле – сентябре 1917 Б.В.Савинков был товарищем министра, управляющим Военным министерством при министре А.Ф.Керенском.

Савинков Борис Викторович (1879–1925) – один из руководителей Боевой организации Партии социалистов-революционеров (с 1903), лично руководивший подготовкой ряда громких террористических актов; в 1917 исключен из партии за отказ дать объяснения ЦК о своей роли в корниловском выступлении; Савинков публично заявил о своей солидарности с генералом Л.Г.Корниловым в целях, но расхождении в средствах. Активный участник антибольшевистской борьбы, Савинков тем не менее встречал постоянное недоверие в лагере белых в силу своего революционного прошлого и двусмысленного поведения во время «корниловского дела». Член Русского политического совещания в Париже. Подробнее о его деятельности после 1917 см.: *Spence Richard B. Boris Savinkov: Renegade of the Left.* Boulder; New York, 1991.

²⁰ См.: *Мартынов Е.Н.* Генерал Корнилов: Попытка военного переворота). М., 1927. С.188-190.

²¹ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – многолетний лидер и крупнейший теоретик Партии социалистов-революционеров; в 1917 министр земледелия во втором и третьем составах Временного правительства; 5 января 1918 был избран председателем разогнанного большевиками Учредительного собрания. С сентября 1920 – в эмиграции, член Заграничной делегации ПСР, редактор партийного журнала «Революционная Россия»; принял активное участие в работе фракции эсеров на частном совещании членов Учредительного собрания в Париже в январе 1921.

²² Львов Владимир Николаевич (1872–1934) – землевладелец; октябрист, затем независимый националист. Депутат 3-й и 4-й Государственных Дум. В марте–июле 1917 обер-прокурор Святейшего Синода в составе Временного правительства. Пытался по собственной инициативе играть роль посредника между Корниловым и Керенским, в итоге невольно сыграв роль провокатора. 26 августа был арестован по приказанию Керенского. В годы Гражданской войны активной роли не играл. С 1920 – в эмиграции. Примкнул к «сменовеховцам», в 1922 выпустил в Берлине брошюру «Советская власть в борьбе за русскую государственность». В том же году вернулся в Россию. До 1927 работал в Высшем церковном управлении. Был арестован по уголовному обвинению и выслан в Томск; где и закончил свои дни.

²³ Крымов Александр Михайлович (1871–1917) – генерал-лейтенант; в годы Первой мировой войны – начальник Уссурийской дивизии; был близок к А.И.Гучкову, считал необходимым совершить дворцовый переворот. По свидетельству А.И.Деникина, уже в марте 1917 крайне пессимистично оценивал положение и считал невозможным вести дело, «когда правительству шагу не дают ступить совдеп и разнузданная солдатня». Предлагал правительству «в два дня расчистить Петроград одной дивизией – конечно, не без кровопролития...», однако не получил на это согласия Г.Е.Львова и А.И.Гучкова (*Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т.1. С.142-143). Во время корниловского выступления командовал 3-м конным корпусом, насту-

павшим на Петроград; когда определилась неудача выступления, явился к Керенскому и после разговора с ним застрелился.

²⁴ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – политический деятель, экономист; с конца 1890-х – социал-демократ, один из лидеров «экономизма». В 1904 вступил в «Союз Освобождения»; в 1905 избран в ЦК партии кадетов, но вскоре вышел из партии. Считал себя «внефракционным социалистом». Видный деятель кооперативного движения. В июле–сентябре 1917 – министр торговли и промышленности Временного правительства, в сентябре–октябре – министр продовольствия; выступал за установление «твердой власти» и борьбу с революционной анархией. Был министром-председателем подпольного Временного правительства до своего ареста 19 ноября 1917. Вскоре освобожден. В 1921 вместе с Е.Д.Кусковой и Н.М.Кишкиным руководил Всероссийским комитетом помощи голодающим (Всероспомгол). Арестован после его разгона, сослан на Север, в 1922 выслан за границу. Жил в Берлине, затем в Праге, где возглавлял «Экономический кабинет», после оккупации Чехословакии нацистами – в Женеве.

²⁵ 3–4 июля произошло большевистское выступление в Петрограде, представлявшее собой, по сути, первую попытку захвата власти. Подробнее см.: Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992.

²⁶ *coup d'État* (франц.) – государственный переворот.

11. Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову

Boris A. Bakhmeteff
250 West 57-th Street
New York
8 ноября 1927 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Огромное спасибо за письмо от 16 сентября, посвященное Шульгину и Корнилову. Хотя Вы из скромности и упрекаете себя в несистематичности, но ответ Ваш по обоим вопросам для меня, по крайней мере, вполне исчерпывающий и совершенно меня удовлетворивший. Должен сказать, что Вы в значительной мере подтвердили мои догадки. Задавая Вам вопросы, я в известной мере искал ответов в определенном направлении, и Вы, со свойственной Вам полнотой и обстоятельностью и с близким знанием дела, ответили в общем так, как я думал.

Конечно, в деле Шульгина новостью были разоблачения касательно ГПУ. Когда я задавал Вам вопросы, мне лично не было еще ничего известно об истинном характере тех фашистов, под эгидой которых В<асилий> В<итальевич> путешествовал в России, и я до сих пор думаю, что, может быть, это были не только агенты ГПУ.

Такая уже природа секретных организаций и тайной полиции, что трудно провести грань между честностью и предательством, между лояльностью власти и преданностью революции. Другой особенностью всяческих организаций секретного порядка является необходимость внутренней конспирации, при которой агенты не знают друг друга. Возможно, что в Киеве за В.В. следили настоящие сыщики, и если бы Ш<ульгин> попался, то может быть, ГПУ были бы бессильны его предохранить от своих же официальных и открытых людей.

Но не в этом дело. Думаю, что эти разоблачения нанесли глубокий и вряд ли поправимый удар русскому фашизму, — вернее, тем из наших друзей, которые верили, что в фашизме спасение. Лично я, как Вы знаете, давно перестал надеяться и верить в действенность подобного рода организаций, и вся эта несчастная история, разразившаяся вокруг поездки бедного В<асилия> В<итальевича>, только укрепила мое мнение.

Одновременно с письмом посылаю Вам недавно вышедшую в печати мою речь весной в Milton Academy. Речь эта была произнесена под эгидой особого фонда, организованного в память бывших питомцев академии, погибших в великую войну. Это красивая и благородная мысль хранить их память в живых путем ежегодно повторяющихся лекций и конференций.

Ответ мой Вас, вероятно, не удовлетворит, да оно и не может быть иначе: мы говорим в несколько разных плоскостях. Я признаю полную силу Вашей аргументации в настоящий момент. Вы были бы абсолютно правы, если бы мы, выражаясь марксистско-гегелианским наречием, рассматривали вопрос статично. Я лично мыслю всю эту область в движении, в постепенном развитии. Политическая демократия не есть только вопрос о всеобщем избирательном праве и о формальных правах масс на избирательном вотуме. Вообще в истории и политике мы должны меньше внимания обращать на чисто формальные признаки. Существо дела в том, как на самом деле складываются отношения между отдельными группами населения, как на самом деле в повседневной жизни происходит осуществление политических прав и к каким все это приводит результатам. Лично мне представляется, что в настоящее время то, что Вы называете «демократией», еще недостаточно сильно и выявлено, чтобы в ближайший период совершить какие-то непоправимые и решительные экономические сдвиги. И тут, конечно, настает гадание: что пойдет быстрее — нарастание ли здравого смысла и трезвый подход к действительности, которые растут в связи с общим улучшением и просветлением масс и, я сказал бы, с проявлением чувства известной социальной удовлетворенности, вызванной ощущением, что власть-де наша, что мы ее фактически используем и претворяем в законе,

или нарастание нарыва социального гнева и классовой ненависти, которые, как Вы справедливо говорите, живы и лишь медленно умирают ходом событий? Лично я склонен скорее взять оптимистический тон. Повторяю – это вопрос догадок. Европа также может пойти к диаволу, как пошла к чертям Россия, и основания для консервативной демократии и в Европе могут быть заложены такими же путями, какими закладывают ее у нас на родине большевики.

Вторая часть посвящена вопросу внешнего мира. Здесь я очень категорически держусь оптимистических воззрений. Мне представляется достаточным сравнить дипломатические методы последнего времени с тем, что делалось до 1917 года, чтобы оценить, какой огромный путь человечество прошло за короткое время Великого Испытания.

Мне интересно будет знать Ваш отзыв о мыслях, изложенных в этой речи. Последнее время я очень много размышлял об основных проблемах государственного и социального строительства, и, конечно, мысль обращается к будущему России; приходится в то же время оценивать, хотя бы для себя, исторический опыт других стран. И я очень хотел бы, чтобы наша переписка охватила эти вопросы, особенно в связи с будущим России.

Мне кажется, это первостепенной важности вопрос для русских, которые не потеряли способности созидательно мыслить. Нам надо осмысливать будущее, находить удовлетворение хотя бы в подготовке теоретического фундамента для правильного подхода к практическим вопросам, которые во весь рост встанут перед будущей Россией. Тут – и форма правления вообще, и государственный строй с точки зрения соотношения центральной и местной власти; в первую голову – выборная система и структура представительных учреждений снизу доверху; конечно, экономика вообще; соотношение государственной и частной экономики, как одна из самых главных и самых жгучих тем.

Не знаю, с чего начать. Лучше всего, может быть, с выборной системы, тем более что Вы по этому поводу много писали, и мысли наши, должен сказать, часто сходились, хотя как подход, так и их выражение были несколько разные. Вы – блестящий юрист. Ваш ум требует точных и не противоречащих себе построений. Я – скорее практический политик, из американского опыта знающий, как отлично в жизни уживаются всякие противоречия и как часто внутренне противоречащая себе система оказывается более практичной и действенной, чем теоретически правильная структура.

Суммируя кратко, вот к чему сводятся мои основные мысли. Как и Вы, я стою для России за многостепенные выборы. Прямые выборы можно применять в городах, да и то я не совсем убежден в их правильности. Интересно отметить, что систему пропорциональных

выборов по партийным спискам даже Керенский признает сейчас отвлеченным вздором. Моя идея выборов очень проста. В основу необходимо положить непосредственное знакомство избирающей коллегии с избираемым лицом. Для жизненности всякой выборной системы крайне желательно, чтобы избираемое лицо продолжало быть непосредственным представителем интересов избравшей его группы; эта связь действительно должна выражаться в живом и постоянном контакте избранного с избравшей его инстанцией. По существу ведь система многостепенных советских выборов вовсе не плохая; подобная многостепенность единственно возможная в деревенской России. Система многостепенных выборов хороша также и потому, что в ней мало шансов политическому краснобайству ораторов и вообще профессиональным политикам. Она есть лучшая охрана от демагогии. Многостепенные выборы мне представляется необходимым делать от коллегии к коллегии. Другими словами, представители от областей или от губерний в общегосударственное законодательное учреждение избираются местными законодательными палатами. Члены губернских или областных законодательных учреждений избираются уездными собраниями и т.д. Непосредственное участие населения необходимо лишь на низших ступенях, в пределах малого участка, где все друг друга знают.

При подобной системе, я думаю, на низах «партийного» влияния не будет, так как местные нужды настолько конкретны и так близко касаются каждого налогоплательщика, что выбор естественно будет падать на наиболее деловитых, практических людей. Лично я довольно свободно трактовал бы вопрос об активном и пассивном избирательном праве. Я не склонен был бы ограничивать выборы необходимостью избрания представителей в следующую инстанцию из состава предыдущей. Я считал бы даже желательным, чтобы, скажем, губернское или уездное законодательное собрание могло посылать своим представителем в высшую инстанцию лицо высоко квалифицированное не из своего состава. Я считал бы нужным ввести <два слова от руки нрзб.> ценз: для низших ступеней грамотность и оседлость, повышая для высших требования образования. Думаю, что в процессе естественного отбора многостепенная практика установит порядок, при котором на высших степенях окажутся фактически люди квалифицированные.

О партиях. Тут имеются некоторые противоречия. Как-то странно писать о партиях, когда стремишься уничтожить или уменьшить влияние партийной демагогии. Однако нужно быть реалистом. Политические партии при настоящих условиях неизбежны. На самом деле только те государства могут правильно функционировать, где сложились прочные и ответственные партийные образования. Партии, как ни странно, являются огромным коррективом к основной

слабости демократической системы вообще, на которую Вы совершенно правильно указываете и которая лежит в ошибочном и не соответствующем действительности и жизни принципе равенства и одинаковой ценности людей. Все Ваши суждения на демократический принцип совершенно правильны тогда, когда демократия рассматривается в абстракции, как юридическое построение. На самом деле всюду, где так называемые представительные учреждения правильно функционируют, непосредственное участие населения в политической жизни ограничено. Мы согласились на принципе, что народ может судить и отличать в главных чертах правильное от неправильного; что нужно искать народную санкцию и оставить за населением последнее слово контроля; но что государственное управление есть наука и искусство само по себе и что государственная жизнь может протекать в устойчивых и надежных руслах лишь постольку, поскольку сохраняется известная преемственность культуры управления, известные моральные принципы, известный минимум умения и действенности. Это осуществляется введением в представительную систему «селективного» начала. Народ непосредственно не назначает представителя. Ему приходится выбирать между кандидатами, намечаемыми партией. И на партиях лежит ответственность за селекцию, за выборы таких лиц, которые с достоинством и умением способны отправлять намечаемые обязанности.

Вы часто ссылаетесь на аналогии акционерных обществ. Аналогия тут, конечно, не полная. В американской практике – в стране в смысле акционерном, конечно, наиболее развитой – строго и определенно проведено, что акционеры, т.е. народ, избирают директоров, т.е. уполномоченных, а директора за своей ответственностью и не необходимо из своего состава назначают исполнительные органы – президента, казначея и т.д., которым вверяется непосредственное управление делами общества. Англия и Америка проводили этот селективный принцип в наиболее полной мере. В связи с двухпартийной системой он давал отличные результаты. Надо здесь отметить, что двухпартийная система сложилась исторически. Это не англосаксонский принцип; это просто реальный факт, господствовавший в течение известного периода в англосаксонских представительных учреждениях. Опасаюсь, что период этот пришел к концу.

Вдумайтесь в суть действовавшей системы: две партии, отличавшиеся друг от друга, в конце концов, лишь в тонах, попеременно сменяли друг друга у власти. Смена эта имела двойное значение: с одной стороны, оппозиция была более свободна вносить новые мысли и отражать назревшие в стране потребности; с другой стороны, сменой партийного господства давался выход всегда и неизбежно накапливавшемуся недовольству властью и безболезненно устранялись психологические точки, при других условиях часто приводив-

шие к потрясениям. Но по существу партия принимала на себя ответственность за государственное управление всей нации в целом (или отдельной областью или городом). Ответственность эта выражалась именно в том, что в законодатели и в «исполнители» население могло лишь выбирать кандидатов, которых партия за свою ответственность выставляла в качестве лиц, по тем или иным соображениям наиболее способным для предстоящей им деятельности. Конечно, эта схема имела все слабости человеческих учреждений, но селективный принцип был там проведен полностью и давал, как я говорю, в общем хорошие результаты.

О «селективном» в противоположность чисто «элективному» принципу я пишу, чтобы подчеркнуть разницу между теоретическим построением абсолютного народовластия и фактическими формами, в которых представительные системы находили осуществление. Я считаю селекцию огромной, почти что решающей, поправкой. Хотя тут же замечаю, что Вы меня поймаете, конечно, на противоречии и скажете: какая же селективность, когда Вы стремитесь уничтожить партийное влияние, по крайней мере на низших ступенях будущего российского строения?

Это противоречие лишь кажущееся. Дело в том, что всякие политические системы надо рассматривать в их историческом развитии. Абстрактного конституционного права на самом деле не существует. Политический уклад каждой страны несет в себе особенности, традиции и навыки, сложившиеся годами исторической жизни. Двухпартийная система и вообще партийная система, проведенная до низов, которую мы наблюдаем или наблюдали в англосаксонских странах, также сложилась не сразу. Партия, в свою очередь, явилась плодом многолетнего развития.

Возможность проведения двухпартийного принципа во всем государственном разрезе до низших ступеней обусловлена двумя обстоятельствами: 1) высокой культурностью и степенью образованности населения; 2) тем, что в начальный период, особенно в Америке и в доминионах, население было немногочисленно и жители значительных округов представляли собой совокупность более или менее известных друг другу людей. В России политические партии выросли сверху, а не снизу и являлись в значительной мере небольшими группами интеллигентов, гораздо более привязанных к теоретическим и абстрактным формулам, чем к практике действительной жизни. В самом деле, не существует, кажется, ни одной цивилизованной страны, где «партии» имели бы теоретически сложные программы, какие имели, скажем, русские партии или некоторые социалистические партии Запада. Думаю поэтому, что низы русской представительной жизни нужно начинать строить не на партийном, а на бытовом, даже обывательском, начале, введя принцип селективно-

сти в самой идее многостепенных выборов. Ведь, по существу, небольшое собрание, которое должно избрать представителя, способного деловито и толково в следующей инстанции защищать интересы, уже есть элемент такой селекции, исключая яд непосредственного демагогического обращения к народным страстям и значительно сокращая возможность эмоциональных минутных побуждений. Обывательское, бытовое начало совершенно достаточно для плавного и действенного отправления государственных обязанностей в вопросах местного значения. Обывательское и бытовое начало в то же время совершенно недостаточно для подхода к основным большим задачам, определяющим жизнь нации в целом, для формулировки вопросов международного характера, для решения и выбора основных экономических путей. Тут требуется и образованность, и знание, и опыт, и умение – другими словами, некоторая профессиональная государственность. Однако собрание из нескольких сот людей, удовлетворяющих лишь индивидуально подобному цензу, не в состоянии будет практически работать. Необходима кристаллизация мысли вокруг известного принципа, а раз такая кристаллизация необходима, то неизбежны группировки, а следовательно, и партии. Поскольку <так!> старые партийные названия и группировки окажутся живучими в будущей России – сказать трудно. Лично мне представляется, что названия не пропадут и что они еще могут явиться осью, вокруг которой вначале сгруппируются индивидуумы. Говорю это, уверенный, что и люди, и деятельность, и общий тон будут кардинально отличаться от прошлого.

Но сейчас дело не в старых партиях. Мысль моя следующая: параллельно с бытовым, обывательским, началом на низах неизбежно и желательно партийное начало на верхах. Где пройдет линия раздела – сказать трудно. Я думаю, это определится самой жизнью; действительность изберет такие формы и найдет такие пути перехода, которых не измыслит и не придумает самый изобретательный ум.

Читая надиктованное, вижу всю сумбурность изложения. Я за селекцию. Я мертво против партийной демагогии. Я за партийную организованность и ответственность на верхах. Думаю, многостепенные выборы сами собою все утрясут. На низах (и вообще) многостепенность есть селекция. На низах пройдут деловые местные люди. По мере приближения к верхам само собою сложатся группировки, способные ответственно и преемственно нести власть

Один из самых трудных вопросов – это проблема исполнительной власти. Тут дело не в монархии и республике, хотя монархия при известных условиях несколько облегчает дело. Вообще смешно в настоящее время называть себя либо республиканцем, либо монархистом. Многие республики гораздо более правы и реакционны, чем некоторые демократические монархии. Суть опять-таки в фактиче-

ски сложившихся соотношениях и в действительной конструкции власти. Конечно, русские монархисты только говорят об «отвлеченной» монархии; по существу же они, может бессознательно, связывают с этим понятием восстановление своих прав и дореволюционных форм жизни. В этом смысле русское монархическое движение реставрационно, а потому и обречено на гибель. Вот почему мне кажется, что в ближайшем будущем русскому монархизму есть мало надежд на успех. В то же время нельзя не признать, что монархический институт, подобный, скажем, английскому, является символом, донельзя упрощающим имперское строительство. Для стран, подобно России, с колоссальной территорией и разноплеменностью английский монархизм есть начало жизнеспособное и, я сказал бы, плодотворное; монархизм этот, который, кстати сказать, ныне гораздо более силен и прочен, чем сотню лет тому назад, также явился плодом многолетнего развития. Насадить такую форму правления извне трудно. Традиции русского монархизма убоги и недостаточны.

Тем не менее я не исключаю монархической возможности для России. Однако, имея в виду специфический характер русского монархизма, я как-то сформулировал суть своих взглядов в выражении, что «восстановление России может завершиться восстановлением монархии», но что «не монархия восстановит Россию». Смысл этой фразы заключается в том, что современный реставрационный монархизм обречен на гибель, что восстановление России пойдет, вероятно, долгим путем строительства изнутри и что, когда на прочном фундаменте будут прочно возведены стены, перегородки и полы, возможно, что на здании возведена будет и остроконечная крыша. Но процесс этот, медленный и коллективный, при настоящих исторических условиях не может пойти обратным путем, т.е. нельзя ожидать единого архитектора, которой сознательной волей и по сознательному плану был бы способен и сумел бы построить то здание, которое нужно России.

Я отвлекся от темы. Суть в соотношении исполнительной и законодательной власти. Президент-или монархия – не важно. Основной вопрос в том, является ли законодательное учреждение источником всей власти, как, например, в системе парламентаризма; или желательно, как это, например, делается в Америке, отделить исполнительную власть от законодательной путем отдельных и независимых выборов. Об этом вопросе напишу Вам другой раз. И так уж довольно я написал сумбурно выраженных и не приведенных в систему мыслей. Но я особенно ценю нашу переписку, как свободный обмен мнений, не стесняясь стилем и построением.

Что Вы слышали из России? Приближается десятилетие власти, и хочется поневоле подвести итоги. Е.Д.Кускова² опять мне пишет о том, что «что-то началось и сдвинулось», но я, откровенно говоря,

вне общего динамического состояния, которое мне представляется продолжающимся и неослабевающим, никаких признаков «нового» движения не вижу. Вы ближе к театру действий и, вероятно, видите больше людей, бывших недавно в России. Что слышно и как Вы по этому вопросу думаете? Какое значение придаете Вы акту местоблюстителя патриаршего престола? Какая связь между новым Синодом и живой церковью?³ Правильно ли господствующее здесь мнение, что французы определенно не желают плыть в кильватере с английской политикой по отношению к России и потому будут особенно осторожны в том, чтобы в своих действиях в отношении Советов не создать впечатления о солидарности и единообразии действий? Какую роль в этом сыграло отношение к Китаю? Думают ли у вас, что китайское национальное движение в его южной фазе пришло к концу и что будущее сейчас лежит либо в возможности объединения Китая под властью одного из северных генералов, либо, и вернее, в фактическом разделе единства поднебесной империи и более или менее продолжительном и признанном сосуществовании отдельных правительственных групп. Кстати, если Вы перечтете мои прошлые письма, Вы убедитесь, что мои ощущения и прогнозы относительно Китая оказались довольно правильными. Что слышно вокруг Вас об Италии? Как оценивают положение наблюдательные и умные французы? Okреп ли по-настоящему и усилился ли фашизм или наоборот – это внешнее затвердение с трещиной в основе.

Я не жду подробных обстоятельных ответов на все эти вопросы, но мне крайне ценны отдельные основные штрихи.

Еще один вопрос, который для меня болезненно невыясненный, – это вопрос украинский. Я чувствовал в прошлом году, что он очень обострился и явился орудием активных политических интриг для многих государств Европы. Как обстоит дело ныне и со стороны международно интриганской, и со стороны внутренних соотношений? Я до сих пор никак не могу привыкнуть к тому, что существует украинское движение. Моя мать старого полтавского, столетиями малороссийского рода. Я много жил в Малороссии и когда-то более или менее говорил по-хохлацки. Но «украинцев» никогда в глаза не видал. Я вполне готов признать, впрочем, всю наивность и недостаточность личного опыта в этом вопросе.

Ну, пока сердечно обнимаю Вас. Скажите милой сестричке, что я ей на днях напишу.

Ваш душевно

Б.Бахметев

P.S. Чуть не забыл Вас спросить о статье С.Д.Сазонова⁴. Как Вам понравилось его трактование вступления России в войну? Если Вы будете хранить молчание – а это Вы делаете очень хорошо, – скажу Вам по секрету, что на меня статья произвела тяжелое впечатление.

Весь мир сейчас с огромным напряжением занимается выяснением всяких деталей, касающихся начала войны, и, как Вы знаете, Германия сумела вселить довольно широко распространившееся мнение, что чуть ли не главным дипломатическим виновником была Россия. При отсутствии общественного мнения и свободного обсуждения в печати одни только близко стоявшие к делу государственные люди могли знать. Сазонов, мне кажется, недостаточно убедительно изложил положение. Дело ведь не в общих каких-то намерениях и направлениях политики, а в эпохе, непосредственно предшествовавшей объявлению военных действий. Напишите мне свое мнение. Просьба о «discretion»⁵ связана с хорошим, теплым чувством, которое у меня сохранилось к С.Д.Сазонову за его хорошее отношение к Вашему покорному слуге в тот период, когда я был мишенью всяческих нападков и объектом интриг со стороны всякой дряни, собравшейся вокруг Колчака и Деникина, в том числе со стороны бывших своих либеральных друзей и кое-каких сотрудников. Поэтому-то я особенно не хотел говорить что-либо обидное и больное про С<ергея> Д<митриевича>. Мне только жаль, что Россия не смогла с достоинством ответить на хитроspлетения немецкой пропаганды.

Б.

¹ Приписано на полях.

² Прокопович-Кускова Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова; 1869–1958) – политический деятель, публицистка. В 1890-е – социал-демократка, одна из идеологов и лидеров «экономистов»; с начала 1900-х участвовала в «освободительном» движении; на первом съезде партии кадетов в октябре 1905 была заочно избрана в ЦК, но войти в партию отказалась; выступала за блок всех левых сил, включая кадетов. Увлекалась кооперативным движением. Входила в женскую масонскую ложу. В период Первой мировой войны – на «оборонческих» позициях; после Февральской революции поддерживала Временное правительство, выступала против большевиков. В годы Гражданской войны – «нинистка» (ни Ленин, ни Колчак). В 1921 одна из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим. После разгона комитета арестована и вместе с мужем, С.Н.Прокоповичем, приговорена к расстрелу, от которого ее спасло заступничество Г.Гувера и Ф.Нансена. Сослана на Север, затем, в 1922, выслана вместе с мужем за границу. Жила в Берлине, затем в Праге, после оккупации Чехословакии Германией перебралась в Женеву. В 1920-е выступала против планов свержения большевизма вооруженным путем, считала возможным «изживание» его мирным путем в условиях нэпа. Маклаков и Бахметев многие годы состояли с ней в переписке.

³ Речь идет о Декларации заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (в миру – Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944) от 20 июля 1927 о лояльности Церкви по отношению к советской власти; тогда же Сергей единолично сформировал Синод.

⁴ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – дипломат, министр иностранных дел России в 1910–1916; после Февральской революции назначен Временным правительством послом в Лондоне, однако к своим обязанностям приступить не успел. Возглавлял внешнеполитические ведомства в правительствах А.В.Колчака и А.И.Деникина; член Русского политического совещания и Русской политической делегации в Париже. Бахметев рассуждает о статье Сазонова «Вступление России в мировую войну» (Современные записки. 1927. Кн.32).

⁵ *discretion* (англ.) – осторожность.

12. Б.А.Бахметев – В.А.Маклакову

Boris A. Bakhmeteff
250 West 58-th Street
New York
29 ноября 1927 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Через С.И.Докучаева получил Ваше блестящее предисловие к французскому изданию Показаний государственных людей старого режима перед Чрезвычайной Следственной комиссией Временного правительства¹.

Как всегда, преклоняюсь перед Вашим талантом и жалею, что у меня нет и десятой части Вашей способности логически мыслить и так ясно и последовательно излагать свою точку зрения. В одном, мне представляется, Вы совершенно правы: в убудочной психологической почве, на которой велось все дело и где из огромного политического казуса юристы, заседавшие в Комиссии, создали маленькую юридическую мышь. Вы с необыкновенной остротой подметили основной подход к делу, в результате чего показания следственной комиссии хотя, конечно, и обладают известной исторической ценностью, тем не менее представляют мало политического и, я ска- зал бы, исторического интереса.

Что касается изложения или, вернее, оценки Вами событий, то здесь я сказал бы так: трудно более сжато и выпукло рассказать внешнюю повесть событий. Однако в оценке происшедшего не могу с Вами везде согласиться. Здесь опять-таки, вероятно, играет роль то же различие тонкого и убежденного юриста и политика-практика. Думаю, Вы правы, настаивая, что момент, когда можно было остано- вить поток революционного разложения, был связан с начальным моментом революции. Другими словами, ключ лежал в той неделе, которая началась с момента неповиновения Думы и кончилась отрече- нием Михаила Александровича². Думаю, впрочем, что дело было не в юридической конструкции, а в фактической силе. Дума в тот

момент обладала огромным авторитетом, и встань она хотя бы на минуту на высоту решимости и сознания власти, она могла бы раздавить созданный на Выборгской стороне Совет и с армией, которая, по крайней мере на верхах, пошла бы с ней, создать устойчивый режим. Дума, однако, с первого момента стала на путь трепетания и испуга. Я ее не упрекаю в этом. По своему прошлому, по своему воспитанию, по привычке и образу мыслей Дума, как таковая, не могла дерзать. Она боялась и революции, и войск генерала Иванова³ и, упустив момент, дала возможность взять в руки положение тому, что потом стало называться «революционной демократией». Я думаю, что уже в момент отречения время было упущено, и представители Думы настаивали на отречении не потому, что они не хотели Михаила Александровича, а потому, что, правильно или неправильно, они были убеждены, что ему не удержаться.

Вы все время говорите о революции и революционерах как о каком-то определенном откристаллизовавшемся факторе. Другими словами, по-вашему, в России был как бы старый режим, либералы и революционеры. Мне кажется, что наиболее существенным во всех развернувшихся событиях от февраля до октября был именно тот факт, что революции никто не сделал: ни революционеры, ни либералы. Февральские события развернулись случайно. Вначале это была вспышка темной, бунтарской, деморализованной и недисциплинированной солдатни. Думаю, что никто из сознательных и организованных революционеров не рассчитывал и не пытался вызвать революцию. Думаю даже, что большинство революционеров было так же испугано, как и либералы. Солдатский бунт начался на почве общего психологического состояния России, вызванного усталостью от войны и разложения вокруг трона. Не знаю, что дало толчок образованию первого Совета. Думаю, что это произошло не преднамеренно, а опять-таки в силу прецедента 1905 г.⁴ — просто потому, что никому с левой стороны не рисовался какой-либо другой определенный план. Думаю, что в смысле организации и способности сопротивления Советы в течение первых нескольких дней были очень слабы и их мог раздавить один полк или рота юнкеров, если бы у Думы или у зародыша Временного правительства хватило смелости дать приказание пойти и разогнать взбунтовавшуюся солдатню.

Конечно, не надо забывать, что над Думой висела угроза справа и что, по существу, от войск генерала Иванова ее защищал только факт солдатского бунта. Думаю, что неорганизованная и темная сила, которая прорвалась в феврале и смела царский режим, была той самой непрекращающейся стихией, которая нашла наконец полное свое выражение в большевизме. Опять-таки здесь дело не в коммунизме, не в каком-то сознательном руководстве, а в готовности большевиков плыть по революционному течению и открыто провоз-

гласить желательный черни лозунг: «все дозволено» и «грабь награбленное». Чернь, по существу, всегда опаслива, и гениальность большевистской демагогии заключалась именно в том, что нашелся такой человек – Ленин, – который не побоялся исторической ответственности, который санкционировал желание черни и провозгласил лозунг, который отвечал энергии и порыву столетиями накопившейся социальной ненависти и темной зверской злобы. Мне кажется, что простая истина, что февраль и октябрь, по существу, то же самое и что Временное правительство инцидент, – до сих пор не ясна большинству наших соотечественников. В этом свете нет существенной разницы между тем, что Вы относите к разряду революции, т.е. организованными левыми партиями эс-эров и меньшевиков, и более либеральными группировками. По существу, Авксентьев и Милюков; Чхеидзе и Винавер не так сильно отличаются друг от друга. Это люди той же культуры, тех же более или менее умственных и политических навыков. Между ними разница такого же порядка, как между Болдвинном и Макдональдом, или между Пуанкаре и Эррио⁵. Я имею в виду именно тех «революционеров», который являлись представителями старых революционных партий в Думе, во Временном правительстве, а в прошлое время в эмигрантском подполье. Большевики от них отличаются прежде всего темпераментом. Это люди, на которых традиции, закон, культура не накладывают ограничивающих рамок. Между ними и «революционной оппозицией» лежит бездна кровожадных и непосредственно разрушительных инстинктов. Фатум революции 1917 года в том, что ее фактически делали темные массы. По существу, это была банда черни, которую как либеральная, так и революционная оппозиция пыталась удержать в рамках государственности.

Буйные страсти черни коренятся в социальной ненависти, которая накопилась веками русской жизни. Эта ненависть постепенно изживалась той конституционной эволюцией, которая характеризовала Россию собственно с <18>61 года, но особенно с 1905 года. Процесс, происходящий сейчас в России, – борьба жизни с самовластием большевиков – есть та же борьба страны с теснинами старого режима. Вы говорите о либеральной империи. Прекрасная, увлекательная мысль, но подобное течение истории могло бы быть декретировано лишь сверху. На этот путь вначале вступил Александр II. Но все несчастье русской жизни заключалось в том, что верхи сопротивлялись жизни, а не творили ее или, по крайней мере, не участвовали в ее творении, как это часто делала, скажем, английская монархия. Вот в этом систематическом отказе уступать требованиям жизни и заключалась причина, почему, как Вы справедливо пишете, все умеренные выступления нашей либеральной оппозиции невольно окрашивались в революционный цвет. Провал Столыпина⁶ или

реакция 1916 года, после того как страна, вопреки правительству, восстановила свою боеспособность и позволила растерявшейся в 1915 году власти снова взять бразды правления, — как нельзя лучше характеризует истинную природу бюрократической диктатуры, которая у нас господствовала.

Тем не менее конституционная эволюция шла огромным ходом, и мне кажется, что в исторической перспективе Вы недооцениваете того, что сделала Дума, особенно 3-я и 4-я. Дело опять-таки не в формальных законах, а в том изменении практики и уклада общественной жизни, которое слагалось под знаком присутствия и функционирования Думы. Вы пишете о необыкновенном экономическом развитии в промежуток между революцией 1905 и <19>17 гг. Этого мало: Россия неузнаваемо двинулась вперед в культурном отношении; и дело не в одном законодательстве Думы, плодотворная и суммарная ценность которого может быть смело сопоставлена с самыми успешными периодами любого иностранного парламента; дело в том складе жизни, который постепенно укреплялся. Сравните 1903 год с 1913-м, последним перед войной, когда в Думе заседала социалистическая группа с большевистской фракцией, законом охраняемая в смысле неприкосновенности личности и свободы слова. Обстановка, в которой работали политические партии, фактически почти полная свобода печати, — все это показывает те семимильные шаги, которыми шла Россия по пути созидательного прогресса. Народное просвещение, общее улучшение народного благосостояния и энергичный процесс перехода удобных помещичьих земель в крестьянское владение изживали как социальную ненависть, так и остатки аграрного вопроса, поскольку они существовали.

«Крестьянский вопрос» тоже, вероятно, был бы разрешен в течение нескольких лет вместе с другими сословными пережитками. Тут пришла война. Возникает вопрос: могла ли Россия выдержать то напряжение, которое требуется от страны современными условиями военной конъюнктуры? С одной стороны, я прямо отвечаю: народный взрыв, который принял формы большевизма, есть прямое последствие войны; результат тех моральных и материальных сдвигов, которые во всякой стране вызываются продолжительной и тягостной военной обстановкой. Фукидид об этом хорошо писал в применении к Корцире⁷. Вся Европа переживала военное разложение. Читайте Людендорфа⁸, и Вы увидите, что Германия потеряла войну преимущественно по тем же причинам, по которым рушилась Россия.

Вместе с тем я твердо убежден, что Россия могла войну выиграть и что революция не была неизбежной⁹. Вообще, чем больше я живу и чем больше читаю историю, тем больше убеждаюсь, что неизбежности исторической почти не существует. Есть, конечно, во всех явлениях глубокие причины, которые потом в свете совершившегося

находят и объясняют историки; но фактически течение событий в большинстве случаев зависит от совокупности конкретных случайных обстоятельств. Беда России была прежде всего в том, что мы имели совершенно негодное командование. Это был не только вопрос снабжения, хотя я до сих пор не нашел ответа, как наше военное управление могло вести весной 1915 года наступательную войну в Карпатах, когда в мае того же года мы были вынуждены встретить немецкий удар у Горлиц с пустыми руками¹⁰. Снабжение было прескверное, но еще хуже было командование – командование в широком и узком смысле. В узком смысле – абсолютное неумение координировать действия армий и даже корпусов, благодаря чему мы проиграли Восточную Пруссию и Польшу. Почитайте Головина, Людендорфа, Гофмана¹¹, и Вы не можете вынести другого убеждения, что наш Генеральный Штаб был главной причиной наших неудач. Высшее командование есть задача сочетания операций армии с режимом тыла. Это касается и материальной стороны снабжения, и равно национально-духовной стороны – заботы о поддержании морали и духа нации в целом. Последняя задача – одна из наиважнейших. У нас ее не понимали ни правительство, ни командование. Людендорф многократно настаивает, что в Германии этого также не понимала власть, хотя (по крайней мере, в ретроспективном изложении) необходимость эта ясно учитывалась командованием. Конечный успех демократических стран – Франции и Англии – прежде всего объясняется полным и ясным сознанием этого первостепенного обстоятельства правительственной властью. Клемансо и Ллойд Джордж ковали победу не только на заводах, изготавливающих пушки и снаряды, но прежде всего в сознании, в морали страны¹².

Трудно было ожидать дисциплины и энтузиазма от страны и армии, прошедшей 1915 и <19>16 гг., и тем не менее я продолжаю утверждать, что Россия – армия и страна – в том облике и в том состоянии, в котором застал ее конец 1916 года, была еще в состоянии вынести хотя бы полупассивное участие в общесоюзном действии, если бы этот момент не был трагически омрачен той обстановкой, которая сложилась в то время у престола. Старый режим имел, конечно, много недостатков, но никогда не падал до того уровня, который отличал характер власти распутинского периода. Россия была наказана тем, что в минуту тягчайших исторических испытаний во главе династии не стоял Александр III, Александр II, Николай Павлович¹³, – одним словом, любой из предшествующих императоров. Как Вы справедливо замечаете, будь Столыпин вместо Горемыкина, Штюрмера и пр<очих>¹⁴, картина была бы иная. Вот почему в конечном суждении приходится признать, что непосредственной причиной, которая привела Россию к такой трагической развязке, явилось то смятение и разложение, которое в совершенно исключитель-

ном, случайном и вовсе не необходимом порядке отличало историческую власть в конце войны.

Хотел написать Вам лишь два слова, приветствуя Вашу брошюру, а написал длинное и, вероятно, ненужное рассуждение о причине российских бедствий. Я очень много размышляю о том, была ли неизбежна революция и военная разруха, хотя и сознаю, что вопрос этот праздный и не имеющий практического значения. При всей его никчемности, вопрос этот имеет значение главным образом в том, что до сих пор большинство людей, которые участвовали в войне и ее проиграли либо на полях битвы, либо в бюрократических кабинетах, не понимают, в чем была суть дела. До сих пор я также совершенно не замечал со стороны нашей либеральной мысли созидательного анализа причин, приведших к катастрофе, анализа, который помогал бы сколько-нибудь осмыслить будущее и избежать ошибок прошлого.

Пока всего лучшего. Крепко Вас обнимаю.

Е<лена> Н<иколаевна> Вам, как всегда, кланяется.

(По-моему, она к Вам расположена не по заслугам!)

Искренно Ваш

Б.Бахметев

¹ Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих, высших должностных лиц армии и флота работала с марта по октябрь 1917. Председателем комиссии был известный московский адвокат Николай Константинович Муравьев (1870–1936). Материалы деятельности комиссии опубликованы в кн.: Падение царского режима. Т.1–7. Л.; М., 1924–1927. Извлечения из материалов комиссии, с предисловием Маклакова, были опубликованы по-французски в одном томе. См.: *La chute de regime Tsariste. Interrogatoires des ministres de la Cour Imperiale Russe / Preface de V.Maklakoff. Paris, 1927.*

² 25 февраля 1917 г. был издан царский указ о перерыве занятий Государственной Думы до апреля месяца; однако на частном совещании членов Государственной Думы, т.е. фактически ее неофициальном заседании, был 27 февраля образован Временный комитет Государственной Думы, в ночь на 28 февраля принявший решение «взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». 3 марта 1917 великий князь Михаил Александрович, в пользу которого отрекся накануне от престола Николай II, отказался принять власть. Впрочем, отказ был мотивирован условно, и Михаил соглашался «воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего», выраженная Учредительным собранием.

³ Иванов Николай Иудович (1851–1919) – генерал от артиллерии. В Первую мировую войну – командующий Юго-Западным фронтом (до 1916). Командовал войсками, направленными по приказу Николая II в Петроград

для подавления Февральской революции; однако до Петрограда так и не добрался. В 1918 командовал армией у атамана П.Н.Краснова.

⁴ Советы рабочих депутатов впервые возникли в период революции 1905–1907 гг. Во главе наиболее влиятельного – Петербургского – стояли Г.С.Хрусталева-Носарь и Л.Д.Троцкий.

⁵ Бахметев сопоставляет лидеров эсеров Н.Д.Авксентьева и кадетов – П.Н.Миллюкова, меньшевиков – Н.С.Чхеидзе и кадетов – М.М.Винавера, полагая, что их соперничество могло бы проходить в столь же цивилизованных формах, как между лидерами консерваторов С.Болдуином и лейбористов Р.Макдональдом в Великобритании или умеренных республиканцев Р.Пуанкаре и радикалов Э.Эррио во Франции.

⁶ Говоря о «провале» Столыпина, Бахметев подразумевает незавершенность его главного дела – аграрной реформы.

⁷ Бахметев ссылается на книгу древнегреческого историка Фукидида (ок. 460 – 400 до н.э.) «История», посвященную Пелопонесской войне; Фукидид показывает, что длительная война, в особенности междоусобная, как это было на Корцире (Керкире, совр. название – Корфу), приводит к переоценке всех социальных ценностей, моральному разложению, «вырождению» человеческой природы.

⁸ Людендорф Эрих (1865–1937) – немецкий генерал, в годы Первой мировой войны – начальник штаба 8-й армии, затем Восточного фронта; с августа 1916 по октябрь 1918 – генерал-квартирмейстер верховного командования, фактически – командующий. В 1922 вышли его двухтомные воспоминания; в рус. пер.: Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т.1-2. М., 1923–1924.

⁹ Подчеркнуто В.А.Маклаковым.

¹⁰ 19 апреля (2 мая) 1915 крупные австро-германские силы под командованием генерала А.Макензена прорвали фронт 3-й русской армии, в результате чего весь русский Юго-Западный фронт был вынужден начать отступление. Горлицкий прорыв привел к тому, что русские войска оставили в мае–июне 1915 Галицию.

¹¹ Бахметев, очевидно, имеет в виду книги русского военного историка генерала Н.Н.Головина «Из истории кампании 1914 года на русском фронте» (Прага, 1925; наиболее полное издание – Т.1-4. Париж, 1926–1940) и немецкого генерала М.Гофмана «Война упущенных возможностей» (в рус. пер. – М., 1925).

¹² Жорж Клемансо и Дэвид Ллойд Джордж, возглавлявшие военные кабинеты соответственно Франции и Англии в годы войны, сумели стать полными национальными лидерами; беда России, по мнению Бахметева, заключалась в том, что у нее в наиболее тяжелый период такого лидера не оказалось.

¹³ Николай I (1825–1855).

¹⁴ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), председатель Совета министров с января 1914 по январь 1916, и Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), сменивший его на этом посту, по своим интеллектуальным,

волевым, да и чисто возрастным данным явно не соответствовали занимаемому посту, во всяком случае, в период войны; до Февральской революции в кресле премьера успели побывать еще Александр Федорович Трепов (1864–1928) – ноябрь–декабрь 1916 – и кн. Николай Дмитриевич Голицын (1850–1925) – с декабря 1916.

13. В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву

Париж,
19-го декабря 1927 г.

Дорогой Борис Александрович,

За мной давно не наблюдалось такого греха, чтобы приходилось отвечать сразу на два Ваших письма; тут действительно есть часть и моей вины; все последние дни я собирался Вам ответить, и при этом по двум пунктам; во-первых, хотел писать Вам о Вашей книге¹, а во-вторых, кстати хотел авансом представить апологию своей, я предчувствовал, что Вы должны ее ругать скверными словами; между прочим, это была причина, почему я ее Вам не выслал с августа месяца, когда она была напечатана; я хотел послать ее с особым предисловием, написанным специально по Вашему адресу, чтобы помочь Вам ее переварить или, по крайней мере, заслужить смягчающие вину обстоятельства. Но времени для написания такого предисловия к Предисловию у меня не нашлось; я послал Вам его с Докучаевым, но приученный Вами к большой медлительности ответов, никак не ждал, что так скоро получу Ваш ответ; как только что сказал, я собирался предварить этот отзыв своим объяснением, но только сейчас вышел из некоторых срочных работ, да и то не вполне, и начинаю как всегда отрывистую диктовку моего очередного письма.

Но буду сначала говорить о своей книге.

Вы оказались ко мне гораздо милостивее, чем я ждал; более того, в общих чертах я готов с Вами согласиться; но, может быть, оттого и так рельефна разница между мной и Вами, которая сопровождает всю нашу переписку. Я не думаю, чтобы Вы формулировали эту разницу верно, называя меня юристом, а себя политиком и практиком; или, во всяком случае, эта формулировка не полна. Это свойство скорее производное, чем основное.

Но к этому я еще вернусь, когда буду говорить о Вашей книге. Сейчас же представлю только свои оправдания.

Первое оправдание заключается в том, что мое Предисловие ведь и должно было быть только предисловием; предполагалось, что оно будет заключать от одного до двух печатных листов; лишь в процессе писания оно стало разрастаться; я стал захватывать новые области, прежний стройный план развалился, и, конечно, получилось нечто в целом неудобочитаемое. Поэтому все упреки, которые мне

часто делают, что та или другая сторона вопроса не затронута или затронута мало, все эти упреки совершенно справедливы, и мне остается только просить снисхождения. Так вот Вы говорите, что я не оценил значения 3-й и 4-й Думы; не далее как вчера меня за то же самое упрекал Львов²; однако на странице <пропуск в тексте> Вы можете найти несколько строк, которые защищают 3-ю Думу против банальных упреков наших либеральных кругов; из них Вы увидите, что в этом пункте я с Вами совершенно согласен, но что эту сторону я не развил, это, может быть, моя вина, которая объясняется тем, что и без того Предисловие вышло чересчур длинным.

Но вместе с тем в выборе материала, так сказать, тех мишеней, по которым я стрелял, играл роль не столько интерес самого вопроса, сколько соображения личного характера. И это необходимо понять и усвоить, чтобы судить о самом Предисловии. Несмотря на кажущуюся его объективность, оно имеет полемический характер; от себя я этого не скрываю. Зачем я вообще его написал; не из-за денег, не из любви к писанию; даже не мог бы привести в свое оправдание слова Герцена: «У всякого человека, равнодушного к истине, есть слабость ее распространять». Причина для меня более личная; я стал писать простое Предисловие, интересное даже исключительно с точки зрения юридической, но поневоле касался тех жгучих вопросов, в которых мне самому пришлось действовать и разбираться; и в эти моменты у меня был соблазн оттенить с полной искренностью свою собственную позицию. Ведь завтра меня может раздавить автомобиль, и для тех, кто стал бы мною интересоваться, обо мне останется воспоминание только о том, что я был кадетом и, следовательно, как полагается, держался на все кадетских взглядов, и мне просто хотелось показать, в чем я с этими взглядами не солидарен; ведь на все прошедшее в России есть установившиеся шаблонные точки зрения. Одни люди старого режима находят, что все было прекрасно, но откуда-то вышли революционеры и все испортили; есть другая точка зрения русского либерализма и правоверного кадетизма, что вся беда в том, что и их, кадетов, не послушались, что в <1>906 г. не создали кадетского министерства с Милюковым во главе, а в 1917 г. за ними не пошли революционеры. Вот это другое объяснение, на котором по сю пору стоит Р.Д.О.³ Есть, наконец, и объяснения социалистические, которых пока не касаюсь. Желая установить свою собственную точку зрения, я, может быть, перегибал палку в ту или другую сторону; и это довольно понятно, ведь мне нет надобности слишком усиленно открещиваться от понятий старого режима; мне не было надобности и отмежевываться от революционеров; кроме глупых и пристрастных людей, никто не смешает меня ни со старым режимом, ни с революцией; но все имеют право смешивать меня с Милюковым и вообще с кадетизмом. Оттого-то

более всего я и отграничивался от них, подчеркивал, в чем с ними расхожусь и в чем их считаю виноватыми; это чисто личная позиция усиливала оптический обман, заставляя думать, что я отношусь к ним наиболее враждебно; все это недоразумение; если я особенно настойчиво осуждаю их, то не только потому, что хочу от них отмежеваться, но и потому, что и считал и считаю, что именно они могли бы, если бы захотели, удержать Россию от разрушения. Этого не могли сделать ни революционеры, ни старый режим, а только русский либерализм, и этого сделать не захотел.

Вот в этом пункте для меня, к моему удивлению, обнаруживается некоторое несогласие с Вами. На странице 7-й Вы пишете, что Россия могла войну выиграть и что революция не была неизбежна. Здесь пункт нашего сближения. Если Вы в настоящее время начинаете говорить с людьми, пришедшими к власти во время революции, и упрекать их за то, что дали России разрушиться, указывая их ошибки, то Вам неизбежно отвечают: «революция была неизбежна, никакая сила предотвратить ее не могла». Конечно, если это так, то бесполезно спорить о том, правильно ли заставили Михаила отречься, так как очевидно, что одно отречение Николая и замена его Михаилом еще не революция. Говоря о неизбежности революции, под ней подразумевают все то, что произошло если не до большевизма включительно, то, во всяком случае, включительно до всевластного Учредительного Собрания.

Раз Вы с этим не согласны и думаете, что революцию можно было избежать, то Вы должны поставить вопрос, в какой же момент ее можно было остановить. Более того, нужно спросить, каков этот последний момент, после которого все погибло. Я отвечаю себе, что этим моментом, предпрешившим крушение России, было отречение Михаила. До него, до февральских дней, все было исправимо. После всего остановить ход событий было уже нельзя; если Вы даже не согласитесь с этим, то в отречении Михаила сказался кульминационный пункт торжества революции, т.е. отход от легальных путей, сход с рельсов; конечно, дело не в личности Михаила и, пожалуй, даже не в монархии; дело в упразднении конституции, в уничтожении всякой легальной основы для дальнейшей государственной деятельности; с момента отречения Николая нельзя было говорить о том, что закон и что не закон; можно было только по инерции держаться старых норм и людей, как мы за границей после большевиков стали держаться прежних послов и консулов. Мой главный упрек нашим либералам и был в том, что этого они вовсе не поняли и что с такой легкостью отреклись от громадной силы, которая могла именно дать видимость законного порядка и привычное представление о законной власти.

Впрочем, не стоит Вам все это рассказывать; с этим Вы как будто согласны; речь идет только о том, можно ли кого-нибудь за это винить.

Из всего этого предисловия ясно, что я вообще отдельных лиц ни за что не виню; все русское общество было развращено старым порядком; в виде реакции против того, что ему внушалось, это общество отворачивалось от самых необходимых и нужных основ всякого государственного порядка; я сам подчеркиваю, что другим наше общество и не могло выйти из школы самодержавия, а конституционный опыт был слишком короток. Я в это время наблюдал то, что творилось в России; я помню, как те самые люди, которые сейчас вешают <пропущено слово> не только на Керенском, но и на Миллюкове, все-таки ребячески наивно надеялись и радовались, что все обошлось так хорошо; а самая масса не руководителей, а обывательская масса положительно не боялась и не сомневалась в успехе; это уже был залог того, что дело непременно кончится катастрофой.

Но я тут же оговорюсь: окончится катастрофой не потому, что катастрофа была неизбежна, а потому, что никто с ней не боролся; ведь то общество, которое было в России, воспитанное самодержавием, оно по существу своему требовало, чтобы им кто-нибудь управлял; рассчитывать с его стороны на активность, на благоразумие, на умение создать власть и ей подчиниться, на ограничение собственных appetites и разнузданности — было немыслимо; это свойство само собой не дается, а прививается только жизненной школой. Но потому-то в этот момент этим обществом можно было управлять; ведь это то же общество, которое когда-то бесновалось от восторга перед Николаем, потом перед Керенским, позднее перед Лениным и т.п. Нужно было только говорить с ним языком власти, во имя тех начал, которые ему не были чужды. И идея войны до конца, свободного парламентаризма, экономического расцвета и т.п. и т.п., все те идеи, которые составляют сущность всякой либеральной программы, все они вовсе не потеряли своего обаяния, если бы только их умели использовать. Это и было задачей наших либеральных вождей. Я предпочитаю думать, что она вовсе не была исполнима; Вы представьте себе эту картину, Михаила, который манифестом объявляет не только конституцию, но и парламентаризм; популярные общественные имена, которые являются перед Думой с программой всенародной войны, покуда она длится, и преобразованием России после войны; подумайте, какие бы здесь были восторги по адресу этого правительства и насколько была бы понята и одобрена самозащита такой власти против уличных беспорядков, социалистических экспериментов, словом, против революции. Ведь Советам рабочих депутатов пришлось бы требовать революции; а нашим либералам говорят, что революция уже окончена и что они защищают новый строй, и на защиту этого нового строя пошел бы весь старый государственный аппарат. Вот то, что нужно было сделать в этот момент тем ответственным людям, которые сочли себя вправе взять власть.

В своем предисловии я, как Вы видите, их не виню, скорее, их оправдываю, слагая всю вину на общественность; но это с моей стороны, пожалуй, тактика; по существу я их жестоко осуждаю за их личную бездарность в этот момент, я не могу от каждого человека требовать, чтобы он стал исторической фигурой; это тоже дано не всякому, но те, кто на это не способны, и не должны лезть на первое место и своими руками разламывать существующий строй. Ведь 2 марта они его разломали и взялись управлять сами; и вот эту претензию, в связи с явной их неспособностью, я и осуждаю, особенно тогда, когда вижу, что они продолжают быть собой довольны. Ведь я опять наблюдал то, чего Вы не видели. Я отлично помню, как уже после 2 марта я делал вместе с другими, в том числе Аджемовым⁴, попытки найти связь с прошлым, хотя бы в лице Государственной Думы, сохранить ее, как стержень, и помню, как Милюков высокомерно это отвергал. Для меня ясно, что у них самих закружилась голова; что они приняли аплодисменты своих сторонников за историческое оправдание своих претензий. Потому-то те люди, которые еще несколько месяцев тому назад искренно боролись с революцией, вдруг стали ее слугами, и ведь тут был элемент предательства и с их стороны; читаете ли Вы «Красный архив»? На меня производит страшное впечатление разговор по прямому проводу военных начальников с новым правительством⁵. Ведь эти военные начальники, которые поставили весь фронт к услугам нового правительства, делали это в силу своей веры в серьезность слова тех людей, которые стали у власти; веры в искренность их программы и серьезность их планов; поистине страшно читать, с какой наивностью эти военачальники напоминают нашим политическим деятелям: что же вы делаете, как же согласовать то, что вы сейчас делаете, с тем, что вы вчера говорили, и слышать в ответ жалкий лепет оправдания, ссылку на то, что волна захлестнула, что момент пропущен и т.д. Один из самых загадочных вопросов нашей революции – это отсутствие всякой защиты старого порядка; но ведь в исключительной мере повинны именно те, кто стали у власти, выйдя из рядов лояльной оппозиции, а не революции; ведь для сторонника старого порядка после 2 марта защищать этот порядок значило бы идти и против старшего представителя династии Михаила, и против правительства, вышедшего из среды Думы, и против популярных имен русского либерализма. Идти против них значило бы идти во имя настоящей старины – Союза Русского Народа⁶, чего никто не хотел; это был оптический обман, который получился только оттого, что истинные вожди либерализма не только отказались от своей программы, но и прикрыли своим флагом революционную армию. Подумайте на минуту, если бы русский либерализм даже не стал бы во главе движения против революционеров, отказался бы взять власть в тех условиях, при которых

революционеры ее навязывали, и этим создал бы правительство Чхеидзе и Стеклова⁷, так как и Керенский в этих условиях едва ли пошел бы. Разве тогда армия оказалась бы на стороне революции и не нашлось предприимчивого военачальника, который, как Вы правильно пишете в своем письме, разогнал бы все Советы. Но русский либерализм не захотел рискнуть соединиться со старым порядком, против революции, т.е. пойти на самую привычную и естественную комбинацию, с той только разницей, что теперь он стоял бы во главе власти, а старый порядок дал бы ему одни технические силы, и, не захотев этого, он не захотел даже отойти от неизбежной схватки, а весь свой моральный вес, как оппозиции, поставил на весы революции. Всего этого я не говорю в своей статье, но эти слова должны Вам объяснить тот угол зрения, которым я смотрю на наше прошлое.

Вы совершенно правильно указываете, что я не расчленяю понятия о революции; я даже хотел бы это сделать, но почувствовал, что тогда мое предисловие вырастет еще вдвое; но дело в том, что передо мной стоял не столько вопрос о программах, сколько вопрос о путях; и либеральную программу можно было осуществлять путем революции; и социалистический идеал можно мыслить в эволюционном процессе. Передо мной была только тактическая разница; между людьми, которые хотят эволюции, т.е. сохранения порядка и законности, и людьми, которые топчут ногами эту законность, которые хотят непременно перерыва, того перерыва в развитии жизни, который Вы сейчас предвидите в советской России. То, чего Вы хотите в ней и что Вы в ней предвидите, того с необычайным легкомыслием и хотели и предвидели и у нас все те революционеры и полуреволюционеры, к которым можно причислить даже и либералов. Россия переживала в качестве наследия прошлого самое опасное настроение; нелюбовь к своим порядкам, отсутствие веры в возможность через них чего-нибудь добиться, т.е. как раз то, чего нет в Америке, что непонятно американскому гражданину, с его уважением к своей стране и к своей власти. Пусть это наследие прошлого, тем хуже; ибо при таком настроении разрушение существующего порядка непременно приводит к катастрофе, которая на полдороге не остановится. И чем яснее было, до какой степени идея революции популярна в России, тем более долг не-революционеров был в том, чтобы держаться за существующий порядок и не дать ему развалиться.

Я и так написал о своей книге больше, чем хотел, перехожу теперь к Вашей, но поневоле уже вкратце.

Собственно о самой книге мне писать и не стоит; особенно с тех пор, как Вы сами связали ее с нашей перепиской, ибо с моей стороны не будет нескромностью узнать себя в Вашем европейском друге. И мне хочется сказать не столько о книге, сколько о Вас самих, вер-

нее, о той Вашей позиции, которая делает обмен мыслей с Вами исключительно интересным. Скажу к слову, что я Ваше письмо получил в тот день, как у меня завтракал Н.Н.Львов; он сам собирался писать о моем Предисловии, и я ему показал Ваше письмо; я мог на нем убедиться, до какой степени оно интересно, и Львов потребовал от меня, чтобы тоже в печати использовать; думаю, что если это делать, Вас не называя, то с Вашей стороны препятствий не будет. Но я бы ничего не имел против того, чтобы можно было Вас назвать; между прочим, предупреждаю Вас, что ему очень хочется заманить Вас в сотрудики «Возрождения»⁸.

Я думаю, что Вы не совсем правильно ставите вопрос, когда, противопоставляя меня и себя, Вы характеризуете меня словом «юрист», а себя словом «политик». Разница между нами гораздо глубже и, добавлю, гораздо интереснее. Я не могу ее иначе определить, как то, что я и мы все, несмотря на различие между собой, мы люди старого порядка и воспитания, и Вы единственный между нами, которого можно называть человеком нового строя мыслей и вообще новой эпохи. Я вспоминаю, как в одной из своих думских речей я показывал, насколько старая правительственная власть похожа на русских революционеров; я сравнивал их с негативом и фотографией; они друг друга создали и друг друга стоили. Но ведь все это можно сказать не только о революционерах, но почти обо всей русской общественности. Она боролась с властью в деталях, стояла на тех же самых позициях идеологии, на которых стояла и самая эта власть. Мы одинаково были этакристами, и вся разница между нами была в том, что для одних власть должна была принадлежать правительству, а для других парламенту; мы одинаково хотели сильной центральной власти и с большим пренебрежением относились к индивидуальным правам. Оттого-то мы с такой легкостью усвоили программу принудительного отчуждения земли у части ее собственников. Власть нетерпимо относилась к сепаратным идеям и либеральным людям; мы с такой же нетерпимостью обрушивались на всех прикосновенных к существующей правительственной власти. Мы не признавали права за национальностями и, когда власть попала в руки Временного правительства, без особых церемоний расправились с Финляндской конституцией⁹. Я скажу Вам больше: мы не только были заражены идеями великодержавной России, но были заражены чувством собственника, который не мог мириться с сокращением его владений, если они даже не нужны, и с превращением централистического государства в союзное. Я бы мог еще продолжать перечень нашего сходства, при котором наша борьба с правительством превращалась в борьбу за детали, за власть и за некоторые полезные видоизменения, но в рамках существующего строя. Я в этом, в сущности, не каюсь; напротив того, в том, что мы умели

становиться на позицию старой русской власти, я видел не только признак нашей государственной зрелости и умения сохранить преемственность традиций, как и лучший ответ тем, кто нас упрекал в этатизме, в пренебрежении к интересам России, в отвлеченности и т.п. Такими мы выросли, такими мы, в сущности, остались; и потому-то, когда у нас отняли это старое русское государство, мы его так безутешно жалеем; и если Вы заставили бы всех деятелей этого старого времени выражать откровенно свои пожелания, то они ничего другого и не пожелали бы, как возвращения к прежней обстановке, конечно, *mutatis mutandis*, но все-таки же возвращение к старинным государственным понятиям. И вот Вы с этой точки зрения среди нас являетесь настоящим революционером, притом не революционером-утопистом; но Вы не утопист-революционер именно потому, что Вы настоящий революционер до конца, а большинство революционеров старого порядка были его прямым созданием, оттого-то Вы, в сущности, и не жалеете старой России, как и не жалеете всего старого мира. Вы с необычайной легкостью отбрасываете, как чужое, всю европейскую идеологию, европейский этатизм, миритесь со слабостью власти и даже ее приветствуете, переносите центр тяжести на личную инициативу и не жалеете ни об утрате государственной властью своих прежних прав над частями этого государства, ни над необходимостью примириться с растратой нашей территории, которую нам вознаградит добровольное сотрудничество с другими государствами и вообще с мировой экономикой. А пример Америки, в которой Вы живете, придает Вашему революционерству характер чего-то практически достижимого. С этой стороны Вы настоящий продукт той идеологии, которую создала война, ее отрицательной части в разрушении старых кумиров; в Вашем лице, действительно, идет что-то новое, для нас столь же неожиданное, сколь неожиданно вышел из Вашего воображения и весь новый американский мир. Я не сомневаюсь, что в этом Вы правы; мне достаточно было поговорить с Керенским, чтобы видеть, как и его захватила американская атмосфера. Я думаю, что по мере того, как Европа будет загоняться в тупик, она начнет вздыхать по Америке. Но, во всяком случае, для этого нужно расстаться с целым рядом предрассудков и инстинктов, с которыми нам, людям старого мировоззрения, расстаться нелегко. От нас можно требовать, чтобы мы это понимали и с новым мирились. Но нельзя требовать, чтобы мы становились пророками нового; нам трудно выскочить из той скорлупы, в которой мы выросли. Когда мы спорим с Вами, мы часто, в сущности, говорим на разных языках; нам не о чем спорить, и наш спор кончается впустую. Я осуждаю старый порядок за те его недостатки, которыми он себя компрометировал и подвел себя к гибели. На этом месте я останавливаюсь; дальше мне идти не приходится. Мое соз-

нение не развилось до восстановления России на новых мировых началах. Вы же, как человек нового, на недостатки старого строя смотрите с высоты птичьего полета, как нечто для него неизбежное и необходимое; и, отбросив не одни недостатки, а весь старый европейский мир, Вы смело бросаетесь за установление тех новых устоев, на которых должна сложиться жизнь. Вот где главная разница между нами, в подходе к делу, и потому именно Вы, а не я и не мы все, — человек будущего; мы только реформаторы, а Вы революционер.

На этом я кончаю. Тороплюсь отправить письмо до субботы. Но Елене Николаевне передайте, что, в отличие от Вас, я нахожу, что она всегда обращала на меня слишком мало внимания, в былое время она мне предпочитала Шульгина, а теперь уже не знаю кого; может быть, Вас; Вам всегда везло.

¹ По-видимому, речь идет о брошюре Бахметева «The legacy of warfare» (Boston; New York: Houghton Mifflin company, 1927).

² Львов Николай Николаевич (1867–1944) — крупный землевладелец; видный деятель земского движения, член кружка «Беседа», один из создателей Союза Освобождения и Союза земцев-конституционалистов, в 1905 — партии кадетов. С 1906 — член ее ЦК. Депутат 1-й, 3-й и 4-й Дум. В 1906 вышел из партии кадетов, будучи несогласен с ее думской тактикой и программным требованием отчуждения частновладельческих земель. Осудил Выборгское воззвание. В июле 1906 — один из основателей Партии мирного обновления, впоследствии — прогрессист. Участник Белого движения, в 1919–1920 издатель газеты «Великая Россия», фактически денкинского, затем врангелевского официоза. С 1920 — в эмиграции.

³ РДО — Республиканско-демократическое объединение, которое конституировалось в 1924; в основе — демократическая группа Партии народной свободы (кадетов); основателем и лидером РДО был П.Н.Милюков.

⁴ Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1950) — юрист; член партии кадетов, в 1916 избран в ее ЦК. Депутат 2–4-й Государственных Дум. После Февральской революции — комиссар в Министерстве юстиции, член Юридического совещания при Временном правительстве. После Октябрьской революции — в эмиграции; жил в Париже, оказывая активное содействие Белому движению и играя посредническую роль между французским правительством и белым руководством. Возможно, Маклаков специально выделяет Аджемова, поскольку тот совместно с В.В.Шульгиным написал 2 марта текст Манифеста об отречении Николая II.

⁵ См.: Красный архив. 1927. Т.3.

⁶ Союз Русского Народа — организация черносотенцев в России в 1905–1917. В основе программы Союза лежала трехчленная формула: «православие, самодержавие, народность». Идеологии организации были свойственны крайняя реакционность, национальная и религиозная нетерпимость, антисемитизм.

⁷ Маклаков называет имена социал-демократов Н.С.Чхеидзе и Ю.М.Стеклова, поскольку они играли наиболее заметную роль в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в первые дни его существования.

⁸ Газета «Возрождение: орган русской национальной мысли» выходила в Париже с 1925 по 1936 как ежедневная; с 1936 по 1940 – как еженедельная. Последний номер вышел 4 июня 1940. В 1949 «Возрождение» начало выходить как журнал, до 1954 – раз в два месяца, с 1955 – ежемесячно. Владелец издания был нефтепромышленник А.О.Гукасов. Газета имела правое направление и постоянно полемизировала с милликовскими «Последними новостями». В 1925–1927 «Возрождение» редактировал П.Б.Струве; после его ухода с поста редактора вследствие конфликта с Гукасовым редактором стал Ю.Ф.Семенов. В 1949 «Возрождение» начало выходить как журнал, до 1954 – раз в два месяца, с 1955 – ежемесячно.

⁹ По финляндской конституции российский император являлся одновременно великим князем Финляндским; законника Маклакова в данном случае возмущает то, что финнам «сменили» форму правления, ликвидировав монархию, не спросив их самих; при этом как бы «само собой» предполагалось, что Финляндия будет следовать изменениям, происходившим в России.

ПЕРЕПИСКА ТЭФФИ С И.А. И В.Н. БУНИНЫМИ 1939–1948*

Публикация Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер

81. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <Конец сентября 1939 г. Париж>

Дорогая моя Верочка!

Поздравляю¹ и желаю от души всего лучшего.

Очень жалею, что не могу поцеловать и повидать.

Чувствую себя на редкость плохо, а уж я-то привыкла к плохому!

* Продолжение публикации полного свода переписки. Начало см. первый том «Диаспоры».

Авторы благодарят University of Leeds (Великобритания) и Columbia University (Нью-Йорк, США) за содействие настоящей публикации и предоставление доступа к письмам Тэффи, хранящимся в Русском архиве в Лидсе, и к письмам И.А. и В.Н. Буниных (№88, 91–92, 99, 102, 104, 110, 114, 134, 138, 143–144, 148, 150), хранящимся в Бахметьевском архиве.

Авторы считают своим приятным долгом добавить несколько имен к приводимому в первом томе «Диаспоры» списку коллег, которые оказали им ценную помощь при подготовке публикации: G.Bradley (University of Leeds), A.Brown (University of California, Davis), J.Edmunds (Pennsylvania State University), T.Gladkova (Тургеневская библиотека, Париж / Bibliothèque de Documentation internationale contemporaine, Nanterre), J.-C.Marcadé (CNRS, Paris), D.Riniker (Universität zu Basel), G. & R. Rothstein (University of Massachusetts, Amherst), M.D.Shroyer (Boston College); А.Ю.Галушкин (ИМЛИ, Москва), Е.М.Трубилова (ИМЛИ, Москва).

Авторы приносят Е.В.Ивановой (ИМЛИ, Москва) извинение за ошибку в указании ее фамилии в предыдущем списке.

Произведения (письма и другие тексты) Тэффи публикуются с разрешения Mme. Agnès Szydlowski.

Произведения (письма и другие тексты) И.А. и В.Н. Буниных публикуются с разрешения Ivan and Vera Bunin Estate.

Публикация и комментарии © Richard D.Davies and Edythe C.Haber, 2001.

С ужасом думаю о завтрашнем дне. Ну да что поделаешь: назвался Надеждою, полезай в кузов.

Всей душой с Вами.

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7171). Датируется предположительно.

¹ См. примеч. 1 к №6 об общих именинах Буниной и Тэффи 17/30 сентября.

82. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<7 октября 1939 г. Ванв>

Chère amie! Votre lettre m'a infiniment touchée.

Mon adresse est toujours la même. Je ne quitterai pas Paris¹ – je ne veux pas perdre le contact avec l'ambassade de Pologne pour avoir des nouvelles de mes enfants². Jusqu'ici il n'y en avait pas.

Ma santé n'est pas brillante. La névrite ne veut pas me quitter, les doigts ne bougent pas. Rien de gai dans mon existence. La rédaction a diminué nos honoraires de 25%³.

Je vous embrasse comme je vous aime de tout mon coeur.

Amitié à tous les vôtres.

N. Teffi

Перевод:

Дорогая подруга! Ваше письмо меня бесконечно тронуло.

Мой адрес все тот же. Я не уеду из Парижа – не хочу терять контакт с посольством Польши, чтобы получать известия о моих детях. Новостей о них до сих пор нет.

Мое здоровье не блестяще. Неврит не оставляет меня в покое, пальцы не шевелятся. В существовании моем нет никакой радости. Редакция сократила нам гонорары на 25%.

Обнимаю Вас, как и люблю, от всего сердца.

Шлю привет всем Вашим.

Н.Тэффи

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ MS.1067/7172). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Jeanette, Route Napoléon, Grasse, A<Ires->M<aritimes>. Бунины переехали из виллы Бельведер на виллу Жанетт 27 сентября 1939 и жили в ней всю войну до конца апреля 1945, когда вернулись в Париж.

¹ Ко времени написания №82 Тэффи уже переселилась в Ванв (см. №83 и примеч. 1 к нему, а также письмо от 7 октября 1939 к Валерии Грабовской. – БАРВК, фонд Тэффи).

² О проживающих в Польше дочерях Тэффи и о связи старшей дочери с польской дипломатической службой см. примеч. 2 и 4 к №46. В указанном письме от 7 октября 1939 к дочери Валерии (см. примеч. 1) Тэффи пишет о своем переезде в Ванв: «Pour le moment c'est la solution la plus raisonnable. Après – tout dépendra de toi. Si tu viens à Paris, si les circonstances changent, on s'arrangera autrement» («Это пока самое разумное решение проблемы. Потом – все зависит от тебя. Если ты приедешь в Париж <из Польши>, если обстоятельства изменятся, мы устроимся по-другому» – франц.). В письме от 2 ноября 1939 Зайцев сообщил Бунину: «К Тэффи приехала дочь, они вместе живут сейчас в кв<артире> Веры Рафаиловны <Мартыновой>. Но Валя со своими поляками (ясновельможными) уезжает в Angers...» (РАЛ MS.1066/5962; Новый журнал. 1983. №150. С.207).

³ См. примеч. 17 к №63 о сотрудничестве Тэффи в газете «Последние новости».

83. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

<Начало 1940 г.> Ванв

50 av<енуе> Victor Hugo,
Vanves (S<eine>)

Дорогая, родная моя душа Верочка,

Очень меня обрадовало Ваше письмо.

Я давно хотела написать Вам, но как-то так одичала, что даже письменное общение с людьми меня пугает.

Живу я в Vanves у дочери Евг<ениии> Ант<оновны>¹. Кошек своих отдала, п<отому> ч<то> негде было их держать. В квартире моей не топят, т<ак> ч<то> я за нее плачу, но пользоваться ею не могу.

Старшая моя дочь в Angers при новом министре, который ее знал и сам ее выписал². В Angers скучно ей, и масса работы. Вторая дочь в Варшаве, слава Богу, жива и здорова и, может быть, тоже приедет сюда – если захочет³.

Из общих знакомых никого почти не вижу. По четвергам в редакции⁴ вижу Алданова. Он немножко успокоился, а то был злоуще-мрачен, но говорит все то же самое. Как наговоренная граммофонная пластинка. Даже жутко. Веру Зайцеву вижу редко. Она все такая же пламенная и категоричная.

У Цетлиных были всей компанией + Вишняки⁵ + Вольфсоны⁶. Но это было еще в старом году. Вообще при нашем холоде и плохом сообщении трудно поддерживать светские отношения.

Я чувствую себя плохо. Все побаливает рука, пальцы не сгибаются, сплю плохо и тоскую даже во сне.

По слухам, цветет только Сирин. Работает запоем⁷.

Насчет Лоло⁸ скажу Перской⁹. Не знаю, что с Вашим «Амором»¹⁰. Вряд ли сборы идут успешно. М-ме Михельсон¹¹ дуется в

покер у Цетлиных. Скоро, говорят, приедет Феничка¹², и Париж примет окончательно свой прежний вид.

Холода у нас лютые. В моей городской квартире в умывальнике лед. До осени обзаводиться жильем не буду. А там увидим. Все надеюсь, что скоро помру, но оказывается, что и на смерть теперь положиться нельзя – и она надует.

Целую Вас, дорогая моя, и очень-очень люблю. Всей Вашей колонии¹³ мой сердечный привет.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7173). Датируется предположительно по содержанию.

¹ К этому времени Евгения Антоновна Васютинская (о ней см. примеч. 2 к №67) стала компаньонкой Тэффи. Ее дочь, Валентина Дмитриевна (по мужу Маркаде; 1910–1994), известный искусствовед, пишет о данном эпизоде в своих воспоминаниях: *Васютинская В.* Надежда Александровна Тэффи (Из личных воспоминаний) // Возрождение (Париж). 1962. №131. С.88.

² Расположенный к западу от Парижа на реке Луар город Анжер стал временным пристанищем эвакуировавшегося из Парижа посольства Польши (ср. примеч. 1 к №82). Старшая дочь Тэффи Валерия была сотрудницей Польского правительства в изгнании, вслед за которым она уехала из Польши через Францию и Португалию в Англию, где поселилась и проживала до конца жизни.

³ Младшая дочь Тэффи Елена провела всю войну в Польше.

⁴ Тэффи продолжала печататься в газете «Последние новости» до последнего номера, вышедшего 9 июня 1940.

⁵ Соредактор журнала «Современные записки» Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976) и его жена Мария Абрамовна (ум. 1955).

⁶ Возможно, погибшие впоследствии в Освенциме Марк Карлович Вольфсон и его жена Эрна Сигизмундовна (по-видимому, о них же шла речь в №63).

⁷ Владимир Владимирович Набоков (псевд. Сирин; 1899–1977) жил с семьей в Париже с осени 1938 и продолжал печататься в журналах «Русские записки» и «Современные записки» до их закрытия и его отъезда в США (в середине мая 1940).

⁸ О Lolo (Л.Г.Мунштейне) и его жене В.Н.Ильнарской см. примеч. 4 к №18.

⁹ О Перской см. примеч. 2 к №43.

¹⁰ В конце 1930-х Бунина и группа ее друзей (Ф.О.Ельяшевич, Н.И.Кульман, Н.И.Михельсон, М.С.Цетлина, Ф.С.Шлезингер) основали под председательством Бунина кружок «Атаур» (сокращение от «*Amis auteurs russes*» – «Друзья русских писателей» – *франц.*), цель которого Бунина объяснила в сохранившемся в ее архиве черновике обращения за пожертвованиями:

«Мы ежемесячно даем по 300 франков шести писателям старшего поколения – Даманской, Мережковскому, Зайцеву, Ремизову, Шмелеву и Мунштейну-Лоло; все они больны и в тяжелом материальном положении, и эти 300 фр<анков> в месяц почти у всех оплачивают квартиру» (РАЛ MS.1067/734). Сохранился также список 38 участников кружка (почти все – русские евреи) на 1939 год (РАЛ MS.1067/735).

¹¹ О Н.И.Михельсон см. примеч. 3 к №67.

¹² Фанни Самойловна Шлезингер (ум. 1959). См. также примеч. 7 к №69.

¹³ В данное время с Бунинными жили Е.Н.Жирова с дочерью Ольгой, а также Г.Н.Кузнецова и М.А.Степун (о них см. №32 и 65).

84. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

24 июля <1940 г.> Сали-де-Беарн

Château de Mosqueros,
Salies de Béarn, В<ас>-Р<уrénées>
24 июля

Дорогая моя Верочка!

Письмо Ваше для меня праздник нечаянной радости. Переслали мне это письмо только сейчас.

После долгих мытарств водворилась я наконец в Salies de Béarn, где отлично отдыхаю¹. Измучилась я изрядно. Мне не хотелось покидать Париж, но дочь умоляла меня приехать к ней в Angers². Там я погрузилась с головой в чужое горе, в чужое безысходное отчаяние. Дочь моя уехала далеко. Не думаю, что увижусь с ней когда-нибудь³.

Пробуду здесь до конца августа, а там – домой.

Слышала я, что Вы уезжали под Тулузу⁴. Еще слышала, что Алданов у Вас, – об этом мне написали из редакции. Зайцевы писали, что Алданов в Жиронде, Илюша пишет, что Алданов в Тулузе, еще кто-то пишет, что он в Clermont-Ferrand. Где он?⁵ Он был центро-паникой.

Ужасно мне грустно, что Вы плохо себя чувствуете. Покойно ли Вам на душе? Без Ляли⁶, вероятно, немножко «климат» стал мягче. Уж очень нудная дура.

Скажите Ивану Алексеевичу, что я низко ему кланяюсь за «Лику»⁷. Читала ее в alertное время⁸ и чувствовала ее красоту, ее искусство, как вечное на фоне преходящей воющей пушечной пошлости. Он действительно *замечательный* писатель. Храни его Бог на мою радость.

Здесь, где я живу, много детей (это «детский дом»), есть и взрослые, ископаемые экземпляры русской аристократии. Сама герцогиня Лейхтенбергская очаровательная женщина. В общем, все похоже на

старый помещичий дом. Парк, огород, русский говор. Жарко, душновато. Дешево – полный пансион 30 фр<анков> в день.

Хочется домой, а дома-то у меня и нет. И, вероятно, не будет возможности его иметь. А Вы собираетесь ли в Париж?

У меня беда. Только что собралась за работу – продолжать одну давно начатую повесть на библейскую тему, как получила письмо от Бориса Зайцева – пишет, что принялся писать как раз на ту же тему⁹. У меня и руки опустились.

Верочка, дорогая! Пишите скорее. Беспokoюсь о Вашем здоровье. Какие припадки – печень? Сердце? Ах, были бы мы вместе, я бы за Вами походила.

Привет Гале <i> Марге.

Всегда Ваша

Тэффи

P.S. Мережковские в Биаррице¹⁰, но я их не вижу, п<отому> ч<то> всякие circulations¹¹ запрещены.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7174). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ В письме от 30 июня <1940> Тэффи сообщила Зайцевым: «Сейчас устроилась в “Доме русского ребенка” у Лейхтенбергской» (БАРВК, фонд Зайцева). «Дом русского ребенка» в расположенном в Пиренеях к востоку от Биаррица городе Сали-де-Беарн был открыт 15 июня 1929 общественной деятельницей и пианисткой герцогиней Надеждой Николаевной Лейхтенбергской (Beauharnais/Богарне, по мужу Могилевская; 1898–1962).

² См. примеч. 2 к №83. В недатированном письме к Зайцевым Тэффи писала о своем отъезде из Парижа в Анжер: «Под влиянием истерических телеграмм моей Вали мне пришлось ехать в Angers не откладывая. Здесь я узнала, что все равно во вторник за мной приехал бы посольский автомобиль, и тогда мне удалось бы взять необходимые вещи. <...> Ехала с тоскою в сердце и заботой о Вас. Но вижу, что Валя так измучилась, думая, что будет отрезана от меня, и жалеть об отъезде не могу» (БАРВК, фонд Зайцева).

³ После войны Валерия Грабовская несколько раз в год приезжала из Лондона, чтобы навещать мать в Париже.

⁴ О поездке Буниных, Е.Н. и О.А. Жировых, Г.Н.Кузнецовой и М.А.Степун в расположенный далеко к северу от Тулузы в департаменте Тарн-э-Гаронн город Ляфрансез см. дневниковую запись Бунина за 25 июля 1940 (РАЛ MS.1066/532; Устами Буниных. Т.3. С.54-55). Выехали из Грасса 16 июня и вернулись 9 июля, оставив Жировых на ферме А.М.Жирова под Ляфрансезом.

⁵ После падения Парижа 14 июня 1940 Алдановы перебрались в так называемую свободную зону Франции. Судя по дневниковым записям Бунина, Алдановы находились в Ницце с начала августа 1940 (РАЛ MS.1066/532; Устами Буниных. Т.3. С.57 и сл.).

⁶ Т.е. Е.Н.Жировой.

⁷ О кн. Бунина «Лика» см. примеч. 4 к №80.

⁸ Здесь: во время воздушной тревоги; от *alerte (франц.)* – тревога.

⁹ В письме к Буниным от 4 июня 1940 Зайцев писал: «Читаю Библию. Очень поражен царем Давидом. Хочется написать о нем – вроде рисунка, “портрета” – не то слово, но другого сейчас не нахожу. А он меня волнует (поэтически)» (РАЛ MS.1066/5969; Новый журнал. 1983. №150. С.218). Однако Тэффи считала, что замысел принадлежал ей, и в письме к Зайцеву от того же 24 июля 1940 писала: «Ну, друг дорогой, пронзили Вы меня в самое сердце! Помните, года два тому назад, сидя у меня на диванчике, беседовали мы с Вами на библейские темы, и я говорила о Давиде. Я тогда уже начала о нем писать (больше о Сауле). Потом бросила. И вот теперь, освобожденная от еженедельной трухи, задумала продолжать, раздобыла с трудом Библию и расположилась... И – Ваше письмо. Конечно, перо “выпадает” из рук. <...> Ухожу – унося убитых и раненых. Должна немедленно, как теперь пишут, “se replier” <отступить (франц.)>» (БАРВК, фонд Зайцева). Опубликованный в 1945 в №11 «Нового журнала» «Царь Давид» Зайцева продолжал волновать Тэффи (см. ниже №116 и 155), и «Саул» был напечатан по рукописи из ее архива лишь посмертно (Новый журнал. 1990. №178. С.108-149).

¹⁰ Тэффи переехала в Биарриц в августе 1940 и писала о своем общении с Мережковскими в письмах к Зайцевым, а впоследствии в мемуарных очерках «О Мережковских» и «Зинаида Гиппиус» (Новое русское слово. 1950. №13792. 29 января. С.2; №13834. 12 марта. С.2, 8).

¹¹ переезды (*франц.*).

85. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <20 октября 1941 г. Париж>

Chère cousine! Je vous remercie infiniment de votre aimable permission, mais malheureusement je ne puis pas en profiter, parce que votre appartement ne sera pas chauffé. Ainsi je préfère de passer l'hiver dans l'appartement meublé (33, rue de Lubeck) ou je me suis installée provisoirement, ou le chauffage est garanti. Je pense souvent à vous tous et je vous garde dans mon coeur.

Mes tendres souvenirs à Jean le Magnifique et à toute votre charmante colonie.

Si vous avez l'occasion – dites à notre tante Marie-Choura¹ et à notre tante Fedorovich de Keren² que leurs neveux sont très disposés à crever de faim. Cette nouvelle les intéressera peut-être³.

Je vous embrasse bien tendrement.

Nadine

Перевод:

Дорогая кузина! Я Вам бесконечно признательна за Ваше любезное разрешение, но, к сожалению, не смогу им воспользоваться, потому что Ваша квартира не будет отапливаться. Я предпочитаю провести зиму в меблированных комнатах (33, rue de Lubeck), в которые

я временно поселилась и которые точно будут топить. Я часто о всех вас думаю и храню вас в своем сердце.

Шлю сердечный привет Ивану Великолепному и всей вашей очаровательной колонии.

Если представится случай, скажите нашей тете Марии-Шуре и нашей тете Федорович де Керен, что их племянники определенно склонны умирать с голоду. Быть может, эта новость их заинтересует.

Нежно обнимаю Вас.

Надежда

Публикуется по автографу (открытка) (ПАЛ MS.1067/7175). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Jeanette, Route Napoléon, Grasse, A<pres->M<aritimes>. (Обратный адрес: 33, rue de Lubeck, Paris.) Тэффи вернулась в Париж из Биаррица в конце августа – начале сентября 1941.

¹ Т.е. М.С.Цетлина и ее дочь А.Н.Прегель (см. примеч. 3 к №63), которые обе находились в США.

² Т.е. Александр Федорович Керенский (1881–1970), который находился в США с июля 1940.

³ Так как Бунины жили в еще неоккупированной немцами зоне Франции, они имели возможность переписываться с уехавшими в США в конце 1940 Цетлиными, которые активно помогали нуждающимся русским культурным деятелям во Франции денежными переводами и продуктовыми посылками (см. письма Буниных к Цетлиным за 1940–1941. – Минувшее. Вып.8. С.288–301).

86. ТЭФФИ – БУНИНОЙ <29 сентября 1942 г. Париж>

Chère cousine!

Je vous félicite et je vous embrasse bien tendrement. Je voudrais bien avoir de vos nouvelles, mais – hélas! – vous m'avez oublié comme un chien galeux.

Madame Imbert (votre femme de ménage)¹ m'a prié de trouver quelqu'un pour votre appartement et j'ai eu la chance de trouver une gentille petite française, mais Mikhailoff² n'a pas voulu céder l'appart<ement> pour un temps moins qu'un ans. Ainsi tous mes efforts étaient ratés.

Je me suis très bien reposée chez Eliache³ et je me suis remise à écrire sur le thème qui m'intéresse depuis longtemps – un thème biblique⁴.

Je vous embrasse, ma chérie, ainsi que Jean que je continue à adorer. Quand nous verrons nous! Dieu sait. Mon pauvre Liatzky est mort⁵. Nilous est très malade⁶. La vie est triste donc – la mort ne l'est pas.

Toute à vous,

Teffi

P.S. Savez-vous l'adresse de Véra Martinoff⁷?

Перевод:

Дорогая кузина!

Поздравляю и очень нежно обнимаю Вас. Очень хотелось бы узнать, что у вас нового, но – увы! – Вы забыли меня, как паршивую собаку.

Мадам Амбер (ваша домработница) просила меня найти кого-нибудь в вашу квартиру, и мне повезло – я нашла одну благовоспитанную маленькую француженку, но Михайлов не захотел сдавать квартиру меньше, чем на год. И все мои усилия пропали втуне.

Я очень хорошо отдыхала у Ельяша и снова начала писать на тему, которая меня давно интересует, – на библейскую тему.

Обнимаю Вас, дорогая, а также Ивана, которого по-прежнему обожаю. Когда же мы увидимся? Бог знает. Умер мой бедный Ляцкий. Нилус очень болен. Жизнь так грустна – иное дело смерть.

Вся Ваша

Тэффи

P.S. Знаете ли Вы адрес Веры Мартыновой?

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ MS.1067/7176). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Jeanette, Route Napoléon, Grasse, A<ipes->M<aritimes>. (Обратный адрес: 6, rue Francisque Sarcey, Paris. Тэффи жила по указанному адресу в 1942–1944. Она снимала комнату у женщины-врача, с которой познакомилась в Биаррице.)

¹ В архиве Буниной хранятся письма хозяйственного характера от Е.Амбер с 1939 по 1945 (РАЛ MS.1067/2954-2965).

² Бунины дружили с юристом проф. Павлом Александровичем Михайловым (ум. 1962) и его женой Эммой с 1924. По-видимому, во время войны Михайлов заботился о парижской квартире Буниных.

³ Тэффи отдыхала летом 1942 и 1943 в имени В.Б.Ельяшевича (о нем см. примеч. 2 к №8) в Бюсси-ан-От (департамент Йонн).

⁴ Т.е. рассказ «Саул» (см. примеч. 9 к №84).

⁵ Тэффи была знакома с критиком и издателем Евгением Александровичем Ляцким (1868–1942) еще по Петербургу. В эмиграции основанные Ляцким издательства «Северные огни» (Стокгольм) и «Пламя» (Прага) выпустили сборники рассказов Тэффи «Черный ирис» (1921), «Так жили» (1922) и «Вечерний день» (1924). Ляцкий умер в Праге 7 июля 1942.

⁶ Художник Петр Александрович Нилус (1869–1943) был одним из самых старых друзей Бунина, и в течение многих лет Нилусы и Бунины жили в соседних квартирах на улице Оффенбах. Нилус умер в Париже 23 мая 1943.

⁷ В.Р.Мартынова (см. примеч. 4 к №35 и примеч. 2 к №82). Во время войны Мартынова жила в Ницце и других местах на юге Франции.

87. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
13 марта <1943 г. Париж>

13 марта 1943 года¹

Дорогая моя Верочка!

Я давно не писала Вам, но эти глупые открытки на французском языке очень расхолаживали эпистолярный пыл.

Очень прошу написать мне, как Вам живется, здоровы ли и кого видите из общих знакомых? Не думаете ли вернуться в Париж?

Новости у нас все больше меланхолические. Умерла Мте Апостол² (не у себя дома, а у Мелиты³). Умирает от рака Илюша⁴. Остальные, с которыми встречаемся на панихидах, стали до того стары и почему-то малы ростом, что даже как-то неловко с ними здороваться. Только что оперировали Вышеславцева⁵. Болен Евлогий⁶. Мать Мария с сыном и их священником о. Дмитрием⁷ отправились к Мелите. Многие уехали, другие ведут замкнутый образ жизни и никуда не показываются.

Часто вижу Зину Гиппиус. Она глуховата и слеповата, но беседовать с ней, несмотря на неминуемую хрипоту, все-таки интереснее, чем с другими⁸.

Vous voyez d'ici⁹, как мечется, каким усиленным галопом носится наша милая Вера Зайцева. Всюду события, всюду разговоры, слухи, надо все ухватить и устремить дальше.

У нас часто обедает Лоллий Иваныч¹⁰. Этот слухов не собирает и на факты не опирается, а просто свято, мирно и безгрешно врет. Он очень милый и очень вдохновенный человек.

Я стала старая и вроде какой-то самодурки. То чего-то на всех обижусь, то прихожу в умиление и радуюсь на всех встречных собачек. Питаюсь хорошо, квартира у нас барская, события интересные, звук D.C.A.¹¹ меня развлекает, <потому> <то> у меня душа Валькирии. Здоровье у меня, по мнению врачей, очень плохое – грудная жаба. Это скорее скучно, чем больно, но зато как финальный аккорд жизни много благороднее, чем прочие болезни.

Напишите, дорогая моя, все о себе и И<ване> А<лексеевиче>. Работает ли он? Что Вера Рафаиловна?¹² Поцелуйте ее от меня. Как ее адрес? А какой адрес Галины?¹³ Хорошо ли ей живется?

Сердечный привет И<вану> А<лексеевичу>.

Крепко целую и ласково о Вас, любимая моя, думаю.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7177). Год установлен по пометке Буниной.

¹ «1943 года» вписано Буниной.

² Участница кружка «Атаиш» (см. примеч. 10 к №83) Ольга Марковна Апостол погибла в 1942 вместе со своим мужем, видным ученым-экономистом и культурным деятелем Павлом Николаевичем Апостолом (1872–1942) в лагере для депортируемых евреев и других жертв нацистов в Дранси (северный пригород Парижа). О них см. статьи В.Л.Телицына в сборниках: Русское еврейство в Зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим: М.Пархомовский, 1998. Т.1(6). С.408-420; Евреи России – иммигранты Франции / Под ред. В.Московича, В.Хазана и С.Брейар. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2000. С.117-125, 131-134. О.М.Апостол включена в список умерших в 1940–1945 друзей и знакомых Буниной в конце ее дневника за 1944–1947 (РАЛ MS.1067/416).

³ По-видимому, Тэффи употребляла имя Мелитты Григорьевны Левиной, чтобы указать на судьбу арестованных и депортированных на восток знакомых и друзей (ср. сообщение о матери Марии и ее близких ниже в том же абзаце). Сохранились письма М.Г.Левиной к Буниной от 1922–1939 (РАЛ MS.1067/3803-3838), и она упоминается в дневниках Буниной и в ее переписке с Зайцевой (в примечаниях Зайцев пишет о ней: «Еврейка. Погибла при Гитлере. Мученица». – Другая Вера. С.373).

⁴ Ко времени написания №87 И.И.Фондаминский уже погиб в Освенциме (19 ноября 1942). О его аресте 22 июня 1941, крещении в лагере под Компьенем в сентябре 1941 и депортации из лагеря Дранси в августе 1942 см. кн.: *Гаккель, прот. Сергей*. Мать Мария. 1891–1945. М.: Всецерковное православное молодежное движение, 1993. С.126-129. Тэффи и Фондаминский дружили в эмиграции и переписывались в 1941–1942 (иногда он писал общие письма Тэффи и матери Марии). 8 августа 1942 он ей послал, возможно, прощальную открытку: «Vous savez, que je vous aime tendrement. <...> Moi, je tiens admirablement. Je suis toujours tranquille, gai et content» («Вы знаете, что я Вас нежно люблю. <...> Что касается меня, держусь замечательно. Все время спокоен, весел и доволен». – *франц.*) (БАРВК, фонд Тэффи). См. также мемуарный очерк Тэффи «Илья Фондаминский» (Новое русское слово. 1951. №14248. 29 апреля. С.2, 3).

⁵ Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954) – философ, активный участник духовной жизни парижской эмиграции. Тэффи часто ходила на публичные лекции Вышеславцева и общалась с ним и его женой Натальей Николаевной (урожд. Алексеева; ум. 1959).

⁶ Митрополит Евлогий (Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946).

⁷ Мать Мария (урожд. Елизавета Юрьевна Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева, по второму – Скобцова; 1891–1945), ее сын Юрий Данилович Скобцов (1920–1944) и о. Димитрий (Дмитрий Андреевич Клепинин; 1904–1944) были арестованы гестапо в феврале 1943 и погибли в нацистских концлагерях. (Подробно об их мученической судьбе см.: *Гаккель, прот. Сергей*. Мать Мария...)

⁸ В своем мемуарном очерке о Гиппиус (см. примеч. 10 к №84) Тэффи пишет о том, как после смерти Мережковского в 1941 «мы сошлись ближе с Зинаидой Николаевной. Мне всегда было с ней интересно». Известны письма Тэффи к Гиппиус от 1938 (Амхерстский центр русской культуры (США), фонд З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского) и письмо периода войны

Гиппиус к Тэффи (БАРВК, фонд Тэффи) но, как Тэффи написала Алданову в 1951, – «вся переписка с Гиппиус в стихах – пропала» (Там же).

⁹ Вы можете себе представить (*франц.*).

¹⁰ Лоллий Иванович Львов (1888–1967) – поэт и публицист.

¹¹ Сокращение от «*Défense Contre les Aéronefs*» – противовоздушная оборона (*франц.*). Начиная с 1942 союзники (американцы днем, англичане ночью) бомбили военные заводы, железнодорожные узлы, мосты и другие стратегические объекты в Париже и многих крупных французских городах и портах.

¹² См. примеч. 7 к №86.

¹³ 1 апреля 1942 Кузнецова и Степун переехали из Грасса в Канны (РАЛ MS.1066/535; Устами Буниных. Т.3. С.130-131).

88. БУНИН – ТЭФФИ

25 апреля 1943 г. <Грасс>

*En russe*¹
25.IV.43

Воистину Воскресе!

И Вас с Праздником, дорогая, Милая Сестрица! Целую Вас трижды от всей души. Грустно, что Вы все нездоровы, – тем более жалею Вас, что все чаще и чаще испытываю теперь сам, что значит нездоровье, слабость, безнадежность, бремя лет и всего прочего. И радостно, что, невзирая ни на что, Вы по-прежнему столь удивительны, – чего стоит одно это: «недаром черт и человек начинаются с одной буквы», или: «и с той поры стала очень популярна»!² Вот кто-нибудь другой брякнул бы: «знаменита» вместо «популярна» – и было бы совсем, совсем не то. Поистине великий Вы музыкант!

Благодарю Вас очень, очень за внимание ко мне – за то, что читаете меня³, – ведь и читателей таких, как Вы, днем с огнем поискать. А ведь меня «писаньница мои и судьба их все еще занимают», как писал Петрарка в старости⁴, в каковую, увы, и я уже снисхожу: еще год, полтора года тому назад мог без усталости писать часов восемь в день (и тогда написал целую книгу новых рассказов⁵), а вот теперь и двух часов не пропишешь. Да и думаешь все одно: к чему, для чего? И все не мило, все постыло...⁶ А Вы – неужели ничего не пишете – хоть для ящика своего письменного стола до поры до времени? Пишите, дорогой друг. И да хранит Вас Бог.

Ваш Ив. Бунин

P.S. Съездить в Ниццу – это у нас теперь целое событие⁷. Но я как раз послезавтра еду туда и, если успею, зайду к Вашей девице⁸.

(далее – Зверс) и Из переписки Бунина с Тэффи / Публ. А.К.Бабореко // Подъем (Воронеж). 1978. №3. С.128 (далее – Бабореко).

¹ На русском языке (*франц.*) – обязательная пометка по правилам французской военной цензуры.

² По-видимому, Бунин приводит цитаты из несохранившегося поздравительного письма Тэффи. В 1943 православная Пасха праздновалась 12/25 апреля.

³ В 1942–1943 ряд новых рассказов Бунина был напечатан в Нью-Йорке в первых номерах «Нового журнала» и «Новоселья» и в газете «Новое русское слово» (большинство из них вошло потом в сборник «Темные аллеи»), но эти издания вряд ли были доступны Тэффи в оккупированном Париже, и речь идет, по-видимому, о перечитывании старых произведений Бунина (ср. постскрипtum к №90).

⁴ Рассказ «Прекраснейшая солнца» (1932) свидетельствует об интересе Бунина к жизни и творчеству Франческо Петрарки (1304–1374) и особенно к его длительному «заальпийскому уединению» в Авиньоне, которое, судя по его письму к Зайцеву от 8 ноября 1943, напоминало Бунину его собственное изгнаничество (Новый журнал. 1979. №136. С.139). Варианты приводимой цитаты встречаются в письмах Бунина к Зайцеву от 28 сентября 1943 («сочиненьца мои еще занимают меня». – Там же) и к Степуну от 22 июня 1951 («сочиненьца мои меня еще и до сих пор занимают». – Новый журнал. 1975. №118. С.123-124). Источник цитаты не установлен.

⁵ Имеется в виду сборник «Темные аллеи», в разные составы которого (нью-йоркское и парижское издания 1943 и 1946 гг.) вошли рассказы конца 1930-х – середины 1940-х.

⁶ Не совсем точная цитата (в оригинале: «Все немило мне, постыло») из 3-й строфы песни «Не брани меня, родная» А.Е.Разоренова (1819–1891). См. изд.: Песни русских поэтов. 3-е изд. Л.: Советский писатель, 1988. Т.2. С.99-100. (Библиотека поэта. Большая серия).

⁷ После занятия Свободной зоны Францией немецкими (а Лазурного берега – итальянскими) войсками в середине ноября 1942 военные власти вводили все больше ограничений, в частности, в передвижении (см., например, дневниковую запись Буниной за 4 мая 1943. – РАЛ MS.1067/413; Устами Буниных. Т.3. С.149).

⁸ См. примеч. 9 к №89.

89. ТЭФФИ – БУНИНУ 10 мая <1943 г. Париж>

10 мая

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Письмо Ваше¹, столь ласковое, произвело на меня чудесное впечатление. Захотелось для полноты торжества утереть нос Вере Зайцевой:

– Иван Алексеевич написал мне страшно милое письмо!

Пауза, и смотрю, как она будет корчиться. Она облизнулась и скороговоркой:

«Да, да. Он многим написал за последние дни очень любезные письма. Наталья Ивановна² даже прослезилась, потому что ей он написал совсем особенное, не такое, как всем вам...»

Вот. И торжествуй после этого!

Была на панихиде (панихиды это наш некий «ночной смотр». Встают усачи-гренадеры... встаю-у-т! Шаляпин пел³). Панихида по Павле Николаевиче⁴. Видела своих сверстников. Здесь описание невозможно. Возможны только восклицания. Все рекорды побил П.Струве⁵. Из него вышел подвижник нестеровского письма. Согбенный старец с седой бородой по пояс, и седые пряди падают вдоль щек⁶. Его сейчас же подперли стулом. У М.Федорова⁷, согнутого под прямым углом, лицо стало какое-то неладно-ласковое. Ну да всего не перечтешь. Смотрели друг на друга и тихонько повторяли: «М-да, да...»

Счастлива слышать, что Вы написали книгу рассказов. Это ведь нам, читателям Вашим, на потребу. Скорее бы прочесть.

Я писать не могу. 35 лет писала из-под кнута к сроку и за аванс. Теперь, когда кнута нет, образы больше не теснятся и дают мне полный покой.

Искренно и серьезно говорю: точно взобралась я на высокую гору, огляделась кругом, бросила взор на покинутую долину и руками развела. Ничего этого не нужно и не было нужно. И снова ползти куда-то нет ни сил, ни желанья. Какой-то Экклезиаст, но *pour les raivres*⁸, т.е. без мудрости, а с одними неприятностями.

Благодарю Вас, что вспомнили обо мне. В моей загробной жизни, которую я сейчас живу, это явление неожиданное и чудесно-приятное.

Дорогую Верочку целую.

Искренно любящая

Тэффи

P.S. Если можно что-ниб<удь> узнать о девице Брошкевич⁹ – буду бесконечно благодарна.

Н.Т.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5419). Год установлен по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Jeanette, Route Napoléon, Grasse, A<lpes> M<aritimes>. (Обратный адрес: 6, rue Francisque Sarcey, Paris.)

¹ №88.

² Н.И.Кульман (о ней см. примеч. 3 к №63).

³ В первой строфе входившей в репертуар Ф.И.Шаляпина (1873–1938) песни «Ночной смотр» (слова В.А.Жуковского, музыка М.И.Глинки) – «Встают старики гренадеры», а во второй – «Встают усачи кирасиры».

⁴ П.Н.Милюков умер в Экс-ле-Бен 31 марта 1943.

⁵ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) – политический деятель, публицист и издатель.

⁶ Тэффи, возможно, имеет в виду известную картину М.В.Нестерова (1862–1942) «Пустынник» (1888–1889).

⁷ Михаил Михайлович Федоров (1858–1949) – общественный деятель, проявивший особую активность в сфере образования.

⁸ для бедных (*франц.*).

⁹ Имеется в виду «Дудуся», дочь племянницы Тэффи Наталии Брошкевич (о ней см. примеч. 6 к №95). Судя по №88–91, Тэффи предполагала, что «Дудуся» проживала под Ниццей, но после написания настоящего письма она узнала, что зря попросила Буниных искать ее. В письме Тэффи к дочери Валерии от 18 ноября 1950 читаем: «Насчет Дудуси и *résistance* <сопротивления (*франц.*)> история странная. Когда во время войны я по просьбе Наташи разыскивала Дудусю и писала секретарше Бэк, <...> она отвечала мне, что адреса Дудуси она никак мне дать не может, но чтобы я не беспокоилась, <отому> <то> “там у них хорошо”. Были еще какие-то слова, ясно намекающие, что она в *résistance*. Я думаю, что <...> она все-таки некоторое время работала в *résistance*» (БАРВК, фонд Тэффи).

90. ТЭФФИ – БУНИНУ

<Конец июля – начало августа 1943 г. Париж>

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Все время чувствую огромную благодарность за Вашу милую готовность помочь мне в розысках пропавшей девицы. Я была очень тронута. Оказалось, что найти ее нельзя, т<ак> ч<то> Ваши старания ни к чему бы не привели¹. Узнала из письма В<еры> Зайц<евой>, что у Вас все благополучно. Зайцевы уже у В<асилия> Б<орисовича>. Я туда поеду 17 ав<уста>².

У меня забавная новость. Слушайте по радио Radio-Paris, 6-го ав<уста> в 2 ч. 30 м., оркестр Verney будет исполнять Брамса и... *mélodie tzigane de Nadine Teffi*³. Так стоит в программе⁴. Чего только на свете не бывает!

Иногда встречаю Михайлова. Он всегда с такой радостной любовью говорит о Вас, что все кругом светлеет.

Вот уже недели две, как мы никого не хоронили. Не знаю, чему это приписать. Последнее событие – выступление генерала Малышкина⁵. Аудитория в пять тысяч человек особенно ярко ликовала и аплодировала, когда он сказал, что старики русской эмиграции в общем и целом выжили из ума.

Из общих знакомых чаще всего вижу с Зин<айдой> Ник<олаевной>. Она уже почти бестелесна, но так как ничего не понимает ни в каких тикетах⁶ и рационах, то с ней интересно можно поговорить.

Я чувствую себя гораздо лучше. Нашла, наконец, лекарство, кот<орое> справилось с моими сердечными спазмами.

6-го августа снимаю со стены Ваш портрет и вешаю Листа. Теперь он мой коллега⁷. Теперь я композитор.

Надеюсь очень и основательно, что скоро с Вами увижусь. Дорогую Верочку крепко целую и думаю о ней всегда любовно.

Одновременно со мной будет у В<асилия> Б<орисовича> старый Струве и его совершенно глухой сын⁸. «То-то весело будет в нашем подполье!»⁹

Ваша всегда

Тэффи

P.S. У меня несколько старых Ваших книжек изд<ания> «Нивы». Читаю, как Коран, по кусочку вечером. Но три вечера подряд читала один крошечный рассказик о костре и цыганочке в степи¹⁰. От него остается какая-то томная, неизживаемая влюбленность. — Прямо беда!

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5420). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению с №91.

¹ См. примеч. 9 к №89.

² См. примеч. 3 к №86. Ср. также письмо Зайцева к Буниной из Бюссиан-От от 23 июля 1943 (Новый журнал. 1983. №150. С.222-224).

³ Цыганская мелодия Надежды Тэффи (*франц.*).

⁴ В архиве Тэффи хранится газетная вырезка с программой этой передачи — исполнение 1-го Венгерского танца И.Брамса (1833—1897), сочинения Тэффи и других пьес цыганским ансамблем под руководством Рэймона Верне (БАРВК, фонд Тэффи). Тэффи сочинила много песен, которые она часто исполняла на вечерах, аккомпанируя себе на гитаре.

⁵ Генерал-майор Красной армии Василий Федорович Малышкин (1896—1946) попал в плен в 1941 и присоединился к армии Власова. В 1943—1944 Малышкин руководил группой пропаганды во Франции и 24 июля 1943 выступил перед многотысячной аудиторией в зале Ваграм. А.А.Евреина

(о ней см. примеч. 6 к №39) впоследствии вспоминала встречу с Тэффи после выступления Малышкина: «Все мы только что выслушали длинный доклад молодого генерала Власовской армии о русском освободительном движении под ферулой Гитлера. Доклад был сделан в зале Ваграм, перед двухтысячной аудиторией. Впечатление осталось смутное, тревожное...» (*Кашина-Евреинова А. Н. А. Тэффи: Запоздалый венок на могилу // Русская мысль (Париж). 1955. №817, 5 ноября. С.5.*)

⁶ Здесь: талоны – (*франц.*).

⁷ Как и Брамс (см. примеч. 4), Ф. Лист (1811–1886) автор «венгерских» пьес.

⁸ Аркадий Петрович (Адя) Струве (1905–1951) помогал отцу в работе в качестве секретаря.

⁹ Источник цитаты не установлен.

¹⁰ Рассказ Бунина «Костер» (1902) вошел во второй том изд.: *Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Петроград: Т-во А. Ф. Маркс, 1915 (Приложение к журналу «Нива» на 1915).*

91. БУНИНА – ТЭФФИ 5 августа 1943 г. <Грасс>

5 августа 1943 года
12 ч. 30 м. дня

Дорогая моя Надюша, сейчас пришло Ваше письмо¹, – Яна нет дома, – уехал в Ниццу. Я не удержалась и прочла, – очень хотелось знать хоть что-нибудь о Вас.

Все эти дни, да и раньше хотела писать Вам, но не было возможности. «Nous sommes prévenus»², то есть у нас был служащий из мэрии и сказал, что наша вилла нужна, и если он придет во второй раз, то мы должны будем съехать в три часа³. Пришлось все наше уложить в чемоданы, и теперь мы на них и живем. А это дело не шуточное! Одних писем у меня уйма накопилась за эти годы. Пришлось их разбирать, часть уничтожить. Грасс переполнен. Если выселят, то «выхожу одна я на дорогу, со мною муж и семеро детей»...⁴ Предлагают Бельведер, но он освобождается с октября, хорошо если до тех пор никто к нам вторично не придет. Но внешне мы спокойны и ждем событий. В Грассе шумно, многолюдно и серо, пахнет бензином.

Когда я наконец попала в Ниццу, – это было полтора месяца тому назад, – я повидалась с Верой Раф<аиловой> и попросила ее навести справки о Вашей девице. Дело в том, что она жила за Ниццей, и потому мы, приезжающие в Ниццу на несколько часов, никак не могли урвать время на поездку к ней. В<ера> Р<афаиловна> обещала о результате своих розысков мне написать, да вот до сих пор и пишет... Отчасти из-за неполучения от нее вестей я не писала и Вам.

Может быть, она Вас сама известила. От кого Вы узнали, что девицы там нет? От нее?⁵

О том, что Вы едете в Bussy, мы знаем. Слышала, что в Вашем «подполье» еще будет Лоллий Иванович⁶. Адя Струве – очаровательный человек, одна улыбка его может дать радость – уверена, что Вы его полюбите. Думаю, что у Вас будут интересные разговоры с П<етром> Б<ернгардовичем> и В<асилием> Б<орисовичем>, ибо Вы все трое умны. А на роль enfant terrible – Л<оллий> Ив<анович> – опишет Вас всех в стихах⁷. Я не отказалась бы пожить в такой компании. Конечно, тяжело, что у П<етра> Б<ернгардовича> такое большое горе⁸. Но ученые люди умеют «выходить из него» и во время своей научной работы, и даже во время отвлеченных разговоров.

Ваши композиторские успехи меня не удивляют, горжусь ими и завтра 6-ого в 2 ч. 30 м. дня буду наслаждаться. А вообще радио, особенно когда говорят, не выношу. Стала хуже слышать и часто не различаю слова.

Кланяйтесь Зинаиде Николаевне. Я хотя в тикетах понимаю, но тоже почти о них не разговариваю – надоело слушать об этом и в очередях.

Сегодня я одна дома, даже Хама⁹ не пришла, – уехала в Канн, а Ян и Леня¹⁰ в Ниццу. Люблю пустой дом!

Наступил настоящий зной с цикадами, но я как-то ни зноя, ни цикад не чувствую, – трудно теперь воспринимать природу, разве только на утренней заре, – я часто встаю с петухами, которых, впрочем, теперь почти нигде нет.

Храни Вас Бог, мой молодой композитор, не зазнавайтесь!

Ваша всегда

Вера Бунина

Напишите мне письмо о Bussy и обо всех. Я ведь каждого знаю хорошо, и мне интересно увидеть их в Вашем преломлении.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи).

¹ №90.

² Нас предупредили (*франц.*).

³ См. об этом дневниковую запись Буниной за 17 июля 1943 (РАЛ MS.1067/413; Устами Буниных. Т.3. С.151).

⁴ Источник пародии на стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841) не установлен.

⁵ См. примеч. 9 к №89.

⁶ Л.И.Львов (см. примеч. 10 к № 87). О планах Тэффи и о составе компании в Бюсси Буниным сообщил Зайцев в своем письме от 23 июля 1943 (см. примеч. 2 к №90).

⁷ Сохранились два написанных в Бюсси в августе–сентябре 1943 стихотворения Л.И.Львова, посвященных Тэффи (БАРВК, фонд Тэффи).

⁸ Антонина (Нина) Александровна Струве (1868–1943) умерла 26 мая. В дневниковой записи за 29 мая 1943 Бунин пишет о получении траурного письма от П.Б.Струве (РАЛ MS.1066/535; Устами Буниных. Т.3. С.150).

⁹ Т.е. приходящая домработница – распространенный среди русских эмигрантов каламбур (от *femme* – *франц.*).

¹⁰ Бунин и Зуров.

92. БУНИН – ТЭФФИ 9 августа 1943 г. <Грасс>

9.8.43

Дорогая Сестрица,

6-го мы все «висели» на Radio-Paris – и увы, ничего не услышали! Треск, гром, землетрясение! Все же поздравляю Вас с новым званием – композиторским!

Как всегда, рад и благодарен Вам, что написали еще одно чудесное письмо¹. Рад чрезвычайно и тому, что чувствуете себя лучше. А я что-то все слабею, довольно задыхаюсь на лестницах и т.д. Утешаюсь, что все это от коровьего питания, – в старости все еще не хочется сознаться.

И тронут и огорчен, что читаете меня – огорчен потому, что 1/3 «Нивского издания» есть одна из самых жгучих ран моего сердца – столько там позорного для меня! Валял я тогда что попало и как попало – и тотчас продавал, – был беден и не придавал никакого значения тому, что печатал². Да и пьянствовал порядочно...

Целую Вашу руку с неизменной любовью.

Ваш Ив. Бунин

Поклоны – В<асилию> Б<орисовичу> и всем летним домочадцам его.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи). Опубликовано: Зверс. С.148-149; Бабореко. С.129.

¹ №90.

² Ср.: От автора // Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1934–1936. Т.1: «В этом собрании окончательно установлен текст всего его содержания (и я очень прошу читателей, критиков переводчиков пользоваться только этим текстом). В собрание это не входят мои стихотворные переводы <...> и большое количество моих первых стихов и рассказов: в собрание, изданное Марксом, из этих стихов и рассказов вошло много лишнего в силу необходимости, – Маркс требовал от всякого, у кого он покупал сочинения, почти совершенной полноты их».

93. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

24 сентября <1943 г. Париж>

24 сент<ября>

(Чтобы против обыкновения не опоздать).

Дорогой друг мой Верочка!

Поздравляю с днем Ангела и желаю, чтобы наконец все было так, как Вы того хотите. Надеюсь, что от этого и я не прогадаю...

Отдых мой в Bussy был чудесный. Поправились, делала большие прогулки, но кончилось печально, п<отому> ч<то> пришлось уехать раньше срока, т<ак> к<ак> в доме у нас (в Париже) было не все благополучно¹. И это неблагополучие так на мне отозвалось, что я сразу же сильно захворала. Опять вернулись сердечные спазмы и прочие гадости, и пришлось отлеживаться.

Петр Берн<гардович> молодчина. Спрашивал, давно ли Вы мне писали. Я сказала, что он сам должен непременно Вам написать. Прибавила: «В<ера> Н<иколаевна> очень вас любит». А он в ответ так спокойно «мужским, ласкающим баском»: – Да, я это знаю! Каково?!

Написал ли он Вам?²

Жаль, что недолго пришлось мне попользоваться его обществом. Он человек интересный и с огромным политическим темпераментом.

Пишет ли Вам Галина? Мне очень жаль, что Марга ее уволокла. Точно «волк задрал барашка». Худо ей там, наверное, у чужих³.

Я по хворости и старости нигде еще не была, вижу только с З.Гиппиус.

Лиля Кедрова⁴ играла в маленьком франц<узском> театре de la jeunesse⁵. Играла трагическую роль, и очень хорошо. К сожалению, она толстеет и дурнеет, но живется ей недурно, п<отому> ч<то> она «дружит» с мужем Бахарева⁶, с Цициановым⁷, т<ак> ч<то> у нее квартира, прислуга и прочие блага скоропреходящие.

Верочка, душечка, если у Вас есть Ваш снимок хотя бы общекаторжного образца, как для carte d'identité⁸, пришлите мне – я так давно Вас не видала, что даже скучно.

Крепко Вас целую и шлю привет И<вану> А<лексеевичу>. Он не любит своих юношеских стихов⁹, а среди них есть такие, за которые можно отдать два тома самых почтенных старческих вдохновений многих поэтов.

Не забывают меня, Верочка.

Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7178). Год установлен по содержанию.

¹ О жилье Тэффи в данное время см. аннотацию к №86. См. начало №94 о хозяйке «отчасти сумасшедшей, отчасти бешеной».

² Последнее из хранящихся в архиве Буниной писем от П.Б.Струве датировано 13 мая 1943 (РАЛ MS.1067/7046).

³ В начале мая 1943 Кузнецова и Степун уехали из Франции в Германию, где жили у Ф.А.Степуна в Дрездене. В письме от 22 января 1944 Зайцев сообщил Буниным: «На днях пришло письмо от Галины. Они обе у Ф.А.<Степуна>, живут, по-видимому, неплохо. Марга “готовится к весеннему концерту”, недавно работала по устройству художественной выставки. Галина ведет хозяйство престарелой профессорской четы» (РАЛ MS.1066/5921; Новый журнал. 1982. №146. С.127).

⁴ О Е.Н.Кедровой см. примеч. 8 к №68.

⁵ молодежном (*франц.*).

⁶ Мария Александровна Бахарева (по мужу Цицианова; ум. 1962), актриса.

⁷ Возможно, кн. Павел Фомич Цицианов (ум. 1971).

⁸ удостоверения личности (*франц.*).

⁹ См. №92 и примеч. 2 к нему.

94. ТЭФФИ – БУНИНОЙ *<После 17 октября 1943 г. Париж>*

Дорогой мой дружок Верочка,

Захотелось мне написать Вам кое-что о моей жизни, внешней. Живу в комнате, от хозяйки, отчасти сумасшедшей, отчасти бешеной¹. Сейчас у нее к тому же стряслась большая «современная» беда. Уехал ее долголетний друг, и она совсем взбесилась, т<ак> ч<то> к себе я сейчас никого не пускаю даже из старых знакомых – так все ее волнует и злит. Жуткая история. Если бы было возможно – сбежала бы, но сейчас нигде не найти квартирки – все расхватано беженцами из разбитых banlieues², а в отели, по той же причине, пускают только на 6 дней.

Сейчас у нас тряпичная неделя. Сдают старые тряпки и получают за это points³. Так что если вы обрезали палец и нечем завязать, так вас пошлют к черту, а лоскутка не дадут.

У меня в этом году прибавилась новая забота: бомба разбила квартиру моей племянницы в Boulogne⁴. Остался в живых только электрический утюг. Но им наготы не прикроешь. Я со времени экзода⁵ ни одной вещи себе не сшила, тем не менее пришлось прикрыть своим тряпьем эту племянницу, чтобы не испортила моей биографии. Просила богатых. Одна богатая ответила, что старого в доме ничего не держит, а самое старое у нее платье от Raquin⁶, из розового кружева,

купленное два месяца тому назад за 10 тысяч. Я ответила, что такую дрянь моя племянница на себе не наденет. Другая богатая прислала насквозь проеденную молью юбку и старый корсет покойной матери. Вот Вам, Верочка, картина нашей внешней жизни. Вспоминаются блестящие времена, когда я подарила Марге тафтовое платье для концерта⁷. Если бы знала Маргин адрес, потребовала бы платье назад. Пригодилось бы другим, кому хочется помочь, да не может. У моей племянницы фуфур⁸ так стерлась на боках, что совсем разъединилась, остались два дырявых полотнища, которые она пришпиливает к лифчику булавками – одно спереди, другое сзади!

Не осталось ли в Ницце добрых Добрых⁹? Могу себе представить туалеты бедной Мте Лоло! Вообще – крышка нам всем. Но подождите. Крышка откроется. «Парфен, не верю!» – как сказал идиот Достоевского¹⁰. Не верю, что пропадем. Вылезем и других вытащим. Вытащим – даю слово. Только бы вылезти.

Нежно Вас целую, дорогая моя. Хотелось бы сделать Вам какую-нибудь радость, да не выходит.

Ваша всегда, верная

Ваша

Тэффи

P.S. Здоровье мое плоховато. Летом в деревне хорошо поправи-лась, но от городских впечатлений сразу все соскочило. Опять сердечные спазмы и проч. Но все-таки 17 окт<ября> (день кончины Павла Андр<еевича>) исповедывалась, причастилась, служила панихиду и ездила на кладбище¹¹. И на все хватило сил. Значит, еще проживем, если очень захотим.

Ваша

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7179). Датируется предположительно по содержанию.

¹ См. аннотацию к №86.

² пригороды (*франц.*).

³ Здесь: добавочный кредит на карточки (*франц.*).

⁴ См. примеч. 6 к №95.

⁵ Исхода – exode (*франц.*).

⁶ Парижское ателье мод (1891–1956) Жанны Пакэн (урожд. Бекер, 1869–1936).

⁷ Ср. №67 о платье, которое Тэффи «предназначала для Марги».

⁸ Здесь: чехол; от fougeau (*франц.*).

⁹ Любовь Германовна Добрая (урожд. Барац; 1873–1955) неизменно поддерживала благотворительные начинания Буниной. В своих письмах к Буниной (РАЛ MS.1067/1976-2045) Добрая часто упоминает брата Льва Германо-

вича Бараца (ум. 1961) и его жену Цецилию Юльяновну (урожд. Бурштейн; ум. 1971), и, возможно, поэтому Тэффи и их причисляет к Добрым.

¹⁰ Цитата из 2-й части (конец гл. 5) романа Ф.М.Достоевского «Идиот» (1868).

¹¹ П.А.Тикстон (о нем см. примеч. 2 к №32) был захоронен в семейном склепе на парижском кладбище Батиньоль 19 октября 1935.

95. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

17 ноября <1943 г. Париж>

17 ноября

Дорогая и чудесная моя Верочка!

Ваше письмо всегда большая радость для меня, п<отому> ч<то> уж очень Вы хорошая!

Недавно видела я Лялю. Встретила ее в магазине. Вид у нее отличный. Она пополнела и одета вполне прилично – лучше, чем бывало во дни роскошества. Ищет новую комнату, п<отому> ч<то> хозяйка у нее нудная. Я ее утешила, что все хозяйки нудные.

Бедная Рощина-Инсарова¹, испугавшись бомбардировок Булони, переехала к милой Саше² на Dupleix³. У Рощиной кошка и собака, хозяйка обожает зверей – чего бы, кажется, лучше? Но вот заболела старая кошка и отдала Богу душу. Подговорили одноногого инвалида отвезти милый прах в Булонский лес, зарыть и отметить место, чтоб знать, куда ходить плакать. Но от кошки заразилась собака и тоже скончалась. Собаку похоронили на собачьем кладбище. И вот тут-то и началось. Хозяйка пришла в раж, зачем собаке посмертная почеть, а кошку «зарыли как собаку» в лесу. Требовала, чтобы кошку вырыли и отвезли на кладбище. – «Ведь перевозили же Наполеона⁴. Инвалид откапывать отказался, боится полиции. Визг, вопли, истерика. А у Рощиной живет старая, полуслепая нянька, которая зудит с утра до вечера, что Рощина мало плачет о покойной собаке. И захотела слепая нянька отвезти цветы, возложить на Свипкину могилку. Поташили слепую под руки Рощина и моя племянница (та самая, которая). Вылезли из метро – алерт⁵. Сирены воют, няньку тащат. Передаю свое перо Шекспиру, а сама смолкаю.

Вы спрашивали о племяннице?⁶ Это дочь моей самой старшей сестры (между нами только 12 лет разницы). По натуре она курица, но случилась с ней физиологическая аномалия: курица родила свинью. Теперь свинье 19 лет, и свинья на правах сына терзает бедную племянницу мою.

Встретила недавно Кобецкого, бывшего в «Посл<едних> нов<остях>»⁷. Он кое-что рассказывал о Вас. Говорил, что у Вас

здоровье скверное (а Вы пишете, что поправились). А Вера Ник<олаевна> Лоло писала, что Вы по-прежнему красивая, но бледна «как лилея»⁸. Очень все это беспокоит. Господи, хоть бы увидеть Вас поскорее!

Лоллий поехал вдохновлять <sic!> единомышленников⁹. Худой, зеленый, слабый и голый. — «Ведь там может быть 30 градусов мороза!» — «Пустяки! мне подарили шерстяные чулки». Ужасно его жалко. Пропадет. Беда, когда изношенным старым организмом управляет мудрость тринадцатилетнего мальчишки, только что прочитавшего «Охотника за черепами»¹⁰.

У нас новый русский театр с Рощиной и Евреиновым во главе¹¹. Эти две главы уже переругались и, как на русском гербе, смотрят в разные стороны.

Здоровьишко мое шатко и валко, но с тех пор, как бросила лечиться, стало лучше и жить веселее. А то все заставляли лежать, а от этого лежания человек мрачнеет и даже бесится. Надо не лежать, а отвлекаться, что я и стараюсь делать.

Где Перская? Неужели все еще сидит в Ницце? Чудеса! А наша милая Вера Раф<аиловна>? Вы лучше ее не разыскивайте. Когда человек не оставляет своего адреса, значит, хочет временно отдохнуть от общества, и не надо, чтобы место ее уединения вызвало в людях интерес.

Мне ужасно Лоло жалко. Бедный он, бедный! Умрет Вера Николаевна, что он один делать будет!¹² Я писала когда-то о трагедии любящих. В молодости вечная тревога о том, кто первый разлюбит, в старости — кто первый умрет¹³.

Верочка, дорогая! Пожалуйста, пишите. Не забудьте, что я живу на черном свете и очень Вас люблю.

Сердечный привет дорогому моему сердцу Ивану Алексеичу. Недавно двое при мне поссорились. Один сказал, что И<ван> А<лексеевич> сейчас много пишет, а другой сказал, что он *наверное* знает, что И<ван> А<лексеевич> сейчас не пишет. — Нет пишет. — Нет не пишет. И лица у обоих были такие злющие. И разошлись, не прощаясь.

Привет Лене. Пишет ли он?

Крепко целую Вас, Верочка дорогая.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7180). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова (1883–1970) – актриса, приятельница Тэффи, участница многих ее вечеров (см., например, №132-133 и 182).

² Неустановленное лицо.

³ Дуплекс – название площади и улицы в 15-м округе Парижа.

⁴ Прах умершего на острове Св. Елены Наполеона Бонапарта (1769–1821) был перевезен в Париж и захоронен в соборе Инвалидов в 1840.

⁵ См. примеч. 8 к №84.

⁶ Имеется в виду Наталия Георгиевна Брошкевич, дочь сестры Тэффи Лидии Александровны Кожиной.

⁷ Яков Яковлевич Кобецкий (1885–1945) вел биржевую хроннику в газете «Последние новости».

⁸ Письма В.Н.Ильнарской к Тэффи не сохранились. Об одном письме данного периода см. примеч. 5 к №96.

⁹ В письме из Бюсси-ан-От от 4 сентября 1943 Л.И.Львов сообщил Бунину: «Несколько месяцев тому назад *встретился* (в письмах) со своим старым закадычным другом <А.И.Булдеевым>, товарищем по гимназии, по университету, по всей молодой, юной жизни, о котором ничего не знал с 1914 года. Он выжил в этой ужасной костоломке, которой была и *есть* жизнь под большевиками. И вот теперь в Крыму издает газету <<Голос Крыма>> и журнал. Узнав о моем существовании, он выписывает меня к себе. В другом углу – Псковском, тоже хлопочут о том же. Не знаю, когда это произойдет, но я готов выехать в любой момент, хоть завтра» (РАЛ MS.1067/4008). В письме к Бунину от 10 ноября 1943 Зайцев передает окончательное решение Львова: «Завтра он уезжает – в Псковскую губернию, будет работать по народному образованию с двумя петербургскими профессорами <...>. Долго ли проработает? Это другой вопрос. Но считает, что все равно будет работать среди русских в Германии – их сейчас там очень много и они в “просвещении” очень нуждаются. А если, мол, придется погибать, то лучше там, чем тут. Такой его взгляд» (РАЛ MS.1066/5974; Новый журнал. 1982. №146. С.120).

¹⁰ «Охотники за черепами» – один из многочисленных приключенческих романов популярного в России английского писателя Т.М.Рида (Майн Рид; 1818–1883).

¹¹ Театр русской драмы был организован в Париже под руководством Н.Н.Евреинова (о нем см. примеч. 6 к №39), С.М.Лифаря (о нем см. примеч. 12 к №69) и Е.Н.Рошиной-Инсаровой в октябре 1943. Об этом и об открытии театра 23 октября 1943 и первых спектаклях в октябре 1943 – феврале 1944 см. изд.: Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни 1940–1975: Франция / Под общей ред. Л.А.Мнухина. Т.1(5). Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000. С.44-47, 51-52, 54-55 (в дальнейшем – Хроника).

¹² Ильнарская страдала водянкой, а Мунштейн был на грани слепоты.

¹³ Речь идет о впервые опубликованном в 1923 рассказе Тэффи «Лунный свет» (Возрождение. №949, 7 января. С.4): «В этом трагедия любящих. Сначала мучаются – “кто первый разлюбит”. Потом под старость – кто умрет» (цит. по сборнику: Книга Июнь. Белград: Русская библиотека, 1931. С.37).

96. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Январь 1944 г. Париж>

Дорогая моя Верочка,

Ваше письмо о Лоло прямо мне всю душу перевернуло. Вот она – трагедия стариков, всю жизнь друг друга любивших! Еще давно, когда Вы мне написали про испуганные глаза Лоло, у меня сердце сжалось. Ужасно все это страшно¹.

Сейчас послала письмо Вере Зайцевой, но Вы, вероятно, ей тоже написали². Завтра попробую продать одну свою вещицу, но это, конечно, будут гроши, но если с миру по нитке, то от меня лично получится все-таки пуговица на рубашку.

Живется мне шатко и валко. Надоели сердечные спазмы. Никогда не могу поручиться, что дойду домой благополучно. Иногда дойду, а чаще приходится останавливаться и принимать «быстробойную» пиллюлю.

На очереди квартирный вопрос. Скоро наш контракт кончается, и нужно будет устраиваться одной³. Все это трудно и нудно. Ну да не стоит на этом останавливаться.

Спасибо, дорогая Верочка, что вспомнили меня к Новому Году. Я встречала Новый Год очень мило, в постели со Львом Толстым. Поправляла опечатки в гордоновском издании⁴. Их бесконечное множество.

Сейчас напишу Зеелеру⁵. Во вторник буду видеть на пышном thé⁶ богатых людей. Может быть, смогу (хотя совсем не умею!) что-нибудь достать.

Да: непременно напишите Перской, что В<ера> Н<иколаевна> умирает. Может быть, она испугается.

Крепко Вас целую, дорогая.

Ваша всегда

Тэффи

Всем вашим сердечный привет. Ивану Алексеевичу особо. Очень бы хотела прочесть «Темную аллею», да ведь не дадут черти, завладевшие ею⁷.

Н.

¹ См. примеч. 12 к №95.

² Возможно, упомянутое письмо хранится среди многочисленных писем Буниной к Зайцевой в семейном архиве Соллогубов в Париже.

³ Тэффи переехала в свою последнюю квартиру на улице Буассьер в начале октября 1944.

⁴ Имеется в виду выпущенное Борисом Абрамовичем Гордоном (1881–1952) изд.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. художественных произведений: В 34 кн. Париж: Библиотека «Иллюстрированной России», 1933–1934.

⁵ Сохранилась недатированная записка Тэффи к секретарю Союза русских писателей и журналистов в Париже Владимиру Феофиловичу Зеелеру (1874–1954): «Пересылаю Вам письмо Верочки. Бедный Лоло. Вот трагедия стариков, всю жизнь любивших друг друга. Жена Лоло, конечно, умирает и умрет очень скоро, но нужно последние дни поддержать Лоло, чтоб он чувствовал, что как-то о нем думают» (БАРВК, фонд Зеелера).

⁶ чаепитии (*франц.*).

⁷ В письме от 2 ноября 1943 Зайцев сообщил Бунину, что один парижский издатель «расположен начать русскую серию» и спрашивается, нет ли у Бунина «новонаписанного романа», который он хотел бы издать в переводе на французский язык (РАЛ MS.1066/5973; Новый журнал. 1982. №146. С.118). Бунин немедленно откликнулся присылкой «маленького романа» «Натали» (письмо к Зайцеву от 8 ноября 1943. – БАРВК, фонд Зайцева; Новый журнал. 1979. №136. С.139), а в течение ноября–декабря 1943 он послал Зайцеву многие из рассказов, из которых потом составлялся сборник «Темные аллеи». (Подробнее об этом см.: Новый журнал. 1979. №137. С.124–129; 1982. №146. С.118–127). О дальнейших попытках Тэффи получить бунинские рассказы от Зайцева см. №97–101.

97. ТЭФФИ – БУНИНОЙ 19 февраля <1944 г. Париж>

19 февраля

Бесценный друг мой, Верочка!

Получила Ваше письмо, «овеянное весной». Представьте себе – я получила несколько таких писем с разных концов света. Все встряхнулись и запели и зацвели. А сегодня выпал снег, лежит белый, как дурак, на улице.

Не верьте, дорогая моя, легенде о моей молодости. Раскрою Вам тайну: поражает она только наших сверстников и именно потому, что видеть они стали плоховато. А я, наоборот, вырабатываю себе стиль старухи, но не знаю, на каком именно остановиться. Очень заманчив стиль толстовской Марьи Дмитриевны (из «Войны и мира»). Говорить всем «ты» и резать правду-матку¹. Хорош стиль ев-

ропейский: стриженные седые волосы (а у меня не седеют!), плоские каблуки, тайер², тросточка и деловитые разговоры на эротические темы. Есть еще так «старуха-лепетуха» – но я не болтлива. Но и для Марьи Дмитриевны и для «европейской» – нужны деньги. Первая должна видать много народа и у себя принимать, вторая должна путешествовать. Есть нечто поскромнее: «старая кочерга». Говорит мало, но неприятна. Хлопот и расходов никаких. Вероятно, на этом и остановлюсь.

В здешних русских театрах идут мои маленькие пьески³. Играют довольно скверно, да и пьески поганые. Ску-учно. Публика довольна, а старую кочергу все только раздражает. Может быть, оттого, что кочерга больна. У нее плохо с сердцем.

Недавно видела Ладинского⁴. Вот старый-то! Сед, как лунь, весь сморщенный. «Вы, говорит, успели пожить, а мы, молодые, ничего не успели». Но постареть лихо успели.

Чаще других вижу с Зинаидой Николаевной. Она много прихварывает, но работает.

Я ровно ничего не делаю в смысле писательском. Неинтересно. Скучно.

Очень много читаю. Пишу Ивану Алексеевичу челобитную, хочу прочесть его «Темную аллею»⁵. Я думаю, Зайцевы дали ее Нат<алье> Ив<ановне>⁶, потому что через нее идут пути проторенные к издателям. Зайцевых я почти не вижу.

Крепко целую Вас, дорогая моя. Простите, что пишу много вздора, – это чтобы перевесить кое-что чугунно-тяжкое.

Пожалуйста, пишите мне.

Я Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7182). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ Имеется в виду Марья Дмитриевна Ахросимова, «дама, знаменитая не богатством, не почестями, но прямою ума и откровенною простотой обращения» (Толстой Л.Н. Война и мир. Т.1. Ч.1. Гл.15-17).

² костюм – tailleur (франц.).

³ О постановках миниатюр Тэффи в Театре русской драмы и Театре без занавеса в январе–феврале 1944 см.: Хроника. С.51-54.

⁴ Антонин Петрович Ладинский (1896–1961) – поэт, автор исторических романов.

⁵ №98.

⁶ Н.И. Кульман.

98. ТЭФФИ – БУНИНУ
 <19 февраля 1944 г. Париж>

Иван Алексеевич!

Безгранично мною чтимый и непрестанно читаемый!

Очень, очень прошу Вас: прикажите Зайцевым дать мне прочесть Вашу рукопись «Темная аллея»¹. Кто же, как не я, оценит Ваше творчество во всю его настоящую цену? Наталья Ивановна чудная женщина, но дать ей в руки «Темную аллею» грех против великого бога Эроса, кощунство!²

Я сама не могу обратиться с просьбой к Зайцевым – не дадут, скажут, что отдали другим. За все наше многолетнее знакомство они никогда ничего мне не давали. Это, очевидно, принцип. Вот поэтому я и обращаюсь прямо к Вам. Мне так редко чего-нибудь хочется. Вот сейчас хочу Вашу книгу. Неужели же откажете?

Искренно и восторженно Вас любящая

Тэффи

Получено 23.2.1944.³

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5421). Датируется предположительно по сопоставлению с №97 и по пометке Бунина.

¹ См. примеч. 7 к №96.

² Ср. в открытке Бунина к Зайцеву от 29 января 1944: «Ты меня немножко зарезал – разве можно было давать Н<аталье> И<вановне> все мои рассказы, – напр<имер>, “Антигону”! Ведь она меня возненавидит! Я очень огорчен» (БАРВК, фонд Зайцева; Новый журнал. 1979. №137. С.130-131).

³ Вписано Буниным.

99. БУНИН – ТЭФФИ
 23 февраля 1944 г. <Грасс>

23.2.1944

Милая, дорогая Сестрица, снова кланяюсь Вам в ножки за Ваши добрые слова ко мне¹ – спасибо, спасибо, спасибо! Пишу Борису, чтобы он дал Вам те несколько рассказов из моей новой книги, которые у него². И очень, очень хочется, чтобы Вы прочли их (это ведь сушая правда, что Вы пишете: «Кто же, как не я...»), и очень боюсь, что на этот раз я возмущу Вас, – да, даже и Вас, – и притом незаслуженно, ибо, как я вчера Наталье Ивановне писал, очень огорченной кое-чем «грубо-натуралистическим» в этих рассказах³, содержание их вовсе не фривольное, а трагическое. Есть несколько слов и строк в двух-трех из этих рассказов действительно слишком резких, но я

их для печати уже вычеркнул, а все прочее я готов защищать до последней капли крови, – это все прочее совершенно необходимо в своем «натурализме», то есть вещественности, без которой (т.е. с абстрактностью) никак нельзя сказать ничего не только «трагического», но просто не стоит город городить. Вот Зайцевы и Наталья Ивановна бранят меня даже за то, что я решился в двух местах упомянуть (только упомянуть!) о женской периодической болезни⁴, а я их спрашиваю, почему можно описывать и расписывать, напр<имер>, роды, а про это даже словечка нельзя сказать – про то, что даже в Библии говорится (Рахиль Лавану: «Прости, господин, не могу встать, ибо у меня обыкновенное женское»⁵)? И еще спрашиваю: почему живописцы и ваятели могут изображать женское тело, напр<имер>, или всяких сатиров и фавнов с крайней «натуралистичностью», а мы, писаки, не можем? Впрочем, не буду оправдываться, – как хотите, так и судите. А прочитав, напишите мне Ваше мнение с полной откровенностью – не обижусь ни в каком случае. Вся эта книга называется по первому рассказу – «Темные аллеи», – в котором «героиня» напоминает своему первому возлюбленному, как когда-то он все читал ей стихи про «темные аллеи» («Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи»)⁶ – и все рассказы этой книги только о любви, о ее «темных» и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях.

Целую Ваши дорогие руки от всей души.

Ваш

Ив. Б.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи). Опубликовано: Зверс. С.149-150; *Бабореко А.К.* Неизвестные письма Бунина // Подъем (Воронеж). 1977. №1. С.135.

¹ №98.

² В письме от 27 марта 1944 Зайцев писал Бунину: «...сегодня Вере попала твоя открытка, где ты просишь меня передать твои рассказы Тэффи, – я и вспомнил, что хотя они давно переданы, а тебе я об этом в свое время не написал. Извини, что сообщаю с опозданием» (РАЛ MS.1066/5975; Новый журнал. 1982. №146. С.131).

³ В письме к Бунину от 14 февраля 1944 Н.И.Кульман писала о рассказе «Натали»: «Он мог бы быть рассказом типа “Иды”, одного из самых поэтических и прелестных Ваших рассказов. Но зачем Вы портите его грубо-натуралистическими строками, которые решительно ничего не дают для психологии действующих лиц?» (РАЛ MS.1066/3412).

⁴ В 4-й главе рассказа «Натали» Соня говорит: «Я заболела. У меня это проходит всегда очень тяжело, дней пять лежу. Нынче еще могла выйти, а завтра уж нет. <...> Посиди возле меня, Витик, мне больно, мне грустно <...> Не смей возражать больной!».

Зайцев выразил некоторое эстетическое сомнение в письме от 28 ноября 1943, и Бунин возразил ему 3 декабря (РАЛ MS.1066/5917; Новый журнал. 1982. №146. С.122; БАРВК, фонд Зайцева; Новый журнал. 1979. №137. С.128). См. также продолжение письма Н.И.Кульман от 14 февраля 1944 (см. примеч. 3): «То же и в некоторых других рассказах, которые неизмеримо выиграли бы от отсутствия этих ненужных и даже непонятно зачем вставленных подробностей физиологического характера, даже женских болезней».

⁵ Бытие 31: 35.

⁶ Здесь и в конце рассказа «Темные аллеи» Бунин не совсем точно («Кругом...» вместо «Вблизи...») цитирует стихотворение Н.П.Огарева (1813–1877) «Обыкновенная повесть» (1842).

100. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
6 марта <1944 г. Париж>

6 марта

Дорогая моя кузиночка!

Сейчас получила Ваше письмо и сразу же спешу сообщить адрес Венч.<?> Château des Ombrages, Marly-le-Roi (S<eine> et O<ise>). Дай Бог, чтобы вышла удача¹.

Надеюсь скоро увидеться. «A quelque chose malheur est bon»² – как говорят французы. Без эвакуации Вы бы никогда в Париж не вернулись³.

Ужасно жалко Веру Николаевну⁴. Вот поистине трагедия. Тут можно позавидовать Иову многострадальному. Его, по крайней мере, никто в его гноище не гнал, и денег ему не нужно было. Другая Вера⁵ как-ниб<удь> устроится. Она здорова и легка на ходу.

На похороны Струве я не попала, п<отому> ч<то> поздно узнала о его смерти⁶. До чего это вышло неожиданно. Он летом был очень бодр, только слаб на ноги и ненормально воспламенялся, так что бедный Лоллий⁷ хватал себя за бородавку и убежал в лес.

«Темную аллею» еще не получила. Видела Бориса, он обещал на днях доставить, но она все еще у Натальи Ивановны. Зайцевы живут в квартире Вышеславцевых⁸ в 6-м этаже, и лифт днем не ходит, а вечером на улицах так лихо грабят («шалят», как говорилось когда-то), что без особой надобности на улицу люди не вылезают.

Была у нас веселая гололедица. Зайцева здорово расшиблась. Мар<ия> Ал<ексеевна> Маклакова⁹ сломала бедро. Все это вносит некое грустное разнообразие в нашу жизнь.

Сохранили ли Вы за собой квартиру?¹⁰ Теперь дело к лету, и жизнь без отопления не будет страшна. С тревогой думаю о Вашем переезде. Трудно будет. А Ваш болезненный приятель Аля¹¹? Но Вы, дорогая Верочка, сильны духом и все преодолете.

Целую Вас, дорогая моя. Сердечная благодарность Ивану Алексеевичу за то, что пошел навстречу моему желанию прочесть «Аллею». Привет всем.

Ваша
Кузина

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7183). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ По-видимому, Бунина обратилась к Тэффи за помощью в связи с угрозой эвакуации из Грасса (см. примеч. 3), и Тэффи ей сообщает адрес возможного убежища под Парижем. Не удалось расшифровать приводимую Тэффи фамилию или название организации. (См. №56 о пребывании Тэффи и Тикстона в Марли-ле-Руа летом 1934.)

² Нет худа без добра (*франц.*).

³ После оккупации Приморских Альп немецкими войсками в середине февраля 1944 началась эвакуация иностранцев из непосредственно приморской зоны, в которую входил Грасс. Бунины готовились к эвакуации, но потом получили разрешение оставаться в Грассе (РАЛ MS.1067/414; Устами Буниных. Т.3. С.163-164).

⁴ В.Н.Ильнарская (см. примеч. 12 к №95).

⁵ Возможно, В.Р.Мартынова.

⁶ П.Б.Струве скончался 26 февраля 1944.

⁷ Л.И.Львов. Речь идет о совместном отдыхе в Бюсси-ан-От в августе-сентябре 1943 (см. №90-93).

⁸ В письме от 28 ноября 1943 Зайцев сообщил Бунину: «...завтра въезжаем в квартиру Вышеславцевых, покидающих Париж *minutim* на 6 месяцев» (РАЛ MS.1066/5917; Новый журнал. 1982. №146. С.123). Квартира Вышеславцевых находилась на улице Сен-Ламбер в 15-м округе Парижа.

⁹ Мария Алексеевна Маклакова (1879–1957), сестра В.А.Маклакова (1869–1957).

¹⁰ См. №86 и примеч. 2 к нему о парижской квартире Буниных.

¹¹ Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) – литератор, жил у Буниных в Грассе в 1940–1944.

101. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
7 апреля <1944 г. Париж>

7 апреля

Дорогая моя Верочка,

Очень счастлива была, узнав, что, по-видимому, Вы останетесь в Грассе. Счастлива, конечно, за Вас, а не за нас, которым так хочется побыть с Вами.

Получила наконец рукопись Ивана Алексеевича и уже передала ее Михайлову, как мне было приказано¹. Написано великолепно – иного и ожидать нельзя было. Книга трагическая. Автор много в жизни своей писал о смерти, но эта книга «о любви» мрачнее и трагичнее его слов о смерти. Не хочется говорить о ней вскользь. Я напишу о ней самому автору, а пока прошу передать ему мою благодарность и поклонение (не поклон, а поклонение).

У нас весна. Солнышко озаряет пятна на юбках и морщинки в углах рта. Ничего себе, весело.

Русский театр возобновляет мою пьесу «Момент судьбы», несколько обескровленную от переделки в духе времени². Но я ко всему отношусь равнодушно, потому что у меня сердечные спазмы, а это удивительно утихомиривает в человеке всякий эстетический темперамент. Все суета сует. Соломон только забыл, что суета иногда бывает очень приятная, а сознание суетности всегда уныло, и черт бы его побрал.

Поздравляю с преддверием праздника. Вспоминаю с умилением, как в имени мужа³ повар в Св<ятую> Субботу напивался, и кухонный мужик бросался на него с ножом. И потом почему-то выгоняли садовника, хотя он прямого отношения к этим событиям не имел. «...Воспоминанья величавы...»⁴

Крепко Вас целую, дорогая моя кузинеточка. Очень печальное письмо получила от Веры Лоло⁵. Она воображает, что я в силах устроить для нее какой-нибудь вечер, который их обеспечит. Чудачка!

Сердечный привет Великолепному (Le magnifique). Привет Лене.
Ваша всегда

Кузина

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7184). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ В письме к Бунину от 19 июня 1944 Зайцев упоминает несохранившееся письмо Бунина к Тэффи по этому поводу (РАЛ MS.1066/5978; Новый журнал. 1982. №146. С.135).

² Весенний сезон Театра русской драмы открывался постановкой впервые поставленной в марте 1937 комедии Тэффи «Момент судьбы» (с новым счастливым концом) 9, 16 и 23 апреля 1944 (Хроника. С.57).

³ Имение Рыки (Ryki) бывшего мужа Тэффи Владислава Бучинского (ум. 1935) находилось в Польше, приблизительно на полдороге между Варшавой и Люблином.

⁴ Той же цитатой из стихотворения Пушкина «К морю» (1824) назван один из рассказов Тэффи (Возрождение. 1934. №3231, 8 апреля. С.2).

⁵ См. примеч. 8 к №95.

102. БУНИН – ТЭФФИ
11 апреля 1944 г. <Грасс>

11.4.44

Дорогая, милая Сестрица,

Очень благодарю Вас, очень – за добрые слова обо мне в письме к Вере¹. Счастлив, что Вы поняли мои писания, – Господи Боже мой, как боюсь, что последние! – не так, как многие другие поймут. Жалею, что не все из них у Вас было, – не говоря уже о том, что написано до 40-го года, тут, в Грассе. Вообще, если бы Вы видели *всю* эту мою новую книгу, она бы еще немножко выиграла. А она состоит из трех отделов (кое-что из первого, напечатанного в Париже, Вы, м<ожет> б<ыть>, помните)²:

I

Темные аллеи
Кавказ
Баллада
Апрель
Степа
Муза
Поздний час

II

Мамин сундук³
По улице мостовой⁴
Руся
Антигона
Смарагд
Гость
Визитные карточки
Волки
Зойка и Валерия
Таня
В Париже
Галя Ганская
Генрих
Три рубля⁵
Натали

III

На постоялом дворе⁶
В такую ночь...»⁷
Лита⁸
Начало
Качели

Кума
Речной трактир
Дубки⁹

Из второго отдела я не послал Зайцеву, кажется, только «Три рубля», из третьего, кажется, послал только «В такую ночь».

Список этот, думаю, Вам совсем не нужен. Но что делать – хочется поделиться своей последней литературной радостью с таким редким другом, как Вы!

Целую Вашу руку, дорогая моя,

Ваш

Ив. Бунин

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи). Опубликовано: Зверс. С.150; Бабореко. С.129-130.

¹ №101.

² Кроме рассказа «Темные аллеи», все рассказы 1-го отдела были впервые напечатаны в 1937–1938 в газете «Последние новости». Рассказ «Апрель» не вошел в окончательный состав сборника «Темные аллеи» (Париж: La Presse française et étrangère – O.Zeluck, 1946), но он был включен в американское издание (Нью-Йорк: Новая земля, 1943).

³ Т.е. «Красавица».

⁴ Т.е. «Дурочка».

⁵ Рассказ не вошел в сборник «Темные аллеи».

⁶ Сохранился датированный 1942 годом текст не вошедшего в сборник «Темные аллеи» и до сих пор не опубликованного рассказа под этим названием (РАЛ MS.1066/196-197).

⁷ Рассказ не вошел в сборник «Темные аллеи».

⁸ Рассказ не вошел в сборник «Темные аллеи», впервые опубликован по-смертно (Новый журнал. 1964. №77. С.41-42).

⁹ В 3-й раздел сборника вошло еще 12 рассказов, написанных в 1944.

103. ТЭФФИ – БУНИНУ

<15 мая 1944 г. Париж>

Получено 19 мая 1944 г.¹

Обожаемый друг и учитель!

Давно хотела написать Вам, но очень все это время занята театром, который меня ужасно утомляет². Здоровьишко у меня хлипкое, и надо долго отлеживаться, когда устаю. Но времени терять нельзя, п<отому> ч<то> все это ведь недолго продержится.

Написать хотела Вам по поводу Ваших изумительных рассказов. И когда думаю о них, всегда вспоминаю сценку из нашей провинци-

альной жизни. Где-то в гостях, в Новгородской губернии, акцизный чиновник рассматривал альбом. В альбоме снимки со статуй. Вдруг он ухмыльнулся и поманил к себе приятеля. Оба стали рассматривать снимок и ухмылялись «гы-ы!» Снимок был с известной группы Кановы «Амур и Психея»³. Когда я подошла, акцизный сказал: «Молодым дамам смотреть нельзя» и захлопнул альбом. Вот. Вот у многих такое отношение к Вашим новым рассказам.

Недавно встретила двух милых друзей Михайлова. «Вы слышали? – сказали они. – Бунин написал похабные рассказы».

Так оно закристаллизуется, и кристалл этот не пробить. И ничего никогда не поймут. И слыша это, поднимается в душе злобная тоска – точно собачий вой на луну.

До меня дошли далеко не все рассказы, которые Вы перечисляете. Весь первый отдел, начинающийся «Темными аллеями», отсутствовал. Было вообще не больше двенадцати рассказов – не знаю почему. Были они у меня недолго – их потребовал Михайлов.

Как я уже писала – впечатление от книги: она очень серьезная, значительная, мрачная вся от первого до последнего слова. Трагически безысходная. Один только рассказ чуть-чуть пронизан лирикой любви, и конец у него тургеневский. Героиня умирает от родов⁴. Подходя к концу рассказа, я думала: «Куда Бунин ее денет?» Но таким героиням заранее предначертан тургеневский конец.

И в этих рассказах чем проще они ведутся, чем циничнее – тем страшнее и трагичнее. Написаны они превосходно. Не считайте с моей стороны наглостью давать литературную оценку Вашим произведениям. Вы автор – Господом Богом коронованный, но даже у Вас есть и должна быть некая скála (как бы прилив и отлив) при всем Вашем великолепии. Поэтому я и говорю – «написаны превосходно». Очень бы хотела прочесть все, но где их добудешь?

В бессонные ночи представляю себе лицо милой Наталии Ивановны, читающей эти рассказы. Как могло прийти в голову дать их ей? Зачем? Почему? Ни причины, ни цели не вижу. И почему, прочтя все, ополчались они на самый, по сравнению с прочими, «салонный пассаж» – о женских заболеваниях?⁵

Дорогую Верочку целую.

Живется у нас худо. Пишу это письмо под вой сирены. Многие метро закрыты, лифты на днях останоят, угля нет и не предвидится, электричество и газ урезаны и, кажется, будут совсем зарезаны. Все советуют друг другу уезжать, но сами остаются. Уезжать некуда. Знакомые выбрали самое мирное и безопасное шато⁶, но на него не-

ожиданно свалился заблудившийся авион⁷, загорелся и развалился и сжег шато и убил всех, кто там был.

Вот так – живем-поживаем и ждем, бахнет или не бахнет.

Ave, C<a>esar! Morituri te salutant⁸.

Ваша всегда

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5422). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Jeanette, Route Napoléon, Grasse, A<lps->M<aritimes>. (Обратный адрес: 6, rue Francisque Sarcey, Paris.)

¹ Вписано Буниным.

² Кроме упомянутой в №101 (см. примеч. 2 к нему) постановки комедии Тэффи «Момент судьбы» в апреле 1943, 7 мая Театр миниатюр парижской группы артистов «Летучей мыши» поставил ее скетч «Разговор двух дам по телефону» и гротеск «Любовь по чинам», а в данное время она готовилась к выступлению в качестве конферансье в Театре миниатюр 21 мая (Хроника. С.59-60).

³ Широко известная в начале XX века открытка с фотографией скульптуры «Амур и Психея» Антонио Кановы (1757–1822) из собрания Императорского Эрмитажа выпускалась Общиной Св. Евгении (№329).

⁴ Имеется в виду рассказ «Натали».

⁵ См. №99 и примеч. 4 к нему.

⁶ замок – château (франц.).

⁷ самолет – avion (франц.).

⁸ Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).

104. БУНИН – ТЭФФИ

19 мая 1944 г. <Грасс>

19.5.44

Милая, дорогая моя, какой же я «учитель» – Вам-то, которая всю жизнь как соловей пела и все еще все так же поет, совершенно не замечая того, рассыпая блеск! (Вот хоть это: «Ave, Caesar, morituri...»). Выходит будто странно – будто мы обмениваемся комплиментами – да как же иначе быть? Вы кое-что – да и больше – цените во мне, а я, повторяю, клянусь Богом, всегда, всегда дивился Вам – никогда за всю жизнь не встречал подобной Вам! И какое это истинное счастье, что Бог дал мне знать Вас! Но – точка, а то наговорю лишнего – тем более что уже второй час непроглядно темной, проклятой ночи без единого огня как будто во всем мире, в мертвой тишине, среди которой иногда ни с того, ни с сего частым, частым стуком бьют пулеметы. Вот Вы похвалили меня (а Вы долго молчали, и я боялся, честное слово, боялся, что Вы только из приличия написали в давнем письме к Вере¹ несколько добрых слов обо мне, – что

рассказы мои Вам не понравились) – Вы меня похвалили в нынешнем письме, и я, как самолюбивый, честолюбивый, гадкий подросток, засопел, покраснел от радости – и вытащил из кармана еще тетрадку – «вот у меня еще есть...»: хочу этим извиниться, что вздумал сейчас послать Вам то, что Вера нынче только что переписала. Прочтите и, ради Бога, не чувствуйте себя обязанной опять писать мне о моих писаниях. Прочтите и будьте добры передать этого «Ворона»² Зайцеву, а у него, если захотите, возьмите еще 5 из моих последних (лучше, чем этот) рассказиков³ – совершенно диких по своему несоответствию особенно тем последним дням, что дошли до нас, но, может быть, вполне законных по тому, видно, вечному, что бывает в чуму и во все семь казней египетских⁴, о чем говорил Тот, ни с кем в мире не сравнимый, у которого я бы поцеловал александрийский сапог с усеченным носком (родная внучка которого умерла в прошлом августе в Ницце в нищете, после нескольких лет тяжелого труда, таскания для перепродажи всякого старого хлама, – Елена Александровна фон Розен Мейер, дочь «Сашки», первого сына Александра Сергеевича, которую я имел счастье узнать⁵). А теперь простите – устал, начинаю бормотать несвязно, ложусь спать. Писал Зайцевым, как живем и мы, какими ржавыми колючками и минами, черными вывесками с белыми черепами на деревьях, окружены, – спросите их, если захочется⁶. Горячо целую Вашу руку.

Ваш

Ив. Б.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи). Опубликовано: Зверс. С.151-152; Бабореко. С.130.

¹ №101.

² Рассказ «Ворон» впервые опубликован 28 декабря 1945 в парижской газете «Русские новости» (№33); вошел в сборник «Темные аллеи». В письме к Бунину от 19 июня 1944 Зайцев подтвердил, что Тэффи ему передала присланный ей экземпляр рассказа (РАЛ MS.1066/5978; Новый журнал. 1982. №146. С.135).

³ В письме к Бунину от 20–21 мая 1944 Зайцев называет рассказы «Второй кофейник», «Мадрид» и «Чистый понедельник» (РАЛ MS.1066/5977; Новый журнал. 1982. №146. С.134). Возможно, остальные были «Пароход «Саратов»» и «Холодная осень» (см.: Бабореко. С.130, примеч. 2), хотя Зайцев благодарит Бунина отдельно за присылку рассказа «Холодная осень» в письме от 17 ноября 1944 (РАЛ MS.1066/5925; Новый журнал. 1980. №140. С.158).

⁴ Имеется в виду «маленькая трагедия» Пушкина «Пир во время чумы» (1832).

⁵ Бунин познакомился со внучкой Пушкина, дочерью его старшего сына Александра Александровича (1833–1914), Еленой Александровной фон дер

Розенмайер (1889–1943) в Ницце 6 июня 1940 (см. его дневниковую запись за 25 июля 1940. – РАЛ MS.1066/532; Устами Буниных. Т.3. С.54), и Бунины встречались с ней несколько раз до ее смерти 14 августа 1943.

⁶ По-видимому, Бунин имеет в виду свое письмо Зайцеву от 16 мая 1944 (БАРВК, фонд Зайцева; Новый журнал. 1979. №137. С.136).

105. ТЭФФИ – БУНИНУ
2 июля <1944 г. Париж>

2 июля

Бесконечно дорогой мне
Иван Алексеевич,

Мысленно давно написала Вам какое-то чудесное письмо. Реально не могу склеить двух слов. «Голова не варит» – как говаривал старый дурак генерал флота¹.

Сознаю только, что рассказы Ваши, переданные мне Зайцевыми, вошли таким великолепным вагнеровским диссонансом в бездарную симфонию моей жизни, что как будто запомнятся навсегда.

Как хотелось бы «поберечь» Вас, охранить ото всего, что с хрипом, гиком и воем налезает на нас. Но – что я могу!

Никого из общих знакомых не видела и не имею вестей о Вас. Вероятно, Вы останетесь на юге? Теперь ведь и передвигаться нельзя.

Помните, Вы как-то рассказывали про виденную в детстве картинку «Встреча с кретином»². Иногда жизнь кажется мне именно таким кретином. Не понимаю ее и при этом сознаю, что не понимаю не потому, что я дура, а потому, что она как-то не того-с.

У нас два театра. Комедии и жанра «Летучая Мышь». В этой Мыши я торгую остроумием³. Дешево, но бойко. И, как мертвая, сраму не имам⁴. «Стыдно старой писательнице размениваться...» Ничуть не стыдно. Хоть бы что.

Очень надоели алерты и закрытые станции метро. Приходится без конца ходить пешком. От этого люди с плохими сердцами умирают скоростно, а друзья им завидуют.

Французы очень интересуются нашим прошлым. Как, мол, все происходило. Рассказываем правду, но самим кажется, что подвирем. «C'est affreux, mais c'est idiot»⁵.

А время идет и идет. И увидимся ли мы когда-нибудь? Все, конечно, успокоится, как-то наладится. «Но в лучшем мире друг друга они не узнали...»⁶

– Что это за гримза смотрит на меня так восторженно?

– Это? Да это Тэффи.

Да, да. Это будет безмерно и вечно любящая Вас

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5423). Год установлен по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Jeanette, Route Napoléon, Grasse, A<lpes->M<aritimes>. (Обратный адрес: 6, rue Francisque Sarcey, Paris.)

¹ Возможно, Тэффи вспоминает один из своих романов двадцатилетней давности, о котором В.Н.Ильнарская писала Буниной из Висбадена в 1922 (см. вступительную статью к ч.1. – Диаспора. Вып.1. С.352).

² Бунин описывает картину «Встреча в горах с кретином» в «Автобиографических заметках» (Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С.7-8).

³ См. №95, 97, 101 и 103 о постановках сочинений Тэффи в октябре 1943 – мае 1944. Возможно, ее скетчи ставились также в июне 1944 в спектаклях Театра миниатюр парижской группы артистов «Летучей мыши» (Хроника. С.61).

⁴ Выражение «мертвые сраму не имут» приписывается князю Святославу.

⁵ Это ужасно, хотя и глупо (франц.).

⁶ Ср. последнюю строку стихотворения М.Ю.Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841): «Но в мире новом друг друга они не узнали».

106. ТЭФФИ – БУНИНОЙ

2 июля <1944 г. Париж>

2 июля

Милая Кузиночка!

Пишу Вам отдельно, потому что и люблю Вас отдельно¹.

Очень давно нет от Вас вестей, и не знаю, как Вы живете.

У нас последнее время очень донимают сирены и бомбы. Бывает до семи алертов в день. Метро тогда закрываются и надо идти пешком. На-до-е-ло.

С едой стало плохо. Ничего особенного как будто не чувствуется, но ночью снятся щи с вареной грудинкой. А это показательно!

Ехать на отдых куда-нибудь за город нельзя. Дороги посыпаются бомбами, а иногда перерезывают жел<езно>дор<ожные> пути и нельзя вернуться домой.

Вы не находите, что я стала как-то по-детски писать? Это оттого, что я сильно подурела. Но об этом никто не догадывается. Я хитрая.

Когда я бываю в обществе, я делаю вдумчивое лицо и всегда очень одобряю мнение собеседника. Тогда он начинает считать меня умницей.

Верочка, дорогая! Я хочу солнечного, но не жаркого дня, и чтобы сидели мы с Вами, дорогая моя сестрица, за столиком в кафэ, уютно, в креслах, хотя можно и на банкетке, обитой малиновым бархатом. Зеркало за спиной, так что я себя не вижу. Мы пьем кафэ крэм² с бриошами. Съели две и – «Garçon! Encore s'il vous plaît»³. Сплетничаем, не торопясь. Куда торопиться? Я ведь подвезу Вас домой в такси. Хотите третью бриош<ь>? Нет? Уже боитесь растолстеть?

Верочка, милая, напишите мне поскорее о Вашей жизни. Просто о жизни. О быте.

Я живу тупо. Но иногда ночью просыпаюсь от ужаса, который как бы прорывается наружу. Он не безотчетный, он основательный. Ничего не поделаешь, но немножко себя жалко.

Большое утешение – письма от «новых» русских⁴. Читали, любят. Очень ласковые, теплые, сердечные. Молодые врачи, инженеры. Это уже – наши дети.

Хорошо это, но как-то грустно. Тризна какая-то, пир посмертный. Крепко целую, дорогая моя, любимая.

Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7185). Год установлен предположительно по сопоставлению с №105.

¹ См. написанный в тот же день №105.

² кофе со сливками – *café crème* (франц.).

³ Гарсон! Еще раз то же самое, пожалуйста (франц.).

⁴ Имеются в виду многочисленные советские граждане, которые к концу войны оказались в Германии и в оккупированных немцами странах и из которых образовалась «вторая волна» русской эмиграции. О контактах с отдельными русскими перемещенными лицами см. ч.3 нашей публикации.

107. ТЭФФИ – БУНИНЫМ
<7 декабря 1944 г. Париж>

Дорогие мои! Самые любимые!

Кажется мне, что мои письма к Вам не доходят, п<отому> ч<то> Вы пишете мне на старый адрес¹. Поэтому посылаю открытку – открытки притче писем.

Холодно. Сыро. Завтра хороним старика Плещеева². Умер внезапно. Ему 87 лет. А близкие все стараются додуматься, не повредило ли ему что-нибудь, потому что с чего бы это так...

У нас сильно бушуют патриоты³ с Рошиным, Любимовым⁴ и Мишей Струве⁵... Приедете ли Вы? Рошин говорит, что нет, Михайлов, что да.

Обнимаю. Если эту открытку получите, напишу снова письмо.

Ваша Н.Т.

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ MS.1066/5424). Датируется предположительно по почтовому штемпелю и содержанию. Адрес: Villa Jeanette, Route Napoléon, Grasse, A<Ipes->M<aritimes>. (Обратный адрес: 59, rue Boissière, Paris.)

¹ См. примеч. 3 к №96.

² Александр Алексеевич Плещеев (1858–1944), литератор, сын известного поэта, умер 5 декабря 1944. Похороны состоялись 8 декабря.

³ В октябре 1944 был официально учрежден Союз русских патриотов и начался легальный выпуск газеты «Русский патриот» (Хроника. С.63). В письме от 4 февраля 1945 Зайцев сообщил Бунину, что Рошина «из “Русск<ого> П<атриота>” выставили, равно Любимова и М.Струве» (РАЛ MS.1066/5986; Новый журнал. 1980. №140. С.167-168).

⁴ Лев Дмитриевич Любимов (1902–1976), публицист, в ноябре 1947 выслан из Франции (Хроника. С.228), с 1948 в СССР, автор воспоминаний «На чужбине» (М.: Советский писатель, 1963).

⁵ Михаил Александрович Струве (1890–1949) – поэт.

108. ТЭФФИ – БУНИНЫМ

9 января <1945 г.> Париж

59, rue Boissière, Paris 16-e

9 января

Поздравляю Вас, дорогие, любимые, с окончанием сорок четвертого волчьего года.

Давно нет от Вас вестей, но знаю от других, что Вы благополучны и получили из Америки пакет¹. Зайцевы тоже ждут пакета. Я не жду, потому что в Америке знают, наверное, что я умерла. Даже некрологи были². А мертвые ни сраму, ни пакетов не имеют. Срам мне неинтересен (я вообще без претензий), а пакет не повредил бы³.

Живем мы, откровенно говоря, скверно. Ужасен холод. В моей комнате 4 градуса. Все ходим черные с белыми глазами. Хари.

Но вот на темном фоне яркое событие: Яблоновский женился⁴. К этому событию трудно как-нибудь отнестись. Человеческий разум

реагировать на это не может. Может быть, Вы за дальностью расстояния лучше все это поймете.

Я продала французам одну из своих книг, но издатель неожиданно начал вести замкнутый образ жизни, и книга, вероятно, не выйдет⁵.

Рощин говорит, что Иван Алексеевич его выругал. Это вполне понятно. Непонятно только, что он как будто гордится этим и радуется⁶.

Дорогие! Тепло ли Вам? Топится ли у Вас какая-нибудь печурка? Греет ли солнышко?

Девочка со спичками (андерсеновская) видела, замерзая, чудные сны⁷. А у нас спички отсырели, и снятся нам пауки и морская плесень.

Дорогие, хочу знать о Вас от Вас самих. Очень хочу. Пожалуйста, напишите.

Ваша всегда и навсегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7186). Год установлен предположительно по содержанию.

¹ В письме к находящемуся в Нью-Йорке М.А.Алданову от 19 декабря 1944 Бунин его благодарит «за устройство продовольственных посылок», а в письмах от 12 и 14 апреля 1945 уведомляет о получении 5 посылок (*Fedoulova R. Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov // Cahiers du Monde russe et soviétique* (Paris). 1981. Т. XXII/4. С. 477-479).

² Известен написанный М.О.Цетлиным некролог «Н.А.Тэффи» (Новый журнал. 1943. №6. С.384-386). Первый абзац некролога начинается и кончается предложениями: «До нас доходили только скудные вести о жизни оставшихся в Париже русских писателей. <...> Не дошло до нас никаких подробностей о ее <Тэффи> смерти»; и так остается необъясненным, на каком основании было сделано заключение, что Тэффи умерла. В письмах к дочери Валерии от конца 1944 и 12 июня 1945 Тэффи писала: «Не забудь прислать мне мои некрологи. Это очень интересно. Я уже знаю о том, что я умерла, что я живу в Лондоне, что я уехала в Канаду и что я вышла замуж»; «Весть о моей смерти была очень прочная. Рассказывают, что во многих местах (напр<имер>, в Марокко) служили по мне панихиды и горько плакали. А я в это время ела португальские сардины и ходила в синема» (БАРВК, фонд Тэффи). Тэффи ознакомилась с некрологом, написанным Цетлиным, гораздо позже, и в письме Бунина к Алданову от 17 августа 1945 читаем: «Тэффи настояла, чтобы я дал ей прочесть некролог о ней. Прочла и промолчала. Думаю, ужасно оскорблена. И я понимаю ее» (Новый журнал. 1983. №150. С.174). Однако в письме к Цетлиным от 27 августа 1945 Тэффи написала: «Дорогого Михаила Осиповича сердечно благодарю, что он помянул меня добрым словом, но я, к сожалению, жива. Говорю “к сожалению”, потому что жизнь моя не особенно хорошо сложилась» (Отдел рукописей библиотеки Иллинойского университета (США), фонд С.Ю.Прегель).

и В.В.Руднева). Вопросу о «прижизненных» некрологах Тэффи посвятила фельетон «Тот свет» (см. примеч. 4 к №111).

³ Тэффи впоследствии получала из Америки многочисленные посылки, о содержании которых часто писала дочери Валерии.

⁴ Жена журналиста Сергея Викторовича Яблоновского (Потресов; 1870–1953), Наталья Ивановна (1897–1978), была значительно моложе его.

⁵ По-видимому, речь идет о книге «La Lumière des humbles» (Paris: Nouvelles éditions latines, 1946). Договор об издании книги был заключен уже 5 июля 1944. 5 февраля 1945 Тэффи договорилась об издании книги «Ведьма» в переводе на французский язык, и эта книга тоже вышла в 1946: Vourdalak / Traduit du russe par G.Barbizan et V.Escassut. Paris: Maréchal. В письме к дочери Валерии от 24 января 1945 Тэффи писала: «“Maréchal” берет мою книгу “Ведьму” <...>. Первая книга в другом издательстве уже готова <...>, но издатель пока что еще не выпущен на свободу <...>, и книга застряла» (договоры и письмо. – БАРВК, фонд Тэффи).

⁶ Обмен письмами Бунина и Рощина в конце 1944 – начале 1945 по поводу их политических разногласий частично опубликован Л.Голубевой (И.А.Бунин – Н.Я.Рошин. История одной переписки // Вопросы литературы (Москва). 1998. №3/4. С.303-332. Следует отметить, что публикация писем Бунина – неавторизованная и тексты писем Рощина не сверены с оригиналами в РАЛ MS.1066/4789-4833). Однако на фоне нижеизложенного «бойкое» отношение Рощина к критике со стороны Бунина еще более удивительно, чем оно показалось Тэффи.

Когда Бунин узнал из писем Зайцевых в ноябре 1944 (см., например, письмо Зайцева от 8 ноября. – РАЛ MS1066/5982; Новый журнал. 1980. №140. С.158), что Рошин некоторое время активно собирал деньги якобы на него (Бунина), его первая реакция была бурной: «Прошу вас всех, мне близких, везде, где можно, говорить, что я никогда в жизни не просил капитана <Рощина> собирать мне милостынку, что я возмущен его дерзостью до последней степени, а ему самому напишу еще раз нечто весьма неприятное – говорю “еще раз” потому, что на днях отчитал его как следует за его газетку...» (письмо от 15 ноября 1944. – БАРВК, фонд Зайцева; Новый журнал. 1980. №138. С.158). Однако вечером того же дня Бунин передумал и написал Зайцевым: «...я не хочу позорить капитана, решившегося на эти сборы, очевидно, от своего вполне отчаянного нищенского положения. Бог ему прости – и точка, ничего никому не говорите об этой истории» (БАРВК, фонд Зайцева; Новый журнал. 1980. №138. С.159).

⁷ Имеется в виду сказка Х.К.Андерсена (1805–1875) «Девочка со спичками» (1845).

109. ТЭФФИ – БУНИНУ <13 марта 1945 г. Париж>

Дорогой Иван Алексеевич,

Только что звонила Михайлову, единственно по любви к Вам, чтобы узнать, действительно ли Вы едете в Париж. Уверяет, что действительно¹.

Было недавно заседание правления нашего Союза писателей². Было всего 4 персоны. Много говорили о Вас и выражали надежду, что Вы не откажетесь «возглавить» наш Союз. Хорошо было бы, если бы Вы не отказались, и будет Союзу очень плохо, если откажетесь.

Михайлов очень Вас любит, и мне поэтому всегда приятно с ним о Вас говорить. Важно еще то, что он не писатель, поэтому нет в нем ни зависти, ни подхалимства, а гладь и Божья благодать.

У нас стало теплее. У меня в квартире, конечно, холоднее, чем на улице, градуса на четыре, так что когда идешь мимо нашего дома, то чувствуется, как от него дует. Встретила недавно Н.И.Михельсон. Рассказала мне Ваши южные новости.

А у меня беда. Потеряла свой защитный цвет – свой смех. Все мне не смешно, все либо больно, либо скучно. И очень все некрасиво. Ну да не стоит обо мне говорить.

Прошел слух, будто Вы пишете роман³. Как это чудесно!

Вижу иногда Зинаиду Николаевну. Вот уж именно огонек, колеблемый ветром⁴. Идет-качается на тоненьких ножках-лучинках, почти не слышит, почти не видит, но внутренне живет отлично, все как прежде, и говорить с ней интересно.

Думаю, что это мое последнее к Вам письмо. Михайлов говорит, что в конце марта Вы будете в Париже. Он занят чисткой Вашей квартиры. Говорит, что на стенах плесень, а в углах грибы. А в маленькой комнате сидит Ляля.

Пользуюсь, как говорится, случаем, чтобы сказать Вам, что я люблю Вас, что всегда для меня счастье читать Вас и всегда радость (редкостная и – увы! – редкая) видеть и слышать Вас. Спешу об этом заявить, п<отому> ч<то>, когда будете в Париже, по-прежнему не часто захотите общения со мной.

Дорогую Верочку нежно целую.

Ждем Вас.

Жду Вас.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5425). Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: Villa Jeanette, Route Napoléon, Grasse, A<lpes-> M<aritimes>. (Обратный адрес: 59, rue Boissière, Paris.)

¹ Уже в феврале 1945 английская хозяйка виллы Жаннет сообщила Буниным о своем желании вернуться в Грасс и попросила их освободить вил-

лу к концу марта (дневниковая запись Буниной за 8 февраля 1945. – РАЛ MS.1067/416), но потом удалось отложить отъезд до конца апреля.

² Не установлено, о каком заседании идет речь.

³ См. №110 и примеч. 2 к нему.

⁴ Ср. слова Христа об Иоанне Крестителе: «...трость <...>, ветром колеблемую» (Лука 7: 24).

110. БУНИН – ТЭФФИ

21 марта 1945 г. <Грасс>

21.3.45. 12 ч. ночи,
молодая луна, в первый
раз услышал лягушек –
весна!

Милая, дорогая Сестрица, как благодарить мне Вас за Ваши письма, за Вашу всегдашнюю доброту ко мне! Мне даже немножко страшно – всю жизнь, всегда, кажется, вслед за чем-нибудь хорошим судьба была меня по голове, так что я, ей-Богу, уверился, что кто-то сидит за углом и бьет меня в некую минуту. Так и тут – все боюсь, что Вы вдруг скажете: «нет, я ошиблась в нем!» Не думайте, что шучу, – верю в кого-то злого за углом.

«Возглавлять» я, дорогая моя, ничего не способен. И на что я «союзу»? *Теперь я особенно ото всего уклоняюсь.*

От Вашего дома «дуло»? От нашего тоже, но все же, конечно, не так, как от Вашего. Но вот – как написано выше – весна!

Опять весна. Как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча, медленно – и рядом
Мой темный профиль движется со мной.
Еще аллея не сумрачен приют,
Среди деревьев небесный свод синееет,
А я иду – душистый холод веет
В мое лицо – и соловьи поют...

Совершенно божественные стихи Фета!¹ Так и я сейчас ходил по саду. Только соловьи не пели. Но лягушки весной не хуже соловьев.

Не верю, не могу и не хочу верить, что Вы потеряли свой «защитный цвет». А что Вам «все больно», этому верю. И это не доказательство, что потеряли. Кстати: если бы Вы знали, как больно и мне все! То есть воспоминания, которые теперь, как у всех, чья жизнь кончена, единственное, что мне осталось.

Пишу ли роман? Написал великое множество заметок для него, но романа, думаю, не одолею². Нет, *настоящего* никогда не напишешь, не выразишь! Да и стар я уже для этого – недостаточно глуп,

чтобы забыться. А ведь это необходимо – некое одурение, хмель, глупость...

Зинаида Николаевна... Ох, об ней поговорим при свидании – сложное дело³.

В Париже надеемся быть в конце апреля⁴. С ума схожу – как, как добраться до него! И особенно при той нищете, в которой я уже давно по горло нахожусь! (Не верьте брехне обо мне).

Горячо целую Вашу бесценную руку.

Ваш

Ив. Б.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи). Опубликовано: Зверс. С.152-153; Бабореко. С.131.

¹ Бунин цитирует (неточно) первые строфы стихотворения А.А.Фета (1820–1892) «Еще весна, – как будто неземной...» (1847).

² А.К.Бабореко предполагает, что речь идет о так и не написанном 2-м томе романа «Жизнь Арсеньева» (Бабореко. С.131).

³ Возможно, после описания предельной слабости Гиппиус в №109 у Бунина уже возникали мысли, которые он высказал за 5 дней до ее кончины в письме к Алданову от 4 сентября 1945: «Да, Зин<аида> Ник<олаевна> при смерти... Прости меня Бог, что думаю об этом сейчас, но не могу не думать: чего только не останется после нее в смысле ее гадючьих дневников насчет многих, многих из нас!» (Новый журнал. 1983. №150. С.180-181).

⁴ Бунины собирались выехать 29 апреля 1945, но не оказалось билетов на поезд, и они отложили свой отъезд до 2 мая (дневниковые записи Буниной за 28 и 30 апреля 1945. – РАЛ MS.1067/416). Таким образом, они приехали в Париж 3 мая 1945 (см. в дневниковой записи Буниной за 3 мая 1946: «Год, как мы приехали в Париж». – РАЛ MS.1067/416; Устами Буниных. Т.3. С.181).

111. ТЭФФИ – БУНИНУ

6 августа <1945 г.> Шавенсон

6 августа 1945 г.¹

Chez Lavroff,

Chavençon par Monneville
(Oise)²

Дорогой Иван Алексеевич!

Вы думаете обо мне так:

«Пришла, засела, натурчала, назвонила, накрылась хвостом и была такова».

А я не была такова. Я много действовала согласно моему плану. Через неделю буду в Париже и все расскажу. В моем фельетоне в «Новостях»³ я писала о том значении, которое имело бы Ваше лич-

ное участие в составлении полного собрания Ваших сочинений в России⁴. Эта моя заметка была сделана умышленно, как подготовительная для моей беседы с властями⁵.

Я вернусь в Париж дней через десять. Сейчас я в деревне. Здесь хорошо, спокойно. Я стала очень поправляться, но неожиданно, без всякой причины, вдруг сделался сердечный припадок. Это очень меня обидело. Теперь надо все снова налаживать.

Шлю мой привет Вам, как всегда, благоговейно-любящий. Вечерком пишу отдельно.

Ваша всегда

Тэффи

P.S. Сегодня вспомнила, как Вы критиковали моего «Саула» и упоминали, как *Вы* написали Авраама под дубом Мамврийским⁶. Так что же? Вы, может быть, хотели бы, чтобы я писала как *Вы*? Я бы тоже этого хотела. (Десять минут здорового смеха!) Уверю Вас. Очень бы хотела.

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5426). Год установлен по пометке Бунина.

¹ Год вписан Буниным.

² Тэффи снимала комнату на улице Буассьер в квартире своих старых знакомых, сестер-актрис Тамары Оксинской (по мужу Лаврова) и Марии Ач, и летом 1945 отдыхала в их загородном доме в расположенном к северо-западу от Парижа Шавенсоне.

³ Еженедельная газета «Русские новости» начала выходить в Париже под редакцией А.Ф.Ступницкого (1893–1951) 18 мая 1945 (Хроника. С.84).

⁴ В фельетоне «Тот свет» Тэффи писала о Бунине: «В России прошел и прочно утвердился слух о смерти И.А.Бунина. Бунин – академик, Нобелевский лауреат, первый современный русский литератор. Государственное издательство принялось за подготовку посмертного собрания его сочинений. Посмертного, а Бунин жив. Живой писатель сам готовится к печати, вычеркивает то, что считает слабее (какие-нибудь юношеские стихи). Положение автора “посмертного выпуска” сочинений какое-то странное. Мертвому, конечно, безразлично, а живому писателю, да еще такому прославленному, который будет причислен к лику классиков, видеть свои произведения представленными не в том виде, как он считает нужным, – очень неприятно. Вероятно, и для издательства мнение автора было бы ценно. Как эта история закончится – неизвестно» (Русские новости. 1945. №12, 3 августа. С.4).

⁵ Не зафиксированы контакты Тэффи с представителями советской власти в 1945 г. Все известные контакты такого рода (приглашения в советское посольство, предложение советского паспорта, встречи с советскими писателями и пр.) относятся к 1946 г. По поводу предложения репатрироваться в СССР см. примеч. 3 к №147 (постскрипту к письму Тэффи Цетлиной).

⁶ Речь идет о рассказе Бунина «Благовестие» (Возрождение. 1925. №116, 26 сентября), в котором упоминается «Дубрава Мамре» (ср.: Бытие 18: 1).

112. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<Август 1945 г.> Шавенсон

N.Teffi, chez Lavroff,
Chavençon par Monneville (Oise)

Дорогая моя Верочка,

Я в деревне. Начинаю немножко отдыхать, но в понедельник буду уже дома.

Вестей из Парижа не получала и сама никому не писала – Вам первой и последней. Захотелось именно Вас окликнуть. Хочется Вас повидать, с Вами посидеть и рассказать про горе-беду, которая-таки зацапала меня, нашла небось дорогу¹.

Верочка, дорогая, целую Вас крепко. Приеду – позвоню.

Ваша всегда

Тэффи

Боюсь, не уехали ли Вы куда.

Божественному привет.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7187). Датируется предположительно по сопоставлению с №111.

¹ Возможно, имеется в виду упомянутый в №111 сердечный припадок.

113. ТЭФФИ – БУНИНУ
<Конец сентября 1945 г. Париж>

Дорогой друг и брат!

Может быть, у Вас все-таки хватит энергии одолеть две мои лестницы по два колена каждая и зайти ко мне в пятницу к 5 ч. Порадуете болящую.

Безнадежно надеюсь.

Ваша сестра

Тэффи

P.S. Случайно нашла в «Войне и мире» созвучность Вашу с Толстым. Занятную.

Н.Т.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5427). Датируется предположительно по сопоставлению с №114: 28 сентября 1945 – пятница.

114. БУНИН – ТЭФФИ
28 сентября 1945 г. <Париж>

Дорогая, милая Сестрица,
самая главная Надежда Александровна!

Поздравляю, поздравляю
И хвостом в письме виляю,
Ибо нету сил déjà¹
Одолеть два этажа!

Ваш верный раб
Ив. Бунин

P.S. Вера тоже поздравляет и целует Вас.
28 сент<ября> 1945 г.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи). Опубликовано: Зверс. С.153.

¹ уже (франц.).

115. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<28 сентября 1945 г. Париж>

Сердечно поздравляю.
Крепко целую.
Искренно Ваша
Тэффи

Публикуется по автографу (открытка) (РАЛ MS.1067/7188). Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris. (Обратный адрес: 59, rue Boissière, Paris.) Датируется по почтовому штемпелю.

116. ТЭФФИ – БУНИНУ
<Начало 1946 г. Париж>

Дорогой и Единственный!

Вот какие мои дела.

Милый человек Б.Г.Пантелеймонов¹ хочет от меня рассказ². Рассказа написать я не могу. Кончено. Я даже читать не могу – ничего не понимаю. Вчера читала «Казачьи». Там сказано «Жали виноград»³. Ясное дело, что выжимали сок на вино. А мне все представлялось, что жали серпом. Ну, ничего не понимаю – даже тошнит. Где уж тут писать.

Я сократила «Саула», но чувствую, что ему не хочется. Собрала четыре рассказа-фельетона из военного нашего времени. Они ничего

себе, но читатели скажут: «Чего ради перепечатывать старые фельетончики?» Для книги это, конечно, водится, но для альманаха, кажется, нужно свеженькое⁴.

Не знаю, как быть.

Деньги, конечно, нужны, но нельзя же подводить такого милого издателя.

Что Вы мне посоветуете?

Между прочим, «Саул» принят американским журналом. Но писали, что неизвестно, когда смогут напечатать, т<ак> к<ак> на ту же тему пойдет уже принятый зайцевский «Давид»⁵. Обещали выплачивать посылками, и, по-моему, я уже какой-то кус Саула съела. Думаю, что приняли его только, чтобы меня не огорчить, т<ак> к<ак> действительно печатать его после «Давида» можно не раньше, как лет через десять. Им, вероятно, будет гора с плеч, если я Саула отберу.

До чего же он мне надоел, этот Саул! Вот связалась со старым жидом.

Посоветуйте.

Сегодня, т.е. в понедельник вечером, будет Пант<елеймонов> у Вас⁶. Обсудите с ним вопрос. Может быть, просто выдаст мне тридцать франков за бесчестье и совсем не печатать?

Я хвораю. Был grippe intestinale⁷. Теперь слаба. О Вас имею постоянные вести и радуюсь, что Вы поправились.

Помогите бедному Бор<ису> Гр<игорьевичу> выпутаться из всей этой истории. Главное не надо думать, что я могу что-ниб<удь> написать. Это невозможно.

Верочку целую.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5428). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888–1950) – ученый-химик, писатель. О дружбе Тэффи и Бунина с Пантелеймоновым см. воспоминания Тэффи «Мой друг Борис Пантелеймонов» (Новое русское слово. 1950. №14044, 8 октября. С.2), а также: Трубилова Е.М. Бунин, Тэффи, Пантелеймонов: История дружбы // И.А.Бунин и русская литература XX века. По материалам Международной научной конференции <...>. М.: «Наследие», 1995. С.195-206; другой вариант той же статьи в сб.: Bounine revisité / Publié sous la direction de Claire Hauchard // Cahiers de l'émigration russe. 4. Paris:

Institut d'Etudes slaves, 1997. С.129-140. О жизни Пантелеймонова см. публикацию: *Агурский Михаил*. Сибиряк на Мертвом море: О Борисе Пантелеймонове // Евреи в культуре Русского зарубежья: Сборник статей, публицистики, мемуаров и эссе. Т.1. Иерусалим: М.Пархомовский, 1992. С.83-96.

² Пантелеймонов собирал материалы для задуманного им альманаха, который вышел в парижском издательстве «Подорожник» в конце мая 1946 под названием «Русский сборник».

³ См. в гл. XXIX повести Л.Н.Толстого «Казачьи» (1863): «На некоторых дворах уже жали виноград».

⁴ См. №117 и примеч. 2 к нему о сочинениях Тэффи, которые вошли в «Русский сборник».

⁵ Речь идет о письме Алданова к Тэффи от 25 июня 1945 (БАРВК, фонд Алданова). О рассказе Зайцева «Царь Давид» см. №84 и примеч. 9 к нему.

⁶ О первой встрече Пантелеймонова с Буниными читаем в записи Бунинной об отношениях Зурова и Пантелеймонова: «В январе текущего года <1946>, во время болезни И<вана> А<лексеевича>, Бахрах сообщил, что некий Пантелеймонов, ученый химик, о котором я уже слышала от Зурова и Рошина, решил издать сборник <...> и что он хочет лично приехать и попросить рассказ у И<вана> А<лексеевича>. Хотя И<ван> А<лексеевич> был еще очень слаб, но все же он согласился принять его. <...> В назначенный день и час он приехал к нам. Всем понравился и внешностью и своим обращением – мягкий, тихий» (РАЛ MS.1067/128). В «Русском сборнике» впервые напечатан рассказ Бунина «Зойка и Валерия».

⁷ кишечная форма гриппа (*франц.*).

117. ТЭФФИ – БУНИНУ <Начало 1946 г. Париж>

Спасибо, дорогой Единственный, что так заботливо относитесь к моим унылым литературным шагам.

Конечно, название «Отмеченные дни» – черт знает что такое. Но все, что приходило в голову, было (представьте себе!) еще хуже.

Теперь надумала так: назвать все по первому рассказу «Цепь», а остальные пустить с подзаголовками¹. А? Что скажете? Имейте в виду, что я больна. Ухо-горло-нос. Милый Серов² обещал проколоть ухо, может быть, тогда и заглавие надумается попримечнее. Но мне кажется, что «Цепь» ничего.

Я ужасно устала и ослабела. Уже давно ничего не могу есть – все противно. Лежу то под одеялом, то сверху одеяла, и это вносит некое грустное разнообразие в мою жизнь.

Вот и все.

Пожалуйста, если согласны на «Цепь» с подзаголовками, то скажите об этом Б<орису> Гр<игорьевичу> Пант<елеймонову>, который, наверное, скоро к Вам заглянет.

Шлю сердечный привет, радуюсь Вашему выздоровлению. Верочку целую.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5429). Датируется предположительно по содержанию.

¹ В «Русском сборнике» под общим заголовком «Цепь» перепечатаны впервые опубликованные в газете «Последние новости» в сентябре 1939 – июне 1940 «рассказы-фельетоны» Тэффи «Отмеченные дни» (т.е. «Цепь»), «Сердце» (часть фельетона «Дни и минуты»), «Волки», «Большая №128» и «Один матрос» (С.49-69).

² Сергей Михеевич Серов (1884–1960) – врач.

118. ТЭФФИ – БУНИНУ

<1946 г. Париж>

Дорогой и единственный!

Посылаю Вам вслед это письмо.

В разговоре Вы упомянули, что дали Советам на прочтение ту книгу, что выходит у Зелюка¹. Очевидно, так как у Советов нет конвенции², то они смогут ее напечатать, и Вашему договору с Зелюком это препятствовать не может? Да?³

Зелюк со мной что-то крутит, как-то прячется, «не успел» подписать контракт, а рукопись увез печатать⁴. Он не знает, что у меня нрав крутой, хотя и мягкий. Пусть печатает, а если увижу, что жульничает, не дам «bon à tiger»⁵.

Второе, чем хочу поделиться, это впечатление от рассказа Пант<елеймонова> «Тобольск». Ведь это же сплошной Ремизов, который, по рассказам Пант<елеймонова>, правил его рукопись! Он даже поставил свое тавро – всюду его имя! И в той же книге пойдет сам Ремизов – вот, мол, как мы под двумя именами⁶. Мне жаль Пант<елеймонова>. Мне кажется, что рассказ хороший и был бы хорош и без тавра. Впрочем, Вы редактор – Вам и книга в руки. Я бы уговорила его пустить там рассказ, который Вы только что прочли и хвалили⁷.

Все это, пожалуйста, между нами. Мне Пант<елеймонов> исключительно симпатичен, и огорчить его хоть немножко совсем не хочется. Но, право, я как-то оторопела, читая «Тобольск».

Шлю сердечный привет от всего моего больного сердца (эдакая гадость!).

Ваша Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5430). Датируется предположительно по содержанию.

¹ В декабре 1945 Бунин послал в Москву по официальным каналам экземпляр нью-йоркского издания сборника «Темные аллеи» (об этом см. письмо Бунина к Н.Д.Телешову от 8 декабря 1945 в изд.: Литературное наследство. Т.84, кн.1. М.: Наука, 1973. С.627-628), а не текст расширенного парижского издания (об изданиях см. примеч. 2 к №102), которое вышло в изд-ве Ореста Григорьевича Зелюка (1888–1951) в конце ноября 1946 (дневниковая запись Буниной за 2 декабря 1946. – РАЛ MS.1067/416; Устами Буниных. Т.3. С.184).

² До 1970-х СССР не участвовал в международных конвенциях об авторском праве.

³ По договору Бунина с Зелюком от 21 ноября 1945 (РАЛ MS.1066/6043), при перепечатке сборника «Темные аллеи» после 1 июля 1947 (срок действия договора) лишь ссылка на издание Зелюка была обязательна. Однако после протеста Бунина, скорее текстологического, чем юридического характера, в начале 1946 вопрос о переиздании его произведений в СССР отпал (см.: Литературное наследство. Т.84, кн.1. С.628-629).

⁴ Речь идет о сборнике рассказов Тэффи «Все о любви» (Париж: La Presse française et étrangère – O. Zeluck, <1947?>).

⁵ Т.е. не подпишу в печать (*франц.*).

⁶ В «Русском сборнике» Ремизов напечатал «интермедию» «Мышкина дудочка» (С.19-48). В одноименной книге Ремизова очерк «Стекольщик» посвящен Пантелеймонову, с которым Ремизовы познакомились в 1937, и его жене, Тамаре Ивановне (урожд. Кристин; 1900–1979) (*Ремизов Алексей. Мышкина дудочка. Париж: Оплешник, 1953. С.129-150.*)

⁷ В напечатанном 29 октября 1950 в газете «Новое русское слово» письме в редакцию Бунин возражал против повторяемой Тэффи в своем некрологе Пантелеймонова («выдумки») о его редакторстве «Русского сборника»: «...я вынужден решительно заявить, что я не только не принимал участия в редактировании “Русского” сборника», но даже отказывался давать какие-либо советы Б.Г.Пантелеймонову, когда он обращался ко мне с вопросами, что поместить или не поместить в его издание, – давал свои советы только ему самому относительно его собственных произведений, которые он готовил для “Сборника”». Пантелеймонов напечатал в «Русском сборнике» рассказ «Святой Владимир» (С.95-121) и статью «Судьбы народов» (С.195-203).

119. ТЭФФИ – БУНИНУ

<1946 г. Париж>

Вот, дорогой и Единственный, – бомбардирую Вас письмами¹.

Дело на этот раз такое: моя книга должна выйти у Зелюка, но договор еще не подписан. Он мне говорил: «Условия те же, что у Бунина». Ладно. Но теперь пора точно знать, каковы эти условия. Он вскользь говорил, что выпускает Ваших книг не 5 000, а 3 000. Боится, что рынок невелик. Платит из 10%.

Я знаю, что он выдал Вам аванс при получении рукописи. *В каком размере?* По выходе книги выплатил остальной аванс, т.е. из расчета 10%? Ведь не согласились же Вы получать *по мере продажи книги?* Это уж совсем неприемлемо. Весь расчет ведется с продажной цены книги?²

О-о! как я все<го> этого не люблю. То ли дело «Петрополис»³ – не заплатил ни копейки, и рассчитывать было нечего. Спокойно.

Простите, что надоедаю так, странно и дико спаивает (не водкой) нас судьба стальным цыганским кольцом.

Простите.

Ваша всегда

Тэффи

Хворая, окривела на одно ухо.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5431). Датируется предположительно по сопоставлению с №118.

¹ Ср. №118.

² По договору Бунина с Зелюком (см. примеч. 3 к №118), расчетный тираж издания был 3 000 экземпляров, продажная цена книги – 150 франков, Бунин получил 10%, т.е. 45 000 франков: 25 000 франков при сдаче рукописи, 20 000 франков – по поступлении книги в продажу.

³ См. примеч. 4 к №132 о вышедшем в издательстве «Петрополис» сборнике рассказов Тэффи «Ведьма».

120. ТЭФФИ – БУНИНУ

<До 30 сентября 1946 г. Париж>

Дорогой и давно не увиденный!

Урвите минутку и приходите в понедельник.

У меня уже спрашивали, будете ли Вы. Я отвечала: «Надеюсь, хотя...»

Банин¹ все время, сбиваясь, называет меня Иваном Алексеевичем. Она говорит, что это когда она со мной спорит.

Явление психологически примечательное.

Дорогую Верочку целую и поздравляю с наступающим Днем.

Если освобожусь рано – приду поздравить в понедельник.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5432). Датируется предположительно: 30 сентября 1946 – понедельник.

¹ С французской писательницей и переводчицей азербайджанского происхождения Ум-эл-Банин Асадулаевой (Banine/Банин; 1905–1993) у Бунина в

1946 завязался своего рода роман, или, по определению самой Банин, «поединок». В своих воспоминаниях об этом эпизоде (Последний поединок Ивана Бунина // *Время и мы* (Тель-Авив). 1979. №40-41) Банин приводит письма Бунина к ней, а ее письма хранятся в архиве Бунина (РАЛ MS.1066/1762-1769). Одна из сестер Банин, Кубра, была замужем за сыном П.А.Тикстона Сергеем (о нем см. примеч. 1 к №45), который поддерживал контакт с Тэффи после смерти отца, и Тэффи познакомила Бунина с Банин 13 июня 1946.

121. ТЭФФИ – БУНИНУ <Декабрь 1946 г. Париж>

Вот, Высокий Друг мой, не успел Ваш выкормыш еще и из Марселя убраться, как уже набрехал на Вас. На Волконских тоже¹.
Воображаю, что он будет разделявать на родине!
Хвораю, без Вас скучаю. Обездарила в лоск. Прямо стыдно.
Обнимаю Вас трогательно (терпите, ничего не поделаешь).
Вот бы ввести поговорку: «Он терпелив, как бумага. Все терпит».
А Верочка бросила меня.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5433). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Речь идет о Рошине, который репатриировался в СССР в конце ноября 1946. 2 декабря 1946 Бунина записала в дневнике: «Капитан <Рошин> дал интервью, где сказал, что Ян <Бунин> едет в СССР, как и Волконские и другие представители аристократии. Почему он все врет? Трудно понять. И в последней открытке к Яну пишет, что он его любит больше всех на свете, <...> а сам, кроме пакостей, ему ничего не делал вот уже полтора года. Странное у него понятие о любви» (РАЛ MS.1067/416; Устами Буниных. Т.3. С.184). Открытка, о которой Бунина пишет, была отправлена из Марселя 4 ноября 1946, а в длинном письме, начатом 28 ноября на пароходе «Россия» и отправленном из Москвы, Рошин с гордостью перечисляет интервью, которые он давал представителям французской и американской прессы (РАЛ MS.1066/4826-4827; Вопросы литературы. 1998. №3/4. С.319; см. примеч. 6 к №108). 6 декабря 1946 газета «Русские новости» напечатала письмо Бунина в редакцию с опровержением «появившегося в некоторых французских газетах сообщения о моем отъезде в Россию» (№82).

122. ТЭФФИ – БУНИНУ <После 3 января 1947 г. Париж>

Великолепный друг мой!

Как хорош Ваш «Бал» в Новостях!¹

Вы больны, и я больна. Такая у нас пошла параллельность какому-то черту на радость для какой-то адской гармонии.

У меня сильный кашель, но я должна выходить по делам, и если не схвачу воспаления легких, то будет чудо. А у меня теперь если и бывают чудеса, то только самые поганые.

Начала усиленно думать о богадельне, п<отому> ч<то> безденежье наступает катастрофическое, а Ступницкий² может меня печатать с трудом раз в месяц за 2 тысячи. А Прегели платят шоколадом, притом отвратительным³.

Очень прошу дорогую Верочку позвонить мне – я очень беспокоюсь о Вашем здоровье⁴. Сама не звоню, п<отому> ч<то> не хочу беспокоить – у Вас все так сложно с телефоном⁵.

Очень думаю о Вас и очень желаю, чтобы было хорошо.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5434). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Рассказ Бунина «Памятный бал» опубликован в газете «Русские новости» 3 января 1947.

² См. примеч. 2 к №111.

³ Поэт и издательница Софья Юльевна Прегель (1894–1972) и ее брат, ученый-физик и композитор Борис Юльевич (1893–1976) (муж дочери М.С.Цетлиной Александры), щедро помогали нуждающимся русским культурным деятелям во Франции продовольственными посылками из США.

⁴ С конца декабря 1946 Бунин несколько месяцев болел. Подробно об этом см. письма Буниных к М.С.Цетлиной от января – апреля 1947 (Минувшее. Вып.8. С.312-322).

⁵ Ср. в письме Рощина к Бунину от 28 ноября 1946: «Телефонировал Вам с утра, <...> звонил потом два раза, и все тот же ответ: у Нилусов <соседей по лестничной площадке> кто-то болел, и Вы подойти к телефону не можете» (РАЛ MS.1066/4827; Вопросы литературы. 1998. №3/4. С.315; см. примеч. 6 к №108).

123. ТЭФФИ – БУНИНУ <Январь 1947 г. Париж>

Воскресенье

Хотела сегодня, Высокий друг мой, зайти к Вам, но сердце мое абсолютно не выносит холодного ветра, и живой мне бы до Вас было не дойти.

Хотелось узнать о здоровье и настроении.

По Вашему примеру послала Зелюку ругательное письмо. Эффект вышел молниеносный. – Он сразу же выпустил книгу, точно только и ждал, чтоб я его выругала. Прислал мне один экземпляр на поглядение, а всю книгу выпустит через 10 дней¹. Тогда, очевидно, снова взбодрив его руганью, получу я и деньги и смогу двинуться на юг. А то я на мели.

Все остальные дела налаживаются (дантист и прочее). Очень тормозит дело мое никудышное здоровьишко.

Пант<елеймонов> на этой неделе возвращается и, наверное, не откажется наладить наши дела с билетами и проч. Так-то в начале февраля двинемся². Я написала Беляеву³. Жду ответа. Хочу написать и Роговскому – мне дали его адрес: 3, av<енуе> Col<онел> Bonnet⁴. Может быть, и Вы его запросите. Говорят, он созывает народ направо и налево. Звал Феничку. Не хватает только Даманской⁵ и Гефтера⁶. То-то весело будет в подполье⁷.

Сколько авторских книг выдал Вам Зелюк? И надо ли и при этом его ругать? Я стараюсь шагать в ногу с веком.

Итак – при первом безветренном дне – может быть, во вторник – я зайду взглянуть на Вас.

Всегда Ваша

Тэффи

P.S. Сейчас получила письмо от Марьи Самойловны⁸. Фонд⁹ собирается послать мне 60 долларов *франками*. Что за идиоты! Все получают (думаю, что и Вы тоже) таинственными путями и меняют доллары здесь. Ведь это же глупо! Сейчас напишу ей, чтобы остановить ход идиотства¹⁰.

Н.Т.

Как она Вам послала? Через кого? Многие получают маленькими купюрами просто по авиону¹¹. Пожалуйста, ответьте!

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5435). Датируется предположительно по содержанию.

¹ См. примеч. 4 к №118.

² Речь идет о предполагаемой совместной поездке в Русский дом в Жуан-ле-Пэн (около Антиб на Лазурном берегу). Из-за состояния здоровья и Бунина, и Тэффи поездку пришлось отложить до марта, и тогда Тэффи выехала раньше Бунина (см. №125).

³ Борис Никандрович Беляев (1880–1956) – врач, в данное время работал в Русском доме в Жуан-ле-Пэн.

⁴ Евгений Францевич Роговский (1888–1950), директор Русского дома в Жуан-ле-Пэн, находился в Париже (указанный адрес – парижский) по делам. В письме к Цетлиной от 19 февраля 1947 Бунина сообщает: «Роговский все еще здесь. Он ждал выздоровления И<вана> А<лексеевича>, чтобы его сопроводить» (Минувшее. Вып.8. С.313).

⁵ См. №135, 142-143 и 145 о пребывании А.Ф.Даманской (о ней см. примеч. 5 к №80) в Русском доме в январе–феврале 1948.

⁶ Александр Александрович Гефтер (1885–1956) – писатель.

⁷ См. примеч. 9 к №90.

⁸ По всей вероятности, Цетлина откликнулась на призыв Бунина в письме от 9 января 1947: «Тэффи тоже больна, ей тоже необходимо ехать, — горячо прошу о скорейшей помощи ей, она в большой нужде» (Минувшее. Вып.8. С.312). В недатированном письме к Цетлиной сама Тэффи писала: «И<ван> А<лексеевич> говорил мне, что просил Вас добыть и для меня от Американского фонда субсидию. Я присоединяюсь к его просьбе, п<отому> ч<то> мне собственными силами никогда из этого тупика не выбраться. У меня очень холодно, угля сейчас не достать, и этот холод очень тяжело влияет на мои проклятые спазмы. К тому же в нетопленной комнате я постоянно простуживаюсь. Мне очень плохо» (Отдел рукописей библиотеки Иллинойского университета (США), фонд С.Ю.Прегель и В.В.Руднева).

⁹ Учрежденный в Нью-Йорке в 1918 Литературный фонд (Fund for the Relief of Russian Writers and Scientists in Exile / Фонд помощи русским писателям и ученым в изгнании) отправлял нуждающимся русским литераторам во Франции продовольственные и другие посылки, а также переводил деньги.

¹⁰ Сохранилось недатированное письмо, в котором Тэффи пишет Цетлиной: «Сердечно благодарю за хлопоты и помощь. Но нет никакого смысла пользоваться только тем путем, о котором Вы пишете. Очень многие из моих знакомых получают постоянно такие приветы из Америки и из Англии по авиону. Совершенно просто и верно» (Отдел рукописей библиотеки Иллинойского университета (США), фонд С.Ю.Прегель и В.В.Руднева).

¹¹ т.е. по авиапочте — par avion (франц.).

124. ТЭФФИ – БУНИНУ <Январь–февраль 1947 г. Париж>

Дорогой друг!

Получила сейчас express¹ от Беляева. Форменная чертовня. Дождь, ледяная крупа, буран.

С билетами туго.

По-моему, не надо связывать нашу судьбу с Роговским. Пусть едет вперед и все приготовит, а из-за одной ночи в вагоне, проведенной с ним, рисковать не стоит. Кроме того — мне готовится комната без отопления, «но если держать открытой дверь на лестницу, то будет не так уж холодно, — тем более что с двух сторон комнаты с отоплением». Какое-то кошмарное свинство. С двух сторон комнаты с отоплением, но мне их не дают.

Итак, по-моему: отпустить Роговского на его вольную волю — он, право, в дороге ни к чему. Вас обережет Пантелеймонов, а мне ладно место в дамском купэ². Переждем буран и ледяную крупу. Все это невесело.

Посылаю для развлечения письмо Беляева³.

Низко кланяюсь.

Настроение собачье.

Зелюк притаился. Печатает, что книга вышла, а ни книг, ни чека не вижу⁴.

Ваша Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5436). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Письмо с нарочным; правильно – *par exprès* (франц.).

² В конце концов Роговский сопровождал-таки Тэффи (см. №125), а Бунин ехал один (см. письмо Буниной к Цетлиной от 29 марта 1947 – Минувшее. Вып.8. С.318).

³ Приложенное письмо Б.Н.Беляева не сохранилось.

⁴ Сохранилось письмо О.Г.Зелюка от 11 марта 1947, к которому был приложен чек за сборник «Все о любви» (БАРВК, фонд Тэффи).

125. ТЭФФИ – БУНИНУ
<18 марта 1947 г. Жуан-ле-Пэн>

Вторник

Вот, дорогой и чудесный!

Немножко очухалась, поела и пишу Вам.

Роговский молодчина. Довез меня отлично. Ехать было удобно, и напрасно мы так боялись *couchettes*¹. Воздуху много, и если взять с собой большую подушку, то и совсем хорошо. У меня было нижнее место, а на самом верхнем еще лучше, п<отому> ч<то> выше потолок. Ехала я после длительного сердечного припадка, и то все обошлось хорошо.

Встретили на вокзале Машенька Ставрова² и еще один неизвестный.

Погода сегодня с легким ветерком, но солнечная и приятная. Доктор Беляев очаровательно любезен и предупредителен.

Завтракала у себя в комнате, п<отому> ч<то> очень еще усталая. Завтрак был отличный! А я, Вы знаете, привередливая.

Комната чистая, светлая, *cabinet de toilette*³, все удобно и хорошо. Вид на пальмы и через них на море. В доме очень тихо, «не шелокнет, не прогремит»⁴. Вообще все лучше, чем может представить наше разнузданное воображение. Одним словом – впечатление самое отрадное.

Буду Вас ждать 22-го⁵. Не бойтесь ехать. Ляжете в 8 ч. и рано утром будете на месте. Ночь, во всяком случае, будет лучше, чем дома, п<отому> ч<то> будете сознавать, что сорвали с себя эти путы, которые держали нас в Париже, и, наконец, едете. Я взяла слово с Пантел<еймонова>, что он озаботится о Вас. Он даже надумал прийтись сидя в Ваш вагон, довести Вас и сразу же вернуться в Париж. Выше этого разве только подвиг Жанны д'Арк, пожертвовавшей жизнью для спасения Франции.

Ставровы очень поправились и довольны. Словом – можете ехать спокойно и даже радостно.

Дорогую Верочку крепко целую и благодарю за заботу обо мне в последние трудные дни.

Робко и преданно обнимаю Вас, очень много думаю о Вас (еще больше, чем всегда) и жду 22-го.

Я – старый ворон. Все знаю. Знаю, что Вам здесь будет хорошо.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5437). Датируется предположительно по содержанию и по указанию дня отъезда Тэффи из Парижа в письме Бунина к Алданову от 16 марта 1947 (Новый журнал. 1983. №152. С.172). 18 марта 1947 – вторник.

¹ полк (спальных мест) (*франц.*).

² О Ставровых см. примеч. 1 к №68. Они жили в Русском доме с февраля 1947 (см. письмо Буниной к Цетлиной от 29 марта 1947. – Минувшее. Вып.8. С.319).

³ уборная (*франц.*).

⁴ Ср. начало гл.10 повести Н.В.Гоголя «Страшная месть» (1832): «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни шелохнет; ни прогремит».

⁵ «22» исправлено Буниным на «23». Бунин выехал из Парижа ночным поездом 22 марта и приехал в Жуан-ле-Пэн утром 23-го. Он жил в Русском доме до начала июня 1947 (см. его письма к Алданову от 2 мая 1947 и к Цетлиной от 18 июня 1947. – Новый журнал. 1983. №152. С.172-173; Минувшее. Вып.8. С.322).

126. ТЭФФИ – БУНИНУ

<Июль 1947 г. Париж>

июль 47 г.¹

Друг, восторженно любимый,

Вы забыли записать адрес глазного врача. Это:

Docteur Golovine²,

7 Rond-Point de Mirabeau

(большой дом как раз против моста)³

Tel. Vau<girard?> 86-21.

Он принимает по вторникам всегда от 3–5, но если позвоните, то может и в другой день.

Сохраните, пожалуйста, номер «Н<ового> Р<усского> Слова», где пачкают Сережу Тикстона⁴. Для начинающего финансиста это будет чтение приятное и полезное.

Читала Лорису⁵ Ваши стихи. Он очень тонкий человек. Хорошо знает всю иностр<анную> литературу, но русскую неважно, т<ак>

к<ак> с детства мотался по границам. Ваши стихи чрезвычайно ему понравились, особенно «Пастухи пустыни». Я-то была права, отмечая их восхищением. Там есть некая радиоактивность. Представьте себе, что именно в простом слове «темно-синем» совсем особое очарование⁶. Ну, да об этом можно очень много говорить.

Милой В<ере> Н<иколаевне> сердечный привет.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5438). Датируется предположительно по содержанию и по пометке Бунина.

¹ Вписано Буниным.

² Возможно, имеется в виду Сергей Сергеевич Головин (ум. 1985). 6 сентября 1947 Бунины ходили к Головину на консультацию (дневниковая записка Буниной за 7 сентября 1947. – РАЛ MS.1067/423).

³ Имеется в виду Rond-Point du Pont Mirabeau – площадь на южном берегу Сены, около моста Мирабо.

⁴ Речь идет о статье парижского корреспондента газеты «Новое русское слово» «Процесс эмигрантского Каннинферштана» (1947. №12874, 25 июля. С.3), в которой рассказывается о суде над русскими коллаборантами, один из которых «попадает в торговле золотыми монетами в сообщничестве с неким эмигрантом Тикстоном».

⁵ Имеется в виду Иосиф (И.Г.) Лорис-Меликов (1872–1948). После приведенной в примеч. 9 к №87 цитаты из ее мемуарного очерка о Гиппиус, Тэффи продолжает: «И лучше всего, когда мы оставались с ней вдвоем или втроем. Третьим был очаровательный И.Г.Лорис-Меликов, старый дипломат, человек блестяще, всесторонне образованный. Он великолепно знал мировую классическую литературу, старых и новых философов и учил З.Гиппиус мольеровскому стихосложению» (Возрождение. 1955. №43. С.91). Сохранилось четыре письма Лорис-Меликова к Тэффи от 1947–1948 (БАРВК, фонд Тэффи).

⁶ Речь идет о стихотворении Бунина «Тонет солнце, рдяным углем тонет...» (1905), 3-я строфа которого начинается строкой «Пастухи пустыни, что мы знаем!», а в 4-й строфе есть строка «На вечерней тверди темно-синей».

127. ТЭФФИ – БУНИНУ

<Июль 1947 г. Париж>

июль 47 г.¹

Да, чудо мое, я бы Вас простила, если бы письмо дошло. Но я его не получила! Очень досадно.

Последнее письмо (деловое) получила и бесконечно Вам благодарна за заботу обо мне. Если ничего не выйдет, то уже вышла радость – оттого, что Вы обо мне подумали и меня жалеете².

Чувствую себя отвратительно. Задыхаюсь в моей безвоздушной комнате. Спать не могу. Вообще – или жара кончится, или я кончусь,

а вместе мы существовать не можем. Очень бы хотелось зайти к Вам, но боюсь выйти и не знаю, хотите ли Вы меня видеть.

Безумные Пантелеи³ ездят печься на солнце.

Перечитываю «Мертвые души». Оказывается, что реку с загогулинами Сирина стащил у Гоголя! А мы-то его костили!⁴

Шлю сердечный привет и вечную благодарность. Буду ждать гороха, бобов и чечевицы от щедрот фондовых.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5439). Датируется предположительно по содержанию и по пометке Бунина.

¹ Вписано Буниным.

² По-видимому, имеется в виду намерение Бунина обратиться к Александре Львовне Толстой (1884–1979), которая в 1939 учредила благотворительный Толстовский фонд в Нью-Йорке, за дополнительной помощью для Тэффи (см. об этом его письма к Алданову от 31 июля–1 августа и 23 августа 1947 и к Цетлиной от 4 и 18 августа 1947. – Новый журнал. 1983. №152. С.176, 180-181; Минувшее. Вып.8. С.323).

³ Т.е. Б.Г. и Т.И. Пантелеймоновы.

⁴ См. в 9-й главе поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души» (1842): «...с осветившеюся речкою, там и там пропадающею блещущими загогулинами между тонких тростников...». Не зафиксировано в произведениях Набокова (Сирина) сочетание слова «загогулина» с рекой, но во 2-й главе романа «Машенька» (1926) оно применяется к Советской России и в 15-й главе романа «Подвиг» (1932) к картине («эскиз углем, женообразная загогулина»). Не зафиксированы также критические замечания по поводу употребления этого слова Набоковым.

128. ТЭФФИ – БУНИНУ

<Июль 1947 г. Париж>

июль 47 г.¹

Четверг

Чудо мое замечательное!

Получила сегодня Ваше милое письмо. Завтра же напишу Галине. Маргу я хорошо знаю и даже подарила ей когда-то вечернее платье и меховой молью траченный воротник² – выигрыш в лотерею.

Если даже ничего из перевода не выйдет, то у меня все-таки есть огромная радость – что Вы обо мне так ласково подумали³. Благодарю ото всего сердца, со всеми его перебоями.

Кстати о сердце. Ничуть не удивляет меня, что у Вас сердце усало. Это от духоты. Сейчас, увидите, будет гораздо лучше.

Между прочим: купите парафиновые boules⁴, чтобы затыкать уши от утреннего рева. Очень помогает.

Пантелеи собираются уезжать, сами не знают куда, и денег у них нет. Хотели перед отъездом с нами объединиться. Он будет по этому поводу звонить или писать. Он дописал Менделеева⁵ и хочет Вам показать и ужасно боится. Вы уж его подбодрите, а то еще запьет (это между нами).

Еще раз сердечно благодарю.

Ваша всегда

Тэффи

P.S. Меня удивляет, что на адрес Галины не надо писать Allemagne⁶. Но раз Вы так думаете, т.е. велите, – значит, так и напишу.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5440). Датируется предположительно по содержанию и по пометке Бунина.

¹ Вписано Буниным.

² Ср. №67 и 94. В письме к Тэффи от 14 сентября 1947 (см. примеч. 3) Степун пишет: «У меня все сгорело в Дрездене, а вот единственное, уцелевшее чудом черное платье из тафты, что Вы мне подарили, висит в шкафу, и я его надену в следующем концерте. Я его очень люблю».

³ По-видимому, Бунин посоветовал Тэффи обратиться к Кузнецовой и Степун, которые в 1947–1949 устраивали переводы его произведений в немецких и австрийских издательствах и журналах. В 1947, например, Кузнецова вела переговоры с издательством «Франц Эренвирт» в Мюнхене об издании перевода «Освобождения Толстого» (1937) (сохранился договор. – РАЛ MS.1066/2338-2340), а также об издании тома «Избранного». (Эти книги не были опубликованы.) Судя по совместному письму Кузнецовой и Степун к Тэффи из Мюнхена от 14 сентября 1947 (БАРВК, фонд Тэффи), она послала им экземпляр книги «Все о любви» (см. примеч. 4 к №118), который они передали немецкому переводчику Фреду Оттову (Ottow) после того, как Степун сама перевела два рассказа для выходящих в Штуттгарте сборников «Story: Novellistik des Auslands». В том же письме Степун упоминает свой перевод на немецкий язык рассказа Бунина «Ворон» (см. примеч. 2 к №104), который она уже поместила в «Story» (*Bunin, Ivan A. Der Rabe // Story. №12. Т.1. С.26-28*). 15 ноября 1947 Оттов обратился к Тэффи с предложением устроить переводы ее рассказов в выходящих в Мюнхене журнале «Münchener Magazin» и сборниках «Stimmen der Völker: Meisternovellen der Weltliteratur». Сохранился контракт от 16 декабря 1947, который Оттов подписал 5 февраля 1948 (Там же). Судя по письму Степун к Тэффи из Нью-Йорка от 19 декабря 1949 (Там же), переводы Оттова были напечатаны. Их выходные данные не установлены. См. также №150.

⁴ шарики (здесь – затычки) (*франц.*).

⁵ Повесть «Менделеев» – беллетризованная биография химика Д.И. Менделеева (1834–1907) – вошла в последнюю вышедшую прижизненно книгу Пантелеймонова «Золотое число» (Париж, 1949).

⁶ Германия (*франц.*).

129. ТЭФФИ – БУНИНУ
<Начало августа 1947 г. Париж>июль 47 г.¹

Вот дорогое Чудо мое, я – старый ворон – была права, когда говорила, что жара скоро кончится и начнутся дождички. Теперь в Париже будет лучше, чем в горах, где начнутся дождища.

Теперь о деле. Я, кажется, гораздо больше, чем Вы сами, уязвлена уважаемым Окуlichem. По моему настоянию, Пант<елеймонов> попросил Прегель поскорее раздобыть газету, где уважаемый Окулич Вас оклеветал. Его обвинение не имеет никакого отношения к политике. Он приписывает Вам грязный поступок. Это диффамация, наказуемая законом. Оставлять это без внимания нельзя. Когда мы получим номер газеты, нужно будет, чтобы Вы в той же газете напечатали письмо с призывом Окулича к ответственности. Без ругани, но строго. Его за клевету в печати посадят в тюрьму. Со свинячьим выводком молодых Струве разговаривать не стоит².

Ужасно все это противно. А читали Вы «Епархиальные ведомости»³? Чего только не набрехал Шмелев в «Еловых лапах»⁴! Нет у человека чувства юмора.

А в прошлом номере Берберова писала про кого-то, что «он был окружен женой»⁵. Чем не сказано. Просто, значит, она своей персоной со всех сторон его окружила. Понять трудно, но завидно.

Вот, все думаю о Вас. Пантелеймоновы еще не уехали. Кажется, денег нет, да и некуда – везде все занято. Дядя Володя⁶ фантазирует «нанять лодку и плыть по течению». На днях забегу.

Ваша всегда

Тэффи

Дорогую Верочку целую.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5441). Датируется предположительно по содержанию, несмотря на пометку Бунина.

¹ Вписано Буниным.

² Речь идет о статье И.К.Окулича, напечатанной 19 июля 1947 в газете «Русская жизнь» (Сан-Франциско), в которой сообщается, как о факте, о поездке Бунина в СССР после войны и намечается на его роль в выдаче генерала П.Н.Краснова (1869–1947) советским властям, и о письме в редакцию газеты от Глеба Петровича Струве (1898–1985), который защищает Бунина от «уважаемого И.К.Окулича». Как видно из письма Бунина к Цетлиной от 25 октября 1947, к которому он приложил вырезку с письмом Струве, его гораздо больше возмущала несколько двусмысленная защита Струве, чем явная ложь Окулича (Минувшее. Вып.8. С.326-327).

³ Т.е. газета «Русская мысль», которая начала выходить 19 апреля 1947 (Хроника. С.194).

⁴ «Заметы: Еловые лапы» И.С.Шмелева опубликованы в газете «Русская мысль» 2 августа 1947 (№16. С.4-5).

⁵ Речь идет об опубликованном в газете «Русская мысль» рассказе Н.Н.Берберовой (о ней см. примеч. 4 к №67) «Капут», в котором читаем: «Какая разница между этой ленивой, пахнувшей тлением атмосферой итальянских сфер и воздухом жестокой, спартанской казармы Франка в Варшаве, окруженного доброй, уютной женой» (1947. №15, 20 июля. С.6).

⁶ Т.е. Пантелеймонов, у которого был цикл рассказов «Приключения дяди Володи».

130. ТЭФФИ – БУНИНУ
6 сентября <1947 г. Париж>

6 сентября

Дорогой и волшебный друг мой!

Сегодня прочла у Шолохова:

«Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей ты смотришь золотистыми глазами...

Пахучие и густые как чеборцовый мед бунинские строки».

Видите, какой грамотный. Только что это у Вас за мед такой «чеборцовый»?¹

Верещагину (Владимиру Александровичу 38 bis B<oulevard> de la République, Boulogne (S<eine>)) ответить трудно². Надо политично, во избежание разрыва сердца. Лучше всего, говоря по-одесски, заморочить голову. «Стихи прочел, некоторые очень милы. К сожалению, их было бы трудно теперь печатать. От них веяние апухтинской эпохи, а теперь от поэтов требуют особых фортелей поэтической техники. Не приемлют отглагольной рифмы, да и вообще на рифму смотрят косо. Предпочитают ассонансы, иногда даже прямо диссонансы, если они полярно дисгармонируют. Так в народном творчестве “Федул губу надул” – считается уже отжившим, а “Приехали с орехами” звучит современно».

Вот так ему написать, ему сразу схватит живот, а потом душа просветлеет.

Пантелей очень волнуется, не обиделись ли Вы на него³. Он Вас так трепетно любит, вроде как я, только глупее.

Была у меня Банин. Такая хорошенькая, что пора Вам на нее поглядеть⁴.

Завтра панихида по Семенове Возрожденском⁵. Надо пойти.

А мне все скучно, скучно, скучно. (Вышло как будто несмотря на панихиду. Вот так пишу!)

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5442). Год установлен по письму Бунина к Банин от 12 сентября 1947 (см. примеч. 4).

¹ В гл.5 кн.3 (ч.6) романа М.А.Шолохова (1905–1984) «Тихий Дон» (1928–1940) читаем о Евгении Листницком, что он «прочувственно шептал:

Мечтай, мечтай... Все уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами...

С любовью перебирал все сохранившиеся в памяти, пахучие и густые, как чабрецовый мед, бунинские строки. И опять засыпал...» Приводятся первые строки стихотворения Бунина «Собака» (1909).

² Владимир Александрович Верещагин (1888–1981) и его жена Мария Николаевна (урожд. Розова; ум. 1988) стали близкими друзьями Тэффи в последние годы ее жизни. Еще в молодости Верещагин выпустил сборник своих стихов (Стихотворения. СПб.: Новое время, 1913), а в 1955 опубликовал в Париже несколько стихотворений в журнале «Возрождение» и сборник «Стихи».

³ Этот момент не отражен в письмах Пантелеймонова к Бунину.

⁴ Эти слова из письма Тэффи дали Бунину повод для возобновления своего «поединка» (см. примеч. 1 к №120) с Банин. Он их приводит в своем письме к Банин от 12 сентября 1947 и добавляет: «Вот мне и хотелось поглядеть» (Время и мы. 1979. №41. С.50). Так состоялась последняя встреча Бунина с Банин.

⁵ Юлий Федорович Семенов (1873–1947) был редактором газеты «Возрождение» в 1927–1940.

131. ТЭФФИ – БУНИНУ
<11 октября 1947 г. Париж>

Суббота

Дорогой и единственный!

Вот какие дела.

Вчера приходил ко мне один господин, хорошая знакомая которого только что приехала из Juan-les-Pins. Она лечилась у Беляева, но жила не в Русском Доме. Беляев просит через эту даму, чтобы мы *негласно* (не говоря о его просьбе) заступились за него и Софью Никитишну¹, которых выживает большая белая баба (я забыла ее фамилию)². Она живет около Грасса, там у них именице, она замужем за англичанином, писала стихи, словом, Вы ее знаете. Она завладела

Русским Домом, третирует Соф<ью> Ник<итишну> и доктора, кричит – «теперь все будет по-моему, а не по-вашему». Роговский слушает ее, п<отому> ч<то> она обещает через мужа-англичанина добыть какие-то деньги от англичан. Доктор очень горюет, что столько трудов и жертв понесла Соф<ья> Ник<итишна>, и теперь их выгоняют. Белая баба, кажется, пренаглая, и с ней кроткому Беляеву не справиться. Как быть? Как бы да помочь?

Она все повторяла нам: «Это ваш дом». Если наш, то мы имеем право голоса.

Если успею – зайду сегодня.

Я очень огорчена печалью милых людей – Ник<олая> Иван<овича>³, доктора и С<офьи> Н<икитишны>.

Ваша всегда

Тэффи

15-го приезжает моя дочь, и я бегаю, ища поблизости комнату в отелях⁴.

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5443). Адрес: 1, rue Jacques Offenbach, Paris. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ По словам Буниной в письме к Цетлиной от 29 марта 1947, Софья Никитична Шиловская была «подругой жизни» Б.Н.Беляева (Минувшее. Вып.8. С.320).

² Возможно, Вера Марковна Дория (Dauriat; урожд. Погребенская; 1891–1978) (см. дневниковую запись Буниной за 7 января 1949. – РАЛ MS.1067/423).

³ Николай Иванович Протасов, в прошлом моряк, заведовал хозяйством Русского дома.

⁴ Возможно, речь идет о первом приезде дочери Тэффи Валерии в Париж из Лондона после войны. Ср. в письме Тэффи к дочери от 2 октября 1947(?): «Как только получишь визу, моментально телеграфируй, чтобы я задержала комнату, п<отому> ч<то> все здешние hôteliers <хозяева гостиниц (франц.)> говорят, что должны знать дня за три, иначе комнаты не будет» (БАРВК, фонд Тэффи).

132. ТЭФФИ – БУНИНУ
<4 ноября 1947 г. Париж>

4.XI.47¹

Друг чудесный!

Непрерменно приходите в четверг. Будет Пантелей именно потому, что рассчитывает Вас увидеть.

До свидания.

Жду непременно.

Ваша Тэффи

Если можно, принесите книгу с «Козой»² для Рощиной³ и мою «Ведьму»⁴. Хорошо?

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5444). Датируется предположительно по пометке Бунина.

¹ Вписано Буниным.

² Возможно, речь идет о 6-м томе «Собрания сочинений» Бунина (Берлин: Петрополис, 1935), в которое вошло впервые опубликованное в берлинском журнале «Жар-птица» (1921. №2) стихотворение «Сказка о козе» (1915).

³ Е.Н.Рощина-Инсарова (см. примеч. 1 к №95).

⁴ Сборник рассказов Тэффи «Ведьма» (Берлин: Петрополис, 1936). По-видимому, Тэффи готовилась к своему вечеру (см. №133).

133. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
<6 ноября 1947 г. Париж>

Дорогая моя Верочка!

Я измучилась вконец. Все эти записи, расчеты и счета мне не по силам¹. Мое здоровье очень ухудшилось. Начались головные боли. Хочется бросить все и идти в богадельню.

Посылаю все-таки (в твердом еще уме) бил<еты> № 113 и №115 по 200 фр<анков> в 5<-м> ряду для Гликбергов² и 121, 123, 125, 127, 129 и 131 – в 6-м ряду по 200. И еще 7 бил<етов> в 12<-м> ряду.

Крепко целую. Думаю об Илюше³. Я бы все равно не смогла так далеко ехать, даже и без забот о вечере. Плохо мне.

Твоя верная

Тэффи

Стребую у Константинова⁴ все, что есть, 13<-го> ряда и билетов 10 14-го⁵. Их легче всего продать.

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7189). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Речь идет о продаже пригласительных билетов на вечер Тэффи 26 ноября 1947. (В архиве Буниной сохранилось приглашение на «Soirée littéraire de N.Teffi avec le concours de Madame Rochtchina» – Литературный вечер Н.Тэффи с участием г-жи Рощиной (франц.) – РАЛ MS.1067/7198.)

² Имеется в виду председатель Одесского землячества в Париже Даниил Львович Гликберг (1881–1952) и его жена, Анна Степановна.

³ 6 ноября 1947 в русском доме отдыха в Нуази-ле-Гран состоялось «собрание памяти и заочное отпевание» погибшего в Освенциме И.И.Фондаминского (Хроника. С.225).

⁴ Возможно, Николай Алексеевич Константинов (1882–1952).

⁵ Перечисленные Тэффи ряды и номера билетов совпадают по большей части с датированным 23 ноября 1947 списком проданных билетов в дневнике Буниной (РАЛ MS.1067/423).

134. БУНИН – ТЭФФИ
3 января 1948 г. <Жуан-ле-Пэн>

3/1/48

Милая, дорогая, бесконечно огорчен, что не мог горячо поцеловать на прощанье Вашу руку! Если можете уже, напишите 2 словечка, как Вы теперь? Надеюсь, совсем поправились?¹ От всей души молю Бога о том! Вместе с Верой поздравляю Вас с Новым Годом и Новым Здоровьем. А мои делишки пока все еще очень плохи – вот уже больше недели мы тут², а я все в постели и в постели... Целую Вас с неизменной, верной любовью.

Ваш

Иоанн Рыдалец

Публикуется по автографу (открытка) (БАРВК, фонд Тэффи). Адрес: 59, rue Boissière, Paris. (Обратный адрес: Villa «Le Fournel», Chemin du Fournel, Juan-les-Pins, A<lps>M<aritimes>.)

¹ Тэффи заболела во время своего вечера 26 ноября 1947. В письме к дочери Валерии от 1 декабря 1947 она пишет: «Во втором отделении я должна была читать стихи, но тут случилась такая спазма, что я выйти не смогла, и меня сменила Рощина. <...> А меня волокли в автомобиле домой. Я полежала, вижу, что дело дрянь, вприснула себе морфий, и только к утру спазма ушла, но так меня разбила, что два дня пролежала пластом и все спала» (БАРВК, фонд Тэффи). В письме Т.А.Оксинской к Валерии Грабовской от 23 декабря 1947 читаем: «Теперь, слава Богу, все позади, но я считаю, что я должна Вам сказать то, что в действительности произошло. <...> У нее <Тэффи> лопнул сосуд в сердце. Это произошло 2 décembre <декабря (франц.)> в 9 час<ов> вечера. У нее хватило силы воли сделать именно то, что ее спасло. 3 всприскивания морфия. <...> Первые дни после этого кровоизлияния врач <Б.Н.Беляев> ночевал у нас, так как она была катастрофически слаба. <...> Теперь ей значительно лучше, доктор велел лежать месяц. <...> Шок ведь был ужасный» (Там же).

² В письме от 8 декабря 1947 Бунин сообщил Цетлиной, что «взяли билеты на 25 декабря» (Минувшее. Вып.8. С.328).

135. ТЭФФИ – БУНИНЫМ
<7 января 1948 г. Париж>

Дорогие мои!

Вернувшись с того света, желаю Вам обоим в наступающем году здоровья и, просто говоря, денег.

Очень мне интересно – как у Вас там. Хорошо ли кормят и топят? Не замучила ли Вас Даманская?

Я еще лежу. Слаба. Да и не хочется вставать. Чего ради? Встану – придется руками махать – стелить постель, мести комнату, а от этого делаются спазмы.

Теперь у меня новое удовольствие – бессонница. Сплю только днем, часа четыре, не больше. А потом – кончено. Никакие средства не помогают. И это очень утомляет и мешает выздоровлению.

Читала новый роман, Гонкуровскую премию Jean Louis Curtis «Les forêts de la nuit»¹. Хорошая вещь. У Алданова² он, наверное, есть. Прочтите.

Начала письмо, кажется, неделю тому назад, да и не осилила. Последние дни чувствую себя значительно хуже. Давление с 15 упало до 11. До сих пор дни и ночи читала – теперь не могу. Интересно – что будет дальше. Накачиваюсь камфарой.

Добрая милая – прислала 2.000 за билет. Все уходит в прорву лекарств.

За комнату набавили почти вдвое. Словом – все как по маслу.

А Америка, вероятно, от нас откажется, и не видать нам гороху с чечевицей как ушей своих³. Все стоки пойдут Берберовой – дай ей Бог вспучиться. В одной из статей она очень улыбается Карповичу⁴. Значит, готовы новые «Лакей и девка»⁵.

Слышала я, что дорогой мой и обожаемый Иван Алексеевич простудился, но уже поправляется. Плохо представляю себе Вашу жизнь там.

Я мало кого вижу, поэтому гости утомляют. Лежу в страшной тоске совсем одна. По вечерам наши дамы⁶ часто уходят, и тогда я как уцелевший матрос в подводной лодке.

А Париж, говорят, так и гудит. Все чувствуют Прегель⁷. Причем с ужасом убеждаются, что от нее, как от козла.

Видаете ли Роговского? Рощина готовит к своему вечеру стихи Бунина⁸. Особенно хороша у нее «Оленушка»⁹.

Вот и все, что позволяют мне силы душевные и телесные высказать Вам, любимые мои. Живите. Кланяйтесь солнышку (Господи! Как оно мне надоело!).

Целую и люблю.

Тэффи

Публикуется по автографу (ПАЛ MS.1066/5445). Адрес: Villa «Le Fournel», Chemin du Fournel, Juan-les-Pins, A<Ips->M<aritimes>. (Обратный адрес: 59, rue Boissière, Paris.) Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Роман Жан-Луи Кюртиса (1917–1995) «Les Forêts de la nuit» – «Ночные леса» (Paris: Julliard, 1947) был удостоен Гонкуровской премии за 1947.

² С января 1947 Алдановы жили в Ницце.

³ Как выяснится ниже (см. №139), Тэффи здесь намекает на раскол в Союзе русских писателей и журналистов в ноябре–декабре 1947 (см.: Хроника. С.227, 231) и на возникший в этой связи между Буниным и Цетлиной конфликт, о котором речь пойдет в дальнейших письмах.

⁴ Имеется в виду опубликованная в газете «Русская мысль» (1947. №16. 22 ноября. С.5) статья Берберовой «Новый журнал», в которой речь идет о Михаиле Михайловиче Карповиче (1887–1959), историке, с 1927 профессоре Гарвардского университета, с 1945 редакторе «Нового журнала».

⁵ Рассказ Берберовой «Лакей и девка» опубликован в 1937 в журнале «Современные записки» (№64).

⁶ Т.е. Тамара Оксинская и ее сестра Мария.

⁷ С.Ю.Прегель находилась в Париже по делам основанного и редактируемого ей журнала «Новоселье». Ее чествовали в конце октября 1947, а 6 декабря 1947 праздновалось 5-летие журнала (Хроника. С.223, 229).

⁸ Вечер Е.Н.Рошиной-Инсаровой состоялся 16 января 1948. На нем давали комедию Тэффи «Светская жизнь» (Хроника. С.238).

⁹ Имеется в виду стихотворение Бунина про оленя «Густой зеленый ельник у дороги...» (1905). Ср. №137, где приводится последняя строка стихотворения: «Он красоту от смерти уносил!»

136. ТЭФФИ – БУНИНУ 8 января 1948 г. <Париж>

8-го января 1948

Три часа утра, а ночь моя уже закончилась.

Дорогой мой друг! Сегодня получила Вашу открытку¹ и очень была тронута, что Вы меня окликнули.

Я, конечно, еще лежу, очень слаба. Давление с 16 ухнуло сразу на 10. Читать стало трудно, а то я читала дни и ночи.

Ужасно взволновало меня письмо Марьи Самойловны, о котором гудит весь Париж². Эдакая дурища! Понимает ли она, что Вы потеряли, отказавшись ехать? Что Вы швырнули в рожу советчикам? Миллионы, славу, все блага жизни. И площадь была бы названа сразу Вашим именем, и станция метро, отделанная малахитом, и дача в Крыму, и автомобиль, и слуги. Подумать только! – Писатель, академик, Нобелевская премия – бум на весь мир! И все швырнули им в рожу³. Не знаю – другого, способного на такой жест, не вижу (разве я сама, да мне что-то не предлагают, то есть не столько пышности и богатства).

Зайчиха⁴ бегала по Бийанкуру⁵ в прошлом году: «Иван едет, а мы нипочем не поедem. А уж нас так зовут, так зовут!» А звали их просто кумова свояченица, а Вас Русское Государство. Cela fait deux⁶.

Меня страшно возмутила Марья Самойловна. Папская булла. Предала анафеме. А ведь сама усижена коммунистками, как зеркало мухами: Шура, Ангелина, сам толстопузый Прегель «отдает должное советским достижениям»⁷.

Пишу бессвязно, но уж очень меня возмутила ее выходка. Эдакая дура наглая⁸.

Хочу Вам послать статью Галича о Сологубе.⁹ Вы ее не читали? Ответьте. Вот врет-то! И узнаю повадку. Всех осторожно запоганивает. А эпизод с ванной просто набрехал. Ничего такого не было. И дворника такого не было. И «тихая Рахиль, блаженная смерть» мое стихотворение, даже вошедшее в сборник¹⁰. Предвижу от него пакости великие. Он утверждает свое газетное положение на благодарности окомплиментченных им писателей: Мазурова – философ, Пантелей – гигант, Алданов – выше Шолохова (предполагается что Шолохов колосс)¹¹. А потом тихонько подгадит. Он завистлив до судорог. Он неглуп и поэтому опасен. И за свое положение подлизы он отомстить сумеет. Я-то его знаю. J'ai raуé pour ça¹².

Прегель, Шурин муж, прислал Пантелею афишку Шуриной картин<ной> выставки. На первом плане голая Марья Самойловна¹³. Пошлю Вам¹⁴.

Ну вот. Уже половина пятого. Буду хворать дальше.
Обнимаю Вас обоих и очень грущу, что долго не увижу.
Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5446).

¹ №134.

² Узнав о выходе из Союза русских писателей и журналистов Буниной 22 ноября и Бунина 11 декабря 1947 и зная из письма к ней Бунина от 8 декабря, что они собираются в Жуан-ле-Пэн 25 декабря (см. примеч. 1 к №134), Цетлина 20 декабря отправила письмо Буниным в незапечатанном конверте вместе с письмом к Зайцеву. 26 декабря Зайцев по просьбе Цетлиной переслал письмо в Жуан-ле-Пэн (РАЛ MS.1066/5929; Новый журнал. 1980. №140. С.174 – с неправильно указанным месяцем), оно пришло 29 декабря (письмо Бунина к Алданову. – Новый журнал. 1983. №152. С.191), и 1 января 1948 Бунины написали отдельные ответы Цетлиной. Тексты писем (некоторые с купюрами) и разного рода истолкования данного инцидента приведены в публикациях: *Дубовиков А.Н.* Выход Бунина из парижского Союза писателей // Литературное наследство. Т.84, кн.2. С.398-407; *Пархомовский М.А.* Конфликт М.С.Цетлиной с И.А.Буниным и М.А.Алдановым: По материалам архива М.С.Цетлиной... // Евреи в культуре Русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим: М.Пархомовский,

1995. Т.4. С.310-325. Письмо Бунина см. также примеч. к №138. В архиве Буниной хранятся черновики и машинопись ее письма – РАЛ MS.1067/7262-7265). Судя по всему, Бунины были возмущены не только содержанием письма, но и оглашением его содержания в Нью-Йорке, пока само письмо шло во Францию, – о чем их известил в письме от 25 декабря 1947 (полученом 1 января 1948) Л.Е.Габрилович (РАЛ MS.1066/2570; о Габриловиче см. примеч. 4 к №8), и способом его доставки им, что тоже равнялось оглашению его содержания в Париже («...чувство оскорбления, что оно было послано через Зайцевых, а копия его разослана Вами циркулярно в Америке» – из письма Буниной от 1 января 1948).

³ Возможно, Тэффи знала от Бунина о письме Телешева к нему от 7 сентября 1947, в котором тот сокрушается: «Как жаль, что ты не использовал тот срок, когда тебя так ждали здесь, когда набрана была твоя большая книга, когда ты мог быть и сыт, и богат, и в большом почете» (Литературное наследство. Т.84, кн.1. С.636). См. также конец письма Бунина к Цетлиной от 1 января 1948 (примеч. 1 к №138).

⁴ В.А.Зайцева.

⁵ Булонь-Бийанкур (Boulogne-Billancourt) – промышленный пригород Парижа, в котором жили многие русские, в том числе и Зайцевы.

⁶ Это не одно и то же (*франц.*).

⁷ Хотя дочь М.О. и М.С.Цетлиных Ангелина Михайловна (по первому мужу Кривицкая, по второму Доминик; 1917–1996) была действительно прокоммунистически настроена, не ясно, на каком основании Тэффи присоединяет к ней определенно антикоммунистически настроенных А.Н. и Б.Ю.Прегелей. (О семье Цетлиных см. воспоминания А.М.Цетлиной-Доминик в сборнике: Евреи в культуре Русского зарубежья. Т.1. С.288-309).

⁸ В дневниковой записи за 10 января 1948 Бунина приводит текст №136 от «Я, конечно, еще лежу...» до «Эдакая дура наглая» (РАЛ MS.1067/423; Устами Буниных. Т.3. С.186-187).

⁹ Статья Л.Е.Галича «Федор Сологуб» напечатана в газете «Новое русское слово» 7 декабря 1947 (№13009. С.2, 6). Галич предвзвешивает свои воспоминания о Федоре Кузьмиче Сологубе (Тетерников; 1863–1927) описанием доходного дома в Саперном переулке в Санкт-Петербурге, в котором жили Н.А.Бердяев, А.В.Карташев, Тэффи, Г.И.Чулков и сам Галич. О своей квартире он пишет: «Нанял я ее дешево – за 53 рубля в месяц. <...> В квартире был огромный чулан. Я в него поставил хорошенькую ванну с цилиндрической чугунной печкой»; однако пришедший за квартплатой дворник предъявил ему «неожиданный счет – 65 рублей вместо 53-х. – Как же так? – недоумевающе спросил я. Я ведь нанимал за 53 рубля. – Точно так-с. Только вы изволили нанимать без ванны-с. А теперь у вас квартирочка с ванной-с. Цена, конечно, другая-с. – Так я на свои собственные деньги сделал из своей дешевой квартиры дорогу».

¹⁰ В своей статье Галич пишет: «В стихах Сологуб называет смерть “Тихой Рахилью” и говорит о ней, как о желанной любовнице». Ср. последние строки вошедшего в сборник Тэффи «Passiflora» (Берлин: Театр, 1923) стихотворения «Рахиль» («Иду по безводной пустыне...»): «Так встречусь я с тихой Рахилью – / Блаженною смертью моей...» (С.23). Под названием

«Смерть» стихотворение печаталось уже в России во 2-м сборнике «Энергия» (СПб., 1914) и в «Журнале журналов» (1915. №14).

¹¹ Не установлено, о каких высказываниях Галича об Алданове, А.Н.Мазуровой и Пантелеймонове идет речь.

¹² Я (дорого) заплатила за это (*франц.*).

¹³ Выставки картин А.Н.Прегель устраивались в Нью-Йорке и Париже. (О ее художественной деятельности см. изд.: *Лейкин О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья. 1917–1939: Биографический словарь. СПб.: Нотабене, 1999. С.472-473). В статье о данной выставке в Нью-Йорке в 1948 Ю.Л.Сазонова упоминает «массивную наготу женского тела» на одной из выставляемых картин (Новоселье. 1948. №37-38. С.146).

¹⁴ См. начало и конец письма Пантелеймонова к Бунину от 5 января 1948: «Посылаю вырезку из каталога Шурочки Прегель, она устраивает выставку. Вы – любитель прекрасного – оцените»; «...пусть Вам не принятся эротические сны от вида Марьи Самойловны. Какой живот и ляжки!» (РАЛ MS.1066/4374).

137. ТЭФФИ – БУНИНУ
10 января 1948 г. Париж

Paris (XVIIe),
Le 10 Janvier 1948

Друг дорогой!

С Пантелеем беда! Совсем отбился от рук. Не посоветовавшись, назвал новую книгу «Большая елань»¹. По-моему, это ужасно. Елань слово местное², а большая елань представляется мне, по крайней мере, как толстая баба-Елена. Я советовала назвать по другому рассказу «Звериный знак». В этом и загадка и тайна. Согласился было, но кто-то отговорил. Кто-то напугал, что похоже на апокалипсис. О, дурье! Вероятно, жена Руманова³ или Гингер⁴. Вообще же Пантелей странный. Летом написал рассказ о рыбной ловле и назвал «Сэт, сын Авраама». Оказывается, что Сэта он взял из английской Библии, читать-то надо Сиф (там ти эч)⁵ и сын не Авраама, а Адама⁶. Валяет Пантелей прямо как попало. Теперь в рассказе «Звериный знак» уверяет, что у Шекспира осел разговаривал. Разговаривал не осел, а ткач, кот<орого> Поак обратил в осла⁷. А Пантелей говорит – ничего, это так мальчишка понял. Так тогда объясни, чтоб читатель знал. Посоветовала ему спросить у Вас насчет елани. Обещал написать.

Посылаю Вам статью Галича о Сологубе⁸. Обратите внимание, как он старается незаметно, исподтишка всякого запоганить. Вот это и есть он целиком.

Напишите, друг дорогой, о себе побольше. Представьте себе – все читаю Вас из старых, Вольфовских книг⁹. Сегодня ночью читала «Смерть»¹⁰. Господи! До чего хорошо!

Рощина читает Ваши стихи чудесно! Будет их читать на своем вечере. Говорила с ней о Ваших стихах. Все понимает. Полюбила «Оленя»... «Он красоту от смерти уносил»¹¹.

Я жалею, что не услышу ее на вечере. Мне, верно, еще до-о-олго лежать. Давление скачет. То 10, то вдруг 18½. Лежу. Это, наверное, скучно, но мне все равно.

Обнимаю Вас и дорогую Верочку.

Ваша

Тэффи

А все-таки худо мне.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5447).

¹ Рассказ «Большая елань» опубликован в составе 2-го цикла «Приключений дяди Володи», вошедшего в сборник рассказов Пантелеймонова «Звериный знак» (Париж: Подорожник, 1948).

² В Сибири слово «елань» обозначает разного вида прогалины и равнины.

³ Лидия Ефимовна Руманова (урожд. Лия Цинн; 1897–1983) – вторая жена журналиста и мецената Аркадия Вениаминовича Руманова (1878–1960).

⁴ Александр Самсонович Гингер (1897–1965) – поэт.

⁵ Правильно: ти эйч (*англ.*) – последние буквы библейского имени «Seth».

⁶ Рассказ Пантелеймонова «Сиф, сын Адама» упоминается в его письмах к Бунину.

⁷ Речь идет о пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь», в которой эльф Пэк (в оригинале «Риск», в разных переводах встречаются еще варианты «Пок» и «Пук», но не «Поак») превращает ткача Основу в осла.

⁸ См. №136 и примеч. 9 к нему.

⁹ Тэффи путает издательства А.Ф.Маркса и М.О.Вольфа (1825–1883; издательство – 1882–1918) (ср. №90 и примеч. 10 к нему).

¹⁰ Имеется в виду рассказ Бунина «Смерть» (позднее «Смерть пророка») (1911), вошедший в 6-й том марксовского издания.

¹¹ См. примеч. 9 к №135.

138. БУНИН – ТЭФФИ

12 января 1948 г. <Жуан-ле-Пэн>

12 янв<аря> 48 г.

Дорогая, милая моя, шлю Вам копию моего письма М<арье> С<амойловне>¹. Послал ей это² письмо 1-го янв<аря>, 7-го получил депешу:

Merci pour lettres
(ибо Вера написала ей)
Explications suivent
Salutations

Marie Zetlin³.

«Explications» еще не пришли. Дайте прочесть посылаемое при сем Пантелею. Но сохраните у себя.

Нынче Ваше письмо от 10-го⁴. Я обложил Пантелея дикобразом и носорогом – «Звериный знак» отлично, «Большая елань» и впрямь «толстая баба», к тому же у Куприна есть рассказ «Елань»⁵.

Здоровье Ваше просто разрывает мне сердце! Пишу Пантелею: надо позвать наилучшего врача-француза. Что Вы об этом думаете? По-моему, непременно надо⁶.

Напишу Вам завтра еще, отвечу и на предыдущие Ваши письма. Пока целую даже одеяло, на котором лежит Ваша рука, – так люблю Вас и жалею!

Что до меня, то мне как будто немного лучше, но еще ни разу с приезда не вышел из своей комнаты.

Храни Вас Бог, милая, дорогая!

Вера Вас целует.

Ваш Ив. Б.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи).

¹ К №138 приложена копия (машинопись с обратным адресом, датой и правкой от руки) письма Бунина к М.С.Цетлиной от 1 января 1948:

Villa Le Fournel, Juan-les-Pins,

A<Ipes->M<aritimes>

1 янв<аря> 1948 г.

Копия.

Дорогая Марья Самойловна, Ваше письмо обращено и ко мне и к Вере, но Вера отвечает Вам сама. Она ушла из Союза раньше меня и по соображениям другим, чем мои, и потому я пишу Вам только о себе. Однако и я должен сказать прежде всего, что тоже, так же, как и она, изумлен, поражен чрезвычайно тем, что Вы это письмо к нам предали гласности с целью, очевидно, очень недоброй, переслали его мне незапечатанное через Зайцевых, а в Америке, как мы узнали это нынче, разослали его копию. Что же до содержания этого письма, то я поражен еще больше: Вы написали его с какой-то непомерной страстностью, местами даже совершенно непонятно для меня, сделали из мухи слона, а главное, поступили уж так несправедливо, так поспешно, не разузнавши, *как, почему и когда* я вышел из Союза. Мало того: Вы приписали мне нечто совершенно противоположное тому, что я думал и думаю о соединении в Союзе советских граждан с эмигрантами! Вы мне пишете что-то фантастическое: «Вы ушли в официальном порядке из Союза с теми, кто взяли советские паспорта». Что за нелепость! Как Вы знаете, в ноябре прошлого года Союз исключил из своей среды членов, взявших советские паспорта, и многие другие члены Союза тотчас напечатали коллективное письмо о своем выходе из него. И вот представитель этих членов явился ко мне и предложил мне присоединиться к их заявлению, а я присоединиться твердо отказался, сказавши, что отказываюсь как раз потому, что *считаю неестественным соединением в Союзе эмигран-*

тов и советских подданных, меж которыми есть такие журналисты, что, по своим убеждениям или по обязанностям, то и дело всячески хулят, порочат в своей печати эмигрантов. Недели через две после того я тоже вышел из Союза, но единолично и, как явствует из предыдущего, в силу других своих соображений, а каких именно, ясно видно из весьма краткого письма моего, что послал я для доклада Союзу на имя генерального секретаря[•] его:

«Уже много лет не принимая по разным причинам никакого участия в деятельности Союза, я вынужден (исключительно в силу этого обстоятельства) сложить с себя звание почетного члена его и вообще выйти из его состава».

Письмо это было напечатано через некоторое время в парижской «Русской мысли»[•], но слух о нем распространился раньше, и в «Русских новостях» тотчас появилась заметка о моем уходе[•], голословность которой, верно, и заставила Вас истолковать мой уход столь превратно. И все же Вы поступили со мной, повторяю, уж слишком поспешно и опрометчиво. Теперь Вы, думаю, уже прочли в «Русской мысли» письмо мое в Союз и раскаиваетесь в своей поспешности, обратив внимание на мои слова в нем: *«исключительно в силу этого обстоятельства»*. Почему я не ушел из Союза уже давным-давно? Да просто потому, что жизнь его текла прежде незаметно, мирно. Но вот начались какие-то бурные заседания его, какие-то распри, изменения устава, после чего начался уже его распад, превращение в кучку сотрудников «Русской мысли», среди которых блистает чуть не в каждом номере Шмелев, участник парижских молебнов о даровании победы Гитлеру...^{••••} Мне вообще теперь не до Союзов и всяких политиканств, я всегда был чужд всему подобному, а теперь особенно: я давно тяжко болен – вот и сейчас едва пишу Вам, – я стар, нищ и всегда удручен этим и морально и физически, помощи не вижу ниоткуда почти никакой, похоронен буду, вероятно, при всей своей «славе», на общественный счет по третьему разряду... Вы пишете, что «чувствуете» мой «крестный путь». Он действительный «крестный». Я отверг все московские золотые горы,^{••••} которые предлагали мне, взял десятилетний эмигрантский паспорт – и вот вдруг: «Вы с теми, кто взяли советские паспорта... Я порываю с Вами всякие отношения...» Спасибо.

Ваш

Ив. Бунин

[•] В.Ф.Зеелер.

^{••} Письмо Бунина от 7 декабря 1947 опубликовано в газете «Русская мысль» 20 декабря 1947 (№36. С.6).

^{•••} 12 декабря 1947 газета «Русские новости» сообщила под заголовком «Выход из Союза И.А.Бунина»: «Письмом в Правление “Союза русских писателей и журналистов во Францию” заявил о своем выходе из организации почетный председатель Союза И.А.Бунин» (№132. С.5).

^{••••} Участие Шмелева в молебне по случаю занятия Крыма немецкими войсками летом 1942 и его сотрудничество в выходившей в

1942–1944 в оккупированном немцами Париже еженедельной газете «Парижский вестник» (см. изд.: *Schakhovskoy D. Bibliographie des œuvres de Ivan Chmelev. Paris: Institut d'Etudes slaves, 1980. С.82*) привели после войны к обвинению его в коллаборационизме. Об этом см. публикацию Г.М.Бонгарда-Левина: «Дело Шмелева» // Русская мысль. 1999. №4292, 11-17 ноября. С.18.

..... Имеется в виду действительный на 10 лет «Вид на жительство привилегированного жителя» («*Carte de séjour de résident privilégié*»), выданный «русскому беженцу» Бунину в Париже 2 июля 1947 (РАЛ MS.1066/1280, 6381-6384).

² У Бунина описка: этого.

³ Спасибо за письма. Объяснения следуют. С приветом, Мария Цетлина (франц.).

⁴ №137.

⁵ Под названием «Елань» в 1929 вышел сборник рассказов Куприна в белградском издательстве «Русская библиотека».

⁶ В письме к Бунину от 15 января 1948 Пантелеймонов писал: «Ваше письмо ей читал, но я тоже того мнения, что диагноз несомненный, а лечение у всех почти одинаково. Главное ей спокойствие. Я ей предложил, однако, вызвать профессора, но она не хочет слушать» (РАЛ MS.1066/4378).

139. ТЭФФИ – БУНИНУ
20 января 1948 г. Париж

Paris (XVIIe),
Le 20 Janvier 1948

Дорогой, бесконечно любимый друг!

Я, конечно, поправляюсь. Глубоко тронута Вашей тревогой обо мне и ласковым ко мне отношением.

Все-таки удивительно, до чего я дура. Каждое утро хожу в ванную мыться. Иду, широко раскинув руки, чтобы держаться за стенки. И вот когда прохожу мимо зеркала – вижу, до чего я похожа на ту ведьму-панночку из «Вия», когда она ночью подступала к бурсаку¹. И хоть мне и жалко себя – я смеюсь.

Ваше письмо М<арье> С<амойловне> я пережила глубоко. Столько в нем благородства и достоинства и столько горечи! Конечно, плакала.

Меня мучает еще и другое. Конечно, было неслыханным хамством посылать это письмо через Зайцева незапечатанным. Но сугубое хамство было со стороны Зайц<ева> не вернуть ей этого письма, сообщив Ваш адрес. Зайцев, зная что это письмо Вам, из конверта его вынул и, прежде чем послать его Вам, читал своим знакомым, ничего общего с литературой не имеющим. Так, например, я знала

содержание этого письма от одной знакомой раньше, чем Вы его прочли. Когда я Вам писала о горохе и чечевице и предсказывала, что Берберова будет в «Новом журнале», я содержание письма знала, а Вы его еще не получили². Вера Зайцева стонала (как мне передавали): «Какой это удар для Ивана! Марья Сам<ойловна> за это время передавала ему уже больше 400 тысяч»³.

Почему Зайцевы разглашали это письмо, прежде чем оно попало к Вам? По какому праву? Лэди Макбет расчищает путь своему глумисскому тану⁴: «Да здравствует Макбет – король в грядущем!»⁵

Сегодня видела объявление №17-го «Нового журнала». Вся «Русская мысль» там. Зайцев, Берберова, Гуль⁶ и даже маленький Яблоновский⁷. Пошли им Бог гороху в плепорции. Дай им Бог вспучиться.

Пантелей, конечно, все остро переживает. Кроме того, оплакивает своего Ваську⁸. Они оба так ревели и рыдали по телефону, что и я заплакала – а мне этого нельзя. Пантелей совсем дядя Володя. Мечтал продать лабораторию⁹, устроить в Juan-les-Pins пансион и «на дверях комнаты Ив<ана> Алекс<еевича> прибить медную дощечку с его именем». Я думаю, что главным делом из-за этой медной дощечки он и лабораторию хотел продавать.

А то еще надумал: бросить химию, купить большую лодку и жить рыбной ловлей. И все это вполне серьезно.

Теперь обо мне. Мне совсем неплохо, т.е. я *знаю*, что мне плохо, но я этого не чувствую. Бывают припадки смертельной слабости, когда даже света вынести не могу. Но это проходит. Потом плохо – моя беспомощность. Я все время одна, иногда до 1 ч. ночи, когда мои дамы¹⁰ уходят в синема. Но опять-таки, я это *знаю*, но не чувствую. Все лекарства и шприцы у меня под рукой, телефон в постели. Самое безрадостное, что я, по-видимому, вернусь в жизнь, а жизнь эта мне не нравится. Я погасла. Недавно причащалась, но ничего не чувствовала, и было причащение мне в суд и во осуждение.

Друг дорогой! Я обдумала в начале болезни – чего я хочу от жизни. И записала: «Восход солнца. Увертюру Лознгринна¹¹. Поговорить с Буниным»¹².

Как Ваша жизнь внешняя? Видите ли Ивановых? Говорят, что он жутко пьет¹³. Все о Вас мне интересно.

Обнимаю и радуюсь, что Вам лучше.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5448).

¹ Тэффи имеет в виду сцену из повести Н.В.Гоголя «Вий» (1835), когда старуха-ведьма несколько раз подходит к Хоме Бруту «с распростертыми руками».

² Имеется в виду №135, ко времени написания которого Бунины, однако, уже получили письмо Цетлиной (см. примеч. 3 к №136).

³ Бунина реагировала на это сообщение несохранившимся письмом к Тэффи, о котором читаем в дневниковой записи за 24 января 1948: «Я написала Тэффи, пусть она передаст тем, кто ей это рассказывал, что лично М<арья> С<амойловна> ничего нам не давала, а была кассиром наших денег. <...> А от нее лично ничего, кроме двух пищевых посылок и несколько вещевых после смерти Мих<аила> О<сиповича>» (РАЛ MS.1067/423).

⁴ шотландский дворянский титул – thane (англ.).

⁵ В переводе А.Кронеберга трагедии Шекспира «Макбет» (М., 1862) этими словами Макбета приветствует не его жена, а Третья ведьма во 2-й (в оригинале 3-й) сцене 1-го акта (С.18).

⁶ Роман Борисович Гуль (1896–1986) – писатель и редактор.

⁷ В №17 «Нового журнала» вошли первые главы «Жуковского» Зайцева, рассказ «Воскрешение Моцарта» Берберовой, 6-я часть романа «Конь рыжий» Гуля и статья «Качалов и Москвин» С.В.Яблоновского.

⁸ Пантелеймонов сообщил Бунину в письме от 16 января 1948 о смерти обожаемой ими с женой ручной обезьяны Васьки (РАЛ MS.1066/4379).

⁹ У Пантелеймонова была химическая лаборатория на улице Петрелл в 9-м округе Парижа.

¹⁰ См. примеч. 6 к №135.

¹¹ Имеется в виду опера «Лознгрин» (1848) Рихарда Вагнера (1813–1883).

¹² Ср. запись Тэффи в одной из сохранившихся записных книжек:

«Хочу: Увертюру Лознгрин

Лувр

Утро. Летом на террасе Кафэ Régence

Поговорить с Буниным» (БАРВК, фонд Тэффи).

¹³ Одновременно с Буниными в Русском доме жила поэт Г.В.Иванов (1894–1958) и его жена И.В.Одоевцева (о ней см. примеч. 5 к №68). В дневнике Буниной нередко встречаются такие наблюдения, как, например: «Вчера Иванов обрушился на М<арка> Ал<ександровича> Алданова». По-видимому, выпил лишнее, – купил вчера спирту...» (запись за 24 января 1948); «Иванов пьет водку стаканами...» (запись от 27 января 1948. – РАЛ MS.1067/423). Однако в своих воспоминаниях, в которых немало места уделяется времени, проведенному вместе с Буниными в Русском доме (Одоевцева И. На берегах Сены. Paris: La Presse Libre, 1983. С.274-358), Одоевцева утверждает: «Вот почему-то решили, что он <Иванов> с горя спивается, хотя пил он всегда в меру. И все время спрашивали его, правда ли, что он пьет чистый спирт? На что он, подчеркивая этим свое презрение, отвечал, что “да, и не только чистый, но и нашатырный”» (С.484).

140. ТЭФФИ – БУНИНУ
 <24 января 1948 г. Париж>

Суббота

Посылаю Вам, дорогой друг, роскошное произведение Галича с моими пометками¹.

Сегодня мне лучше, а два дня тому назад было худо.

Вы пронзили душу Пантелея Вашими кондолеансами² по поводу смерти Васьки. Он говорит: «Господи! Какая душа у этого человека! Забронировался от людей цинизмом, а сам...» и т.д.³ Он, кажется, сопричислил Вас к лику святых.

Он, бедный, что-то плохо себя чувствует, похудел. Как-то за него тревожно.

Вчера видела во сне не Вас, а о Вас. К Вам в комнату входили люди, неизвестные, деловые, а меня к Вам не пустили. Так и проснулась с обидой, хоть во сне и делала вид, что вполне все понимаю и знаю, что Вам не до меня.

Храни Вас Бог, дорогой Вы и любимый.

Верочке, милой, завтра напишу отдельно⁴.

Ваша всегда

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5449). Датируется предположительно по содержанию.

¹ Не установлено, о какой статье Л.Е.Галича идет речь.

² соболезнование – *condoléance* (франц.).

³ В письме от 19 января 1948 Пантелеймонов благодарит Бунина: «Чуть не заплакал над Вашей открыткой от субботы <17 января 1948>. До чего Вы трогательны. Все мы немного скрываемся в жизни, а проникнуть в душу...» (РАЛ MS.1066/4380).

⁴ №141.

141. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
 <25 января 1948 г. Париж>

Воскресенье

Милая, дорогая моя Верочка!

Спасибо тебе, что помнишь меня. Я все лежу. Болезнь моя со мной играет, как кошка с мышкой. Отпустит – я бежать, а она прыг и ухватила снова. Дня три тому назад так ухватила, что я думала – конец. Пролежала сутки, не двигаясь и не говоря ни слова, – отошло.

Знаешь, дорогая, мне совсем не скучно. Если силы позволяют – читаю, если не читаю – лежу и закрытыми глазами рассматриваю

мою жизнь. И – странно – многое очень тяжелое мне нравится. Это как хаос музыкальных диссонансов, который постигается как красота, только когда последний аккорд их «разрешает».

В тот вечер – дня три-четыре тому назад, когда мне было так худо, что я не могла протянуть руку, чтоб погасить лампу, мои дамы ушли в синема, и я осталась одна в целом доме и знала, что если станет совсем плохо, то не смогу дотянуться до Trinitrine'a¹, и эта мысль не испугала меня, а, наоборот, успокоила. Почему-то казалось, что именно это *хорошо*. Какая-то в этом была художественная законченность. На этом я успокоилась и заснула.

Часто навещает меня человек, которого ты не любишь, – Б<орис> П<антелеймонов>². Очень внимателен ко мне и заботлив.

Дорогая моя, целую тебя и еще раз благодарю за память. Дорогому (до того он дорог, ты даже и не думаешь!) И<вану> А<лексевиичу> поклон.

Твоя, любящая тебя,

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7190). Датируется предположительно по сопоставлению с №140.

¹ Тэффи принимала лекарство тринитрин от сердечных спазмов.

² Когда готовился выпуск «Русского сборника» в первой половине 1946, у Зурова произошло недоразумение с Пантелеймоновым относительно гонора за его рассказ «Астория», и Бунина приняла сторону Зурова. (О записи Буниной, посвященной этому эпизоду, см. примеч. 6 к №116.)

142. ТЭФФИ – БУНИНОЙ
31 января 1948 г. <Париж>

31 января 1948

Дорогая моя Верочка!

Бесконечно благодарна тебе за письмо¹. Конечно, меня очень интересовал быт «Дома». Теперь все вижу ясно.

Я все еще лежу, но начинаю осторожно подниматься. Но болезнь как кошка подстерегает меня, и чуть двинусь – набрасывается. Но все-таки я поправляюсь, перестала худеть и думаю, что на некоторое время поправлюсь. Должно быть, ненадолго, п<отому> ч<то> это ведь уже второй раз. Первый раз был в Биаррице², а больше трех не бывает.

Возвращаться в жизнь мне очень скучно. Все то же самое, но я буду еще слабее, а бороться будет еще труднее. Ну да все равно. Почему мне должно быть непременно хорошо?

А наша чертовня все продолжается. Недавно Рощина³ встретила Зайцева. Он сказал: «Как противно, что все так преувеличивают!

Я говорил, что через Мар<ью> Сам<ойловну> Бунин получил 400 тысяч, а недавно встречаю Эльяшевича, он уже говорит, что 600. Возмутительно»⁴.

Знаешь, Верочка, мне прямо даже страшно! Что же это такое? Что случилось с Зайцевым? Между прочим выражает глубокое огорчение, что не может навестить меня, когда я так больна. Я охотно этому верю. Он страшно боится, что я умру, не помирившись с ним и не простив его. И я посмеиваюсь, п<отому> ч<то> давно от величайшего презрения моего простила. К стыду моему, не по-христиански, а именно от презрения. Но, по-видимому, он сам себе не прощает. Это-то его и мучает. Ничего. Оставлю ему по завещанию моего Толстого⁵, он и успокоится.

Скажи, дорогая моя Верочка, Ивану Алексеевичу, что я совсем не обижаюсь на его молчание, и если потянет, снова напишу ему, и что я по-апухтински «не жду ответа ни на письмо, ни на любовь»⁶.

Два раза звонил Роговский, но я не могла принять его, п<отому> ч<то> как раз в те дни мне было хуже. Вероятно, позвонит еще.

Кланяйся от меня повару и plongeur'у⁷, а также Катыку (он милый человек), Першину и прокурору⁸. А Даманской, пожалуйста, не кланяйся, хотя Бог с ней – она жалкая.

Обнимаю тебя, дорогая моя, и еще раз благодарю, что ты подумала обо мне. Получаете ли Вы «Нов<ое> Р<усское> Слово»?

Думаю о Вас обоих большой любовью.

Твоя всегда верная

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1067/7191).

¹ О несохранившемся письме Буниной см. примеч. 3 к №139.

² В ряде недатированных писем к Зайцевым из Биаррица Тэффи писала весной 1941 о сердечных спазмах, а летом об «очень серьезном сердечном припадке» (БАРВК, фонд Тэффи). В письме от 15 июня 1941 она пишет: «Ангинозное состояние сердца. Сидит в груди кулак и поворачивается» (Там же). В более позднем недатированном письме к дочери Валерии она подводит итог: «Я, собственно говоря, давно больна. Еще с Биаррица. Океан и тяжелая лестница, по которой приходилось таскать по 5 кило картофеля, испортили мне сердце и дали спазмы аорты» (Там же).

³ Е.Н.Рощина-Инсарова.

⁴ Ср. №139 и примеч. 3 к нему.

⁵ См. №96 и примеч. 4 к нему.

⁶ Речь идет о строках «И знайте: я не жду ответа / Ни на письмо, ни на любовь» из положенной на музыку П.В.Запольским последней части стихотворения А.Н.Апухтина (1840–1893) «Письмо» (1882).

⁷ мойщик посуды (франц.).

⁸ Повар Михаил Мясников (ум. 1953), Катък и бывший прокурор Н. Гасман фигурируют в дневнике Буниной среди прочих участников ежедневной жизни Русского дома (ср. примеч. 8 к №151).

143. БУНИН – ТЭФФИ

2 февраля 1948 г. <Жуан-ле-Пэн>

2 февр<аля> 48 г.

Милая, дорогая моя, как Вы могли подумать, – а Вы все-таки немножко подумали, судя по Вашему письму к Вере от 31-го!¹ – что я как будто по небрежности, что ли, не отвечал на Ваши письма ко мне! Я немало писал за последнее время глупостей Пантелею, но писать Вам все откладывал единственно потому, что, взявши перо в руки, не находил достойных слов сказать, как разрывалось у меня сердце, – поверьте, что именно так, – когда читал Ваши необыкновенные письма о Вашем телесном и, главное, душевном состоянии, – особенно письмо от 20-го², – то, где Вы говорили, как Вы идете, «раскинув руки», в ванную, что у Вас «бывают припадки смертельной слабости, когда даже света вынести» Вы не можете, что Вы «все время одна», что Вы «погасли», что, причащаясь, Вы ничего не чувствовали, и было причастие Вам «в суд и во осуждение»... Я просто боялся касаться этого, чтобы не волновать Вас, чтобы не брякнуть что-нибудь тупое, неуклюжее, жалкое. А уж на то, что Вы хотели бы «в жизни» видеть еще восход солнца, слушать увертюру Лоэнгина и «поговорить с Б<униным>», что бы я мог сказать? Как выразиться?

Не хотел я Вас тревожить и гнусными житейскими дрязгами, которые бесили меня последнее время, – теперь говорю о них, раз Вы сами о них говорите в письме к Вере: я довольно безразлично отнесся к дикому письму М<арьи> С<амойлов>ны, но, начавши получать сведения о том, как будто осыпали меня благодеяниями из Америки и как я теперь погибну, лишившись их из-за своего «поступка, все-таки понятого *всеми* не так, как ты его объясняешь», по выражению Зайцева в недавнем письме ко мне³, поистине взбесился. Прибавьте к этому, что ведь не одна Вера Алексеевна оплакивала «бедного Ивана», но и некоторые другие, – напр<имер>, Ельяшевич, сказавший Михайлову, что «теперь *американская акция* в пользу Бунину рухнула, долларовая помощь прекратилась...» Вы только подумайте: «акция», «рухнула!» Слова-то какие! И как несчастен я буду теперь, старый дурак, полетевший в столь гибельную яму из-за своего «поступка»! А ведь сколько долларов загребал еще столь недавно! Насколько больше всех сожрал чечевицы и гороху!

На днях получил письмо от Карповича, умное, благородное, сердечное, мягко, но твердо осуждающее выходку М<арьи> С<амойлов>ны. Очень просит дать что-нибудь «Нов<ому> журналу»⁴. Но

как же я могу продолжать сотрудничать в нем? Ведь все-таки он как бы *ее* журнал, а она, обещавшая мне телеграммой от 7-го янв<аря> прислать какие-то «*explanations*» в ответ на мой ответ на ее письмо, ни слова не прислала и по сию пору⁵.

Вы, верно, уже получили 17-ую кн<игу> «Нов<ого> журн<ала>». Замечательно составила! «Рус<ская> мысль» да и только! Зайцев, Гуль, Берберова, Яблоновский... Рассказ Берберовой вполне дурацкий, статья Ябл<оновского> о Качалове и Москвине – восторженное ослиное рыдание насчет «гения» Качалова...⁶

Последняя неделя прошла у меня, кроме всего вышеизложенного, еще и в *большой* тревоге из-за денег, – как нарочно, все почти мое «состояние» оказалось состоящим из пятитысячных бумажек! Вера отнесла их нынче на почту, и там ей выдали расписку на них – пока только расписку!⁷ Я просто в отчаянии!

Ужасно жалею Пантелея, боюсь за него. Пишет о предстоящих ему операциях все с шуточками, а вдруг все окажется вовсе не шуточно?⁸

Ивановы в ужаснейшем положении – всем в «Доме» уже должны, в кармане ни гроша. Он совсем барон из горьковского «На дне»...⁹ Даманская истинно страшна – хромой труп и вполне сошла с ума на влюбленности в какого-то Когана, жившего в «Доме», и на том, что она еще хоть куда как женщина... Впрочем, Вам обо всем нашем «Дне», кажется, уже писала Вера.

Нынче ходил с Верой в город – устал и задохнулся так, что просто испугался за себя, – верно, дело мое уже безнадежно.

Пантелей утешает меня сведениями об улучшении Вашего здоровья¹⁰, Вербов¹¹ тоже написал мне недавно о Вас очень утешительно. Милая, дорогая, не поддавайтесь унынию и равнодушию к жизни! Ведь это тоже много значит – не поддаваться. Мужики говорили, бывало, мне: «Печалиться – хвост замачалится!» Горячо целую Вас.

Ваш Ив. Б.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи).

¹ №142.

² №139.

³ По-видимому, имеется в виду письмо Зайцева от 13 января 1948, в котором есть фразы «*поступка твоего я не понимаю*» и «*впечатление же от него, всеобщее*», которые Бунин повторил в своем ответе от 15 января (БАРВК, фонд Зайцева; Новый журнал. 1980. №138. С.172; РАЛ MS.1066/5990; Новый журнал. 1980. №140. С.175).

⁴ Письмо М.М.Карповича из Гарварда от 28 января 1948 хранится в архиве Бунина (РАЛ MS.1066/3129).

⁵ Ср. №138 и примеч. 3 к нему.

⁶ См. №139 и примеч. 7 к нему по поводу статьи С.В.Яблоновского о В.И.Качалове (Шверубович; 1875–1948) и И.М.Москвине (1874–1946).

⁷ В связи с валютным кризисом правительство Франции 29 января 1948 объявило, что пятитысячные купюры не будут больше действительны, и все банки на два дня закрылись. Ср. в письме Пантелеймонова к Бунину от 30 января 1948: «Сестрица в панике: у нее несколько штук по пять, и она боится, не пропадут ли. Конечно, нет. Возьмем и по одной штуке будем предъявлять от разных лиц. Да сегодня и сведения утешительные. Вчера на бирже они шли по 3 500 фр<анков>» (РАЛ MS.1066/4386).

⁸ См. в письмах Пантелеймонова к Бунину от 24, 27 и 30 января 1948: «Щупала <речь идет о Тэффи> мне подчелюстную железу, которая окаменела не то от пьянства, не то от рака, и благословляла на операцию...»; «Будут резать гланду на горле. Не задели бы, черти, сонной артерии. Лежать придется дней пять. А после того – после перерыва – будут резать почку. После всех моих мук решат, вероятно, что резать, собственно, было не нужно, и начнут напирать на другое»; «Моя операция откладывается на следующую неделю. Пока я в обладании всех моих органов, хотя и в потрепанном виде» (РАЛ MS.1066/4383, 4385-4386).

⁹ Возможно, Иванов своим поведением человека, знавшего лучшие времена, а также слабостью к алкоголю напоминал Бунину Барона из пьесы «На дне» (1902) Максима Горького (см. примеч. 13 к №139).

¹⁰ См., например, в письме Пантелеймонова к Бунину от 20 января 1948: «Сестрица чудесно, на глазах, поправляется. Сегодня она мне сама открыла и очень бодрая» (РАЛ MS.1066/4381).

¹¹ Упомянутое письмо от парижского врача С.Ф.Вербова не сохранилось.

144. БУНИН – ТЭФФИ 3 февраля 1948 г. <Жуан-ле-Пэн>

3.2.1948

Только что отправил Вам, дорогой друг, большое вчерашнее письмо¹, как получил письмо от Яши Цвибака². Пишет, что, узнав о письме М<арьи> С<амойловны> ко мне, пошел к ней и «очень решительно осуждал ее». И дальше: «Получив Ваше письмо, я вторично говорил с ней и опять ее упрекал. Она оправдывалась, – не знала, дескать, что Вы больны; послала письмо в адрес Зайцевых, так как считала, что Вы уехали и что Зайцевы перешлют. Надеялась, что Зайцевы, зная подлинное Ваше состояние, не перешлют письма, а они переслали – и т.д. Все это ужасно наивно и по-бабьи. Но я видел, что ей ужасно неприятно, что она жалеет, и отправила Вам телеграмму, и напишет письмо, которым все исправит... Мне казалось, что Берберова была ее информатором и косвенно, *своей нелепой и клеветнической информацией*, явилась виновницей ее разрыва с Вами.

Не хочу повторять, что Берберова писала о Вас, – выходило так, что Бунин за свои поступки не отвечает...»³

Каково, дорогая моя? И что я сделал этой стерве Берберовой? За что она так отплачивает мне? За то, что я долго защищал ее в гитле-

ровские времена, когда ее все ниццские евреи ругательски ругали за ее гитлеризм, — говорил, что не могу ее осуждать до тех пор, пока не узнаю что-нибудь точно?⁴

Целую Вашу руку, родная моя.

Ваш Ив. Б.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи).

¹ №143.

² Яков Моисеевич Цвибак (псевд. Андрей Седых; 1902–1994), журналист и писатель, в ноябре–декабре 1933 в качестве секретаря Бунина сопровождал Буниных и Кузнецову из Парижа в Стокгольм на Нобелевские торжества, с 1942 сотрудник, с 1973 главный редактор и владелец газеты «Новое русское слово».

³ Цитируемое в №144 письмо не хранится вместе с другими письмами Цвибака в архиве Бунина (РАЛ MS.1066/5673-5689). В письме к Алданову от 4 февраля 1948 Бунин приводит письмо Цвибака в более полном виде (Новый журнал. 1983. №153. С.136). Курсив (в оригинале подчеркивание), по всей вероятности, бунинский.

⁴ В письме к Бунину от 14 января 1945 (Новый журнал. 1980. №140. С.164-165) Зайцев писал:

...Яков Борисович <Полонский> занимается травлей Нины Берберовой. Эта уже нигде у немцев не писала, ни с какими немцами не водилась, на собраниях никаких не выступала и в Союзе сургучевско-жеребковском не состояла. Тем не менее он написал в Объединение писателей, что она «работала на немецкую пропаганду!» Ты понимаешь, чем это пахнет по теперешним временам? <...> Не только я и Вера, но и Наташа с Андреем <о них см. примеч. 5 к №53> возмущены. Наташа говорит прямо: «Это делается от безделья». Да, сплетни скрашивают жизнь. В общем же я считаю: буря в стакане воды, и молодые писатели (все седые!) довольно разумно и тоже спокойно относятся к «обвинениям». Нина же — непокойно.

* Имеется в виду учрежденное в Париже в октябре 1940 Объединение русских деятелей литературы и искусства, в работе которого писатель И.Д.Сургучев (1881–1955) играл ведущую роль (Хроника. С.9). Ю.С.Жеребков с апреля 1942 возглавлял созданное под эгидой немецких властей Управление делами русских эмигрантов во Франции. После войны и руководители, и многие рядовые участники этих организаций в эмигрантских кругах считались коллаборационистами.

** Объединение русских писателей и поэтов во Франции возобновило прерванную войной деятельность в октябре 1944 (Хроника. С.63).

Одним из наиболее ярых обвинителей коллаборационистов после войны был зять Алданова Я.Б.Полонский (1892–1951). Он не только в письмах, но и в печати так яростно клеймил всех подозрительных, что даже Алданов и Адамович были шокированы, хотя сами вместе с Буниным неодобрительно

высказывались о пронемецких настроениях Берберовой во время войны (См.: Будницкий О.В. «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. №39. С.141-173).

Когда Берберова собирала свидетельства в свою защиту, она, в частности, обратилась 29 января 1945 к Бунину (РАЛ MS.1066/1868), который 2 февраля 1945 ей ответил: «Нина, за все эти годы, что я сижу здесь, с начала 1940 года, я никогда и никому не сказал о Вас ни единого плохого слова. Алданову я не писал о Вас никогда ни единого слова – извольте запросить его самого об этом. Я вообще ровно ничего не писал ему о Вас за все время его пребывания в Америке. Но вот оказывается, что я будто бы, как последний подлец, написал донос на Вас!! Как Вы могли поверить этому – не постигаю! Не понимаю, как Вы могли подумать, что я мог писать про Вас что-то скверное, *в то самое время*, когда так дружески переписывался с Вами. Хорош же выхожу я! Ив. Бунин» (цитируется по письму-досье от 20 сентября 1945, посланному Берберовой Алданову в Нью-Йорк, копия которого хранится в архиве С.Ю.Прегель (см.: Евреи в культуре Русского зарубежья. Т.4. С.288).

145. ТЭФФИ – БУНИНУ
11 февраля <1948 г. Париж>

11 февраля

Спасибо, дорогой друг мой, за письма¹. Я не сразу ответила, потому что плоховато себя чувствовала. Каждый вечер поднималась температура, немного, но я при 37,5 горела и чуть ли не бредила. Не бредила, вероятно, потому что некому меня слушать. Теперь, кажется, лучше. Впрочем, не знаю, что будет вечером.

Пантелей хворает. Грипп². У Лориса³ был маленький ударчик, но сегодня я уже получила от него письмо остроумное, и почерк хороший.

Теперь перейдем к «*rigolo*»⁴. Рощина встретила Зайцева. Он высказал большое неудовольствие по поводу того, что люди всегда все преувеличивают: «Я говорил, что Бунин получил через М<арью> С<амойловну> 400 тысяч, а Эльяшевич кричит, что вдвое больше»⁵.

Второе *rigolo* – жанровая картинка. Вера Алекс<еевна>, торжествуя, что их вечер хорошо прошел, стояла посреди комнаты и, раскинув руки, тыкала восторженно-яростно кукиши в разные стороны: «Вот вам! вот вам!». Чувствую, что кукиши эти предназначались нам с Вами, зазнавшимися и взявшим большой зал⁶. Ей очень понравилось, что кроткий Пантелей купил билет за 1000 фр<анков>. От врагов Христова имени пригодилась интересная прибыль⁷. Но правда хороша жанровая картинка? Даже обидно, что я не сама ее выдумала.

Читала Ваш чудесный рассказ-пересказ «Конек-горбунок». Ёй очень хорошо⁸. Вспомнилось еще словечко ёё (винит<ельный> падеж)⁹.

Паустовский насчет языка плоховат. Вместо «четыре человека» пишет «четверо людей»¹⁰. И много еще в этом роде.

Прочла Пановой «Попутчики»¹¹. Этот роман мог быть написан и во время войны 14-го года. Ни малейшего намека на советский быт. Читается как американский роман, совсем не наша литература.

А я совсем, вероятно, не смогу больше писать. Печататься негде, а я в пространство не умею.

Лакей и девка¹² очень логично расселись в «Новом журнале». Берб<ерова> открывала двери, когда у М<арьи> С<амойловны> бывали гости, и мыла посуду. Я это видела. А еще читала я ее реверансы перед Карповичем¹³. Эти два слагаемых должны были дать желаемую сумму.

А Вы непременно пошлите что-ниб<удь> в Журнал¹⁴. Вы «знать не знаете, кто там и что». Редактор Вас просит, и Вы, не торопясь, соглашаетесь, т<ак> к<ак> и раньше там работали. Вы абсолютно игнорируете роль М<арьи> С<амойловны>, тем более что она сама всегда отрецивалась (хоть и еврейка) от всякого участия в литературном руководстве Журнала. Это будет отлично, если Ваш рассказ появится. Один из кукишей разожметя и упадет, или оба направятся в мою сторону.

Поблагодарите от меня дорогую Верочку, что все так хорошо описала. Бедная Даманская! Хорошо сказал Гейне: «трагедия не в том, что мы стареем, а в том, что мы не стареем»¹⁵. Вот я во сне часто смеюсь и отплясываю. Проснусь, и кажется мне, что я молодая и веселая, засыпаю, и снится мне тоска, усталость, покой, похожий на безнадежность.

Ну да все это неважно. Вспомню о кукишах и – ей-Богу! – весело жить на свете. А все-таки хорошо, что недолго осталось. Начались эпилоги. Как в шекспировской трагедии – выходят на сцену шуты.

Друг дорогой! Простите за ерунду. Забыла, кому пишу, и размалась.

Обнимаю обоих.

В безденежье Ивановых не верьте¹⁶. Перед отъездом получили 75 тысяч от Померанцева¹⁷. А роман из советской жизни ловко задумано¹⁸. Молодец.

Ваша

Тэффи

P.S. Пусть Верочка напишет мне, что именно Вам нужно, а я Мартыновой «посоветую».

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5450). Год установлен по сопоставлению со смежными письмами.

¹ №143-144.

² 12 февраля 1948 Пантелеймонов писал Бунину: «Я жертва какого-то нового гриппа. Он идет при небольшом повышении температуры и сопровождается головной болью. Я сижу уже восемь дней, говорят, что надо еще дней семь. Боюсь, что у сестрицы что-то такое» (РАЛ MS.1066/ 4389).

³ См. примеч. 5 к №126.

⁴ смешному, комичному (*франц.*).

⁵ Ср. №142.

⁶ Речь идет о вечере Зайцева в зале Российского музыкального общества за границей 14 декабря 1947, на который Бунин ходил (см. письмо Зайцева к Цетлиной от 20 декабря 1947. – Евреи в культуре Русского зарубежья. Т.4. С.314), и вечерах Бунина и Тэффи в зале Шопена 26 октября и 26 ноября 1947 (Хроника. С.223, 228, 231).

⁷ В большинстве своем покупателями дорогих билетов на литературные вечера были русские евреи.

⁸ Речь идет об опубликованном в газете «Последние новости» (1930. №3364, 8 июня. С.3) рассказе Бунина «Сказки», в последней части которого Яков Демидыч «совсем странным языком» пересказывает начало сказки П.П.Ершова (1815–1869) «Конек-Горбунок». Тэффи обратила внимание на следующее место: «Вот эти братья сеяли, значит, пшеницу и возили в царскую столицу, – там они һһ, конечно, продавали, а денежки счетом принимали и поскорее ворочались ко двору...». Выделенные в газетном тексте жирным шрифтом два ятя (произносится «ее») передают здесь древнерусскую (и, возможно, диалектную) форму «ећ» (женский род, родительный падеж), которая в результате естественных изменений в языке перешла в современную форму «еѣ» (родительный и винительный падежи женского рода). В старой же орфографии в данных падежах закрепилась форма «ея», передающая старославянскую форму, но не отражающая реальное произношение.

⁹ По-видимому, Тэффи была знакома еще и контаминация древнерусского «ю» (рано утраченной и оставшейся в некоторых диалектах формы винительного падежа женского рода) и современной формы «еѣ».

(Филологические сведения в примеч. 8 и 9 любезно сообщены Е.Рогачевской.)

¹⁰ Не установлено, какое произведение Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968) имеется в виду.

¹¹ Имеется в виду повесть «Спутники» (М.: Московский рабочий, 1946) советской писательницы Веры Федоровны Пановой (1905–1973).

¹² Т.е. Зайцев и Берберова (ср. №135 и примеч. 5 к нему)

¹³ См. примеч. 4 к №135.

¹⁴ Ср. в письме Бунина к Алданову от 9 февраля 1948: «В «Нов<ом> журн<але>» больше никогда ноги моей не будет. В<ера> Н<иколаевна> помогать распространять его тоже не будет больше» (Новый журнал. 1983. №153. С.137).

¹⁵ Источник цитаты не установлен.

¹⁶ См. №143.

¹⁷ Кирилл Дмитриевич Померанцев (1907–1991) – поэт, журналист, ме-муарист.

¹⁸ Речь идет о романе Одоевцевой «Оставь надежду навсегда», который вышел в ее собственном переводе на французский в 1948 (*Laisse toute espérance*. Paris: Editions Self), в переводе F.Reed с французского на английский в 1949 (*All Hope Abandon*. New York: Pantheon), а также на испанском языке в 1949 (*Abandona toda esperanza* / Tr. Luis de Caralt. Barcelona), а в оригинале лишь в 1954 (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова).

146. ТЭФФИ – БУНИНУ <Февраль 1948 г. Париж>

Четверг

Друг дорогой!

Помните, Алешка Толстой говорил: «втоптался в коровий след». Вот такое у меня впечатление от всей цетлиновщины.

Только что отправила Вам письмо¹, как получила Ваше с копией письма М<арья> С<амойловны>².

Прежде всего: непременно сейчас же Вера Николаевна должна послать М<арье> С<амойловне> копию письма Карповича³, написав на полях карандашом: «вот письмо Карповича, которое Вас удовлетворяет». И больше ничего.

Затем непременно нужно послать рассказ для «Н<ового> журн<ала>» на имя Карповича. Он Вас об этом просит, Вы ему и посылаете. М<арья> С<амойловна> прямого отношения к журналу, как к единице *литературной*, не имеет. Она только собирала деньги, а это дело сотрудников не касается⁴.

Пока пишу это письмо, прибежала Вера Рафаиловна и с негодованием передала, что слышала от кого-то, будто «Бунин написал М<арье> С<амойловне> покаянное письмо». Так как Вера Раф<а>иловна «покаянное письмо» знает, то со свойственной ей страстностью и облаяла всех кругом.

Письмо М<арья> С<амойловны> к Верочке очень глупое. Просто-напросто очень глупое. Она «не думала, что Зайцевы его прочтут раньше Вас», п<отому> ч<то> они джентльмен и лэди. И уж, конечно, не думала, что по пантофельной почте⁵ я о его содержании узнаю раньше Вас.

Мечты лэди Макбет⁶: Лорд⁷ воцаряется в «Новом журнале». Лорд возглавляет союз писателей⁸. Лорд набьет пузо чечевицей до отказа.

Лорду справят юбилей в Америке. Для лорда разыщется пара старых штанов, траченных молью, но без больших дыр.

Какое все это жалкое – *весь* этот апофеоз! Бедность, ущемленное честолюбие (годами! годами! до старости!) и *par-dessus le marché*⁹ – страх того света со страшным судом. Тут уж весь упор на отца Киприана¹⁰. Авось отмолит. И Вера, откидывая зад, кланяется иконам и на карачках встает с колен.

Все это ждет своего Шекспира.

Простите за почерк. Ослабела, и перо скачет, как хочет. И глупо, что я так волнуюсь. Ведь ключ к Зайцевым я давно подобрала, и вся эта история меня не удивляет. Но глубоко противна. Не удивлял Алешку плохой дух, когда он «втоптался», но было мерзко.

Теперь Зайцев будет Вас уверять, что Вы не так поняли, и М<арья> С<амойловна> не так поняла (как это было с моей историей¹¹), и Эльяшевич и Михайлов не так поняли.

Но Ваш шахматный ход: рассказ в «Н<овый> ж<урнал>» и копия письма Карповича М<арье> С<амойлов>не. Она, кажется, воображает, что он Вас «распек». Отвечать ей на письмо, конечно, не следует.

Сердечно обнимаю обоих. Пантелея давно не вижу, он не выходит, у него грипп.

Ваша всегда и совсем

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5451). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными письмами.

¹ №145.

² Письмо Цетлиной к Буниной от 4 февраля 1948 пришло в Жуан-ле-Пэн 9 февраля, и Бунин тут же послал копии с него Алданову (см.: Новый журнал. 1983. №153. С.136-137) и Тэффи (письмо не сохранилось). Полный текст письма Цетлиной см.: Евреи в культуре Русского зарубежья. Т.4. С.316-317. Бунина сделала выписки из письма в дневниковой записи за 10 февраля 1948 (РАЛ MS.1067/423; Устами Буниных. Т.3. С.187).

³ См. №143 и примеч. 4 к нему.

⁴ Ср. №145.

⁵ Выражение, аналогичное в русском языке «сарафанному радио». От *rantoffel* – тапочка (*нем.*).

⁶ Т.е. В.А.Зайцевой (ср. №139 и примеч. 5 к нему).

⁷ Т.е. Зайцев.

⁸ Зайцев был избран председателем Союза русских писателей и журналистов на собрании 22 ноября 1947 (Хроника. С.227).

⁹ *вдобавок (франц.)*.

¹⁰ Зайцев тесно дружил с архимандритом Киприаном (Константин Эдуардович Керн; 1899–1960), который также переписывался с Буниным (см.

публ.: Клементьев А.К., Струве Н.А. Иван Бунин и архимандрит Киприан Керн: Переписка (1940–1948) // Вестник русского христианского движения. 1992. №164. С.159-187).

¹¹ По-видимому, имеется в виду конфликт Тэффи, занимавшей пост товарища председателя Союза русских писателей и журналистов (см. примеч. 15 к №153), с Зайцевым, председателем Союза, относительно подготовки и проведения собраний Союза, на которых обсуждался вопрос об исключении советских граждан. Перед первым собранием 24 мая 1947, на котором В.Ф.Зеелер высказался за исключение (Хроника. С.202), Тэффи, которая была против исключения, писала Зайцеву из Жуан-ле-Пэн (см. №123-125): «Что делается в Союзе? До моего “splendid isolation” <блестящего одиночества (англ.)> доходят только слабые отголоски. Как Ваш товарищ (товарищ председателя), я несколько взволнована этими отголосками. Что именно произошло? Выгоняли советчиков? Состоялись ли выборы правления?»; «Не могу понять, как они все могли так мало считаться с Вами, как председателем, и против Вашего желания сделать такой сюрприз. Ведь и в повестке ни слова об этом не было» (речь шла об избрании Зеелера) (см. недатированные письма Тэффи к Зайцеву. – БАРВК, фонд Зайцева).

Видимо, Тэффи пришла к заключению, что в отношении исключения советских граждан Зайцев делал одно, а говорил другое (ср. конец 3-го абзаца приводимого в примеч. 3 к №147 письма Тэффи к Цетлиной от 14 февраля 1948).

147. ТЭФФИ – БУНИНУ
15 февраля 1948 г. Париж

Paris (XVIIe)
Le 15 Février 1948

Дорогой мой друг!

Это третье мое письмо после перерыва. Пантелей пишет каждые два дня, и у нас возникло подозрение, что кто-нибудь «озорной» подцапывает чужие письма. Надо, чтобы Катък сам отпирал ящик, не оставляя ключ в Hall'e¹, и чтобы письма не валялись в передней на столе².

Пант<елей> поправился и уже был у меня вчера.

Два дня тому назад получила я письмо от Марьи Сам<ойловны> такое:

«Простите, дорогая Н<адежда> А<лександровна>, что давно Вам не писала. Я так перегружена работой, что даже моей дочери пишу не так часто, как должна. От всей души желаю Вам выздоровления и надеюсь летом Вас увидеть совсем выздоровевшей.

Если Вам нужно что-ниб<удь> для Вашего здоровья, что здесь легче достать, напишите, и я Вам это пошлю *сейчас же*. Вы, наверное, знаете, как нам тут тяжело было узнать о выходе из Союза Вас, Веры Ник<олаевны> и Ивана Алекс<еевича>.

Не могу примириться с мыслью, что они свои имена соединили не с нами, а с теми, с кем мы всю жизнь боремся. Целую Вас и обнимаю.

Ваша

М. Цет<лина>».

На это письмо я ответила вчера и копию с него посылаю Вам³. Думаю, что я ответила правильно. Само собой разумеется, что никаких посылок от нее не хочу.

Здоровьишко мое лучше, но настроение хуже. Как подумаю, что придется возвращаться в ту же жизнь, но потеряв силы и душевные и телесные. Точно солдаты, потерпевшие поражение, сомкнули ряды и увидели, что от их полка осталось пять человек, а сражаться приказано.

Обнимаю Вас и дорогую Верочку.

У меня нюх ищейки. Берберова злится, что Вы не указали на нее Пан<телеймоно>ву, когда составлялся «Сборник»⁴.

Ваша всегда и совсем

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5452).

¹ передней (франц.).

² Ср. в письме Пантелеймонова к Бунину от 14 февраля 1948: «Меня начинает смущать – (есть примета), что некоторые письма до Вас не доходят. <...> Мы обсуждали этот вопрос с сестрой и решили, что необходимо предупредить Катюка – ключ от почтового ящика никому не давать, письма на столе не оставлять, а давать на руки. Перехватывают (если действительно перехватывают) не из корысти, а из озорства, по грязной своей натуре. Мы здесь даже согрешили подозрением на одного» (РАЛ MS.1066/4390).

³ К №147 приложена копия письма Тэффи к Цетлиной:

14 февраля 1948

Дорогая Мария Самойловна!

Сердечно благодарю Вас за милое желание помочь мне. Я уже понемногу поправляюсь (пролежала больше двух месяцев), и у меня есть все, что мне нужно. Ваше милое отношение ко мне очень меня тронуло.

О Вашем конфликте с И.А.Буниным я, конечно, знаю и очень огорчена. Ваши осведомители поторопились осветить дело не с того конца.

Никто (в том числе, конечно, и Вы, дорогая Мария Самойловна) ни одной минуты не может подумать, что Бунин «ушел вместе с советчиками»! Бунин, отвергший все уговоры их правительства, заискивания и обещания миллионов и бессмертной славы по всей необъятной Руси, вдруг ушел с кучкой персонажей, взявших сов<етские> паспорта! Не кажется ли Вам, что это было бы нелепо? Между про-

чим, сам Бор<ис> Зайцев говорил многим в частной беседе, что он лично был против исключения членов союза, взявших советские паспорта, но он был в меньшинстве и потому бессилён. (Sic!)

Наш парижский Союз писателей был организацией аполитичной. Я, как многолетний член правления, хорошо это знаю. Слова «эмигрантских» в уставе не было. Его включили наскоро перед общим собранием, утвердив таким образом политическую физиономию Союза.

Ив<ан> Ал<ексеевич> ни в какой политич<еской> организации состоять не желал, поэтому и ушел. К Вам в Америку вести доходят только через осведомителей, которые, естественно, окрашивают и людей и события согласно своему темпераменту и интересам.

Могу Вам честно сказать, что если отнестись к Союзу как к организации политической, то многие из тех, кого мы защищали, когда Союз был свободным, не имеют права в нем находиться теперь.

Еще раз сердечно благодарю за милое письмо.

Искренно преданная

Тэффи*

(РАЛ MS.1066/5498)

* Постскрипtum к оригиналу письма (Отдел рукописей библиотеки Иллинойского университета (США), фонд С.Ю.Прегель и В.В.Руднева):

P.S. Считаю нужным напомнить, что меня тоже и приглашали и соблазняли, и я не поехала.

⁴ См. №116 и примеч. 2 к нему.

148. БУНИН – ТЭФФИ

16 февраля 1948 г. <Жуан-ле-Пэн>

16.2.48

Дорогая, Милая Сестрица, получил
2 Ваших письма¹. Нынче письмо от
Пантелея – радостная весть о Вас –
что Вы уже встаете, садитесь за
письменный стол!².... Дай-то Господи!
Простите крат..... – я дня три по-
гибал от.....вился всем,
чемпьяный.
За.....хитили –
.....вам!
.....
.....зуб-
н.....<по>следние
дни.....ши в
разные.....ют вам!»

Послать что-<нибудь> <Ка>рповичу никак не могу – ведь все-таки М<арья> С<амойловна> там, в «Н<овом> ж<урнале>», как бы хозяйка. Да и противно мне сейчас лезть в компанию «Девки» и «Лакеев» и рыжего болвана Глебки Струве. (Кстати:

<на обороте листа:>

до сих пор не знаю, получаете Вы «Н<овый> ж<урнал>», или нет? Если нет, pošлю Вам последнюю книгу – прочтите идиотское «Воскрешение Моцарта» «Девки»).

Так я пол.....<тыс>яч шестьсот?

Все же это.....жу. Михайлов.....ается:

«Д.....

.....

.....у

.....то

«.....вно

ста.....

Пока.....рука совсем не

ходит. Целуем Вас

горячо, крепко.

Ваш Ив.Б.

P.S. Нет, нет, писать Вы будете! «Вы мне этого не сделайте!» как говорит Алдано<в.>

NB! Что негде сейчас печататься, – хотя почему все-таки не в «Н<овом> ж<урнале>»? – в.....ное: Вы теперь должны написать *самое* «*плоды душевных наблю<дений> и сердца горестных за<мет>.*>³

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи). Письмо написано на обеих сторонах листа, из которого вырезано большое каре, представленное здесь многоточиями.

¹ №145-146.

² См. в письме Пантелеймонова к Бунину от 14 февраля 1948: «Завтра пойду к сестре – она тоже чувствует себя хорошо и сидит уже за письменным столом» (РАЛ MS.1066/4390).

³ Ср. в предисловии к «Евгению Онегину» А.С.Пушкина: «Небрежный плод моих забав, / <...> Ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет».

149. ТЭФФИ – БУНИНУ
1 марта <1948 г. Париж>

1 марта

Друг дорогой и любимый!

Как-то послала Вам мою отповедь Марье Самойловне. Не знаю – получили ли Вы ее?¹

У меня все как по маслу. Было уже лучше, но в самые холодные дни прекратили отопление, и я несколько раз сама топила печку. Это дало мне тяжелый сердечный припадок, и я вот уже неделю снова лежу, не шевелясь. Теперь уже потеплело и можно довольствоваться грелкой.

«Нов<ый> журн<ал>» я никогда не получала, но Мартынова принесла мне свой экземпляр, и я насладилась «Лакеем и Девкой».

Рассказ Берберовой интегрально дурацкий. Из любви к Зайцеву, у кот<орого> в статье упоминается некто Зонтаг², Берберова и у себя поместила господина с именем Зонтаг³.

Язык у нее чудесный! Вас, как академика, наверное, интересуют новые формы. Так вместо «полный рот больших зубов, производивших впечатление искусственных» – она пишет «производивших *искусственное впечатление*». Дальше: вместо «даже чемодан ее был лилового оттенка» – пишет: «даже в чемодане ее был лиловатый оттенок». Словно привезла в чемодане оттенок⁴.

Хорошо пишет неумная Александрова: «В *гениальной* строфе Велемира Хлебникова...» А вот и гениальная строфа:

«Если в пальцах запрятался нож,
А зрачки открывала настежь месть,
Это время завыло: даешь,
А судьба отвечала послушная: есть...»⁵

Так как «есть» без ять, то⁶ и не совсем понимаешь, что именно имела в виду судьба. Цитата гениальна, но коротка, поэтому дело не дошло до вилки, а это многое бы объяснило.

«Конь рыжий»⁷ я читала одновременно с книгой некоего Калинина о войне в С.С.С.Р.⁸ И случайно вместо одной стала продолжать другую и... не заметила. До того все похоже. Газданов многословен. Ясно – прустовская школа.

Бедного друга нашего резали, и он очень страдал. И я его очень жалела. Но теперь все прошло, скоро начнет выходить, а пока что пишет рассказ о боли¹⁰.

Прошел слухок, будто Вы собираетесь вернуться. Опомнитесь – в Juan-les-Pins как раз собирается Руманов¹¹. Эдакая будет досада – Вы сюда, а он туда.

Дорогую Верочку крепко целую.

Заходил Роговский. Очень озабочен вопросом, как выпереть из дома Ивановых.

А у нас жизнь кипит: вечер Смоленского¹², вечер Раевского¹³, вечер Гефтера¹⁴ (ага! небось забилося Ваше сердце!), вечер Адамовича¹⁵.

А Буров выступает соло, тихой сапой, готовит книгу пасквилей¹⁶. Да здравствует жизнь!

Искренне и всегда Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5453). Адрес: Villa «Le Fournel», Chemin du Fournel, Juan-les-Pins, A<Ipes->M<aritimes>. (Обратный адрес: 59, rue Boissière, Paris.) Год установлен по почтовому штемпелю.

¹ См. №147.

² Анна Петровна Зонтаг (урожд. Юшкова) упоминается в беллетризованной биографии Зайцева «Жуковский» (Новый журнал. 1947. №17. С.12).

³ Эдуард Зонтаг – персонаж рассказа Берберовой «Воскрешение Моцарта», опубликованного в №17 «Нового журнала» (см. №139 и примеч. 7 к нему).

⁴ Приводимые фразы из рассказа Берберовой встречаются на С.61 и 65 №17 «Нового журнала». У Берберовой вторая фраза читается: «даже в чемодане ее был какой-то лиловый оттенок».

⁵ Тэффи приводит место о Велемире Хлебникове (1885–1922) из статьи Веры Александровны Александровой (Шварц; 1895–1966) «Тридцатилетие советской литературы» (Новый журнал. 1947. №17. С.180).

⁶ У Тэффи описка: но.

⁷ См. примеч. 7 к №139.

⁸ По-видимому, имеется в виду одна из военных повестей Анатолия Вениаминовича Калинина (род. 1916) – «На юге» (1944) и «Товарищи» (1945), последняя из которых вышла 2-м изданием в 1947 (М.: Молодая гвардия).

⁹ В №17 «Нового журнала» напечатана вторая часть романа «Призрак Александра Вольфа» Гайто Газданова (Георгий Иванович Газданов; 1903–1971). В критической литературе часто упоминается о влиянии на Газданова Марселя Пруста (1871–1922) и его знаменитого цикла романов «В поисках утраченного времени» (1913–1927).

¹⁰ Ср. в письме Пантелеймонова к Бунину от 2 марта 1948: «В госпитале, пока все равно нельзя было ни пить, ни есть, баловался с карандашом. Начал вещь. Первые пять страниц получились, на мой первый взгляд, забавно, не знаю, выйдет ли дальше. Тема – влияние сильной физической боли на психику человека» (РАЛ MS.1066/4396).

¹¹ См. примеч. 3 к №137.

¹² Вечер В.А.Смоленского (о нем см. примеч. 3 к №68) состоялся 12 марта 1948 (Хроника. С.248).

¹³ Вечер поэта Георгия Авдеевича Раевского (псевд. Оцуп; 1897–1963) состоялся 7 марта 1948 (Хроника. С.247).

¹⁴ А.А.Гэфтер выступал вместе с другими писателями на вечере Объединения русских писателей и поэтов 3 апреля 1948 (Хроника. С.252).

¹⁵ Вечер поэта и критика Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972) состоялся 2 марта 1948 (Хроника. С.246).

¹⁶ Возможно, речь идет о книге Александра Павловича Бурова (Бурд-Восходов; 1876–1967) «Расчудесные люди русские», вышедшей в Париже не позже 1950.

150. БУНИН – ТЭФФИ

1 марта 1948 г. <Жуан-ле-Пэн>

1 марта 48 г.

Милый, дорогой, сердечный друг, уже давно получил Ваше письмо от 15 февр<аля>, – с выпиской из нового дурацкого письма Цетлиной (на этот раз к Вам) и копию Вашего отличного ответа ей¹, – простите, простите, что так поздно отвечаю: всю последнюю неделю едва таскаю ноги и особенно глуп от приступа той болезни, что приличествует лишь прекрасному полу². Очень благодарю, что в ответе Цетлиной замолвили за меня доброе словечко.

Приехал Роговский, порадовал нас вестью, что Вы, слава Богу, совсем поправляетесь. Очень грустно, что Вы так упорно говорите, как Вам скучно и тяжело «возвращаться в жизнь, потеряв силы и душевные и телесные», – ради Бога, гоните от себя эти мысли и чувства, ведь Вы же должны знать, что они «от лукавого», от все еще дряхлеющей, но, разумеется, временной слабости Вашей – только телесной! Бог даст, скоро будете заливаться, как канарейка в солнечный день, в Вашей светелке! А в перерывах между этим писать, писать то лучшее, что Вы должны теперь написать, – то, о чем я говорил Вам в каком-то предыдущем моем письме³.

Нынче пришли каракули бедного Пантелея с его одры⁴ и письмо Тамары Ивановны⁵: все как будто хорошо, но я все еще беспокоюсь – *что́ такое* было у него и *кончилось ли* с операцией? Что *Вы* об этом думаете? Что знаете?

Письмо от Галины, из которого с радостью узнал, что и Вы издаетесь в Мюнхене. Что именно даете туда? Из моих писаний там издается нечто «избранное» – разных родов и годов⁶. А за всем тем – что-то будет, – и, м<ожет> б<ыть>, скоро, – со всеми нами? Сперва, м<ожет> б<ыть>, нечто еще худшее, чем гнусный позор Чехии⁷, а затем уж и настоящая погибель. Вот тебе и издания!

Целую Вас со всей моей любовью.

Ваш Ив. Б.

P.S. Неделю тому назад я добрался с Верой до Ниццы, приглашены были на завтрак Марком Александровичем – вот с тех пор я и захворал⁸. Алдановы возвращаются в Париж в середине марта.

Публикуется по автографу (БАРВК, фонд Тэффи).

¹ №147.

² В данное время Бунин страдал от сильного геморроидального кровотечения, которое он здесь сравнивает с менструацией.

³ №148.

⁴ Почти все письма Пантелеймонова к Бунину написаны на пишущей машинке, но сохранилось письмо, написанное им от руки в больнице в конце февраля 1948 (РАЛ MS.1066/4533). В письме от 2 марта 1948 Пантелеймонов писал: «Эти дни писал Вам еще письма, но мой почерк, да еще когда лежа в постели, – решил Вас избавить от труда разбирать мои каракули» (РАЛ MS.1066/4396).

⁵ Письмо Т.И.Пантелеймоновой не сохранилось.

⁶ См. примеч. 3 к №128.

⁷ Имеется в виду приход к власти коммунистов в Чехословакии в феврале 1948.

⁸ Ср. дневниковую запись Буниной за 21 февраля 1948: «Боюсь очень, как пройдет ему <Бунину> наше путешествие во вторник <24 февраля> к Алдановым в Ниццу» (РАЛ MS.1067/423).

151. ТЭФФИ – БУНИНУ
11 марта 1948 г. Париж

Paris (XVIIe)
Le 11 Mars 1948

Вот, друг дорогой, отдышалась. Завтра придет доктор, не знаю, что скажет, но мне лучше. А то совсем было пропала. Но устроила карантин – двери на запор, никого, даже милого Пантелея, который так ко мне внимателен, не пускала к себе. Принимала Strophant (вместо гостей) и молчала. И вот мне лучше. В молчании написала стихи, которые посылаю Вам.

На улице, кажется, весна. У меня в комнате темно и холодно. Чувствую эту скверность – значит, живу. (Декартовское «cogito ergo sum»¹ на мой лад).

Прошел слухок, что Вы через три недели возвращаетесь².

В «Новоселье» Зуров напечатал очень хороший рассказ. Лучше всех прочих (из них последняя есмь азь)³.

Пишу это письмо, чтобы поблагодарить Вас за присланную вырезку из Ниц<ц>ской газеты. Однако приняли Вы француза! Вот уж именно об стол мордой. Ужасно смешно. И портрет страшно сердитый⁴. Очень хорошо. Дорогую Верочку обнимаю. Она тоже была строгая. Молодец. Другой раз не сунутся.

Обнимаю и люблю

Тэффи

tourner la page⁵

Почему они кроме Вас, Prix Nobel⁶, отметили только кухонных мужиков?⁷ А где же Одоевцева? Иванов?
Странно.⁸

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5454). Адрес: Villa «Le Fournel», Chemin du Fournel, Juan-les-Pins, A<lpes->M<aritimes>.

¹ Знаменитое изречение французского философа Рене Декарта (1596–1650) «Мыслю, следовательно, существую» (*лат.*).

² Из-за все еще слабого состояния здоровья Бунина и плохой погоды в Париже отъезд был отложен до конца апреля 1948 (см. письма Бунина к Алданову от 10 марта и 9 апреля 1948. – Новый журнал. 1983. №153. С.139-140).

³ Имеется в виду рассказ Зурова «Ванюшины волосы» (Новоселье. 1948. №37-38. С.59-63). В том же выпуске журнала Тэффи напечатала рассказ «Слепая» (С.35-41), а также рецензию на книгу Пантелеймонова «Зеленый шум» (С.138-142).

⁴ В архиве Тэффи сохранилась вырезка из газеты «Nice-Matin (Edition d'Antibes)» (1948. 4 марта. С.1) со статьей-интервью Марио Брэна (Mario Brun) и фотографией Бунина в кресле.

⁵ см. на обороте (*франц.*).

⁶ (лауреата) Нобелевской премии (*франц.*).

⁷ В своей статье (см. примеч. 4) Брэн перечисляет по именам камердинера «Zacharie Sédiff», повара «Michel Miaslikoff» (см. примеч. 8 к №142), эконома Протасова и бывшего прокурора Гасмана.

⁸ К №151 приложено стихотворение Тэффи, которое было опубликовано через несколько месяцев в новом парижском журнале «Возрождение» (1949. №1. С.50-51) (РАЛ MS.1066/5455):

Старик, похожий на старуху,
К роялю кресло подкатив,
Стал пальцем подбирать по слуху
Старинный дедовский мотив.

И вдруг запел, заблеял нежно,
Как заболевшая овца,
Так безобразно-безнадежно,
Так без начала без конца:

«Я очи знал, о эти очи!
Как я любил их, видит Бог,
От их волшебной, дивной ночи
Я душу оторвать не мог»...

И так фальшивил он ужасно...
Какие он там очи знал?
А за окном блаженно-ясно
Закат безмолвно умирал.

И луч над горестным виденьем
Простер в воздушной высоте,
Как бы святым благословеньем
От нас сокрытой красоте.

Тэффи

152. ТЭФФИ – БУНИНУ
<22 марта 1948 г. Париж>

Понедельник

Друг дорогой,

Вчера был у меня Алданов. Я его познакомила с Пантелеем. Все было очень мило, оживленно и приятно. А вечером ни с того, ни с сего случился у меня сильнейший сердечный припадок. Успокоила его только морфием. Сегодня весь день в карантине. Никого не вижу и не могу говорить. И такая слабая, что все засыпаю. Но дня через три-четыре, вероятно, все наладится.

Получила Ваш большой пакет с произведениями Цвибака¹. Передам Пант<елею>, когда смогу его принять.

В восторг Цвибак меня не привел. Это Прегельша в прозе. Все жрет и жрет. Хотя жрет аппетитно. Но где же «рассказ»? Читаешь и все ждешь, когда же начнется и кончится «повествование». Ничего нет. Конечно, все познается сравнением, и у Цвибака все-таки язык человеческий, а не бараний, да к тому еще и вареный, как у Вашего фаворита Газданова², который меня раздражает как зубная боль, когда человек хватает что попало – йод, спирт, керосин, лишь бы унять. А он все зудит и зудит.

А наш Пантелей все пишет и пишет без роздыху. Его «боль»³ мне не понравилась. «Вальс»⁴ ничего себе, но идея неверная, будто старость так же светло жертвует радостями тела во имя идеи, как и молодость. По моим наблюдениям, это не так. Юность сдуру жертвует «личной жизнью». Фауст отдает все за здоровую девку Грету⁵.

Еще получила Вашу милую сборную здравицу⁶.
Вот, больше не могу писать.

Мне что-то приходит в голову, что я, может быть, и не поправлюсь.

Обнимаю Вас и милую Верочку

Тэффи

P.S. Очень удивил меня Ваш совет приняться за работу. Писать в «Н<овое> р<усское> слово»⁷. Я даже сидеть не могу. Перед тем как повернуться на другой бок, долго думаю, не вызвало бы это спазму.

Меня даже чтение утомляет – ну как могу я писать, сочинять?! Мне даже просто *жить* трудно.

Вот оно что.

Н.

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5456). Датируется предположительно по сопоставлению с письмом Б.Г.Пантелеймонова к Бунину от 23 марта 1948: «...я познакомился с ним <Алдановым> вчера» (РАЛ MS.1066/4404).

¹ 10 марта 1948 Цвибак отправил Бунину из Нью-Йорка готовый к изданию сборник своих рассказов с просьбой написать к нему предисловие (РАЛ MS.1066/5682). Бунин откликнулся очень быстро, и уже 25 марта Цвибак его горячо благодарит за присланное предисловие: «Вчера получил Ваше предисловие, прочел и просто ахнул: написано такое, о чем я и мечтать не смел, да и как написано!» (РАЛ MS.1066/5683). Книга вышла в середине апреля 1948 (*Седых А.* Звездочеты с Босфора. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1948). Об одном из вошедших в сборник рассказов, напечатанном в газете «Новое русское слово», Бунина написала в дневнике 10 марта 1948: «Сейчас прочла “Мисс<ис> Катя Джексон” Седых. Ян сказал, кончив его: “можно заплакать”. Да, действительно» (РАЛ MS.1067/423).

² О том, что Бунин был высокого мнения о романе Газданова «Вечер у Клэр» (Париж: Я.Поволоцкий, 1930), пишет Адамович в некрологе «Памяти Газданова», напечатанном в газетах «Новое русское слово» (1971. 11 декабря) и «Русская мысль» (1971. 30 декабря).

³ См. примеч. 9 к №149.

⁴ Рассказ Пантелеймонова «Вальс» вошел в сборник «Звериный знак» (см. примеч. 1 к №137).

⁵ Сцены 9-22 и 27 первой части трагедии Гёте «Фауст» (1808) посвящены роману героя с девушкой Маргаретой (Гретхен).

⁶ Возможно, имеется в виду не сохранившаяся открытка от Буниных и других обитателей Русского дома.

⁷ См. приписку к №148, где речь идет, однако, о «Новом журнале».

153. ТЭФФИ – БУНИНУ

3 апреля 1948 г. Париж

Paris (XVIIe)
Le 3 Avril 1948.

Не могу я ехать к черту на рога.
Дорого. Дорога дорога!¹

Друг дорогой!

Тезоименитый небесной луне! (чин Св. Екатерины)².

Вот уже три дня, как чувствую себя лучше.

Но душевно – хуже. Не хочется возвращаться в мою жизнь. Она очень некрасивая и мучительная. Ну да все это не от меня зависит.

Очень повеселил меня наш братец Пантелей. Как-то недели три тому назад оставил мне записку (прилагаю ее Вам)³. Я прочла, хихикнула и забыла. Но вот недавно приходит и кается, что пришлось ему выпить две рюмки коньяку с корректором Борейшей⁴. «Зато они мне устроили одно важное дело». И вот теперь выяснилось, что важное дело заключалось в том, чтоб Борейша как-нибудь устроил, чтоб рассказ Пант<елея> не попал в пасхальный номер⁵. Тот обещал и выполнил. Ну и чудак наш братец. Но все же это очень мило.

Теперь он охвачен мифотворством. Видел Зайцева, и тот показался ему растерянным, и когда Пант<елей> протянул ему приветливо руку, он эту советскую руку⁶ и тряс и мял и чуть себе в карман не сунул.

Потом Пантел<ей> был у Ремизова, и тот рассказал ему с удивлением, что Зайцев к нему прибежал: «А ведь с тех пор, как я паспорт взял, носа ко мне не показывал»⁷. И Ремизова тоже тряс и мял и жаловался, что Бунин «из-за какого-то пустяка» порвал сорокалетнюю дружбу. Как Вам нравится этот «пустяк»? Но Пантелей расстроен зайцевским страданием. Между прочим, Зайцев предложил Ремизову субсидию от союза. Тот возразил, что ведь он не член, на что Зайцев ответил, что можно ему ссуду выдать фиктивно на имя кого-нибудь из членов, но попадет она Ремизову. Это прямо черт знает что такое! Любовь к Ремизову так остро вспыхнула, что толкает Зайцева на преступление, на подлог. Вообще такая заварилась чертовня, что прямо можно петухом запеть.

Заходил прощаться Алданов. Очень холодно говорил о Зайцевых. «Он остался совершенно один. Ив<ан> Алекс<еевич> отошел от него, вы отошли, Полонские⁸ и вообще все». Последнее слово подражало его, Алданова.

«Русская мысль» веселится. Огромная статья о том, что Берберова перевела свою книгу о Чайковском⁹. Народ ликует.

Меня легонько поругивают: мои пьески идут в «Театре миниатюр», и это дает повод и возможность выразить ко мне отвращение¹⁰.

Знаете, серьезно хочется повернуться к стене, натянуть одеяло на уши и вспоминать на распев «По синим волнам оке-а-ана...»¹¹

Или:

Отворили мне темницу,
Дали мне сиянье дня,
Обещали дать девицу
И котлеты из коня.
Я красавицу младую
Перво-наперво надую
И заставлю фэр менаж¹²
И наладить мой шоффаж¹³.

Винограда мне не надо:
Он «в тени», наверно, плох.
Мне обещана награда –
Из Америки горох!¹⁴

Это вранье. Из Америки не шлют буквально ничего. Даже удивительно, хотя, может быть, наш Союз и получает, но я, член Правления и товарищ председателя¹⁵, ничего об этом не знаю.

До свидания, друг бесконечно любимый. Дорогую Верочку целую. Может быть, еще и увидимся.

Всегда Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5457).

¹ Возможно, экспромт Тэффи.

² Ср. обращение к Ремизову в письме от 6 октября 1947: «Чудесный, небесной Луне тезоименитый (чин св. Екатерины) Алексей Михайлович!» (Амхерстский центр русской культуры (США), фонд А.М.Ремизова и С.П.Довгелло-Ремизовой). По-видимому, Тэффи нравилась фраза из одного из тропарей св. Екатерины.

³ Записка Пантелеймонова не сохранилась.

⁴ Петр Исидорович Борейша (1885–1953) – технический сотрудник газет «Последние новости» и «Русские новости».

⁵ Не установлено, о каком рассказе Пантелеймонова идет речь.

⁶ У Пантелеймонова был советский паспорт.

⁷ Ремизов взял советский паспорт в 1946.

⁸ Я.Б.Полонский и его жена Любовь Александровна (урожд. Ландау; 1893–1963), сестра Алданова.

⁹ Берберова участвовала в переводе своей книги «Чайковский. История одинокой жизни» (Берлин: Петрополис, 1936) на французский язык: *Berberova N. Tchaikovsky. Histoire d'une vie solitaire / Traduit du russe par l'auteur et M. Journot. Paris: Egloff, 1948.* Об этом сообщалось в газете «Русская мысль» 29 марта 1948 (№50. С.5).

¹⁰ Скетчи Тэффи «Пациенты» и «Благотворительное заседание» и трагикомедия А.Долинова «Шарманка» (по пьесе Тэффи «Шарманка Сатаны», 1916) были поставлены в Русском театре миниатюр 27 марта 1948 (Хроника. С.251).

¹¹ Первая строка популярного в многочисленных переложениях на музыку стихотворения Лермонтова «Воздушный корабль» (1840).

¹² убрать квартиру – *faire ménage* (франц.).

¹³ отопление – *chauffage* (франц.).

¹⁴ Пародия Тэффи на переложенные на музыку многими композиторами стихотворения Лермонтова «Узник» (1837) и «Желание» (1832).

¹⁵ Тэффи переизбрали в правление Союза русских писателей и журналистов 22 ноября 1947 (Хроника. С.227).

154. ТЭФФИ – БУНИНУ

11 апреля 1948 г. Париж

Paris (XVIIe),

Le 11 Avril 1948.

Да, Высокий друг мой, Вы правы – Яша Цвибак вовсе не плох¹. Его спасает то, что вырос он в Крыму, а не в Одессе. Он пишет по-русски. И рассказывает славно. Все, что он пишет, может послужить фоном для настоящего повествования.

А вот бедный наш Перикл! Пишет: «он толкал впереди себя *младенческую коляску*»². Каково?

У меня было опять два плохих дня. Сегодня на исходе третий. Но почувствовала, что могу держать перо, и захотелось общения с Вами. Три дня не видела живой души – не могла никого принять. Так мне что-то было худо. Только Пантелей говорил мне по телефону, что получил от Вас чудесное письмо, но прочесть его мне нельзя³. Между прочим – надо бы, чтобы франц<узская> академия наук выпустила лексикон неприличных слов, п<отому> ч<то> в них большая надобность. Не будучи французским мужиком, очень трудно разбираться в новейшей франц<узской> литературе. А сейчас читаю во франц<узском> переводе огромный роман Steinbeck'a, американского писателя⁴. И тоже – ну и словечки! А вот франц<узский> переводчик нашел же подходящие. И где они им учатся?

Между прочим, в этом романе очень хорошо говорит проповедник: «Дела у Иисуса шли плохо. Было очень много неприятностей. Он подумал – А ну вас всех к черту! – и ушел в пустыню».

А слушавшая проповедь бабушка заблелая: «Béni soit le Seigneur»⁵.

Заходила ко мне Банин. Она очень мила. Кончает огромный роман, кот<орый> ей заказало издательство. Героиня-француженка попадает в Россию во время революции⁶. Издатель хочет лансировать роман, сделать «boom»⁸. Банин призналась, что ее писания ее не радуют, п<отому> ч<то> она любит настоящую хорошую литературу, но сама писать хорошо не умеет. Такое признание трогательно. Наши седые-молодые все очень собою довольны.

А я тоже собою недовольна. Знаю, как надо писать, да не умею. Да уж и не к чему. Солнце заходит, и вижу, как тень моя спускается с горы.

Обнимаю Вас и радуюсь, что скоро, в этом самом апреле-месяце, увижу Вас.

Дорогую Верочку крепко целую.

А Сергей Горный выпускает четвертую книгу прямо на немецком языке⁹. И Апокалипсис не предвидел такую лошадь.

Всегда Ваша

Тэффи

Публикуется по автографу (РАЛ MS.1066/5458). Адрес: Villa «Le Fournel», Chemin du Fournel, Juan-les-Pins, A<lps->M<aritimes>. (Обратный адрес: 59, rue Boissière, Paris.)

¹ Ср. №152.

² В письме к Бунину от 4 апреля 1948 (РАЛ MS.1066/4410) Пантелеймонов приводит ту же цитату из 2-й части опубликованного в газете «Новое русское слово» (1948. №13105, 12 марта. С.2) рассказа Ставрова «Билет»: «Измученный провинциал, отбивая деревянными подошвами медленную чечетку, устало нагибая голову, толкал впереди себя младенческую коляску».

³ Судя по ответному письму Пантелеймонова к Бунину от 9 апреля 1948 (РАЛ MS.1066/4413), содержание письма Бунина было «не для дам».

⁴ Речь идет о французском переводе романа Джона Стейнбека (1902–1968) «Гроздь гнева» (1939): *Steinbeck J. Les Raisins de la colère / Traduit de l'anglais par Marcel Duhamel et M.-E.Coindreau. Paris: Gallimard, 1947* (о перепетиях перевода в условиях войны см. изд.: *French W. A Companion to The Grapes of Wrath. Clifton: A.M.Kelly, 1972. С.148-149*). Тэффи приводит место из главы 8 романа (в оригинале – глава 9) в собственном вольном переводе. Морис-Эдгар Куандро (1892–1990), профессор французского языка Принстонского университета (США) в 1922–1961, был признанным мастером художественного перевода с американского. В данном случае его соавтором был французский писатель Марсель Дюамель (1900–1977).

⁵ Слава тебе, Господи (франц.).

⁶ По-видимому, роман Банин остался неизданным (ср. №172). В этот период вышли ее автобиографические повести: *Banine. Jours caucasiens. Roman. Paris: R.Julliard, 1945; Jours parisiens. Roman. Paris: R.Julliard, 1947*. (Обе книги переизданы в Монпелье в издательстве «Gris banal» в 1985 и 1990.)

⁷ широко рекламировать – lancer (франц.).

⁸ бум (франц.).

⁹ Известны три книги Горного (о нем см. примеч. 4 к №42) на немецком языке (две из них были все-таки переведены с русского): *Mit leisen Schritten. Kassel: Schleber, 1947; Der Schattenraum. Gedichte. Baden-Baden: Bühler, 1947; Süsse Gewohnheit des Daseins. Flensburg-Hamburg: Wolff, 1948*.

Окончание следует в третьем томе «Диаспоры».

Вступительная статья к третьей части публикации будет охватывать период с сентября 1939 (начало Второй мировой войны) по 1952 (смерть Тэффи).

«...Я МОЛЧАЛ 20 ЛЕТ, НО ЭТО ОТРАЗИЛОСЬ НА МНЕ СКОРЕЕ БЛАГОПРИЯТНО»

Письма Д.И.Кленовского В.Ф.Маркову 1952–1962 гг.

Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона

Переписка между Д.И.Кленовским (наст. имя Дмитрий Иосифович Крачковский; 1892–1976) и В.Ф.Марковым (р. 1920) завязалась естественно и закономерно. Оба родились в Петербурге и во время войны оказались за рубежом, обоим еще только предстояло утвердиться в литературном мире эмиграции, в котором оба находились в одной и той же «весовой категории», и, хотя разница в возрасте была значительна – почти три десятка лет, – общались на равных. Хотя у Кленовского был еще дореволюционный поэтический стаж, все советские годы ему было не до стихов, и в эмиграции, по сути, пришлось строить литературную карьеру с самого начала.

Маркова читателям представлять не нужно, его имя на слуху, книги переиздаются одна за другой¹. Кленовскому с переизданиями пока что везло меньше². О событиях первой половины своей жизни Кленовский наиболее подробно рассказал в своей автобиографии, написанной в 1946 и опублико-

¹ Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov / Ed. by Ronald Vroon and John E.Malmstad. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993; *Марков В.Ф. О свободе в поэзии*. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С.357-360; *Он же. Centifolia russica: Упражнение в отборе*. СПб.: Алетейя, 1997; *Он же. История русского футуризма / Пер. с англ. В.Кучерявкина и Б.Останина*. СПб.: Алетейя, 2000; *Он же. Гурилевские романы*. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000.

² Из нескольких попыток выпустить посмертное издание осуществилась только одна, да и та наполовину – вышел лишь первый том: *Кленовский Д. Собрание стихов*. Т.1. Париж, 1982. Очередная попытка предпринимается нами в данный момент.

ванной уже посмертно³. В 1942, из Харькова (где жил с 1921, работая редактором-переводчиком Радиотелеграфного агентства Украины) он попал в Австрию, где до 1944 находился в лагере для немцев-беженцев (его жена Маргарита Денисовна Гутман, уроженка Петербурга, была немкой по происхождению). «Распроставшись, наконец, осенью 1944 г. с лагерной жизнью, я по май 1945 г. работал служащим на лесопилке в Эбензее, в Зальцкаммергуте. Оттуда тотчас же по окончании войны я перебрался с женой в Баварию, в деревушку Зурберг возле города Траунштейн⁴. В дальнейшей судьбе его уже не ожидали существенные перемены, разве что в ноябре 1954 Кленовский перебрался из деревни в Траунштейн. Здесь, в баварском городке, он и скончался, почти полвека прожив в мире и согласии со своей женой. Остальное – в стихах и письмах⁵.

К началу переписки Марков считал себя прежде всего поэтом и только уже затем критиком, литературоведом, переводчиком. Кленовский всю жизнь сознавал себя поэтом, и только поэтом. Собственно, и отъезд его из СССР был обусловлен в первую очередь отсутствием атмосферы для творчества.

Ведя оживленную переписку на протяжении десятилетия, Кленовский и Марков никогда не встречались, что не мешало им обсуждать все литературные новости и вести войну с «парижанами». Свообразный заговор «провинциалов» против засилья «парижан» в первые годы переписки их особенно сближал. С годами, впрочем, выяснилось, что «парижане» в боль-

³ Кленовский Д. Автобиография // Современник (Торонто). 1978. №37/38. С.188-195.

⁴ Там же. С.94.

⁵ Обширная переписка Кленовского частично опубликована. См.: Шаховской Иоанн, архиепископ. Переписка с Кленовским / Редакция Р.Герра. Париж, 1981; Из писем Дмитрия Кленовского Геннадию Панину / Публ. Э.Бобровой // Новый журнал. 1997. №206. С.94-124; №207. С.157-192. Опубликовано и кое-что из эпистолярки Маркова: «...Мир на почетных условиях...»: Переписка В.Ф.Маркова с М.В.Вишняком. 1954–1959 / Публ. Олега Коростелева и Жоржа Шерона // Диаспора: Новые материалы. Вып.1. Париж; СПб.: Atheneum-Феникс, 2001. С.557-584. См. также публикации, подготовленные по материалам его архива: Georgij Ivanov/Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einleitung herausgegeben von Hans Rothe. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994; «Ваш Глеб Струве» (Письма Г.П.Струве к В.Ф.Маркову) / Публ. Ж.Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.118-152; «Тулон...Тамань...Туман»: Письмо Георгия Иванова Владимиру Маркову / Публ. А.Арьева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. С.254-272; «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966) / Публ. О.А.Коростелева и Ж.Шерона // Минувшее. Вып.24. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С.240-378; «...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975) / Публ. Олега Коростелева и Жоржа Шерона // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж: Феникс–Atheneum, 2000. С.398-518. Кроме того, готовится к изданию переписка В.Ф.Маркова с В.В.Вейдле, Р.Б.Гулем, М.М.Карповичем и некоторыми другими эмигрантскими литераторами.

шинстве своем ничего против одаренных поэтов не имеют и охотно готовы потесниться на Парнасе, а в понимании сущности поэзии главный водораздел проходит вовсе не по географическим границам.

Расхождения во взглядах на поэзию существовали изначально, но до поры до времени они не мешали активной и заинтересованной переписке. Собственно, и началось все с разногласий, впрочем, умеренных и потому не сразу заметных. В первом же (несохранившемся) письме Кленовский вступил в спор по поводу отбора поэтов для антологии. В следующих письмах расхождений обнаружилось довольно много, причем порой оценки творчества некоторых поэтов не совпадали разительно (Заболоцкий, Георгий Иванов, футуристы). «Последний акмеист», как называли Кленовского⁶, и автор первых монографий о футуризме имели слишком разные воззрения.

Отсутствие читателей, нелады с критиками (точнее, слишком чувствительная реакция на отдельные выпады критиков, в целом отнесшихся к Маркову очень и очень благосклонно) привели к тому, что в середине пятидесятых годов Марков разочаровался в своей поэзии, стал писать стихи все реже, почти целиком отдавая филологии и профессорской деятельности. Кленовский же с каждым годом все прочнее входил в литературный мир эмиграции, завоевывая одно из самых почетных мест на тогдашнем поэтическом Олимпе.

Тихой сапой Кленовский пытался переубедить Маркова и перетягивать на свою сторону. Однако Марков, будучи человеком упрямым, предпочитал стоять на своем, антропософией не соблазнился, от Георгия Иванова не отказался и перейти в иную литературную веру не захотел. Количество разногласий неуклонно накапливалось и неумолимо приближалось к критической точке. В 1962 в одном из писем Марков высказался о новой книге Кленовского без обычного пиетета, накопившиеся несогласия наконец прорвались. Кленовскому придирки Маркова показались несправедливыми и даже грубыми, о чем он вежливо, но твердо написал в ответном письме. На этом переписка и оборвалась.

Впрочем, каждую свою новую книгу Кленовский неизменно посылал Маркову с любезной дарственной надписью. Кроме этих книг, в архиве Маркова сохранилось одно деловое письмо от 10 января 1965, ответ на запрос Маркова о том, какое стихотворение Кленовского включить в антологию, да новогодняя поздравительная открытка, отосланная спустя еще несколько лет, в декабре 1969. Несмотря на то что оба заверили друг друга в прежних чувствах, переписка так и не возобновилась.

Письма печатаются по оригиналам, сохранившимся в архиве В.Маркова и ныне находящимся в РГАЛИ (Ф.1348).

⁶ Ржевский Л. К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики. Norwich: Norwich University Press, 1990. С.231.

1

18 дек<абря 19>52

Глубокоуважаемый Владимир!
(к сожалению, не знаю Вашего отчества!)

Рад был получить Ваши разъяснения¹, полностью Вас «реабилитировавшие». И Вы были правы, их прислав, ибо неверные суждения рассеивать нужно! Надеюсь, Вы не в обиде на меня за то, что, не будучи в курсе дела, я превратно кое-что себе объяснил?

Вполне правильной считаю я также теперь и Вашу мысль дать Ахматову, Сологуба и Волошина как «пролог к антологии»². Я бы только на Вашем месте еще прибавил к ним Гумилева («Трамвай», «Память» и др.) и Кузмина («...и мы как Меньшиков в Березове / читаем библию и ждем»³, «Странничий вечер»⁴ и др.).

Вот с чем я с Вами не согласен, это в отборе авторов. По-моему, Вы слишком копнули вглубь и недостаточно вширь. Я придерживаюсь того мнения, что в антологиях должны быть представлены не одни лишь литературные «тузы», но, так сказать, и «валеты», у которых, право же, есть отдельные отличные стихи и с которыми иначе как через антологию познакомиться невозможно. Ведь «тузы» изданы и переизданы, если сам их не имеешь – раздобудешь у товарища, а «валеты» – раритет. Я бы поэтому, будучи на В<ашем> месте, включил в книгу еще 6–7 второстепенных поэтов.

Насчет опечаток – тут нужен глаз да глаз! Я шесть раз возвращал гранки моей книги⁵, но зато добился полного благополучия. Жаль, что мандельштамовские прекрасные «вигилии» превратились в «веселия»⁶! Если даже так и было в одном из изданий, которыми Вы пользовались, – это явная опечатка, так себя «исправить» М<андельштам> не мог!

Чем Вы меня, однако, сильно огорчили – это Вашим влечением к Заболоцкому! Я отнюдь не ретроград в искусстве и многие смелости и даже странности приемлю, но в данном случае мой шок никак в восхищение не перешел... Зощенки вижу достаточно, но Пушкина и Державина – не замечаю... Конечно, и у Заболоцкого есть удачные кусочки, но, на мой взгляд, они тонут в море пошлости и безвкусицы. Я испытываю к нему какое-то почти физическое отвращение...

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ Речь идет об антологии: Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом / Сост. и предисл. В.Маркова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Антология была заказана Маркову издательством имени Чехова, идея книги с откровенной политической сверхзадачей, а также ее название, не нравившееся Маркову, также принадлежали издательству. В первый раз-

дел книги вошли послеоктябрьские стихи не эмигрировавших поэтов Серебряного века, а основу книги составили стихи непечатаемых или мало печатаемых в то время в России поэтов. Кленовский, поначалу восприняв книгу как антологию в буквальном смысле, а не политическую акцию, в первом, несохранившемся письме выразил недоумение относительно состава.

²Творчество Ахматовой, Волошина и Сологуба Марков назвал «прологом» к послереволюционной поэзии (Приглушенные голоса. С.11).

³Последние строки стихотворения М.А.Кузмина «Декабрь морозит в небе розовом...» (1920).

⁴Стихотворение М.Кузмина 1917 г., вошедшее в сборник «Эхо» (Пб.: Картонный домик, 1921. С.9-10).

⁵*Кленовский Д.* Навстречу небу. Франкфурт-на-Майне: Иверни, 1952.

⁶Речь идет о строке из стихотворения Мандельштама «Tristia». Кленовский приводит правильный вариант строки – «Последний час вигилий городских», – помня первые публикации стихотворения (Пути творчества (Харьков). 1919. №4. С.11; Дракон. Пг., 1921. С.16-17). В «Избранном» Мандельштама в результате корректорской ошибки было напечатано «Последний час веселий городских» (*Мандельштам О.* Стихотворения. Л.; М.: ГИЗ, 1928. С.123) и в таком виде неоднократно переиздавалось, в том числе и Марковым в антологии. Подробнее об этом см.: *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. П.Нерлера. М.: Художественная литература, 1990. Т.1. С.484; *Мандельштам О.* Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.Г.Меца. СПб., 1995. С.552-553. – (Новая Библиотека поэта).

2

дек<абрь 19>53

Глубокоуважаемый Владимир Федорович!

Сердечно поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и шлю наилучшие пожелания на 1954 г.! Как живете? Как работаете? Надеюсь, не забросили поэзию? Что-то нигде не видать Ваших стихов... Антологию Вашу, признаюсь, постепенно ценю все больше. Вы были правы, широко показав лучших поэтов. Вы ошибаетесь, предполагая, что я Вас «запрезираю» за то, что Вы не любите, а только цените Гумилева. Мне лично он дорог только одной своей «стороной», теми темами и стихами, какие прозвучали в последние годы его жизни и были оборваны его гибелью¹. Я как-то давно писал об этом в «Посеве» («Подлинный Гумилев»). Д.Карелин, – может, читали².

Буду рад весточке от Вас!

Д.Кленовский

¹ Гумилев Кленовский считал мастером и одним из учителей в поэзии. О своем раннем знакомстве с его стихами Кленовский написал в статье «Поэты царскосельской гимназии» (Новый журнал. 1952. №29. С.132-138). На протяжении жизни он постоянно возвращался к Гумилеву и посвятил ему несколько стихотворений: «Предгорье» (1921), «Как валежник, сухие годы...» (1945), «Не забытое, не прощенное» (1955), «Царскосельская гимназия» (1957) и др.

² Карелин Д. Подлинный Гумилев // Посев. 1947. №33(82).

3

14 января <19>54

Глубокоуважаемый Владимир Федорович!

Спасибо за Ваше интересное, а главное, искреннее письмо. На многое хочется ответить. Я очень рад, что мы сошлись в оценке Гумилева, – тут я редко встречаю единомышленников! Вы правильно сказали о «прорезывавшемся» в нем «шестом чувстве». Вот проблески этого самого «шестого чувства» нашел я и в некоторых стихах Вашей книжки¹, а потому, несмотря на отдельные ее, на мой взгляд и вкус, конечно, провалы (стр. 36-40, например), она произвела на меня впечатление многообещающего, не только литературно, но и духовно (назовем это так) начала, а никак не fiasco.

Вот хотя бы (из области духовных обещаний):

Жизнь подойдет к концу, придет вторая,
И та же, в образе другом, любовь,
И будем мы с тобой, не умирая,
А только в прятки с вечностью играя,
В столетиях встречаться вновь и вновь.

или:

Мы ведь знакомы тысячу лет.
Под этой липой я с нею встречался,
В этой вот кирхе с нею венчался,
Может быть, даже ее любил,
Может быть, даже счастлив был,
Только не помню – я все забыл.

Разве все это не проблески «шестого чувства», пусть даже, м.б., самим собой не вполне угаываемого?

Из В<ашего> письма я вижу, что, несмотря на Ваше сегодняшнее творческое молчание, Ваш «зуб мудрости» продолжает прорезываться. И тут мы подходим к вопросу о внутреннем прикосновении к Богу (слова из Вашего письма). Я не совсем согласен с Вами, что общение Гумилева с Богом, его прикосновение к нему было скорее внешним, чем внутренним. Мне кажется наоборот (но это, конечно, недоказуемо), что Гумилев в церковь не ходил, а внутренне Бога ощущал и к нему прикасался (слово «Бог» надо тут понимать, ко-

нечно, в самом широком смысле). Ведь «шестое чувство» и есть некое внутреннее прикосновение к Богу. Вот почему Ваши поиски этого прикосновения и Ваши же проблески «шестого чувства» – неразлучны. То, что Вы слишком щедро назвали «чистой поэтической мудростью» моих стихов, – есть те же самые поиски шестого чувства, м.б., только без Ваших болей, а без болей потому, что этот процесс проходит у меня по другой, облегченной, линии. Облегчение же это – результат контакта с одним мирозерцанием, о котором и сейчас еще не знаю, следует или не следует Вам говорить. Я имею в виду антропософию, а антропософы никому никогда не навязывают своего мирозерцания, не «подталкивают» к нему. Все же, прочтя Ваше письмо и вспомнив некоторые стихи из В<ашей> книги, мне захотелось дать Вам, как говорят немцы, *einen kleinen Wink*²: попробуйте познакомиться с антропософией, с книгами ее основателя Рудольфа Штейнера³, мне кажется, что Вы найдете в ней многое для себя нужное и отвечающее В<ашему> душевному складу. Содержание моим стихам, хотя я не все в антропософии безоговорочно принимаю, дала именно антропософия, она же дала его и внутренне близким нам обоим предсмертным стихам Гумилева⁴. Кроме того, именно антропософия не только сохранила меня для христианства, но и впервые объяснила мне его. Не спутайте только антропософию с теософией, которая христианству чужда, а потому и для меня неприемлема. Учтите также, что антропософия – это мирозерцание, а не вера и, тем более, не «секта» со всеми неприятными сектантскими свойствами и, как мирозерцание, охватывает решительно всю многогранность человеческих запросов и интересов: социологические, научные, исторические и др<угие> проблемы, медицину, искусство, воспитание ребенка и проч. и проч. и проч. Все это, осмысленное по-антропософски, предстает совсем в другом аспекте.

Самое сложное заключается в том, что с антропософией во всей ее многогранности весьма затруднительно как следует познакомиться. Для этого нужны возможности, терпение и время. Для начала нужно почувствовать к ней какое-то расположение, внутренне ее принять, в крайнем случае – не оттолкнуть, тогда дело пойдет легче. Рудольф Штейнер написал множество книг и прочел огромное количество докладов, которые были тоже постепенно все изданы. Есть и другие авторы-антропософы, напр<имер> Emil Bock⁵. Но очень трудно посоветовать, как хоть частично со всем этим познакомиться. Дело в том, что от написания популярного «введения в антропософию» Р.Штейнер всегда, по причинам, о которых говорить здесь было бы слишком долго, уклонялся, и такового не существует. Нужно вроде того, что прямо кинуться в море, не умея плавать, не зная, выплывешь ли... Я затрудняюсь назвать Вам книги, с которых можно было бы начать ознакомление с антропософией. Наиболее попу-

лярной, но, скорее, теософской книгой являются «Les grands initiés» Ed. Schure⁶ (они имелись в свое время и по-русски⁷, равно как и некоторые книги Штейнера⁸). В мировом центре антропософского движения – Дорнахе (Швейцария), а также в некоторых немецких издательствах вышли многие сотни антропософских книг, но, чтобы приобрести их, надо затратить значительные деньги. Антропософские общества существуют во всех странах мира, самое лучшее для начинающего – как-то связаться с ними, слушать там лекции (никаких богослужений там нет). Если мое предложение Вас заинтересует, я могу узнать, где в США есть такие общества. Контакт с ними Вас решительно ни к чему не обязывает. Кстати, учтите, что убежденными антропософами среди поэтов были Максимилиан Волошин и Андрей Белый, в последние годы своей жизни вплотную подошел к ней Гумилев, был одно время близок к ней Ходасевич и т.д. и т.д.⁹ Некоторые стихотворения этих поэтов становятся понятными, только если читатель подходит к ним с позиций антропософии, – уж ради этого одного стоит с нею познакомиться!

Я не написал бы Вам обо всем этом, если бы не прочел в Вашем сборнике стихов приведенных здесь мною строк, а в Вашем письме – слов о внутреннем касании Бога и шестом чувстве. Если я ошибся, Вы, надеюсь, не будете на меня в претензии, ибо действую я от чистого сердца.

Что Вы сейчас творчески (стихи) безмолвствуете¹⁰ – меня не пугает. Помолчать бывает даже полезно... И никакое молчание не проходит бесследно, это всегда период накопления внутренних сил. Моя первая (детская еще) книга стихов вышла в 1917¹¹, вторая была принята (но не смогла быть издана) изд<ательст>вом «Петрополис» в 1923, а после этого я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно. Так, думается мне, и Ваше молчание Вас тревожить не должно, тем более что Вы молоды.

Очень порадовало меня Ваше упоминание о Вашей счастливой семейной жизни. Порадовало потому, что я и моя жена – тоже исключительные друзья. В сочельник мы отпраздновали (вдвоем у елочки) нашу серебряную свадьбу, чего в дальнейшем от души желаем и Вам с супругой.

Читаете ли вы «Рус<скую> мысль»? Заметили ли Вы там высказывания об эмигрантской поэзии некоего К.Померанцева¹², который подвизается, кроме того, там же и в «Возрождении» как поэт, романист, философ, историк и т.д. и т.д. Нечто совершенно умопомрачительное по апломбу и безответственности! Меня от его писаний в дрожь бросает! И не находится никого, кто бы поставил его на место... Я, к сожалению, для сего недостаточно зубаст.

Жму Вашу руку.

Д.Кленовский

¹ Марков В. Стихи. Регенсбург, 1947. Свою первую книгу стихов Марков послал к новому 1954 году нескольким эмигрантским поэтам с просьбой высказаться. См., например, подробный отзыв Ю.Терапиано в письме от 15 января 1954: «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966) // Минувшее. Вып.24. С.250-251.

² маленький совет (нем.).

³ Рудольф Штейнер (1861–1925) – мыслитель, писатель, Генеральный секретарь Немецкой секции Теософского общества (в 1902–1913), основоположник антропософии, основатель «Свободной высшей школы науки о духе» в Дорнахе (Гётеанум), председатель Всеобщего антропософского общества (с 1923).

⁴ По этому вопросу написано немало и высказаны самые разные точки зрения, напр.: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Мистическое начало в поэзии Гумилева // Россия и славянство. 1931. 29 августа; *Эшельман Р.* Гумилевское «Слово» и мистицизм // Русская мысль. 1986. 29 августа; статья Рауля Эшельмана, Майкла Баскера и др. в кн.: *Nikolay Gumilev (1886–1986)* / Ed. by S.Graham. Berkeley, 1987; *Йованович М.* Николай Гумилев и масонское учение // Н.Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. СПб., 1992. С.32-46; а также целый ряд работ Н.А.Богомолова, из которых наиболее обстоятельна «Гумилев и оккультизм» в кн.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. С.113-144.

⁵ Эмиль Бок (Воск; 1895–1959) – французский религиозный мыслитель, автор книг на темы антропософии.

⁶ Эдуард Шюре (Schuré; 1841–1929) – французский писатель, теософ, позже антропософ, один из ранних учеников Штейнера.

⁷ Книга Э.Шюре «*Les Grands Initiés*» (Paris, 1889) впервые вышла в русском переводе под названием «Великие посвященные: очерк эзотеризма» в Санкт-Петербурге в 1910 и неоднократно переиздавалась.

⁸ К тому времени на русском языке вышли книги Штейнера: Теософия: Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека / Пер. А.Р.Минцловой. СПб., 1910; Путь к посвящению и как достигнуть познания высших миров. Калуга, 1911; Акаша-хроника: История происхождения мира и человека. М., 1912; Мистерии древности и христианство. М., 1913; Истина и наука. М., 1913; Очерки тайноведения. М., 1916; Мистика на заре духовной жизни нового времени и ее отношения к современным мировоззрениям. М., 1917; Порог духовного мира. М., 1917.

⁹ В последнее десятилетие волна литературы на эту тему росла лавинообразно. См. наиболее обстоятельную работу с подробной библиографией: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм.

¹⁰ Раздосадованный недостаточным, по его мнению, вниманием критики и особенно произошедшим вскоре скандалом вокруг «Заметок на полях», Марков с середины пятидесятых все реже выступал в эмигрантской печати, предпочитая печататься на иностранных языках. 8 июня 1956 он в сердцах

написал Глебу Струве: «Очевидно, придется наложить на себя какой-то «обет молчания»» (Hoover Institution Archives. Stanford University (Palo Alto). Gleb Struve Papers, 105-9). Подробнее см.: «...Мир на почетных условиях...»: Переписка В.Ф.Маркова с М.В.Вишняком. 1954–1959. С.557-584.

¹¹ Крачковский Д. Палитра. СПб., 1917.

¹² Поэт, журналист и мемуарист Кирилл Дмитриевич Померанцев (1907–1991) несколько послевоенных десятилетий публиковал в «Русской мысли» и «Возрождении» помимо стихов также статьи и эссе на самые разнообразные темы.

4

8 марта <19>54

Дорогой Владимир Федорович!

Получил В<аше> письмо. Вы правы! Il ne faut pas brusquer les choses¹, как говорят французы. Если Вы не испытываете влечения к антропософии, не доверяете ей – не нужно себя неволить. Все придет в свое время, само «прорастет», притом (с точки зрения антропософа) если не в этом, то в... следующем воплощении!! Но «бояться» антропософии, пожалуй, тоже не следует. Не обязательно стать ее рабом! Я лично (таков был и М.Волошин) беру от нее не все, а то, что находит отклик, согласие в моей душе. Вы очень верно подметили подозрительную способность антропософов находить ответы на все вопросы. И «публика» на антропософских собраниях, как Вы тоже правильно заметили, частично «юмористическая»... с другой стороны, иные антропософы грешат тем «бездейственным самосовершенствованием», о котором Вы тоже упоминаете. Мне все это, однако, не мешает. Дело в том, что многое, очень многое в антропософском мирозерцании (ведь это не религия, не секта, а именно мирозерцание) представляется мне наиболее вероятным, правдоподобным, а главное – справедливым объяснением волнующих нас вопросов. В частности, о бытии животных, растений (и минералов), острое ощущение которого Вы у себя признаете, антропософия рассказывает замечательные вещи. Я не хочу Вас агитировать, но какое-то предрасположение к антропософии у Вас несомненно есть. Знаю по себе: знакомясь впервые (это было в 1916 г.) с антропософией, я странным образом ощущал некоторые основные ее тезисы как нечто давно уже мне известное и только основательно позабытое. Это ощущают многие. Невольно думается: откуда такое ощущение? На лицо, по-видимому, именно какое-то предрасположение.

Вы пишете, что Вам надо сперва «найти подлинный и прочный путь в христианство из советского равнодушия к вопросам веры». Мне кажется, что именно антропософия, которая является христианским мирозерцанием, может как раз наилучшим образом привести к

подлинному пониманию христианства (так было со мной), и притом особенно тех, кто, находясь в советских условиях, стоял от христианства в стороне. «Практическое» христианство – великая вещь, но оно не должно подменить или затемнить мистический его смысл. Вы правильно говорите о синтезе того и другого. Но вот что Вы больше хотите «разобраться в себе, чем в мире», – мне кажется неправильным. Как отделить себя от мира? И как понять себя вне мира? Тут тоже должен быть синтез, и как раз антропософия способна его дать.

В связи с нашим разговором об антропософии Вам, м.б., будет любопытно прочесть в только что вышедшем №20 «Граней» мою статью: «Окультиные мотивы в русской поэзии нашего века»². Я жду, между прочим, от нее всяческих неприятностей, ибо обычно от одного лишь слова «окультизм» люди шарахаются, как черт от ладана, к тому же в статье я рикошетом задеваю Адамовича и Терапиано³, и последний наверняка вцепится мне в горло на страницах «Н<ового> р<усского> с<лова>», где он как раз рецензирует «Грани». Я даже долго колебался, прежде чем опубликовать статью, а редакция сопроводила ее оговоркой⁴. Все же, хорошо или плохо, но я затрагиваю в ней тему, которую, насколько мне известно, еще никто не затрагивал.

Ваше впечатление от моих стихов до и после 1946 вполне правильное с такой, впрочем, оговоркой: мое мироощущение, нашедшее свое выражение в стихах после 1946 г., было моим и раньше, но, очевидно, разного рода военные и послевоенные испытания (мы с женой пережили много тяжелого и даже страшного) его временно захлестнули. Я очень рад, что, перечтя теперь мои стихи, Вы ощутили их иначе, вероятно, так, как я ощущаю их сам. Это встречаешь редко и особенно ценишь. Ведь объяснять себя и не хочется, и не тактично, это случается лишь в беседе «по душам», какая произошла у нас. Приблизить в этом же смысле к читателю Ходасевича, Гумилева, Волошина и др.<угих> и является как раз целью моей статьи.

Очень грустно, что учебная работа мешает Вашей литературной. «Гурилевские романсы»⁵ я, конечно, не только знаю, но люблю. Но и помолчать поэту не плохо, а иногда даже и полезно. Молчание – не пустота: что-то оседает в душе и находит впоследствии свое выражение. Тем более что Вы еще молоды! Статьи Ваши представлялись мне всегда очень ценными. Вспоминая те из них, что появились после войны в русской прессе в Германии⁶, я поражаюсь, как много Вы не только впитали в себя за годы пребывания вне СССР, но и привезли с собой оттуда, и притом не как литературный багаж, а как багаж душевный. От всего сердца желаю Вам дальнейших творческих удач!

Какое впечатление произвела на Вас ивасковская антология?⁷ Если Вас можно было упрекнуть в том, что Вы «недопоказали» совет-

скую поэзию, то Иваску, наоборот, можно поставить в вину то, что он «перепоказал» эмигрантскую (в смысле, и у него и у Вас, количества авторов). Можно было, на мой взгляд, включить в сборник меньше авторов, но показать каждого полнее. Жаль, например, что в отношении таких поэтов, как Ходасевич и Цветаева, Иваск не последовал Вашему примеру и не представил каждого из них вдвое большим количеством стихов. Между прочим, под благодарностью Иваска жене за корректуру книги я не подписываюсь, ибо в моих стихах я нашел три «досадных опечатки».

Я очень тронут Вашим вопросом о том, как мне живется. На это можно коротко ответить: живем мы с женой как птицы небесные. Хуже всего, что мы оба болеем разными, нередко весьма мучительными, хроническими болезнями. Это лишило нас возможности как уехать за океан, так и работать здесь. Жена провела в 1950–51 гг. 17 месяцев в больнице и вернулась оттуда такой же больной, да еще с разрушенным сотнями инъекций сердцем. Ходит она на костылях. Вообще жизнь нас сильно потрепала, и это дает сейчас себя знать. Вот эти болезни еще хуже бедности, к которой мы уже привыкли.

Искренне Ваш

Д.Кленовский

Я попросил издательство «Freies Geistesleben» в Stuttgart послать Вам каталог антропософских книг. Это Вас ни к чему не обязывает. Вы просто сможете по названиям составить представление о многогранности антропософских тем.

¹ Не надо форсировать ход событий (*франц.*).

² Кленовский Д. Окультизм мотивы в русской поэзии нашего века // Грани. 1953. №20. С.129-137.

³ В статье Кленовский критиковал Терапиано за отрицание оккультных мотивов в поэзии Гумилева, а также Адамовича за недооценку поэзии Ходасевича (Там же. С.131) и «дискредитацию» творчества Гумилева (С.132).

⁴ Публикуя статью Кленовского, редакция «Граней» сочла нужным снабдить ее примечанием: «Как литературоведческая, тема этой статьи представлялась Редакции весьма интересной, хотя отдельные выражения, несмотря на высокую компетентность автора-поэта в разбираемом им вопросе, могут, вероятно, многим казаться спорными (таково, например, мнение, что именно в “небольшой, но полноценной горсти стихов” Гумилева, содержащих оккультные мотивы, – основной смысл творчества этого поэта» (Там же. С.129).

⁵ «Гурилевские романсы» В.Маркова были впервые напечатаны в «Новом журнале» (1951. №25. С.88-120), а позже вышли отдельным изданием (Париж, 1960). Недавно впервые опубликованы отдельной книгой в России (СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000).

⁶ Библиографию работ В.Ф.Маркова см. в книгах: *Марков В.Ф. О свободе в поэзии.* СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С.357-360; *Readings in Russian Modernism...* С.400-405.

⁷ Имеется в виду книга: *На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю.П.Иваск.* Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

5

5 апреля <19>54

Дорогой Владимир Федорович!

Вы меня очень порадовали своим письмом! У моей статьи будет много врагов, а потому я особенно дорожу ее друзьями.

В «Европейской ночи» есть, конечно, немало желчи, но все же светлейшие капли жалости к людям я лично ощущаю в этой книге почти повсеместно. Конечно, наряду с жалостью к людям, взятым в одиночку, Ходасевич испытывал отвращение к их, если можно так выразиться, соборным гнусностям. Таково отвращение в «Звездах» перед кабацким искажением четвертого дня творения (создания светил небесных). В данном случае Ходасевич клеймит человеческую пошлость в целом, но каждую из «сомнительных дев» в отдельности он, конечно же, пожалеет (смотри его «Лиду»: «Высоких слов она не знает...»). Мне представляется, что «Звезды» Ходасевича совсем иного порядка, чем приведенные Вами строки Баратынского, в последних у же, так сказать, хула на духа святого.

Не знаю, правда, как объяснить гумилевские «мраморные души»¹... М.б., Гумилев имел в виду их тяжесть, холод, непроницаемость в земных условиях бытия? Или душа, тоже в земном ее бытии, представляется ему в прожилках, словно мрамор, в прожилках пока еще нерасторжимо пронизывающих ее естеств (тела эфирного, астрального и т.д.)? Это только догадки, экспромты... но что-то Г<умилев> хотел этим эпитетом сказать!

Из трех антологий² Чех<овского> изд<ательст>ва Ваша – лучшая, это неоспоримо. Если бы в ивасковской были представлены действительно достойнейшие, и притом широко (как это сделали Вы), не так легко было бы заушать эмигрантскую поэзию в целом, как это происходит сейчас на страницах «Н<ового> р<усского> с<ло-ва>» (статьи Нарокова и Б.Анненского). Эпиграф из «Бесов» для антологии Вы подобрали замечательно!³

Сердечно благодарю Вас за намерение порадовать меня к праздникам посылкой! Поскольку Вы просите меня быть откровенным, скажу, что самым полезным и разумным видом помощи является денежный почтовый перевод, хотя бы и самый минимальный. Это освобождает отправителя от хлопот и экономит почтовую стоимость пересылки, которая намного выше стоимости перевода, получателю

же дает возможность приобрести именно то, что ему в данный момент особенно нужно. К тому же посылка странствует больше месяца, т.ч. яичко ко Христову дню не поспеет, а перевод дойдет за неделю. Ведь в Германии сейчас можно все купить, были бы деньги!

Шлем оба Вашей супруге и Вам наш сердечный привет и поздравления к приближающемуся светлому Христову празднику!

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Образ «мраморные души» появляется у Гумилева в стихотворном цикле «Душа и тело» книги «Огненный столп» (Пб., 1921. С.18).

² Имеются в виду книги: Русская лирика от Жуковского до Бунина / Сост. А.А.Боголепов. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952; Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом; На Западе: Антология русской зарубежной поэзии.

³ Непонятно, что имеет в виду Кленовский. В качестве эпиграфа к антологии Марков взял стихотворение Блока «Пушкинскому Дому».

6

12 мая <19>54

Дорогой Владимир Федорович!

Сегодня пришел Ваш денежный перевод. От всей души благодарю за милую обо мне заботу, за щедрую помощь! Я глубоко тронут Вашим сердечным вниманием!

Мне было чрезвычайно интересно прочесть о Ваших предположениях относительно бессознательного, интуитивного происхождения оккультных прозрений Ходасевича. Такие же точно предположения существуют и у меня, и я хотел высказать их в моей статье, но воздержался, опасаясь, что они покажутся слишком смелыми (мне вообще все время приходилось «ехать на тормозах», дабы не отпугнуть не только читателя, но и... редакцию). Ваше предположение очень правдоподобно. Примеры таких интуитивных, впоследствии не повторившихся в творчестве тех же авторов, прозрений мы имеем в мировой литературе. Юный Andrea¹ написал одно из замечательнейших произведений мистической литературы*, а в дальнейшем оказался способен лишь на плоские и пыльные теологические общие места. Редкий поэт, который вправе таким называться, не испытал иногда вторжения какой-то внешней направляющей воли в свое творчество. Об этом, однако, как-то неловко заявлять публично... В результате вместо того, чтобы сказать, что оккультизм отошел от Ходасевича, приходится говорить, что Ходасевич отошел от оккультизма, что совсем не то же самое.

* «Die Chymische Hochzeit des Christian Rosenkreutz». – *Примеч. автора.*

Рецензию Терапиано я читал. Она написана в мягких, так сказать, тонах, я ожидал худшего. В сущности, он не «уступает» мне только Ходасевича. Доводы Терапиано неубедительны тем, что они снова и снова, как и его прежние, относятся к тому периоду творчества Ходасевича, когда этот последний (говоря все тем же «популярным» языком!) уже отошел от оккультизма. Пусть Терапиано трижды прав в своих наблюдениях, это никак не меняет того, что за 10 лет до них Ходасевич мыслил в своих стихах (сознательно или бессознательно) как оккультист, и этих стихов не зачеркивает. Я ведь не доказываю в моей статье, что Ходасевич был зарегистрированным и платящим членские взносы пожизненным членом антропософического общества! Как Вы тоже очень правильно выразились, дело тут не в названии! И статью я не озаглавил «Поэты-антропософы» или как-нибудь в этом роде, а всего лишь «Оккультные мотивы». Я отлично знаю, что для Брюсова оккультизм был преимущественно модной игрушкой, и к оккультистам в серьезном смысле этого слова его не причислю, но оккультные мотивы в его творчестве все же промелькнули, и я вправе их учесть.

То, как Терапиано объясняет приведенные мною в статье стихи Ходасевича «Без слов» и «Ласточки», представляется мне тоже неубедительным. Ходасевич тяжелым, хроническим больным в эпоху своего поэтического творчества не был, *schwebte nicht*², как сказали бы немцы, *zwischen Leben und Tod*³.

Говорить о своем «перебегании» из жизни в смерть – было бы как раз тем поэтическим кокетством, на какое тот же Терапиано считает Ходасевича неспособным. Трагичности, агонии смертника в этом стихотворении никак не чувствуется, оно спокойно, созерцательно. В «Ласточках» я тоже не вижу «отчаяния», которое находит в нем Терапиано. В этом стихотворении есть, конечно, большая внутренняя напряженность, собранность, но и в нем Ходасевич вещает, учит, объясняет, а не отчаивается.

Кое-кто из моих литературных друзей ждет почему-то моего ответа Терапиано, но я не люблю газетных «сшибок» на такие серьезные темы и реагировать на статью Терапиано не намерен.

Отзывы на мою статью я имею пока что лишь «частного» порядка – от моих литературных друзей и знакомых, и, хотя антропософов или теософов среди них нет, отзывы эти все без исключения положительные, чего я, признаться, не ожидал, а в отдельных случаях даже восторженные. Между прочим, и Терапиано в письме к Глебу Петровичу Струве назвал мою статью «интересной», но в рецензии от такого суждения воздержался. Я, впрочем, глубоко уверен, что статья встретила и отрицательное отношение, поскольку кое-кто увидел, вероятно, в ней протаскивание «безбожных» идей.

Вы живете в том же городе, что и Н.Моршен⁴, и, вероятно, с ним знакомы. Чем объяснить, что он до сих пор не опубликовал сборника своих стихов?⁵ Мне кажется, что тут играют роль не столько материальные причины, сколь какое-то, я хотел бы сказать патологическое, равнодушие М<оршена> к этому вопросу. Нельзя ли на него как-нибудь в этом отношении повлиять? Я слышал (это, впрочем, между нами), что издание его книги намечалось «Посевом», но что дело расстроилось потому, что М<оршен> за что-то на «Посев» обиделся. М.б., можно «врагов» помирить? Отсутствие книги стихов Моршена я всегда воспринимаю как некоторое досадное недоразумение.

У нас холодно, на днях выпал даже и пролежал целый день густой снег. Весна почти не чувствуется. Почки на деревьях все никак не решаются распусться.

Еще раз сердечное спасибо за прекрасный пасхальный подарок, которым Вы нас очень поддержали. Привет Вашей супруге.

Душевно преданный

Д.Кленовский

¹ Иоганн Валентин Андреа (Johannes Valentin Andreae; 1586–1654) – немецкий протестантский богослов и проповедник; написанное им в тридцатилетнем возрасте произведение «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца» («Die Chymische Hochzeit des Christian Rosenkreutz», 1616) положило начало розенкрейцству.

² не парил (нем.).

³ между жизнью и смертью (нем.).

⁴ Николай Николаевич Моршен (наст. фам. Марченко; р.1917) – поэт, с 1944 в эмиграции в Германии, с 1950 в США, преподаватель русского языка в школе военных переводчиков в Монтерее (1950–1977).

⁵ Первая книга Моршена появилась лишь пять лет спустя: *Моршен Н.* Тюлень / Предисл. В.Маркова. Frankfurt am Main: Посев, 1959.

Глубокоуважаемый Владимир Федорович!

Получил Ваше письмо. Отвечаю простой почтой, не воздушной, т.к. письма вздорожали, но зато без промедления и подробно.

Интересно было прочесть Ваш «этюд» о Моршене¹. Ваши впечатления явились для меня неожиданностью! Убедился лишний раз, что лучше не знакомиться с частной жизнью служителей муз, – мы имеем тому достаточно примеров во всех отраслях искусства... Но, конечно, соприкасаясь с ними, подобного знакомства не избежать, и каким-то грузом оно на сердце ложится. Когда я писал о равноду-

шии Моршена к своим стихам, я исходил из того, что он до сих пор ничего не предпринял для их издания.

Грустно, что Вам не хватает литературного «воздуха» для собственного творчества, и притом не только в прямом, но и в переносном (это главное!) смысле. В прямом смысле это, по-моему, лишь некая плохая привычка. Я лично никогда т<ак> н<азываемого> литературного окружения не имел и не испытываю в нем никакой потребности. Мало того: в годы войны, в лагере (в Германии), где мы жили с женой, «окружение» было такого рода, что не только литературного, но вообще никакого воздуха не было, и, несмотря на это, именно там я на редкость много и продуктивно работал.

Существеннее, конечно, отсутствие воздуха в смысле переносном, т.е., если я Вас правильно понимаю, ощущение ненужности, обреченности, тщеты всякого искусства в наше враждебное и чуждое ему время. Такое ощущение, конечно, вполне справедливо – спорить не приходится. Дело, однако, в другом. В том, что это ощущение, несмотря на всю его жестокую правду, не является достаточным поводом для протеста, для отказа от творчества. Конечно, для того, чтобы не ощутить эту жестокую правду как подобный повод, как препятствие для творчества, – нужны сложные внутренние предпосылки. Сущность их, этих предпосылок (не подумайте, что они придуманы сейчас, в утешение, они уже достаточно стары!) в следующем: все, что является подлинным искусством, независимо от того, имеет ли оно в мире «аудиторию» или нет, воспринимается ли оно многими, немногими или даже просто никем, – не пропадает, а остается жить в эфирном теле земли и тем самым творит ее будущее духовное содержание. Вот как это выразил Рудольф Штейнер, обращаясь к учителям основанной им Вальдорфской (детской) школы² (теперь таких школ в Германии десятки):

«Никогда не забывайте, что истинная музыка и настоящая поэзия суть те камни, из которых будет построено будущее воплощение земли или то, что в христианской эзотерике называется Градом Господним, грядущим Иерусалимом».

Тот, кто воспринимает эту точку зрения на искусство, считает, что смысл всякого творчества не только в том, скольким, как и насколько оно воспринимается, а в самом факте его существования, его духовного бытия. Для этого, конечно, необходимо ощущение своей внутренней тесной связи не только с миром, но и с его поступательным становлением («с движеньем, пеньем, зодчеством вселенной») и настойчивой потребности своего в этом участия. Я лично ощущаю все это именно так, хотя и от меня не ускользает (порою больно рая) сегодняшняя тщета искусства. Не все и во мне гладко, есть колебания и сомнения – я вообще отнюдь не почивший на тюфяке некоего духовного благополучия, самоуспокоения и равнове-

сия человек! Но все же в основном я этого ощущения своей тесной связи со становлением мира, о котором я говорил выше, никогда не утрачиваю, и, в конечном счете, именно оно всегда одерживает верх.

Было, впрочем, время, когда такого ощущения в душе просто не было и тогда было очень трудно и тяжело, — я имею в виду мои «подсоветские» годы. Тогда я испытывал нечто похожее на то, о чем пишете Вы. Но для этого были тогда и другие предпосылки. Там, в СССР, ощущалось куда отчетливее и беспощаднее, чем сейчас здесь, отсутствие всякого «воздуха» для того рода творчества, какое, духовно, представлялось для себя единственно возможным. Ощущение это было почти адекватно физическому удушью. Именно в результате этого ощущения я замолчал почти на 30 лет, хотя в отроческие и юные годы писал много, издал (в 1917 г.) сборник стихов, а второй был принят (но не осуществлен по независевшим от него причинам) издательством «Петрополис». Только географически покинув СССР, я избавился от этого ощущения творческого удушья, и притом избавился молниеносно: несмотря на то что я попал в самые неблагоприятные для литературной работы условия (лагерь, да какой!), я буквально с первых же дней взялся за стихи, хотя о самой возможности возобновления какой-либо литературной работы я к тому времени и думать позабыл, не чувствовал даже больше никакого к ней влечения! Возвращение к стихам явилось совершенно произвольным — они просто внезапно зазвучали в душе.

Я рассказываю обо всем этом только потому, что вижу во всех этих фактах довольно любопытный пример своеобразной творческой «смерти» и «воскресения» в условиях нашей современности, относись я «там» к смыслу всякого искусства так, как отношусь сейчас, — возможно, этой «смерти» вообще не было бы. Я знал в России незаурядных поэтов, которые, несмотря на полную невозможность напечатать что-либо из ими написанного, продолжали писать тайно (что называется: «в стол»), никому даже ничего не показывая. Какие мысли, какая вера руководили ими? Не знаю... Но если такие люди были «там», в обстановке совершенно подавляющей обреченности, можно ли отчаиваться здесь — где, помимо всех эзотерических сообщений, тщета искусства все же не ощущается так остро, где есть и аудитория и возможность печататься?

Как видите, в своих объяснениях мне пришлось, так сказать, залезть в антропософские «дебри». Не примите это за попытку Вас распропагандировать! Просто я не могу объяснить Вам мою точку зрения как-нибудь иначе!

Что Вы сейчас «молчите» — совсем не страшно! Сузу по себе: я «молчал» 30 лет. И мне представляется, что я от этого более приобрел, чем потерял. Вы еще молоды и более чем вероятно, что Вы после некоторого внутреннего кризиса опять возьметесь за стихи, и притом

успешнее, чем если бы такого кризиса не было. У подлинного поэта (а Вы как раз принадлежите к таковым) молчание – отнюдь не потерянное время, а период творческого накопления и становления.

Вы интересуетесь моим мнением о статье Адамовича?³ Можно по-разному относиться к этому последнему, но как-никак он – «генерал» от эмигрантской критики, мнение его (нередко спорное) имеет вес, он создает репутацию поэтам, и все они с замиранием сердца смотрят ему в рот (мне рассказывали, что Иг<орь> Чиннов⁴ считал для себя мнение Адамовича вроде того что вопросом жизни или смерти). Вот почему положительный отзыв Адамовича всегда ценен.

Для меня лично отзыв обо мне в статье «Новые голоса»⁵ явился большой неожиданностью. Дело в том, что мои литературные друзья меня всегда против Адамовича предостерегали. – Если А<дамович> о Вас когда-нибудь напишет, – предупреждал меня один из них, – он Вас не пощадит, ибо самый характер Ваших стихов ему глубоко чужд и даже враждебен. Получилось, однако, совсем иначе. Конечно, А<дамович> подошел ко мне с чисто формальной стороны, но, очевидно, таков вообще его подход к поэзии. Повторяю: столь благожелательного отзыва я от А<дамовича> не ожидал и был им приятно удивлен. Даже его оговорки настолько деликатны («изредка», «словно по рассеянности»), что почти не ощущаются как таковые. Он, кстати, ошибся: «Моя рука» и написана и напечатана не до, а после войны (в 1947). Насчет Тэффи А<дамович> вспоминает правильно. Она чрезвычайно любила мои стихи, и на этой почве и произошло наше знакомство⁶. На своей, подаренной мне книге она написала: «Самому любимому поэту моих последних лет».

Конечно, обо всех «нас» А<дамович> написал слишком поверхностно и кратко, но это, пожалуй, к лучшему, ибо в длинных статьях А<дамович> обычно не только убегает от темы куда-то в сторону, но нередко, начав «за здравие», заканчивает «за упокой», и впечатление получается весьма двусмысленное. Такова была статья А<дамовича> о том самом Чиннове⁷, о котором я упомянул выше. И все же с тех пор (что значит подпись «Адамович»!) Чиннов числится, так сказать, в полковниках от поэзии. После похвалы А<дамовича> никакой другой критик уже не укусит.

Желаю Вам от души здоровья, благополучья.

Сердечный привет супруге.

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Имеется в виду письмо Маркова, в котором тот рассказывал Кленовскому о Моршене.

² Вальдорфская школа, обучение в которой базировалось на антропософских идеях, была основана Рудольфом Штейнером в Штутгарте в 1919.

³ В статье Адамовича «Новые голоса» речь шла о последнем разделе составленной Ю.Иваском антологии «На Западе», в который вошли стихи новых эмигрантских поэтов (Д.Кленовский, И.Елагин, О.Анстей, Ю.Трубецкой, В.Марков, Н.Моршен, Ю.Галь). В частности, о В.Маркове Адамович писал: «Есть в его “Гурилевских романах” что-то несомненно “свое”, бесспорно подлинное, еще неясное, то вспыхивающее, то гаснущее, но явно отвечающее тому, что отличает поэта от рядового стихотворца. Стихи мало отчетливые <...> сплошной туман. Марево, а то даже и сон: где кончается реальность, где начинается видение, – проследить не легко. Но это стихи не выдуманные, а как будто сами собой возникшие, и это-то в них и прельщает. Это-то и внушает надежду, что Марков в нашей поэзии – не “гость случайный”, а человек, который должен бы оставить в ней какой-то след» (Адамович Г. Новые голоса // Новое русское слово. 1954. 6 июня, №15380. С.8).

⁴ Игорь Владимирович Чиннов (1909–1996) – эмигрантский поэт, до 1950-х придерживавшийся канонов «парижской ноты», затем сменивший творческую манеру.

⁵ Свой обзор новой эмигрантской поэзии Адамович начал с Кленовского, оговорившись, что «Д.Кленовский, например, давно уже и единодушно причислен к опытным, зрелым мастерам, и о нем, как о “новом”, говорить не приходится. Стихи Кленовского украсили бы любой отдел антологии, не только последний. <...> Кленовский часто бывает похож на Ходасевича, и в темах, и в стиле, очень чистом, очень точном, с прелестными, обманчиво-простыми находками (“уютно, как в аксаковской семье” и др.). Изредка только он как будто по рассеянности пропускает условно-книжные, метафорические “штампы”, которых Ходасевич не пропустил бы: “причаститься радостей земли”, “рубеж дней”, “провести через жизнь”... При менее искусной словесной выделке это, разумеется, сошло бы с рук. Но Кленовский именно стилем и силен, во всяком случае, сильнее, чем ритмом...» (Адамович Г. Новые голоса).

⁶ По поводу стихотворения «Моя рука» Адамович писал: «Изменяет ли мне память? Это стихотворение было, кажется, еще до войны напечатано в каком-то журнале, чуть ли не в “Современных записках”, и тогда же многие заметили его. Помню, что мне его показала Тэффи, перечитывавшая его и все повторявшая: “как хорошо! правда, как хорошо?”» (Там же).

⁷ В упомянутой статье Адамович написал, что «стихи Игоря Чиннова последнее явление в нашей поэзии, действительно достойное внимания. <...> Я готов согласиться, что в его поэзии есть что-то душное и, пожалуй, слишком подчеркнуто скромное, по приему Боратынского, что иногда может охватить тоска по совсем другим стихам, таким, где больше самозабвения, упоения, риска, порыва, неизвестности. <...> Иногда одну его строчку хотелось бы и можно было бы развить в целое стихотворение. Не то чтобы эти стихи были чрезмерно сжаты, нет, скорей они сплошь построены на намеках, на полусловах и даже полувздохах, будто к словам полным потерян у поэта доверие. Замечательно, однако, что отчетливость им достигнута полная, без малейшей облачности в стихах» (Адамович Г. Новый поэт // Новое русское слово. 1952. 23 марта, №14576. С.8).

28 июля <19>54

Глубокоуважаемый Владимир Федорович!

В этом, «вне программы» посылаемом, письме препровождаю относящуюся лично к Вам вырезку из «Русской мысли». Думаю, что она (если Вы ее еще не читали) Вас порадует, т.к. Ирина Одоевцева (жена Георгия Иванова) – талантливый поэт и мнение ее ценно (не судите о ней по приведенному в интервью неудачному ее стихотворению!)¹. Я, во всяком случае, за Вас порадовался.

Если у Вас есть «Жизнь Арсеньева» (Чеховское изд<ательст>во²), обратите внимание на XIV главу первой книги. Перечитывая «Жизнь», я натолкнулся на эти, забытые мною, страницы и с удивлением прочел, что и Бунин и Ал. Толстой (которого Б<унин> цитирует) – верили в... перевоплощение! Как иначе объяснить слова Б<унина> о «своих прежних, незапамятных существованиях» и многое другое из этой главы?³ А попробуй об этом написать – критики вцепятся тебе в горло и для всех высказываний Бунина безапелляционно найдут какое-нибудь на редкость простое объяснение! Кстати: мою статью в «Гранях» облял (совершенно бездоказательно, конечно) некто Андреев на страницах «Рус<ской> мысли»⁴. Любопытно, что он, подобно Терапиано в «Н<овом> р<усском> с<лове>», посвятил свыше трети своей рецензии о журнале моей статье и даже открыл рецензию отзывом о ней, тогда как принято разбирать сперва прозу и стихи. Это свидетельствует о раздражении, которому захотелось скорее дать выход! В заключение Андреев ехидничает, что вот-де, мол, Кленовский, «поэт «христианской музыки», снюхался с антропософией! Как будто антропософы – не христиане! Неизменное заблуждение всех ее противников, которые, к слову сказать, нападают на нее, не имея о ней ни малейшего понятия.

Кстати о перевоплощении: о таких же своих прежних земных существованиях вспоминает Фед<ор> Степун⁵ в третьем томе своих, вышедших по-немецки, мемуаров⁶. Как видите, мысль эта присуща некоторым никак не связанным с антропософией людям и является для них чем-то, если можно так выразиться, органическим, а не вычитанным или заученным.

Послал Вам длинное письмо 17 июля (простой почтой).

Сердечный привет!

Д.Кленовский

¹ В интервью, данном сотруднику «Русской мысли», Одоевцева высоко отозвалась о поэме Маркова «Гурилевские романсы» (В гостях у писателя. К вечеру Ирины Одоевцевой // Русская мысль. 1954. 30 июня, №674. С.4).

² Бунин И. Жизнь Арсеньева: Юность. 1-е полн. изд. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

³ Бунин писал в этой главе «Жизни Арсеньева»: «В письмах А.К.Толстого есть такие строки: “Как в Вартбурге хорошо! Там даже есть инструменты XII века. И как у тебя бьется сердце в азиатском мире, так у меня забилося сердце в этом рыцарском мире, и я знаю, что я прежде к нему принадлежал”. Думаю, что и я когда-то принадлежал <...> В тамбовском поле, под тамбовским небом, с такой необыкновенной силой вспомнил я все, что я видел, чем жил когда-то, в своих прежних, незапамятных существованьях» (Бунин И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т.6. С.36-37).

⁴ Рецензируя «Новый журнал», Николай Ефремович Андреев (1908–1982) назвал статью Кленовского «малоубедительным и странным по сути дела наброском» (Андреев Ник. Заметки о журналах // Русская мысль. 1954. 30 июля).

⁵ Федор Августович Степун (1884–1965) – философ, писатель, с сентября 1922 в эмиграции в Германии, участник Религиозно-философской академии, соредактор сборников «Логос» (1925–1928), профессор Дрезденского университета (1926–1937), соредактор журнала «Новый град» (1931–1939), в 1937 уволен нацистами из университета с запретом преподавания и публикаций, профессор Мюнхенского университета (1947–1965), основатель издательства «Товарищество зарубежных писателей» при Центральном объединении политических эмигрантов (ЦОПЭ, 1959–1970). Ф.А.Степун был дружен с Кленовским и приезжал к нему в гости в Траунштейн (см.: Шаховской Иоанн, архиепископ. Переписка с Кленовским. С.51).

⁶ Stepun F. Vergangenes und Unvergängliches. Aus meinem Leben. Dritter Teil. 1917–1922. München: Verlag Josef Kösel, 1950.

Дорогой Владимир Федорович!

Наши письма скрестились; вероятно, в тот день, когда я получил Ваше (позавчера), получили и Вы мое, находившееся в пути дольше, чем обычно, ибо послал я его, по финансовым соображениям, не воздушной, а простой почтой. После него Вы должны были получить еще одно с отзывом Ирины Одоевцевой о Ваших «Романсах»¹. Надеюсь, что отзыв этот Вас порадовал и даже, помноженный на отзыв Адамовича, воодушевил на новые поэтические подвиги! Как сказал Козьма Прутков (цитирую по памяти): «Поощрение столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза»². Вероятно, по той же причине последнее время взялся и я усерднее за стихи и после почти годичного полного молчания написал за месяц сразу 10 штук, годных для печати. Опустил их в копилку следующей моей книги (в журналах печатать не буду), ибо, как я Вам, кажется, уже писал, хочу составить ее не менее чем на ¾ из стихов, нигде еще не опубликованных.

Ваше сообщение о том, что Вы работаете над новой поэмой, меня глубоко порадовало и... умилило. Есть же еще, подумал я, поэты, которых не устрашает подобное предприятие! Честь им и слава! Ведь когда-то поэта, в «послужном списке» которого не было хотя бы одной поэмы, и за поэта-то не почитали! Как все с тех пор измелчалось! Желаю Вам от всего сердца творческих сил и удачи!

Грубость Гуля³ – общеизвестна, мне на нее жаловались многие. Да и на своей шкуре я ее испытал: весной прошлого года, обидевшись на одну мою пустяковую авторскую просьбу, Гуль после самых восторженных отзывов о моих стихах вдруг, со злости, не иначе, наговорил мне о них в письме такого, что мне, при всем моем миролюбии, не осталось ничего другого, как отказаться от дальнейшего сотрудничества в «Н<овом> ж<урнале>»⁴, отказаться, потому что одновременно со всеми своими грубостями Гуль настойчиво просил у меня... новых стихов для ближайшего №! Не думаю, впрочем, что Гуль будет груб с Вами, если только Вы не дадите ему для этого какого-либо повода. Он груб, злостен и злопамятен, когда он обижается (а обидчив он до крайности, и притом по пустякам); по мнению хорошо знающих его людей, это у него своего рода болезнь. Но просто по поводу статьи он, думается мне, грубить не станет. В «Н<овом> ж<урнале>» Гуль полный хозяин. Карпович⁵ самоустранился и все передоверил Гулю. За два года своего «царствования» Гуль перессорился со многими постоянными сотрудниками журнала, и Карпович отнесся к этому с полным равнодушием, хотя кое-кто, я знаю, обратил его внимание на ненормальность такого положения вещей. Как раз недавно мне писали, что Карпович «очень огорчен поведением Гуля в отношении меня». Весьма приятно слышать, но что он предпринял, чтобы спасти положение? Карповича все называют милейшим, но бесхарактерным человеком. Гуль, несомненно, улучшил журнал, делает за редактора всю работу, и последнему при нем не житье, а масленица. С какой стати Карповичу ссориться с Гулем ради пары-другой писателей, а тем более поэтов, которых и без того как собак нерезанных? Поэты нуждаются сейчас в «трибуне», а не наоборот! Вот в «Опытах»⁶, говорят, поэты годами «стоят в очереди»!

Учтите, впрочем, что Гуль иногда «кивает» на Карповича: мол, мне, Гулю, очень нравится, но необходимо еще мнение редактора... обычно это случается тогда, когда Гуль собирается отказать и золотит пиллюлю или хочет показать свою мнимую непричастность к такому отказу. По последним слухам, однако, Карпович, освободившись от части своих университетских обязанностей, намерен уделить больше времени и внимания журналу.

Да, Чеховское изд<ательств>во не жалуется поэтов... Нерентабельно, вероятно... В результате получается такая нелепость, что поэты

(Цветаева, Ходасевич, Г.Иванов) представлены в издательстве не стихами, а прозой!⁷ От всех поэтов, прежних и нынешних, издательство отмахнулось антологиями, хотя должно было бы издать хотя бы 5–6 сборников на сотню выпущенных им названий: Мандельштама, Гумилева, Пастернака, Цветаеву, Волошина, Ходасевича. Тут, помимо материальных, играют роль, по-видимому, и другие соображения. Клюева⁸, вероятно, «протасил» Гуль. В редколлегии издательства никто не любит стихов и ничего в них не смыслит, иначе не было бы такой неудачи с Ахматовой и боголеповской антологией⁹, несогласованности содержания всех трех антологий (некоторые поэты представлены дважды, другие не представлены вовсе) и т.п. Мне кажется, что в дальнейшем ожидать выпуска издательством сборников стихов отдельных поэтов не приходится, если только сие не будет продиктовано политическими соображениями (сборники стихов Хохлова¹⁰ и Петровой¹¹, например!!).

Одно время промелькнули слухи, будто Бунин завещал сжечь свой архив. По счастью, как вижу из письма В.Н.Буниной, это не так (хотя я понял бы такое распоряжение И<вана> А<лексеевича>!): архив, и очень интересный, находится в полной сохранности, и ему ничего не угрожает¹².

Еще раз желаю удачной работы над поэмой! Оба шлем сердечный привет Вам и Вашей жене.

Ваш Д.Кленовский

¹ Одоевцева в своем интервью сотруднику «Русской мысли» назвала «Гурилевские романсы» Маркова «прелестной поэмой» (В гостях у писателя. К вечеру Ирины Одоевцевой. С.4).

² Афоризм Козьмы Пруткова Кленовский воспроизвел хоть и по памяти, но точно.

³ Роман Борисович Гуль (1896–1986) исполнял обязанности секретаря «Нового журнала» (с 1952), после смерти М.М.Карповича в 1959 стал редактором (первоначально в совместной редколлегии с Ю.П.Денике и Н.С.Тимашевым, но практически редактируя журнал в одиночку), с 1966 официально утвержден единоличным редактором.

⁴ 21 июня 1953 в письме архиепископу Иоанну Шаховскому Кленовский рассказал об этом инциденте подробнее: «Последние годы я печатался регулярно в нью-йоркском “Новом журнале”. С редакцией у меня установились самые сердечные, почти дружеские отношения. Секретарь редакции восторженно откликался на каждую мою присылку стихов, называя их не иначе как “прекрасными”. И вдруг, не так давно, получаю я от него письмо, в котором он подвергает неожиданной переоценке мое творчество. Он, видите ли, пришел к убеждению, что в стихах моих слишком много “цветов добра” (это как контраст к бодлэровским “цветам зла”) и что он предпочел бы иметь от меня эти последние, ибо они, по его мнению, художественно всегда более ценны, чем “цветы добра”. Короче говоря: я должен перестать быть

собой в угоду чьим-то вкусам. Мне не осталось ничего другого, как известить редакцию о том, что я отказываюсь от дальнейшего сотрудничества в журнале. Не скрою от Вас, что вся эта история больно хлестнула меня по душе» (*Шаховской Иоанн, архиепископ. Переписка с Кленовским. С.37-38*).

⁵ Историк Михаил Михайлович Карпович (1888–1959) был главным редактором «Нового журнала» с 1945 по 1959.

⁶ «Опыты» – литературный журнал, издававшийся в Нью-Йорке М.С.Цетлиной с 1953 по 1958. Первые три номера совместно редактировали Р.Н.Гринберг и В.Л.Пастухов, начиная с четвертого номера редактором стал Ю.П.Иваск. Всего вышло девять номеров. Кленовский опубликовал в первом номере журнала стихи, а в пятом – рецензию на книгу С.Маковского «Портреты современников».

⁷ Все книги ведущих поэтов эмиграции, выпущенные Издательством имени Чехова, и впрямь были прозаическими: *Иванов Г.* Петербургские зимы / Предисл. В.К.Завалишина. Нью-Йорк, 1952; *Цветаева М.* Проза / Предисл. Ф.Степуна. Нью-Йорк, 1953; *Ходасевич В.* Литературные статьи и воспоминания / Ред. и предисл. Н.Берберовой. Нью-Йорк, 1954.

⁸ *Клюев Н.А.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Ред. Б.А.Филиппов. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Вопреки догадке Кленовского, Р.Б.Гуль не имел отношения к этому изданию.

⁹ Имеется в виду составленная Александром Александровичем Боголеповым (1885–1980) антология «Русская лирика от Жуковского до Бунина» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952).

¹⁰ Николай Евгеньевич Хохлов (р.1922) – советский разведчик, капитан МГБ, затем перебежчик (1954), член НТС, мемуарист, оставивший воспоминания: *Хохлов Н.* Право на совесть. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957; *Khokhlov Nikolai.* In the Name of Conscience. London, 1960.

¹¹ Возможно, Кленовский имеет в виду Галину Николаевну Кузнецову (по мужу Петрову; 1900–1976), в то время сотрудницу русского издательского отдела ООН.

¹² После смерти В.Н.Буниной-Муромцевой архив И.А.Бунина был продан Л.Ф.Зуровым, большая часть попала в Русский архив Лидса (Великобритания). См. недавно выпущенный обстоятельный каталог: *Heywood Anthony.* Catalogue of the Ivan Bunin, Vera Bunina, Leonid Zurov and Ekaterina Lopatina Collections / Edited by Richard Davies and Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000.

Дорогой Владимир Федорович!

Письмо В<аше> получил. Прежде всего: спасибо за предложение прислать мне еще до опубликования, по завершении ее, свою поэму; Вы этим доверием очень меня порадуете!

Одоевцева, конечно, выразилась о Вашей поэме, как Вы верно заметили, «по-дамски» («прелестная поэма»), но не забудьте, что это

интервью и слова ее, возможно, переданы не вполне точно, а кроме того, следует вообще радоваться каждому приветливому слову, не разбираясь слишком строго в оттенках. Не помню, чтобы печатные отзывы о моих книгах меня хоть когда-нибудь удовлетворили. Меня обычно хвалили, но при этом как-то совсем не по-моему меня понимали, приписывали мне какие-то несуществующие у меня настроения и т.д. Иные называют это «соавторством» читателя с писателем и считают, что важно вообще не то, что хотел сказать и имел в виду автор, а то, в каком именно смысле это было воспринято читателем. Что последний при этом расписывается нередко в недомыслии, а то и глупости – в расчет не берется. Против глупостей критики (тем более доброжелательной!) возражать, как известно, не полагается, да, в сущности, и смысла нет, ибо последнее слово остается за критиком, и возражающий неизбежно очутится в дураках.

Статья Андреева¹ не явилась для меня неожиданностью и меня не огорчила. Другого рода печатных отзывов о моей статье я и не ожидал, а хороших откликов в письмах моих литературных друзей и знакомых было достаточно.

Я еще не собираюсь издавать нового сборника стихов. Впервые, для него не хватает еще стихов, хотя за это лето я и написал десятка полтора с моей точки зрения годных для опубликования вещей. А кроме того, совершенно отсутствует материальная возможность издания книги. Обе первые книги были изданы с помощью друзей, которая, по-видимому, не сможет повториться. На «Рифму»² я не имею никаких видов. Мне представляется, что она печатает только «парижан» или поэтов, как-то с Парижем и «парижанами» связанных. Что это вообще за благотворительное учреждение? Ибо как иначе назвать дело издания никем не покупаемых стихотворных сборников? Верно ли, что во главе изд<ательств>ва стоит богатая меценатка и плохонькая поэтесса Ирина Яссен³, которой это предприятие принесло ценных литературных друзей, доброжелательную критику и даже нечто вроде литературного признания?

Жму руку. Желаю удачного завершения поэмы!

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Андреев Ник. Заметки о журналах.

² «Рифма» – издательство, основанное в Париже в 1949 Ириной Яссен и печатавшее только сборники стихов. В редколлегию входили, помимо самой Яссен, Г.Адамович, С.Маковский, Г.Раевский, П.Ставров, а также А.Элькан, которая была и секретарем издательства. После смерти Ирины Яссен заведовала издательством до своей кончины в 1972 София Прегель, а затем Юрий Терапиано. Подробнее см.: Терапиано Ю. Последнее объединение // Новое русское слово. 1976. 14 марта.

³ Ирина Яссен (наст. имя Рахиль Самойловна Чеквер; 1893–1957) – поэтесса, издательница, меценатка, с 1923 в эмиграции в США, член редколлегии журнала «Новоселье» (1942–1950), составительница (совместно с Ю. Терапиано и В. Андреевым) антологии «Эстафета» (1948), основательница и фактический директор (в 1949–1957) издательства «Рифма».

11

15 окт<ября 19>54

Дорогой Владимир Федорович!

Спасибо за поэму! Так она мне понравилась, что возвращать жалко! Почему Вы ожидали обратного? Найдутся, конечно, такие, что пришлют Вам амикошонство с небом и преисподней и вообще всякую ересь, но я на это никак не способен, хотя, вероятно, сам на такой стиль письма и не решился бы. Но надо быть Вами, человеком с Вашим складом души и таланта, чтобы этим стилем поднять такую тему, заставить ее заиграть и зазвучать, и притом так своеобразно и значительно! За Вашим гротеском скрывается столько боли о человеке и любви к миру, что поэма Ваша «томов премногих» христианских песнопений «тяжелей». Очень, очень хорошо! От всего сердца радуюсь В<ашей> удаче! Для меня лично (хотите Вы этого или нет...) в поэме слышна и некая мистическая нота, которую я (помните?) почувствовал и в Ваших стихах. Есть совершенно замечательные куски, как по верности и широте поэтического мазка (строфы 16 и 17 о Петербурге, например), так и по глубине и остроте мысли (о подмастерьях в строфах 75 и 76, о том, что «мир неискупим» и что «простит, но не искупит верховная печаль» и проч.). Слова «звучанье и значенье сольются вновь в одно» – ведь это программа целой поэтической школы! Или: «мы тут поем и садим, чтобы из многих роз мечты иных саади один цветок возрос»! Я не говорю уже о бесчисленных ярких образах, сравнениях и т.п. Одно только «пятнышко в осанне» чего стоит! Вы ухитрились сделать 482 строки поэмы значительными и волнующими от начала и до конца! Единственное место во всей поэме, где душевный отклик на Ваши стихи несколько слабеет – это строфы 59-86. Было бы полезно, мне кажется, немного сократить или переработать эту часть поэмы. Да, чтобы следить за моими высказываниями, перенумеруйте все строфы от 1 до 120, как это сделал я, чтобы избавить меня от необходимости цитировать целые строки текста (я буду только ссылаться на порядковый № строфы).

Сперва отвечу на некоторые В<аши> вопросы:

1) Гротеск, по-моему, усиливать не следует, он достаточно ясен, можно пересолить.

2) Название необходимо. «Поэт и муза» мне не нравится... «Встреча с Ладой»? «Свиданье с Ладой»? «Беседы с Ладой»? «Прощанье с Ладой»?

3) Ритмические перебои, на мой взгляд, не нужны. Они не спасают «монотонности», а, наоборот, производят впечатление спотыкания и даже... неумения сохранить ритм. Другое дело, если бы целые главы или части глав были написаны разными размерами. Вкрапливать же то тут, то там кусочек с коровий носочек – просто не дает никаких результатов. Да и не вижу я монотонности в быстром и легком ритме В<ашей> поэмы. Я посоветовал бы Вам поэтому не только не вводить перебоев, но исправить наиболее неприятный из них (строфа 40); остальные – едва заметны (строфы 29, 39, 70, 92 и т.д.).

Отдельные мелкие «недоделки», на мой взгляд, еще существуют. Конечно, это мое сугубо личное и, возможно, во многом спорное мнение, но с Вашего разрешения я им с Вами поделюсь.

1) Строфа 7. «В толк не возьмем затей» звучит тяжело. Это первая после легчайших 6 строф тяжесть, и не хочется брать ее на плечи. Тут легко переделать (своих предложений ни в этом, ни в других случаях делать не буду, дабы не смущать ими Вашу авторскую свободу, но если захотите, могу и сделать).

2). Строфа 8. Не нравится мне: «любуются на дали». Искусственно и незначительно.

3) Строфа 15. «Но по какому мигу и до сих пор тоска?» – очень плохо. Я учитываю, что к замечательным двум предыдущим строкам подобрать что-нибудь трудно, а пожертвовать ими никак нельзя... но все же...

4) Строфа 24. «Но знаю, что в покое иная есть мечта» – неуклюже и искусственно.

5) Строфа 26. «и даже без зверей» – неудачно, звучит даже как-то комически.

6) Строфа 29. «Спрóсит апостол Петр» – один из нарочитых перебоев. Я бы изменил.

7) Строфа 35. «Ужас телеграфный» совсем нехорошо. В век атомной бомбы телеграфный ужас неубедителен. Если Вы имели в виду стиль, язык (телеграфный) – тоже неубедительно и непонятно.

8) Строфа 36. «с стекла» никак нельзя оставить! Вздох должен «слететь», а он царапается о стекло!

9) Строфа 47. «Замолить – пой хвалу» портит всю концовку 1 главы. Я бы очень советовал переделать всю строфу.

10) Строфа 49. «Перга»? Да еще «терпкая»? Что это такое? Признаюсь – не знаю... И едва ли многие знают. Воск?

11) Строфа 52 противоречит строфе 54. Если «не просьба, а хва-ла», то почему «все головы склоняют печально перед ним»? Хвала есть нечто радостное и «тихой» обычно не бывает. Я просто выбросил бы строфу 52.

12) Строфа 57. Не нравится мне: «Так вот твой “строгий” рай». Он же у Вас и есть строгий: «суровые персты», молчание «садовни-

ка», печально склоненные перед ним головы? Не к месту поэтому недоумение и ирония приведенной строки.

13) Строфа 61. Вся, с барабаном и обезьянами, мне лично не по вкусу.

14) Строфа 62. «Отсекры, дьяконá» – очень неудачно. Разве они правят?

15) Строфа 66. «И кто оценит вкус» – по-моему, неудачно. Вкус вообще вещь спорная, не абсолютная.

16) Строфа 74. Я решительно против «Вальми». Почему «Вальми»?

17) Строфа 77. «нараспашку»... Как это понимать?

18) Строфа 88. Вместо «собаки» рекомендую «собака».

19) Строфа 99. Вместо «да, нам» советовал бы «и нам».

20) Строфа 105. Не нравится мне «иная ли работа». Неуклюже.

21) Строфа 111. «памятуя все типы» – вероятно, тоже нарочитый перебой? Советовал бы устранить. Можно «запомнив все типы».

22) Строфа 113. «быстрее поездов» в наше время уже не образ.

23) Строфа 116. «Убранство страны моей Трансвааль». Что Вы хотели этим сказать? Ума не приложу... И горячо возражаю, как и против Вальми. Вообще после прекрасных стрóf 113–115 строфы 116 и 117 как-то не удовлетворяют и выпадают из картины.

24) Строфа 119. «отчаянный» и «вперехлест» тоже не к месту в заключительных строфах поэмы, не в их смысле и стиле.

Вот все, что я могу «возразить». Это мелочи! Интересно, совпадут ли некоторые мои соображения с Вашими, поскольку Вы пишете, что и на Ваш собственный вкус поэма еще не вполне отделана.

Где будете печатать? Советовал бы в «Н<овом> ж<урнале>». Все-таки самый солидный и заплатит больше других.

С Вашего разрешения возвращаю поэму простой почтой, воздушной было бы разорительно.

Желаю удачи в окончательном оформлении поэмы! Еще раз спасибо за нее; и за то, что прислали, и вообще!

Да, еще: в строфах 73 и 74 разговор с Ладой переходит в разговор с Богом. Это обязывает! Требования к Богу – тема трудная и спорная. С нею Вы в этих строфах, по-моему, не справились. Звучат они, я бы сказал, по-елагински. Это очень важное возражение, а я чуть было его не пропустил

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Имеется в виду поэма без названия, вскоре опубликованная в «Опытах» (1955. №4. С.6-20). Позднее была переиздана в антологии «Содружество» (Вашингтон, 1966) под названием «Поэма про ад и рай».

12

25 ноября <19>54

Дорогой Владимир Федорович!

Письмо получил. Вы напрасно вроде того что извиняетесь наперед, буде не последуете моим советам! Ну ясно же, что решать придется самому! Многие мои соображения к тому же практически неосуществимы, иные сомнительны, а все вместе взятые – плод сугубо личного вкуса. Кое-что я по забывчивости просто не понял. Трансвааль, например, как-то выпал у меня из памяти, и только после Ваших разъяснений в ушах зазвучало: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне!» (так?) А вот насчет Вальми¹... Помню, что в 179? г. было такое, не очень-то решающее, сражение между французами и пруссаками, на котором в качестве «наблюдателя» от Веймарского герцога присутствовал Гете, написавший о сем в «*Samragne in Frankreich*»², но что он написал – не припоминаю. Вне Гете Вальми, насколько мне помнится, никак не принято считать неким поворотным пунктом истории. М.б., Гете, именно в связи с личным своим присутствием, так Вальми воспринял, но не слишком ли это субъективно? Я все-таки против Вальми и против Трансвааля... Вы ими, на мой взгляд, не достигаете того эффекта, на который рассчитываете, и тем снижаете значение этих мест поэмы.

Статья Ваша в «Н<овом> ж<урнале>»³ понравилась мне чрезвычайно. Она необыкновенно убедительна в своей ясности и четкости. Со всеми Вашими тезисами нельзя не согласиться.

Терапиано, как это ни странно, совершенно лишен воображения. Считает себя непогрешимым мэтром. Иваск – другое дело, но он – кажется мне – легко эпатируется. Что он в восторге от В<ашей> поэмы – это я понимаю, но от «перебоя»... – это уже истерика!

А теперь давайте ссориться по поводу Иванова. Стихи его в «Н<овом> ж<урнале>»⁴, несомненно, замечательно сделаны. Кажется, именно в применении к стихам Иванова впервые появился эпитет «пронзительные»⁵. В некотором отношении они именно пронзают, но тех, кто... дает себя легко пронзить. На меня лично духовный нигилизм Иванова не действует и стихи его, как хорошо они ни сделаны, меня не волнуют. Если взглядеться, в стихах И<ванова> не столько травмы, сколько позерства. Кроме того, они наивны, и в этом, пожалуй, их главная беда. Восьмистишием с персональным выговором Господу Богу⁶ проблемы мироздания не разрешить. Конечно, предложение покончить сразу «с мукою и музыкой земли»⁷ звучит (я имею в виду подчеркнутые слова) чарующе-блестяще, но по существу это же детский лепет! Не нужно быть непременно верующим христианином, чтобы отвергнуть мысли И<ванова>. Достаточно просто понимать, что вселенная, человек, зверь, дерево – все это штука хитрая и мудреная, гамма сложнейших нюансов и воз-

можностей, и вот этак, с плеча, парой блестящих фраз, с нею не разделаешься. Судить же о стихах И<ванова> вне их содержания – нельзя, ибо он сам на нем настаивает.

К моему удивлению, я нашел в стихах Иванова элементы внутренней и внешней подражательности. №2⁸ – типичный Адамович, №5⁹ – стопроцентный Елагин, №6¹⁰ – Оцуп, №7¹¹ – Одарченко, №13¹² – Заболоцкий (вплоть до неправильного «заболоцкого» ударения: камбалá вместо кáмбала) и т.д. Кстати, этот №13 не могу не назвать позорным... Некоторые стихи проигрывают от внутренних противоречий. Какая же поэзия «точнейшая наука», или поэту приходится «подчиняться произволу рифмы» и ему это «все равно» (а вторая строфа стихотворения – замечательная!).

Обратите внимание на новый адрес на конверте и фамилию: Крачковский. Мы перебрались наконец из нашей совершенно невыносимой сырой деревенской комнаты в город¹³.

Рад, что не нужно возвращать вам поэму. Печатать советую в «Н<овом> ж<урнале>». «Опыты» читают те 100 человек, которым редакция бесплатно рассылает этот журнал.

Сердечный привет!

Д.К.

¹ Вальми (Valmy) – французское селение, под которым 20 сентября 1792 войска революционной Франции под командованием генералов Ш.Дюмурье и Ф.Келлермана одержали первую победу над объединенными войсками австро-прусских интервентов и французских дворян-эмигрантов во главе с герцогом К.Брауншвейгским.

² Имеется в виду произведение Гете «Campagne in Frankreich» (1822).

³ Марков В. Мысли о русском футуризме // Новый журнал. 1954. №38. С.169-181.

⁴ В том же номере «Нового журнала» (1954. №38. С.155-162) под названием «Дневник (1954)» была напечатана подборка из семнадцати стихотворений Георгия Иванова.

⁵ Скорее, с легкой руки самого Георгия Иванова этот эпитет вошел в широкий оборот; он встречается уже в первых публикациях «Петербургских зим», когда в стихах Иванова ничего «пронзительного» еще не было.

⁶ Имеется в виду стихотворение Георгия Иванова «Все на свете пропадает даром...» (С.157).

⁷ Последняя строка этого стихотворения.

⁸ Стихотворение «Это было утром рано...» (С.155).

⁹ Стихотворение «Все на свете пропадает даром...» (С.157).

¹⁰ Стихотворение «Художников развязная мазня...».

¹¹ Стихотворение «Все на свете не беда...» (С.157).

¹² Стихотворение «На полянке поутру...» (С.160).

¹³ 12 января 1955 Кленовский писал архиепископу Иоанну Шаховскому: «Да, эта благотворная перемена в нашей жизни наконец совершилась! Этим мы обязаны исключительной сердечности и отзывчивости одной особы из числа моих заокеанских друзей, финансировавшей это предприятие (имени не называю, т.к. возможно, что лицо это сего не пожелает). Я, кажется, уже писал Вам в свое время, что перемена нашего сырого помещения на сухое стала для нас вроде того что вопросом жизни или смерти; по крайней мере так говорили врачи, утверждавшие, что сырость и холод нашей деревенской комнаты вызывали и поддерживали большинство наших хронических недугов. Однако переменить комнату в Германии – целая проблема, ибо жилищный кризис здесь по-прежнему чрезвычайно остер, и все жилые помещения – на государственном учете. Свободно нанимать комнаты можно лишь в новопостроенных домах, но владельцы их имеют право не только назначать высокие квартирные цены, но и брать некий “въездной” взнос, довольно крупный. Этим объясняется, почему нам до сих пор не удавалось перебраться в лучшие, приличные условия. И не удалось бы никогда, если бы не помощь одного милого, отзывчивого человека, взявшего на себя львиную долю расходов. Сейчас мы живем в хорошем сухом доме, комната – солнечная (на юг), с центральным отоплением, водопроводом, балконом (по размерам, однако, комната меньше прежней), правом пользования ванной, газовой кухней и т.п. Впервые, после 15-летнего перерыва, попали мы, наконец, в человеческие условия существования и не можем этому нарадоваться. От всего сердца благодарим Господа за эту неза заслуженную милость» (*Шаховской Иоанн, архиепископ. Переписка с Кленовским. С.49*).

13

30.12.<19>54

Дорогой Владимир Федорович!

Получил Ваше письмо. От всего сердца признателен Вам за Ваш подарок!¹ У нас сейчас, в связи с переездом в город, такие расходы, и в бюджете образовались такие прорехи, что не знаю, как и чем их заштопать... В этом отношении Ваша помощь явилась как нельзя более ценной и своевременной. Денег я, правда, еще не получил, но это, конечно, вопрос времени. Вероятно, «Посев» никак не может раскачаться (это в его правилах), а м.б., и жаль ему расстаться с деньгами, которых, поскольку пересылка их в Америку невозможна, издательство и не рассчитывало Вам уплатить... Хорошо, что Вы мне написали! Теперь можно проследить за этим делом, а то Вы думали бы, что деньги мною получены, а я не знал бы, что имею их получить! Будет, думается мне, неплохо, если Вы при случае повторите свое распоряжение. Возможно, впрочем, что за №22 журнал с авторами еще не произвел расчета. Ну, так или иначе, этот вопрос будет когда-нибудь благополучно разрешен, а потому позвольте Вас еще раз горячо поблагодарить за эту милую помощь!

Мы очень довольны нашим новым жилищем: тепло (центральное отопление), сухо, вода в комнате, ванна (общего, правда,

пользования, но все же...) и т.д. – комфорт давно (кажется с 1917 г.!) невиданный. В деревне, в примитивнейших условиях существования, холод и, главное, сырость, мы буквально погибали, и переезд был совершенно необходим. К несчастью, он обошелся в копеечку, и я влез в долги (пришлось купить мебель в кредит, ибо у нас ее не было вовсе). Придется невероятно экономить, чтобы в ближайшие месяцы сводить концы с концами. Это все к тому же, т.е. что Ваш подарок обрадовал нас необычайно!

Рад был услышать о Ваших литературных планах. У Вас как-то все, за что Вы ни беретесь, получается остро, своеобразно, волнующе, т.ч. с большим интересом жду Ваших новинок. В каком № «Опытов» пойдет поэма?² Надеюсь, что в ближайшем, а то ведь сколько еще ждать? Журнал выходит очень нерегулярно... Стихи выглядят там хорошо, но читателей мало... Я начинаю мечтать о новой, третьей книге. Имею для нее свыше 30 нигде еще не опубликованных стихотворений, если наберется еще с десятков – серьезно задумаюсь над этим делом. Впрочем, реальные возможности на этот раз слабы, и больших надежд я не питаю. До выхода книги ничего нигде печатать не буду, дабы она оказалась новинкой для читателя. Любопытна судьба моего стихотворения «Моя душа, как ты бедна...» («Грани» №21). Оно написано в 1948 г., я к нему равнодушен и не включил ни в первую, ни во вторую книгу. А критика (Терапиано в «Н<овом> р<усском> с<лове>», Таубер в «Посеве» и некто Мейер в «Возрождении») его расхвалили! Ну какой после этого автор себе судья? Впрочем, прав обычно бывает все-таки именно он!

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ В.Марков пожертвовал Кленовскому гонорар за свою публикацию в «Посеве».

² См. примеч. 1 к п. 11.

Дорогой Владимир Федорович!

Письмо Ваше от 16 января получил. С большим интересом (хотя с поэмой Вашей уже знаком) жду №4 «Опытов». Любопытно, внесли ли Вы в нее изменения и какие, как ее называли и т.п. Да и не только я жду этот №. Оказывается, у Вас как поэта немало друзей: все почти мои знакомые, которым я написал о Вашей поэме, ответили, что очень полюбили Вас по «Гурилевским романсам» и непременно приобретут «Опыты». Все это – «европейцы» (Швеция, Франция и т.п.).

Забыл поссориться с Вами из-за одной детали в Вашей, в остальном, на мой взгляд, значительной и верной, статье о Хлебникове¹. Ну как можно было, дорогой, приписать Ходасевичу «злобу к ближнему»??! Не буду повторять уже сказанного мною на этот счет в статье «Оккультные мотивы в русской поэзии». Если не лень – перечтите.

Вы спрашиваете о характере моей будущей книги? Представьте себе, что по настроениям она будет довольно пестрой и вообще будет кое в чем отличаться от первых двух. В ней будет меньше антропософии, меньше духовного благополучия, будет даже некоторая горчинка. Думаю, что эта перемена огорчит кое-кого из друзей моих стихов. Впрочем, в основном в книге прозвучу я же, конечно, лишь в других нюансах.

Для книги в 48 страниц (я против более толстых сборников) стихов почти уже хватает. Когда прибавится еще штук 5–6 – серьезно займусь этим делом. На издательства я никак не рассчитываю. Издание первых моих книг финансировал один знакомый. Книги распроданы, окупилась, деньги я ему вернул. Возможно, что он согласится финансировать и третью книгу, но полной уверенности нет. Между прочим: книги мои никогда бы не окупилась, если бы не Род<ион> Березов², совершенно бескорыстно помогший их распространить. У него золотое сердце, и я по гроб жизни ему за эту дружескую услугу признателен. Перед выходом книги (если выйдет!) напечатаю, вероятно, несколько стихотворений из нее в «Гранях».

Ваших денег от «Посева» так и не получил... Очень они там ненадежны на этот счет... А был бы деньгам особенно рад, ибо в связи с переездом в другую комнату залез в долги, – не знаю, как и рассчитаться...

Привет Вашей супруге

Жму руку

Дм. Кленовский

¹ Марков В. О Хлебникове (Попытка апологии и сопротивления) // Грань. 1954. №22. С.126-145.

² Родион Михайлович Березов (наст. фам. Акульшин; 1894–1988) – поэт, участник группы «Перевал», в 1941 попал в плен, после войны жил в Германии, с 1949 в США, опубликовал множество книг самых разных жанров: стихи, поэмы, рассказы, повести, воспоминания, публицистику; в 1953 стал баптистом.

Дорогой Владимир Федорович!

Спешу поставить Вас в известность, что только что получил деньги от «Посева». От всей души благодарю Вас за эту щедрую

помощь, которая в нынешнее, в связи с переездом особенно трудное для меня материально, время является для меня в полном смысле этого слова спасительной. Меня смущает только размер перевода – целых двести марок!! Собирались ли Вы действительно пожертвовать для меня такой суммой или произошло какое-нибудь недоразумение?

Несколько дней тому назад послал Вам подробное письмо, а потому ограничиваюсь этой короткой благодарностью.

Еще раз сердечное спасибо!

Д.Кленовский

16

4 марта <19>55

Дорогой Владимир Федорович!

Письмо Ваше от 13 фев<ря> получил. Отвечу прежде всего на некоторые затронутые в нем вопросы.

Ваша фраза: «Но Вы (т.е. я) не можете отрицать, что Ходасевич все же был злой человек» меня озадачила... Почему Вы в этом (т.е. в том, что Х<одасевич> был злой человек) так уверены? И – главное – почему так уверены также и в том, что я этого не буду (и даже не могу!) отрицать? Вы сперва как будто согласились со мной, что «злобы к ближнему» у Ходасевича нет. Почему же, двумя строками ниже, Вы снова причислили его к «злым людям»? Может, в первом случае Вы имели в виду Ходасевича-поэта, а во втором – Ходасевича-человека? Но, если это было так, мне думается, что Вы и во втором случае ошибаетесь... Мы оба с Вами лично Ходасевича не знали и судить о нем как о человеке можем только по воспоминаниям его современников. И вот что, например, писала о нем в год смерти Х<одасевича> (в 1939 г.) в №70 «Современных записок» Нина Николаевна Берберова, которая лет 12–15 была «подругой жизни» Ходасевича, а затем, лет за 5 до его смерти, с ним разошлась¹:

«В детстве впервые испытал он то страшное, слезное чувство жалости, которое с годами стало одной из основ его тайной жизни. Это чувство иногда душило его. “Да ведь он счастливее, моложе, здоровее, богаче тебя! – говорили ему. – Ну чего ты его жалеешь?” В последние недели его болезни многие таким же острым чувством жалели его самого. “Ничего более жалкого нет на свете, чем та девочка, помнишь, у Арбатских ворот... зимой... нет, не могу!” Ничего более жалкого не было на свете, чем он сам, лежащий на грубом белье городской госпитальной койки, в желтых, исхудалых руках держащий жестяную кружку с остывшим липовым чаем»².

Я слышал, что у Ходасевича характер был тяжелый, что в последние годы своей жизни он пил... Но это уже из другой оперы. Да и судьба так его жестоко трепала, что это неудивительно. Не люблю

вообще судить об искусстве по «бытовым» признакам автора... К тому же в искусстве подлинная, скрытая ото всех, сущность человека отражается куда яснее, чем в его личной жизни. Яд в стихах последнего периода жизни Ходасевича, конечно же, был, но он им и защищался и защищал (от неправды мира).

Что касается Березова, то о нем ходят самые фантастические слухи... Пророком какой-то секты он, конечно, не был. Он написал и напечатал в «Н<овом> р<усском> с<лове>» очерк о таком «пророке», а т.к. он отнесся к этому последнему нейтрально, не «осудил» его, – на него посыпались обвинения (в том числе и печатные) в измене христианству, ереси, богохульству и т.д. и т.д. Для его врагов это был чудесный случай с ним расправиться. Отсюда, вероятно, и пошел дикий слух, дошедший и до Вас, что Березов сам был пророком какой-то секты. Он всего лишь года 2–3 тому назад перешел к баптистам. К последним я не испытываю симпатии (хотя они бывают, и нередко, лучшими христианами, чем многие православные), но это его, Березова, личное дело, и путь этот каким-то образом отвечает свойствам его души и писаний. Березов, в противовес Ходасевичу, защищается и защищает не ядом, а елеем. Последнее как будто правильнее, но получается хуже.

Статьи Терапиано о Вашем футуризме³ я не читал. №№ «Н<ового> р<усского> с<лова>» доходят до меня с огромным опозданием и нерегулярно. С Вашим мнением о Поплавском я всецело согласен. Из «парижан», вернее, «французов» я больше других, как это ни странно, ценю Присманову (читали ли Вы ее «Соль» и «Близнецов»?⁴). Над ней принято смеяться, а между тем она, на мой взгляд, наиболее индивидуальный и сильный из современных поэтов.

В предпоследнем письме Вы обмолвились по моему адресу словами: «Вы нашли свой путь, и сходить с него было бы странно». Насчет пути это не совсем так. Некой духовной стабильности и устроенности у меня нет. М.б., это пока еще недостаточно выразилось в моих стихах, но их нет. И «благополучия» душевного (как это принято в отношении меня думать) тоже нет. М.б., это станет заметно в моей следующей книге. Но «ударение на духовности» (Ваши слова), хоть и без благополучия, – останется и не пройдет.

Вы спрашиваете, что я думаю о стихах Бунина. Вероятно, это тоже покажется странным, но проза Б<унина> для меня несравненно выше его стихов и волнует меня чрезвычайно, стихи же – редко. Это не значит, что я их не ценю, но нет у меня с большинством из них какого-то радостного душевного контакта. Если нужно было бы отбирать поэтов для Ноева ковчега, я, не задумываясь, пожертвовал <бы> Б<униным> ради Ходасевича.

Относительно именованья себя «поэтом» я с Вами всецело согласен. И я тоже стесняюсь называть себя поэтом, никогда этого не де-

лал и, вероятно, не сделаю. Но иногда мне кажется, что это какая-то болезненная застенчивость, то, что немцы зовут *Minderheitskomplex*⁵. Почему вроде того что можно называть себя архитектором, художником, а «поэт» для нас с Вами звучит как-то... нетактично, что ли? Конечно, есть какой-то нюанс: когда человек имеет (и не имеет) права называть себя «поэтом». Какой-то неписанный духовный «диплом» он должен иметь. Мы с Вами, перебрав поэтов, легко сойдемся на том, кто этот «диплом» имеет и кто нет. Впрочем, и помимо этого в тех стихах или поэме, где упоминание о себе как о поэте органически и конструктивно необходимо (как в Вашей новой поэме, например) – против этого решительно ничего нельзя возразить.

А м.б., мы вообще преувеличиваем это «звание»? И к нему надо относиться проще? «Мое святое ремесло» (Каролина Павлова⁶), «цех поэтов»... святое (предположим), но все же ремесло, цех...

Сердечный привет!

Д.Кленовский

Почему Иваск превратился в «доктора»⁷ (на проспектах «Опытов»)?

¹ Н.Н.Берберова была гражданской женой Ходасевича с 1922 по 1932 г.

² Берберова Н. Памяти Ходасевича // Современные записки. 1939. №69. С.258.

³ Терапиано Ю. По поводу «Мыслей о русском футуризме» В.Маркова // Новое русское слово. 1955. 6 февраля, №15625. С.8.

⁴ Присманова Анна (наст. имя Анна Семеновна (Симоновна) Присман; в замужестве Гингер; 1892–1960) – поэтесса, с 1922 в эмиграции в Берлине, участник литературной группы «Четыре плюс один», с 1924 в Париже, член Союза молодых писателей и поэтов с 1925, участник литературного объединения «Круг» (1935–1939). «Близнецы» (Париж, 1946), «Соль» (Париж, 1949) – вторая и третья книги ее стихов.

⁵ комплекс меньшинства (нем.).

⁶ Из стихотворения Каролины Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...».

⁷ В 1955 Иваск окончил аспирантуру Гарвардского университета, защитил докторскую диссертацию на тему «Вяземский как литературный критик» и получил PhD.

Дорогой Владимир Федорович!

Простите, что долго не отвечал на Ваше мартовское письмо, но у нас стряслась беда... Пишу Вам из Мюнхена, куда 10 дней тому назад отвез в автомобиле скорой помощи жену на операцию (почки). Мучилась она с ними уже давно, но на Пасху боли стали невыносимыми, и операция поэтому неизбежна, а то могут произойти разные

опасные для жизни неприятности. Я заручился одним из лучших в Мюнхене хирургов (в нашем медвежьем углу оперировать ее вообще было некому), и операция сама по себе не представляла бы опасности, если бы не сердце, которое под сомнением и может операции не перенести – меня уже на этот счет предупредили. Мы с женой исключительные друзья, а потому очень тяжело все это переживаем. Каждая операция – риск, а с плохим сердцем – тройне. И идешь на операцию вроде того как на смерть, а с близкими перед нею прощаешься как если бы навсегда...

Жену удалось устроить в бесплатную больницу, но хирурга по своему выбору, более совершенный наркоз и т.д. должен оплатить я сам – бесплатному хирургу довериться было никак невозможно. Залезаю в долги, из которых еще не знаю, как и выпутаюсь... Я тоже живу в Мюнхене, дабы за всем проследить, да к тому же мои посещения жены – ее единственное утешение и поддержка. А вообще она нервничает, почти не спит, не ест. Помимо тяжелого душевного состояния, в общей палате шумно, беспокойно...

Если соберетесь написать, то адресуйте письмо в Traunstein, мне перешлют, а то мой мюнхенский адрес непрочен (собираюсь переменить гостиницу).

Был у Степуна и Ржевских¹. Первый все так же бодр, речист; в начале мая едет в Рим рыться в архивах Вяч. Иванова. Ржевский очень занят, совсем не имеет времени для собственной литературной работы, а потому, подлатавшись, собирается к 1 сентября вернуться в Швецию, где он продолжает числиться на службе. А подлататься в Мюнхене у американцев можно... Леонид Денисович получает что-то между 2 и 3 тысячами марок в месяц (покупает автомобиль), что в 5–6 раз выше хорошего немецкого жалованья, имеет великолепную бесплатную квартиру с мебелью, коврами, постельным бельем, посудой и даже с несколькими десятками разных рюмок и бокалов. Кроме него на радиостанции работают Чиннов, Вейдле², Газданов³. С последним познакомился у Ржевских: своего рода «гримаса эмиграции» – офранцузившийся осетин, с пестрыми кавказско-парижскими чертами характера.

Намечалось было издание моей новой, третьей, книги, но сейчас мне не до нее и дело отложено до «лучших дней» (если они вообще будут...).

Вышли ли уже «Опыты» с В<ашей> поэмой?

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ Леонид Ржевский (наст. имя Леонид Денисович Суражевский – до 1969; 1905–1986) – литературный критик, литературовед, преподаватель вузов Москвы, Орехова, Тулы, с июля 1941 – на фронте, с октября – в пле-

ну, с 1944 в эмиграции в Германии, главный редактор журнала «Грани» (1952–1955), преподаватель Лундского университета (1953–1961), основатель (совместно с Г.Андреевым и Ф.Степуном) издательства «Товарищество зарубежных писателей» при Центральном объединении политических эмигрантов, с 1963 в США, преподаватель Оклахомского университета (1963–1964), профессор университета штата Нью-Йорк (1964–1973), затем профессор Русской школы Норвичского университета, член редколлегии «Нового журнала» (1975–1976).

² Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979) – критик, литературовед, искусствовед, преподаватель Пермского университета (1918–1920), доцент Петроградского университета (1921–1924), с 1924 в эмиграции в Париже, преподаватель (с 1925), затем профессор (1932–1952) Богословского института; с 1953 сотрудник, затем директор программ радиостанции «Свобода» в Мюнхене. Подробнее о нем см. с.24–46 наст. тома.

³ Гайто (Георгий) Иванович Газданов (1903–1971) – писатель, участник Белого движения, с ноября 1920 в эмиграции в Константинополе, с 1923 в Париже, с 1942 участник французского Сопротивления, сотрудник радиостанции «Свобода» (1953–1971).

Дорогой Владимир Федорович!

Простите, что так давно не писал и до сих пор не ответил на Ваше, полученное еще в мае, письмо. Были, однако, чрезвычайно уважительные причины, о которых Вы, вероятно, догадываетесь, если не позабыли содержания моего апрельского письма. Я был совершенно выбит из колеи операцией жены, сопровождавшейся разного рода осложнениями. Даже и сейчас, хотя жена уже давно «дома», состояние ее внушает разного рода опасения. Что-то в операции (камни в почках), хотя ее делал один из лучших мюнхенских хирургов, по-видимому, не удалось, и жена не только не находится на пути к выздоровлению, но по-прежнему страдает от сильных болей и совершенно еще не может двигаться. Были и большие материальные затруднения (больница была бесплатная, но хирурга пришлось оплатить), которые лишь в самое последнее время удалось преодолеть. Вот все это, естественно, и отразилось на моей корреспонденции даже с самыми симпатичными мне людьми, и я надеюсь, что они (в том числе и Вы) поймут меня и не будут за это в обиде.

Жену оперировали в Мюнхене, и, чтобы проследить за всем, я сам на месяц туда переселился. Впервые познакомился при этом с Ржевскими, а у них – кое с кем из русских парижан, превратившихся в мюнхенцев: Газдановым, Чинновым и др. Все они работают на радиостанции «Освобождение» и устроены великолепно, настолько, что Ржевские, например, уже автомобиль купили и едва ли, думается мне, вернуться в Швецию. Июнь они провели в Италии, на Ривьере, у

Ширяева¹. Был, конечно, и у Степуна, который, однако, вскоре уехал в Рим разбирать рукописи Вяч. Иванова.

После «прихода к власти» Иваска я перестал получать «Опыты», т.ч. №4 не видал и не смог – к большому моему огорчению – прочесть в окончательной редакции Вашу поэму. Написали ли Вы еще что-нибудь? Неужели Вы совсем отказались от «мелких» стихотворений и иначе как в поэмах вообще больше не высказываетесь? Какую прессу имеет В<аша> поэма из №4 и как Вы ее назвали?

Я веду сейчас переговоры об издании новой, третьей, книги стихов. Еще не знаю, что получится. При частичном собственном финансировании дело было бы уже в шляпе, но сейчас я такой возможности совершенно лишен.

«Грани», как Вам, наверное, уже известно, с №26 меняют свой облик, становятся органом подчеркнуто политическим. Ржевский от редакторства отказался. Планы и мечты новой редакции – фантастические: журнал, мол, прямо-таки хлынет за железный занавес!

Сердечный привет! Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Борис Николаевич Ширяев (1889–1959) – прозаик, журналист, участник Первой мировой войны и Белого движения, в 1920 арестован органами ГПУ и отправлен на Соловки, в 1929 освобожден, сослан в Среднюю Азию, с 1932 в Москве, вновь арестован, сослан в Ставрополь, с 1944 в эмиграции в Белграде, с 1945 – в Италии.

19

15 авг<уста 19>55

Дорогой Владимир Федорович!

Получил Ваше интересное письмо. Как раз перед этим мне удалось достать на прочтение №4 «Опытов». Все Ваши изменения в поэме мне очень понравились, но 2 вещи огорчили:

1) Отсутствие названия. Нельзя такую длинную вещь его лишать, это даже и отзывы о ней как-то затрудняет. Ну что было бы, если б, скажем, «Мцыри» или «Граф Нулин» остались «безымянными»? Как писать через 10 лет о Вашей поэме? «Стихи В. Маркова, напечатанные в №4 “Опытов” и начинающиеся словами “Часы холодной смерти”, сыграли огромную роль в развитии русской поэтической мысли XX века»? Ведь Ваши «Гурилевские романсы» то и дело вспоминают критики, а как бы они это делали, если бы поэма была без названия? Вы совершили большую ошибку, отбросив название! Самое плохое лучше, чем никакое!

2) Две строки многоточий на стр. 14. Зачем это Вам понадобилось? Ведь 2 оставшиеся строки беспомощно повисли в воздухе! Кроме того, многоточие в книге стихов всегда что-то подразумевает –

либо богохульство, либо неприличие, которые автор не мог по цензурным соображениям опубликовать (прежде бывали и соображения политические). Примеры сему мы видим в стихах Пушкина, Ал. Толстого, М.Кузмина и т.д. И Вас тоже будут в чем-то подобном подозревать, причем политические причины в Америке отпадают, поскольку остаются только первые две. Нехорошо!

Что касается отзывов о поэме, то сегодня прочел еще один – Н.Андреева в «Рус<ской> мысли» от 29 июля¹ и спешу послать Вам вырезку (вся статья очень большая, на 2 подвала, об «Опытах» вообще). Адамовича² не читал, но ведь он вообще Вас очень ценит, и я не представляю, чтобы он высказался плохо. Впрочем, в его манере – одновременно и похвалить и выругать, и не понимаешь иногда, что перевешивает. Неужели Вы считаетесь с мнением Глинки³? Елагин⁴ прекрасный поэт, но в философии сущее дитя, т.ч. не ему о ней в Вашей поэме судить. Терапиано, как мне кажется, человек завистливый и боится похвалить что-нибудь действительно хорошее, скорее похвалит что-нибудь средненькое, того, кто ему, «мэтру», не конкурент; но если автор признан, то и Терапиано начинает подпевать в тон, чтобы не показаться дураком. Отбросив таким образом тех, кто Вашей поэме не судья, получаем несомненный ее успех, да иначе и быть не могло, ведь поэма в своем своеобразии своего рода новое слово в поэзии. Но Вы, вероятно, правы, что она не для каждого прозвучит и заставит трепетать не каждое сердце и что причина этого лежит, как Вы выразились, в «опыте советской России».

«Литер<атурного> современника»⁵ я не читал. Его мне не прислали, ибо я отказался дать туда стихи. Но мои корреспонденты жалуются на Вас: Вы там будто бы упомянули, что Пушкин написал «Пиковую даму» во Флоренции. Вы, конечно, не могли так ошибиться, вероятно, корректор подвел?

Что Гуль не принял Вашей статьи о Есенине⁶ и стихов Моршена – это уже явное неприличие. Я бы на Вашем и его месте перестал там печататься. И Вы и Моршен уже достаточно ответственные за свои произведения авторы и ничего плохого редакции предложить не можете, могут быть только более или менее удачные вещи, и эти последние редакция должна, так сказать, *in Kauf nehmen*⁷, зная, что последуют и первые, а не капризничать.

Вы пишете, что как поэт Вы «совсем непризнаны». По-моему, Вы заблуждаетесь. У Ваших стихов много друзей, я это знаю по своей переписке (а она у меня весьма обильная). Причем все это люди с настоящим литературным вкусом. Конечно, в кругах мещанских «поклонников» у Вас не будет.

Спасибо за добрые пожелания жене. Ей постепенно становится легче, хотя рана иногда еще очень сильно болит и движения затруднены.

У меня идут переговоры с «Рифмой» (по ее инициативе) об издании моей третьей книги. Необходимо, однако, и мое материальное участие в этом деле, поскольку ни стандартный объем издательства (48 стр.), ни, особенно, тираж (200 экз.) меня не устраивают, а повысить эти цифры они отказываются. Вот тут-то и загвоздка.

Сердечный привет от нас обоих Вашей супруге и Вам.

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ В своей статье Н.Андреев писал: «Марков – поэт с вызовом. Вся поэма – игра, не лишенная остроумия, удачных мест, больших тем, нарочито излагаемых “размером Гостомысла”, отдельных стихов, сами собой входящих в память. Техническое и поэтическое дерзание Маркова будут приветствовать все, кто ценит поиск в поэзии, поиск, как в данном случае, опирающийся на совершенную технику, изощренный вкус и на чувство языка. Может быть, эти ценители слегка посетуют на некоторые длинноты, в некоторых частях произведения, но сие – вещь спорная» (Русская мысль. 1955. 29 июля).

² Рецензируя четвертый номер «Опытов», Адамович отозвался о поэме Маркова весьма амбивалентно: «Поэма Маркова – вещь сама по себе для “Опытов” не столь характерная, но достойная того, чтобы на ней остановиться. В ней есть кое-что от Хлебникова и довольно много от Агнивцева или другого поставщика стихотворных лубков. Дисгармония стилей мучительна, а все-таки настоящее дарование дает себя знать повсюду, даже и в срывах. Так сквозь неудавшийся снимок догадываешься иногда о прелести отраженного в нем лица: смотришь, морщишься и любишься» (Адамович Г. Несколько слов о журнале «Опыты» // Новое русское слово. 1955. 19 июня, №15758. С.8).

³ Глеб Александрович Глинка (1903–1989) – писатель, член литературной группы «Перевал» (1927–1932), консультант издательства «Советский писатель», во время войны попал в плен, находился в лагере для военнопленных в Польше, после войны жил во Франции, затем в Бельгии и в США, сотрудник «Нового журнала».

⁴ Иван Елагин (наст. имя Иван Венедиктович Матвеев; 1918–1987) – поэт, с 1943 в эмиграции в Германии, с 1950 в США, профессор Питтсбургского университета.

⁵ Марков В. Из дневника нового эмигранта // Литературный современник: Альманах: проза, стихи, критика. Мюнхен, 1954. С.201-205.

⁶ Статья Маркова «Легенда о Есенине» вскоре была опубликована в «Гранях» (1955. №25. С.139-162).

⁷ брать попокупку (нем.).

Дорогой Владимир Федорович!

Письмо Ваше, конечно, получил. О «Гурилевских романсах» кроме Одоевцевой вспоминали еще Адамович в «Н<овом> р<усском>

слове» (статья «Новые голоса»¹), Иваск и еще кто-то. Вообще поэма запомнилась. Что касается «Пиковой дамы», то в том же № «Литер<атурного> современника» в статье о Чайковском² сказано, что он ее писал в Клину, а один мой знакомый (музыкант) уверяет, что опера частично написана в России, частично в Clarens на Женевском озере. Не знаю, кто прав.

Тираж в 200 экз. для меня мал, поскольку «След жизни»³ за 2 года разошелся в 500 экземплярах, а из 700 экземпляров «Навстречу небу»⁴ остались сущие пустяки в некоторых магазинах «Посева». На новую книгу предварительные заказы превысили уже 500 экз. (100 берет Сан-Франциско, 300 – «Посев» и т.д.), т.ч. придется увеличить тираж до 800–850. Как же тут управиться с 200!? Ведь допечатывать дополнительно нельзя. Поскольку «Рифма» не шла ни на такой тираж, ни на желательные мне формат и объем – я от ее услуг отказался и издаю книгу сам с помощью двух заокеанских друзей, с которыми расплачусь по мере реализации издания. Рукопись уже в мюнхенской типографии и на днях должна пойти в набор. Думаю, что из печати книга выйдет недели через 3–4. Называться она будет «Неуловимый спутник»⁵ и на 48 страницах содержать 36 стихотворений, написанных в 1952–55 гг., из них 29 – нигде еще не опубликованных. Внешне книга будет точной копией первых двух. Между прочим, стоимость издания гораздо дешевле, чем в Америке и Париже, т.ч. С.Маковский⁶ свою новую книгу стихов тоже будет печатать в Мюнхене. Рекомендую это и В<ашему> вниманию.

Правильный ли у меня адрес Моршена (1072 Hellam. Montegey)? 5 недель тому назад я ему написал насчет некоторых возможностей издания его сборника стихов, но до сих пор, к великому моему удивлению, не имею ответа.

Тарасова⁷ пишет, что «гвоздем отдела литературной критики» в №25 «Граней» будет Ваша статья о Есенине. Жду ее с большим интересом. Тарасова же пишет, что №27 задуман как «китайский», со статьями о китайской классической поэзии и современной литературе, с переводами китайских новелл и т.д. Мудрят что-то... Журнал «повернулся лицом» к СССР (куда не проскользнет ни одного №!) и – по-видимому – спиной к эмиграции. Жаль, ибо в эмиграции он постепенно получил признание.

Со здоровьем у нас нехорошо, скучно подробнее писать об этом...
Привет супруге.

Душевно преданный

Д.Кленовский

¹ Адамович Г. Новые голоса. С.8.

² Поплавский Ю. Последняя встреча с Чайковским // Литературный современник: Альманах. Мюнхен, 1954. С.284-287.

³ Кленовский Д. След жизни / Предисл. Н.Берберовой. Франкфурт-на-Майне: Сполохи, 1950.

⁴ Кленовский Д. Навстречу небу. Франкфурт-на-Майне: Иверни, 1952.

⁵ Кленовский Д. Неуловимый спутник: Четвертая книга стихов. Мюнхен: Сполохи, 1956.

⁶ Маковский Сергей Константинович (1877–1962) – поэт, искусствовед, издатель, критик, один из основателей и соредaktor журнала «Старые годы» (1907–1915), основатель и редактор журнала «Аполлон» (1909–1917), один из учредителей «Общества защиты памятников искусства и старины», с 1920 в эмиграции в Праге, член пражского Союза русских писателей и журналистов, один из организаторов литературного кружка «Далиборка»; с 1925 в Париже, сотрудник «Звена», «Возрождения», председатель Объединения русских писателей в Париже (1939–1944), председатель редколлегии издательства «Рифма» (1949–1959).

⁷ Наталья Борисовна Тарасова – критик, затем заместитель редактора и редактор журнала «Грани».

21

<декабрь 1955>

Дорогой Владимир Федорович!

Простите, что долго не отвечал на Ваше письмо от 19 октября – занят был своей книгой, книгой стихов С.Маковского¹, которая печатается в той же мюнхенской типографии, а главное – моей большой женой, которая, не успев отдышаться от одной операции (камни в почках), заимела камни в желчном пузыре и находится тем самым в преддверии второй, ибо иначе помочь нельзя, можно только по мере возможности отдалять эту необходимость. Настроение поэтому у нас обоих самое тяжелое... Сколько же можно?

Книга моя вышла, и я отправил ее Вам 20 ноября, вероятно, вскоре до Вас доберется. Кажется, я писал Вам, что с «Рифмой» я разошелся и издание финансировали двое друзей, с которыми я рассчитуюсь по мере реализации книги. «Рифма» ограничивала меня и объемом (уместилась бы лишь половина стихов) и тиражом (200 вместо необходимых 750) и малым форматом. Можно было бы все увеличить на свой счет, но разница между таким «коллективным» изданием и своим собственным была бы столь незначительна, что я решил на второе, тем более что как раз в это время друзья предложили мне свою помощь.

Мандельштама я имею и даже... в двух экземплярах, от обоих редакторов. Многое простится Чех<овскому> изд<ательст>ву за эту книгу². Что явилось для меня своего рода открытием – это проза М<андельштама>. Глеб Струве писал мне, что делаются попытки издать на стороне и второй том, но вряд ли, думается мне, что-нибудь получится³.

Ваши воспоминания в №42 «Нов<ого> ж<урнала>»⁴ прочел с исключительным удовольствием. Почему Вы ставите на себе крест как на поэте (так Вы пишете в письме)? Вы молоды, и Ваш творческий путь может еще много раз не только повернуть к новому, но и вернуться к старому своему выражению. Во всяком случае, поэтическое нутро у Вас есть и Вам от него не избавиться!

Насчет точек, как литературного приема, что ли, я с Вами не согласен. Они меня у всех (даже и у Пушкина) только раздражают. На мой взгляд, они показывают только, что автор спасовал перед какой-то трудностью, словесной или смысловой, безразлично.

Ваши объяснения насчет Чайковского настолько убедительны, что в те газеты или журналы, которые подвергли Ваши слова сомнению, стоило бы послать фактическое опровержение. Я сообщил о них тем из моих знакомых, которые в Вас усумнились. Но почему Вы написали мне так: «...которое Модест Чайковский сварганил для Кленовского (!?)»? Если бы не (!?), я бы принял это просто за опisku.

Известно ли Вам, что в СССР выходит восьмитомное собрание сочинений Бунина⁵ и что поэт Ладинский⁶ (смотри антологию Иваска и издания «Рифмы») уехал «домой» и пишет статьи в «Лит<ературной> газете»?

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ *Маковский С.* В лесу: Седьмая книга стихов. Мюнхен, 1956.

² *Мандельштам О.* Собр. соч. / Под ред. и со вступ. ст. Г.Струве и Б.Филиппова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

³ Второй том этого издания не вышел, но спустя десять лет, в 1964, составители приступили к выпуску четырехтомного Собрания сочинений Мандельштама, которое завершили в 1981.

⁴ Имеются в виду воспоминания Маркова о студенческих годах в советском Ленинграде «Et ego in Arcadia» (Новый журнал. 1955. №42. С.164-187).

⁵ В 1956 году вышло пятитомное Собрание сочинений Бунина.

⁶ Антонин Петрович Ладинский (1896–1961) – поэт, прозаик, журналист, участник Первой мировой войны и Белого движения, с 1920 в эмиграции в Египте, с 1924 в Париже, один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей (1925), сотрудник редакции газеты «Последние новости», с 1944 член Союза русских патриотов, сотрудник редакции газеты «Советский патриот», в сентябре 1950 выслан из Франции, жил в Дрездене, в марте 1955 вернулся в СССР.

Дорогой Владимир Федорович!

С большим интересом прочел Ваши высказывания по поводу моей новой книги. Вашим суждением я очень дорожу, ибо Вы в своих литературно-критических мыслях талантливы, умны и своеобразны.

У Вас зоркий глаз, легкая и вместе с тем крепкая хватка, и можно только пожалеть, что Вы предпочитаете иметь дело с именитыми мертвецами, игнорируя живых, которым Вы могли бы быть полезнее, чем первым. С наслаждением прочел и Ваши воспоминания в «Нов<ом> ж<урнале>» и статью о Есенине в «Гранях». В то, что со стихами Вы не распрощались и русской поэзии еще и в этом отношении послужите, – твердо верю. Не умаляйте свою поэму о Ладе – в ней все Ваши качества, и она очень, очень хороша. Мне лично многое за эти 10 лет доставило такое удовольствие, как она.

Я получаю много хороших отзывов о «Спутнике», притом немало от людей, с мнением которых нельзя не считаться. Все сходится на том, что эта книга лучше предыдущей. Отбор наиболее понравившихся стихов очень пестрый, и можно сказать, что на всякий товар есть купец. Наибольшее количество голосов собрали 4 царскосельских стихотворения. Берберова называет их шедеврами, Н.Ульянов (оказавшийся большим моим почитателем) пишет, что они «пронзают душу», в этом же смысле высказываются Анна Присманова, С.Маковский и др. Затем идут «Прощание с телом», «Дряхлеют вечные слова», «Раз в году», «Как поцелуй через платок» и др. Разнообразие в отзывы внес Родион Березов, предавший книгу анафеме. Он обвиняет меня в том, что я забыл о Боге («имя Его упоминается в Вашей книге только один раз!»), предаюсь «воспоминаниям о нагом теле возлюбленной» и «мечтал о папиросах» (стр. 25). Умоляет меня вернуться на путь истинный, иначе я останусь «только больным поэтом первого ранга». Это у него все от баптизма. Сердиться или обижаться на него я не способен. Жаль только, что это может отразиться на распространении им моей книги. Ведь это ему я обязан тем, что предыдущие окупилась. Продажа через магазины не дает мне ровно ничего. Парижские, например, продают книгу ниже себестоимости, берут себе 45% с выручки и не рассчитываются годами. Только добрые друзья, бескорыстно ее распространяющие, давали мне возможность каждый раз рассчитаться с долгами по изданию. Теперь эта возможность под угрозой.

В печати я видел только одно возражение против Вашего упоминания о Флоренции как о «родине» «Пиковой дамы». Это было в рецензии о «Лит<ературном> альманахе» некоего Слизского (фамилия, вопиющая о псевдониме!) в «Русской мысли» от 19 авг<уста>. Прилагаю относящийся к Вам кусочек¹. Других таких случаев не было, но писали мне по этому поводу многие.

С Вашей легкой руки началась полоса переоценок. Так, С.Маковский, готовящий 2-й том «Портретов»², пишет для него статью, в коей, по его же словам, собирается «развенчать» Блока³!!

Жму руку. Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ В письмо вклеена вырезка из газеты: «Очень остры “изречения” В. Маркова (“Из дневника нового эмигранта”). Напрасно только Марков утверждает, что “Пиковая дама” была написана во Флоренции: Пушкин из пределов России никуда не выезжал».

² Имеется в виду книга: *Маковский С.* Портреты современников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Вторая книга воспоминаний Маковского вышла шестью годами спустя: *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1962.

³ В статье «Александр Блок (1880–1921)», вошедшей во вторую книгу, Маковский обвинил Блока в кошунстве, самообольщении, безмерном самомнении, безвкуском донжуанстве и многих других грехах.

23

6 февр<аля 19>56

Дорогой Владимир Федорович!

В только что полученной мною пачке «Русской мысли» есть кое-что о Вас¹. Спешу послать, хотя, м.б., Вы этот № газеты уже имеете.

Слыхал о больших сокращениях в Monterey². Надеюсь, ни Вас, ни Моршена они не коснулись?

Сердечный привет

Д.Кленовский

¹ Разбирая №37-42 «Нового журнала», Ник. Андреев в своих «Заметках о журналах» (Русская мысль. 1956. 24 января) положительно отозвался о воспоминаниях Маркова «Et ego in Arcadia» (Новый журнал. 1955. №42. С.164-178). В ближайших номерах газеты также были отзывы о произведениях Маркова. Ю.Терапиано, разбирая 25-ю и 26-ю книги «Граней» (Русская мысль. 1956. 12 января), упомянул «Легенду о Есенине» (Грани. 1955. №25. С.139-162), а рецензируя «Опыты» (Русская мысль. 1956. 28 января), упомянул статью «О поэтах и зверях» (Опыты. №5. С.68-80).

² Ко времени XX съезда КПСС наметилось некоторое улучшение в отношениях США с Советским Союзом, и США сократили часть программ финансовой поддержки антисоветской эмиграции, в частности, было закрыто издательство имени Чехова, проведены сокращения в советологических центрах и на славистских кафедрах университетов. Сокращения затронули и школу военных переводчиков в Monterey, но не коснулись ни Маркова, ни Моршена, преподававших там русский язык.

24

10 февр<аля 19>56

Дорогой Владимир Федорович!

Только успел послать Вам вырезку из «Рус<ской> м<ысли>», как пришло Ваше письмо. Поскольку Вы все еще «боретесь» с моими стихами, могу только порадоваться, что Вы не собираетесь обо мне

написать!! А зачем, между прочим, бороться? Всякая борьба переходит постепенно в борьбу ради борьбы, в некое нерасположение, для которого ищешь подтверждений. Я никогда не боролся против первого хорошего впечатления от поэта, наоборот, прощал ему и неудачи, и несозвучные мне стихи за то хорошее, что я сразу же в нем нашел. Другое дело, конечно, если он в дальнейшем мне, если можно так выразиться, «изменял», как «изменил», скажем, некогда если и не любимый, то любезный мне Г.Иванов! Кстати о нем: почему Вы считаетесь с его мнением о Вашей «Ладе»¹ (называю стихи так вопреки отсутствию названия, вернее, именно потому)? «Технически», так сказать, он о стихах судить, конечно, может, но никак не иначе (при его-то душевной опустошенности). Видимо, Вы его сами запросили, равно как и Терапиано, с которым следует еще меньше считаться. Вообще чужие мнения и советы – маловразумительны, хотя бы уже потому, что пестры и взаимно противоречивы (при равноценных источниках этих мнений). От моих царскосельских стихов, например, в восторге люди, никогда не выдавшие Царского Села и даже эмигрировавшие из России детьми. Среди особенно восторженно отозвавшихся о них: Берберова («Ваши царскосельские стихи – шедевры»), Ан<на> Присманова, Н.Ульянов («Ваши ц<арско>с<ельские> стихи пронзают душу»), Галина Кузнецова² и др. О стихотворении «Моя душа, как ты бедна», когда оно впервые появилось в «Гранях», были в газетах и журналах лишь самые суперлативные³ (словно сговорились!) отзывы, и притом критиков приличных. Называли его «вдохновенным» и целиком выписывали, находили в нем прекрасную «запальчивость» (никак не хвастовство) и т.п. Я даже, собственно, потому и включил его в сборник, ибо лично к нему симпатии не питаю и охотно отдаю Вам на растерзание, то же и относительно стихов «Родине». Лариса Гатова, которой как будто бы во вкусе отказать нельзя, включила их в свой репертуар и писала мне, что во время ее канадского турне они пользовались совершенно исключительным успехом. Ну разве можно после всего этого безоговорочно считаться с чьим-то мнением? Интересно их выслушать, учесть, продумать, но нельзя им поддаваться. Да и мнения тех же людей меняются с годами. Вот, напр. Б.Филиппов⁴: 3 года тому назад не только плохо, но даже со злостью отзывался о моих стихах, а сейчас написал хвалебную статью (в «Н<овом> р<усском> слове») – я говорю о факте, не о достоинствах статьи⁵. И наоборот: Род<ион> Березов (тоже говорю о факте, не о компетентности его), недавно восторгавшийся моими стихами, бомбардирует меня письмами с самой отрицат<ельной> оценкой «Спутника», на которую я не обижаюсь только потому, что на этого большого ребенка, ушибленного баптизмом (оттого и перемены), обижаться вообще нельзя. Я без особого интереса жду газетных или журнальных отзывов о моей

книге. «Лансироваться»⁶ мне, слава Богу, не нужно, и сам я уже достаточно искушен в восприятии чужих мнений, т.ч. отзывы эти ничего ни в отношении меня к самому себе, ни других ко мне изменить не могут. Знаю от Тарасовой, что в «Гранях» пойдет очень положительная рецензия Кашина⁷ (?!), а от парижан, что в «Рус<ской> мысли» рецензия поручена Терапиано (от него ничего хорошего не жду, ибо мы уже не раз ссорились с ним на страницах печати из-за Ходасевича, и ему принадлежит единственная в истории малодоброжелательная рецензия о «Следе жизни»⁸). В общем: хорошие рецензии будут мне, конечно, приятны (если не будут глупы), а плохие – не огорчат.

К сожалению, не имею возможности прочесть Вашу статью в №5 «Опытов»⁹: со времени воцарения там Иваска (т.е. с №4, – хорошо, что «Лада» есть у меня в рукописи) мне журнал высылать перестали. №5 не выслали, несмотря на то что там есть моя, заказанная Иваском, рецензия о книге Маковского¹⁰. Это уж просто неприлично. Мало того: вместе с чеком-гонораром за эту статью я получил приглашение... покупать журнал, для себя и... в подарок знакомым! «Новый журнал», несмотря на то что я вот уже три года как с ним разошелся, мне посылать продолжают.

У нас – невесело! Рентген показал столь неприглядную картину желчного пузыря у жены (причиняющего ей сильнейшие боли), что остается его только целиком удалить. Между тем жена еще не отдышалась после операции прошлого лета. Стараемся поэтому елико возможно оттянуть хирургическое вмешательство.

Книга моя расходится хорошо (с помощью друзей, конечно). Безрезов, несмотря на сугубо отрицательное к ней отношение, остался хорошим товарищем и продал 80 экз., что вместе с проданным Моршеном и др. позволяет мне погасить уже значительную часть долга по изданию книги.

Читал в «Н<овом> р<усском> с<лове>» о сильных сокращениях русских преподавателей в Monterey, но, судя по Вашему письму (иначе, вероятно, упомянули бы), это ни вас, ни Моршена не коснулось?

Сердечный привет!

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ «Лада» – имеется в виду марковская поэма без названия (Опыты. 1955. №4. С.6-20; в 1966 вошла в альманах «Содружество» под названием «Поэма про ад и рай»). Георгий Иванов считал, что «она не совсем “вытанцевалась”». Она длинна. Она ритмически вяла. Там я насчитал четыре прекрасные строфы <...> примесь сусального эпоса вносит неприятную слащавость. Достаточно раз произнести “Лада”, чтобы потянулись за ней все лели и гусли-самогуды. Народный эпос вообще “дохлое место”, а русский в осо-

бенности» (Georgij Ivanov/Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958. P.6).

² Кузнецова Галина Николаевна (по мужу Петрова; 1900–1976) – поэт, прозаик, мемуаристка, с осени 1920 в эмиграции в Константинополе, затем в Чехословакии, с 1924 в Париже, в 1927–1942 (с перерывами) жила в доме И.А.Бунина, с 1942 в Германии, с 1949 в США, сотрудник русского издательского отдела (с 1955), затем Европейского отдела (1959–1963) ООН.

³ от superlative (*англ.*) – превосходная степень.

⁴ Борис Филиппов (наст. имя Борис Андреевич Филистинский; 1905–1991) – литературовед, критик, публицист, в 1936 окончил Ленинградский вечерний институт промышленного строительства, в том же году арестован, в 1941 освобожден, жил в Новгороде, в 1944 с оккупированной территории уехал в Латвию, затем в Германию, с 1950 в США, сотрудник радиостанции «Голос Америки», преподаватель русской литературы в американских университетах.

⁵ Позже Филиппов написал о Кленовском почтительный некролог: *Филиппов Б.* Шкатулка с двойным дном. Вашингтон, 1977. С.111-113.

⁶ от lancer (*франц.*) – рекламироваться.

⁷ Александр Адрианович Кашин (р.1927) – прозаик, критик, один из редакторов журнала «Грани». Книге Кленовского «Неуловимый спутник» он посвятил статью «Смерть и бессмертие» (Грани. 1955. №27/28. С.255-256).

⁸ *Терапиано Ю.* Новые книги // Новое русское слово. 1950. 26 марта.

⁹ *Марков В.* О поэтах и зверях // Опыты. 1955. №5. С.68-80.

¹⁰ Опыты. 1955. №5. С.100-102.

25

11 марта <19>56

Дорогой Владимир Федорович!

Смысл Вашей «борьбы» стал мне после В<ашего> письма яснее. В предыдущем письме Вы черным по белому писали: «Как видите, я все еще “борюсь” с Вашими стихами!» А т.к. этому предшествовало несколько критических замечаний, то и создалось впечатление, что Вы не столько стремитесь меня обнять, сколько прижать лопатками к коврику... Я возражал, однако, не против такого обхождения лично со мной, а с авторами вообще. У нас с Вами, по-видимому, на этот счет характеры разные. Я как-то сразу раскусываю (на свой зуб, конечно) автора, и если он близок мне хотя бы одним ребрышком – принимаю его и не ищу соприкосновения во всех других, сомнительных для меня, плоскостях – эти последние я просто игнорирую. Так игнорирую я, скажем, позднего, озлобленного, Ходасевича, конквистадорскую сторону Гумилева и т.п. Я съедаю, так сказать, приятные мне ягоды с поэтической грозди и оставляю другие догнивать. Мне совсем не нужен поэт целиком, я наслаждаюсь радующей меня частью и ему за нее благодарен. Иногда эта часть – всего лишь несколько стихотворений!

«Нутро» у меня не такое уж «крепкое», как Вы думаете! Имму-нен я только к мнениям тех мыслителей или критиков, которых я, как таковых, ставлю невысоко или же хоть и ценю, но знаю за людей совершенно иного, чем я, склада мыслей, а потому говорящих со мною на разных языках. Но вот, скажем, мнение Адамовича, Бербе-ровой (женщины с очень тонким вкусом), Ваше (я называю лишь некоторые, сразу пришедшие в голову, имена) – меня тревожит и волнует, и плохой отзыв заставил бы насторожиться. Кроме того, каким-то внутренним чутьем разбираешься в значимости отзывов, отвергая иногда и т.н. «хорошие», но в чем-то порочные. К отзывам Терапиано я иммунен не потому, что они отрицательные, а именно из выше приведенных соображений. Сейчас в «Рус<ской> мысли» напечатана его длинная, на целый подвал, рецензия о моей книге¹. Иначе как бочкой дегтя в ложку меда (не наоборот!) ее назвать нель-зя. Не решаясь отрицать той, как он выразился, «хорошей поэтиче-ской репутации», которую я «себе составил», Т<ерапиано> старается объяснить ее тем, что я, мол, появился «вовремя», а потому и при-шелся по вкусу. Т<ерапиано> противопоставляет мне поэтов-пари-жан (Поплавский, Ладинский, Смоленский и др. – подразумевается, конечно же, и сам Терапиано!), которые, «занятые своим самым важным» (??), не хотели «считаться с читателем, а потому оказались в одиночестве, которое они сами свободно приняли на себя в виде творческой аскезы» (!!!). Ну, в общем, я превратился в некоего конъюнктурного удачника! Тут Т<ерапиано> сам себе противоре-чит, ибо утверждает, что после войны пошел спрос «на грубый, бое-вой тон» (и попутно лягает Елагина). У меня такого тона как будто бы как раз и не было и нет! Как бы в противовес терапиановской статье, получил письмо от Г. Адамовича. Он благодарил не только за присылку «Спутника», но и за (как он выразился) «то, что книга да-ет» и пишет: «В книге все (??) хорошо, и притом это хорошее – ка-кого-то особого и редкого качества, без малейшей уступки так назы-ваемым веяньям времени, большей частью убогим».

Вы правы, говоря, что мои стихи нравятся почему-то представи-телям самых различных «сословий». Почти теми же словами, что и Вы, выразился по этому же поводу Н. Андреев (кембриджский)². Вот разыскал и списываю (а может, я уже об этом Вам писал?): «Меня поражает, как Вы внятны всем: и еп. Иоанну Шаховскому, и Г. П. Струве (с обоими у меня были устные или письменные разгово-ры о Вашей поэзии), и русским литературным снобам, и “простому читателю”, а из этой книги (т.е. “Спутника”) я прочел кое-что двум англичанкам, б<ывшим> моим студенткам, в совершенстве знаю-щим русский язык, – и как они были поражены, захвачены! Великий дар!» Поразил меня и Филиппов! Несколько лет тому назад он был злейшим врагом моих стихов, это я доподлинно знаю, а теперь вдруг

совершенно изменился: по собственному почину написал статью и прислал мне ее с очень лестным письмом.

В Европу (via Неаполь) прибыл Глеб Струве. Пока что... напечатает, по-видимому, в «моей» мюнхенской типографии сборник своих избранных стихов (рукопись уже у меня) – это обойдется гораздо дешевле, чем в USA. Ржевский в мае опять собирается (на лето) в Мюнхен, на радиостанцию. Тарасова уже превратилась в заместителя главного редактора «Граней». Вышел №27/28 (китайский). №5 «Опытов» я получил на днях, уже после того, как я, отвечая Цетлиной³ на ее письмо, выразил удивление, что его не имею (С.Маковский получил № еще в конце декабря!).

Раздобыл почти всю прозу Сирина-Набокова и читаю с наслаждением. Знакомы ли Вы с нею? А поэт он неважный (больше сказчик, чем поэт).

Привет Вам и В<ашей> супруге!

Д.Кленовский

¹ См. примеч. 1 к письму 23.

² Николай Ефремович Андреев (1908–1982) – историк, литературовед, в эмиграции жил в Праге, участник Seminarium Kondakovianum (с 1928), сотрудник (с 1931) и фактический директор (1939–1945) Института имени Кондакова, преподаватель Русского народного (свободного) университета; в 1945 арестован советскими спецслужбами, до 1947 находился в заключении в Берлине, после освобождения уехал в Англию, профессор Кембриджского университета (с 1947).

³ Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина, в первом браке Авксентьева; 1882–1976), издатель, общественный деятель, с 1907 в эмиграции во Франции, летом 1917 вернулась в Россию, с апреля 1919 – вновь в эмиграции, член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, соредaktor журнала «Окно» (1923), с 1940 в США, издатель «Нового журнала» и «Опытов».

Дорогой Владимир Федорович!

Спешу послать Вам касающуюся Вас лично (и притом самым приятным образом – что меня искренне порадовало!) вырезку из статьи Г.Адамовича «После войны»¹, напечатанной двумя подвалами в апрельских №№ парижской «Русской мысли». Кроме как о Вас и о Елагине (тоже весьма восторженно) А<дамович> ни о ком персонально не отзывается и расправляется с эмигрантской литературой en masse², причем новой эмиграции достается особенно. Своими высказываниями о Вас и о Елагине (под которыми я, как говорится, подписываюсь двумя руками) Адамович как бы отвечает на некоторые пункты Ваших последних писем ко мне, а именно: 1) на В<аше>

недоверие к самому себе как к поэту и 2) на В<аше> мнение о Елагине. В отношении последнего Вы, впрочем, правы в том смысле, что он за последние годы потерял голос (большую талантливость его послевоенных стихов Вы, вероятно, не отрицаете). Елагин – поэт катастроф, гнева и ненависти, и вне этих тем ему, собственно, нечего сказать, ибо духовное «нутро» его несколько ограничено и наивно. Фактически он молчит уже 6 лет, а его прежние стихи перестали звучать, хотя едва ли кто-нибудь откажет им в больших, очень больших формальных и эмоциональных достоинствах. Елагин – молод, и, чем-то внутренне переболев, очистившись, что-то внутренне в себе переработав (только подходящая ли для сего часть света – Америка?!), Елагин может еще вынырнуть и создать замечательные вещи, техническими предпосылками для чего он обладает в избытке. Мне думается, что он еще не сказал последнего слова. Не скрою, что в его творчестве мне лично многое чуждо и даже враждебно (Г.Иванов правильно назвал нас духовными антиподами³), но это не мешает мне восхищаться его мастерством.

Китайский № «Граней» представляется и мне и большинству моих корреспондентов совершенно ненужным. Я по этому поводу уже давно, узнав о том, что он проектируется, писал Тарасовой. Общее мнение: в эмиграции не так много журналов, чтобы уделять чуть ли не целые №№ переводной литературе в ущерб отечественной. Орвелла⁴, впрочем, приветствуют. Кашин из «Граней» ушел, почему – не знаю.

Струве четыре раза писал мне из Италии (где небо улыбнулось ему лишь в последние дни, а то были дожди и даже снег). Оттуда через Женеву он выехал в Париж, куда, вероятно, уже и прибыл. Между 15 и 30 мая он рассчитывает быть в Мюнхене, где, вероятно, решится напечатать в «моей» типографии книгу стихов⁵ (рукопись уже у меня). Встречусь я с ним впервые, ведь наше знакомство (как и 99% всех моих знакомств) – эпистолярное. Когда он вернется в USA – не пишет. Перед отъездом он говорил о полугодовой поездке.

В журнале «Жар-птица»⁶ (как будто «американском», но печатающемся в Мюнхене) прочел такие проникновенные строки: «Писать неряшливые стихи после Блока, Гумилева, Мандельштама и Терапиано – теперь никто уже себе не позволит».

Ржевский в мае приезжает на несколько месяцев из Швеции в Мюнхен.

Жму руку.

Ваш Д.Кленовский

¹ *Адамович Г.* После войны // Русская мысль. 1956. 5 апреля, 12 апреля. В статье Адамович сетовал на то, что общий уровень эмигрантской словесности неуклонно падает.

² в целом (франц.).

³ В статье «Поэзия и поэты» Георгий Иванов писал: «У Д.Кленовского с И.Елагиным общее то, что они оба русские поэты и что голоса обоих дошли до нас из лагеря для “перемещенных лиц”. На этом их сходство и кончается. В остальном они антиподы» (Иванов Г. Поэзия и поэты // Возрождение. 1950. №10. С.179).

⁴ Гвоздем сдвоенного номера «Граней» стал роман Джорджа Оруэлла «1984» в переводе В.Андреева и Н.Витова (Николая Сергеевича Пашина) (Грани. 1955. №27/28. С.3-67).

⁵ Книгу стихов Струве издал лишь несколько лет спустя: *Струве Г. Утлое жилье: Избранные стихи 1915–1949 гт.* Вашингтон; Мюнхен: Международное литературное содружество, 1965.

⁶ Жар-птица: Альманах русской мысли и современного искусства (Сан-Франциско, 1949–1957) – выходил под редакцией Н.С.Чиркова, с 1956 редактором-издателем стал Ю.П.Миролюбов.

27

22 авг<уста 19>56

Дорогой Владимир Федорович!

Целую вечность Вам не писал! Виноваты в этом мои недуги: болел, лежал в больнице, оперировался, после операции (которая, видимо, не помогла) опять болел и продолжаю болеть. Как видите, перечень довольно невеселый, особенно если учесть, что передо мной маячит призрак новой (уже весьма серьезной) операции, поскольку первая (более легкая) не дала ожидаемых результатов. Жена тоже все время болеет и тоже кандидат на операцию, ибо ничто прочее не помогает. Все это (плюс связанные с этим заботы материальные) угнетает нас обоих довольно сильно...

В связи со всем этим неимоверно запустил мою корреспонденцию и лишь теперь постепенно начинаю расплачиваться с моими эпистолярными кредиторами. Посетил меня, еще в июне, Глеб Петрович Струве. Интересно было с ним лично познакомиться. Он привез мне от себя и от брата (парижского)¹ замечательный подарок – монографию о моем отце с многочисленными репродукциями с его картин². Я при бегстве из России взять ее, конечно, с собой не мог и никак не представлял себе, что когда-нибудь явлюсь снова обладателем этой, столь ценной для меня, книги.

Помалеңку пишу. В №31 «Граней» пойдет сразу пачка моих новых стихов³.

Сердечный привет! Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Алексей Петрович Струве (1899–1976) – библиограф, книговед, после революции эмигрировал во Францию.

² Отцом Кленовского был художник-пейзажист, академик живописи Иосиф Евстафьевич Крачковский (1854–1914). По всей вероятности, имеется в виду альбом: Иосиф Крачковский: 1856–1914. Пг.: <Унион>, 1917.

³ В подборке были напечатаны четыре стихотворения Кленовского, включая цикл «Стихи о Петербурге» (Грани. 1956. №31. С.50-53).

28

6 октября <19>56

Дорогой Владимир Федорович!

Рад был узнать, что Вы на некоторое время из учителя становитесь учеником, не потому, конечно, что Вам надо не учить, а учиться, а потому, что это учение станет ступенью к более интересной, глубокой, творческой работе, чем Ваша нынешняя. От всего сердца желаю Вам удачи!

Не огорчайтесь выпадами Адамовича!¹ Достаточно прочесть книгу² Глеба Струве, чтобы увидеть, сколько несправедливейших приговоров вынесла неблагодарная эмигрантская критика лучшим своим писателям (Сирину-Набокову, например³). Но, говоря откровенно, Вы немного и сами виноваты... В результате Вашего литературного задора и темперамента (за которые я Вас как раз люблю) Вы, ну как бы сказать: немного перерезвились, что ли. Афоризмы – вещь ответственная, они разрешены лишь авторам сугубо маститым; молодежи их не прощают, даже если ее афоризмы не хуже, чем у мэтров. Вы себя поэтому сами поставили под удар⁴. Те же мысли, но высказанные не афористически, а подробно и с мотивировкой, – были бы приняты совсем иначе. Первая реакция Адамовича и других была примерно такая: ишь ты какой, молоко на губах не обсохло, а уже с афоризмами выступает! Сама форма предопределила отношение к сказанному Вами. И, пожалуй, лучше избегать этой формы высказывания своих мыслей (иногда чрезвычайно интересных), что бы, так сказать, не дразнить гусей.

Что Вам теперь «совестно показаться на люди» (как Вы выразились), то это уж совсем напрасно! Тогда и Сирину-Набокову надо было уже 30 лет тому назад перестать писать! Вы столь талантливы (и притом многообразно талантливы), что пара комариных укусов никак не должна на Вас влиять. Это было бы непростительным малодушием!

Что касается приемов нашей критики, то об этом можно говорить без конца и никакого письма на это не хватит. Скажу только, что раздражают они меня давно, и притом без личного повода, ибо меня критики пока что не обижали. Но я обижался и за других и за поэзию вообще. Я никак не любитель «журнальных сшибок», но какая-то померанцевская капля⁵ переполнила мою душу, и я не удержался (мою статью в «Н<овом> р<усском> с<лове>»⁶ Вы, наверное, читали). Теперь предстоит, конечно, быть ответно искусанным...

Глеб Струве, судя по его письмам, тоже сильно уязвлен отзывом Гуля о его книге⁷. До меня газета еще не дошла, и я сужу по кратким из нее выдержкам. Но сразу же в глаза бросается общий злобный и враждебный ее тон. Несомненна ее «мстительная» подоплека, вызванная тем, что Г<леб> С<труве> вспомнил в своей книге сменовеховское прошлое Гуля, о котором он предпочитает не вспоминать. Что касается фактических деталей статьи, то если Гуль, как пишет Струве, в числе якобы несправедливо неупомянутых им писателей назвал, да еще именуя его «поэтом», Эфера⁸ – то дальше идти право некуда! Я случайно этого Эфера знаю, ибо во время войны и после он жил в Германии и одно время я даже с ним переписывался. М.б., и Вы его знали или о нем слышали? Кроме этого псевдонима он писал еще под именами Росинский и Иво-има (настоящая фамилия его Афонькин). «Известность» приобрел он в дипийских послевоенных лагерях тем, что немцы называют Schundliteratur⁹ – романчиками, где (для примера) повествуется о скрещении обезьян с остовками в гитлеровских кацетах. Перебравшись в Америку, сей муж молчал лет 6–7 и лишь сейчас опять впервые объявился с рецензией в №44 «Нов<ого> журнала»¹⁰. Упомянуть о нем в книге об эмигрантской литературе было бы, в сущности, неприлично. Это очень напористый, нагловатый парень и, вероятно, понравился Гулю, взявшему его себе под крылышко. Г<леб> С<труве> написал мне именно об Эфере, ибо во время нашей встречи этим летом у нас зашел о нем разговор.

Я пробовал устроить стихи Моршена в «Рифму» и вел по этому поводу долгие переговоры с Сергеем Маковским. Последний сперва пообещал, затем долго и упорно отмалчивался и уклонялся от ответа на мои повторные напоминания и лишь недавно, прижатый к стенке, сообщил, что он, мол, очень старался, неоднократно говорил о Моршене с Ир<иной> Яссен, но уговорить издать его не сумел. Уверяет, что я преувеличиваю его роль в издательстве и что от него там ничто не зависит... Я ему не верю и сомневаюсь, говорил ли он вообще с Яссен о Моршене (что она может против него иметь?). Это лишь *sine faule Ausrede*¹¹, а настоящая причина кроется, вероятно, в том, что Моршен парижанам не созвучен. Последнее, что я мог сделать, это «клюнуть» за это «Рифму» в моей статье. Моршену я обо всем этом недавно написал. Очень жалею, что ничего не вышло, ибо отсутствие сборника стихов Моршена я ощущаю как некую несообразность, с которой надо как можно скорее покончить. Печально, что Моршен сам очень индифферентно относится к этому вопросу.

Сердечный привет Вам и Вашей супруге. Рад буду узнать, как чувствуете Вы себя на новой работе.

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ Отзывы Адамовича казались Маркову весьма двусмысленными. Рецензируя четвертый номер журнала «Опыты», Адамович откликнулся на поэму Маркова так, что тот не знал, радоваться или обижаться. Год спустя, рецензируя шестой номер «Опытов», Адамович отозвался еще резче: «Заметки на полях» В.Маркова меня озадачили. Из авторов, появившихся в нашей печати после войны, это один из тех, с которым связаны большие надежды. Но до чего он боек, небрежно поверхностен, многословен, с налетом «легкости в мыслях необыкновенной»! В его коротеньких заметках кое-что остроумно. Удивляет, однако, самая мысль эти заметки представить на суд читателей: это – будто крохи с некоего роскошного стола. А в данном случае никакого стола еще нет» (Новое русское слово. 1956. 3 июня, №15681. С.8). Еще откровеннее Адамович отзывался о Маркове в письмах друзьям. Так, 3 декабря 1957 Адамович писал Иванову: «Маркова прочел. Он, конечно, ударил по всем струнам, и ты доволен. Но как он все-таки развязно пишет, а местами и глупо. Лучше писать, как правитель департамента, чем с таким “художеством”, как говорила бедная Вольская» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды / Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955–1958) / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.21. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С.462).

² Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

³ Наиболее обстоятельный свод прижизненных критических отзывов о Набокове см. в книге: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н.Г.Мельникова. Сост. и подгот. текста Н.Г.Мельникова, О.А.Коростелева. Предисл., преамбулы, комментарии, подбор иллюстраций Н.Г.Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

⁴ Подробнее об этом см. в публ.: «...Мир на почетных условиях...»: Переписка В.Ф.Маркова с М.В.Вишняком. 1954–1959. С.557–584.

⁵ Имеются в виду раздражавшие Кленовского печатные выступления К.Д.Померанцева (о нем см. прим. 12 к письму 3).

⁶ Кленовский Д. Поэзия и ее критики // Новое русское слово. 1956. 16 сентября, №15786. С.2, 8.

⁷ Статья Р.Гуля о книге Г.Струве «Русская литература в изгнании» была разгромной: «Недостатки ее настолько велики, что от положительной оценки книги приходится воздержаться <...> его регистрационная работа пестрит такой непонятной неполнотой и неряшливостью (я настаиваю именно на этом слове), что цена ей становится невелика <...> от книги создается впечатление какого-то первозданного хаоса, из чего не родится ни инвентарь, ни тем более литературная критика. Самый же тяжкий недостаток книги – в ее плохом русском языке и невозможном стиле <...> Для людей, проводивших в эмиграции без малого сорок лет и знающих ее литературу и журналистику, эта книга – кривое и тусклое зеркало» (Гуль Роман. О книге Глеба Струве // Новое русское слово. 1956. 23 сентября, №15793. С.8). В ответ Струве упрекнул Гуля в недобросовестных критических приемах, заявив, что тот в качестве неупомянутых в книге лиц перечислял эмигрантов второй волны либо общественных деятелей, в то время как книга посвящена

только литературе, причем преимущественно первой волны (*Струве Г. Pro domo mea* (Ответ Р.Б.Гулю) // Новое русское слово. 1956. 7 октября, №15807. С.7).

⁸ Из книг В.Эфера известны: фантастическая повесть «Бунт атомов» (Мюнхен, 1947), сборник стихов «Находки и потери: Стихи 1938–1948 гг.» (Мюнхен: тип. «Маяк», [1948]) и плагиаторское произведение «Превратности судьбы», где большими фрагментами воспроизводился текст романа А.Н.Толстого «Гиперболоид инженера Гарина».

⁹ дешевая беллетристика (*нем.*).

¹⁰ В №44 «Нового журнала» В.Эфер опубликовал рецензию на книгу А.Брайловского «Дорогою свободной» (Нью-Йорк: Орфей, 1955).

¹¹ пустая отговорка (*нем.*).

29

12 ноября <19>56

Дорогой Владимир Федорович!

Очень порадовало меня Ваше письмо – и тем, что моя статья пришлась Вам по душе, и разными другими высказываниями, в частности о том, что Вы чувствуете необходимость совместного реагирования на «неприличные выходки». Этих последних – увы! – достаточно. Дело не в одном только Померанцеве (Терапиано вообще меньшее зло). Вы, наверное, читали в «Н<овом> р<усском> с<лове>» совершенно бессмысленные словоизвержения «пушкиниста», «литературоведа» и «профессора» Гофмана¹, а в «Посеве» словесные упражнения какого-то Берлогина² (особенно характерна его рецензия о «Гранях»)? Не в том, конечно, дело, чтобы открывать огонь по каждому из этих джентльменов, а в том, чтобы среди литературных критиков появился и утвердился бы наконец такой, к которому хотя бы писатели-новоэмигранты чувствовали уважение и доверие. Вы, что называется, предопределены судьбой для этой роли, и, на мой взгляд, будет большой утратой для всей эмигрантской литературы, если Вы не займете в ней это место. Не нужно Вам непременно (хотя и это меня лично порадовало бы) включаться в сегодняшний, начатый мною, спор о критике, но важно «войти» вообще в эмигрантскую критику и занять там прочное место (оно Вам заранее обеспечено). Это, я уверен, явилось бы важным фактором в литерат<урной> жизни эмиграции. От души приветствую поэтому Ваше намерение написать о Моршене

Мне придется еще, вероятно, выступить в «Н<овом> р<усском> с<лове>» с заключительным словом³. Я, впрочем, никак не любитель подобных стычек, и если решился на первую мою статью, то только потому, что меня вывел из терпения Померанцев и, как говорят немцы, *es wurde mir zu bunt*⁴. Я полагаю, что с систематическим прояв-

лением глупости и наглости в печати надо все-таки бороться, иначе они распускаются столь махрово, что задыхаешься. Что я теперь себе по гроб жизни (и даже после сего) нажил злейших врагов – несомненно. Любопытно, что Терапиано, писавший несколько месяцев тому назад в своей рецензии о моем «Спутнике», что этот сборник «на уровне предыдущих двух», ныне, в своем ответе на мою статью, говорит о поэтах (подразумевая, конечно, меня), у которых «вторая книга хуже первой, а третья – хуже их обеих». А сколько моих высказываний и Т<ерапиано> и П<омеранцев> просто исказили в своем ответе! Против поэтов-парижан я выступать и не думал, а «хулой на поэзию» назвал никак не стихи Г.Иванова (как уверяет П<омеранцев>), а лишь некоторые его о ней высказывания. Но я, само собой разумеется, знал, на что я иду и чем «рискую», т.ч. все это меня ничуть не смущает. Из писем литерат<урных> друзей и знакомых я вижу, что все они со мной согласны. Какому-то общему настроению я моей статьей послужил, а значит, и достиг какой-то цели.

Жму руку.

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Модест Людвигович Гофман (1887–1959) – литературовед, критик, сотрудник Пушкинского Дома РАН (с 1920), в июне 1922 командирован во Францию, в 1926 перешел на положение эмигранта, преподавал в Сорбонне.

² Михаил Берлогин – журналист, после Второй мировой войны в эмиграции, сотрудник «Посева» и «Граней».

³ «Заключительное слово» вскоре появилось в газете: *Кленовский Д.* Что хочет поэт от критики // Новое русское слово. 1956. 23 декабря.

⁴ уж слишком (*нем.*).

30

29 марта 1957 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Давненько Вам не писал, с рождественского поздравления. С тех пор оба всё болели и было не до писем.

Слышал от Глеба Петровича, что Вы сдали какие-то экзамены, что ли, открывающие перед Вами путь к диссертации. Если правильно понял, это означает, по-видимому, что с донимавшими Вас «выпадениями глухих еров» теперь покончено и Вы можете заняться предметами более привлекательными, вероятно, столь любимым Вами Хлебниковым? От души желаю Вам всяческого в этом успеха! Чувствует только мое сердце, что для «литературной практики» (новое, принадлежащее перу Терапиано определение для поэзии и прозы) Вы на ближайшее время (надеюсь, не совсем!) потеряны... Рад был бы ошибиться.

Никакими интересными «европейскими» литературными новостями не располагаю. Ржевский писал, что покидает окончательно Швецию и перебирается в мае в Мюнхен. От общих знакомых слышал, что Иваск летом переезжает в Швейцарию, где будет читать славистику в Базельском университете. Моя потасовка с Терапиано все еще мне отрыгается: он, видимо, так на меня зол, что спит и во сне видит, чем бы мне еще досадить. В каждой почти своей статье в «Рус<ской> мысли», на какую бы тему она ни была, он непременно плюет мимоходом в мою сторону. Не любят критики, чтобы их критиковали! А бедные писатели должны все терпеть...

Пишу, как и всегда, помаленьку; новой книги в ближайшие годы выпускать не собираюсь. Карпович попросил меня возобновить сотрудничество в «Нов<ом> журнале», и я посылаю ему стихи.

Сердечный привет и наилучшие пожелания!

Д.Кленовский

31

20 мая <19>57

...и свод, по-итальянски голубой,
И там, друг другу пожимая руки,
Мы почему-то счастливы с тобой!¹
...писать стихи, простые как трава,²
Которую ты топчешь под ногами.

Дорогой Владимир Федорович!

Вспомнил Ваши стихи и еще раз очень, очень искренне пожалел о том, что Вы отрываетесь (не хочу повторить за Вами «оторвались!») от поэзии...

Козьма Прутков сказал, что поощрение столь же необходимо талантливому писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза. Правильно, конечно, но можно писать стихи и без канифоли, многие так делали. А о пушкинской «глуповатости»³ вспоминать не стоит — не так уж это умно им было сказано...

Вы полагаете, что моя полемика с Терапиано сделала его еще заносчивее? Если так, то виноваты не поддерживавшие меня в этом споре братья-писатели. Многие были со мной согласны, но открыто никто не выступил. Боялись, вероятно, нажать врага, а иные, м.б., даже и радовались, что Кленовский такового наживает. Это в русских правилах. Так и с татарами воевали. А иной критик хуже татарина. Только в «Возрождении» (февральская тетрадь) была статья по поводу этой полемики⁴. Редакция всецело поддержала мою точку зрения и привела много выдержек из моих статей, подчеркивая их «решительный, но корректный тон». Никак этого не ожидал от парижского органа.

Я, впрочем, не согласен с Вами, что моя полемика не привела к результатам. Они выразились конкретно в следующем.

1) Терапиано стал осторожнее обращаться с поэтами-новоэмигрантами, не так явно их игнорирует, чаще о них пишет. Признал наконец Лидию Алексееву⁵, упоминает положительно о Елагине и т.п.

2) Он же не так безоговорочно расхваливает парижан, впервые находит и у них недостатки.

3) Мою точку зрения относительно Померанцева косвенно поддержал Г.Адамович в статье «О свободе поэта» («Н<овое> р<усское> с<лово>»)⁶. Статья эта в сущности родилась в дыму затеянной мною перестрелки. На одно только плохонькое стихотворение Померанцева Адамович так бы не ответил.

Т.ч., по-моему, кое-какую пользу поэтам-новоэмигрантам моя полемика принесла. Боком она вышла только мне самому. Терапиано не забывает еженедельно кусать меня в «Русской мысли». Я это, само собой разумеется, предвидел и этим не огорчаюсь. Я по-прежнему считаю, что с плохими критиками нужно воевать.

Сердечный привет!

Д.Кленовский

¹ Из стихотворения Маркова «Когда полется ночь...» (Марков В. Стихи. Регенсбург, 1947. С.32).

² Из стихотворения Маркова «Мы не читали очень много книг...» (Там же. С.61).

³ Из письма Пушкина П.А.Вяземскому, написанного во второй половине мая 1826: «А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата».

⁴ Большую часть своей литературной хроники «Жизнь и печать» И.К.Опишня посвятил статьям Д.Кленовского в «Новом русском слове»: «Д.Кленовский в решительной (но весьма корректной) форме протестовал против произвола и, если можно так выразиться, “перепроизводства” зарубежных критиков».

Он, вполне, впрочем заслуженно, обвинял новоявленных литературных оценщиков в пристрастии, в недостатке компетентности, в противоречиях, в излишней и неоправданной самонадеянности.

Действительно, за последние послевоенные годы на страницах парижских и нью-йоркских газет, как грибы после дождя, выросли новые, свежие кадры литературных (да и театральных) критиков. По какому признаку они «становились авторитетными» – совершенно неизвестно. Во всяком случае, отнюдь не по признаку эрудиции и понимания. <...> Нужно заметить, что Д.Кленовский имел в виду двух парижских критиков, которые, после появления первой статьи, им возражавшей, ответили Д.Кленовскому. И в «Новом русском слове» от 23 декабря появилась его вторая статья <...>. Совершенно сознательно имен оппонентов Д.Кленовского мы не приводим: к чему? Возражая и обращаясь к двум, он тем самым дает отповедь всем, на-

полняющим газетные столбцы новоявленным критикам» (Возрождение. 1957. Февраль, №62 С.136-139. Подп.: И.К.О.).

⁵ Лидия Алексеева (наст. имя Лидия Алексеевна Девель; по мужу Иванникова; 1909–1989) – поэтесса, с 1920 в эмиграции в Константинополе, с 1922 в Болгарии, затем в Белграде, участник литературного кружка «Новый Арзамас», жена М.Д.Иванникова (с 1937), с 1944 жила в Австрии, с 1949 в Нью-Йорке, сотрудник славянского отдела Публичной библиотеки.

⁶ Адамович Г. О свободе поэта // Новое русское слово. 1957. 17 февраля, №15941. С.8. Поводом для статьи послужило опубликованное незадолго до этого в «Русской мысли» стихотворение К.Померанцева «СТИШКИ О ЗВЕЗДАХ, О ЦВЕТАХ...».

32

15 авг<уста 19>57 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Получил В<аше> письмо. Сердечно радуюсь Вашему превращению из учащегося в учащего и желаю Вам на этом поприще успеха, в котором не сомневаюсь. Хотелось бы только, чтобы Вы не расстались с музами, на худой конец хотя бы с тою из них, безымянной и зубастой, которая обслуживает цех литературных критиков.

Рад был, очень рад был узнать, что «Гурилевские романсы» выйдут книгой¹, пожалел, однако, что Вы связались с «Рифмой». Она, во-первых, ограничивает авторов размерами книги, в результате чего Ваша «Лада» останется пока что ненапечатанной. Во-вторых, тираж «Рифмы» крайне мал (200 экз., из коих около сотни Вы сами разошлете). В-третьих, у диктатора «Рифмы» Сергея Маковского есть тенденция править авторов (надеюсь, что Вы на это не пойдете!). В свое время он требовал от Блока исправления стихов, принятых «Аполлоном», предлагая свои варианты, на что Блок не согласился. 2 года тому назад С.М<аковский> предложил мне издать в «Рифме» моего «Неулов<имого> спутника», но меня не устраивал ни размер, ни формат, ни тираж, и я отказался, тем более что С.М<аковский> предъявил еще и свои редакторские права на отбор стихов для книги. Я издал книгу самостоятельно, ни от кого не завися, и уже через год расплатился со всеми долгами по ее изданию. И Вы могли бы сделать то же самое, раздобыв на время деньги. В мюнхенской типографии Вам напечатали бы обе поэмы тиражом в 400 экз. за 150 долларов. Моя техническая помощь при этом обеспечена. Затем еще одно: за услугу быть бесплатно напечатанным в «Рифме» надо всегда расплачиваться, так сказать, «натурой», т.е. хвалебными рецензиями об Ирине Яссен и Сергее Маковском (так делали Ю.Трубецкой, Терапиано и др.). Маковский на этот счет большой мастак! Еще до моего отказа печататься в «Рифме» он успел выудить у меня рецензию (вполне, впрочем, искреннюю) о своих «Портретах» для «Опытов»² и воспользовался моими услугами по корректу-

ре и верстке своей книги стихов, печатавшейся в Мюнхене. Вы и не заметите, как он Вас обойдет! Использовать других в своих интересах он умеет как никто! Ирина Яссен передоверила ему все издательство, но если нужно отказать – он умеет кивнуть на нее и сказать, что сам он-де человек маленький. Выход в «Рифме» книг Гингера³ и Мамченко⁴ он объяснил мне в письме настойчивым желанием Яссен, против которого он-де ничего не мог поделать, хотя слепому ясно, что это все та же линия парижского кумовства. Издание В<ашей> книги – прорыв на этом фронте, что очень меня радует (я ведь в статье в «Н<овом> р<усском> с<лове>» против парижской линии «Рифмы» протестовал, и, возможно, не без пользы). Кстати: почему Вы так считаетесь с Парижем («Гурил<евские> романсы» парижанам нравятся, а вторую поэму там приняли кисло. Маковскому она не нравится», – из В<ашего> письма)? Разве Вы не видите, что и Адамович и Терапиано и ругают и хвалят не по заслугам? Ярчайший тому пример статья о Марине Цветаевой⁵. А консервативность во вкусах С.М.<аковского> вне сомнения.

Кто такой Большухин⁶ – не знаю. Печатается он очень редко, и немногие его статьи были посвящены прославлению, довольно умеренному, отдельных поэтов. Такова была его статья о Юр<ии> Трубецком в «Н<овом> р<усском> с<лове>» лет 5 тому назад, статья чрезмерно восторженная и в стиле своем какая-то пошловатая. Трубецкой трактовался в ней как общепризнанная знаменитость. Я даже подумал тогда, что это он сам о себе написал и что Большухин – псевдоним. Но после этого я встречал эту фамилию в мюнхенском «Современнике» и, по-видимому, ошибся (хотя Трубецкой был бы на это способен, ибо карьерист он каких мало). Так или иначе, у меня составилось впечатление, что Большухин пишет только о друзьях и приятелях. Живет он, по всей видимости, в Мюнхене. Там же живет уже 4 года, работая на радиостанции «Освобождение», и Чиннов. Отсюда, вероятно, и статья. Впрочем, Чиннов похвалы заслуживает (я очень люблю его стихи), хотя быть прославленным дважды в одной газете, пожалуй, немножко чересчур (да еще без всякого внешнего повода) – но это уж «вина» редакции, печатающей все, что пришлют. Так или иначе, Большухин представляется мне рецензентом по кумовству или в лучшем случае по дружбе. Поскольку, кроме того, я знаком с его манерой письма – я его похвале не порадовался бы. Рецензия Струве о моих стихах⁷ мне понравилась своей деловитостью, спокойствием, вдумчивостью, редким для рецензента знанием рецензируемых стихов. Есть в ней, правда, некоторый академический холодок, но, пожалуй, он лучше болтливых восторгов. Кстати, завтра Глеб Струве приезжает ко мне на неделю. Жить будет в гостинице, т.к. у нас всего одна, да и та небольшая, комната, но целые

дни проводить у нас⁸. Предупредили о своем посещении и Ржевские, проводящие лето на озере под Мюнхеном.

Читаете ли Вы парижскую «Рус<скую> мысль»? Там недавно была рецензия Терапиано о книге стихов Мамченко, начинающаяся так:

«В последнее время, как, м.б., заметили многие, наши критики стали высказываться о стихах с некоторой опаской. Еще бы! Прежде ведь критики писали об авторах, а теперь авторы пишут о критиках. Поэтому для того, чтобы разобрать какую-нибудь книжку стихов (да еще, не дай Бог, “не парижского” поэта) или просто высказаться по поводу стихотворений, напечатанных в журнале, нужно запастись мужеством, точнее, безразличием к имеющим последовать “репрессиям”».

Прочел с удовольствием! Выходит, что помогла все-таки моя наука, если пишет «с опаской»! Даже сам в этом сознался! Пусть и пишет именно с опаской, т.е. с чувством большей ответственности за свои высказывания.

Жму руку и желаю всяческих удач! Жаль, что не ответили Адамовичу (о Цветаевой)⁹... Я себе этой роскоши позволить не могу, довольно у меня и так завелось смертных врагов среди литерат<урных> критиков!

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ «Гурилевские романсы» В.Маркова впервые вышли отдельным изданием лишь три года спустя (Париж: Рифма, 1960).

² Опыты. 1955. №5. С.100-102.

³ Гингер А. Весть: Четвертая книга стихов. 1939-1953. Париж: Рифма, 1957.

⁴ Мамченко В. Певчий час. Париж: Рифма, 1957.

⁵ Адамович Г. Несколько слов о Марине Цветаевой // Новое русское слово. 1957. 9 июня, №16052. С.8.

⁶ Юрий Большухин – литератор, сотрудник «Граней», «Опытов», «Мостов», «Современника».

⁷ Имеется в виду рецензия Глеба Струве на книгу стихов Кленовского «Неуловимый спутник» (Новый журнал. 1956. №47. С.265-270).

⁸ Глеб Струве сообщал Маркову открыткой от 21 августа 1957: «Кленовских выдаю каждый день. Говорим иногда о Вас. Они просили меня описать им Вас и остались довольны моим весьма неудовлетворительным описанием» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес).

⁹ Марков не стал полемизировать с Адамовичем о Цветаевой, зато Иваск ответил на его статью «Несколько слов о Цветаевой»: *Иваск Юрий*. О читателях Цветаевой // Новое русское слово. 1957. 30 июня, №16073. С.8.

20 окт<ября 19>57 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Спасибо за снимки, такие живые, Вас несомненно хорошо передающие. Я действительно в беседе с Г<лебом> П<етровичем> любопытствовал, как выглядят некоторые мои эпистолярные знакомые, но описания его могли быть лишь приблизительными. Я очень рад поэтому, что Вам пришло в голову подкрепить их «фактическими данными». У нас этим летом перебивало много гостей, и все они щелкали фотоаппаратами. Ржевский снял меня в группе с Г<лебом> П<етровичем> и Аглаей Шишковой¹. Если что получится – пришлю. Пока имею только снимки, сделанные Г<лебом> П<етровичем>, но они, по его же мнению, неудачны.

Присланные Вами стихотворные кусочки при первом с ними соприкосновении не вызвали ассоциаций. Потом стал за ними как будто кто-то мерещиться, но, м.б., это самовнушение (т.к. Вы задали такой вопрос)... В строках о тополе есть какая-то своеобразная прелесть.

Ваше суждение о моих стихах в «Н<овом> ж<урнале>» мне было очень интересно услышать, именно такое конкретное, не общие слова. Во мне две души – это верно, отсюда иногда и противоречия (со стороны, вероятно, предсудительные), но искренен я всегда. Ваши критические замечания метки и справедливы. Хочется только поговорить по поводу сказанного Вами о стихотворениях №3 и №4. Первое из них («Сколько раз я нарушал обычаи...») написано в необычном для меня ключе легкого цинизма и горечи, а потому, думается мне, в нем допустимы те «очевидности» (7–8 стр.), которые Вас как будто шокировали. Мне непонятно, что Вы хотели сказать словами: «после Пушкина звучит банально: я казнен воспоминаньем»? Восприятие Вами стих<отворения> №4 («Приземист лес, и берега пологи...») меня огорчило какой-то, я сказал бы, к нему глухотой. Уж если начинать задумываться, то не на третьей (как Вы отметили) строфе, а уже на второй, где появляется мотив предопределения, кармы («обещаны мне были»). Что касается последней строфы, то она является суммированием всей темы («смутивший знак, не наступивший срок...»), а потому никак не может быть лишней, на что Вы намекаете. Последнюю строку, которую Вы сами назвали «чудесной», нужно ведь как-то «привести» к читателю.

Очень жаль, что издание «Гурилевских романсов» отложено. Кто Вас об этом известил? Маковский? Учтите, что он любит лакировать под ясень (то бишь: под Яссен) свои личные отказы. Присутствие ее в Париже для выхода В<ашей> книги совсем не обязательно – ей достаточно согласиться с Маковским и подписать чек. Я хотел бы быть плохим пророком, но не удивлюсь, если в «Рифме», несмотря на все туберкулезы Яссен, выйдет вскорости книжечка Трубецкого

(не упускающего случая ей покадить), самого Маковского или какого-нибудь парижанина. Не помню, писал ли я Вам в свое время, что я долго сватал Маковскому стихи Моршена. Он с притворной «радостью» согласился, а потом целый год отмалчивался на мои запросы. Когда же я припер его к стене, – сообщил, что он бы, мол, с радостью, да Яссен не согласилась. Уверен, что это была лживая отговорка. Ко всем писателям-новоэмигрантам Маковский вообще относится недоброжелательно и свысока. Старые эмигранты для него «мы», новые – «они». «Он – лучший из них», сказал он обо мне Тэффи (из ее ко мне письма). Из писателей-новоэмигрантов знает он только с теми, кто может ему быть нужен или полезен.

От души желаю Вам поскорее и получше устроиться на новом месте!

Душевно преданный

Д.Кленовский

¹ Аглая Шишкова (урожд. Агния Сергеевна Шишкова, в замужестве Ржевская; 1923–1998) – поэтесса, жена Л.Ржевского, с 1943 в эмиграции в Германии, с 1955 в Швеции, с 1963 в США, преподавала русский язык в Йельском, Колумбийском и Норвичском университетах.

34

21 дек<абр>я 19<57>

Дорогой Владимир Федорович!

В порядке обмена культурными ценностями посылаю и я Вам свое (с женой) изображение. Снимок сделан на балконе нашей комнаты в августе с.г. одним американским гостем.

Я послал уже Вам простой почтой рождественское поздравление, но пользуюсь настоящим случаем, чтобы повторить мой привет и мои новогодние пожелания.

У нас Рождество не обещает быть веселым: у жены приключилось что-то недоброе с той ногой, из-за которой она пластом пролежала с 1949 по 1952, в том числе 17 месяцев в больнице. Вот уже месяц, как она лежит с болями в ноге, и мы страшно боимся повторения прежней истории. Ведь тогда и рак и тб¹ подозревали и даже хотели отнять ногу. Да и меня донимают мои хронические недуги.

Последнего № «Опытов» я не читал (Иваск меня ими не балует, а покупать не могу), но слышал, что Вы выступили там с панегириком Георгию Иванову². Неужели и Вас эпатировал его примитивнейший (но, конечно, мастерски поданный) духовный нигилизм? Ведь Георгий Иванов – это, в сущности говоря, всего лишь роскошное издание (суперобложка, виньетки, заставки и концовки) голой советской антирелигиозной пропаганды. И даже хуже, ибо речь идет не только о религии, а о самом достоинстве человеческого «я». Вопросы, вол-

нующие наш ум, решаются и в отрицательном смысле не так просто, как это представляется Иванову. Во всяком случае, не с помощью полуфунта судака³. Бесчисленные рыбные, овощные, мануфактурные и проч<ие> варианты ивановских «доказательств», конечно, очень заняты и дают автору множество пикантных литературных возможностей, но сердцевина их неизменно пустая. Сказать, что ничего нет, кроме нашей будничной грязи (наличия которой никто не отрицает) – не значит еще ответить на «проклятые» вопросы. Дешевле этого ответа быть не может. И одна-единственная, небезызвестная фраза Шекспира зачеркивает этот «ответ».

Было бы, конечно, смешно отрицать словесное и образное мастерство Иванова. Я читаю его даже с удовольствием, чисто профессиональным, вероятно: хоть и рушится здание, но красиво построенно! Впрочем, не замечаете ли Вы, что И<ванов> становится раздражителем? В его стихах стали мелькать и Одарченко⁴, и Заболоцкий, и Елагин (если заинтересуетесь, могу привести разительные примеры). А как он повторяется!

Сердечный привет! Как устроились на новом месте? Как работаете? Довольны ли?

Жму руку. Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ туберкулез.

² Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыт. 1957. №8. С.83-92.

³ Из стихотворения Г.Иванова «Бредет старик на рыбный рынок...».

⁴ Одарченко Юрий Павлович (1903–1960) – поэт, прозаик, с начала 1920-х в эмиграции в Париже. Соредатор альманаха «Орион» (1947), сотрудник «Нового журнала», покончил с собой.

Дорогой Владимир Федорович!

От Иваска «Опытов» не получил или еще не получил (спасибо, кстати, за протекцию!), но Вашу статью¹ прочел – прислали на время по моей просьбе знакомые. Сделана она блестяще, но для меня лично (не сердитесь, дорогой!) звучит как... речь талантливейшего адвоката, защищающего растлителя и убийцу семилетней девочки. Разница, само собой разумеется, в том, что адвокат защищает за деньги, а Вы за совесть. Но впечатление примерно такое же (я, конечно, сгущаю краски, но Вы сами однажды сказали, что поэт имеет право на преувеличение!). Вы даже, подобно настоящему адвокату, позаботились и о смягчающих вину обстоятельствах, словно предчувствуя, что присяжные подсудимого едва ли оправдают. Я имею в виду с трудом разысканное Вами у Иванова «все-таки»². Ну да, фор-

мально оно у него несколько раз встречается, но для меня звучит оно примерно так, как в устах вышеупомянутого растлителя и убийцы звучали бы слова: «Вот ты и чистенькая, и светленькая, и беленькая, а я сейчас тебя все-таки придушу!» Никакого подлинного «все-таки» я у И<ванова> не вижу. Вот так и адвокат сказал бы: «подсудимый иногда на Пасху в церковь ходил и шерстяной платок своей тетке подарил!» Но девочку-то он все-таки придушил!! Я не думаю, между прочим, чтобы за эту часть В<ашей> защиты Иванов был бы Вам благодарен, – ему приятнее ходить в циниках. Это, вероятно, Вам хотелось бы, чтобы такое «все-таки» у И<ванова> было, ибо иначе Вам с ним в какой-то степени все же не по пути. И это очень знаменательно (а для тех, кому Вы дороги, отраднo), что Вам такое «все-таки» у Иванова непременно найти захотелось. Вообще в В<ашем> отношении к И<ванову> что-то, по-моему, неблагополучно. Вы то и дело противоречите сами себе. Если, как Вы пишете в концовке своей статьи, Вы «все-таки верите в ценности этого мира, несмотря на его безобразия и бессмыслицы», то Иванов должен был бы быть Вам, в сущности, органически чужд и писать о нем надо было бы в таком случае рассудочнее, да и Ваша формула: «мы все – Ивановы»³ тогда неверна и к Вам, например, не относится. Мне думается, что Вы больше соблазнены и эпатированы ивановской диалектикой, его изобразительной изощренностью, чем внутренне с ним связаны. Вас очаровала, например, рифма «неучем – не о чем»⁴, а какие из-за нее выглядывают рожки – Вы проглядели. Так иные и симпатичнейшие и талантливейшие западные писатели, ученые, даже теологи очарованы «красотой» коммунистических идей. Вы представляетесь мне человеком совсем другого склада и толка, чем Иванов. Я понимаю, что можно гутировать⁵ поэзию И<ванова>, я сам ее гутирую, но я не капитулирую перед ним, а уж славословить ее и утверждать в мире, как это получилось у Вас, не могу никак. Я отнюдь не ортодоксально верующий человек, и если я не приемлю стихов И<ванова>, то отнюдь не с церковных позиций (кстати: дар не всегда от Бога, он может быть и от Дьявола, о последнем напрасно забывают!). Что мне особенно отвратительно в И<ванове> – это его полнейшее неуважение к человеку. Выражаясь в более высоком плане: меня отвращает от И<ванова> то, что его стихи – хула на Духа Святого. В Евангелии сказано, что всякая хула простится человеку (т.е. даже хула на Бога и Христа), но хула на Духа Святого не простится человеку. Почему? Да потому, что хула на Духа Святого есть хула не на какое-то отвлеченное понятие, а на всякое духовное начало и естество в человеке, а отрицать его в человеке – хуже убийства и самоубийства. Как бы ни было это естество ограничено, искажено – оно существует и в каких-то формах проявляется, и такие проявления могут быть и благодатно действенны на своем отрезке времени и

места и как-то «отлагаться» в общей поступательной истории мира. Отрицать это – значит совершить смертоубийство и мира и человека. И такое смертоубийство Иванов совершает в каждом своем стихотворении, а что кривая, описанная топором в воздухе, красива и стук отлетевшей головы о помост музыкален – это уж особь <так!> статья. Я скорее готов простить Демьяну Бедному его богохульные стихи, потому что они «только» хула на Бога, а не на духовное естество в человеке (ибо в каком-то искаженном аспекте даже Д<емьян> Б<едный> в него верит!).

Мне мерещится, что в тайниках своей души Вы не можете не чувствовать какого-то отталкивания от Иванова. Отсюда, думается мне, и В<аши> попытки «смягчить» Иванова: пресловутое «все-таки», Ваша тайная надежда, что с пера И<ванова> «соскользнут еще неожиданно-сти» (т.е. не то, что он пишет сейчас), цитированная уже мною концовка В<ашей> статьи и др. Всем этим Вы, в сущности, в значительной степени зачеркиваете все Ваши предыдущие восторги.

С «противниками» И<ванова> Вы расправились, на мой взгляд, слишком поверхностно и необедительно⁶. Кстати: я лично не требую, чтобы И<ванов> покончил с собой, но считал бы логичным, если бы он замолчал, а то, отвергая всякие ценности, он все же пытается таковые (отрицательные, но ведь ценности!) создать и тем противоречит сам себе. Ходасевич был куда последовательнее (и честнее), когда, ужаснувшись, замолчал.

Кстати о Ходасевиче. Я не согласен с Вашим определением его поэзии⁷. Ходасевич, по-моему, вовсе не «редко видит мир» (за исключением деталей), как Вы утверждаете. Ходасевич видел больше того, что есть в мире, он видел надмирное. Но т.к. он видел и близкий ему мир, а в дальнем не был прочен – он ужаснулся и произошел срыв. Ходасевичи не вымирают, а еще только зарождаются. Подлинного Ходасевича обычно не понимают, как не понимают подлинного Гумилева (он начал раскрываться лишь в своих поздних стихах) те, кто видит в нем только конквистадора и георгиевского кавалера. «Ниже» Иванова уже не скажешь, дальше некуда, он – предел падения. «Выше» Ходасевича и позднего Гумилева подымутся еще многие, ибо высота – беспредельна, но едва ли Вы до этого доживете. И на Баратынского Вы, на мой взгляд, напрасно киваете⁸. Баратынский говорит о неблагополучии в мире и в человеке как о трагедии, а Иванов – как о происшествии. Вообще в статье Вашей и помимо основного (т.е. В<ашего> отношения к И<ванову>) много, по-моему, спорного в деталях, что, впрочем, не лишает ее большого блеска и очень интересных мыслей.

Надеюсь, дорогой, что Вы на меня не в обиде? Вы знаете, как я Вас ценю, насколько Вы мне даже «просто» как человек симпатичны. Написал я Вам от всего сердца и только потому, что и в самом

И <ванове> и в Вашем к нему отношении вижу некую неправду, мимо которой не могу пройти равнодушно.

Пишу Вам ночью, дежуря у постели больной жены. Уже 3 недели она в очень тяжелом состоянии – сердце (angina pectoris). Измучились оба...

Письмо В<аше> получил. Желаю от души успеха и удачи в работе!
Душевно Ваш

Д.Кленовский

¹ Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыт. 1957. №8. С.83-92.

² Кленовский спорит со следующим пассажем Маркова: «Есть еще нечто в этих стихах, за что любишь поэта, нечто, может быть, самое главное. Но здесь хочется сказать ивановским неблагожелателям: да, конечно, духовный план важнее эстетического, но вы в духовном-то плане видите у Георгия Иванова не то, что нужно. Нечто, о котором мы говорим, выражается в одном слове: *все-таки*».

И все-таки струны рванулись,
Бессмысленным счастьем звуча...

Ну а все-таки, милая тучка,
Я тебя в это сердце возьму

И счастье “бессмысленно”, и тучка “не особенно важная штука”, а *все-таки*. Блок писал о “бессмысленном и тусклом свете”, Фет жаловался, что “сердца бедного кончается полет одной бессильною истомой”, т.е. основные отрицательные мотивы поэзии Георгия Иванова не столь уж оригинальны. Но у кого было такое “все-таки”? Разве только у Чайковского в последней части Четвертой симфонии (“жить все-таки можно”), но насколько это и беднее, и мельче. Стихи Георгия Иванова не о нигилизме, а о невозможности нигилизма, о преодолении его. Даже там, где нет слова “все-таки”, оно *все-таки* присутствует» (Там же. С.90).

³ Споря с недругами Георгия Иванова, Марков писал: «... фамилия Иванов даже символична. По его стихам историки потом смогут изучать сознание нашей эпохи. Остается только удивляться слепоте критиков, проповедующих поэзию современную, злободневную и неотрешенную от времени. Все эти качества есть у стихов Георгия Иванова, он не менее “современен”, чем Некрасов для своего времени. Мы все Ивановы, другой Цветаевой нет и быть не может, Ходасевичи вымерли или вымирают» (Там же. С.89).

⁴ Из стихотворения Георгия Иванова «Все туман. Бреду в тумане я...». Марков в своей статье приводил строки из этого стихотворения: «И с ученым или неучем / Говорить мне, в общем, не о чем» и утверждал, что Георгий Иванов «этой фразой творит чудо: простой разговорной интонацией, какой-то повседневной сложностью самой мысли он очеловечивает мизантропию» (Там же. С.89).

⁵ от *gôûter* (франц.) – смаковать.

⁶ Марков делил читателей Георгия Иванова на два типа: «“стыдливых защитников”, которые признают, что у поэта есть вещи не совсем приемлемые в хорошем обществе, и они готовы принести обществу за поэта свои искренние извинения», а также «хулителей», «которые, в общем, признают

искренние извинения», а также «хулителей», «которые, в общем, признают “довольно высокое” качество его стихов, но их отталкивает, раздражает, возмущает то, что они называют “нигилизмом”. <...> Они советовали Георгию Иванову быть последовательным и “цельным” (как они) и идти самоубиваться, а не соблазнять других» (Там же. С.86-87).

⁷ Сравнивая Георгия Иванова с Ходасевичем, Марков писал: «Ходасевич – неличный поэт, он редко приоткрывает закоулки своей души. Но он не принимает и мира вокруг себя, и поэтому редко *видит* его (в широком смысле, конечно; детали он видит хорошо). Верховная ценность для него – культура, традиция. Он служил этой традиции и, трагически идя навстречу предрешенной “великой неудаче”, пытался привести в гармонию свое сознание блоковской эпохи и свой вкус XVIII века» (Там же. С.85).

⁸ По мнению Маркова, «Боратынскому прощают то, чего не прощают Георгию Иванову, ибо у Боратынского – человек с большой буквы, значит не я, все в порядке» (Там же. С.86-87).

36

10 апр<еля 19>58

Дорогой Владимир Федорович!

Сердечно поздравляю Вас и Вашу супругу со Светлым Христовым праздником и шлю мои наилучшие пожелания!

Письмо Ваше получил. Продолжать наш спор в письмах, конечно же, не имеет смысла! Главное же: о вкусах не спорят! Кто любит дыню, кто арбуз, а кто и свиной хрящик... А для того, что любо, найдешь всегда и самые веские для себя (но самые невеские для другого!) доводы. Так что, повторяю, спорить дальше не стоит. И это даже хорошо, что вкусы у людей разные. Мир должен быть разнообразен и многообразен!

Только по нескольким «пунктам» Вашего письма хочется еще с Вами поговорить, но они к существу спора почти не имеют отношения.

1) Не понимаю, почему Вы должны бросить писать о живых поэтах? Ведь и с Вашей точкой зрения на мертвых могут многие не согласиться (как я не соглашаюсь, например, с Вашим восприятием Ходасевича), т.ч. мороки с ними будет у Вас не меньше, чем с живыми!

2) Если советские поэты «просто (т.е. всего лишь – Д.К.) пишут мертвые вещи» (Ваши слова), то ведь это тоже от дьявола, как и советская власть! Все мертвое в искусстве – величина отрицательная. Эти «мертвые вещи» – продукт дьявольской власти.

3) Разъясняю слова «кривая топора». Я имел в виду, что движение (взмах) топора в руках палача в момент казни может быть эстетически красивым (и в inferнальности может быть внешняя красота), и в этом смысле эстетом же оценено, но эта красота не оправдывает профессии... и деиста.

4) В Вашей «транскрипции» получилось так, словно я предпочитаю поэта Демьяна Бедного поэту Георгию Иванову. Такой, как Вы

правильно выразились, «чепухи» я сказать не мог. Я высказал только мысль, что антирелигиозная концепция Демьяна наивнее и, в конечном счете, невиннее ивановской. О предпочтении Демьяна Иванову как поэта и речи, конечно, быть не может, и я удивляюсь, что Вы могли заподозрить меня в такой ереси. Либо я неясно высказал свою мысль, либо Вы меня превратно поняли.

5) Есть одно место в Вашем письме, которое меня не скажу чтобы обидело, но сильно огорчило. Вы пишете буквально: «Кстати, Иванов в госпитале в очень скверном состоянии. Надеюсь, в этой “плоскости” Вы его не будете отвергать». За кого, дорогой, Вы меня принимаете? Неужели Вы предполагаете, что я могу радоваться болезни Иванова или желать его смерти? До такой низости я еще не дошел! Стихи Иванова я отвергаю, конечно, независимо от состояния его здоровья, но зла ему лично не желал и не желаю. То, что Вы меня в этом могли заподозрить, меня, откровенно говоря, никак не порадовало. Мне помнится, я Вам писал, что я высоко ценю мастерство Иванова и получаю от его стихов своего рода профессиональное наслаждение, но все это не перерастает у меня, как у Вас, в провозглашение поэзии Иванова неким высшим духовным достижением.

Сердечный привет! Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

Ивакк мне «Опытов», несмотря на В<ашу> просьбу, не прислал. Он меня вообще не жалует.

37

31 июля 1958

Дорогой Владимир Федорович!

Давно В<ам> не писал – это потому, что над женой опять стряслось несчастье: появилась опухоль на языке, думали рак; после разных проволочек и колебаний – оперировали, анализ, слава Богу, позрений не подтвердил. Но исстрадались мы и перетревожились вдоволь...

Очень рад был узнать, что выходит наконец сборник стихов Моршена. Давно пора! Думаю, что литературный успех книги будет значительным, если только «парижане» не напакостят (впрочем, Адамович относился до сих пор к Моршену хорошо). Оно, м.б., даже и лучше, что М<оршен> издает некий концентрат своего творчества, – впечатление будет сильнее. Слышал, что книга откроется Вашим предисловием? Что-то пошла на них мода! Вот и новая книга стихов Георгия Иванова выходит с предисловием Гуля¹. Раньше так «вводили» в литературу новичков. Или Г.Иванова надо еще сперва защитить от читателя?

Читая В<аши> строки о Державине и Фете (в последнем письме ко мне), прежде всего порадовался (и позавидовал) Вашей юношеской

способности увлекаться! У меня для этого не только не хватает жизненных сил, но нет хотя бы самой примитивной поэтической библиотечки... Кроме Пушкина никого из «стариков» не имею. Т.ч. мыслить об их стихах могу только по памяти, а ее – увы! – все убывает...

В Сан-Франциско объявилась правнучка Боратынского², и оказалась ею одна из моих эпистолярных знакомых.

Ржевские уехали из-под Мюнхена (где проводят лето) в Испанию – в поисках тепла, но это явное преувеличение, т.к. и у нас очень жарко. Обещали по возвращении нас навестить.

О моих стихах в №52 «Нов<ого> журнала» был очень хороший (без малейших «но») отзыв Адамовича в «Рус<ской> мысли»³. Но не обошлось без курьезов: 4 года тому назад тот же Адамович в рецензии об ивасковской антологии (в «Н<овом> р<усском> с<лове>») причислил меня к лику Ходасевича⁴, а теперь – Гумилева⁵! Ох уж эти обязательные поиски литературного родства! Так ли уж они необходимы?

Сердечный привет!

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Иванов Г. Стихи: 1943–1958 / Вступ. ст. Р.Б.Гуля. Нью-Йорк: Новый журнал, 1958.

² Правнучка Баратынского, поэтесса, участница сан-францисского Литературно-художественного кружка Наталия Николаевна Дудорова (1890–?) жила в университетском городке Пало Альто.

³ Адамович Г. Новый журнал. Книги 51-52 // Русская мысль. 1958. 5 июня, №1221. С.4-5.

⁴ Рецензируя составленную Ю.Иваском антологию эмигрантской поэзии «На Западе», Адамович писал: «Кленовский часто бывает похож на Ходасевича, и в темах, и в стиле, очень чистом, очень точном, с прелестными, обманчиво-простыми находками (“уютно, как в аксаковской семье” и др.). Изредка только он как будто по рассеянности пропускает условно-книжные, метафорические “штампы”, которых Ходасевич не пропустил бы: “причаститься радостей земли”, “рубеж дней”, “провести через жизнь”... При менее искусной словесной выделке это, разумеется, сошло бы с рук. Но Кленовский именно стилем и силен, во всяком случае сильнее, чем ритмом (как и Ходасевич, который при своей ритмической ординарности был стилистически исключительно чуток и к себе требователен, – в полную противоположность Блоку, если и гению, то прежде всего гению ритма)» (Адамович Г. Новые голоса. С.8).

⁵ Рецензируя очередные номера «Нового журнала», Адамович писал о Кленовском: «В общем складе его поэзии есть что-то гумилевское: мужественность, стройность композиции, стойкость в раз навсегда принятой литературной позиции. Но гумилевскую манеру Кленовский обточил и развил, от основных ее принципов не отступая» (Адамович Г. Новый журнал. Книги 51-52. С.4).

5 ноября <19>58

Дорогой Владимир Федорович!

Рад был получить от Вас весточку, а то, откровенно говоря, заподозрил уже было Вас в «зубе»! Жаль, что Вы «забыли думать о литературе»! Впрочем, жизни перед Вами еще много, и Вы успеете еще сменить Марфу на Марию. Как это странно звучит, что Вам приходится ждать решения «верховой комиссии» «Рифмы». Как могут Терапиано, Маковский и кто там еще, никогда не поднявшиеся сами до уровня Ваших «Романсов», судить об этой книге!? Такие вещи они должны пропускать без всякой «проверки»! Из-за этой «верховой комиссии» я в свое время отклонил предложение «Рифмы» издать моего «Неуловимого спутника». Поэт хотя бы с некоторым именем имеет право свободно «двигаться» в своей книге, без указаний литературного «начальства». Между прочим, Вы могли бы совсем недорого издать книгу сами в Мюнхене. Кстати, если что не помешает, издам вскоре новую книгу моих стихов – те мои заокеанские друзья, что финансировали издание предыдущих, дают деньги в долг и на эту – обычно я довольно быстро рассчитывался с моими кредиторами, надеюсь, что так будет и на этот раз, если только мои литературные друзья в USA по примеру прошлых лет помогут мне в распространении книги. Ведь только это и может окупить расходы по изданию книги. Продажа и в магазинах дает гроши, т.к. они берут себе почти половину выручки и годами не рассчитываются с автором. Кроме того, в Европе книгу приходится продавать ниже себестоимости. В конечном итоге мои книги не давали никакого дохода, но – и это главное – себя окупали. Книгу готовлю сейчас к печати, кое-что захотелось выправить и изменить. В набор (в Мюнхене) сдам в декабре и в свет выпущу после выхода №55 «Нового журнала», где еще должны пройти мои стихи¹, включенные и в книгу. Будет в ней 40 стихотворений на 50–60 страницах.

Насчет «поздней музыки» Пастернака вполне с Вами согласен. Я вообще не такой уж очень большой его почитатель, но за судьбу его тревожусь чрезвычайно. Ведь так его и до самоубийства могут довести: и чего он не уезжает, благо выпускают!? Разве Россия ему родина! Такие люди должны были бы чувствовать себя Weltbürger'ами². Раньше говорили: «патриот своего отечества и подлец собственной жизни». Обжились люди на советчине, как птицы в клетке: выпускают – не улетают, привычной кормушки жалко, и на свободе непривычно. Судя по всему, Пастернак не испытывает достаточного отвращения к советскому строю.

Сборника стихов Г.Иванова не имею, но знакомые сообщили мне любопытную цитату из предисловия Гуля: «Даже как адвокату Г.Иванова, положив руку на сердце, мне не пришлось отрицать пре-

ступлений (подчеркнуто мною – Д.К.) моего подзащитного, и я только просил о некотором милосердии»³. Не странно ли и не многозначительно ли, что даже самые убежденные почитатели Г.Иванова испытывают потребность его оправдывать? Не свидетельствует ли это о том, что и для них в Г.Иванове что-то неблагополучно и это, в конечном счете, несмотря на все восторги, не дает им покоя?

Очень понравилась мне книга рассказов Л.Зурова «Марьянка»⁴, присланная мне автором. А что с книгой Моршена? Неужели опять поломалось? Жду ее с нетерпением, тем более что она, как я слышал, снабжена Вашим предисловием.

Сердечный привет! Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Подборка из пяти стихотворений Кленовского увидела свет в декабре 1956 г. (Новый журнал. 1956. №55. С.106-109).

² гражданами мира (нем.).

³ Кленовский приводит цитату из статьи Гуля «Георгий Иванов» (Новый журнал. 1955. №42. С.110), позже напечатанной в качестве предисловия к книге: *Иванов Г. Стихи: 1943–1958. С.5.*

⁴ *Зуров Л. Марьянка. Париж, 1958.*

Дорогой Владимир Федорович!

Давно (с ноября, если не считать короткого рождественского привета) Вам не писал – главное: все болел (и продолжаю болеть), даже 2 недели лежал, а кроме того, возился с новой моей книгой: кое-что захотелось для нее переработать, как будто пустяки, а это тяжелее, чем писать новое! Книга напечатана, сейчас брошюруется. Недели через две все будет, вероятно, готово, и я начну ее рассылать.

С интересом слежу за полемикой вокруг статьи Ульянова¹. Мне присылают вырезки из «Н<ового> р<усского> с<лова>», да и все мои эпистолярные знакомые о ней высказываются. Из их писем вижу, что на многих она произвела впечатление. Не все и не во всем, конечно, с Ульяновым согласны, но решительно все отдают должное смелости и яркости его суждений. В таком духе из числа наших общих знакомых высказался, например, Ржевский – он очень ценит отзыв о себе Ульянова, тем более что раньше последний его не жаловал. Но есть, несомненно, немало и противников и Ульянова вообще, и «тезисов» его статьи. Это в первую очередь те, кто им в статье так или иначе обижены, в числе их почти все «парижане» и их

попутчики. Меня больше всего порадовали высказывания Ульянова о критиках, поскольку он, конечно, имел в виду «парижан», против которых ведь и я выступил 2 года тому назад на страницах «Н<ового> р<усского> с<лова>», а также его похвала стихам Лидии Алексеевой, которые и я люблю чрезвычайно. Прочестъ щедрое суждение Ульянова о самом себе было, не скрою, приятно, тем более что я и до этого очень ценил Ульянова как талантливого, чистой воды публициста и в литературный вкус его верю. Я, однако, против раздачи писателям порядковых №№. Каждый хороший поэт хорош по-своему, и вообще при более или менее равных «технических данных» это дело вкуса. Ведь вот Иваск считает сейчас лучшим поэтом эмиграции Чиннова (строки которого, впрочем, и я люблю). Так что уточнять, кто первый, кто второй, а кто пятый – и излишне, и даже невозможно. Мне думается, что Вас, как поэта, Ульянов пропустил по какому-то недоразумению, м.б., просто забыл об этом, поскольку Вы давно уже стихов не печатали, и счел Вас за прозаика.

Гринберг (первый редактор «Опытов»)² пригласил меня в затейный им альманах «в честь Пастернака»³, в котором будет «немного стихов, немного прозы и множество статей», но мне просто нечего ему дать. Сколько, однако, можно писать о Пастернаке! Я, откровенно говоря, статей о нем читать уже больше не могу!⁴

А что слышно о Вашей книжке в «Рифме»? Есть надежда, что она выйдет?

Сердечный привет и наилучшие пожелания!

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ Статья Н.Ульянова «Десять лет» была опубликована тремя подвалами в газете «Новое русское слово» (1958. 14, 17, 18 декабря) и вызвала ряд полемических откликов: *Максимов С.* О «Гамбургском счете», о «Школе урожайности» и о проч... // Новое русское слово. 1958. 29 декабря; *Струве Г.* Дневник читателя: О статье Н.Ульянова // Новое русское слово. 1959. 5 января.

² Гринберг Роман Николаевич (1893–1969) – биржевой игрок, меценат, редактор-издатель, с 1924 в эмиграции в Германии, с 1926 в Италии, с 1929 во Франции, с 1940 в США, сотрудник «Нового журнала», соредатор первых трех номеров журнала «Опыты» (1953–1954), редактор альманаха «Воздушные пути» (1960–1967).

³ Кленовский принял участие только в первом номере альманаха, опубликовав одно стихотворение (Воздушные пути. 1960. №1. С.87).

⁴ После скандала с «Доктором Живаго» и Нобелевской премией количество статей о Пастернаке в эмигрантской и зарубежной печати росло лавинообразно.

12 мая <19>59

Дорогой Владимир Федорович!

Ваше длинное и интересное письмо вознаградило меня за Ваше долгое молчание. Я не «дулся» на Вас, но, откровенно говоря, решил, что книга моя Вам настолько не понравилась, что Вы не хотите о ней говорить. Я не удивился бы этому, т.к. замечаю, что перемена симпатий в эмигрантской литературной среде – явление довольно обычное. Рад, что ошибся. Ваши критические замечания интересны и с некоторыми из них я согласен. Что касается помазания на поэтическое царство, то я против каких-либо порядковых №№ в литературе. Среди поэтов-эмигрантов есть, на мой взгляд, с десятков хороших, и уточнять, кто кого и на какую долю секунды обогнал, – излишне, мы не на стадионе, да и вообще это дело вкуса. К Вашей мне присяге я отнесся, выражаясь немецким газетно-политическим языком, *mit gedämpftem Optimismus*¹. Чувствую, что присягаете Вы мне по традиции, за неимением лучшего, ну, словом, не так, как присягнули бы Петру I, а как, скажем, Александру III. Поскольку тиранство мое неизбежно выразится в отсутствии реформ в моем поэтическом хозяйстве, Ваше появление на Сенатской площади всегда мне угрожает. Об одном прошу: не кидайте бомб в мою похоронную процессию!

Вы называете меня поэтом одной темы и делаете это словно бы и не в порицание, но все-таки слегка в укор. Так же высказался и Моршен, которому хочется от меня «большого разнообразия». При оценке поэзии (именно поэзии!) это очень распространенный критический упрек, который меня всегда удручает. Как будто большинство наших поэтов не были поэтами одной темы! А если тема так объемиста, что она охватывает все то, чем дышит человек, – его отношение к жизни, смерти, Богу, вселенной, – то чем же плоха эта «одна» тема? У каждого поэта есть к тому же своя тематическая нота, и это всегда его лучшая нота, все остальное – попытки с негодными средствами. Поэта узнаешь по «почерку» (почерку не только формы, но и содержания), и именно им-то он и дорог. Почему поэт должен быть универсальным магазином? Это почему-то поэтов всегда попрекают «однотемностью», художнику никто никогда этого упрека не сделает. Ну можно ли посоветовать Левитану заняться батальной живописью или Делакруа писать натюрморты?

Очень порадовал меня выход книги Моршена. Но очень жалею, что она не вышла уже лет пять тому назад и что, не включив в нее многих превосходных стихов последнего времени, он не встает в ней перед читателем во весь рост. Уверен все же, что у него будет хорошая пресса (наверное, напишет Одоевцева). Предисловие Ваше, на мой взгляд, интересно, верно и удачно, только с некоторыми общими Вашими суждениями хотелось бы поспорить. Почему с «легкой руки»

Гумилева все пишут теперь «правильно»? Что же, Гумилев шепнул поэтам на ушко рыбье слово, и они все так вдруг и пошли писать «правильно»? Кое-чему Гумилев поэтов, конечно, научил (прежде всего, вероятно, ответственности), но процесс повышения стихотворного мастерства, думается мне, и глубже и последовательнее. И в этом «научно» и «правильно» я чувствую какое-то неуважение к Гумилеву, словно он кондитером был или портным... Это неуважение становится даже каким-то распространенным явлением. По Терапиано, например, предположительная похвала Гумилева («это очень понравилось бы Гумилеву», – сказал он иронически об одном моем стихотворении) является для поэта чем-то почти постыдным, никак не лестным. Как будто Гумилеву нравились одни пустые формальные достижения! Кстати о форме: «правильно» пишут многие, но лишь у немногих за этим скрывается подлинное поэтическое дыхание. Пример: Ю.Трубецкой, у которого все «правильно», но дыхания этого, подлинной искры Божьей – нет. «Обвинениями» в поэтич<еском> мастерстве сейчас иные критики просто отмахиваются от неудобных поэтов, если ни к чему другому нельзя придаться.

Вот и в «Мостах» Вы пишете: «кто теперь не может написать “совершенного” стихотворения по всем правилам?»² Ведь Вы тут, дорогой, ради красного словца грех на душу берете! Разве то, что написано «по всем правилам», всегда «совершенно» только в кавычках? Конечно, оно может быть и таким, но оно может быть и просто совершенным, без кавычек, а тогда зачем над ним иронизировать? Разницу между этим словом в кавычках и без кавычек Вы же чувствуете, зачем же убивать его кавычками?

И еще (в «Мостах») Вы пишете: «Для поэмы нужно большое дыхание, и многим астматикам она покажет, что поэзия не их стезя». Я не против предложенной Вами большой формы (хотя и считаю, что она во многом себя изжила), но никак не могу согласиться, что неудача с поэмой есть смертный приговор для поэта вообще! Анненский, Мандельштам, Ходасевич, Ахматова, Г.Иванов и многие другие не только не писали поэм (отдельные, более длинные, стихи некоторых из них никак нельзя отождествлять с поэмой), но никогда и не смогли бы их написать, но разве из этого можно сделать вывод, что «поэзия не их стезя», иначе говоря, что им и поэтами называться нельзя и писать не следует??

Я чрезвычайно ценю свежесть и талантливость Ваших литературных суждений, но я замечаю, что в последнее время они приобретают иногда какой-то сырой, непродуманный, эпатажный характер и даже как-то не верится, что Вы сами этого не чувствуете...

Огорчили меня Ваши личные дела: недомогания, перегруженность не всегда приятной работой, а особенно нечто вроде разочарования в своих поэтических силах и возможностях... Вот это уж со-

всем напрасно! Вы, счастливец, еще молоды, перед Вами еще огромный кусок жизни! Еще как Вы, Бог даст, развернетесь со временем! Паузы в творчестве совсем не смертельны, а иногда и благотворны. Я молчал в России 25 лет, а никто этого по «Следу жизни» не заметил, думали (Ульянов), что я эти 25 лет писал «в стол». Вероятно, без молчания, двадцатипятилетнего молчания, в «Следе жизни» было бы другое дыхание. Почему бы и Вам не помолчать? По другой причине, конечно, но не в причине дело. Когда я молчал, у меня и в мыслях не было, что удастся опять заговорить. Так и Вы в это не верите, а оно, смотришь, придет! Ваши большие поэтические достоинства продолжают в Вас жить, и Вы воспользуетесь ими как привычной ручкой, когда придет тому время. Так что не отчаивайтесь. Ждите.

Что с изданием Ваших «Гурилевских» в «Рифме»? Если безнадежно, следовало бы издать самому! В Мюнхене, если небольшим тиражом и малым форматом, обошлось бы всего в 100 долларов. Очень советовал бы, если есть хоть какая-нибудь материальная возможность! Это помогло бы Вас запомнить как поэта и явилось бы своего рода обещанием дальнейшего. Поднатужьтесь и организуйте это дело!

Я последние месяцы сильно болею (мучительные боли в левой части брюшной полости), лекарства и строгая диета не помогают, и похоже, что дело серьезное и что мне понадобится длительное лечение в больнице, а м.б., и операция. Еду на днях на консультацию к специалисту в Мюнхен, где, вероятно, и решится моя дальнейшая судьба. Плохо, что непрерывно теряю в весе и чувствую себя и больным и слабым.

Получил много хороших откликов на мою книгу³, в том числе и от «парижан», среди этих откликов – от Адамовича, Бор<иса> Зайцева, Берберовой, Чиннова, Присмановой, Прегель⁴, С.Маковского, Вейдле, Биска⁵ и др.⁶ Некоторые из них считают «Прикосновенье» лучшей из моих книг⁷. Не знаю... Продается книга (отчасти с помощью моих друзей в USA) хорошо, и я надеюсь, что и на этот раз я сумею рассчитаться с долгами по ее изданию. В Америке продано уже свыше 150 экз. Появился одновременно спрос на предыдущие мои книги – их продано около 50. Похоже, что полемика в «Рус<ской> мысли» сделала мне рекламу! Статья Одоевцевой понравилась, видимо, лишь очень немногим. Адамович писал мне, что «прочел ее с большой досадой», был удивлен в ней «смесью бойкости и грубости» и считает, что О<доевцева> «берется не за свое дело».

В случае, если кто интересуется моей книгой, имейте в виду, что ее можно выписать, написав по адресу: Mr G.Taskin (Юрий Александр<ович> Таскин) 440 Miller ave. Brooklyn, N.Y. и вложив в конверт

1 дол<лар> за экземпляр. У него «склад» моих книг для USA и имеются все они за исключением давно распроданного «Следа жизни».

Сердечный привет!

Искренне преданный Вам

Д.Кленовский

¹ с умеренным оптимизмом (нем.).

² Здесь и ниже Кленовский цитирует статью Маркова «О большой форме» (Мосты. 1958. №1. С.174-178).

³ Кленовский Д. Прикосновение: Пятая книга стихов. Мюнхен, 1959.

⁴ София Юльевна Прегель (1894–1972) – поэтесса, издатель, после революции в эмиграции в Константинополе, с 1922 в Берлине, с 1932 в Париже, с 1940 в США, редактор-издатель журнала «Новоселье» (1942–1950), директор издательства «Рифма» (в 1957–1972).

⁵ Александр Акимович Биск (1883–1973) – поэт, переводчик, с 1919 в эмиграции в Болгарии, затем в Бельгии, с 1942 в США, участник Кружка русских поэтов в Америке (Нью-Йорк), печатался в «Опытах», «Новом журнале», «Современнике». См. рецензию А.Биска на книгу «Прикосновение»: Новое русское слово. 1959. 17 мая.

⁶ См., например: *Аргус*. Слухи и факты // Новое русское слово. 1959. 11 марта.

⁷ См., в частности: *Завалишин Вяч.* О новой книге Кленовского // Новое русское слово. 1959. 24 мая.

41

10 июля <19>59 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Вы правы: если не ответить сразу на письмо, потом как-то не получается, даже если перечтешь. В своем Вы затронули (и, как всегда, талантливо – перечел с удовольствием!) столько тем, что их вообще не расхлебать. К тому же спорить на расстоянии трудно... Отвечу лишь на некоторые.

Насчет Гумилева. Вы перечислили все варианты любви к нему: и за то, мол, любят, что расстрелян, и за то, что пишет «понятно», и за то, что был мужествен, и даже за то, что царскосел (не в мой ли огород камешек?). Не спорю, что 99% читателей Гумилева любят его по одной из этих причин. Но я к ним не принадлежу. Вы забыли единственную причину, по которой его, с моей точки зрения, только и стоит любить. Я имею в виду его попытки прикоснуться к «мирам иным», наметившиеся в 10–15 предсмертных его стихотворениях. Только за них (в сочетании с большим словесным мастерством) я его и люблю, остальное в нем терплю. Я писал об этом очень давно (1948?) в «Посеве» в статье «Подлинный Гумилев», подписанной псевдонимом Карелин, а затем повторил в №20 «Граней»¹. Для меня

вообще именно вот это – в каждом поэте решающее. За это, в частности, дорог мне Ходасевич. Но, конечно, я не был бы человеком близким к поэзии, если бы не любил поэтов и за многое другое.

За фразу «пишите прозой, господа» я Пушкина не то что упрекаю, но ему не аплодирую. Я считаю ее признаком наступающей старости (ведь «тогда» она приходила вдвое раньше, чем сейчас) и в связи с этим утраты веры в волшебство поэзии (с которым не поспорит никакая проза), что там ни говорите, но прозой писать легче. Советуя так другим, Пушкин как бы оправдывал себя, это была минута слабости. Как ни хороша пушкинская проза, но он все-таки прежде всего поэт, и это как бы опровергает его же предложение. Оправдание, пожалуй, в том, что в пушкинское время почти не было хорошей русской прозы и было неплохо вызвать ее к жизни. Сколько хороших прозаиков начало с плохих стихов, особенно это заметно у французов (Мопассан) – проза им удалась, поэзия – нет. Мариэтта Шагинян, конечно, не Бог весть какой литературный пример, но все-таки любопытно, что, начав со стихов («*Orientalia*»²) и перейдя на прозу, она на вопрос, почему это так получилось, откровенно ответила: стихи требовательней, им подай свободное вдохновение, проза легче «сочиняется», она угодливей. А многогранность Пушкина меня не так уж восхищает, я предпочитаю в каждом авторе лейтмотив, свою ноту.

Вы пишете, что к Терапиано я «не во всем справедлив». Может быть... но это вызвано, вероятно, тем, что меня отталкивает самая «конструкция» Терапиано – я имею в виду его литературно-критическое приспособленчество к меркантильным своим интересам и выгодам, его умение поворотить критику как дышло и тем самым сегодня «порадеть родному человечку», а завтра напакостить чужаку. Если бы хватило на это терпения, я мог бы написать целое исследование о том, как Терапиано обвиняет одного поэта за то же самое, за что он превозносит другого. Тут есть чудесные, прямо классические варианты: о «своем» поэте пишется, например, что он «верен своей теме», а о «чужом», что он «перепевает самого себя» и т.д. и т.д. Это как один театральный критик об угодном авторе писал, что театр был наполовину полон, а о неугодном, что театр был наполовину пуст. Искусство капканов, замаскированных искусственными цветами, Терапиано постиг вполне. Вот в рецензии о «Прикосновении» он называет меня автором «изящных произведений на простые сюжеты», как-то: «об ангелах-хранителях, царскосельской гимназии, статуэтке, клочке морской пены»³. Терапиано прекрасно знает, что это не сюжеты, а трамплины к теме, но он притворяется, потому что так ему нужно. Ведь так можно сказать, что и Лермонтов писал о парусных лодочках и малиновых сливах! Вы совершенно правы, что у Терапиано со мной и у меня с ним в отношении поэзии должно было бы быть много общего. Тем более странно, что он сра-

зу же меня возненавидел. Началось это с того, что он плохо отозвался в «Н<овом> р<усском> с<лове>» о моем «Следе жизни»⁴, приведя только ряд неудачных, по его мнению, цитат из книги. За это на него тотчас же накинудись Аронсон⁵, Александрова⁶ и Аргус⁷, последний написал даже колкий фельетон. Терапиано, в свою очередь, разозлился. С этого и пошло. А когда я выступил в «Н<овом> р<усском> с<лове>»⁸ в защиту новоэмигрантских поэтов от замалчивания их парижской критикой, в частности Терапиано и Померанцевым, отношения между нами стали окончательно непоправимыми⁹. Терапиано не пропускает теперь ни одного случая меня лягнуть. Это единственный из эмигрантских литературных критиков, отрицательно отзывающийся обо мне в печати. Даже в «роковом пристрастии к неудобоваримым словосочетаниям» ухитрился он меня обвинить. Конечно, резко против меня он выступить не может, т.к. у меня есть уже определенная репутация и он скомпрометировал бы самого себя, но «тихой сапой» он действует и будет действовать. Любопытно, однако, что вся кутерьма вокруг моего имени в «Р<усской> м<ысли>» послужила мне только на пользу. Знакомый пишет мне из Парижа: «встретил дочь Бор. Зайцева¹⁰. Сказала: а о Кленовском только и говорят, только и спорят». Спрос на мои книги там действительно необычайный, притом не только на «Прикосновенье», но и на предыдущие. Только по заказам книжных магазинов, без всяких запросов и предложений с моей стороны, я послал в Париж за последние два месяца свыше сотни моих книг – для стихов цифра небывалая. Вчера от Les Editeurs Reunis¹¹ пришел опять заказ, четвертый по счету. Да, Одоевцева передала мне через общих знакомых... привет, выразила сожаление, что меня «расстроила», и просит «не сердиться». Совсем в ее духе! Гринбергу я недавно послал два свежих стихотворения – он обратился ко мне вторично, осенью пришлось ему отказать из-за выхода книги. Дал кое-что в последний момент и в №2 «Мостов»¹², который должен будто бы вскоре выйти.

А вот «Нов<ый> журн<ал>» как будто агонизирует. Читали SOS'ы Карповича¹³? К тому же он и сам серьезно болен. Берберова окончательно решила издать будущей зимой стихи Ходасевича¹⁴, страниц 200–250. Честь ей и слава! Получил из Парижа изданный там «любителями поэзии Пастернака» сборник его стихов «Когда разгуляется»¹⁵. Есть хорошие стихи, прекрасные строфы, но для меня почти все испорчено невероятной болтливостью, отсутствием чувства меры, а порой и явной безвкусицей. Что касается «Живаго», то целиком согласен с Адамовичем (статья в «Н<овом> р<усском> с<лове>» от 5 июля¹⁶). Эту же точку зрения на роман я высказывал в письмах ко многим моим литерат<урным> друзьям. Вы пишете, что я напрасно читаю рецензии. Ну как же их не читать, когда они сами

лезут в руки. Но значения им, уверяю Вас, не придаю уже давно, в том числе и восторженным, т.к. ни в одной еще рецензии о «Прикосновении», например, не было сказано ничего дельного. Если я выше написал о терапиановских рецензиях, то просто потому, что Вы затронули этот вопрос, а они меня тоже не волнуют.

Чуть было не забыл порадовать Вас: Березов внял Вашему гласу и пишет поэму «Христос» на 500 (sic) печатных страниц!¹⁷

Прегель, как я слышал, со средствами и, по-видимому, заступила место Яссен в «Рифме». Недаром появились огромные восторженные о ней отзывы Терапиано и Трубецкого в «Р<усской> м<ысли>», «Н<овом> р<усском> с<лове>» и «Опытах»¹⁸ (лишний пример к тому, что было мною сказано выше). Но она по крайней мере талантлива. Мне она тоже прислала свою «Встречу»¹⁹ с хорошей надписью. Очень, очень буду рад появлению «Гурилевских романсов» отдельным изданием – это совсем другое ощущение держать их непосредственно в руках. А в Ваше поэтическое будущее почему-то все же верю. Поэзия сидит у Вас в крови и еще даст когда-нибудь о себе знать. Но попытки вызвать ее к жизни все-таки должны быть. Без некоторого нажима на себя нет творчества.

Последнее время в отношении самочувствия мне несколько полегчало (много месяцев я чувствовал себя отвратительно), но не знаю, надолго ли. Были уже разочарования.

Сердечный привет и наилучшие пожелания!

Д.Кленовский

¹ Карелин Д. Подлинный Гумилев // Посев. 1947. №33(82). Кленовский Д. Окультизм в русской поэзии нашего века // Грани. 1953. №20. С.129-137.

² «Orientalia» (М.: Альциона, 1913) – вторая книга стихов Маризтты Сергеевны Шагинян (1888–1982), уже к 1918 выдержавшая четыре издания и сделавшая автору имя. В библиотеке Маркова имеется третье издание «Orientalia» (М., 1915).

³ Терапиано Ю. Новые книги // Русская мысль. 1958. 16 мая. С.4.

⁴ Терапиано в своей рецензии довольно двусмысленно отозвался о книге Кленовского и резко раскритиковал его стихи, напечатанные в журнале «Возрождение»: Терапиано Ю. Новые книги // Новое русское слово. 1950. 26 марта.

⁵ Рецензируя последние тетради «Возрождения», Г.Аронсон, в отличие от Терапиано, очень высоко отозвался о Кленовском, назвав его «одним из лучших поэтов, выдвинутых новой эмиграцией» (Новое русское слово. 1950. 9 апреля).

⁶ Александрова В. То, что не умирает // Новое русское слово. 1950. 23 апреля.

⁷ Аргус (наст. имя Михаил Константинович Айзенштадт; 1900–1970), фельетонист, литератор, с 1919 в эмиграции в Латвии, сотрудник газеты

«Сегодня», с 1922 – в США, штатный сотрудник «Нового русского слова» (с 1926).

⁸ Кленовский Д. Поэзия и ее критики // Новое русское слово. 1956. 16 сентября, №15786. С.2, 8.

⁹ О сложных литературных взаимоотношениях Д.Кленовского и Ю.Терапиано см. публ.: «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966). С.240-378.

¹⁰ Наталья Борисовна Зайцева-Сологуб, дочь Бориса Константиновича и Веры Алексеевны Зайцевых.

¹¹ Об истории этого русского книжного дела в Париже см.: Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Вып.22. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С.144-145.

¹² Подборка из трех стихотворений Кленовского была опубликована осенью 1959 г. (Мосты. 1959. №2. С.99-102).

¹³ Имеются в виду обращения М.М.Карповича «К друзьям и читателям “Нового журнала”» с просьбой о помощи, опубликованные в №57 и 58 журнала.

¹⁴ Ходасевич В. Собрание стихов (1913–1939) / Ред., предисл. и примеч. Н.Берберовой. Мюнхен, 1961.

¹⁵ Пастернак Б. Когда разгуляется: Стихи. Париж: Изд-во любителей поэзии Пастернака, 1959.

¹⁶ Новое русское слово. 1959. 5 июля.

¹⁷ В 1960 Березов выпустил стихотворную книгу «Окно в Евангелие» объемом в 576 страниц.

¹⁸ См., в частности, статью Ю.Терапиано в журнале «Опыты» (1958. №9. С.93-97).

¹⁹ Прегель С. Встреча: Пятая книга стихов. Париж: Новоселье, 1958. В библиотеке Маркова сохранился экземпляр книги с надписью: «Владимиру Федоровичу Маркову, автору чудесных “Гурилевских романсов”. София Прегель. 6 мая 1959 г.» (Собрание Жоржа Шерона, Лос-Анджелес).

Дорогой Владимир Федорович!

Давненько Вам не писал, если не считать краткого рождественского приветствия, которое Вы, надеюсь, получили? Как будто бы даже порвалась нить нашей беседы, т.ч. приходится два конца связать не особенно гармоничным узелком. Впрочем, в последнем Вашем (августовском) письме не были затронуты какие-либо просящиеся на ответ вопросы. О Гумилеве мы с Вами толковали уже не раз и, если вдуматься, в существенном не разошлись. Мне он дорог только частью своего творчества, а это уже исключает преклонение, в котором Вы как будто меня подозреваете. Иные почитатели «не того» Гумилева, которого ценю я, меня даже раздражают. Т.ч. в этом

вопросе у нас больше точек соприкосновения, чем отталкивания, и притом точек существенных. Я считаю, что вообще у гораздо большего числа поэтов, чем это принято думать, есть превосходные стихи (иногда только горсть таких стихов!), за которые их нужно ценить и помнить. Да и у «знаменитостей» иногда, если взглядеться, их тоже горсточка. Вот ведь у Блока плохих стихов процентов 75 всей его продукции, но зато остальные – замечательны. Маяковский сказал ведь однажды так (или примерно так): у меня на 10 стихотворений 8 хороших, а у Блока на то же количество только два, но зато они неизмеримо лучше моих восьми!¹

Жаль, что Вы разошлись с «Мостами». Если «Н<овый> ж<урнал>» прикажет долго жить, где же тогда печататься? «Опыты» выходят вроде того что раз в два года, да и не «скончались» ли и они?² «Мосты» будут выходить регулярно дважды в год, объемисты, выглядят красиво... Если Вы так отчитали в письме Берберову – немудрено, что она Вас больше не хочет знать! Но Берберова в «Мостах» уже ничем больше не завораживает и от них отходит, если уже не отошла (у нее какие-то нелады с новым редактором Г. Андреевым³, которого Вы, вероятно, знаете). Н<ина> Н<иколаевна> писала мне, что она, собственно, только числится еще в редколлегии, но всего лишь иногда читает рукописи – не больше, новый свой рассказ она еще прошлым летом дала не в «Мосты», а в «Н<овый> ж<урнал>». Она уверяет, что в «Мостах» теперь (по инициативе Андреева или американцев??) взят курс на «бодрую ноту» и что из-за отсутствия таковой не принят ее рассказ и какие-то стихи Елагина (который ведь тоже числится в редколлегии!). У меня для №3 просила стихов не она, а Андреев. Кстати, те мои, что пойдут в №3, бодростью никак не блещут! Т.ч., м.б., Н<ина> Н<иколаевна> преувеличивает? Поскольку ее, в сущности, в «Мостах» нет, почему бы вам туда не вернуться? Объявлено содержание №3: рассказы Зайцева, Ржевского, Газданова, Андреева, статьи Г. Струве, Степуна, Вейдле, Кашина и др., стихи Елагина, Буркина⁴ и мои. №4 уже готовится. Объявлено также о выходе в новоявленном издательстве зарубежных писателей (по-видимому, тоже при ЦОПЭ⁵), секретарем коего значится тот же Андреев, его же книги «Трудные дороги» (печатались в «Н<овом> ж<урнале>»)⁶.

Как с «Гурилевскими»? Выходят они в «Рифме»? Если нет – издавайте сами! Как живется? Что пишете? Я весь прошлый год болел и сейчас болею, порой чрезвычайно мучительно, и, вероятно, потому почти не пишется.

Рекомендую В<ашему> вниманию выходящий в самое ближайшее время сборник восьмистиший Влад<ыки> Иоанна Шаховского:

¹ Пока писал, пришел №3. – *Примеч. автора.*

«Странствия. Лирический дневник» (псевдоним «Странник»)'. Это впечатления от полета из USA на о. Родос и размышления, им вызванные. Мне многое там очень нравится. Нет ничего навязчиво церковного и поучающего, некоторые религиозно-философские мысли поданы обаятельно и даже с милым юмором.

Сердечный привет и наилучшие пожелания

Д.Кленовский

¹ Эти слова Маяковского привел в своих мемуарах (впервые опубликованных в №9 номере журнала «Знамя» за 1939 г.) Л.В.Никулин: «У меня из десяти стихов – пять хороших, три средних и два плохих. У Блока из десяти стихотворений – восемь плохих и два хороших, но таких хороших мне, пожалуй, не написать» (В.Маяковский в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1963. С.497).

² Предположение Кленовского оказалось верным. «Опыты» прекратили выходить в 1959, после 9-го номера.

³ Геннадий Андреев (наст. имя Геннадий Андреевич Хомяков; 1909–1984) – литератор, журналист, после окончания средней школы в 1926 работал в царичинской губернской газете, в 1927–1935 находился в заключении, в 1942 в Крыму попал в плен, жил в Германии, член НТС, редактор альманаха «Мосты» (Мюнхен, 1958–1970), позже переехал в США.

⁴ Иван Афанасьевич Буркин (р. 1919) – поэт, осенью 1941 попал в плен, после войны жил в Германии в лагерях для перемещенных лиц, в 1950 эмигрировал в США, преподавал в Сиракузском университете, затем в Сан-Францисском штатном колледже, печатался в «Гранях», «Мостах», «Опытах».

⁵ О литературной деятельности ЦОПЭ (Центрального объединения политических эмигрантов) см.: Андреев Г. (Хомяков Г.А.) В отраженном свете: «Мосты», эмиграция, Россия // Русская литература в эмиграции / Под ред. Н.П.Полторацкого. Питтсбург, 1972. С.309-320.

⁶ «Трудные дороги» Г.Андреева печатались в «Новом журнале» (1955–1957; №42, 44, 47, 49), затем вышли отдельным изданием (Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1959).

⁷ *Странник*. Странствия. Лирический дневник. Нью-Йорк: ИКСФИС, 1960.

Поздравляю со Светлым Христовым праздником!

Дорогой Владимир Федорович!

Спасибо за «Гурилевские романсы»! Это была как встреча с любимым итальянским городком (Ассизи, Орвьето, Сан Джиминьяно), куда больше тянет вернуться, чем увидеть какой-нибудь новый. Почувствовал, перечтя, что еще крепче полюбил Вашу поэму, – вероятно, стал старше и бережливее. И как важно, чтобы написанное

оформилось книгой! Журнальные строки исчезают на какой-нибудь дальней полке, а то и на чердаке... Где там разыскать любимое в тридцати схожих томах! А теперь можно протянуть руку – и любимое в руке. Рад поэтому, что вышла наконец книга! Вот если бы это оживило в Вас вкус к стихам! Мне почему-то кажется, что Вы когда-нибудь к ним вернетесь! Они как-то больше в Вашей тональности, чем что-либо другое, как бы другое ни удавалось.

Нелепо упомянул о Вас Завалишин¹. Что он, собственно, хотел сказать? Вероятно, просто уже видит в Вас литературоведческого конкурента и предпринимает превентивные шаги! Каких, впрочем, только глупостей теперь не пишут! Вот и Трубецкой в своем «Помраченном Парнасе» наговорил всяких махровых глупостей! Плохо не то, что люди глупости пишут, а что редакции их печатают. Вот говорят, что с дураками не стоит бороться. Так ли? Глядишь, потихоньку да полегоньку всякие Трубецкие пролезут в вершители судеб поэзии, и тогда от них уже не будет избавленья!

Мне очень понравилось, как изданы Ваши «Гурилевские романсы». Слово лучше, чем прежние сборники стихов в той же «Рифме». Кстати о ней: мне писали из Парижа, будто бы Чиннов обратился к издательству не с просьбой, а с требованием издать новый сборник его стихов, предъявив особые требования в отношении объема, тиража и проч. Редколлегия (Прегель, Терапиано и... Померанцев, тот самый, что твердит о ненужности стихов и невозможности их писать!) ответила ему, что «Рифма» печатает только поэтов неимущих, а Чиннов к ним не принадлежит (действительно, он зарабатывает в Мюнхене у американцев огромные деньги²). На это Чиннов, в свою очередь, ответил в том смысле, что он, мол, признанный лучший поэт эмиграции и его богатство никого не касается. Померанцев читал это письмо на собрании русских писателей в Париже, и оно вызвало всеобщее возмущение. Источник этого занятного рассказа самый достоверный.

Мы оба по-прежнему бодем, причем число недугов все растет. Жена ложится на операцию в глазную клинику.

Сердечный привет!

Д.Кленовский

¹ Завалишин Вячеслав Клавдиевич (1915–1995) – литературный критик, журналист, после Второй мировой войны в эмиграции в Германии, затем в США, литературный обозреватель газеты «Новое русское слово» (в 1951–1987), сотрудник радиостанции «Свобода» и «Нового журнала». Его отзывы о стихах Кленовского неизменно были положительными: *Завалишин Вяч. О новой книге Кленовского // Новое русское слово. 1959. 24 мая; Завалишин Вяч. Поэзия этих дней (из записной книжки) // Новое русское слово. 1960. 27 марта; Завалишин Вяч. Новый сборник Д.Кленовского // Новое русское слово. 1962. 27 февраля.*

² С 1953 по 1962 И.Чиннов работал в Мюнхене в русской редакции радиостанции «Освобождение» (позже – «Свобода»).

44

9 июня <19>60

Дорогой Владимир Федорович!

Рад был получить весточку от Вас – давно не имел. У меня было невеселое время: жена с месяц лежала в больнице, ей оперировали глаз, причем это сопровождалось всякими осложнениями. И она страдалась, и я нанервничался. Сейчас она уже дома.

Ваша защита Одоевцевой на страницах «Н<ового> р<усского> с<лова>»¹ до меня еще не дошла (или я ее пропустил?). Вы сугубо правы, когда пишете: «мы должны заступаться друг за друга». Но мне представляется, что заступничество хорошо, если ты чувствуешь несправедливость и заступаешься по своему собственному почину, а не тогда и не потому, что тебя очень настойчиво об этом просят. А если бы Одоевцева не попросила? Вероятно, не заступились бы! Значит, заступились не от души и не вполне искренне, а больше по обязанности и в порядке взаимного одолжения... Не сердитесь, дорогой, за откровенность! Не вдаваясь в оценку критики Рафальского, я нахожу, что в случае с Одоевцевой было весьма полезно, что она почувствовала на своей собственной шкуре, что значит для автора резкое и несправедливое (предположим, что это было так) критическое суждение. В свое время Одоевцева очень грубо расправилась с Алексеевой (одна «Хавронья»² чего стоит!). Тогда за Алексееву никто не заступился, да она и не просила (прибегать к таким просьбам не очень-то красиво). Я заступиться за нее не мог, т.к. сам был пострадавшим (от Одоевцевой) лицом. Были читательские попытки это сделать, но О<доевцева> их на страницы «Рус<ской> м<ысли>» не пропустила. Теперь, когда дело коснулось ее самой, – Одоевцева молит о защите! С воспитательной точки зрения и ей же на пользу – защищать ее не следовало! Мне писал очевидец из Парижа, что, встретив Рафальского на одном из тамошних литературных вечеров, Одоевцева во всеулышанье на него накричала, заявив, что своей статьей он «оскорбил ее как женщину и как вдову» (!?? Д.К.). Как видите, она сама умеет постоять за себя!

Жду к себе летом многих посетителей: Берберову, Глеба Струве, Ржевского с женой (из тех, кого Вы знаете) и др. Только что извещил о своем приезде в июле Иваск (с магнитофоном для записи моих стихов и рассказа о моем творчестве). О злоключениях бедного Глеба Петровича Вы, вероятно, слышали от него самого. Оперировать его (аппендикс) будут в августе, а до этого он должен вести самый осторожный образ жизни, что в значительной части поломало его планы поездок по Европе. Все же он надеется дней на 5–6 выбраться

ко мне. А Вы никогда не бываете в Европе? Если бы это случилось – был бы искренне рад лично с Вами познакомиться! От Мюнхена мы в часе езды по ж<елезной> д<ороге>.

Сердечный привет и наилучшие пожелания

Д.Кленовский

¹ Сергей Милич (Милиевич) Рафальский (1896–1981) в статье «Последняя и первая» (Новое русское слово. 1960. 28 февраля) отозвался о стихах Одоевцевой, по ее мнению, непочтительно. Марков решил заступиться за Одоевцеву и опубликовал статью «О критических приемах Сергея Рафальского» (Новое русское слово. 1960. 15 мая).

² Имеется в виду ответ Ирины Одоевцевой Н.Ульянову в «Русской мысли». Терапиано считал, что «ответила И.О.<одоевцева> по существу правильно. Лишнее только, что она в ответе повторила, как переделали здесь в поэтических кругах ульяновское определение Л.Алексеевой: “Дева Феврония” в “Дева Хаврония” – это был гафф» («...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966). С.324).

45

18 июля <19>60 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Получил В<аше> письмо. Да, Г<леб> П<етрович> у меня уже был (сейчас он в Париже), но провел только 3 дня вместо намеченной ранее недели. Он вообще свел до минимума свои поездки по континенту, т.к. аппендикс его (удаление которого назначено на август в Лондоне) то и дело дает себя знать, и ему нужно быть сугубо осторожным, странствует он поэтому с опаской и в неважном настроении. А что это у Вас за «схватки»? Где именно? Обратите все же на них внимание! Отмахиваться от болезней нельзя! По себе знаю, что такое запущенные недомогания. Потом их не расхлебать! У нас по-прежнему со здоровьем неблагополучно. Жене после глазной операции пришлось делать вторую (гнояная опухоль на голове). Сейчас она снова дома, но надолго ли!? У нас обоих вместе с десятком всяких болезней, из коих половина давно просится на операцию. Т.ч. благополучия в этом отношении я не предвижу, остается только и далее перемогаться.

Очень рад был повидаться с Г<лебом> П<етровичем>, хорошо поговорили. Чем ближе его узнаешь, тем он симпатичнее. А как в критике особенно ценю в нем его самостоятельность и независимость + большая порядочность и корректность. Были недавно и Ржевские, проводящие лето на озере под Мюнхеном. И с ними было очень приятно встретиться и поговорить. Ржевский привез новую свою книгу¹, куда вошли уже напечатанные ранее в журналах рас-

сказы. Читал, конечно, гостям новые мои стихи. Их набралось уже немало, т.ч. подумываю о шестой книге (к весне 1961 г.). Послал недавно кое-что в разные журналы. Иваск еще у меня не был. Я сперва вообще отказался от его магнитофонного «интервью», ибо никакими воспоминаниями об акмеистах не располагаю (а ведь именно собирание таковых цель его поездки²), к тому же из-за болезни ноги (деформация кости в пятке – еле на нее ступаю) поехать для этого в Мюнхен мне затруднительно. Но Иваск ответил, что он все же приедет ко мне и запишет чтение мною стихов и повествование о моем, как он выразился, творческом пути.

Ваш дуэльный азарт (в отношении Одоевцевой) меня несколько ошарашил! Пахнуло каким-то «Луи каторжом»: «Маркиз! Вы оскорбили при мне женщину!» – и вот скрещиваются шпаги, летит со стола посуда, женщина с тайным восторгом следит из угла за поединком... На мой взгляд, Вы как-то смешали два понятия: 1) Одоевцева – жена восхищающего Вас поэта и 2) Одоевцева – поэт. Жену (хорошую или плохую – не будем углубляться в дебри этого вопроса!) можно, конечно, от души пожалеть и утешить, можно, скажем, материально ей помочь и т.п., но поэтесса тут совсем ни при чем! Или стихи Одоевцевой лучше оттого, что она вдова Г.Иванова?? Тут нужно какое-то разграничение, иначе получается и странно и неубедительно. Письмо Ваше в редакцию «Н<ового> р<усского> с<лова>» я прочел уже после того, как отправил Вам предыдущее письмо, т.ч. высказаться о нем могу только сейчас. Скажу откровенно, что оно не произвело на меня приятного впечатления... Прежде всего, Вы в нем очень резки... Вы пишете в письме ко мне: «имею ли я право кого-то учить?!» – а между тем сами резко поучаете Рафальского. Уж если «не иметь права учить», то вообще никого, не только друзей, но и врагов. Затем в Вашем письме в редакцию много, на мой взгляд, преувеличений. Неужели Вы серьезно считаете, что Одоевцевой может «гордиться русская (даже не эмигрантская, а вообще русская, от Державина до наших дней!! – Д.К.) поэзия»?? И неужели Вы столь же серьезно считаете Одоевцеву «одним из больших имен русской (опять же всей русской!! – Д.К.) литературы»?? Вы попрекаете Ульянова, что он меня хвалит «через край», а сами поступаете совершенно так же в отношении Одоевцевой! С тою разницей, что Ульянов высказывает свое мнение, а Вы расписываетесь за всю русскую литературу! Столь же преувеличено, по-моему, и Ваше утверждение, будто «смерть Г.Иванова зарубежная литература в целом до сих пор переживает болезненно». И здесь Вы расписываетесь за всех! Думаю, что, кроме единиц (Вы в их числе), никто ее, эту смерть, болезненно не переживает. Из другой области, но тоже, на мой взгляд, весьма спорно Ваше утверждение, что Одоевцева «соединяет гумилевское время с нашим одичанием» (одичанием!!! –

Д.К.). В письме ко мне Вы добавляете, что на О<доевцовой> «ответ Гумилева и той блестящей эпохи»³. Воля Ваша, но никакого «соединения» и «ответа» (кроме чисто внешнего) я не вижу и никакой внутренней связи О<доевцовой> с Гумилевым не ощущаю. Она любит сама об этом «ответе» твердить, при каждом удобном и неудобном случае напоминая, что она была любимой (так ли? А если и так – это ничего не доказывает) ученицей Гумилева, что он сказал ей (сказал ли?) то-то и то-то, но ведь отсюда до подлинного ответа, право же, далеко! Одоевцева греется в лучах Гумилева, но на ней я никакого гумилевского ответа не вижу. И почему Вас этот ответ волнует, когда Гумилева Вы, судя по Вашим прежним ко мне письмам, не жалуете? И как можно говорить о «нашем одичании»??? Ведь даже с Вашей же точки зрения был еще вчера столь восхищающий вас Г.Иванов, есть сейчас хвалимый Вами же Моршен и т.д. и т.д. Неужели Одоевцева сейчас единственный поэт, а все остальные – *untermensch*'и⁴?

Добавлю тут же, что я отнюдь не плохого мнения о стихах Одоевцовой, хотя и не большой их поклонник.

Судить о статье Ульянова обо мне⁵ я, как заинтересованное лицо, не могу. Мне кажется только, что, за исключением концовки, он не более хвалебно высказался обо мне, чем Вы об Одоевцовой. Статья эта, конечно, многим пришлась не по вкусу, и я предчувствую, с каким сладострастием Терапиано в будущей рецензии о №59 «Н<ового> ж<урнала>» сразу же расправится с двумя своими «врагами» – мною и Ульяновым! Но вот Струве просил меня даже довести при случае до сведения Ульянова, что он согласен решительно со всеми положениями и выводами его статьи. Он считает ее только слишком краткой. Тут все, конечно, дело вкуса! Кто любит мои стихи, тому статья нравится, и наоборот. Вам она не нравится потому, что Вы... не любите моих стихов. В Ваше хорошее (как Вы пишете) отношение ко мне (как к поэту) я, откровенно говоря, не верю. Если Г.Иванов сыграл в Вашей жизни такую огромную роль, всю ее, как Вы выразились, перевернул (не поэтическим же своим мастерством перевернул – оно одно не переворачивает, – а своим миропониманием), то мои стихи Вам нравятся не могут, а следовательно, хорошо относиться ко мне как к поэту Вы тоже не можете, т.к. я и Г.Иванов – антиподы. Вам, вероятно, нравятся у меня отдельные образы, та или иная игра мыслей и т.п., но внутренней связи с моей поэзией у Вас нет и быть не может. Я это давно знаю, и, как видите, это не влияет на мое к Вам отношение. И защищать меня (как Вы обещаете) Вы, конечно же, никогда не станете, и не только от Одоевцовой, но и от Терапиано и даже от Трубецкого. Не станете потому, что нет у Вас в этом душевной потребности. И уж если защищать, то ото всех, и от тигров тоже, а не от одних ша-

калов. Зачем мне нужна защита от шакалов!?! Повторяю, дорогой, я на Вас никак не в обиде! У каждого свой вкус и свои литературные симпатии.

Да, вот еще что: мне непонятно, как могут стихи Г.Иванова «перевернуть» чью-либо жизнь, т.е. сообщить ей какое-то новое действительное содержание? По-моему, они могут ее только выхолостить. Что может «перевернуть» серная кислота? Она может только выест то, чего она коснется. Это уже не событие, а несчастье...

Сердечный привет!

Д.Кленовский

¹ Ржевский Л. Двое на камне. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1960.

² Иваск в то время получил грант на поездку в Европу, чтобы собрать материалы для исследования по акмеизму, и записывал на магнитофон воспоминания современников.

³ См. об этом подробнее: «...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975). С.398-518.

⁴ низшая каста (нем.).

⁵ Ульянов Н. Д.Кленовский // Новый журнал. 1960. №59. С.121-126.

Дорогой Владимир Федорович!

И Вам спасибо за письмо искреннее, живое, горячее (я ведь именно это все в Вас особенно и ценю!). Обижаться (как Вы опасаетесь) просто не за что. Но поговорить еще немножко есть о чем. Но только, ради Бога, не вытаскивайте у меня «линейки» из рук! «Линейка» – вещь полезная! Ею раньше еще и по пальцам били, и часто за дело. Если я, как Вы говорите, в поэзии высоко взлетаю, а опускаюсь (это уж я говорю) на парашюте, не разбивая себе при этом под общий хохот лба, то это только потому, что в моем высотном коктейле есть ложка осторожности и здравого смысла, качеств в поэзии при всяческих безумствах совсем не лишние. Благоразумие не должно, конечно, отяжелять поэзию, но должно предохранять ее от газообразного состояния. И вообще: в мыслях я «фантаст», а в деталях – реалист. Я могу высказаться в моих стихах не по-земному, но у меня никогда не будет в первой строке сиять солнце, а в четвертой идти дождик или астры цвести одновременно с яблонями, как это нередко случается у наших сегодняшних поэтов. Я против неправдоподобия в земных деталях, ибо земля есть земля, и я, пока я на ней, подчиняюсь ее законам. Но «парить» над нею я могу как мне

заблагорассудится. Вот почему, поскольку Вы рассуждаете о делах земных, я и вытаскиваю линейку, делю и вычитаю. Ведь мы с Вами в предыдущих письмах не о стихах спорили, а о поступках. Поэзия – это дело, если так можно выразиться, взезное, а поступки – дело земное, и критика их тоже. Поэтому нет ничего удивительного в том, если в поэзии я, как Вы выразились, «проникаю иногда в недо-ступное», а в критике (притом не поэзии!) делю, множу, вычитаю.

Вы говорите, что любите поэзию «в любой форме и независимо от содержания». Подписываюсь под этим двумя руками с единственной оговоркой, что содержание поэзии не должно оскорблять мою душу (дразнить – может, вот почему, например, «1943 год» Моршена мне очень нравится). Г.Иванов единственный русский поэт, которого я, при всех его талантах, не приемлю. Не приемлю именно потому, что он оскорбляет меня, и притом не только как христианина (хоть и плохого), но и как человека. Сказано: всякая хула простится человеку (т.е. даже хула на Бога), но хула на Духа Святого не простится человеку. А поэзия Г.Иванова именно прежде всего хула на Духа Святого, отражение коего, пусть и в обезображенном виде («я знаю: мир обезображен...») – Д.К.), есть и в нашем мире и в каждой человеческой душе. Пока я не уверен в том, что мир обезображен Богом, а не человеком, я не имею права хулить Духа Святого в мире и в человеке. Оправдывать Г.Иванова, вытягивая (за волосы!) единичные и сомнительные примеры обратного из его стихов, – занятие неубедительное. Т.ч. тут дело уже не в линейке, а в чем-то более серьезном. Между Некрасовым и Фетом нет той (сказал бы я) бездны, какая существует между Г.Ивановым и любым русским поэтом, в том числе и Кленовским. Вот почему нельзя принять и того и другого, а нужно между ними выбрать, иначе это недостойно человека: либо дьяволу поклонись, либо Богу. Можно признавать существование обоих, но поклоняться можно только одному из них. Ведь дело тут не только в художественных мазках, но и в исповедании, в символе веры.

Что касается «жанра» (письмо в редакцию, мол, одно, а статья – другое), то я тут разницы не вижу. Отвечаете Вы одинаково и за то и за другое. Безразлично, из какого Вашего «жанра» будут, скажем, цитировать – сказано было Вами, и топором не вырубить. Разве Вы рискнете возразить, что письма в редакцию пишете, мол, под аффектом, что ли, и за них не отвечаете? Даже из личных писем могут процитировать (Березов так делает). Т.ч. тут нужны осторожность и чувство ответственности. Вам, дорогой, вообще свойственно подчиняться настроению, минуте. В этом Ваша прелесть, но и слабость. Это свойство хорошо в стихах, но не в критике, там – увы! – надо владеть собой.

Насчет концовки статьи Ульянова обо мне вполне с Вами согласен (я это отметил уже и в предыдущем письме). Непонятно мне

только, что Вы имеете в виду, когда говорите о «подозрительности» статьи? Подозрительны бывают взаимные похвалы, а я никому, в том числе и Ульянову, не могу «заплатить» такой взаимностью за расположение ко мне.

Что касается моей полемики с Терапиано в «Н<овом> р<усском> с<лове>»², то хочу напомнить Вам, что началась она, в сущности, по той же точно причине, как и Ваш спор с Рафальским: я заступился за тех поэтов-новоэмигрантов и не-парижан (Елагина, Анстей³, Моршена, Лидию Алексееву и др.), которых в то время парижская критика в лице Терапиано и Померанцева (я говорил в статьях об обоих) не только игнорировала, но и преследовала (Алексеевой Терапиано в рецензии советовал совсем перестать писать стихи!). О себе самом я в моих статьях не сказал ни единого слова, хотя Терапиано игнорировал и меня. Терапиано же перевел свои ответы на мою статью в плоскость нападков на меня как на поэта (с моими стихами он, мол, не знает что делать, каждая моя новая книга хуже предыдущей и т.д.) и с тех пор не перестает вообще задевать меня при каждом удобном случае. Воображаю, в каком виде представил он это дело в Ваших глазах, вероятно, свел все к тому, что мои статьи были личной мстью за его ко мне невнимание.

Вы говорите, что поэтам надо заступаться друг за друга, – именно так я и поступил, но Вы этого не заметили и сомневаетесь, кто прав. Из-за любви к стихам Г.Иванова Вы подпали теперь под влияние его «душеприказчиков». Между тем от обоих я слышу, притом и из Парижа, самые отрицательные отзывы. В частности, никто Одоевцеву не заклеывает – она сама всех заклеывает, прошлогоднее ее выступление против Л.Алексеевой – верх гнусности, явная попытка уничтожить соперницу. Теперь Одоевцева разными махинациями всячески выпячивает себя. О ней пишут в «Р<усской> м<ысли>» какие-то подставные лица, а то, как я слышал, и она сама и Терапиано под разными псевдонимами, внезапно возникающими из небытия (Аристарх, Ариэль, Шехеразина⁴), – если Вы читаете «Р<усскую> м<ысль>» – могли бы это заметить. Высказываться против себя в «Р<усской> м<ысли>» они никому не дают, никакие письма в редакцию на этот счет, не говоря уже о статьях, не пропускаются. Картина довольно непривлекательная, и грустно, что как-то и Вас сумели в это дело вовлечь, пользуясь Вашей любовью к стихам Г.Иванова и Вашим благоговеньем перед его памятью. Об этом не я один жалею.

Ну хватит. Перейду к делам семейным. Посылаю Вам новейший снимок, сделанный с нас этим летом Глебом Струве на балконе нашей комнаты в старческом доме. Снимок этот – образчик того, сколь обманчива бывает внешность: жена на ней во время краткого пребывания дома между двумя операциями. Она удивительно умеет вла-

деть собой и скрывать свои боли и недуги. Сейчас она с трудом выкарабкивается из очередной сердечной неприятности.

Иваск до меня еще не добрался, обещает после 5 сент<ября>. Но магнитофон его сломался, т.ч. «увековечить для потомства» меня нечем. Предлагает подвергнуться этой операции в Америк<анском> комитете в Мюнхене. Но мне съездить туда накладно, да и всей этой затее я не придаю значения.

Чиннов подготавливает к печати второй сборник стихов⁵, но выходит ли он в «Рифме» или в издании автора – не знаю.

Мой хороший знакомый из Швеции, побывавший в Ленинграде и посетивший там в больнице Ахматову, писал мне, что она очень сердита на Г.Иванова за его «Петербургские зимы» (вероятно, потому, что там много вранья)⁶. Остальное из его с нею разговора было напечатано в русской зарубежной прессе⁷ и Вам, вероятно, известно.

Мои отношения с «Н<овым> ж<урналом>» (точнее, с Гулем) восстановились, и новые мои стихи пойдут в №61⁸. Будут они и в №5 «Мостов»⁹.

Как В<аше> самочувствие? Слышал от Глеба Петровича, что Вы хвораете. Рано Вам болеть, лечитесь хорошенько, не запускайте! Наилучшие на этот счет пожелания! Дайте о себе знать!

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Заглавная строка стихотворения (1951) Кленовского из сборника «На встречу небу» (Франкфурт-на-Майне: Иверни, 1952. С.9).

² Кленовский Д. Поэзия и ее критики // Новое русское слово. 1956. 16 сентября, №15786. С.2, 8. Кленовский Д. Чего хочет поэт от критики // Новое русское слово. 1956. 23 декабря.

³ Анстей Ольга Николаевна (урожд. Штейнберг, в первом браке Матвеева; 1912–1985) – поэтесса, переводчица, осенью 1943 эмигрировала с мужем И.Елагиным из оккупированного Киева в Германию, в мае 1950 уехала в США, сотрудник отдела русских переводов ООН (в 1960–1972).

⁴ Марков высказал это предположение в письме Одоевцевой, и та в ответ написала:

Ваше письмо меня так удивило, что я должна сейчас же постараться выяснить, за что, собственно, Вы меня «дружески ругаете» и где и когда Вы слышали или читали, что я произвела Аронсона «чуть ли не в лучшие эмигрантские критики»? Нигде и никогда (даже в письмах) я о нем ничего не писала. Имя его здесь воспроизвожу здесь письменно впервые. Другое дело, что я считаю его никаким критиком и болваном, но даже мнения такого я, кажется, и в разговорах не высказывала – за слишком ясной очевидностью его, вроде «Волга впадает в Каспийское море». Но – и тут я холодею – что-то о нем чрезвычайно лестное припоминаю, подписанное некой Зинаидой Шех..., Шах... или Ших-разевой или -разниной, не помню. Неужели

же, неужели и Вы приписали мне ее писание? О, Господи! Здесь в Париже пущен был этот гнусный слух, но я никак не предполагала, что он мог долететь до Америки. Нет, клянусь памятью Г<еоргия> В<ладимировича>, никогда я не подписывалась Ших-, Шах- или как ее там. К тому же она, если помню, восхищалась моей статьей (что вряд ли я, при каких бы то ни было обстоятельствах, могла сделать) и ругала Оцупа (тоже вполне немыслимый для меня поступок).

(«...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову. С.475-476).

Зинаиду Шекаразину не очень успешно пытался пристроить в «Русскую мысль» Ю.Терапиано, о чем написал Маркову 12 ноября 1962 г.: «Зинаида Шекаразина – не псевдоним, а живое лицо; она живет на юге Франции и мне, по бабушке, доводится дальней родственницей. Хотел дать ей возможность писать, но она – увы! – сразу же наступила многим на хвосты, и по стилю ее стали принимать за И<рину> В<ладимировну> – пришлось “прекратить” (чего она мне, конечно, не простила)» («...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966). С.367).

⁵ Чиннов И. Линии: Вторая книга стихов. Париж: Рифма. 1960.

⁶ О мемуарах Георгия Иванова Ахматова отзывалась исключительно негативно, см., например, ее письмо к А.Ранниту: «В них нет ни одного слова правды» (Ахматова А. Соч.: В 2 т. Вашингтон, 1968. Т.2. С.304).

⁷ В письме Иоанну Шаховскому Кленовский также упоминает посещение Ахматовой его шведским другом (*Шаховской Иоанн, архиепископ*. Переписка с Кленовским. С.105).

⁸ В подборку под названием «Четыре стихотворения» вошли стихи Кленовского «Когда я перед зеркалом стою...», «На италийском мраморе плиты...», «Мы потому смотреть на небо любим...» и «Есть русское слово “родная”...» (Новый журнал. 1960. №61. С.63-66).

⁹ В подборку вошло шесть стихотворений (Мосты. 1960. №5. С.13-19).

Дорогой Владимир Федорович!

Получил Ваше письмо. Хлопоты и неприятности с переездом – это еще туда-сюда. А вот почему Вы «не верите в себя»? Еще в предыдущем, прошлогоднем, письме Вы жаловались, что новая (почему именно новая?) эмиграция Вас не признает. Почему Вы так думаете? Признание Ваше, по-моему, всеобщее. «Гурилевские романсы» создали Вам в свое время имя и удержали его за Вами несмотря на то, что Вы уже много лет стихов не публикуете. Унывать, по-моему, никак не следует, но если Вы хотите сохранить свое имя как поэта – надо, конечно же, писать стихи. Жить процентами со старого поэтического капитала трудно.

Не знаю, удастся ли мне вообще познакомиться с Вашей статьей в №2 «Воздушных путей»¹. Для покупки они слишком дороги, а сумею ли их где раздобыть – не знаю. Между тем тема статьи (как я слышал: о свободе в поэзии?) меня особенно интересует. Мандельштам тоже чрезвычайно меня интересует, я его люблю.

Очень порадовало меня сообщение Н.Н.Берберовой, что летом выходит издаваемый ею сборник стихов Ходасевича на 240 страницах². Думаю, что Вы его почти не знаете, и, в свою очередь, интересуюсь, какое он произведет на Вас впечатление. О планах издания в очень полном виде Гумилева³ и Волошина⁴ Вы, вероятно, слышали.

Мы с женой живем по-старому: донимают нас (и постепенно все сильнее) разные наши хронические недуги. Разница только в интенсивности болей, а без них вообще дня не проходит.

Думаю к Рождеству издать новый сборник. Стихов для него, и притом с отбором (с моей точки зрения, конечно), достаточно. Деньги на это дело опять дают заимообразно мои друзья. Но беспокоит меня вопрос распространения книги, чрезвычайно для меня важный, ибо «меценаты» мои – люди весьма слабого достатка, и нужно побыстрее вернуть им долг. Раньше меня в этом отношении всегда выручал Родион Березов, продававший безвозмездно от 100 до 150 экз. каждой книги. На этот раз он забастовал под тем предлогом, что уходит на пенсию и на покой, но дело, конечно, не в этом: ему как убежденному баптисту, а следовательно, и тем кругам, где он распространял мои книги, не подходит мое миропонимание, он уже не раз мне за это выговаривал. Я даже было думал в связи с «исчезновением» Березова вообще отказаться от издания книги, поскольку расплата с кредиторами оказалась под большим сомнением, но, узнав об этом, кое-кто из добрых моих знакомых в USA вызвался мне помочь и по мере сил заменить Березова. Решил поэтому рискнуть.

Посылаю снимок, сделанный с меня знакомым фотографом-любителем этой весной. Волос все меньше, морщин – все больше...

Поджидаю к себе летом Ржевских и еще кое-кого.

Как Вы относитесь вот к такому вопросу: Берберова недавно писала мне, что она за последние годы «пережила большой кризис» и теперь «совсем иначе судит о поэзии». Рифмы для нее в новой поэзии «не звучат», а старой она их может «только прощать». «Ради рифм (пишет Б<ерберова>) русская поэзия стала не тем, что обещала быть». «В русской поэзии (продолжает она) есть старая безрифменная традиция, которую почти никто не чувствует. Таких людей, как Семена Боброва (??? – Д.К.) и других прекрасных поэтов XVIII века, не только забыли, но раз навсегда обругали, а между тем какое в них великолепие!» Акмеисты, по мнению Б<ерберовой>, «не состоялись» именно потому, что «в форме были реакционнее символистов. Внутри строки почти ничего не было сработано, все приносилось в

жертву рифме, которая стучала себе и стучала, глуша все остальное». «Белые стихи (заканчивает Б<ерберова>) для меня сейчас отрада дней моих суровых». Эти мысли (как пишет Б<ерберова>) будут отчасти в ее статье о задачах критика, которая идет в №64 «Н<ового> ж<урнала>»⁵, – что Вы на все это скажете? Мне представляется, что стихи белые и стихи рифмованные могли бы мирно «сосуществовать», и стирать последние с лица земли нет надобности. Душа некоторых стихов может жить только в белых стихах, других – не может в них воплотиться. Я не против белых стихов, но полагаю, что подлинная стихия русской поэзии – рифмованная, хотя бы уже потому, что ни в каком другом языке нет такого богатства рифм и такого пиршества ассонансов. Потому-то белые стихи прививаются хуже всего в русской поэзии, в то время как в других они стали повседневностью. Притом белые стихи в современном их на Западе проявлении лишились не только рифм, но и ритма и тем становятся почти вне поэзии, изменив ритмической магии стиха.

В издающемся в Бразилии эзотерическом журнале «Звоны Китежа» была статья с оценкой моей поэзии именно с этой точки зрения, и таким образом внимание впервые было сосредоточено на основной, на мой взгляд, теме моей поэзии. Если интересуетесь – дайте знать, могу прислать в копии на прочтение.

Сердечный привет!

Д.Кленовский

¹ Марков В. О свободе в поэзии // Воздушные пути. 1961. №2. С.215-239.

² См. примеч. 14 к письму 41.

³ Гумилев Н. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. Вашингтон, 1962–1968.

⁴ Дело с более или менее представительным изданием Волошина затянулось, и появилось оно на свет лишь два десятка лет спустя: Волошин М. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Общ. ред. Б.А.Филиппова, Г.П.Струве, Н.А.Струве. Париж: YMCA-Press, 1982.

⁵ В статье «Великий век» (Новый журнал. 1961. №64. С.119-140) Берберова не без высокопарности пропагандировала некоторые идеи и взгляды американской «новой критики». 7 июля 1961 Г.П.Струве писал об этом Маркову: «Да, статья Берберовой произвела и на меня странное впечатление. Впрочем, дело, мне кажется, объясняется довольно просто: она впервые вдруг познакомилась с англосаксонской “новой критикой” (м.б., из лекций Веллека или бесед с ним – он ведь возглавляет там Отдел сравнительной литературы и славянских литератур), а отчасти и с современной англосаксонской поэзией, и, не переварив всех этих свалившихся на нее “откровений”, пустилась делиться ими с читателями (может быть, не без мысли эпатировать их)» (Собрание Жоржа Шерона, Лос-Анджелес).

2 июля <19>61

Дорогой Владимир Федорович!

Письмо Ваше получил. Сердечное спасибо за доброе намерение помочь в распространении будущей моей книги! Если не подведет Никита¹, выйдет она вероятно сразу же после Рождества. Спасибо и за намерение побудить Гринберга прислать мне №2 «Возд<ушных> путей». Его, конечно, никто к этому не обязывает, тем более что он заплатил мне (кажется, единственному из всех авторов) за стихи в №1.

Статья обо мне из «Звонов Китежа» (и я терпеть не могу китежных названий) придет к Вам вскорости (я уже распорядился на этот счет) оттуда, где она сейчас находится, совершая небольшое турне по Америке. Куда ее направить в дальнейшем – дам Вам знать. Журнал этот сугубо теософский, а потому мне с ним не очень по пути, мне ближе антропософское миропонимание (разница весьма существенная). Уточню, что убежденным антропософом я не являюсь, но ряд основных положений этого учения представляется мне наиболее правдоподобным и осмысленным ответом на многие загадки бытия.

Я слишком скромнен, чтобы открыть моим портретом полное собрание моих сочинений. Он предназначен для 14<-го> тома, куда войдет переписка с друзьями и отрывки из записных книжек.

Ваше непостоянство в литературных вкусах меня радует. Лыщу себя надеждой, что годам к семидесяти Вы откроете... Кленовского. А вот я в литературных вкусах неизменно постоянен. И я радуюсь каждому поэту, у которого нахожу хоть несколько радующих меня стихотворений. Говоря об отсутствии ритма в верлибрах, я не обобщал, а имел в виду попавшиеся мне на глаза стихи немецких современных поэтов. Кстати, Celan перевел на немецкий (и издал) кое-что из Есенина². Выбор как будто мало удачный (в числе другого поэма о бакинских комиссарах). Немецкие критики попрекают С<elan'a> в том, что он Есенина celan'изировал, усложнив его фактуру стиха.

Получил все-таки (говорю «все-таки», ибо в другие поэтические адреса книга разослана давным-давно) сборник Одоевцевой³. Слышал о нем много хорошего, а потому прочел бережно и без sentiments⁴. Однако своего «прохладного» отношения к О<доевцевой> не изменил. Стихи ее меня не радуют, не волнуют, мне как-то нечего с ними делать. Я ценю, конечно, их пеструю вязь, в них много разнообразия, занятости, немало разного рода удач и находок, но все они словно как-то ни к чему. Совсем неприятны мне ее вопли к читателям, заверения, что она пишет только для них. Психолог объяснит это тем, что О<доевцева>, в прошлом имевшая как интересная женщина успех у мужчин, ныне, постарев, ищет компенсации по другой линии, вымаливая себе успех у читателей. Отсюда и вся рекламная вокруг нее шумиха, ею же подогреваемая. Замечу

еще, что с легкой руки «стихов во время болезни»⁵ (написанных, я уверен, после таковой) О<доевцева> страдает в своих стихах перманентным гриппом, что превратилось уже в приедающуюся манерность. Ну, совсем, конечно, Вас всем этим рассердил! Sans rancunes!⁵
Д.Кленовский

¹ Никита – возможно, помощник И.И.Башкирцева, поскольку речь идет о книге Кленовского «Уходящие паруса» (Мюнхен, 1962), которая печаталась в типографии Башкирцева в начале 1962.

² *Jessenin Sergej. Gedichte / Ausgewahlt und ubertragen von Paul Celan. Frankfurt am Main, 1961.* О взаимоотношениях Маркова с Полем Целаном (1920–1970) см.: *Birnbaum H. Parallels and contrasts, traces and echoes: further remarks on Mandel'shtam and Celan // Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov. С.24-39.*

³ *Одоевцева И. Десять лет: Стихи. Париж: Рифма, 1961.*

⁴ злопамятности (*франц.*).

⁵ Имеется в виду книга Одоевцевой «Стихи, написанные во время болезни» (Париж, 1952).

⁶ Забудем! (*франц.*).

Дорогой Владимир Федорович!

Получил сегодня одновременно В<аше> письмо и №2 «Воздушных путей» – величайшее спасибо, что добыли его для меня! Еще не успел, конечно, прочесть, заметил только, что Мандельштам на себя не похож, а Ахматова выглядит не так, как мне хотелось бы (раздобрела)¹. Тех, кого долго не видел, сохраняешь в памяти такими, какими они были, и потом огорчаешься, что это не так! А вот в Вашем письме меня огорчило Ваше предположение, что я представляю себе Вас (как Вы выразились) «более глуповатым, чем Вы есть»! Ну откуда Вы это взяли?!?! И чем дал я Вам повод так думать? Как будто тем (так оно выходит по Вашему письму), что я просил не сердиться на некоторые мои суждения. Как будто сердятся только глупые люди! Вы, между прочим, не раз уже сердились и на меня, и на других, но это никак не признак глупости, а того литературного темперамента, который я в Вас как раз очень ценю.

Вы как-то серьезно отнеслись к слишком щедрому высказыванию обо мне г-жи Коноваловой (Скопиченко – ее псевдоним, она автор и участник разного рода спектаклей в Сан-Франциско)². Мало ли кто и как, справедливо или несправедливо, обо мне судит! Из подобных суждений я себе венков не плету, но и ответственности за них не несу. Статья из «Звонов Китежа» заинтересовала меня только пото-

му, что в ней впервые дана оценка моим стихам с точки зрения их эзотерической сути, и только поэтому она и попала кое к кому на прочтение. И ее лавровых листьев даже в борщ не кладу (такового, впрочем, на обед не получаю). Когда Вы пишете: «не такой критики Вы заслуживаете» – я несколько недоумеваю... Почему же все-таки «заслуженной» мною критики нет и высказываются обо мне как будто не те, кому следовало бы? Разгадка может быть отчасти в том, что организацией прессы перед выходом моих книг я никогда не занимался и не буду заниматься, считая это занятие не совсем приличным. Высказывались всегда кому вздумалось. А вот, чтобы не ходить далеко, у Чиннова книга³ еще только набиралась, а статьи о ней были уже написаны (а то и набраны: Вейдле в «Мостах»⁴), и притом как раз теми, что надо: Терапиано, Адамович⁵, Вейдле, а там, гляди, и Иваск подоспеет. Словом, все феи в генеральском литературно-критическом чине принесли к колыбели свои подарки. Я Чиннова как поэта очень ценю (Вы, кажется, не очень?), и я не против похвал ему, но организационная сторона этого дела весьма прозрачна (повторение того, что было и с Одоевцевой): хлопоты, просьба, в результате чего пишут и кто надо и как надо. А вот с Присмановой, которую я ценю куда выше и Чиннова и Одоевцевой, не то получилось: ни одна литературно-критическая фея не подошла к ее могиле и не произнесла достойного надгробного слова; приходится радоваться, что хоть младшая ее сестра по перу Таубер⁶ высказалась на страницах №64 «Нов<ого> журн<ала>»⁷. А как будто Присманова заслужила лучшие похороны. Не знаю, какие будут у меня похороны, наверное, не хуже, ну а к колыбелям феи со щедрыми подарками не подошли, за исключением одной: злой (Терапиано). Возможно, что я лучшего и не заслужил!

Статью из «Звонов» пошлите, пожалуйста, по нижеуказанному адресу, приложив записочку, что делаете это по моей просьбе: Ms O. Ulyin 3760 Clay st. San Francisco 18, Calif. (Ольга Александровна Ильина).

Сердечный привет! Не забывайте!

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Фотографии Мандельштама и Ахматовой, напечатанные во втором номере альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1961), сопровождали публикацию 57 стихотворений Мандельштама и «Поэмы без героя» Ахматовой.

² Ольга Алексеевна Скопиченко (по мужу Коновалова; 1908–1997) – литератор; дочь белого офицера, с 1923 в эмиграции в Китае, в Харбине окончила русскую гимназию и училась на юридическом факультете, с 1928 жила в Тяньцзине, потом работала на табачной фабрике в Шанхае; 1945–1946 годы провела в эвакуационном лагере на о. Тубабао; в 1947 вышла замуж за

Бориса Михайловича Коновалова и уехала с ним в Сан-Франциско, где работала в газете «Русская жизнь».

³ Чиннов И. Линии: Вторая книга стихов. Париж: Рифма. 1960.

⁴ Вейдле В. О поэтах и поэзии // Мосты. 1961. №7. С.133-147.

⁵ Адамович Г. Стихи Игоря Чиннова // Новое русское слово. 1961. 4 июня.

⁶ Екатерина Леонидовна Таубер (1903–1987) – поэтесса, с 1920 в эмиграции в Белграде, участница Литературного кружка имени М.Ю.Лермонтова, русско-сербской литературной группы «Ступени», белградского филиала литературного объединения «Перекресток» (с 1928), кружка «Литературная среда» (с 1934), с 1936 во Франции, преподаватель русского языка в Каннском лицее (1955–1971).

⁷ Имеется в виду посвященная памяти А.Присмановой статья: Таубер Е. Розы или рожь // Новый журнал. 1961. №64. С.151-158.

50

12 сент<ября 19>61 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Рад был Вашему письму. Ваши «одностроки»¹ меня, признаться, очень заинтриговали, и за присылку их на прочтение буду весьма признателен. Удивлен я только, что Вы, ратовавший за большие полотна², стали вдруг миниатюристом! Я как-то не могу себе представить, как можно в поэзии обойтись одной строкой! Когда-то четырехстрочные «танки»³ считались пределом лапидарности. Любопытно будет очень познакомиться с Вашим *tour de force*⁴.

Рекомендовать я могу (и очень!) типографию Башкирцева, Ивана Ивановича, в Мюнхене. (Y.Baschkirzew. Buchdruckerei. Hofangerstr. 73. München 8). У него по моей рекомендации печатали свои книги С. Маковский⁵, Филиппов⁶, Лидия Алексеева⁷, Глеб Струве («Лебединый стан»⁸), Берберова (Ходасевич⁹) и др. Все были очень довольны. Человек он вполне надежный, цены у него недорогие (это подчеркнула в письме ко мне Берберова, избравшая именно Башкирцева после переговоров с разными типографиями в USA и Париже), выполнение заказов не затягивает и именно в издании стихов приобрел уже некоторый навык. К тому же он любит стихи и сам их (весьма наивно, конечно) пописывает. Никого не называя, я запросил его после В<ашего> письма, возьмет ли он сейчас такой заказ, и он ответил: «очень рад получать работы от поэтов, т.к. при этих работах душа отдыхает от мрази политической» и добавил в «стихах»:

Там, в политике холодной,
 Нету чувства, все расчет,
 А в поэзии свободной
 Чувство красками цветет.

Я, строча стихи чужие
 На машине, из свинца,
 Чую в них тона родные,
 Капли крови из Венца.

Ей-богу, трогательно! – Мою новую книгу¹⁰ он набрал за 3 дня. Т.ч. весьма и весьма его рекомендую. Напечатать у него книгу «моего» объема, формата и качества бумаги и обложки при тираже в 700 экз. обойдется около 800 марок, т.е. 200 дол<ларов>, но едва ли кто печатает таким высоким тиражом, т.ч. будет дешевле, да и формат можно взять меньший. Договариваясь с Б<ашкирцевым>, пусть поэт предупредит, что пишет ему по моей рекомендации.

Насчет «одобрения» и «ободрения» у Чиннова Вы это очень верно заметили. Читали ли Вы №7 «Мостов»? Там еще и Вейдле спел ему панегирик... «Мастерство, которое выше мастерства»¹¹!! И дался ему, Вейдле, почему-то чинновский «Иван Иваныч»¹² с восемью глагольными рифмами в 14 строках (я не против таких, но в меру) и довольно курьезным «рыданием смерти» над гибелью полнейшего человеческого ничтожества! Ну а насчет организации хвалебных откликов от Чиннова не отстала Одоевцева. В «Рус<ской> м<ысли>» была ведь даже вторичная подвальная рецензия (Иваска). Как Вам понравилась «лимонадная» ее концовка? Думаю, что Иваск сослужил ею Одоевцевой плохую службу! Хотя и «вкусным», но все же быть лимонадом в литературном баре не очень-то лестно. Перед страшным судом тем более. Тут бы водички живой испить! Кстати, об организации рецензий: мое неизменное и святое правило их не организовывать. Никогда этим не грешил, предоставляя все случаю и доброй воле. Потому, вероятно, и рецензии о моих книгах в газетах были случайные и поверхностные (Биск, Завалишин, Филиппов). А о «Прикосновениях» в «Нов<ом> ж<урнале>» и вовсе рецензии не было¹³. Но вообще-то я на отклики жаловаться не могу: никто меня, действительно, никогда не обидел. Только Терапиано не только всегда ко мне придирался по мелочам, но и старался сказать что-нибудь неприятное (отчасти durch die Blume¹⁴, как выражаются немцы, но все же) – он явно меня не переваривает.

Статью обо мне перешлите, пожалуйста, по такому адресу (без всяких добавочных объяснений): Mr A.Rannit 87-25. 169 st. Yamaica 32, N.Y.

Что «ратуете» за Моршена – всячески приветствую и всецело разделяю Вашу оценку. И с Вашим определением Чиннова согласен. Сердечный привет! Пишите!

Д.Кленовский

¹ В это время Марков собирал материал для статьи «Одностроки» (Воздушные пути. 1963. №3. С.243-258).

² В.Марков и впрямь несколькими годами раньше сокрушался о том, что поэты стали пренебрегать жанром поэмы, и призывал к большой форме. См.: *Марков В. О большой форме. С.174-178.*

³ Настоящие японские танку насчитывают пять строк. Кленовский имеет в виду однострофники в четыре строки, считавшиеся наиболее лапидарными в классическом русском стихосложении.

⁴ Здесь: трюк, упражнение (*франц.*).

⁵ *Маковский С. В лесу: Седьмая книга стихов. Мюнхен, 1956.*

⁶ В типографии Башкирцева были напечатаны к 1961 два первых сборника Филиппова: «Ветер Скифии: Стихи 1942–1959 гг.» (Вашингтон, 1959) и «Непогодь: Стихи 1942–1960 гг.» (Вашингтон, 1960) и позже еще несколько.

⁷ Начиная со второго сборника стихов, все книги Алексеевой печатались в типографии Башкирцева.

⁸ *Цветаева М. Лебединый стан: Стихи 1917–1921 гг. / Пригот. к печ. Г.П.Струве; С вступ. ст. Ю.П.Иваска. Мюнхен, 1957.*

⁹ *Ходасевич В. Собрание стихов (1913–1939).*

¹⁰ *Кленовский Д. Уходящие паруса. Мюнхен, 1962.*

¹¹ В.Вейдле, восхитившись строчками И.Чиннова «Видно, смерть сама рыдала / Близко к сердцу принимала / Человеческий удел», написал, завершая статью: «Одно уже высоко-лирическое преображение, в предпоследней строке, банальнейшего оборота речи говорит о мастерстве, которое больше, чем мастерство. Такие стихи нельзя не перечитывать много раз, хотя они и сразу – как уже сказано – безошибочно попадают в цель: вот в это бедное, упомянутое в них, человеческое сердце» (*Вейдле В. О поэтах и поэзии // Мосты. 1961. №7. С.147.*)

¹² Стихотворение И.Чиннова «Жил да был Иван Иванович...» В.Вейдле в своей статье привел целиком.

¹³ На пятую книгу стихов Кленовского «Прикосновенье» (Мюнхен, 1959) впрямь откликнулись только газеты, да напечатал рецензию Н.Станюкович (*Возрождение. 1959. №89. С.125-128.*)

¹⁴ иносказательно (*нем.*).

Дорогой Владимир Федорович!

Получил Ваши «одностроки» (спасибо!), прочел и переслал, как указали, дальше.

Поскольку послали Вы их мне, как сами выразились, «на забаву», отнесся к ним не слишком серьезно. Хочу пополнить Вашу коллекцию классическим (и притом таким певучим) одностроком: «Волга впадает в Каспийское море» и надеюсь, что за это Вы внесете меня в список лиц, содействовавших оформлению Вашего труда.

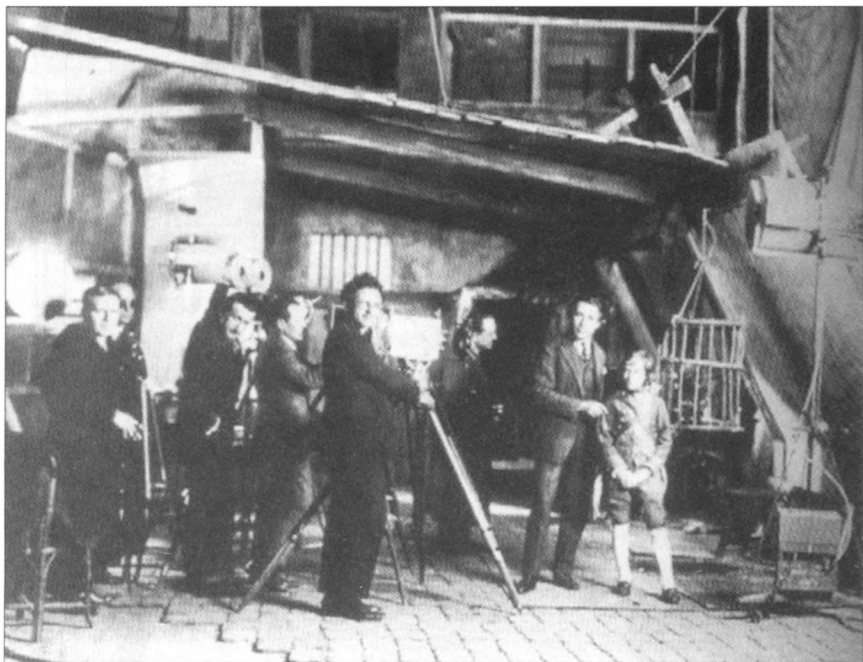

В.Вейдле 1912.

Фотография из личного дела студента СПб. университета.
ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.3. Д.60644

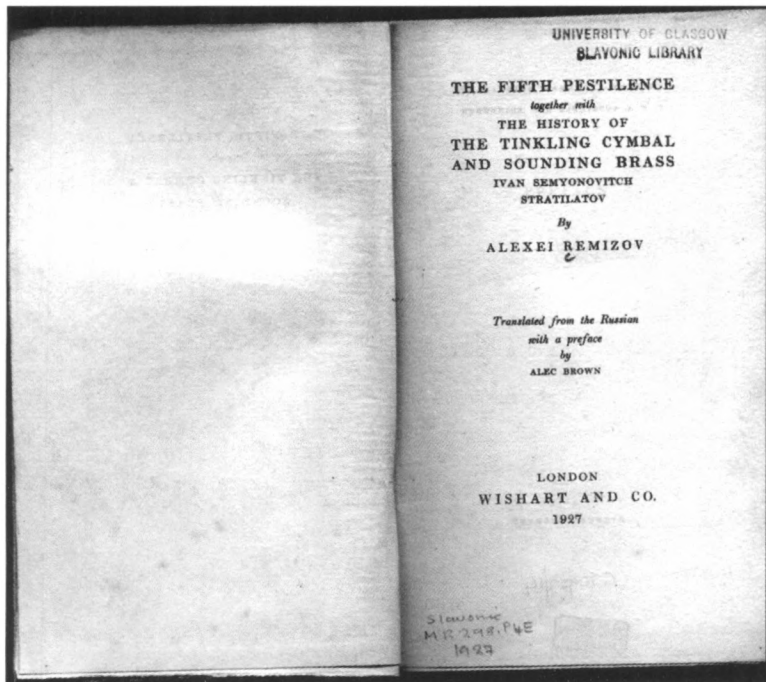
Венеция. Площадь Св. Марка. 1910-е годы

В Бийанкурской студии. 17 января 1925.
Абель Ганс ставит сцену с Володей Руденко,
который исполняет роль молодого Наполеона.
Слева направо операторы:
Эмиль Пьер, Жюль Крюгер и Жозеф-Луи Мундвиллер.

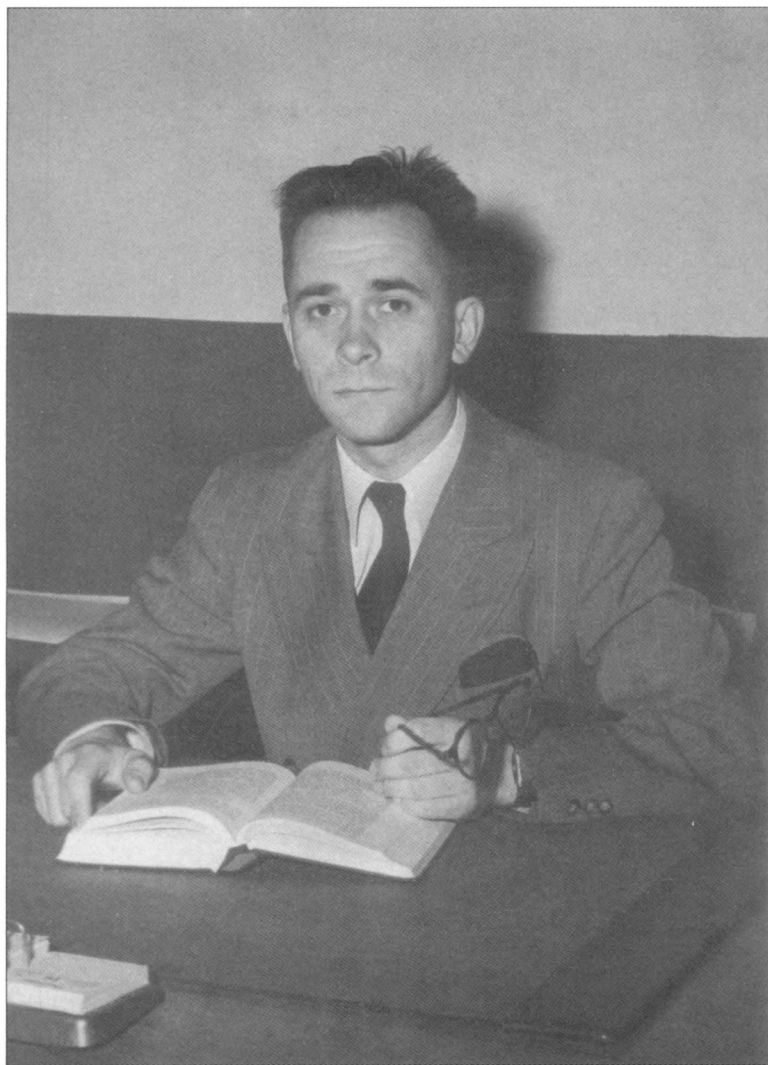
Шарж на В.Венгерова.
Художник MAD (М.А.Дризо). Берлин. 1924

Обложка книги А.Ремизова «Пятая язва». Лондон. 1927.

Д.И.Кленовский

Владимир Марков. Monterey. 1950-е.
Фотография из архива В.Ф.Маркова (Лос-Анджелес).

Владимир Ефимович Аллой
(1945–2001)

В заключение в порядке «дружеского шаржа» отвечаю на Ваши одностроки тоже одностроком из разряда «пародий и поправок»:

О, зарой свои бледные строки!¹

– и перехожу к текущим делам, пожелав и Вам перейти к текущей (а не высыхающей на первом же футе своего странствования!) поэзии, которая Вам часто так хорошо удавалась!

Думаю, что никакими литературными новостями Вас не удивлю. Вы, наверное, в курсе их. Ну, скажем, что вдова Ник<олая> Оцупа² издала двухтомник его стихов³ (честь ей и слава!). Или что дальнейший выход «Граней», по словам Тарасовой, под большим сомнением. Мой новый сборник печатается и будет, по-видимому, готов вскоре после Рождества.

Возможно, что удастся повидаться с Владыкой Иоанном Шаховским. Он пишет, что если его обратный путь в USA из Индии, где он сейчас на всемирном конгрессе церквей, будет пролегать над Европой – он приземлится в Траунштейне⁴.

Сердечный привет от нас обоих Вам и супруге! Слышал, что оба вы серьезно переболели. Надеюсь, что обошлось?

Ваш Д.Кленовский

¹ Пародия на стихотворение В. Брюсова «О, закрой свои бледные ноги...».

² Диана Александровна Карен, киноактриса, жена Н. Оцупа.

³ Оцуп Н. Жизнь и смерть: Стихи 1918–1958 гг.: В 2 т. Париж, 1961.

⁴ В изданной переписке Кленовского с Шаховским это письмо отсутствует.

8 июня <19>62

Дорогой Владимир Федорович!

Ваше письмо очень меня огорчило... Не суждениями о моих стихах, а Вашим упадочническим настроением. Вся причина Вашей душевной депрессии заключается, по-видимому, в том, что Вы потеряли веру в себя как в поэта. Если Вы не забыли, я уже неоднократно за эти последние годы пытался в письмах убедить Вас, что такие Ваши настроения преждевременны, что могут быть, и притом длительные, периоды молчания, из которых поэт выходит окрепшим и обновленным. Я лично, например, молчал 30 лет, и, как ни относиться к моим теперешним стихам, я в них, по сравнению со стихами моей юности, вырос и окреп. Вот и Елагин молчал почти 10 лет, его уже некоторые как поэта похоронили, а сейчас он, как видите, выступил со стихами, имеющими большой успех. Не буду повторяться, скажу только, что мои доводы в отношении Вас остаются в силе. Наконец, не надо быть обязательно превосходным поэтом,

можно быть превосходным критиком, литературоведом и проч. и проч. Вот Горький все жалел, что не может написать хорошего стихотворения, даже Ходасевича спрашивал, действительно ли его, Горького, стихи очень плохи? Ходасевич подтвердил, а Горький в ответ: «жаль, очень жаль... Всегда хотел написать хорошее стихотворение!»¹ Но почему, собственно, понадобились Горькому именно стихи?? У него была другая дорога. И перед Вами лежат вне поэзии превосходные литературные пути!

Что касается долгого отсутствия от Вас отклика на мою книгу, то я расценил это как Ваше отрицательное к ней отношение и, как вижу, не очень-то ошибся. Впрочем, замечания Ваши показались мне на этот раз как-то особенно неубедительными. Мне представляется, что Вы лишь наскоро пробежали книгу, в стихи не вникли и во многом не разобрались. Чем иначе объяснить чисто фактические ошибки в Ваших суждениях? Предположить, что Вы утратили чутье в некоторых элементах поэзии, было бы слишком огорчительно. Вы многое уразумели как-то (простите!) по-бытовательски, буквально. Ну вот, скажем, «этюд Шопена, строчка Блока»² – это ведь величина приближительная, примерная – не проводить же в стихотворении список всего любимого! Это не имена, а символ, образ, намек (так же как сирень и липа) – пусть читатель заменит их в мыслях чем хочет своим. И в другом стихотворении никак я не мечтаю, как Вам это показалось, о том, чтобы «от радости шалея, сложить наивнейшие строки»³. Это не мечта о будущем, а тоска по прошлому, по утраченному, по той юности, когда в таком настроении такое писалось (у меня ведь и сказано: «юность»). Вы проявили в этих двух случаях какое-то отсутствие воображения, фантазии, чего я именно от Вас не ожидал. Тут словно оправдались мои слова о том, что мои стихи «темны», т.е. не всегда и не во всем понятны. А ведь приведенные примеры относятся к самому в них ясному и очевидному! Что же тогда говорить о стихах с эзотерической сутью? Они «темны» для очень и очень многих, для Вас в том числе. Ведь Вы из моих стихов одобрили самые элементарные! По-видимому, все из области эзотерики Вам глубоко чуждо и такие стихи до Вас не доходят. Вы иронически отсылаете меня к... Алисе⁴. Следовало бы Вам лучше вспомнить «Орфея» Кокто⁵ – это помогло бы Вам понять стихотворение о зеркалах⁶, понять, что вопрос «но как туда войти?» относится не столько к зеркалу, сколько к смерти, и что зеркало только вступление к теме о смерти. Кивать на Алису – это подход легковесный. И дальше, в этом же стихотворении:

Ты не найдешь там горестных могил
 (Ведь зеркалам нет до трагедий дела),
 Но непременно ты, что ты любил, –
Она так часто в них тогда гляделась.

Вы поняли так, будто это у меня «могила куда-то (!!! – Д.К.) гляделась». Как это могло такое с Вами случиться? Ведь «она» – единственное число, а «могил» – множественное. «Она» явно согласована и в числе и в отношении близости места в предложении с «ту». И почему «куда-то», когда сказано, что «она» гляделась «в них», т.е. в зеркала?

В отношении «опять рука, почему не нога» – я Вас не понимаю. Дело не в грубости такой ремарки, а в том, что и она тоже противоречит фактам. Единственное мое стихотворение о руке («Моя рука») было напечатано в 1950 г. в «Следе жизни». Почему в 1963 г., т.е. через 13 лет, нельзя написать о ее руке? Слово «рука», конечно, встречается, как и всякое другое слово, в отдельных стихах моих пяти книг, но рука не является при этом темой стихотворения. Т.ч. нервничать как будто не было причины...

Что рифмы иногда «неряшливы» – это никак не случайность. Я стал охотнее пользоваться ассонансами, чтобы избежать хоть отчасти назойливости и скудости, а главное, тисков точных рифм. Стихам это, я убежден, не во вред, а на пользу. Те стихи, где я пользуюсь ассонансами (например: «Я понял и в то мгновение»), звучат свободнее. Именно от Вас, поборника всяческой свободы в поэзии⁷, я такого упрека не ожидал. Что же тогда сказать об Ильинском?⁸

Что касается того, какая из моих книг «лучшая», то я сам об этом, конечно, судить не могу. Скажу только, что Ваше мнение (лучшая – «След жизни») никем из моих литературных друзей, с мнением которых я считаю, не разделяется.

Повторю в заключение, что Ваше суждение меня разочаровало. Вы не дали оценки книги (пусть даже отрицательной) в целом, а разменялись на мелочи, притом неубедительные. Отношу это за счет Вашей депрессии и общего отвращения к стихам, о котором Вы пишете. Я не претендую на похвалы, но хотелось бы более внимательной критики.

Поджидаем Ржевских, а затем кое-кого из USA. Донимают всякие недуги, жена тоже постоянно болеет. Вам от всего сердца желаю управиться с Вашими мрачными настроениями – это во многом дело собственной силы воли, которая у Вас еще должна быть.

Привет от жены и меня Вам и Вашей супруге.

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ Имеется в виду мемуарный пассаж о Горьком из «Некрополя» Ходасевича:

«Была, наконец, одна область, в которой он себя сознавал беспомощным, – и страдал от этого самым настоящим образом
– А скажите, пожалуйста, что мои стихи, очень плохи?»

– Плохи, Алексей Максимович.

– Жалко. Ужасно жалко. Всю жизнь я мечтал написать хоть одно хорошее стихотворение.

Он смотрит вверх грустными, выцветшими глазами, потом вынужден достать платок и утереть их.

(Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1997. Т.4. С.181).

² Из стихотворения Д.Кленовского «Вот ты уходишь и не знаешь...» (1959), вошедшего в книгу «Уходящие паруса» (Мюнхен, 1962. С.29).

³ Из стихотворения Д.Кленовского «Мне больше ничего не надо...» (1961). (Там же. С.20).

⁴ Имеется в виду «Алиса в Зазеркалье» (1871) Льюиса Кэрролла (Carroll; наст. имя Чарлз Лютвидж Доджсон; 1832–1898).

⁵ «Орфей» (1928) – пьеса на античный сюжет Жана Кокто (Cocteau; 1889–1963).

⁶ Стихотворение Д.Кленовского «Когда я перед зеркалом стою...» (1961), вошедшее в книгу «Уходящие паруса» (С.10).

⁷ Программная статья В.Маркова под названием «О свободе в поэзии» (Воздушные пути. 1961. №2. С.215-239) позже дала имя его сборнику: *Марков В. О свободе в поэзии.*

⁸ Ильинский Олег Павлович (р. 1932) – поэт, литературовед, с 1944 жил с родителями в Германии, в 1956 перебрался в США; рецензировал несколько книг Кленовского.

53

10 января 1965

Дорогой Владимир Федорович!

Конечно же, я не возражаю против того, чтобы мое стихотворение¹ появилось в антологии² и всецело доверяю Вашей оценке перевода и вашему выбору. Между прочим, одно мое стихотворение («Легкокрылым гением ведомы» – из «Следа жизни») в переводе Gilbert F. Cunningham (заведующий славянским отделом Эдинбургского университета) появилось в вышедшей в Англии в 1961 г. антологии «Lyrics from the Russian»³.

В письме Вашем меня очень порадовали заключительные слова: «с добрым приветом и прежними чувствами». Поверьте, что и мои к Вам не изменились!

Вскоре выйдет из печати новый сборник моих стихов⁴, который я Вам, само собой разумеется, пришлю.

Искренне Ваш

Д.Кленовский

¹ В составленную Марковым совместно с Мюриэлом Спарксом двуязычную антологию русской поэзии вошло стихотворение Д.Кленовского «След жизни» (Footprint of Life) (С.488-489).

² Modern Russian Poetry: An Anthology with Verse Translations / Ed. by V.Markov and M.Sparks. London: Macgibbon & Kee, 1966.

³ Lyrics from the Russian / Translated by Gilbert F. Cunningham. 1961. P.99. Издание вышло ограниченным тиражом (500 экземпляров) и предназначалось для частного использования (printed for private circulation).

⁴ Кленовский Д. Разрозненная тайна. Мюнхен, 1965.

54

Декабрь <19>69 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Сердечно поздравляю Вас и Вашу супругу с праздником Рождества Христова и шлю мои наилучшие новогодние пожелания!

Д.Кленовский

D

Библиография

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ВЛАДИМИРА АЛЛОЯ

Книги и журналы (1977–2001)

Составитель Татьяна Притыкина

При составлении библиографии были использованы материалы «Вестника РСХД» (№124–136 за 1978–1982), интервью с директором издательства «УМСА-Press» В.Аллоем («Русская мысль», 11 и 18 сентября 1980) и воспоминания В.Аллоя «Записки аутсайдера», опубликованные в 21–23 выпусках альманаха «Минувшее».

В части, касающейся изданий «УМСА-Press», мы столкнулись с определенными трудностями, поскольку оказалось достаточно сложно вычлнить работу В.Аллоя из общей издательской политики. Нам известно, что многие решения принимались коллегиально, но известно и то, что у каждого соредатора была собственная программа. К сожалению, мы не смогли получить от Н.А.Струве необходимых уточнений, поэтому степень участия В.Аллоя в некоторых изданиях остается под вопросом (такие издания в списке отмечены знаком *).

Надеемся, со временем список удастся уточнить. Дополнения и поправки принимаются с благодарностью. Полный вариант библиографии будет опубликован в сборнике памяти В.Аллоя.

Выражаем искреннюю признательность русским парижанам Арине и Александру Гинзбургам, а также Юрию Николаеву, оказавшим неоценимую помощь в подготовке этой публикации.

1977

1. Песни русских бардов: Тексты / Оформление серии Л.Нузберга. Серия 1. Paris: УМСА-Press, 1977. 160 с.

*2. *Ерофеев В.* Москва–Петушки. Paris: УМСА-Press, 1977(?). 80 с.

1978

3. *Войнович В.Н.* Путем взаимной переписки: Сборник повестей и рассказов. Paris: YMCA-Press, 1978. 260 с.

*4. *Домбровский Ю.* Хранитель древностей. Paris: YMCA-Press, 1978(?). 256 с.

5. *Домбровский Ю.* Факультет ненужных вещей / Обл. художника А.Леонова. Paris: YMCA-Press, 1978. 476 с.

6. *Кормер В.* Крот истории. Paris: YMCA-Press, 1978. <187 с.>

*7. *Мандельштам Н.* Вторая книга. Paris: YMCA-Press, 1978(?). 720 с.

8. Песни русских бардов: Тексты / Оформление серии Л.Нузберга. Серия 2-4. Paris: YMCA-Press, 1978. 166 + 160 + 172 с.

*9. *Светов Ф.* Отверзи ми двери: Роман. Paris: YMCA-Press, 1978. <560 с.>

10. *Чуковская Л.* По ту сторону смерти: Стихи. 1978(?).

1979

11. *Бобышев Д.* Зияния: Стихи. Paris: YMCA-Press, 1979. 240 с.

*12. *Войнович В.Н.* Претендент на престол: Новые приключения солдата Чонкина / Обложка работы Arcady <А.Мошнягера>. Paris: YMCA-Press, 1979. 360 с.

13. *Гершензон М.О.* Ключ веры. Paris: YMCA-Press, 1979. 125 с. (Репринт, с изд. «Эпоха» (Берлин). Без даты).

14. *Гессен И.В.* Годы изгнания. Жизненный отчет / Предисл. В.А<ллой>. Обложка работы Arcady <А.Мошнягера>. Paris: YMCA-Press, 1979. 270 с.

15. *Горбаневская Н.* Перелетая снежную границу: Стихи. 1974–1978 / Рисунки Я.Горбаневского. Paris: YMCA-Press, 1979. 120 с.

16. ПАМЯТЬ: Исторический сборник. Вып.2 / Обложка А.Мошнягера. Москва, 1977; Париж: YMCA-Press, 1979. 598 с.

17. *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Paris: YMCA-Press, 1979. 525 с.

18. *Розанов В.В.* Религия и культура: Сборник статей. Paris: YMCA-Press, 1979. <272 с.> (Репринт, с изд. 1899.)

19. *Цветаева М.И.* Волшебный фонарь. Paris: YMCA-Press, 1979. 140 с. (Репринт, с изд. 1912.)

*20. *Чуковская Л.* Процесс исключения. Paris: YMCA-Press, 1979. 230 с.

1980

21. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980. 322 с.

22. Антонович А. Многосемейная хроника. Кн.1. Paris: YMCA-Press, 1980. 136 с.

23. Кривошеин Василий, архиеп. Симеон Новый Богослов. Paris: YMCA-Press, 1980. 360 с.

*24. Гаккель С. Мать Мария. Paris: YMCA-Press, 1980. 208 с.

*25. Гумилев Н. Неизданные стихи и письма / Примеч. и комм. Г.П.Струве. Paris: YMCA-Press, 1980. 238 с.

26. Гумилев Н. Мик: Африканская поэма. Paris: YMCA-Press, 1980. 48 с. (Репринт, с изд. 1922.)

27. Леонтович В.В. История либерализма в России: 1762–1914 / Пер. с нем. И.Иловойской; предисл. А.Солженицына. Paris: YMCA-Press, 1980. <560 с.> – (Серия «Исследования новейшей русской истории»)

*28. Мандельштам О. Собрание сочинений. Т.4. YMCA-Press, 1980. 200 с.

*29. Москва златоглавая: Альбом. Paris: YMCA-Press, 1980.

*30. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Paris: YMCA-Press, 1980. (Репринт, с изд. 1949.)

31. Мочульский К. Ф. Достоевский: Путь и творчество. Paris: YMCA-Press, 1980. 564 с. (Репринт, с изд. 1949.)

32. ПАМЯТЬ: Исторический сборник. Вып.3. Москва, 1978; Париж: YMCA-Press, 1980. 582 с.

*33. Роскина Н. Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-Press, 1980.

*34. Тростников В. Мысли перед рассветом. Paris: YMCA-Press, 1980.

35. Штейнберг А. Система свободы Достоевского. Paris: YMCA-Press, 1980. <146 с.> (Репринт.)

1981

36. Войнович В.Н. Претендент на престол: Новые приключения солдата Чонкина / Обложка работы Arcady <А.Мошнягера>. Paris: YMCA-Press, 1981. 360 с. (Репринт.)

*37. Зернов Н. Закатные годы: Эпилог Хроники семьи Зерновых. <Paris: YMCA-Press>, 1981. 180 с.

*38. Мамонтов С. Походы и кони. Paris: YMCA-Press, 1981. 476 с.

39. ПАМЯТЬ: Исторический сборник. Вып.4 / Обложка работы Arcady <А.Мошнягера>. Москва, 1979; Париж: YMCA-Press, 1981. 540 с.

*40. Письма Буниных к Т.Муравьевой-Логиновой. Paris: YMCA-Press, 1981. 140 с., ил.

41–53. ВЕСТНИК РСХД. №124–136. Paris: YMCA-Press, 1978–1982.

1982

54. *Белый Андрей*. Воспоминания о Штейнере / Подг. текста, предисл. и примеч. Ф.Козлика. Paris: La Presse Libre, 1982. 388 с. – (Мемуарно-историческая серия)

55. *Буковский В.* Пацифисты против мира. Paris: La Presse Libre, 1982. 104 с.

*56. *Волошин Максимилиан*. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Под общей ред. Б.А.Филиппова, Г.П.Струве и Н.А.Струве. Т.1 / Вступ. статья Б.Филиппова и Э.Райса; обложка работы Э.Голлербаха. Paris: YMCA-Press, 1982. 532 с., ил.

57. *Зелинский В.* Приходящие в церковь. Paris: La Presse Libre, 1982. 162 с.

58. *Мейер А.<А.>* Философские сочинения. Paris: La Presse Libre, 1982. 477 с. – (Религиозно-философская серия)

*59. Народное сопротивление коммунизму в России: Документы и материалы / Ред.-сост. и коммент. М.С.Бернштам. Paris: YMCA-Press, 1982. 336 с.

*60. *Федотов Г.П.* Полное собрание статей: В 4 т. Т.3: Тяжба о России (1933–1936). Paris: YMCA-Press, 1982. 336 с.

61. *Шварц Е.* Мемуары. Paris: La Presse Libre, 1982.

62. ПАМЯТЬ: Исторический сборник. Вып.5 / Обложка работы Arcady <А.Мошнягера>. Москва, 1981; Париж: La Presse Libre, 1982. 502 с.

1983

63. *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников: В 2 т. Paris: La Presse Libre, 1983. 360 + 396 с. – (Религиозно-философская серия)

64. *Консон Л.* Краткие повести. Paris: La Presse Libre, 1983. 155 с.

65. *Кублановский Ю.* С последним солнцем: Сборник стихотворений / Послесл. И.Бродского. Paris: La Presse Libre, 1983. 370 с.

66. *Курдюмов А.А.* <Лурье Я.С.> В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. Paris: La Presse Libre, 1983. 296 с.

67. *Нарбут В.* Избранные стихи / Подг. текста, предисл. и примеч. Л.Черткова. Paris: La Presse Libre, 1983. 254 с.

68. *Одарченко Ю.* Стихи и проза / Предисл. К.Померанцева. Paris: La Presse Libre, 1983. 261 с.

69. *Одоевцева И.* На берегах Сены: Вторая книга воспоминаний. Paris: La Presse Libre, 1983. 528 с.

70. *Ремизов А.* Учитель музыки: Каторжная идиллия / Подг. к печати, вступ. статья и примеч. А. д'Амелия. Paris: La Presse Libre, 1983. 576 с.

71. *Ходасевич В.* Собрание стихов: В 2 т. / Ред. и примеч. Ю.Колкера. Paris: La Presse Libre. Т.1. 1982. 312 с.; Т.2. 1983. 466 с.

1984

72. *Делоне В.* Стихи. 1965–1983. Paris: La Presse Libre, 1984. 146 с.

1986

73. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.1. Paris: Atheneum, 1986. 388 с., ил.

74. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.2. Paris: Atheneum, 1986. 410 с., ил.

75. *Герштейн Э.Г.* Новое о Мандельштаме: Главы из воспоминаний. О.Э.Мандельштам в воронежской ссылке (По письмам С.Б.Рудакова). Paris: Atheneum, 1986. 316 с.

1987

76. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.3. Paris: Atheneum, 1987. 416 с., ил.

77. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.4. Paris: Atheneum, 1987. 418 с., ил.

78. *Волков О.* Погружение во тьму (Из пережитого). Paris: Atheneum, 1987. 448 с.

79. *Копржива-Лурье Б.Я.* История одной жизни. Paris: Atheneum, 1987. 268 с., ил.

1988

80. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.5. Paris: Atheneum, 1988. 416 с., ил.

81. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.6. Paris: Atheneum, 1988. 492 с., ил.

82. *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника: В 2 кн. Paris: Atheneum, 1988. 372 + 352 с.

1989

83. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.7. Paris: Atheneum, 1989. 496 с., ил.

84. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.8. Paris: Atheneum, 1989. 496 с., ил.

1990

85. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.9. Paris: Atheneum, 1990. 508 с., ил.

86. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.10. Paris: Atheneum, 1990. 512 с., ил.

87. *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подг. текста и коммент. Дж. Мальмстада. Paris: Atheneum, 1990. 432 с., ил.

1991

88. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.11. Paris: Atheneum, 1991. 614 с., ил.

89. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.12. Paris: Atheneum, 1991. 520 с., ил.

90. ЗВЕНЬЯ: Исторический альманах. / Всесоюзное историко-просветительское общество «Мемориал». Вып.1 / Ред.-сост. Н.Г.Охотин, А.Б.Рогинский. М.: Прогресс–Феникс–Atheneum, 1991. 622 с., ил.

1992

91. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом / Вступ. статья, сост., примеч. и аннот. указ. А.И.Добкина. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. 512 с., ил.

92. ЗВЕНЬЯ: Исторический альманах / Всесоюзное историко-просветительское общество «Мемориал». Вып.2 / Ред.-сост. А.И.Добкин, А.Б.Рогинский. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1992. 624 с., ил.

93. ЛИЦА: Биографический альманах. / Биографический институт «Studia Biographica». Т.1 / Ред.-сост. А.В.Лавров. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1992. 464 с., ил.

94. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: В 2 т. / Перевод с англ. под общей редакцией В.Н.Садовского. М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т.1: Чары Платона. 448 с.; Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. 526 с.

1993

95. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1993. 560 с., ил.

96. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.14. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1993. 528 с., ил.

97. ЛИЦА: Биографический альманах / Биографический институт «Studia Biographica». Т.2 / Ред.-сост. А.А.Ильин-Томич. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1993. 480 с., ил.

98. ЛИЦА: Биографический альманах. / Биографический институт «Studia Biographica» Т.3 / Ред.-сост. А.В.Лавров М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1993. 496 с., ил.

99. НЕВСКИЙ АРХИВ: Историко-краеведческий сборник / Санкт-Петербургский Фонд культуры. Вып.1 / Сост. А.И.Добкин, А.В.Кобак. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1993. 480 с., ил.

1994

100. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. 656 с., ил.

101. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.16. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. 592 с., ил.
102. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.17. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. 606 с., ил.
103. *Андреев Л.* SOS: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / Под ред. и со вступ. статьей Р.Дэвиса и Б.Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. 610 с., ил.
104. *Бобрецов В.* Сизифов грех: Стихотворения. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. 112 с. – (Серия «Мастерская»)
105. *Вольтская Т.* Стрела: Стихотворения. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. 96 с. – (Серия «Мастерская»)
106. ЛИЦА: Биографический альманах. / Биографический институт «Studia Biographica». Т.4 / Ред.-сост. Н.И.Осьмакова. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1994. 480 с.
107. ЛИЦА: Биографический альманах / Биографический институт «Studia Biographica». Т.5 / Ред.-сост. А.В.Лавров. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1994. 512 с., ил.
108. Режиссерские экземпляры К.С.Станиславского. 1898–1930: «Дядя Ваня» А.П.Чехова. 1899 / Подг. текста и послесловие И.Н.Соловьевой. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. 148 с., ил.

1995

109. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.18. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1995. 640 с., ил.
110. *Гандельсман В.* Вечерней почтой: Стихотворения. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1995. 96 с. – (Серия «Мастерская»)
111. *Кекова С.* Песочные часы: Стихотворения. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1995. 96 с. – (Серия «Мастерская»)
112. ЛИЦА: Биографический альманах / Биографический институт «Studia Biographica». Т.6 / Ред.-сост. А.И.Рейтблат. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1995. 494 с.
113. НЕВСКИЙ АРХИВ: Историко-краеведческий сборник / Санкт-Петербургский Фонд культуры. Вып. II / Сост. А.И.Добкин, А.В.Кобак. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1995. 480 с., ил.
114. IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка / Сост. А.И.Добкин, М.Ю.Сорокина. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1995. 474 с.
- 115–116. ПОСТСКРИПТУМ: Литературный журнал. №1–2. СПб.; М.: Феникс, 1995. 296 + 336 с.

1996

117. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1996. 528 с., ил.

118. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.20. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1996. 664 с., ил.

119. ЛИЦА: Биографический альманах / Биографический институт «Studia Biographica». Т.7 / Ред.-сост. А.В.Лавров. М.; СПб.: Феникс–Atheneum, 1996. 512 с., ил.

120. *Пайнс Р.* Три «почему» русской революции. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1996. 96 с.

121. *Пурин А.* Созвездие рыб: Стихотворения. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1996. 96 с. – (Серия «Мастерская»)

122–124. ПОСТСКРИПТУМ: Литературный журнал. №1-3. СПб.; М.: Феникс, 1996. 312 + 320 + 304 с.

125. ЯРОСЛАВСКИЙ АРХИВ: Историко-краеведческий сборник / Ярославский Государственный университет. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1996. 464 с., ил.

1997

126. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.21. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. 632 с., ил.

127. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.22. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. 656 с., ил.

128. *Знаменская И.* Глаз вопиющего: Стихотворения. СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. 96 с. – (Серия «Мастерская»)

129. НЕВСКИЙ АРХИВ: Историко-краеведческий сборник / Балтийский гуманитарный фонд. Вып.III / Сост. А.И.Добкин, А.В.Кобак. СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. 528 с., ил.

130–132. ПОСТСКРИПТУМ: Литературный журнал. №1(6)–3(8). СПб.; М.: Феникс, 1997. 320 + 320 + 304 с.

133. Санкт-Петербург: Окно в Россию. 1900–1935: Материалы международной научной конференции. Париж, 6–8 марта 1997 / Ред.-сост. Е.Берар. СПб.: Феникс, 1997. 246 с.

134. IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С.Лурье / Сост. Н.М.Ботвинник, Е.И.Ванеева. СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. 430 с., ил.

1998

135. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.23. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. 656 с., ил.

136. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.24. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. 688 с.

137. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публикация, вступ. статья и примеч. А.В.Лаврова, Дж. Мальмстада. Подгот. текста Т.В.Павловой, А.В.Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с., ил.

138. *Вольтская Т.* Тень: Стихотворения. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. 112 с. – (Серия «Мастерская»)

139–141. ПОСТСКРИПТУМ: Литературный журнал. №1(9)–3(11). СПб.; М.: Феникс, 1998. 296 + 296 + 304 с.

142. Черешня В. Пустырь: Стихотворения. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. 104 с. – (Серия «Мастерская»)

1999

143. МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. Вып.25. СПб.: Atheneum–Феникс, 1999. 520 с.

144. Хвостенко А. Колесо времени: Стихи и песни. СПб.: Феникс, 1999. 80 с. – (Серия «Мастерская»).

145. ПОСТСКРИПТУМ: Литературный журнал. №1(12). СПб.; М.: Феникс, 1999. 304 с.

146. Eisenstein S.M. Dessins secrets / Avec des textes de J.-C.Marcadé et G.Ackerman. Ouvrage publié avec le concours du Centre National du Livre. Paris: Seuil, 1999. 192 p.

2000

147. IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж: Феникс–Atheneum, 2000. 696 с.

2001

148. Диаспора: Новые материалы. Т.1. Париж; СПб.: Athenaem; Феникс, 2001. 750 с., ил.

Анатолий Иванов
В ТУМАННОМ АЛЬБИОНЕ*

Увидел свет очередной (7-й) том из сборников, издаваемых в Иерусалиме М.А.Пархомовским, – том под названием «Русские евреи в Великобритании». Правда, на сей раз Пархомовский выступал в качестве редактора-составителя не в единственном числе – помощником его в работе над «английским» томом был А.Рогачевский. Преемственность с пятитомником «Евреи в культуре Русского зарубежья» и томом «Русское еврейство в зарубежье» несомненна: многие рубрики перекочевали оттуда. Кроме того, появились новые разделы, расширились временные рамки.

Оговорюсь вначале: сам выбор привязки к определенной стране вызывает сомнение: полагаю, он сковывает составителя (интересный материал по персоналии в данной стране, может стать, на подходе, а книга уже вышла – как прикажете поступить с ним?). Еще один момент. Немало государств дало приют беженцам из России. Но как быть с теми странами, где фактически не сложилась российская диаспора, но есть отдельные эмигранты, поселившиеся там и внесшие немалый вклад в культуру или науку? При подобном (региональном) подходе они как бы выпадают из установленных составителями рамок. Вызывает сомнение и объединение под одной обложкой евреев-эмигрантов «первой волны» и представителей современной эмиграции. Слишком разными были обстоятельства, приведшие тех и других за рубеж, слишком разные цели ставили они перед собой. Вопросы можно длить и длить, но, в конечном счете, – «хозяин –

* Русские евреи в Великобритании: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 2000. 552 с.

барин», ибо ему принадлежит выбор формы и содержания сборника. Тем не менее, несмотря на высказанные выше сомнения и неизбежные, чисто земные препятствия, данный том все же состоялся и включил много интересного, впервые вводимого в научный и читательский оборот.

Слово «туманный» в названии рецензии имеет не только прямое значение. Российские граждане, эмигрировавшие в Великобританию, имели об англичанах довольно туманное, вернее, книжное, умозрительное представление. На расстоянии бритты представлялись, как на подбор, сухопарыми и прямыми, как бы затянутыми в корсет, чопорными, невозмутимыми, ироничными... Да и сама добрая старая Англия вызывала стандартный набор ассоциаций: Шерлок Холмс с трубкой в зубах, бесстрашный «бобби», двухэтажный омнибус, фермер в клечатом кепи с кружкой эля... Не говоря уж о традиционных ростбифе, пудинге и файф-о-клоке. Короче, это была та самая «развесистая клюква», которая неизбежно заслоняет стороннему наблюдателю реальную жизнь каждой нации. Действительность оказалась, однако, много сложнее.

Начать с того, что отношение к иностранцам в Англии в различные эпохи менялось. До 1917 года она давала приют революционно настроенным элементам из других стран. Не будем удаляться от персоналий сборника – от еврейских выходцев из России. К примеру, Арон Либерман, бежавший в 1875 году, организовал Еврейское социалистическое общество в Лондоне. Главной пропагандируемой им идеей было: все трудящиеся евреи – братья и им надо объединяться с рабочими обществами других наций во имя установления справедливости.

Сюда же можно отнести Ивана Майского (Ляховецкого) и Максима Литвинова (Валлаха), начинавших свой путь в революцию именно в Британии. «Роман с Англией» (знакомства, образование, привычки) явился для них важной вехой, сыгравшей в дальнейшей жизни немалую роль. Майский долгие годы был послом Советского Союза в Великобритании, а М.М.Литвинов – наркомом иностранных дел и до начала Второй мировой войны нередко по долгу службы приезжал в Англию. То, что он впоследствии (как и его протеже Майский) не был репрессирован, возможно, имеет какую-то связь с давним эпизодом в Англии, в котором участвовали Литвинов и Сталин (об этом см. статью М.Лобыцкой на с.134-144). Впрочем, эти политические фигуры выходят за рамки означенной темы – эмиграции.

Или, к примеру, И.Г.Эренбург, который в советское время много путешествовал по Европе, проехал, в частности, и по Англии, подробно рассказав о своих впечатлениях в написанной им книге. Эмигрантом он не был, при всех своих заграничных вояжах оставаясь гражданином СССР.

Так что хотя эти статьи сами по себе представляют немалый интерес, но, думается, они находятся за пределами эмигрантской темы.

Многие англичане пристально следили за экономическими, техническими и социальными преобразованиями, происходившими в нашей стране после революции 1917 года. Их интересовали прежде всего торговые контакты со страной строящегося социализма. При этом въезд политэмигрантов из России был ограничен – английские власти предпочитали держаться в стороне от их споров с большевиками. Будем объективны: Англия либерально и прагматично отнеслась к политическому катаклизму в России.

В отличие, допустим, от Франции, здесь значительно раньше поняли преимущества научной эмиграции, точнее, иммиграции, поскольку выехавшие из России ученые поначалу пытались продолжать свои исследования в других странах. Так, Давид Кейлин, переселившись в Англию, изменил лицо биохимии, произведя революцию в клеточной биологии. Столь же важным представлялся приезд химика Хаима Вейцмана, получившего поразительные результаты по синтетике красителей и производству ацетона и бутилена. Правда, научные эксперименты вскоре были им оставлены: в жизни Вейцмана все большее место стала занимать политика. Его увлекла идея собрать воедино рассеянных по белу свету своих соплеменников, сплотить их, образовав суверенное еврейское государство на прародине – на земле обетованной. Для достижения задуманного он уехал в США, встречался с влиятельными официальными и частными лицами, стучался во все двери и в конце концов добился своего: после войны образуется государство Израиль, а Вейцман избирается его первым президентом.

Той же страстью был одержим В.Е.Жаботинский – литератор и политик, развивший активную деятельность в этом направлении. Он вел огромную переписку, выступал с докладами в разных странах (в том числе и Англии), вербуя все новых и новых единомышленников и помощников в деле образования евреями собственного государства. Публикация в рецензируемом томе увеличивает знания о незаурядной личности Жаботинского. Впрочем, сути сионизма статья фактически не касается, ибо это не входит в задачу выпускаемых сборников.

Философ Аарон Штейнберг. Имя это знакомо всем, кто занимался А.А.Блоком. Известно, что в 1919 он был арестован по делу эсеров и всю ночь в камере проговорил с поэтом. Принимал участие в заседаниях Вольфины; его воспоминания включены в книгу «Памяти Александра Блока» (1922). В том же году на так называемом «философском пароходе» Штейнберг вместе с другими деятелями русской интеллигенции был вывезен за границу. Что дальше происходило с изгнанником – большинству не известно (а ведь А.З.Штейн-

берг прожил долгую жизнь – он скончался в 1975). Об этом и рассказывает статья в рецензируемом томе. За границей Штейнберг занимается Достоевским, выпускает книгу о его философских исканиях. В 1934 он вынужден переселиться из Германии в Лондон. Все больше внимания уделяя проблемам иудаизма, Штейнберг становится активным членом Британской секции Всемирного Еврейского Конгресса. Это вовсе не значит, что прошлое забыто. На исходе жизненного пути философ работает над мемуарами «Друзья моих ранних лет (1911–1928)», вышедшими отдельным изданием в 1991. Его характеристики и портреты Белого, Блока, Иванова-Разумника, Горького, Карсавина, Шестова и других во многом дополняют картину истории русской культуры Серебряного века.

Другого персонажа сборника – Анатолия Максимовича Гольдберга – многие знали только по его голосу, по регулярным выступлениям в эфире. С 1939 года его можно было услышать на волнах русской службы Би-Би-Си. Чрезвычайно интересно узнать о нем как о человеке. По словам автора статьи, как бы материализовавшего личность своего героя, «типичный восточноевропейский еврей в глазах своих британских коллег, Гольдберг совсем не случайно был британцем в глазах российской интеллигенции. Он воспринял главное в британском свободомыслии: готовность отвечать за каждое свое слово». Некоторые оголтелые антисоветчики обвиняли его в том, что в его выступлениях недостаточно сенсационной «чернухи», что они чересчур корректны, а еврейства (помимо выговора) нет и в помине. Однако претензии эти едва ли могли повлиять на Гольдберга, человека чрезвычайно самостоятельного, в котором преваляло нравственное начало, – его называли «совестью» радиослужбы. В отличие от печатного слова, эфирное слово эфемерно и как бы растворяется в воздухе. Но, надо признать, роль А.М.Гольдберга в возникновении и развитии свободомыслия в советской России велика.

Следующий персонаж книги – Аркадий Белинков, вынужденный покинуть родину в 1972. В Лондоне литературовед становится публицистом. Как бы продолжая миссию Герцена, он задумывает издание сборника «Новый колокол». Увы, первый (и последний) номер вышел уже после смерти его редактора. Являясь представителем советской оппозиции на Западе, Белинков без какой-либо цензуры предоставлял место публикациям, с различных точек зрения освещающим характер процессов, происходящих в мире. Предоставлял, ибо ратовал за гласность. Хотя, вероятно, не во всем был согласен с авторами сборника. (Как оказалось впоследствии, свобода слова есть необходимое, но недостаточное условие для воссоздания общественного организма на обломках рухнувшей советской системы.) Уже тогда о многих предстоящих бедах Белинков, вероятно, догады-

вался. Перечитывая его последние монологи, нельзя не согласиться с автором очерка в двух главных впечатлениях от них – «колоссальной талантливости, может быть, гениальности Аркадия Белинкова и его всезаслоняющей любви к России». При этом вспоминаются слова Герцена: «Любовь, господа, много догадливее, чем ненависть».

Наш обзор следовало бы начать с изящной словесности, ибо с ней прежде всего ассоциируется культура. Увы, с выходом печатной продукции на русском языке в Великобритании дела обстояли плохо (не выпускались книги, не существовало периодических русских изданий – поэтому в Англии, собственно, и не было писателей из России). Единственный, пожалуй, это Дионео (И.В.Шкловский). Правда, его отношения с печатным словом в основном ограничивались журналистикой и публицистикой. В первый раз он был вынужден эмигрировать еще до революции, сделавшись английским корреспондентом российских газет. После 1917 года Дионео вновь становится эмигрантом, поселившись в привычной обстановке, в уже обжитой им Англии, рассылая свои статьи в русские газеты, выходящие за рубежом. Одновременно маститый журналист пробует себя на поприще беллетристики: Дионео написал несколько романов, издав их в Европе.

Другие статьи тома о писателях из России связаны с Англией лишь опосредованно. Так, знаменитый исторический романист Марк Алданов хотя и не жил в Великобритании, но не раз бывал там. Главное же – «английская тема» занимает в произведениях Алданова если не центральное, то достаточно большое место. А для этого надо досконально знать историю страны, где зародился парламентаризм, чувствовать себя в ее реалиях как рыба в воде. Простого всезнайства для этого недостаточно. Недаром М.А.Алданов однажды признался: «Я старый англофил и остаюсь им...»

Георгий Адамович... В полной мере его писательский дар раскрылся за границей (Бунин как-то назвал его первым литературным критиком русского зарубежья). Причем с годами его талант не угасал, а, наоборот, рос и все более раскрывался. Читатели ждали его печатных собеседований, в которых он размышлял вместе с ними, а не выдавал готовый литературный приговор. Однако чтящие и читающие почти не располагали сведениями о жизни Адамовича. Статья данного тома в какой-то мере восполняет этот пробел, знакомя с английским периодом его жизненного пути.

В 1950 Адамович был приглашен прочесть лекцию о русской литературе перед студентами университета в Манчестере. Он предполагал, что это поездка будет для него лишь эпизодом. Оказалось, однако, что манчестерский период в его жизни продлился 11 с лишним лет – до 1961. Более того, творческая продуктивность в отдалении от собратьев по перу не снизилась. Здесь написаны наиболее

значительные и зрелые его книги. Фразы о благотворном влиянии на творческий процесс оторванности от суеты то и дело обнаруживаются в письмах Адамовича той поры: «На меня Манчестер хорошо действует: здесь я интересуюсь литературой, а в Париже – покером», «теперь в Манчестере сам иногда удивляюсь: как это вышло, что у меня постоянная работа без вечной мысли, где достать денег», «Вообще здесь скука самая зеленая, но помогающая душевному просветлению и мыслям о смысле жизни»... Вначале его письма полны инвективами в адрес Англии, потом он вроде притерпелся к ней, а в конце концов для него открылась своеобразная прелесть ее природы, консерватизм (в хорошем смысле) ее традиций и распорядков.

Как говорится, нет худа без добра. Отсутствие писательских имен позволило составителям уделить внимание переводчикам (для чего обычно места не хватает). В частности, подробно рассказывается о Давиде Магаршаке, эмигрировавшем в Великобританию в 1924, не зная ни слова по-английски. Последнее обстоятельство не помешало ему стать со временем лучшим переводчиком русской классики на английский язык. Путь этот не был прост. Надо полагать, что овладению стилистическими секретами перевода способствовало то, что начинал Магаршак как автор детективов, при этом далеко не стандартных для этого жанра: в них присутствовал психологизм, нравственное начало, внимание к бытовым подробностям, к речевым особенностям персонажей (недаром он заслужил лавры «еврейского Набокова»).

Те же обстоятельства (почти полное отсутствие в Англии пишущих и издающихся по-русски) позволили составителям ввести в том еще один раздел (им открывается книга) – «Первые среди равных». Статьи и публикации этого раздела посвящены, в частности, супругам Александру и Саломее Гальпернам, сэру Исае Берлину – то есть тем, без кого невозможно представить русскую словесность в Англии. Собственно, не будучи литераторами, они играли роль своего рода катализатора процессов русской культуры благодаря близости и знакомствам со многими российскими знаменитостями, живому интересу к русской и советской литературе, помощи ее отдельным представителям. Жаль только, что им уделено так мало места – о фигурах такого масштаба всегда хочется узнать больше.

На наш взгляд, с наибольшим интересом читаются материалы раздела «Мемуары и эссе» (кажется, его не было в предыдущих томах). Может быть, потому, что его авторы не скованы какими-либо сверхзадачами. Здесь больше свободы творчества, и написанное более походит на художественную литературу. Но это не значит, что в этих статьях не содержится любопытных, малоизвестных фактов.

Так, из статьи Ларисы Васильевой (долгое время жившей в Англии) мы узнаем, что великая балерина Анна Павлова – незаконно-

рожденная дочь банкира Лазаря Полякова (а не русского солдата, как сообщается в энциклопедиях). Автор рассказывает о клане Поляковых и, в частности, о «короле» железных дорог России Самуиле Полякове, который был еще и меценатом. После революции род Поляковых разметало по всему свету. Наиболее подробно описывается жизнь и личность английского драматурга Стивена Полякова, прославленного в мире, а в России, к сожалению, почти неизвестного.

Любопытны мемуары П. Деман-Айзенштат. После войны ей, бывшей москвичке, довелось быть гидом-переводчиком многих деятелей советской культуры, приехавших в Англию. Среди тех, о ком она пишет, – Ойстрах, Гилельс, Шостакович, Бернес, Образцов, Козинцев... Достоинство этих воспоминаний в объективности и доброжелательности. Любопытны и личность самой мемуаристки, и ее герои. Точно так же, как и представитель другого поколения, наш современник Зиновий Зиник (еще один автор раздела), она могла бы сказать: «...у меня еврейская душа, русский ум и сердце английское».

Зинаиде Давыдовне Шкловской, уроженке Одессы, скончавшейся в Лондоне в 1945, посвящен некролог Глеба Струве, знавшего ее в последние годы, – в сущности, воспоминания о ней. Жена Дионео не была писательницей, но обладала даром рассказчицы (к сожалению, ее воспоминания о детстве, о встречах с интересными людьми не были записаны). Г. Струве пишет: «Нельзя не сказать о ее доброте, порой нарочито скрываемой под насмешливостью, о ее постоянном желании и готовности помогать тем, кто был в беде...».

Шкловская была яркой личностью. Об этом свидетельствуют многочисленные письма к ней. К примеру, вот что писал ей в 1930 Саша Черный: «У Вас такая бодрая и несдающаяся душа, но болезни, как ржавчина... Знаю по себе, когда начинается очередная полоса невралгии, ишиаса и прочих удовольствий. Превращаешься в подобие человека и места себе не находишь. О Вас не раз тепло вспоминали, у Вас теплая, легкая душа, и Вы не теряете чувства юмора даже тогда, когда другие хватаются за голову. Очень жалею, что Вы не живете в Париже, – так мало здесь сейчас уютных и милых людей...» В конце письма он упоминает о своей жене: «Кое-какие уроки у нее остались, – все больше чудачки-евреи, которые хотят, чтобы их дети знали русскую речь и грамоту». Приписка эта – своего рода ключ к образу жизни и деятельности многих русских евреев-эмигрантов.

К сожалению, размеры рецензии не позволяют рассказать о всех материалах тома (остался не разобран целый раздел – «Искусство»).

Напоследок хочется высказать неутешительную, тревожащую мысль. Еще Марк Алданов предполагал, что XXI век будет веком одичания и опустошения мира. Похоже, что пророк был недалек от истины. Только подвижники вроде М.А. Пархомовского пытаются противостоять этому нисхождению в бездну.

О.Р. Демидова
НОВАЯ КНИГА О ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ*

Рецензируемое издание является результатом работы международной научной конференции «Культурное наследие русской эмиграции 1917–1939 гг.», состоявшейся 29 ноября – 1 декабря 1999 в Санкт-Петербурге: доклады и сообщения, сделанные на конференции, легли в основу составивших сборник статей. Структура издания соответствует структуре конференции: пять основных его разделов («Общество и политика», «Экономическая мысль и предпринимательство», «Наука, образование, культура», «Литература», «Библиотеки, архивы: информационный аспект») отражают работу четырех секций конференции («Политическая жизнь эмиграции», «Экономическая мысль и предпринимательская деятельность», «Творческая деятельность российских эмигрантов», «Литература русской эмиграции») и круглого стола «Культура русского зарубежья: информационный аспект»¹.

К сожалению, лишь чуть более половины докладов и сообщений вошли в состав сборника (93 из 150), однако и в таком «усеченном»

* Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. статей. СПб.: Европейский Дом, 2000. 445 с.

¹ Вероятно, это обстоятельство послужило причиной того, что в некоторых случаях статьи оказались явно не в «своем» разделе, а статьи тематически близкие помещены в разные разделы; так, например, статья Б.В.Ананьича «Эмигрантские воспоминания М.Б.Бернацкого» (раздел «Экономическая мысль и предпринимательство») была бы более уместна в разделе «Общество и политика»; посвященные издательской деятельности эмиграции статьи П.Н.Базанова (раздел «Общество и политика») и И.А.Шомраковой (раздел «Литература») следовало объединить в разделе «Наука, образование, культура» и т.п.

виде издание получилось весьма представительным. Прежде всего необходимо отметить широту «географии»: в сборнике представлены результаты исследований историков, экономистов, филологов, архивистов, музейных и библиотечных работников из Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Краснодара, Тюмени, Украины, Эстонии, США, Финляндии, Чехии и Японии. Благодаря этому обстоятельству столь обширной оказалась и собственно эмигрантская «география», включающая основные европейские центры рассеяния, лимитрофы, Китай и Японию. Не менее широк и заданный тематический диапазон, о чем свидетельствуют названия разделов сборника и названия статей. Что касается хронологии, она значительно шире определенных в названии временных границ (1917–1939)², и это вполне справедливо, поскольку деятельность «первой волны» эмиграции, которой и была посвящена конференция, не прекратилась в 1939, и послевоенный период ее истории заслуживает не меньшего внимания исследователей, чем два межвоенных десятилетия. Значительно беднее выглядит жанровый диапазон: большинство вошедших в сборник статей можно отнести к жанрам обзора или очерка (обзор архивных материалов, очерк истории эмигрантского издания и/или организации, биографический очерк и т.п.); иногда жанр задан в заголовке³. Кроме того, есть попытки публикации архивных материалов⁴ и статьи концептуального характера, однако и те и другие немногочисленны.

В сборнике можно выделить ряд «сквозных» тем, которым посвящены по несколько статей. Наиболее полно освещены жизнь русских в Финляндии и Чехословакии (соответственно 5 и 7 статей), деятельность П.Н.Милюкова и кадетской партии (4 статьи), история противостояния метрополии и эмиграции (5 статей), причины и «механизм» выезда/бегства из Советской России (4 статьи).

Среди работ первого блока необходимо отметить статью Н.Башмаковой «“Страна намеков и надежд”... Меняющиеся настроения русских в Финляндии в 1930-е годы», основанную на обширном ма-

² См., например, статьи В.П.Крейды «Первая эмиграция в “Новом журнале”», А.Ю.Арьева «Георгий Иванов в журнале “Возрождение”», А.М.Грачевой «Жанровые эксперименты последнего периода эмигрантского творчества А.М.Ремизова (“Брунцвиг”)» и др., посвященные событиям послевоенного периода.

³ См., например, работы Б.А.Старкова «Белая и красная Россия: противостояние. (Краткий обзор источников)» и А.В.Попова «Архив Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей в ГАРФ (Опыт архивного обзора)» и др.

⁴ Публикация в большинстве случаев осуществляется в виде обильного цитирования и пересказа использованных для работы архивных материалов; единственный пример собственно публикации текста – статья А.В.Антощенко «Из писем академика П.Г.Виноградова И.В.Шкловскому (“Дионео”)» (С. 210-15).

териале русской и финской периодической печати, государственных и частных архивных собраний и многочисленных интервью. Работа выполнена в рамках проекта «Oral History of Russians in Finland 1917–1939» и является частью готовящейся к изданию монографии под тем же названием.

Значительный интерес представляют исследования противостояния метрополии и диаспоры, особенно уже упомянутый выше обзор Б.А.Старкова «Белая и красная Россия: противостояние. (Краткий обзор источников)», а также работы В.А.Иванова «Русская эмиграция в служебной переписке ОГПУ–НКВД 20-х – 30-х гг. (ленинградский опыт)», В.Л.Хейфец и Л.С.Хейфец «Провал “аргентинских Лениных”. Коминтерн, Коммунистическая партия и российская эмиграция в Аргентине, 1919–1922 гг.» и С.В.Карпова «Российская эмиграция в информационной войне против Советского Союза». В первых двух, как явствует из названий, рассматривается борьба советских спецслужб против эмиграции; работы представляют собой подробный сравнительный анализ архивных источников и опубликованных материалов, что позволяет авторам значительно дополнить и уточнить существующее в исторической науке представление о проблеме. Авторы двух других статей обращаются к малоисследованным вопросам, связанным с жизнью русской диаспоры в Аргентине и с послевоенным периодом эмигрантской истории.

Заслуживает упоминания статья А.П.Купайгородской «Побуждения к эмиграции петроградской интеллигенции», которую можно рассматривать как попытку систематизации причин и обстоятельств выезда интеллигенции из послереволюционного Петрограда. Статья, открывающая раздел «Наука, образование, культура», словно задает тон другим публикациям этого раздела, а также работам Р.Берда и Е.В.Ивановой «О выезде писателей из России в 1920 году (К истории формирования понятия “эмиграции”）」 и А.Меймре «Бегство А.Куприна из Советской России: новые сведения», помещенным в разделе «Литература».

Статья А.И.Доронченкова «Малороссы и украинцы в российской эмиграции “первой волны” (к проблеме этнической и политической идентификации)» посвящена весьма «болезненной» проблеме, не получившей пока должного осмысления: противостоянию внутри эмиграции по национальному признаку. Автор статьи, отметив обобщающий характер термина «российская эмиграция», обращается к вопросу о национальном самосознании внутри эмиграции и к феномену украинского сепаратизма в диаспоре. Статья заслуживает внимания не только как историческое исследование – совершенно очевидна актуальность рассматриваемой проблемы и для сегодняшнего дня.

Несомненный практический интерес для исследователей русского зарубежья представляют публикации последнего раздела сборника, посвященные обзору эмигрантских коллекций, хранящихся в отечественных и зарубежных библиотеках и архивных собраниях.

В целом сборник можно рассматривать как иллюстрацию положения дел, сложившегося за последние 10–15 лет в области исследований истории русского зарубежья, поскольку он выявляет тенденцию и основные направления исследований, существующие в отечественной и зарубежной науке:

а) продолжающееся введение в научный оборот новых архивных материалов,

б) дальнейшая разработка областей и тем исследования, ставших своего рода классикой эмигрантики,

в) попытки переосмысления истории и сущности рассматриваемого явления на основе накопленных знаний о нем.

Источником для первого рода исследований совершенно естественно являются многочисленные российские и зарубежные архивные собрания, ставшие в последнее десятилетие доступными отечественным историкам эмиграции. Работы второго и третьего рода основываются преимущественно на опубликованных архивных материалах, мемуарных источниках, статьях, справочных и монографических изданиях. На первый взгляд, это позволяет говорить об определенной близости указанных работ, основанной на типологически единой источниковой базе. Однако, по сути дела, это исследования качественно несопоставимые, и разделяет их принцип подхода к проблеме и «механизм» отношения к источнику, будь то мемуарный текст, обзорная статья или монография. К сожалению, как свидетельствуют материалы сборника, из двух последних направлений преобладающим сегодня является второе, с точки зрения академической, пожалуй, наименее продуктивное.

Следует оговориться: непродуктивность его обусловлена отнюдь не тем обстоятельством, что проблемы, к которым обращаются исследователи, исчерпаны и дальнейшая их разработка представляется малозначимой или невозможной, а тем достаточно узким и словно раз и навсегда заданным кругом источников⁵ и идей, на ко-

⁵ С этой точки зрения весьма показательна частотность цитирования – к числу наиболее часто цитируемых относятся монографии М.И.Раева «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939» (М., 1994), В.В.Костикова «Не будем проклинать изгнание» (М., 1990), М.В.Назарова «Миссия русской эмиграции» (Ставрополь, 1992), Л.К.Шкаренкова «Агония белой эмиграции» (разные издания), многочисленные исследования Н.Г.Думовой и М.Г.Вандалковской о П.Н.Миллюкове, сборник материалов «Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940» (М., 1993) и справочные издания: «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия»

торые они опираются. Иными словами, дело не в исчерпанности проблематики, а в сложившейся типологии исследования, отличительными признаками которого можно считать неоправданно высокую степень цитатности как на уровне собственно текста, так и на концептуальном уровне; ограниченность материала, на котором основано исследование; недостаточную продуманность и некоторую «притянутость» исходных положений, постулируемых формулировок и завершающих работу выводов. Совершенно очевидна тенденция, с одной стороны, слепо доверять источнику, с другой – отчасти манипулировать им для достижения искомого (и нередко априорно заданного) результата. Первое особенно опасно в том случае, когда автор ссылается на мемуарные и другие автодокументальные тексты, как известно, требующие многократной проверки, или на не вполне достоверные исследования и таким образом тиражирует ошибки своих предшественников. Второе способствует появлению определенного количества малодостоверных и популистских по сути работ, которые, в свою очередь, цитируются, – и в результате образуется замкнутый круг: расширение исследовательского пространства далеко не лучшим образом сказывается на качестве исследований⁶.

Другая, не менее явная, тенденция – ограниченность тематики именами и явлениями «первого ряда». При отмеченной выше широте «географии» сборника круг эмигрантских деятелей, к биографиям и трудам которых обращаются авторы статей, достаточно узок и не выходит за пределы указанного ряда: П.Н.Милюков, П.Е.Ковалевский, И.А.Ильин, А.И.Гучков, А.Д.Билимович, В.Б.Ельяшевич, С.Н.Прокопович, П.Г.Виноградов, Т.Г.Масарик, Н.П.Кондаков, И.А.Бунин, Г.В.Иванов, А.И.Куприн, А.Седых, А.Л.Бем, А.М.Ремизов, В.В.Набоков и т.п.⁷ Сказанное справедливо и относительно рассматриваемых в статьях явлений и событий жизни эмиграции. Круг тем, кажущийся широким, если судить по названиям статей, значительно сужается при внимательном прочтении текстов, при этом речь нередко идет о

дия» (М., 1996), «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь» (М., 1997). Совершенно очевидно, что указанные источники далеко не равноценны по достоверности, глубине осмысления фактов и, как следствие, академической значимости.

⁶ См., например, совершенно справедливое замечание Б.А.Старкова: «Расширение возможностей для исследования Российского зарубежья привело, с одной стороны, к ломке стереотипов и ложных представлений, с другой – к появлению ряда популистских, поверхностных работ» (С.90).

⁷ См. статьи А.С.Никитина, О.Г.Малышева, И.Н.Олегина, Н.П.Копаневой, В.С.Волкова, М.Н.Барышникова, Э.Б.Корицкого, А.А.Семенова, А.В.Антощенко, И.М.Порочкиной и др.; особенно показателен в этом отношении раздел «Литература».

фактах известных и хорошо изученных; менее известные (и, стало быть, менее изученные) имена и явления представлены в сборнике не столь полно.

Казалось бы, отмеченное обстоятельство свидетельствует о направлении исследований «вглубь» рассматриваемых явлений (в противоположность направлению «вширь»), что неизбежно происходит и должно происходить при том уровне информационной насыщенности, которого достигает любая наука на определенном этапе своего развития. Однако движение «вглубь», с одной стороны, не исключает возможности накопления новой информации, с другой – предполагает более глубокое осмысление имеющейся. К сожалению, в некоторых случаях не происходит ни того, ни другого. В результате корпус исследований пополняется работами, построенными по принципу взаимоцитирования, концептуально и фактографически повторяющими друг друга, что едва ли можно расценивать как фактор, способствующий углублению и расширению наших знаний об эмиграции и пониманию этого далеко не простого феномена.

Все вышеуказанное не следует относить к недостаткам сборника как такового⁸ – речь идет, главным образом, о тенденции, отражением которой он является, что ни в коей мере не умаляет его ценности. Ценность рецензируемого издания, как и всех изданий подобного рода, прежде всего в том, что они дают возможность большому числу исследователей (и не только живущих в столицах, что чрезвычайно важно в условиях современной российской общности) представить свои работы и таким образом создают своего рода панораму жизни академического сообщества. Кроме того, данный и подобные ему сборники позволяют исследователям ознакомиться с работами своих коллег и соотнести направление и результаты собственного исследования с тем, что уже достигнуто в интересующей его области. И наконец, рассматриваемое и подобные ему издания выявляют тенденцию, делают ее очевидной, тем самым, возможно, способствуя ее осмыслению и преодолению.

⁸ К действительным недостаткам сборника следует отнести, помимо указанных выше несоответствий в структуре, значительное количество ошибок и опечаток и отсутствие единообразия в оформлении библиографических ссылок, что, вероятно, свидетельствует об отсутствии единого редактора и корректора, – тоже своего рода тенденции времени.

D

Annex

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул-Хамид II 387
Аввакум, протопоп 354, 355-357, 363, 366
Август, имп. 106
Августин Блаженный 121, 151
Аверинцев С.С. 144
Аверченко А.Т. 189, 207, 219
Авксентьев Н.Д. 462, 466
Агнивцев Н.Я. 626
Агурский М.С. 528, 698
Адамов М.К. 231
Адамович Г.В. 108, 368, 564, 575, 576, 580, 595, 596, 603, 604, 606, 609, 615, 625-627, 635-637, 639, 641, 645-648, 656, 657, 663, 666, 685, 686, 710, 711
Аджемов М.С. 471, 475
Азеф Е.Ф. 435, 446
Айналов Д.В. 101, 111-114, 116, 120, 146-148
Айхенвальд Ю.И. 7
Аксакова-Сиверс Т.А. 701
*Алданов (Ландау) М.А. 227, 244-246, 479, 481, 482, 488, 519, 523, 528, 537, 539, 547, 549, 557, 564, 565, 567, 569, 573, 576-577, 579-582, 710, 712
Алдановы, семья 547, 576
Александр I, имп. 280
Александр II, имп. 462, 464
Александр III, имп. 421, 464, 661
Александр Македонский 151
Александров Н.Г. 204
*Александрова (Шварц) В.А. 574, 575, 666, 667
Алексеев В.А. 143
Алексеев М.В. 436, 438, 446
*Алексеева (урожд. Девель, по мужу Иванникова) Л.А. 645, 646, 660, 672, 673, 678, 686, 688
Алинали, фотограф 91
Аллой В.Е. 324, 668, 698-705
Альбера Ф. 218
Альма Ивановна, воспитательница В.Н.Павловой 156-160, 163, 207
Альфиери В. 140
Амадео Дж.А. 89, 136
Амбер Е., домработница 484, 485
д'Амелия А. 700
Амманати Б. 131, 132
Аммосов А.Н. 283
Амфитеатров А.В. 323
Амфитеатрова И.В. 323
Ананьич Б.В. 713
Андерсен Х.К. 520
Андерсон, фотограф 91
Анджелико Фра Джованни да Фьезоле 71, 134
Андреа дель Сарто 47, 122

Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Андреа И.В. 598, 600
 Андреани А. 248
 Андреев А.В. 191, 207
 Андреев В. 638
 Андреев В.Л. 611
 *Андреев Г. (Хомяков Г.А.) 623, 669, 670
 Андреев И.Д. 111, 122, 153
 Андреев Л.Н. 169, 703
 Андреев Н.Е. 605, 606, 610, 625, 626, 631, 635, 636
 Андреева-Бальмонт Е.А. 324, 325, 327
 Анненков П.В. 288
 Анненский Б. 597
 Анненский И.Ф. 104, 144, 662
 Анстей (урожд. Штейнберг) О.Н. 604, 679
 Антик П.С. 231
 Антонович А. 699
 Антошенко А.В. 714, 717
 Анциферов Н.П. 44, 133, 134, 140, 143, 148, 149, 151, 702
 *Анз (Шопфер Ж.) К. 13, 22
 Апостол О.М. 486
 Апостол П.Н. 487
 Алухтин А.Н. 560
 *Аргус (Айзенштадт М.К.) 664, 666, 667
 Аргутинский-Долгоруков В.Н. 346
 Аристид 411, 424, 425
 д'Арк Ж. 536
 Арман Э.Ж. 328, 329
 Арнольфо ди Камбио 67, 70, 130
 Аронсон Г.Я. 666, 667, 679
 Арсеньев Н.С. 275
 Арцыбашев М.П. 222
 Арьев А.Ю. 586, 714
 Асадулаева Ум-эл-Банин см. Банин
 Астров Н.И. 174, 175, 207
 Ауслендер С.А. 336, 339, 340
 Ауэрбах Э. 139
 *Ахматова А. (Горенко А.А.) 588, 589, 608, 662, 679, 680, 684, 685
 Ач М. 524
 Ашока 100, 141
 Ашукин Н.С. 279
 Бабель И.Э. 7, 365
 Бабореко А.К. 489, 495, 506, 511, 514, 523
 Базанов П.Н. 713
 Байрон Д.Н.Г. 287
 Бакст (урожд. Третьякова, по первому мужу Грищенко) Л.П. 341
 *Бакст (Розенберг) Л.С. 304, 311, 312, 314, 325, 326, 333, 336, 340-342, 347
 *Бакшеев (Баринов) П.А. 186, 207
 Бальзак О. де 20, 352
 Бальмонт К.Д. 322-327
 Банин 531, 532, 542, 543, 583, 584
 Бантыш А.И. 195, 206
 Баранова-Шестова Н.Л. 700
 Барановская Л.В. 134
 Баратынская Н.Л. 53
 Баратынский Е.А. 37, 53, 124, 597, 604, 653, 655
 Барац (урожд. Бурштгейн) Ц.Ю. 499
 Барац Л.Г. 499
 Баррет (Браунинг) Э. 58, 126
 Бартенева П.И. 288
 Бартоломео Фра (делла Порта) 71, 130, 132
 Барышников М.Н. 717
 Баскер М. 593
 Бассараб, сотрудник радио «Свобода» 144
 Батюшков К.П. 37
 Бахарева (по мужу Цицианова) М.А. 496-498
 Бахметев Б.А. 368-476
 Бахметев (Бахметьев) Г.П. 369
 Бахрах А.В. 33, 507, 508, 528
 Башкирцев И.И. 684, 686-688
 Башмакова Н. 714
 Беарн Г. де, граф 265
 Беато Фра см. Анджелико
 Бебель А. 378, 381, 397
 Бедкер К. 40, 64, 123
 *Бедный Д. (Придворов Е.А.) 278, 653, 655, 656
 Беккафуми Д. 80, 135
 Беклин А. 94, 137
 Белинков А.В. 709, 710
 *Белый А. (Бугаев Б.Н.) 34, 278, 290, 309, 341, 362, 592, 700, 704, 709

- Беляев Б.Н. 534-536, 543, 544, 546
Бем А.Л. 276, 277, 717
Бенедетто да Майано 124
Бенуа А.К. 326, 328
Бенуа А.Н. 26, 43, 227, 303-306, 313, 314, 322, 324-326, 341, 344
Бенуа, семья 73, 326, 328
Берар Е. 704
Берберова Н.Н. 134, 541, 542, 547, 548, 556, 557, 562-567, 571, 574, 575, 582, 609, 619, 621, 628, 630, 632, 635, 663, 666, 668, 669, 672, 681, 682, 686
Берг 9
Бергоньоне А. 89, 137
Берд Р. 715
Бердяев Н.А. 25, 275, 276, 285, 290, 322, 324-326, 550
*Березов (Акулышин) Р.М. 618, 620, 630, 632, 633, 667, 668, 677, 678, 681
Берлин И. 711
Берлогин М., журналист 642, 643
Бернацкий М.Б. 713
Бернес М.Н. 712
Бернини Л. 58, 63, 92, 126, 128, 129
Бернштам М.С. 700
Берсанкур де 250, 251, 253, 255, 264
*Берснев (Павлищев) И.Н. 169, 170, 172, 173, 175, 176, 186, 198, 206, 207
Берта, возлюбленная И.И.Щукина 348
Бертенсон С.Л. 180, 208
Бессмертный А.С. 186, 190, 208
Бессонов В.А. 230
Бестужев-Марлинский А.А. 22
Бибиковы, семья 156, 157, 208
Билимович А.Д. 717
Билинский Б.К. 222
Бир, проф. 184, 208
Бирман М.А. 291
Биск А.А. 663, 664, 687
Бисмарк О. фон Ш. 276
Бицилли П.М. 291-299
Блинов Ив., издатель 145
Блок А.А. 23, 630, 631, 637, 646, 654, 657, 669, 670, 708, 709
Блох Н.Я. 230, 232, 233, 242-245, 250, 251, 253, 254, 261, 264
Блюменталь-Тамарин В.А. 179, 208
Бобрецов В. 703
Бобров С.С. 681
Боброва Э.И. 586
Бобышев Д.В. 698
Бове О. 203
Богарне Г. 401
Боголепов А.А. 598, 609
Богомолов Н.А. 303-348, 593
Бодлер Ш. 137, 273
Бодулин П.С. 192, 208
Бодулины, семья 192, 205
Бодуэн де Куртенэ И.А. 44, 117-119, 150
Бок Э. 591, 593
Бокшанская О.С. 203
Болдвин см. Болдуин С.
Болдуин С. 462, 466
*Болеславский (Стржезницкий) Р.В. 192, 205, 208
Болланд Ж. 151
Большухин Ю. 647, 648
Бонгард-Левин Г.М. 555
Боргер Л. 222
Борейша П.И. 581, 582
*Бородин (Грузенберг) М.М. 374
Борромео, род 137
Борромини К. 125
Ботвинник Н.М. 704
Ботт Дж.М.С. 353
Боттичелли С. 38, 71, 131
Браиловский А.Я. 642
Браманте Д. 89, 137
Брамс И. 491-493
Браун А.Дж.Ч. 352, 353, 357-362
Браунинг Р. 58, 126
Браунлоу К. 217, 224, 239, 260, 264
Брауншвейгский К., герцог 615
Брейар С. 487
Брейгель П. Старший 57
*Брильянт (Бриллиант, Сокольников) Г.Я. 427, 431
Броджи, фотограф 91
Бродский И.А. 700
Брошкевич Н.Г. 490, 491, 501
Брунеллески Ф. 70, 71, 72, 130, 131

- Брэн М. 578
 Брюллов К.П. 25
 Брюсов В.Я. 290, 329, 599
 Бубнов А.С. 199, 207, 208
 Бугаев Б.Н. см. *Белый А.
 Будберг А.П. 174
 Будницкий О.В. 368-476, 565
 Буковский В.К. 700
 Булгаков М.А. 7
 Булгаков С.Н. 24, 133, 276, 290
 Булдеев А.И. 501
 Бунин И.А. 13, 20, 222, 477-584, 598,
 605, 606, 608, 609, 620, 629, 634,
 710, 717
 Бунина (урожд. Муромцева) В.Н.
 477-584, 608, 609
 Бунины, семья 477, 478, 482-485,
 488, 489, 494, 495, 497, 508, 515,
 517, 521, 523, 530, 532, 546, 549,
 550, 557, 564, 569, 580, 699
 Буон Б. 135
 Бурбоны, династия 446
 Буресси, знакомая В.В.Вейдле 54, 57,
 59, 64, 65
 Буркин И.А. 669, 670
 Буркхардт Я. 50, 64, 123, 139
 *Буров (Бурд-Восходов) А.П. 575, 576
 Бурцев В.Л. 446
 Бутова Н.С. 206
 Бучинская (Buczynska) Е. 480
 Бучинский В. 509
 Бушен Д.Д. 112, 147
 Быстрицкий А.И. 231
 Быстрицкий М.И. 231
 Быстров В.Н. 326
 Быстров С.Ф. 7, 15, 20, 22
 Бэк, секретарша 491
 Бэрримор Дж. 266
 Вагнер Р. 32, 137, 284, 287, 304, 557
 *Вадимов А.В. 324
 Вазари Дж. 72, 131, 132, 137
 *Валентинов Н. (Вольский Н.В.) 290
 Вальтер Р. фон 270, 272, 282
 Вальцель О. 139
 Ван Эйк Я. 83, 94, 138
 Вандалковская М.Г. 716
 Ванеева Е.И. 704
 Ванель Ш. 244
 Варсано Л. 277
 Варсано С. 277
 Вара, прислуга в семье В.Н.Павло-
 вой 168, 169, 208
 Василий (Кривошеин), архиеп. 699
 Василий (ЧСВ), диакон 274
 Васильев А.А. 120, 151
 Васильева Л. 711
 Васютинская (по мужу Марка-
 де) В.Д. 480
 Васютинская Е.А. 479, 480
 Ватагин В.А. 180, 208
 Вауер 155
 Вахтангов Е.Б. 180, 208
 Вахтель Ю.Е. 231
 Введенский А.И. 44, 99, 107-109, 145
 Вейдле В.В. 24-45, 46-122, 122-130,
 132-146, 148-153, 586, 622, 663,
 669, 685-688
 Вейдле В.Л. 43, 46, 100
 Вейдле О.А. 32, 47-49, 51, 53-55, 57,
 59, 60, 62, 63, 65, 66, 68, 69, 72-74,
 77, 80, 81, 83, 85, 87, 88, 90, 91,
 93, 94
 Вейдле, семья 46, 137
 Вейцман Х. 708
 Веласкес Д. 64
 Веллек Р. (Wellek R.) 682
 Вельгаузен Ю. 122, 153
 Вельфлин Г. 64, 112, 114, 129, 139
 Венгер А. 274
 Венгеров В.Г. 230-241
 Венгеров С.А. 99, 140, 288
 Вендланд П. 122, 153
 Вербов С.Ф. 562, 563
 Вергилий 96, 123, 143
 Верещагин В.А. 542, 543
 Верещагина (урожд. Розова) М.Н.
 542, 543
 Верн Ж. 224, 423
 Вернадский В.И. 265
 Вернадский Г.В. 293
 Верне Р. 492
 Вероккио А. 83, 135
 Веронезе П. 83
 Веррес Гай 143
 Вертинский А.Н. 189, 208
 Вершховский А.А. 222

- Веселовский А.Н. 288
Викхоф Ф. 114, 147, 148
Виллари П. 97, 140
Виллен Р. 382
Вилькина Л.Н. 322-327
Вильямс Г. 350
Винавер М.М. 462, 466
Вине (Wiene) К. 191, 205, 208
Вине (Wiene) Р. 205
Виноградов П.Г. 714, 717
Вио Ф. ди 123
*Витов Н. (Пашин Н.С.) 638
Вишняк М.А. 480
Вишняк М.В. 480, 586, 641
Вишняки, семья 479
Вишнякова Н.И. 348
Власов А.А. 492
Воинов С.П. 185, 208
Войнович В.Н. 698, 699
Войно-Ясенецкий Л.Ф. 698
Волгин А., журналист 247
Волков А.А. 223, 227, 229, 244, 246-264
Волков В.С. 717
Волков О.В. 701
Волков Ф.Г. 246
Волконская З.А., кн. 66, 129
Волконские, семья 532
Волконский, кн., знакомый В.В.Вейдле 66
Волконский С.М., кн. 208, 227, 228, 329, 330, 336
Волошин М.А. 588, 589, 592, 594, 595, 608, 681, 700
Вольская Н.А. 641
*Вольтер (Аруз М.Ф.) 287, 384
Вольтская Т.А. 703, 704
Вольф М.О. 551, 552
Вольф Ю.И. 163, 209
Вольфсон М.К. 480
Вольфсон Э.С. 480
Вольфсоны, семья 479
Вомперский В.П. 291
Воронцовы гр., семья 203
Врангель П.Н., бар. 176, 177, 209, 401, 434, 435, 445, 447
Врубель А.А. 136
Врубель М.А. 83, 135, 136
Вулф В. 350, 354, 355, 366
Вулф Л. 350, 354-357, 363, 364, 366, 367
Вулф, семья 355
Вульф О. 112, 146
Вырубов А.А. 186, 191, 209
Вышеславцев Б.П. 486, 487
Вышеславцева (урожд. Алексеева) Н.Н. 487
Вышеславцевы, семья 507, 508
Вяземский П.А. 645
Габрилович Л.Е. см. *Галич Л.Е.
Гагарин И.С., кн. 283
Газданов Г.И. 574, 575, 579, 580, 622, 623, 669
Гайдаров Н.Г. 170, 209
Гаккель С. 699
Галилеи А. 128
*Галич Л.Е. 549, 550, 551, 558
Галушкин А.Ю. 477
Галь Ю. 604
Гальперн А.Я. 711
Гальперн (Андроникова) С.Н. 711
Гамсун К. 44, 95, 138
Гандельсман В.А. 703
Ганнибал 130
Ганс А. 217, 218, 222-229, 233, 239, 240, 242, 243, 247-261, 263-267
Ганчиков Л.Я. 149
Гардин В.Р. 230, 247
Гаретто Э. 134
Гарнак см. Харнак А. фон
Гарнетт К. 359
Гаршин В.М. 354
Гасман Н. 561, 578
Гаспаров М.Л. 144
Гатова Л. 632
Гауди А.П. 352
Гварди Ф. 83
Гверчино 125
Гегель Г.В.Ф. 702
Гейзелер Б. фон 282, 287
Гейзелер Г. фон 282
Гейне Г. 566
Геккерт ван, барон, зять Нувеля 314
Геккерт ван, баронесса (урожд. Нувель) М.Ф. 313, 314

- Геккерт де Беверваард Л.-Б. 314
 Генрих VII, имп. 98
 Георг Л.А. 139
 Георг Л.В. (Л.Л.?) 31, 96, 107, 110, 111, 138, 139
 Герберштейн С., барон 103, 142
 Германова М.Н. 167, 186, 188, 190, 191, 197, 198, 205, 206, 209
 Герра Р. 36, 75, 586
 Герцен А.И. 359, 468, 710
 Герцык А.К. 150
 Гершензон М.О. 283, 284, 288, 698
 Герштейн Э.Г. 701
 Гессен И.В. 698
 Гете И.В. 37, 51, 53, 58, 87, 124, 136, 144, 287, 580, 614, 615
 Гефтер А.А. 534, 574, 575
 Гефتمان К., ассистент режиссера 223, 229
 Гиде, классный наставник В.В.Вейд-ле 136
 Гийом, кардинал де Брей 130
 Гилельс Э.Г. 712
 Гингер А.С. 551, 552, 647, 648
 Гиндилис Е.А. 238
 Гинзбург А.И. 697
 Гинзбург И.С. 697
 Гиппиус В.В. 306, 342, 343
 Гиппиус З.Н. 303, 306-308, 308-341, 343, 344, 348, 483, 486-488, 492, 494, 496, 504, 521, 523, 538
 Гирс М.Н. 134, 447
 *Гитлер (Шикльгрубер) А. 272, 282, 493, 554
 Гладков Ф.В. 8, 10, 13, 15-17, 20
 Гладстон У.Ю. 100, 141
 Гласс М. 241, 245
 Гливенко И.И. 97, 140
 Гликберг А.С. 545
 Гликберг Д.Л. 545
 Гликберги, семья 545
 Глинка Г.А. 625, 626
 Глинка М.И. 491
 Глогауер, квартирная хозяйка В.Н.Павловой 182, 183, 209
 Гоген П. 129
 Гоголь Н.В. 7, 37, 58, 537-539, 557, 699
 Годфруа Мари, цирковая наездница 160, 209
 Голенищев-Кутузов И.Н. 593
 Голицын Н.Д. 467
 Голлербах С.Л. 31, 700
 Головин Н.Н. 464, 466
 Головин С.С. 537, 538
 Голубев В.В. 347, 348
 Голубева Л. 520
 Гольдберг А.М. 709
 Гомер 96, 266
 Гончаров И.А. 31
 Гораций 143
 Горбаневская Н.Е. 698
 Горбаневский Я. 698
 Гордон Б.А. 502, 503
 Горемыкин И.Л. 464, 466
 *Горный С. (Оцуп А.-М.А.) 232, 584
 Городецкий С.М. 75
 *Горький М. (Пешков А.М.) 156, 200, 202, 207, 352, 563, 690-692, 709
 Гофман В.В. 341
 Гофман М. 464, 466
 Гофман М.Л. 340, 341, 642, 643
 Гофмансталь Г. фон 47, 122
 Гоццоли Б. 78, 134
 Грабовская (Grabovska, урожд. Бучинская) В. 478-480, 482, 491, 519, 520, 544,
 Грав Ж. 328, 329
 Гракхи, братья 151
 Грановский (Азарх) А.М. 266
 Грачева А.М. 714
 Гревс И.М. 43, 44, 45, 76, 101, 108, 114-117, 120, 121, 133, 139, 148, 149, 152
 Грегер В.Э. 18, 23
 Грегоровиус Ф. 60, 126
 Ремиславский И.Я. 209
 Греч В.М. 176, 191, 198, 205, 209
 Гржебин З.И. 348
 *Григорьева (Николаева) М.П. 192, 197, 206, 209
 Гримм Э.Д. 120, 151
 Гринберг Р.Н. 609, 660, 666, 683
 Гринев Я. 264, 265
 Грифцов Б.А. 38, 42
 Громов А.А. 142
 Грузинов А.Е. 447

- Грюневальд М. 94
 Гувер Г. 459
 Гукасов А.О. 476
 Гуль Р.Б. 29, 33, 277, 350, 556, 557, 562, 586, 607-609, 625, 640-642, 656, 658, 675, 679
 Гумилев Н.С. 588-593, 595-598, 608, 634, 637, 653, 657, 662, 664, 668, 681, 682, 699
 Гуревич Д.И. 231
 Гурлянд, председатель правления «Société Générale de Films» 265
 Гутман М.Б. 586, 592, 596, 621-623, 625, 628, 633, 638, 650, 654, 656, 671, 672, 678, 679, 681, 691
 Гучков А.И. 449, 717
 Гюнтер Й. фон 282, 289
 Давидович Л.Л. 170
 Давыдова А.Л. 203
 Даль В.И. 119
 Даманская А.Ф. 481, 534, 547, 560, 562, 566
 Данзас К.К. 283
 Дани П. 248
 Данте Алигьери 49, 73, 91, 96, 117, 123, 133, 148
 Дантес (Геккерн) Ж.-К. 283
 Дарвин Ч. 153
 Даша, няня В.Н.Павловой 203, 204
 Дворжак М. 41, 139
 Дегаев С.П. 435, 445
 Дедков Н.И. 368
 Дейч Э. 236
 Делакруа Э. 25, 83, 661
 Делоне В.Н. 701
 Деман-Айзенштадт П. 712
 Демидова О.Р. 713-718
 О'Демпси Ф. 360
 Демская А.А. 348
 Денике Ю.П. 608
 Деникин А.И. 173, 175, 209, 401, 439, 445, 448, 449, 459, 460
 Державин Г.Р. 588, 656, 674
 Джефферсон Т. 426, 431
 Джойс Дж. 362
 Джорджоне 42, 94
 Джотто ди Бондоне 38, 56, 69-72, 83, 130, 131, 135, 147
 о. Дмитрий (Клепинин Д.А.) 487
 Дмитрий Ростовский (Туптало Д.С.) 141
 Добиаш-Рождественская О.А. 115, 121, 149
 Добкин А.И. 134, 151, 586, 702-705
 Добрая (урожд. Барак) Л.Г. 498
 Добровольский И. 309
 Довгелло С.П. 356
 Докучаев С.И. 460, 467
 Долгоруков П.В., кн. 283
 Долинин А.А. 7-23
 Долинов А.И. 582
 Домбровский Ю.О. 698
 Доменикино 125
 Донателло 70, 71, 83, 130, 135
 О'Донелл, графиня 124
 Дория (урожд. Погребенская) В.М. 544
 Доронченков А.И. 715
 Доронченков И.А. 24-153
 Достоевский Ф.М. 13, 14, 21, 26, 207, 276, 283, 286, 295, 309, 343, 353, 498, 499, 709, 699
 Драгомиров А.М. 374
 Дракули А.Н. 233
 Дранков А.О. 220
 Дрейер К.Т. 266, 267
 Дубовиков А.Н. 549
 Дудкин В.В. 23
 Дудорова Н.Н. 657
 Дудуся, дочь Н.Г.Брошкевич 491
 Думова Н.Г. 716
 Дункан (Duncan) А. 195, 209
 Дункер Е.Д. 135
 Дуранте, доктор 177, 209
 Дуччо ди Буонисенья 70, 135
 Дъедонне А. 227
 Дэвис Д.А. см. Davies D.A.
 Дэвис Р. 366, 477-584, 609, 703
 Дюамель М. 584
 Дюканж Ш. 121, 151
 Дюмурье Ш. 615
 Дюпон Э. 263
 Дюрер А. 94
 Дягилев С.П. 154, 303-305, 325, 343, 345
 Е.К. 239

- Евдокимова Т.В. 277
 Евлогий, митр. (Георгиевский В.С.) 486, 487
 Евреинов Н.Н. 500, 501
 Евреинова (урожд. Кашина) А.А. 492
 Еврипид 104, 144, 312, 344
 Евсейий Кесарийский 153
 Егорова, актриса 191, 209
 *Елагин И. (Матвеев И.В.) 31, 604, 615, 625, 626, 635-638, 645, 651, 669, 678, 679, 689
 Ельяшевич В.Б. 484, 485, 491, 492, 494, 495, 560, 561, 565, 569, 717
 Ельяшевич Ф.О. 480
 Ермольев И.Н. 230, 231, 241, 244, 247, 250, 251
 Ерофеев Вен.В. 697
 Ершов П.П. 567
 Есенин С.А. 297, 625-627, 630, 631, 683
 Ефимовский Е.А. 226
 Жаботинский В.Е. 708
 Желле К. см. *Лоррен
 Жеребков Ю.С. 564
 Жерков С.Н. 179, 209
 Жид А. 97
 Жирмунский В.М. 139, 140
 Жиров А.М. 482
 Жирова (урожд. Лишина) Е.Н. 481, 482
 Жирова О.М. 481, 482
 Жироду Ж. 266
 Жорес Ж. 378, 382
 Жуковский В.А. 271, 275, 277, 289, 491, 598, 609
 Забавский А.И. 36
 Заболоцкий Н.А. 587, 588, 615, 651
 Завалишин В.К. 609, 664, 671, 687
 Загородский, участник «WESTI» 233
 Зайцев Б.К. 42, 479, 481-483, 487, 489, 492, 494, 497, 501, 503, 505-509, 511, 514, 515, 518, 520, 528, 549, 555, 557-562, 564, 565, 567, 569, 570, 572, 574, 575, 581, 663, 668, 669
 Зайцева (урожд. Орешникова, по 1-му браку Смирнова) В.А. 479, 486, 487, 489, 491, 502, 503, 548, 550, 556, 561, 564, 565, 569, 668
 Зайцева (по мужу Соллогу) Н.Б. 564, 666, 668
 Зайцевы, семья 481-483, 491, 504-506, 514, 518, 520, 550, 553, 563, 568, 569, 581
 Замятин Е.И. 7, 351
 Зангарини К. 129
 Зандберг С. 265
 Запольский П.В. 560
 Зарецкий Н.В. 277-280, 285, 289
 Зверс А.Ф. 488, 495, 506, 511, 514, 523, 526
 Зедльмайр Х. 25
 Зеелер В.Ф. 502, 503, 554, 570
 Зейц, врач 210
 Зелинский В.Н. 700
 Зелинский Ф.Ф. 44, 104-106, 143, 144
 Зеличка см. Coutier L.
 Зелюк О.Г. 529-531, 533, 534, 536
 Зернов Н.М. 699
 Зерновы, семья 699
 Зигерт, владелец магазина 183
 Зильберштейн И.С. 304
 Зиник З. (Глузберг З.Е.) 712
 *Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 375
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. 346, 347
 Злобин В.А. 314
 Знаменская И. 704
 Золя Э. 241, 352
 Зонтаг (урожд. Юшкова) А.П. 574, 575
 Зораб А. 350, 352
 Зошенко М.М. 7, 14, 15, 22, 588
 Зуров Л.Ф. 494, 495, 500, 509, 528, 559, 577, 578, 609, 659
 *И.К.О. см. Опишня И.К.
 Ибсен Г. 330
 Иван (Иоанн) IV Грозный 146
 Иванников М.Д. 646
 Иванов А.А. 37, 51, 58
 Иванов В.А. 714
 Иванов Вс.Вяч. 17, 22
 Иванов А.С. 706-712
 Иванов Вяч.И. 101, 104, 141, 144, 270, 271, 272, 285, 290, 303, 305, 325, 340, 346
 Иванов Г.В. 557, 563, 578, 586, 587, 605, 608, 609, 614, 615, 622, 624, 632,

- 633, 637, 638, 641, 643, 650-656, 658, 659, 662, 674, 675-680, 714, 717
Иванов Н.И. 461, 465
*Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 704, 709
Иванова Е.В. 477, 715
Иванова Л.В. 701
Ивановы, семья, 556, 562, 566, 575
Иваск Т.Г. 596
Иваск Ю.П. 26, 28, 30, 32-34, 36, 38-42, 123, 139, 148, 596, 597, 604, 609, 614, 621, 624, 627, 629, 633, 644, 648, 650, 651, 656, 657, 660, 674, 676, 679, 685, 687, 688
Иловайская-Альберти И.А. 699
Ильин И.А. 717
Ильин, родственник В.Н.Павловой 203
Ильина Е.А. 169
Ильина О.А. 685
Ильинский О.П. 691, 692
Ильин-Томич А.А. 702
*Ильнарская (урожд. Ильина, по мужу Мунштейн) В.Н. 480, 498, 500-503, 507-509, 516
*Ильф (Файнзильберг) И.А. 700
Иннокентий X, папа 64
Иоанн, архиеп. (Шаховской Д.А.) 586, 606, 608, 609, 616, 635, 669, 672, 680, 689
Иоффе Г.З. 368
Ипполитов С.С. 248
*Ирецкий (Гликман) В.Я. 244
Исакович М. 231
Йованович М. 593
Каваллино Б. 56, 124
Каверин П.П. 278
Каганович Б.С. 291-299
Калинин А.В. 574, 575
Кальес П.Э. 377
Камаино Т. ди 123
Каменка А.Б. 230, 232, 241, 242-244
Камеровский А.Ф. 255
Камкин В.П. 31, 36, 45, 46
Камкина Е.А. 36
Каннани, представитель фирмы «Ciné-France-Film» 249
Канова А. 512, 513
Кант И. 107, 328
Карабанова З.В. 247
Караваджо М. да 123
Караччи А. 125
Кареев Н.И. 99, 110, 111, 120, 140, 325, 326
*Карелин Д. см. Кленовский Д.И.
*Карен (Оцуп) Д.А. 229, 231, 689
Карко Ф. 232
Карл Великий, имп. 98
Карманн П.-В.-Э. 256, 265
Карнеги 398
Каролина, няня в семье В.Н.Павловой 168, 210
Карпини Дж. да Пуано 142
Карпов С.В. 715
Карпович М.М. 547, 548, 561, 562, 566, 568, 569, 573, 586, 607-609, 644, 666, 668
Карраччи, братья 125
Карсавин Л.П. 115, 116, 121, 149, 150, 152, 298, 709
Карташев А.В. 139, 330, 550
Каспари А.А. 159, 163, 164, 210
Каспари Г.А. 163, 210
Каспари Т.А. 159, 210
Катуар, семья 155, 164, 210
Катык А. 560, 561, 570, 571
Каутский К. 397, 401
*Качалов (Шверубович) В.И. 174, 175, 180, 186, 192, 206, 210, 557, 562
Качаловы, семья 173
Кашин А.А. 633, 634, 637, 669
Кашина-Еврейнова А.А. 493
Квартиров А.В. 231
Кедрова Е.Н. 496, 497
Кейлин Д. 708
Кейнс Дж.М. 356, 357, 365, 366
Кейнс Л. см. Лопухова Л.
Кекова С.В. 703
Келлерман Ф. 615
Керенский А.Ф. 430, 432, 437, 439-445, 447, 449, 453, 470, 472, 474, 483, 484
Керре А. 233
Кефисодот 137
Кипренский О.А. 287
о.Киприан (Керн К.Э.) 569, 570

- о. Киселев А. 28
 Китс Дж. 58, 125
 Кишкин Н.М. 438, 439, 448, 450
 Клапп, проф. 184, 185, 210
 Клемансо Ж. 378, 381, 464, 466
 Клементьев А.К. 150, 570
 Клементьева С.Ю. 150
 *Кленовский (Крачковский) Д.И.
 585-693
 Клер Р. 233, 244
 Клодель П. 25
 Клюев Н.А. 608, 609
 Ключевский В.О. 109
 Книппер (Книппер-Чехова) О.Л. 154,
 174, 175, 180, 186, 190, 192, 210
 Книс Р. 271, 272, 276-285, 287, 288,
 290
 Кнопф А.А. 362, 363
 Кобак А.В. 702-704
 Кобецкий Я.Я. 499
 Ковалевский П.Е. 717
 Кованько Н.И. 220, 221, 224, 226, 239
 Коган, обитатель Русского дома 562
 Кодуччи М. 135
 Кожина Л.А. 501
 Козинцев Г.М. 712
 Козлик Ф. 700
 Козловский Н.П. 220
 Кокто Ж. 690, 692
 Колин Н.Ф. 219-221, 241-244, 263
 Колкер Ю.И. 700
 Колли Н.Я. 155
 Колчак А.В. 44, 459, 460
 Кондаков Н.П. 717
 Кондиво А. 147
 Коновалов А.И. 431, 432
 Коновалов Б.М. 686
 Коноплев С.В. 196, 206, 210
 *Конрад Дж. (Коженёв-
 ский Ю.Т.К.) 13
 Консон Л. 700
 Константин I, имп. 128
 Константинов Н.А. 545, 546
 Копанева Н.П. 717
 Копельман С.Ю. 348
 Копржива-Лурье Б.Я. 701
 Корб Иоанн Г. 142
 Коренева Л.М. 194, 197, 206, 207, 210
 Коренева М.Ю. 343
 Корицкий Э.Б. 717
 Кормер В.Ф. 698
 Корнилов Л.Г. 430, 432, 436-443,
 445-450
 Коровин К.А. 154
 Коростелев О.А. 585-693
 Костиков В.В. 716
 Кравец Т.П. 172, 210
 *Крайний А. см. Гиппиус З.Н.
 Кракауэр Э. 245
 Красин Л.Б. 369
 Краснов П.Н. 16, 22, 466, 541
 Краусс А. 248
 Крачковский Д. см. Кленовский Д.И.
 Крачковский И.Е. 638, 639
 Крейд В.П. 323
 Крейман Р.Ф. 158
 Кронака (Симоне дель Поллайоло)
 72, 132
 Кронеберг А. 557
 Крук С. 9
 Кръжановская М.А. 171, 172, 174, 186,
 189, 190, 191, 198, 206, 207, 210
 Крылов А.Н. 187, 210
 Крылов И.С. 354
 Крымов А.М. 442, 449
 Крючков П.П. 199, 207, 210
 Куандро М.-Э. 584
 Кубицкий А.Л. 223
 Кублановский Ю.М. 700
 Кубра, сестра Банин 532
 Кузмин М.А. 33, 304, 307, 323, 325,
 336, 340, 346, 350, 588, 589, 625
 Кузнецова (по мужу Петрова) Г.Н.
 481, 482, 486, 488, 496, 497, 539,
 540, 564, 576, 608, 609, 632, 634
 Кузьмина-Караваева Е.Ю. см. мать
 Мария
 Куланж Н.Д.Ф. де 114, 148
 Кулешов С.В. 368
 Кульман Н.И. 480, 490, 491, 504-507,
 512
 Кунерт (Kuhnert) В. 184, 210
 Купайгородская А.П. 715
 Купер Дж. 361
 Куприн А.И. (*Али-Хан) 218-222,
 242-244, 553, 555, 715, 717

- Куприна К.А. 218, 242
*Курдюмов А.А. (Лурье Я.С.) 700
Куренков А.А. 32, 33, 42, 46, 48-51,
53-69, 71-74, 76-82, 84-91, 93-95
Курнос Дж. 351, 360
Курциус Э.Р. 27
Кускова Е.Д. 450, 457, 459
Кутепов А.П. 173, 210, 446
Кутепов К., свящ. 310
Кутшеба С. 102, 142
Кучерявкин В. 585
Кушаков Иван, крестьянин 169, 210
*Кэрролл Л. (Доджсон Ч.Л.) 692
Кюртис Ж.-Л. 547
Лабиш Э.М. 233
Лавров А.В. 276, 307-309, 702, 703,
704
Лагардель Г. 324
Лагардель, г-жа 330
Лагов Н.М. 125
Ладинский А.П. 504, 629, 635
Лазарев В.Н. 130
Лазарев П.П., проф. 180, 205, 210
Лазаревский Б.А. 222
Лакка Ц.П. 222
Ландау Н. 268
Лапинер А. 234
Лаппо-Данилевский А.С. 120, 150
Леве П., подруга В.Н.Павловой 155,
161-163, 210
Левина М.Г. 486, 487
Левинсон-Лессинг В.Ф. 122, 152, 153
Левитан И.И. 661
Лейкинд О.Л. 277, 551
Лейхнер, владелец магазина 188, 210
Лейхтенбергская (Богарне, по мужу
Могилевская) Н.Н., герц. 481, 482
Ленбах Ф. фон 137
*Ленин (Ульянов) В.И. 297, 379, 459,
462, 470
Ленци Д. 131
Леонардо да Винчи 83, 89, 114, 136,
147
Леонидов Л.Д. 176, 197, 206, 210
Леонидов Л.М. 211
Леонов Л.М. 15, 352
Леонтович В.В. 699
Леопарди А. 135
Лермонтов М.Ю. 9, 21, 275, 494, 516,
582, 665
Лернер Н.О. 288
Лесков Н.С. 20
Лесли Ш. 353
Либерман А. 707
Либерман М. 174, 175, 211
Ливий Тит 143
Лидин В.Г. 21, 23
Линьяк А. 265
Липпи Ф. 130
Липшиц Р.Л. 182, 211
Липшиц Я.А. 182, 183, 205, 211
Липшиц, семья 186
Лисенко Н.А. 247
Лист Н.Г. 180, 187
Лист Ф. 492, 493
Лист, семья 155
Литвак А. 248
*Литвинов (Валлах) М.М. 707
Литвинов, сотр. радио «Свобода» 144
*Литовцева (Левестам) Н.Н. 169, 171,
174, 204, 211
Лифарь С.М. 501
Лихарева С.А. 275
Лиянов Д. 239
Лloyd Джордж Д. 464, 466
Лобачевский В.Л. 167, 211
Лобыцына М. 707
Ловягин А.М. 142
Лозан С. 218
*Лоло (Мунштейн Л.Г.) 479 481, 500-
503
Ломбардо П. 135
Ломбардо, семья архитекторов 132
Лопухин П.Е. 222
Лопухова Л., балерина 356, 365
Лоренцетти А. 79
Лоренцо ди Антонио ди Джери 130
Лорис-Меликов И.Г. 537, 538, 565
*Лоррен 59, 126
Лосский Н.О. 107, 108, 120, 145, 276,
277, 279-281, 285, 288, 290
*Лоти (Вио Л.М.Ж.) П. 13
Лотман Ю.М. 30
Лошаков А. 222, 223, 247
Лубенин Д.М. 209
Луи Бонапарт 401

- Лукаш И.С. 246
 Луначарский А.В. 207
 Лунц М.Л. 244, 245, 250, 251
 Львов В.Н. 441, 449
 Львов Г.Е., кн. 385, 387, 399, 438, 449
 Львов Л.И. 486, 488, 494, 495, 500,
 501, 507, 508
 Львов Н.Н. 447, 468, 473, 475
 Лэм Ч. 351
 Лэндор У.С. 58, 126
 Любимов Л.Д. 518
 Любин П. 29, 37
 Любич Э. 263
 Людендорф Э. 463, 464, 466
 Лютер А. 282, 284
 Ляцкий Е.А. 484, 485
 Магаршак Д. 711
 Магер А. 270
 Мазачко 57, 70, 71, 72, 83, 130, 131
 Мазолино 130
 Мазурова А.Н. 549, 551
 Май-Маевский В.З. 173, 211
 Майн Рид Т. 11, 501
 *Майский В. (Ляховецкий И.М.) 707
 Майтани Л. 67, 130
 Макдональд Р. 462, 466
 Макензен А. 466
 Макиавелли Н. 98
 Маклаков В.А. 134, 368-371, 371-476,
 508
 Маклакова М.А. 507, 508
 Маковский С.К. 609, 610, 627-631,
 633, 636, 640, 646, 647, 649, 650,
 658, 663, 686, 688
 Максенций, имп. 128
 Максимов С.С. 660
 Малейн А.И. 103, 142
 Маликов Н.П. 231, 232
 Малышев О.Г. 717
 Малышкин В.Ф. 491-493
 Мальмстад Дж. 701, 704
 Мамонтов С. 699
 Мамченко В.А. 647, 648
 Мандельштам Н.Я. 698
 Мандельштам О.Э. 34, 365, 588, 589,
 608, 628, 629, 637, 662, 680, 684,
 685, 699, 701
 Мане Э. 83, 129
 Манжик, повар Тундутовых 166
 Манзи Д.Д. 121, 152
 Манн Т. 41
 Мао Цзэ-дун 28
 Марго Д.Д. 12, 21
 Маргулиес М.С. 248, 261, 262, 264,
 266
 Маре Ганс фон 94, 137
 Мари Ж. 249
 Маритен Ж. 25
 Мария Юстиновна, машинистка 165,
 211
 Марков В.Ф. 585-693
 Маркс А.Ф. 493, 495, 552
 Маркс К. 353, 702
 Мартини С. 71, 79, 130
 Мартынов Е.Н. 449
 Мартынов П.И. 179, 211
 Мартынова В.Р. 479, 484-486, 493,
 500, 507, 508, 566, 568, 574
 Мартынова Н.Ф. 179, 211
 Марциал 103
 Мас Латри Ж. М.-Ж.-Л. де 121, 152
 Масарик Т.Г. 717
 Массалитинов Н.О. 169, 186, 188,
 204, 205, 211
 Мать Мария (урожд. Пиленко Е.Ю.,
 по 1-му мужу Кузьмина-Каравае-
 ва, по 2-му мужу Скобцова) 486,
 487, 699
 Матя, тетя В.Н.Павловой, сестра
 Э.К.Редлих 164, 211
 Махров К.В. 551
 Мащони Г. 124
 Маша, прислуга М.А.Усачевой 163
 Маяковский В.В. 669, 670
 Медичи Джулиано, герцог Немур-
 ский 72, 112, 132
 Медичи К. 130
 Медичи Лоренцо, герцог Урбинский
 72, 112, 132, 147
 Меерсон Л. 233
 Мейе, владелец книжн. магазина 33
 Мейер А.А. 139, 700
 Мейер Г.А. 617
 Мейерхольд В.Э. 95, 138, 154
 Меймре А. 715
 Мейнгардт Н. 227

- Мекк А.К. фон 165, 203, 211
Мекк Н.К. фон 165, 203, 211
Мекк Н.Ф. фон 203
Меллер Р. 244
Меллон Э. 130
Мельников Н.Г. 641
Менделеев Д.И. 540
Мережковские, семья 306-310, 312, 314, 318, 319, 324, 325, 329, 330, 482, 483
Мережковский Д.С. 43, 270, 285, 290, 307, 309, 311, 312, 322, 324-330, 341, 342-344, 345, 346, 348, 481, 487
Мериме П. 287
Мец А.Г. 589
Мечикян Г. 222
Мечников И.И. 297, 329, 330
Мечников, актер 227
Мидхат-паша 387
Мийо Ф. 265
Микеланджело Буонаротти 40, 62, 63, 72, 112-114, 128, 129, 131, 132, 135, 147
Микелоццо 132
Миклашевский К.М. 246
Милованова А. 244
Милоков П.Н. 100, 368, 438, 439, 447, 462, 466, 468, 470, 471, 475, 490, 491, 714, 716, 717
Минна, кухарка В.Н.Павловой 161
*Минский (Виленкин) Н.М. 307, 322, 323, 325-327, 332, 333
Миншлова А.Р. 593
Минь Ж.-П. 121, 152
Мирлиз Х.Х. 354, 355-357, 363
Миролюбов Ю.П. 638
Миронов Б.Н. 369
Миславский В. 245
Михаил Александрович, вел. кн. 438, 460, 461, 465, 469-471
Михайлов М.В. 330
Михайлов П.А. 484, 485, 491, 509, 512, 520, 521, 561, 569, 573
Михайлова Э., жена Михайлова П.А. 485
Михельсон Н.И. 479, 480, 521
Мицкевич А. 287
Мнухин Л.А. 222, 501
Модзалевский Б.Л. 288
Мозжухин И.И. 222-225, 227, 241, 244, 245, 247, 249, 263
Молок Ф.А. 277
Мопассан Г. де 665
Морли Дж. 100, 141
Морозов П.О. 288
Морской А. 222, 232, 234, 241
*Моршен (Марченко) Н.Н. 600, 601, 603, 604, 625, 627, 631, 633, 640, 642, 650, 656, 659, 661, 675, 677, 678, 687
Москвин И.М. 154, 263, 557, 562
Москович В. 487
Моуд Р. 357
Мочульский К.В. 699
Мошнягер А. (*Arcady) 698-700
Мундвиллер Ж. (*Мейер Ж.) 264
Муравьев Н.К. 465
Муравьева Е.А. 279, 340
Муравьева-Логонова Т. 699
Муратов Д.М. 170
Муратов П.П. 25, 26, 37, 38, 41, 42, 55, 92, 123, 124, 126
Муратова Е.П. 170, 194, 206, 211
Муромцев С.А. 419, 420, 425
Муусолини Б. 63, 391, 408, 409, 414, 429
Мчеделов В.Л. 204
Мясников М. 561
Мясоедов В.К. 113, 147
Набоков (*Сирин В.) В.В. 7-21, 22, 23, 34, 229, 479, 480, 539, 636, 639, 641, 717
Набоков Д.В. 9
Нагродская Е.А. 12
Назаров В.Г. 188
Назаров Г.В. 156, 164, 167, 170, 171, 180, 186, 203, 211
Назаров М.В. 716
Нальпа М. 248
Нансен Ф. 459
Наполеон I, имп. 81, 240, 243, 410, 501
Наполеон III, имп. 391, 401, 408
Нарбут В.И. 700
*Нароков (Марченко Н.В.) 597

- Наталья Васильевна, коллега
В.Н.Павловой 177
- Наталья, горничная Павловых 157, 211
- Небольсин А.Р. 37
- Недбаевский В.М. 248
- Некрасов Н.А. 654, 677
- Немирович-Данченко (урожд бар. Корф, по 1-му мужу Бантыш) Е.Н. 195, 197, 201-203, 206
- Немирович-Данченко В.И. 154, 167, 169, 170, 180, 194-203, 205, 206, 207
- Немирович-Данченко М.В. 200, 207
- Нерлер П.М. 589
- Нерлинг, учитель арифметики В.В.Вейдле 120
- Несторов М.В. 344, 491
- Нечипорук Е.И. 23
- Никита, помощник И.И.Башкирцева 683, 684
- Никитин А.С. 717
- Никитин В.Н. 204
- Никитина В.Р. 204
- Никитины, семья 178
- Николаев Г. 697
- Николай I, имп. 389, 446, 464, 466
- Николай II, имп. 389, 465, 469, 470, 475
- Николай Николаевич, вел. кн. 388, 389, 434, 435
- Никон, патриарх 297
- Никулин Л.В. 446, 670
- Нилус П.А. 485
- Нилусы, семья 485, 533
- Ницше Ф. 276, 315, 342
- Новосильцев Л.Н. 438, 439, 448
- Нувель В.Ф. 303-348
- Нувель Р.Ф. 344
- Нувель Ф.Ф. 344
- Нусберг Л. 697, 698
- Нурок А.П. (*Силен) 304, 305, 326, 328
- Обера Л. 241
- Образцов С.В. 712
- Обрегон А. 377
- Оверпут см Опперпут Э.О.
- Овидий 123
- Огарев Н.П. 507
- Одарченко Ю.П. 651, 700
- *Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) 33, 557, 568, 578, 586, 605, 606, 608, 609, 626, 641, 661, 663, 666, 672, 673, 675, 676, 678, 679, 680, 683-685, 687, 700
- Ойстрах Д.Ф. 712
- Оксинская (по мужу Лаврова) Т.А. 524, 546, 548
- Оксинская М. 548
- Окулич И.К. 541
- Олеарий А. 103, 142
- Олегин И.Н. 717
- Оня, прислуга в доме В.Н.Павловой 167, 170, 172, 179-186, 188, 193, 203
- Опишня И.К. 645
- Опперпут Э.О. (*Стауниц, *Селянинов, *Касаткин) 435, 446
- Орлова (Аренская) В.Г. 173, 189
- Ортега-и-Гассет Х. 25, 299
- Оруэлл Дж. 637, 638
- Осокина Т.В. 268
- Останин Б.В. 585
- Островский Н.А. 352
- Остроумова-Лебедева А.П. 305
- Осьмакова Н.И. 703
- Оттов Ф. 540
- Оттокар Н.П. 74-77, 80, 97, 101, 114-116, 121, 133, 134, 150
- Оттокар Ц.Я. 74, 75
- Офросимов Ю.В. (*Ъ) 263
- Охотин Н.Г. 702
- Оцуп Н.А. 575, 610, 615, 680, 689
- Павел I, имп. 346, 348
- Павел VI, папа 62
- Павел Иовий Новокомский 142
- Павлищев Л.Н. 283
- Павлов Д.Н. 157-159, 164
- Павлов Дмитрий, дядя В.Н.Павловой 164
- Павлов П.А. 189, 191
- Павлова (жена П.А.Павлова) 189
- Павлова (урожд. Яниш) К.К. 621
- Павлова А.П. 711
- Павлова В.Н. 154-214
- Павлова М.М. 324, 343
- Павлова Т.В. 704
- Павлов-Сильванский Н.П. 110

- Павловы, семья 203
Павша А.В. 179
Пайпс Р. 704
Пакэн (урожд. Бекер) Ж. 498
Палья Дж. 126
Панин Г.Г. 586
Панина С.В., гр. 174, 175, 207
Панич Ю.А. 144
Панова В.Ф. 566, 567
Пантелеймонов Б.Г. 526, 528-530,
534-536, 540-544, 549, 551-553,
555-559, 561-563, 565, 567, 570-573,
575-584
Пантелеймонова (урожд. Кри-
стин) Т.И. 530, 576, 577
Пантелеймоновы, семья 539, 540
Парсонс И. 350
Пархомовский М.А. 487, 528, 549,
706, 712
Пастернак Б.Л. 352, 365, 608, 658,
660, 666, 668
Пастухов В.Л. 609
Паустовский К.Г. 566, 567
Пахмусс Т.А. 314, 319, 328, 334
Пейтер У. 42
Пенлеве П. 382
Перикл 583
Перская, жена С.М.Перского 479,
480, 500, 502
Перуджино П. 68, 130
Перцов П.П. 306, 343
Перченюк Ф.Ф. 703
Першин, сотр. Русского дома 560
Петр I, имп. 146, 661
Петражицкий Л.И. 99, 140
Петрарка Ф. 488, 489
*Петров (Катаев) Е.П. 700
Петрова Г.Н. см. Кузнецова Г.Н.
Петровская Н.И. 340
Печковский А.П. 129
Пизано Дж. 134
Пизано Н. 134
Пий II, папа 79
Пик Л. 266
Пикассо П. 29
Пиленко А.А. 298
*Пильняк (Воган) Б.А. 8, 15, 17, 18,
22, 23, 351, 352, 360, 361
Пинтуриккьо 79
Пиранези Дж.Б. 128
Пирогов Н.И. 297
Пирожков М.В. 312, 345, 346, 348
Питти, герцоги 133
Платон 96, 272, 702
Платонов С.Ф. 99, 106, 109-111, 120,
142, 145, 146
Плеве В.К. 446
Плещеев А.А. 518
Плиний Младший 39, 50, 123
Плиний Старший 50, 123
Плющева П.Д. 196, 206
Поволоцкий Я.Е. 580
Подгорный Н.А. 169, 170, 173, 174,
197, 204, 206
Познер В.С. 223
Поливанов Л.И. 279
Полициано А. 131
Полонская (урожд. Ландау) Л.А. 564,
582
Полонские, семья 581
Полонский В.А. 220
Полонский Я.Б. 564, 582
Поляк Г. 36, 133
Поляков Л.С. 712
Поляков Самуил 712
Поляков Стивен 712
Поляков Ф.Б. 269-290
Поляковы, род 712
Померанцев А.Н. 203
Померанцев К.Д. 566, 568, 592, 594,
639, 641-643, 645, 646, 666, 671,
678, 700
Помяловский Н.Г. 374, 376
Поплавский Б.Ю. 620, 635
Поплавский Ю., отец Поплавско-
го Б.Ю. 627
Попов А.В. 714
Поповский М.А. 698
Поппер К. 702
Прегели, семья 533
Прегель (урожд. Авксентьева) А.Н.
483, 484, 550, 551
Прегель Б.Ю. 533, 549, 550
Прегель С.Ю. 519, 533, 535, 541, 547,
548, 565, 572, 579, 610, 663, 664,
668, 671

- Прентис Ч. 350-353, 357, 358, 360-362
 Пресняков А.Е. 109, 111, 145, 146
 Прети М. 124
 Приселков М.Д. 109, 111, 145, 146
 Присманова А.С. 620, 621, 630, 632, 663, 685, 686
 Притыкина Т.Б. 697-705
 Пришвин М.М. 7
 Прокаччи У. 130
 Прокопович С.Н. 442, 450, 459, 717
 Прокопович-Кускова Е.Д. см. Кускова Е.Д.
 Прокофьев В.Н. 37
 Проперций Секст 103
 Протазанов Я.А. 223, 247
 Протасов Н.И. 544, 578
 Пруст М. 73, 132, 574, 575
 Псидандер (*Гаррисон) В. 246
 Пташицкий С.Л. 102, 142
 Пуанкаре Р. 222, 366, 382, 462, 466
 Пудовкин В.И. 263
 Пузанов В. 7, 15, 22
 Пурин А. 704
 Пуссен Н. 58, 126
 Путята Н.В. 53
 Пуччини Дж. 64, 129
 Пушкин А.А. 514
 Пушкин А.С. 15, 22, 27, 66, 67, 127, 129, 140, 142, 269, 275-290, 314, 354, 424, 509, 514, 573, 588, 625, 629, 631, 645, 649, 657, 665
 Пущин И.И. 283
 Пьеро делла Франческа 77
 Рабинович А. 450
 Рабинович Г. 233, 243
 Рабинович С. 308
 Раев М.И. 139, 716
 Раев Н.П. 142
 *Раевский Г. см. Оцуп Г.А.
 Раевская (по мужу Иерусалимская) Е.М. 197, 206
 Разоренов А.Е. 489
 Разумный А. 241
 *Раннит А. (Долгошев А.К.) 680
 Рафальский С.М. 672-674, 678
 Рафаэль Санти 63, 68, 95, 135, 138
 Ребикив В.И. 196, 206
 Редлих Вера, режиссер 155
 Редлих Э.К. 164,
 Редлих, доктор 164
 Резникова Н.В. 350
 Реймонд Г. 350
 Рейс Е.Г. 232, 233
 Рейтблат А.И. 703
 Рембрандт ван Рейн Х. 94, 138
 Ремизов А.М. 350-354, 356-358, 360-362, 365, 481, 529, 530, 581, 582, 700, 714, 717
 Ремизова (урожд. Довгелло) С.П. 582
 Ремизовы, семья 354, 530
 Рене, сотр. «WESTI» 255
 Рени Г. 57, 125
 Ренуар П.-О. 129
 Ренья А. де 73, 132
 Репин И.Е. 314
 Рескин Дж. 53, 117, 124, 150
 Ресневич-Синьорелли О. 134
 Реутский Н.В. 309
 *Ржевский (Суражевский) Л.Д. 33, 587, 622, 624, 636, 637, 644, 649, 650, 659, 669, 672-674, 676
 Ржевские, семья 622, 623, 648, 657, 673, 681, 691
 Ржевский, владелец молочной 164
 Риббек О. 104, 143
 Ригль А. 114, 139, 147
 Рикурд С.Х. 353
 Римский (Курмашов) Н.А. 239, 244, 247
 Рискин В.Я. 167, 168, 169, 180, 181, 204, 208
 Рихтер Э. 378, 381
 Ричардс А.А. 366, 367
 Рогачевская Е.Б. 567
 Рогачевский А.Б. 349-367, 706
 Рогинский А.Б. 702
 Роговский Е.Ф. 534-536, 544, 547, 560, 575, 576
 Роде Б.Э. 187
 Роде В.П. 187
 Родзянко М.В. 436, 438, 446, 447
 Рождественский И.М. 169
 Рождественский С.В. 111, 146
 Розанов В.В. 290, 307, 309, 311, 328, 343, 698

- Розенмайер Е.А. фон дер 514, 515
Розенталь Л.М. 265, 267
Розенталь Р. 268
Розенталь, семья 268
Рокко А. 429, 431
Рокфеллер Д. 398
Роллан Р. 114, 115, 148
Романов Пант.С. 15
Романовы, династия 471
Ромеровский, участник съёмочной группы 229
Рональдс, сотр. радио «Свобода» 144
Росвейд Э. 151
Роскина Н.А. 699
Росселино А. 124
Ростовцев М.И. 44, 104-106, 120, 143, 144, 151
Ростовцев, директор Московско-Казанской ж.д. 165
*Ротиков К.К. 305
Роуз Дж. 353
*Рошин Н. (Федоров Н.Я.) 518-520, 528, 532, 533
*Рошина-Инсарова (Пашенная) Е.Н. 499-501, 545-548, 552, 559, 560, 565
Рубенс П.П. 83
Рублев А. 25
Рубрук В. де 142
Рудаков Н., оператор 233
Рудаков С.Б. 701
Руденко Н. 224, 227, 265
Руденцова Ю.И. 248
Рудин, сотрудник радио «Свобода» 144
Руднев В.В. 520, 535, 572
Руднев С.М. 183
Рузский Н.В. 436, 446
Руманов А.В. 552, 574
Руманова (урожд. Цинн) Л.Е. 551, 552
Рунич О.И. 232, 241
Руссо А. 51, 124
Рындзюньские, семья 180
Рябушинский В.П. 432
Рябушинский П.П. 432, 447
Рязановский Н.В. 292
Сабашниковы М. и С., издатели 104, 144
Савинков Б.В. 439, 440, 443, 446, 449
Савицкая М.Г. 154, 198, 207
Савицкий П.Н. 292-299
Савонарола Дж. 71, 98, 130
Садовский В.Н. 702
Садуль Ж. 224, 245
Сазонов С.Д. 458-460
Сазонова Ю.Л. 551
Саккони Дж. 125
*Салтыков-Щедрин М.Е. 20
Сальвемини Г. 355
Сальви Н. 128
Самков В.А. 304
Сангалло А. Младший 128
Санктис Ф. де 125
Светов Ф.Г. 698
Святополк-Мирский Д.П. (*Мирский Д.С.) 349-367
Святополк-Мирский П.Д. 350
Святослав, кн. 516
Северюхин Д.Я. 277, 551
*Седых А. (Цвибак Я.М.) 33, 34, 563, 564, 579, 580, 583, 717
Сезанн П. 56, 83, 129
Сейфуллина Л.Н. 8, 12-15, 20, 22
Семенов А.А. 717
Семенов Ю.Ф. 476, 543
Семенова Н.Ю. 348
Семенов-Тянь-Шанский А.Д. 33
Сервантес С.М. де 96, 297
Сергей Александрович, вел. кн. 446
Сергиевская Е.Н. 369, 373, 374, 376, 431, 465, 475
Сергий, митр. (Страгородский И.Н.) 459
Сергий (Гаккель), прот. 487
Серебрякова З.Е. 134
Серков А.И. 307
Серов В.А. 304
Серов С.М. 528, 529
Сечкарев В.М. 34
Синьорелли Л. 67, 129
Синьорелли М. 134
Скаруффи Э. 46
Скобелев М.Д. 157
Скобцов Ю.Д. 487
Скопиченко (по мужу Коновалова) О.А. 684, 685

- Скульская Е.Ф. 204
 Слизкой А.Ф. 630
 *Словцов Р. (Калишевич Н.В.) 224, 226, 229
 Смирнов А.А. 317, 318, 323, 326, 332, 333, 334
 Смит Дж.С. 351, 355
 Смоленский В.А. 575, 635
 Соболев А.В. 299
 Соболев А.Л. 307, 308, 319, 324, 325, 329
 Содома 135
 Сойфер (*Осипов) И.А. 232
 Соколов М.Н. 28
 Солженицын А.И. 699
 Солимена Ф. 56, 124
 Соллогуб А.В. 564
 Соллогуб, семья 503
 Соловьев Вл.С. 114, 122, 271-275, 277, 283, 284
 Соловьев М.С. 274, 275
 Соловьев С.М., поэт 279, 290
 Соловьева И.Н. 154-214, 703
 *Солугуб (Тетерников) Ф.К. 549-551, 588, 589
 Сомов К.А. 303-306, 314, 346
 Сорокина М.Ю. 265, 268, 703
 Сосюр Ф. де 117, 119, 150
 Софокл 104, 143, 144
 Спаркс М. 692
 Спенсер Г. 429, 432
 Ставров П.С. 584, 610
 Ставрова М.И. 536
 Ставровы, семья 537
 *Сталин (Джугашвили) И.В. 375, 707
 *Станиславский (Алексеев) К.С. 198, 205, 703
 Станциони М. 124
 Станюкович Н.В. 688
 Старков Б.А. 714, 715, 717
 Стахович А.А. 170
 Стейнбек Дж. 584
 Стеклов Ю.М. 472, 476
 *Стендаль (Бейль А.) 37, 126
 Степун М.А. 481, 482, 488, 496-498, 539, 540
 Степун Ф.А. 26, 139, 489, 497, 605, 606, 609, 622-624, 669
 Стерн Л. 351
 Стиннес Г. 233-236, 251, 252
 Столыпин П.А. 100, 444, 462, 464
 Стороженко Н.И. 284
 Стравинский И.Ф. 303
 *Странник см. Иоанн, архиеп. (Шаховской Д.А.),
 Струве А.А. 495
 Струве А.П. 492-494, 638
 Струве Г.П. 32, 290, 541, 573, 586, 599, 628, 629, 635-643, 647-649, 660, 669, 672, 673, 675, 678, 679, 682, 686, 688, 699, 700, 712
 Струве М.А. 518
 Струве Н.А. 570, 697, 700
 Струве П.Б. 292, 394, 401, 434, 447, 476, 490-492, 494-497, 507, 508
 Струве, семья 541
 Ступницкий А.Ф. 524, 533
 Стшиговски Й. 114, 147, 148
 Суворов А.В. 408
 Сувчинский П.П. 292, 351, 352, 367
 Судейкин Г.П. 446
 Сургучев И.Д. 204, 222, 564
 Сушкин П.П. 172
 Таиров А.Я. 241
 Талдыкин А.Г. 240
 Таленти Фра Якопо 131
 *Танти (Феррони), клоун 160
 Тарановский К.Ф. 30
 Тарасова А.К. 174, 204
 Тарасова Н.Б. 627, 628, 633, 636, 637, 689
 Тард Г. 114, 149
 Тарханов М.М. 204
 Таскин Ю.А. 663
 Татиринов В.Е. 7
 Татиринова Р. 7
 Таубер Е.Л. 617, 685, 686
 Тацит 103, 142
 Телешов Н.Д. 530, 550
 Телицын В.Л. 487
 Тенишева М.К., кн. 314
 Терапиано Ю.К. 33, 586, 593, 595, 596, 599, 605, 610, 611, 614, 617, 620, 625, 631-635, 637, 642-648, 658, 662, 665-668, 671, 673, 675, 678, 680, 685, 687

- Тикстон (Theakston) П.А. 498, 499, 508, 532
Тикстон С.П. 532, 537, 538
Тиман П. 240, 246
Тимашев Н.С. 608
Тимофеев, владелец типографии 310
Тиссэ Э.К. 263
Тициан 39, 40, 47, 57, 122, 135
Толстая А.Л. 539
Толстая С.А. 155
Толстой А.К. 605, 606, 625
Толстой А.Н. 568, 569, 642
Толстой Л.Н. 155, 191, 196, 231, 284, 297, 309, 343, 351, 353, 354, 503, 504, 525, 528, 560
Тонгур Н. см. Tongour N.
Топорков Н. 222
Торвальдсен Б. 94, 137
Траини Ф. 78, 134
Трепов А.Ф. 467
Третьяков С.Н. 447
Тринкел, оператор 247
Тростников В.Н. 699
*Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 169, 375, 466
Трубецкой Е.Н., кн. 447
Трубецкой Н.М. 150
Трубецкой Н.С., кн. 292, 296
Трубецкой Ю.П. 604, 646, 647, 649, 662, 667, 671, 675
Трубилова Е.М. 477, 527
Тундутов Данзан 166
Тундутов, кн. 166
Тундутовы, семья 166
Туниманов В.А. 291
Тураев Б.А. 99, 140
Тургенев И.С. 37, 103, 231
Туржанский В.К. 219-221, 224, 226, 227, 239, 241, 248, 260
Тынянов Ю.Н. 140, 352
Тьеполо Дж.Б. 83
*Тэффи (урожд. Лохвицкая, в браке Бучинская) Н.А. 477-584, 603, 604, 650
Тютчев Ф.И. 37
Уистлер Дж.М. 129
Ульянов Н.И. 630, 632, 659, 660, 663, 673-678
Урусова Н., племянница П.Леве 162
Усачева Л. 163, 164
Усачева М.А. 163, 164
Усачевы, семья 164
Успенская М.А. 205, 208
Успенский Г.И. 25
Уферман П. 235
Ухтомский Н. 234, 245
Ухтомский Н.П., кн. 295, 298, 299
Фальк Н. 246
Фальковский М. 245, 263
Фан Ю-Сян 296
Фармаковский Б.В. 111, 146
Фарнезе, семья 55
Федин К.А. 18, 19, 23
Федоров Л.И. 274
Федоров М.М. 490, 491
Федот (Федор), дворник в доме Павловых 158
Федотов Г.П. 24, 25, 97, 115, 116, 139, 700
Фейдер Ж. 244
Фейербах А. 137
Фельдман М.И. 227, 229
Фемистокл 411, 424, 425
Ферингер А.Б. 187, 193
Феррата Э. 126
Фесенко Т.П. 36
Фет А.А. 522, 523, 654, 656, 677
Фидлер Ф. 289
Филипп К. 231
Филиппов А.И. 218, 219, 221-226
*Филиппов (Филистинский) Б.А. 609, 629, 632, 635, 682, 686-688, 700
Филиппов, автор путеводителя 73
Философов Д.В. 304-308, 312-314, 319, 321, 323-325, 327-330, 332-334, 341-348
Флобер Г. 20
Флоровский Г.В. 292, 293
Фомин И. 227, 263
Фондаминский (*Бунаков) И.И. 139, 481, 486, 487, 545
Фонтана Д. 128
Форстер Э.М. 356, 357, 366
Форш О.Д. 20, 23
Фосслер К. 139
Франк В.С. 151
Франк С.Л. 120, 150, 151, 290

- Франс А. 352
 Франциск Ассизский 69, 117, 129
 Фрик Г.К. 129
 Фукидид 463, 466
 Фуше Ж. 435, 446
 Фюстель де Куланж Н.Д. 114, 148
 Хазан В.И. 487
 Халатов А.Б. 180, 204
 Ханжонков А.А. 231, 240
 Харитонов Д.И. 222, 231-233, 240, 243-245
 Харнак А. фон 122, 153
 Харрисон Дж.Э. 354-356, 363-365, 367
 Хвостенко А.Л. 705
 Хейбер Э. 477-584
 Хейфец В.Л. 715
 Хейфец Л.С. 715
 Хеск, директор зоопарка 184
 Хеллман Б. 703
 Хельчицкий П. 141
 Хемницер И.И. 354
 Хлебников В.В. 575, 618, 626, 643
 Ходасевич В.Ф. 24, 133, 134, 592, 595-599, 604, 608, 609, 619-621, 633, 634, 653-655, 657, 662, 665, 666, 668, 681, 686, 688, 690-692, 700
 Холодковский Н.А. 136
 Холодняк И.И. 103, 142
 Хомяков Г.А. см. *Андреев Г.
 Хохлов Н.Е. 608, 609
 Хрусталеv-Носарь Г.С. 466
 Хюглин К. 235
 Цветаева М.И. 365-367, 596, 608, 609, 647, 648, 654, 688, 698
 Цветковская Е.К. 322, 324, 325
 Цвибак Я.М. см. *Седых А.
 Целан П. 683, 684
 Цестий Гай 126
 Цетлин М.О. 519, 550, 552, 557
 Цетлина (по 1-му мужу Кривицкая, по 2-му мужу Доминик) А.М. 549, 550
 Цетлина (по мужу Прегель) А.Н. 533, 549
 Цетлина (урожд. Тумаркина, по 1-му мужу Авксентьева) М.С. 480, 483, 484, 533-537, 539, 541, 544, 546, 548-553, 555-557, 560, 561, 563, 565-571, 573, 574, 576, 609, 636
 Цетлины, семья 479, 480, 484
 Цингер А.В. 155, 167-173, 177, 178-188, 190-197, 200, 201, 202, 204, 205
 Цингер А.О. 187
 Цингер Алексей В. 177, 187, 204, 207
 Цингер В.Я. 204
 Цингер Г.И. 187
 Цингер И.В. 187
 Цингер Н.В. 171, 172
 Цингер О.А. 156, 164, 167-169, 171-173, 178, 181-188, 190, 192, 193, 200-203, 208
 Цингер Я.А. 203
 Цицерон М.Т. 104, 143
 Цицианов П.Ф., кн. 496, 497
 Цявловский М.А. 279
 Чаадаев П.Я. 283, 284
 Чайковский М.И. 629
 Чайковский П.И. 581, 627, 629, 654
 *Чарская Л.А. 12, 17, 22
 Чеботарева Т. 46
 Чеботаря (Чеботари, Чеботару, Чеботарь) М. 186
 Черемисов В.А. 437, 446, 447
 Черепи А. фон 203
 Черешня В. 705
 Черкасская М. 90
 Черкасская М.Б. 137
 Чернов В.М. 441, 449
 *Черный С. (Гликберг А.М.) 712
 Черный Э.В. 97, 140
 Черчилль У. 353
 Чехов А.П. 20, 22, 31, 568
 Чехов И.П. 196
 Чехов М.А. 206, 263
 Чехова О.К. 244
 Чехова М.П. 194, 196, 206
 Чивинини Г. 129
 Чижов, домовладелец, 159
 Чимабуэ 70
 Чиннов И.В. 33, 603, 604, 622, 623, 647, 660, 663, 672, 679, 680, 685-688
 Чирков Н.С. 638
 Чистова И. 277
 Чуковская Л.К. 698

- Чулков Г.И. 329, 330, 339, 340, 550
Чхеидзе Н.С. 462, 466, 472, 476
Шагинян М.С. 665, 667
Шак А.Ф. фон 94, 143
Шаляпин Ф.И. 490, 491
Шарк Р.Д. 352
Шаров П.Ф. 186, 188, 189, 190
Шатобриан Ф.Р. де 13, 58, 70, 287
Шах Е. 233
Шахатуни А. 227
Шаховская З.А. 31, 33
Шварц Е.Л. 700
Шверубович В.В. (Дима Качалов)
170, 173, 174, 209
Швинд М. фон 137
Шевырин В.М. 369
Шейх-Али Г.А. 75, 77
Шейх-Али М. 75
Шекаразина З. 679, 680
Шекспир У. 96, 266, 287, 499, 551,
552, 557, 569, 651
Шеллер-Михайлов А.К. 25
Шелли П.Б. 58
Шенкен Г. 99, 140
Шерон Ж. 585-693
*Шестов Л. (Шварцман Л.И.) 364,
365, 700, 709
Сехеразина см. Шекаразина З.
Шиловская С.Н. 543, 544
Шильдкнехт П.Н. 223, 226, 227, 266
Широва Е.Н. 499, 521
Ширяев Б.Н. 624
Шифрин С. 232, 233, 240, 265
Шишкин А. 270
Шишкин А.Б. 325
Шишкова А.С. 649, 650, 672
Шкаренков Л.К. 716
Шкловская З.Д. 712
Шкловский В.Б. 7, 365
Шкловский И.В. (*Дионео) 710, 712,
714
Шлезингер Ф.С. 480, 534
Шляпкин И.А. 102, 141, 142
Шмелев И.С. 155, 481, 541, 542,
554
о.Шмеман А.Д. 32, 34
Шмитт Б. 270, 271, 272, 277, 280,
281, 285, 288
Шнайдер-Крезо, военный промыш-
ленник 265
Шнайдер-Крезо, сын 265
Шолохов М.А. 542, 543, 549
Шомракова И.А. 713
Шостакович Д.Д. 712
Шпенглер О. 276
Шпитцер Л. 139
Шпицвег К. 137
Штейнберг А.З. 699, 708, 709,
Штейнер Р. 591-593, 601, 603, 700
Штиннес см. Стиннес Г.
Штирнер М. 30
Штраус Р. 47, 122
Штреземан Г. 240, 426, 431
Штрогейм Э. фон 263
Штюрмер Б.В. 464, 466
Шульгин В.В. 369, 373, 374, 388-390,
392, 399, 428, 429, 433-436, 445,
450, 451, 475
Шумихин С.В. 222
Шухов В.Г. 203
Шюре Э. 592, 593
Щедрин С.Ф. 37
Щербакова Р.Л. 340
Щербатова М. 156
Щербатовы, семья 156
Щукин И.И. 347, 348
Щукин П.И. 348
Щукин С.И. 348
Эйзенштейн С.М. 262, 263, 265
Эйхенбаум Б.М. 140
Эйхенвальд А.А. 183, 205
Эйхенвальд, семья 182, 186
Элиот Т.С. 25
*Эллис (Кобылинский Л.Л.) 269-290
Эль Греко 94, 137
Элькан А.М. 610
Эльцбахер, философ 330
Эльяшевич см. Ельяшевич В.Б.
Энгельс Ф. 353
Энгр Ж.О.Д. 83
Эпштейн Ж. 244
Л'Эрбье, режиссер 244
Эренбург И.Г. 7, 707
Эрнст С.Р. 112, 147
Эррио Э. 400, 401, 462, 466
Эткинд Е.Г. 29

- Этьеван А. 249
 *Эфер (*Росинский, *Иво-им; наст. фам. Афонькин) 640, 642
 Эшельман Р. 593
 Юденич Н.Н. 248, 438, 448
 Юлий II, папа 138
 Юренев П.П. 174, 175
 Юрьев С.П. 220
 Яблоновская Н.И. 520
 *Яблоновский (Потресов) С.В. 518, 520, 557, 562
 Якобсон Р.О. 30, 150
 Яковлев А.С. 21, 23
 Якубович М.В. (*Мара Гри) 265, 267
 Якубович (Крейн?) О. 265
 Янгиров Р.М. 217-268, 277
 *Яссен И. (Чеквер Р.С.) 610, 611, 640, 646, 647, 649, 650, 667
 Ястребов Н.В. 102, 141
- ***
- Ackerman G. 705
 Ainalov D.V. 146
 Albera F. 218, 229, 249
 Aldanov M. 519
 Anderson P.J. 353
 Andrea см. Андреа
 Augustinus см. Августин Блаженный
 Averincev S. 271
 Avvakum 354, 356, 366, 367
 Babel I. 364
 Vanine 531, 584
 Barbizan G. 520
 Baring M. 352
 Beauharnais см. Лейхтенбергская, герцогиня
 Beethoven L. van 359
 Bekker, сотрудник фирмы «WESTI» 253
 *Bely (Bjälý) A. 362, 363
 Berberova N. 582
 Bersancourt de см. Берсанкур
 Birnbaum H. 684
 Bloch см. Блох Н.
 Bock E. см. Бок Э.
 Böhm A. 276
 Bord, знакомая В.Ф. Нувеля 345
 Borger L. 238, 247
 Bott G.M.C. 353
 Boyd B. 7, 352
 Bradley G. 477
 Brown A. 477
 Brown A.J.C. 352, 353, 357-359, 361, 362
 Brownlow K. 239, 248, 260
 Brun M. 578
 Bühler, издатель 584
 Bunin I. 477, 519, 527, 540, 609
 Bunin V. 477, 609
 Burman V. von 274
 Cantipratani T. 152
 Caralt L. de 568
 Celan P. см. Целан П.
 Charques R.D. 352
 Chmelev I. 555
 Clark K. 8
 Claudel P. 34
 Coindreau M.-E. 584
 Coissac G.M. 260
 Connolly J. 8
 Cooper J. 361
 Cournos J. 351, 360
 Coutier L. 31, 36, 74, 96, 138
 Cunningham G.F. 692, 693
 Curtis J.-L. 547
 *D.L., *Dr. L.Lins, *Dr. Lins см. Кобилински-Эллис Л.
 Dauriat V. 544
 Davies D.A. 368
 Davies R.D. см. Дэвис Р.
 O'Dempsey F. 360, 361
 Deotto P. 42
 Dostoevsky F.M. 285, 359, 363, 367
 Dreyfus J. 355
 Duhamel M. 584
 Edmunds J. 477
 Eisenstein S.M. 705
 Ellis см. Кобилински-Эллис Л.
 Escassut B. 520
 Evans J. 124
 Fedoulova R. 519
 Fiedler F. 289

- Forster E.M. 356, 357, 365
Frank S.L. 290
Frank V.S. 290
Franklin N. 363
Frei G. 289
French W. 584
Gance A. 248, 260
Garnett C. 359
Garnett R. 354
Ginsburg M. 351
Gladkova T. 477
Glaserapp C.F. von 287
Golovine см. Головин С.С.
*Gorky M. 352
Goudy A.P. 352
Graham S. 593
Grifcov B.A. 42
Guenter J. von 289
Gumilev N. 593
Gydé см. Гиде
Haber E.C. см. Хейбер Э.
Harrison J.E. 354-356, 363, 364
Hauchard C. 527
Heckscher W.S. 126
Heiseler B. von 282
Heiseler H. von 282, 287
d'Herbigny M. 283
Herriot E. см. Эррио
Heywood A. 609
Hippius Z. 314
Howard J. 124
Iangirov R. 264
Il Сронаса см. Кронака
Imbert см. Амбер Е.
Ivanov G. 586, 634
Iversen E. 126
Jakobson R.O. см. Якобсон Р.О.
Janson H.W. 147
Jay L. 217
Jessenin S. 684
Johnstone J.K. 356
Joukowski W.A. 271, 275, 289
Journot M. 582
Joyce J. 361
Julliard R. 584
Kegan P. 363
Kelly A.M. 584
Keynes J.M. 356, 364, 366, 367
Keynes L. см. Лопухова Л.
Keynes M. 356
Khokhlov N. 609
Knies R. 271
Кнопф А.А. 362
Kobilinski-Ellis L. 269, 272, 275, 278,
284, 289, 290
Koteliansky 359
Kronsteiner O. 270, 277
Laubach J. 288
Lavroukine N. 352
Lee H. 354
Lenotr, франц. историк 261
Leonov L. 352
Leslie S. 353
Liatzky см. Ляцкий Е.А.
Lifar S. 277
Lolo (Мунштейн Л.Г.) 480
Lopatina E. 609
Lopokova L. 356, 364
Lossky N. 276
Lotman Iu.M. см. Лотман Ю.М.
Lubin P. см. Любин П.
Lucas M.V. 289
Lutgardis, св. 152
Luther A. 284
Machiavelli N. 140
Mager A. 270
Maklakov V.A. 368, 465
Malmstad J.E. 585
Mandel'shtam O. 364, 684
*Mara Grie 265
Marcadé J.-C. 477, 705
Margaretæ, блаж. 152
Markov V.F. 585, 586, 634, 684, 693
Marler R. 356
Martinoff V. см. Мартынова В.Р.
Masjutin W. 289
Miaslikoff M. 578
Middleton M.J. 359
Mikhailof см. Михайлов П.А.
Mirabilis Ch. 152
Mirrlees H.H. 354, 363
Mirsky D.S. 349-352, 354, 355, 357,
359-367
Mitrou J. 329
Muratov P.P. 42
Nabokov V. 352

- Odojevceva I. 586, 634
 Oignies M. de 152
 Ostrovsky N. 352
 Ottokar N. 134, 150
 Ottow F. 540
 Pachmuss T. 313, 334
 Panofsky E. 41, 147
 Paquin см. Пакэн Ж.
 Pasternak B. 352, 364
 Peacock S.J. 354
 Pilniak B. 352, 360, 361
 Platon 272
 Poljakov F.B. 269-271, 275, 277, 279, 282, 284, 289, 290
 Prentice C.H.C. 358, 359-361
 Puschkin A. 276-279, 282, 285, 287, 289
 Rannit A. 687
 Reed F. 568
 Remizov A. 351-354, 358, 360-362, 364
 Richards I.A. 365
 Rickword S.H. см. Рикворд С.Х.
 Riniker D. 477, 609
 Rocco A. см. Рокко А.
 Rochtchina H. 545
 Rose J. 353
 Rostovtzeff M. 143
 Rothe H. von 586
 Rothstein G. 477
 Rothstein R. 477
 Routledge G. 363
 Ruskin J. см. Рескин Дж.
 Russel B. 360
 Salvemini G. 355
 Sanger C.P. 360
 Savonarola J. 140
 Schahadat Sch. 271
 Schakhovskoy D. 555
 Schleber, издатель 584
 Schmitt B. 270, 272
 Schure E. см. Шюре Е.
 Scott B. 354
 Sédiff Z. 578
 *Shestov L. 364
 Shklovsky V. 364
 Shroyer M.D. 477
 Sinany H. 357
 Sippl C. 282, 284
 Skidelsky R. 356
 Slobin G.N. 351
 Smith G.S. 349-352, 354-357, 365, 367
 Solowiew W. 271, 272, 283, 290
 Sparks M. 693
 Spence R.B. 449
 Stape J.H. 357
 Steinbeck J. 583
 Stewart J. 354
 Strachey L. 356
 Strasser N. 363
 Strzygowski J. 148
 Suvchinskii P.P. 351, 352, 367
 Szydowski A. 477
 Taranovski K. см. Тарановский К.Ф.
 Tchaadaief P. 283
 Tchaikovsky P. 582
 Teffi N. 478, 484, 491
 Theakston A.B. 33
 Tolnay Ch. de 128
 Tompson K. 238, 247
 Tongour N. 368
 Tschizewskij D. 277
 Tsvetaeva M. 364, 366
 Tynianov Yu. 352
 Tyrkova-Williams A. 351, 352, 367
 Vasiliev A.V. 360
 Vitriaco J. de 152
 Vogt E. 275
 Vroon R. 585
 Wagner R. 287
 Walter R. von 270
 Warner O. 350
 Weidlé W. 28-30, 127, 130, 148
 Wenger A. 274
 Wiebeck L. 363
 Willich H. 269
 Willis J.H. 350
 Wilson D. 354
 Wolff, издатель 584
 Woolf L. 350, 354, 364, 365
 Woolf V. 350, 354, 356, 366
 Worringer W. 148
 Wulf O. 146
 Zarezkij N.V. 277, 278, 289
 Zeluck O. 511, 530
 Ziegler R. 271
 Zohrab I. 351, 352

АННОТАЦИИ

Наследие

В.Набоков. Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины оного. Публикация А.Долинина

Доклад, имеющий форму язвительного фельетона, был написан В.Набоковым в 1926 году для прочтения в Берлинском литературном кружке. Молодой писатель-эмигрант пристально рассматривает творчество своих советских коллег, находя его художественно убогим и несвободным. 2+15 с.

В.Вейдле. Воспоминания. Вступительная статья, публикация и комментарии И.Доронченкова

Историк искусства, художественный и литературный критик, впоследствии – известный журналист, более четверти века проработавший на радиостанции «Свобода», в ярко написанной книге воспоминаний повествует о своей первой поездке в Италию, оставившей след на всю жизнь и во многом сформировавшей личность автора. Затем следует рассказ об учебе в Петербургском университете в 1912–1916, запоминающиеся портреты учителей – И.М.Гревса, Ф.Ф.Зелинского, М.И.Ростовцева и др. Подробный комментарий и обширная вступительная статья уточняют его рассказ и дают обильный дополнительный материал. 22+77+31 с.

Мемуары Веры Павловой. Публикация И.Соловьевой

Соученица О.Книппер, И.Москвина, Вс. Мейерхольда, актриса Московского Художественного театра с его основания, Вера Павлова выехала осенью 1922 в Берлин, сопровождая на лечение больного мужа. Далее – сорок лет эмиграции: Германия, затем Франция. Попытки профессиональной деятельности, постоянная борьба с безденежьем. 10 писем к учителю – В.И.Немировичу-Данченко – дополняют искренний и живой рассказ. 2+48+11 с.

Статьи, исследования

Рашид Янгиров. В кадре и за кадром: Российские кинематографисты-эмигранты во Франции (1924–1930)

Основываясь на архивных разысканиях, а также материалах эмигрантской и иностранной периодики, автор восстанавливает историю создания знаменитой киноэпопеи Абеля Ганса «Наполеон» и рассказывает об участии в ее постановке российских эмигрантов. Попытки В.Венгерова организовать мировой киноконцерт и подготовка беспрецедентного соглашения

ния с Госкино СССР о совместной деятельности. Финансовый результат проката картины. 52 с.

Федор Поляков. Утраченная книга Эллиса о Пушкине (По материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.)

История создания Эллисом (Львом Кобылинским) биографической книги о Пушкине, приуроченной к столетию со дня смерти поэта. Безуспешные попытки опубликовать ее в русских эмигрантских издательствах, затем – в немецком переводе – в издательстве Р.Книса и других. Специфика издательской деятельности в Германии накануне Второй мировой войны. 22 с.

Б.С.Каганович. К теме: П.М.Бицилли и евразийцы

Автор прослеживает эволюцию воззрений известного историка и литературоведа на евразийское движение: от живого интереса в 1922–1923 до резкой критики в 1925–1926. Два письма Бицилли П.Н.Савицкому, обнаруженные в ГАРФ, подтверждают концепцию автора. 9 с.

Эпистолярная

Письма З.Н.Гиппиус к В.Ф.Нувелю. Вступительная статья, публикация и примечания Н.А.Богомолова

Представленная переписка в значительной своей части относится ко времени пребывания Мережковских за границей. Сначала это поездки для лечения и на отдых, затем – длительный отъезд в Париж с попыткой построить там особую интеллектуальную среду, «первая эмиграция». Публикация представляет особый интерес тем, что помогает определить границы между различными типами поездок за рубеж в предреволюционные годы. В приложениях – три письма Д.С.Мережковского и ранее не известные письма Нувеля к Д.В.Филофому. 6+40 с.

Неизвестные письма Д.П.Святополка-Мирского середины 1920-х годов. Вступительная статья, публикация и комментарий А.Б.Рогачевского.

Восемь писем, обнаруженных публикатором в английских архивах, существенно дополняют наше представление о лондонском периоде жизни «красного князя» Д.П.Святополка-Мирского. В письмах и богатой новыми фактами вступительной статье рассказывается о его издательских проектах, предисловии к переводу «Жития пророка Аввакума», журнале «Версты», а также попытках пристроить в печать английской перевод двух повестей А.М.Ремизова. В комментарии – подробная информация о событиях и людях. 9+10 с.

Десять лет спустя, или Переписка 1927 года: В.А.Маклаков и Б.А.Бахметев. Публикация, вступительная статья и комментарии О.В.Будницкого

Через десять лет после русской революции два бывших дипломата ведут глубокий разговор о политическом устройстве послевоенного мира, проводят сравнительный анализ европейской и американской социальных систем и, разумеется, размышляют о будущем демократической России, возвращаются к событиям недавнего прошлого. Читатель получает уникальную информацию из первых рук, в частности, о корниловском деле и обстоятельствах поездки В.В.Шульгина в СССР в 1925–1926.

4+105 с.

Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1939–1948. Публикация Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер

Продолжение начатой в первом томе «Диаспоры» публикации полного свода переписки. Позиция эмигрантов в годы оккупации, быт военного времени, судьбы друзей и коллег во время и после войны. Детальный комментарий помогает восстановить контекст событий, дает справки о малоизвестных деятелях русской эмиграции.

108 с.

«...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д.И.Кленовского В.Ф.Маркову. 1952–1962 гг. Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона

На протяжении десятилетия ведя оживленную переписку, два поэта обсуждают литературные новости, обмениваются мнениями о творчестве коллег, подробно разбирают свои и чужие стихи, даже затевают небольшую войну против засилья «парижан» в эмигрантском литературном мире. Журналы «Опыты», «Новый журнал» и «Грани», издательство «Рифма», многочисленные русские газеты... Подробный комментарий дополняет картину интенсивной литературной жизни русской диаспоры в послевоенные годы.

3+106 с.

Библиография

Материалы к библиографии Владимира Аллоя: Книги и журналы (1977–2001). Составитель Т.Притыкина

Список включает более 140 книг и журналов, вышедших во Франции и России.

9 с.

Анатолий Иванов. В туманном Альбионе

Подробный разбор седьмого тома из серии сборников, издаваемых М.А.Пархомовским в Иерусалиме, — «Русские евреи в Великобритании».

7 с.

О.Р.Демидова. Новая книга о зарубежной России

В рецензии детально рассматривается сборник материалов международной конференции «Культурное наследие русской эмиграции 1917–1939 гг.».

6 с.

ABSTRACTS

Heritage

V.Nabokov. A Few Words on the Mediocrity of Soviet Belle-letters and an Attempt to Establish the Reasons for it. Edited by A.Dolinin

This paper, in the form of a sarcastic feuilleton, was written by Nabokov in 1926 to be read at a meeting of a Berlin literary circle. The young émigré writer scrutinizes the work of his Soviet fellow-writers and finds it artistically mediocre and fettered. 2+15 p.

W.Weidle. Memoirs. Introduced and edited by I.Doronchenkov

In his vividly written memoirs, the art historian and art and literary critic, who later became a well-known journalist, working for over a quarter of a century for «Radio Liberty», tells about his first visit to Italy, which influenced the whole of his life and contributed significantly to the formation of his personality. This is followed by an account of his studies at St. Petersburg University in 1912–1916, including memorable portraits of his teachers I.M.Grevs, F.F.Zelinskii, M.I.Rostovtsev and others. The detailed notes and substantial introduction clarify his account and provide extensive additional information. 22+77+31 p.

The Memoirs of Vera Pavlova. Edited by I.Solov'eva

Vera Pavlova, a fellow-student of O.Knipper, I.Moskvin and V.Meierkhol'd and a member of the Moscow Art Theatre from its foundation, left Russia for Berlin in the autumn of 1922 accompanying her sick husband, who needed medical treatment. There followed 40 years of emigration, first in Germany and then in France, with attempts to continue her professional career and a constant struggle with poverty. Ten letters to her teacher V.I.Nemirovich-Danchenko supplement her vivid and sincere account.

2+48+11 p.

Articles, Studies

Rashit Iangirov. On and Off Screen: Russian Emigre Filmmakers in France (1924-1930)

Drawing on archival material he has discovered and also on the Russian émigré and foreign press, the author reconstructs the story of the making of Abel Hans's famous cinema epic «Napoleon» and tells about the involvement of Russian émigrés in the film. He also discusses V.Vengerov's attempts to organise a worldwide cinema company and the arrangements for an unprecedented agreement on collaboration with «Goskino USSR». Finally, he describes the box-office success of the film. 52 p.

Fedor Poliakov. A Lost Book about Pushkin by Ellis (Based on Unpublished Correspondence of 1934-1937)

The story of the composition by Ellis (Lev Kobylinskii) of a biography of Pushkin to coincide with the centenary of the poet's death and his unsuccessful attempts to place it with Russian émigré publishing houses and then, in German translation, with R.Knies and others. An account of salient features of publishing in Germany just before World War 2. 22 p.

B.S.Kaganovich. On the Subject of P.M.Bitsilli and the Eurasians

The author traces the evolution of the attitude of the well-known historian and literary scholar towards the Eurasian movement, ranging from keen interest in 1922-1923 to severe criticism in 1925-1926. Two letters from Bitsilli to P.N.Savitskii discovered in GARF support the author's view. 9 p.

Correspondence

Letters from Z.N.Gippius to V.F.Nuvel'. Introduced and edited by N.A.Bogomolov

A significant part of this correspondence relates to periods the Merezhkovskii couple spent abroad. Initially they travelled for health reasons or recreation, then they spent a long period in Paris trying to establish a special kind of intellectual milieu, their «first emigration». The publication is particularly notable for helping us to differentiate between various kinds of foreign journeys in the pre-revolutionary period. Three letters from Merezhkovskii and previously unknown letters from Nuvel' to D.V.Filosofov are appended to the publication. 6+40 p.

Previously Unknown Letters of D.P.Sviatopolk-Mirskii from the mid-1920-ies. Introduced and edited by A.B.Rogachevskii

Eight letters found by the editor in English archives significantly enrich our knowledge of the London period in the life of the «Red Prince» D.P.Sviatopolk-Mirskii. The letters and introduction, which contains many new facts, tell about his publishing projects, his preface to the English translation of «The Life of the Archpriest Avvakum», the journal «Versty» and also his attempts to place English translations of two novellas by A.M.Remizov with English publishers. Detailed information about events and people mentioned is given in the annotations. 9+10 p.

Ten Years on, or Correspondence of 1927: V.A.Maklakov and B.A.Bakhmetev. Edited and introduced by O.V.Budnitskii

Ten years after the Russian revolution two former diplomats discuss in depth the political situation in the post-war world, compare and analyse the European and American social systems and, as might be expected, meditate on the future of a democratic Russia, also revisiting events of the recent past. Readers will receive

unique firsthand information, particularly about the Kornilov affair and the circumstances of V.V.Shul'gin's trip to the USSR in 1925-1926. 4+105 p.

The Correspondence of Teffi and I.A. and V.N. Bunin, 1939–1948. Edited by Richard Davies and Edythe Haber

The continuation of the publication of the complete body of correspondence started in the first volume of «Diaspora», including accounts of the position of Russian émigrés during the Nazi occupation of France, everyday life during the War and the fate of friends and fellow-writers during and after the War. The detailed notes help recreate the historical context and provide information on little-known members of the Russian emigration. 108 p.

«... I Was Silent for 20 Years, but if Anything that Had a Positive Effect on Me»: Letters from D.I.Klenovskii to V.F.Markov, 1952-1962. Edited by Oleg Korostelev and George Cheron

Corresponding actively for ten years, two poets discuss literary news, exchange opinions on their fellow-writers' work, thoroughly analyze their own verse and that of others and even launch a small war against the domination of the émigré literary world by «Parisians». The journals «Opyty», «Novyi Zhurnal» and «Grani», the publishing house «Rifma» and numerous Russian newspapers are all discussed. The detailed notes broaden the picture given of the intensive literary life of the Russian diaspora in the post-war years. 3+106 p.

Bibliography

Towards a Bibliography of Publications by Vladimir Alloy: Books and Journals (1977–2001). Edited by T.Pritykina

The reference list includes more than 140 books and magazines published in France and Russia. 9 p.

Anatolii Ivanov. «In Misty Albion»

A detailed analysis of the seventh volume in the series published in Jerusalem by M.A.Parkhomovskii: «Russian Jews in Great Britain». 7 p.

O.R.Demidova. A New Book on Russia Abroad

The review examines in detail the published proceedings of international conference «The Cultural Heritage of the Russian Emigration, 1917–1939». 6 p.

Объявление

Альманах «Диаспора» и издательство «Феникс» ищут наследников Антона Ладинского, обладателей прав на публикацию его стихов и дневника 1920–1930-х годов. Обращаться по адресу: 125015, Москва, ул. Бутырская, д.9, кв.128; тел: (095) 285-60-40; E-mail: olegkor@online.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Наследие

<i>В.Набоков.</i> Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины одного. Публикация А.Долинина.....	7
<i>В.Вейдле.</i> Воспоминания. Вступительная статья, публикация и комментарии И.Доронченкова.....	24
Мемуары Веры Павловой. Публикация И.Соловьевой.....	154

Статьи, исследования

<i>Рашид Янгиров.</i> В кадре и за кадром: Российские кинематографисты-эмигранты во Франции (1924–1930).....	217
<i>Федор Поляков.</i> Утраченная книга Эллиса о Пушкине (По материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.).....	269
<i>Б.С.Каганович.</i> К теме: П.М.Бицилли и евразийцы.....	291

Эпистолярная

Письма З.Н.Гиппиус к В.Ф.Нувелю. Вступительная статья, публикация и примечания Н.А.Богомолова.....	303
Неизвестные письма Д.П.Святополка-Мирского середины 1920-х годов. Вступительная статья, публикация и комментарий А.Б.Рогачевского.....	349
Десять лет спустя, или Переписка 1927 года: В.А.Маклаков и Б.А.Бахметев. Публикация, вступительная статья и комментарий О.В.Будницкого.....	368
Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1939–1948. Публикация Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер.....	477
«...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д.И.Кленовского В.Ф.Маркову. 1952–1962 гг. Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона.....	585

Библиография

Материалы к библиографии Владимира Аллоя: Книги и журналы (1977–2001). Составитель Т.Прыткина.....	697
<i>Анатолий Иванов.</i> В туманном Альбионе.....	706
<i>О.Р.Демидова.</i> Новая книга о зарубежной России.....	713

Annex

Указатель имен.....	719
Аннотации.....	745

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Выпуск II

Ответственный редактор: Олег Коростелев
Редактор-издатель: Татьяна Притыкина
Компьютерная верстка: И.М.Курдина
Корректор: О.Э.Карпеева
Оформление: Алексей Гаранин

ФЕНИКС

ЛР № 064815 от 30.X.1966

Издательство «Феникс»: 191180, Санкт-Петербург,
ул. Бородинская, д.12

Заказы направлять по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, СПб., наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86; телефакс: (812) 346-16-33
e-mail: bulanina@nevsky.net

Подписано в печать 1.08.2001. Формат 60 x 90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 47,5 п.л. Тираж 1000 экз.
Заказ 4136

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, В.О. 9-я лин., 12

IGARRETA

Granada, 24 de Mayo de 1904
Granada, 24 de Mayo de 1904

Granada, 24 de Mayo de 1904